

НАРТХЭР
АДЫГЭ ЭПОС

НАРТЫ
АДЫГСКИЙ ЭПОС

ГУМАНИТАР КЪЭХУТЭНЫГЬЭХЭМКІ ИНСТИТУТ –
ФЕДЕРАЛЬНЭ КЪЭРАЛ БЮДЖЕТ ПУЭХУЦІАПІ «УРЫСЕЙ
АКАДЕМИЕМ И КЪЭБЭРДЕЙ-БАЛЬКЪЭР ЩІЭНЫГЬЭ ЦЕНТР»
ФЕДЕРАЛЬНЭ ЩІЭНЫГЬЭ ЦЕНТРЫМ И КЪУДАМЭ

АДЫГЭ ПУЭХУАТЭМ И АНТОЛОГИЕ ЗЭУЖЬ

НАРТХЭР

АДЫГЭ
ЭПОС

еџанэ тхылъ

БЭДЫНОКЪУЭ

ЩАУЕЙ

Налшык
2020

vk.com/circasbook

УДК 398.224
ББК 82.3 (=602.2)-6
Н30

ИГИ КБНЦ РАН-м и Щэнныгъэ советым и унафэкІэ къыдокІ

Щэнныгъэ редакторхэр:
Быхъурэ М.Ф., Гъут И.М. (редактор нэхъышхъэ), *Табищ М.А.*

Тхылъыр зэхэзүлхъахэр, текстхэр урысыбзэкІэ зээзыдзэкІыу
еIуэлIапхъэхэр хуэзытхыжахэр:

Быхъурэ М.Ф., Гъут И.М. (гупым и унафэцІ),
Нало З.М., *Табищ М.А.*, *ЦыпIынэ А.А.*

Пэублэ статьяхэр зытхар *Гъут И.М.*, *Быхъурэ М.Ф.*

Рецензентхэр:
филология щэнныгъэхэмкІэ доктор *БакIуу Хө.И.*
филология щэнныгъэхэмкІэ кандидат *Гъут Л.И.*

Н30 **Нартхэр. Адыгэ эпос.**
ISBN 978-5-91766-172-8
Ешанэ тхылъ. Бэдйнокъуэ. Щауей / тхылъыр зэхэзүлхъахэр, текстхэр
урысыбзэкІэ зээзыдзэкІыу еIуэлIапхъэхэр хуэзытхыжахэр: Быхъурэ М.Ф.,
Гъут И.М., [н.] – Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхылъхэр тедзэным щыхуагь-
эхъэзыр къудамэ, 2020. – Н. 582.
ISBN 978-5-91766-174-2 (т. 3)

Адыгэ ІуэрыIуатэм и антологие зэужым и къыкІэлъыкІуэ томым хы-
хъаш пасэрэй адыгэ лыхъужь эпосым щыщ нартхэу Бэдйнокъуэрэ (Шэ-
батыныкъуэ) Щауейрэ ятеухуа хыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ. Текстхэр
къыхэшыпкIац мы лыхъужжхэм ехъэлIа сюжет псори, хыбархэмрэ
пшыналъэхэмрэ щызекІуэ щынальэм и географиери, ахэр адыгэбзэкІэ
зэрызекІуэ диалектхэри тхылъым къишиын хуэдэу.

ISBN 978-5-91766-174-2 (т. 3)
ISBN 978-5-91766-172-8

© М.Ф. Бухуров, А.М. Готов,
вступительная статья, 2020
© М.Ф. Бухуров, А.М. Готов,
З.М. Налоев, М.А. Табищев,
А.А. Ципинов, составление, 2020
© ИГИ КБНЦ РАН, 2020

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
НАУЧНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

АНТОЛОГИЧЕСКИЙ СВОД АДЫГСКОГО ФОЛЬКЛОРА

НАРТЫ

АДЫГСКИЙ ЭПОС

третий том

БАДИНОКО

ШАУЕЙ

Нальчик
2020

УДК 398.224
ББК 82.3 (=602.2)-6
H30

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН

Научные редакторы:
Бухуров М.Ф., Гутов А.М. (главный редактор), *Табищев М.А.*

Составление, перевод, комментарии тома:
Бухуров М.Ф., Гутов А.М. (руководитель группы),
Налоев З.М., Табищев М.А., Ципинов А.А.

Вступительные статьи *Гутова А.М. и Бухурова М.Ф.*

Рецензенты:
доктор филологических наук *Баков Х.И.*
кандидат филологических наук *Гутова Л.А.*

H30 Нарты. Адыгский эпос.
ISBN 978-5-91766-172-8

Третий том. **Бадиноко. Шауей** / составление, перевод, комментарии
Бухурова М.Ф., Гутова А.М. [и др.] – Нальчик: Редакционно-издательский
отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. – 582 с.
ISBN 978-5-91766-174-2 (т. 3)

В очередной том серийного издания антологического свода адыгского фольклора включены сказания о младших богатырях архаического эпоса, богатырях-нартах Бадиноко (Шабатынько) и Шауее. Тексты подобраны таким образом, чтобы в издании были отражены все сюжеты, связанные с именами данных персонажей, география распространения сказаний и диалекты, на которых сказания бытуют.

H30 Narts. Adyghe epic.
ISBN 978-5-91766-172-8
The third volume. **Badinoko. Shawei** / compilation, translation, comments
by Bukhurov M.F., Gutov A.M., [etc.] – Nalchik: Editorial and Publishing
Department IHR KBSC RAS, 2020. – 582 p.
ISBN 978-5-91766-174-2 (т. 3)

The next volume of the serial edition of the anthological code of Adyghe folklore includes legends about the younger heroes of the archaic epos, the hero-narts Badinoko (Shabatynyko) and Shawei. The texts are selected so that the publication reflects all the plots associated with the names of these characters, the geography of the distribution of legends and the dialects in which the legends exist.

ISBN 978-5-91766-174-2 (т. 3)
ISBN 978-5-91766-172-8

© М.Ф. Бухуров, А.М. Гутов,
вступительная статья, 2020
© М.Ф. Бухуров, А.М. Гутов,
З.М. Налоев, М.А. Табищев,
А.А. Ципинов, составление, 2020
© ИГИ КБНЦ РАН, 2020

Быихъурә М.Ф., Гъут I.M.

БЭДЫНОК'ҮУЭРЭ ЩАУЕЙРЭ ЕХЬЭЛІА ХЪЫБАРХЭМРЭ ПШЫНАЛЪЭХЭМРЭ

ЩэнныгъэлІхэм ирагъэкIуэкIа къэхутэнныгъэхэм тепшIыхъмэ, нарт эпосыр ди деж къызэрсыам хуэдэу зэпэещынам ильэс мин бжыгъэ ихьа-уэ жыпIэ хъунущ. А зэманым къриубыдэу, IуэрыIуатэм зэрихабзэщи, абы зыщIишац цIыху гъашIэм и зыужыныгъэм кърикIуа дэтхэнэ зы къэхъугъэри, дэтхэнэ зы зэхъуэкIыныгъэри. Абы къикIрачи, эпосыр зэфIеувэнсыр къыгуэхыпIэ имыIэу епхац ар къэзыгъэшIа лъэпкъым и тхыдэм, къикIуа гъуэгүанэм, и гупсысэм, и хабзэм. Псалтьэм папшIэ, зэман жыжъэ дыдэм къызэрсыщежъям и щыхъэту къэлтытахъэш, абы дызышрихъэлIэ мотив, сюжет куэдым я къуэсхэр зэгуэр цIыхум хэлъя миф гупсысэкIэм, дуней еплтыкIэм пышIауэ зэрышыгтыр. **Псом хуэмыйдэ-жу** а зэпыщIенныгъэр иджыри зэрыбыдэр хыдолтъагъуэ эпосым и ублапIэ лъэхъэнэм – Амыц, Тхъэгъэлэдж, Лъэпш сымэ я циклхэм. Апхуэдэу па-срайххэш анэ лъэхъэнэм (матриархат) ижь зыщIиухахэу, иужькIэ цIыху зэхэтыкIэм зихъуэжу патриархатын щыхуэкIуэ лъэхъэнэм и «Iэужъу» Сэтэней, Сосрыкъуэ сымэ я циклхэм зыщызыубгъуа сюжет куэдхэри. Ауэ абы къикIыркъым зэфээшцу къызэдежъя пасэрэй пкъыгъуэ защIэкIэ нарт эпосыр гъэнщIауэ, атIэ, зэрыжытIащи, дэтхэнэ зы лъэхъэнэшIеми и лъэужъ абы къыхинац. Мыпхуэдэ Iуэху бгъэдыхъэкIэм тепшIыхъмэ, зи цIэ къитIуа лыхъужъхэм елтытауэ, Уэзырмэс, Батрэз, Ашэмэс сымэ «зэрынэхъыщIем» гу лъумытэу къанэркъым.

Мы къыжытIахэр кууэ щызэпкърыха къэхутэнныгъэ купшIафIэ куэд нобэкIэ щыIехэш. Ауэ абыхэм иджыри ээ кIещIу къыщIытедгъэзэжыр мы тхылъым и зэхэлтыкIэр къэтIуэтэн папшIэш. Къапштэмэ, ильэс зыбжанэ хъуауэ дгъэхъэзыр «Нартхэр. Адыгэ эпос» тхылъхэм я ухуэкIар зытегъэпсыхъари а нэшэнэхэрш: ахэр зэкIэлтихъаш, нарт эпосыр зэрызэфIеува, зэрызиуҗъя щыкIэр IупшIу абыхэм къишиын хуэдэу. Япэ тхылъым хыхъаш ублапIэ лъэхъэнэм къызэшIиубыдэ циклхэмрэ Сосрыкъуэ ехъэлIа, нэхъ пасэрэйуэ къалтытэ хъыбархэмрэ пшыналъэхэм-рэ. ЕтIуанэм къыщызэшIэкъуац лъэхъэнэкIэ абыхэм къакIэлтыкIуэ Уэ-зырмэс, Батрэз, Ашэмэс сымэ я циклхэр. Нэхъ иужьу зэпэещахэм ящышц нартхэу Бэдынок'үуэрэ Щауейрэ ехъэлIа сюжетхэр, мы ешсанэ тхылъым къыщыхъахэр. Мыпхуэдэу къышIалтыгтыми тегъэшIапIэ иIеш. Нэхъ па-сэу къэунэхуауэ дызытепсэлтихъа циклхэм къащхъэшцыкIуу, мы хъы-бархэмрэ пшыналъэхэмрэ сюжет къэзыгъэшI мотив нэхъышхъэу хэтхэр хэку хъумэнымрэ курыт лIэшIыгъуэхэм зекIуэлI нэсым бгъэдэлтын хуейуэ къалтытэ хъэл-щэн псори къэIуэтэнимрэш. Псалтьэм папшIэ:

«Зэпымыууэ къакIуэрэ хэкум лыы щызыгъажэу, мылъкур зезыпхъуэу, къулайсызыгъэрэ гузэвэгъуэрэ хэкум къизылхъэу щита чынтыдээ бий бзаджээр зэхиукIэри чынтым я лъапсэри Бэдынокъуэ и гэгъешицащ», – къышыжылац ми тхылъым хъыбархэм яшыщ зым (еплъ: 1 Йыхъэ, № 5), икIи абы наIуэ къешI хэку хъумэныр Бэдынокъуэ и къалэн нэхъышхэ дыдэхэм яшыщ зыуэ зэрыштыр. Арац хъыбархэм, пшыналтээм ми лъыхъужьыр сыйтим дежикI чынтыр и ныкъуэкъуэгъуу къышцЛыхъщыр. «Бэдынокъуэ къызэральхуам» (еплъ: 1 Йыхъэ, № 1) хъыбарым Бэдынокъуэ и анэми нарт Хэкур бийм шехъумэ. А псом къагъэлъагъуэ циклым ми Iуэхугъуэм мыхъэнэшхуэ зэрыритыр.

Амыщ мэз псэущхъэхэр къызэригъIэсэр, Тхъэгъэлэдж ху жылэр къызэрихутэр, Лъэпщ гъубжэр, Iэдер, уадэр зэрищыр, Сосрыкъуэ мафIэ къызэрихьыр къызыхэштиж сюжетхэм ебгъапщэмэ, мышхуэдэхэр күедкIэ яужь иту эпосым къызэрыхъям шэч хэлъкъым.

Мыбдежым дигу къэдгъэкIыжинц Сосрыкъуэ и бийм щыпэшIэуэкIэ, къигъэсэбэн Iэмалхэр. Пэжц, зы нарти зыпэмымльэшыну Iуэхугъуэшхуэхэм ар пэрохъэ, зы лыгъэ гуэр, къару, хахуагъэ хэмьльту, дауикI, мафIэ къихыну иныжь шынагъуэм деж кIуэркъым. Ауэ, нэхъышхъэу гу зылъытапхъэрэщи, иныжьым ар зэрытекIуэр бзаджагъэрэ мэггуу зэфIэкI бгъэдэлтыр къызэригъэсэбэшфымрэш. Апхуэдэу зэрыштым Сосрыкъуэ и пщIэр игъэлъахъшэуи пхужыIэнүкъым. Пасэрэй цЛыхум дежкIэ сыйт хуэдэ Iэмалпри (къарури, бзаджагъэри, мэггуу зэфIэкIри) лыгъэш, бийм утекIуэ закъуэмэ. Аращи, а зэман жыжъэхэм зэфIэува образын а хъэл-щэнхэр хэлъ хъуаш. КъыжыПапхъэш ми щытыкIэм и кIапэлъапэхэм Батрэз, Ашэмээ сымэ я циклхэми дызэрышрихъэлIэр. НэгъуэшIу жыпIэмэ, ми лъыхъужьхэри Iэмалым, бзаджагъэм щыхуекIуэ щыIеш, ауэ Сосрыкъуэ ехъэлIа сюжетым абы ирит мыхъэнэр мыбдежым къышотIасхъэри, лъыхъужьыгъэр, хахуагъэр ишхъэ къокIуэ, ми образхэр, абыхэм теухуа сюжетхэр нэхъ иуужыIуэкIэ зэрызэфIэувам и нэшэнэу.

Бэдынокъуэ «и лъэхъэнэм» лыгъээм и пщалъэу къалтытэр хахуагъэрщ, лъыхъужьыгъэрщ, абы къыххекIкIи бзаджагъэрэ IэмалкIэ бийм утекIуэнэм нэхъ емыкIу щымыIэу мэхъу. Абы ипкъ иткIэ ар зыхуэгъэпсари лыгъэ зехъэнырщ, апхуэдэу зэрыштыри ми пычыгъуэм IупщIу къыхош:

*Сэ сыгъуогу лъапэ лъыхъукъым,
Сынсэлтыхъуу щIалэжъым,
СылэгъунакIуэжъым,
Сэ сыйласэ щIалэжъым,
Сэ зекIуэ сыйкIуэнущи,
Гүусэ сымыгъуэт... (еплъ: 1 Йыхъэ, № 12).*

ГъэшIэгъуэнтраши, пшыналтээ псом и кIыхъагъкIэ ар къэзыгъэшIам игъафIэри, иIэтри апхуэдэ хъэл-щэнырщ, апхуэдэ шыфэлЛыфэрщ. А щытыкIэр иджыри зы щапхъэкIэ дгъэбелджылыну тфIэигъуэт:

*Ныртышихуэ шути, мэшиэс,
Терч иргээзых,
ПсыжськIэ щыицIокIыж.
Тхбуэжсуу щхъэицIыдээ кIыхъу
Шы лъэнкъыу зыицIэмыхъэжым*

*Къамыш щэ уэгъуэр ирех,
Хышихуэм хуэдии ар йожье,
Жъышихуэм хуэдии ар макIуэ... (еплъ: 1 Йыхъэ, № 12).*

Тхылъым ущеджэкIэ, гу лъумытэнкIэ Иемал иIекъым, Бэдынокъуэ хеъэлIа ИуэрыIуатэр мышхуэдэ щапхъэ куэдхэмкIэ гъэнцIауэ зэрыштым. Псоми я гугъу тхуэмыцIми, мы зы Иуэхугъуэм тэпсэлтыхын хуейуэ къыдолтытэ, мы лъыхъужьым и «дуней тетыкIэр» абы наIуэу къызэригъэльтагъуэм къыхэкIкIэ. Дызэрышыгъуазэщи, нэхъ пасэу зэфIеува циклхэм курыхыу щыпхышари пасэрэй мотивхэрш; Сосрыкъуэ ейм мафIэ къэхынымрэ лыгъэкIэ зэргъэунэхунымрэш (мы иужьрейр лъабжъэ хуэхъуаш Сосрыкъуэрэ Тотрэшрэ зэрызээзуам тэухуа пшынальэм; мышхуэдэ фIещыгъэцIэ сюжетым етта пэтми, Сосрыкъуэ текIуэныгъэр зэрызыIеригъэхъэр бзаджагъэш); Батрээрэ Ашэмэрэ ейхэм – лты ѢIэжынырш, е псоми дызышрихъэлIэ нысацIэ къэшэнэрыш. Пэжш, мыхэр псори лъыхъужыгъэкIэ гъэнцIац. Абыхэм къацхъэшыкIыу, Бэдынокъуэ и мурад нэхъышхъэр зытеухуар лъыхъусэж (рыцарь) нэсым бгъэдэлтын хуей хъэл-щэн псор – лыгъэр, хахуагъэр, къарур, бэшэчынагъыр, пхъашагъыр, зэПэзэрыйтынгъэр, адигэ хабзэм ткIийуэ тетыныр, н. – гъэльэгъуэнэрыш. Къапштэмэ, араш ар нарт хасэм ѢIэкIуэри.

КъызэрыIуэтам ѢIихъэуенгъэ бгъэдэлтэ пэтми, мы ѢIитыкIэ дыдэхэм Щауей и циклми дышрохъэлIэ. Абы и щапхъэ гъуэзэджэш, псальэм папшIэ, абы и шу гъусэхэр зэриущийр: «– Фэ зыщIылIэ фыкIуаэ фе-жъэмэ, «Шу гуп сыхуэзац», – жыифIэу зевмыт, <...> «Мор шу за-къуэц», – жыифIэу, фытегуихуэу зевмытиц, – жиIыт, жеIэ. Ар нартнэм яжриIэрт, жеIэ, ѢIэжыэкIэ, ежъэгъуэ къэсихукIэ» (еплъ: 2 Йыхъэ, № 5). Апхуэдэхэш гъуэгу здытетым зыхуэза шур еzym и деж хъэшIэу къыхуэкIуэу къыщицIэкIэ, и Iуэху къигъанэу къызэригъэзэжри, хабзэм тету ар зэригъэхъэшIэри, зекIуэ здришэжъэну къыщыжриIэкIэ, «хъэуэ» лъэпкъ къыхимыгъэкIыу, уеблэмэ, здашэри имыцIэу икIи ѢIэммыгушIэу хъэшIэм зэрыдекъяри, зэгъусэу бийм (иньжым) емыбгъэрькIуэу е ѢIехуу тэуэ мыхъуу, IуашхъэПалтэ иритрэ къриджэу лы закъуэу зэрышэув-ри, абы ѢIигъуэми, бийм и ѢIыгу ит пэтми, пауэр абы лъигъесу, зээзуэн хуей хъуми, хъуэшненшыгъэрэ бзаджагъэрэ зыхэппльхъэ хъунур имыдэу, лыгъэм, хахуагъэм къахыну псор япэ иригъэшрэ ахэр IупшI къэзыщI зэуэкIэр къыхихыу зэрыштыр, иньжым и шы гуартэр къыщахукIи, пхъэрым зыпецIигъэхуэну шы ужым зэриувэр, губгъуэ нэшIым къра-нэу уае къращIэкIыжа нэужьи, ѢIылэм е мэжэшIалIагъэм къигъэдзы-хэрэ къэмыхукIуэжу, атIэ ежъэну псальэ зэраритам къыхэкIыу, и гъусэ-хэм пэппльэу зэрышцыри, зекIуэлI зэрихабзэу, къихуа былымым ѢIы-жилэм зэрахуигуэши, нэгъуэшI куэдхэри. Мыбыхэм ягуоувэ Щауей и адэр псэууэ, абы унагъуэ унафрэ ИшIэлтэу къызэрыгъэлъэгъуари. Аүэ мыбдежым хъыбарыр «зыхушIэкIур» а хабзэ дахэр къэIуэтэжыныр ар-къудеиркъым. Дызэрышыгъуазэщи, мыбы ишэ къит лъыхъужхэм хэт и адэр мышсэужу езыхэр къальхухэр, хэти, иджыри псэуми, ямыцIыхуу къохъухэр. ЩIэнэгъэлIхэр зыхуэкIуа гупсысэхэм тэпшIыхъэм, адэн-шэу сабийр дунейм къытехъэныр е анэ закъуэм (фызабэм) ар ипIыныр къэзыIуатэ мотивхэм я къуэпсхэр анэ лъэхъэнэм (матриархат) къышо-жъэр, икIи, цыхум и къэухым зэрызиузэшI, я зэхэтыкIэм зэрызихъуэж елтытауэ, зэхъуэкIыныгъэхэр игъуэтурэ къогъуэгурлыкIуэхэр. Псалтьэм папшIэ, Батрээ иджыри ныбэм ильу и адэр къаукIри (апхуэдэш Аш-).

мэзи), Вакъуэ-нанэ епI. Бэдйнокъуэ и адэр псэу щхъэкIэ, щалэ ѵыкIу зэриIэр кърамыгъащIэу, щыунэм щапI. Абыхэм хуэдэкъым Щауей: и адэр псэущи, сый хуэдэ унафэри зыIэшIэлтээр араш. Абы и щапхъэш, псалтьэм папщIэ, Щауей хъэшIэ къыхуэкIуэу къышцищIэкIэ, ар гъэхъэшIа зэрыхъунум теухуауэ и адэм зэречэнджэшыр. Мыр ящышщ эпосым «щIэшыгъуэу» къыхыхъауэ щитахэм.

Къэтхъа щапхъэ зыбжанэхэмкIэ, даукI, къызэшIэкъуа хъуркъым, нэхъ иужьу къэунэхуауэ циклхэм къахъэш пкъыгъуэ псори. Ахэр күэдкIэ нэхъыбэш, ауэ апхуэдэу зэрыштым къикIыркъым, мы хъыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ пасэрэй мотив, сюжет ушримыхъэлIэххэу. Мыбы и лъэныкъуэкIэ гу зылтыатпхъеращи, ГуэрыПуатэм и хъэлщ, нэхъ пасэу къежъа хъыбархэм е пшыналъэхэм нэхъ иужьыГуэкIэ къэунэхуа пкъыгъуэхэр зыщIишэу, апхуэдэ дыдэуи пасэрэй пкъыгъуэхэр иужькIэ зэфIэувахэм къыхыхъэу. Мы иужьрейм и щапхъэу жыпIэ хъунущ дызытепсэлтыхъ Бэдйнокъуэрэ Щауейрэ я циклхэр. Псалтьэм папщIэ, зи лъапсэр жыжъэ къышцежъэхэм ящышщ Бэдйнокъуэ иджыри ныбэм иль щыкIэу и гыы макъыр зэрызэхахыр, Щауей иныжъыпхъум (мэзылIым и пхъум) къызэрилтхур, ахэр сабийуэ къэзылтхуахэм пэIэшIэ зэрашIыр (Бэдйнокъуэ ягъэкIуэдыну хыфIадзэ, Щауей и анэ Нэрыбгей щахъумену Гуашхъемахуэ лъапэ яхъри щапI, е пхъуантэм далъхъэхери псым хадзэхэр, н.), псынщIэу зэрыххъуэхэр, шыр, Гэш-фащэр къяГэрыхъэн папщIэ, зыпхыкI гъэунэхуныгъэхэр, Щауейрэ и хъэшIэмрэ я лъы щIэжыкIэри, нысащIэ къешкIэри, иныжъхэм, бгъэжь Ан-акъ сымэ я образхэри, нэгъуэшI күэдхэри. Ауэ абы къигъэлтагъуэркъым мы лъыхъужъхэм я циклхэр зэман жыжъэм щызэфIэуварэ мы пкъыгъуэхэр мыбыхэм я деж къышцежъауэ. АтIэ, къэхъуаращи, күэд щIауэ зэтевувауэ хъэзыру пасэрэй циклхэм хэтхэр мыбдежым къышыгъэсэбэпауэ арш. Псалтьэм папщIэ, еджагъэшхуэхэм къызэралъытэмкIэ (епль В.Я. Пропп, Дж.Дж. Фрэзер, Л.Я. Штернберг, н. я лэжыгъэхэм), телъыджа гъэхэлтъу сабийр дунейм къытхъэныр зэгуэр я фIэш хъууэ яГуатэу щытащ. Ауэ ѵыхум и зэхэшIыкIым, и къэухым зиужъу а фIэшхъуныгъэхэр нэхъ машIэ хъуа, е текIуэтыша пэтми, абыхэм къатепщIыкIыжа мотивхэр ГуэрыПуатэм къыхэнаш, художественнэ къалэн ягъэзащIэу: ар лъыхъужъ нэхъышхъэр къызэрыхагъэшхъэхуки, абы и образыр зэраIэт Iэмалхэм ящыш зы хъуаш. НэгъуэшIу жыпIэмэ, лъыхъужъ нэхъышхъэр мыдрейхэм хуэдэн хуейкъым, ар абыхэм къащхъэшыкIын хуейщ и дуней къытхъэкIэмкIэ (апхуэдэу псынщIэу зэрыххъуэмкIи, ныбэм ильу е гушцэхэлт сабийуэ къылтыкъуэкI лъыгъэхэмкIи, н.). Мы щытыкIэр «нэхъыжь дыдэу» къалтытэ лъыхъужъхэм я деж къышожъэ, иужькIэ къэунэхуа образхэм хэухуэна мэхъу. Абы щыгъуэми, нэхъзапеу къежъахэм деж ар къызэрыГуэта ѵыкIэм нэхъ пасэрэй тепльэ щIэш.

Нэхъ пасэрэйуэ икIи нэхъ ГушиГу мыр къызыхъэшыр Сосрыкъуэ и образырш – ар мывэм къыдахыр. АдэкIэ мотивым и лIэуҗыгъуэу эпосым нэхъыбэу зыщызужъхэм ящышщ, къызэрыгүэкI нартрэ (егъэлэяуэ къаруушхуэ зыбгъэдэлтш) миф лъэпкъ гуэрым къыхэкIа ѵыхубэрэ зэрышэрэ, я зэхуаку сабийр къыдэкIыу. Мыбдежым дигу къэдгъэкIыжинш, нарт щIалэм (Пызыгъэш) хы щIагь дунейм щыпсэу лъэпкъым щыш ємыгъээш-гуашэр (Мыгъээш-гуашэр) къишэу, Хъымышрэ Уэзырмэрэ (Орзэмэджрэ Имысрэ) абыхэм къызэралъхуар, Хъымыщым испыхъур щхъэгъусэ ишIу, Батрэз къазэрышIэхъуар. Абы къыдэкIуэу, Хъымыщи, Уэзырмэси, Батрэзи, Ашэмэз ящIыгъужу, дунейм къытохъэ, я адэхэр мыпсэужу. Мыбыхэм къащхъэшыкIыу, Бэдйнокъуэ

и адэри нартц, и анэри нартц, ауэ ЙуэрыIуатэм и хабзэмкIэ адрейхэм къаашхъэшызыгъэкI нэщэнэ гуэр мыбыхэмийн яхэлтын хуейши, и анэр зауэлIу, къару егъэлеярэ льыхъужьыгъэрэ бгъэдэльуу къэгъэлъэгъуаш – зауэлI фашэкIэ хуэпауэ чынтыдзэм поуври нарт хэкур бийм щехъумэ (еплъ: 1 Йыхъэ, № 1). Мыр нэхъыбэу зыдэлтъагъур эпосым и зыужыныгъэр щыужжых льэхъэнэрауэ жыпIэ хъунущ. Апхуэдэш нэхъ иужыIуэкIэ зэфIэувауэ къалтытэ Пагуэ и къуэ Тэтэрщауэ и образри: и анэ хъуну Пагуэ егъэлеяуэ къаруушхуэ хэлъши, езым хуэдэ цыхуххуу щхъэгъусэ ишцЫну къелтыххуу; псы адрышIым къикIа шу гупым апхуэдэр щыхилтъагъуэкIэ, ар псэуэгъу ешIри, сабии – Тэтэрщауэ – зэдагъуэт. Мыр дыдэр хыдолтъагъуэ нарт эпосым къыкIэлъыкIуа тхыдэр зи лъабжъэ льыхъужь эпосым и ѢэдзапIэ льэхъэнэми: Андемыркъан и дуней къытхехэкIар къэзыIуатэ языныкъуэ хъыбархэм къазэрыхэшымкIэ, мы льыхъужьым и адэр хитI зэхуакум щыпсэу, къару зэрамышIэж зыбгъэдэлт льы абрағъуещ. Щауей и ЙухукIэ жыпIэмэ, ар къызыхэкIамкIэ мы дызытепсэлтыхъахэм къазэрышхъэшымкIым гу лъумытэу къанэркъым: абы и адэ Къанж нартц, ауэ и анэр иныжыпхъущ (хъэмэрэ мэзылIым ипхъущ). Апхуэдэу Ѣышытыр хуэпхъ хъунущ, мы циклым хыхъэ хъыбархэр льыхъужь псысэм нэхъ пэгъунэгъуу, нэхъыбэу абы и нэщэнэхэр зыщIшауэ зэрышытым. Ауэ, дауэ мыхъуами, мыбдежми мотивым ѢигъэзащIэр ишхъэкIэ зи гугъу тщIа художественэ къалэн дыдэрш – Щауей и образыр хэIэтыкIынырш.

Зи къуэсхэр зэман жыжъэ дыдэм къыщежъэхэм яшыщхэш Бэдынокъуэ и адэр укIыпIэм къызэрытишамрэ жыы хъуар Жыыгъеибг едзыхыжыныр нартхэм зэрэзыхигъэнамрэ таухуа сюжетхэр. Къапштэмэ, я къэIуетэкIэ зэмьшхьми, сюжетитIри зэлтэпкъэгъущ – жыы хъуар укIыжыныр хабзэу нартхэм яхэлтуу зэрышытар, ар зэрышагъэтар къаIуатэу арш. ѢэнэгъэлIхэм къыжайахэр тегъэшIапIэ пщIымэ (еплъ, псальэм папщIэ, Дж.Дж. Фрэзер и лэжыгъэхэм), сюжетхэр къежъэным лъабжъэ хуэхъуаш, пасэ зэман жыжъэ дыдэм цыхум яхэлтуу щига хабзэ лIэужыгъуитI. Япэм и гугъу пщIымэ, а лъэхъэнэм псэуахэм я къэухым къызэритIасэмкIэ, зыщыгутъ ехъулIэнныгъэхэр (узыншагъэри, гъавэри, н.) къеуэлIэнныр зэлтъитар жылагъуэм я пашэрт. Абыхэм зэрагугъэмкIэ, фIы къыдэкIуэн папщIэ, ар узыншэу, фафIэу, къарууфIэу, зэфIэкI иIэу Ѣытын хуейт. Ауэ и ныбжъ хэкIуатэрэ а ѢытыкIэхэр дамылтъагъужмэ, насыпнышагъэ къаахуихыну къалтытэрти, ар ягъэкIуэдыхырт, и пIэми нэгъуэцI ирагъэувэрт. Хъыбар куэдым къызэрыхэшымкIэ, Бэдын нартхэм я нэхъ шу лъэрызехъэш, я тхъэмадэри, хасэм унафэ ѢызыщIри араш, ауэ жыы ѢыхъукIэ, нартхэм унафэ яшI, ар яукIыжыну. АршхъэкIэ Бэдынокъуэ къргэгъэл (еплъ: 1 Йыхъэ, № 23, 24, н.).

Еджагъэшхуэхэм къыжайам тепцIыхъмэ, лъэпкъ куэдым зэгуэр яхэлъаш етIуанэ сюжетым лъабжъэ хуэхъуа хабзэр: губгъуэрысIэпхъуэшапхъуэу зи гъашIэр зыхх пасэрэй цыхум къытхехэлтэу къыщIэкIынт, жыы хъуауэ мышэкIуэжыфыр, зи шхын къэзмылэжыжыфыр, лъэрымых хъуар ягъэшхэнүү, а зэрыс ѢышIэм къышсанэрти, езыхэр адэкIэ Iэпхъуэхэрт, мыдрэйри абдэж ѢыкIуэдыхырт. Пэжш, иджырей цыхум дежкIэ, дауикI, ар хабзэ мыхъумыщIеш, ауэ а лъэхъэнэм зэманыр зыIутыр арати, ар я псэукIэт. Мыбдежим къыхэгъэшыпхъэш, апхуэдэ лъэхъэнэ зэгуэр зымыгъэунэхуа лъэпкъыр зэрыгъуэтгъуейр: я жыкIэфэкIэр бгым Ѣадзыжу хъэмэрэ губгъуэм къранэрэ ежъэжу Ѣытауэ дуней псо тхыдэм къыхошыжыр. Псалтьэм папщIэ, Евразие континентышхуэм иса пасэрэй лъэпкъ Иэджэми, Америкэ Ипщэмрэ Ишхъэ-

рэмрэ зи псэупIэу щыта индейцхэми а хабзэр зэрахэлтам и тегъэшIапIэ куэд щыIэхэш. Бэдынокъуэ тухуа хъыбарми араш: Бэдын жын хъуаши, нартхэм я хабзэмкIэ, Бэдынокъуэ тажьджа ишIу, и адэр абы ису Жыгьеибг щидзыжын хуейщ. АрцхээкIэ, и адэр иукIыжыну игу темыхуэу, егъэпшкIури бгъуэншIагъым щепI (еплъ: 1 Iыхъэ, № 22, н.). Хъыбарым еджэм и гугъэнкIэ хъунш, пэж дыдэу лъэпкъым мыпхуэдэ хабзэ яхэлтэрэ ар IуэрыIуатэм к'игъэлъэгъуэжу. Къапштэмэ, сюжетыр хъыбарым лъабжъэ зэрыхуэхъуам к'ыдэкIуэу, апхуэдэу уригъэгупсысынри хэльщ, Жыгьеибг фIэшыгтэцIэр зэрихъэу ди щIынальэм бгы зэрыщиIэм.

ЩIэнныгтэлIхэм къызерахуташи, нарт хъыбархэм к'ытыIуэта Iуэхугъуэхэр, абыхэм дызыщрихъэлIэ лъыхъужхэр пэж дыдэу зэрыщиIам шэч къытрамыхъэу яIуатэу щытащ. А щытыкIэм к'ишащ, эпосым к'ыхэшыж фIэшыгтэцIэхэр щIышIэ куэдым щIагъуэтар. Апхуэдэхэш «ХъэрэмэIуашхъэ», «Лъэпш и к'ыш», «Лъэпш и уадэуапIэ», «Тхъэгъэлэдж и Iуашхъэ», «Хъудымыжь иуджыпI», «Сэтэнай и хъэку», «Сосрыкъуэ и к'антешэ гъуэгур», «Сосрыкъуэ и шы гъэджэгупIэ мывэр», испы унэр, нэгъуэцI куэдхэри. Жыгьеибгри апхуэдэу жыпIэ хъунуш. Сюжетыраши, мыр лъэпкъ куэдым зэIепахыу яхэлхэм щыщщ. Абы и щыхъэтщ Антти Аарнерэ Стиф Томпсонрэ (адекIэ – AT) псысэ сюжетхэм хузэхалхъя дуней по сюжетгъэлъагъуэр. Абы мы сюжетыр AT 981 бжыгъэмкIэ к'ытыгтэгъэлъэгъуаш. Дызэрышыгтэгъуазэши, мыпхуэдэ сюжетхэм я лъапсэм к'ытышIидзэр к'эхутэжыгъуейщ: зы щIышIэ гуэрым к'ышдэжжэу, зэIепахыурэ посом я дежи щызельшыса, хъэмэрэ лъэпкъхэм к'якIуа гъуэгуанэр зэрызэшхым к'ыхэкIуу, зэхуэдэу посом я дежи к'ыштыунэхуа – гурыIуэгъуэкъым. Ауэ, даа щымытами, ди IуэрыIуатэм хэтщ, нэхъыбэ дыдэу зыщызужжыхэми ящыщ зыщ – эпосым и мызакъуэу, псысэхэми куэду ушрохъэлIэ.

Мыбдежым тепсэлтыхыпхъэц нэгъуэцI зы Iуэхугъуэми. ЗэплъыгтэуэкIэ хъыбарыр хущIэкъуу к'ыштохъу, пасэ зэман жыжьэм щыIа хабзэжъыр к'иIуэтэжыну. Ауэ, дызэригугтэмкIэ, абы и мыхъенэр нэхъ куущ. ЗэрыжыгIащи, IуэрыIуатэм и хъэлц, гу зыльтуигъэтэну зыхушIэкъу Iуэхугъуэр художественнэ Iемал зэмьлIэужыгъуэхэмкIэ хиIэтыкIуу. Мис апхуэдэ к'ялэн и «шшэ к'ыдэхуэу» жыпIэ хъунущ мыбыи. Хъыбарым щIэлъ гупсысэ нэхъышхъэр зыхуэунэтIар зыщ: нэхъыжым нэхъ лъапIэ щыIэкъым, абы гъашIэ ильэгъуаш, и чэнджешхэри лъэпкъ посом дежкIэ щхъэпш, куэд зыльтэгъуам и писальэм джатэ Iепшэм к'ыхуэмыхъыр к'ихыынкIэ мэхъур. Бэдын псэууэ к'янэу чэнджецI к'яримытатэмэ, нартхэр гъаблэм ихыннут.

Къапштэмэ, жын укIыжыныр к'ызыыхъщ Iыхъэр хъыбарым хэмьтами, адекIэ сюжетым зэрызиужжымкIэ гурыIуэгъуэ хъунут, Бэдынокъуэ мы хабзэфIыр к'ызэрэрыгигъэжъар. Ауэ к'ызэрэрыгигъэжъар ар к'удейм фIэкIа к'ыштымыIуэтатэмэ, сюжетыр гъэцIэгъуэн ящымыхъуу к'уэдыхыгшэнри хэлтт. Араши, апхуэдизу лъэпкъым игъяфIэ, игъэлъапIэ хабзэр – нэхъыжым шшIэ хуэшIыныр – иIэтын, нэхъ нэ лейкIэ иригъэплъын папшIэ, хъыбарым едаIуэм и гур зыгъэпIейтей, сюжетым адекIэ к'ыштыхъунум упэзыгъаплъэ Iыхъэ япэ к'юувэ. Апхуэдэц «Нартхэм хабзэу яIэу щыташ, жын хъуар Жыгьеибг дахрэ щадзыжу», – жыхуиIэ щIэдзапIэр, зи гугту тщIа хабзэжъыр зи лъабжъэр.

Мы Iемалыр ящыщ, нэхъыбэ дыдэу, зэмьлIэужыгъуэ куэду зэтепшIыкIыжауэ IуэрыIуатэм к'игъэсбэпхэм. Апхуэдэ к'ялэн ягъэзашIэ хъыбарым е псысэм и щIэдзапIэм деж лъыхъужь нэхъышхъэр бэлэбанэу хуэпауэ, тхъэмьшкIэ унагъуэм к'ыхэкIауэ, лъэпкъи-

къупщхи имылэу, зэкъуэшицым я нэхъыццэрэ псоми я щилэнэклалтээу, щилалащэрэ (гущэхэль сабийуэ), зеклуэ здашэну дзыхь хуамыццуу къэгъэлъэгъуаэ зэрыштым. Ишхъэклээ зэрыжытлам хуэдэу, хъыбарым е пшиналтээм щилэдэлум мышхуэдэ лыхъужым занщлэу гу лъетэр, адэклээ абы и гъашцэр зэрыхъунур, и насып къихынур зригъэшцэнүү щилхъуэл, ар зэхихынами хуопабгъэр. Икли, зыри зэрышмыгугъяаэ, зыкъыэзкъуеши лыгъэшцлээ йохъэ, къарурэ хахуагъэрэ зэхъэллэн хуей. Ихъуэлхъуэхэр зэфилхъинам пэрохъэ, теклуэныгъэри зылэрегъыхъэ.

Псалтээм папщлээ, Щауей ехъэлла хъыбархэм мы лыхъужжыр мышхуэдэу къэгъэлъэгъуаш: «*Къанжэ и къуэ Щауейр шу фейцейт, мо санэхуафэ клуэ зэшилтлым я щхэм хуагъэфэшакъым, бэлэбанэр ягъусэну, ауэ шур яцлыхуртэкъыми зыри жырамылэу клуэхэрт*» (еплт: 2 Йыхъэ, № 8). Арщхъэклээ, сюжетым адэклээ зэрызиужьщи, абы къращлэклээ жэшний-махуий уаими къол, мэжэццэллагъри зыхуегъэшч, икли, нэхъыщхъеращи, я нэхъ нарт хъыжъау зыкъэзылтъйтэж зэшиллээр зыпэммыльэшар игъээшцэнүүр хузэфилок: тенджыз йуфэм щилэ алтын эмылыдажхэр къеху.

Мы щылкэм тету гъэбелджылащ Щауей и хъэшлэри (еплт: 2 Йыхъэ, № 5). Щилэдзаплэм деж ар шу мыхъэнэншэ щыллуу къэгъэлъэгъуаш. Ауэ, фэ лъэнкъ ирамыплту шууийм абы зыпрапщытлээ, зыкъыэзкъуеши шухэр зэтреуд, щхъэж иш трипхэжри ирихужжыаэ ихуу, Щауей къегъуэтых. «Шу мыфэммыцым» къылтыкъуэклээ къарумрэ хахуагъэмрэ къызэрылутар ар къудеймиклээ зэфилэклыркъым: бланагъэ зэрыбгъэдэлъым и нэцэнэу, жэц къэсихункээ езым зы гъэлъэхъу, и шым мэкъу Иэтэрэ йус къэпрэ яшхыу, хъэшлэгъуэ исынуш, мазэ псоклэ къэммыушу, зи-мыгъазэу жеинуш, нэхъыщхъеращи, Щауей гъусэ ищлэ пэтми, ар къегъянари, и закъуэу бий щылалтээм йохъэри иныжж шынагъуэхэм япоув.

Мыбдежым дэтхэнэ зы пасэрэй пкъыгъуэм и гугъу тхуэммыцами, къэтхья щапхъэхэмиклээ наилуэ хъуауэ къытщохъу, ахэр къыздежъар, нэхъ иужъкээ зэфилэува циклхэм къызэрыхыхъар, абыхэм щагъэзащлэ къалэнүүр, нэхъыщхъэжращи, иклем-иклэжим ныбжъкээ лъэхъэнэ зыхуэммыдхэм къышцежъа мотивхэр (пасэрэйхэмрэ иужърейхэмрэ) зэхэу-хуэна хъуклээрэ, Бэдйонокъуэрэ Щауейрэ ехъэлла йуэрылутэхэклээ нэгъэса къэгъэшлээ зэрыхъуар. А псом къикращи, зы лъэнлыкъуэклээ уеплтъэм, пасэрэй пкъыгъуэхэмиклээ циклхэр гъэнщлэуэ зэрыштыр и нэшэнэнш, нэхъялпэу зэфилэува эпос лъэужыгъуэм (нарт эпосым) мыхэр зэрыхийбидэм, нэгъуэшлээ лъэнлыкъуэклээ мы щытыллэм къегъэлъагъуэ миф филэшхъуныгъэхэм клуэ пэтми эстетическэ къалэн ягъэзащлэу хъурэ циклхэм зэлэпахыу къызэрыгъуэгурлыклюэр, уеблэмэ, иужъкээ къэунэхуу тхыдэр зи лъабжъэ лыхъужжэ эпосми зэрыхыхъэр. Андемыркъян лыгъээрэ хахуагъкээ къылтэшлэхъэ щылэхэл, йуэрылутэхэм пасэ дыдэу хабзэ хуэхъуахэм ящыщци, абы и дуней къытхэхэклээр зым ейми хуэдэхэл: бгъэ абрагъуэр тохуарзэ, хитлээ зэхуакум къидехри Къэбэрдейм къехь. Щауей хуэдэу ар «шу мыфэммыцу» къэгъэлъэгъуакъым, ауэ хъыбарым мы образыр хиэтыхын, абы гу лъыдигъэтэну «хүщлэгъури», мышхуэдэ нэшэнэ гуэр мыбыни кээрылтын хуейш, абы щыгъуэми мы жанрым къышылутахэр гъашцэм и пэжым пэблагъуэ зэрыштым мыри нэхъ къезэгъуу гъэпсаауэ. Хъыбар күэдым къызэрыхэшымиклээ, Андемыркъян къальхуащ, нэчыхх зимилээ щылмрэ унэлутымрэ. Циклэр щызэфилэува лъэхъэнэм ар йуэху къемызэгът, емыглүүшхүэт. Абы папщлэкли ар мыдрей пшыхэм йумпэм ящлуу къыхош. Арщхъэклээ «пшы къабзэхэм» мыбы и зэфилэхэм хуэдиз зыбгъэдэль гуэри къахэклыркъым. Ди зэманным нэхъ

пэгъунэгъужу зи циклыр зэпэща хъуа Къазэнокъуэ Жэбагты пэж дыдэу дунейм зэрытетари, щыпсэуа лъэхъэнэри, щыпПэхэри, уэркъ унагъум къызэрыхэкиари тхыдэтххэм къахутэжа пэтми, ЙуэрыГуатэм, зи гугту тщи художественнэ Иэмалым ипкъ иткIэ, абы и образын кIэрельхъэ, языныкъуэ вариантхэм къызэрыхэщымкIэ, блэ къешэкиауэ къальхуу. ДаукI, мыбы и къуэпсхэри миф гупсысэкихэм къызэрышежъэм шеч къыпхутехъэнукъым. Нэхъыбэу зызужаа къэГуэтэкиэу лъэпкъым зэрихъэрачи, Андемыркъан хуэдэу, мыри нэчыхыншэу къальхуу, ар щахъумэн папши бацэм кIуэцЛыгтуу яхьри мэлыхъуэ шынэм традзэ. Зэрынэрылъагъущи, пэжымрэ ЙуэрыГуатэм абы кIерильхъамрэ шурэ лъэсрэ я зэхуакуущ. Апхуэдэу ар къышГэгъэлъагъум и щхъэусыгъуэрачи, лъэпкъ писом игъафIэ лы Гушым и образыр къыхигъэбелджылыкIын папшиш: пэшГэдзэм деж лыхъужыр зыми емышхъ дуней къытхэекIэ и Иэу къэГуэташ, ауэ, зыри зэрышымыгугъяа, егъэлеяу губзыгъагъэрэ акъылышхуэрэ къылтыкъуокI. Мыбдежым дызытепсэлтыхъ Бэдынокъуэрэ Щауейрэ тЭкIу дыкъыбгъэдэкиар, дызыхунцЛэкъуар зыщ – пасэ дыдэм къышежъэу лъэпкъым игъэпса образ къэгъэшЛыкIэр, сюжет ухуэкиэр мыдэки къызэрахъэсыр наIуэ къэтшиин папшиш.

Сюжетхэм я зэхыхъекIэм, я цикл къэгъэшЛыкIэм тухуаа жышГэмэ, Бэдынокъуэрэ Щауейрэ ехъэлПахэр нэхъ кIасэу зэрызэфIевам тегъэшЛапIэ хуэхъу Гуэхугъуэхэми гу лъумытэу къанэркъым. Япэ лыхъужым и циклыр къэзыгъэшЛыр «Бэдынокъуэ и шыналтэрш», мыбы къепхыжашадрей сюжету хъуар. Мыхэр псори гупышхуитIу зэшхъэшыбгъекI хуунущ: 1) лыхъужым и гъашЦэр къызыхэшыжхэр; 2) япэ гупым хэмыхъэу, ауэ лыхъужым ехъэлПа сюжет щхъэхуэхэр.

Нэхъапэ зэфIевуваа къальтытэ дэтхэнэ зи циклми хуэдэу, япэ гупым шызэкилтыхъаш лыхъужым и дуней къытхэекIар, и сабийгъуэр (иджыри ныбэ илтүу и гыы макъ зэрызэхахыр, къэзылтхуахэм пэИешГэ зэрашшир (ягъэкIуэдныу зэрыхыфIадзэр), щэ зэрыфIашыр, зэрагъашхэр, гущэм къехуу зекIуэн зэрышЛидзэр, щынуунэм зэрышапIыр, псынцЛэу зэрыхэхъуэр, шымрэ Гэцэ-фашэмрэ къызэрыПэрыхъэр, и. къызыхэц мотивхэу зэхэтш), игъэхъа лыхъужыгъэхэр, дунейм зэрхыжар къэзыГуатэ сюжетхэр. Зэ еплтыгъуэкиэр мы щытыкIэм пыплхъэни пыпхыни щымыГэ хуэдэш: нарт эпосым и цикл ухуэкиэр хабзэм мыри тетш. Ауэ, нэхъ куууэ укIуэцГрыплъмэ, гу лъумытэу къанэркъым а ухуэкиэр мыбдежым «къызэрыштиГасхъэм»: лыхъужым и гъашЦэр псор – дунейм къыштихъам къышшишЛэдзауэ зэрыкIуэдыхам нэсиху – къигъэлъагъуэу курыхыу циклым шыукъуэдияу щытын хуеяр нэгъэсыпакъым. Тхылтым хыхъа хъыбархэм къызэрагъэлъагъуэши, Бэдынокъуэ зэраукиар къэзыГуатэ сюжет щхъэхуэ, псалъэм папшиш, Сосрыкъуэ ейм хуэдэу, щыЛэкъым. Мы Гуэхугъуэр наIуэ къэзышI Йыхъэр нэгъуэшI сюжетым, Джылахъстэн и пхъур Сосрыкъуэ къызэришам тухуам, пкъыгъуэ къудейуэ хэувэу арш. Абы къикIрачи, зэрыхуэбгъэфащэ хъунумкIэ, нэхъ пасэу къэунэхуа Сосрыкъуэ и циклым къышхъэшыкIыу, мыбдежым мыхъэнэ нэхъышхъэр зэтар лыхъужым и лыгъэмрэ хахуагъэмрэш, ауэ, эпосым и хабзэм мыри «тетын хуейши», а Гуэхугъуэри «ЛэшЛыб ищЦыркъым», пкъыгъуэ щхъэхуэ къудейкIэ фIэкиа абы гултытэ хуимышИми. Абы къыдэкIуэу, циклыр эшшЛэкIыжка «Бэдынокъуэ и шыналтэр» стиль и лъэнинкъуэкиэ лыхъужжэ эпосым и хабзэм тету гъэпсами, мыдрейуэ прозэу къэГуэтахэр поэтикэрэ стилкIэ лыхъужыгъэкиэ гъэншЛа хъыбарыжхэм нэхъ пэгъунэгъуш, а щытыкIэмкIи ахэр нарт эпосым къыкIелтыкIуа тхыдэр зи лъабжъэ лыхъужжэ эпосым нэхъ пэблагъэ мэхъуэ. Ахэри щыхъэт тохъуэ,

мы циклыр «ээрынэхъыщи»¹. Мыбы тепц¹ыхъмэ, щхъэусыгъуэншэу циклым къыхъемыхъау э жып¹е хъунущ нарт эпосым и къупхъэм къимыт¹асэ «Бэдинокъуэ зэрагъэжейуэ Ѣыта гущэ уэрэдри» (1 Йыхъэ, № 4). Псом хуэмыйдэу зи гугъу тщ¹ы нэщэнэхэр ядыдолъагъу ет¹уанэ сюжет гупым хыхъехэм. Псалтьэм папц¹э, Бэдинокъуэ лыхъужьыгъэ игъэхъэным и п¹эк¹э, шу гъусэ къудейуэ хъыбар куэдым къыхоощ. Апхуэдэхэш «Нарт Хъыжъэ и хъыбарыжъыр» (1 Йыхъэ, № 39), «Чэчанэ и къуэ Чэчанэ» хъыбарым и л¹эужуыгъуэхэр (1 Йыхъэ, № 40, 41, 42), н. Къаштэмэ, мышхуэдэ къалэн Щауен и пщ¹е къышыдхуэ Ѣыл¹еш: «Щаурэ и хъэш¹эмрэ» (2 Йыхъэ, № 4, 5) хъыбарым мы лыхъужьым Ѣигъэзащ¹эр дэлэпыкъуэгъу къалэнш.

Апхуэдэ дыдэу лыхъужъ псысэм и нэщэнэ куэди циклхэм зэш¹ашащ. Дызэрышыгъуазэщи, мы жанр л¹эужуыгъуэр эпосым къызэрышхъэшагъэ¹ Ѣытык¹эзыбжанэш¹энэгъэлхэм ягъэбелджылауэ Ѣыл¹еш. Кууэ а псоми дытемыпсэлтыхъми, нэхъышхъэу зыбжанэм я гугъу Ѣыл¹хъэш. Япэрауэ, эпосыр зыхуэунэт¹ар нартхэм я дунейр къэгъэлъэгъуэнэрыц. Ет¹уанэрауэ, эпосыр циклу – лыхъужьым и гъаш¹эр къышы¹уэта сюжетхэр зэк¹елтыхъауэ – зэхэтш. Ещанэрауэ, эпосым Ѣхъэхуэныгъэу бгъэдэльш, лыхъужъ нэхъышхъэр хэ¹уадэу зэрыштыр. Епл¹анэрауэ, эпосым дежк¹э Иемалыншэкъым, псысэм и бзэр къулей зыщ¹ Ѣэдзап¹э, курыт, к¹эух жыл¹эгъуэ зэрыл¹гъхэр къэгъэсэбэпыныр («Зы къуажэ гуэрим зы лыхъжъэр зы фызыжъэр дэст», «К¹уэм-лъейм, к¹уэм-лъейм, маш¹ээрэ к¹уа, куэрэ к¹уа...», «Тхъэрэ пооуэ къэнэжаш», н.). Къаштэмэ, Бэдинокъуэ ехъэл¹ауэ ѡапхъэу къэтхъа «Нарт Хъыжъэ и хъыбарыжъыр», «Чэчанэ и къуэ Чэчанэ» хъыбарыр, нэгъуэш¹ куэдхэри апхуэдэш: зы лъэныкъуэ¹ эхъябархэм я нэщэнэхэр бгъэдэльми, нэгъуэш¹ лъэныкъуэ¹ лыхъужъ псысэм пэблагъэ хъуаш. Бэдинокъуэ и циклым иджыри эпосым и Ѣытык¹э куэдир хэтлъагъуэ пэтми, Щаурэ ехъэл¹ам хыхъэ хъыбархэм, ахэр зы циклу къызэш¹эн¹арэ нартхэм я дунейр къыхэцу зэрыштыр къумылтъитэмэ, псоми лыхъужъ псысэк¹э уеджэми, ущыуэнукъым, апхуэдизк¹э ахэр мы жанрым пэгъунэгъу хъуащи. Аращи, Щаурэ и циклым увып¹ Ѣхъэхуэ иубыду – нарт эпосыр, тхыдэр зи лъабжъэ лыхъужъ эпосыр, лыхъужъ псысэр зэпзыш¹э, я зэхуаку дэт лъэхъэнэу – жып¹е хъунущ.

Мыбдежым нэгъуэш¹ зы йуэхугъуи къэлтыатапхъэш. Ар циклхэр, псом хуэмыйдэу Бэдинокъуэ ехъэл¹ар, адрей псысэ л¹эужуыгъуэхэм (тельиджэй, новеллэ псысэхэм) зыщызужъа сюжетхэмк¹э зэрыгъэнш¹арш. Антти Аарнерэ Стиф Томпсонрэ я сюжетгъэлтагъуэм тегъэш¹ауэ жып¹эмэ, мыбы дызышрихъэл¹хэм ящыщ¹ АТ 449 (тельиджагъэ зыбгъэдэль Ѣопцик¹мк¹э къоуэри, Бэдинокъуэ псэущхъэ зэмэл¹эужуыгъуэхэм я сурэтым ийхъэ; пщым и пхъур уд фызыжъ Ѣыл¹ум щехъумэ; мы иужьрейм и фыщ¹эк¹э Ѣыху мэхъуж (1 Йыхъэ, № 37)), АТ –976** (Бэдинокъуэрэ Сосрыкъуэрэ бажафэр зэрызэпаубыдар (1 Йыхъэ, № 45, 46)), АТ 981 (жыы ук¹ыжыныр нартхэм зэрызэханар (1 Йыхъэ, № 22, 23)), АТ 1137 (Хъэгъур тэухуа сюжет Ѣэры¹уэр (1 Йыхъэ, № 38)), н. Абыхэм къагъэлтагъуэ, нарт эпосымрэ псысэ жанр л¹эужуыгъуэхэмрэ мотивк¹э, сюжетк¹э, образ хъэл¹шэнхэмк¹э зэхъуажэу къызэрызэдэгъуэгурк¹уар.

Мыбдежым дызытепсэлтыхъа маш¹эм Бэдинокъуэрэ Щаурэ я циклхэм бгъэдэль Ѣхъэхуэныгъэ псор къызэрызэш¹амыкъуэми, апхуэдэу хъун папц¹и къэхутэнэгъэ куу зэрэгъэк¹уэ¹ын хуейми шэч хэлькъым. Ауэ къэтхъа ѡапхъэ зыбжанэри Ѣыхъэт тохъуэ, мы циклхэр нэхъ иужьы¹уэрк¹э зэпэща зэрыхъуам. Апхуэдэу абыхэм къагъэлтагъуэ

эпосыр мифологием къылкърыкIыу къикIуа гъуэгуанэм щыщу иужьрэй лъехъэнэм игъюета щытыкIери – зы лъэныкъуэкIэ тхыдэр зи лъабжээ лъыхъужь эпосым, нэгъуэшI лъэныкъуэкIэ лъыхъужьыгъэкIэ гъэнщIа псысэм лъагъуэ зэрыхишэр. Ауэ нарт эпосым и зыужыныгъэр мыбдежым кIэщу щыпичыуи пхужыIэнукъым. Мыбыхэм къакIэлъокIуэ мы нэшэнэхэр нэхъ IупшIыжу къызыыхэш, абы и мызакъуэу, мотиву, сюжету, образхэм я хъэл-щэну эпосым зригъэпещауэ хъуар «къызэшIэзыкъуэж» цикл зыбжанэ, хъыбар щхъэхуэ зыкъом (Алыдж, Пагуэ и къуэ Тэтэрщауэ, Архъэшэу, Джылахъстэн, Къущ, Тотэрэш, Адииху, Мэлэчыпхъу, н. тухуахэр). Мы тхылтыр зыгъэхъэзырахэм ди мурадщ, абыхэми зы том щхъэхуэ яхухэтхыну.

* * *

Тхылтыр щыдгъэхъэзырым дэ дыхушIэкъуаш, мыпхуэдэ къыдэ-кIыгъуэхэм пашщIэ щIэныгъэм къицтауэ нобекIэ щыIэ хабзэхэм ткIийуэ дызэрьтетыным. Абы ипкъ иткIэ, къэтхъя хъыбар, пшынальэу хъуар зератхыжа дыдэм хуэдэу теддзаш. ЗыгуэркIэ мыгурыйгъуэ гуэр хэтмэ, псальхэр, пычыгъуэхэр дэгъэхуарэ зэхэшIыгъуейуэ щытмэ, къызэрэзэгъкIэ ахэр дгъэнэхуэжаш, абы щыгъуэми апхудэхэр дэ зэрыдиIэдакъэшIэкIыр кърихэдгъэшыну дамыгъэ щхъэхуэхэмкIэ (<>, [], (), н.) къэдгъэлъагъуаш. Тхылтым кIуаш Iэрыйхыу, фонограммэу тхыжаяуэ ИГИ КБНЦ РАН-м и архивым щыхъумахэр, къыдэкIыгъуэ щхъэхуэхэм къытрадзауэ щытахэр. Текстхэр къынщыхэтщыпкIым къэтлъыташ и пэжыпIэкIэ къаIуэтэжу зератхыжам щыхъэт техъуэ нэшэнэхэр. АдэкIэ гулъытэ лей хуэтщIаш сюжетхэр нэхъ ирикъуу зерыштым, дэтхэнэми и бзэм бгъэдэлт къулеягъым. Сюжетхэр къыхэтхаш, къаIуатэ Iуэхугъуэ елтытарэ дэтхэнэ лъыхъужьми и гъашIэр (къышталхуам къыщегъэжжауэ дунейм щехыжам нэсыху) нэхъ ирикъуу къызэрэгъэлъэгъуэжам тешIыхъяуэ. Апхуэдэ дыдэуи яужь диташ адыгэр зыпцысэу дэтхэнэ зы щынналъэм щатхыжахэри мыбдежым къызэрэшыэшIэткъуэным, къызэралуэтэжа диалектым и дэтхэнэ щхъэхуэныгъэри зеритхъумэнэ. Абы къыхэкIаш зы сюжетым къытргъээжу зыбжанэрэ къышIэкIуэр. Текст къэсихункIэ урысыбзэкIэ зэддзэкIри къэзыIуэтэжар, зытхыжар, щатхыжка щIыпIэр, зэманыр, псальэ мыгурыйгъуэхэр, сюжет къэс бгъэдэлт щхъэхуэныгъэхэр наIуэ къэзышI еIуэлIапхъэхэри щIыдгъужаш. Тхылтым гуэдээн хуэтщIам тухуауэ жыпIэмэ, зэрынэрылъагъуши, мыбдежым къынщыхэтхаш хъыбарыр е пшынальэр къэзыIуэтэжахэр, зытхыжахэр, щатхыжка щIыпIэр IупшI къэзышI цIэ гъэлъагъуэхэр, урысыбзэкIэ зэдмыдзэкIуэ къэна псальхэм я псальалъэ, псальэ къэс я мыхъэнэр гъэбелджылауэ щыгъужу. Нотэхэр къитхаш «Адыгэ уэрэдхэмрэ пшынальхэхэмрэ» (Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под. ред. Е.В. Гиппиуса. Сост. В.Х. Барагунова и З.П. Кардангушева. М., 1981. Т. 2.) тхылтым.

А.М. Гутов, М.Ф. Бухуров

НАРТСКИЕ СКАЗАНИЯ О БАДИНОКО И ШАУЕЕ В ФОЛЬКЛОРЕ АДЫГОВ

Центральные герои двух циклов, которые представлены в данном томе, близки между собой в столь достаточной степени, что позволяет объединить их в одном издании. Прежде всего, здесь надо отметить их стадиально-типологическую близость. Это обнаруживается не столько в сюжетике и центральных мотивах сказаний, сколько в том, что сказания об обоих героях с полным на то основанием могут быть отнесены к одному и тому же этапу продуктивного периода эпоса. Если за основной принцип идентификации взять эволюционно-типологический ряд, устанавливаемый в соответствии с совокупностью названных выше параметров, то, без сомнения, образы нартов Бадиноко / Шабатыныко и Шауя следуют отнести к типам героев позднего периода продуктивной стадии формирования эпоса¹. В отличие от сказаний ранних циклов (Сатанейгуаша, Озырмес, Сосруко, Батраз, Ашамез) в сказаниях о героях позднего периода формирования архаического эпоса мотивы, непосредственно связанные со спецификой мифологического мышления, чаще всего, отодвигаются на периферию, вместо них на первый план выходят сюжеты и мотивы, либо имеющие с мифологией опосредованную связь, либо настолько адаптированные к подлинно художественному изложению, что элементы архаического мировосприятия осознаются в них не иначе, как сознательно или неосознанно используемый художественный прием. Это не исключает отдельных случаев обращения к мифоэтическому пласту народной культуры, что мы увидим в отдельных сюжетах, посвященных и нарту Бадиноко, и нарту Шауею.

С точки зрения типологии названные признаки сближают между собой и сюжеты двух циклов, и в некоторых случаях повествовательную стилистику, и, как следствие, образы самих главных героев. Но при этом важно учитывать, что персонажи двух циклов функционально не дублируют друг друга, каждый из них сохраняет собственные индивиду-

¹ Мы должны здесь пояснить, что различаем два варианта толкования понятия «продуктивный период». Первый, который мы имеем в виду в данном случае, предполагает весь временной промежуток живого функционирования жанра, поскольку каждый случай исполнения произведения в русле традиции сопряжен с творчеством, в которое входит и варьирование на уровне сюжета и даже характера исполнения. Второй вариант, согласно Б.Н. Путилову, допускает стадиальный отрезок, в течение которого наиболее интенсивно формируется основное сюжетное ядро эпоса с его центральными мотивами, типами центральных персонажей, спецификой отражения действительности, особенностями художественного стиля и языка. В данном случае сочетание «продуктивный период» мы употребляем во втором его значении).

альные особенности, имеет свой особый характер связи с архаическим и более поздним, историко-героическим, пластами всего многоциклического нартского эпоса. В данном отношении сказания о нартах Бадиноко и Шауе, при всех своих расхождениях в сюжетике и даже поэтике, образуют некое относительное единство, что вполне оправдывает объединение данных циклов в одном томе в структуре настоящего издания.

* * *

Нарт Бадиноко (Бадинокъуэ, пшы Бадынокъуэ – Пши Бадиноко, Шэбатыныкъо – Шабатыныко) один из наиболее популярных герояев адыгской версии нартского эпоса. Его можно считать одним из этнически выраженных героев адыгской версии: имя Бадиноко / Шабатыныко и связываемые с этим персонажем сюжеты более всего сконцентрированы в адыгских сказаниях. Правда, число сюжетов, которые устойчиво связываются с его именем, не столь велико, как, например, сюжеты, так же устойчиво относимые к циклу нарта Сосруко. Но благодаря тому, что сказания о данном герое имеют весьма широкое распространение в адыгской среде на всей территории исторического расселения и компактного проживания адыгов и известны в множестве вариантов, по общему уровню популярности он уступает, разве что тому же нарту Сосруко, которому часто противопоставляется в сказаниях его цикла. (Здесь мы должны заметить, что некоторые сюжеты зафиксированы в циклах об обоих названных героях, чему мы видим объяснение в частичном сходстве функций. Например, таков сюжет об избавлении героем отца от ритуальной расправы. Однако это имеет весьма ограниченное хождение и число подобных сюжетов сравнительно невелико). Стадиально образ нарта Бадиноко / Шабатыныко правомерно относить к героям более позднего периода продуктивной жизни адыгского архаического эпоса. Это в немалой степени определяет его амплуа как героя, образ которого выражен более однозначно, нежели образы таких персонажей адыгского эпоса как Сатаней-гуаша, Сосруко, Батраз, Ашамез. Нарт Сосруко, как один из наиболее архаических героев эпоса, характеризуется не только богатырской силой и мужеством. Он также наделяется отнюдь такими «нерыцарскими» с нашей точки зрения чертами как обладание магическими свойствами, хитрость, коварство, вероломство. В образах нартов Озырмеса, Батраза, Ашамеза эти качества, «объективно» оцениваемые обществом как негативные, не занимают столь большого места, и это, как мы предполагаем, обусловлено более поздней стадией их формирования как эпических персонажей. Однако и здесь в ряде поступков названных героеv налицо и хитрость, и элементы магии, хотя здесь они не являются такими выраженными, как в образах Сатаней-гуashi или Сосруко. Если признать принцип моральной оценки поступка за исходный при определении стадиального положения всего цикла, то формирование образа Бадиноко / Шабатыныко завершилось еще позже, чем формирование образов Озырмеса, Батраза, Ашамеза, поскольку для данного героя вовсе не характерно прибегать к магии, хитрости или вероломству. Как отмечается многими исследователями адыгского эпоса этот персонаж олицетворяет идеал подлинно благородного наездника – сильного, мужественного, справедливого, всегда честного и несколько прямодушного (последнее становится и причиной его гибели). И это сближает его образ с идеальным образом средневекового рыцаря.

Вместе с тем, как не раз отмечалось многими исследователями, сказания, традиционно ассоциируемые с данным образом, могут иметь и весьма архаические источники. Так, например, два сюжета, которые чаще всего связываются с избавлением престарелого отца от ритуальной расправы или же от сбрасывания его со скалы, однозначно указывают на древнейшие обычаи, отмеченные у разных народов мира. Это сюжеты из числа т.н. «культурных деяний». Первый из них весьма напоминает прекрасно описанный Дж. Фрейзером архаический обычай наследования власти, когда от вождя-предводителя, помимо проницательного ума, требовались совершенно определенные физические качества – достаточная сила, ловкость, выносливость, способность к воспроизведству и т.д. Это возводит истоки мотива к широко распространенным у многих народов мира представлениям и правилам жизни, характерным для верований членов первобытного общества и их представлениях о жизненном цикле. В свою очередь, многие атрибуты этих представлений весьма близки к универсальной мифологической модели, в центре которой стоит древнейший миф – об умирающем и воскресающем боге: герой (у нас это отец героя) изолируется от привычной среды (уезжает из дома на хасу нартов, где его ожидает ритуальное умерщвление), жена снаряжает для его спасения сына (это и есть герой в сказании адыгов), который побеждает нартское сообщество и вызволяет своего отца, восстанавливая этим статус-кво. Изложенное не означает, что сказание явилось зеркальным отражением древнейшего периода истории народа-носителя эпоса. Речь может идти только о том, что Нартиада как феномен художественного словесного творчества, отразила в данном сюжете древнейшие представления, причем, средствами искусства.

Не менее ранние, а, возможно, еще более древние истоки правомерно увидеть в сюжете об упразднении обычая сбрасывать стариков со скалы *Жъыгъеибг* (букв.: Скала оплакивания стариков). У многих древних народов мира зафиксировано правило избавляться от стариков или немощных людей разными способами. Так, древние японцы также сбрасывали стариков со скалы. Американские индейцы и некоторые кочевнические племена Азии оставляли своим немощным старикам или больным провизию на первое время и сами уходили в другие места, оставив своих ослабевших сородичей на произвол судьбы, а вернее – на верную гибель. Рациональное объяснение этому обычая, представляющемуся в наше время однозначно жестоким и диким, – невозможность на определенной стадии своего развития, а именно в пору ведения примитивных форм хозяйствования и добывания средств жизнеобеспечения, содержать старых и больных соплеменников.

Однако древнейшие мифоэпические мотивы, как известно, способны к трансформации и могут существовать даже тогда, когда породившие их объективные обстоятельства и базирующиеся на них представления давно уже перестали быть актуальными и вышли из обихода. Возможно, в данном случае, как и во многих других, когда речь идет о мотивах архаического эпоса, мы имеем дело с глухими отголосками ритуализованных сакральных действий и тех вербальных компонентов древнего ритуала, которые давно утратили свое магическое значение, секуляризовались и стали полноправными феноменами словесного искусства.

Элементы архаики можно отметить и в ряде других сказаний цикла о данном герое. Но все же типология образа определяется не по отдельным мотивам, а по комплексу признаков, устанавливающих основную

тональность повествования. В данном случае, конечно же, есть все основания для того, чтобы, как мы выше отмечали, относить этого героя к числу персонажей поздней стадии формирования эпоса. Об этом свидетельствует и центральный в данном цикле «Пшинатль о нарте Пшинбадиноко»: основной пафос его не добывание блага (как, например, в сказании о добывании огня нартом Сосруко), не богатырское соперничество («Бой Сосруко с Тотрешем»), не кровная месть (пшинатли о нартах Батразе и Ашамезе) и не богатырское сватовство (которое рельефно просматривается во втором сюжетном плане многих сказаний о богатырских подвигах), а демонстрация рыцарских достоинств – богатырской силы, красоты, суворого нрава, этикетных достоинств. Можно полагать, что архаические элементы в большинстве случаев их проявления в цикле Бадиноко / Шабатыныко не стали стадиальными идентификаторами героя, а явились не более, чем исходным, подсобным «строительным материалом» для формирования всего цикла. С одной стороны, они определяют жанровую принадлежность сказаний о данном герое к архаическому нартскому эпосу, с другой – они же обеспечивают межжанровый континуум, подводя поэтику, тематический ряд и повествовательную стилистику эпоса от системы представлений мифоэпического характера к эстетическим характеристикам позднего эпоса, который вызревал в недрах более древнего жанра. Еще одним аргументом в пользу высказанного суждения надо признать структурные особенности прозы в данном цикле: если «Пшинатль о Бадиноко», центральный в своде текстов, выдержан строго в стиле героико-эпической традиции (лиро-эпическая форма), то целый ряд из прозаических сказаний, посвященных данному герою, типологически и стилистически более близок к преданиям о наезднических подвигах, и это прямо сближает их с поздним эпосом. В свете этого не представляется случайным появление в данном цикле протяжной по форме исполнения «Колыбельной, под которую укачивали нарта Бадиноко».

Как и в циклах, посвященных Озырмесу, Батразу, Ашамезу и некоторым другим героям адыгской версии «Нартов», эпическая «биография» нарта Бадиноко намечена рельефно: довольно подробно разработаны сюжеты или сюжетные элементы, посвященные рождению героя, его детству, воспитанию, первому появлению на хасе нартов. Но все же эта линия до конца не доведена, если законченным циклом считать совокупность сказаний, которые возможно расположить в последовательности – от рождения до героической гибели героя. Заметим, в то же время, что если в циклах о Батразе и Ашамезе вся биографичность заключается в мотивах о рождении, богатырском детстве и первом подвиге (далее действия героя «нанизываются», но не располагаются в соответствии с его жизненным циклом), то в данном случае все же есть мотив гибели главного героя (он погибает при осаде крепости или селения упрямого отца девушки, не желающего во исполнение своего обещания выдать дочь за нарта Сосруко). Однако мотив гибели все-таки не является в данном случае центральным и сюжетообразующим, а всего лишь сопутствует другому, который и выполняет роль ядра повествования. Поэтому мы склонны считать, что биографический принцип в группе сказаний о нарте Бадиноко не доведен до такой степени завершенности, которая налицо в цикле о старшем нарте Сосруко. Уместно будет заметить, что и в сказаниях о таком бесспорно архаическом персонаже как Озырмес / Орзамес мы не находим прямого описания гибели героя; вместо этого

представлен сюжет о последнем подвиге этого нарта, заключающийся в применении постаревшим героем военной хитрости по отношению к исконным врагам нартского племени. Поскольку то же самое отмечается и относительно ряда других героев, можно полагать, что потребности в этом народ-носитель эпической традиции не осознавал: для него было достаточно того, что и чудесное рождение, и героическая гибель, и ряд других непременных атрибутов эпической «биографии» героя были с достаточной основательностью разработаны в отношении к центральному герою, нарту Сосруко. Во всех других циклах было достаточно более или менее выраженных «опорных» нарративов, не обязательно повторяющих все основные моменты из эпической жизни персонажа, но намечающих, пусть и пунктиром, основные вехи и специфические отличия.

Как и образы других богатырей-нартов, а возможно даже более последовательно, образ Бадиноко сопоставлен (порою и прямо противопоставлен) в сказаниях с образом центрального героя адыгского эпоса Сосруко. Мы полагаем, что это явилось одним из способов идеализации героев более поздних циклов: если оказывается, что малоизвестный для аудитории богатырь в чем-то важном превосходит нарта Сосруко, самого знаменитого из эпических героев, это уже повод для того, чтобы обратить на него внимание. Разумеется, такой прием идеализации одного персонажа, как мы смеем полагать, мог повлечь за собой и некоторое снижение образа самого любимого в народе центрального героя, гораздо более других идеализированного в целом ряде сказаний и эпических песен. Однако, как ни парадоксально, подобная «девальвация» не особенно затрагивала цикл о самом нарте Сосруко, а происходила в рамках циклов о более поздних богатырях. Это обеспечивается относительной автономией каждого цикла в системе условностей всего эпоса: в центре внимания, а значит и в качестве объекта наибольших симпатий, аудитории представлен главный герой цикла; за пределами же данного цикла действует уже иная шкала оценок, которая фокусирована на другой персонаж как исходный. Поэтому в сказаниях адыгского эпоса, как, впрочем, и в эпосах других народов, получается так, что в сюжетах, посвященных ему, центральный герой данного цикла (например, нарт Сосруко) остается всегда могущественным и любимым, а в сказаниях о каком-либо другом герое он уже персонаж периферийный, и могущественным и близким к эпическому идеалу оказывается тот персонаж, которому эти сказания посвящаются. При сохранении многих атрибутивных признаков, которые определены в посвященных ему сказаниях, в «чужих» циклах, как правило, богатыри утрачивают свое определяющее значение. Это общее правило не ведает исключений и в данном случае. Более того, оно получает дополнительную мотивацию тем, что «младший» герой откровенно противопоставляется своему «старшему» собрату, и это становится одним из приемов его идеализации.

* * *

Сын Канжа Шауей, единственный сын Нарыбгеи – это устойчивая формула, содержащая полное имя данного эпического героя. Цикл сказаний о нем принято причислять к типологически наиболее поздним, так же, как и сказания о Бадиноко / Шабатыныко. Между тем, как и в сказаниях об этом нартском богатыре, здесь при ближайшем рассмотрении сюжетов, традиционно связываемых с именем этого героя, неслож-

но обнаружить, что налицо характерный для некоторых других циклов симбиоз мотивов весьма архаического происхождения со сказочными мотивами, очевидно, относительно позднего времени возникновения.

Так, например, в сказании о женитьбе отца героя налицо целый ряд весьма древних мотивов, восходящих к мифоэпической системе ранних форм словесного творчества. Это образ уродливой мифической великанши, которая сшивает две кромки ущелья; она же выдает за нарта, ищащего себе невесту, свою, похожую обликом на себя, дочь; сюда же правомерно отнести образ орла, который похищает невесту героя. Таковы же и мотивы кровной мести, сопровождаемые жутким с современной точки зрения отрубанием головы противника в качестве трофея и ритуальным выпиванием крови врага. Столь же архаичны и стадиально мотивированы некоторые другие эпизоды, устойчиво представленные в вариантах сюжета о рождении героя. Неслучайны и, отнюдь, не сказочны (т.е. никак не являются плодом осознанного вымысла), а мифологичны в своем генезисе мотивы борьбы героя и его таинственного товарища с фантастическими великанами иныжами. Элементы магии характерны также для образа кузнеца Дабеча, представленного в цикле в качестве деда героя, и для помощников героя или его противника (трехногий жеребец, крылатый конь и пр.).

С другой стороны, герой представлен как идеальный тип наездника относительно позднего типа. Он беспрекословно принимает необычайные и трудновыполнимые условия содержания неведомого гостя, не расспрашивая его ни о чем, а полностью вверяясь ему и подчиняясь его воле, как лицу, обладающему правом гостя. Затем он, так же, не задавая никаких вопросов, отправляется вместе с незнакомцем по первому его зову в поход-зеко и послушно исполняет все поручения того, вмешиваясь в борьбу только в момент крайней необходимости и по сигналу-призыву со стороны своего подопечного. Этим он в идеальной форме воплощает канонические заповеди кодекса идеального наездника, соблюдающего *адыгэ хабзэ*, т.е. свода правил поведения раннефеодального адыгского наездника.

Достойно быть отмеченным, что залогом полной органичности сочетания настолько разностадиальных представлений в пределах одного эпического цикла является мотив кровной мести, один из центральных в сказаниях о данном герое. Как известно, вендетта как явление традиционной культуры имеет сравнительно древнее происхождение, но она оказалась весьма жизнеспособной, адаптировалась к изменяющимся обстоятельствам и со всякого рода трансформациями сохранялась в гораздо более поздние эпохи у разных народов мира, в том числе и на Кавказе. На протяжении многих столетий кровная месть оставалась у многих народов одним из общественных институтов, не исчезая со сменой формаций, а лишь приспособливаясь к обстоятельствам. Она явила сюжетообразующим фактором и в нартских сказаниях, и в сказке, и в историко-героических преданиях. Художественное значение данного феномена не в самом мотиве, а в форме его выражения, и эта форма всякий раз видоизменяется – не просто для разнообразия форм, а, прежде всего, для выражения разных элементов его содержания.

Как можно предположить, судя по отмеченным признакам, цикл нарта Шауяя действительно сформировался в своей основе на поздней стадии продуктивного периода адыгского нартского эпоса. Во всяком случае, завершение продуктивного периода сюжетообразования централь-

ных сказаний цикла произошло довольно поздно. Но вполне очевидно, что «строительным материалом» для его становления послужили мотивы, отдельные образы и система представлений достаточно древнего происхождения, сохранившиеся в художественной системе мифологии, сказки, а частично перешедшие в легенды и предания. Поэтому в целом в образе нарта Шауя обнаруживаются разностадиальные компоненты, хотя доминируют черты не архаические, а более характерные для раннефеодально-рыцарских отношений (например, скромность в поведении, идеальное исполнение героя функции бысыма по отношению к гостю, а затем «помощника» в борьбе с противником).

Несмотря на кажущуюся легкость стадиальной идентификации отдельных персонажей и мотивов, как те, так и другие могут быть весьма сложны по природе. Например, далеко неоднозначны образы противников, в роли которых выступают великаны-иньжи или огромный орел-людоед. Таинственный гость героя впоследствии не только оказывается женщиной, но еще и женщиной, способной превращать ночь в день, а день – в ночь, то есть она обладает магическими способностями, и это также указывает на архаические корни образа. Можно предположить, что подобные персонажи вошли в эпос из богатырской сказки, которая, в отличие от героического эпоса, гораздо менее синкретична, нежели героический эпос, и в большей степени ориентирована на вымысел. По сути, весь цикл, посвященный Шауею, более, чем сказания о других эпических героях, близок к богатырской сказке, что обнаруживается не только в тематике и отдельных образах, но и в поэтике.

Так, все сказания о данном герое зафиксированы только в прозе, и это сближает их с повествовательной стилистикой сказки. Характерна в данном плане употребительность в текстах ряда типично сказочных медиальных и финальных формул (*напр.: кIуэм лъейм, кIуэм лъейуэрэ – едут-скачут, едут-скачут / едет-скачет...; куэрдэ кIуа, машIэрэ кIуа – долго ли ехали, мало ли ехали...*). Но проза типична и для преданий в циклах историко-героического эпоса, которые нередко могут иметь прямые параллели с действительностью. Речь в данном случае идет о характере отношений к реальности таких категорий как время и пространство в тексте эпического повествования, то есть об отношении к *правде* как категории философского плана. Вернее, встает вопрос, что признавать за правду в цикле сказаний о герое, где фигурируют и великаны, и женщина с фантастическими способностями, и герой, который представлен весьма близким к образу стихийно-реалистического плана. Мы разделяем точку зрения тех ученых, которые считают, что носитель мифо-эпического сознания не задается вопросом о том, сколько здесь правды, а сколько сознательного вымысла. Правда и вымысел не расчленяются, то и другое принимаются как данность. Вернее, «установка на невыдуманность» не предполагает прямой альтернативы между вымыслом и подлинной правдой. Как и в сказаниях о других героях адыгского нартского эпоса, в данном случае более всего уместным нам представляется термин, введенный М.И. Стеблиным-Каменским *синкретическая правда*.

В данном плане рассматриваемый цикл, по своим основным атрибутивным признакам относящийся к героическому эпосу раннеклассического типа, располагается в пространстве, смежном с древними мифэпическими нарративами и поздними историческими сказаниями. Отсюда их равная близость по форме, характеру сюжетосложения и особенно-

стям поэтики и к богатырской сказке, которая тяготеет к осознанности вымысла как творческой манере, и к преданиям, которые нередко имеют прямые параллели с реальной действительностью. По данной причине в одном сюжете органически соединены разнохарактерные и разностадийные по своей типологии мотивы.

Некоторые из них, возникшие в лоне мифологического сознания, находят новую интерпретацию. Например, мотив одиночества в древних мифоэпических нарративах связывается с образом «культурного героя», призванного создавать не только блага для общества, но и сам этот мир. В сказаниях о нарте Шауее / Карапашауее этот мотив имеет совершенно иную функцию: одиночество в разъездах интерпретируется как его бесстрашие или же невозможность найти среди племени нартов достойного сподвижника. Данный мотив весьма близок другому, так же архаическому по своей природе – *безотцовству эпического героя*. Но в данном случае этот мотив неактуален: родословная героя по отцовской линии устойчиво определяется в целом ряде вариантов сказаний о Шауее. Более того, имя отца входит в устойчивую формулу как компонент полного имени героя: «Сын Кажа Шауей, единственный сын Нарыбгеи». Уместно для сравнения напомнить фактическое «безотцовство» таких мифоэпических персонажей как Сатаней-гуаша, Тлепш, Тхагаледж, Амыш, эпизодичность образа отца в цикле нарта Сосруко, периферийность образа отца в циклах об Озырмесе, Ашамезе, Бадиноко.

Есть основания полагать, что вполне определенная по фольклорным записям «эпическая генеалогия» Шауея – свидетельство сравнительно более позднего периода формирования цикла сказаний о нем. На это наталкивает приведенная устойчивая формула полного имени и весьма «нетрадиционное» отношение матери к своему ребенку, а сына – к матери. Она пожирает своих детей, и героя от такой участи спасает только хитрость третьего лица. Сам же он держит свою мать на привязи, поскольку, став свободной, она способна принести много вреда. Достаточно устойчиво определяемый отец – явление для нартского эпоса нечастое. Заметим, что главный герой адыгского эпоса нарт Сосруко чаще всего именуется или воспитанником, или сыном Сатаней-гуаша. Имена отцов таких нартов как Озырмес / Орзамедж, Ашамез и даже Бадиноко / Шабатыныко или варьируются (свидетельство позднейшей «идентификации», которая не успела вписаться в многовековую традицию) или же связанные с ними сюжеты не разработаны. Исключение в данном плане составляет отец Батраза, нарт Хымыш, но это проблема, заслуживающая специального рассмотрения. При этом характерно, что воспитание героя и его наставление – прерогатива женщины (Сатаней-гуаша, Вако-наны, безымянной матери или воспитательницы). Очевидно, что патрилокальная «эпическая генеалогия» героя как прием его идеализации – явление позднего периода продуктивной стадии эпического творчества.

Из других этноязыковых версий Нартиады сказания о Шауее / Карапашауее более всего популярны в карачаево-балкарском фольклоре. Некоторые образы, представленные в данном цикле, можно признать результатом совместного художественного творчества двух соседних этносов, объединяемых многими иными признаками общности. В данном отношении цикл сказаний об этом герое представляет собой один из примеров совместного творчества разноязычного коренного населения Кавказа или же генетической общности культур этих народов. С одной стороны, значительное число совпадений в именах, сюжетике, отдель-

ных образах эпических героев соседних народов свидетельствует об общих истоках ядра цикла (это и имена, и конкретное воплощение мотива поисков суженой, и описание великанши-матери невесты, и нравы матери героя). С другой – достойна внимания география распространения сказаний о данном герое в среде адыгов. Она охватывает весь ареал их традиционного расселения – от современной Кабарды до Причерноморской Шапсугии.

Заслуживает также быть отмеченным, что первое упоминание о на-рте Шауе (*«Канже и сын его <...> Шауе»*) мы находим у Шоры Ногмова (*История атыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора Бекмурзин Ногмовым. – Тифлис: 1861, с. 47*), одного из первых просвещенных адыгов, который многие годы занимался собиранием и изучением феноменов адыгской народной культуры. Последние же записи сказаний о нем произведены в конце XX столетия. Изложенное можно рассматривать как бесспорное свидетельство довольно широкой популярности данного эпического персонажа. Тем самым, это еще один веский аргумент в пользу наиболее вероятного кавказского происхождения как данного цикла сказаний, так и нартского эпоса в целом как явления народной культуры.

* * *

При подготовке материалов мы стремились сохранить все сколько-нибудь важные особенности как в написании имен, так и вообще в графике. Транслитерация, которая была необходимой при подготовке записей XIX в., выполнена с максимальной фиксацией языковых (фонетических) особенностей источника. Область, в которую мы позволили себе более смело вмешиваться, это пунктуация и разбивка на слова, фразы и иногда предложения. В случаях, когда мы считали это целесообразным и не нарушающим целостного представления, иногда допускали собственное деление текста на предложения. При этом случаи, когда отдельные слова или целые выражения оставались непонятными, мы предпочитали оставлять текст без изменения, а предлагаемое нами прочтение выделить особо.

Редколлегия несет солидарную ответственность за подбор и научную текстологическую подготовку всех материалов. При этом за кабардинские материалы персонально ответственны А.М. Гутов и М.Ф. Бухуров, а за тексты на западноадыгских диалектах – М.А. Табишев. Комментарии к текстам составлены А.М. Гутовым или совместно всеми членами редколлегии. Указатели (исполнителей, собирателей, населенных пунктов и пр.) составил М.Ф. Бухуров.

Янэ Йыхъэ
БЭДЫНОКЬУЭ
(ПЩЫБАДИНОКЬУЭ, ШЭБАТЫНЫКО)

Часть первая
БАДИНОКО
(ПШИБАДИНОКО, ШАБАТЫНЫКО)

Считаем необходимым отметить, что произношение имени героя и его написание разными собирателями имеет варианты, причем порою сильно различающиеся. Так, у западных адыгов чаще всего герой имеется *Шэбатыныкъо – Шабатыныко*. Восточные адыги (современные кабардинцы и черкесы) называют данного персонажа *Бэдынокъуэ – Бадиноко* или же *Пицыбэдынокъуэ – Пшибадиноко*. В записях последняя форма встречается и в приведенном виде, и в форме *пицы Бэдынокъуэ – пиши Бадиноко*. Семантика форманта *пицы-* восходит к слову, которое имеет значения *князь, предводитель, старейшина*. В контексте эпического повествования более предпочтительно второе из названных значений – предводитель. Случаи, когда форму *Шабаданоко – Шабатыныко* используют кабардино-черкесы, можно объяснить влиянием со стороны носителей западных диалектов; здесь свою роль сыграло то, что в первой половине XIX в. масса кабардинцев ушла со своих земель и поселилась на реке Лабе, рядом с носителями диалектов современного адыгейского языка. Полагаем, что еще до начала деятельности по собиранию и публикации адыгского фольклора происходило некоторое обособление фольклорных традиций, и это отразилось, прежде всего, на языке – разделением на диалекты. В середине XIX в., когда начались работы по собиранию образцов адыгского фольклора, произошло нечто вроде воссоединения западноадыгской и восточноадыгской фольклорных традиций, что и получило свое отражение в варьировании имени данного героя.

1. БЭДЫНОКЬУЭ КЪЫЗЭРАЛХУАР

Бэдйнокъуэ нарт лъэпкъым къыхэкъаш. И анэри нарт лъэпкъущ, и адэри нарт лъэпкъущ.

Нартхэм бийжь бзаджэ яІэу, куэрдэ зауэ къращылІэу щыташ. Зы зэман гуэрым хъыбар ирагъещаш, нартхэм я бийм я деж кГуэуэ езэуэну гурыль зэращамкэ. Зы тэлай дэкІри, нартхэм хъыбар зэрырагъещаш хуэдэу хъыбари кърамыгъашІэу, жэуали кърамытыжу, биижьыдзэр нартхэм зэрымышІэу къатеуаш. Нартыжхэм хабзэу яхэлтэ, зээзэуэну бийм палъэ ирату, хъыбари ирагъашІэу: «Дывэзэуэну дынэкІуэнуущ мышхуэдэ зэмамын», – жаІэрэ. АришхэкІэ бийм хабзэр икъутэри: «Нартыжхыпкъ ткъутэнщ, нарт хэку тхъунцЛэнш», – жаІэри нарт хэкум къихъаш. Бийр залымт, гушЦэгъуншэт, щыххыншэт, хэкум гузэвэгъуэ къральхъаш. Нартхэр зы мацуэрэ зы жэшрэ бийм езэуауэ, шцэддэжыжь пшэкІэплъыр къышцишІым,

И хъэ самырыр бгъурыдзэу,
И бгъэ гъэсахэр щхъэрыйдзагъэххэу,
Тхъуэ-къараашІэу блапшэ щхъэ гъуру
ІэкІуэцІрыжым тесыххэу,
И бжыпэ уэгъуэр лы уэгъуицэ пэлтъйтэу,
Зригъэлъэтэхым, къашыргъэ пшэхуу,
И афеху джанэр зыщыпшІу,
Езыр гу ищI-бгы ищIу
Шу ябгэр къольыс,
Хъэ самырыбэри еутIыпшІ,
И джатэ Іэпшэр егъэз,
Биижьыбэдзэри егъэгулэз,
Гузэва нартхэми ягу мэзэгъэж.
Бий гуашІэр гъеру йошIых,
Къахыхъа закъуэр нартхэм ямышІэ,
ЗэрагъещІэнри ялъэкІкъым,
Бийр хъэдэ лъэрышIыкІыу щIыпIэм къренэ,
Псэуэ къина закъуэм нэIурыдзэныр ныхуешI,
«Хъыбар ягъашІэ», – жыхуйIэу,
Іэ гупэ уэгъуэри хуешIыжри
КъыздиkIа лъахэми иутIыпшыжш.

Нартхэм щIэхыу хасэ къашIри зэпрадзыжу зопсалтэ: «Дауэ къэтшІэн, дауэ зыхэтшэн мы шу ябгэу шыбгырыдзэр?» – жаІэрэ мэчэнджащэхэр. Нартыжку зэхүэсахэм Сосрыкъуя яхэтт, ауэ зыри жиIэртэкъым, жыжъэу яхэтIысыкIат. Сосрыкъуэ бгъэдыхъэхэри ечэнджащыну къышрагъажъэм, зыри яхужимыIэу, щагъетыжаш. Нартхэр зэпсалтэ мыхъумэ, жэуап зэщамыгъуэту зэхэтт.

Зи щхъэр ямышІэу
Зи лыгъэр къашIа
Гъусэншэ шур къэсри
Хабзэ бащэр и нэIурыту
Нарт зэхэтхэм къашыхэпсихэм,
Сосрыкъуэ къышылтээри еубзэррабзэу,
Бзэ IэфI и бэшэныр и фэу
Бгъэдэлъэдаш.

Фіэхъусыр зэфІэкІуу
ФыщІагъэр шрагъэбекІым,
Нарт дамыгъэм къыГуигъэплъахәш:
— Сэри сывихэку цыыхущ,
Нарт щауэгъуу къысчуейм сыкъигъуэтинш.
Псалтьэр вгъэгунашцІэу,
Іэшэр вгъэхъэулайу фызэрызэхэтыр
Ди хэку къезмыгъекІуу,
ДызэкІунуу къысфІэмьшцІ,
СыкъэвмышцІэу сыкІуэжынри тызогъакІуэ, — жиІэри, къахэ-
кІыжри къежъэжащ.

Нартхэм я щхъэр къыфІэхуауэ, жагъуэ ящыхъуауэ къызэхи-
наш.

Сосрыкъуэу бзаджагъэр зи пэІудзынным, еzym и хъэл ельыта-
уэ, мурад ишцІаш зыщышцІэ шу закъуэр зригъэцІыхуну, щауэгъу
зыхуишцІыну. Шу закъуэр къежъэжам и ужъ Сосрыкъуэ къиувэри
здыдыхъэж къуэладжэр зригъэлъэгъуаш, зэрыхъэж унагъуэри
зригъэцІыхуаш.

Зи къалэныр зыгъэзащцІэу зауэм къикІыжу, нартхэм
къахэкІыжу унэм къэкІуэжа зауэлІри къэсыжри, и шым увыІэпІэ
иритри езыми зигъэзэгъэжащ.

Зи тэлай дигъэкІри, Сосрыкъуэ «Сыщауэгъу лъыхъуеш», —
жиІэри а зауэлІ шу закъуэр здыдыхъэжа пщІантІэм щепсыхаш.
Сосрыкъуэ зыщепсыха унагъуэр къыхуэгуфІаш: «Ди гуапэш,
ди цыыхухъу, ди нэхъыжъ дэмысми, къэсыжынш», — жаІэри ира-
гъэблэгъаш. Сосрыкъуэ зыщепсыхам зыбжанэрэ щыхъэшцІаш.
АрщхъэкІэ зыкІэлтыкІуа зауэлІ щауэгъу ишцІыну игу ильырг
къыхуэмышцІыхуу, цыыхухъу имыльтагъуу Сосрыкъуэ я деж игъ-
эзэжащ.

Аргуэрү зи тэлай дигъэкІри, а унагъуэм я деж, зи нарт шу
гъусэ ишцІри, Сосрыкъуэ къэкІуащ. Ирагъэблагъэри, куэд
дэмыкІыу, мэрэмэжьеир иІыгъыу, нэмисыр и бащэу, къан хъы-
джэбзхэри и гъусэу бысым фызыр Сосрыкъуэ зыщІэс унэм
щыыхъаш. «Зи лыгъэр бащэу щауэгъу зи щасэ Сосрыкъуэ!
«Щыхухъу дэскъым», — жыпІэу зумыгъэхъаджэ, мыр Щэбэтын и
щІапІэш, езыми и къэсыжыгъуещ, ди вы хъунышерыхъухэри хъэ-
зырш, къан хъиджэбзхэри щыІэххэш, зумысыгъуэджеу мы мэ-
рэмэжьеибжъэм къытхуефэ, «Унэм я гуашэр фадэбжъэрыхъш», —
жыпІэуи думыгъэшцІэнш», — жиІэри унэм я гуашэм мэрэмэжьеиб-
жъэр щыхушийм, Сосрыкъуэ къэІэбэри, фадэбжъэр Гихри, хъуа-
хъуэри ирифащ. «Щауэгъу маҳуэ ухъу!» — жиІэри унэм я гуашэр
къышцІэкІыжащ.

Ефэ-ешхэр яублэри вы гъэшиблри яухыхукІэ, зэхэсащ.

Сосрыкъуэ къышцІэкІауэ ильэгъуаш, нартхэр биижъ бза-
джэм щезэуа щыпІэм пщэдджыжъ пшэкІэплъыр къышцишцІым
бий лъапсэр изыха зауэлІ ябгэр зытеса тхъуэ-къарапцІэу блапшэ
щхъэ гъуру ІэкІуэцІрыгъыр щыгунэм къышцІашауэ зэпалъэшцІыхъу.
«Хэт иш?» — жиІэу щІэупшцІэну и щхъи хуимыгъэфащэу, Сосрыкъуэ
бжэблыпкъыр хих щыкІэу унэм щыхъэжащ.

Санэхуафэр щаухым, щауэгъу щылахэри зэбгрыкІыжри, Сос-
рыкъуэрэ и нарт гъусэмрэ зэхуаІуэташ, тхъуэ-къарапцІэ блапшэ

щхъэ гъурыр къышIашыну. АрщхъэкIэ ар зыщIэт щIыунэм Iулъ амбэрэмывэр къахуIугъэкIуетакъым. Сосрыкъуэ зэхэзешхъуэн зищIу жэшым унэм щIыхъэу Iещэ-фащэр зригъэлъагъун игу ильу хуежъя щхъэкIэ, къехъулПакъым.

Пщэдджыжым нэхулъэр щищIым, Щэбэтын къесы-
жащ. Езым и унэм зэрыщIыхъэжу, «Сосрыкъуэ ди хъэшIеш», –
къышцыжраIэм, «Си деж къышIефшэ, хъэшIешым щIэвмыгъэсу», –
жиIери Сосрыкъуэ иригъэшащ.

Ефэ-ешхэр яублэри, бланэр я нышу, вы гъэшхар я Iусу, мэ-
рэмэжьеим зэдефэу здызэхэсым, унэм я гуашэр зэрылтээшыдджэм
нарт Сосрыкъуэ гу лъимытххэу, ныбэм иль сабийм и гъы ма-
къыр зэхихащ. Жэшибл-махуилкIэ санэхуафэр зэхета иужькIэ,
Сосрыкъуэ, и нарт гъусэр дэшIыгъуу, къэкIуэжащ.

Нарт хасэ ящIри зэпсэлъылIаш:

– Фыз лъэшыдджэр лъхуэрэ хъулъхугъэ къильхумэ,
къыфIэддыгъунщи кIуэдыпIэ къыхуэдгъуэтынщ, бзылъхугъэ
къильхумэ – дэрбэру диIенщ, – жаIэри.

– КIуэдыпIэу сыйт хуэтщIын? – жаIэу щызэчэнджещым, Сос-
рыкъуэ, бзаджагъэр зи бащэр, къэпсальэри:

– Нартхэ ди ЩхъэлъашIеуэсым къедгъэдьгъунщи, пхъуан-
тэм дэтлъхъэнщ, къуэжь дыджым щыдгъэкIуэдынщ, – жиIаш.

Арыххэти, унафэр ящIри нартхэр зэбгрыкIыжаш. Сосрыкъуэ
нартхэ я ЩхъэлъашIеуэсри Щэбэтынхэ игъекIуаш.

ЩхъэлъашIеуэсир зэрыкIуэрэ жэшцийрэ махуийрэ шрикъум,
Щэбэтын и фыз лъэшыдджэм щIалэ къызэрильхуар Сос-
рыкъуэ къылжигрэIаш. Сосрыкъуэ нарт шухэр игъакIуэри,
ЩхъэлъашIеуэсым сабийр къидыгъури къаритащ.

Нартхэм сабийр пхъуантэм далъхъэри, къуэжь дыджым
яхьри, къыданэри къэкIуэжахэц. Нартхэр къызэрыкIуэжу, жэ-
шым уэшхышхуэ къешхри, псыдээ къежэхым пхъуантэр къуэм
къыдихри тафэм къытринауэ, пщэдджыжым къазыхъуэ фы-
зым къигъуэтащ. Къазыхъуэ фызым пхъуантэ къигъуэтар и за-
къуэ къышыхуэмыIэтым, щIэхьуунэм къэкIуэжри, и щхъэгъусэр
къишэри, пхъуантэр унэм яхьаш. Пхъуанташхъэр трахри, щIалэ
дыгъэ плащэ, «сабийщ» хужыпIэнкIэ машIеу къыдэкIаш. Лыимрэ
фызымрэ гуфIэри зы тэлайкIэ япIаш.

Нартхэм я деж ЩхъэлъашIеуэсир нэсыжри яжриIаш: «Щэ-
бэтын и унэгуашэр ежьеау сабийм мэльыхъуэ, фыкъищIэмэ, щIы
фыщIээр IэгукIэ фигъэгъэзэнщ, езыр цIыхубз пэмыщIщ, фи биижь-
хэр хэзыгъэшIа шу закъуэ ябгэр ар дыдэрщ», – жиIэри.

Нартыжкхэр гузэваш, гузэсаш. Сосрыкъуи яхэсу хасэ ящIри
гупшысаш: «Бэдьинокъуэ дунейм къытхэжыкъуэ хъумэ, сыйт
гъэкIуэдыхIэу къыхуэдгъуэтыну?» – жаIэри. Нартхэм зыри къа-
мыгupsысыфу, Сосрыкъуи къахуэмыпсалтьэу, зэхэкIыжаш.

Щэбэтын и гуашэр Бэдьинокъуэ и лъыхъуакIуэ къикIухуу
къазыхъуэм хуэзэри Iуэхур щриIуэтылПэм, къазхэр зэшIэлтэтащ.
Бэдьинокъуэ и анэм абы гу лъитэри къазыхъуэм зришэкIаш. Къа-
зыхъуэ фызым къылжриIаш, Бэдьинокъуэ пхъуантэм дэлтуу къызэ-
ригъуэтар. Унэм ишэри сабийр и анэм къритыжаш. Къазыхъуэ
фызри и щхъэгъусэ лIыжыри къыздишэри, Бэдьинокъуи къишэж-
ри и анэр къэкIуэжащ. Бэдьинокъуэ и анэм къызэригъуэтыжар

зыми иримыгъашІэу, Щэбэтыну и адэми имышІэххэу, сабийр ядыгъуу яукІауэ псоми я гугъэу, щыунэм щипІаш. ЗригъэПар Бэдьинокъуэ пхъуантэм дэлтү къэзыгъуэта къазыхъуэ фызымрэ абы и щхъэгъусэ лымрэш.

Бэдьинокъуэ зыш, хъэ самыритI, бгъитI дапІаш. Бэдьинокъуэ ильэсий и ныбжь нэсыху, и анэм и быдз ефащ. ЗэралПар бланэлш.

РОЖДЕНИЕ БАДИНОКО

Бадиноко произошел из нартского рода. Его мать из нартского рода, его отец тоже из нартского рода.

У нартов были заклятые суровые враги, *<и они>* часто затевали с ними войны. Однажды нарты известили своих врагов, что собираются прийти к ним воевать. Прошло некоторое время, и вражеское войско, не оповестив *<нартов>*, как это сделали нарты, и не ответив на их предупреждение, *<само>* неожиданно напало на нартов. У нартов был обычай назначать врагу, с которым они будут воевать, время сражения и извещать их: «В такое-то время приедем к вам сражаться», – говоря.

Но враг, нарушив обычай, со словами «Переломаем нартские кости, разорим нартский край», – вторгся в страну нартов. Враг был жестоким, безжалостным, непочтительным, он наводил ужас на весь край. После того, как нарты один день и одну ночь сражались с врагом, на утренней заре...

С самырами, рядом бегущими,
С прирученными орлами, над головою парящими,
На сиво-вороном, с шеей, как у змеи, сухоголовом,
<Коне>, способном проскочить через сложенные в трубочку ладони...

Удар остряя его копья равен сотне богатырских ударов,
Когда соскаивает *<с коня>*, он подобен соколу с белой шеей,
Его белая кольчуга *<на солнце>* сверкает,
Ужас наводит он на врагов и хребты им ломает –
<Вот такой> всадник суровый является,
Стаю собак-самыров он выпускает,
Меч крепкой рукой держит,
Вражье войско огромное устрашает,
Страхом охваченных нартов вдохновляет.
Воины вражеские плененными падают *<ниц – ?>*.
Нарты не знают того одинокого *<всадника>*
И не могут узнать, *<кто он такой>*.
Тела врагов он скошенными в поле оставляет,
Единственному, кто остался в живых, ставит клеймо на лице,
«Будь вестником <поражения>», – говоря,
Дает ему оплеуху и
Отпускает его в свой край.

Нарты спешно собирают хасу, спрашивают они друг у друга: «Как узнать нам, *<кто этот всадник>*, как сделать этого грозного всадника нашим союзником?» – так говоря, советуются *<они>*. Среди собравшихся нартов был и Сосруко, но он ничего не говорил

и, удалившись от них, сидел <молча>. Подошли к Сосруко, и когда спросили у него совета, <он> ничего не ответил <нартам>, и его оставили <в покое>. Стояли нарты так и советовались, но никто не мог ответить. <Вдруг>:

Тот, кого не знали в лицо,
<Но> кого узнали в подвиге,
Одинокий всадник явился и,
Строгие обычай соблюдая,
Когда он спешился в кругу нартов,
Сосруко вскочил и, притворно <приветствуя его>,
Желая сказать много лестных слов,
<К нему> подбежал.
Когда <нарты> поздоровались <с ним>
И стали безмерно благодарить его,
<Всадник> показал им нартское тавро:
— Я тоже из вашего края,
Кто захочет иметь меня нартом-соратником, тот найдет меня.
То, что вы много говорите впустую,
То, что оружие носите зря,
По мне, это недостойно нашего края.
Не думаю, что мы поладим,

Поэтому мне лучше уехать от вас неизвестным, —
Сказал он так, вышел <из круга> и пустился в обратный путь.

Он оставил нартов, поникших и огорченных, <и уехал>. Коварный Сосруко, у которого было в обычай прибегать к хитрости, задумал узнать, кто тот одинокий всадник, и стать его соратником. Отправился Сосруко следом за одиноким всадником и выследил, в какое ущелье он свернул. Узнал он и то, в какой дом тот возвращался.

Исполнив в сражении свой долг, воин, оставив нартов, уехал от них и вернулся домой, поставил коня в конюшню, а сам пошел отдохнуть. Выждав некоторое время, Сосруко со словами «Я ищу товарища», спешился во дворе, куда въехал тот одинокий всадник.

В семье, где Сосруко остановился, его встретили приветливо: «Мы рады <твоему приезду>; наших старших, наших мужчин, нет <дома>, <но скоро> они вернутся», — сказали ему и пригласили <в дом>. Некоторое время гостил там Сосруко. Но, так и не увидев того воина, за которым поехал с намерением стать ему соратником, не увидев и других мужчин <в доме>, Сосруко вернулся домой.

Выждав еще некоторое время, Сосруко вновь приехал в ту семью вместе с одним нартским всадником. <Их> пригласили <в дом>, и через некоторое время в комнату, где сидели Сосруко и <его спутник>, придерживаясь этикета, вошла госпожа в сопровождении кан-девушек, в руках <неся рог> с марамажеем.

— Сосруко, в ком много мужества, кому многие товарищи любы, «<В доме> нет мужчин», — говоря, не гневайся, это подворье Шабатына, ему тоже пора возвращаться; готов наш <убойный> вол, который пасся на первой луговой траве, есть и кан-девушки. Не побрезгуй, выпей рог марамажея. «В <этом> доме рог с напитком подносит госпожа», — говоря, <для себя> унижением

это не посчитай, — когда так сказала гуаша и подала рог марамажея, Сосруко принял рог с напитком, произнес хох и выпил. — Будь на товарищей счастлив, — сказала гуаша и вышла.

Начался пир, и продолжался он до тех пор, пока не съели семь откормленных волов.

Выйдя *<во двор>*, Сосруко увидел, как чистили выведенного из подземелья сиво-вороного, с шеей, как у змеи, сухоголового, поджарого *<коня>*, на котором сидел тот грозный всадник, который с утренней зарей появился там, где нарты сражались с коварным врагом, и уничтожил вражеское войско. Сосруко счел недостойным спросить: «Чей конь?», и вошел обратно в дом так, словно желал вышибить дверные косяки.

Когда закончилось санопитие, друзья, которые там были, разошлись, Сосруко и его спутник договорились увести сиво-вороного, с шеей, как у змеи, сухоголового *<коня>*. Но *<они>* не смогли *<даже>* отодвинуть абра-камень, лежавший у входа в подземелье, где стоял конь. Сосруко решил притвориться заплутавшим и ночью войти в дом, чтобы взглянуть на доспехи, но *<и это>* ему не удалось.

Наутро, с зарей, вернулся Шабатын. Как только он вошел в дом, ему сообщили:

— У нас гостит Сосруко.

— Приведите его ко мне, не держите в хачеше, — сказал он и велел позвать к себе Сосруко.

<Снова> устроили пир: лани у них были угожением для гостей, а откормленный вол — их пища. Когда они сидели и пили марамажей, нарт Сосруко, не подозревавший, что гуаша ждет ребенка, услышал плач младенца, находившегося в чреве гуаши.

Семь дней и семь ночей продолжалось санопитие, и после этого Сосруко вместе со своим спутником вернулся домой.

Нарты созвали хасу и условились так:

— Если *<та>* женщина родит мальчика, выкрадем его и погубим; если девочку — *<она>* будет нам портнихой.

— Как погубить его? — когда, так говоря, нарты стали совещаться, Сосруко, богатый на коварства, заговорил и сказал так:

— Попросим нашу нартскую Снежноволосую старуху выкрасть его, положим в сундук и бросим в Бездонный овраг.

Решили так нарты и разошлись. А Сосруко послал нартскую Снежноволосую старуху к Шабатыновым. После того, как *<Сосруко>* отправил Снежноволосую *<к Шабатыновым>*, прошло восемь дней и восемь ночей, *<старуха>* известила Сосруко, что жена Шабатына родила мальчика. Сосруко послал всадников, и Снежноволосая старуха выкрала младенца и передала им.

Нарты положили ребенка в сундук, отнесли в Бездонный овраг, оставили там и вернулись. Ночью, как только нарты вернулись, разразился сильный ливень, и потоком снесло сундук из оврага на равнину. Утром его нашла пастушка гусей. Женщина не смогла поднять сундук; быстро вернулась она домой, призвала *<в помощь себе>* мужа, и вместе они отнесли сундук к себе. Подняли крышку сундука, — там лежал чудесный мальчик, слишком

большой, чтобы сказать о нем «младенец». Муж и жена обрадовались и стали воспитывать его.

Снежноволосая старуха вернулась к нартам и сообщила им:

— Жена Шабатына отправилась разыскивать своего ребенка. Если *<она>* узнает, *<что вы укради мальчика>*, то заставит вас голыми руками черную землю вывернуть. Она — не обыкновенная женщина; она и есть тот самый одинокий грозный всадник, который побил ваших врагов.

Нарты могучие встревожились, забеспокоились. Устроили они хасу вместе с Сосруко и стали думать: «Если вдруг на свет вратится Бадиноко, как погубим его?» Нарты так ничего и не придумали, а Сосруко им ничего не сказал, с тем они и разошлись.

Разыскивая Бадиноко, жена Шабатына встретила пастушку гусей и, когда поведала она ей о своем горе, гуси дружно взлетели. Все поняла мать Бадиноко и обняла женщину. Пастушка гусей рассказала, как нашла Бадиноко лежащим в сундуке. Повела она ее в дом и вернула мальчика матери. Мать *<Бадиноко>* возвратилась домой, взяв с собой и пастушку гусей, и ее старого мужа, и Бадиноко. О том, что нашла Бадиноко, мать никому не сказала; и Шабатын, его отец, тоже ничего не знал; все решили, что ребенок похищен и убит; так мать его в подземелье и вырастила. А воспитывали его пастушка гусей, которая его нашла в сундуке, и ее муж.

Вместе с Бадиноко содержали *<в подземелье>* одного коня, двух собак-самыров, двух орлов. Бадиноко до восьмилетнего возраста пил материнское молоко. Кормили его мясом лани.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-д. Пасп. № 1. Исп. Камаца Начоев: 1879 г.р., с. Малка Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 15.06.1949 г. А. Бичноев. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Текст представляет собой один из вариантов сказания о появлении нарта Бадиноко. Характерен мотив женщины-воительницы: ею представлена безымянная мать героя, которая в эпосе фигурирует только в вариантах сказания о рождении данного богатыря. Она еще до рождения нарта Бадиноко расправляется с вражеским войском, устрашающим не только врагов, но и воинство самих нартов. Таким образом, она становится своего рода символическим предзнаменованием скорого появления героя. Так же типичны для цикла о данном персонаже двойственное отношение нарта Сосруко к герою, мотивы враждебного отношения к нему всего общества нартов и тайного воспитания мальчика. Оригинален мотив плача ребенка, находящегося еще в материнской утробе: он отнесен только в вариантах данного сказания и, как вариант мотива о чудесном рождении, тоже интерпретируется как знак появления на свет необычного богатыря. В одном из вариантов, оригинал которого не сохранился, а дошедший до нас список имеет явные сле-

ды обработки, противником нарта Бадиноко представлен Тлебы-цажай (см. № 3). Он выслеживает незнакомого всадника, который расправился в одиночку с целым войском чинтов, узнает, что это женщина, жена нарта Бадына, слышит голос младенца из ее утробы. Возвратившись к нартам, он сообщает им, что слышал голос младенца из материнского чрева. Чтобы легче было осуществить свой замысел, он рассказывает нартам, будто до этого он посетил бога души Псатху, который ему сообщил следующее. Одна гуаша беременна, и тот, кто у нее родится, истребит весь нартский род: если это будет девочка, она сложит песню-плач, с появлением которой женщины перестанут рожать. И это исполнится как только девочка подрастет и выйдет замуж. Родится же мальчик – первым его словом будет проклятие нартского рода; в день, когда он возьмет в руки меч, погибнут все нартские мужи. Согласно сказанию, этот навет и послужил причиной отчужденного отношения нартского общества к герою. В том же варианте фигурируют мотивы похищения новорожденного, его чудесного спасения, богатырской колыбели, быстрого роста героя.

2. ШЭБАТНЫКЬО ИКЪЭХЬУГ'ЭР

Нартыхэм зэошхо яЛэу, къяорэм лъэшэу къыгъэгумэГ'ыхэу, къыздиГ'ыгъэр амышЛэу зы шыу ин горэ къахахьи, нартыхэр згъэгумэГ'ырэ заор афиухыгъ. Зыщыщи ашЛагъэп. Ай тетэу ахэГ'ыжий кЛожыгъэ.

- ТэГ'э къиГ'ыгъ, тэГ'э кЛожыгъэ? – аЛуи, шыум Г'эупшЛагъэх.
- Моу мыГ'э кЛожыгъэ, – аЛуагъ.
- Дунаим тетымэ, ар сэ къызэзгъэшЛэшт, – ыЛуи, Саусырыкъо үүж ихъагъ.

Пшызэ зызэпрэЛи'ы гъогу лъагъо горэм техьи, а гъогум руЛуагъ. Доны нэсыгъ. Унагъо горэм дэхъагъ. Щау зыдэхъагъэм зы хьаГ'эш дэт, зы къакъырэ гори дэт.

ЛитЛу горэ щаум хъызмэт тЛэкЛу горэ щашЛы дэтых. Аш нэмиЛ цыиф дэтэп.

Хъэбар гъэшЛэгъон къыхын ымылтэГ'эу, Саусырыкъо къекЛожыгъ. Нартымэ хъэбар къыхын зэrimылтэГ'ыгъэр ариЛожыгъ.

– Ай ай джыри зэ сыкЛошт, – ыЛуагъ.

Зы куп томаш тыригъашЛи, кЛуагъэ.

ХъаГ'эшым ихъагъэу исэу, зы шыу ин горэ къыдэхъажыгъ. Шыур зэрэтесэу занГ'эу кЛуи шэшым Г'эхъагъ, ау къиГ'экЛыжыгъэу ылтэгъугъэп.

Зы куп тешЛагъэу зы бзыльфыгъэ ин горэ хъаГ'эшым къихъагъ. Шуфэс къырихыгъ, «уизэпэш бэгъуагъэмэ!» ыЛуи къыриЛуагъ.

Ар ыпаштхэ къызехъэм ыныбэ Г'элэ гты маκъэ къиЛукЛэу зэхихыгъ.

Ай нэмыЛрэ хъэбар къымыхъэу етЛани Саусырыкъо къекЛожыгъ.

Нартыхэр зэЛуигъакЛи Саусырыкъо ариЛуагъ:

— Къэслъэгъугъэр мый фэд, бзылъфыгъ къэслъэгъугъэр [мый фэд]. Ыныбэ Гэлэ гъы маκъэ къиIукIэу зэхэсхыгъ. Ар Галэу къызыхъуГэ, нартыхэр текIодылIешт. Ай игъэкIодыГэ теусэн фае.

— Тащтэу хъущт адэ ар? — аIуи нартыхэр шэлтэу егушисыагъэх.

Гошмэфэжъир раIоу нартымэ шъуз хъяIу-хважэу шъузыжъ горэ яIагь.

— ТельэIуны джар дгъэкIощт, — аIуи, нартымэ зэдаштагъэ.

Къызхаши, нартымэ къыраIуагь:

— УкъыздиIигъэр ябгъэшIештэп, укIоны щаум удэхъашт, уIорыжъорэу удэсгозэ, шъузыр хъошэн зихъаГэ, шъузэу аш ыдэжь ихъарэм адихь. Гэлэхъу къызильфыГэ — къэтыгъуи къэхь. Пшъаштэ къызильфыГэ — зи емыIу.

Гъогур рагъэлъэгъуи, Гошмэфэжъир атIупшыгъ. Гошмэфэжъир нэси щаум дэхъагь. Унэисымэ, зы унэм иГымэ адрэ унэм ихъэу, мэIорыжъорызы ахэт.

Арэу шъузыр хъошэнным ихъагь. Шъузэу унэм ихъагъэмэ ежьри ахэтэу адихъагь. Сабыир къызэхъум, Гэлэхъуо къызыГэ-кIым, мо шъузымэ къашЦуитыгъуи, къыхни къэкIожыгъ.

Галэр кIодыгъэ. Мо Гошмэфэжъир къыздиIыгъи зыдэ-кIожыгъи ашIэрэп.

Нартыхэр къызэIукIи, Галэм еплъыгъэх.

— Мыр тауштэу дгъэкIодышт, къэхъу хъущтэп, — аIуагь. — Пхъуантэ горэм дэтльхъаны, пытэу зэдэтиIулIэны, — зы хъотэ куужь горэ яIэти, — аш дэтыдзэшт, — аIуагь.

Пхъуантэр агъэтэрэзыгъ. Хъэдэныжъхэр, бзыуцыфыжъхэр далъхьи, шъабэ ашIыгъ. Ай Галэр хагъэгъуальхьи, пытэу зэтраIукIи, ахьи а хъотэ куужьым дадзагь, «дэлIыхъажын» аIуи.

Къазхэри чэтхэри агъэхъоу, бын ямыIэу зы лыжъирэ зы нюожъырэ щыIагъэх. А хъотэ куужъэу зыдадзагъэм ыцыпэ губгъом ихъаштыгъ. Ошхышхо къещхызэ а хъотэ куужьым дэлъадэзи, псыр куоу дэхъухъагь. Псыр куоу зэхъум пхъуантэр къырихыжъагь. Мо псым къырихыжъэгъэ пхъуантэр губгъом къырихъагь. Къазхъо лыжъ-ньюожъымэ пхъуантэр къагъотыгъ.

Лыжъыр еIи шъхьай, пхъуантэр фэIэтыгъэп. Ныори деIи, дэлъыри амышIэу, унэм къахыгъ. Зызетраутым, ыIахъомбэшхо ыжэ дэлъэу Гэлэхъу дэхэ цыкIу къыдэГыгъ.

— Тхъам сыхъатмафэ тыригъажьи, зыми едгъэшIэнэп, ар, тэ бын тиIэпызы, ар тиIун, — аIуи, лыжъимрэ ньомрэ гушIуагъэх.

Галэр зышIокIодыгъэ нартыр зыкъзэкIоцIипхи къежъагь.

— А Гошмэфэжъир ары нахь нэмыГэп ар зытыгъугъэр, — яIуи, Чынт къиГи ар къэкIуагь.

Къушхъэ горэм къырекIоГы пэтэу, мо къазрэ чэтырэ зыгъэхъурэ лыжъ-ньюожъхэм къаIукIагь. ЯүшиIыгъ:

— Гошмэфэжъ зыфаIорэр тэ щыГ? — яIуи.

— Сы ешIэшт мо Iае дэдэм? — къыраIуагь.

— Сы Iомакъэу зэхэшъухыгъэр? СиГалэ ай къытыгъугъ, — яIуагь.

Ньомрэ лыжъимрэ Галэм игугъу къызешIым, къызэплъзэплъыжъхэу уцугъэх.

— Шъумышт, зыгорэ зэхэшъухыгъэ щыIэмэ, къысашъуIу, — яIуагь.

— Мый фэдэу пхъуантэм дэлъэу шъэо цыкI тэ къэдгъотыгъ, — аIуагъ ньюомрэ лыжъымрэ.

— Ара? Ашыгъум неклох, сэ симыГалэмэ зи шъослонэп, — ариIуагъ шыум.

Къащагъ. Галэр рагъэлъэгъугъ.

— Сэ сиГалэ, — аIуагъ, — шъумышын, сэ нартымэ къышъязгъэлон щыIэп. Шъунартымэ мый фэдэ зэошхуу къяхъулэгъагъэр шъошIэжъа, — аIуи къяупшIыгъ.

— ТэшIэ, — аIуагъ.

— Джай шыу инэу къахахъи, заор зыухыгъагъэр сэры, — аIуагъ, — сэ сыбзылъфыгъ. Шъошынэмэ неклох. Мый нэхърэ щыIакIэ шъуимыI нэмийЭмэ, шъусыгъышт, — къариIуагъ.

Щэщи зэхъум, лыжъымрэ ньюожъымрэ къыздихъи къекIожьыгъ.

Унэ арити, ыгъэлысыгъэх. Галэр аргъэпIу.

— Быдз ебгъэшъонэу къакIо шъуIоу шъукъэмидж. Ешъон зыхъуIэ сэ сыкъекIощт, — къариIуагъ.

ЛыжъымрэньюожъымрэГалэрапIугъ, ежъхериолIэжъыфэхэIэ нарт шъузым ищау дэсигъэх.

А Галэр ары Чынт Шэбатыныкъоу къэхъугъэр.

РОЖДЕНИЕ ШАБАТНЫКО

Когда у нартов было большое сражение и нападающий [враг] сильно угрожал, неизвестно откуда явился в их среде один огромный всадник и покончил со сражением, которое сильно обеспокоило нартов. Чей он не знали. Вот так он уехал от них и возвратился к себе..

— Откуда явился, куда делся? — так говоря, расспрашивали о всаднике.

— Вот туда уехал, — сказали.

— Если он живет в этом мире, я найду его, — сказал Саусырыко и отправился следом за ним.

Переправился он через *Пшизы* и его путь вышел на одну тропу, он поехал по той тропе. Достиг он Дона. Въехал в какой-то двор (букв.: *к какой-то семье*). Во дворе, в который он въехал, стоит один хачец, стоит один дом, стоит какая-то коновязь. Там же во дворе двое мужчин находятся, возятся, что-то делают — больше никого нет.

Не сумев принести никакого интересного хабара, Саусырыко возвратился. Он сообщил нартам, что не смог принести им ничего важного.

— Но я еще раз туда поеду, — обещал он.

Некоторое время спустя, он снова прибыл туда.

Когда он сидел, войдя в хачец, во двор въехал какой-то огромный всадник. Всадник прямиком на коне направился в конюшню, но <Саусырыко> не заметил, чтобы тот оттуда выходил.

Через некоторое время в хачец вошла одна огромного роста женщина. Она приветствовала его и сказала ему: «Да умножатся твои успехи!».

Когда она явилась перед ним [нартом Саусырыко], он услышал плач ребенка, раздававшийся из ее чрева.

Не принеся иных вестей, затем Саусырыко возвратился домой. Собрал он нартов и сообщил им:

— Вот, что я увидел, вот такова женщина, которую я увидел. Я услышал плач ребенка из ее чрева. Когда он родится, нарты от него погибнем. Нам надо пораздумать над тем, как его погубить.

— Так как же это будет? — сказав, нарты глубоко задумались.

Была у нартов одна старушка по имени Гоцмафеж, женщина умевшая колдовать.

— Попросим ее и отправим туда, — решили нарты единодушно.

Пригласили ее нарты и сказали:

— Не дашь знать, откуда ты явилась, отправишься туда и войдешь во двор, прикинувшись полоумной, будешь там обретаться, а как настанет время разрешиться женщине от бремени, войдешь к ней вместе с женщинами, которые к ней будут входить. Если родится мальчик, похити его и принеси нам. Если родится девочка, ничего не говори [не делай].

Показали ей дорогу и отправили Гоцмафеж. Вошла Гоцмафеж во двор. Ходит она там среди домочадцев, из одного строения в другое входит, болтает.

Между тем, женщина начала рожать. Вместе с женщинами, которые входили к роженице, она [Гоцмафеж] тоже вошла. Как ребенок появился на свет, и как оказалось, что это мальчик, она похитила его у тех женщин и была такова.

Мальчик пропал. Откуда явилась эта Гоцмафеж, куда делась — никто не ведает.

Нарты собрались и рассмотрели мальчика.

— Как бы нам его погубить, потому что нельзя, чтобы он вырос, — сказали. — Положим его в какой-то сундук, крепко его заколотим, — была у них одна глубокая балка, — туда его выбросим, — решили.

Приготовили сундук. Уложили туда старые тряпки, вату, мягко выложили. Уложили туда мальчика, крепко заколотили, отнесли к той глубокой балке и выбросили, «сам там умрет», — сказали.

Жили один старик и одна старуха — бездетные, пасли они гусей и кур. Они как раз вышли на равнину возле той глубокой балки. Пошел большой дождь, он стек в эту глубокую балку, вода поднялась и заполнила ее. Когда вода поднялась, она понесла и сундук. Тот сундук, поднятый водой, вынесло на равнину. Его нашли старик и старуха гусепасы.

Старик попытался, но не смог поднять сундук. Старуха ему помогла, и они вместе притащили сундук к себе домой, не ведая, что в нем находится. Когда они взломали его, вышел оттуда прекрасный мальчик, держащий свой большой палец руки во рту.

— Да отправит нас Бог в счастливую дорогу, никому об этом не скажем, нет у нас детей, и его мы будем воспитывать, — сказав, обрадовались старик со старухой.

Нарт [нартская женщина], потерявшая мальчика, затянула пояс и отправилась на поиски.

— Это та Гощмафеж похитила, а никто иной, сказала она и проехала она [страну] Чирт и приехала сюда.

Проезжая по склону одной горы, она повстречалась со стари ком-старухой, которые пасли гусей и кур. Спросила она:

— Где живет та, которую зовут Гощмафеж? — сказав.

— Зачем тебе она, такая недобрая? — сказали они..

— Какие слухи вы слыхали? Она похитила моего ребенка, — ответила она.

Когда она заговорила о ребенке, старик и старуха начали переглядываться.

— Не бойтесь, если вы что-то слыхали, расскажите мне, — попросила она.

— Вот таким образом, лежащим в сундуке мы нашли мальчика, — рассказали старик и старуха.

— Так? Тогда пойдемте [и покажите мне]: если это не мой ребенок, то ничего не скажу, — попросила всадница.

Привели его, показали мальчика.

— Это мой ребенок, — сказала она, — не бойтесь, я защищу вас от нартов. Помните, как у ваших нартов было такое-то сражение? спросила она.

— Знаем, — ответили они.

— Я тот огромный всадник, который прибыл к нартам и решил исход сражения, — сказала она. — Я женщина. Если вы боитесь, поехали со мной. Если у вас всего вот такая жизнь, я возьму вас к себе, — обещала она.

Как опустился вечер, она забрала старика и старуху и возвратилась к себе. Выделила она им дом и поселила там, чтобы они растили мальчика.

— Когда надо грудь ему дать, не зовите меня, я сама приду, — сказала она.

Старик и старуха вырастили мальчика, сами же до самой смерти жили во дворе нартской женщины.

Вот тот мальчик и есть родившийся Чирт Шабатыныко.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 18–21. Исп. Исмаил Куваев: 1876 г.р., а. Хакуринохабль Адыгей; абадзех. Зап. 20.10.1958 г. М. Хуажев. Перевод на русский язык А. Гутова.

3. НАРТ ШЭБАТНЫКЬО ИКІЭЛЭГЬОР

Зы лъэхъанэ горэм Чынтэм ядзэхэр нартымэ къязэонхэу Нарт хэгъегум къихъэгъагъэх. Чынтымэ Нарт хэгъэгор аунэкІэу, унэмэ машІор акІадзэу, лыжъыхэмрэ шъузыхэмрэ сабый цыкІухэмрэ аукІэу, джарэу жъалымагъэ зэрахъэхээ къакІотыгъэх. Ау зэхъум, нартымэ лІэу шым ешэсын зылъекІынэу Нарт хэгъегум исыхэр зэкІэ къэзэрэлэтыгъэх.

Нартыхэр чынтымэ язенхэу апэгъокЫыгъэх. Нартыхэр лЭбланэу зэотыгъэх, ау ахэр мэкЛагъэх. Нартымэ ялъытыгъэмэ, чынтыхэр бэ хъутыгъэх. Зы нарт шыу пэпчы чынт шыуишъэ пьеу иЛагъ. Нартымэ чынтэу аукЫыгъэр бэ, ау чынтыхэр бэ мэхъухэти, ахэкЫыми шшЭтыгъэп. Ау зы нарт чынтымэ заукЫыдже шшЭхэу хэвшЫкЫыгъэ, нартыхэр макЛэти. Заор бэрэ щыЛэнзыыхурэм, нартымэ чынтыхэр къатекЛоны, нарт лъэпкъэр дунаем темытыжынэу нартымэ къашЛошЛыгъ.

Аузэ, нартымэ къызыдэктЫыгъэри амышЛэу зы шыу горэ къахэхъагъ. А шыор маары зыфэдэр: ижъабгүуджэ хъэджашьо гот, исэмэгуджэ хъэджашьо гот, ышъхъагъыдже бгъэжъышкохэр щэхъарзэхшь итых. А шыор арэу щытыгъ алошъ къалотэжы. Шэу зытесым ыпшъэ блапшъэм фэдэу, пчыпыджынэу лэр зэрэзаорэм шыблэ макъэр пыЛукЛэу, жъыутэхэу тыгъэм пэджэгоу тандж паЛо щыгъ.

А шыум чынтыхэр ыгъэщтагъэхшь, зыдэктЮжынхэр ашЛэжыырэп. Шыоу къэктҮуагъэм пыер зэхеупкЛатэ, аш зэкЛэ дээу къэктҮуагъэр зэхегъэтакъ.

ЗэкЛэ нартыхэр зэупчЛыжых:

– Хэт мы шыор? Джы нэсы тэ щыЛагъ мыр, тэди щызэуагъ?

Нартымэ агу чэф къихъажыгъ. Пыер къушъхэ тЛуакЛэмэ адэтэу рафыжъагъ.

Шыоу къэктҮуагъэм чынтыхэр къезонхэ алъэктЫырэп, шыум ахэр уцым фэдэу еупкЛатэх. Лыгъешко хэльэу ар чынтымэ язэуагъ. Чынтымэ ядзэхэр аш зэхиупкЛэтагъ. Джыри пыим щыщэу зы нэбгырэ къэнагъ. Шыор аш жыххарзэм фэдэу шхъарэлъадэшь, тамыгъэ редзышь:

– Къэбар хыжъ чынтыхэр зэрэктодыгъэмджэ, – еЛошъ, етЛупшыжыхы. – Джы укъызыкЛоджэ, усуукЛыт.

Чынтыр ытЛупшыжыгъ.

Нартымэ агъэшЛагъо шыум ышЛагъэр.

– Хэты щыщ мы шыор? – аЛо, – тэштэу къэктҮонэу хъугъэ? Тэди къэктЫырэ? Хэт аш гъусэ фэхъугъагъ?

Нартыхэр зым зэр еупчЛыжых, ау шыор, дзэр зэхэзыупкЛэтагъэр, зымни ышЛэу ыЛорэп.

Нэсрэн-жакЛи шыор зыщыщэр ымышЛэу ыЛуагъ, Йашэмэзи:

– Аш игугъу ашЛэу зэхэсхыгъэп, – ыЛуагъ. Саусэрыкъуи а шыор зыщыщэр ышЛахэтыгъэп. Нартымэ ашыщ горэми а шыор къызыдэктЫырэр ышЛэтагъэп.

Шыум екЛолЛэннышь, еупчЛыни нартымэ къахэктЫырэп. ЕтЛанэ зымни ымышЛэрэ шыу закъор нартымэ къякЛолЛагъ. Нартыхэр гушЛозэ пэгъокЛыхи:

– Тхъэуегъэпсэу непэ къинэу тфызепхъагъэмджэ! – раЛуагъ.

Нартымэ тхъагъэшЛэу ыджи пцЛыусэу Лъэбыцэ-кЛакор ахэти, шыум къызыдэктЫырэмджэ еупчЛынэу ечъэлЛагъ.

– Сэри шъоць сыйфэдэктъабз, нарт лъэпкъымэ сашыщ, шъыд паеджэ сэ макъэ къысэштумыгъэЛоу нарт хэгъэгум ахэр къижъугъэхъагъэх? Нарт хэгъэгор зэкЛэ тызэхэтэу къэдгъэгъунэнэу типшъэрыль, – ыЛуагъ шыум. – Джы сэ сыйкЛожыйт, зыгорэджэ иджыри тхъамыкЛагъо къыштвохъулЛэмэ, нэЛуасэ тызэфэхъун, тхъамыкЛагъо къызыяхъулЛэджэ ары цыфхэр анэхъэу нэЛуасэ зызэфэхъухэрэр, – ыЛуи, шыор ежъэжыгъ.

— Шъыд пцэр, тэдэ укъэкIырэ? — аюу нартыхэр шыум еупчIыгъэп. Ашыдже лъэшэу кIэгъожыгъэхэу нартыхэр щытыгъэх.

ЕтIуанэ Лъэбыцэ-кIаком шыор къызыдэкIырээр зэригъэшIэнэу унашьо ышIыгъ. Лъэбыцэ-кIаком а шыор ныбджэгъу ышIымэ ежырыдже нахьышIоу еплъыгъ.

Лъэбыцэ-кIакор шым тейсти, шыоу ежъэжыгъэм ыужы ихъагъ. Зы шыум ыужы зы шыур итэу, тЮри зэлтыкIозэ, къушхъэ тIуакIэм нарт Шэбатынэ иунэу дэтим нэсыгъэх.

Зыщыц ымышIэрэ шыор Iэгум дэхъажьи, шым епсыхи, шэр шышиIум шIохидзи, лэр унэм зэрихъажыгъэр Лъэбыцэм ыльэгъугъ.

Лъэбыцэр зыкупырэ щыти, ежъыри Шэбатынэ иIэгу дэхъагъ. Iэгум зыдахъэм, шъуз горэ сэнабжъэр ыIэгу итэу къыспэгъокIыгъ.

— УтихъакI, тегъэпсахыгъэу Лъэбыцэ лЭбланэр, угу хэмигъэкI, «бзыльфыгъэ къыспэгъокIыгъ» умыIо, тиунэ хъулъфыгъэ зыпари исэп, зекIэ зекIо кIуагъэу къэтых. «Къысэзытырэр бзыльфыгъ» умыIоу, мы сэнабжъэм ешть!

— Ари арэу орэхъу, — ыIуи, Лъэбыцэ-кIаком сэнабжъэр ришъугъ.

ХъакIэу къэкIуагъэм пае цу гъешкэгъибл шуабзынэу шъузым унашьо ытыгъ.

ИлI дэмысэу шъузым Лъэбыцэм ешкэ-ештьо фишIыгъ. Лъэбыцэр ешкэ, ештьо, мечэфы, ау етIуани ежъ къызыфэкIогъэ Iоф шъэфми егъэгумэкIы.

— Тэдэ хъугъа мы Iэгум къыдэхъажыгъэ лэр? Мы унэм джы дэдэм зы хъулъфыгъи исэп, — еIо Лъэбыцэм. — Сэ слъэгъузэ мы Iэгум шыор къыдэхъажыгъ, унэми къихъажыгъ, тыдэ хъугъэ ар?

Лъэбыцэ-кIакор унэм къызекIым, имынэIосэ шыор зытесыгъэшэр бзыльфыгъэмэ аукъэбээу Iэгум дэтэу ылъэгъугъ.

Лъэбыцэм шэр ышIэжьыгъ, шым ыппшъэ блапшъэм фэдэу лы бэлахъэр зытесыгъэр ары. Лъэбыцэ шэр зишымдже бзыльфыгъэмэ яупчIыныдже ыдагъэп. Зыми зи римыIоу унэм ихъажьи, ешкэ-ештьор ригъэжъэжыгъ. Пчыхъэм ешъонэр заухым, Лъэбыцэр унэм икIи, шэцэу блапшъэ зиIэшэр зэрытим кIуагъэ, шэр къыритыгъукIын ихъисапэу. Ау шэцээр чычIэгъым чЭтыгъ, арти шэццыпчъэм мыжъошкоу Iугъэуагъэр Iуигъэзынэу Лъэбыцэр кIочIэгъу фэхъугъэп. ЕтIуанэ «шыум ыкIуачIэ зыхэлтээр изекIо щыгъынхэр арынджи хъун, ахэр стыгъуных» ыIуи шъхъамдже, зекIо щыгъынхэр зэрылт унэр къыхигъэшын ылъэкIыгъэп. Лъэбыцэм зекIо шъуашэхэр зэrimыгъотыгъэр лъэшэу шIоигъуаджэу шкыншIещым ихъажьи гъольыжыгъэ, ау чыен ылъэкIырэп, зызэпрыгъазэ-зыкъызэпрыгъэзэжышигъ щылт нахь.

Нэфшъагъом зекIо къикIыжьи нарт Шэбатынэ къэкIожыгъ.

— ХъакIэ лъапIэ уиI! — алуи Шэбатынэ зырайом,

— Мой къаштуущэ, аш фэдэ хъакIэр шкыншIещым рагъэлья? — ыIуагъ.

Нартымэ хъакIэр къызафакIоджэ хъакIещым рагъэблагъэтыгъэ нахь, шкыншIещым ращэтыгъэп. Аш фэшIыдже Лъэбыцэр Шэбатынэ хъакIещым аригъэшэжыгъ. Мэлы гъешкэгъиблэр хъакIэм фаякIынэу Шэбатынэ унашьо итыгъ.

ИкIэрыкIэу ешкэ-ештьор ригъэжъэжыгъ. Шэбатынэ ягуашэ сэнабжъэр Лъэбыцэм къырихъэлIагъ, санэр Лъэбыцэм къы-

ритызэ, бзылъфыгъэм ыныбэ кІоцЫ кІэлэцЫкІу гъы макъэ кыІукІэу Лъэбыцэм зэхихыгъэ. Лъэбыцэм зыпари зэхимыхыгъэм фэдэ зишI, бзылъфыгъэм сэнабжъэр Ихыгъ. Мэфиблырэ чэщиблырэ ахэр ешкагъэх-ешъуагъэх. Яенэрэ мафэм Лъэбыцэр ядэжыы къекІожьыгъ. Лъэбыцэм утегущыІэнэ зыхъуджэ, ар зыфаер: ежь Лъэбыцэм нахь лъэшырэ нахт лЫ дэгъурэ Нарт хэгъэгум имысынэу, ежь Лъэбыцэм нартыхэр зэкІэ ыІэ илъынэу арыгъэ.

Ащ фэшI арии зыщыщ амышІэрэ шыори ныбджэгъу ышIызыкІышІоигъуагъэр Лъэбыцэм. Зыщыщ амышІэрэ шыум ыкIучІэ зыхэлльэр зэригъэшІэнэшт, ар ыукІынэу Лъэбыцэм ыгу хэлъыгъ.

Лъэбыцэ-кІаком утегущыІэпэнэ зыхъуджэ, ащ нартыхэр гъэццIагъэджэ зэрищэхэу, ыгъапцІэхэу щытыгъ, ащ ыНорэри зэкІэ нартымэ ашІошты хъутигъэ.

Лъэбыцэ нарт Шэбатынэ дэжь къэтызэ, кІэлэцЫкІоу бзылъфыгъэм ыныбэ кІоцЫ къигъыкІэу зэхихыгъэр къызыыхъуджэ, ар Лъэбыцэм итІуанэ хъунэу, ащ иягъэ къекІынэу шIышІытыгъ. Ащ пае а кІэлэцЫкІор къызыыхъуджэ ыгъэкІодынэу Лъэбыцэм унашъо ышIыгъ.

Лъэбыцэр нарт Шэбатынэ дэжь къекІыжки къызэкІожьым, нартымэ зэІукІэ афишIыгъ. Нартымэ зэІукІэ ашIымэ, тхъематэу яIагъэр Шэбатынэр ары, ау мызэгъэгум Шэбатынэ зэІукІэм щымыІэнэу, ежь Лъэбыцэр тхъамэтэнэу ыгъэпсыгъ. Нартымэ пщIы минхэр афиуси, Лъэбыцэм зэІукІэр къызэIухи, нартымэ къариIуагъ:

– Нартыхэр, сэ бэ мышIэу Тхъэм дэжь сыкIогъагь ыджи сеупчIыгъ «Нартхэр джыри дунаем бэрэ тетыха?» сIуи. Ар сIуи сызеупчIым:

– Нартыхэр бэрэ пэмытэу дунаем ехыжьытых! – Тхъэм къысиIожьыгъ.

ЕтIуани:

– Штыдыгъу ахэр дунаем зехыжьытхэр? – зысэIом, Тхъэм къысиIуагъ:

– Зы нарт бзылъфыгъэ горэм кІэлэцЫкІу хидзагъ. А бзылъфыгъэм пшъэшъэжъые къылъфэу ар пшъашъэ хъоу зыдэкІорэ мафэм щегъэжъягъэу нарт штьузыхэр лъфэжьытхэп. А штьузым шъао къыфэхъоу шъаор лЫ хъоу дэпк'ым екIуалIэу чатэр къызиштэрэ мафэм нарт хэгъэгум лIэу исэр зэкІэ лIэт, къысиIуагъ. – Нарт штьузыбэ малъфэ, ахэмэ ашыщэу нартыхэр зытекІодэтэр тэущтэу къэпшIэн? – сIуи, етIуани Тхъэм сеупчIыгъ. – Нарт штьузымэ ашыщ горэм ныбэм зихъуагъэр мэзищи хъугъэу кІэлэцЫкІор ныбэ кІоцЫм къегъыкIы, ар пшъэшъэжъыеу къегъыкIымэ, нарт штьузыхэр егъашIэм лъфэжьытхэп, еIо. Ар шъэожьыеу къегъыкIымэ, нартылIыхэр кІодытых, нартылIыхэр зэкІэ лIэтых, еIо. – Тхъэм джахэр къысиIуагъ, – ыIуи, Лъэбыцэм зэІукІэмэ къахиIуагъ.

Лъэбыцэм къыIуагъэр зэкІэ нартымэ ашIошь ыгъэхъугъ.

– Арышт, нартыхэр, сэ тыгъуасэ Шэбатынэ дэжь сыщыIагъ. Шэбатынэ иштьузы сэнабжъэр къыситызэ зыкIызеуфэм, ыныбэ кІэлэцЫкІу къигъыкІэу зэхэсхыгъэ ыджи ар гъэнэфагъэу шъао хъут, – ыIуагъ Лъэбыцэм. – А шъаор къызыыхъуджэ, тэ дгъэкІодын фае, амрымэ – текІодылIэт.

Лъэбыцә-кIаком къыIуагъэм нартыхэр лъэшэу ригъэгупши-сагъех.

Нартымэ сабый къэхъугъакIэр зэраукIытэр лъэшэу агу хэкIытыгъ, ау Лъэбыцә пцIыусым кIэлэцIыкIор къэхъоу чатэр зиштэджэ, нартэу щыIэр етэкъохынэу нартымэ ашIошь ыгъэхъугъети, ашIэн ашIэтигъэп. Ыджи нарт Шэбатынэ ишъузы кIалэр къызыфэхъуджэ, къатыгъунышь аукIынэу зэIукIэм унашъо щашIыгъ.

— Тэштэу кIэлэцIыкIор къытIэкIыхъат? — еупчIыгъэх нартыхэр Лъэбыцәм. — Тэ нартыхэмджэ мамыкоу тиIэр Бирамыпхъу ары. Ар кIалэ къызыфэхъурэ шъузымэ ащэ зэпыт нахь, ныожьи нарт хэгъэгъум исэп. Шэбатынэ ишъузы кIалэр къыфэхъуны зыхъуджэ, Бирамыпхъу ныор дгъэклот, — ыIуагь Лъэбыцәм.

Шэбатынэ ишъузы кIалэр къыфэхъуны зыхъуджэ, Бирамыпхъу агъэкIонэу нартымэ тыраубытагь. КIэлэцIыкIор къэхъуны зэхъум, мамыкоу Бирамыпхъу ныор кIуагьэ ыджи кIэлэцIыкIор къызэхъум, Бирамыпхъу къытыгъуи, кIэлэцIыкIор нартымэ къа-ритыгъ.

КIэлэцIыкIум нартыхэр зеплтым, кIэлэцIыкIор щыхъгъэ, ащ ишхыкIэ тыгъэ нэфым фэдэу нартымэ къашIошIыгъ.

КIэлэцIыкIор зэрэшхыпцIыгъэм мэхъанэ горэ иIэу нарт Шъэуае къыIуагь ыджи кIалэр амыукIэу псаоу къагъэнэну тыраубытагь. Нартымэ чьыгэешко раупкIи, а чьыгаам хъэкъуашъо хашIыкIи, а хъэкъуашъом кIэлэцIыкIор рагъэгъольхъагь.

КIэлэцIыкIор зэрэгъэгъольхъэгъэ хъэкъуашъор къушхъэм ахьи, къушхъэм хъуатэу иIэмэ анахь куум кIэлэцIыкIор зэрильэу хъэкъуашъор дагъэуцуагь. Хъэкъуашъор хъуатэм къыдагъэуцуи, нартыхэр къызэкIожыхэм:

— Унашъоу къепшIыгъэр дгъэцэкIагъэ, кIэлэцIыкIор туукIыгъэ, — аIуи Лъэбыцәм раIуагь.

Ар зырайом, Лъэбыцәр гушIуагьэ, къэхъумэ тIуанэ фэхъу-тыгъэгъэ кIэлэцIыкIор аукIыгъэу Лъэбыцәм шIошIи.

Хъуатэу кIэлэцIыкIор зыдэлъым чэцым жыыбгъэшкор къы-шилъыгъ, ошьопшэшко къэхъуи, ошхышкор ѢырикIыкIэхэу къы-щещхыгъ. ПчыкIэр джэгоу, шыблэр гъуагьоу ошхышко къызещ-хым, хъуатэу хъэкъуашъор зыдэтым псэр дизы хъугъэ. Хъуатэм псэр дизы зэхъум, кIэлэцIыкIор зэрэдэлъэу хъэкъуашъор псым къырихыжьагь. КIэлэцIыкIор зыдэль хъэкъуашъор къушхъэм къычихи, псым шъофышком къырихьагь.

А шъофышком нартымэ якъазыхэр щигъэхъоу нарт ню горэ изакъоу итыгъ. Зэджэм къэзэхъо ныор зэдайом, кIэлэцIыкIу гыы макъэ ытхъакIумэ къыридзагь. Ныор хъэкъуашъом екIуали зеплтым, хъэкъуашъом кIэлэцIыкIоу дэлльэр щыхыпцIыгъэ. Ар зэш-хым, ишхыкIэ тыгъэ нэфым фэдагь. Ныом кIэлэцIыкIор ыштагь:

— ШухъафтЫнэу силIыжь фэсхьыт, — ыIуагь ныом. Ныом кIэлэцIыкIор ядэжьы ыхьыгъ.

А чыпIэм ехъулIэу нартымэ зэIукIэ ашIыгъ. Нартымэ зэIукIэу ашIыгъэм Бэрэмбыхъу ныор къакIуи къариIуагь:

— ШъошIэ шъо нартыхэр, чынтымэ ядзэхэр къызытэкIум, тичIыгу къытфэзыгъэнэжьыгъэу тэ псаоу тыкъэзыгъэнэжьыгъэ шыу бэлахьэу къэкIогъагьэр? А шыор хъулъфыгъэп, ар нарт Шэбатынэ ишъуз арыгъэ. Бзылъфыгъэм текIон кIуачIэджэ Нарт хэгъэ-

гум лы исэп. А шъузым тхъэмыйлагъо къехъулагъ. КіләцЛыкІоу къыфэхъугъэр кіодыгъеу лъехъу. КіләцЛыкІор шъо къизэрэшъутыгъугъэр аш зишіләджә, Іэ пцланджә чыгор зэпырыштуигъэгъэт, шъузыфэсакъыжь!

Нартыхэр щтагъэх, зэлукІэр зэбгырыхъуштужыгъэ. Апэдэдэ Лъэбыщэ-кіаком кіитхъужыгъ.

Нарт Шэбатынэ ишъуз кіләцЛыкІум лъыхъузэ, къэзэхъо ныом дәжын къесыгъ. Шэбатынэ ягуашә къэзэхъо ныом еупчыгъ:

– Шэбатныкъу ыцІеу кіләцЛыкІу спокіодыгъ, ар о зыгорәдже плъегъутына? – ыуи.

Шэбатныкъо ыцІэ къызэрэриуагъэм тетэу зекІэ къазхэр ошъогум дәбыбягъэх. Къазыхэр ошъогум зыдэбыбаехэм, Шэбатныкъо янэ гушуагъэ ыджи ныом зыжэхидзи ІаплI рищәкЛыгъ. Къэзэхъо ныом шъузэр ядэжын ыщи кіләцЛыкІор күштэу зэрылъэр ригъэлъегъугъ. Шэбатныкъо янэ зельэгъум, щыхыцЛыгъэ. Шэбатныкъо янэ гушІом къыхэкЛыу гтыгъэ ыджи кіләцЛыкІор ыхыжы шъузэр ядэжын кіожыгъэ.

Шэбатынэ ишъузы кіләцЛыкІор къыхыжы къызэрэлж нэужым, къэзэхъо ныоу кіләцЛыкІор къэзыгъэнэжыгъэмрэ ныом илЛыжъыри лъигъакІохи къаригъэшагъэх. Ныом кіләцЛыкІор хъэк'уашъом илъеу зэригъотыгъэр къызелуатэм, нартымэ ашыцгора кіләцЛыкІум къызэрешэрэ ышлагъ Шэбатыны ишъузы.

Шэбатынэ ишъузы чыунэ аригъашЛыгъ ыджи а чыунэм Шэбатныкъо чигъэгъолъхагъ. Къэзэхъо ныомрэ лъижъымрэ арииуагъ:

– Сэ Шэбатныкъо сырян. Ар шъо къэжъугъэнэжыгъ арышь, шъо къэшумылъфыгъэми, Шэбатныкъо шъорыдже хымэп. Шэбатныкъо ыукишІоигъоу нартымэ ашыцгора къешэ, арышь, сэ сышъользІу Шэбатныкъо мы чыунэм шъудычЛесэу шъупЛундыдже, – ыуагъ шъузым. – СикІалэ икъебар нартымэ ашыцгорэм ешумыгъашI, аужыпкъэм ятэу къязыгъэлъфыгъэми ежъугъашІ хъутәп. Шым ешэсын ылъэкЛыны охъуфәдже шъупЛу, шъуләжын, – ыуагъ.

Ар къазыреIом, ныомрэ лъижъымрэ гушуагъэх.

– Мы уашъор тишихъатэу тхъэ тэIо! Мы кІалэр цыиф етымыгъэләгъундже ыджи фәдэлI нарт шъузы къымылъфыгъэу ар тэллы тиши.

Біджыри тамэ зыгот шы лъепкъэу, алъпыдже заджэхэрэ шы лъепкъэр, Шэбатныкъо пае ахъунэу лъижъымрэ ныомрэ аIуагъ. Етуанэ:

– Шэбатныкъо пай бгъэжъ чанхэмрэ самырдже зэджэхэрэ хъэлъепкъыхэмрэ дгъэсэнхэу гушаIэ отэты, – аIуагъ.

– Хъут ашыгъум, кіләцЛыкІум шъунаIэ тежъугъэт, игъы макты цыиф зэхешумыгъэхы, – ыуагъ Шэбатныкъо янэ. – Ар гъы зыхъуджэ шкэнэу арышь, кІалэм дәжэ сыкъызышыкІотэр сэ сәшІэ, – ыуагъ.

Шэбатныкъо къызэхъум ятэ дэсыгъэп, зекІо кIуагъэу къэтигъ. Шэбатынэ зекІо къикЛыжы къызэрэлжым, шъузэр лымынэгу кіэмиплъэу:

– Сэ кіелэ лагъэ къисфэхъугъети, Іошхъэ лъапсэм щыгЧлестIажыгъ, – риуагъ.

Ныомрэ лыжъымрэ Шэбатныкъо чыунэм щапыгъ нартымэ амышы. Зы ильясым адэр кэлэцьиумэ ахахъорэм фэдиз зы мафэм Шэбатныкъо хахъотыгъ.

Шэбатныкъо кушъэу зыхэлтым хэмийфэжъэу хъугъэ. Етиуанэ лыжъимрэ ныомрэ чэц мэзахэм цуй кэшлагъэу чыгэешко къальэшъуи, Шэбаныкъо кушъэ фашыгъ. Шыхыншор кушъепсы фашыгъ.

Шэбатныкъо янэ непэ блэ быдз ригъашъотыгъ. Ныоми шкын дэгъухэр ригъешкетыгъэх. Шыхыншор кушъэ фашыгъ. Шыхыншор кушъепсы фашыгъ.

Ныом кушъэр ыгъэссызызэ Шэбатныкъ моштэу, мыхэр къыфиотагъ:

— Непэ мэфэшко маф,
Непэ сэ слорэр шэхэу орэхъу!
Заом узыкоджэ нэфшъагъом уфэдэу,
Унафэу, мафэм фэдэу унэфэу нарт шыу ухъут!
Алъпэу узытесэр жыхарзэм фэдэу псынкэу зеклоу,
Уижъабгъуджэ хъэджашъохэр готыхэу,
Уисэмэгукэ хъэджашъохэр готыхэу,
Бгъажъышкохэр чанэу уашъяагы итыхэу,
Уитанджы паю тигъэ хъадзом пэджэгоу,
Уипчыпэ шыблэ макъэр пылукэу,
Дзэм ыцыпэ укъышежъэмэ,
Адрэ цыпэмдже укликэжъэу
Зекэ дзэмэ уатекло!

Ахэр ныом къызео нэужым, кушъэпсыхэр къызэпиути. Кушъэм къыхэки, Шэбатныкъо джэхашъом къытехъагъ. Дэпкъым екуюалки чатэу пылъагъэр къышихи, чатэм зэрэрызэтэй тетэу нарт чатэмдже зигъэсагъ. Бгъажъхэр нэуюасэ ышыгъэх. Шэбатныкъо самгъурыхъэхэр зэригъэсагъэх.

Джар икъехъукэу Шэбатныкъо къехъугъ. Шэбатныкъо янэ ильясиблэ быдз ригъешъуагъ.

ЮНОСТЬ НАРТА ШАБАТНЫКО

В некоторые времена войска Чинтии вступили на землю Нартии, чтобы воевать с нартами. Чинты продвигались, разоряя Нартский край, поджигая дома, убивая стариков, женщин и детей, творя такое насилие. Когда такое случилось, поднялись все мужчины в Нартском kraю, кто только был способен сесть на коня.

Нарты вышли навстречу, чтобы воевать с чинтами. Они сражались мужественно, но их было мало. По расчетам нартов, чинтов было <очень> много. Против одного нартского наездника приходилось сто чинтских всадников. Нарты побивали множество чинтов, но тех было так много, что потери даже никак не замечались. Но когда чинты убивали одного нарта, это осознавалось тут же, потому что их было мало. Когда сражение затянулось, нарты почувствовали опасность, что чинты их одолеют и истребят.

В таком положении вдруг неожиданно для нартов явился один наездник. Этот наездник был вот какой: с правой стороны

его борзая собака бежала, с левой стороны его собака борзая бежала, над ним орлы могучие огромные кружили. Рассказывают, что вот таким был тот наездник. Шея коня, что под ним, была подобна шее змея, от копья, которым сражался тот муж, извергались громовые раскаты, на голове его, переливаясь на солнце, сиял шлем.

Тот наездник так устрашил чинтов, что они не знают, куда бежать. Наездник прибывший кромсает врагов, все войско явившееся перемешивает.

Все нарты друг друга спрашивают:

– Кто этот наездник? Где он до сих пор был и где воевал?

Нарты воспрянули духом. Погнали они врага по горной долине.

Чинты не в силах противостоять явившемуся наезднику, а наездник их косит, как траву. С великим мужеством он воевал против чинтов. Он искромсал все чинтское войско. Еще один человек из врагов в живых оставался. Наездник на него налетел, словно вихрь, поставил на нем клеймо:

– Будешь вестником о том, как чинты погибли, – сказал, отпустил его. – Еще раз придешь – убью.

Отпустил он чинта. А нарты дивятся тому, что он совершил.

– Из каких этот наездник? – говорят. – Как он явился сюда, откуда он, кто его спутник?

Нарты друг у друга спрашивают, но кто этот наездник, изрубивший <целое> войско, никто не ведает.

Насирен-жаке сказал, что не знает, чьего роду этот всадник, и Ащамез заявил:

– Я о нем и рассказов не слыхивал.

Саусарыко тоже не ведал, откуда этот всадник. Из нартов никто не знал, откуда явился этот наездник.

Из нартов не находится никого, кто бы подъехал к нему и спросил бы. Тогда тот никому не известный одинокий всадник сам приблизился к нартам. Те с радостью встретили его:

– Благодарим за то дело, что ты сегодня совершил, – сказали.

Среди нартов <самым> лукавым и лживым был Тлебыща-коротыш, он-то и подбежал к всаднику, чтобы расспросить, откуда он явился.

– Я такой же, как и вы все. Как же вы допустили, что, не известив меня, позволили прийти им в нартский край? Наш общий долг совместно оберегать нартскую землю, – заявил всадник. – Теперь я уеду. Если еще какая беда с вами случится, тогда и поближе узнаем друг друга. Люди лучше узнают друг друга в беде, – сказал так всадник и уехал.

– Каково твое имя, откуда ты явился? – так никто из нартов не осмелился его спросить. Еще долго стояли нарты, сожалея о том.

Тогда Тлебыща-коротыш решил узнать, откуда тот вышел. Он подумал, что для него будет лучше подружиться с этим всадником. Тлебыща-коротыш сел на своего коня и пустился за уехавшим всадником. Один всадник следя за другим всадником, оба один другого преследуя, они достигли дома нарта Шабатына, что в горной долине.

Тлебыца увидел, как незнакомый всадник въезжает во двор, спешивается, коня крепит к коновязи иходит в дом. Он некоторое время подождал и сам въехал во двор Шабатына. Когда он въехал во двор, ему навстречу вышла одна женщина с чашей сано в руке.

— Ты наш <дорогой> гость, богато снаряженный Тлебыца мужественный, не обижайся, говоря «встретила меня женщина», в доме нашем ни одного мужчины нет, все уехали в зеко. Не брезгуй тем, что подает женщина, испей из этой чаши.

— Пусть оно так и будет, — сказал Тлебыца-коротыш и выпил чашу сано.

Женщина распорядилась в честь приезда гостя зарезать семь откормленных быков. Женщина в отсутствие своего мужа устроила для Тлебыцы пиршество. Тлебыца ест-пьет, пьянеет, но все же беспокоится и о деле, по которому прибыл.

— Где же тот муж, который возвратился в этот двор? В этом доме сейчас нет ни одного мужчины, — говорит Тлебыца. — На моих глазах в этот двор въехал всадник и вошел в дом, куда же он делся?

Когда он вышел из дома, Тлебыца-коротыш увидел, как женщины во дворе чистят коня, на котором сидел тот незнакомый всадник. Тлебыца узнал коня: это был тот самый конь с шеей словно у змея, на котором сидел славный муж. Тлебыца не решился спросить у женщин, чей это конь. Никому ничего не говоря, он вернулся в дом и продолжил застолье. Когда вечером пиршество завершили, Тлебыца вышел из дома и направился к конюшне, где стоял конь со змеиной шеей, в надежде увести его. Однако конюшня была в подземелье, а ворота были заперты огромным камнем и у Тлебыцы силы не хватило на то, чтобы его отодвинуть. Потом он решил: «Возможно, сила всадника в его воинских одеждах, я их похищу»; но он не сумел выбрать ту комнату, в которой лежали [были спрятаны] одежды. Сильно расстроенный тем, что не смог отыскать боевые снаряжения, Тлебыца возвратился в трапезную и улегся, но заснуть не может, только так поворачивается, этак поворачивается.

Под утро нарт Шабатын возвратился из зеко и явился домой.

Когда ему сообщили: «У тебя дорогой гость», <он сказал:>

— Ведите его сюда, разве такого гостя держат в трапезной?

Когда к нартам являлись гости, их принимали в хачеще, но не вели в кухню. Вот поэтому Шабатын велел перевести Тлебыцу в хачещ. Он распорядился забить для него семь баранов. Он заново открыл застолье (букв.: *еду-питье*). Шабатынова гуаша поднесла чашу с сано Тлебыце. Когда она вручала чашу Тлебыце, он услышал плач младенца, раздающийся из утробы женщины. Тлебыца притворился, будто ничего не слыхал и взял из рук женщины чашу с сано. Семь дней-семь ночей они пировали (букв.: *ели-пили*). На восьмой день Тлебыца уехал к себе домой.

Если говорить о Тлебыце, то он хотел, чтобы в стране нартов не было никого мощнее его и достойнее его, чтобы все нарты были в руках его самого, Тлебыцы.

Бот поэтому Тлебыца захотел подружиться с неизвестным наездником. В тайне он вынашивал намерение проведать о слабо-

стях неизвестного наездника и погубить его. Если <еще> говорить о Тлебыце-коротыше, он обманывал нартов, непрестанно врал им, а нарты верили его словам.

Тлебыца опасался, что появившись на свет, тот младенец, плач которого из материнской утробы он слышал, когда был у нарта Шабатына, станет ему соперником и может навредить ему. Поэтому Тлебыца задумал погубить того младенца, как только тот появится на свет.

По возвращении от нарта Шабатына Тлебыца созвал собрание нартов. <Обычно> когда нарты устраивали собрания, тхаматой [ведущим] был Шабатын, но в этот раз Тлебыца устроил так, что Шабатын должен был отсутствовать, а тхаматовать будет он сам. Он наплел нартам тысячу небылиц и, открыв встречу, Тлебыца заявил:

– Нарты, я недавно посетил *Tха* и спросил его: «Долго ли еще нарты будут ходить по свету?». Когда я так спросил...

– Нарты немного времени спустя покинут этот мир, – ответил мне *Tха*.

Тогда...:

– Почему они покинут этот мир? – когда я так спросил, *Tха* мне сказал:

– Одна нартская женщина забеременела (букв.: *понесла младенца*). Если эта женщина родит девочку и эта девочка станет девушкой, то с того дня, как она выйдет замуж, нартские женщины перестанут рожать. Если та женщина родит мальчика, то с того дня, как он возмужает и, подойдя к стене, возьмет [снимет со стены] меч, все мужи нартской страны умрут, – сказал он мне.

«Многие нартские женщины рожают, как нам среди них [новорожденных] отличить того, от которого род нартов должен погибнуть?» – спросил я снова у *Tха*. – «Из чрева одной из нартских женщин зародыш трехмесячный заплачет; если это плач девочки, то нартские женщины в жизни больше не будут рожать, говорит. Если это мальчик заплачет, то умрут все нартские мужи, говорит. – Вот так мне *Tха* сказал», – сказав так, заявил Тлебыца собранию.

Тлебыца убедил нартов во всём сказанном им.

– Вот так, нарты, я вчера был у Шабатына. Когда жена Шабатына приблизилась ко мне, чтобы вручить чашу сано, я услышал из ее чрева детский плач, и это явно плач будущего мальчика, – заявил Тлебыца. – Когда этот младенец родится, мы должны его погубить, а не то мы через него погибнем.

Сказанное Тлебыцей-коротышом вынудило сильно призадуматься нартов. Нарты опечалились тем, что надо убить дитя новорожденного, но лжец Тлебыца так уверил их в том, что как только мальчик возьмет в руки меч, все нарты перемрут, что они не могли взять в толк, что делать. Все же решили, что как только жена Шабатына родит, они его похитят и убьют.

– Как же мальчик попадет к нам в руки? – спросили они у Тлебыцы.

– У нас, нартов, повитухой Бырамбух. Ее всегда приглашают, когда у женщины должен появиться ребенок, других старух [по-

витух] во всей стране нет. Когда у жены Шабатына должен будет появиться ребенок, мы старуху Бырабух и пошлем <к ней>, – ответил Тлебыща.

Нарты так и решили – когда у жены Шабатына должен будет появиться ребенок, отправить туда Бырамбух. Как настала пора родиться ребенку, повитухой пошла к ней старуха Бырамбух, и когда ребенок родился, она его похитила и вручила нартам.

Когда нарты взглянули на ребенка, он засмеялся, смех его показался нартам солнечным светом. Нарт Шауае заявил, что смех младенца что-то означает, и <поэтому> решили не губить малыша, а в живых оставить. Нарты срубили огромный дуб, из <ствола> этого дуба выдолбили лодку и в эту лодку уложили малыша. Лодка, в которую уложили малыша, отнесли в горы и опустили в самое глубокое ущелье, которое там было. Когда нарты возвратились после того, как опустили лодку в ущелье...

– Мы твое приказание исполнили, мальчика убили, – сообщили они Тлебыще.

Когда так сказали, Тлебыща обрадовался, потому что поверили, будто тот, кто, повзрослев, мог бы стать ему соперником, и вправду убит.

В ущелье, в котором лежал младенец, нагрянул большой ветер, налетела большая туча, прошел сильный проливной дождь. Когда прошел большой дождь с сверкающими молниями и раскатами грома, ущелье, в котором была та лодка, заполнилось водой. А когда оно заполнилось водой, лодку вместе с младенцем унесло течением. Лодку, в которой был младенец, вынесло с гор и водой принесло на широкую равнину.

На той широкой равнине пасла в одиночестве нартских гусей некая старуха. <Ребенок> подавал голос, старуха прислушалась и рассыпалась плач ребенка. Когда старуха, подойдя к лодке, посмотрела, младенец, лежащий в лодке, засмеялся. Когда же он смеялся, его смех напоминал солнечный свет. Старуха взяла младенца на руки:

– Отнесу моему старику в подарок, – решила она. <Так> она принесла младенца к себе.

К тому времени как раз в той местности нарты устроили сбираище. На то сбираище, устроенное нартами, явилась старуха Бырамбух и заявила:

– Знаете ли вы того славного наездника, который спас нашу землю и нас оставил в живых, когда на нас напали войска чинтов? Тот наездник не мужчина, это жена нарта Шабатына. В стране нартов нет такого, кто смог бы одолеть эту женщину. <Так вот,> с этой женщиной случилась беда: ребенок, которого она родила, исчез, и она его разыскивает. Если только узнает, что это вы похитили, она заставит вас голыми руками распахать землю, будьте настороже!

Нарты перепугались, и сбираище <быстро> рассеялось. Первым убежал Тлебыща-коротыш.

Жена нарта Шабатыныко, разыскивая своего ребенка, дошла до старухи, пасущей гусей. Шабатынова гуаша спросила у старухи, пасущей гусей:

– У меня пропал ребенок по имени Шабатыныко, не видала ли ты его каким-либо образом? – так сказала.

Как только она назвала имя Шабатныко, все гуси взлетели под небеса. Когда гуси взлетели под небеса, мать Шабатныко обрадовалась, бросилась к старухе и обняла ее. Старуха, пасущая гусей, привела женщину к себе домой и показала ей колыбель, в которой лежал младенец. Увидев свою мать, Шабатныко засмеялся. Мать младенца от радости всплакнула, а затем забрала младенца и пошла к себе домой.

Жена Шабатына, по возвращении домой вместе со своим младенцем, послала людей с поручением привести старуху, которая пасла гусей, и ее старику. Когда старуха рассказала, что нашла младенца в <долбленой> лодке, жена Шабатына поняла, что кто-то из нартов преследует его.

Жена Шабатына велела вырыть подземелье и поместила туда Шабатныко. Старухе, пасущей гусей, и <ее> старику она сказала:

— Я — мать Шабатныко. Вы же его спасли, хотя не вы его родители, Шабатныко для вас не чужой. Кто-то из нартов преследует, желая погубить Шабатныко, поэтому я вас прошу пожить в этом подземелье вместе с Шабатныко и растиль его, — сказала женщина. — Не допустите того, чтобы слух о моем сыне дошел до кого-нибудь из нартов, даже отцу, его родителю, нельзя говорить о нем. Растиль его, пока он не достигнет возраста, когда сможет садиться на коня, делайте, — сказала.

Когда она так сказала, старуха и старики обрадовались:

— Это небо во свидетели имея, клянемся, что мы вырастим мальчика так, что ни один человек его не увидит, и сделаем из него такого мужа, подобного которому еще не рождала <ни одна> нартская женщина!

А еще они обещали растиль для Шабатныко коня крылатой породы, по названию альп. Затем...

— Мы слово свое даем, что для Шабатныко обучим быстрых орлов и собак из породы, называемой самыр.

— Хорошо тогда, только присматривайте за мальчиком, пусть никто не услышит звук его плача, — сказала мать Шабатныко. — Когда он заплачет, это означает, что он хочет есть, поэтому я знаю, когда мне прийти к мальчику, — сказала.

Когда Шабатныко родился, отца дома не было, он тогда находился в зеко. По возвращении Шабатына из зеко домой жена, не глядя мужу в глаза, сказала:

— У меня родился мертвый ребенок, и я его закопала у подножия горы.

Старуха со стариком растили Шабатныко в подземелье, втайне от нартов. За день он прибавлял столько, сколько другие дети за целый год. Стал он не умещаться в колыбели, в которую его укладывали. Тогда старики и старуха приволокли на восьми волах в безлунную ночь большой <брус> дуба и из него сделали колыбель. Ремни из оленевой шкуры ему колыбельными завязками сделали.

Мать кормила Шабатныко грудью семь раз в день. И старуха кормила его хорошей пищей. Олеными мозгами, грецкими орехами, пчелиным медом она его потчевала.

Старуха, покачивая колыбель, вот так ей пела:

Сегодняшний день — священный день,

Сегодня мое слово пусть скоро сбывается!

Когда ты на битву отправишься, пусть ты будешь рассвету подобен,

Ясным, словно день, ясным нартским наездником ты станешь!

Чтобы альп под тобой носился легко, словно ветра порыв,

Чтобы справа от тебя борзые собаки бежали,

Чтобы слева от тебя борзые собаки бежали.

Чтобы над тобой орлы могучие резво парили,

Чтобы шлем твой в лучах солнца играл,

Чтобы с конца твоего копья громовой звук раздавался,

Чтобы с одного конца войска начавши,

До другого его конца ты проходил,

Все войско ты <один> побеждать будешь!

Когда так старуха ему спела, Шабатныко разорвал колыбельные завязки, вышел из колыбели, стал посреди комнаты. Подошел он к стене, снял меч и тем мечом наловчился, учась, как надо сражаться.

Вот таким образом Шабатныко появился. Семь лет кормила его мать грудью.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 103–111. Исп. Мадин Пшидаток: 1929 г.р., а. Вочепший Адыгей; бжедуг. Самозапись М. Пшидатока 13.09.1969 г. Перевод на русский язык А. Гутова.

Основная сюжетная линия сказания имеет довольно широкое распространение в рамках данного цикла. Налицо контаминация творческого характера мотивов о рождении героя, о его злоключениях в младенческом возрасте (включая модификацию мотива «удаления героя» вместо его умерщвления – компонент «Эдипова комплекса»), о его воспитании втайне от нартов и даже от родного отца, об участии эпизодических персонажей – безымянных старух и старика – в воспитании героя. Оригинально, что в роли антагониста представлен Тлебыща-коротыш, один из центральных персонажей шпинатля из другого цикла, о мести нарта Ашамеза за кровь своего отца. Только в данной записи козни нартов против Шабатныко / Пшибадиноко мотивируются претензиями антагониста на статус предводителя над всеми нартами, что становится формальной причиной его вражды с Шабатныко, хотя линию Тлебыща-коротыша резонно рассматривать как один из вариантов объективации мотива преемственности власти.

Зеко (зекIo) – поход, наезд, путешествие.

Трапезная (шкыншIэш) – букв.: кухня / помещение, где готовят еду – речь идет о большом помещении, где готовка совмещена с застольем, чтобы подавать блюда горячими. Предпо-

ложительно, что в данном случае речь могла бы идти о *хачеце* (*хъачIэш / хъэшIэш*), комнате или отдельном доме для гостей, где могут быть совмещены и приготовление блюд, и угощение, и место ночлега. Однако далее в тексте дано недвусмысленное разъяснение, что речь идет действительно именно о кухне как помещении, не достойном для приема высокого гостя.

Txa (*Tхъэ*) – букв.: бог – общее нарицательное имя бога, а также одно из собственных имен верховного божества в адыгской мифологии.

4. БЭДИНОКЪУЭ ЗЭРАГЬЭЖЕЙУЭ ЩЫТА ГУЩЭ УЭРЭД

Уэу-уэ, уэрдэ-рейдэ, нартурэ лыыхъу нэху,
«Дыгъэ махуэ!» щыжытIэ,
Фыгуэ хужытIэ псори къылъос,
Зиусхъэн «дэшэсыр» хъэ самырщ.
ЗэрыдешэсыкIыр хуарэ тхъуэррапIэш,
Данаагъуэр зи шхуэмымлакIэ,
Я кIэхэр зи дыщэ Гунэ,
Нэкур зэдэзыгъэз.
Хы къуалибл зэзыгъэзыр уэ уи адэш,
Джын-Джын куэшI къынцыдыгъэр уэ уи анэш,
Быфэкъу анэ дыщэ пыIэ хуогъэшI,
Тхъэм къегъэшI уи лъэрыгъ зэдеIэр.
ДжатитI зэблихъуурэ мэзауэ,
Зауэм щахыхъэкIэ нарт фафIэш,
Зиусхъэн и фэгъууи хэт щыIэ?
Нартыжку щыIэми щIоупшIэр,
ЛъапIэбэу щыIэхэр къегуэш,
Дарий гуэшыным дэдгъэзаш,
Къимыгъэзэххэурэ мэзауэ,
Зауэм щахыхъэкIэ нарт фафIэш.
Узэбакъуэ дыщэ джатэ къыздэпхыщ,
Узыщепсых жылэ бий бгъэубзэш.
Уэ уи Лъостэнайбзэри щыбауэш,
Хъэхьеи макъхэри щэдзыгъуэш.
Дзэр зыущхъэкIури уи джатэш,
Уи джатэуэкIэри зыми памышI.
Уи гъашIэм бэр щIолтэIу,
ЗэшIогъэуIуэри шу мин бгъэшэш,
Маисэу чынтыдээ пашэм йокIуалIэ,
Лыгъэ хуекIуэри и тетыгъуэм треху.
И хуарэгъуэ псыгъуэр и Iэдэжш,
Iэдэж уанэр егъаджэ,
Абы и джэ мақъым дыщэ джэд долъатэ,
И къэкIухыкIэр лъатэгъэфэш,
Шу миныр зыщIэмыхъэ,
Ди нанэ зэрахъэкIын,
Укъэхъуна сохъуахъуэ!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ, КОТОРОЙ УКАЧИВАЛИ БАДИНОКО

Уоу, уоу, уареда-реда, нартский муж ясный,
Солнцем ясным нами именуемый,
Все доброе, что ему предрекаем, ему достается.
Кто вместе с <моим> зиусханом выезжает, – это *собаки-самыры*,
На чем он выезжает, – это гнедая хуара,
Шелк желтый – его удила,
Хвост <его коня> золотом заплетен,
Глазницами своими он вращает,
Кто окраины семи морей объезжает, твой отец,
Кто солнцем сверкает на коленях *Джин-Джина*, твоя мать,
Для кормилицы твоей ты велиишь изготовить золотую шапочку,
Куда твое стремя направится, то Богом даруется.
Сменяя два меча, он сражается,
Когда он в сражение вступает, он нарт яснолицый,
Кто есть, подобный <моему> зиусхану!
Обо всех славных нартах, какие есть, он справляется
[Все славные нарты, какие есть, о нем справляются – ?]
Все драгоценное, что есть <на свете>, он <щедро> раздаривает,
Дареные <им> шелка нам мир открывают,
Не оглядываясь на мир, он сражается,
Когда он в сражение вступает, он нарт яснолицый.
Где ты ступил, оттуда меч золотой добыл,
Где ты спешился, там враждебное племя заискивать заставил,
Твоя *Тлостановская тетива* до спины [насквозь] пробивает,
Клики военные – в три полета стрелы <вокруг всё охватывают>,
Войско целое что устрашает это твой меч,
Твой удар мечом ни с чем не равняют.
За твою жизнь люди просят [к богам взывают],
На твой призыв тысячу всадников ты на коней сажаешь,
<С> *маисой* он к предводителю чинтского войска подъезжает,
Мужеством превзойдя, с предводительства свергает,
Его буланого хуару под уздцы ведет,
Седло, что на коне, под уздцы ведомом, звенеть заставляет,
От его звона фазаны взлетают,
Его посадка полету подобна,
Тысяча всадников тебя не догоняет,
Да будешь ты усладой нашей наны,
О том, чтобы ты вырос, я *хох* говорю!

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-е. Пасп. № 7.
Исп. Хажисмель Карданов: 1860 г.р., а. Бесленей Карабаево-Черкесии; бесленеевец. Зап. 25.09.1949 г. З. Кардангушев. Перевод на русский язык А. Гутова.

Данный текст – единственный, в котором в системе героического эпоса адыгов самостоятельно представлено произведение

жанра колыбельных песен. Как известно, эпосы многих народов мира аккумулируют смежные фольклорные жанры, а также в весьма полной мере отражают мифологические представления и связанные с ними ритуалы, вместе с описанием обрядов и приуроченным к ним фольклором в них содержится и другая ценная этнографическая информация. В адыгском эпосе довольно редки случаи подобных прямых параллелей с системой верований и инкорпорации других фольклорных жанров, хотя мифологическая основа и общефольклорный контекст совершенно очевидны. Так же обстоит дело и со многими этнографическими реалиями: дискретный мир народного эпоса никак не является да и не представляется аналогом реального мира его носителей, эпос функционирует по своим законам, в значительной степени эстетическим, опирающимся на действительность, но не повторяющим ее доподлинно.

Взаимоотношения эпоса с реальной действительностью, как правило, опосредованы путем отражения ее в системе художественных условностей. Данный случай представляет собой одно из редких исключений из правила, но и здесь исключение достаточно мотивировано: надо признать, что «Колыбельная ... Бадиноко» весьма органично вплетается и в цикл о данном герое, и вписывается в общую систему мифо-эпических координат.

Зиусхан (зиусхъэн) – букв.: господин, здесь, скорее всего, использовано в исходном значении слова: зи уз схъын – чьи болезни я на себя возьму. Это логически соответствует субъекту речи – кормилице, от лица которой песня исполняется. Омоформа части слова с тюркским «хан» здесь случайна.

Собаки-самыры (хъэ самыр) – порода охотничьих собак, борзая; присутствие в сопровождении богатыря собак-самыров – один из атрибутов нарта Бадиноко в посвященном ему цикле.

Хуара (хуарэ) – лошадь чистокровной породы.

Джин-Джин (Джын-Джын) – значение слова однозначно не объясняется. Возможно, это мифический топоним, обозначающий некую местность, почитаемую как сакральная.

Глостановская тетива (Лъостэнэбзэ) – сочетание встречается только в данном тексте. Изготовление добротной тетивы приравнивалось к искусству, поэтому имена мастеров или мастериц этого занятия получали широкую известность. Полагаем, что определение «глостановский» здесь это указание на особое качество тетивы, изготовленной славным мастером и названное его именем.

Маиса (маисэ) – сталь особой закалки, часто упоминаемая в эпических сказаниях.

Хох (хъуэхъу) – благопожелание, один из популярных жанров адыгского фольклора.

5. БЭДЫНОКЬУЭ ЧЫНТЫМ ЗЭРЕЗЭУАР

Нартхэм къезэуэну чынтыдзэр къакIуэри хэкум къетIысылIат. Нартхэм я деж тIасхъэцIэх къагъэкIуа чынт лыкIуэм Бэдынокьуэ хэкум зэрисыр хъыбару яхуихыыжащ. Чынтыдзэ пашэм ар щызэхихым, и мурадым чэндэжэц хилтхээри гупсысащ. Чынтыдзэр нартхэм къезэуэну Бэдынокьуэ къыфIэллыкI хъуаш.

Бэдынокьуэ и анэр чынтым къацIыхурт – и лыгъэр ящIерт. Щэбетын и гуашэм и IэцIэпIыкI щаум чынтыдзэр къызэртемыкIуэнум гу къылтатааш.

Нартхэм Бэдынокьуэ и хъыбар зэхахыу, и лыгъэр зэхахыу, и шыфэлIыфэр ямыцIыхуу щытт, ялъэгъуватэкъим.

– Бэдынокьуэ бланэ гъэшхар зи шэджагъуашхэ,

Вы гъэшхар зи пшапэ Iус,

Уи шэсигъуэр къесащ.

Уи алъыгъуу пцIэгъуэплъ псыгъуэм уанэ къытэльхъэ,

Уи хъэ самырхэр зыщIыгъу,

Уи бгъэ гъесахэр здешажъэ,

Зехъэжки яхыхъэ,

Хэкум къихъахэр иупцIэ,

УпцIакIуэхэр зумыгъэчэу,

Уи лыгъэр енщ, – жиIери Бэдынокьуэ и анэр къэпсэльяаш.

И анэм и псалъэр щиухым, зызэцIиIуэнэщ, зызэцIиIэтэщ, нэхъу-нэхъуу къеплъу Бэдынокьуэ къэпсальэри жиIаш:

– Сызэребгъажъэш си къэкIуэжыкIэр, – жиIери.

Бэдынокьуэм и анэм шу щышэскIэ Iэцэрэ фашэу зыхуейр псори ихъэзырт, Бэдынокьуэ и лыгъэри ишIэххэрти гушхуаэ жиIаш:

– Уи пцIэгъуэплъу блапцЭ щхъэ гъурыр

Iэ кIуэцI ижыну гъэпсаш,

Хъэгъуэ-хугъуэ Iус щIэпIыкIщ,

Май мазэкIэ мэкъу пашIауэш,

ЩIыунэрыпIщ.

Абрэмывэр IугъэкIуэти зыкъегъащIэ!

Уи уанэр дыжкын хэцIыкIщ,

Уи Iэцэрэ-фащэр фIэдзагъэххэш,

Къыпыхи зэхъэлIэ,

Лым я лейуи ежъэ,

Угужьеуу умызджыздж,

Уи зыджэ макъыр шууишэу,

Нартищэ лыгъэр уи зэ уэгъуэу,

Хуарэжь жэрыгъэр уи лъэбакъуэу,

«Мыхъу-мыпцIэ» къыныс,

КъетIысэхахэри хэгъащIэ,

Нартыжхэмий закъысхуегъащIи

ЩIы фIыцIэ лъэгур къэубэ,

Биижьурэ чынтыдзэ пашэр къахэш,

Я нэхъ шэрыуэри къехъэх,

Зэхахыжын щхъэкIэ зи напэ Iурыдзэри Iурылтъу

Нэхъ лъэрхыхыр гъэкIуэж.

Уэ си щIалэу нэ пашэ,

Іәшәр къашти къәшәс,
Уи шы тесыкІәми сегъәплъ, –
жиІәри щепсалъэм, Бәдынокъуэ шым уанэ трилъхъаш, Іәшә-
фащәри зыкІәрилъхъери, пшЛантІәкум къихъэри шәсац. Уафәгум
хъыринэ ныщещІәш, ишІәфынумкІи и анәм гугъәу къыхуІәр
шыбыдәри, Бәдынокъуэр дәкІаш.

Шымрә лыимрә я жәшибл-махуибл гъуәгур зы маҳуэ ныкъуэ
гъуәгу фІәкІ къыштымыхъуу, чынтыдзэ бзаджәу хәкум къетІысы-
лам нәсри, къалъагъуу я бгъумкІә ябләкІаш. Зы тәлай икІуа
нәужымә, къигъазәри хъыбар къаригъәшІаш: «Зывгъәхъәзыр,
сивәзәуенүр гурыльщ», – жиІәри.

Чынтыдзэм ар щызәхахым, ахәр хъэзырыххәт, зауэр ирагъа-
жъәри, пшыхъәщхъэ пшәплътыр къимыдзу, чынтыдзэр Бәды-
нокъуэм ІәшІәухааш. Чынтыдзэ паşәр къиубыдри, шыпхәмкІә
и гупәр гъәзауэ, шыпхъәмкІә и щыбыр гъәзауэ, шым трип-
хаш. Чынтыдзэ паşәм игъуса шум и нәкІум удын тридзәри
хъыбарегъашІәу я хәкум иутІыпщылжааш. Езы Бәдынокъуэ чын-
тыдзэ паşәр шым тепхауэ нартыжъ хәкум къришәри къришәкІуәре
науэ яшишІаш.

Бәдынокъуэ и лыгъәр къэзышІа, ишІари зылъәгъуа
нартыжъхәри гузәсац, хуэусәни къахәкІаш.

Чынтыдзэ паşәр псоми науэ яшишІа нәужыкІә, Хъэрәмә
Іуашхъэ дришері, чынтыдзэр къыздикІа лъэнныкъуэмкІә и
гупәр гъәзауэ чынтыдзэ паşәр игъеуври, и джатэмкІә еуэри тІуэ
зэгуиупшІыкІаш, «Чынтыдзэм и кІәухыр зәримыр дыдэр псоми
ирелъагъу!» – жиІәри.

Зәпымыууэ къакІуәурә хәкум лыы щызыгъажәу, мылъкур
зезыпхъуәу, къулайсызыгъәрә гузәвәгъуәрә хәкум къизылъхъәу
щыта чынтыдзэ бий бзаджәр зәхиукІәри чынтым я лъапсәри
Бәдынокъуэ игъәгъущаш.

Бәдынокъуэ и лыгъәр абдежым къышынауэри, нартыжъ-
хәр бий къыхуәхъуаш, лыгъәкІә зэрәтекІуәнур къышашІэм,
«Дә мыбы дигъәпсәункъым, дигъэтиншынкъым, мыр лыгъәкІи
тхуэгъәкІуәдүнкъым, Іәмалрә хыиләрә къәдгупсысу абыкІә дыпә-
мылъәщмә», – жиІәри.

Бәдынокъуэ игу нәсыртәкъым, хабзәу щыІәмрә нартыжъхәм
яхәлтымрә. Абы къыхекІи шу закъуәу къикІухъу щыташ. Бәдынокъуэ цыху къытемыплъэу щыунәкІә ипІаш и анәм. Абы
ешхырыкъабзәуи, Бәдынокъуэ дәнә щыІәми къызәрекІуәлләжу,
зыми иримыгъәлъагъуу и анәм щыунәм щигъәпсәууэ, зыхуей-
зыхуәфІынхәр зыми имышІәу и анәм хузәфІигъәкІуу, и анәм
псори хуишІәу щыташ.

КАК БАДИНОКО СРАЖАЛСЯ С ЧИНТАМИ

Чтобы воевать с нартами, чинтское войско прибыло и расположилось у <границы> их края. Чинтский воин, посланный к нартам на разведку, принес <своим> весть о том, что Бадиноко находится в стране <нартов>. Когда предводитель чинтского войска услышал это, он усомнился в своих намерениях и призадумался.

<Из-за того, что> Бадиноко был с нартами, чинтское войско не решалось нападать на них.

Чинты знали мать Бадиноко: им было известно ее мужество. Они поняли, что войску чинтов не победить отпрыска гуаши Шабатына.

Нарты тоже слыхали о Бадиноко, слыхали о его мужестве, но не знали, как он выглядит, <так, как> они его <никогда> не видели.

– Бадиноко, чей обед – откормленная лань,
Чей ужин – откормленный вол,
Пришло тебе время садиться на коня.
Своего поджарого гнедого альпа оседлай,
Возьми с собой своих собак-самыров,
Поведи с собой прирученных орлов,
Помчись и вступи <в битву>,
Изруби тех, кто вторгся в страну <нартов>,
А тех, кто будет расспрашивать, не удостаивай ответа.
Ты преисполнен мужества, –
сказала мать Бадиноко.

Когда мать закончила свое напутствие, Бадиноко встрепенулся, подтянулся, посмотрел <на нее> открытым взглядом и сказал:

– Как проводишь меня, таким и будет мое возвращение.
У матери Бадиноко были наготове оружие и доспехи, всё необходимое всаднику. Она знала о мужестве Бадиноко и уверенно сказала ему:
– Твой гнедой, с шеей, как у змеи, сухоголовый <конь>
Готов проскользнуть сквозь сложенные в трубочку ладони,
Ячменем и просом вскормлен он,
Майским сеном кормлен он,
В подземелье взращен он.
Отодвинь абра-камень и покажись <ему> [покажи свою мощь].
Твое седло – изделие из серебра,
Твои доспехи висят наготове,
Сними <их> и надень на себя.
Отправляйся <в путь> достойнее всех мужчин,
Испугавшись, не вздрагивай,
Пусть голос твой будет подобен <голосу> ста всадников,
Пусть один твой удар будет равен ударам ста могучих нартов,
Пусть один твой шаг будет равен бегу могучей хуары,
До всех оробевших доберись,
<Сюда> добравшихся <врагов> срази,
Покажи <свое мужество> перед могучими нартами,
Вытопчи черную землю,
Заклятого врага, предводителя чинтского войска, плени,
Самых метких из них срази,
А чтобы <другие> знали <о твоей победе>,
Поставь клеймо на лице самому смелому
И вестником отправь <его> домой.
О, мой большеглазый сын,
Возьми оружие, садись <на коня>

И покажи мне, как ты сидишь на коне, — когда <мать> так сказала, Бадиноко оседлал коня, надел на себя доспехи, вывел коня на середину двора и сел на него. На небесных качелях поигрался он [порезвился верхом на коне в небесах], показал своей матери то, на что он пригоден, и выехал со двора.

Путь, на который <доброму> коню и <доброму> всаднику нужно семь дней и семь ночей, он посчитал как полдневный, достиг коварного войска чинтов, стоявших у <земли нартов>, и на глазах <у чинтов> проехал мимо.

Уехав на какое-то расстояние, он повернул обратно и известили их: «Готовьтесь, мое намерение — сразиться с вами!»

Когда чинтское войско услышало это, оно уже было готово; затеяли <они> битву, и Бадиноко еще до вечерней зари истребил все войско чинтов. Поймал он предводителя чинтского войска и, усадивши на коня лицом к хвосту коня и спиной к голове коня, привязал к седлу. Стремянному при предводителе чинтского войска он на лице клеймо поставил, и вестником отправил в их край. Самого же предводителя чинтского войска, связанного на коне, Бадиноко привез в страну нартов, возил и всем показывал.

Нарты, испытавшие мужество Бадиноко и видевшие его действия, встревожились, <но> среди них нашлись и те, кто захотел воспеть <его подвиги>.

После того, как Бадиноко показал всем предводителя чинтского войска, <он> повел <его> на Харама-гору и, повернув в ту сторону, откуда пришло чинтское войско, рассек его мечом надвое со словами: «Пусть все видят, что это является концом чинтского войска!»

Бадиноко истребил коварное вражеское войско чинтов, не престанно нападавшее <на нартов>, заливавшее край кровью, забиравшее добро, сеявшее нищету и тревогу, и уничтожил род чинтов. Там проявилась сила Бадиноко, и нарты стали его врагами, и они, убедившись, что он превосходит их в храбости, сказали: «Он не даст нам житья, не даст покоя; мы не сможем победить его силой, если не одолеем при помощи хитрости».

Бадиноко не нравились существовавшие у нартов обычай и нравы, поэтому разъезжал он одиноким всадником. Мать взрастила его в подземелье, тайком от людей. Так же, где бы ни бывал Бадиноко, как только он возвращался, мать никому не показывала его, а сразу уводила в подземелье. Втайне от всех она содержала его в достатке и делала для него все, что нужно.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-д. Пасп. № 14.
Исп. Мухамед Бэжунаев: 1856 г.р., а. Бесленей Карабаево-Черкесии; черкес. Зап. 23.09.1949 г. А. Бичноев. Перевод на русский язык
М. Бухурова.

Текст представляет собой один из вариантов сказания о происхождении и первом подвиге нарта Бадиноко / Шабатыныко. Мон-

тив рождения героя в данном варианте детально не разработан, но он достаточно прозрачно подразумевается, поскольку налицо такие мотивы как вражеское нашествие, женщина-воительница, эпизоды содержания героя вдали от чужих глаз в подземелье вплоть до его возмужания и первого его появления на свет, описание условий, в которых его воспитывала мать. Примечателен также мотив одиночества героя: истоки его правомерно видеть в древнейших мифологических представлениях, однако эволюция художественного сознания способствовала его функциональной трансформации. Одиночество, сближающее героя раннего типа эпоса с «первочеловеком», в позднеэпических циклах и исторических преданиях стало трактоваться как признак бесстрашения героя или же отсутствия достойных ему спутников.

До всех оробевших добериев – перевод условный в связи с тем, что в тексте оригинала упор сделан не на семантику, а на звуковую организацию фразы.

6. НАРТ ШЭБАТНЫКЬО ИКЪЭХЪУКІ

Шэбатныкъо ятэ Орзэмэджэр Чырты къырагъэкІи нартымэ тхъэмматэу къафагъэкІуагъ. Нартымэ лъэшэу ар къины кафэхъугъ. «Тэ тхъэмматэ къытхэкІытагъеба!» зыфэПон фэдэ агу къихъагъ. Орзэмэдж аукІындже щэшынэхэти, тхъагъепцЫгъэджэ агъэкІодынэу агу къихъагъ.

Сэтэнаер бзыльфыгъэ Іушэу щытыгъети, нартымэ ягухэлты гу лъетэ. Шэбатныкъор къызыфэхъуджэ ятэ римыгъашІэу чы чIэгъыджэ аргъэПу. АпIун зэхъум, чы чIэгъум шы, хъэпанийтIу, бгъэшхъуитIу алоу зэрэгтэсэнхэу читIупщхъагъэх. КIалэри лы хъугъэ, шыри шы хъугъэ. Ятэу Орзэмэджэр нартымэ агъэлIэнэу зэхалхъагъэ, ежь къафакIожырэп. Нартхэр Орзэмэдж зэрэтомыкIотыхэр къагурыIуагъети, зэIукIэм бжъэу щиIэтытэм щэнаутыр халхъаны агъэлIэнэу рахъуахъыгъ.

Сэтэнаер чахы кIалэм филога:

– Мыщ фэдизым чы чIэгъыджэ узфэсIыгъыгъэр зы мафэ ныIэп. Неущы нартымэ ешкэ-ештэо зэхахъэ яI. Уятэ джащ щагъэлIэнэу нартмэ зэхалхъагъэ. Нартхэр зэхэхъагъахэ, бжъэр уятэ ратыгъах. Бжъэр ымыIэтызэ узынэмисыджэ, уятэ бжъэм, щэджэныблэр хэлтышь, ыгъэлIэт.

– Адэ, тян, штыдэуштэу сыкIота ац? Сэ дунаем хэслтэгъу-кIыгъэ щыIэп.

– Тенэ къырыгъуаз, узыIукIэрэм еупчI «Нарт яунэ тэдэ щыI?» Іуи. Пиццанэ занкIэу екIу, Пиццэдже кIуи, нартымэ ячэмехъо бзыльфыгъэ Пиццэ ныбэ ушыIукIэт. УзыIукIэджэ ублэмыкI, штыд юуагъэджи ушIомыкI, тэрэзэу еупчI.

Сэтэнай-туашцэр щыф Іушэу, Нарты штыд щыхъуми-щышIэми игуллытэ лтыIэсэу щытыгъ. Арыти, илI нарт Орзэмэджы нартыхэр къызэрепыхэрэр зельэгъум:

– Бэ шIэн, макIэ шIэн, Орзэмэдж къагъэлIэнэу къыфежъетых. Ау зыхъуджэ, мы лыжъэр укIыПIэм къизыщыжышьун кIуачIэ

сицахь тельеу зизгъЭэн фае, – ыIуи, Шэбатныкъо мы Йофым шъэфэу фигъэхъазырыгь.

ХитIор чыM щылъэрэзэу, бгъэшхъуитIор огум щылъэрэзэу, хъэмэ къыхафырэр бгъэмэ къаубытэу, зылъэгъурэм ыгъэшIагъо Шэбатныкъор къежъэ.

Нартымэ ячэмахъо, Сэтэнаем зэриIуагъэу, Пшызэ ныбэ къышыдэкIы. Бзылъфыгъэ пцанэм шхъэрэхъэ. Бзылъфыгъэр гоIагъэ, ау штыдэу зызешIыми, Шэбатныкъор шокIыгъэп – бзылъфыгъэм ыбгъэ зыIуильхъагь.

– Усян ахъретыджи, дунаеджи.

– НитIоу узэмыйльэгъур нэштэу Тхъа еш! – ыIуи, шЭхэу зифэпэжъыгь.

– Тянэжъ-гуаш, сыхъэкIэ гъозадж сэ, Iалэдж яунэжъ зыдэшыIэр къысаIу.

– Iалэдж яунэжъ штыдым сигъэшIэн, сикIал, чэшырэ сыкъыдэкIы, мафэрэ сыдэхъажы, нартымэ сырячэмахъожъ тхъамыкIэу шъофым сит нахь, сэ штыдым сигъэшIэн нарт яунэжъ?

ЗэрэшIомыкIытэр бзылъфыгъэм къызгурэIом, къыриIуагь:

– А сикIэлэ дах, штыд осIона? AIоу зэхэсхыгъэр осIон нахь, зи спIэрэп. Мы бгым узыдэкIыджэ, нартымэ уанэмисэу Iалэдж яунэжъ щыт. Пшъэштэ дахэ ис, дэрые-бзэрий, чыжъэджэ укъылъэгъут. Псэлъыхъожъимэ икъэлапчъэу аутагъэм ухэнэ-найджэ щтагъо, ежыри бзылъфыгъэ дахшъ, уигъэукIытэндже чыпIэ щтагъу узэрыхъатэр.

Шэбатныкъо ащ къыгъэгубжыгь:

– Тянэжъ-гуаш, Алахымы сышмыштэу, быдзыщэм сышмыштагъэмэ, Iэхъомбэшком укIэзгъэшпыни. Зы поижъ сыукIэмэ, сифарэ хэнэнэу, зы хъэжъ сиукIэмэ, сиукIытэжъинэу сэ Чыртэ сыкъикIэу мыш сыкъэкIуагъэп сэ.

КъыбгъодэкIи, Пшызэ къикIи, къежъагь. ХъэпанийтIумэ къальэрэзахъэу, хъэмэ къыхагъэхъуштутырэр бгъашхъом къаубытэу, иш жьеу къыIукIырэм гъогу нэпцитIор ылыгъо Iэкуандэ-дахэу лъагэу щэгъындакъым исым чыжъэджэ къылъэгъугь. Шыум фэдэ шыу ды нэсы ылъэгъугъэти, шыум къыгъашти, куоу-кьеу щэгъындакъым къехи, янэу Сэтэнаем дэж чIэкIыгь.

– Си Iэкондэ-дах, штыд укъэзгъэшынагъэр?

– Тянэжъ-гуаш, зы шыу къакIошты, Чырты къимыкIыгъэмэ, Нарты къыралъфагъэп.

– Iэкондэ-дах, укъэммыши, укъэммыукIыт, хъазырэу шыIэм сыхэплъэн, мыхъазырэм ыужы сихъан, къедгъэблэгъэн! Цугъом ибжъэпэлтээр къурмэны фэтшIын, гъэлъэхъум ипщэрэр ащ Iэпэшшыпсэу игъусэу, Iэлэдж ягъэхъунэу ныбжьи цыф зэрэтымыгъэхъагъэм уиш щыдгъэхъун шьIори шъупэгъокI! – ыIуи, кухнэм чIэхъажъыгь.

Шэбатныкъор къэси Iэкуандэм икъэлапчъэу псэлъыхъожъимэ аутагъэм къеуцолIагь. Iэкуандэр щэгъындакъэм къехи, къыгъунитIоу иIэр ежъ нахьи дэхащэу къыпэгъокIыгъэх.

Пхъе цуакъэмэ къарыкIыхи, ныбжьи цыф фамышIагъэу лъэпэд къыпцIэджэ къыпэгъокIыгъэх.

– ТихъакIэу тикIас, еблагь! Цугъом ибжъэпэлтээр къурмэны фядгъэшIын, гъэлъэхъум ипщэрэр ащ иIэпэшшыпс. Iэлэдж

игъэхъунэу цыф зэрыйтмыгъахъэрэм уиш щыдгъэхъун, Іэкондэ-дахэри пишхъэ хэдгъэу!он!

— СыешкэкІо-ешъуакІоп, сывекІокІо кІалэ нахь. Шъуицугъо бжъэпэлтээр псэхалПэ Тхъа ешІ, шъуигъэлъэхъу пишэрэри тыгъужъмэ Тхъа аргъэлІ, Іэкондэ-дахэри тышылІэ Тхъа ешІ!

Къэлэпчъэшкоу Іулъэр къызэридзэкІи псыжъым къыхидзагъ.

— Псэлтыхъожъ бзаджэу Іэкуандэм дэжь къакІорэмэ лъэмайдж афэрэхъу!

Пишашъэм зэрэмыблэгъэтэр къыгурыІуи къыиІуагъ:

— Нарт язэІукІэ укъэсыгъ, моу бгым удэкІымэ, чыжъэжъэп. Нартымэ яунэ унэ фыжыы кІахь, унэ къебэ-наб, кІэсэныбэ кІэт, кІэсэнэу кІэтхэр цуиймэ зэрафаш, ащ ишІулъашто шы бгъэллыбэм къэсы. Цыфыбэ къекІоллагъэшь, уятэ унэшьошІэу яІ, узынэмисыдже уятэ агъэлІэт. Шым уепсыхынышь, уихъэрэ уишырэ къэбгъэнэннышь, лъэсэу уахэхъат.

ЗэриІуагъэм фэдэу шым епсыхи, щэгъындакъэ Іешэ-шгуашэу пылъэр зыпихи унэІутэу Іутым ритыгъ. УнэІутым ыІэтын ыльэкІыгъэп, столэу зытырилъхаягъэр зэхицІыцлагъэ.

— Мир гъэІылтышІэ фэдиз ик'урэп! — ыІуи, Іэхъомбэжъиеджэ Шэбатныкъо Іаби зыгуилъхаяжъыгъ.

Цыфхэр ГуигъэзыкІи, ятэ зыкІэрыс столым кІэрыхъагъ. Бжъэр ыІэтыгъахэу аужырэ гушаІэр Орзэмэджы къешІыжыы:

— Нартхэр, мыш семыштэозэ, хэти лъэгъунэу иІэр къерэІу, сывешшуахэджэ, хэт къыІуагъэми пкІэ иІэжъэп.

Аущтэу зыщиІоным, бжъэр ыІэтыгъахэу, ыжэ нэмисыпэу Шэбатныкъор унэм ихъагъ, столым кІэлъырихи, бжъэр Орзэмэджым ІэкІигъэзыгъ. Бжъэм щэджыблэу хэлъэр столым «лтылтылт» ыІоутельэдагъ. Шэбатныкъо къыгъази къикІыжыыгъ.

Шэбатныкъо янэ дэжь къекІожки зэкІэ хъугъэр фиІотагъ.

— Аферэм! — ыІуи, чы Чэгъым хьи, [бгъэи, ши], кІали чИшэжъыгъэх.

Орзэмэджи шъхъкІо иІэу къежъэжи къекІожыыгъ. Орзэмэдж лъэшэу зэрэчэфынчъэм Сэтэнаеми гу лъитагъ, гукъанэу иІэр ыүжимыкІэу къыригъэІуагъ.

— Нартымэ сагъэлІэнэу зэхалъхаягъэу зы кІалэ сыкъыгъэнэнжъыгъ. КъысэхъулІэгъэпстэумэкІалэрзэрэсмышІэрэр анах спІокъин.

— А лыжъ, ашыгъум моу къакІо, — ыІуи, Сэтэнаем Орзэмэджэр чыунэм чИшагъ. (Калэм зыригъэбылтыгъ). Шыри, хъэхэри, бгъэхэри ышІэжъыгъэх.

— Мыш зы ашэкІэ, — ыІуагъ Орзэмэджы.

Калэри къыкъюкІи, ащ апэрэу ятэрэ ыкъорэ щызэрэлъэгъугъэх.

Ащ щегъэжъагъэу Орзэмэдж мэІыстыжы, кІалэри чы Чэгъым къыЧашыжы, шъхъафиты хъужыыгъэ.

— Джы, тят, о щыс, сэ нартымэ адэжыы сыкІот уильэуасэ къэсхыхынэу.

— КІо, сыкІон пІомэ, сэ унашьо пфэсшІыжырэп, узекІон плъэкІыт, — ыІуагъ Орзэмэджы.

Шэбатныкъо кІуи нартхэр зэІуигъэкІагъэх.

— Сятэ ильэуасэ схыхынэу сыкъэкІуагъ.

– Къяло, къыттеплъхъэрэр тихыльэ.

– Уашъом лъэуей ешъудзэу шъузыдэкІуаеджэ – сятэ ильэусәджэ спштәжъыт. Щыбзәджэ псы къысфәшъухы сежъугъашъуи – сятэ ильэуасәджэ спштәжъыт. Цацэм пылъэу тхъор сәфәжъугъажъи....

– Ашдже Іэмал тиІэп, къыттеплъхъэрэр тихыльэ.

– Аңыгъум, Нарты данэу илъэр зэкІэ къәшъуугъоу. Хъарэм хъуватэ ар къышыжъугъэсти, дэнэ стафэу сиІалъмакъ из къызысәшъутыдже – сятэ ильэуасәджэ спштәжъыт.

Нартымэ данэу яІэр къаугъои зэкІэ агъэстыгъ. Жъыбгъешко къаришЫлIи, дэнэ стафэр ашIуихъыгъ.

– Аңыджи шъумыІэмалымэ, Нарты къуапцІэу исэр къәшъуугъои, шъуукЫ. Лъэр сищырыкъумэ къадәмьюу сыхәжъугъеуцомэ – сятэ ылъэуасәджэ спштәжъыт.

КъуапцІэу Нарты исэр Хъэрам хъуватэ яплъызэ щы-Шуаригъэбзыгъ. Лъэр чыгум ришъуи икъугъэп. Дащ тетэу Шэбатныкъо къаригъэгъокІоди, къыгъази, къекІожъыгъ.

РОЖДЕНИЕ НАРТА ШАБАТЫНЫКО

Орзамедж, отец <нарта> Шабатыныко, был прислан из Чиртии к нартам предводительствовать. Нартов это очень сильно обидело. «Неужели из нас самих не мог бы выйти предводитель!» – возмущались они. <Но> все же, побоявшись открыто убивать Орзамеджа, они задумали погубить его хитростью.

Сатанае была ведь мудрая женщина, и она разгадывает намерения нартов. И когда у нее родился Шабатыныко, она отдает его на воспитание, чтобы его растили тайно в подземелье. Когда дошло до его содержания, в подземелье, вместе с ним туда поместили коня, двух борзых собак, двух сизых орлов – чтобы все они росли, привыкая друг к другу. <Со временем> и мальчик стал мужчиной, и конь стал конем. Чтобы погубить отца его, Орзамеджа, нарты придумывают <различные> способы, а он сам к ним более не идет. Нарты поняли, что им не одолеть Орзамеджа, и подготовили яд, чтобы положить его в чашу, которую он должен был поднимать на сборище.

Сатанае вошла к юноше и поведала ему:

– Столько-то времени я тебя в подземелье держала ради одного такого дня. Завтра у нартов будет застольное собрание. Нарты приготовились там погубить твоего отца. Нарты уже собрались, чашу твоему отцу в руки подали. Если не успеешь туда раньше, чем твой отец поднимет [поднесет к губам] чашу, в нее запустили ядовитых змей, и он погибнет.

– А как, мать наша, я доберусь туда? Я ведь в свете мало что видел.

– Правь путь по Тену, встречного спроси: «Где здесь дом нартов?». Правь прямо к Пицицане, выезжай к Пшизге и там повстречишь нартскую пастушку, в Пшизге освежающуюся. Как повстречишь, как бы она ни увертывалась, не проезжай мимо, пока не узнаешь всего, что нужно.

Сатанае-гуаша была человек мудрый, она умела постичь своим умом все, что бы ни происходило в Нартии. И вот, когда она заметила, как наяты враждебны к ее мужу Орзамеджу, она решила:

— Много ли *<времени>* пройдет, мало ли пройдет, они решатся погубить Орзамеджа. Раз так, я должна заслать сильного *<человека>*, которому я доверила бы вызволение моего мужа с гибельного места. — С тем она тайно и подготовила Шабатыныко к такому делу.

Две *<борзые>* собаки по земле кружат, два сизых орла по небу кружат, то, что собаки выгонят, орлы ловят, те, кто их видит, диву даются — вот так Шабатыныко выезжает.

Как Сатанае и говорила, наятская пастушка освежается в Пшизе. Подъезжает он к обнаженной женщине. Женщина расстроилась, но что бы она ни делала, Шабатыныко не отстает от нее: *приложился он к ее груди <и заявил ей>*:

— *<Отныне>* ты мне мать и на том, и на этом свете.

— Да ослепнут мои глаза, что не увидели тебя! — сказала она и скоро оделась.

— Мать наша, добная гуаша. Я важный гость, укажи мне где стоит большой дом Аледжей.

— Откуда мне знать, где это дом Аледжей, сын мой, я выхожу *<со своего двора>* в ночь, возвращаюсь *<на исходе>* дня, я бедная наятская пастушка, только в долине и обретаюсь, откуда мне знать, где большой дом наятов.

<Однако> поняв, что тот от нее не отстанет, она рассказала ему:

— О сын мой прекрасный, что я тебе скажу? Ничего я не знаю, разве что расскажу тебе то, что от других слыхала. Как на эту гору поднимешься, еще не достигнув наятов, стоит большой дом Аледжей. Там прекрасная девушка сидит, шьет-кроит, издали тебя приметит. Есть опасность, что ты можешь увязнуть у крепостных ворот, перед которыми трясина взбита женихами, да и сама она так прекрасна... Вот в такое опасное место ты явился, где опозориться можешь.

Шабатыныко это рассердило:

— Мать наша старая гуаша, не побойся я Аллаха, *не побойся я материнского молока, заставил бы тебя проползти под расставленными мною большим <и указательным> пальцами*. Я из Чиртии приехал и сюда явился не за тем, чтобы моя *фара* застряла в первой лужице, которую встречу, чтобы я струсил при встрече с первой *потаскую*.

Уехал он от нее, переправился через Пшизу, поехал *<далее>*. Две борзые собаки рыщут, и то, что собаки вспугнут, сизые орлы ловят, жар изо рта его коня края дороги опаляет — вот таким его приметила издали *Акуанда* прекрасная, сидящая на балконе. Так как всадника, подобного этому всаднику, она до сих пор не видела, он ее напугал, и она с криком-визгом спустилась с балкона и вышла к своей матери Сатанае.

— Моя *Аконда* прекрасная, что тебя напугало?

— Мать наша добная гуаша, *<сюда>* один такой всадник приближается, что если он не из Чиртии, в Нартии такой не рождался.

— Аконда прекрасная, не пугайся, не стесняйся, я посмотрю, что у нас есть наготове, а что не готово, за это примусь, мы его приветим! Рыжего быка краснорогого мы ему пожертвуем, самого жирного валуха на соус добавим, «Мы пустим твоего коня пастись на лугу Аледжа, в которое никого не пускаем», — говоря, выйдите ему навстречу! — сказав так, *<Сатанае>* ушла в кухню.

Шабатыныко прибыл и стал напротив ворот, которые были испоганены *<неудачливыми>* женихами.

Аконда прекрасная спустилась с балкона и с двумя спутницами, которые были еще краше ее самой, вышла ему навстречу.

Они сошли с *пхацуаков* и в одних чулках, какой чести в жизни никого не удостаивали, пошли ему навстречу.

— Гость наш, дорогой нам, будь гостем. Рыжего краснорогого быка мы тебе пожертвуем, валух откормленный к нему на соус будет, пустим твоего коня пастись на лугу Аледжа, в которое никого не пускаем, а Аконда прекрасная тебе голову причешет.

— Я искатель еды-питья, а воин-наездник. Пусть ваш рыжий краснорогий бык волей божьей сам подохнет, пусть вашего валуха откормленного волей божьей волк задерет, ваша Аконда прекрасная волей божьей в родительском доме помрет!

<С этими словами> он большие крепостные ворота, что висели, вывернул и в лужу большую швырнул:

— Пусть женихам злосчастным, что приезжают к Акуанде, вместо моста послужат.

Девушка, поняв, что он не войдет гостить, сказала ему:

— Ты достиг места встречи нартов, как в гору взберешься, дальше уже недалеко. Нартский дом — дом белый длинный, дом покосившийся-перекосившийся, со многими опорами, опоры, что стоят, восемью волами приволочены, впереди них оградой брёвна, что по грудь лошади. Там людей много собралось, и твой отец у них предводительствует, если не успеешь, твоего отца погубят. *<Прибыв туда,>* ты с коня спешишься, собак своих и коня своего оставил и пешим подойдешь.

Как она и говорила, он с коня спешился, снял с себя лук и оружие-снаряжение и отдал это прислужнику, стоящему. Прислужник не смог это поднять, а стол, на который он положил это, подломился. Это плохое место, сказавши, Шабатыныко мизинцем поднял и на себя же повесил. Затем он раздвинул людей и протиснулся к столу, за которым сидел его отец. Поднявши чашу, Орзамедж говорит свое последнее слово:

— Нарты, пока я не выпил этого, у кого какие заботы есть, пусть выскажет. После того, как выпью, кто бы что ни сказал, уже ничего не будет значить.

Когда вот так говоря, он поднимал чашу, но еще не успел поднести ее к губам, Шабатыныко вошел в дом; подойдя к столу, он выбил чашу из рук Орзамеджа. Ядовитая змея, сидящая в кубке, со звуком «тли-тли-тль» поползла по столу, а Шабатыныко повернулся и вышел.

Возвратился он к своей матери и рассказал, как все было.

— Добро! — сказала она, и увела в подземелье и собак, и *<орлов, и коня,>* и юношу.

Орзамедж, расстроенный, ушел и возвратился домой. Сата-нае заметила, каким расстроенным был Орзамедж, и, не медля, разговорила его о случившемся.

— Когда наарты приготовили <средство>, чтобы умертвить меня, какой-то парень меня спас. Из всего, что со мной случилось, я больше расстроен из-за того, что не знаю этого парня.

— Эй, старик, в таком случае иди-ка вот сюда, — позвала Сата-нае и повела Орзамеджа в подземелье.

Парню она велела спрятаться. А коня, собак, орлов он узнал.

— Среди них недостает одного, — сказал Орзамедж.

Тогда и парень вышел, там впервые отец и сын увидели друг друга. С той поры и Орзамедж отходит от дел, и парня выводят из подземелья и он становится свободным.

— Теперь, отец, ты сиди, я же отправлюсь к наартам взять плату за кровь.

— Иди, если хочешь, я тебе не указ, ты сам способен вести дело, — сказал Орзамедж.

Шабатыныко отправился и собрал наартов.

— Я явился взять плату за кровь моего отца.

— Говори: то, что ты возложишь на нас, то и будет нам ношей.

— Если к небу приставите лестницу и взберетесь <по ней> — это я возьму платой за кровь моего отца. В решете принесите воды и дайте мне напиться — и это я возьму за кровь моего отца. На вертеле мне поджарьте масло...

— На это сил у нас нет, и что ты возложишь, то и будет нам ношей.

— Если так, весь шелк, что есть в Нартии, соберите, сожгите на Харама-горе и когда наполните пеплом от сожженного шелка мою котомку, это я приму как плату за кровь моего отца.

Нарты собрали весь шелк, который у них был, подожгли. Но поднялся сильный порыв ветра и все развеял.

— Если вы этого не можете, соберите в Нартии всех смуглых, убейте их. Когда я ступлю и кровь достанет мне до голенищ, это я приму как плату за кровь моего отца.

Всех смуглых в Нартии на виду у него он заставил убить на Харама-горе. Земля впитала их кровь и еще не насытилась. Вот так Шабатыныко заставил их <самих себя> уничтожить и возвратился домой.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 14–18. Исп. Муслимет Куши: 1918 г.р., а. Вочепший Адыгей; бжедуг. Зап. 10.07.1963 г. Щ. Схаляхо. Перевод на русский язык А. Гутова.

Судя по содержанию, происхождение данного сюжета prawомерно возводить к обычаям преемственности власти в архаическом обществе: очевидно, что изначальной причиной убийства предводителя является не вражда, а достижение им преклонного возраста. Поэтому процедура имеет ритуальный характер. Кроме того, примечательно, что старого предводителя сменяет

его сын, в чем можно видеть истоки династического наследования власти.

Текст представляет собой фиксацию одной из завершительных стадий цикла, о чем свидетельствуют несколько признаков. В их числе – явное смешение жанровых признаков и сюжетных элементов разных циклов. Так, предводитель нартского племени «назначается» издалека (из страны Чиртии), матерью героя и покровительницей девушки-«соблазнительниц» оказывается одно и то же лицо (Сатаней-гуаша), вместо традиционного нартского пастушка представлена женщина – персонаж явно из волшебной сказки, признаком нетворческой контаминации надо признать фрагмент сюжета о мести нарта Батраза (невыполнимые условия платы за кровь, причем за неубитого отца) и др. Между тем образ центрального героя достаточно колоритен, отдельные фрагменты сохранили художественное своеобразие выразительных языковых средств, налицо и интересные приемы сюжетосложения. Вопреки названию, центральным мотивом сказания является не рождение героя, а история вызволения им отца из места ритуального убийства состарившегося предводителя.

Чиртия / Чинтия (*Чырты*) – эпическая страна племени чирт / чинт, которое в адыгской версии нартского эпоса чаще представлено как враждебное племени нартов; оно упоминается чаще всего в цикле Бадиноко / Шабытыныко.

Тен, Пищиана, Пициза (*Тенэ, Пищанэ, Пицизэ*) – адыгские гидронимы: Тен – Дон, Пициза / Псыж – Кубань, Пищиана – видимо, один из притоков Кубани.

«...приложился он к ее груди» – речь идет о дошедшем до средневековья ритуале символического породнения посредством прикосновения мужчины к женской груди, после чего по обычному праву он приравнивается к ее сыну. Более популярен в волшебных сказках, где герой таким образом становится «сыном» старухи-ведьмы, которая становится его помощницей, в ином случае она могла бы стать мощным вредителем или даже съесть его. В частности, фраза «*Да ослепнут мои глаза, что не увидели тебя!*» – это сказочная формула, явно перекочевавшая в эпический текст на стадии его разрушения.

«...не побойся я материнского молока» – как у многих народов, отношение адыгов к материнскому молоку было сакральным; пренебрежение этим обстоятельством считалось страшным грехом.

Заставить «... проползти под расставленными ... большим <и указательным> пальцами» – иносказательное «унизить».

Фара / хуара (*фарэ / хуарэ*) – лошадь чистокровной породы.

Помаскуха – в оригинале использовано слово «хъэжъ» – буквальное значение «старая собака»; наш перевод смысловой, в соответствии с контекстом.

Аконда – в тексте имя героини варьируется: *Акуанда / Аконда*.

Пхацуаки / пхаваки (*пхъэ цуакъэ / пхъэ вакъэ*) – подчеркнуто высокая деревянная обувь, подобие древнегреческих котурн, ношение их было прерогативой знатных особ.

7. НАРТ ШЭБАТНЫКЬО ИКЬЭХЪУКІ. ОРЗЭМЭДЖ КЫЗЭРИГЬЭНЭЖЫГЬЭР

Шэбатныкъо ятэ Орзэмэдж ыщIагъ. Чырты щыщыгъ. Орзэмэджэр Чырты къикIыти, Нарты Iалэдж яунэжты тхаматэджэ къакIотыгъ. Нартмэ ятхъэмэтагъ.

Орзэмэджым ягуашэ Шэбатныкъо ыштю хэфагъ. Лэр дэмысэу Орзэмэдж къэтгоу Шэбатныкъо къэхъугъ. Шэбатныкъо къызэхъум, тхамыкIэхэу зы лыжъыре зы ныожъыре къуаджэм дэсыгъети, Сэтэнае Шэбатныкъоу къэхъугъэр Чыунэ аригъэшIыгъ. АригъэшIышты, кIалэм дэй а лыжъ-ньюожъхэр чIитIупщыхъагъэх. Лыжъэр къэкIожьыгъ мафэм. КъызэкIожьым, моштэу риIуагъ лыжъым Сэтэнае:

— А лыжъ, — ыIуагъ, — кIалэ горэ тшIокIодыжьыгъ укъэтгоу. Одэ Чыгу льагэу плъэгъурэм чэу льапсэм джай чIэстIэжьыгъэшъ, олъэгъу, — риIуагъ лыжъым.

Лыжъэр ай пылтыныя, ай ыужы икIыжьыгъ.

Сэтэнае чIахъэмэ, Чыунэм Шэбатныкъо бидз къыригъашшомэ чIэкIыжьэу, лыжъым ымышIэу Чыунэджэ Сэтэнае Шэбатныкъо аригъэпIугъ. Зы тхарькъо чIитIупщыхъагъ дигъэсэнэу, хъажъу щыритIу чIитIупщыхъагъ дигъэсэнхэу, зы шы къунан цIыкIу ежъ кIалэм дэхъунэу чIитIупщыхъагъ. Ильэс пчъагъэ кIалэр Ioф ышIэнэу охъуфэ, Чыунэм нэфынэ ымылъэгъую чIэсигъ.

Ятэ Орзэмэджэр нарт зэIукIэм щыIэу аукIынэу зэхалъхъагъ нартмэ.

Сэтэнае Чыунэм чIахъишъ, Шэбатныкъо къычишьыгъ, ишый, ихъий [къычишьыгъ].

— Мы сикъызтепщагъэр шъыда?

— Дунай зыфаIорэр ары сикIал, — ыIуагъ. — Сэ узфэспIугъэу узфэзлэжьыгъэр непэ фэдэ мафэр ары. Уятэ Орзэмэджэр нартмэ агъэлIэт, — ыIуагъ, — непэ. Непэ узнэмымсджэ, уятэ уиIоф хэлтэжъэп. Уежъэнышты, укIот Iалэдж яунэжъ. Хэт уIукIэми, еупчI, — ыIуагъ, — узыIукIэрэм. Донэ Iуштю укъырыкIот, — ыIуагъ, — Пшызэ уикIыт, — ыIуагъ.

— Iалэдж яунэ унэ фыжъ кIахъ, — ыIуагъ. —

Унэ къебэ-неб,

Кэсэныбэ кIэт,

ПэIулъашьоу Iулъэр шы бгъэлыбэм къэсы, — ар ильэгагъ.

Пшызэ икIыгъор уифарэ ишычэпэпс, — ыIуагъ. —

Фэрэ псыгъоу узтесэр къамыш огъу епхынышъ, Iакуандэ ыIоу штъэштэ дахэ горэм, щагъындахъум льагэу исым, нэкIапэм кIырыплъэу чыжъэу укъышилъэгъут. Сэраеу зыдэсым уебгъу-кIот, — ыIуагъ, — къыппэгъокIыт, — ыIуагъ, — Iакуандэр. — Еблагъ, тихъакIэу тикIас, ыIонышты. — Титхъэм тигъэхъумэ, удгъатхъэ тшIоигъу, — ыIонышъ, къыппэгъокIыт. Нартмэ ашышишъ ежыри, уигъэбяянышъ, уигъэгужъон ыгу хэлъ, — ыIуагъ. — «Тхъэм тигъэхъумэ, удгъатхъэ тшIоигъу, ыIот!» а бзылъфыгъэм. Уемыблагъ! — ыIуагъ. — «Сыешкэ-ешъолIэп!» Iори eIу, — ыIуагъ. — «СызекIо шъау! Iалэджы яунэжъ, сыхъакIэ гъозаджэшъ, къысаIу [eIo], ыIуагъ».

– Ари бгъотын, еблагъ, тихъакІ.

– Сыешкэ-ешъолІэп, Іалэджы яунэ сыфаешъы, зыдэшыІэр къысаІу, –ыІуагъ, – ошІэмэ.

– Іалэджы яунэ укъэсыгъ. Чыжъэжъэп. Ари бгъотын. Мы бгым узыдэкІыдже зышэджэгъо гъогу, – ыІуагъ. – Нартхэр зэІукІагъэу зэхэтых, укъальэгъут.

Шэбатныкъо ежы дэкІыгъ бгым. Нартмэ къалъэгъугъ чыжъэдже.

Лэр лы пхъашэу зэтесы, лы гъэнэфагъэу. ИхъэпаныйтІо чылъэм щэлъэрразэх. Итхъаркъо ІэситІу къалъэрэзахъэу, Шэбатныкъо шьофым къихъагъэу къакІо альэгъугъ нартэу зэІукІагъэмэ. Нартмэ якъэрэгъулэу пчэІупэм Іутмэ чыжъэу къышцальэгъугъ:

– Шъуезэрэгъашкэ, шъуезэрэгъашшо шъхъам, мый зы шыу къакІошъ, нартхэр лъепкъынчъеу шъуехъулІэндже сэшынэ. Ихъэ къыхигъэштурыэр итхъаркъо ІэситІумэ къаубытэу, иши лъэгуандж'эм къэсэу чыгу гъугъэр пхыритхъэу къакІо! – ыІуагъ. – Иши тхъубэу къыпзызырэр щамсий къыфэхъужы. А фэдизджэ мэхъэшагъоу къакІо, – ыІуагъ.

Къэсигъ зэІукІем.

Шэбатныкъо ежъэнэу зэхъум, моущтэу риІогъагъ янэм:

– Сэнэфыбжъэхэр ешъохэу аІыгъыт. Уятэ Орзэмэджым сэнэфыбжъеу ратыгъэм щэджыблэ хэлъ ыгъэлІэнэу. Джы узынэсыдже, уилъэгъугъэп, уятэ урикъомэ, ышІэтэп. ПсэукІэлэжъакІэу нартхэр зэрэлэжъэтэр къафеІуатэшъ, пчэгум ит, – ыІуагъ. – Ар къызиІотахэдже сэнэфыбжъэм ешъот. Ащ емышъогоу уятэ къэджэт:

– Нартхэр, мыш темышъогоу лъэгъун зиІэм къерІу. Тызешъуахэдже ишІуагъэ къэкІожытэп къапІорэм, ыІонышъы. Ащ ыуждже: «Сэ лъэгъун си!» Іуи джэ, амэ бэшъ къекІолІагъэр къыбнэсытэп. Іухъэри Іанэу зыкІэлъырысым екІуалІ занкІэу, сэнэфыбжъеу ыІыгъэр ыІэгу итэу щыт, – ыІуагъ. – Уичатэ къихри, узэрэІухъагъэм тетэу еуи ІэкІэут, – ыІуагъ. – ІэкІэути, щэджыблэр сэнэфыбжъэм къыхэзит, – ыІуагъ. – Уятэ зыгъэлІэтагъэ щэджыблэр къызыхэзэу джэхашъом къызытефэдже, чатэмдже еуи зэпшупкІ. КъызэкІакІуи уцужь яжэу. ЗэІукІэр къаухыт, – ыІуагъ. – Къежъэжь, – ыІуагъ. – Иоф адьиуІжъэп. Къежъэжь!

Шэбатныкъо къежъэжьыгъ, ихыи ибгыи зэкІыгъоу. Ятэ Орзэмэджым шыу къылтыригъэжъагъ:

– СагъэлІэтагъэу мы нартмэ, сыкъэзыгъэнагъэр сымышІэу мэкІожы, – ыІуи.

КъыкІэхъагъ Шэбатныкъо шыоу къакІорэр.

– А кіал, – ыІуагъ, – титхъэмэтэ къыуаджэ, – ыІуагъ.

Къыгъэзагъ Шэбатныкъо. Къыгъази ыдэй къызыІохъэм, ятэ Орзэмэджым къыриІуагъ:

– А кіал, нартмэ сагъэлІэтагъэу сыкъэбгъэнагъ, ау узыщыщэр тшІэрэп, – ыІуагъ.

– Сэ сизыщыщым Иоф дыиуІэп, – ыІуагъ. – Шъуинэ ошІэжъэм, кІожь, – ыІуагъ. – Икъугъ апэ узэритыгъэр.

Шэбатныкъо къежъэжьишъы, зы мафэдже къэсигъыгъ.

– Шыд къэбар къэпхыгъ, сикІал? – Сэтэнае ыІуагъ.

– Тян, згъэцкIагъэ зыфэпIуагъэр зэкIэ.
– Дэгъу, – ыIуагъ, – бгъэцкIагъэмэ. Чыунэм чIэхъажъыгьши лIи.

Ятэ Орзэмэджэр чещ-мэфэ заулэ къэти, къэкIожъыгъ.

Ай фэдэу лIыжъэр къызыдэхъажыдже ныор пэгъокIы ишэнъыгъ. ЛIыжъэр лIэшэу чэфынчъэу къыдэхъажыгъ щаум.

Унэм къырищэжки гъомылэпхъэ ГашIоу ышкытхэри зэблихыгъэх, ау, лIыжъым гукъанэ зэриIэр пшIэнэу, ышкыгъэ щыIэп. Сэтэнае риIуагъ моштэу:

– Адэ, лIыжъ, нэгушIоу, чэфэу укъэкIожъытыгъ. Шъыд къьюхъулIагъ?

– Сэ къысэхъулIагъэ щыIэп.

Ары шъхъэй, фигъэгъугъэп ныом. Ныом къэбар ешIэ.

Ныор үүжы имыкIыхэу кIекIэупчIахъэ хъуи, къыригъэIуагъ лIыжъым гухэкIэу иIэр.

– А ныу, – ыIуагъ, – орыджи гухэкI сиIэп, – ыIуагъ. – Гукъани сиIэп. Ау гукъанэу сиIэр нартмэ сагъэлIэтагъэу сыкъэзгъэнэжъыгъэр зыщыц зэрэсмышIэрэр сигукъан, – ыIуагъ.

ЛIыжъым ныор етхъагъэпIекIи:

– А лIыжъ аш фэдэу къю уиIэндже пшIэмэ, шъыд а фэдизэу къэпштэн мылькудже?

– Е ныу, – ыIуагъ, – ар къэпIон плъэкIынэп, мылькоу ай ыуасэр. Хэкоу тэ тызэрысым мылькоу ильым ыпэу къесштэн, – ыIуагъ.

– Моуштэу осIогъагъэба, лIыжъ, – ыIуагъ. – КIалэ горэ шIокIодыжъыгъ осIогъагъэба?

– КъысэпIогъагъ!

– КIалэр къызэхъум, умышIэу мый фэдэрэ лIыжъырэ мый фэдэрэ нюожъырэ язгъэпIугъ. ЯзгъэпIугъэр чыунэм чIэс, – ыIуагъ, – мо къакIо, лIыжъ, – ыIуи, лIыжъэр рищэжъагъ.

– Мырарымэ пшIэжъына укъэзгъэнэжъыгъэр?

– Ары, – ыIуагъ. – СэнIэжъы. Мы хъэри игъусагъ. Мы тхъаркъохэри игъусагъэх.

– Ашыгъум, джар о пкъошгъ, о уиIыстыжъыгъу, – ыIуагъ ныом.

Орзэмэджы джар иIыстыжъэу Иыстыжки, Орзэмэджы пшыгъоу, тетыгъоу иIагъэмрэ IенатIэу иIагъэмрэ Шэбатныкъо ритыжки, Шэбатныкъо пшыгъомрэ тхъамэтагъэмрэ къифэнэжки, Орзэмэдж Тысыжъыгъэ.

Шэбатныкъо нартмэ ахэхъажки, нартхэр лIэпкъынчэе ехъулIагъ. ЗэкIэ ыухыгъ.

Ятэ зерагъэлIэгъагъэм ильэуасэджэ пшынындже нартымэ атырилхъэмэ, лIэуасэхэр къафимыгъэкIухэу, афэмэлтэкIин атырелхъэмэ, зэрифэхэгоу, Нарт хэкоу ежь зыфэгъэзагъэ хъутгъэр ыухыгъ.

РОЖДЕНИЕ НАРТА ШАБАТЫНЫКО. КАК ОН СПАС ОРЗАМЕДЖА

Отца Шабатыныко звали Орзамеджем. <Сам Орзамедж> происходил из чиртов. Он прибыл из Чиртии и явился в стаинный дом Аледжей предводительствовать. Был он у нартов предводителем.

Гуаша [супруга] Озермеджа, <Сатанае>, понесла в своем чреве Шабатыныко. Шабатыныко родился во время отсутствия мужа, когда Орзамедж был в отъезде. Когда Шабатыныко родился, в том селении жили бедные старики и старуха, и Сатанае велела им вырыть подземелье. Когда вырыли, она принесла и поместила (букв.: запустила) туда младенца. Когда старики [муж / Орзамедж] возвратился однажды, вот что сказала ему Сатанае:

— Эй, старики, — сказала она, — пока ты отсутствовал, мы потеряли одного ребенка. Вон там, на вершине, которую ты видишь, под оградой я его захоронила, — вот так она сказала старику.

Старик долго ли печалился, он примирился с этим.

Сатанае приходила в подземелье, кормила <малыша> грудью и уходила, а старики [Орзамедж] об этом и не знал, вот так в подземелье и вырастили Шабатыныко. Туда она запустила одного голубя, чтобы вместе <с мальчиком> воспитать, двух щенков запустила, чтобы вместе <с мальчиком> воспитать, одного жеребеночка двухлетку запустила, чтобы вместе с мальчиком рос. До тех пор, пока возраст такой не подошел, когда юноша мог дела делать, он находился в подземелье, не видя света.

Когда его отец, Орзамедж, был на нартском собрании, нарты задумали его погубить. Сатанае вошла в подземелье, вывела Шабатыныко на свет, вывела вместе с ним и его коня, и его собаку.

— Куда ты меня привела?

— Это то, что называют дунае [белым светом], сын мой, ответила она, — я тебя растила, я тебя готовила ради одного такого дня, как сегодня. Нарты убьют сегодня твоего отца Орзамеджа. Если сегодня не успеешь явиться <на собрание нартов>, то считай, что до отца твоего тебе уже дел нет [считай, что ты лишишься своего отца]. Отправишься ныне и поедешь в старый дом Аледжей. Кого бы ни встретил, спрашивай, — сказала, — всякого встречного. По <берегу> Дона поедешь, — сказала, — Через Пшизу переправишься, — сказала.

Аледжевых дом белый длинный, — сказала, —

Дом перекосившийся,

Много опор имеющий,

Ограда (букв.: бревно), перед ним находящаяся, коню по грудь — такой высоты.

Переправа через Пшизу — для твоего фары — до его боков, — сказала. — Фаре тонкому, что под тобой, нанесешь удар плетью, и одна дева прекрасная по имени Акуанда, что сидит на балконе, осматриваясь, краем глаза тебя приметит. К стене, за которой она сидит, подскочишь, — сказала, — навстречу тебе она пойдет, — сказала, — эта Акуанда. — «Добро пожаловать, наш гость, нам дорогой, — скажет она. — Если наш бог позволит, нам хочется тебя

угостить», — скажет она, идя тебе навстречу. Сама она из нартов и у нее на уме остыть тебя, подольше задержать. «Если бог нам позволит, нам хочется тебя угостить», — скажет та женщина. «Я не муж, охочий до еды-питья!» — скажи ей, — сказала. — Я наездник-воин! Старому Аледжевых дому я важный гость, подскажи, *<где он>* — спроси, — сказала.

<...>

— И это найдешь [это никуда не денется], добро пожаловать, наш гость.

— Я не муж, охочий до еды-питья! Мне нужен дом Аледжевых, подскажи, — сказал он, — если знаешь.

— Аледжевых дома ты достиг, это уже недалеко. Ты его найдешь. Как на эту гору поднимешься, дальше всего полдня пути, — ответила *<Акуанда>*. — Нарты уже стоят там, собравшись, они тебя приметят.

Шабатыныко двинулся и поднялся на гору. Нарты увидели его издали: муж на вид суровый, муж бывалый. Его две борзые собаки по земле кружат, его два ручных голубя *<в небе>* кружат. *<Вот таким>* выехавшего на чистое поле увидели Шабатыныко собирающиеся нарты. Нартский сторожевой, что стоит у дверей, первым его издали увидел:

— Вы едите-пьете, а сюда один всадник едет, так вот, я боюсь, что через него нарты без роду останутся. Того, что его собаки выгонят, его ручные голуби ловят, а конь его по самые колени ров по иссохшей земле прорывает, вот как он едет! — сказал он. — Пена, падающая с его коня, ему укрытием служит — вот как он едет, — сказал.

Прибыл он на сорище.

<Еще> когда ему настала пора ехать, мать так наказывала:

— Они будут в руках держать чашу светлого сано. В чаше светлого сано, что подадут твоему отцу Орзамеджу, сидит ядовитая змея, чтобы его погубить. Когда ты доберешься туда, твой отец тебя не заметит, он не знает, что ты его сын. Он стоит у [напротив] входа и рассказывает нартам, как им жить-быть, как работать, — сказала. — Когда он это выскажет, *<тут же>* выпьет чашу светлого сано. Но прежде чем выпить, твой отец кликнет:

— Нарты, *покуда мы это не отведали*, у кого какие заботы есть, пусть скажет. После того, как выпьем, его слова не будут иметь значения. — Вот так он скажет.

Вот после этого ты подай голос: «У меня есть забота!», а не то там собирающихся много, может тебе и не достанется... Продвигайся и прямо подойди к столу, за которым он сидит, он там будет стоять с чашей светлого сано в руке, — сказала. — Обнажи свой меч сразу, как подойдешь, ударь и выбей чашу из рук, — сказала. — Выбей из рук, и ядовитая змея из чаши со светлым сано упадет, — сказала. — Как упадет ядовитая змея, что должна была убить твоего отца, как она упадет на пол, ударь мечом и разруби ее. Затем отступи и стань в стороне. Там встреча и завершится, — сказала. — *<Тогда>* возвращайся, — сказала, больше тебе там делать нечего. Возвращайся!

<...>

Шабатыныко повернул назад – вместе со своими собаками и своими орлами. Отец его, Орзамедж, послал следом за ним всадника, сказав:

– Спасший меня от нартской среды, желающей меня погубить, уезжает, а я его имени не узнал.

Догнал тот всадник Шабатыныко:

– Эй, парень, – сказал он, – наш предводитель зовет тебя, – сказал.

Повернул назад Шабатыныко. Повернул он, и когда подъехал, его отец Орзамедж ему сказал:

– Эй, парень, ты спас меня от нартов, готовых меня погубить, только мы не знаем, чьих ты будешь, – сказал.

– Чьих я буду до того тебе дела нет, – ответил <Шабатыныко>. – Если знаешь, где ваш дом, возвращайся домой, ответил. – Хватит, сколько ты был первым.

Шабатыныко развернулся и за один день прибыл домой.

– Какие вести принес, сын мой? – спросила Сатанае.

– Мать, я исполнил все, что ты сказала.

– Браво, – сказала, – если исполнил.

И конь, и мужчина ушли в подземелье.

Его отец Орзамедж несколько дней-ночей еще отсутствовал [был в пути] и <только потом> добрался до дому.

Когда стариk вот так возвращался, было в правилах, чтобы старуха выходила ему навстречу. Стариk въехал во двор сильно расстроенный. Ввела она его в дом, и разные вкусные угощения, что он захотел бы отведать, принесла, но, судя по всему, стариk был так расстроен, что мало чего поел. Сатанае спросила его вот так:

– Ну, стариk, обычно ты возвращался веселый и чуть под хмельком, а что <ныне> с тобой случилось?

– Ничего особенного со мной не случилось.

Однако старуха так просто не отстала от него. Она <ведь> знала правду. Она так настойчиво стала его расспрашивать, что вынудила его рассказать обо всех переживаниях.

– Эй, старуха, – сказал он, – что касается тебя у меня никакого недовольства нет, – сказал. – Но я расстроен тем, что не знаю того, кто меня спас, когда нарты хотели меня погубить, – сказал.

Старуха пошла на хитрость:

– Эй, стариk, если бы ты узнал, что у тебя есть такой сын, какому бы богатству ты это предпочел?

– Э-э, старуха, – ответил он, – ты выговорить не сможешь, чему это можно приравнять. Я это предпочту всему добру, что есть в стране, где мы живем, – сказал.

– Я <однажды> говорила тебе, стариk, что у меня ребенок погиб <при родах>, говорила?

– Говорила.

– <Так вот,> когда ребенок родился, я втайне от тебя отдала его такому-то старику и такой-то старухе на воспитание. Тот, кого они воспитали, находится в подземелье, – сказала, – вот поди-ка сюда, стариk, – сказав, она повела старика <в подземелье>.

– Если он, узнаешь ли того, кто тебя спас?

— Его, — сказал <Орзамедж>, — узнаю. И эти собаки были с ним, и эти голуби были с ним.

— Коли так, это твой сын, и тебе пора уйти на покой (букв.: *сесть*), сказала старуха.

Вот так Орзамедж ушел на покой. И княжение, что он держал, и предводительство, что он держал, он передал Шабатыныко. Княжение и предводительство достались Шабатыныко, а Орзамедж ушел на покой. Шабатыныко ушел к нартам и извел весь нартский род. Всех покончил. За то, что они погубили [хотели погубить] его отца, он на них наложил такую плату за кровь, которую они не могли выплатить, а по этой причине он их притеснял. Вот так он покончил с нартским краем, который ему достался.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 32–36. Исп. Махамод Хашханок: 1884 г.р., а. Вочепший Адыгей; бжедуг. Зап. 18.05.1959 г. З. Керашева. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст повторяет основные мотивы предыдущего: так же отцом героя называется чужеземец из «страны чиртов», совпадают имена родителей героя и центральные сюжетные элементы (негативное отношение к Орзамеджу со стороны нартов, дальновидность Сатанае, которая прячет героя в подземелье именно для неожиданного для всех вызволения Орзамеджа, обреченного на ритуальное умерщвление), описание поездки героя на собрание нартов, сцены встреч в пути и спасения отца и пр. Несмотря на то, что текст прозаический, в нем фрагментарно проявляются элементы поэтического ритма и некоторые атрибуты стихотворной организации текста (звуковые и лексические повторы, организующие ритм, а также высокая концентрация характерных образных выражений). В стилевом отношении текст больше сохраняет соответствия системе эпических атрибутов. Но при этом налицо фрагментарность отдельных частей, свойственная сказителям, которым не приходится систематически исполнять то или иное произведение. Так, после эпизода наставлений матери, где упоминаются предстоящие герою встречи и свершения, в повествовании налицо лакуна: выпадает пространный фрагмент, в котором должны излагаться сами события — встреча с нартским пастухом, прибытие к дому, где живет «соблазнительница», наконец, описание самого центрального эпизода избавления отца. Между тем именно такие «дубли» — вначале в наставлениях матери и только затем как описание совершающихся событий — и призваны создать художественное повествование с подлинно эпической масштабностью. Сказитель «перескакивает» сразу на диалог героя с «соблазнительницей». Затем повествование возвращается к наставлениям матери перед отправкой героя, а далее вновь фрагмент прерывается описанием действий уже после избавления отца.

«...запустила одного голубя» – видимо, это оговорка сканителя: и по смыслу и содержанию в других вариантах фигурировать должны или *орлы*, или *соколы*.

Светлое сано: *сано* – хмельной напиток, приготавливаемый и выдерживаемый длительное время в большом сосуде. При созревании он образует несколько слоев, каждый из которых имеет свое название – «светлое сано», «красное сано», «темное сано» и пр. первые три считаются престижными, причем из них самое почитаемое – это «светлое сано».

«... покуда мы это не отведали» – в старину на торжествах все пирующие, составляющие один круг, выпивали из одной большой чаши: тамада, произнося тост, отпивал из чаши и затем пускал ее по кругу; поэтому здесь глагол и употреблен в форме множественного числа.

8. НАРТ ШЭБАТНЫКЬО ИКЬЭХЬУКІ. ЯТЭ КЬЫЗЭРИГЪЭНЭЖЬЫГЪЭР

Шэбатныкъо къежьагъ, ышлэтхэр янэ къызыреуахэм. Ибгъэшхъо Іасэ ышгъхагъджэ щыфарзэу, ихъэпание шэр къыгъэлъэрэзахъэу, Тенэ къырыгъуази, Пшызэ иикІыгъончъэр шы чэпэпсы фэмыхъоу къикІыгъ. Нартхэмэ ячэмэхъожы губгъом къыщыуукІи, «бэхъу-бэжъу» ылуу, сэлам къыщырихыгъ, зыригъэлтэтэхи, чэмэхъожьым ыбыдзи зылуулхъагъ.

– Нарты ячэмахъоу Тхъам бэу зэригъэхъун, Іалэджы унэ ташджэ гъэзагъа? – ылуу Шэбатныкъор еупчыгъ.

– Іалэджы яунэ сэ шыыд фэсшіэн? – ылуагъ чэмажъом. – Сэ сицэхъольяхъу, сыхъорэлІыкІ, сычэмэхъожъ, чэшэу сыкъыдэкІы, чэшэу сыдэхъажы. Зэраюу зэхэсхыгъэр ослон:

Унэ къебэ-наб,
Кіэсэныбэ кіэт.
Кіэсэнэу кіэтэр цуйимэ зэрафаш,
Пэулъашьюу үулъэр шы бгъэлыбэм къэсы,
Зы гуашэ исышь, баджэм зыдегъазэ,
Цызэу къырыдэкІы,
ИджэхэшъуакІэ итхъэмэфакІу,
ЛэгъунэкІо шъаомэ пчъэтур аутагъ,
Уифарэ хэускІутэмэ, укъэуукІйтэжын.

– Нарты ячэмэхъожъ, зы псынжъы сицукІэмэ, сифарэ хэускІутэнэу, зы хъабз сицукІэмэ, сиуукІйтэжынэу, Чыты сиқъи-кІи Нарты сиқъэкІуагъэп сэ! Ахъретыкъом серэмынэгуери, Іэхъомбэ бармэктыйм учцэзгъэшын, – ылуагъ Шэбатныкъо.

Нарт Шэбатныкъо ифэрэ псыгъо къызызэкІекъузэ,
Идэнэ кіэпш чапэм щегъабзэ,
Шы лъэгум къыгчІэзыргэр
КлочІэф-кІочІапцІэу ошъуапщэм дефье,
Ихъэ къыхигъэштырээр ибгъашхъо еубыты...

КъакІозэ, Іалэджы яунэ къытеплъагъ. Іакондэ-дахэу Іалэджы яшшашъэр щэндакъэм исыти, зэплъэм шыор ылъэгъугъ.

Пшъашъэр дышъэ папыщитIумэ къарыпкIи, щэндакъэр щэ пкIэгъу фэмыхъоу пытым къесыжъыгъ.

— Тянэжъ-гуаш, зы шыу нэплэгъум къихъагъашь, Чыт къимыкIыгъэмэ, Нарты къихъуагъэп фэдэ! Шэбатныкъоу зигугъу тшIырэр арэу сплошIы, а къакIорэр, — ыIуагъ Iакуандэм. — Шыгъэ щыIэмэ, ухъазыры, мышI щыIэмэ, шIэхэу ыужы ихь, тян, — ыIуагъ.

А пшъашъэм Шэбатныкъо фэшъхъаф дэмыкIонэу ыIотыгъ. Шэбатныкъо къызэрэхъутэр аш ышIеу щытыгъ, ежетыгъ. Арыти, къэхъугъахэми ымышIеу, зэрэтеплээу ышIагъ зэрэ-Шэбатныкъор.

Iакондэ-дахэм янэ гуашэм иджэнэ IækIэпилIу диупкIи, ыIэлджэнэшъуитIу дигъэчэрэзэягъ, шIыгъахэу щыIэр къыгъехъазырыгъ, пшэрхынэу ыуж ихьагъ.

Шэбатныкъор ябылымышку лъешэу! А заулэр аIофэу, ашIэфэджэ Шэбатныкъор къэси, къыдэхъагъ. Iакуандэ икIыгъэу дэтыти, пэгъокIи риIуагъ:

— Еблагъ, тихъакIеу тикIас!

— Тхъаугъеун! — ыIуагъ Шэбатныкъо. — СыхъакIэ гъозадж сэ, Iалэджы яунэу нархэр зыщызэхэсым сыщыгъозаджэшь, сэгъэльтэгъу.

— Ау умыIо, еблагъ, тихъакIэ, тицугъо бжъэпэпль фядгъэукIын, тигъэлтэхъу пшэри щыпсы фядгъэшIын, тисэнэф кIади фядгъэушхъасын, ти Iакуандэ-дахи пшъхъэ хэдгъэуIон, — ыIуагъ пшъашъэм.

— Сыешкэ-ешъуакIоп,
СылэгъунэнкIо шъяоп,
Шъуицугъо бжъэпэпль тыгъужьым елI,
Шъуигъэлтэхъу пшэри псэхалIэ ехъуахъ,
Шъусэнэф кIадэ ычIэджэ екIошь,
Шъуи Iакондэ-дахи тыщылIэ Тхъэ ешI.

— Iалэдж яунэ тары сIуагъашь, сэгъэльтэгъу, — ыIуагъ Шэбатныкъо. Пэр чэмахъом къызэкIигъэгубжахъыгъэу къесыгъ!

— Мы унэшкоу цIыфыхэр къызэрышырэр ары, — ыIуи, пшъашъэм унэр ригъэлтэгъу.

Шэбатныкъо епсыхи, шэр шышиIум рипхыгъ. КIуи, унэ пчъэIум Iухъагъ.

Ятэу Орзэмэджым бжъэр ыIыгъэу Iанэм Iусэу, цIыфмэ къяджэтигъ:

— Къэбарэу къыштуфэтIотагъэм щыкIагъэ иIэмэ, къэзыIотым къерэIу, гукъанэ зиIэми игукъанэ джы дэдэм къерэIу, къымыIоу мы бжъэр зисштэджэ, итIанэ ишIуагъэ къэкIожыгытэп. Нарт хасэм ыIуагъэр игъуа, игъуаджа? — Орзэмэджы ыIоу ыкъо зэхихыгъэ.

Зызэхехым, макъэ ыгъэIугъ:

— Сэры лъэгъун зиIэр. КъэсэбгъяIомэ, къэсIот, — ыIуи, Шэбатныкъо джагъэ.

— Хэты щыщыми къажъугъакIу ар зыIорэр? — ыIуи, нарт Орзэмэдж къэджагъ.

Щыфмэ гъогу рати, Шэбатныкъор ахэхъагъ. Апахъи, Iанэм Iухъагъ. Орзэмэджы еIэшхъяуи, бжъэр IækIиути, Iанэм тыригъэфагъ. Бжъэр убэтагъэ. Шэджыблэу хэлъым зыкъимыIэтызэ, Шэбатныкъо ичатэ къырипхъоти, зэхиупкIэтагъ.

Зыкъызэригъэзэки, чатэджэ къызэом, Іалэджыпщэу шхъор зэхэзыльхъагъэм ытхъакІумэ къыгуигъэзыгъ.

Нартхэр пчъэм факІохэу къежжэжыгъэх.

— Зэ шъукъызэтеуцу, нартхэр, — ыIуи, атехъупкИ къыгъэуцугъэх.

— Нарт Орзэмэдж ІотэжъакІоу шъуапэ ижъугъэуцуагъ. Іалэджыпщым ар ымыдэу Орзэмэдж ыгъэлІэнэу ибжъэ щэджыблэ хилъхъагьи, мары шъуепль, джары спШагъэр зытесшАхыыгъэр, — ыIуи, Шэбатныкъом Іалэджы игухэль нафэ къышыгъ.

— А сикІал, зэ къэуцу, къэуцуи сыздэгъэгушаI, — ыIуагъ Орзэмэджы. — Сэ спІотхъамыкІагъор, лыгти зепхъагъ, ау о узыщыщэри зэрэсмышІэрэр ары.

— Сызыщыщым о Іоф дыуиIэп, шъуунэ ошІэжымэ, кІожь, — ыIуи, Шэбатныкъо къыдэкІыжыгъ.

Шэбатныкъо ежъэжыи, а мафэм нэсыжыгъ. Нарт Орзэмэджи ежъэжыи, тхъамафэрэ тетыгъ.

Шэбатныкъо зынэсыжым, янэ къеупчыгъ:

— Шъыд къэбар къэпхъыгъ, фэмиф?

— ЗыфэпIуагъэр згъэцэкІагъэ, тян, — риIуагъ.

Лыжъ цыкІумрэ нью цыкІумрэ къыгІэкІыхи, шэри, хъэри, бгъэри, ежъ Шэбатныкъуи чыунэм чашэжыгъэх.

Орзэмэджи къэсыжки къепсихыжыгъ. Идышъэ бэш ынатIэ кІигъакъуи, жатIэм чIэтIысхажыгъ.

Сэтэнае къежжи, лыжъым дэжъ къэкIуагъ.

— Фэсыжь апши, лыжъ, — ыIуагъ шъузым. МэкIэ-мэкIэ дэдэу, ымакъэ къимыкІышъоу:

— Тхъэуегъэпсэу! — ыIуагъ илЫ.

— Адэ, лыжъ, шъыдэу учэфынчъя? Учэфэу укъэкIожы уишшэныгъэ, джы шъыд къэхъугъя? — ыIуи Сэтэнаер еупчыгъ.

— Сычэфынчъэп, нью, ау кІо гъогум сытепльхыгъяIошь ары нахь, — ыIуагъ Орзэмэдж.

Нюом къэбар ышIэти, аш нахьышIоу шIохиубытаАоу еупчы хъугъэ.

— Къиньбэ сщэчыгъэ, сышшыгъ, джары сызкIэмычэфэр, — ыIуагъ Орзэмэджы. — Къэбар осІотэт. КъысехъулIагъэр тхъамыкІагъу, шъхъакІо. Нарты ябжъэ сIыгъэу пчэгум сиtэу, фэдэ илъэс пэсайджэ шыIэкIэ-псэукIэу нартхэмэ яIэтэу, хасэу яIэм зэхилъхъэгъэ Іофэр къафэсІотэжыгъэу, зы кІэлэ шыу горэ къыдахи, зэIукIэм къахэхъагъ. ЗэIукIэм иаужырэ мафэу шытыти, бжъэр сIыгъэу: «хэты шыкІагъэ иI?» слоу сыкъеупчIэзэ, «сэ сиI!» ыIуи а кІалэр къахэкІыгъ. Садэжь къыIухи, бжъэр сIыгъэр сIэкIиутыгъ, ичатэ къырипхъоти, щэджыблэ къыхэкІыгъэти, къэгогу римыгъафэу ыупкIэтагъэ нахь, щэджыблэр хэлъэу санэм сештуагъэмэ, къоззу сиригъэштыгъ. А слъэгъугъэм нарт япий къелитэп, иныжъэм якІодыгъо къэсигъ.

Ау анахь сыгу къеожырэр аш фэдизэр зыгъэхъэгъэ кІалэр зыщыщэри зэрэсмышІагъэр ары, — ыIуагъ Орзэмэдж.

— О, лыжъ, а кІалэм фэдэу къо уиIэндже пшIэмэ, шъыд фэдэ былым апэу къэпштэнэ? — ыIуи, шъузэр къеупчыгъ.

— Дунэе былымэр шъыд спIын, аш фэдэ къо сиIэндже сэрэшIи, дунаем тет былымэр щытыми, къэспштэн, — ыIуагъ нарт Орзэмэдж.

— Арымэ, моу къакло, лыжъ, — ылуи, Сэтэнаем Орзэмэдж рицажьи, чыунэм Чищагъ.

— Мырымэ пшлэжьина а калэр? — ылуи ныор кьеупчыгъ.

— Ары, мы хъэри игъусагъ, мы бгъашхъори игъусагъ, мы шими тесыгъ, мы калэри ары, — ылуагъ.

— Адэ, ашыгъум, джар о пкъо, лыжъ. Ильэс пшлыктуфт-пшлыктухыдже узэктэбэжьимэ, калэ горэ «ылсэ пымытэу» къэхъуи, чэу лъапсэм чэстлэжьыгъагъ ослогъагъэба? — ылуагъ Сэтэнаем.

— Ары, къэри сэбгъэлтэгъагъэ, — ылуагъ Орзэмэджы.

— Ашыгъум къэхъугъагъэр мыры, нарт Шэбатныкъу ары. Къызэхъум, Шэбатныкъу фэсыусыгъагъ. Мы лыжьымрэ ньюожьымрэ шъэфэу чыунэ чэгъым щязгъэпчугъ, а мафэр ары зыфэспчугъери, — ылуагъ Сэтэнае.

А чыпэм Шэбатныкъо нафэ къышыхъугъ.

РОЖДЕНИЕ НАРТА ШАБАТНЫКО. КАК ОН ОСТАВИЛ ОТЦА В ЖИВЫХ

Шабатныко выехал, как только мать объяснила ему, что надо делать. С серым орлом прирученным, который кружился над ним, с лающей борзой, бегающей вокруг коня, имея на примете Тен, он преодолел Пшизу, не замочив боков коня. В степи он повстречал нартского коровьего пастуха могучего, приветствовал его, сказав «бэху-бэж» (букв.: много пасты-много изобилия), махом слетел с коня и приложился к груди коровьего пастуха могучего.

— Нартский коровий пастух могучий, да приумножит Бог твоё стадо, в какой стороне дом Аледжей? — сказал, спросил Шабатныко.

— На что мне дом Аледжей? — ответил коровий пастух могучий. — Я пастух подневольный, я предмет насмешек, я коровий пастух, затемно я выхожу, с темнотой возвращаюсь. А что говорят, как слышал, так тебе и поведаю:

Дом покосившийся,
С множеством подпорок,
Подпорки, что стоят, восемью волами приволочены.
Заграждение, что выложено, по грудь коню достает.
Там одна гуаша живет, лисицей поворачивается,
Белочкой выступает,
Путь до порога она за неделю проходит,
Парни, охочие до посиделок, пороги истоптали,
Если твой фара оплошает, опозоришься.

— Нартский коровий пастух могучий, не для того я из Читии уехал и в Нартию приехал, чтобы, если я одну лужицу встречу, оттого мой конь оплошал бы, если одну суху повстречаю, оттого я опозорился бы! Не считаясь с тем, что будет за это в Ахирате, заставлю тебя проползти под большим и указательным пальцами, — сказал Шабатныко.

Нарт Шабатныко своего тонкого фару затягивает <в ремни>,
Шелковую плеть на боках <коня> звать заставляет,
То, что из под копыт коня вылетает,

Белыми птицами-черными птицами в небеса поднимает,
То, что его собака выгонит, его серый орел ловит...

Едучи так, увидел он дом Аледжей. Акуанда прекрасная, девица Аледжей, на балконе сидела, и когда глянула оттуда, увидела всадника. Девица прыгнула в золотые *папыши* и в три прыжка вернулась в дом.

— Мать наша милая *гуаш*, в виду показался один всадник — если он не прибыл из Читии, то в Нартии такого не рождалось! Чудится мне, что этот скачущий сюда всадник тот Шабатныко, о котором мы <много> говорим, — сказала Акуанда. — Если есть готовое, то ты готова, если не готова, поскорее примись, мать, — сказала.

Та девица зареклась выходить за кого-либо замуж кроме Шабатныко. Она ведала, что Шабатныко должен явиться, она ждала его. Вот так, не ведая о том, что он уже появился, она с одного взгляда узнала, что это Шабатныко.

Мать-гуаша Акуанды прекрасной подоткнула полы своей сорочки, закатала рукава своей сорочки, достала то, что было наготове, принялась стряпать.

Очень им дорог Шабатныко! Пока они так суетились и готовились, Шабатныко сам прибыл, въехал во двор. Акуанда во двор вышедшей была, и пошла ему навстречу и так сказала:

— *Еблаг* (добро пожаловать), гость наш дорогой!

— *Тхаугегаун* (да одарит тебя Бог благополучием)! — ответил Шабатныко. — Я гость, цель имеющий, ишу дом Аледжей, где наряды сидят, укажи мне его.

— Не говори так, добро пожаловать к нам, гость наш, мы в твою честь нашего быка бурого краснорогого пожертвуем, нашего валуха жирного на соус пустим, нашего белого сано кадку откроем, нашу Акуанду прекрасную усадим твою голову почесать, — сказала девица.

— Я не еды-питья искатель,

Я не по чужим лагунам завсегдатай,

Вашего бурого быка краснорогого пусть волк загубит,

Ваш валух жирный пусть сам подохнет,

Кадка вашего белого сано пусть снизу вытечет, и

Ваша Акуанда прекрасная в своем роду [не выходя замуж] пусть божьей волей помрет. Я спросил, где Аледжей дом, ты мне его покажи! — сказал Шабатныко. Он прибыл рассерженный еще пастухом коров!

— Это вот этот большой дом, где люди находятся, — сказав, девица показала дом <Аледжей>.

Шабатныко спешился и привязал коня к коновязи. Направился и подошел к порогу дома.

Его отец Орзамедж сидел за столом с чашей в руке и обращался к людям:

— Если есть недосказанное в рассказанных нами вам *хабарах*, пусть кто хочет, тот скажет, у кого на душе недовольство, пусть свое недовольство сейчас же здесь выскажет; если кто не выскажется, пока я не выпил эту чашу, потом желание его не исполнится. Верно ли, неверно ли то, что было сказано нартской хасой? — такие слова Орзамеджа услышал его сын.

Услышав, он подал голос:

— Это я имею что сказать. Если позволишь говорить, я скажу, — подал голос Шабатныко.

— Чьих бы он ни был, пропустите сюда того, кто это говорит! — кликнул нарт Орзамедж.

Люди дали дорогу, и Шабатныко вступил в круг. Вступил он и подошел к столу. Толкнул он Орзамеджа и выбил из рук его чашу. Выбил из рук и уронил на стол. Чаша раскололась. Раньше, чем ядовитая змея поднялась, Шабатныко выхватил свой меч и разрубил ее. Повернувшись, он ударом меча отрубил ухо у Аледжипща [князя Аледжа], который приготовил яд.

Нарты двинулись к двери.

— Остановитесь-ка, нарты! — окликнул он их и заставил всех стать.

— Вы поставили нарта Орзамеджа вперед, как говорящего от вас всех. Аледжипщ, которому это не по душе, пустил в его чашу ядовитую змею, чтобы погубить его — вот посмотрите, что я сделал, почему так сделал, — сказал он так и открыл замыслы Аледжа.

— О сын мой, остановись-ка и дай мне с тобой поговорить, — сказал Орзамедж. — я сожалею, что не знаю, чей ты будешь, хотя ты проявил доблесть.

— Чей я — до того тебе дела нет, если помнишь, где твой дом, отправляйся туда, — ответил Шабатныко и покинул двор.

Шабатныко поехал и в тот же день добрался до дому. Нарт Орзамедж тоже отправился домой и был в пути неделю.

Когда Шабатныко возвратился, мать спросила его:

— Какие хабары привез, фамыф?

— То, что ты мне наказывала, я испонил, мать, — ответил он.

Вышли старик и старушка и увели обратно в подземелье и коня, и собаку, и орла, и самого Шабатныко.

Орзамедж тоже возвратился и спешился. Он уселся на месте старшего, подперев голову своим золотым посохом.

Вышла Сатанае и явилась к старику:

— С возвращением, старик, — сказала женщина.

Тихо-тихо, еле слышно:

— Спасибо, — ответил ей муж.

— Так что это ты, старик, такой невеселый? В твоих правилах было возвращаться навеселе, что же нынче случилось? — спросила Сатанае.

— Я не без настроения, старуха, просто потому, что дорога меня немного утомила, — ответил Орзамедж.

Старуха знала, в чем дело, поэтому стала более настойчиво его расспрашивать.

— Я пережил неприятность, устал, потому и невесел, объяснил Орзамедж. — Расскажу тебе, что было. То, что со мной случилось, это недостойно и неприятно. Когда я стоял с нартской чашей в руках и рассказывал хасе о житье-бытье нартов за год, въехал во двор какой-то юный всадник и вошел в круг собравшихся. Это был последний день собрания, и когда я, держа чашу в руках, спрашивал: «У кого есть что невысказанное?». «У меня есть!» — заявил тот парень и выступил вперед. Он подошел ко мне, выбил из моих рук

чашу, что я держал, выхватил свой меч и изрубил ядовитую змею, которая была в чаше, не дав ей возможности ужалить; не то бы, выпил бы я сано с ядовитой змеей, на том месте я бы и отравился. От того, которого я там видел, ни один из врагов нартов не уцелет, иныжам пришел конец. Но что меня больше всего расстраивает, так это то, что я не сумел узнать, кто же этот юноша, который столько совершил, – рассказал Орзамедж.

– О старик, если бы ты узнал, что у тебя есть такой сын, каким бы ты добром наперво пожертвовал? – спросила жена.

– На что мне добро всего мира, знать бы мне, что у меня такой сын, я бы не променял его на все добро этого мира, – ответил нарт Орзамедж.

– Ну если так, пойдем-ка сюда, старик, – сказав, Сатанае повела Орзамеджа и привела его в подземелье.

– Узнаешь ли в нем того парня? – спросив, женщина спросила.

– Он самый, и эта собака была вместе с ним, и этот сизый орел был с ним, и на этом коне он сидел, и это тот самый парень, – сказал он.

– Ну тогда, старик, это твой сын. Помнишь ли, как лет пятнадцать-шестнадцать назад я тебе сказала, что родился мертвый мальчик и что я его закопала под плетнем? – спросила Сатанае. Это он тогда родился, это нарт Шабатныко. Когда он родился, я назвала его нарт Шабатныко. Вот этому старику и этой старухе я поручила тайно его воспитывать в подземелье, и готовила я его к этому дню, – сообщила мужу Сатанае.

Вот там и стал явью Шабатныко.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 36–40. Исп. Едидж Семен: 1866 г.р., а. Пчегатлукай Адыгей; бжедуг. Зап. 23.10.1940 г. Ю. Тлюстен. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой запись варианта сказания об избавлении нартом Шабатныко своего отца от ритуальной расправы на пиршестве нартов. Обозначенный в названии сюжет о рождении героя в данной записи не разработан как самостоятельная сюжетная линия.

Тен (Тэн) – адыгское название реки *Дон*.

Пшиза (Пшизэ) – западноадыгское название реки *Кубань*.

Бэху-бэж (бэхъу-бэжъу) – традиционная формула приветствия пастуха у западных адыгов.

«...и приложился к груди коровьего пастуха могучего» – здесь явно неудачное использование ситуативного стандарта, чаще встречающегося в волшебных и богатырских сказках: герой сказки прикладывается к груди колдуны-людоедки и этим не только избегает участи быть съеденным, но и превращает кол-

дунью в союзницу, поскольку этим жестом он становится для нее приемным сыном.

Ахират (ахъырэт – арабск.) – здесь – потусторонний мир.

Папыщи (папышхэр) – нарядная обувь знатных дам, по стилю напоминающая босоножки.

Гуаш – западноадыгская форма слова «гуашэ».

Еблаг (еблагъ / еблагъ) – традиционная этикетная формула приглашения гостя в дом.

Тхаугаун (тхъаугъэун) – одна из традиционных формул ответа на приглашение или на приветствие.

Хабары (хъыбар / къэбар) – известия, вести, предания.

Фамыф (фэмыф; кабард.-черк.: хуэмыху – хомух) – букв.: ленивый, нерасторопный, неволкий, несообразительный. Здесь – ироническо-обереговое обращение к младшему.

9. НАРТ ПЩЫ БАДИНОКЪУЭ И ЯПЭ ЕЖЬЭ

Сэтэней гуашэ санэхуафэ ищIат. Езы Сэтэней гуашэр Алыджхэ япхтуть.

Моуэ Іухауэ

Мывэ унэжь,

Жыгеижь лъэгу,

Нартыжь джэгупIэ, – жалэу щызэхуэсу унэжь гуэр яIэт.

Сэтэней абы сагрисефэ щицIауэ, нартыжхэр щызэхуишесауэ щызэхэст. Нэхъыпцир Пщы-Дадэт, гупым я нэхъыжыр нарт пщы Бадинокъуэ и адэ Албэч и къуэжыр арт.

Нарт пщы Бадинокъуэ къызэралъхурэ цыхум къахэмыхауэ, и шыри езыри щыунэм щIету щапIу, ягъасэу, и шым ириджэгуу, сэшхуэм ириджэгуу, и хъыбар зэхах мыхъумэ, цыхум ямылъэгъуау щытт. Цыхум яхыхъами, гъесай хъуат, и къарури и акъылри зэшЦыхъауэ щауэ хъупат.

Албэч и къуэжыр санэхуафэм къэтт. Пщы Бадинокъуэ къэзылъхуа Албэч и къуэжым и фызыр гузавэрт. И къуэм жриIаш:

– Си щIалэ, уи адэр лIыукIыпIэм ирашауэ си гугъэш, и къэкIуэжыгъуэ махуэ палъэм фIэкIаш, гузавэ сиIэщи, хъыбар узогъашIэ.

Адэмрэ и къуэмрэ игъашIэм зэтеплъятэкъым, зэрыцIыхуртэкъым.

– Си анэ, си адэм сыт и шыфэлIыфэ, – еупщIаш <Бадинокъуэ>.

– Езыр нарту щыIэм я нэхъ инщ икIи я нэхъыжыщ, цей хужь быхъу щыгъыу жъантIэм дэснуш, и шыр пщIэгъуалэ уэгуш, кIэ машIэу, абы и шыр зыфIэдзам нэгъуэшI фIэдзау щытынукъым, – жери анэм и къуэм жэуап иритыжац.

– АтIэ, апхуэдэмэ, хъунш, – жери и шым уанэр трилъхъэри и щыпэдэкIыу дэкIаш.

И къуэр щыдэкIым, и анэм:

– Си щIалэ, умыбэлэрыгъ, Сэтэней и щхъухыпсыхъым уIэрыхъэнщ, дзыхъ зыхуумышIыпхъэм хуумышI, – жриIаш.

— Умыгузавэ, си анэ, сымыл! Энүү сыкъалъхуакъым, къэрэбгъэр т!Эу мал!Э, лыгъэ зи!Эм зэ л!Эгъуэш щ!Элъри, сэ схуэдэл! къызэлъэпауэу сымыл!Эми, сымылъхъэж, лы хуэдэу сымыл!Эмэ, абы щыгъуэ си уэрэдадэш, — жери анэм къыжри!Эжащ.

Шы и к!уек!Эу ежьащ, зы теуэгъуэ ик!ури нартхэ я Ихъуэм хуэзащ:

— Бохъу апший, Ихъуэ цык!уу нэш!Эпк!Э!

Уи нэр къизгъэпк!ынш,

Нарт хъыбар къызж!Э!

— Махуэм сымыл!Э,

Жэшым сыхъэдэ хъурейш,

Зы хъыбари сымыш!Э.

— Нарт хъыбар умыш!Эу

Гъуэгушхъиблыр щызэхэк!ым щхъэ утет, хъэм хуэдэ! — жери нарт пицы Бадинок!уэ йожъэж.

Нарт пицы Бадинок!уэ щежъэжк!Э, нартхэ я Ихъуэ цык!ури к!элъоплъри:

— Хъэхъей, щауэ хужь Иш!агъуэу

Бэлэрыгъ зек!уек!Э!

Уи шыфэл!ыифэр сим!адахэш,

Уи къэк!ухык!эр си жагъуэш.

«Фыз хъыбарш», — жумы!Эмэ,

Зы хъыбари бжес!энш:

Сэтэней ди пхъужьш,

Къан хъыджэбз ди башшэш,

Санэхубжъэ я к!адэш,

Вы ехъуа я нышиш,

Гъэлъэхъу пшэри я шыпсш,

Нартыжъу щы!эр зэхэсш,

Хъымыш и къуэжъыр къыш!Эсш,

Сосрык!уи щ!Эсиххэш.

Убэлэрыгъэм, гъуэгупэ узыр къыуатынш.

Нарт пицы Бадинок!уэ мэгубжьри,

И Тхъуэжьеим зыреч,

Шы гуш!ыум самэрэш щоджэгу,

И шы лъабжъэм къыш!идзар

Къуанш!апц!Эу мэхуарзэ,

И шыпэ бзийм кърихуам

Гъуэгу напш!ит!ыр нельгъуэ.

Къильэгъуаш Сэтэней и унэ!утым,

Псыхъэ гъуэгум къытетт.

Псы баракъ хыф!идзэри

Сэтэней деж щ!Элъэдащ:

— Уэ Сэтэней гуашэ,

Гуашэм я мыфэгъу,

Джэшыр зи дэгушы!эгъу,

Уэри умылъэгъуауэ,

Сэри сымылъэгъуауэ

Зы бэлыхъи къэсащ.

— Сыт и шыфэл!ыифэ, куэпэч?

— Шы гуш!ыум самэрэш щоджэгур,

И аужьым къуаницIапцIэр щохуарзэ,
И апэм пшагъуэ гуэрэныр пэштыщ.
— Алыхъ-алыхъ, куэпэч,
И аужьымкIэ щыхуарзэр
И шы лъэгу вабдзэм къышIидзарш,
И апэмкIэ пэштыры
И шы пэшхъынным кърихуарш,
Ар езыр нарт пшы Бадинокъуэш.
Къежъащи, къыдэдгъэхъэх.
КъышIокIри гъяэгупэм къытоувэр.
Нартхэ я щаэр къэсаш,
Цыхубзым нэмыйс къыхуещI,
Хуэм зищIауэ къыблокI.
УнэIутым жреIэ:
— Нарт пшы Бадинокъуэ,
Чынтыр зи ныкъуэкъуэгъу,
ХъэгъухуэгъубэшI,
Ябгэ щIыхъэху,
Хъэхуншэ шу!
Мыр Алыджхэ я унэш,
Санэхубжы ди кIадэш,
Вы ехъуаи ди нышш,
Гъэлъэхъу пшэри дукIаш,
Сэтэнеи ди пхъужъщ,
Къян хъыджэбзи ди бащэш, еблагъэ!
— Я санэху кIадэм дзыгъуэ хырырелIэ,
Я вы ехъуар псэхэлIэ ирырехъу,
Я гъэлъэхъу пшэрыр дыгъужьым ирырешх.
Сэ сыешхакIуэ-ефакIуэкъым,
Сэ сылэгъунакIуэ щаэркъым,
Нарт щаэргъу сольыхъуэ.
КъышымыгъазэкIэ, и добракъыбгъэр ирегъэльягъу.
— А сыбгъэлъэгъуар нартыжь джэгупIэш, куэпэч!
КъышымыузыIэкIэ...
— Мывэ унэжь,
Жыгейиж лъэгу,
Нартыжь джэгупIэмкIэ еблагъэ,
Хъымыщ и къуэжъыр къышIэсш,
Сосрыкъуэ щIэсиххэш,
Гъяэгупэ узыр къыуатынщ, — жеIэ Сэтэней гуашэ.

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД НАРТА ПШИ БАДИНОКО

Сatanей-гуаша устроила санопитие. Сама Сatanей-гуаша была дочерью Алиджевых.

Там отдаленно
Старый каменный дом <стоял>
Со старыми дубовыми полами —
Место игрищ могучих нартов...
Был <у нартов> какой-то старый дом, о котором так говорили,

где они собирались. Сатаней устроила там сагрисефа, куда привлекла нартов, и все вместе там *<однажды>* сидели. *<Их>* предводителем был Пши-Дада, а старшим за столом был отец пши Бадиноко, могучий Альбеков сын.

Было так, что нарт пши Бадиноко с самого рождения не выходил к людям; и его самого, и его коня растили и обучали в подземелье, там он выезживаля своего коня, упражнялся с шашкой; люди только слышали рассказы о нем, а его самого не видели. Появляясь среди людей, он вел себя достойно: и по силе, и по уму стал он настоящим наездником.

Сын Альбеков был на санопитии. Мать пши Бадиноко, сноха Альбека, тревожилась. И сказала *<она>* своему сыну:

— Сын мой, кажется мне, что твоего отца подводят к гибели: срок его возвращения минул *<а его все нет>*; тревожась по этому слушаю, я тебя об этом извещаю.

Отец и сын *<до этого>* никогда не виделись и не знали друг друга.

— Мать моя, каковы приметы моего отца? — спросил *<Бадиноко>*.

— Он выше и старше всех нартов, одет в широкую белую черкеску, он будет сидеть на почетном месте; его конь — белый с пятнами, с коротким хвостом; там, где он привязан, других коней не будет, — ответила мать сыну.

— Ну, раз так, хорошо, — сказал *<Бадиноко>*, оседлал своего коня и пустился в путь. Это был его первый выезд.

Когда сын еще собирался в путь, мать *<сказала ему>*:

— Сын мой, будь осторожен, *<иначе>* попадешь в колдовские чары *<колдуны>* Сатаней; не доверяй, кому не следует.

— Не беспокойся, мать моя. Я не рожден, чтобы жить вечно; трус умирает дважды, а у отважного — всего одна смерть. Если я умру униженный таким же, как я, — не хорони меня; если же умру, как подобает мужчине, это для меня большая радость, — ответил он матери.

Пустил он коня достойным его ходом, одолел один переход и повстречал нартского пастуха.

— Да умножится твое стадо, пастушок, с глазами навыкате!

Выкачу тебе глаза,

Расскажи мне нартские хабары!

— Днем я — *<живой>* пастух,

А ночью — скорчившийся мертвец,

Никаких хабаров не знаю.

— Если не знаешь нартских хабаров,

Зачем торчишь у развилки семи дорог, собачье отродье! — сказал нарт пши Бадиноко и поехал дальше.

Когда нарт пши Бадиноко уезжал, нартский пастушок посмотрел ему вслед *<и окликнул>*:

— Эй, юноша светлый с желтым запястьем,

Бесстрашно разъезжающий!

Твой облик мне по душе,

Твоя манера ездить мне не по нраву.

Бабскими хабарами если не назовешь,

То один хабар я тебе поведаю:
Сатаней – у нас вдова,
Кан-девушек у нас много,
Белого сано – <полная> кадка у них,
Откормленный вол – угощенье у них,
Жирный валух – соус у них,
Нарты могучие все там сидят,
И могучий сын Хымыша там тоже восседает,
И Сосруко там всегда сидит.
Будешь беспечным – не минуешь беды.
Гневается нарт пши Бадиноко,
Рвется <с места> его Тхожей,
<Бадыноко> на спине коня самереш танцует,
Что копыта коня выбивают –
Кружится <над ним> стаей грачей;
Что из ноздрей коня вылетает –
Опалают обочины дороги.
Увидела его служанка Сатаней-<гуashi>.
Она стояла на тропе, по которой носят воду.
Бросает барак [бадью] с водой,
К Сатаней возвращается:
– Уа, Сатаней-гуаша,
С другими гуашами не сравнимая,
Фасоль чья собеседница,
И тобою не виданный,
И мною не виданный,
Кто-то могущественный явился к нам.
– Каковы его приметы, блудница?
– <Он> на спине коня самереш танцует,
Позади него грачиная стая кружится,
Впереди него туман клубится.
– Аллах-аллах, блудница,
То, что позади <него> кружится, –
Это комья из-под копыт его коня,
Что впереди стелется –
Это пар из ноздрей его коня;
Сам он – нарт пши Бадиноко.
Отправился <он в поход>, давай его завлечем.
Выходит <служанка> и становится на его пути.
Нартский наездник прибыл,
<Он> женщине почтение оказывает:
Придерживая коня, проезжает.
Служанка ему говорит:
– Нарт пши Бадиноко,
Чинты чьи соперники,
Завистников много наживающий,
Свирепости подмога,
Ничего в долг не берущий всадник!
Это дом Алиджевых,
Белого сано <полная> кадка у нас,
Откормленный вол – угощенье у нас,

Жирного валуха мы зарезали,
Сатаней – вдова у нас,
Кан-девушек много у нас, будь нашим гостем!
– В кадке <вашего> белого сано пусть мышь утонет,
Откормленный вол <ваш> пусть издохнет,
Жирного валуха <вашего> пусть волк сожрет!
Я не любитель застолий,
Я не охотник до чужих лагун!
Я сотоварища себе ищу.
Когда <Бадиноко> не поворачивается к ней, <она> показывает
ему свою упругую грудь.
– То, что ты показала мне, – место забавы могучих нартов,
блудница.
Когда <Бадиноко> не останавливается...
– Зайди в гости в старый каменный дом
Со старыми дубовыми полами –
Место игрищ могучих нартов.
Там сидит сын Хымыша,
И Сосруко там всегда.
Не миновать тебе там беды, – говорит Сатаней-гуаша.

*Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-е. Пасп. № 6.
Исп. Хамид Бевов: 1849 г.р., с. Дейское Кабардино-Балкарии;
кабардинец. Зап. в 1949 г. А. Алибеков. Перевод на русский язык
М. Бухурова.*

Текст представляет собой фрагмент известного по более ранней публикации пшинатля о первом выезде нарта Пшибадиноко. Налицо признаки угасания эпической традиции или же недостаточно высокого уровня мастерства данного исполнителя, что проявляется в смешении прозы и поэтического текста, а также тенденции к лаконичности позднеэпического стиля; в результате песнь сохраняется во фрагменте. Текст публикуется как типичное явление для позднего этапа функционирования живой традиции.

10. <ПШЫБАДИНОКЪ>

ПШИБАДИНОКО.

Нартхе Пәнбадіноко, қінтыр¹⁾ зің ныкокобү, жі Нартовыхъ Шибадиноко, кинтсій (народъ) коему врагъ; его зекон қысоңа, жі-ш уане трелңа, страсть къ похожденіямъ (его) беспокоить, (на) свою лошадь сѣло накладываеть, шыныбепх ғекузе, зғекузәрі машес, жынхур ны'ошеп подругу подтагиваеть, обтянувшись садится верхомъ, храбрецъ со двора сык, мақогоре мелеј, мегерез јі-зако, біјім қысақоңго, выѣжааеть, ғұлучи пригаеть, кружится одинокий, враги гдѣ разъезжаютъ, ғале зераң buquerque, піфеноале қымыжахем, мальчиковъ провозать по той дорогѣ, бѣлую лошадь гдѣ не треножать, қыгычыбл қызехеким, нартним ja 'аҳом қы'уғес: головы (начала) семи дорогъ гдѣ расходятся, нартовъ (ихъ) пастуха тамъ встрѣти: „Бейшү апсі²⁾“—, крех.— „Тһа уйқапсеу, қаутылъ: „Да умножишься“, привѣтствуетъ.— „Богъ да продлитъ твою жизнь, юноша оғ!“— „Je 'аҳоң ңывү, нарт ҳыбар қызже'ат“, жі. хорошій!“— „Эй пастухъ старый малый, нартсія вѣсти скажи-ка“, говоритьъ. „Je, Бадіноко пе, ссе нарт ҳыбар дene қығен, жі, „О, Бадіноко князь! мнѣ нартсія вѣсти гдѣ узнать, говоритьъ, маҳо псе'ум с-'аҳоқ, жесым һаде ҳурејго қыхельә“.— день цѣлый я пастухъ (есмь), ночью какъ трупъ круглый лежу“.— „Нате, уә нарт ҳыбар һуми'сего, қыгычыблыр қызехеким, „Итакъ, ты нартсія вѣсти ты не знала, начала семи дорогъ гдѣ расходятся, сыңча hykaқого, hусы'аҳоре?“— жы хахор қагубзә, даказ зачымъ пришли, пастушествуешь?“— Мужъ удалый разсерился, старого пия мағего зеғоне, камши се нөзор крізрі, км'ује- какъ огонь разгорается, плети три удара ему'кинувшись, отъ него отстали книжә; зы теодуј kікоаго, 'аҳоң ңыкур ранился (отдѣлился); одно протяженіе проѣхавши, пастухъ старый малый гупсмсері, зы пеалі jігү қакыжә: „Нартхе Пәнбадіноко подумавши, одно слово ему припомнилось: „Нартовыхъ Шибадиноко

каџазе!“ жі’арі, көлінгоуас; кідазең жетане; — „Фыз
вернись!“ сказавши, крикнулъ вслѣдъ ему; повернулаъ онъ потомъ; — „Женская
хыбарс, жумы’ам, зы хыбар зехесхәсі, бжес’анс,“
вѣсть (есть), какъ не скажешь; одну вѣсть я услышалъ, тебѣ скажу,“
жі’ас: „Сетанеј јі јешке јефес, богү əха’ум əнисс har,
сказалъ: „У Сетанэй (ея) ғда (и) питье, дорогой надъ сидить она,
касым абы қызағазе³), сане
приспѣвающіе тамъ закидываютъ одну за другую (привязываютъ лошадей), вино-
хур jі қадес, вы јеҳур jі нишс,
бѣлое у нея въ кадушкахъ (есть), бытъ кормленый у нея кормъ (для гостей),
бајзехў ишері һукәс, кан-хыгебз дахемі һудағегегунс,
волосъ жирный зарѣзанъ, съ канъ-дѣвшками красивыми тебѣ дадутъ поиграть,
хыгебз дахі је бесес“, жі’ас. — „Дам кілжоа
и дѣвшекъ красивыхъ у нихъ много есть,“ сказалъ. — „Сучкою рожденный
’ахоз ұңкү, с-јешхаке јефакекам ссе, с-леңунақо⁴):
пастушокъ, для того чтобы ёсть и пить не я; по лагуне шатающейся
саокам ссе, с-ҳахуђо бескам, с-јеббағеҳахүс, с-ҳа-
не юноша я, я заимствовавший много не, я дающей другимъ удаль, я ни-
хунше шыңус, нарт қеору солынхў, нуј жыны-
чего не заимствовавший всадникъ, нарта пріателя ишу, на твою ста-
бем с-јемшплем, жетанегуј зы соуент“.
ростъ если бъ не глядѣть, и опять разъ ударила бы тебя“.

Абы қы’үјезыкі, қәх хуаң, Сетанеј јі қуаземке.
Оттуда отъѣхавъ, спускаться сталаъ, къ Сетанэй (ея) аулу,
Сетанеј јі һуне’утырі мывехў һунеҙго жыныјең
Сетанэй (ея) горничной бывши изъ блокированного старого дома съ дубовымъ ста-
жегўго, нартым ја гегүпес қысыкаго, қылбайас; беда-
рнымъ поломъ, нартовъ (ихъ) мѣсто игралища вышли, увидѣла его; два-
кіт⁵) јі’ыбт һуне’утым псыңа қонгуј кәјзат har, мо шыу
ведра держала горничная и по воду ити пошла она, того всадника
кор қызылбайум һуне’утым, ғегжо ѡбазаң Сетанеј јідең:
ѣлушаго когда увидѣла горничная, быстро вернулась къ Сетанэй (къ ней):
„Je, Сетанеј гоасе, гоаsemі јамнфебў, ұмхұмі јағадоге,
„О, Сетанэй госпожа, и на княгинь (ихъ) не похожая, и для людей странная,

тегмі 6) ja мазытңа! мыныкере зы шыу коко, ha и встающихъ (ихъ) лѣсная богина! этой стороной одинъ всадникъ ёдетъ, на того шымум ходе шыу дїи хекү қызы'агуј, смынба-всадника похожій всадникъ въ нашемъ околотѣ тамъ чтобы былъ, я не видѣв-б୍ୟа".— „Шыфе жыфем кыкезыпъ сәхго, қопекъ", жи-ши".— „Лошади и всадника виду приглядись скорѣе, непотребная", ска-’арі Сетанеј крібаңаңаң қәхго һуне'утым.— „Шыфе жыфемі ке-зала Сэтанэй и возвращаетъ скорѣе служанку.— „Къ коню и всаднику при-жыпльс дељаңуарі, жріажс: „Je, Сетанеј глядѣлась, и что примѣтила за нимъ, второпяхъ сказала ей: „О, Сэтанэй гоаңе, гошыр зіи гүші'абү⁷), абы јі шыфе жыфер госпожа, фасоли (ихъ) собесѣдница, онъ его лошади видѣ, человѣка видѣ-харс: јапеке пшаңо горонс јі, һузымъке куансе бзынур қола-таковы: впереди тумана кругъ его, позади туда-сюда птица лета-те, шыгусы'ум шетырыр се'ухо, маскегоре етъ, лошади на спинѣ шатерь раскидывается, искра за искрой отъ него кы'уріхым җогү нейсітір жельбо, ha-б҃уютъмъке ha са-исходащія дороги оба края палятъ, по обѣимъ сторонамъ собаки лов-мырыр қолегү, җогү нейсітімъ неу же кеулжері ко-чя играютъ, дороги (по) оба края туда взлетая—сюда вспрыгивая, ёдетъ қо, жіаң; маскери заозаогоре кы'урех, дыбері jic-сюда, сказала; искры одна за другой исходятъ (отъ него) и солнце надъ ha-сангүң абы, шығарі огум жетаң".
головою его, и голова лошади къ небу поднята".

Нуне'утым қімніңхұм, уә Сетанеј гоаңего, гешхер зіјі
Служанка когда не узнала, вотъ Сетанэй госпожа, фасоли (ихъ)
гушы'абур, категң, жі пхеваки⁸⁾ креңаңте, жі жекафер
собеседница, встала, и свои ходули приказываетъ подать, по (ему) полу
шегеңоакот, кекотехрі зкрайс, қеодеңаңем қыңыдепжым зе-
полня проходила, спустившись выдвинулась, изъ калитки когда выглянула, (то)
рільбау'го жіңіхуаң шыур: „Je, һабзгоре һабз, жіаң, је һаб-
увидѣвши тотчасъ узнала всадника: „О, сука сущая, сука ты, сказала, о, сука
зы, қоцеқ, уәрі һумы'жабу'аго, ссе съеду'амі
нешогребная, и тобой чтобы невиданный, (изъ числа) мною видѣнныхъ

јаңмыңғо! нобе дene кікijжат где дымылбайар? уә пжа-
чтобы онъ не былъ; сегодня откуда явился бы нами не виданный? тобою видѣн-
буамі яснық har, ссе събауамі яхетаң har; япеке
ныхъ въ числѣ онъ, и мною видѣнныхъ (въ числѣ) былъ онъ; впереди
шишбай, шы пацхын боз-с; jиһузнике koleбзнуго
туманомъ что видится, лошади ноздрей паръ то; позади птицы
ғыњатер, шы жегү вабже ятес; шыгусы'ум ша-
что летаютъ, лошади изъ-подъ копыть грязь то; у лошади на спинѣ ша-
тыргоре қiухар, сағындак зепылс; маскегоре ки'уріх-
тромъ что раскинуто, лукъ (то) натянутый; искрами исходящими отъ
го қылбай, ji шы тхурымбес; језырі нарт Цыбаді-
него что видишь, его лошади пъна; самъ онъ нартъ Шибади-
нокос; нүкелымбым, фырыс; ұыхұ ғынејмі
ноко есть; (если) пригладишься къ нему, онъ занять собою; людей вздорныхъ
ясныс; қінтiр jи ныкокобүс; қінты заомі
(изъ числа) онъ; кинтский народъ ему врагъ; изъ кинтской битвы
kikäc har, Тенке қыроазес, Псызке қы-
пріехаль онъ, по Тену (Дону) путеводитель есть; по Кубани (старой рекѣ) луч-
шоазекејс; језыр құако мишеңс; қасыншого де-
шій путеводитель есть; самъ онъ обиды не сносящий; недовольнымъ если
кыжме, хуке векер 'удебінс; жен гегү ғалер дісн-
выѣдеть, всякий скотъ отгонить; въ альчики играющихъ дѣтей намъ подбе-
пинс; нартым ұыхұке код kахујеконс; Сосруко jи
реть; на нартовъ людей послѣднихъ гибель пошлетъ, Сосруко (его)
жегоазе ⁹⁾ хуйт бжыпеке зеріхуљенс, где дѣкәмі; кидет-
колїна двѣ жилы копьемъ сдавить, если насть минуетъ; привлечь
hахын дхојес қeхgo har“, жi'ac.
къ намъ намъ нужно скоро его“, сказала.

Сетанеј гоаsem абыншного jи hунем самыркере ғодыо,
Сэтанэй госпожа зеленаго стекла свой домъ самыромъ обмахиваетъ,
бжык ходегуј зjібепсс, сехү сеплі јеожс, ағбi ¹⁰⁾ қағуб-
копью подобно нарядилась, и бѣлая и румяна наложила, у стеклянного окна
жем киҳотысс: „кебебаңс, қoпeй, қeхgo“ жi'ari. hуне-
(для него) присѣла: „Пригласи сюда, непотребная, скорѣе“ сказала и служан-

утыр көіхүс; һуне'utrі кегоуң наорт Псыбадінокем; „Je Псы-
ку выгнала; служанка оттуда крикнула наорта Пшибадиноко; „Эй, Пши-
бадінокого наорт, бжыңша дыкоако жакомі ja җеңүз, зің ши-
бадіноко наортъ, копья двуглаваго племени (его) потомокъ, своей ло-
зың яемыкухе; миnde зе кағазет“ жі;
шада старой неудерживающей ни предъ чымъ; сюда разъ поверни-ка“ сказала;
наорт җылхұмі қысығазем, мағеңүрі кріхс: „Мыр Allыгхе¹¹⁾
наортъ мужественный когда повернуль, и привѣтствіе отдала: „Это Аллиговыkh
янунес“ жі'ас: „Сенехур ja қадес, ви јеңүрі
(ихъ) домъ“, сказала: „Вино бѣлое въ немъ въ кадушкахъ, быки откормленные
ja пышс, әзжеңү ышері һүкәс, кан ҳы-
въ немъ кормъ ночной для гостей, волохъ жирный зарѣзанъ, съ канскими дѣвш-
гебз дахемі уадедбегегунс; ҳыгебз дахі ja. бесең
ками красивыми тебѣ дадуть поиграть; дѣвшекъ красивыхъ у нихъ много есть
мыбы; јеблаје қаоф“ жі'ас.— „Мыр Allыгхе янунемі,
тутъ; жалуй сюда, добрый юноша“ сказала.— „Это Аллиговыkh (икъ) если домъ,
ғыке Тұам яеңеңуне; санехүго ғіj қадер нар-
добромъ Богъ пусть дастъ жить въ домъ; вина бѣлаго ваши кадушки нар-
тем рјевѣф; ви јеңүго ғіj ыныпир ғыке Тұам
тамъ дайте выпить; быка кормленного вашего для гостей добромъ Богъ
ғіjіашх; әзжеңү ышер һүкорі ғыке Тұам
да дастъ вамъ скушать; волоховъ жирныхъ зарѣзанныхъ добромъ Богъ
ғіjіашх; кан ҳыгебз дахемі наортыр девѣбегегү;
да дастъ вамъ скушать; съ кань-дѣвшками красивыми нарамъ дайте поиграть;
ҳыгебз дахего, ғіj бесері, нархым зрјевѣаше; сиңда-
съ дѣвками красивыми, коихъ много, нарамъ дайте распутничать; я не въ-
бүгуримыбо, сыбуңеңү ғасыкәм; сиңасе деқоатекәм, с-јеш-
шунъ, а сосѣдямъ не милый; я милыхъ не провожающей, я не ѡда-
хе јефақокам; ссе сиңеңунақо қаокам; ссе һахује беғ-
щій и не пьющий; я по лагуне ходящій юноша не; я заимствующій много есмъ
кам; с-јеббағе һахүс, с-һахунше шыңус,
не; я заимствующій другимъ удаль, я ничего не заимствовавшій всадникъ;
наорт қаобү соъмхо“. — „Нарт қаобү һухојем, қанже jі
наортъ пріятеля ишу“. — „Нартскаго пріятеля если нужно тебѣ, Кянжа (его)

коzmр пходботың“. — „канже јі коzmі сыхојекам, неры-
сына старого найдемъ тебѣ“. — „Кянжа синишку я хочу не; у несчаст-
б҃ејмі јі ко закос: ғale закорі ’узбекыжынкам“.—
ной женщины (ея) синь единый онъ: мальчика однокаго погублю не“.—
„Сосрукуj пходботың“. — „Сосрукуj скомиј: језир хөбесађе
„Сосруко тебѣ найдемъ“. — „И Сосрука не хочу тоже: самъ онъ хитрый
бес, јі бзегебар јеубек“. — „Нартхе Пәмбадіноко,
очень есть, его злонамѣренность превышаетъ“.— „Нартъ Плибадиноко,
жі’аc јетане Сетанеj, қінтрі зіj никокобў, Сосруко ѡимис-
сказала тогда Сетанай, съ кинтами враждующій, Сосруко хотя нѣть
мі, шы ғыс нарт сиефай; се фызмі сеумы-
дома, на коня садившемуся парту уподоблена я; съ женщинами меня нерав-
басынт; hyjcha jiumисибоге, зы ғаде бзі кысхојфе
най; себя для не сочи въ обиду, одну вина чашу выпей у меня,
кеjблаfi“.
пожаловавъ ко мнѣ“.

Сыт жі’амі, јегудуакам; сыхојмы-
Чтб ни сказала, не обратилъ вниманія; когда вовсе ни на-
губухем јі қаљанфер фїїзаке, пса бзугуухујтим
что не обратилъ вниманія, свою голову открыла, шею бѣлую
’үjапљес, арі ҳыбар jihукам; кріекотехрі бызыфем ғібеп-
показала, и то ни за что не почель; спустивши ниже груди показа-
љес, јетані хоjгубуkam, кріекотехрі ғехебдум
ла, и еще не могла обратить его вниманія, спустивши ниже
’үjапљес; сыхојмыгубухем денехў уајер зе-
показала; когда же вовсе не обратила его вниманія, шелковый шнурокъ пор-
пік, jirібехохынес, арі ҳыбар jifakam: „Нїнha кыhам
вала, вовсе спустила, и то ни во что не почель: „Отъ заходящихъ
хуалхуа, канже бычам траха, уа пходе зы-
и входящихъ рожденный, съ навозной кучи снятый, тебѣ подобного без-
цнрмгыча дедіj хекў ѡимисым, де джі қыгум Тһар ejib-
шабашнаго въ нашемъ околотѣ если нѣть, нашу землю Богъ да
ѣ; уа hukjемыбаfемі сішхын зышхын зботың
проклянетъ; хотя ты и не жалуешь, мое кушанье кто покушаетъ найду

ссе, сјі фаде јізміні, збогтиң ссе".— „Je Сетанеј уд", жі-
я, мои напитки кто выпьеть, найду я".— „Ахт, Сетанеј вѣльма", ска-
'аң јетане: „*çkyh* псынзехеңе, нартим зі кәфезміненж,
заль затым: „составляющая отраву, всячъ нартовъ губящая,
сиз'уббапъер нартим јагегүпес, уй пходе қопекім
что показываешь мнѣ, нартовъ забава есть, тебѣ подобная непотребная
ссе сиданахатем, нобареј махом си-касмінтекам ссе; абы
меня если бы соблазнила, до сегодня дожилъ бы не я; этого
киғымыңак, абы киғымбекам, һүзхое һынан, жі,
не допускай, это если допустишь, что тебѣ нужно, будетъ, сказалъ,
нарт қаобў соъмхорі, нарт ҳыбар пісеме қызжеа".—
нарта пріятеля я ишущій, нартскія вѣсти если знаешь, скажи-ка".—
„Нарт ҳыбарі бжед'ан: қуажекемке јеъ, нартим ја.
„Нартскія вѣсти скажемъ тебѣ: къ концу аула поѣзжай, у нартовъ
санеху афес, hap зи қефе һунер, һуне хуз бўунжे,
вина бѣлаго питье, то гдѣ пьють домъ тотъ, домъ бѣлый кривой,
һуне бўунж шашес, поздаді¹²⁾ ja тѣамадего, Сос-
домъ кривой съ выпившимся задомъ, князи-дѣда его старшаго, Сос-
рукуј ja псафего, санехуафер абы қоғ; нарт қаобў
руко прислужникомъ имѣя, бражничанье тамъ дѣлаютъ; нарта товарища
пхоаботыңс, абы һуком".
тебѣ найдуть, туда если поѣдешь".

Куажекемке јінүтиңсаң јітане; қуажекемке јеъго-
Къ концу аула пустылся потомъ; къ концу аула спускался
ре, ғale ىنېھەم қајаңүң: „*Aleh*, aleh, мибике
внизъ, мальчики малые увидѣли его: „Ай, ай, по этой сторонѣ
зи шму коко", жа'арі; уй Сосрукозго нармі же-
одинъ всадникъ ёдетъ", сказавши; вотъ Сосрукъ старый (если такъ) отъ-
михорылхўго, Сетанеј јімылхуком, ҳыбарир зе-
пастуха коровъ будучи рожденъ, Останей пасынокъ, вѣсть ту услы-
хікс; hap шентім тепи'ант? миве шенті кеј-
шаль; тотъ на скамѣй поконился ли бы? и съ каменной скамьи соско-
жес; jі шырыкуј җыныхет; бжаблемі кидепльс;
чиъ; го сапоги были надѣты уже; изъ за дверной рамы выглянуль.

зөрілбабүгө, қіңкүақ шыу қор: „Je нарт дәле! Thap ки-
какъ увидѣль, уаналъ всадника ъдущаго: „Нарты глупые! Богъ да
фхыбѣ-ффе бѣмрі кифтіо! мы шыу какор
проклянетъ васъ и скала на васъ да упадеть! этого всадника сюда ъдущаго
ситго фимѣцыхуре ффе? Нартхе Псыбадінокос, қінтір
какъ не знаете вы? Это Нартовъ Пшибадиноко, кинтскій
jі иыкокобүқ, қінті заомі kікәс, Тенке ынбоа-
народъ ему врагъ, изъ кинтской битвы пріѣхалъ (онъ), по Дону путеводи-
зес, Псызке ынбоазекејс, језир ындақо мышекс,
тель есть, по Кубани лучшій путеводитель, самъ онъ обиды не сносящий,
часыцкого деңижме, ҳуке веңер 'үбекинс, кен гегү
недовольнымъ если выѣдетъ, всякий скотъ отгонить, въ альчики играющихъ
дәле дәїсепның абы, нартим зі киғғізанинкәм абы“,
малчиковъ тебѣ подберетъ онъ, нартовъ ни одного оставить не онъ“,
жі'ақ.—„Дао ғын, Сосруко? жі'арі; қенгеңебү киңа'у-
сказалъ.—„Какъ намъ сдѣлать, Сосруко? сказавши; советникомъ когда его
ғым: „діj іанем қызығекаке, эн hamal јессенс“,
сдѣлали: „Нашей матери отъ когда онъ отѣлся, одно средство сдѣлаю ему“,
жіа'ақ Сосруко.
сказалъ Сосруко.

Нарт псе'урі зедыхасес, Сосрукуј ja'упғежеңүгө:
Нарты все посовѣтовались вмѣстѣ, Сосруко имъя совѣтникомъ:
сане хубзе краңахо, блеңхозејіс ха'утыпчыас;
вина бѣлаго чашу наливаютъ, сѣрыхъ змѣеныш трехъ туда впускаютъ;
нарты паа ғерыхо қызыдејзес; нарт Псыбадінокор зі
нарты, шапки снявши, вышли вмѣстѣ; нарутъ Пшибадиноко, своей
шызыј јемыкужир, сане хубзем қыхеңаплес;
лошади не удерживающему ни предъ чѣмъ въ вина бѣлаго чашу дали заглануть;
блеңхозыніем гукилітес, жир паše зтрізакері, хекіјекго
свраго змѣеныша запримѣтиль, стальные усы выростивши, . выкрикивая
jірі'ульс блеңхозыјер шынакысем, санехубзери кағы-
придавиль свраго змѣеныша во дну наши, и вина бѣлаго чашу на-силу вы-
ріфс: „ссе фиссенс“, жі'арі, kізазес јетане.
ниль у нихъ: „я васъ узнаю“, сказавши, повернулся назадъ.

Нартыр зедыгүлес, псынаді хегузевиқс:
Нарты сильно опечалились, князь-дедушка особенно обезпокоился:

„Je Псыбадіноко, доакокунъе дде дъекыркам; миде зекаbazе,
„Ахъ, Псыбадиноко, ссориться мы имеющіе силы не; сюда поверни,
јі шыпхўго һабібат дахер фызго нузот“. Іі шыпхурі
что мою сестру Хабибатъ красивую въ жены тебѣ отдаю“. И свою сестру
јірітәс; һафери крағапсхс, санехубәрі крағафес,
отдалъ; и гости заставили сѣсть съ коня, и благо вина чашу заставили вы-
ja кафери зеха'ублеc; һафем траjхас;
пить, и свой танецъ начали; на гостя наложили (очередь плясать);
'ане hупфакем деjеjц һафтер, 'анері јембасысго, шыспрі ¹³⁾ jі-
стола на край вскочилъ гость, и стода не шевеля, и разсола не
рімкүтго 'ане hупфакер кіфыhри, кjejежс.—Сосруко
проливая, стола около края проплесавши, соскочилъ.—На Сосруко
траjhас; Сосрукуj 'анем деjеjц, 'анері ѡимбасысго наложили (очередь); Сосруко стола (на край) вскочилъ, и стода не шеве-
сысто, шыспрі jірімкүтго, шыспрі hупфакер кіфыhас абы; ҳи-
лиль, и разсола не проливая, разсола по краю проплесалъ онъ; на Хи-
мыс ¹⁴⁾ тріjhас: 'анері ѡимбасысго ҳимысызым, шыспрі jірім-
мыша наложили: и стода не шевелилъ Химышъ старый, и разсола не про-
кутго, 'ане hупфакер кіфыhас, 'анемі кепкери, пхембү
ливая, стола около края проплесалъ, и со стола соскочивши, на досчатый
жегурызым кыстыейкем: „сыble қыдхеуаc!“ жа'арі, ғыбым
полъ когда прыгнулъ: „Молния нась ударила!“ сказавши, на дворѣ
дес җызхем „jеле“, ¹⁵⁾ қыхеzас.
сидящіе старики „еле“, запѣли.

¹⁾ Кинты—народъ неизвѣстного происхожденія.

²⁾ бехў—да много сдѣлается—умножится (бе—въ абадзехскомъ говорѣ означаетъ много), апçі входитъ въ составъ привѣтствія, выраженнаго посредствомъ бехў; значеніе этого слова въ настоящее время утерялось.

³⁾ зеfазен—закидывать уздечку одну за другую на привязи лошадей; т. е. привязывать лошадей.

⁴⁾ Лагуне (женская половина).

⁵⁾ Бедак—вероятно, нечто въ родѣ ведра.

⁶⁾ Встающихъ (поднимающихся) лѣсная богиня; поднимающіеся—это птицы и звѣри (по объясненію К. Атажукина).

- ⁷⁾ Фасоли собесѣдница; ворожен еще и теперь гадаютъ посредствомъ фасоли.
- ⁸⁾ Ходули, бывшія въ употреблениі еще въ недавнее время у кабардинскихъ женщинъ.
- ⁹⁾ Единственное мѣсто, где Сосруко былъ уязвимъ.
- ¹⁰⁾ Употребленіе стекла не могло быть известно въ то время, о которомъ говорить пѣсня.
- ¹¹⁾ Шора-Ногмовъ въ своей Исторіи (стр. 23) относитъ это название къ грекамъ.
- ¹²⁾ Такъ названъ, вѣроятно, проживающій въ аулѣ старѣйший наrtle; *дада* (дѣдушка) называютъ отца или какого-либо почтенного старца.
- ¹³⁾ Хрѣнь или просто соль, распущенная въ кисломъ молокѣ; подается вмѣстѣ съ варенымъ мясомъ.
- ¹⁴⁾ Химышъ—отецъ Батраза (у осетинъ—Хамыцъ).
- ¹⁵⁾ Ни происхожденіе, ни значеніе этого слова неизвѣстно.

Нартхэ Пшыбадинокъо,
Къинтыр зи ныкъокъогъу,
И зейкъон къышохъа,
Иш уанѣ трелъхъа,
Шыныбәпх щлекъузә,
Зщлекъузәри машәс,
Лыхъур нычуошәсыкъль,
Маклорә мәлъей,
Мәг'эрәз и закъо,
Бийим къышакъохъо,
Щталэ зerahx гъогуго,
Пшлэгъоалэ щы[а]мылъахъэм
Гъогушхъибл щызәхәк<I>ым
Нартым я Iахъом щыIущләш,
«Бәхъу апши» кърех.
«Тхъа уигъапсәу, шаофI!»
«Е Iахъожъ цык<I>у,
Нарт хъыбар къызжелат», — жи.
«Е Бадинокъопиц,
Ссэ наrtle хъыбар дэнэ щы<c>щлән, — жи, —
Махо псом с-лахъош,
Жәщым хъадә хъурейго сихәлъш».
«АтIә, уэ наrtle хъыбар умыщләго,
Гъуэгушхъиблыр щызәхәк<I>ым
Сыщхъа укъакъо ушыIахъорә?»
Лы хахор къагубжыш,
Дакъажъ мафIәго зәщлонэ,
Къамшы щә огъор къидзри къыIуигъэзы<kI>ыыжш.
Зы теогъуй къикIоаго,
Iахъожъ цык<u>р гупсысэри
Зы псалъти игу къак<I>ыыжш,

«Нартхэ Пицыбадинокъо,
Къагъазэ», – жиIари
К<I>ъэлтыгоуаш.
Къигъазэц етIанэ.
«Фыз хъыбарщ, жумыIам,
Зы хъыбар зэхэсхачи, бжесIанщ, – жиIаш, –
Сэтаней и ешхэефэш,
Гъогу щхъяIум щысщ ар,
Къасым абы щызафIадэ,
Санэхур и к<I>ъадэш,
Вы ехъур и нышщ,
Гъалъэхъу пшэри укIащ,
Къан хъыг’эбз дахэми
удагъэг’эгунщ,
Хъыг’эбз дахи е[я] бэшэш», – жиIаш.
«Хъам къильхоя Iахъожь цЫку,
С<ы>ешхакI<o>-ефакI<o>экъэм ссэ,
С- лэгъунакIо щаокъэм ссэ,
С-хъахугъо бэшкъэм,
С-ебгъашIэхъахущ,
С-хъахуншэ шыущ,
Нарт щаогъу сольыхъу,
Уи лыжыгъэм семыплтэм,
ЕтIанэгүи зы[э] соуэнт».
Абы къыIуигъэзык<I>ьри
Къэ[e]х хъуаш Сэтаней и къуажэмкIэ.
Сэтаней и унэIутыри
Мывэху унэжъо
Жыгыйежь лъэгуго
Нартым я г’эгупIэш[m]
КъышIэкIяаго къы[и]лъэгъуаш.
БедакъитI иIыгът унэIутым,
Псыхъя кIонгуй къэйжъат ар,
Мо шыу кIор къышылъагъум,
Уны<э>Iутым щIэгх’[x’g]о игъазэш
Сэтаней и дежь:
«Е Сэтаней гоашэ,
Гоашэми ямыфэгъу,
Цыхуми яфагъог’э,
Тэг’ми я мэзытхъа!
Мыб[д]ыкэрэ зы шыу къокIо,
А шыум ходэ шыу
Ди хэку щыщыIагуи, сымылтъагъуа».
«ШыфэлIыфэм къык<I>элтыплъ щIэх’го, кIопэкIль», –
ЖиIари Сэтаней
Къиргъагъазаш щIэх’го унэIутым.
ШыфэлIыфэми къ[кIь]элтыплъщ,
Дильэгъуари жриIажщ:
«Е Сэтаней гоашэ,
Го[э] зи гушыIагъу,
Абы и шыфэлIыфэр арщ:

Япэк^къэ пшагъо горо[э]нщ,
<И>ужьымк^Іъэ къуанщ^І бзыур щолъатэ,
Шы гущы^Іум шэтырыр ще(Г)ухо,
Маскъэгорэ къы^Іурихым
Гъогу нэп^Ішит^Іыр елыгъо,
А[и-?] бгъйт^Іымк^Іъэ хъа самырыр щог'эгу.
Гъогу нэп^Ішит^Іым
Неульэ-къолъэри къок^Іо, – жи^Іаш. –
Маск'эри зао-заогорэ къы^Іурех,
Дыгъэри и щхъашыгуш абы,
Шышхъари огум етащ».
Унэ^Іутым щымыц^Іыхум,
Уэ Сэтаней гоащэго
Г'ешхэр зи гушы^Іагъур къатэг'щ,
И пхъевакъи кърегъаштэ,
И жэх'афэр шэг'эгъоак^Іот,
Къек^Іотэхри з<ы>къ<ы>рик^Іыш,
К(Г)'эо дэхъап^Іэм къышцыдэплъым,
Зэрилъагъуго иц^Іыхуаш шыур:
«Е хъабзгорэ хъабз, – жи^Іаш, –
Е хъабзы к^Іопэк^Іъ,
Уэри умылъагъуаго,
Ссэ слъагъуами ящымыщго
Нобэ дэнэ къик^Іыжат ддэ дымылъагъуар!
Уэ плъагъуами ящыщ<щ> ар,
Ссэ слъагъуами яхэтащ ар,
Япэ^къэ пшагъого щыплъагъур
Шы пащхъын гъозщ,
Иужьымк^Іъэ къолэбзыуго щылъатэр
Шы лъэгу вабдээ ят^Іещ,
Шы гущы^Іум шатыргорэ щыух<у>ар
Сагындакъ зэпылъщ,
Маск'эгорэ къы^Іурих'го щыплъагъур
И шы тхъурымбэш,
Езыри нарт Пшыбадинокъош,
Ук^къэлъыплъым фырыш^Іш,
Цыху щык^к^Іьеими ящыщ,
Къинтыр и ныкъокъогъуш,
Къинты заоми къик^Іаш ар.
Тенк^къэ щыгъоазэш,
Псыжък^Іъэ щыгъоазэк^к^Іьеийш,
Езыр щхъако мышэк^Іыш,
Щхъашыщхъого дэк^к^Іыижмэ,
Хъук^Іэ-вэк^Іъэр Iу<и>гъэк^к^Іыинш,
К^к^Іэн г'эгу щ^Іалэр дф^Іишцыныш,
Нартым цыхух^Іэ к^к^Іод къахуигъэк^к^Іонш,
Сосрукъо и лъэгоажъэхуйт^І
Бжыпэк^Іэ зэрихул^Іэнш, ддэ дф^Іэк^Іами.
Къидэтхъахын дхойещ щэх'го ар», – жи^Іаш.
Сэтаней гоащэм абг'ышхъого и унэм
Самырк^к^Іъэрэ Йодью,

Бжык<I> ходэгүй зигъэпсц,
Сэхусэплти еожш,
Абг'и щхягъубжэм къыхотIысц:
«Къегъэблагъэ, кIопекIь, щIэх'го», – жиIари
УнэIутыр къ<ы>щIихуш,
УнэIутри къегоущ нарт Пщыбадинокъом:
«Е Пщыбадинокъого
Нарт бжышхъа дыкъоакъо,
ЛъIакъоми я лIэужь,
Зи шыжъый емыкъухэ,
Мыдэ зэ къэгъазэт», – жи.
Нарт лъыхуми къыщигъазэм,
МафIэхъури кърихщ:
«Мыр Аллыг'хэ я унещ, – жиIаш, –
Сэнэхур я к<I>ьадэш,
Вы ехъуар я нышш,
Гъальэхъу пшэри укIяш,
Къан хъыг'эбз дахэми уадэдгъэг'эгунш,
Хъыг'эбз дахи я бэшщ мыбы,
Еблагъэ, щаофI», – жиIаш.
«Мыр Аллыг'хэ я унэми,
ФыкIьэ Тхъам егъэунэ,
Санэхуго фи к'адэр
Нарт<x>эм рийевгъаф,
Вы ехъуго фи нышыр
ФыкIьэ Тхъам фигъашх,
Гъальэхъу пшэр укIо<a>ри
ФыкIьэ Тхъам фигъашх,
Къан хъыг'эбз дахэми
Нартыр дэвгъэг'эгу,
Хъыг'эбз дахэу фи бэшщери
Нархы[тхэ]м зриевгъашэ.
Сытхъагъугурымыгъо,
Сыгъунэгъу щIасэкъэм,
СыщIасэ дэкIоатэкъэм,
С-ешхэефакIокъэм,
Ссэ сылэгъунакI щаокъэм,
Ссэ хъахугъэ бэшIкъэм,
С-ебгъашIэхъахуш,
С-хъахуншэ шыущ,
Нарт щаогъу солтыхъю».
«Нарт щаогъу ухойем,
Къанжэ и къожыр пходгъотынц».
«Къанжэ и къожими сыхойекъэм:
Нэрыбгейем и къо закъош,
Щалэ закъори Гузгъэк<I>ыжынкъэм».
«Сосрукъуй пходгъотынц».
«Сосрукъуй схомый:
Езыр хогъэшагъэбэш,
И бзэг'эгъяр еубэкIь».
«Нарт Пщыбадинокъо, –

ЖиIашт етIанэ Сэтаней, –
Къинтри зи ныкъокъогъу,
Сосрукъо имысми,
Шы щыс нарт спешIай,
Ссэ фызми сеумыгъашхыт.
Уи щхъа иумысыгъог’э,
Зы фадэбжыи къысхойфэ, къейблагъи».
Сыт жиIами, егугъуакъэм.
Щыхоймыгутгъыхэм,
И щхъалъанцIэр фIигъакIщ,
Пща бгъугухуитIым Iуигъаплъэш.
Ари хъыбар иущIкъэм.
КъригъэкIотэхри
БыдзыщIэм щIигъэ[а]плъэш.
ЕтIани хойгугъукъэм.
КъригъэкIотэхри
Щэхэбгъум Iуигъаплъэш.
Щыхоймыгутгъухэм,
Дэнэху уагъэр зэпикIьш,
Иригъэхохыпэш.
Ари хъыбар ищIакъэм.
«Ныйхъа-къыхъам хуалъхуа,
К(I)онжэбыщхъам траха,
Уэ пходэ зы цырыгыщхъа
Дэ ди хэк(I)у имысым,
Дэ ди щыгум Тхъар щийбгэ,
Уэ укъемыблагъэми,
Си шхын зышхын згъотынцссэ,
Си фадэ изыфыни згъотынцссэ».
«Е Сэтаней уд, – жиашт етIанэ, –
Щхъухъпсыхъ зэхэшIэ,
Нартым зи къащIэzym<ы>гъэнныж,
СызIубгъаплъэр
Нартым я гъэгушIэш,
Уэ пходэ кIопекIым
Ссэ сыдахъахатэм,
Нобэрэй махом
Сыкъасынтэкъэм ссэ.
Абы къыифы<о>мыгъэк<I>ь,
Абы къыифыбгъэкIьам,
Узхойе щыланц, – жи. –
Нарт щаогъу солъыхъори,
Нарт хъыбари пщIэмэ, къызже<I>а».
«Нарт хъыбари бжедIанц:
Къуажэк<I>ьэмкIьэ ех’,
Нартым я санэхуафэш,
Ар зышефэ унэр
Унэ хужь бгъунжш,
Унэ бгъунж пх’ашэш,
Пшыдади я тхъамадэго,
Сосрукъуй я пщафIэго,

Санэхуафер абы що[а-?]щI.
Нарт шаогъу пхуагъотынщ абы укIом». Къуажэк<І>ъэмкIъэ иутIыпщащ итIанэ.
КъуажэкъэмкIъэ ех'горэ,
ЩIалэ цыкухэм къалъагъущ:
«Алэхь-алэхь,
МыбыкIъэ зы шыу къокIо», – жаIари...
Уэ Сосрукъожьго,
Арми жэмыхъорылъхуго,
Сэтаней и мылъхукъом
Хъыбарыр зэхих'щ,
Ар шэнтый тэпыIант! –
Мывэ шэнтми къейлъэш,
И шырык'уи лъыгъыхэт,
Бжаблэми къыдэплъщ.
Зэрилъагъуюго къицIыхуаш шыу кIор.
«Е нарт дейлэ,
Тхъар къыфхыбгэ ффэ,
Бгыри къыфтио!
Мы шыу къакIор сытго фымышIыхурэ ффэ!
Нартхэ Пшыбадинокъоц,
Къинтыр и ныкъокъогъущ,
Къинты заоми къикIаш,
Тенк<І>ъэ щыгъоазэш,
Псыжъкъэ щыгъоазэкъеищ.
Езыр щыхъак<І>омышЭк(Г)ыщ,
Щхъашыщхъого дэк<І>ылжмэ,
Хъукъэ-вэкъэр Iу<и>гъэк<І>ынищ,
К<І>ъэн г'эгу щIалэ дфIишэпинщ абы,
Нартым зи къыфщIигъанынкъэм абы», – жиIаш.
«Дао <т>щIын, Сосрукъо?» – жи[а]Iари,
К(Г)ъэнгешэгъу къыща(Iу)щIым...
«Ди анэм къышыфIэкIякIъэ,
Зы амал есщIэнщ», – жиIаш Сосрукъо.
Нарт псэ(Г)ури зэдыхасэш,
Сосрукъий я (Г)упшIэжэгъуюг:
Санэхубжъэ кърагъахъо,
Блэшхъожьеищ ха(Г)тIыпщхъаш.
Нартыр паа щхъэрыхго къызэдэйжъэш,
Нарт Пшыбадинокъор,
Зи шыжьи емыкъужыр,
Санэхубжъэм къыхе[а]гъаплъэш,
Блэшхъожьыем гу къылъитэш,
Жыр пашIэ зтригъак<І>ъэри
Хэк<І>инк<І>ъго ириIулIщ
Блэшхъожьыер шынакъыщIэм,
Санэхубжъэри къафIырифщ,
«Ссэ фысщIэнщ», – жиIари,
Къигъазэш етIанэ.
Нартыр зэдигулэзищ,
Пшыдади хэгузэвыхIыщ:

«Е Пицыбадинокъо,
Донкъоκъункъэ ддэ длъэк<I>ыыркъэм,
Мыдэ зэ къагъазэ,
И шыпхъуго Хъабибат дахэр
Фызго узот».
И шыпхъури ириташ,
ХъашЦэри кърагъапсыхщ,
Санэхубжъэр[м]и кърагъафэш,
Я къафэри зэха(I)ублэш.
ХъашЦэм тралъхъаш.
Іанэ <I>упщЛакІээм дэлъейш хъашІэр:
Іанэри емгъасысго,
Шыпсри иримк<I>утго,
Іанэ упщЛакІээр къифыхъри къиелъэжщ.
Сосрукъо тралъхъаш.
Сосрукъуи Іанэм дэлъейижьш,
Іанэри имгъасысго,
Шыпсри иримкутго,
Шыпс упщЛакІээр къифыхъаш абы.
Хъымыш трилъхъаш:
Іанэри имгъасысго Хъымыщыжьым,
Шыпсри иримкутго,
Іанэ упщЛакІээр къифыхъаш,
Іанэми къепк<I>эри,
Пхъэмгъу лъэгурыйдзым къышытепІк<I>эм,
«Щыблэ къыдхэуаш!» – жаIари,
Щыбым дэс лыжъхэм
«Елэ» къыхе[а]дзаш.

<ПШИБАДИНОКО>

Нарта Пшибадиноко,
У которого кинты противники,
Жажда к выезду гложет,
На коня своего седло кладет,
Подпруги подтягивает,
Подтянувшись сам, на коня садится.
Муж доблестный выезжает,
Едет он, скачет,
Одиноко вертится.
Там, где враги разъезжают,
Там, где есть тропы, по которым юных похищают,
Там, где белых лошадей не стреноживают,
Встречает он нартского пастуха,
Бох апишием его приветствует.
«Бог да дарует тебе жизни, добрый наездник!».«Эй пастушок маленький,
Поведай мне нартские хабары», – просит.
«Эй, Бадиноко-князь,
Откуда мне знать нартские хабары, говорит,

Целый день я пастух,
Ночью я трупом скорченным лежу».
«Как же это ты, не ведая нартских хабаров,
На развилку семи дорог
Пришел и пасешь <стадо>?».
Муж доблестный рассердился,
Огнем <жарким, как> от могучей коряги, он разгорается,
Одарил его тремя ударами плети, и
Оттуда повернулся.
Когда он проскасал одно *теого*,
Пастушок маленький поразмыслил и
Одно слово вспомнил:
«Нартов Пшибадиноко, вернись! –
Сказав, он вслед окликнул. –
Если за бабские хабары не примешь,
Один хабар я слышал, и тебе поведаю, – сказал. –
У Сатаней застолье-пиршество,
Живет она у края дороги,
Всякий прибывающий там спешивается.
Сано белое в кадке у нее,
Бык откормленный – угощение у нее,
Жирный валух забит у нее,
<Там> тебе с прекрасными *кан-девицами* порезвиться дадут,
Прекрасных девиц много у них», – сказал.
«Собакой рожденный пастушок маленький,
Я не любитель застолий, не любитель пиров,
Я не завсегдатай <чужих> лагун,
Я не *хахуго бец*,
Я свирепости опора,
Я всадник, ничего в долг не берущий,
Я нарта-товарища себе ищу,
Не цени я твою старость,
И во второй раз ударил бы тебя».
Поворотил он оттуда и...
Стал спускаться вниз,
В сторону селения Сатаней <-гуаши>.
Служанка Сатаней...
Дом белый большой,
С дубовыми полами –
Место игрищ нартов...
Она, выйдя <оттуда>, увидала его.
Две бады несла служанка,
За водой она направлялась;
Когда того всадника увидала,
Служанка скоро направилась назад к Сатаней:
«О Сатаней-гуаша,
С <другими> гуашами несравнимая,
С <другими> людьми не схожая,
Встающих ты лесная богиня!
В эту сторону один всадник движется,
Этому всаднику равного всадника

В нашем kraю я не видывала».

«Присмотрись к тому, каков он на вид, потаскуха», –
Сказав, Сатаней быстро завернула обратно служанку.
<Та> присмотрелась, каков он на вид, и...
Что увидела, рассказала:

«О Сатаней-гуаша,
Фасоль чья собеседница,
Его вид вот каков:
Спереди него тумана густота,
Позади него грачи-птицы летают,
На спине коня шатер расставляет,
Искры, что из <ноздрей его коня> пышут,
Края дороги опаляют,
По его бокам собаки-самыры резвятся,
Едет он, перескакивая два края дороги», – сказал.
И искры от него время от времени сыплются,
И солнце – вверху над ним,
И голова его лошади к небу поднята».

Когда оказалось, что служанка его не знает,
О Сатаней-гуаша,
Фасоль чья собеседница, поднялась,
Свои деревянные башмаки достать велит...
До порога путь – для нее на полдня,
Опустилась она и с места стронулась,
За ворота как выглянула,
Как увидала его, тут же узнала, кто этот всадник:
«О сука ты сука, – сказала, –
О сука и потаскуха,
Чтобы и ты его не видала,
Чтобы и не из тех был, кого я видала, –
Такой откуда бы взялся, не виданный нами!?

Он и в числе тех, кого ты видала,
Он и в числе тех, кого я видала:
То, что впереди него видишь – туман клубящийся,
Это пар из конских ноздрей.
То, что позади него <видишь> грачи-птицы летающие,
Это комья, взрытые конскими копытами,
То, что <видишь> на спине коня шатер расположенный,
Это сагайдак снаряженный,
То, что видишь искрами из ноздрей,
Это пена с его коня,
А сам он это нарт Пшибадиноко,
Если к нему присмотреться, он много занят собой,
Из людей своенравных он,
У которого кинты противники,
По Тену он <путей-дорог> знаток,
По Псыжу он знаток отменный,
Сам он обид непрощающий,
Если он от нас недовольным уедет,
Он угонит наш скот [отберет наше добро],
Мальчиков, играющих в бабки, заберет,

<Нарта> Сосруко коленные жилы
Концом копья прошьет,
Если он уйдет от нас.
Мы должны его завлечь поскорее», – сказала.
Сатаней-гуаша свой *дом стекленный*
Самыром обметает,
Копья древку подобно,
Сама наряжается,
Румянами красится,
У стеклянного окна усаживается:
«Пригласи его к нам, потаскуха, скорее», –
Говорит и служанку выгоняет.
Служанка окликает Пшибадиноко:
«О Пшибадиноко,
Нарт, держащий копье с раздвоенным навершием,
Роду своему наследник <достойный>,
За уздачку своего коня не придерживающий,
Поворотись-ка разок сюда!», – говорит.
Когда нартский витязь повернулся
И приветствовал ее очаг...
«Это – дом Аллигов, – сказала <она>,
Сано белое в кадке у них,
Бык откормленный угощенье у них,
Валух жирный тоже забит,
С прекрасными кан-девицами тебе порезвиться дадут,
Прекрасных девиц много у них,
Будь гостем, наездник добрый», – сказала.
«Если это дом Аллигов,
На добро пусть он домом будет,
Сано белого кадку
Дайте нартам выпить,
Бык откормленный, что гостям на угощенье,
На радость пусть Бог даст вам съесть,
И валуха жирного, что забит,
<Тоже> на радость пусть Бог вам даст съесть,
Кан-девиц прекрасных, каких у вас множество,
Нартам отдайте для развлечений.
Я <же> вещун,
Я не любовник своих соседок,
Я не увлекаюсь любовницами,
Я не любитель застолий-пиршеств,
Я не любитель посещать чужие лагуны,
Я не *хахуго беш*,
Я свирепости опора,
Я всадник, ничего в долг не берущий,
Я нарта-товарища себе ищу».
«Если тебе нужен нарта-товарищ,
Кянжева сына могучего тебе найдем».
«Кянжев сын могучий мне не нужен:
Он единственный сын у Нарыбгей,
Поэтому не стану губить единственного отпрыска».

«Сосруко тебе найдем».
«И Сосруко мне не нужен:
Он на многие хитрости матер,
Хитростей в нем многовато».
«Нартов Пшибадиноко, –
Сказала тогда Сатаней, –
У которого кинты противники,
Если и нет Сосруко в доме,
Меня приравняли к нарту, на коне восседающему,
С женщинами меня не ровняй,
Не посчитав для себя это недостойным,
Один рог напитка отведай, пожаловав к нам в гости».
Что бы она ни говорила, он не почел за честь.
Когда *<же>* он не почел за честь,
Она сдвинула покрывало с головы,
Шею и белые груди показала...
<Он> и это не почел ни за что.
<Тогда она> еще ниже сдвинула и всю грудь свою обнажила,
И это тоже он не почел ни за что.
<Она еще ниже> приспустила и голые бедра обнажила,
Когда он и это не почел ни за что, она разорвала шелковый
шнур и
Совсем сбросила с себя *<одежды>*.
Но и это его не соблазнило...
*<<Эй,> рожденная на потребу приходящих-уходящих,
С кучи навоза взятая>...*
«Такого, как ты, другого бродяги
Если в нашем kraе не найдется,
Пусть нашу землю Бог проклянет.
Хоть ты и не пожаловал к нам,
Кого моими гостинцами угощать, я найду,
Кого моими напитками поить я найду».
«Эй, Сатаней-колдунья, – сказал тогда *<Пшибадиноко>*, –
Сотворительница ядов,
Нартов без потомства оставляющая,
То, что ты мне обнажаешь, это место развлечений нартов,
Соблазняйся я такими потаскухами, как ты,
До нынешнего дня я бы не дожил.
Дальше этого не ходи.
Если дальше этого пойдешь,
То будет то, чего ты достойна.
Я нарта-товарища себе ищу,
И если знаешь хабары нартские, поведай мне».
«Мы и нартские хабары тебе поведаем:
Спустись к нижнему концу села,
<Там> у нартов санопитие идет,
Дом, где они пьют,
Дом белый, покосившийся,
Дом покосившийся, кособокий,
У них тамадой Пшидада,
У них Сосруко в подручных,

Вот такое там санопитие идет.
Если поедешь туда, тебе нарта-товарища сыщут».
Тогда припустил он в сторону нижнего конца селения.
Спускаясь [когда он спускался] в сторону нижнего конца
селения,
Его увидели мальчишки:
«Аллах-Аллах,
Сюда один всадник едет», – сказали...
О, Сосруко могучий, рожденный от пастуха коров,
Сатаней-*<гуаши>* пасынок
Весть эту услышал...
Разве он усидел бы на стule!
С каменного стула он соскочил,
А сапоги на нем были надеты,
Через дверной проем он выглянул,
И как увидел, тут же узнал всадника едущего:
«Эй, нарты глупые,
Да проклянет вас Бог,
Да обвалится на вас скала!
Этого всадника едущего
Как вы не узнаёте?
Это нарт Пшибадиноко,
Кинты его противники,
С кинтской войны он возвращается,
По Тену он *<путей-дорог>* знаток,
По Псыжу он знаток отменный,
Сам он обид непрощающий,
Если он от нас недовольным уедет,
Он угонит наш скот [отберет наше добро],
Мальчиков, играющих в бабки, заберет,
Нартов без наследников он оставит», – сказал.
«Как нам быть, Сосруко?», – сказали
И попросили совета когда...
«Раз он миновал нашу мать,
Я применю к нему одну хитрость», – сказал Сосруко.
Всем нартским обществом хасу устраивают
Вместе с Сосруко, их советчиком.
Наливают чашу белого сано,
Трех ядовитых змей в нее запустили.
Нарты с обнаженными головами вышли навстречу,
Нарту Пшибадиноко,
Который своего коня за узду не придерживает,
Дали глянуть на чашу белого сано,
Он ядовитых змей приметил.
Стальные усы выпустил он и
Так, что они запищали,
Тех ядовитых змей
Ко дну чаши *<придавил>* и
Чашу белого сано выпил.
«Буду знать вас», – сказав, затем он повернулся назад.
Нарты заволновались,

Пшидада разволновался:
«О Пшибадиноко,
Тягаться с тобой мы не в силах,
Возвратись-ка сюда,
Сестру Хабибат прекрасную за тебя выдаю».
<Так> он и сестру свою за него выдал...
И гостя приняли с коня сошедшего,
И чашу белого сано ему поднесли,
И пляски завели:
Призвали гостя <танцевать>, и
Вспрыгнул на край стола гость,
И стол не пошатнув,
И подливы не расплескав,
На кромке стола сплясал он и спрыгнул.
Сосруко призвали, и
Сосруко тоже на стол вспрыгнул,
И стол не пошатнув,
И подливы не расплескав,
На кромке <чаши> с подливой сплясал он и спрыгнул.
Хымыша призвали:
И стол не пошатнул Хымыш могучий,
И подливу не расплескав,
На кромке стола он сплясал и
Со стола спрыгнул, и
Когда он на дощатый пол прыгал...
«Молния <с громом> в нас угодила!», – решив,
Старики, что во дворе были, завели «Елле».

Печатается по: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 12. Тифлис, 1891. Отд. «Кабардинские тексты». С. 21–30. Зап. К.М. Атажукин. Русский перевод был опубликован им же ранее (см.: Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 5. Тифлис, 1871. Отдел «Народные сказания кавказских горцев». С. 59–64). Сведение о месте и времени записи, а также об исполнителе собиратель не дает. Учитывая, что текст записан на кабардино-черкесском языке, а сам собиратель уроженец одного из кабардинских селений, расположенных на р. Малке, можно предполагать, что запись произведена или в его родовом селении, Атажукино-З (нынешнее селение Куба Баксанского р-на КБР), или в одном из ближайших к нему кабардинских сел. Печатаются факсимильная копия исходной публикации и наша транслитерация. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст – первая в истории публикаций сказания о данном герое на языке оригинала. Это не только самая ранняя запись, но также один из вариантов, которые по полноте сюжета, по совершенству композиции и богатству художественного языка вправу признать классическими. Полные и фрагментарные варианты

данного сказания как в поэтической форме (пшинатль), так и в прозе (хабар), записаны многократно на всей территории исторического проживания адыгов.

Бох апши (*Бохъу апший*) – букв.: *Да приумножится* – традиционная формула-благопожелание, которым приветствуют пастуха.

Теого (*теуэгъуэ*) – мера длины, равная одному переходу, то есть расстоянию между двумя привалами всадника в пути.

Кан-девицы (*къан хъыджэбзхэр*) – эпизодические безымянные персонажи, статус которых нами не установлен со всей ясностью. Судя по контексту, они могут оказаться типологически близки жрицам древнеязыческих античных храмов. На это указывают следующие обстоятельства. Во первых, нет никаких указаний на то, что *кан-девицы* это люди низкого происхождения. Само слово «*кан*» (*воспитанник, любимец, объект внимания*), являющееся частью их нарицательного имени, указывает на то, что девушки имели определенный высокий социальный статус. Во вторых, они находятся в услужении у Сатаней-гуаши, что можно понимать как временное положение воспитанниц, которых почтенная повелительница наставляет и обучает для дальнейшей их социализации в нартское общество. Кажущееся уничижительным наделение их эпитетом «*копэкъ*» – «*непотребная*» в контексте воспринимается как своеобразный оберег от сглаза.

Хахуго бещ (*хъэхуѓо бещI*) – в связи с тем, что смысл выражения не удается убедительно прояснить, мы предпочли оставить данный фрагмент без перевода.

Встающих... лесная богиня (*тэгъмэ я мэзытхъэ*) – смысл фразы также не удалось установить, но в данном случае семантика каждого слова понятна, непонятным остается значение всей фразы. Таковы же и следующие: «он много занят собой», «дом стеклённый», «самыром обметает».

В переводе, сделанном в источнике, вся тирада, начиная со слов «**Эй рожденный/ая на потребу...**» отнесена к прямой речи от лица Сатаней-гуаши. Прояснить смысл фрагмента затруднительно в связи с тем, что у нарицательных существительных в адыгских языках нет категории рода. Однако начальный стих тирады, как мы полагаем, надо отнести к речи героя, второй стих в равной степени может быть адресован как герою, так и Сатаней-гуаше, а последующие уже наверняка звучат от ее имени.

Миновал нашу мать – в речевой практике адыгов, а также в устной поэтической речи допускается ситуативно мотивированное употребление местоимения множественного числа вместо единственного. Выражение «*ди анэ*» (*наша мать*) – одна из идиом в адыгском языке, которая употребима, включая те случаи, когда прямая речь в тексте дана от первого лица единственного числа.

Завели «Елле» – имеется в виду ритуальная песня, исполняемая хороводом вокруг пораженного молнией или у места, куда угодил удар молнии.

11. НАРТ ШЭБАТНЫКЬО ИПЩИНАЛЬ

Нарт Шэбатныкъо къэшэси, орэда,
Тенэ къырыгъуази, орэда,
Гъуазэ къырыдэкI, орэда,
Пшызэ иикIыгъохэр ишычэпэц, орэда,
ИлъэрыгъитIухэр къышызэбледз, орэда,
Хьарамы иIуашхъэ къышыдэкIуай, орэда,
ТIэсхъэ-нэсхъашэджэ зыкъышеплъахь, орэда.
Нартмэ ячэмахъо, орэда,
Гъэгуабгъом чыжъэу щыIэкIэльагъу, орэда,
Хъоумэ заритыэ зыкъафыргъахь.
– НитIоу узымылтъэгъурэр о Тхъэм рекI!
– Бэхъуапщи, чэмахъу, – иIуагъ, орэда,
– О Тхъэм уегъэпсэу, орэда,
Зышхъэр тымылтъэгъу, орэда,
Зигугъум тигъалIэу Шэбатныкъопщ, орэда,
Цукъэрэ гъэрихэр уилэпс зэкIэт, орэда,
Гъэльэхъум ипщэрэр уиIэпэшыц, орэда,
Шьоныбжъэ дахэр дэсүушхъасын, орэда,
Фыгу мэтэ ѢэкIэр Пластэу фязгъэшIын, орэда,
Еблагъ, сихъакI! – етIуанэ къыреIо.
– О Тхъэм уегъэун, чэмахъу,
Сыешкэ-ешъуакIоп сэ, орэда,
Чыртым сыкъикIыгъ, орэда,
Нартым сыкъихъагъ, орэда,
СыхъакIэ гъозадж, орэда,
Иалэджы яунэжъэр, орэда,
Къысэбгъэлтъэгъумэ, орэда,
Сежъэжын хъакI, орэда.
– Е-о-ой, Шэбатныкъу, орэда,
КъэзгъэшIэгъэ тIэкIум, орэда,
Сыгчэмэхъожъэу, орэда,
Губгъожъым сит, орэда,
Шьыдэ гущэм сиgъэшIэн ар сэ, орэда?
ЗэраIоу зэхэсхыгъэр, орэда,
Сэ къыосIотэн, орэда,
Унэгупэ пэф, орэда,
Унэ фыжъ кIахъ, орэда,
Тхъэ ѢэкI икIахъыгъ, орэда,
КIэсэнэу кIэтэр, орэда,
Цуимэ зэрафащ, орэда,
ПэIулъашьоу Iулъэр, орэда,
Шы бгъэлыбэм къэсы, орэда,
Сэраем идэхъагъом, орэда,
Псэлъыхъом ишъаохэр, орэда,
Ащ ѢзызэблэкIхэзэгъо, орэда,
Иаеу аутагъ, орэда,
Иэкуандэ-дахэр, орэда,
Щэндакъэм ис, орэда,
Саем узынэссыджэ, орэда,

УхэускIутэн, орэда,
Iэкуандэр зильэгъуджэ, орэда,
УукIытэжьынджэ, орэда,
Боу ар щынагъу, орэда!
– Нартмэ ячэмэхъожъэу, орэда,
Нартэ яхъабзы къылъфыгъэр, орэда,
КъысапIорэр шыыд джы, орэда?
Зы сае сыхахъэмэ, орэда,
[СыхэускIутэнэу, орэда.]
Зы хъабзы сильэгъумэ, орэда,
СыукIытэжьынэу, орэда,
Чырцым сыкъикIыгъэу, орэда,
Нартым сыкъихъатэп, орэда.
Дэнэ кIэпщэр, орэда,
Шы чапэм щегъабзэ, орэда,
Боу шыбзыгъуитIор, орэда,
Зэпэллыдыхъэу, орэда,
ИлъэрыгъитIор, орэда,
Тыгъэ хъажъом пэджэгу, орэда,
Иши лъэгу къычIэзырэр, орэда,
КъочIэпцIэ-къочIэф, орэда,
Ошъопщым дефье, орэда,
Шы пэбзыджынитIумэ, орэда,
Пищэсэу къарихырэр, орэда,
Купэрэ мэуцу, орэда,
Ихъам къыхигъэшъутырэр, орэда,
Ибгъэм регъэубыты, орэда,
Ибгъэмэ къыхагъэшэр, орэда,
Ихъэмэ къаубыты, орэда,
ИхъапэнинитIумэ, орэда,
Къальэрэзахы, орэда,
Ибгъэ IеситIумэ къальэрэзахъэу, орэда,
Iалэджы яунежьы, орэда,
Iэкуандэ дахэу, орэда,
Щэндакъэм исэр, орэда,
Чыжъэу щыIэкIэлъагъу, орэда.
– Ор, тянэу тян, орэда,
Ор, тянэ-гуаш, орэда,
Зы шыор къакIошь, орэда,
Чырцым къимыкIыгъэмэ, орэда,
Нартым къыральфагъэп, орэда,
Уидэнэдженэ, орэда,
Iапшъэр къыдешаери, орэда,
УипапышцитIор, орэда,
Лъапэджэ къызепфэу, орэда,
ШкыншIэшым Чахъэри, орэда,
Мыфэбэ-мычъиIэу, орэда,
Шкынэр фызэгъафэри, орэда,
Мы хъакIэу къакIорэр, орэда,
О ебгъэблагъэмэ, орэда,
Махълтэ хъут, орэда!

Сэтэнэе-гуашэр, орэда,
А лъахъэм мэтэдж, орэда,
Идэнэджанэ, орэда,
ИПашхъэ къыдефый, орэда,
ИпапышцитIор, орэда,
Лъапэдже зэрифэу, орэда,
ШкыншПэшым чахъэшь, орэда,
Мыфэбэ-мычтыIэу, орэда,
Шкынэр зэргъяфэ, орэда,
А фэдэ пэтыныя, орэда?!

А зэогъум къынэс, орэда,
Сэраем идэхъагъор, орэда,
Зэлтэгъу фэмыхъоу, орэда,
Нартыжъы делэхэр, орэда,
Унэ щызекIохэу, орэда,
Ипчэр а лъэхъанэм къыгчIесэ, орэда!
Фарэу зытесэр, орэда,
ШышIохэдзапIэм къышIохедз, орэда,
Нартыжъмэ къахахь, орэда,
Шуфэсэр къарехы, орэда,
Ичатэ рахыжъи, орэда,
Пкъэужъием къышалъ, орэда,
Пкъэужъием къызспалъэм, орэда,
Чатэр фэмыIэт, орэда,
Зыдахъытэр амышIэу, орэда,
Нартыжъыхэр еуцу, орэда.
– Мой къахыжъ, нартыжъ,
Ащ шьуегъэгумэкIмэ, орэда,
ИщылтышIэм, орэда,
ЗгъэIылтыжъын! – ыIуишь, орэда,
Ар ыгъэIылтыжъи, орэда.
– Шьыд уилIыгъэ шIаI, – ыIуи, нартымэ къяупчI, орэда,
– ТилIыгъэ шIапIэр, орэда,
Боу къыотIотэн, орэда,
Іанэм шIастэр тизэу, орэда,
ШIастэр зэбгырыфыгъэу, орэда,
Шыпсэр ащ итэу, орэда,
Шыпсэр щимыгъэкIутэу, орэда,
Джэхашъом аштрамэр тизэу, орэда,
Къышышъорэр тилIыгъэ шIапI, орэда!
– Къэшъухь, арымэ мыдэ, – ыIуишь, орэда,
Унэм къарегъахь, орэда,
Іанэр ышхъэ тетэу, орэда,
Къэшъонэр еублэ, орэда,
Зигъэчэрэгъуи, орэда,
Унэ плIеныкъор пхыреут, орэда,
Къызэплъэм, орэда,
Ипчым Саусырыкъор, орэда,
Рыджэгоу ельэгъу, орэда,
Е ар губжи, орэда,
Іанэр къыгчIедза, орэда,

Пчъаблэр къыхилъешъиши къычIедз, орэда,
Ипчэр къызшIохелъэжь, орэда!
– ШъасшIэрэр шъультъэгъун, орэда,
Нартыжъых, – ыIуи, орэда,
Къэблэпчэ гъэпытагъэр, орэда,
ЕIэшты къыIуетхъ, орэда,
Сэрэе дэхъагъум, орэда,
Пшъыжъым къыхедз, орэда,
Лъагъо шъуфэхъуных, орэда,
Нартыжъых, – ыIуи, орэда,
МашIор пыIукIэу, орэда,
О, къыдэкIыжь, орэда.
Нартыжъхэр егушшысэу, орэда,
АшIэжьытэр амышIэу, орэда,
Нартхэр къызэхенэ, орэда!

ПЩИНАТЛЬ О НАРТЕ ШАБАТНЫКО

Нарт Шабатныко сел на коня и, орада,
По Тену направляясь, и, орада,
По примете <путь выбирая>, выезжает, орада,
Пшизы броды для него по бока его коня, орада,
Стремена свои он крест-накрест складывает, орада,
На Харама-гору он там поднимается, орада,
В поисках слабых мест уязвимых мест озирается, орада,
Нартов пастуха [пастушку-?] коров, орада,
На обочине дороги вдалеке он примечает, орада,
По ущелью к нему [ней] подкрадывается...
– <Мои> глаза, что тебя не увидели, пусть Бог ослепит!
– Бояхщи, пастух коров, – сказал <Шабатныко>, орада.
– О дай Бог тебе жизни, орада,
Тот, кого самого мы не видим, орада,
Тот, о ком рассказами мы сыты, Шабатныкопщ, орада,
Черный бык шестилеток тебе на отварное с бульоном <будет>,
орада,
Валух жирный тебе на соус <будет>, орада,
Напитка доброго кадку я тебе открою, орада,
Из тридцати мер пшена велю тебе пасту приготовить, орада,
Еблаг, гость мой! – во второй раз он ему говорит.
– О, пусть Бог дарует тебе блага, пастух коров,
Я не искатель пиров, орада,
Я из Чиртии выехал, орада,
Я в Нартию приехал, орада,
Я гость особый, орада,
Аледжей дом большой, орада,
Если мне укажешь, орада,
Я уеду – вот такой я гость, орада.
– Е-о-ой, Шабатныук, орада,
То немногое, что я на свете прожил, орада,
Я пастухом коров обычновенным, орада,

В этом поле обыкновенном я провожу, орада,
Откуда, гуща, мне о том знать, орада.
Как по разговорам я слыхал, орада,
Так я и расскажу тебе, орада.
<Аледжей дом большой, орада,>
Это дом передом белый (букв.: *белофасадный*),
Дом белый длинный, орада,
В тридцать тха длиною, орада.
Опоры, что под ним стоят, орада,
Восьми волам под силу привезти, орада,
Ограда, что впереди него, орада,
Коню по грудь достает, орада,
Вход в эту крепость, орада,
Парни-женихи, орада,
Которые там друг друга сменяют, орада,
Сильно истоптали, орада.
Акуанда-красавица, орада,
На балконе восседает, орада,
Как достигнешь того места, орада,
Ты там оплошаешь, орада,
Когда это Акуанда увидит, орада,
Того, что ты оробеешь, орада,
Очень это страшно, орада!
– Нартов ты пастух коров презренный, орада,
Нартской сукой рожденный, орада,
Что ты тут мне говоришь? Орада.
Чтобы я в одну лужу войдя, орада,
<Я оплошаю, орада,>
Чтобы того, что одна сука меня увидала, орада,
Я оробею, орада,
<Не для того я> из Чиртии выехав, орада,
В Нартию приехал, орада.
Шелковой плеткой, орада,
На боках коня он орудует, орада,
Бока лошади
Сверкали ярче один другого, орада,
Его стремена, орада,
На ярком солнце сверкают (букв.: *играют*), орада,
То, что из-под копыт его коня вылетает, орада,
В небеса поднимает, орада,
То, что из ноздрей коня, орада,
Пламенем вырывается, орада,
Шатром становится, орада,
То, что его собаки выгоняют <из кустов>, орада,
Его орлам он дает поймать, орада,
То, что его орлы обнаружат, орада,
Его собаки ловят, орада,
Его собак визжащих, орада,
Кругами бегающих, орада,
Его орлов прирученных кругами летающих, орада,
Акуанда-красавица, орада,

На балконе восседающая, орада,
Вдалеке замечает, орада,
– Ор, мать наша, мать наша, орада,
О мать наша гуаша, орада,
Сюда один всадник едет, и, орада,
Если он не из Чирции прехал, орада,
В Нартии такой не рождался, орада,
Своей шелковой сорочки, орада,
Рукава подбери, орада,
Свои папыщи, орада,
Носками ног погоняя, орада,
В кухню войди и... орада,
Не горячим-не холодным, орада,
Угощение приготовь и... орада,
Этого гостя, что едет, орада,
Если приветишь, орада,
То он зятем станет, орада!
Сатанае-гуаша, орада,
Тогда встает, орада,
Своей шелковой сорочки, орада,
Рукава подбирает, орада,
Свои папыщи, орада,
Носками ног подгоняя, орада,
В кухню входит и... орада,
Не горячим-не холодным, орада,
Угощение приготовляет и... орада,
Долго ли она будет возиться? Орада,
Между тем [нарт Шабатынук] прибывает, орада,
В крепость въехать, орада,
Одного прыжка ему довольно, орада...
Нарты могучие глупые, орада,
В доме том ходят, орада...
Свое копье там он <в землю> втыкает, орада!
Фару, на которой он сидел, орада,
У коновязи привязывает, орада,
К нартам могучим он входит, орада,
Приветствие им говорит, орада,
Его меч принимают и, орада,
На опорном столбе вешают, орада,
Он [столб] меча не может выдержать, орада,
Куда положить, не зная, орада,
Нарты могучие оторопели, орада,
– Сюда возвратите, нарты могучие, орада,
Если это вам доставляет трудности, орада,
На его достойное место, орада,
Я его положу! – сказав, орада,
Он его положил и... орада.
– Каково ваше занятие (букв.: где вы совершаете подвиги)?
Орада,
– О нашем занятии, орада,
Мы охотно расскажем тебе, орада,

Стол полный пасты, орада,
Паста по столу разложена, орада,
Подлива посередине стоит, орада,
Чтобы эта подлива не пролилась, орада,
А на полу ... полно, орада,
Кто вот так сможет сплясать, – вот это мы считаем мужеством,
орада!

– Давайте-ка тогда сюда, – сказал и... орада,
В комнату внести велит, орада,
Стол с содержимым, орада,
Начинает плясать, орада,
Разворачивается и... орада,
Пол-угла у дома разрушает, орада,
Выглянув <наружу>, орада,
Он видит Саусырука, орада,
Его копьем забавляющегося, орада,
Эх, он сердится и... орада,
Стол вышвыривает, орада,
Дверной косяк вырывает и выбрасывает, орада,
Дверь выбивает, орада.
– Что я вам устрою, увидите, орада,
Нарты вы могучие! – сказав, орада,
Ворота заперты, орада,
Одним рывком он разрывает, орда,
И у входа в крепость, орада,
В воду бросает, орада,
– Тропой вам послужит, орада,
Вам, нарты могучие, – говорит, орада.
Огнем пылая, орада,
О, он уезжает, орада.
Нартов могучих в раздумье, орада,
Не знающих что делать, орада,
Он оставляет, орада!

*Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7.
Т. III. С. 122–126. Исп. Сагид Пицидаток: 1866 г.р., а. Вочепший
Адыгеи; бжедуг. Зап. 05.05.1959 г. А. Схаляхо. Перевод на русский
язык А. Гутова.*

...Шатром становится – здесь в оригинале явно проявляется купюра: пламя из ноздрей коня должно опалять края дороги, а шатер образует, как правило, не пламя из ноздрей, а обильная пена, падающая с крупа коня.

12. ЩЭБАТЫНЫКЬУЭ И УЭРЭД

Нарт Биданокъуэ
Чынты ныкъуэкъуэгъу,
Хъэгъуэ-фыгъуэ бэші,
Ебгъэн щыыхъэху,
Хъэхуншэ шу.
— Хъэмэ къильхуа,
Шытхъуэжъыр щэфши
Мыдэ уанэ къысхутефлъхъэ!
Шытхъуэжъыр щашыри
Уанэ хутыралъхъэ,
Ныртышхуэ шути, мэшэс,
Терч ирегъэзых,
ПсыжъкІэ щыщІокІыж.
Тхъуэжъу щхъэшІыдзэ кІыхъу
Шы лъэпкъыу зыщІэмыхъэжым
Къамыш щэ уэгъуэр ирех,
Хышхуэм хуэдуи ар йожъэ,
Жъышхуэм хуэдуи ар макІуэ,
Гъуэгушхъиблыр щызэхэкІым тету
Нартхэ Іэхъуэжъ цыкІур къыІуошІэ.
— Нартхэ Іэхъуэжъ цыкІу,
Зы хъыбар къызжыІэ!
— Сэ хъыбар сымышІэ...
— Хъыбар умышІэмэ,
Мы гъуэгушхъибл зэхэкІым
Щхъэ утеува?
Лпоу хъыбар щомышІэр?
— Махуэ псом сыйшІэхъуэш,
Жэш псом сыхъэдэ хъурейш,
Хъыбар дэнэ щысшІэн!?
Шытхъуэжъым къоуэри къырехулІэ,
Къамыш щэ уэгъуэри худех,
Хышхуэм хуэдуи ар йожъэ,
Жъышхуэм хуэдуи ар макІуэ.
Нартхэ я Іэхъуэжъ цыкІур
Къы<з>щогупшицыжыри абы кІэлъоджэ:
— Нарт Бидэнокъуэ,
Мыдэ зэ къэбгъазэмэ,
«Фыз хъыбар<щ>», — жомыІэми,
Зы хъыбар бжесІэнц.
Нарту уэ уздэкІуэм
Выгъашхэр я Іэнэш,
Гъэлъэхъур я шыпш.
Иэни имыгъэссыу,
Шыпс иримыкІуту
Лъяпэ щэ щэзисэм
Я пхъур иратынущ.
— Е хъэмэ къильхуа!
Сэ сыгъуогу лъяпэ лъыхъукъым,

Сыпсэлъыхъу щЦалэкъым,
СылэгъунакІуэкъым,
Сэ сышЦасэ щЦалэкъым,
Сэ зекІуэ сыкІуэнущи,
Гъусэ сымыгъуэт.
Шытхъуэжъым йоуэри
КъуажэмкІэ къеунэтI.
Сэтэней-гуашэм
И унэIут фызитIым
Санэхур ягъажъэу
Псы Іуфэм Іуту
Шу къакІуэр ялъагъу.
УнэIут фызитIым
Гу<п>щІэуз ирах,
БэгъындакъыжьитIыр
ЗэраудэкI,
Мы псышхуэм хадээ,
Гуашэм дей мэкІуэж.
– Уэ Сэтэней-Гуашэм,
Дэ зы шу тльэгъуащи,
Уэ плъэгъуами хэмьт,
Дэ тльэгъуами хэмьт.
– Сыт и лыІуэ-лыфэ,
Сыт и шыфэ щЦыкІэ? –
Жери абы къышІоупщІэ.
– Абы и лыІуэ-лыфэхэмрэ
Абы и шыфэ щЦыкІэмрэ
Сытым дэ дигъяІуэрэ,
Сытыр дигъэІуатэрэ!?
Дэ зэрыйтфІэшІахэмкІэ,
Шытхъуэжъ кІэлъэфщ,
Тельэфырыуэщ,
Зэуэм щымыбзэшхъуу,
Еzym и фащэр
Дыгъэм полыд,
Зыпэлыдыжыр
И шыпхэм тельщ.
– Ей хъэбз куэпэчыжъ,
Ар сыту гуих!
Мы щхъэгъумбжэшхуэр
Мо къысхузэІуфхи
Мыдэ зэ къысхуевгъэблагъэ.
УнэIут фызитIыр
ДэкІыгъуэм егъэув.
Шу къакІуэр къынос.
– Нарт Пшыбиданокъуэ,
Мыр пшы еблэгъапIэш,
Мыр пшы епсыхыпIэш, – жырайэ щхъэкІэ,
Ар къахуеплъэкIкъым,
Ар къахуегугъукъым.
КъаблэкIыпэ щыхъукІэ,

Сэтэней-Гуашэр
Мэгүзэвэл,
И щхъэр хуфIегъэху,
Къригъэгъээн щхъэкIэ.
<Ар> щхъа абы къыхуегугъукъым,
Ар къыхуеплъэкIкъым.

Сэтэней-Гуашэр
Мэгузавэпэри
Абы кIэлъоджэ:
– Нарт Бидэнокъуэ,
Мыдэ зэ къэбгъазэмэ,
«Фыз хъыбар<щ>», – жомыIэми,
Зы хъыбар бжесIэнц:
Нарту уэ уздэкIуэм
Выгъашхэр я Iэнэнц,
Гъэлъэхъур я шыпсш.
Iэнни имыгъэссыу,
Шыпс иримыкIуту
Лъяпэ щэ щIэзысэм
Я пхъур иратынущ.
– Е хъэмэ къилъхуа хъэбз куэпчыжь!
Сэ сыгъуогу лъяпэ лъыхъукъым, – къыжриIаш гуашэм. –
Сэ сыпсэлъыхъуу щIалэкъым,
Сэ сылэгъунакIуэкъым,
Сэ сышIасэ щIалэкъым,
Сэ зекIуэ сыкIуэнущи,
Гъусэ сымыгъуэт, – жери,
Шытхъуэжъым йоуэри,
Къамыш уэ макъым
УафэхъуэпскIыу зызэкъуидзу,
Шы лъэгум щIидзыр
Бгъашхъуу хуарзэу,
Шы пэ бзийм къырихым
Гъуэгу напщIитI илыгъуу
Нартэ декIэ еунэтI.
Нартэ де щынэскIэ,
Нартыжь зэшиблым
Фочышхуйбл яIыгъыу
Абы къыпожъэ.
– Уэ нартыжь гу махэhэ,
Сэ фэ фызукIынуи,
Фысхъынни сыкъэкIуакъым.
Сэ сыкъыщIэкIуар
Фэ фи благъагъэц.
Нартыжь зэшиблым
ЩакIуэшхуйбл къышIахыри
Къызэпаубгъуэ,
Щыгум нэмису
Нарт Биданокъуэр
ХъэшIэшъим щIашэ.
Джэгур ящIыну,

Я пхъур иратыну,
Камисэ къызэхуэсауэ
Абдей зэхэсү
Абы яхохъэ.
Джэгур ирагъажъэ,
Выгъашхэр я Іэнэшц,
Гъэлъэхъур я шыпсщ.
Іэнэр имыгъэсису,
Шыпс иримыкІуту
Лъапэ щэ Ѣэзысэм
Я пхъур иратынущ.
Нартхэ Сосырыкъуэр
Абы къекІуэлІауэ Ѣэсащ,
Нарт Биданокъуэри
Абы Ѣыхъаш.
Нартхэ Сосырыкъуэ
Іэнэр къеІэтыри
Къэфэну къытохъэ.
Іэнэри егъэсис,
Шыпсыри ирекІут,
Лъапэ щэ къышІесэри
КъытокІыж.
Нарт Пицьбиданокъуэр ягъэгубжыри,
Іэнэр къепхъуатэ...
Выгъашхэр я Іэну,
Гъэлъэхъур я шыпсу...
<Іэнэр> къеІэтыри,
Лъапэ щэ къышІесэри
Шыпсыр иримыкІуту
Абы токІыж.
Нартхэ Сосырыкъуэ мэгубжь,
И сэшхуэжь къырехыри
СэшхуэпэмкІэ хесэ,
Сэшхуэ дакъэм къышофэ.
Нарт Пицьбиданокъуэ
Губжыгъаххэу Ѣысти,
И сэшхуэжь къырехыри
Сэшхуэ дакъэмкІэ хесэ,
Сэшхуэпэм къышофэри
Абы къохыж,
Пицьбиданокъуэ имыду
КъышІокІыжыри, къожъэжыри...
Абы унафэ ящІ,
Камису зэхэсым:
– Нарт Пицьбиданокъуэ
ЕмылъэІуу, емыбузу
Къезыгъэгъазэу къышІэзыгъэхъэжым
Ди пхъур еттынущ, – жыраІэ.
Нартхэ Сосырыкъуэм
Ар жеІэ:
– Сэ къезгъэгъэзэнут... – жери

Абы къыпожьэ,
Жыжыу къыпогъуэклири
Къольэлу:
— Нарт Биданокъуэ,
Мо зэ къэгъазэ.
Уи янэ лыу <укъильхуауэ> <...>
Абы дежым
Пищащэр ехыыри мэклюэж.

ПЕСНЬ О ШАБАТЫНОКО

Нарт Биданоко,
Чинты чыи соперники,
Завистников много наживающий,
Свирепости подмога,
Ничего в долг не берущий всадник.
— Собакой рожденные,
Коня чалого могучего выводите,
Седло мне на него положите!
Коня чалого могучего выводят,
Седло на него <для Биданоко> кладут,
Нартский большой наездник он был и <на коня> садится,
По Тереку вниз направляется,
У Псыжа выходит.
Тхожа длинноклыкого,
Из лошадей никем недогоняемого
<Он> тремя ударами плети одаривает,
Морю большому подобно трогается,
Ветру большому подобно он движется,
У развилки семи дорог стоящего
Нартского пастушка встречает.
— Нартский пастушок,
Один хабар мне поведай!
— Я хабаров не знаю...
— Если хабаров не знаешь,
У развилки семи дорог
Зачем ты торчишь?
Почему хабаров не знаешь?
— Весь день я <живой> пастух,
Всю ночь я скорчившийся мертвец,
Откуда мне знать хабаров?
Коня чалого могучего ударяет и <на пастушка> правит,
Три ремня из спины <пастушка> вырезает.
Морю большому подобно трогается,
Ветру большому подобно он движется.
Нартский пастушок,
Подумав, кличет ему вслед:
— Нарт Биданоко,
Сюда если ты поворотишься,
Бабскими хабарами если не назовешь,

То один хабар я тебе поведаю.
У нартов, к кому ты едешь,
Откормленный вол – угощение у них,
Валух – соус у них.
Стол не пошатнув,
Подливу не разлив,
На пальцах кто трижды спляшет,
Тому свою дочь отдать обещают <нарты>.
– Эй, собакой рожденный!
Я не легких путей искатель,
Я не юноша, невесту ищущий,
Я не охотник до чужих лагун,
Я не ходок по любовницам,
Я в поход желаю пойти и
Спутника себе не нахожу.
<Биданоко> коня чалого могучего ударяет и
К аулу направляется.
Сatanей-гуashi
Две служанки-женщины,
Сано белое готовя,
У берега реки находившиеся
Всадника едущего замечают.
Две служанки-женщины
Сердечную болезнь от этого получают,
Две бадьи старые
Друг о друга стукают и
В эту реку большую бросают,
К гуаше они возвращаются:
– Уа, Сatanей-гуаша,
Мы одного всадника видели;
Он не из тех, кого ты видела,
Он не из тех, кого мы видели.
– Каковы его манеры,
Какова стать его коня? –
Сказав, <Сatanей-гуаша> спрашивает о нем.
– Его манеры,
Его коня стать
Как мы опишем,
Как мы расскажем!
Как нам показалось,
Конь его чалый могучий, с хвостом по земле волочащимся,
Сам он с оттяжкой рубящий,
Куда ударит – промаха не знающий,
Его доспехи
Солнцу навстречу сверкают,
То, что сверкает,
На крупе его коня находится.
– Эй, сука да потаскушка,
Как это страшно!
Это окно большое
Распахните мне и

Сюда ко мне его пригласите.
Двух служанок-женщин
У выхода ставит.
Всадник едущий подъезжает.
— Нарт Пшибиданоко,
Это — князьями посещаемое место,
Это — князьями почитаемое место, — хоть говорят ему <служанки>,
Он на них не смотрит,
Он их не слушает,
Когда стал проезжать,
Сатаней-гуаша
Совсем взволнована,
Свою голову ему показывает,
Чтобы вернуть его,
Но он ее не слушает,
Он на нее не смотрит.
Сатаней-гуаша
Совсем взволнована,
Она ему вслед кричит:
— Нарт Биданоко,
Сюда если ты поворотишься,
Бабскими хабарами если не назовьешь,
То один хабар я тебе поведаю:
У нартов, к кому ты едешь,
Откормленный вол — угощение у них,
Валух — соус у них.
Стол не пошатнув,
Подливу не разлив,
На пальцах кто трижды спляшет,
Тому свою дочь отдать обещают <нарты>.
— Эй, собакой рожденная сука да потаскушка,
Я не легких путей искатель,
Я не юноша, невесту ищущий,
Я не охотник до чужих лагун,
Я не ходок по любовницам,
Я в поход желаю пойти и
Спутника себе не нахожу, — говорит <Биданоко>.
Коня чалого могучего ударяет,
Камчи удара звук
Молнией низвергается,
Из под копыт вылетающее
Орлом сизым в небе кружится,
Из ноздрей коня извергающееся
Края дороги опаляет.
<Биданоко> к нартам направляется.
К нартам когда он прибывает,
Нартов могучих семеро братьев,
Семь ружей в руках держа,
Навстречу ему выходят.
— Уа, нарты могучие малодушные,

Чтобы вас убивать,
Чтобы вас пленить,
Я не затем прибыл,
Я прибыл затем,
Чтобы знакомиться с вами.
Нартов могучих семеро братьев
Бурок больших семь выносят,
Их в ряд расстилают,
С безмерной почестью
Нарта Биданоко
В хачеш ведут.
Чтобы устроить пляски,
Чтобы выдать свою дочь <замуж>
<Нарты> комиссией собрались и
Там сидели.
<Биданоко> к ним заходит.
<Нарты> начали плясать,
Откормленный вол – угощение у них,
Валух – соус у них,
Стол не пошатнув,
Подливу не разлив,
На пальцах кто трижды спляшет,
Тому свою дочь отдать обещают <нарты>.
Нарт Сосруко
Там находился,
И нарт Биданоко
Входит <в хачеш>.
Нарт Сосруко
Столик поднимает,
Плясать выходит:
Стол расшатывает и
Подливу разливает,
На пальцах трижды пляшет и
<На свое место> возвращается.
Нарта Пшибиданоко гневаться заставляют,
Столик <он> хватает и...
Откормленный вол – угощение у них,
Валух – соус у них...
<Столик он> поднимает,
На пальцах трижды пляшет и,
Подливу не разлив,
<На свое место> возвращается,
Нартский Сосруко сердится,
Свою шашку могучую вынимает,
Шашки конец в пол втыкает
На рукояти шашки пляшет!
Нарт Пшибиданоко
Разгневанный сидел,
Свою шашку могучую вынимает,
Шашку рукояткой в пол втыкает,
На кончике шашки пляшет и

Оттуда соскаивает,
Девушку взять у них не соглашаясь,
Выходит *<из хачеша>* и уезжает.
Дело решают
Комиссией сидящие:
— Кто нарта Пшибиданоко,
Не заискивая перед ним,
Возвратить его сможет,
Тому нашу дочь отдадим, — говорят.
Нартский Сосруко
Говорит так:
— Я заставлю его вернуться.
Издали объезжает *<его>*,
Навстречу ему едет
И просит:
— Нарт Биданоко,
Один раз вернулся бы,
<Если> твоя мать *<родила>* тебя мужчиной *<...>*
Так он девушку эту насильно уносит и уезжает.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 701-ф/1. Исп. Адам Хажоков: 1903 г.р., а. Кошехабль Адыгеи; кабардинец. Зап. в 1951 г. М. Абитов. Выписка с магнитной ленты М. Бухурова. Перевод на русский язык А. Гутова и М. Бухурова.

В нашем распоряжении имеется несколько записей этого пшинатля от данного исполнителя; они были произведены в разное время и разными собирателями (З.П. Кардангушев в 1949 г., А.М. Гадагатль в 1959 г., Э.Е. Алексеев в 1975 г.). Все они опубликованы в разных изданиях или же упоминаются в исследованиях. Настоящий вариант представляет интерес для сравнения с другими с целью установления характера вариативности эпического текста. В частности, он свидетельствует о продуктивном взаимодействии восточноадыгской традиции, которую представляет исполнитель, с западноадыгской, которая близка исполнителю по географическому расположению места жительства (аул Кошехабль – одно из селений, основанных в XIX в. т.н. «беглыми кабардинцами» на исторической территории западных адыгов).

13. ШЭБАТЫНЫКЬО ИПЩЫНАЛЪ

Нарт Шэбатыныкъоба, о-орэда,
Ер зиныкъоцъогъуба, о-орэда,
Хъэгъу-шъогъу бэшЫба, о-орэда,
Ябгэр зишЫхъафыба, о-орэда,
Хъэфынчъэ шыуба, о-орэда,

Шыумэ ямышъогъуба, о-орэда,
Нарт ишъэогъу имыс, о-орэда!
Тенэ къырыгъуазэба, о-орэда,
Гъуазэ къырыдэкІыба, о-орэда!
Пшызэ икІыгъожъы, о-орэда,
Ра, къырыдэкІоштыба, о-орэда,
А, къырекІошъэ'ыба, о-орэда!
– Нарт ящемахъожъыба, о-орэда,
Боу охъу апщый! – реІоба, о-орэда!

Іахъор:

– Ра, тхъеуегъэпсэуба, о-орэда,
Зышъхъэ тымылъэгъоуи, о-орэда,
Зигугъум тыфалІэрэ, о-орэда,
Шэбатыныкъоба, о-орэда!
Еблагъэри! – еІоба, о-орэда!
Тищэмымыбгъэ баери, о-орэда,
Ра, фэтყушыныба, о-орэда,
Къылты-гульэ пкъанэри, о-орэда,
Уишым жъэхэтлъхъаныба, о-орэда,
Тэ тифыгу щалъэри, о-орэда,
Фэтყутэзыныба, о-орэда,
О Тхъэм уигъатхъэмэ, о-орэда,
Ра, удгъэтхъэжъыныба, о-орэда!

Шэбатыныкъу:

– СыешхэкІо-ешъуакІопи, о-орэда,
СыжъэгокІо шъаопи, о-орэда,
Шыоу сежъагъа'эпи, о-орэда,
О уишэмымыбгъэ баери, о-орэда,
ХъэдэІусы'э огощи, о-орэда,
О уифыгу щалъти, о-орэда,
Бзыумэ Тхъа аргъэшхи, о-орэда,
Къылты-гульэ пкъанэри, о-орэда,
Хъэмымыту Тхъа ешІ, о-орэда,
Іалэдж яунэжъыми, о-орэда,
Сэ сириушшакІоба, о-орэда,
Ащ игъогу лъапэри, о-орэда,
Ра, къысІэ'эгъахъэба, о-орэда!

Іахъор:

– Іалэдж яунэжъыхэр, о-орэда,
Гъогу лъэпэ-лъащэба, о-орэда,
Мые лъащэр Іутыба, о-орэда,
Гъогу лъэгъю закъоба, о-орэда,
Унэ фыжъ'ахъыба, о-орэда,
Тхъащэ' и'эхъагъыба, о-орэда,
Унэ плІэІупэфыба, о-орэда,
Унэ къихъэ-нихъэба, о-орэда,
'эсэныбэ 'этыба, о-орэда,
'эсэнэуи 'этыхэр, о-орэда,

Цуйимэ зэрафэлъэшьу, о-орэда,
Аш ипэIулъашьори, о-орэда,
Шыбгъэлтыбэм къэсыба, о-орэда,
Псэлтыхъо зэблэ'ымэ, о-орэда,
Зэхаутыхъагъэуи, о-орэда,
Зы темэн иIэзы, о-орэда,
Ра, уифэрэ псыгъори, о-орэда,
Ра, хэускIынтэныба, о-орэда,
Ра, Iэкондэ-дахэми, о-орэда,
Ра, укъилтэгъуныба, о-орэда,
УукIытэжъиньыба, о-орэда!

Шэбатыныкъу:

– Нарт яIэхъожъыба, о-орэда,
Ра, ящэмэхъожъыба, о-орэда,
Зы темэны иIэмэ, о-орэда,
О сифэрэ псыгъори, о-орэда,
Ра, хэускIынтэнэуи, о-орэда,
Сэ зы хъабзы слъэгъумэ, о-орэда,
Сыу'ытэжъинэуи, о-орэда,
Чынтэ сыкъыдэ'эуи, о-орэда,
Нарт сыкъэкIонэпи, о-орэда,
Си-Тхъэми семыплымэ, о-орэда,
Iэхъомбэ бармыкъми, о-орэда,
Ра, ушIэзгъэпшыныба, о-орэда!

Домбайшто 'эпшыри, о-орэда,
Ра, къеутIэрэбгъуба, о-орэда,
Шыбгъэм къырефэ'ыба, о-орэда,
Къыхырэгъэтуыба, о-орэда,
Иши къыхиутырэр о-орэда,
КъочIэфы-къочIапщIэуи, о-орэда,
Ошъофым хехъаба, о-орэда,
Ихъэ къыхигъэштырэр, о-орэда,
Ибгъэ регъэубытыба, о-орэда,
Ишыпэбзыджынмэ, о-орэда,
Пщэсэфэу къарихырэр, о-орэда,
Уцыштхъэр елыгъоба, о-орэда!

Iалэдж яунэшхоми, о-орэда,
Ра, къыфеунэтIыри, о-орэда,
Ра, Iэкондэ-дахэри, о-орэда,
Ра, шэндакъым исыти, о-орэда,
Ра, къызыпэшIоплыми, о-орэда,
О дыштэ пхъэмбгъуитIури, о-орэда,
Ра, къызэхетакъоба, о-орэда,
Дыштэр Iэпштэкъузэ, о-орэда,
Ра, къызыщылтэтыба, о-орэда!

– Iэкуандэу хъабзы удэу, о-орэда,
Уды ежъэгъя'э, о-орэда,

А узыфэтэджырэр, о-орэда,
Тэ къи'ыгъэ шыуа, о-орэда?

– Тянэу Сэтэнаеба, о-орэда,
Сэтэнэе-гуашэба, о-орэда,
О гошэшту шъхъантэба, о-орэда,
О гошэшхо нэфыба, о-орэда,
Мыш зы шыу къэкЛозы, о-орэда,
Чынты къимы'ыгъэмэ, о-орэда,
Нарт къыралъфагъэпи, о-орэда,
ІашПура'э кІэ'ыба, о-орэда,
ЩэкІэ'ым къырэоба, о-орэда,
О ищэбзэ бзашхъэхэр, о-орэда,
Ра, мэзышхъом фэдэба, о-орэда,
Жъабгъу тэмэк'уушхъэми, о-орэда,
Осэпсэуи щехыба, о-орэда,
Сэмэгу тэмэк'уушхъэми, о-орэда,
Иумэ-обзэгъури, о-орэда,
ПлІэупэм щэлышыри, о-орэда,
Ра, зэпэлышыжьырэр, о-орэда,
ИПэкІыІу тель, о-орэда,
О имыджэрышІэхэр, о-орэда,
Клэпхым къыщэхъупскІэба, о-орэда,
Шырэу имаисэр, о-орэда,
КъекЛоты-ехъажыба, о-орэда,
Иши тхъубэу пызырэр, о-орэда,
Щэтырэу мэуцуба, о-орэда,
Ихъэ гъэсэггыитІури, о-орэда,
БгъуитІур къыдаачыхъаба, о-орэда,
Ибгъэ гъэсэггыитІури, о-орэда,
ІэкІым щэчэрэзыба, о-орэда,
О зы шыу къакІошты, о-орэда,
Нарт ишъогъу исэпи, о-орэда,
Тянэу Сэтэнаеба, о-орэда,
Сэтэнай-гуашэба, о-орэда!

– Ар Шэбатыныкъоба, о-орэда,
Шэбатыныкъопшыба, о-орэда,
Лыхъу копкъ хэтхын, о-орэда!
Саурэу папышитІумэ, о-орэда,
Дахэу къарэуцоба, о-орэда,
Жъабгъум къытеуцомэ, о-орэда,
Зэхэбаджэрэм фэд, о-орэда,
Сэмэгум теуцомэ, о-орэда,
Тэмэтазэм къеоба, о-орэда,
Бажъэу зыкъегъазэба, о-орэда,
Чэпшэм идэхъагъуми, о-орэда,
Зыкъытырегъяфэба, о-орэда.

– О-уи! Шэбатыныкъоба, о-орэда,
Шэбатыныкъопшыба, о-орэда,

Зыгъхъэ тымылтъэгъоу, о-орэда,
Зигугъум тигъалІэрэр, о-орэда,
Еблагъэри Ыоба, о-орэда!
О тицуухъу бжъэпэплъыри, о-орэда,
Ра, тихъэ нышыба, о-орэда,
Тигъэлъэхъу пщэрыри, о-орэда,
Ра, тиЛапэшыпсыба, о-орэда,
Тисэнэфы 'адэми, о-орэда,
Ышъхъэ фытехынба, о-орэда,
Тиордэ лэгъунэри, о-орэда,
Ра, боуи зэгъо'ыба, о-орэда,
Ра, ушыдгъэшыныба, о-орэда,
О Іекондэ дахэри, о-орэда,
Пшъхъэ хэдгъэуЛонба, о-орэда,
Ти-Тхъэ уигъатхъэмэ, о-орэда,
Ра, удгъэтхъэжыныба, о-орэда!

– О, уи, Сэтэнай-гуаш, о-орэда,
О гошэ хьашхъуашъуа, о-орэда,
Сыешхэ-ешъуакЛопи, о-орэда,
СыжъэгокЛо шъаопи, о-орэда,
Сышыу ежъэгъя'эпи, о-орэда,
Ра, уицугъо бжъэпэплъыри о-орэда,
ПсэхалІэ Тхъа ешЛа, о-орэда,
Ра, уигъэлъэхъу пщэрыри, о-орэда,
Хъэмэ Тхъа аргъялІэ, о-орэда,
Уисэнэф 'адэми, о-орэда,
Цыгъо Тхъа хегъялЛи, о-орэда,
[Уиордэ лэгъуни, о-орэда,]
МашЛом Тхъа регъэста, о-орэда,
Іекондэ дахэри, о-орэда,
ТышырылІэ Тхъа ешЛа, о-орэда!

– Тэ титхъэрыЛуагъэми, о-орэда,
Укъимыубытыштмэ, о-орэда,
Сэ усыубытынба, о-орэда,
Чэпшъэ зэтешхори, о-орэда,
КъызэЛуегъэожъба, о-орэда,
Ра, пелууаныжъхэри, о-орэда,
Шылъэгуанжъэ ешЛыба, о-орэда,
Хъалыр Йурегъэтхъыба, о-орэда,
Чэпшъэ зэтешхори, о-орэда,
Иши жалэ хэлъэу, о-орэда,
Темэним къыхедзэба, о-орэда.

– Іекуандэм и псэлъыхъомэ, о-орэда,
Гъогу афэхъун, о-орэда!
Нартхэр зыщэпэкЛохэм, о-орэда,
Нартхэр зыщыхасэхэр, о-орэда,
Нарт яшЛэгъо-ШапЛэуи, о-орэда,
Іалэдж яунэшхоми, о-орэда,

Сэ сырильыхъуакІоба, о-орэда,
Ары нахь, Іэкуандэ дэжь, о-орэда,
Псэльыхъо сыкъакІоеп, о-орэда!

– О зэрэпшІоигъоу, уа-орэда,
Тхъам уегъэун, уа-орэда!
Сыешхэ-ешъуакІоп, уа-орэда,
СылэгъунэкІо лЛэп, уа-орэда,
Ыпшъэ сыкъи’и, уа-орэда,
Клахэм сыкъэкІуагъ, уа-орэда,
Іалэджы яунэ, уа-орэда,
Сышыгъозадж, уа-орэда,
СыхъэкІэ гъозадж, уа-орэда,
Гъогу лъапэр къысалІомэ, уа-орэда,
Гъогум сырикІошт, уа-орэда,

– Арэу умыІо, уа-орэда,
Мыдэ къеблагъ, уа-орэда,
Тицугъо бжъэпэплъи, уа-орэда,
Тихъа’ нышц, уа-орэда,
Тигъэлтэхъу пщэри, уа-орэда,
Щыпсы фядгъэшІын, уа-орэда,
Тисэнэф ’ади, уа-орэда,
Фядгъэушъхъэсын, уа-орэда,
Тиордэ лэгъунэри, уа-орэда,
Бэуи ар зэгъо’и, уа-орэда,
Іэкондэ дахэм, уа-орэда,
Ыкори уипІэшхъагъын, уа-орэда,
Пшхъэми къыхэуІоу, уа-орэда,
Зы щэц бысым, уа-орэда,
Тиунэ щипхын, уа-орэда,
НэфышІу укъи’ымэ, уа-орэда,
Гъогу лъапэри осІон, уа-орэда!

– Хъабз удэу, уа-орэда,
Джэдэжъым къысиІорэр, уа-орэда,
Сыдым фэгъэзагъ, уа-орэда,
СыешхэкІо-ешъуакІоп, уа-орэда,
СыжъэгокІо шъаоп, уа-орэда,
Сышыу къежъэгъа’эп, уа-орэда,
Шъуицугъо бжъэпэплъи, уа-орэда,
ПсэхалІэ Тхъа ешІ, уа-орэда,
Шъуигъэлтэхъу пщэри, уа-орэда,
Хъамэ Тхъа аргэгъэлІ, уа-орэда,
Шъуисэнэф ’ади, уа-орэда,
ЫкІэ’е екІуи, уа-орэда,
Уиордэ лэгъуни, уа-орэда,
МашІом Тхъа регъэст, уа-орэда,
Іэкондэ дахэри, уа-орэда,
Гъумы Тхъэ решІыхъи, уа-орэда,
ТыщылІэ Тхъэ ешІ!

– Нартымэ ятхьарыIуагъэм, уа-орэда,
О укъимыубытыштмэ, уа-орэда,
Сэ укъэсыубытын, – еIoшь, уа-орэда,
Iэконда дахэми, уа-орэда,
Чэушшъэ зэIуошхор, уа-орэда,
КъызэIуегъэожы, уа-орэда,
Хъалыр дарегъэлхъажы, уа-орэда,
Пелыуаныжъхэри, уа-орэда,
ПшэIум Iуегъэуцо, уа-орэда,
Нартэу Шэбатыныкъор, уа-орэда,
Ифэрэ псыгъо къыIодысэ, уа-орэда,
О идэнэ ’эпшыр, уа-орэда,
Шы чапэм щегъабзэ, уа-орэда,
ЗыкъеутIэрэбгъу, уа-орэда,
Шыбгъэр сэх хэтIэгъитIум, уа-орэда,
КъыргегъэуалIэ, уа-орэда,
Пелыуаныжъхэр, уа-орэда,
Шы лъэгуанжъэ ешIы, уа-орэда,
Чэушшъэ зэIуошхор, уа-орэда,
Иши джалы хэлъэу, уа-орэда,
Ащи къыкIелъэшъу, уа-орэда,
Псынжь шIыпIэ бзаджэм, уа-орэда,
Къехы къеыхеупс’э, уа-орэда.

– Iэкуандэ и псэлтьыхъомэ, уа-орэда,
Гъогу афэхъун, – еIo, уа-орэда,
Къеуи къыдэ’ыжья, уа-орэда.

– Уапа’э пщагъоу, уа-орэда,
Уаужь’э гъозэу, уа-орэда,
УздэкIон умышIэу, уа-орэда,
Губгъэжъы нэ’ым, уа-орэда,
Тхъэ урегъян, уа-орэда.
Iэкондэ дахэр, уа-орэда,
Шыум къы’элъэбгэ.

ЗыдэкIожын ымышIэу, уа-орэда,
Ыпэ’э пщагъоу, уа-орэда,
Буужь’э гъозэу, уа-орэда,
Бгъоджым къинагъ, уа-орэда,
Модэ’э кIуи – хъугъэп, уа-орэда,
Мыды’э кIуи – хъугъэп, уа-орэда,
КъыкIухь-ыкIухыжъзэ, уа-орэда,
Нарт яунэжъы ар ешIынатIэ, уа-орэда,
Щагум ари къыдахъэ, уа-орэда,
ПщэрыхъакIо шъаор, уа-орэда,
Ащи гуIэу къыпэгъо’ы, уа-орэда,
Сагыындакъыр къирхы, уа-орэда,
ПщэрыхъакIо шъаоми, уа-орэда,
Ерагъэу, нэбзышыр ыгъэупIапIэу, уа-орэда,
ЛъэкIапIэр ыгъэшщэу, уа-орэда,

Унэми негъэсы, уа-орэда,
Дэпкыыдасэм къыпельтээ, уа-орэда,
Дэпкыыдасэр къыхечы, уа-орэда,
Сагындаакъыри къефэхы, уа-орэда,
Нарт япхъонтэшхо, уа-орэда,
Ари къытефэ, еубатэ, уа-орэда!

– Мардж, Шэбатыныкъу, уа-орэда,
Ныбжырэ унэжъэу, уа-орэда,
Мы унэжъри тэтиг, уа-орэда,
Къытемыкъутэжъын'э, уа-орэда,
Ори тыолъэгу, уа-орэда!

– Шъуиллэуж Тхъам егъэбагъу, уа-орэда,
Ащ игъэйылъылэ, уа-орэда,
Мэ'э дэд, уа-орэда!

ІэхъомбэжъякІэм'э, уа-орэда,
Сагындаакъым къеІэ, уа-орэда,
Сагындаакъыр къыделхъэжьы, уа-орэда,
ПцэрхъякІо шъаом, уа-орэда,
Макъэ къыргэшьы, уа-орэда,
Иши Іупэ къыфеубыты, уа-орэда,
Къэшэси, къыдэ'ыжьы, уа-орэда,
Нартэу Шэбатынэр, уа-орэда,
Ядэжьы къэкІожъа, уа-орэда!

ПЩИНАТЛЬ О ШАБАТЫНЫКО

Нарт Шабатыныко, ба, о-орада,
Суровость кому подмога, ба, о-орада,
Наездник, ничего не одолживающий, ба, о-орада,
С наездниками другими не схожий, ба, о-орада,
Нарта, достойного ему быть товарищем, нет, о-орада!
По Тену он направляется, ба, о-орада,
В <выбранную> сторону правит, ба, о-орада,
По Пшызе, что трудно перейти, о-орада,
Ра, он направляется, ба, о-онрада,
А, переправляется, ба, о-орада!
– Нартский коровий пастух могучий, ба, о-орада,
Да приумножится тебе! – говорит ему, ба, о-орада!

Пастух:

– Ра, тхаугегансау (букв.: *дай Бог тебе жизни*), ба, о-орада,
Тот, кого мы самого не видим, о-орада,
Тот, рассказы о ком мы слышать желаем, о-орада,
Шабатыныко, ба, о-орада!
Будь гостем! – отвечает, о-орада!
Нашу корову яловую откормленную, о-орада,
Ра, в твою честь зарежем, о-орада,

*Кытлы-гутла отборную, о-орада,
Перед твоим конем положим, о-орада,
Наше просо доброе, о-орада,
В твою честь почнем, о-орада,
Если тебе Богом дано вкусно поесть, о-орада,
Ра, мы тебя попотчуем, ба, о-орада!*

Шабатыныко:

— Я не тот, кто до застолий охочий, о-орада,
Я не парень, охочий до чужих очагов, о-орада,
Я не на коне в путь отправился, о-орада,
Твою корову яловую откормленную, о-орада,
Да раздашь ты поминальной пищей, о-орада,
Твое просо доброе, о-рада,
Пусть Бог сделает, чтобы птицы склевали, о-орада,
Кытлы-гутла отборную, о-орада,
Пусть Бог в червей превратит, о-орада,
Аледжей дома могучего, о-орада,
Я ведь искатель, о-орада,
К нему дороги начало, о-орада,
Ра, ты бы мне дал, о-орада!

Пастух:

— Аледжей дом могучий, о-орада,
У дороги кособокий стоит, ба, о-орада,
Яблоня кособокая там стоит, ба, о-орада,
<К нему> путь — тропа единственная, ба, о-орада,
<Это> дом белый длинный, ба, о-орада,
Сто *tха* в длину он, о-орада,
<Это> дом с белым фасадом, ба, о-орада,
Дом, где много гостей бывает, ба, о-орада,
У него много опор, ба, о-орада,
Опоры, что его поддерживают, о-орада,
Такие, что восемь быков только могли приволочь, о-орада,
А впереди него препятствие, о-орада,
По грудь коню достает, ба, о-орада,
Женихи, что там сменяют друг друга, о-орада,
Его так истоптали, о-орада,
Там одна трясина есть, о-орада,
Ра, твой фара тонкостанный, о-орада,
Ра, там опозорится, о-орада,
Ра, Аканда красавица, о-орада,
Ра, если тебя увидит, ба, о-орада,
Ты застыдишься, ба, о-орада!

Шабатыныко:

— Нартов пастух скверный, ба, о-орада,
Ра, их пастух коровий, ба, о-орада,
Если там одна трясина есть, о-орада,
Да чтобы мой фара тонкостанный, о-орада,
Ра, там бы опозорился, о-орада,

Я же, одну суку увидав, о-орада,
Я застыдился бы, о-орада,
Из Чинтии отправившись, о-орада,
В Нартию не приехал бы, о-орада,
Не побойся я своего Бога, о-орада,
Под большим и указательным пальцами, о-орада,
Ра, я заставил бы тебя проползти, о, о-рада!

Плеть из кожи зубра, о, о-рада,
Ра, он распускает, ба, о-орада,
По груди коня стегает, ба, о-орада,
<Землю копытами> вырывать заставляет, ба, о-орада,
То, что его конь вырывает, о-орада,
Белыми птицами – черными птицами, о-орада,
В небеса уносится, ба, о-орада,
То, что его собака выгонит, о-орада,
Его орел ловит по его воле, о-орада,
Из ноздрей его коня пышущий, о-орада,
Пар жаркий, о-орада,
Травы верхушки опаляет, ба, о-орада!

К дому большому Аледжей, о-орада,
Ра, он направляется, о-орада.
Ра, Аканда красавица, о-орада,
Ра, на балконе сидит, и, о-орада,
Ра, как она глянула вперед, о-орада,
О, две дощечки золотые, о-орада,
Ра, она роняет, о-орада,
Золото рассыпая, о-орада,
Ра, она вскакивает, ба, о-орада!

– Акуанда-суга-ведьма, о-орада,
Ведьмой прославшая, о-орада,
Тот в честь кого ты встаешь, о-орада,
Откуда взявшийся всадник? О-орада.
– Мать наша Сатанае, ба, о-орада,
Сатанае-гуаша, ба, о-орада,
О, добрых гуаш ты *надежный приют* (букв.: подушка),
О, ты гуаша большая светлая, ба, о-орада,
Сюда один всадник едет, о-орада,
Если он не из Чинтии прибыл, о-орада,
В Нартии такой не рождался, о-орада,
<Сам> легко до всего достающий (букв.: коротколокотный),
о-орада,

Короткими стрелами стреляющий, о-орада,
О, его стрел головки, о-орада,
Ра, лесу огромному подобны, о-орада,
На правой стороне его, о-орада,
Роса идет, ба, о-орада,
На левой стороне его, о-орада,
Палица верная, о-орада,

На плече сверкает, о-орада,
Ра, то, что, ослепляя сверкает, о-орада,
На кисти его руки сверху лежит, о-орада,
О, его сбруя, о-орада,
На крупе сияет, о-орада,
Стальная его маиса, о-орада,
Сама <из ножен> выдвигается-вдвигается, о-орада,
Пена с лошади падающая, о-орада,
Шатром над ним поднимается, о-орада,
Его две собаки ученые, о-орада,
По бокам его рядом бегают, ба, о-орада,
Его два орла ученые, о-орада,
На руке его вращаются, ба, о-орада,
О, всадник один едет, о-орада,
В Нартии подобного ему нет, о-орада,
Мать наша Станае, ба, о-орада,
Сатанае-туаша, ба, о-орада!

– Это Шабатыныко, ба, о-орада,
Шабатыныкопиц, ба, о-орада,
Мужа доблестного плоти мы заполучим, о-орада!
В сафьяновые папыщи, о-орада,
Она мерно становится, ба, о-орада,
На правую сторону станет, о-орада,
Всё как будто валится, о-орада,
На левую сторону станет, о-орада,
Все шатается, о-орада,
Лисицей [величаво] она поворачивается, о-орада,
Когда в ворота ему въезжать, о-орада,
Она навстречу выходит, ба, о-орада.

О-уи, Шабатыныко, ба, о-орада,
Шабатыныкоп, ба, о-орада,
Тот, кого мы не видим, о-орада,
Тот, о ком рассказы слышать желаем, о-орада,
Будь гостем! – говорит, ба, о-орада!
О наш бык краснорогий, о-орада,
Ра, наш угождение в честь гостя, ба, о-орада,
Наш валух жирный, о-орада,
Ра, наш соус, с пальцев стекающий, ба, о-орада,
С нашей кадки белого санно, о-орада,
Мы в твою честь крышку высадим, ба, о-орада,
Наша лагуна просторная, о-орада,
Ра, довольно укромная, ба, о-орада,
Ра там мы тебе поспать дадим, ба, о-орада,
О, Акуанду-красавицу, о-орада,
<Посадим> твою голову почесать, о-орада,
Если наш Бог тебя попотчуяет, о-орада,
Ра, мы тебя попотчуем, ба, о-орада!

О-уи, Сатанай-туаша, о-орада,
О туаша, на серую волчицу матерую похожая, о-орада,

Я не тот, кто до застолий охочий, о-орада,
Я не парень, охочий до чужих очагов, о-орада,
Я не всадник, что впервые отправился в путь, о-орада,
Ра, твой бык рыжий краснорогий, о-орада,
Пусть волей Бога издохнет, о-орада,
Ра, твоего валуха жирного, о-орада,
Волки пусть по воле Бога зарежут, о-орада,
В твоей кадке с белым санно, о-орада,
Мышь пусть по воле Бога подохнет, о-орада,
[Твоя лагуна просторная, о-орада.]
В огне пусть по воле Бога сгорит, о-орада,
И Акуанда-красавица, о-орада,
В родительском доме пусть по воле Бога и умрет, о-орада!

– Если наше коварство, о-орада,
Тебя не может одолеть, о-орада,
Я же тебя одолею, о-орада!
Ворота сдвижные большие, о-орада,
Она раздвигает, ба, о-орада,
<...>
Ra, пелюанов могучих, о-орада,
Ногами коня он топчет, о-орада,
Щеколду вырывает, ба, о-орада,
Ворота сдвижные большие, о-орада,
На шее коня висящие, о-орада,
В трясину бросает, ба, о-орада:
– Женихам Акандовым, о-орада,
Дорогой будет, о-орада!
Я же – где нарты собираются, о-орада,
Где нарты хасу устраивают, о-орада,
Где Аледжей дом большой, о-орада,
Вот что ищу, ба, о-орада,
Вот как, а не к Акуанде, о-орада,
Свататься я приехал, о-орада!

– Как тебе угодно, о-орада,
Пусть тебе Бог устроит, о-орада!
– Я не тот, кто до застолий охочий, о-орада,
Я не муж, охочий до чужих очагов, о-орада,
С верховий приехав, о-орада,
В низовья я прибыл, о-орада,
Аледжей дом где находится, о-орада,
Я не ведаю, о-орада,
Я гость непростой, о-орада,
Если начало дороги подскажешь, о-орада,
Я по той дороге отправлюсь, о-орада.

– Так не говори, о-орада,
Сюда войди гостем, о-орада,
Наш бык рыжий краснорогий, о-орада,
Это наше угождение в честь гостя, о-орада,

Нашего валуха жирного, о-орада,
Велим для тебя пустить под соус, о-орада,
Нашу кадку белого сано, о-орада,
Велим для тебя открыть, о-орада,
Наша лагуна просторная, о-орада,
Очень укромная, о-орада,
Акуанды красавицы, о-орада,
Бедра тебе изголовьем будут, о-орада,
В голове твоей она возиться будет, о-орада,
Одну ночь в нашем доме проведешь, о-орада,
А как добрым утром встанешь, о-орада,
Начало дороги тебе подскажу, о-орада!

Сука-ведьма, о-орада,
Блудницей мне сказанное, о-орада,
На что оно направлено? О-орада.
Я не тот, кто до застолий охочий, о-орада,
Я не юноша, охочий до чужих очагов, о-орада,
Я не впервые выехавший всадник, о-орада,
Ваш бык рыжий краснорогий, о-орада,
Пусть издохнет по воле Бога, о-орада,
Вашего валуха жирного, о-орада,
Пусть волки съедят по воле Бога, о-орада,
Вашего сано белого кадка, о-орада,
Пусть вытечет, о-орада,
Твоя лагуна просторная, о-орада,
Пусть в огне сгорит по воле Бога, о-орада,
И Акуанда-красавица, о-орада,
Пусть <безбрачной> забеременеет по воле Бога, о-орада,
Пусть в родительском доме до смерти пребудет по воле Бога!

— Если нартская клятва, о-орада,
Тебя не удержит, о-орада,
Я тебя удержу, — говорит и... о-орада,
Акуанда-красавица и, о-орада,
Ворота большие сдвижные, о-орада,
Захлопывает, о-орада.
Велит клин вложить, о-орада,
Пелюанов могучих, о-орада,
У двери ставит, о-орада.
Нарт Шабатыныко, о-орада,
На своего фару тонкостанного вскакивает, о-орада,
О, своей плеткой шелковой, о-орада,
На боках коня орудует, о-орада,
Напрягается, о-орада,
Грудью коня столбы, в землю врытые, о-орада,
Ударить заставляет, о-орада,
Пелюанов могучих, о-орада,
Под ногами коня оказаться заставляет, о-орада,
Ворота сдвижные большие, о-орада,
На шее коня болтающимися, о-орада,

Оттуда выволакивает, о-орада,
В Псынжа место лихое, о-орада,
Приносит и там швыряет, о-орада.

– Женихам Акуанды, о-орада,
Дорогой послужит, *<сказав>*, о-орада...
Взял и уехал, о-орада.

– Впереди тебя туман *<пусть будет>*, о-орада,
Позади тебя пар *<пусть будет>*, о-орада,
Чтобы не знать тебе, куда повернуть, о-орада,
В степи широкой безлюдной, о-орада,
Пусть Бог тебя оставит, о-орада, –
<Так> Акуанда-красавица, о-орада,
Вслед всадника прокляла.

Так, что *<Шабатыныко>* не знает, куда повернуть, о-орада,
Впереди туман *<стоит>*, о-орада,
Позади пар *<стоит>*, о-орада,
В поле широком он остался, о-орада,
Туда повернул – не получилось, о-орада,
Сюда повернул – не получилось, о-орада,
Блуждая-скитаясь, о-орада,
На могучий дом нартов он набрел, о-орада,
Во двор он въехал, о-орада.
Парень прислужник, о-орада,
К нему радостно навстречу идет, о-орада,
<Шабатыныко> свой сагайдак подает, о-орада,
Парень прислужник, о-орада,
С большим трудом, глаза закатывая, о-орада,
Ноги свои подгибая, о-орада,
До дому его доставляет, о-орада,
На крюк у полки вешает, о-орада,
Крюк вываливается, о-орада,
Сагайдак падает, о-орада,
На большой сундук нартов, о-орада,
Он обрушивается и ломает, о-орада.

– Мардж, Шэбатыныко, о-орада,
Старинным домом, о-орада,
Этот дом большой мы имеем, о-орада,
Не обрушать его на нас, о-орада,
Тебя мы просим, о-орада!

Ваш след да приумножит Бог, о-орада,
Его ложе *<для вещей>*, о-орада,
Очень маленькое, о-орада!

Мизинцем своим, о-орада,
Он поднимает сагайдак, о-орада,
И на место себе его кладет, о-орада,

Парню прислужнику, о-орада,
Он звук подает, о-орада,
<Тот> его коня за узду придерживает, о-орада,
Он садится на коня и уезжает, о-орада,
Нарт Шабатыныко, о-орада,
Домой возвращается, о-орада!

*Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7.
Т. III. С. 54–62. Исп. Зафес Кубаев: 1882 г.р., а. Хакуринохабль
Адыгей; абадзех. Зап. 30.01.1937 г. Д. Ашхамаф. Перевод на
русский язык А. Гутова.*

Аффикс *-ба*, прибавляемый к имени героя, а далее и к корням других слов, букв. соответствует частице «ведь»; однако в данном контексте семантика его ослаблена, и звукосочетание стало выражать лишь эмоциональную приподнятость речи. Поэтому мы в переводе отделили его от слова, к которому оно присоединяется в оригинале.

Тхауегансау (*тхъэуегъэпсэу*) – букв.: «дай Бог тебе жить» – традиционная формула ответа на приветствие-благопожелание на западноадыгских диалектах.

Кытлы-гутлы (*къылты-гулты*) – название легендарной травы, обладающей фантастическими качествами.

Я не на коне в путь отправился... – значение фрагмента не совсем ясно; возможно, это речевая ошибка.

Тха (*тхъа*) – по предположению А.М. Гадагатля, здесь это мера длины.

<...> Судя по контексту повествования, здесь налицо лакуна: Сатаней-гуаша выпускает против героя своих пелюанов-силачей (см. следующий эпизод, с участием Акуанды).

Ра, пелюанов ... – перевод фрагмента не дословный а смысловой.

Лагуна (*лэгъунэ*) – комната новобрачных.

«Если нартская клятва...» – перевод буквальный; судя по контексту, здесь более уместным было бы не «*клятва*», а «*слово*».

Мардж – клич, перизыв.

14. НАРТ ПЩЫ-БЭДЭНОКЬУЭ

Нарт пщы-Бэдэнокъуэ
Ер зи ныкъуэкъуэгъу,
Хъэгъуэщыгъуэ бэшI,
Ябгэр зи щыихъэху,
Шуми ящымыгъу,
Шуми ящыгъуэджэ,
И хуарэ псыгъуэм

Уанэр тыргъяцIэ,
Псыжъу икIыгъуеижъым
Шы джабэпс хуэмыхъуу,
Хъыужъым и бзаджапIэм
Лыхъужъыр доушыкI.
Нартхэ я пхъыхъэпсэу
Я псыхъэ фызым
Шур IещIолъагъуэр,
ГъужъитIыр (пэгунитIыр)
КъышЦедзри фызыр къокIуэж:
– Сэ зы шу слъегъуат,
Шум щIымыгъуу,
ЯщIэгъуэджэу.
– Сыт шыфэ-Лыфэу?
– Абы и шыфэ-Лыфэм
ЩIагъуэу сыщыгъуазэкъым,
Гъуэжъейми тесу жыжъэу
И маисэр қуэпкъым щегъэлыйд,
Лыхъур мэлдыджыри
Уанэгум исщ,
Шы лъэгум къышЦихар
КъуанщIапщIэу уафэм хихуэжащ.
Шыпэ бзийм къырихум
Гъуэгу напщIэр елыгъуэ,
Лыхъум зелыгъуэжъыри уанэгум ис.
– Нартхэ я пшы-Бэдэнокъуэ,
Еблагъэ, маржэ хъужыххэн!
– Сэ себлагъэ щхъэкIэ, гъуэгу лъапэ сыхуейуэ сыкъежъя?!

– Нартхэ я зэIущIэм хъэ хужъыбэр дэль,
Я улишэ (сэрэй) Гултыр шыбгъэнбэм къос.
Зы псыжъ уIущIэнци,
Уи хуарэр узчынтын (лIэн).
Сэтэней гуашэ укъильагъумэ,
УукIытэжын.
– Нартхэ я Iэхъуэ-выхъуэу,
Нартхэ я жэмыхъуэжъу
Къуэрагъыжъ зезылъафэ!
Сэ зы псыжъ сыIущIэу,
Си хуарэр уэзджынтын,
Сэ зы псэжъ сыIущIэкIэ,
СукIытэжыну
Кынтым сыкъикIыу
Нартхэ сыкъэкIуэжынтыкъым. –
Лыхъур къогубжъыри:
– Нартхэм семыплтээмэ,
Си Тхъэм семыплтъяжтээмэ,
Iэхъуамбэшхуэ бэрмакъым (къамышы)
УщIэзгъэпщынт!
Хуарэм къыкIуэцIоуэри
Псыжъу жыхуилар
Псы джабэпс хуэмыхъуу,

Гуашэу жыхуи¹ами плъэгъуэ имыгъуэту,
Блоущык²ыри нартхэм я зэ³уш⁴эм нэсаш,
Хъэ хужьыбэу Йулъыри лъэныкъуэ иригъэзаш,
Улищэ (сэрэй) Йулъри зэхикъутэри яф⁵ыдыхъаш,
И шыр къызэф⁶идзэри унэм щ⁷ыхъа,
Бжэк⁸уагъым къуэувэри...
Нартхэм я хъуэхъ-бжъэхъу
Шэджыблищи (благъуэ) бжъэр
Къырихъэл⁹эри л¹⁰ыхъум къырита.
Шэджыблишу хэсыр
Паш¹¹эк¹² къыри¹³улыри къаф¹⁴ырифа,
Іэнэр имыгъэсису,
Шыпсыр иримык¹⁵уту Іэнэм къышыфа,
Нартхэ я пшы-Бэдэнокъуэ,
Ер зи нык¹⁶уэк¹⁷уэгъу.

НАРТ ПШИ-БАДАНОКО

Нарт пши-Баданоко,
Зло его противник,
Важного много свершающий,
Суровости опора,
С <другими> наездниками не знающийся,
С <другими> наездниками не водящийся,
На своего хуару тонкого
Седло прилагивает,
Псыж, который трудно перейти,
<Преодолевает так, что> бока коня не намокли,
На Хеуа недоступные места
Муж доблестный рысью поднимается.
Для нартов дрова приносящая,
Им воду приносящая женщина
Всадника замечает,
Пару ведер здоровенных
Она бросает и возвращается:
– Я одного всадника видела,
Не с другим всадником едущего,
Без спутников едущего.
– Как он выглядит (букв.: *каков вид коня-вид мужа*)?
– О виде его коня-виде мужа
Я не знаю много:
Сидя на буланом могучем, он издали
Маисой, что на бедре, сияет,
Сам, муж доблестный, сияющий
В седле восседает,
То, что из-под копыт коня вылетело,
Черными галками в небо запущено,
То, что из ноздрей коня вырывается,
Обочины дороги опаляет,
Сам муж доблестный распаленный в седле восседает.

– Нартов пши-Баданоко!
Будь гостем, ты, которому удачливым быть желаем!
– Если и буду гостем, разве на поиски женщин я выехал?
– У собрания нартов свора белых собак обитает,
Их ограда выше груди коня достает,
Одну трясину встретишь –
И там твой конь погибнет,
Если Сатаней-гуаша тебя увидит таким,
Ты оробеешь.
– Нартский пастух коров, пастух волов,
Нартский пастух коров презренный,
Таскающий длинную хворостину,
Будь я таким, что, встретив одну трясину,
Мой хуара погибнет,
И я, одну трясину встретив,
Оробею,
То, из Кинтов приехав,
В Нарты бы я не возвратился. –
Муж суровый гневается и...
– Не считайся я с нартами,
Не считайся со своим Богом,
Под большим <и указательным> пальцами
Я бы тебя вынудил проползти.
<С этими словами> он бьет хуару и
Псыж, о котором много говорят,
Преодолевает так, что бока коня не намокли,
Гуаше, о которой много говорят, не дав оглянуться,
Пробежал мимо рысью и на нартское сорище попал.
Белых собак свору, что обитала там, в сторону отогнал,
Стену, что стояла, он разрушил и въехал <во двор>.
Коня своего привязал и в дом вошел.
У двери встал и...
И разносчик заздравной чаши у нартов
Ему чашу с тремя змеями ядовитыми
Преподнес и вручил мужу доблестному.
Трех змей ядовитых, что в ней сидели,
Он усами пригвоздил и напиток выпил,
Стол не пошатнув,
Подливы не разлив, на столе он сплясал –
Нартов пши-Баданоко,
Зло его противник.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. On. 1. П. № 32-е. Пасп. № 7. Исп.
Хажисмель Карданов: 1860 г.р., а. Бесленей Карабаево-Черкесии;
бесленеевец. Зап. 25.09.1949 г. А. Бичоев. Перевод на русский язык
А. Гутова.

Текст – фрагмент пшинатля о первом появлении Бадиноко на хасе нартов. В том, что некоторые части пшинатля логически

не связываются единым повествованием, можно видеть не только признаки распада сюжета, но также регрессивное влияние младшего эпоса, для которого подобные лакуны характерны, поскольку все недоразумения логического характера в поэтическом тексте находят объяснение в сопровождающем прозаическом предании.

Упоминаемые в тексте «Хея *недоступные места*», по всей видимости, инкорпорированы из сказания младшего эпоса об Андемиркане, где описываемые действия часто локализуются в устье маленькой речушки под названием *Хей*, которая впадает в полноводную и бурную реку Чerek.

15. НАРТ ШЭБАТЫНЫКЬО ИПЩЫНАЛЪ

Орэдэ, орэдэ, нарт Шэбатыныкъоуи,
Орэдэ, орэдэ, ер зинэкъокъогъури,
Орэдэ, орэдэ, хъагъу-шъогъу бэшЫри,
Орэдэ, орэдэ, хъафынчъэ шыури,
Орэдэ, Тенэ къыблэкIожьышъы,
Орэдэ, Нарты яIэхъожъым,
Орэдэ, бэхъуашщэри къыреIори!
— Орэдэ, зыштьхэ тымыльэгъоуи,
Орэдэ, зигугъум тигъалIэуи,
Орэдэ, теблэгъэнэу зыпIокIэ,
Орэдэ, цунэжъэуи пщэрыхэр,
Орэдэ, уихъакIэнышщэуи,
Орэдэ, пкIэнышщэуи пщэрыхэр,
Орэдэ, уихъэкIэ уцэуи,
Орэдэ, Нарт Шэбатыкъоуи,
Орэдэ, ер зинэкъокъогъуи.
Орэдэ, зы псынжъ уIукIэтышъы,
Орэдэ, уиш хэуцыпэтышъы,
Орэдэ, ащ ушIокIыпагъэми,
Орэдэ, пэнэпцIэ чэуми,
Орэдэ, уиш ельэпэонышъы,
Орэдэ, ащ ушIокIыпагъэми,
Орэдэ, чэукIоцI ухъупагъэми,
Орэдэ, къэрэгъулишъэ дэтышъы,
Орэдэ, ащ ушIокIыпагъэми,
Орэдэ, гошитIоуи исыми,
Орэдэ, уагъэукIытэжъыни о!
— Орэдэ, нарт яIэхъожъэуи,
Орэдэ, нарт ябзэджэжъэуи,
Орэдэ, псынжъы сзызыIукIэкIэ,
Орэдэ, сиши хэуцыпэнэуи,
Орэдэ, чэу сызеулIэкIэ,
Орэдэ, сиши ельэпаоуи,
Орэдэ, зы цыф цыкIу слъэгъуи,
Орэдэ, сыкъызыкIэштэнэуи,
Орэдэ, хъабзыхэр зыслъэгъукIэ,

Орэдэ, сыукIытэжъынэуи,
Орэдэ, сыхэгъэгу шыуа сэ!
Орэдэ, нарт яIэхъожъэуи,
Орэдэ, нарты ябзэджэжъэуи,
Орэдэ, хъабзыжъым къылтыфыгъ,
Орэдэ, мы Тхъам серэмьшльыри,
Орэдэ, IахъомбэжъякIэкIэ,
Орэдэ, унэ къизгъэпкIынышты,
Орэдэ, моу сыхэнкIэжъын! – eIo.
Орэдэ, псынжъым къызыIокIэми,
Орэдэ, зэогъур къырехыщы,
Орэдэ, иши къыргъалъэшты,
Орэдэ, чэум къызеулIэми,
Орэдэ, щэогъу къырехышты,
Орэдэ, чэум къыргъалъэшты,
Орэдэ, чэукIоцIы зэхъуми,
Орэдэ, къэрэгъулэу дэтыхэр,
Орэдэ, зэкIэ зэкIегъачъэшты,
Орэдэ, еблагъэр къыраIошты.
Орэдэ, нарт яунэжъыри,
Орэдэ, унэ къебэ-нэбэуи,
Орэдэ, кIэсэннызэкIэтэри,
Орэдэ, кIэсэнэуи кIэтыхэр,
Орэдэ, цура-цура лъэшъоуи,
Орэдэ, япэIожъылташъохэр,
Орэдэ, ишыпк'эми къэсэуи,
Орэдэ, япчъIултэшъуагъэхэр,
Орэдэ, цуиплIы зэралтэшъоуи,
Орэдэ, шыбгъэкIэ рефэкIышты,
Орэдэ, япэIожъылташъохэр,
Орэдэ, къамыщ утIонкIагъэкIэ,
Орэдэ, паIохэр тырекъышты.
Орэдэ, лIыхъур рагъэпсыхышты,
Орэдэ, пкIакIор зышIуехехышты,
Орэдэ, зыIатыны бгык'ури,
Орэдэ, унэми имыльэуи,
Орэдэ, сэшхори зышIуехэхышты,
Орэдэ, зыIатыны пк'эури,
Орэдэ, унэми чIэмыйтэуи,
Орэдэ, кIэны хъуны сэшхори,
Орэдэ, moy къысэшъут! – eIoшты,
Орэдэ, пкIакIор егъэуцушты,
Орэдэ, сэшхори шIухельэшты.
Орэдэ, лIыхъури мэтIысышты,
Орэдэ, щэджыблыхэр хэсэуи,
Орэдэ, бжъэри къыфыгЧахъэшты,
Орэдэ, щэджыблитIоу хэсэри,
Орэдэ, пакIэкIэ реIулIышты,
Орэдэ, бжъэри къашIурештшшты.
Орэдэ, пщэрхъэуи чIэтыхэм,
Орэдэ пчъаблэр къыхалтэшъушты,

Орэдэ, шъутык! Э къицохъужьыхи.
Орэдэ, а ишхомылак! Эри,
Орэдэ, тыжын зэрэзак! Эуи,
Орэдэ, илъэрыгъык! Эми,
Орэдэ, уцышгъхэр ылтыгъоуи,
Орэдэ, лыхъум зилыгъожъеуи,
Орэдэ, ионэгу исэуи,
Орэдэ, ихъэ сэрамит! Ори,
Орэдэ, бгъуит! Ук! Э рэготэуи,
Орэдэ, шылтэгум къык! Эзыри,
Орэдэ, огум щэчэрэзышты,
Орэдэ, чыгум щэчэрэгъушты,
Орэдэ, къонч! Эф-къонч! Апщ! Эуи.
Орэдэ, гошит! Оуи исымы,
Орэдэ, пацэм зырагъэзышты,
Орэдэ, чыпщ! Эм зырагъэпк! Чыпшты,
Орэдэ, лыхъури мэк! Ожкы!

ПЩИНАТЛЬ О НАРТЕ ШАБАТЫНЫКО

Орада, орада, нарт Шабатыныко,
Орада, орада, кому зло противник,
Орада, орада, соперников много наживающий,
Орада, орада, наездник, ничего в долг не берущий,
Орада, мимо Тена едучи,
Орада, нартскому пастуху старому,
Орада, «Бох апщий», – говорит.
Орада, кого мы самого не видим, но
Орада, о ком рассказы нас замучили,
Орада, гостем буду, если скажешь,
Орада, бык могучий жирный,
Орада, твой гостевой ныщ.
Орада, нарт Шабатыныко,
Орада, со злом враждующий,
Орада, одну трясину ты повстречашь –
Орада, конь твой там завязнет,
Орада, если это и минуешь,
Орада, об ограду из облепихи
Орада, твой конь оступится.
Орада, если и это миновал,
Орада, если во двор вступил,
Орада, <там> сто караульных находятся,
Орада, если и их минуешь,
Орада, две гуащи, там сидят и,
Орада, перед ними ты оробеешь!
– Орада, нартский пастух старый,
Орада, нартский лукавец старый...
Орада, чтобы одну трясину повстречав,
Орада, мой конь бы застрял,
Орада, чтобы одну ограду встретив,

Орада, мой конь бы оступился,
Орада, чтобы одного маленького человека встретив,
Орада, я бы дрогнул,
Орада, чтобы потаскух повстречав,
Орада, я бы оробел, –
Орада, такой ли я на весь край <славный> наездник!
Орада, нартский пастух старый,
Орада, нартский лукавец старый...
Орада, старой сукой рожденный,
Орада, не посмотри я на этого Тха [не побойся я Бога],
Орада, я <одним> мизинцем
Орада, тебе глаза выдавлю (букв.: *выскочить заставлю*) и,
Орада, тут же и выскочу, – говорит.
Орада, трясину повстречав,
Орада, <коня своего> одного удара <плети> удостаивает и
Орада, заставляет перепрыгнуть,
Орада, ограду повстречав,
Орада, <коня своего> трех ударов <плети> удостаивает и
Орада, через ограду перепрыгнуть заставляет,
Орада, внутри двора оказавшись,
Орада, караульных, что там находятся,
Орада, разбежаться заставил [разогнал],
Орада, «Добро пожаловать», – говорят, –
Орада, нартов дом большой,
Орада, дом перекосившийся,
Орада, подпорками поддерживаемый.
Орада, подпорки, его поддерживающие,
Орада, быками-быками [множеством быков – ?] приволоченный,
Орада, их брусья, что у основания <ограды>
Орада, по корпус коня высотой,
Орада, их брусья, что у основания веранды лежат,
Орада, четырьмя быками приволоченные,
Орада, <он> грудью коня отбрасывает,
Орада, их брусья, что у основания <ограды> лежат,
Орада, сдвоенной плетью [рукоятью плети],
Орада, шапки скидывает...
Орада, <нарты> мужа доблестного с коня принимают,
Орада, <и когда он> бурку снимает.
Орада, балки, которая выдержала бы ее,
Орада, в доме не находится,
Орада, когда он саблю свою снимает, то
Орада, столба, который выдержал бы ее,
Орада, в доме не находится,
Орада, да чтобы эта сабля стала наследством
Орада, дайте-ка ее сюда! – говорит и,
Орада, ставит бурку и
Орада, саблю надевает на нее.
Орада, муж доблестный садится [за стол], и
Орада, с ядовитыми змеями,
Орада, чашу ему вносят, и
Орада, двух змей ядовитых, что в ней сидят,

Орада, усами он пригвождает <к стенке чаши> и,
Орада, чашу осушает [выпивает].
Орада, прислуживающие, что там находились,
Орада, дверные косяки выламывая,
Орада, задом вываливаются.
Орада, тот поводок уздечки,
Орада, серебром переливается,
Орада, кончики его стремян,
Орада, верхушки травы опаляют,
Орада, муж доблестный распаленный,
Орада, в седле восседает,
Орада, две его собаки-самцы,
Орада, по двум его бокам стоят.
Орада, то, что из-под копыт коня вылетает.
Орада, по небу кружит,
Орада, по земле кружашее,
Орада, <это тот, у кого> белое – как у галки белое, черное –
как у галки черное.
Орада, две гуашци, там сидящие,
Орада, к шерсти клонятся,
Орада, к черной земле клонятся.
Орада, Муж доблестный удалается восьсяи!

Архив АРИГИ, Фонд народского эпоса. Печатается по: Н7.
Т. III. С. 174–177. Исп. Заубэч Огуров: 1878 г.р., а. Урупский
(Шхащефиж) Успенского р-на Краснодарского края; абадзех.
Зап. 10.06.1962 г. А. Ашинов. Перевод на русский язык А. Гутова.

«...да чтобы эта сабля стала наследством» – форма проклятия, обращенного к сабле, но иносказательно указывающая на слабость постройки.

«...ставит бурку» – одно из непременных качеств кавказской бурки – это, при ее относительно небольшом весе, стоять «шалашиком» без какой-либо опоры.

16. НАТ ШЭБАТЫНЫКЪУ

Натэу Щэбатыныкъор!
Натэу тыжъ пекIухэр!
Натэу Щэбатыныкъор
Пицзызэ къыридахь,
Пицзызэр къыредэкI'
Ишыпэбзыдж'ынитIумэ маскI'эу къыкIэзырэр
Гъозэу мэуцу,
Ишы лъэгум къыкIэзырэр
Ошъогум еуцо,

Икъамыщ омакъэхэр қуогъуиблэу егъэIу,
Сэтэнай-гуашэм псэжъэу ипсыхъакIом
Лыхъор IækIэлтагъо.
Лыхъум наты ямэлахъо зыIуегъакГэ.

Щэбатыныкъу:
– Бэхъу апшы, мэлахъу,
Тхъэм бэу зэригъэхъун,
Натмэ сащыгъэгъуаз!

Мэлахъор:
– Натмэ сащымыгъуаз сэ,
Чэц рэхъумэ сыдэхъажы,
МэшIо макIэр къесэшIы,
Пэстэ макIэр къесэшIы,
СиорзапIэ сэшIыжы,
Нэф рэшъмэ сыкъыдэкIы,
Натмэ сащымыгъуаз сэ!
Лыхъор къызкIигъэгубжы,
Щыптихъэр къеутIобгъуи,
Щыбгъэм къекIэпауи,
Лыхъор ежъэжъыгъ.
Псэжъ тIупщыжыгъэр
Псы гугумитIор къызэриутэкIэу,
ЗэриутэкIыжъэу псыхъом къэкIыжы.
– Сэтэнай-гуаш!

Лыхъор къэслэгъугъэшъ,
Наты фэдэлI имыс,
Зэу исмэ ашыщ!
Гуашэр къеегъэгубжы:

– Натхэр тэдэм къышышиIа?
Натхэр къызэпэкIэбгъэкIи псыхъэ укъэкIыжия?
Чырэу илэньистэхэр гуашэм къепхъуати,
Псэжъэр къыргэгъашти,
Лыхъор IækIэлтагъо.
Гуашэр къызэкIэумэ,
Дыштэ пхъуантэм гуашэр къеуцуалIи,
Пырджыгун джанэр гуашэм къызтельашъо,
Щамэу игъоцэджыифо къызщелъашъо,
Дыштэ папышитIумэ гуашэр къреуцо,
ПчэIум къеуцуукГи:

Сэтэнай-гуашэр:
– ТихъакIэ, ор тикIас,
ХъакIэщым еблагъ!
Наты япшынэфохэр хъакIэщым пылтагъ,
Мэлыхъу кIэльэшъухэр фядгъэукиIын,
Чырэу тилэньистэхэр къыфзэIудгъэбзэн,
Цугъю бжъэпэлтхэр къыфядгъэфыжын,
Чэц гъолтыгъо уфаэмэ къыпфэдгъотын!

Щэбатыныкъу:

- СыхъэкІэко шъяоп сэ,
- СыгъунэгъокІо кІалэп сэ,
- Шъумэлыхъу кІэлъэшъухэр
- Тыгъужъым Тхъэ регъэшхых,
- Чырэу шъуилэнстыхэр
- Тхъэ зэпреут.
- Шъуицугъо бжъэпэпль псэхалІэу Тхъэ ешI,
- Наты яштынэфохэр Тхъэ зэгуреут!
- Натмэ сашыгъэгъуаз!
- Натхэр дэшсэыкІыгъ!
- Къэф тІэкІу сыкъыхэгъаф,
- Гугъэ тІэкІу сыкъыхэгъаф!
- Ямэфибл гъогухэр щэджэгъуапэкГэ зэпысчын!...

НАТ ШАБАТЫНУК

Натский Щабатынук!

Натский отцами могучими встречаемый!

Натский Шабатынук

По Пшизе <в долину реки> входит,

По Пшизе выходит,

Из ноздрей его коня

Искры сыпящиеся

Туманом <стеной> становятся.

То, что из-под копыт его коня вылетает,

В небеса поднимается (букв.: *становится*).

От его плети удара звук

На семь криков разносится.

Сатанае-туащи

Водоносница распутная

Мужа доблестного видит.

<А сам> муж доблестный

Встречает натского чабана (букв.: *настуха овец*).

Щабатынук:

– Бах апший, чабан,

Да дарует тебе бог много чего пасти,

Расскажи мне про натов!

Чабан:

– О натах я не ведаю,

Ночь наступит – я возвращаюсь <домой, в селение>,

Огонь немного развожу,

Пасты немного готовлю,

Свою постель соломенную стелю,

Рассвет настанет – выходжу.

О натах я не ведаю!

Мужа доблестного он разгневал.

<Шабатынук> голову конскую развернул,

Грудь конскую огrel и
Уехал восвояси.
Распутница вольная
Два медных кувшина с водой друг о друга стукая,
Друг о друга ударяя,
Из поймы реки выходит:

– О Сатанай-гуаш!
Я мужа доблестного увидела –
Подобного ему мужа в Натии нет,
Он из тех, каких единицы!

Она гуашу гневит:
– Откуда ты о натах узнала?
<Ты> всех натов перебрала и <после этого>
С реки возвратилась, что ли?
Стальные свои ножницы
Гуаша хватает и
распутнице грозится,
Мужа доблестного замечает.
Гуаша, придя в себя,
У золотого сундука
Она становится,
В сорочку *из дорогого материала*
Гуаша одевается,
Щамского покроя штаны широкие надевает,
В золотые *папищи*
Гуаша ступает,
У порога становится:

Сатанай-гуаша:
– Гость наш, ор, нам дорогой,
Добро пожаловать в хачеш!
Натские инструменты славные (*букв.: пицины большие*)
<На стене> хачеща висят,
Валухов, волочащих курдюки,
Мы тебе в нышь принесем,
Стальные наши ножницы
Мы для тебя кроить заставим,
Мы для тебя подогнать заставим.
Если тебе на ночь напарница в постели нужна,
Мы ее найдем!

Щабатынук:
Я не юноша, ходящий по гостям,
Я не парень, ходящий по соседям,
Ваших валухов, курдюки волочащих,
Волки пусть съедят,
Ваши ножницы стальные,
Бог пусть поломает.
Ваши быки рыжие краснорогие

Пускай сами подохнут.
Натские инструменты славные
Пусть бог <в щепы> расколет!
— Наты верхом на конях выехали!
<...>
*Немного каф мне позволь,
Немного надежды мне позволь.*
Их семидневный путь
Я до полудня одолею!

*Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7.
Т. III. С. 142–144. Исп. Мустафа Хахо: 1885 г.р., а. Кфар-Кама,
Израиль; хакучинец. Зап. 29.04.1963 г. Я. Щеуджен. Перевод на
русский язык А. Гутова.*

Нам – одна из особенностей данного диалекта – выпадение звука *-р-* в слове *нарт*. В источнике начертание имени героя варьируется: в одних случаях первая буква *Ш*, в других – *Щ*. Мы оставили это без изменения.

«Семь криков»: один крик – мера, которой определяют расстояние.

«...из дорогого материала» – перевод условный, т.к. в источнике определение при слове «сорочка» не удалось идентифицировать.

Щамский – изготовленный в Щаме, т.е. Дамаске.

Папиши (*пэпыш*) – обувь знатных дам, разновидность котурнов.

Щина – здесь: общее собирательное название струнных смычковых и щипковых хордофонов.

«Немного каф мне позволь,

«Немного надежды мне позволь» – значение данных двух стихов, в том числе и слова «каф», непонятно, поэтому их перевод условный.

17. НАРТ ШЭБАТЫНЫКЬО ИОРЭД

Нарт Шэбатныкъу,
Ер зиныкъоκъогъу,
Хъагъу-шъогъу бэшI,
Шыу зыпамышыгъырэр Нарт Шэбатыныкъу!
Тенэ къырэгъуазэ,
Гъуазэ къырыдэжIы,
Пшызэ иикIыгъор о уиышычэпэц,
УильэрэгъыпситIур, ра, щызэблэодз,
Ныбэпхищыр пытэу къыкIекъузэ,
Клэпщ щэогъур Дул-дулым къырехы,

Ибгъэшхъо ІаситІур шъхъагъыми щэфарзэ,
Ихъа самыритІур бгъуитІум щэчэрэза,
Нарт яІахъо-цуахъом псынкІэуи тефарзэ.
– Нарт яІахъо-цуахъоу,
Нарт ячэмэхъожъ «Бэхъу апши!» – реIo.
– Зышъхъэ тымылтъэгъоу,
Зигугъум тигъалІэу Нарт Шэбатныкъу, еблагъ! – къырело.
Мы цугъо бжъэпэплъыр о уихъакІэныш,
Нышым ишцэрышІэр уиІапэшцыпсыпхъ.
Сэтэнэе-гуашэр пшъхъэм хэдгъэуІони!
– Уицугъо бжъэпэплъыр псэхалІэ Тхъэ ешI,
Нышым ишцэрышІери хъами Тхъэ регъэш,
Сэтэнэе-гуашэри тыщрылІэ Тхъа ешI!
СыешхэкІо-ешъуакІоп сэ,
СылэгъунэкІолІэп,
Нартхэр зыщзэпекІоу,
ПекІор зыщаширэм гъогу лъапэ сыйфай!
– Нартхэр зыщзэпекІоу,
ПекІори зыщаширэр Іалэдж яунэжъ –
Унэ къебэ-нэб,
КІэсэныбэ кІэт,
Ай ыгупэ кІэтыр цуийм зэрафащ,
Зы темэн иІэшты, ухэускІытэн,
Іэкуандэ-дахэр тахътэм исышты, ащ укъильтъэгъун,
УукІытэжъын, Нарт Шэбатныкъу!
– Зы темэн сиІукІэмэ, сыхэускІытэнэу,
Зы хъабзыжъ слъэгъумэ, сиукІытэжъынэу,
Джырщым сиқъикІыгъэу
Нартым сиқъэкІуагъэп.
Мы Тхъам семыплъымэ,
Мы Іахъомбэ барыкъым о учІэзгъэшыни!
Шы кІэпщи щэогъур Дул-дулым къирехы,
Ибгъэшхъо ІаситІури ышъхъагъым щэфарзэ,
Ихъэ самыритІури бгъуитІум щэчэрэзы,
Ишы лъэгу къыкІэзырэр
КъопцІэ гъучІышыту ошъогум дефые,
Ишыпэбзыджын къикІырэм гъогу напцэр ылыгъоу
Шэбатныкъор макІо.
Іэкуандэ-дахэм чыжъэу къыштельтэгъу:
– Тянэу Сэтэнай, Сэтэнэе-гуаш,
Мыш зы шыу къэкІошты,
Ащ фэдэ шыу ори къэплъэгъугъэп,
Сэри слъэгъугъахэп,
Джырщым къимыкІыгъэмэ,
Нартым къихъухъагъэп!
А фэдэр пэтыныя,
Нарт Шэбатныкъо чэум къыдэхъагъ.
Іалэдж яунэжъым,
ПекІор зыщаширэм агу рагъэблэгъагъ.
Нартыжъхэр зэІукІи,
Нартыбжъэхэр къырати,

Шэбатныкъор рагъашъуи,
Нартыжъхэр фэуси,
Чэум дашЫыхъанэу къэблачъэхэр агъэпыти,
Нартыжъхэри Йууцуагъ.
Шэбатныкъор къэшэси,
Пчъэблыпкъыр къыхитхъи,
А темэнэу иЛэм шыплЛэмкЛэ хилъашъуи,
Пчъэблыпкъхэри хидзагъ:
– Іекуандэ ипсэлтыыхъухэм гъогу афэхъун! – ыЛуишъ,
Нартыжъхэри зэбгырифи,
Шэбатныкъори къэкЛожьыгъ.

ПЕСНЬ О НАРТЕ ШАБАТЫНУКЕ

Нарт Шабатнук,
Зло чей соперник,
Много дел свершающий,
<Других> всадников с кем не сравнивают это нарт Шабатынук!
По Тену <он> направляется,
По направленному <он> выезжает,
Пшиза, трудная для переправы, тебе до боков коня,
Твои два ремня стременных, ра, ты крест-накрест кладешь.
<Свои> три подпруги накрепко затягивает,
Трехкратный удар плетью Дуль-Дулю наносит,
Его два орла сизые ручные над головой кружатся,
Его две собаки-самыры по бокам вертятся,
На нартского пастуха коров-быков скоро налетает.
– Нартов пастух коров-быков,
Нартов пастух коров могучий, бох апщий! – говорит.
– Тот, кого мы не видим,
Тот, о ком рассказов мы наслышаны,
нарт Шабатнук, будь гостем! – отвечает.
Вот этот бык рыжий краснорогий – в честь тебя угощение,
Жирное самое в нем тебе на соус.
Сатанае-гуашу мы усадим тебе голову почесать!
– Твой бык рыжий краснорогий сам по себе пусть сдохнет,
Жирное самое в нем пусть волки съедят по воле Бога,
И Сатанае-гуаша пусть в родительском доме помрет!
Я не тот, кто до пиршеств охочий,
Я не муж, до чужих лагун охочий,
Мне нужно начало пути туда,
Где нарты собираются,
Где сборища свои устраивают!
– Там, где нарты собираются,
И где нарты сборища устраивают, это большой дом Аледжей;
Это дом перекошенный,
Со множеством опор,
У него первая опора – какую восемьоловов могут везти,
Там есть одна трясина, ты в ней оплошаешь,
Акуанда-красавица на тахте сидит, она увидит тебя,

И тебе будет неловко, нарт Шабатнук!

– Если я одну трясину повстречаю, и там чтобы я опозорился,
Если я одну суку старую увижу, то ее застесняюсь,

Из Джирща выехав,

В Нартию мне нечего было ехать.

Не побойся я этого Бога,

Я бы под большим и указательным пальцами заставил тебя
проползти!

Своей плети троекратный удар он Дуль-дулю наносит,

Его два орла ручных над его головой кружат,

Его две собаки-самыры по сторонам вертятся,

Те <комъя земли>, что из-под копыт его коня вылетают,

Цветом черные, железоподобные, в небо взметаются,

Тем, что вырывается из ноздрей его коня, края дороги опаляя,

Шабатныко едет.

Акуанда-красавица его издали замечает:

– Мать наша Сатанае, Сатанае-гуаш,

Сюда один всадник едет

Подобного ему всадника и ты не видала,

И я не видала,

Если он не из Джырща приехал,

В Нартии такой не рождался!

Пока это происходило,

Нарт Шабатныко в ворота въехал.

В дом большой Аледжей,

Где сборище устраивают, во двор его приглашают.

Нарты могучие сошлись и...

Нартскую чашу ему подали,

Шабатныко напоили,

Нарты могучие

Все ходы вокруг укрепили и...

Нарты могучие стали напротив.

Шабатныко сел на коня и...

Столб у входа вырвал,

В ту трясину, что там была, на коне своем втащил и...

Туда столб входной швырнул:

– Женихам Акуанды это станет дорогой! – сказал,

Нартов могучих разогнал и...

Шабатныко возвратился.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7.
Т. III. С. 83–85. Исп. Асланчери Акушев: 1886 г.р., а. Егерухай
Адыгей; егерукай. Зап. 23.07.1961 г. С. Аутлева. Перевод на русский
язык А. Гутова.

Джирщ (*Джырщ*) – эпический топоним, встречается только
в данном варианте; в других записях чаще упоминается Чинтия.

18. НАРТ ШЭБАТЫНЫКЬУ

Нарт Шэбатыныкъу,
Шэбатыныкъопц,
Хъэгъу-фэхъу бэшI,
Хъафыншэ шыу!
Нарты къырэгъуазэ,
Гъуазэ къырыдэ'ы,
Пшызэжъ ии'ыгъохэр
Шыщэпэс фэмыхъу,
Хъоу кIoцIыхэр къырикIуи,
Нарт ящемахъо зыкъыIуигъя'i,
Ахъретыкъо зыфишIыгъ.

Шэмахъор:

— Сиахъретыкъоу, сикъо 'аси,
Укъызепсых э сицу гъэрхъур сихъа'эныш,
Сищырмыщэу си'адэр къэсыушхъэсын,
Сифыгу щалтэ пластэ фыдэссышIын,
Ситэнэ шьогурыр щыпсы фыдэсшIын!

Шэбатыныкъу:

— Уицу гъэрхъухэр хъалэлэу оуеI,
Уищырмыщэу уи'адэр хъалэлэу иошъу,
Уитэнэ шьогурхэр хъалэлэу ошх!
Сыешхэ-ешъуакIоп,
СыжъэгокIо лIэп,
Iалэдж яунэр силъэгъунэу
Гъогу лъапэ сифаеу сицъыIухъагъ.

Шэмахъор:

— Iалэдж яунэр унэ плIэIу,
Унэ фыжъы 'ыхъ,
Унэ къебэ-неб,
'эсэныбэ 'эт,
ИпэIулъашто шыбгъэлыбэм къызэлъынэс,
Iэкуандэ шьашъэу исышты,
Бажъэм зыргээзы,
Тыжыным къырышIэ'ы,
'ыгъунитIоу иIэм дышъэр яблэрыпс,
Псэлтыхъо шьаомэ шьашIупэр аутагъ.
Псынжъым узхахъэ',
Уифэрэ псыгъор хэускIутэн,
Iэкуандэ-дахэр плъегъумэ,
УуГ'ытэжъынба,
Сиахъретыкъоу, сикъо 'аси!

Шэбатыныкъу:

— Нартмэ ящемахъу,
Шэмэхъожъ дел,
Зы псынжъы сыхахъэмэ,

Сифэрэ псыгъор хэускIутэнэу,
Зы хъабз слъэгъумэ, сыу'ытэжынэу
Кытэм сыкъи'эу
Нарты сыкъэкIуя?
Ахъретыкъом семыплтыгъаемэ,
Иэхъомбэшхо бэрмакъым удээгъэ'ыни!
Губжъыгъэу къэшэсъжьи,
Шъхъам зиутIэбгъоу,
Дэнэ 'эпщ бгъузэр шы ныбэм къырифэ'и,
Шы лъэгум къыгЧээрэ ошъогум щыфэрэзэу,
Къызехыж'э шIышхъэр тыриутэу,
Шым Iупсэу къыIукIырэр
Щэтырэу уцоу,
Ибгъэшхъо Iасэр ышхъагъы щыфарзэу,
Ихъэ самритПур ибгъу'э щыщэрэзэу,
Хъэм къыхигъэшъутырэр бгъэм ригъэубытэу,
Бгъэм къыхигъэшъутырэр хъэм ригъэубытэу
Шэбатыныкъор къыIукIыжыгъ.
Къоу-къопкI зыкъишIэу,
Щэндакъым исэу
[Пэкуандэм Шэбатыныкъор]
Щыжъэу къышелъэгъу.

Іэкуандэр:
– Тянэу Сэтэнэе-гуаш,
ШуцIагъэ горэ сэлъэгъушь,
Дзэ'э спIома'и,
Хъа'э'э спIобаIу,
ШхыншIэшым шIахъэри,
Мыфебэ-мышыIэу къызэтегъэпсыхь!....
Сэтэнае ыIэлджэнашьо къыдегъэчэрэз,
БIльэпашьо дегъэчэрэзэе,
ШхыншIэшым кIуи,
Мыфебэ-мышыIэу зэтыргэпсыхъэ,
Ащ нэсы'э Шэбатыныкъо
Къоу-къопкIы зыкъишIэу нартымэ къалъэгъу.

Нартхэр:
– ШуцIагъэр тэлэгъушь,
Дзэ'э тшIома'и,
Хъа'э'э къытфакIомэ,
ПэIошхъарыхы'э тыпэжъугъэгъо'и,
А'э тызмыхъу'э –
Чэтэ ихыгъэ'э текIолIэжын...
Шэбатыныкъо къынэсигь –
Сэрэяппшэм Iухьи,
Чэуашэ блыпкъитIур хилъэшъуи:
– СэрэекIо шъаоми лъэмыхы афэхъун, – ыIуи,
Псынжъым хидзи къызегъэзэжъым,
Нартыхэр къыпэзэрэгъохи:
– Тихъа'эу ти'аси,

Укъызепсыхы'э –

Тицугъо бжъэпэлъыр тихъэ'эныш,
Тигъэльэхъу пщэрый къурмэн пфэтшЫн!
Ти-Іэкуандэ-дахэр пшъхъэм хэдгъэуІон...
– Шъуицугъо бжъэпэлъэр шъуихъадэуси,
Шъуигъэлъэхъу пщэр хадэ'э ишъохи,
Шъуй-Іэкондэ-дахэр шъуиунэ елПыхь!
Сыешхэ-ешъуакІоп,
СылэгъунэкІо шъаоп,
Лыхъу дэжъэгогъу сыфае'э Чыт сыкъи'и
Нарт сыкъэкІуагъэшь,
Нарт язэукІапІэ къысэжъугъэлъэгъу!

Нартхэмэ Іалэдж яунэ къызырагъэлъэгъум, шым зэрэtesэу
пчэу иЫгъыр щагум дисагъ. Хя'эщим ибзэкуаль э зыгорэм
зыПуехым, ылъэ'апІэ ыгъэ'эзызыгъ, нэбзыцыр ыгъэупІэПагъ.
Ичатэ пкъэужьием зыпалъэми – емыПыгъ!

– Сибысымхэр, сичатэ игъэПылъыжыпІэ згъэПылъыжын,
разэ шъухъумэ, – ыПуи, ыбгы рилъхъажы, тПысыжыгъ.

Пчэу шИсаагъэр нартымэ къафы'эчыгъэп. Саусырыкъо хъор-
шэerti, егъутхылІи, ыгъэсиси къы'ичыгъ. Пчыр унэм зырахъэм,
Шэбатыныкъо губжъи къежъэжыгъ.

Іэкуандэ ятэ Іалэдж:

– Зэ маржь, сихъа'э къезгъэгъазэрэм Іэкуандэ естьн, – зеІом,
Саусырыкъо хъор-шэerti, къылъежы:

– Тихъа'эу ти'ас, къызыбгъазэ'э Іэкуандэ къысатыштышь,
къэбгъэзэн'э сиользІу, – зеІом:

– Хъун! – ыПуи, къыригъэгъэзагъ.

Ар нартхэмэ къызальэгъум:

– Тихъа'э къыгъэзагъэшь – зы гушІуагъо. Махъуль этиІэшь –
гушІогъуитІу! – заІом:

– Хэт махъуль э згъотыгъэр? – ыПуи Орзэмэдж къяупшЫгъ.

– Саусырыкъу! – раІуагъ.

– Хэты иджаурхэ' махъуль э згъотыгъэр! Нартхэмэ
шъуилПэуж кІодыгъагъа, сидэу шъуашыщ горэ шъумыгъакІуи! –
къариІуагъ.

Шэбатыныкъо унэм зехъэжым яупшЫгъ:

– Сид лыхъужь гъеунэфыкІэу шъуиІэр? – ыПуи.

Нартхэмэ унэ джэхашъом аштрамыр къытратакъуи, лъапцІэ
зашЫы, Ѣыпсыр ашъхъэ тетэу техъэхи, Шэбатыныкъор ахэтэу
къашъохээ, аштрамыр хъаджыгъэ трашЫхъагъ. Шэбатыныкъо
унэм шІэлэгъуалэу итыр къыригъэ'и, лы ныбжы'эу итыр
шІуи'и, Орзэмэдж 'ыб шъхъэнэгъуушэм'э и'ыжъэ, зылъэІабэм,
ыцэгэнэлъищ зэпи 'ыгъ.

Іэкуандэ ятэр Іалэдж Орзэмэдж нахь, Чылэхъстанэп.

НАРТ ШАБАТЫНУК

Нарт Шабатынук,
Шабатынукуопи,
Соперников много наживающий,

Ни у кого не одолживающий наездник,
В сторону Нартии направляющийся,
По знакам направление выбирающий,
Птицы могучей переправы трудные
Ему до боков коня не достают,
По речным долинам едучи,
Повстречал он нартского коровьего пастуха,
Сделался ему ахратуком [приемным сыном].

Коровий пастух:

— Мой ахратуко, мой сын любезный,
Если здесь спешишься, годовалый *<бык>* тебе угощением
<будет>,
Не пожалев, я свою кадку *<хмельного напитка>* открою,
Из *<целого>* ведра проса пасты тебе приготовлю,
Моего бычка пестрого на соус пущу!

Шабатынук:

— Пусть твой бык откормленный на радость тебе остается,
Твою кадку *<хмельного напитка>* пусть на радость ты сам
выпьешь,
Твоего бычка пестрого на радость пусть ты съешь!
Я не искатель еды-питья,
Я не муж, ищущий веселья,
Аледжей дом — моя забота —
В поисках дороги к нему я к тебе явился.

Коровий пастух:

Аледжей дом — дом плечистый,
Дом белый длинный,
Дом покосившийся,
Много опор имеющий,
Его ограда до груди коню достает.
Там Акуанда в девушках сидит и
Лисице *<подобно>* она поворачивается,
Серебром она увешена (*букв.: от серебра ломится*),
По сторонам ее золотые цепочки,
Женихи ее перед домом землю замесили,
В грязь *<этую>* войдешь, и
Твоя фара тонкая там завязнет.
Ты же оробеешь тогда,
Мой ахратыко, мой сын любезный!

Шабатынук:

— *<Эй ты,>* нартов коровий пастух,
Коровий пастух глупый,
Чтобы попав в одну лужу,
Мой фара тонкий увяз,
Чтобы одну потаскую увидев, я оробел,
Разве я из Китии [*Чинтии*] выйдя,
В Нартию явился?

Не посчитайся я с ахратыко,
Заставил бы тебя под большим и указательным пальцами
проползти!

<Шабатынук>сел на коня рассерженный,
Шелковой узкой плетью по боку коня хлестнул и,
То, что вылетало из-под копыт коня, поднималось в небо,
А при падении разрушало поверхность земли,
Пена, что падала изо рта коня,
Шатром вставала,
Его серые орлы прирученные над ним кружили,
Его собаки борзые по сторонам его рыщут,
Что собаки выгонят, на тех орлов он напускает,
Что орлы выгонят, на тех собак напускает –
<Вот так> Шабатыныко оттуда уехал.
Собою любуюсь-красуюсь,
Восседая, на балконе сидя,
<Акуанда нарта Шабатынука>
Издали примечает.

Акуанда:

– Мать наша, Сатанае-гуаш,
Что-то темное я примечаю –
Чтобы быть войском, мне кажется маловато,
Чтобы быть <компанией> гостей, мне кажется многовато.
Сатанае в кухонную комнату уходит,
Одевается не для жары и не для холода,
Рукава свои закатывает,
Штаны свои закатывает,
За приготовление еды принимается и
Готовит не горячее – не остывшее.
А пока это делается, Шабатынука,
Едущего- скачущего нарты замечают.

Нарты:

– Что-то темное мы видим,
Чтобы быть войском нам кажется маловатым,
Если это гости едут к нам,
С обнаженными головами встретим их,
А если этим не сумеем <расположить к себе>,
С обнаженными мечами подступимся...
Шабатыныко прибыл к ним:
К крепостным воротам подступился,
Две боковые стойки вырвал и...
– Приходящим в крепость мостом послужит, – сказал и
В лужу швырнув, когда повернул назад...
Нарты навстречу ему высыпали:
– Наш гость, нам дорогой,
Если ты у нас спешишься,
Наш бык рыжий с красными рогами – *наш гостевой ныш*,
Наш валух жирный в твою честь жертва,
Нашу Акуанду прекрасную <приставим> тебе голову расчесать.

Ваш бык рыжий с красными рогами вам поминальной пищей
<пусть будет>,
Ваш валух жирный сам пусть сдохнет,
Ваша Акуанда прекрасная в своем доме пусть состарится
(букв.: *помрет*).

Я не искатель еды-питья,
Я юноша, охочий до лагуны,
В поисках мужа доблестного достойного я из Читии явился и
В Нартию прибыл.

Укажите мне, где у нартов место встреч!

Когда указали ему дом Аледжей, он, сидя на коне, свое копье воткнул в землю посреди двора. Когда в хаченце кто-то взял у него колчан с луком и стрелами, у того колени задрожали, веки захлопнули. И когда его меч на опору повесили, она не выдержала!

— Хозяева мои, повешу-ка я свой меч на его место, если вы согласны, — сказал он, повесил меч на свой пояс и присел.

Копье, что он воткнул, нарты не смогли выдернуть. Саусырыко ушлый был, он помочился под древком, расшатал и выдернул. Когда копье внесли в дом, Шабатынук рассердился и уехал.

Аледж, отец Акуанды:

— Постойте, *мардж*, кто сумеет вернуть моего гостя, за того выдам Акуанду, — когда он так сказал, Саусырыко ведь ушлый был, пустился вслед *<за>* Шабатынуком:

— Гость наш дорогой нам, если ты повернешь назад, за меня выдадут Акуанду, и поэтому я прошу тебя вернуться. — Когда он так сказал...

— Хорошо, — сказал тот и повернулся назад.

Когда нарты увидали это...

— Наш гость возвращается, — это одна радость, мы обрели зятя, — это вторая радость, — заявили они.

— Кого я обрел зятем? — спросил у них Орзамедж.

— Саусырук! — ответили ему.

— Чьего же гяура я обрел в зятья! Разве же у вас нартов род пресекся, что не нашли из своей среды никого! — сказал он им.

Шабатынук, войдя в дом, спросил:

— Какие у вас есть способы испытания мужества?

Нарты посыпали середину комнаты водяными орехами, разулись, вышли на круг и вместе с Шабатынуком плясали, пока не истолкли *водяные орехи* в муку. Шабатынук выпустил всю молодежь, те, что повзрослев, сами выбежали. А Орзамедж хотел через окно вылезть, и когда *<Шабатынук>* схватил его, он сломал тому три ребра.

<Вот так,> отцом Акуанды является Аледж Орзамедж, но не Чилахстан.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7.
Т. III. С. 116–120. Исп. Исмаил Кубаев: 1876 г.р., а. Хакуринохабль
Адыгеи; абадзех. Зап. 12.02.1935 г. И. Цей. Перевод на русский
язык А. Гутова.

Шабатынукопш (*Шэбатыныкъопш*) – формант *-пш*, является корнем слова *пши*, букв.: князь. Однако оно полисемично и может означать владетель, глава, предводитель. В данном случае наиболее близко последнее из приведенных значений. Поэтому устойчиво маркирующий компонент в имени данного героя следует понимать не как обозначение сословно-классовой принадлежности, а как указание на его статус в воинской иерархии.

Ахратуко (*ахэрэтыкъо*) – букв.: *ахэрэт* – загробный мир, *-къо* – сын – приемный сын, который был призван в загробном мире стать заступником за мужчину, не породившего своего сына.

«...наш гостевой ныш» – при приеме важного гостя полагалось в его честь зарезать жертвенное животное, *ныш*, а в свидетельство того, что было принесено именно по данному случаю, на стол в свое время подавалась правая половина головы жертвы.

Мардж (*маржэ*) – междометие со значением призыва.

Гяур (*джсаур*) – иноверец; здесь слово употреблено в значении бесчестный, неверный, недостойный.

Водяной орех (*аштрам*) – плод кустарникового растения с твердой скорлупой, имеющей острые шипы.

19. НАРТ ШЭБАТНЫКЬО ІАЛЭДЖ ЯУНЭЖЬ КЪЫЗЭРЭКІУАГЬЭР

Іалэдж яунэжъ Пицьщэ Іушъо Іутыгъ. Хъураеу къэтіахъыгъэу щыт зытетыгъэ чыпіэр.

Іалэджмэ Сэтэнае яшъэшъагъ. Ар пшъэшъэ дахэтыгъ. Псэлъыхъо бэу илагъ.

Нарт Шэбатныкъо чыртэ Ѣылагъ. Ар чыжъагъэ, ало. Аш къикї Сэтэнае дэжь псэлъыхъо къакїогъагъ. Къакїозэ ячэмахъо къылукїэгъагъ.

– Бэхъу апи! – риуагъ. – Іалэдж яунэжъ сэгъэлъэгъу! – ыуагъ.

Чэмахъоми:

– Еблагъ, тихъакїэ, – ыуагъ. – Сэнэф кїадэр фэтэушъхасын, цугъо бжъэпэлъэр фэтыкуын.

Нарт яунэжъ унэ Іубэ-Іущ,

Унэ фыжъ кїахъ,

Клэсэныбэ кїэт,

ПэІулъашъоу Іулъэр шы бгъэлыбэм къэсы,

Чэупчъэшкомджэ укїомэ –

Псэлъыхъомэ аутагъэм уифарэ хэускїутэн,

Чэупчъэжъемджэ укїомэ –

Іэкуандэр плъэгъумэ уукїйтэжъын!

Мэлым ишшэрэр Ѣыпсыхъэджэ кїыгъоу,

Іэкондэ-дахэр уакїыб къетіхъузэ удгъэчъыен,

Къеблагъ, – ыуагъ.

– Нарт ячэмахъу, – ыуагъ, –

Нарт яхъажъы къылъфыгъ,

Сыешко-ешшъуакїоп,

Сыджэгок! Шыоп!
Псыжъ лъапэ слъэгъумэ,
Сифарэ хэуск! Утэжъынэу,
Зы хъабз слъэгъумэ, сыук! Йытэжъынэу
Чырты сыкъик! Нарт сыкъэк! Уаагъэп!
Іэкуандэм ар чыжъэджэ къызелъэгъум, янэ ри! Уаагъ:
– Зы шыу гъэш! Эгъон къак! О! К! Эко зэпедзэк! Унэм къиш,
щынаут хафэри жъугъэхъазыр, – й! Уаагъ.
Нартхэр ешьоу санэм зэхэсигъэхти, Шэбатныкъо рагъэб-
лагъи, Іэкондэ-дахэм щынаут зыхэлт бжъэр къыритыгъ. Ришъугъ
итэр. Зэрыт къамлыбжъэр ык! Йыбджэ зэридзэк! Йыгъ.
Іалэдж яунэжъ як! О! Пэ шыыпкъэу, Йофэу аш! Этмэ ашытегу-
ща! Этыгъэх, зэуак! Охэр агъесетыгъэх, хъак! Эш шъхъя! Еу нартхэм
я! Аагъ.
Нарт Йашъхъэхэр Новороссийскэ щегъэжъагъэу Пшизэ,
Пшищэ Йушъохэр къырык! Оу Гиагинскэм ылъэнныкъоджэ мак! О.
Адыгэхэр нартымэ къатек! Йыгъэхэу, абзи тэ тыбзэ дэдэр
арыгъэу а! О.

КАК ШАБАТНЫКО ПРИЕЗЖАЛ В СТАРЫЙ ДОМ АЛЕДЖЕЙ

Старый дом Аледжей стоял на берегу Пшища. Место, где он стоял, было кругом окопано <рвом>. Сатанае была дочерью Аледжа. Она была красавица. К ней сваталось много женихов.

Нарт Шабатныко был [жил – ?] в Чиртии. Говорят, это было далеко. Оттуда он прибыл и явился свататься к Сатанае. Едучи, он повстречал их пастуха коров.

– Бах-апщи! – приветствовал он. – Покажи мне старый дом Аледжей! – сказал.

Пастух коров <ответил>:

– Добро пожаловать, гость наш, – сказал. – <Мы в твою честь>
кадку белого сано откроем, быка рыжего краснорогого забьем.

Нартский старый дом – дом широкий кособокий,
Дом белый длинный.

С многими подпорками,
Перед ним ограда до груди коня достает.

Если через большие ворота пойдешь,
<Там>, где женихи <трясину> взбили, твой фара завязнет,
Если через малые ворота пойдешь,
Акуанду увидев, оробеешь!

... Самую жирную овцу мы тебе на соус добавим,

Акуанду прекрасную тебе спину чесать дадим – вот так спать уложим,

Добро пожаловать, – сказал.

– Нартов пастух коровий, – сказал <Шабатныко>, –

Нартов собакой старой рожденный,

Я не искатель еды-питья,

Я не всадник, ищущий развлечений!

<Чтобы> Псыжа протоку завидев,

Мой фара завяз,
<Чтобы> одну потаскуху увидев, я заробел –
Не таким я из Чиртии выехав, в Нартию явился!
Когда Акуанда его издали увидела, она сказала своей матери:
– <Там> один дивный всадник едет! Выстели перед ним бурки, введи в дом, да и сильного яду приготовьте, – сказала.

Нарты сидели и пили сано, они приняли Шабатныко, и Аконда прекрасная поднесла ему чашу с ядом. Он содержимое выпил, а саму чашу за спину [через голову] перебросил.

Аледжей старый дом был у нартов излюбленным местом сбороищ, там они свои дела решали, воинов [юношей] <воинскому искусству> обучали, как хачец держали. Нартские курганы тянутся от Новороссийска по Пшизе и Пшищу в сторону Гиагинской.

Говорят, что адиги произошли от нартов и что у них язык был тот же, что и наш.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 168–169. Исп. Тугуруг Хутыз и Нух Мугу: а. Джиджихабль Адыгей; бжедуги. Зап. 12.01.1957 г. Ш. Хут. Перевод на русский язык А. Готова.

20. ШЭБАТНЫКЬО НАРТЫ КЪЭЗЭРЭКІУАГЪЭМРЭ САУСЫРЫКЬО КЪЫЗЭРЭРИГЪЭЩАГЪЭМРЭ

Нартымэ ялъэкъогъу,
Хъагъу-фыгъу бэшI,
ЯбгэрышIы хъаф,
Хъафынчэ шыу,
Баджэм къырэгъуазэ,
Цызэм къырэдэкIы,
Пшызэ икIыгъончэ ишычэпэпс,
Фэрэ псыгъоу зытесыр
КопкъитIукIэ ефызы,
Изыгужь нэкIым къыриутIокIагъэу нартымэ ячемахъо чэлым
къыкIэкIыгъэу къыкIэкIэлъэгъуагъ.

– Уеблагъэ тшIоигъу, сихъакIэ! – ныом ыIуагъ.

– Бэу себлэгъэн, тянэжъ, лъэгъун сиI! – ыIуагъ.

Шым зыригъэлъэтэхи, Шэбатныкъо ныом ыбыдзышъхитIу,
ыкIыбыдже щагъети, «сыуян, сыуят!» ыIуи зыIуилъхагъ.

Чэлым ригъэблагъи Шэбатныкъо ныом къэбарым хэхъагъэх:

– Тянэжъ-гуаш, – ыIуагъ, –

СыхъэкIэ гъозадж,

Чырты сыкъэкIыгъ,

Нартымэ яунэ сыцыгъозадж,

Сыбгъэгъуазэ спIоигъу!

– Шъыдым сигъэшIэн, нынэ?

Нартымэ сырячэмажъу сэ,
Чәшәу сыкъыдәкІы,
Чәшәу сыдәхъажы,
АІоу зәхәсхыгъэр мы чIапIэм щыосIон!
Нартымэ яунә мы тхым узыдәкIәу,
Зы щәджәгъуакIо бгым удәкIуаемә къепIәкIәлъегъот,
Унә къебә-наб,
КIәсәныбә кIэт,
КIәсәнәу кIэтэр цуи[й]мә зәрафаш,
ПсәлъыхъокIо шъаомә
Къэлапчъэм идәхъагъу IуаупсыжъыкIыгъ,
Уиши хәускIытәу ущыукIытәжынджә
Бәү чыпIә бзадж, – ыIуагъ ныом.
– Тхъэм семышльәу,
Быдзыщәм семынәгуемә,
Iахъомбәшко бәрмакъым учIәзгъәплъыни, – ыIуагъ Шәбат-
ныкъо. –
Зы псыжъым сырихъылIэмә сишәр хәджәрдәнәу,
Зы хъабз слъэгъумә сыукIытәжынәу
Чырты сыкъекIыгъәп!
Изыгужъ нәкIым къышыреузакIә,
ИлъэрыйгъәпситIор къышызәбледзы,
Ихъә къыхигъәштәр
Ибгъә регъәубыты,
ХъапаниитIор чIылъэм щәпәразә,
Бгъәшхъо IәситIумә, о, къалъэрәзахы,
Шәу зытесым
Къэтуанәм къэсәу чы гъугъэр пхыретхъу,
Иш пәбзыджынитIу къырихырәм
Гъогу нәпцитIор елыгъо,
Iәкуандә щэндакъым исти,
Чыжъәджә Шәбатныкъо къельәгъу.
– Тянәу Сэтәнай! Зы шыу къакIошъ, Чырты къэмымкIыгъәмә,
фәдә Нарты имыс! Шкынәу ебгъәшкытәр мыфәбә-мычъыIәу къы-
фәухъазыр! Хъазырәу тыфәхъумә, гъомылапхъәдҗә тымыгъәу-
кIытәмә, тыритәкъуахыын!
– Зигугъу къәпшIыгъәмдҗә, си Iәкуанд, – ыIуагъ, аш пае
укъэмымукит, укъэмымыцын!
Сэтәнай-гуашәм Iәлдҗәнә фыжыитIор дегъәчъәрәзе,
ЛъэкIәпә фыжыитIори а чIапIэм егъәлъәразә,
ШкыннышIәшцым макIо,
Цугъо бжъәпәплъэр икъурмәнүпхъәу,
Гъәлъәхъум иппәрәр иIәпәщыпсәу
А чIапIэм щеухъазыры.
Хъазыры зыщыхъуным,
Шәбатныкъо нәсы,
Къэләпчъә сәраим шыбгъәдҗә еуцуалIә,
Iәконда-гуашәр ипапышитIумә псынкIәу къарәуцо,
Щэндакъ лъапсәм псынкIәу къеуцохы,
Ежъ икIыгъуитIу,
Ежъ нахъ мыIаеу щагум къыднәсых.

– Уеблагъэ тшIоигъу, Шэбатныкъу! – eIo Іэкуандэ, –
Тхъэм тигъехъумэ, удгъатхъэ тшIоигъу!
Цугъо бжъепэпльэр уикъурмэншыпхъ,
Гъэлъехъум иппэрэр уиIэпэшыпс,
Анае ялыгъэу,
Къэлъшъхъэ зэрынэу цыф зэрытымыгъахъэрэм
Уиши щыдгъехъущт!

– Уицугъо бжъепэпль, – eIo Шэбатныкъо, –
Тыгъужъым ерэлI,
Уигъэлъехъу Іэпэшыпсы цыгъор хэлIахь,
Сыешкэ-ешъолIэп,
Сышыу джэгулIы нахь.
Чьэрэу бзэжь шIагъор къызэтырекъузэшь,
Къэлэпчъэ сэраер шыбгъэджэ екъутэ.

– Іэкуандэ, – ыIуагъ Шэбатныкъо, – псэлтыхъокIо шъаомэ
уикъэлапчъэ идэхъагъу IуаупсынжъыкIыгъ аIуагъешь, лъэмы-
джэр афыхалъхъ, къырыдэгъахъэх. Нартымэ язэIукIэ Шэбатныкъо
къыфеузэнкIыжы. Нартэу зэIукIагъэхэмэ шыор къызалъэгъум,
плъакIоу яIэм:

– Нартэу зэIукIагъэхэр! – eIo, унэм ехъешь, –
Шъуезэрыгъашкэх,
Шъуезэрыгъашъохэшь шъузэхэс,
Зы шыу горэ къакIо шъхьай,
Чэрты къимыкIыгъэмэ,
Фэдэ Нарты исэп!
Зэдэлъэгоджэмышъхъэу,
ЗэдэпэIo шъхъэрыхъу шъупэмымыгъокIымэ,
Хъалачэ шъуригъэфэт, – ареIo нартэу зэIукIагъэмэ.

Нартэу зэIукIагъэхэр зэдэлъэгоджэмышъхъэу, зэдэпэIo
шъхъарыхъу къыпэгъокIыгъэх. Къэлапчъэр псыкIэу фыIуахышь,
дагъахъэ. Шым епсыхи, шышIоIум иш ращэIагь.

Сэгъындакъэу ыIыгъэр хэгъырэим зыратым, ыIльэкIапIэ
ыгъэхъурзэзагъ. Унэм рахьи пкъэужъием зыпалъэм, пкъэужъьеер
къырикIыкIэхыгъ. Пхъотэрим зытралъхъэм, пхъотэрэр зэгуикIыгъ.

– Мышт игъэIыттыпIэ бэу мэкIэ дэд, – ыIуи,
Шэбатныкъо къышти ежь зыгуилхъажыгъ,
Аштрамэр къахьи унэм къыратэкъуагь,
ЦокъитIор зыщигъэпкIи,
Ианэр ышъхъэ тыригъэуцуи,
Ианэр бгык'ум зеуалIэджэ,
Бгыкъо къефэхы,
Къашъоу къызытефэрэм,
Зыблышкъ зэпиутрэр ункIыбым ралъашъокIы.

ИтIуанэ зэдэлъэгоджэмышъхъэху, нартэу зэIукIагъэхэр зэдэ-
пэIo шъхъарыхъу къельэIух шэбатныкъо:

– Ныбжырэ зэIукIапIэу унэжъэр къытэмыкъутэжь!
Шэбатныкъо агъэукиIити, къахэкIыжы къежъэжыгъ.

Іэкуандэм ятэу Чылэхъстэнү унашьо ышЫгъ:

– Мы лІэу ежъэжыгъэм, ымыгъеукЫтэу, щынагъоджэ къезгъэгъазэрэм сипшъашъэу Іэкондэ-гуашэр естьн, – ыІоешть.

Саусэрыкъю а ЧыпІэм рихылІагъеу щыІети:

– Сэ къезгъэгъээт! – ыІуагъ. Къылъежъагъ.

Саусэрыкъю зельэум, Шэбатныкъю къэуцолІагъ.

– Шъыд уилъэгъун? – ыІуи Шэбатныкъю Саусэрыкъю еупчЫгъ.

– Мы Іэгум къэбгъазэу зэ укъыдэхъажы шІоигъу! – ыІуагъ Саусэрыкъю.

– Шъыд адэ ар зытехъуахырэр? – ыІуагъ Шэбатныкъю.

– Сэрыджэ джэуап ухъут, оырджэ былым сэгъоты, укъычыуکЫтэ спІоигъу!

– Шъыда сызэрэфэхъутэр?

– Нарт Чылэхъыстэнү Іэмыр ышЫгъ: «Къезгъэгъазэрэм сипшъашъэ естьн!» ыІуишь.

– Ай фэдэ кІуакІэджэ укъысфэмыкІожь! – ыІуагъ Шэбатныкъю. Къыгъэзагъ итІуанэ, Іэгум дицэжьыгъ.

– Іэкуандэ къашэ, – Саусэрыкъю Чылэхъыстэнү риІуагъ.

– КъэбгъэуکЫтагъ нахь, мы лІэр бгъэшынагъэп, щынагъоджэ къебгъэгъэзагъэп, – ыІуагъ Чылэхъыстэнү. – Іэкуандэ остыжьытэп!

Шэбатныкъю а чыпІэм щыгубжи, Іэкуандэ къаригъащи, Саусырыкъю къыраригъэтыгъ.

КАК ШАБАТНЫКО ПРИЕЗЖАЛ В НАРТИЮ И КАК ОН ЖЕНИЛ <НАРТА> САУСЫРЫКО

Нартского роду,
Много свершающий,
Суровости подмога,
В долг не берущий наездник,
На лисицу глядя, путь выбирает,
На белку глядя, в путь выезжает,
Пшиза, что броду не имеет, ему по бока коня,
Фару тонкую, на которой сидит,
Бедрами <своими> сжимает...

В пустынную степь выехав, приметил он вышедшую из шатра нартскую пастушку коров.

– Я буду рада, если ты пожалуешь ко мне, гость мой! – сказала старуха.

– С охотой пожалую, мать наша старая [добрая], у меня забота есть, – ответил <он>.

Соскочил Шабатныко с коня и со словами «ты моя мать, ты мой отец» приложился к грудям старухи, которые были перекинуты через плечи на спину.

Пригласила его в шатер старуха, и они пустились в хабары.

– Мать наша старая гуаш, – сказал он,

Я гость имеющий заботу,

Я из Чиртии прибыл,
В дом нартов я озабоченный пришел,
Если направишь меня, буду рад!
— Кто мне даст знать, сын мой?
Я у нартов пастушка,
Затемно выхожу,
Затемно возвращаюсь,
А что из рассказов слышала в этой местности, тебе поведаю!
Нартов дом — если по этому хребту пойдешь,
И путь полуденный проедешь, ты приметишь.
Это дом покосившийся,
С многими опорами,
И опоры такие, что <одну> восемь волов <только> могут
вытянуть.

Парни-женихи приезжающие
У ворот в крепость <грязь> взили.
Если твой конь оплошает, сам можешь опозориться, —
Такое это место коварное, — сказала старуха.
— Не побоялся бы я Бога,
Не посчитался бы я с тем, что пил грудное молоко,
Я бы тебя заставил под большим пальцем проползти! — сказал
Шабатыныко. —

Разве мой конь, в одну реку войдя, там споткнется,
Разве одну суку увидав, я оробею, —
Не для того я из Чиртии приехал!
По степи пустынной он коня правит,
Стремянные ремни он крест-накрест кладет,
То, что его собаки вспугнут,
Его орлам он дает поймать,
Две собаки борзые по земле рыщут,
Два орла сизых ручных, о, <над ним> кружатся,
Конь, на котором он сидит,
По самое брюхо землю высохшую роет,
То, что из ноздрей его коня пышет,
Две брови дороги опаляет.

— Мать наша Сатанай! Сюда один всадник едет: если он не из Чиртии явился, то в Нартии такого нет! Угощение, которым ты будешь его потчевать, приготовь негорячее-неколодное. Если мы сумеем подготовиться, если гомылой не оплошаем, то он нас рассеет.

— Тот, о ком ты рассказала, моя Акуанд, — сказала <Сатанай>, — из-за этого не стесняйся, не бойся!

Сатанай-гуаша засучивает белые рукава,
Ногами белыми там вращает,
На кухню идет,
Рыжий бык краснорогий ее жертвенное животное,
Из валухов самый жирный ее соукс,
Там она это готовит, и
Когда это должно быть готово,
Шабатыныко прибывает,
Против крепостной стены он грудью коня становится,

Акуанда-гуаша быстро становится в свои папыщи,
С высоты балкона быстро спускается,
А вместе с нею двое,
Не хуже ее самой с нею во двор выходят.

— Мы рады твоему приезду, Шабатнук! — говорит Акуанда, —
Если Бог нам позволит, нам было бы приятно тебя угостить!
Бык рыжий краснорогий — твое жертвенное животное,
Из валухов самый жирный — твой соус,
<Поле> кленами окруженнное,
Где <травы> катль корень растет и куда мы людей не пускаем,
Твоего коня пустим пастись!

— Твой бык рыжий краснорогий, — отвечает Шабатныко, —
Пусть волк заест,
В твоем соусе из жира валуха пусть мышь сдохнет,
Я не муж, любящий пиршства,
А я всадник, любящий забавы <богатырские>.

...Мощный лук свой он вскидывает,
Крепостные ворота грудью коня выбивает.

— Акуанда, — сказал Шабатныко, — сказали, будто парни-
женики истоптали вход в твою крепость, поэтому сделай-ка им
мост, чтобы они могли по нему к тебе въехать.

К сборищу нартов Шабатныко поворачивает. У тех нартов
собравшихся сторожевой был, и он, увидев того всадника:

— Нарты, собравшиеся! — говорит, войдя в дом, —
Вы спорите,
Вы пиршествуете, сидите,
А вот едет какой-то всадник,
Если он не из Чартии,
То такого в Нартии нет!
Если все вместе на колени упав,
Если все вместе шапки сняв, не встретите его,
Он вас в беду ввергнет, — говорит он нартам собравшимся.

Нарты собравшиеся вместе на колени став, вместе шапки
сняв, вышли ему навстречу. Ворота в крепость быстро растворили
ему и впустили его.

Сошел он с коня, и коня его подвели к коновязи. Когда
сагайдак, что он держал, подали хагирею, у того коленки
подкосились. Внесли его в дом, и когда повесили на столбик,
столбик тот сломался. Когда положили на сундук, он сундук
развалил.

— Мест, надежных, чтобы его положить, очень мало, — сказал,
Шабатныко взял и на себя повесил,
...принесли и по комнате рассыпали.
<Шабатнук> скинул свою обувь,
Стол себе на голову поставил и...
Когда стол о балку стукается,
Балка валится,
Когда он в пляске кого заденет,
Тех, чьи кости он вывихнул, за дом уволакивают.
Потом нарты, собравшиеся, вместе на колени став, вместе
шапки сняв, просят у Шабатныко:

— Наш дом старый, по обычаю служащий местом встреч, не разрушай!

Пристыдили Шабатныко, и он вышел от них и уехал.

* * *

Чылахстен, отец Акуанды, распорядился так:

— Кто сможет не уговорами, а под страхом вернуть сюда этого мужа, что вышел, за того я выдаю свою дочь Акуанду-гуашу, — сказал он.

Саусырыко случился там, и он:

— Я его верну, — сказал. И вслед за ним поехал.

Когда Саусырыко попросил его, Шабатныко согласился.

— Что у тебя за дело? — Сказав, Шабатныко спросил у Саусырыко.

— Ты можешь за меня быть ходатаем, через тебя я могу получить добро, прошу меня уважить!

— Чем я могу быть полезным?

— Нарт Чылахстен дал обещание: «Кто его сможет вернуть, за того я выдам свою дочь!», — сказал.

— Наперед с подобными делами ко мне не подходи! — сказал Шабатныко. Возвратился он, въехал во двор.

— Веди сюда Акуанду! — сказал Саусырыко Чылахстену.

— Ты уговорил этого мужа, а не устрашил, сказал Чылахстен, — Не отдам тебе Акуанду!

Тут Шабатныко рассердился, велел привести Акуанду и заставил выдать ее за Саусырыко.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 177–182. Исп. Исмаил Кушу: 1884 г.р., а. Вочепший Адыгей; бжедуг. Зап. 18.05.1959 г. Х. Водождоков. Перевод на русский язык А. Гутова.

...**Он нас рассеет** (тыритэкъуахъын) — перевод дословный; видимо, здесь информант оговорился, т.к. по смыслу здесь должен быть глагол с позитивным содержанием.

Хагирей / хагарей (хэгъырэй / хэгъэрэй) — принимающий гостя, хозяин; здесь — человек из obsługi.

21. НАРТ СОСРЫКЬУЭРЭ ПЩЫ БАДИНОКЬУЭРЭ ЗЭРЫЗЭНЫКЬУЭКЬУАМ И ХЪЫБАР

Аргудан Хъэмымрзэхэ Жан и цэу зы пхъу цыкIу яIэт. Нарт Сосрыкъуэрэ Пщы Бадинокъуэрэ зэрыцIыхуртэкъым, ауэ я хъыбар зэрышцэ мыхъумэ. Арти, зэгуэрым Сосрыкъуэ Бадинокъуэм и дежигъэкIуаш шу:

— ДызэрэгъэцЛыху, къытхуэкЛуэ хъэшЛэу. Ди хъыбар зэрыцЛэ мыхумэ, дызэримыцЛыхуу дыштын хуейкъым, — жиЛэри.

— Хъунщ, — жири, Палъэр къыритри къигъэкЛуэжащ кЛуар.

МыдэкЛэ Сосрыкъуэ палъэр къэмису гъуэгум тес фызабэ гуэрыйр игъэЛуаш, Пицы Бадинокъуэ къыштыблэкЛэ, иригъэблэгъэну.

Палъэр къэсри, Пицы Бадинокъуэр къежьяш, Сосрыкъуэ и деж къэкЛуену. <...> Сосрыкъуэ игъэЛуаша фызабэ дахэм и деж Пицы Бадинокъуэр къыштысым, фызабэр пэуваш:

— Нартурэ Пицы Бадинокъуэ,
Кынтыр зи ныкъуэкъуэгъу,
Хъэрхуэрыбэцц,
Ебгэн щЛыхъэху,
Хъэхуншэ шу,
Шу зыпамыцЛыж,
Къысхуеблагъэ, къысхуэхъэшЛэ.
Гъэлъэхъум и пшэрыр

Уи хъэшЛэньшиц,
Санэхуейуэ кЛадэм
Сыхъэр къыхех.

— Гъэлъэхъум и пшэрыр
Хъэм яушхыж,
Санэхуейуэ уи кЛадэм
Дзыгъуэ хырелЛэ,
Уэ пхуэдэ хъэбз куэпэчыжъ куэд слъэгъуаш,
Сахуеблэгъакъым армыхъумэ, — жири
Пицы Бадинокъуэр хуеблэгъакъым.

— Зы хэку псом я гъуазэ,
ПсыжъкЛэ щыгъуээджэ,
Псыжъ икЛыпЛэр шы джабэпс зыщымыхъу,
Гъуабжэ бжъэ пэплъым и пшэрыр
Уи хъэшЛэньшиц,
Санэхуейуэ кЛадэм сыхъэр къыхех.

Къытхуеблагъэ, къытхуэхъэшЛэ, — жиЛаш етЛуанэу фызабэ дахэм.

— Гъуабжэ бжъэ пэплъу пшэрыр
Хъэм яушхыж,
Санэхуейуэ уи кЛадэм
Дзыгъуэ хырелЛэ.
Уэ пхуэдэ хъэбз куэпэч Лэджэ
Сэ сирохъэлЛэ,
Сахуеблагъэркъым армыхъу, —

жири етЛуанэм щыгъуи еблэгъэн идакъым Пицы Бадинокъуэ.

А зэми, тюми къыштыхуемыблагъэм, и бгъэхур иригъэлъэгъуаш. Ари щымыхъум, фыгъэхупэри и щахэр иригъэлъэгъуаш. Абыхэми дамыхъэхуу Бадинокъуэр хуеблэгъакъым.

— Ну елаусын! — жири <Бадинокъуэ> ежъэжащ.

Сосрыкъуэхэ нэсри дыхъаш. Жылэр абы щызэхуесауэ зэхэтиххэти, ирагъэблэгъаш. Ефэ-ешхэр зэЛуахагъэххэши зэхэтщ. И шымрэ езымрэ зэрызэпсэлъам ипкъ иткЛэ, дэнэ деж ирапхами, ар къыхечри зигъэкЛэрахъуэурэ щыхухэр хъэлэч

зэтреңІэ. Абы хуәдәу зәрыштыр Пиңы Бадинокъуә ефәм хәсу шыжыраім, къыштІекІри, гүштІ пхъэлъантхъуәр къыхичауә ар къырилъәфекІыу, джәгуу и алъпыжыр пш҆лантІэм дэтти, къиубыдышки Сосрыкъуә и гуәш пк'ом ирипхааш. Езыр зәрыштЫхъәжу, аргуэрүр къыхичри гуәштыр къигъәуаш. АбыкІи Бадинокъуәм хъыбар щырагъаштІэм, «губжъаү» къыштІекІри шыр къиубыдышкааш:

— Хъэм яшхыжын, щхъэ уудәфа?! — жири жъәдәуәш аби зырыригъетІаш. ИтІанә и дзапә башыр уанәм къыкІэритІэтыкІри, щЫым хихуэри шыр абы ирипхааш. — Тхъэр уә бгъәпшІаш иджы, мыр уә къыхомытхъыжым, — жири. Езыр унәм щЫхъәжааш, ефәутЫсыжааш.

Шыми дзапә башыр къыхитхъыну екъу хуәдәу щЫхухәм ярғъельтагъу. Зәхүесахәм щалъагъукІэ, ахәр щІогъуәжжәри: «ТхуәукІынкым Бадинокъуәр, дыукІыну ди мураду къәтша пәтми», — жаІәж. Иужьым, ефәхәу зыдәшысым, Сосрыкъуә къыштылъәтри Іәнә бжъәпәр къифыхъааш:

— НокІуә, Нарт Пиңы Бадинокъуә! — жири къельтәжааш.

Пиңы Бадинокъуәр къыштылъәтри, Іәнәм тет шыпсылъә бжъәпәм къыштыфәри:

— КъоکІуәж, Сосрыкъуә! — жири тЫсыжааш.

Сосрыкъуә къыштылъәтри, и сәшхуәр къырипхъуәтры щЫым хитІаш. Абы дәлъейри сәшхуә Іәпщәм къыштыфааш, щызыхитІаш:

— НокІуә, Нарт Пиңы Бадинокъуә! — жири къельтәжааш.

Пиңы Бадинокъуәр къыштылъәтри и сәшхуәр къырипхъуәташ. Сәшхуәпәр и цеикІәмкІэ иубыдри сәшхуә дакъәмкІэ щЫым хитІаш. Дәлъейри сәшхуәпәм щызыхитІаш.

Сосрыкъуә абы фІекІыу пәрүүәжыфакъым, нәшхъей хъуауә тЫсыжааш.

Иужьым жыләр гузэвааш: «Мыр Сосрыкъуәм хуәукІынукъым, езыр къиукІынущ армыхъу!» — жари. ИтІанә унафә ящІаш, шәсүжыбжъәу фадәбжъә иратыну, бләшхъуәжъейхәр хәсу, абыкІэ Бадинокъуәр яукІыну. Апхуәдәуи ящІри фадәр ираташ, арщхъәкІэ блашхъуәжъейхәр къыштыдәсейм, абы зыкъыдашЦу, Бадинокъуә къәгубжъати, и пащІәцхәми цыпхыдзәу зырасаш. Блашхъуәжъейхәр пащІекІэм пылтьу итыр ирифри и фәр яхуидзыжааш:

— ШыгъәкІэ укъыштыспәмыхъум, фыз щхъухыпсыхъкІэ укъышхуәжъәжай, бамә, — жири, Сосрыкъуә щхъәкІэ, ежъәжааш. Жыләм сәлам къарихыжри Пиңы Бадинокъуәр кІуәжааш.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК СПОРИЛИ НАРТ СОСРУКО И ПШИ-БАДИНОКО

Нарт Сосруко и пши-Бадиноко не были между собой знакомы, а только знали друг о друге по хабарам. И вот однажды Сосруко отправил всадника к Бадиноко:

— Давай познакомимся, приезжай ко мне в гости. Мы знаем друг о друге только по хабарам, а так не знакомы, — говоря.

— Хорошо, — согласился <Бадиноко>, он назначил срок и отправил всадника обратно.

А между тем накануне назначенного срока Сосруко подговорил одну женщину, живущую у дороги, чтобы она пригласила к себе пши-Бадиноко, когда он будет проезжать мимо.

Настало время, и пши-Бадиноко выехал, чтобы посетить Сосруко. Когда же он доехал до той прекрасной вдовы, которую подговорил Сосруко, она вышла ему навстречу:

Нарт пши-Бадиноко,
Чинты чьи противники,
Много состязающийся,
Против зла выступающий,
Всадник, никому не служащий,
С кем всадников <других> не сравнить,
Пожалуй ко мне, будь моим гостем!
Из валухов <самый> жирный –
Тебе жертвенное угощение,
От кадки белого сано
<Тебе> морось поднимается.
– Из валухов <самого> жирного <твоего>
Пусть волки съедят,
В кадке светлого сано <твоего>
Пусть мышь подохнет.
Подобных тебе сук-потаскух я много повидал,
Да только в гости к ним не жаловал, – сказав,
Пши-Бадиноко не захотел быть ее гостем.
– <О ты,> во всем kraе известный,
О Псыже хорошо не вedaющий,
Брод, что по Псыжу, –
Для твоего коня – мелководье (букв.: *боков коня не достает*),
Из серых <быков> краснорогих <самый> жирный
Тебе – жертвенное угощение,
От кадки светлого сано морось поднимается,
Удостой нас своим посещением, будь нашим гостем!
– Серого краснорогого и жирного
Пусть волки съедят,
В твоей кадке светлого сано
Пусть мышь подохнет.
Со многими, как ты, суками-потаскухами
Я встречаюсь,
Да в гости к ним не жалую, –
сказав, пши-Бадиноко и во второй раз не захотел зайти к ней.
Когда он ни в первый раз, ни во второй не захотел быть ее гостем, <она> обнажила свои белые груди. Когда и из этого ничего не получилось, она совсем сбросила <одежду> и обнажила свой пах.
Бадиноко и этим не соблазнился и не стал к ней заходить.
– Тыфу на тебя! – сказал он и уехал.
Достиг он <дома> Сосрукова и въехал <во двор>. Весь народ уже был там, и его там приветили. Пир-застолье там уже началось, и оно <теперь> в разгаре. Как <пши-Бадиноко> со своим конем <заранее> уговорился, где бы коня ни привязывали, он все вырывает, вертится и калечит людей. Когда об этом сказали сидящему за пиршеством пши-Бадиноко, он вышел во двор: его могут-

чий альп <только что> выворотил железную коновязь и резвился, таская ее по двору. Поймал он <коня> и привязал к столбу, <подпирающему> навес <нарта> Сосруко.

Только он вошел в дом, как конь и этот столб выворотил и обрушил навес. Когда и об этом сказали пши-Бадиноко, он, <как будто> рассерженный, вышел и поймал своего коня:

— Чтоб тебя волки съели, что это ты сегодня разошелся! — сказав так, он дернул <за узду> и заставил его стать на дыбы. Затем он отстегнул от седла свою сошку, воткнул ее в землю и привязал к ней коня, сказав: «Попробуй-ка и ее вырвать!» (букв.: *Клятвопреступник ты, если и это не вырвешь*). Сам же снова возвратился в дом и сел пировать.

А конь показывает людям, будто пытается, да не может выворотить сошку. Видя это, собравшиеся про себя думают: «Не сможем мы погубить Бадиноко, хотя и позвали его с намерением погубить», — так говорят. Затем, в застолье, Сосруко вскочил <на стол> и сплясал на кромке стола:

— Твоя очередь, Нарт Пши-Бадиноко! — сказав, спрыгнул <со стола>.

Пши-Бадиноко вскочил, <вспрыгнул на стол>, сплясал на кромке чаши с подливой, стоявшей на столе, и:

— Снова твоя очередь, Сосруко! — сказав, сел <на свое место>.

Сосруко вскочил, обнажил свою шашку и вонзил в землю. Вспрыгнул на рукоять шашки и сплясал на пальцах на ней.

— Твоя очередь, Нарт Пши-Бадиноко! — сказал он и спрыгнул <с рукояти шашки>.

Пши-Бадиноко <тоже> вскочил, обнажил свою шашку, полой черкески взялся за ее острье и рукоять вогнал в землю. Вспрыгнул он на кончик шашки и сплясал на нем.

Сосруко не мог с ним после этого соперничать. Огорченный, он сел <на свое место>.

Тут народ заволновался: «Сосруко не сможет его одолеть, а он сам одолеет Сосруко!», — говоря. Тогда решили вручить ему стременной кубок с ядовитыми змеями, чтобы этим его погубить. Так они и сделали: вручили ему напиток, но только вот когда ядовитые змеи взметнулись, <готовые ужалить>, на встречу им — настолько Бадиноко был рассержен! — его усы ощетинились, словно зубья прялки. Оставив ядовитых змей свисать с усов, он выпил содержимое, а кубок швырнул стоящим <вблизи>.

— Вонючка, не сумев одолеть меня мужеством, ты прибегнул к бабским зельям! — бросил он <нарту Сосруко> и выехал вон <со двора>. Попрощался пши-Бадиноко с народом и уехал.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-д. Пасп. № 9. Исп. Ильяс Утижев: 1873 г.р., с. Старый Урух Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 08.07.1949 г. С. Джамурзаев. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой один из вариантов сказания о приезде нарта Бадиноко на хасу Нартов. Налицо следующие мотивы, устойчиво представленные в других вариантах: встреча в пути с женщиной (чаще всего это прислужница Сатаней-гуаши и сама Сатаней; здесь же – «прекрасная вдова», прибытие на хасу и состязание в пляске, «озорство» богатырского коня (в вариантах это сочетается с демонстрацией тяжести богатырского оружия или замещается ею), кубок с ядовитыми змеями. Своеобразие данного варианта заключается в интерпретации мотивов и проделках коня героя.

Сошка – приспособление для опоры при стрельбе.

22. БЭРДЫНОКЬУЭ И ХЪЫБАР

(Жъы хъуар бгым щыдзын хабзэр зэригъэкІуэдар)

Бэрдынокъуэ и адэ Бэрдын жыхуаІэр... Нартхэ хабзэу ялыу щытащ, ильэс бжыгъэ, ильэс бжыгъэм мылІэу щхъэдэхамэ, Жыгъеибг жаІэри, абы дахырэ бгым щадзыжу.

Бэрдынокъуэ и адэ Бэрдыныр ильэс бжыгъэм икІат, бгым щамыдзыжу ядэнутэкъым, нартхэ я хабзэмкІэ. Бэрдынокъуэ тажьджэ ишЦырт, и адэр иригъэтІысхъэу, Жыгъеибг жыхуаІэм дихыу бгым щидзыжыну. Бэрдынокъуэ щЦалэ цЫкІу иЫти, щЦалэ цЫкІури бгъэдэтт.

– Но, дядэ, мы тажьджэ пшЦыр зэрыпшЦынур? – жиІаш.

– Уэлыний, мы тажьджэ сшЦыр зэрысшЦынурам, щЦалэ цЫкІу, дадэ мыбы изгъэтІысхъэнурэ, Жыгъеибг дэсхынурэ бгым щылдзыжынуущ, – жиІаш.

– НтІэ, кхъыІэ, дядэ, ар щыбдзыжа нэужкІэ, мы тажьджэр сэ къысхуэхъыж. Сэри, уэри абы и ныбжь унэсымэ, ушыздзыжынуущ, сэ тажьджэ схуэшЦынукъыми, зесхъэну тажьджэри сэ къысхуэхъыж, – жиІаш, жи, щЦалэ цЫкІум.

Ар БэрдынокъуэмикІ и гуапэ хъуакъым. АрщхъэкІэ щимыдзу хъунутэкъым, ядэнутэкъым. Тажьджэр ишЦырт аби, Бэрдыныр иригъэтІысхъэри дихаш, Жыгъеибгым щидзыну. Дихри, бгым нэсли, игъэувц аби, абы псыншЦэу ехынным щхъэкІэ, мывэ кІэрашЦэхэрт, къинэмьшЦ яшЦэхэрт, хуабжью ехынным щхъэкІэ. Мывэ кІэришЦэхэрт, къинэмьшЦхэрт аби, Бэрдыныр абы иригъэтІысхъэри жыриІаш Бэрдынокъуэм:

– Иджы, дядэ, мы бгым уэ узэрышцыдзыр, уэлэний, сഫэнасышыуи ушызмыдз, с苻ІэфІуи ушызмыдз: хабзэщи, къытхуадэнукъым. Уэри уагъэпсэунукъым, сэри сагъэпсэунукъым. УшЦышцыдзыраш, амыхъумэ си гуапэу ушыздзыркъым. Уи жагъуэ умышЦ. Гъуэгу махуэ, дядэ! – жери еІэдэкъяуещ аби, щыридзыхым, жыгыжь гуэр тетт абы, бгым кІэрыгти, мо ирадзыххэм щыи иратхъухам къуэпс хуит къишЦауэ дунейм тету хъуар, моу ущЦэплъым хуэду къуэпсыр лъагэуи, мывэ кІэришЦам щыщ зы мывэ къуэпсым дэлъадэш аби, емыхуэхыу Бэрдыныр щЦиупскІэу абы къыкІэринаш, жеІэ.

КъыкІэрынэри, Бэрдынокъуэр еплъыхыри, мор къыкІэрынауэ шилъагъум щыгъуэ, къыдэплъейшт аби Бэрдыныри, Бэрдынокъуэр къышилъагъум щыгъуэ, тІэкІу гуфІаш, жеІэ, Бэрдыныр, Бэрдынокъуэу и къуэм щхъэкІэ.

— Плоу, дядэ, нетІэ мы къомыр щыбжесІэм щыгъуэ, нэкІэ укъызэплъакъым идж[кІ]и укъыскуэдыхъэшхакъым, иджы щхъэ удыхъэшхрэ? — щыжиІэм щыгъуэ...

— Уэлэний, сышІэдыхъэшхырам, щІалэ, — жиІаш, жеІэ, Бэрдыным, — сэ мыбдей сыкІэрыту, — жиІаш, жеІэ, — мы бгым, уэ иджысту мэуэ мыбдежым, сэ си ныбжъ унэсауэ, уи бынхэм мыбыкІэ ущадзыжауэ, мэуэ ублэцІэфту услъагъу хуэдэу сфиІэшІыри, араш сышІэдыхъэшхар, — жиІаш.

Ар щыжиІэм щыгъуэ...

— Уэлэний, ущызмыдзын! — жери къыдихыжащ Бэрдыныр Бэрдынокъуэм.

Къыдихыжщ аби, Бэрдыныр къыдихыжри, тажъджэр абы иридзыхыжщ аби, Бэрдыныр къихыжыну къырихъэжъэжа щхъэкІэ, я унэ ихыыжу ядэнутэкъым нартхэ, ягъэпсэунутэкъым.

— Уэлэний, усхъыжу абы ямыдэну иджи дамыгъэпсэну, ауэ зы бгъуэшІагъ гуэр соцІэри, абы ущІэзгъэтІысхъэнци, пшхын къыпхуэсхъурэ, абы ущыспІынщ, — жиІаш, — упсэухукІэ.

— Уезэшынщ, щІалэ, — жиІаш. — Сыкъэбужэгъунщ, уезэшынщ, — жиІаш. — ПхуээфІэкІынкъым. Сэ нобэм сцІэркъым, пшэдэйм сцІэркъым, илъэсым сцІэркъым, илъэситІым сцІэркъым — сыткІэ пшІэн!

— Сезэшынкъым, — жиІаш, — иджи узужэгъункъым.

— НтІэ, хъунщ, — жери, бгъуэшІагъ гуэрим щИгъэтІысхъэри, ишхын хуиххурэ щэхуу абы щеІыр и адэр.

ЩипІурэ, тІэкІу гувауэ кІуащ и зэманым. КІуэри...

— Пло, щІалэ, сыкъуумыгужэгъуну, уемызэшыну жыпІати, уезэшай, сыйту укъэгува? — жиІаш.

— Уэлэний, семызэша иджикІ, ауэ сыкъышІэгуваращ, — жиІаш. — Нартхэ ди щІыпІэм кхъуэшхъэмьщхъэ лъепкъ итыжкъым, — жиІаш, — къихъуэжыркъым. Нартхэ абы щхъэкІэ гузавэу зэхэтырти, гузавэм уадэмгузавэу хъунт, сэри абы сахэхъэри, фІэгүэхуакъым, жаІынщ, жысІэри, гузавэм садэгузавэу сахэтурэ, абы сышыгуващ. Ахэр зэбгырыкІыжа нэужъкІэ, къыпхуэсхъя-нур къесхъэжъэри, псым сыкъыздэгІуэм, озыр гуэрим мыІэрысэ цЫкІуищ озырым зырихху тельу слъагъущ аби, «Уэлэний, мыІэрысэ цЫкІуищри къыхэсхынци, ди адэм и гъуэмымлэм хэлъу хуэсхъынм!» — жысІэри, сыйтехъещ псыми, мыІэрысэ цЫкІуищыр къэзубыдыну синэсауэ, мыІэрысэ цЫкІуищыр дэнэ кІуами сцІэркъым, — жиІаш, — псым щИльэфам сцІэркъым — текІуэдыхыжащ, — жиІаш, — мыІэрысэ цЫкІуищыр. Згъуэтыжакъым. Абыи сигъэгуващ, псыф хъуари тІэкІу скъузыжми, сыйми.

— НтІэ, щІалэ, — жиІаш, — иджи дяпэкІэ псыми ухэмымплъэж, — жиІаш, — мыІэрысэ щхъэкІэ, кхъуэшхъэмьщхъэ щхъэкІэ. Щы-ми зыщумыглъыхъ, — жиІаш, — кхъуэшхъэмьщхъэ щхъэкІэ. ИшхъэмкІэ удэплъейурэ къэкІухъ, — жиІаш. — Ущылтыхъуэнур ишхъэмкІэш.

Арати, гъуэмымлэр иритри, къэкІуэжри къикІухурэ, «Ярэбий, «ищхъэмкІэ» жиIаш мыбы», – жери, зы жыг гуэрым кхъуэшхъэмымщхъэ цЫкІуиш пыту ильягъущ аби, дэкІуейри, жыгым пыт кхъуэшхъэмымщхъэр къипичри, къихьри...

– Нартхэ хъши, мис апхуэдэри, ари нартхэ я дей щыфши, и жылэр фи щЫм щІэфтІи, фи хэкум кхъуэшхъэмымщхъэр бэгъуауэ къихъуэжынущ, – жиIаш <Бэрдын>, – итIанэ.

Къихьри, яшхщ аби, и жылэр щЫм щІатІэри, бэгъуауэ кхъуэшхъэмымщхъэр къихъуэжащ абы.

Аргуэру кІуаш, гъуэмымлэ хуихъаш. КІуэурэ, аргуэру гуваш.

– ЛПо, щІалэ, <щ>хъэ зыбгъэгува иджыри? Сыкъумыхъэлъэ-кІыну жыспати, уемызэшыну жыспати.

– Уэлэний, иджи къызэмыхъэлъэкІа, иджи семызэш. Аүэ нартхэ ди щЫшІэм ху къытхуэкІыжыркъым, – жиIаш, – дэ. КъокІыр, – жиIаш, – аүэ къышІэхъуэркъым, – жиIаш, – ху. Аүэ пыдупщІыжу фІэкІа, ху къышІэхъуэркъым. «Ди хур мэкІуэд, хур йокІуэдыкІ. Дауэ хъуну иджы?» – жаIэри гузавэти, гузавэм сахэтурэ, абы сышыгуващ. ЗэбгырыкІыжа наужькІэ, къытхуэна тІэкІур мырати, «МашІэми, згъэллыгъуэнци хуэсхынш», – жысІэри, згъэллыгъуэри къыпхуэсхъаш, – жиIаш.

Абы щыгъуэ ху гъэллыгъуа яшхыу щытащ.

– НтІэ, щІалэ, – жиIаш, – иджи укІуэжа наужькІэ, пхъэIещэ щІэшІи, дэхуи Тхъэгъэлэдж и мэшхэр къышшиху щыта, мэш щищІу щыта, и мэш гъасэхэр щызыришэу щыта гъуэгу Гуфэхэр, и мэш гъасэхэр щиIуэу щыта хъэм жъэпкъхэр, хъэм гъунэхэр, и гъупщхэр щызэрихъэу щытахэр зэхэвыхь, щызыришэу щытахэр зэхэвыхь, тельяфэ щЫни къэгъэнэжи, фи мэшыр бэгъуауэ абы къыхэкІыжынци, къикІэжынци, фи ху жылэри абы щыбгъуэтыхынш, фи ху жылэри абы къыхэкІынш – бэгъуауэ мэшыр къыфхуэкІынш, – жиIаш.

КъэкІуэжщ аби, пхъэIещэр щІищІэш аби, дихури зэхивыхъаш, а жыхуIахэр. Тельяфэ ишІри, къигъэнэжри, бэгъуауэ мэшыр къэкІщ аби, «лъэдийм имыIыгъыж» жыхуаIэм хуэдэу бэгъуауэ хур къышІэхъуаш. Мэшыр къахыжщ аби, я ху жылэри абы къыхэкІаш, яхури абы щыбгъуэжащ. Аргуэрыр къехъулIаш.

Аргуэру арати, «Уэлэний, хури къыдэхъулIэжам!» – жери, кІуэурэ, гъуэмымлэ хуихъурэ, аргуэру гуваш. Аргуэру гувэри...

– ЛПо, щІалэ, <щ>хъэ угуга иджырикІ?

– Уэлэний, сышІэгуварам: гузавэ яIэт нартхи, гузавэу зэхэтти, сэри садэгүзэващ.

– ЛПо къэхъуар?

– Уэлэний, нартхэ ди дей тІы лъэпкъ димыIэж, – жиIаш, – тІыр икІуэдыкІам. Мэл тІэкІу зиIэхэми тІы димыIыж, мэл зиIэхэми хэт лІэм, хэт фІагъэжым яшхыжурэ яухам, зыбгъупщи нэхьыбэ зиIэ щымыIыж, тІу-щы, зытхух, зыри зимыIэжыххэ щыIэм, – жиIаш.

– НтІэ, щІалэ, иджи укІуэжа наужькІэ пшІэнуращ, – жиIаш, – мэл къэнахэр псори къеIых: зы зиIыми, тІу зиIыми, щы зиIымикІ, зыбгъупщи зиIими къеIыхи, зэхуэхуси, Амыщ итIхэр щигъэхъуу щыта щЫшІэм хуи, бжыххъэми, абы щыбгъэхъуакІуурэ, махуищкІэ абы щыгъэхъуакІэ, мэлхэр тІысым-къэтэджыжым, Амыщ и тІыр зыригъэсу щыта егъэзыпIэм игъэтIысхий, жэщищкІэ абы игъэси,

хужи, мэлтыр зейм етыжи, фи мэлхэр лъхуэнци, щынэ къалъхунци, фитИри абы къыхэхъукЫжынци, фи мэлтыри фхуэбэгъуэжынш, – жиIаш.

Арати, ахуэду ищIаbi, мэлтыр къихужри, яритыжри, я мэлтыр лъхуэри, ятIри абы къыхэхъукЫжри, я мэлти яхуэбэгъуэжащ.

Нартхэ мурад ящIаш:

– Мы Бэрдынокъуэ мыхуэдиз акъылыр къыздрихар дэнэ? Мыр къыжезыIэри ло? Мы акъылыр <щ>хъэ иIэ мыбы? Кхъуэцхъэмьцхъэр икIуэдыхIмэ, кхъуэцхъэмьцхъэ цыкIуиш къихъэр, ар пшхырэ, и жылэр щыым щIэтIтIэм, кхъуэцхъэмьцхъэр бэгъуэжыну... Бэгъуэжащ. Ди хур икIуэдыхIымэ, хъэм жъепкъхэр, ху щызыришу щытахэр, Тхъэгъэлэдж и хур щиIуу щытахэр, и гъупшыр щызэтрилъхъэу щытахэр, щызыришшэу щытахэр зэхивыхърэ къигъэнэжрэ, тельяфэ ищIым къигъэнэжымэ, ди хур бэгъуауэ абы къытекIэжыну, ди ху жылэрИкI абы къыхэкЫжыну, ди хури бэгъуауэ ди хэкум къихъуэжыну – дэнэ а акъылыр къыздрихар абы? А щIэнныгъэр <щ>хъэ иIэ? Ар къыжезыIэр ло? Тыр икIуэдыхIырэ ди мэлтыр тфIэкIуэдым, абы и гузавэ диIэмэ, мэл тIэкIу къэннар зэхуихусырэ, Амыщ и тIыххэр зынгъэхъуу щыта щIыпIэм ихурэ, махуицкIэ абы щигъэхъуу, и тIыр зыригъэсү щыта егъэзыпIэм иригъэтIысхъэрэ, мэлтыр иригъэсрэ, къихужрэ, димэлтыр абы псэф щыхъуу, щынэ къалъхуу, дитIри абы къыхэхъукЫжу ди мэлтыр бэгъуэжыну – ари къыздрихар дэнэ абы, а акъылыр? А акъылыр къезытыр ло? Уэлэний, ар къыджимыIыу мыхъун!

Фадэ-Пастэ ящIаш нартхэ, санэхуафаэ зэIуахаш. Бэрдынокъуэри яшащ абы. КъыжыраIаш Бэрдынокъуэм:

– Мы акъылыр къыздипхар дэнэ уэ, кхъуэцхъэмьцхъэр мыхуэду къипхъэжыну; мэшыр мыхуэду бвэрэ, щIыр зэхэбвыхъэр, тельяфэ пшIырэ къэбгъэнэжым, ди мэшыр бэгъуауэ хъуну? А акъылыр къыздипхар дэнэ? Ар къыбжезыIар ло? Ди тIым, тIы димыIыжу ди мэлтыр кIуэдым, мэлтыр зэхуэпхусырэ, Амыщ и мэлхэр, итIхэр щигъэхъуу щытам махуицкIэ щыбгъэхъуу, и тIыр зыригъэсү щыта егъэзыпIэм жэшчицкIэ ибгъэсрэ къэпхухурэ, мэлтыр зейм ептыжым, мэлтыр псэф хъурэ лъхуэуэ, дитIри абы къыхэкЫжу ди мэлтыр бэгъуэжыну – а акъылыр къыздипхар дэнэ? Ар къыбжезыIар ло? КъакIуи, мы санэхуафаэр щIызыIутхар уэрashi, мы санэхубжъэми ефэ, ар къыбжезыIари къыджыIэ, а акъылыр къыздипхар къыджыIэ! КъыджумыIэу хъунукъым! – жиIаш.

– Уэлэний, вжезмыIыну! – жиIаш.

– Тхъэ умыIуэ, къыджумыIыу хъунукъым, – жиIаш.

– Санэхубжъэм сефэнщ, ауэ вжесIынуукъым, – жиIаш.

– Хъунукъым къыджумыIыу! КъыджыIэ!

– Ар вжесIэмэ, нартхэ икIи фыктызэшхыдэнущ, икIи фыктызэбийинущ, фи джатэри къысхуэвгъэдэлъэнущ, – жиIаш.

– ИкIи дынобийинкъым, икIи дыношхыдэнкъым, ди джатэри пхуэдгъэдэлъэнкъым, къыджыIэ, – жиIаш.

– Уэлэний, вжезмыIыну!

– Нартхэ ди Тхъэ мыгъэпцIу УашхъуэкIэ Нывэцхъуэ Кланэ жытIэу ди Тхъэ мыгъэпщIымкIэ тхъэ пхудоЙуэ: икIи дыномыбииин, нартхэ ди Тхъэ мыгъэпцIу Уашхъуэ Нывэцхъуэ

Кланэ жыхуиЫымкIэ тхъэ пхудоЙуэ, Псатхъэ жыхуиЫымкIи тхъэ пхудоЙуэ, икIи дыномыбиину, икIи дыномышхыдэну, ди джатэри пхүэдмыгъэдэльзэну! – жалЭри, тхъэ хуаIуэш аби, санэхубжъэр къыПихри, ирифщ аби:

– ВжесIынщ-тIэ, иджы, – жиIыри жыриIаш: – Мыр къызжезыIэр ди адэраш, – жиIаш, – Бэрдынщ.

– Дэнэ ар здэшыIэр? Бгым щыбдзатэкъэ?

– Мыраш зэрыштыр, щыздзакъым. Щыздзат, ауэ емыхуэху мис мыхуэду къыкIэрни, къыдэпльеири сыкъышилъагъум, моуэтIэгIу дыхьэшхащ. Япэм сый жесIами, икIи къызэпльякъым, икIи къысцыдыхьэшхаакъым. «Лю, дядэ, <щ>хъэ удыхьэшхрэ?» – щызыIэм, «Уэлэний, сышIэдыхьэшхырам, щIалэ: сэси ныбжь унэсауэ иджыпсту сэ мыдей сыкIэрлыу моу уи бинхэм мыбыкIэ урадзыхыжауэ ублэцIэфт хуэду слъэгъуати, сфиIещIу аратэм сышIэдыхьэшхыр», – щыжиIэм, къыдэсхыжщ аби, зэрыса тажьджэр абы щыздзыри, езыр къэсхыжым вдэнутэкъым, унэм щывгъэпсэунутэкъыми, зы бгъуэцIагъ гуэрим щIэзгъэтIысхыауэ, ишхын гъуэмымэ хуэсхыурэ, абы щыспIу араш, «Мыхуэдэ къэхъуаш», – жысIэм, мыр къызжиIыри араш; «Мырат...», – жысIым, мыр къызжиIыу, «Мырат...», – жысIым, мыр къызжиIыурэ, мы акъылыр къызыбгъэдэсхар арат сэ, – жиIаш, – мы щIэнныгъэр.

– НтIэ, дэнэ здэшыIэр?

– Мис мыхуэдэ бгъуэцIагъым щыIещ.

– Псэу?

– Псэущ.

– НтIэ, къэтшэжынщ, – жалЭри, кIуэри къашэжащ Бэрдыныр. Къашэжри Бэрдыныр и пицIантIэм дагъэтIысхыэжащ.

Нартхэ бгы щыдзынныр абдежым щагъэбыяуаш, жы хъуар бгым щадзыж ильэс бжыгъэр, блэкIар. Езыр псэухункIэ, езыр и унэ илIыхыжым щIалъхьэм сциIеркъым, ахъум я бгы щыдзынри абдей щагъэбыяужри, Бэрдинокъуэр ядэ Бэрдыныр и пицIантIэм дэлIыхыжри, щIалъхьэжауэ жиIыраш хъыбарым. Сэ къызэрызгурыйуар ахуэдущ.

СКАЗАНИЕ О БАРДЫНОКО

(Как был упразднен обычай сбрасывания старцев со скалы)

У нартов был обычай, если человек перевалил определенный возраст, его сбрасывали с горы, которая называлась Жигеибг – Скала Оплакивания Старцев.

Отец <нарта> Бардыноко Бардын перевалил этот возраст, поэтому по обычая нартов нельзя было его не сбросить с горы. Бардыноко делал плетеную корзину, чтобы посадить в него своего отца и сбросить его с горы Жигеибг. У Бардыноко был сын, и сын стоял рядом.

– Для чего тебе, отец, эта корзина, которую ты делаешь? – сказал он.

– Уаллаги, эта корзина нужна мне вот для чего: дедушку сюда посажу, отнесу к горе Жигеибг и сброшу его оттуда, – говорит.

— Тогда, отец, пожалуйста, когда ты его сбросишь, принеси мне эту корзину. Когда ты доживешь до его возраста, я тоже тебя туда сброшу; я не смогу сделать такую корзину, чтобы я его сберег, принеси мне его назад, — сказал, говорят, мальчик.

Бардыноко это не понравилось. Но нельзя было его не сбрасывать, не позволили бы. Он сделал корзину, посадил туда Бардына и понес, чтобы сбросить его с Жигейбг. Понес, дошел до горы, поставил <его>; чтобы <он> быстро падал, к нему камни привязывали; и другое делали, чтобы быстрее падал. Привязав и камни и еще что-то, Бардыноко посадил туда Бардына и сказал ему:

— Теперь, отец, то, что я тебя с горы сбрасываю, я не сбрасываю тебя, считая это за счастье, не сбрасываю тебя, желая этого: это обычай, и нам не позволяют его нарушить. И тебя не оставят в живых, и мне не дадут жить. Вот почему я тебя сбрасываю, а не потому, что мне это нравится: не обижайся. Доброго пути, отец! — сказал, толкнул... и когда сбросил его, там росло одно старое дерево, на горе росло, от тех, кого сбрасывал, на земле образовывались глубокие следы и корни, были обнажены. Один из привязанных камней зацепился за корень и, не падая, Бардын повис там, покачиваясь, рассказывают.

Остался висеть, и тогда Бардыноко посмотрел вниз и увидел, что тот повис, Бардын посмотрел вверх и когда увидел Бардыноко, немного усмехнулся, говорят, Бардын своему сыну Бардыноко.

— Что, отец, когда я тебе все это говорил, ты и головы не поднял, и не посмотрел на меня, и не засмеялся, а теперь почему смеешься? — когда спросил, <Бардын ответил:>

— Уаллаги, я смеюсь потому, парень, — сказал, говорят, Бардын. — Мне привиделось, будто я здесь стою, — сказал, говорят, — у этой горы, а тебя, дожившего до моего возраста, твои дети сюда бросают как будто, и ты мимо пролетаешь, — так мне показалось, поэтому я засмеялся, — говорит.

Это когда он сказал...

— Уаллаги, я тебя не сброшу! — сказав, Бардыноко поднял Бардына.

Поднял Бардына, сбросил вниз корзину и хотел принести домой Бардына, но нарты не дали бы им жить.

— Уаллаги, они не позволяют, чтобы я отнес тебя домой, и не дадут нам жить, я знаю одну пещеру, помешу тебя туда и буду еду приносить тебе, там буду тебя содержать, — говорит, — до конца жизни.

— Устанешь, парень, — говорит. — Я тебе надоем, — говорит. — Не справишься с этим. Я не знаю, <когда умру> — сегодня ли, не знаю завтра ли, не знаю через год ли, через два ли года — откуда мне знать!

— Не устану, — говорит, — и ты мне не надоешь.

— Ну, хорошо, — говорит. В какую-то пещеру его помещает, после туда приносит пищу, присматривает там за отцом. Так он ухаживал за ним и как-то раз позже обычного пришел. Пришел, а тот говорит:

— Что, парень, ты же говорил, что не устанешь, что я тебе не надоем, а все же устал, что-то припозднился ты, — сказал.

— Уаллаги, и не устал я, но задержался вот почему, — говорит. — В наших нартских местах совсем не осталось фруктовых деревьев, — говорит, — и новые не растут. Нарты, по этому поводу беспокоясь, собрались; с переживающими не сопереживать разве можно, вот я и присоединился к ним, подумав, скажут — не придал этому значения; вместе с переживающими сопереживая, там я задержался. После того, как они разошлись, я взял с собой то, что несу тебе, и когда шел к реке, увидел в одном озере три яблочки. «Уаллаги, эти три яблочка достану и отцу отнесу!» — решив, вошел в воду и уже когда дошел, чтобы поймать три яблочка, три яблочка куда делись — не знаю, — говорит, — может, под воду ушли — исчезли с поверхности озера, — сказал. Не нашел *<их>*. И это меня задержало, пока выжимал промокшую *<одежду>* и прочее.

— Тогда, парень, — говорит, — из-за яблок, из-за фруктов впредь в воду не смотри, — говорит. И по земле не осматривайся, — говорит, — из-за фруктов. Глядя вверх, ходи, — говорит. — Исскать надо наверху.

И вот, еду *<он>* отдал *<ему>*, повернулся назад, в пути припоминая, что отец наказал смотреть вверх. И увидел он на одном дереве три маленьких фрукта зреющих, залез на дерево, сорвал растущие на нем фрукты.

— Нартам отнеси, вот так, это у нартов съешьте, а семена в землю заройте, и тогда на вашей земле фруктовые деревья вновь станут расти в обилии, — сказал ему отец.

Принес *<он>*, съели нарты *<те яблоки>*, семена зарыли в землю, и много фруктовых деревьев выросло на их земле.

Опять пошел *<он>*, отнес еду. В пути опять задержался.

— Что, парень, почему опять задержался. Ты же говорил, что я не буду тебе в тягость, что ты не устанешь.

— Уаллаги, и не в тягость *<ты>*, и не устал *<я>*, но у нас, у нартов, перестало расти просо, — говорит. — Растет, — сказал, — но не созревает, — говорит, — просо. Кроме того, что просто скашиваем, просо не созревает. «Наше просо пропадает, просо погибает. Как теперь быть?» — говоря, беспокоились нарты; находясь среди беспокоящихся, я и задержался. После того, как они разошлись, осталось нам вот это немногое, «хоть и мало, но поджарю и отнесу ему», — сказал я, поджарил и принес тебе, — говорит.

В те времена зерна проса поджаривали и ели.

— Тогда, парень, — говорит, — когда вернешься, запряги *<лошадь в>* плуг и выгони ее туда, где Тхагаледж свое просо убирал, где просо сеял, обочины дорог, по которым возил снопы своего проса, тока, на которых он молотил, где он возил снопы, гумно, где он молотил снопы, где он солому хранил, — все это вспаши, проборонуй и так оставь. *<После этого>* вашего проса много там вырастет, вновь прорастет, ваши семена проса там и найдешь, ваши семена проса там и найдутся — урожай проса вырастет для вас богатым, — сказал *<отец>*.

Вернулся *<Бардыноко>*, запряг лошадь в плуг, выгнал ее и перепахал то, что отец ему сказал. Разровнял он пашню, оставил *<ее>* так, — и уродился хороший урожай проса, стебель растения не выдерживает, как говорят, такое просо уродилось. Просо убрали, и

семена проса оттуда получили, и их просо там возродилось. Вновь <ему> повезло.

И вот опять «Уаллаги, и просо опять уродилось!» – говоря, шел, неся <ему> еду, и опять задержался. Опять задержался:

– Что, парень, почему опять задержался?

– Уаллахи, вот почему я задержался: беспокойство было у нартов, беспокоюсь, они собрались, и я с ними беспокоился.

– Что случилось?

– Уаллаги, у нас у нартов совсем нет уже племенных баранов, – говорит, – бараны вымерли. У тех, у кого есть немного овец, нет баранов, и у кого были овцы, то они подыхали, то их резали, пока не подохнут – и так исчезли они, больше, чем девять-десять <овец>, ни у кого уже нет, две-три, пять-шесть, а то и ни одной уже нет у многих, – говорит.

– Тогда, парень, как вернешься домой, вот что сделаешь, – сказал <отец>. – Оставшихся овец всех забери: и у кого одна есть, и у кого две есть, и три у кого есть, и девять-десять у кого есть – всё забери, сгони воедино, а осеню погони их на те места, где Амыш пас своих баранов, там их паси три дня, чтобы овцы садились-вставали, помести их там, где Амыш на ночь оставлял своих баранов, пусть они там три ночи проведут. Потом пригони опять и верни тем, кому они принадлежат, ваши овцы окотятся, принесут ягнят, и ваши бараны из них возродятся, и ваши овцы снова размножатся, – сказал.

Итак, он так сделал, затем пригнал овец назад, вернул их хозяевам, и овцы окотились, бараны из молоди возродились, овцы размножились.

Нарты решили:

– Откуда столько ума у этого Бардыноко? Это кто ему подсказывает? Столько ума откуда у него? Чтобы когда фруктовые деревья погибли, он принес три фрукта, мы съели их, семена зарыли в землю, и богатый урожай фруктов уродился. И уродился. Чтобы когда наше просо пропало, он вспахал гумно, где Тхаголедж просо обмолачивал, где он складывал снопы. Наше просо чтобы богатое уродилось, нашего проса семена чтобы оттуда возродились, наше просо чтобы вновь обильно уродилось на нашей земле – откуда такой ум он взял? Это знание почему у него есть? Это кто ему подсказал? Если бараны вымирают и мы теряем своих овец, если мы по этому поводу беспокоимся, оставшихся немногих овец согнав, погнав их на места, где Амыш пас своих баранов, три дня там пасет их, куда Амыш сажал своих баранов, сажает наших овец, держит их там, пригоняет, чтоб наши овцы там окотные стали, ягнят принесли, и наши бараны из них чтобы возродились, и наши овцы чтобы размножились – откуда он взял это, такой ум? И кто ему этот разум дал? Уаллаги, нельзя, чтобы он это нам не сказал!

Нарты подготовили еду, питье, пир закатали. И Бардыноко туда призвали. Сказали Бардыноко:

– Этот ум где ты взял: фруктовые деревья чтобы вот так вернуть? Пашню вот так чтобы вспахать, землю перепахать, разровнять ее, оставив так, наше просо чтобы богато уродилось? Этот ум где ты взял? Это кто тебе сказал? Если из-за отсутствия баранов

наши овцы вымирают, овец ты сгоняешь, три дня пасешь их на местах, где Амыш пас своих овец и баранов, держа их три ночи в загоне, где он держал своих баранов, и пригоняешь их домой, раздаешь овец тем, кому они принадлежат, овцы кожными становятся и от них пошли, и наши овцы размножились – этот ум откуда ты взял? Это кто тебе сказал? Приходи, и так как мы этот пир закатили для тебя, это вино выпей и скажи нам, кто это тебе сказал, и откуда ты взял этот ум! Не говорить тебе нам нельзя! – говорят.

– Уаллаги, не скажу вам! – сказал.

– Не клянись, нельзя не говорить, – говорят.

– Бокал вина выпью, но не скажу вам, – сказал.

– Нельзя не сказать! Скажи нам!

– Если это я вам скажу, вы, нарты, и поругаете меня, и враждовать будете, и ваши мечи выхватите, – говорит.

– И враждовать с тобой не будем, и ругать тебя не будем, и наши мечи вынимать не будем: скажи нам, – говорят.

– Уаллаги, не скажу!

– Нартским богом Уашхо, Серым Камнем именуемым, которому мы не изменяем, клянемся тебе: и враждовать с тобой не будем, и ругать тебя не будем, и саблями размахивать не будем. В этом мы именем Уашхо Серым Камнем именуемого, клянемся. Именем Псатха тоже кланяемся не враждовать с тобой, не бранить тебя, не грозить тебе нашими мечами, – сказал, поклявшись ему, и тогда он сказал:

– Вот теперь я скажу вам, – сказал и говорит им. – Это мне сказал отец наш, – говорит, – Бардын.

– Где он находится? Ты же сбросил его с горы?

– Вот в чем дело, не сбросил. Сбрасывал, но он не упал, а вот так вот зацепился, посмотрел вверх и, когда увидел меня, немного усмехнулся. А раньше, что бы я ни говорил, он не смеялся надо мной. «Что, отец, почему ты смеешься?» – когда я сказал, «Уаллаги, вот почему я смеюсь, парень: мне привиделось, будто ты дожил до моего возраста, а я здесь повис, и твои дети тебя сбрасывали, и ты как будто бы пролетал мимо, – так мне привиделось, так мне показалось, поэтому я засмеялся», Когда он так сказал, я высадил его из корзины, в которой он сидел, корзину сбросил, а так как вы не позволили бы его вернуть, дома вы бы не дали ему жить, в одну пещеру его поместили, нося ему еду, там его содержал. «Вот такое случилось» – если я говорил, он говорил мне это: «Вот так», – если скажу, то он мне говорил, вот так. Вот этот ум я взял у него, – говорит, – это познание.

– Так где он?

– Вот в такой-то пещере.

– Он жив?

– Жив.

– Тогда мы его заберем, – сказали, пошли и привезли Бардына. Привезли и вернули Бардына в его двор.

С тех пор нарты перестали сбрасывать с горы стариков. Разве что в своем доме они умирали, и их хоронили, а сбрасывать с горы с тех пор прекратили, отец Бардыноко Бардын умер в своем дворе, и его похоронили, так говорит сказание. Я так понял.

*Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 663 – ф/6. Исп. Салих
Маиров: 1904 г.р., с. Ст. Черек Кабардино-Балкарии; кабардинец.
Звукозап. 27.09.1984 г. З. Налоева. Выписка с магнитн. ленты
З. Налоева. Перевод на русский язык А. Ципинова.*

Текст представляет собой последнюю по времени запись сказания об упразднении при посредстве нарта Бадиноко жестокого обычая сбрасывать с горы одряхлевших стариков. Мотив избавления от одряхлевших и немощных проник в фольклор из глубокой древности и типичен для многих народов во всех регионах мира. Публикуемый вариант характеризуется как высокой степенью аутентичности, так и полнотой и художественной завершенностью композиции.

23. БЭДЫН И КЬУЭ БЭДЫНОКЬУЭ И ХЪЫБАРЫЖЬ (И адэр ЖъыуқI хасэм къызэрышижамрэ бгым щыдзын хабзэр зэригъэкIуэдамрэ)

Бэдын нартым я нэхъ шу лъэрьезехь щытауэ жаIэ. Нарт хасэ зэхүэсамэ-щэ, Бэдын хасэм, гупым я нэхъыжьу яхсу, я унафэшIу щыту, апхуэду екIуэкIыурэ-екIуэкIыурэ, Бэдын къезэуэну къышыныу, хасэм тхъэмэдауэ тырагъэкIыну жырайыну щышыну, ахуэду хъуа, текГын хуей хъуауэ, иг'ы, Бэдын зы къуэ къыхуалъхуат. Къуэ къыхуалъхуар, еуэри, янэм игъэпшкIуат, Бэдын и фызым. ИгъэпшкIури пщIэкI'э иригъэПа и унэIутым, иригъэПа, дунейм къытэмыхьу. Аурэ екIуэкIым, аурэ екIуэкIыурэ, Бэдын и къуэр лы хъуа. Лы хъури... Бэдын хасэм яша. Хасэм яшауэ, «Мис иг'ы хасэр зэхэтIысхагъэнц, зэхэсү къышIэкI'ынц», – <и фызым> щыжиIым, еуэри, Бэдынокъуэ жыриIаш итIанэ:

– Иг'ы, си щIалэ, – жиIаш, – сыт пщIэфын, – жиIаш, – уэ? Уядэр хасэм яшащ, хасэм кIуаш, ауэ нобэ хасэм фIыкIэ ираджакъым, – жери. – Хасэм щIраджам, – жиIа, – къуещнэшыгъэ хэлъщ, – жери.

– Зыгуэр сщIэфынц, ди анэ, – жиIа, – ауэ сыт Iещхэ пщIану сщIэн? – щыжиIым щыгъуэ... Арати Бэдынокъуэм ар щыжиIым...

– Мыдэ къакIуэ, си щIалэ, – жери..., амбрэнывэ Iугъэлъедат. – Мы амбрэнывэм еIэри сегъэпль, – жиIа.

Амбрэнывэм еIэри, ядэм къызэрыIуихым хуэду тIукIэ къыIуидза.

– ЫIны, Алыхъ, хъуным!

Иэщэ-фащэ къышIихри зыкI'эрыригъэлъхья.
ЗыкI'эрыригъэлъхьэри...

– Иг'ы, мыхуэдэ местэм, мис мыхуэдэ пщIыпIэм, мыхуэдэ гъуогумкI'э укIуэнущ, мыра..., мыхуэдэ унэ урихъэлIэнущ.

Еуэри, иутIыпща, Iуохур зытетыр къыжыриIыри. КъиутIыпщири, шууэ къокIуэ. Хасэр здэшыIэр Алыджнэ дейт. Арати Алыджнэ къэкIуэну къежъя. Къежъэри, еуэри къэлъейурэ...,

абы плъакIуэ яIэт езынэмикIи, къаплъэри зы шу кIуэуэ ялъэгъуа. Ялъагъури, нэрыплъэ зыIуидзу къеплъя:

– Алыхъ-алыхъ, – жиIа, – мы ди хэкум щыIэнхэIым мыбы зы шу къокIуэри. И шы пэ гъуанитIым гъуэзыр къырихыу къокIуэ мыхуэдэ шу, къытхуэцIыхуркъым, – жари.

– Къаштэт, – жари, къышцIекIри еплъанэ. Зымы къахуэцIыхуакъым, къахуэцIыхуртэкъым.

Нэсыри шым епсыха. Епсыхыри щIыхъа. ЩIыхъэцI унэми, фIэхъус сэлам, адэ-модэ щымыIуу, бжэр къызэIуихри езыр-езыру къышцIыхъащ, жеIэ, Бэдынокъуэ. ЩIыхъэри...

«Уи ядэр, – жиIа, – нэгъуэцIкIэ пцIыхунукъым, – жиIа, – адыгэ цей хужь щыгъщ, – жиIа, – лъыуэ щIэсым я нэхъ инц, – жиIа, – лъыуэ щIэсым я нэхъ факIуэш», – жиIа, янэм къыжыриIа.

Арати, ядэм фалъэ иратауэ иIыгът, техъуэхъухъу. Техъуэхъухъу иIыгъти, ядэм иIыгъ фалъэр, сэшхуэ кIэрылтъир къырихцаби, Iэбэри, фалъэм еуэри фалъэр IэшЦикъутыхъа. IэшЦикъутыхъыри, блащхъуэжье хэст, жеIэ, и лъабжъэм, къыбгурыйуа, махъсымэм хэсу ящIауэ, фадэ пIашЦэм. Арати, IэшЦикъутыхъри, къыIэшЦэхуа.

– Нартхэ фхуэмыгъуэну, – жиIа, – нартхэ дэ тхуэмахуэну, – жиIа.

<Ар> жери, фалъэр икъутэш аби, къышЦиша ядэр, «Къэшэс мыбы!» – жери. Къэшэсэри, ядэр къышЦишищ аби, ядэр гъуогум къытыригъуувэжа. Ядэр гъуогум къытыригъуувэжыри: «Унэ уиIымэ, кIуэж, – жиIа, – сэ нартхэ згъээзжынц», – жиIа. Арати, ядэр къиутIыпщыжа. Яду ищЦеркъым ар, езы ядэми и къуу ишЦерIым. Арати нартхэ игъээжыри:

– Нартхэ, – жиIа, – шурэлъэс фыджэгунумэ, – жиIа, – нартхэ фыкъыдэкI, – жиIа, – нартхэ сывдэджэгуну къэзгъэзащ, – жери.

Арати, щIалэр яцIыхутэкъыми, зэрыгъэшынэжа нартхэр:

– Нобэ мыхъуми, дызыхуэзэнц. Хъэрэм<э> Iуашхъэ дызэхуипIалъэш, Хъэрэм<э> Iуашхъэ дыщызэхуэзэнц, – жари.

– НтIэ, пщэдей дэкIым, пщэдемыщцIэ сыкъокIуэ, фынэкIуэнумэ, – жиIыри, еуэри, щIалэр къежъэжа.

ЩIалэр къэкIуэжыри..., Бэдыныр нэсыжат.

Бэдыныр здэкIуэжам...

– Дауэ хъуа?

– Уалана, фызыжь, – жиIа, – нобэ сирсыкIыну къышЦЭкIынтэм, – жиIа, – мыхуэдущIалэбэлыхъ, зыщIалэгуэр, ныщIыхъэш, си фалъэр къысфIикъутэш, си фадэ пIашЦэр сфиIырикIутц, сфиIырикIутыри, си Iэпщэр иубыдьыри сыкъышЦишижаш, – жиIа. – Гъуогум сыкъытыригъуувэжыри, «Унэ уиIым, кIуэж, тхъэмадэ!» – жиIыри сыкъиутIыпщыжаш, – жери.

– А щIалэр сlyту нэхъ къэпштэнт? – жиIа.

– Iэу! – жиIа.

– Къэшту уиIам нэхъ къэпштэнт, хъэмэ быну уиIам нэхъ къэпштэнт? – щыжиIым, фызыр щеупщIым...

– Дунейм тет, – жиIа, – бын, бын лъэрэзыхъэ, зи къуэ, уи къуэ нэмыщЦкIэ, абы нэхърэ нэхъыфI, – жиIа Бэдын.

Ар щыжиIым щыгъуэ...

– НтIэ, уи къуэш, – жиIа, – ар, Бэдын.

— Іәу! Уәләһий, — жиіа, — нартым хасә щысщыным, — жиіа, — ар си къуә нәүжүкІә.

— Алыхъ, — жиіаш, — уи къuem. Уәр щхъэкІә нәзүтІыпщам, — жиІыри. — ЩІаләр плъагъум, пшыхужын? — жиіа.

— Щыгъа фащэр к'Гәрылтым, сцЫхужынщ, — жиіа.

Арати, щыгъа фащэр к'Гәрылту къышІиша. КъышІишәри, еплъыри — арат а щІаләр.

— МыраІә, — жиіа, — къыппежъар?

— Уәләһи, арам.

— НтІә, мыр уи къуәш, — жиіа.

Ауә екІуәкІым, ауә екІуәкІурә зы зәмани тәлаи к'Іуаш, ауә екІуәкІурә, Бәдйыныр жыы хъуа. Бәдйыныр жыы хъури, жыы хъур бгым яхыжрә, матә яшІу щытт а зәмаными, еуәри Бәдйыныр игъетІылтьа, «Уәләһи, схуәмук'Гыну, уәләһи, икІи схуемыгъедзыхыну сә бгым», — жери.

Бәдйыныр ишәш аби, гъуәмылә хуихъурә игъашхыу, ауәрә екІуәкІурә, аурә щыІурә, гъабләшхуэ к'өхъуа. Гъабләшхуэ к'өхъури, гъабләшхуәр здекІуәкІым, «Сыт хъыбар?» — жиІым къеупщыим, аурә щытурә, еуәри Бәдйонок'уәм гъуәмылә хуихъауз:

— Уәләһи, дядә, — жиіа, — мыщағъуә, — жиіа. — Мы сә къыппхүесхъ гъуәмыләр, — жиіа, — уәләһи, къуажәм дәсым яшхыну ямыгъуэт, — жиіа Бәдйонок'уәм. — Уәләһи, Бәдйин, — жиіа, — къуажәм и Іуохур мытәмәм, — жери.

Арати, гъатхә хъуа, ауәдурә екІуәк'Гыурә.

— НтІә, иг'ы, си щІалә, пшІэнураш, — жиіа, — ху зытельдар вә, — жиіа. — Ху зытельдар вәи, — жиіа, — жылә уимыІәми, нәгъабә ху зытельдар. Къуажәм мәл зы-тІу къахуэнам, тІы ямыІыжу щытымик'І, тІы зәрүту щыта чәтүм, — жиіа, — игъыхыи, — жиіа, — мәлүр абы иубыдә, — жиіа. — Уи мәлүр абы псәф щыхъунущ, — жиіа.

Арати, а зәрыжыхиіам хуәду ишІа. ИшІыри, Алыхъым узәрельеІуна и хур ху хъуа, и хур бәв хъури...

— Ярәби, — жиіа, — мыр дауә ауәду зәрыпщар?

— Іәу, сә къасщІә хъунуІә?

Арати, къеупщыа аргуәру:

— Уи мәлнәр псәф хъуа, дә диденәр хъуакъым, уә тІы дәнә къипха?

— Мыра..

— Хэт къыбжезыПар?

ЖиІыну мәшүинә.

— Уәләһий, къызжезыПар си ядәрам.

— Уи ядәр куәд щІаш зәребдзыхыжырә, дәнә?

— Уәләһий, езмыйдзыха. Си ядәр мыхуәдәм щыІәм, мыхуәдәм щыІәм. Мыхуәду: «Мыра хъыбарыр?» — жиІыу къыззәупщырти, жесІэри, щыжесІәм, мыра къызжиПар.

— Ыңы!

Арати:

— НтІә, Бәдйин псәужмә, къәхъыжыт.

Бәдйыныр къихыжыри к'әкІуәжащ, жеІә. КъәкІуәжыри, нартым итІанә жыы хъуар уқылын абдей щыщигъета.

Ук'ыу хъуар абдей щыщигъетыри, аурә екІуәкІурә, Бәдйин и къуә Бәдйонок'уә Сосырык'уә и дей лыгъә зыхуәгъесып'ә

щызэхуээн хуей хъяа. Бэдьинокъуэ ядэ Бэдьинрэ Сэтэнейрэ зэшыпхъуит I я бынт, зэшыпхъуит I. Арати, Алыджнэ дей кIуа. Алыджнэ кIуэри, зыдэкIуам Бэдьинокъуэ <Сосырыкъуэм> еупщиа, къыбгурыйуа:

- Уэ хэт ухъуну? – жери.
- Сэ Сосырыкъуэ сыхъунущ, – жиIа, – Сосырыкъуэ.
- Уэ хэт и къуэ ухъуну, – щыжрильм щыгъуэ...
- Сэ Сэтэней-гуашэ сырикъуэш, – жиIа, – Сэтэней-гуашэ.
- НтIэ, – жиIа <Бэдьинокъуэ>, – уэрэ дэрэ, – жиIа, – зекIуэ дыздэкIуэ хъунущ, – жиIа, – дэни дыздэкIуэ хъунущ, ауэ уэрэ сэрэ дызэзэуэж хъунукъым, – жиIаш, жеIэ, – дызэзэуэж, зэшыпхъуит I къальхуа дыкъальхужащ, – жиIаш, жеIэ.

Бэдьинрэ Сэтэнейрэ зэшыпхъуит I я бынт, жеIэ.

Ар жызыIуу зэхэсхар Тенджыз ЛэкIу жари, илтээс зытхух мэхъур ар зэрылПэрэ, зыхыбл хъурэ, къыбгурыйуа, шыбзым дей лэгъупэжьу губгъуэм ита, нарт Бэдьинокъуэ и хъыбарыр, ар жиIуу зэхэсха.

СТАРИННОЕ СКАЗАНИЕ О БАДЫНОКО, СЫНЕ БАДЫНА

(Как он спас отца от Хасы убийства стариков и как отменил обычай сбрасывания стариков со скалы)

Рассказывают, что Бадын был самым могучим из нартов. Вот, если соберется нартская хаса, Бадын там сидел старшим над всеми; вот так шло, шло, и со временем получилось так, что появились такие, которые хотели выступить против Бадына, хотели бы сказать ему, чтобы он ушел, но все же боялись его, вот так получилось. Настала пора, когда надо бы ему оставить свое верховенство, и в это время у него родился сын. Сына, что у него родился, – мать, жена Бадына – взяла и спрятала. Спрятала она и за плату отдала на содержание своей служанке, чтобы она воспитала его с условием, чтобы на свете никто об этом не знал. Так шло, так шло, и со временем сын Бадына возмужал. Возмужал он..., а Бадына позвали на хасу. Позвали его на хасу... «Вот теперь хаса наверно собралась», – когда так решила его жена, она взяла и сказала тогда Бадыноко:

– Теперь, сын мой, – сказала, – на что ты способен, спросила, – ты? Отца твоего позвали на хасу, отправился он на хасу, но сегодня его не к добру на хасу позвали, – сказала. – Позвали его на хасу, – сказала, – и в этом есть коварство, – сказала.

– Что-нибудь да смогу сделать, мать наша, – ответил он, – но что я поделаю голыми руками?

Когда Бадыноко так ответил... Итак, когда Бадыноко так сказал...

– Иди-ка сюда, сын мой, – сказала мать... там абра-камень был привален ко входу. – Толкни-ка этот камень и дай мне посмотреть, – сказала...

Толкнул он абра-камень и отбросил его вдвое дальше, чем отбрасывал его отец.

– Ага, Аллах, это пойдет!

Вынесла она оружие-снаряжение и дала ему надеть на себя. Дала ему надеть на себя и...

— Теперь, в такое-то место, в такую-то местность ты поедешь по такой-то дороге, так вот..., такой-то дом повстречаешь.

Взяла она и отправила его, рассказав, как дела обстоят. Отправила она, и он едет верхом. Хаса же находилась в доме Алиджей. Итак, он выехал, чтобы прибыть к Алиджам. Выехал он и скакет...

А у тех самих дозорные были ведь, поглядели они — и увидели едущего всадника. Приложил один к глазам подзорную трубу:

— Аллах-аллах, — сказали, — в нашем kraе нет подобного тому, который сюда едет. Из ноздрей его коня марево пышет — вот какой это всадник, мы его узнать не можем..., — сказали.

— А ну-ка! — сказали и высыпали из дома, посмотрели. Никто его не опознал, никто и не знал его.

Прибыл он и спешился, сошел с коня. Спешился он и вошел в дом. Вошел Бадыноко и, без всяких приветствий и туда-сюда, отворил сам дверь без спросу, говорит, вошел и...

«Отца своего ты ничем иным не опознаешь, говорила *<ему мать>* кроме как тем, что он одет в адыгскую белую черкеску, — говорила, — среди мужей, сидящих там, он самый рослый, — говорила, — среди мужей, сидящих там, он самый видный», — говорила мать ему.

Итак, *<Бадын>* держал в руках чашу, поданную ему, и над ней произносил хох. Держал он чашу, произнося тост, *<и Бадыноко>* обнажил свою шашку, висевшую на боку, потянулся и разбил чашу, которую отец держал в руках. Разбил — и в ней, ты понимаешь, на дне махсымы, на дне тонкого напитка, змейка серая сидела. Итак, он ее разбил, и чаша выпала из рук.

— Вам, нарты, на горе пусть будет, нам, нартам, на радость пусть будет! — молвил *<Бадыноко>*

Сказал он так, разбил чашу и вывел отца оттуда, сказав: «Садись на него!»... Посадил на коня, увел оттуда своего отца и направил на обратную дорогу. Направил на дорогу и....: «Если у тебя есть дом, уезжай домой», — сказал. Вот так он своего отца вызволил. Тут и сам он не знает, что это его отец, и отец не знает о том, что это его сын. Итак, повернул он [Бадыноко] снова к нартам:

— Если вы, нарты, — сказал, — хотите поиграть в шурыйлес, — сказал, — выходите, нарты, — сказал. — Я возвратился, чтобы с вами, нартами, поиграться, — сказал.

Ну а те юношу не знают [он им незнаком], а потому оробели нарты:

— Пусть и не сегодня, но мы встретимся. Место встречи нам Харама-гора, у Харама-горы и встретимся, — сказали.

— Ну тогда завтра пропускаем, и послезавтра я приезжаю, если вы собираетесь туда ехать, — сказал юноша и уехал.

Юноша приехал домой...

А Бадын уже прибыл домой... И там, где Бадын добрался до моя...

— Ну как прошло?

— Уаллага, старуха, — ответил он, — сегодня бы я погиб (букв.: *переплыл бы <через реку смерти>*) только вот так-то, вошел один славный юноша, какой-то *<незнакомый юноша>*, чашу, что в руках

моих разбил, разлил <максыму>, меня за запястья взял и вывел наружу, – сказал. – На дорогу обратную меня поставил и, сказав мне: «Если, тхамада, у тебя есть свой дом, отправляйся домой», – сказал и отправил меня, – так он сказал.

– Кем бы ты предпочел иметь этого юношу? – спросила <жена>.

– О! – воскликнул он.

– Предпочтешь ли иметь его братом, предпочтешь ли иметь его сыном? – так сказав, когда жена спросила...

– Есть ли на свете лучшее, – сказал, – чем иметь мощного отпрыска, есть ли лучшее, чем иметь сыном такого... – ответил он.

Когда он это сказал...

– Ну тогда это, – заявила она, – твой сын, Бадын.

– О, уалаги, – сказал он, – если это мой сын, я нартам хасу устрою!

– Аллах, это твой сын. И я его направила туда ради тебя, – сказала. – А ты его узнаешь, если того юношу увидишь?

– Если он будет в том наряде, в котором там был, то узнаю, – ответил Бадын.

Итак, она ввела юношу в том самом наряде. Ввела его, <Бадын> посмотрел – и тот самый это и был.

– Не этот ли приезжал к тебе?

– Уаллаги, этот.

– Так вот, это твой сын, – сказала жена.

Так время шло, так шло, и прошло времени один *талаи*, и вот так со временем Бадын состарился. Состарился Бадын, а в те времена было так, что кто состарится, того уносили и сбрасывали с горы. И вот настал черед Бадына. «Уаллаги, я и убить его не смогу, уалаги, я и с горы его сбросить не смогу», – сказав, <Бадыноко>... отвел Бадына <в укромное место> и стал носить ему туда <тайно> гомылу (припасы). Так время шло, и настал большой голод. Настал большой голод, и пока был этот голод <отец иногда спрашивал>: «Как дела?». И однажды Бадыноко принес припасы:

– Уаллаги, отец, неважные наши дела, – сообщил он. – такую гомылу, что я тебе приношу, живущие в селе не имеют, – сообщил Бадыноко. – Уаллаги, Бадын, неважные дела в селении.

Вот так шло, и настала весна.

– А теперь, сын мой, ты поступишь вот как, – сказал Бадын, – вспаши места, где <в прошлом году> лежало просо, – так сказал. – Вспаши там, где лежало просо, не считаясь с тем, что у тебя нет семян. Если в селении и не осталось баранов, отгони овец в старые кошары, где в прошлом году держали баранов-производителей, загони туда овец и держи там, – сказал. – Там твои овцы понесут и приплод дадут, – сказал.

Итак, как ему было сказано, так он и сделал. Сделал так, и его просо уродилось такое, о каком только можно просить у Аллаха. Уродилось его просо, и...

– Яраби, – спросили у него, – как это ты так сделал?

– Ау, разве я не могу сам знать этого!

Тогда снова спросили его:

— Твои овцы окотились, наши не окотились, — откуда ты до-
стал баранов-производителей?

— Так и так...

— Кто тебе сказал?

Он боится сказать.

— Уалаги, это мне отец сказал.

— Куда там, отца своего ты давно сбросил с горы..

— Уалаги, не сбросил я. Мой отец находится в таком-то месте, в таком-то месте. Когда на расспросы о наших делах я ему рассказал, мол вот какие у нас дела, он мне вот это и посоветовал.

— Ага-а!

Итак...

— Раз так, то если Бадын жив, доставь его обратно.

Доставил он Бадына назад и сам вернулся, говорит. Возвратился он, и на том нарты упразднили обыкновение убивать своих стариков.

Убивание всякое на том упразднилось, и вот так, живя, Бадыноко, сын Бадына, попал на встречу с Сосруко, у которого <нарты> испытывали на мужество. Бадын, отец Бадыноко, и Сатаней были отпрысками двух сестер, двух сестер. Итак, отправились к Алиджам. Отправились к Алиджам, и там, куда они прибыли, Бадыноко спросил, понимаешь, у Сосруко:

— Ты кто такой будешь?

— Я буду Сосруко, — ответил тот, Сосруко.

— А чьим ты сыном будешь? — когда так спросил...

— Я сын Сатаней-гуаши, — ответил Сосруко, — Сатаней-гуаши сын.

— Ну тогда мы с тобой можем вместе ездить в зеко, — сказал <Бадыноко>, — куда угодно можем вместе ездить. Но мы с тобой не можем драться, — сказал, говорит, — драться не можем, ибо мы происходим от тех, которые произошли от двух родных сестер, — сказал, говорит.

Бадын и Сатаней были отпрысками двух сестер, говорит.

Это я слыхал от Лэку Тенгизова; прошло лет шесть-семь, как он умер. Шесть-семь, понимаешь; он был старшим табунщиком, всю жизнь в пастбищах провел. От него я услышал этот хабар о нарте Бадыноко.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 690-ф/26. Исп. Хачим Сеинов: 1930 (1926) г.р., с. Нартан Кабардино-Балкарии; кабардинец. Звукозап. 25.11.1985 г. З. Налоева. Выписка с магнитн. ленты М. Бухурова. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой контаминацию двух сюжетов — о первом появлении нарта Бадыноко на хасе нартов (избавление отца от расправы) и об упразднении обычая умерщвления стариков сбрасыванием их с горы. Так же налицо отголоски сюжета о побратимстве нартов Сосруко и Бадыноко.

Талай (тэлай) — мера времени, соответствует словосочетанию «некоторое время».

Гомыла (гъуэмьилэ) – съестные припасы, собираемые на дорогу или на любой случай временного отсутствия дома.

Ay (Іэу) – междометие со значением удивления.

«...к Алиджам» (Алыджхэ дэж) – форма, употребительная в адыгских языках; называнием имени одного из домочадцев (или фамилии) в форме множественного числа обозначается вся семья.

24. БЭДЫНРЭ БЭДЫН И КЪУЭМРЭ Я ХЪЫБАР

НтІэ, бын ямыІыу-щэ, «Бын диІынуІым», – жари я гугъэр хахыжауэ, Бэдын, Бэдынрэ и фызымрэ бын ямыІыурэ, и фызыр уэндэгъу хъури, гу зылъыримыгъатурэ, и бгыр щІик'кузэми сътми гу зылъыримыгъатурэ, фызым щІалэ цІык'ур къельхури, щІалэ цІык'ур дунейм къытыримыгъыху зыщишІэ щепІ, Бэдын имышІу. ЩепІыри, егъасэ, егъашхэ, зэрыхуейм уэду, фызыми-щэ лыгъэ яІагъант а зэманным. Балигъ мэхъу, и Іэщэ-фащэхэри-щэ зерегъэпэш, ишнэри-щэ зерегъэпэш, хэплъыхъауэ.

Бэдын лыжъ хъуати, нартнэм-щэ яук'ыну унафэ яща, а щІалэм ядэ Бэдын. Унафэ зэрашЦар Бэдын и фызым къишЦат, «Адыдыд мыгъуэ, яук'ынура мыр», – жери.

– Күэдщ мы Бэдын-щэ тхъэмаду къызэрхтхэсар, күэдщ, мыр дывгъэукІ, – жари <нартхэм>...

Сътми, мо Мысостей хуэдэ къуажэ цІык'у хуэдэм-щэ, абы ефэшхэ щащЦыри, Бэдын абы зыхагъэтІысхъауэ абдэй щаук'ыну, и махъсымэм-щэ блащхъуэжъей хаутІышихъу ирагъэук'ынурати, фызым ар, Бэдын и фызым, къишЦати, и къуэм мыдрейм жыреІэ, и къуэр къышЦеш, и шыр къышЦеш:

– Иджы, балигъ ухъуаш, съзэрхуейм хуэду-щэ, къыбгурыйа, са ухъуаш. Уи ядэр яук'ынущ, – жиІа, – иджисту мохуэдэ къуажэ цІык'ум, мохуэдэ унэм дей щІесщ, жъантІэм дэсынуущ, – жиІа, – уи ядэр. Махъсымэ шынакъыр къыІэщЦагъэувагъэнк'Гэ хъун, къыІэщЦамыгъэувамикІ, къыІэщЦагъыувэу яук'ынураш, – жиІаш, – уи ядэр. ЩІэхъу унэсу къазэрыІэщЦэбгъэк'ын..., – жери щІалэр иутІышищ аби-щэ, мо зы километр, километритІ хуэду иІыжу-щэ нэсыным, а унэм нэсыным иІыу, и щІопщауэ макъымк'Гэ-щэ, Бэдын и къуэм и щІопщауэ макъымк'Гэ нартнэр зэхэзежэ хъуя.

– Алыхъым и цІэк'Гэ соІуэ, ди мыхэку шу ди хэкум къихъам, дэ-нэ къик'амикІ. Ди унагъуэбжэр хуэтЦыжаш, – жари <нартхэм>...

Нэсщ, зыригъэльэтэхщ шыми, шы фІэдзапІэм фІидзэри, щІыхъэри нартнэм заригъэдигъуа, атк'Гэ-мытк'Гэ зык'уадза. И джатэр къырихири, мо жъантІэм дэс лыжъым, мо стІолым щхъэпрыІэбык'ыри, и бгырышхыпІэм дей фІигъанэш джатэ-пери, къыдигъыувык'аш мор, къупщикъэ гуашэм хуэду:

– Хъунщ, тхъэмадэ, мыбы уазэрхэсар, унэ уиІымэ, к'уэж, – жери, ядэр ахуэду <къригъэжъэжаш>, махъсымэм ефапІэ иримыту.

Арати, Бэдын къэк'уэжри, и фызым дей къышЦыхъэжыри:

– ЩІэхъу, фызыжъ, хуабэшЦыпс схуэшІ, – жиІа, – Алыхъым и цІэк'Гэ соІуэ, си дзажэр игъэузам, – жиІа, – хуабэшЦыпс схуэшІ, –

жила, – си дзажэр игъэуза. Ди мыхэку шу ди хэкум къихъаш, – жила, – дунэхъуаш, – жила.

– Сыт къыуицтар, дэн-щыгэ, сегъэплъыт, – жери...

И дзажыналъит икъутат, жи, къышыдихым щыгъуэ, сэшхуэпэмкгэ къышыдихым.

– Алыхь, уи дзажыналъит къутам, – жери...

– Уэлэни, ар зыгуэр зэрикъутар сэцэрт сэ абы, – жери-щэ, – ди мыхэку шу ди хэкум къихъа, ди унагъуэбжэр хуэтшыжа, – жери...

Ягъэгъуэльта, хуабэцыпс хуицтыри иригъэфа, <...>, хъэнтхъупс, прунж хъэнтхъупс яцтыри, къырагъэпцину.

Дзажэр къута иужькгэ, дохутырими ара къышхуацгэнур. «Хуабэцыпс», – жалыу щита ипэкгэ. «Хуабэцыпс ефэн хуей зи дзажэ къутар», – жалыу щита. Иджыри ара.

Ауэрэ <физыр> еупцла:

– Нтгэ, а шур уи къуэм нэхъ къэпштэну, хъэмэ уи къуэшым нэхъ къэпштэну? – <...> жери физыр къоупц, Бэдын и физыр.

Бэдын жери:

– Уэлэни, къуэшыри хъарзынэм, ауэ си къуу щитам, нэхъ къэсштэну мыгъуэтэм, – жила.

– Нтгэ, уи къуэш, – жила, – ар.

– Дауэ?

– Мысхуэду-мысхуэду, мыращ-мыращ, мысхуэду-мысхуэду ильэс лъандэрэ спла, ара.

– Ынти.

Сытыми, ахуэду физ къырагъэшэну... Иг'ы, къокгүэж Бэдын и къуэри...

– Иг'ы, сывэрыхуейм хуэду ухъуаш. Хъарзынэш, тэмэмш, ауэ иджы къуумышу, физ къуумышу сарэзыгы, – жери пеубыд и анэм.

– Нтгэ, хъуным, къэсшэнш, ауэ хэт къэсшэн, уэ нэхъ хэт уигу ирихырэ, ди анэ? – жери къыщеупцгы.

– Малчысхуэшэ, нэгъуэцц сыхуейгы, – жила.

– Хъунц, – жери зызэргъэпэшыри-щэ, а зэманым щыгы къыцгынт форму чэтэн джанэ-гъуэншэдж, чэтэним къыхэцгыгай-щэ, арауэ къыцгынт щыгы, зызэргъэпэшыри къяа Малчысхуэх дей Бэдын и къуэр.

Куэри, Малчысхуэх зы къулей гуэрү къыцгынт, хъэшхуэжь, хъэ къуэлэн ин, хъэ бзаджэж гуп дэлтти, къаувыхъаущэ щалэр ягъакгүэтэгы, пшлантгэкум дей. <...> Малчысхуэх щхэгъубжэмкгэ къыдэплъэри...

– Ей, дянэ, – жилаш, – мо щэпым зы щалэ хашхыхь, – жилаш, – мы хъэм.

– Сыт жыпгэр, къэмыхъун, ямылтагъужын, щэп жыхуэпгэр, дэнэ щэп къыздиктар? – жери.

– Мисым, Алыхь, – жилаш, – щэпым хашхыхым, – жилаш, – къаувыхъаущэ.

«Щэп» щыгыгыр чэтэн джанэ-гъуэншэдж щыгъым щхэгъэ жилаурат.

– Укъэмыхъукгэ уэ, – жери, янэр къыцгыгыри, блишыри, щалэр щишэри иригъэблэгъа.

Щалэр псэлтыхъут, мобы льыхъуну кIуаурат, зыригъэлъагъунуи, янэр щIэкГа, мор къышIена. ТIэкIу мыбыкГ экIуа, жыхафэгу<мкIэ>, мо пасэрей унэ кГыхыжым, къэкIуэжа, мо хъиджэбзыри щIэтти, зы пхъэ пшынэжь гуэр фIэльти, къыфIихыри:

– Уцыхубз зэкГэлтыкIуэт, ауэ ущIакъуэ нэпцIщ, – жери къыригъэкГа пхъэ пшынэжь блыным фIидзэжар къыфIихри къыригъэкГа:

– СыщIакъуэ нэпцIкъым, нышэдibэ си лъэгурыйдз лъэнекъуэр къыссыгъупщаураш, – жери.

Арати, къишац Малчыпхъу Бэдынокъуэм.

Аүэдэ щIыкIэкIэ къишац, жари ар жайту зэхэсха.

СКАЗАНИЕ О БАДЫНЕ И СЫНЕ БАДЫНА

Так вот, когда Бадын и жена Бадына уже разуверились в том, что у них будут дети, а детей у них не было, <вдруг> жена забеременела. Она, не выдавая признаков, подвязывая талию, не обращая внимания <мужа> на беременность, рождает мальчика и втайне от Бадына растит его. Растит его, воспитывает, кормит, как она сама желает; в те времена, наверно, и среди женщин тоже были обладавшие мужеством. Вырастает <мальчик, и мать> готовит ему оружие-доспехи, снаряжает ему коня – всё отборное.

Бадын <к тому времени> состарился, и нарты, видишь ли, решились его убить, убить Бадына, отца того юноши. Жена Бадына узнала о том, что так решили нарты: «А ды-дыд, о горе, неужто его убьют!» – испугалась она.

– Довольно, сколько этот Бадын сидел у нас тхамадой, довольно, давайте теперь убьем его, – так говорили <нарты>.

Как бы ни было, устроили пиршество в одном таком маленьком селении, как вон тот Мисостей, усадили в своем кругу Бадына, намереваясь его там убить, а в его махсыму пустили серых змей, чтобы те его ужалили. Жена, Бадына жена об этом узнала, и вот она выводит своего сына <на белый свет>, выводит его коня:

– Теперь, <сынок>, ты возмужал, стал таким, каким я хотела видеть, понимаешь... Твоего отца хотят убить, – сказала, – сейчас он сидит в таком-то доме в таком-то селении, будет он сидеть на почетном месте, – сказала, – твой отец. Может быть, ему в руки дали чашу с махсымой, если и не дали, то хотят дать и убить, – сказала, – твоего отца. <Скорее садись на коня и> как бы его спасти тебе... – сказала так и отпустила парня. И когда до того дома оставалось с километр или с два километра, от звука удара его плети нарты уже забегали в панике.

– Аллаха именем клянусь, откуда бы он ни был, в наш край явился всадник не из нашего края. Конец всем нам настал, – заговорили они.

Прибыл он, соскочил с коня, привязал его к коновязи и заставил нартов притаиться, прятаться по углам. Обнажил он свой меч, потянулся через стол туда, где на почетном месте сидел тот

старик, поддел его за пояс и, приподняв, словно лубочную куклу, извлек оттуда:

— Достаточно, тхамада, сколько ты сидел в этой компании, если у тебя есть свой дом, возвращайся к себе, — сказал он, не дав тому возможности выпить махсыму.

Итак, Бадын возвратился домой, вошел к своей жене:

— Скорее, жена, приготовь мне *хуабашыпс* (букв.: теплого жидкого), — сказал, — Аллаха именем клянусь, он причинил боль моим ребрам. В наш край явился всадник не из нашего края, — сказал, — конец нам, — сказал.

— Что он тебе сделал, дай-ка посмотреть, — сказал...

Оказалось, что он сломал два ребра, когда концом меча поднимал его.

— Аллах, твои два ребра поломаны, — сказала она.

— Уаллаги, я знал, что он что-то мне поломал, всадник, явившийся не из нашего края, пропали мы, — сказал <Бадын>...

Уложили его, подготовила она ему *хуабашыпс* и дала выпить — ну *хантхупс*, рисовый хантхупс приготовили, чтобы живот выпичивало. Когда ребра сломаны, то и доктора только это же и могут тебе сделать. Раньше это называлось *хуабашыпс*. «У кого ребра поломаны, тот должен пить *хуабашыпс*», — так говорили. Да и сейчас так.

Тем временем <жена> спросила:

— Так, что же ты предпочел бы — иметь этого всадника, то ли сыном хотел бы иметь, то ли братом хотел бы иметь? — сказал, спрашивает жена, Бадына жена.

Бадын отвечает:

— Уаллаги, и брат такой это хорошо, но будь он моим сыном, я бы это ох как предпочел! — сказал.

— Так он твой сын, — сказала она.

— Как?

— Вот так-то и так, то-то и то-то, столько-то лет я его <тайно> воспитывала, вот так.

— Ага-а...

Вот таким образом, решают его женить... Между тем и сын Бадына возвращается...

— Теперь ты стал таким, как я хотела. Прекрасно, хорошо, но теперь необходимо тебе жениться, я не буду удовлетворена, пока ты не приведешь жену в дом, — говорит и такое условие ставит мать.

— Ну, если так, женюсь, только на ком я женюсь — кто тебе больше по душе, мать моя? — когда он так спросил...

— Приведи мне Малечипх, другой не хочу, — ответила она.

— Хорошо, — сказал, он снарядился; в те времена, наверно, были нарядом холщовая рубаха да штаны, изготовленные их холстины, видишь ли, видимо, это тогда только и было; и вот снарядился и отправился к Малечипх сын Бадына.

Прибыл он, а семья Малечипх, наверно, была из богатых, и во дворе у них были серые матерые собаки, пегие собаки, злые огромные собаки, и они окружили парня посреди двора и не давали ему пройти. <...> А Малечипх выглянула в окно и сказала своей матери:

— Эй, мать наша, — сказала, — там в конопле эти собаки какого-то парня загрызают.

— Что ты мелешь, чтобы тебе не достичь зрелости, чтобы тебя на этом свете не видали, какая конопля, откуда здесь конопля? — сказала <ее мать>.

— Так вот же, — сказала та, — загрызают в конопле, — сказала, — окружив со всех сторон.

Она говорит «конопля», намекая на то, что он был одет в холщовые рубаху-штаны.

— Да не достигнешь ты взрослости, — сказав, мать ее вышла, провела парня и ввела в дом.

Парень был женихом, приехал, чтобы свататься к ней, познакомиться, поэтому мать вышла, а те остались в комнате. <Она> чуть прошлась туда, в сторону порога, в том старинном длинном доме, прошлась назад, та девушка; на стене висела одна старая *пхапшина*, он снял ее и:

— Ты девушка ладная, только чуть прихрамываешь, — вот так он наиграл, сын Бадына, на старой *пхапшине*.

Малечипх же повернулась, сняла со стены *пхапшину*, которую он повесил обратно, и сыграла вот что:

— Я не прихрамываю, а просто сегодня утром <одевалась> забыла положить один подследник, — вот так.

Итак, вот Бадыноко женился на Малечипх.

Таким вот образом он женился, как я слышал.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 690 – ф/25. Исп. Миша Хамуков: 1926 г.р., с. Нартан Кабардино-Балкарии; кабардинец. Звукозап. 25.11.1985 г. З. Налоева. Выписка с магнитн. ленты М. Бухурова. Перевод на русский язык А. Гутова и М. Бухурова.

В тексте контаминырованы сюжеты о первом выезде нарта Бадиноко (спасение от гибели отца на нартском санопитии) и богатырском сватовстве. Второй сюжет осложнен мотивами умной и острой на язык невесты (Малечипх — главный персонаж другого цикла) и «говорящего» музыкального инструмента, устойчиво закрепленного за героем цикла о нарте Шауе.

Хуабашыпс (*хуабэшЫпс*) — архаизм: *похлебка*; специально приготавливаемая для тех, у кого случился перелом реберных костей. Для того, чтобы ребра правильно и надежно срослись, требуется, чтобы их постоянно распирало изнутри, для чего больных обильно потчевали похлебкой (см.: «...чтобы живот выпячивало»).

Хантхупс (*хъэнтхъупс*) — суп, похлебка.

Пхапшина (*пхъэ пишина*) — смычковый музыкальный инструмент, род скрипки.

25. НАРТ ШЭБАТЫНЫКЬО ИПЩЫНАЛЪ

Нарт Шэбатыныкъоба, уа-орэда,
Лыхъухэр зинькъокъогъуба, уа-орэда,
Хъэгъу-штъугъо бэшЫба, уа-орэда,
Шыумэ анахы пагэба, уа-орэда,
Шыумэ япэгэкЛышты, уа-орэда,
Хашэмии ааххъэшты, уа-орэда,
Гъуазэми рыдэкЛышба, уа-орэда,
Нарты Шэбатыныкъуа, уа-орэда!

– Нарт яЛахъо-цаухъошты, уа-орэда,
Нарт ячэмэхъожъыба, уа-орэда,
Къорэгъыжъ лъэштьу гуш, уа-орэда,
Тэ ѢыI нарт яунэхэр, уа-орэда?

– Нартымэ яунэхэр, уа-орэда,
Ори къэплъэгъугъэ гуш, уа-орэда,
Унэ фыжбы кЛыхъэба, уа-орэда,
Унэ къебэ-небэ гуш, уа-орэда,
Клэсэныбэ кЛэтыба, уа-орэда,
Нартымэ яунашхъэхэр, уа-орэда,
Дыштэ бгъэны фыжъыба, уа-орэда,
Дыштэ бгъэны ГуантIэ гущи, уа-орэда,
Нарты Шэбатыныкъо гуш, уа-орэда,
Ра, мы Иэкуандэ-дахэмии, уа-орэда,
Ра, укъилъэгъунышты, уа-орэда,
Ра, къыспkIэнэkIэнни гуш, уа-орэда,
А къыпщыдэхъашхыныба, уа-орэда!
– Ра, къысфеуцIэпЛышба, уа-орэда,
Ра, мы хъэжъы-хъэбзэуи, уа-орэда,
Ра, мы хъэбзы ежъагъэ гуш, уа-орэда,
Дыштэ пхъэбгъужъыехэри, уа-орэда,
Сыд папkIэ оуцIэпЛышба, уа-орэда?

– Ра, мы тянэ, тянэ гуш, уа-орэда,
Ра, мы тянэ делэба, уа-орэда,
Ра, зы шыу къакЛошты, уа-орэда,
Иэкуандэм ипсэлъыхъо гуш, уа-орэда,
Иэкуандэм илъыхъуакЛоба, уа-орэда
Иэкуандэм зыкъызэкЛеупkIэшты, уа-орэда,
Нарты Шэбатыныкъоми, уа-орэда,
Ра, къыстыпэгъокЛышты, уа-орэда,
– Еблагъэр! – къыреЛоба, – уа-орэда,
Нарты Шэбатыныкъоба, уа-орэда,
О тицу шхъожъы пэплъыхэр, уа-орэда,
О уикъурмэншхъэ гуш, уа-орэда,
Ра, чэмыйгъэ яехэр, уа-орэда,
Ра, уихъэкIэныштыба, уа-орэда!
– «Еблагъэр!» къысаLo гущи, уа-орэда,
Ра, мы хъэбзы-хъэбзы гуш, уа-орэда,

Ра, мы хъэбзыжъы уд гущи, уа-орэда,
Зышхъэ мыпсэкІыхэр, уа-орэда,
О пфэмьидэ сэльэгъу гущ, уа-орэда.

Іэкуандэм къырифылІышты, уа-орэда,
Іэкуандэр къырихъыжъеба, уа-орэда,
Іэкуандэр къызэтхъокІышты, уа-орэда,
Ра, дышъэ шышІоіухэм, уа-орэда,
Ра, къысфебэнгъэ гущ, уа-орэда,
О дышъэ шышІоіухэри, уа-орэда,
Ор къыхыретхъышты, уа-орэда,
Іэкуандэм итемэнхэм, уа-орэда,
О къыхыретхъышты, уа-орэда,
Іэкуанэм итемэнхэм, уа-орэда,
Ор хыргъэкуагъэба, уа-орэда,
Іэкуанэм ипсэлтыхъухэм, уа-орэда,
Лъагъор афишІыгъэ гущи, уа-орэда.
Нартым илъэрыгъыхэр, уа-орэда,
Дэышъэ лъэрыгъыпсы гущи, уа-орэда,
Нартым ионэпсыхэр, уа-орэда,
Дышъэпсым хагъао гущи, уа-орэда,
Нарты шхомылакІэхэри, уа-орэда,
Дышъэ шхомылакІэ гущи, уа-орэда,
Нартым иши джабгъухэм, уа-орэда,
Нартымэ ятамыгъэхэр, уа-орэда,
Ра, къысфытедзагъэба, уа-орэда.
Іэкуандэр къысфычІедзышты, уа-орэда,
Іэкуандэм къепэгэкІышты, уа-орэда,
Нарт Шэбатыныкъохэри, уа-орэда,
Ра, къашІокІожыба, уа-орэда!

ПЩИНАТЛЬ О НАРТЕ ШАБАТЫНЫКО

Нарт Шабатыныко, ба, уа-орада,
Мужи доблестные кому соперники, ба, уа-орада,
Много свершающий, ба, уа-орада,
Среди всадников самый гордый, ба, уа-орада,
Со всадниками высокомерно себя держащий, уа-орада,
В хасу он вступает, ба, уа-орада,
И по пометке он выезжает, ба, уа-орада,
Нартский Шабатыныко, ба, уа-орада!

Нартский пастух коров-быков, уа-орада,
Нартский пастух коров могучий, ба, уа-орада,
Жердь большую таскающий, гущ, уа-орада,
Где находятся нартские жилища (букв.: дома), уа-орада.

Нартов жилища, уа, орада,
Ты и сам увидел, гущ, уа-орада,
<Это> дом белый длинный, ба, уа-орада,

Дом перекосившийся, гущ, уа-орада,
Со многими опорами, ба, уа-орада,
Нартских домов крыши, уа-орада,
Золотые кровли белые, ба, уа-орада,
Золотые кровли крученые, гущ, уа-орада,
Нартский Шабатыныко, гущ, уа-орада,
Ра, эта Акуанда-красавица, уа-орада,
Ра, увидит тебя, уа-орада,
Ра, посмеется над тобой, гущ, уа-орада,
А, смеяться будет над тобой, ба, уа-орада!
— Ра, *<она>* мне гадит, ба, уа-орада,
Ра, эта собака старая, собака-сука, уа-орада,
Ра, ты, сукою ставшая, гущ, уа-орада,
Золотые пластиночки, уа-орада,
Почему ты огаживаешь? ба, уа-орада.

— Ра, ты наша мать, наша мать, гущ, уа-орада,
Ра, ты наша мать глупая, ба, уа-орада,
Ра, один всадник сюда едет, уа-орада,
Он Акуанды жених, гущ, уа-орада,
Акуанды он искатель, ба, уа-орада.
Акуанда прихорашивается и... уа-орада,
Нарту Шабатыныко, уа-орада,
Ра, навстречу выступает, уа-орада,
«*Еблага!*» ему говорит, ба, уа-орада.
— Нартский Шабатыныко, ба, уа-орада,
O, наши быки серые рыжемордые, уа-орада,
Тебе — жертвенные животные, гущ, уа-орада,
Ра, коровы яловые круглые [упитанные], уа-орада,
Ра, в честь тебя угощение, ба, уа-орада!
— «*Еблага!*» мне говорит, гущ, уа-орада,
Ра, эта сука-сука, гуща, уа-орада,
Ра, эта сука старая ведьма, гуща, уа-орада,
У которой голова неприбранная, уа-орада,
Не таких, как ты, я видываю, гуща, уа-орада.

К Акуанде он подскакивает и, уа-орада,
Акуанду уносит, ба, уа-орада,
Акуанда назад поворачивает и, уа-орада,
Ра, золотые коновязи, уа-орада,
Ра, хватает, гущ, уа-орада,
О, золотые коновязи, уа-орада,
Ор, вырывает и, уа-орада,
В трясины Акуандовы, уа-орада,
О, *<коня своего>* притащить заставляет, уа-орада,
В трясинах Акуандовых, уа-орада,
Ор, вываливать заставил, ба, уа-орада,
Женихам Акуандовым, уа-орада,
Тропу он построил, гуща, уа-орада.
Нартские стремена, уа-орада,
С золотыми подтяжками, гуща, уа-орада,

Нартские подпруги, уа-орада,
Позолоченные, гуша, уа-орада,
Нартские поводья, уа-орада,
Золотые поводья, гуша, уа-орада,
Нартские тавра, уа-орада,
Ра мне [моему коню] нанесены, ба [ведь], уа-орада,
Акуанду он бросает и... уа-орада,
Акуанду не удостоив чести, уа-орада,
Нарт Шабатыныко (букв.: *нарты Шабатынуки*), уа-орада,
Ра, от них уходит, ба, уа-орада!

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 89–91. Исп. Мурат Чужев: а. Егерухай Адыгеи; егерукай. Зап. 22.11.1935 г. Других сведений нет. Перевод на русский язык А. Гутова.

...*Где находятся нартские жилища?* – здесь и ниже в некоторых фрагментах стилистика языка эпоса допускает употребление формы множественного числа вместо формы единственного; поскольку подобное или налицо, или не исключено, наш перевод условный.

Еблага (еблагъэ, къеблагъэ / еблагъ, къеблагъ) – формула приглашения в гости; букв.: «будь близким» / «будь гостем».

«...*наши быки...*» – согласно стилистике эпического повествования, форма множественного числа может употребляться по отношению к предмету в единственном числе.

26. НАРТ ПЩЫ БЭДИНОКЬУЭ И ХЪЫБАР (Хасэм зэрыкIуамрэ Лъэти и пхъур къызэрашамрэ)

Нартхэ я Бэдинокъуэ, чынтыр зи ныкъуэкъуэгъу, и зекIуэнры къышохъэри, и уанэжъыр тырекъуэ. Нартхэ я Бэдинокъуэ, чынтыр зи ныкъуэкъуэгъу, Псыжь икIыгъуэ закъуэт, шы джабэпси хуэхъукъым. Іэхъуэ цIыкIум ныхуозэри:

– Уэ бохъу апщий, Іэхъуэ цIыкIу! – жыреIэ.

– Упсэу апщий, еблагъэ! Нартхэ я Бэдинокъуэ, зи щхъэр тхуэмымлъагъу, зи цIэм димыгъэпсэху, – жеIэ. – Выгъуэм и бжъэпэпсыр уи хъэцIэ нышищ, гъэлъэхъум и пшэрыр уи Іэпэшыпсщ, санэхум и фадэр щIэтIауэ щIэтщи, къыпхушIедгъэхынщ, Сэтэней-гуашэр ди пхъужь хъэцIэш, – жи.

– Выгъуэм и бжъэпэпсыр хъэдэIус ухъу, гъэлъэхъум и пшэрыр псэхэлIэ ухъу, санэху и фадэм дзыгъуэр хэулIэ, Сэтэней-гуашэр и анэр хъэм <...>, сэ ешхакIуэ-ефакIуэ сыйжеjъакъым. Нарт щауэгъу солтыхъуэри, нарт хъыбар къызжэIэ!

– СщIэркъым сэ нарт хъыбар!

Пщы Бэдинокъуэ мэгубжыри къамышыкIэ тоухь.

— хей, хей, нартхэ я Бэдинокъуэ, зэ бэяу! Си фокІэшЦыжым гыныгъуэ щЦизгъэфыхъар нобэ хуэдэ зы мацуэц, — жери фокІэшЦыжым къышеІекІэ, Бэдинокъуэ щЦопщэуэнэр щегъэт.

— «Нартхэ я Іэхъуэ щЦалэжь цЫкІу нартхэ Бэдинокъуэ жаІэу цІэ зиІэр пабжъэм хиукІыхъаш», — жаІэу къыпхуэфацкъым, абы шхъэкІэ укъызогъанэ, ахъумэ узукІыннут, — жери ар къыжыреІэ.

Бэдинокъуэ щЦогъуэжри, йожъэжри зы теуэгъуэ икІуауэ:

— Хээ-хьеий, нартхэ я Бэдинокъуэ! — кІэльогуоури, Бэдинокъуэ къегъазэри... — Губжья-губжьяуэ сопсалъэри щЦопщ удыни хэсхац, зы хъыбари бжесІынц, — мыр жеІэ: — Нартхэ я санэхуафэц, нартыжъхэри зэхэсц, Насрэн ЖъакІэри яхэсц, санэху кІадэри къышытц, Сэтэней-гуашэри къышысц, Сосрыкъуэжь цЫкІури щЦэсиххэц. Мы жылэм къуажэкІэм дыхын дэгъэзи, Сэтэней-гуашэ и унэІутитІыр къыдигъэжынци шхъэлъашЦекІэ къыуигъэлъэІунц — хуумыгъазэ. Дыхъэжынци, Сэтэней-гуашэ къыдэжынци къольэІунц, шхъэлъашЦекІэ — хуумыгъазэ. И бгъафэ хужыр зэлтыГуихри иригъэлъэгъуаш — хуигъэзакъым. И гъуэншэджыр лъигъэфтри и хээрэфтым Іуигъаплъэри — хуигъэзаш. Жэш бысым абы щырихри, пщэдджыжым къуажэбгъумкІэ дэкІри дригъэзэяц. Дригъэзэйри, нартхэ дей дэтыр къаплъэри къальэгъуаш. ЩЦэлъадэри унэми жыраІаш, нарт ефэ зэхэсым:

— Мыбы зы шу къокІуэри, япэмкІэ дыгъэр щопс, яужыр пшагъуэ гуэрэнц, ишхъэм къуанцІэр щызэрзыхъэ, и дамэ лъэныкъуэм уэсышхуэр къышос, и дамэ лъэныкъуэм дыгъэшхуэр къышопс, и шыпэ бзийм къыриху маскІэм мы гъуэгу напщІэр елыгъуэ, езбы зелыгъуэж.

— НтІэ, ар зи шуукІэр нартхэ я Бэдинокъуэц. Нартхэ я Бэдинокъуэ мы гуп дыгъэлым къытхыхъэм — дыхъэлэчиц.

— НтІэ, дауэ тщыну?

— Фадэ плацІэм щыщ гупыбжъэм ифкІи, блашхъуэжьеин хэвдзи, Бэдинокъуэ абы иукІынц.

Фадэ плацІэм щыщ гупыбжъэм ирагъахъуэш, блашхъуэжьеин хадзэри... Бэдинокъуэ нэсанц. Иджы, нартхэ Іэлыйдджхэ я унэм уекІуэлІэн шхъэкІэ, зы шэд гуэр иІыт, цЫху гъэунэхупІу, а шэдым имыкІыр лы мыхъуу. Иджы, а шэдым имыкІыу, хэмыхъу, еуэц ишми, шэдым ельяш. Къамышы уэ макъыр зэхэзыхар къышЦэжац, щытхэр; щысхэр къышылъеташ. Нарт Бэдинокъуэ ирагъэпсихри, щЦыхъэри, гупыбжъэр къыратри, **<Бэдинокъуэ>** и пацИитІыр маисэти, и пацІэмкІэ хэуэц аби, блашхъуэжьеиншир плланэпэм дигъэзыхри, фадэр ирифри, блашхъуэжьеир плэтІаэ-лъэкъуауэу илъу яритыжац. «Мыр шхъэ къызэфщІа?» — жимыІыу ефэ гупым яхэтІысхъаш.

Ефэурэ зэхэсурэ, Сосрыкъуэжь цЫкІур къэчэфщ аби, къышылъетри, Іэнэм дэлъейц аби зыхитІаш.

— Абы нәхърә нәхъ хъэләмәт сә фәзгъәлъагъунц! — жиIәри, зы нартыжъ къэтәджри, сәшхуәпәмкIә хихуәщ щIыми, сәшхуә Iәпшәм тету зыхитIащ.

Бәдинокъуә къэтәджри, сәшхуә тIыгумкIә хихуәри, сәшхуәпәм тету зыхитIащ.

Гупыр къоқъутәж.

Нарт Сосрыкъуә Лъәпш и пхъум лъыхъурт, къыримыту щытт. Лъәпш абы дэтти жыриIащ:

— Упсалъэм, нартхә сашыщ, жоIә, Сосрыкъуә. Уәләний, абы узыбгъуригъуувәм, нартхә уашыщыр пәжым! — жери. — А умыгъуэтри бгъуэтынц, — жери, и пхъур къыритыну.

— Сосрыкъуә къызбгъурууувә! — жери, щIәхыу шәсш аби, Бәдинокъуә бгъурууувәри къыдәкIыжащ.

Сосрыкъуә щIыIә зищIыфу щытт. Уае бзаджә зрищIәкIаш, молы ахъырзәманыр игъепIыщIащ.

— Бәдинокъуә, — жиIащ, — унеблагъэрә зыбгъәхуабәм гуапә спыхъунут. Сәри Сэтәней-гуашә сырищIаләш, си унәжьри мыдежщ.

— Уәләхъә, сынебләгъәнүм! — жери мо Iейуә пIыщIар ебләгъаш.

Еблагъәри, Сосрыкъуәм хуабә зищIыжри, хуәбәжаш. Ефәешхә къырищIәкIащ. Ешхә-ефә къырищIәкIауә щысу, мыст, Лъәпшым дей нагъәсащ:

— Уәләний, уи пхъур ихъам Сосрыкъуә! Уәләний, Бәдинокъуә абы дей ебләгъам! — жари.

— Минрә ебләгъам, Сосрыкъуә си пхъур естынкъым! — жери, и гур зәщIищIәш аби, и пхъур иригъэтIысхъәри, еуәри ежъәжащ, хәкум икIыжыну.

Ежъәжар, хъыбарыр щIәхыу модрейм нагъәсыжащ: «Хъуаш, араш, ежъәжащ».

Бәдинокъуә зәхихаш — щыжайIәкIә, зәхәпхынкъә! «Ей, ауэ вгъәбәяут а псалъэр!» — жери, ягъәбәяуш. Аурә щысурә нәху щыри, Бәдинокъуә щышәссыжым: «Сә сөжъәжыркъым, Сэтәней-гуашә, дыгъуәпшыхъ зы хъыбар зәхәсхаши, а хъыбарым кIә имыIыу. МыбыкIә къәзгъәзәжынущ сә», — жыреIә. Сосрыкъуәрә абырә шым мәшәс, зыбгъуроувәри макIуә Лъәпш дей, гу лъәужъ къыдәкIам тоувәри, гу лъәужъир ирахужъәри — жыжъә ягъәкIуэнт гувыр! Зы хуей гуәрим ихъәри, выр игъәшхәну щитIыкIауә, Лъәпш гурыгъышәм дей, и пхъур гум тесу кIәшIохъә.

— Мыр умыщIапхъәу щIащ, Лъәпш, ущIуаш: уипхъу Сосрыкъуә ишәмә, ущIәмыйгуфIәр сый! Сосрыкъуә нартхә яшыщ, уә ульхукъуәщауәжъщ, — жери шыщхъәр мыдкIә къышциIуэнтIәжым, Iәбәри, хъыдҗәбзым и блыпкъыр иубыдри, шыплIәм къыдигъэтIысхъәри къежъәжащ Бәдинокъуә.

Сосрыкъуә абдеж щыту къәнаш. Аурә тәлей дәкIри, къыкIәшIыхъәжащ.

— ЛПо, Сосрыкъуә, щхъә укъәгува? — жиIащ.

— Уәләхъий, хуәфащә есщIам хъәмә къилъхуам!

— ЛПо епшIар?

— Фә нәмәзләкъым хуәду щIым тескъуаш.

Мо Лъэпц мо гъукІэм Іэдэ-уадэ и Йыгъыу къышІэкІынти, зыригъэукъуэдийри, и лъэ тхъэмпитІымрэ и Іэ бэлагъитІымрэ триІуллаш.

— БынтІэ, сэ ахуэдэ лей зесхъэркъым, — жиІаш. — Уи шыгъуплаштэ спхам щхъэкІэ укъызогъанэ, ахъум піалъэ уэстынтекъым, иджыпсту фІекІа! — жеІэ. — Гъази къеутІышыж! — жери, Сосрыкъуэм къигъазэри, зэрыхиуклахэр къыхечыжри, Лъэпцир хуит ешІышыри, егъээжри къыкІышлохъэж. Бэдинокъуэм къыкІешлохъэжри, зэгъусэу къыдохъэж Сосрыкъуэ и дей. Ефэ-ешхэ гуэр ящри, ефэ-ешхэр зэфІокІыри, Бэдинокъуэр къошэри къокІуэж. Сосрыкъуэ, и унэщи, къонэж.

ХАБАР О НАРТЕ ПШИ БАДИНОКО

(Как он на хасу ездил и как у Тлепша дочь отбирали)

Нартов Бадиноко, чинты кому противники, находит охота ему в поход отправиться, седло старое набрасывает на коня. Для нарта Бадиноко, чинты кому противники, через Псыж был всего один брод, вода его до боков коня не достает. Встречает пастушка:

— Бох аппши, пастушок, — говорит ему.

— Пребывай в добром здравии, пожалуй в гости, нартов Бадиноко, кого мы еще не видели, чье имя не дает нам покоя, — говорит. — Откормленного вола лучшие части — тебе на угощенье, валух откормленный — тебе на подливу, вино белое зарыто — его вынесем тебе, Сатаней-гуаша, разведенка, у нас в гостях, — говорит.

— Откормленного вола лучшие части поминальной едой пусть будут, жирный валух пусть сдохнет, в белом вине мышь дохлая пусть утонет, матерью Сатаней-гуashi кобель пусть овладеет. Я не на пир приехал. Нарта достойного я ишу, нартский хабар мне поведай!

— Нартские хабары мне неведомы!

Пши Бадиноко гневается и бьет его плетью.

— Ой, ой, нартов Бадиноко, постой-ка! В моем коротком ружье светлый порох сыреет для такого дня, как сегодня, — сказав так, когда начал доставать короткое ружье, Бадиноко перестал бить его плетью.

— Чтобы о тебе не сказали недостойное, дескать какой-то пастушок где-то в кустах убил нарта Бадиноко, оставляю тебя в живых, а не то бы убил, — говорит.

Бадиноко пожалел о совершенном и отправился дальше, и после преодоления одного перегона...

— Эй, нартов Бадиноко! — кричит ему вслед <пастушок>, и Бадиноко возвращается. — В гневе я говорю, потому и заслужил удар плетью. Но один хабар я расскажу. — Вот что он рассказывает: — У нартов санопитие, бывалые нарты сидят вместе там. Насрен-Борода тоже там, вино белое, стоит в кадке там. Сатаней-гуаша сидит там, Сосруко невзрачный вечно там тоже. Въезжай в конец этого селения и правь вверх. Сатаней-гуаша вышлет двух служанок, и они будут приглашать тебя, ссылаясь на почтение к женщине, — не сворачивай. Они вернутся, выбежит Сатаней-гуаша и будет

умолять тебя, ссылаясь на почтение к женщине, — не сворачивай. Свои белые груди обнажит и покажет тебе их, — не сворачивай. Свои штаны скинет и покажет тебе свое срамное междуножье, — сворачивай, — сказал он ему.

Въехал он в конец села и направился вверх. Сатаней-гуаша двух служанок выслала просить его, ссылаясь на почтение к женщине, — не свернул. Сатаней-гуаша, сама выбежав, умоляла его, ссылаясь на почтение к женщине, — не свернул. Свои белые груди обнажила и показала ему, — не свернул. Скинула штаны и показала ему свое срамное междуножье, — свернул к ней. Погостили он ночью у нее, а наутро отправился наверх по окраине села. Когда он отправился, кто-то из нартов увидел его. Забежал в дом и рассказал пирующим нартам:

— Сюда один всадник едет: спереди у него солнце светит, сзади у него густой туман, над ним вороны кружат, со стороны одного плеча обильный снег идет, со стороны другого плеча яркое солнце светит. Искры из ноздрей его коня обочины опаляют, и сам он в гневе.

— Это посадка нарта Бадиноко. Если нартов Бадиноко явится в эту кампанию, покалечит нас.

— Тогда что будем делать?

— Крепкое вино в приветственную чашу налейте и бросьте туда трех змей, и они убьют Бадиноко.

В приветственную чашу налили крепкого вина, бросили туда трех змей... Бадиноко прибыл. Теперь, чтобы подъехать к дому нарта Алига, там было одно болото, которым людей испытывали и того, кто не смог его перейти, несостоявшимся мужчиной считали.

И вот теперь он, не въезжая в это болото, стегнул коня и перепрыгнул через него. Услышав звук плети, стоящие выбежали, сидевшие вскочили. Нарту Бадиноко предложили спешиться, зашел он, и когда дали ему приветственную чашу..., а усы у него стальные были, колънул он своими усами трех змей, по углам их разогнал, вино выпил и отдал им чашу, в которой извивались змеи. «Почему вы так со мной поступили?» — не говоря, подсел к пирующей кампании.

Выпивая, сидели, и Сосруко-невзрачный, опьянев, вскочил на стол и станцевал.

— Я вам покажу еще более удивительное, — сказал, один бывалый нарт встал и, вонзив в землю шашку острым концом, станцевал на его рукояти.

Бадиноко встал и, вонзив шашку рукоятью, станцевал на его кончике.

Компания расходится (букв.: *распадается*).

Нарт Сосруко сватался к дочери Тлепша. Тот не хотел выдавать дочь за него. Тлепш был там, и он сказал ему:

— Сосруко, ты утверждаешь: «Я — нарт». Если он позволит тебе встать рядом с собой, тогда ты действительно нарт. Тогда ты добьешься, чего добиваешься, — сказал, пообещал выдать за него дочь.

— Сосруко, встань рядом со мной, — сказал, Бадиноко быстро сел на коня и поехал.

Сосруко умел вызывать холод. Вызывал он лютую стужу и того достойного мужа изрядно приморозил.

— Бадиноко, — сказал он, — если пожалуешь в гости и согреешься, мне будет приятно. Я Сатаней-гуаши сын и мой дом рядом.

— Уаллаги, пожалую я к тебе в гости! — сказав, очень замерзший Бадиноко пожаловал в гости.

После того как он пожаловал, Сосруко вызвал тепло и тот отогрелся. Устроил он ему пир, и это донесли Тлепшу:

— Уаллаги, Сосруко выиграл твою dochь! Уаллаги, Бадиноко пожаловал к нему в гости! — сказав.

— Если даже тысячу раз пожалует в гости, не отдам за Сосруко свою dochь! — сказав, Тлепш запряг арбу, посадил туда свою dochь и уехал, решив покинуть страну.

Когда он отправился, сообщили тому:

— Так мол и так, уехал он.

Бадиноко услышал об этом, — раз говорят, услышишь ведь! «Эй, прекратите, замолчите!» — сказав, успокоил их. Посидели и, когда он на рассвете садился на коня...: «Я не уезжаю, Сатаней-гуаша. Вчера вечером я услышал одну новость, и я не уеду, пока не увижу ее последствия. Я сюда вернусь», — говорит.

Вместе с Сосруко садятся на коней пристраиваются рядом друг с другом и отправляются к Тлепшу. Направляются по следу, далеко уйти разве дадут арбе! На одной поляне Тлепш распряг волов попастись. И когда он сидел на передке, а dochь в арбе, настигли их.

— Ты не должен был так поступить, Тлепш, неправ ты, если Сосруко женится на твоей dochери, почему ты не радуешься? Сосруко из нартов, а ты — тлекошауо, — так сказав, *<Бадиноко>* развернул коня, взял девушку за плечи и, посадив ее впереди себя, уехал. Сосруко остался там. Через некоторое время он догнал их.

— Что, Сосруко, почему задержался? — спросил *<Бадиноко>*.

— Уаллаги, я сделал то, что заслуживал этот собакой рожденный!

— Что ты с ним сделал?

— Подобно кожаному молитвенному коврику растянул его на земле.

У этого Тлепша-кузнеца, видимо, при себе были инструменты. Ими он и пригвоздил его двумя стопами и двумя кистями.

— Я так не бесчинствую, — сказал *<Бадиноко>*, — я ел твой хлеб-соль, поэтому прощаю тебя, а не то сроку жизни тебе не дал бы, кроме как сейчас. Вернись и освободи его! — сказал.

Сосруко вернулся, выдернул то, чем пригвоздил Тлепша, и, освободив его, догнал Бадиноко. Догнал *<он>* Бадиноко, и они вместе вернулись в дом Сосруко. Снова устроили пир и, когда пир закончился, Бадиноко уехал. Сосруко же остался в своем доме.

Зап. 29.09.1984 г. З. Налоев. Выписка с магнитн. ленты З. Налоева. Перевод на русский язык А. Ципинова.

Текст примечателен тем, что содержит явные признаки поэтического текста, который был исходным для данного варианта. Об этом свидетельствуют проявляющийся местами в тексте ритм, свойственная поэтическим текстам аллитерация, повторы. Можно предположить, что падение социальной актуальности эпоса способствовало забвению исполнителем ранее усвоенного текста, поэтому он пересказывает содержание, вплетая в повествование отдельные фрагменты, близкие к поэтическому изводу.

27. НАРТ ПІЦЫ БЭДЭНОКЬУЭ И ХЪЫБАР

(Псэлъыху зэрыкIуамрэ нарт Сосырыкъуэр зэрыIэшIэкIуэдамрэ)

Нарт Піцы Бэдэнокъуэ нартхэм яхэмыхъяу, ямыцъыхуу, зыдэшыIэр ямышIяу псэуаш.

Піцы Бэдэнокъуэ къежъаш, Сосырыкъуэ и деж кIуэну. КIуэурэ зы тэмэшэрэ кIуаэ, нартхэ я Iэхъуэм хуэзащ:

– Бохъу апщий, Iэхъуэ цыкIу! – жиIаш.

Iэхъуэ цыкIум кыцIыхуаш, и хъыбар жаIэу зэхихамкIэ: «Мыр, шэч хэмыйту, Піцы Бэдэнокъуэш», – жиIери.

– Упсэу апщий, нарт Піцы Бэдэнокъуэ, чынтыр зи ныкъуэкъуэгъуу, зы хъэ закъуэ зи гъусэу, нарт гъусэ зимыIэу, езырикI е[я]бгэ щIыхъэхуу хъэхуншэ шыу, еблагъэ, – жиIаш.

– Сэ себлэгъенукъым, аүэ нарт хъыбар къызжыIуэ, – жыриIаш.

– Сэ нарт хъыбар сщIэркъым, махуэм сиIэхъуэш, жэшым си-хъэдэ хъуре<й>щ, – жиIаш.

Піцы Бэдэнокъуэр къыIукIыжыну щыхуежьэм, Iэхъуэ цыкIум жиIаш:

– «Фыз хъыбарщ», – жумыIэм, сэ зыгуэр бжесIэнт, – жиIери. – АтIэ, нартхэ я санэхуафэш, я ефэ-ешхэш, зыщефэр унэ хужь пхашэш, нарт Сосырыкъуи абы яхэсши, нарт шауэгъу къышхуэхъунш, – жиIаш.

Еуэри, ежъаш Піцы Бэдэнокъуэр, абы кIуэну. МыдэкIэ Iэхъуэ цыкIур гъуэгу гъунэгъукIэ кIуэжыри яжыриIаш:

– Мыбы зыгуэр къоокIуэри, нарт Піцы Бэдэнокъуэу си гугъэш, – жиIери.

Нарт Піцы Бэдэнокъуэр нэсащ.

Нартыжъхэр къышIэжыри жаIаш:

– ФIэхъус апщий, нарт Піцы Бэдэнокъуэу чынтыр зи ныкъэкъуэгъуу, зы хъэ закъуэ зи гъусэу, нарт гъусэ зимыIэу, езырикI ебгэ щIыхъэхуу хъэхуншэ шыу, еблагъэ, – жаIери.

Шым ирагъэпсыхыри и шыр пхъэльятахъуэм фIадзэри, пхъэльятахъуэр къыричащ. И къамышыр пыльсанIэм фIадзэри, пыльсанIэр къыхичащ. Езыр шэтэм ягъэтIысыри, шэтэм ик'утащ. Санэхубжэ ираташ, блашхъуэжье хагъэтIысхъэри. Хъуахъуэри ирифащ. И пащIэмкIэ шынакъ джабэм блашхъуэжье ириIуллыри, итыр ирифиры, блашхъуэжье хыфIидзэри иукIаш. Ефэхэурэ чаф ягъуэтыри къэфэну щIадзахэш. Сосырыкъуэ къыдагъэкIыри, Iэнэм дэлъейри Iэнэ IупщIакIэм тету къэфащ,

Іэнэр мысысу, шыпсыр иримықІуту. Абы иужъкІэ Пиңы Бәдәно-къуэр къыдагъэкІыри, шыпс ІупшлакІэм тету къefaщ. Къефауэ шыпсым къыштэльыхыжым, и цеикІэм къышлихуа жым иныжъ-хэм вы гъашхэр зерагъева ләгъупым ләпс итыр ирикІутыри, иныжъхэм я лъакъуэр исахәш. Ләгъупым и инагъыр виш, виплі хәхүэу абы хуэдәт.

Нарт Сосырыкъуэр абы зәгуигъәпыри мурад ишІаш, Пиңы Бәдәнокъуэхә кІуену.

Сосырыкъуэр щІэкІыри Пиңы Бәдәнокъуэм и шым тетІысхъәш, Пиңы Бәдәнокъуэ и хъэр япә иригъ<ә>увэри, ирихужъэри, Сосырыкъуэм ицІыхутәкъым Пиңы Бәдәнокъуэм и унәри, хъэм ишащ. Сосырыкъуэр унәм щІыхъэри, щалә цыкІуищ щІест, Пиңы Бәдәнокъуэ и къуэхәу. Унафә яхуишІаш, ләгъупым изу псы иракІэу къагъевәну. Щалә цыкІухәм къагъеваш. Сосырыкъуэм мо псы къевам щалә цыкІуищыри хидзәри, хәльу къигъанәри, езыр къекІуэжыри ефәм яхэтІысхъәжаш.

Ефәныр зәфІекІыри, нарт Пиңы Бәдәнокъуэр кІуэжаш я деж. ЗдәкІуэжам и къуищ псэуэ къигъәнар вауэ ләгъупым хәльу ирихъэлІэжаш. ЖиІаш: «Мыр къызээзышІа ѢыІекъым, Сосырыкъуэ фІекІа», – жиІәри.

Пиңы Бәдәнокъуэм хъыбар къыригъәшІаш Сосырыкъуэм: «Хъэрәмә Іуашхъэ пщәдей некІуалІэ», – жиІәри. Сосырыкъуэр гузэваш, шынащ и анә Сэтәней-гуашәм жыриІаш, Пиңы Бәдәнокъуэ и къуищыр зәригъевар, абы къыхәкІкІэ, жәгъуэгъу зәригъуэтар, пщәдей Хъэрәмә Іуашхъэм екІуэлІену хъыбар къызэ<ры>ригъәшІар. Сэтәней-гуашәм и жагъуэ хъуаш, жыриІаш:

– Пщәдей Хъэрәмә Іуашхъэ ущыкІуэкІэ, гъуэгум ущырихъэлІенц хъәпшып гъәшләгъуэн, псы Іейуэ ухуэлІену псы урихъэлІенц, уемыфә, шхын ухуэлІену пшхын урихъэлІенц, умышх, – жиІәри.

Сосырыкъуэр ежъауэ кІуэуэрэ гъуэгум къамышы дәгъуэ тельу ирихъэлІәри, къишигъәри и лъейм диІуаш. КІуэуэрэ, Іейуэ псы хуэлІэ хъуаш, псынә щыІә дыдә ирихъэлІаш. Сэтәней жиІар игу къекІуҗыри ирифакъым. МәжалІэ лІэуэ хуежъяуә, мы хъәләмәт зы жыг гуәрим пыту ирихъэлІа щхъэкІэ, ишхакъым. Ауэрә здәкІуэм нәсу хуежъяуә, и Тхъуэжъейм еупшІаш:

– Иджы, Пиңы Бәдәнокъуэ дезәуэну докІуэр, сый уи лыгъэ? – жиІәри.

Тхъуэжъейм жиІаш:

– Сәси натІэм шә къытәмыхуэм, сыйкІи сахуэукІынукъым, ауәси натІэм къытәхуэрэ саукІым, абы щыгъуи си фәр къытепхырә пкъум, махуишкІэ сәбәп сыйхуэхъунущ, – жиІәри.

Тхъуэжъейр еупшІаш Сосырыкъуэм:

– Уә сый уи лыгъэ? – жиІәри.

Сосырыкъуэм жиІаш:

– СәрикІ си куәпкъитІым къытәмыхуэм, сыйгүзәвәнукъым, – жиІәри.

Түм жаІәри къамышым зәхихыри, кІуҗыри Пиңы Бәдәнокъуэ жыриІэжаш. Ар щхъухыпсыхъти, Сэтәней-гуашәми «Гъуэгум тельыр къумыштә», – щыгжиІар арат.

Сосырыкъуэр нэсац Хъэрэмэ Йуашхъэм. Зэзэуэныр щадзэри, Пицы Бэдэнокъуэр къегууаш:

– НокІуэ, Сосырыкъуэ, – жиІэри жыр шэрхъыр Йуашхъэм къыригъэжэхаш.

Сосырыкъуэр блыпкъкІэ еуэри шэрхъыр дырихуеижаш.

Аргуэрү къыригъэжэхыри, <Сосырыкъуэ> щхэкІэ еуэри дырихуеижаш. Ещанэу къышыригъэжэхым, Пицы Бэдэнокъуэм жиІаш:

– УлЫм, куэпкъкІэ къеут! – жиІэри.

Ар Сосырыкъуэм зэрэзэхихыу, и анэм къыжыриІауэ щытар игу къэкІыжыри, и лъейим дэплъэжыри, къамышыр щимыгъуэтыхым, ищІаш, зэршышиар. Сыт ищІэжынт, <Бэдэнокъуэ> жыр шэрхъыр къыригъэжэхыри, <Сосырыкъуэ> куэпкъкІэ еуэри, абы дежым и куэпкъитІыр пихаш.

Сосырыкъуэр щылтуу кИияш:

– Лыхъужылы изыфын, лыхъужыл зышхын! – жиІэри.

Ныбгъуэр къэкІуаш:

– Лыхъужылы семыфэн, лыхъужыли сымышхын! – жиІэри.

– АтІэ, си щІопщ уэ макъыр уи дамитІым Тхъэм къыхилъхэ, – жиІаш Сосырыкъуэм.

Нобэми ныбгъуэр щылъатэкІэ, и дамэ макъым щыхур игъащтэу щыщытыр араш.

Аргуэрү Сосырыкъуэр кИияш:

– Лыхъужылы изыфын, лыхъужыл зышхын! – жиІэри.

Дыгъужыр къэкІуаш, жиІаш:

– Лыхъужылы семыфэн, лыхъужыли сымышхын! – жиІэри.

– АтІэ, си шым и пщэм хэлъ бланагъэр, къарур Тхъэм уи пщэм хилъхэ, – жиІаш.

Нобэми дыгъужым и пщэр щІэбланэр араш.

Аргуэрү Сосырыкъуэ кИияш:

– Лыхъужылы изыфын, лыхъужыл зышхын! – жиІэри.

ТхъэкІумэкІыхыр къэкІуаш, жиІаш:

– Лыхъужылы семыфэн, лыхъужыли сымышхын! – жиІэри.

– АтІэ, си шым жэрыгъеу хэлтыр Тхъэм уэ къуит, – жыриІаш.

Нобэми тхъэкІумэкІыхыр щІэжэрыр араш.

Иужь дыдэм къуаргъыжыр къэкІуаш, жиІаш:

– Лыхъужылы сефэнщ, лыхъужыли спхынщ! – жиІэри етІысылІаш.

Сосырыкъуэр Тхъэм ельэІуаш:

– ІукІэ укІэцІу, тхыцІэкІэ угъуалъхъэу, шыритІ фІэкІа къумышу, шыритІым я зыхэзыри пихыжу Тхъэм укъигъянэ, – жиІэри.

Нобэми къуаргъыр абы хуэдэу щытищ.

Сосырыкъуэм и кІуэдэжыкІэ хъу<a>р араш.

ХАБАР О НАРТЕ ПШИ БАДАНОКО

(Сватовство Баданоко и гибель нарта Сосруко от его руки)

Нарт Пши Баданоко к нартам не выходил, *<и нарты>* не знали *<его>*, не знали также, где *<он>* жил.

Пши Баданоко отправился к Сосруко. Ехал он и, когда одолел какое-то расстояние, встретил нартского пастуха:

— Бах апший [да умножится твое стадо], пастушок! — сказал *<Пши Баданоко>*.

Пастушок слышал, что рассказывали о нем *<люди>*, и *<по приметам>* узнал его. «Несомненно, это — Пши Баданоко», — подумал он *<и ответил>*:

— Упсэу апший [век живи], нарт Пши Баданоко, чинты чьи соперники, лишь одну собаку с собой берущий, ни одного нарта с собой не берущий, витязь неистовый, ничего в долг не берущий всадник, будь нашим гостем! — сказал *<пастушок>*.

— Я не пожалую к тебе в гости, расскажи мне хабар о нартах, — сказал *<Пши Баданоко>*.

— Я хабаров не знаю, днем я *<живой>* пастух, а ночью — скорчившийся мертвец, — ответил *<пастушок>*.

Когда Пши Баданоко собирался уезжать, пастушок сказал:

— Бабскими хабарами если не назовешь, то один *<хабар>* я тебе поведаю. Так вот, у нартов — санопитие, у них — пир. Пьют они в кособоком белом доме, нарт Сосруко тоже с ними сидит, *<он>* станет твоим соратником.

Нарт Пши Баданоко отправился туда, а пастушок вернулся *<к нартам>* другой, короткой дорогой и сообщил *<им>*:

— Сюда кто-то едет, по-моему, это — нарт Пши Баданоко, — сказал.

Прибыл нарт Пши Баданоко. Выбежали *<из дома>* нарты и сказали:

— Фохус апший, нарт Пши Баданоко, чинты чьи соперники, лишь одну собаку с собой берущий, ни одного нарта с собой не берущий, витязь неистовый, ничего в долг не берущий всадник, будь нашим гостем!

<Нарты> помогли *<Пши Баданоко>* сойти *<с коня>* и привязали его коня к коновязи, *<конь>* вырвал коновязь. *<Пши Баданоко>* повесил свою плеть на крюк, но она сорвала крюк. Посадили *<его>* на стул — стул под ним сломался.

В чашу с белым саном *<нарты>* бросили серых змей и предложили *<Пши Баданоко>*. *<Он>* произнес тост и выпил. Своими усами *<он>* пригвоздил серых змей к стенкам чаши, выпил *<сано>*, серых змей бросил *<на землю>* и убил их. Пили *<они>* и, когда опьяняли, устроили пляску. Предоставили перед Сосруко, и *<он>*, вскочив на стол, сплясал, стоя на краю стола. Стол не пошатнув и подливу не разлив, *<сплясал Сосруко>*. После этого перед представили Пши Баданоко, и *<он>* на краях *<чаши>* с подливой сплясал. Когда Пши Баданоко сплясал и спрыгнул с *<чаши>* с подливой, ветер, поднявшийся из-под его черкески, *<опрокинул>* котел, в котором иныжи варили *<мясо>* откормленного вола, и бульон, что находился там, вылился и обварил ноги иныжей. Величина

<этого> котла была такова: в нем умещалось <мясо> трех-четырех волов.

Нарт Сосруко разгневался и решил ехать к Пши Баданоко. Сосруко вышел <из дома>, сел на коня Пши Баданоко, впереди себя поставил его собаку и погнал ее: Сосруко не знал, где находился дом Пши Баданоко, и собака привела его. Сосруко зашел в дом, и там сидели три мальчика – сыновья Пши Баданоко. <Он> велел им наполнить котел водой и вскипятить ее. Мальчики вскипятили <воду>. Сосруко бросил мальчиков в кипящую воду, <их> оставил там, а сам вернулся к пирующим.

Закончился пир, и нарт Пши Баданоко уехал домой. Когда доехал, <он> застал сварившихся в кotle трех своих сыновей. «Так со мной мог поступить только Сосруко», – подумал <он>.

Пши Баданоко оповестил Сосруко: «Завтра приезжай к Харама-горе», – сказал.

Сосруко забеспокоился, испугался <нарта Пши Баданоко> и рассказал своей матери Сатаней-гуаше, что он сварил трех сыновей Пши Баданоко, отчего <он> и стал ему <кровным> врагом, и, что он должен явиться к Харама-горе в назначенный <Пши Баданоко> срок.

Сатаней-гуаша опечалилась.

– Когда будешь ехать к Харама-горе, на дороге увидишь чудесные предметы – <не поднимай ничего>; в пути тебя одолеет жажды, и ты увидишь родник – не пей; испытывая сильный голод, найдешь еду – не ешь, – сказала <Сатаней-гуаша>.

Сосруко отправился <в путь>, ехал <он> и увидел лежащую на дороге красивую плеть, взял и заткнул за голенище своей ноговицы. Ехал <он> и, через некоторое время стал изнывать от жажды. В пути он заметил холодный родник, но, вспомнив слова Сатаней, не стал пить. <Едучи дальше>, он сильно проголодался, но, хотя и увидел на какой-то яблоне много чудесных яблок, не стал есть. Так ехал <он> и, когда уже стал приближаться <к Харама-горе>, спросил своего Тхожея:

– Так вот, мы едем сражаться с Пши Баданоко. В чем твоя сила?

Тхожей ответил:

– Если в мой лоб не попадет стрела, ничем меня не убить, а если <стрела> попадет в мой лоб, то я погибну, <даже> тогда, если снимешь мою шкуру и распялишь, я тебе сослужу еще три дня.

Тхожей спросил Сосруко:

– А в чем твоя сила?

Сосруко ответил:

– Пока <стрела> не попадет в мои бедра, незачем мне беспокоиться.

Все, что сказали они, услышала плеть и, возвратившись, рассказала Пши Бадиноко.

[В ту плеть обернулась колдунья], вот почему Сатаней-гуаша говорила <Сосруко>: «Не поднимай ничего, что <увидишь> на дороге».

Прибыл Сосруко к Харама-горе. Начался поединок, и Пши Баданоко окликнул его:

– <К тебе> идет <жан шерх>, Сосруко! – так сказав, <Пши Бадиноко> спустил вниз стальное колесо.

Сосруко ударил плечом и загнал колесо обратно *<на вершину>*. *<Пши Баданоко>* снова спустил вниз *<жан шерх>*, и *<Сосруко>* ударил головой и загнал *<жан шерх>* обратно *<на вершину>*. Когда *Пши Баданоко* спустил *<жан шерх>* в третий раз, он крикнул *<Сосруко>*:

— Если ты *<такой храбрый>* муж, ударь бедром!

Как только услышал это, Сосруко вспомнил предупреждение своей матери, посмотрел на свою ноговицу, но там не оказалось плети, и тогда *<он>* понял, что совершил ошибку. Что оставалось ему делать? *<Пши Баданоко>* спустил *<с горы>* стальное колесо, *<Сосруко>* ударил бедром, и *<колесо>* ему оба бедра отseklo.

Сосруко, лежа *<на земле>*, воскликнул:

— Кто кровь героя будет пить, кто мясо героя будет есть!

Прилетел перепел.

— Я не стану пить кровь героя, не стану есть мясо героя, — сказал *<он>*.

— Да сделает Тха, чтобы шум твоих крыльев был подобен звуку от удара моей плети, — пожелал ему Сосруко.

Вот почему, когда перепел взлетает, его крылья пугают людей.

Сосруко снова воскликнул:

— Кто кровь героя будет пить, кто мясо героя будет есть!

Прибежал волк и сказал:

— Я не стану пить кровь героя, не стану есть мясо героя.

— Да сделает Тха, чтобы твоя сила была равна моему, которая есть на холке моего коня, — сказал ему *<Сосруко>*.

Вот почему у волка шея крепкая.

Сосруко воскликнул *<в третий раз>*:

— Кто кровь героя будет пить, кто мясо героя будет есть!

Прибежал заяц и сказал:

— Я не стану пить кровь героя, не стану есть мясо героя.

— Да сделает Тха, чтобы ты бегал так быстро, как и мой конь, — сказал ему *<Сосруко>*.

Вот почему заяц обладает таким быстрым бегом.

После всех прилетела ворона.

— Я буду пить кровь героя, буду есть мясо героя, — сказала ворона и села *<на тело Сосруко>*.

Проклял ее Сосруко:

— Да сделает Тха, чтобы ты через рот яйца несла, на спине птенцов выводила, чтобы больше двух птенцов не выводила, да и одного из них сама бы съедала.

Вот поэтому вороны такие.

Так убили Сосруко.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-е. Пасп. № 3.
Исп. Аслангерий Кушхабиев: 1863 г.р., с. Плановское Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 18.03.1949 г. М. Кирилов. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Текст контаминирован из сюжетов о первом выезде нарта Пши Бадиноко (здесь – Пши Баданоко) и о гибели нарта Сосруко. Оригинально, что связкой между сюжетами, которые традиционно относятся к разным эпическим циклам, выступает органично вплетенный в повествование эпизод козней Сосруко. Он приезжает в дом Пшибаданоко и губит малых детей героя – мотив, который встречается чаще в быличках и не типичный для нартского эпоса. Вместе с тем, в данном случае он органично вписан в канву повествования.

Способ, которым Пшибаданоко узнает об уязвимом месте нарта Сосруко и пользуется им, нехарактерен для традиционно сложившегося образа этого героя как поборника открытых рыцарских приемов в борьбе и соперничестве. Привнесение элемента коварства, уместное в циклах о типологически ранних героях эпоса, несколько снижает традиционный образ, хотя частично мотивирован как ответ на жестокость, которую допустил по отношению к нему сам соперник. Завершающие сюжет этиологические мотивы также характерны для вариантов сказания о гибели нарта Сосруко. Данная запись единственная, где Бадиноко выступает в роли губителя нарта Сосруко.

28. ШЭБАТНЫКЬО НАРТЫМЭ АШЫПХЪУ КЬЫЗЭРИЩАГЪЭР

Нарты Шэбатныкъо нартымэ япытыыгъ. Ар Чынт хэгъэгу исытыыгъ. Ар лы дэгъутыыгъ.

Нарты Шэбатныкъу,
Ер уинэкъокъогъу,
Хягъу-шIэгъу бэшI,
Лымэ ялыягъ,
Ифарэ къычIештышты,
Ныбэпхыр кIекъузэ,
Уанэр тыргъакIэшты,
Тены икIыгъожым къылохъэ.
Тены икIыгъожым фарэр къыхегъапкIэ;
Шы чэпэпс фэмыхъоу Тены къикIыгъ.
Тены къызекIыхэм маисэу ичатэр копкъым къыдедзэ,
Къызэпегъэлды, зэпэлдыджъэу онэгум ис.
Шы лъэгум кIэзыгъэр ошъогум хегъэзыхъэ,
Шы пэнбзыджыным къикIырэм
Гъогу нэнцэ уцхэр къельигъо,
Лыхъур зельгъожышты онэгум ис.
Нартымэ яIэхъожъэу къорэгъужъльэшъумэ ашыор алъэгъугъ.
Отэрым мэкIожыши, мэлахъо тхъэмэтэм макъэ рагъэIу:
– Тэ зы шыу тлъэгъугъешъ, тихэгъэгу шыоп, – А фэдизир аIофэкIэ, Шэбатныкъо нэсы. Зэрэ-Шэбатныкъор къышIагъ мэлахъо тхъэмэтэм:
– Еблагъ, Шэбатныкъу!
Тхъэм уигъатхъэмэ, удгъэтхъэн,

ЧэмүкІэ пщэрыйр уихъэкІэ ныпцэу,
Мэлбгъе нэкІупцІэр уиІэпэшыпсэу утхъэкІэн!
– Нартымэ яІехъожъых,
Къорэгъыжъы лъэшъух,
УичэмүкІэ пщэри,
Уимэлы нэкІупцІэри
Мэлыхъуахъэмэ ятыри ягъэшхыжь.
Сэ сзылтыхъурэ
Нартыхэр ешхэ-ешъоу зыщэхэсхэр ары.
Гъогу лъагъо къысашъуІомэ,
Джащ сэ сырыкІощт, – зеІом,
– Гъогу лъагъоу отІощтym зы псынжъ итышъ,
Уиш лъэпэхъынтэнышъ,
Сэтэнэе-гуащэм укъильтэгъуншъы, уукІытэжъын!
– Зы псынжъ слъэгъумэ – сиш лъэпэхъынтэнэу,
Зы хъабз слъэгъумэ – сүукІытэжъынэу
Чынт хэгъэгу сыкъикІэу
Нарт хэгъэгу сыкъихъагъэп, – къариІуагъ.
– Си-Тхэ семыплымэ,
Нартымэ яІехъожъэу
Къорэгъыжъ лъэшъухэр,
Іэхъомбэ цІрамыІом штукІэзгъэшын, – ариІуагъ.
Ишым къыхао, а псынжъым къыргъялъэшъы, ашыпхъу
гуащэмкІэ зыблыргъэхышъы, кІэичІэм къыдаплъэмэ, пэнэ
сэраипцІэм щытым ифарэ Іуегъэыхъэ. Чэупчъэу зыІухъагъэм
ифарэ къыргъялъэшъы, зыргъялъэхышъы, фарэр шы шІоІум
шІуедзэшъы, унапчъэр Іуехышъы, ехъэ. Нартхэр ешхэ-ешъоу
зэхэсхэти, Шэбатныкъор къашї:
– Еблагъ, Шэбатныкъу, – къыраІуагъ.
КъыпэгъокІыхи жэнтІашъэм аши дагъэІыстагъ.
КъыдагъэІысти, бжъэкІыгъым къеджэхи, сэнабжъэр къыри-
гъахъуи, щэджниблыр къыхалъхыи, бжъэр къырати, щэджниблы
хилхъагъэр акІэкІэ риІулІи, Іанэм къыдэкІуай, Іанэр ымыгъэ-
сысэу, щыпсэр римыкІутэу, столым къыщышъозэрэ, нартхэр
къызэкІакІохэзэрэ унэм икІыжыгъэх. ИкІыжыхи, нартхэр хэ-
хъажыгъэх.
Шэбатныкъор къызехыжъым, нартхэр щыІэжъэп.
Ифарэ къешэси,
Фарэр къыгъэхъушІи,
Унэ кыбым екІокІи,
Цуим зэрафэлъэшъурэр ІэдакъэкІэ къеуи,
Унэр зэхигъяуи,
Чэупчъэм къекІолІэжъи,
Фарэр къыригъялъи,
Сагындаакъым къекІуи,
Онэкъопэхэнджэу ышІи,
Фарэр къыгъэуци,
Щагындаакъым дэкІуай,
Нарт пшъашъэр ІаплІыкІэ къырихыхи,
Чыгум къыгъэуцу,
Ифарэм къешэссыжъи,

Пшъашъэр шыплIэм къыделъхъэ,
«Хъэхъай!» ыIоу къежъэжь:
– Нартхэр шъубатыр,
Нартхэ, шъуцЭрыIу,
Нартхэ, шъузэшыб,
Шыпхъу закъоу шъуйIэр
Нарт хэгъэгу исэхы,
Чынт хэгъэгу сэхъы!
Тены къыIохъэжъы,
Тенэ пшъашъэр къыпрехы.

КАК ШАБАТНЫКО ЖЕНИЛСЯ НА СЕСТРЕ НАРТОВ

Нарт Шабатныко враждовал с <обществом> нартов. Жил он в Стране Чинтов. Он был муж доблестный.

Нартский Шабатнук,
Зло – твой враг,
Много свершающий,
Из всех мужей самый славный,
Своего фару выводит,
Подпруги затягивает,
Седло приладив,
К переправе славной через Тен подъезжает,
У переправы славной через Тен он фару своего в воду пускает,
Не замочив бока коня, через Тен переправляется,
Через Тен переправившись, меч-маису к бедру своему прилагивает,
Заставляя его сверкать да сиять, в седле сидит [красуется].
То, что из-под копыт коня вылетает, в небе теряется,
То, что из конских ноздрей вырывается,
По обочинам дороги траву опаляет,
Муж распаленный в седле сидит.

Нартов пастухи добрые, на страже стоящие, примечают этого всадника. Они возвращаются на стоянку и тхамаду чабанов словом оповещают.

– Мы видели одного всадника, это всадник не из нашего края.

Пока это всё рассказывали, Шабатныко сам прибыл. Тхамада чабанов понял, что это Шабатныко:

– Будь гостем, Шабатнук!
Если Богу угодно будет, угостим тебя,
Откормленная телка тебе будет гостевой жертвой,
Ярка овечка с темной мордой тебе будет на подливу – так угостим!

– О нартские пастухи добрые,
Жерди длинные таскающие,
Твою телку откормленную, и твою овцу темномордую
Пастушим собакам отдай и дай сожрать.
То, чего я ищу,
Это – где нарты сидят пирут.
Если укажете мне путь-тропу,

Я по ней поехал бы, – когда он так сказал...

– На пути-тропе, которую мы тебе укажем, вода глубокая есть,
Там твой конь оступится.

Сатаней-гуаша тебя увидит, – ты засмущаешься!

– Чтобы одну лужу повстречав, мой конь споткнулся,
Чтобы одну потаскуху повстречав, я засмушился,
Не таковым я из Страны Чинтов выехав,
В Страну Нартов явился! – ответил он.

– Не побойся я своего Бога,
<Вас,> нартских пастухов добрых,
Добрые жерди таскающих,

Я бы заставил под моим безымянным пальцем проползти, от-
ветил он.

Стегнул он своего коня, перепрыгнул через ту воду. проехал
на виду у их сестры-гуаши и, взглянув на конец селения, подогнал
своего коня к колючей ограде. Ворота, к которым он пристал, он
заставил своего фару перепрыгнуть, сам с коня спрыгнул и при-
вязал фару к коновязи, раскрыл дверь в здание и вошел. Нарты
сидели ели-пили, и они узнав Шабатныко...:

– Будь гостем, Шабатныко! – сказали ему.

Вышли ему навстречу и повели, усадили на почетное место.
Усадили его, кликнули держателя чаши, налили чашу сано, запу-
стили туда семь змеек и подали ему; семерых змеек, что пустили,
он усами пригвоздил к стенке <и выпил, затем> вскочил на стол
и, не пошатнув стола, не расплескав подливы, на столе сплясал;
нарты отступились и покинули здание. Покинули здание и разо-
шлись.

Когда Шабатныко спрыгнул, нартов уже не было.

Он сел на своего фару,
Заставил фару заржать,
Объехал с задней стороны дома,
<Столбы>, что восемь волов с трудом волокли, ладонью
стукнул,

Порушил весь дом и
К воротам вернулся и
Фару заставил перепрыгнуть,
К мансарде открытой подъехал и,
Фару остановив,
На луку седла узду наискось накинул и
На мансарду взобрался и
Нартскую девушку на руках спустил и
Наземь ее поставил и,
Сам на своего фару сел и,
«Хахай!» – сказав, поехал.

– Вы, нарты, богатыри,
Вас нартов, много братьев,
Единственную сестру вашу
Из Страны Нартов я уношу и
В Страну Чинтов я увозжу!
К Тену он подъезжает и
Через Тен девушку перевозит.

*Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7.
Т. III. С. 210–213. Исп. Пицимаф Оситлов: 1887 г.р., а. Урупский
(Шхащефиж) Успенского р-на Краснодарского края; абадзех.
Зап. 20.12.1959 г. Л. Дахужева. Перевод на русский язык А. Гутова.*

29. ШЭБАТЫНЫКЬО ІЭКУАНДЭ ДЭЖЬ КЪЫЗЭРЭКІУАГЬЭР

Нарт Шэбатыныкъуа
рирапэ-ща,
Шэбатыныкъопщя
рирапэ-ща,
Ябгэр ишПыхъафыя
рирапэ-ща,
Ор, хъафынчъэ шыуя
рирапэ-ща.
Тенэ къырыгъуазыя
рирапэ-ща,
Гъуазэ къырыдэкъыя
рирапэ-ща,
Тенэ иикЛыгъоми
рирапэ-ща,
ИльэрыйыпситЮри
рирапэ-ща,
Ай къышызэбледзыя
рирапэ-ща.
Тенэ зыкъыхедзыя
рирапэ-ща,
Адэмэ къисыкЛыгъыя
рирапэ-ща,
Изыгужъы нэкЛымы
рирапэ-ща,
Ар къыреузанкЛыя
рирапэ-ща,
Нартмэ ячемахъоми
рирапэ-ща,
Шъофым къышыЛокЛыя
рирапэ-ща.

Чэмахъор:
– Нарт Шэбатыныкъу,
рирапэ-ща,
Шэбатыныкъопщя,
рирапэ-ща,
Зышъхъэр тымылъэгъоуи
рирапэ-ща,

Зигугъум тигъалIэрэр
рирагэ-ща,
Благъэ-благъэри
рирагэ-ща,
Гъэлъэхъум ипшэрэри
рирагэ-ща,
Къыфышосыбзыныри
рирагэ-ща,
Сэнэфым икIадэри
рирагэ-ща,
Фэсыушхъащынри
рирагэ-ща.

Шэбатыныкъу:
– Сыешкэ-ешъуакIопи,
рирагэ-ща,
СылэгъунэкIо шъаопи
рирагэ-ща,
Iалэдж яунэжъыми
рирагэ-ща,
Ра, сыщигъозаджэшты
рирагэ-ща,
Ар къесэгъэлъэгъури
рирагэ-ща.

Чэмахъор:
– Ар сигъэшIэ тIэкIуми
рирагэ-ща,
Ар сычэмэхъожъэуи
рирагэ-ща,
Къорэгъыжъэр слъэшъоуи
рирагэ-ща,
Шъофыжъыми сити
рирагэ-ща.
Iалэдж яунэжъэри
рирагэ-ща,
Шъыдым сигъэшIэнья
рирагэ-ща,
Алоу зэрэсэIугъэри
рирагэ-ща,
Унэ щэгупэфыя
рирагэ-ща,
Унэ фыжы кIахыя
рирагэ-ща,
ТхъашэкI икIахыгъэри
рирагэ-ща.
Аш ипэIулъаштюхэр
рирагэ-ща,
Шыбгъэлъбэм нэсыри
рирагэ-ща,
Аш изыкIэсэнэри
рирагэ-ща

Цуиймэ зэрафищыри
рирагэ-ща.
Ай зы гуашэ исышьы
рирагэ-ща,
Щэндакъэу иплъапІэми
рирагэ-ща,
Тесышьы зеплъахъя
рирагэ-ща.
Ашы ипсэлъыхъомэ
рирагэ-ща,
ПчъэПор аутагъэшьы
рирагэ-ща,
Шы дэгъу утесымэ
рирагэ-ща,
Дэкъу-дэсы дэкІая
рирагэ-ща,
Шы дэи утесымэ
рирагэ-ща,
УхэускІутэни,
рирагэ-ща,
Ар Іэкондэ дахэри
рирагэ-ща,
Щэндакъэу иплъапІэми
рирагэ-ща
Тесышьы зеплъахъя
рирагэ-ща,
Аш ужъизильэгъуджэ
рирагэ-ща,
УшыукІытэнэя
рирагэ-ща,
УукІытэжъинэя
рирагэ-ща.

Шэбатыныкъу:
– Зы хъабзэри слъэгъумэ
рирагэ-ща,
СыщуукІытэнэуи
рирагэ-ща,
Зы бзыльфыгъэ слъэгъумэ
рирагэ-ща,
СыукІытэжъинэуи
рирагэ-ща,
Шъыдэу къысэпІуагъя
рирагэ-ща.
Уи-Тхъэм семыплъэу
рирагэ-ща,
Щыгъу-пластэм семыплъымэ
рирагэ-ща,
ІэкІоцІ барымэкъыми
рирагэ-ща,
Ра, учІэзгъэшынэя
рирагэ-ща.

Ор, идэнэ кІэпщэри
рирагэ-ща,
Шы чапэм щегъабзыя
рирагэ-ща,
Шы лъэгум къычІэчтырэр
рирагэ-ща,
КъошцІэ-къопцЛашхъоуи
рирагэ-ща,
Ошъопщым дефыиия
рирагэ-ща.
Ихъэ къыхигъэшъутырэр
рирагэ-ща,
Ибгъэм ригъэубытэуи
рирагэ-ща,
Адэмэ ежъажыгъыя
рирагэ-ща.
Галлэдж яунэжъыми
рирагэ-ща,
Ра, къыфеузэнкЫри
рирагэ-ща,
О Іэкондэ-дахэри
рирагэ-ща,
Щэндакъэу иплъапІэми
рирагэ-ща,
Тесышты къельэгъуя
рирагэ-ща.

Іэкуанд:
— Тянэу Сэтэная
рирагэ-ща,
Сэтэнэе-гуашыя
рирагэ-ща,
Зы шыори къакІошты
рирагэ-ща,
Нартым къимыкЫгъэмэ
рирагэ-ща,
Чыртым къыральфагъэпи
рирагэ-ща.
Ра, уишкыны ІэшІори
рирагэ-ща,
Мыфэбэ-мычтыІэуи
рирагэ-ща,
Ра, къэгъэхъазырыя
рирагэ-ща.
О Іэкондэ дахэми
рирагэ-ща,
Ор, икЫгъуитІори
рирагэ-ща,
Ежъ нахьи нахьы дахэуи
рирагэ-ща,
Аш къыщыпэгъокЫя
рирагэ-ща.

Аңы ибатырыхэр
рирагэ-ща,
Аң къышызблэчъя
рирагэ-ща,
Ра, икъэблэчъешкори
рирагэ-ща,
Ра, къыфыIуагъечъя
рирагэ-ща.
Шэбатныкъор къесышты
рирагэ-ща,
Ор, иши лъэкъуиплIэри
рирагэ-ща,
Саем къинэмисэуи
рирагэ-ща,
Къельни, къельни къидэхъагъэри
рирагэ-ща.

Іэкуанд:
– Нарт Шэбатыныкъуа
рирагэ-ща,
Щэбатыныкъопшыя
рирагэ-ща,
Зышхъэр тымылъэгъоуи
рирагэ-ща,
Зигугъум тигъалIэрэр
рирагэ-ща,
Еблагъэ-еблагъяя
рирагэ-ща.
Гъэлъэхъум ипщэрыйхэр
рирагэ-ща,
КъыпфышIуязгъэбзыныя
рирагэ-ща,
Сэнэфым икIадэри
рирагэ-ща,
Фэсыушхъашыныя
рирагэ-ща.
Іэкуандэм ибатырыхэр
рирагэ-ща,
Къэблачъэм ечъалIешты
рирагэ-ща,
Къэблачъэр рагъасишты
рирагэ-ща,
Хъалэр къидадзэжъишты
рирагэ-ща,
Уатэмджэ теожъыхэу
рирагэ-ща,
КъышыIэкIэлъагъуя
рирагэ-ща,
Шэбатныкъо мэгубжыя
рирагэ-ща.

Шэбатыныкъу:
— Уигъэльэхъу пицэрыхэр
рирагэ-ща,
Тыгъужъ Іусы охъуя
рирагэ-ща,
Үисэнэфы кІадэми
рирагэ-ща,
Цыгъохэр хэлІахъя
рирагэ-ща,
Къэблэчъэшком ельишты
рирагэ-ща,
Адэмэ ежъэжъыгъя
рирагэ-ща.

КАК ШАБАТЫНЫКО К АКУАНДЕ ПРИЕХАЛ

Нарт Шабатыныко,
рирага-ща,
Шабатыныкопиц,
рирага-ща,
Суровости подмога,
рирага-ща,
Ор, ничего в долг не берущий всадник,
рирага-ща,
По Тену направляется,
рирага-ща,
В выбранную сторону выезжает,
рирага-ща,
У переправы через Тен,
рирага-ща,
Ремни стремянные,
рирага-ща,
Там он крест-накрест складывает,
рирага-ща,
В Тен он бросается,
рирага-ща,
на другой берег переправляется,
рирага-ща,
В степь пустую великую,
рирага-ща,
он направляется,
рирага-ща,
Нартского пастуха коров,
рирага-ща,
В степи он встречает,
рирага-ща.

Пастух коров:
— Нарт Шабатынук,
рирага-ща,

Шабатынукопщ,
риара-ща,
Тот, кого в лицо мы не видим,
риара-ща,
Тот, слухами о ком мы пресытились,
риара-ща,
Еблага, еблага и...
риара-ща,
Из валухов самого жирного,
риара-ща,
В честь тебя я зарежу и...
риара-ща,
Белого сано кадку,
риара-ща,
В честь тебя открою,
риара-ща.

Шабатынук:
– Я не охочий до застолий,
риара-ща,
Я не охочий до чужих лагун,
риара-ща,
Аледжей дом могучий,
риара-ща,
Мне незнаком,
риара-ща,
Ты мне его укажи,
риара-ща.

Пастух коров:
Ар, всю свою жизнь жалкую,
риара-ща,
Ар, пастухом коров жалким,
риара-ща,
Жердь большую с собой таская,
риара-ща,
В степи широкой провожу,
риара-щаж.
Аледжей дом могучий,
риара-ща,
Где мне знать,
ририара-ща.
Как рассказывают и как я слыхал,
риара-ща,
Это дом со двором, спереди белым,
риара-ща,
Дом белый длинный,
риара-ща,
в тридцать тха длиною,
риара-ща,
Его ограда,
риара-ща,

Коню по грудь достает,
рирара-ща.
Его одну опору,
рирара-ща,
Восемь волов с места сдвинуть могут,
рирара-ща.
Там одна гуаша живет,
рирара-ща,
Она на балконе обзорном,
рирара-ща,
Восседает и осматривается,
рирара-ща,
Ее женихи,
рирара-ща,
Подходы к воротам истоптали,
рирара-ща,
Если ты на добром коне сидишь,
рирара-ща,
Он препятствие одолеет,
рирара-ща,
Если ты на плохом коне сидишь,
рирара-ща,
Там ты опозоришься,
рирара-ща.
Ар, Акуанда-красавица,
рирара-ща,
На балконе обзорном своем,
рирара-ща,
Сидит и осматривается,
рирара-ща,
Когда она тебя увидит,
рирара-ща,
Ты ее застесняешься,
рирара-ща,
Ты засмущаешься,
рирара-ща.

Шабатынук:
Одну суку увидавши,
рирара-ща,
Чтобы я застеснялся,
рирара-ща,
Одну женщину увидев,
рирара-ща,
Чтобы я засмущался,
рирара-ща,
Почему ты мне так сказал,
рирара-ща!
Не считайся я с твоим Богом,
рирара-ща,
Не считайся я с твоими хлебом-солью (букв.: *солью-пастой*),
рирара-ща,

Между пальцами в руке,
риара-ща,
Ра, заставил бы тебя проползти,
риара-ща.
Ор, своей плеткой шелковой,
риара-ща.
На боках коня орудует,
риара-ща,
То, что из-под копыт коня вылетает,
риара-ща,
Птицами белыми-птицами серыми,
риара-ща,
В небеса поднимает, риара-ща,
То, что его собака вспугнет,
риара-ща,
Его орлу дает поймать,
риара-ща,
Так уехав,
риара-ща,
К дому могучему Аледжей,
риара-ща,
Ра, прямо направляется,
риара-ща.
Ор, Акуанд-красавица,
риара-ща,
На своем балконе-обзорном,
риара-ща,
Восседает и замечает его,
риара-ща.

Акуанд:
– Мать наша Сатанае,
риара-ща,
Сатанае-гуаша,
риара-ща
Сюда один всадник едет,
риара-ща,
Если он не из Нартии прибыл,
риара-ща,
В Чиртии такой не рождался,
риара-ща.
Ра твои угождения вкусные,
риара-ща,
Не горячие-не холодные,
риара-ща,
Ра, приготовь <для него>,
риара-ща.
О, Акуанды-красавицы,
риара-ща,
Ор, двойная переправа...
риара-ща...

Ее самой красивее,
рирара-ща...
Ему навстречу выходит,
рирара-ща.
Ее богатыри,
рирара-ща,
Там забегали,
рирара-ща,
Ра, ее ворота большие,
рирара-ща,
Ра, ему распахивают,
рирара-ща.
Шабатыныко приехал и...
рирара-ща,
Ор, так, что четыре ноги его коня,
рирара-ща,
Плетня не коснулись,
рирара-ща,
Перепрыгнул и въехал во двор,
рирара-ща.

Акуанд:
– Нарт Шабатынук,
рирара-ща,
Тот, кого мы в глаза не видим,
рирара-ща,
Тот, о ком рассказами мы пресытились,
рирара-ща,
Еблага, еблага и...
рирара-ща,
Из валухов самого жирного,
рирара-ща,
Я велю в твою честь зарезать,
рирара-ща,
Белого сано кадку,
рирара-ща,
Я в твою честь открою,
рирара-ща.
Акуанды богатыри,
рирара-ща,
к воротам подбежали и...
рирара-ща,
Ворота заперли и ...
рирара-ща,
Клинья заложили и...
рирара-ща,
Молотом забивали как...
рирара-ща,
Когда <Шабатыныко> такое увидал,
рирара-ща,
Шабатыныко гневается,
рирара-ща.

Шабатынук:
– Твои валухи жирные,
риара-ща,
Пусть станут волчьей пищей,
риара-ща,
В кадке твоего белого сано,
риара-ща,
Пусть мыши утонут,
риара-ща,
Через большие ворота перепрыгнул и...
риара-ща,
К себе домой поехал,
риара-ща.

*Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7.
Т. III. С. 135–141. Исп. Хабидат Беретарь: 1903 г.р., а. Нечерезий
Адыгеи; бжедуженка. Зап. 15.07.1964 г. Н. Багов. Перевод на
русский язык А. Гутова.*

30. НАРТ ШЭБАТНЫКЬО КЪЫЗЭРИЩАГЬЭР

Нарт Шэбатныкъо нарт хэгъэгум исыгъ. Ягъунэгъу хэгъэгум иныжъхэр исыгъэх. Нарт Шэбатныкъо кэлэ зикъэмымщэу, икъэщэгъу хъугъэу, хъазырэу блэкъэу щытыгъ. Ай зэхихыгъэ иныжъмэ зы шыпхъу дэхэ горэ сым исурэтэу ягъэу, унэм исызыхъуджэ, остыгъэ пыргъэнэнэу пчыхъэ мэзахэм ишыкъягъягъэп – ежэ унэр къызэпигъэнэфыжъытыгъ. Къанджым шыцъэу хэлъэр ынапцэу, фыржъэу хэлъым фэдэр ыкъышъоу зэраю блэкъягъэу пшгъашъэ дэхэ бэлахъэу щытыгъ, аю. Къызэралоремджэ, пшгъашъэр зэрэдахэм имызакъоу, лъэшэуи йушыгъэу ары.

Уий фэдиз щытхъу зыпыль пшгъашъэр нарт Шэбатныкъо къышэмэ шыогъюу ыгу къэкъягъ. Ау ар зымы дэклон ымыдэу, псэлтыхъоу ыдэй дахьэрэри иныжъ зэшиблымэ къаукъэу, ай фэдэу цыфыбэ екъодыллагъэу щытыгъ.

Еүи нарт Шэбатныкъо «хъу шыогъор орэхъу!» ыгу, къэшэси къежъагъ. Ышнахыкъи къидежъагъ. Шэбатныкъо ар къекъягъэп, ыдагъягъ.

– Гъэзэж! – риуагъ. Адрэми:

– Хъау, згъэзэжъытэп, мыхъу хъумэ, тичъыгу гъунапкъэ сикъэсынышь сицьюжэн нахь, – ыгу, ыгъэзэн ыдагъягъ.

Еомэ къаклохэзэ, яхэгъэгу ыгъунэ къызэсихэм нарт Шэбатныкъо:

– Моджэ ильэрэ къыщысаж, ащ нахыбэрэ укъысэмымж, сипсаумэ, а уахътэм къэзгъэзэжъытышь, – ыгу, ежки къуагъэ, ышнахыкъэ къыгъэуцуи.

Нарт Шэбатныкъо еомэ чэшырэ зэригъахъяу, мафэрэ зигъэпсэфэу иныжъмэ яунэ фиузэнкІыгъяу кІозэрэ чэш горэм шы лъэмакъэ горэхэр, гущыІэ макъэхэр ытхъакІумэ къыридзагъях.

— Иныжъхэр арыкъомэ сшІэрэп! — ыІуи, гъогум зыдидзыхи уцугъя. Щытзэрэ шыуитІу етІупшигъяу зэрэгъэгушаІехээ къыблэкІыгъях. ЗытегуущыІехэрэп нарт Шэбатныкъо зыдэй кІорэ иныжъмэ ашыпхъу пшъашъэр ары. Шэбатныкъуи иштыпкъяу ядэІугъ.

Шыумэ къаІуатэу зэхехы:

— Хэтми пшъашъэр зыщэ зышІоигъом хъэхэмрэ бгъэхэмрэ ахидзэнэу мэлышъибгъу зыдихын фае. Мэлышъохэмрэ шъхъэхэмрэ апэлтыфэхэ ежь ахэкІынышъ дэхьат пэнапцІэ сэраим. Ай зыдахъэхэджэ пчэгум итмэ анахь шышІоІу лъахъчэм иш рипхын фае. ЕтІанэ а унэ лъэхъчэжь цыкІоу Іэгум дэдзагъяу дэтым шъхъангъупчъяу хэлъым Іухъанышъ пшъашъэм ыІорэм едэІун фае. Іухъагъэр къышІэу, ай ыцІэ къыІоу, сыдэкІот ай фэдэм ыІоу къызиІоджэ, ашыгъум а Іухъагъэр сыхъэтмафэ ежъагъяшь, ежэу щытмэ, пшъашъэр къикІынышъ къыдэкІот. Арэу зымыхъуджэ, зыгорэджэ ыцІэ къымыІомэ, псынкІэу хъэхэмрэ бгъэхэмрэ мэлышъомэ ауж имыкІыжъихээ зыкъыІуригъэхъижъин фае. Армырмэ, аІэкІэкІодэт, — ыІуагъ зым.

Адрэр къэгушаІи:

— Нычэпэ фэдэ чэш мэзахэр ары узекІонджэ дэгъур. Иныжъхэри дэсэп, лІы щыІэп нахъ, — ыІуагъ.

Шыухэр зыблэкІыхэм, нарт Шэбатныкъо ыпэ ригъэхъугъ. Иныжъмэ ямэлхэр джау чыпІэ горэм щытхэу ыльэгъугъэти, мафэм мэлибгъу къытыгъугъ. Пчыхъэ зыщыхъуным ашъо тырихыгъ. Мэлибгъумрэ шъуибгъумрэ зыдырихъижъи, чэш зэхъум ежъагъ.

Иныжъмэ япэнэпцІэ сэрай зынэсүм, хьишъэр къыфилъигъ, бгъишъэр къытебыбагъ. Лыхэр хъэмэ ахидзагъ, мэлышъохэр бгъэмэ афидзыгъ. Хъэхэмрэ бгъэхэмрэ ай аужы зехъэм, еуи ежь дэхъагъ.

ЛитІумэ зэралуагъэм фэдэу шышІоІу заулэ щытыти, анахь лъахъчэм иш шохидзагъ.

Джау къогъу хъазырым къотэу щыт унэжъ лъахъчэ цыкІум ишхъаныгъупчъэ Шэбатныкъо Іухъагъ. Плъэмэ, ыльэгъурэ шлагъомэ яшІэгъожь: остыгъи штыди хэмэгъэнагъяу унэ кІоцІэр мастэу піэпзыырэр къэпштэжъин зыфаІорэм фэдэу нэфын.

Нарт Шэбатныкъо зэралуагъэм тетэу иныжъмэ ашыпхъу къэгушаІи унэлут пшъашъяу дисым риІуагъ:

— Нарт Шэбатныкъо къэкІуагъяшь сэ сыдэкІот, о чые, — ыІуи.

Унэлут пшъашъэр зэрэччыягъэм тетэу иныжъмэ ашыпхъу къикІыгъ.

— Нарт Шэбатныкъу, — ыІуагъ ай, — амал иІэмэ, о мы Іэгум сидэхыри, адырэ къанэрэр Іофыжъэп, — ыІуагъ.

Нарт Шэбатныкъо пшъашъэр шым къытыригъэІисти, псынкІэу къыдэкІыжъигъ. ЫшнахыкІэ зыдэшчытым къэсэжъи, зэшилІумэ пшъашъэр къахъи къэкІожъигъэх. Джэгушко ашЫигъ. Чэш мэфиблэ нартхэр ешкагъях, ештуагъях.

КАК ЖЕНИЛСЯ НАРТ ШАБАТНЫКО

Нарт Шабатныко жил в стране нартов. В соседней стране жили иныжи. Нарт Шабатныко был парень неженатый, какому пора было жениться и даже эта пора уже была на исходе. Он услыхал, что у иныжей есть одна сестра, писаная красавица; когда она дома, в безлунные вечера не нужно было зажигать свет – она сама освещала дом. Как говорится, то, что у сороки черное, – таковы были ее брови, то, что белое, подобным тому было ее тело, и <с замужеством> припоздавшая необыкновенно красивая девушка была, говорят. Как рассказывают, девушка была не только красива, но и очень умна.

Шабатныко решил, что хорошо будет ему жениться на девушке, настолько славной. Было так, что она ни за кого не хотела выходить, а кто к ним приезжал во двор свататься, того ее братья убивали, и многие так погибли.

Взял Шабатныко и решив, будь что будет (букв.: *пусть будет так, как <богу> угодно*), сел на коня и отправился <в путь>. С ним отправился и младший брат. Для Шабатныко это было не к лицу:

– Возвратись! – сказал он ему.

А другой:

– Нет, не возвращусь, если будет иначе, я до границ наших земель доеду и там буду тебя дожидаться, сказал он и не согласился поворачивать назад.

Вот так, едучи, когда они достигли границ своих земель, нарт Шабатныко <сказал так>:

– Вот тут подожди меня год, больше не дожидайся, буду живой – к этому сроку я вернусь, – сказал так, а сам поехал дальше, остановив там младшего брата.

Нарт Шабатныко ехал – по ночам в пути находясь, а днями отдыхая, направляясь прямо к дому иныжей; однажды ночью до его ушей донеслись топот каких-то лошадей и звуки каких-то разговоров.

– Вдруг это иныжи, я же не знаю, – сказал он, посторонился и стал.

Стоял он, а мимо проехали два беспечно разговаривающих, вольно чувствующих себя всадника. Говорили они о девушке, сестре иныжей, к которой ехал Шабатныко. <Ну> Шабатныко хорошо прислушался к их <разговору>.

Слышил он, как всадники говорят:

– Всякий, кто хочет жениться на <той> девушке, должен взять с собой девять овечьих шкур, чтобы бросить их собакам и орлам, <стерегущим девушку>. Пока те разделаются с овечьими шкурами и головами, сам он уйдет оттуда и войдет в ограду облепиховую. Проникнув туда, он должен привязать своего коня к самой низкой коновязи во дворе. Затем он должен подкрасться к окну низенького домика, что стоит в глубине двора, и подслушать, что говорит девушка. Если она угадает подошедшего и, назвав его по имени, скажет, мол за такого бы я вышла замуж, то подошедший попал на тропу удачи; если он предложит, то девушка выйдет и выберет его. Если же так не случится и по какой-то причине она не назовет его

имени, ему нужно поскорее, пока собаки и орлы не расправились с овечьими шкурами, покинуть *<этот двор>*. Не будь так, он от них погибнет, – сказал один.

Другой заговорил и...:

– Вот в такую безлунную ночь, как ныне, хорошо ходить. И иныжей нет дома, да только мужчины *<достойного>* нет, – так сказал.

Как всадники проехали, Шабатныко засутился. Он раньше приметил, что там в каком-то месте находились овцы иныжей, и в один день похитил девять овец. К вечеру он *<забил их и>* снял с них шкуры. Как наступила ночь, он захватил с собой девять туш и девять шкур и поехал.

Когда он достиг обледиховой ограды иныжей, сто собак набросились на него, сто орлов налетели на него. Туши он бросил собакам, овечьи шкуры бросил орлам. Когда собаки и орлы занялись ими, он взял и вошел *<во двор>*.

Как те двое мужчин и говорили, во дворе стояло несколько коновязей, и он привязал своего коня к самой низкой. Там Шабатныко подкрался к окошку низенького домика, стоявшего в углу за *<большим>*. Посмотрел – и увидел чудо из чудес: внутри дома без лампы и без чего-нибудь другого, что было бы зажжено, было так светло, что урони иголку – и ее поднимешь.

Когда нарт Шабатныко подошел туда, сестра иныжей заговорила и сказала бывшей там девушке-служанке:

– Явился нарт Шабатныко, и я за него пойду, а ты спи, – так она сказала.

Как только девушка-служанка заснула, сестра иныжей вышла *<из дома>*.

– Нарт Шабатнук, – сказала она, если можешь, унеси меня с этого двора, а остальное уже не важно, – сказала.

Нарт Шабатныко посадил девушку на коня и быстро покинул двор. Прибыл он туда, где его дожидался младший брат, и братья вернулись домой, привезя девушку. Устроили большой джегу. Семь дней-ночей наорты ели-пили.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 155–156. Исп. Тагир Богус: а. Ассоколай Адыгей; бжедуг. Сведения о дате рождения исполнителя не указаны. Зап. 03.11.1940 г. Ю. Тлюстен. Перевод на русский язык А. Гутова.

31. ШЭБАТНЫКЬО КУАНДЭ КЫЗЭРИЩАГЬЭР

Шэбатныкъо нартыхэр зэригъэльэгъун йыуи, къуагъэ адэжь. Къозэгъо Сэтэнэй-гуашэ иунэ йукъагъ. Куандэ, Сэтэнэй-гуашэм иишъашъэ, дышъэ шъагъэр ышъэо щэндакъым тесыгъ.

Шэбатныкъо зельэгъум:

– Шъэо дахэуэ, шъэо гъэшшэгъонэуэ!... – йыуи, дышъэр йэпзыгъ.

— А тян, зы шыо къэкІошъи, фэдэ тихэгъэгу ыдж’э нэси къихъагъэ!

— Щхынэр мычылэ-мыфабэуи шыри, гъэуцу! ТыпэгъэгъокИ мы шъаоо къакІорэр къэтэгъэблагъ!

— Хъуныба, сигуашэ, — ылуи, пэгъокІыгъэх.

— Еблагъ! — зырайом,

Шэбатыныкъо:

— Нартымэ адэжьы сэжло, сылъэгъуныхэо, къэзгъэзэжьимэ, сыкъыдэхъан, — къарилуагъ.

Ямыдэлоо къуагъ.

Нартымэ яунэ къызынэсэм, къагъэблагъи, щхыныхэр къыфащти, агъэхъякІагъ. Ары шъхъакІэ, агъэллэн алуи, шъоным шэг’ыблэ съикІу халъхъагъ. ХякІэм зэкІэ гу лъитагъ шъхъакІэ, къызыхигъэшыгъэп. Бжъэу ратыгъэр алихи ешъуагъ, блэр пакІэкІэ хилули.

Нартымэ агъэшлагъуи:

— Мыш амалэу уфэхъун плъэкІыщтэп! — алуагъ.

Бгъащтэхи, а чыпк’ом агу щизыгъ.

Зязаом, Шэбатыныкъо зэужэ ыукІыхи, ахэкІыжыи клюжыгъэ. Клюжызэгъо зэрилогъагъэм фэдэо Куандэ-гуашэм дэжь дахьи, ыгъэрэзи, къышчи къэкІожыгъ.

КАК ШАБАТЫНЫКО ЖЕНИЛСЯ НА КУАНДЕ

Шабатыныко решил повидаться с нартами и отправился к ним. Едучи, он повстречал дом Сатанай-гуащи. Куанда, девушка Сатанай-гуащи, сидела на балконе и плела золотую тесьму. Как она увидела Шабатыныко...:

— Прекрасный юноша, удивительный юноша!... — сказала она и уронила тесьму. — О мать наша, *<сюда>* один всадник едет — подобный ему до сих пор в наш край не ступал!

— Поставь *<на стол>* угощение не оставшее-не горячее! Давай мы выйдем навстречу и пригласим этого юношу, едущего сюда!

— Хорошо, моя гуаша, — сказала *<Куанда>*, и они вышли навстречу.

— Добро пожаловать! — когда так сказали...

Шабатыныко ответил:

— Я направляюсь к нартам, чтобы повидаться с ними; на обратном пути (букв.: *когда буду возвращаться*) заверну к вам, — сказал он им.

Он уехал, не послушавшись их.

Когда он достиг дома нартов, его пригласили, встретили угощениями и оказали гостеприимство. Но при этом, чтобы его погубить, в напиток пустили маленькую ядовитую змею. Хоть гость и приметил это, он не выдал себя. Чашу, поданную ему, он принял и выпил, а змею пригвоздил усами *<к стенке чаши>*.

Нарты удивились:

— Против него невозможно найти средство, — сказали они.

Он их напугал, и они тотчас лишились мужества.

Когда начали биться, Шабатыныко всех перебил, уехал от них и возвратился <к себе домой>. На обратном пути, как он и обещал, завернул он к *Куанде-гуаше*, понравился ей, забрал ее с собой и возвратился.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 214–215. Исп. «старуха из фамилии Бжихако» (более точных сведений не обозначено). Зап. в 1935 г. в Париже Ж. Дюмезиль на шапсугско-бжедугском смешанном диалекте. Перевод на русский язык А. Гутова.

Девушка – в зависимости от контекста слово может обозначать и дочь, и служанку, и воспитанницу. В данном случае более подходящее значение – *воспитанница*.

Куанда-гуаша – слово «гуаша» в данном случае указывает на высокий социальный статус девушки.

32. НАРТ ПЩЫБЭДЭНОКЬУЭ АГУАНДЭ ЛЪЫХЪУНУ ЗЭРЫКІУАР

Нарт Пщыбэдэнокъуэ ежъэри Агуандэ и деж псэлъыхъуу кІуаш. Унэм щыхъэ пэткІэ, и сагъындакъыр унэбжэм и деж хитІери унэм щыхъаш.

ЗдэкІуэм игу иримыхын гуэр зэхихри къежъэжыну къышлэкІыжауэ, Джылахъстэну Агуандэ и адэм жиІаш:

– Мы сагъындакъыр къыхэзычым си пхъур изот, – жиІэри.

Цыху Іэджи щытхэти, еплъаш – къахухэчакъым.

Ар Сосырыкъуэ зэхихри, щлэгъутхъэри, игъэссыри, еІэри, къыхичыри Пщыбэдэнокъуэ къыртыжаш. Пщыбэдэнокъуэм ар щильзагъум, къэгубжыри, и данэ щлопщыр шы джабэм щигъабзэри къежъэжаш.

Ар къежъэжа иужъкІэ, Сосырыкъуэр Джылахъстэным щыхъаш:

– Уи пхъур къызэт, сагъындакъыр къыхэсчаш, – жиІэри.

Джылахъстэным жиІаш:

– Уэстынукъым, ущлэгъутхъэри къыхэптихъаш, – жиІэри.

Сосырыкъуэм жиІаш:

– Пхуэхъу-пхуэмыхъуми, къызэптынш, – жиІэри, къэшэссыри къыдэкІыжаш.

КъэущыІуэри Пщыбэдэнокъуэм щыхъэжаш.

Сосырыкъуэр Пщыбэдэнокъуэрэ зэшыпхъуитІым къальхуат.

Пщыбэдэнокъуэ жиІаш:

– Сосырыкъуэ, уэрэ сэрэ зэшыпхъуитІым дыкъальхуаш.

Джылахъстэн и деж и пхъум сылъыхъуну сыкІуати, си гум къеуаши, дэлэптикъуэгъу къысхуэхъу, – жиІэри.

– Сыбдэлэптикъунш, сэри бэуэ сигу ебгъаш абы, – жиІаш <Сосырыкъуэ>.

Ягъэзэжахэш Джылахъстэн и къуажэм.

Джылахъстэн и къуажэр Рэзанскэ станцэм и пщэГуэкІэ верситкІэ дэдзэяуэ щысащ.

Сосырыкъуэм жиIаш:

– Сэ синэхъ цыкІуши бгыщхъэм ситеувэнщ, уэ унэхъ инши къуэм дэт, былыми цыхуи къыдэгтэйкІынкъым, – жиIери, увахэш.

Былым дэкІами, къаукІыу, цыху дэкІами, къаукІ щыхъум, Джылахъстэнным хъыбар зэхихри, Лъэпш и деж кІуэри ельэГуаш:

– ШитІ схуэшІ, зытехуэр иукІыну, щэмүэхъуну, – жиIери.

ШитІир иригъэшІаэ къэкІуэжу, Сосырыкъуэ ищЭри, гъуэгужь къызэрыкІуэжым пэтПысыри, Джылахъстэнным и шыр игъаштэри, къехуэхыри, шитІым языр абдежым щыфІэкІуэдаш. Зы шэр ихыжыри кІуэжащ.

Агуанди пелуант, Бэдэнокъуэри пелуанти, Агуандэ Бэдэнокъуэр нэхтыфІу ильагъут, дэкІуэнуи фІэфІт. Ар Джылахъстэнным ищЭти и пхъум хузыгуэпт.

Джылахъстэныр Агуандэ еупшІаш:

– Дэтхэнэм сеуэн – Іуашхъэм тетым сеуэн хъэмэ къуэ кІуэцІым дэтым сеуэн? – жиIери щеупшІым, Агуандэ жиIаш:

– Іуашхъэм тетым си уз ихь, къуэм дэтым еуэ, – жыриIаш.

Ар Джылахъстэн щызэхихым, «Сосырыкъуэр нэхтыфІу ельягъу», – жиIери, Іуашхъэм тетым еуэри Сосырыкъуэр иуIаш. Сосырыкъуэм зигъэлІэшІыри, и шыри езыри, машэшхуэ щытти, абы зырагъэхуаш, тІумикІ. Бэдэнокъуэри къыГукири къежъэжащ. Былымхэри цыхухэри хуит хъужахэш.

Зы мэлхъуэ гуэрым мэл дихуауэ, Сосырыкъуэ сымэ зерыхуа машэм хуэзэри, Сосырыкъуэри и Тхъуэжьеири лауэ ильхэу ильягъури, кІуэжыри Джылахъстэнным щыжыриГэжым, къабыл ишІакъым:

– Лакъым, пцЫуэ зешІ, – жиIери.

Сэтэнейрэ Агуандэрэ жиIаш:

– ПцЫкъым, пэжу къышшІэкІынщ, – жиIери.

Джылахъстэныр и фызымрэ и пхъумрэ зэрахуэ щыхъум, зыгуэрым унафэ хуишІаш, кІуэуэ быру Сосырыкъуэ и лъэкІампІэм хигъэджыразэу, лъэкІампІэ куцІ къырихыу къихыну. КІуэри Сосырыкъуэ и лъэдакъэмкІэ иубырури, куцІ къихыри къыритащ. Джылахъстэныр куцІым епэмыри:

– И лыхъужыщхъэ мэжважъэри щылъщ, лакъым, пцЫуэ зешІ, – жиIаш.

Сэтэней и пхъур (Агуандэ) Сосырыкъуэ иритьну фІэфІт.

Агуандэ епэмыри жиIаш:

– Хъэдэмэш мыбы къыкІэрихыр, – жиIери.

Джылахъстэн гуэрыр къэгубжыри кІуаш, бгъэдыхъэри щеплъым, Сосырыкъуэр хъэзыру щылът, и сэшхуэр бгъэдэлъуи, къышшылъетри, Джылахъстэныр къырихуэжъэри къихуурэ и унэм щышшІэлъэдэжым, Сосырыкъуэр еуэри, унэм иль гъущІ бжыкъури зэпиупшІри Джылахъстэн и щхъэри зэгуиупшІыкІаш. Джылахъстэныр абы имыхъукІыжу лаш.

Агуандэрэ Бэдэнокъуэрэ фІыуэ зэрылъэгъуа щхъэкІэ, Сосырыкъуэ дэкІуаш, «Щалэ щхъэкІэ, лы хъунуш», – жиIери.

КАК НАРТ ПШИБАДАНОКО ЕЗДИЛ СВАТАТЬСЯ К АГУАНДЕ

Нарт Пшибаданоко выехал и поехал свататься к Агуанде.

Войдя в дом, он воткнул свою стрелу <в землю> у входа и вошел в дом. Там он услышал неприятный для себя разговор и, когда, желая уехать, вышел он <из дома>, Джилахстан, отец Агуанды, сказал:

— Кто вырвет эту стрелу, за того я выдам свою дочь.

Там стояло много людей, и <хотя многие> пробовали, не смогли вырвать <стрелу>. Сосруко, услышав это, помочился <под нее>, расшатал, дернул, вырвал <стрелу> и отдал Пшибаданоко. Когда Пшибаданоко увидел это, <он> разгневался, ударил своей шелковой плетью по бокам <своего> коня и уехал.

После того, как он уехал, Сосруко пристал к Джилахстану:

— Отдай за меня свою дочь, я вырвал стрелу <Пшибаданоко>.

Джилахстан ответил:

— Не отдам. Ты помочился <под стрелу> и вытащил ее, — говоря.

Сосруко сказал:

— Волей или неволей, но ты ее мне отдашь! — сказал Сосруко, сел <на коня> и уехал.

Прибавил <он> ходу и настиг Пшибаданоко.

Сосруко и Пшибаданоко были двоюродными (букв.: — сыновьями двух сестер).

Пшибаданоко сказал:

— Сосруко, ты и я рождены от двух сестер. Я приехал к Джилахстану просить руки его дочери, но <он> оскорбил меня. Окажи мне помощь.

— Помогу, он мне тоже не по нраву, — ответил <Сосруко>.

Вернулись <они> в селение Джилахстана.

Селение Джилахстана находилось выше от станицы Рязанской на расстоянии двух верст.

Сосруко сказал:

— Я меньше тебя <ростом>, поэтому стану на вершине горы, а ты больше меня, поэтому останься в лощине. Мы ни скот, ни людей <из селения> не выпустим, — договорились они и стали <у входа в селение>.

Когда они стали уничтожать и скот, и людей — всех, кто находился за пределами селения, Джилахстан услышал хабар об этом, пришел к Тлепшу и попросил:

— Сделай мне две стрелы — в кого целишься, чтобы попадали и убивали, — сказал.

Когда <Джилахстан> возвращался <от Тлепша> со стрелами, Сосруко узнал об этом и устроил засаду на старой дороге, по которой ехал <Джилахстан>, вспугнул он коня Джилахстана, <Джилахстан> упал <с коня> и потерял там одну из двух стрел. Вернулся <он> с одной стрелой.

Агуанда была богатыршей, Баданоко тоже был богатырем, поэтому больше всех Агуанда любила Баданоко и хотела выйти <за него>. Об этом знал Джилахстан, поэтому не был доволен своей дочерью.

Джилахстан спросил Агуанду:

– В кого <мне> стрелять – выстрелить ли мне в того, кто на вершине или выстрелить в того, кто в лощине? – когда так спросил <Джилахстан>, Агуанда ответила:

– Пусть перенесет мою болезнь тот, кто на холме! Стреляй в того, кто в лощине.

Когда это услышал Джилахстан, «Она больше любит Сосруко», – подумал <он>, выстрелил в того, кто находился на холме и ранил Сосруко.

Сосруко прикинулся мертвым, там была глубокая яма, и конь <Сосруко>, и сам он упали <в яму>. А Бадиноко уехал. И скот, и люди стали свободными.

Один какой-то чабан, отправившийся пасти овец, заметил ту яму, в которую упали Сосруко <и его конь>, и увидел лежащих там мертвыми Сосруко и его Тхожея, и когда <чабан> вернулся и сообщил об этом Джилахстану, он не поверил:

– <Он> не умер, а <умершим> можно прикинуться, – сказав.

Сатаней и Агуанда сказали:

– Не ложь, наверное, это правда.

Когда жена и дочь Джилахстана стали настаивать, <он> отправил кого-то пробуравить буравом голень Сосруко, достать костный мозг из <его> голени и доставить <его Джилахстану>. <Тот> пошел, пробуравил <голень> Сосруко через пятку, <достал> костный мозг, принес <его> и отдал <Джилахстану>. Джилахстан понюхал мозг и сказал:

– Он лежит, а его богатырское сердце (букв.: *богатырская голова*) пылает, <он> не умер, а <умершим> прикинулся.

Сатаней хотела отдать свою дочь (Агуанду) за Сосруко.

Агуанда понюхала <мозг из голени Сосруко> и сказала:

– <Его мозг> отдает мертвчиной.

Разгневался Джилахстан и сам отправился <посмотреть на тело Сосруко>, когда приблизился, чтобы посмотреть, Сосруко лежал наготове, рядом с ним находился его меч, вскочил <Сосруко>, погнал Джилахстана и, когда <Джилахстан> забегал в свой дом, Сосруко ударил <мечом>, перерубил надвое железную балку дома и рассек голову Джилахстану. От этого умер Джилахстан.

Хотя Агуанда и Баданоко любили друг друга, <Агуанда> вышла за Сосруко, «Хотя он и молод, из него выйдет достойный муж», – сказав.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-д. Пасп. № 15.
Исп. Адамей Ехутл: 1861 г.р., а. Понежукай Адыгей; бжедуг.
Зап. 17.07.1949 г. М. Киримов. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Текст – один из вариантов сказания о сватовстве нарта Бадиноко. Примечательно, что, в отличие от большинства известных вариантов данного сюжета, герой не погибает от стрелы Тлепша:

она просто отскакивает от него, что более характерно для образов Сосруко и Батраза. Девушка же выходит замуж за Сосруко по своей воле, несмотря на то, что жених убил ее отца.

Имя главного героя варьируется в самом тексте, что мы оставили без изменения.

33. ШЭБАТНЫКЬО ІЭКУАНДЭ ДЭЖЬ ПСЭЛЪЫХЬО ЗЭРЫКЮГЬАГЬЭР

Нарт Шэбатныкъо Іэкуандэ дэжь псэлъыхъо зэклом, унэ пчъэлупэм ипчышхо къычлиси, унэм ихагъ. Зехъэм, шъхакло къехъулли къикІыжыгъ. Ар зэхъум:

— Мы пчышхор чІэзытхъырэм Іэкуандэ естынкІэ! — ыIуи, Джылэхъстэн тхъэ ыIуагъ.

Бэу цыф пчым еIи шъхай, къафычІэтхъыгъэп. А къэбарыр Саусырыкъо зызэхехым, кIуи егъутхылли, ыгъэсиси, къычлишигъ, къыритыжыгъ.

Шэбатныкъо губжи, идэнэ кIэпщ шы чапэм щигъабзи, къежъэжыгъ. Шэбатныкъо зежъэжыхэ нэуж, Саусырыкъо лыжъым щыхъэгъагъ:

— Іэкуандэ къысэт! — ыIуи.

— Іэкуандэ остына, тхагъэпцIыжъ цыкІу, угъутхылли, пчыр къычІэпчыгъ, — Джылэхъстэн ыIуагъ.

— Е, фэхъу-фэмыхъуми, къысэптын! — ыIуи къыдэшэсыкІыжыгъ.

Саусырыкъо къыдэшэсыкІи Шэбатныкъо къыльежъи къикІэхъагъ.

Саусырыкъорэ Шэбатныкъорэ зэпхъурэлъфэгъугъэх. Саусырыкъо:

— Моу къэуцу! — ыIуи къыгъэуцугъ. — О Шэбатныкъу, орырэ сэрырэ зыны тыкъилъфыгъ, сыкъыпкІэхъагъешъ, шъхакло сит, Джылахъстэнэ Іэкуандэ къыситыжырэпышъ, къыздэбгъэпинкIэ сыольэIу, — ыIуагъ.

— Саусырыкъо, къыбдэзгъэпин, амии сэри сыгу ебгъэ, — нарт Шэбатныкъо ыIуи, къагъэзэжъи Джылэхъстэн икъуаджэ къекІолIагъэх. Джылэхъстэн джы Рязанскаа станицэр зыдэшысым ыпшъэкІэ верститIу фэдизкIэ дэдзыягъэу щысыгъ.

— О уиншъ, кIэим дэуцу, сэ синахы цыкIушъ, бгым ситетын, былымэу яIэр хъуакло къыдэдгъэкІыщтэп, яцIифи къыдэдгъэкІыщтэп, — Саусырыкъо ыIуагъ.

Аш тетэу ашлыхи зэуцухэм, къэбарэу щыIэр Джылэхъстэн дэжь клохи раIуагъ:

— Былым дагъэкІырэп, цыф дагъэкІырэп, — аIуи.

Джылэхъстэн Лъэпшты дэжь кIуи:

— Сызаорэм щымьюхъунэу бзитIу сфершI, — ыIуи, бзитIур ригъешIи къежъэжыгъагъ.

Саусырыкъо пэгъокІи, шыр ыгъашти, рыригъэдзыхыгъ. Зыредзыхым, бзитIум яз зэпикІыгъ. Зы бзэр къыхыхыжъи, лыжъыр къекІожыгъ. Іэкуандэ еупчIыгъ:

– Кіэим дэтым сеона, бжъапэм тетым сеона? – ыІуи.

Іэкуандэ зыфиІорэм еонэу щытыгъэп, Джыләхъстэн еупчылжыгъагъэ шъхъай. Ар Іэкуандэ ышІэрәпти, Шэбатныкъо нахышу ылъэгъо щытыти:

– Кіэим дэтым сиузы ехъ, бжъапэм тетым еу! – зеІом, еуй Шэбатныкъо ыукЫыгъ.

Іэкуандэ Іохъуи шъхъакІэ, кІэхъажыгъэп.

Шэбатныкъо укЫыгъэ зэхъум, Саусырыкъо зигъэлІагъ. Мэлахъохэри дэкЫыгъэх, мэктүмәшшІэхэри дэкЫыгъэх. Ащ ыуж мэлахъо кІалэ горэ Саусырыкъо ихъадэ ыукІагъ, и-Тхъожъые лІагъэу голъэу. КІалэм ащ тетэу зелъэгъум, гушІоу къежъажъи, Джыләхъстэн нарт сэнашъом кІуагъети, лъыкІуи риуагъ. Джыләхъстэн:

– ШъукІуи, бырыу шъухъи, ылъэдый куцI щыщ бырыуکІэ щиз къысфэштъухъи, сежъугъэпэм, – ыІуагъ. Клохи, бырыуکІэ щиз къыфаҳыгъ. Зепэмым:

– ИлЫыхъужыгу мэжъажъэ! – ыІуагъ.

Іэкуандэ ахэтыти:

– Щтэрэм зишІэжырэба, сэІо, илЫыхъугуи ащ жъажъэрэп, хвадэжъымэ ащ нахь пыурэр! – ыІуагъ.

– Хъабз уд джадэм ыІорэр ольэгъуа! – ыІуишъ, шэси кІуагъэ. Нэси, шъхъашыуци, ичатэ къырихи, елабэхышь:

– Тхъагъэпщы цЫкІу, ущылтышта мыш! – ыІуи, чэтапэмкІэ къызкІаіэм, Саусырыкъо къызщылъети, майтэ огъу къыщырихи, ышъхъэ чапэ къыгътирипхъуи, ышъхъа ІакІэ ыІыгъэу Джыләхъстэн къекІожъыгъ.

Ар аджалы фэхъугъ.

Мы пистэури къызэрыйІыгъэр Іэкуандэрэ Шэбатныкъорэ. Шэбатныкъо пельуаныгъ, Іэкуанди пельуаныгъ. Шу зэрэлтэгъухэу зэІукІагъэхэп. Саусырыкъо лы фэхъунэу щытыти, ащ къыфэнэжъыгъ. Біджы щыІэ цыфми къальэгъужы Джыләхъстэн ихапІэ, иунэ зыдэштыгъэр. Къальэгъужыгъ, ильэгүцэ зыхэлтэгъэр нафэу щыт.

КАК ШАБАТНЫКО ЕЗДИЛ СВАТАТЬСЯ К АКУАНДЕ

Когда нарт Шабатныко поехал свататься к Акуанде, он воткнул свое большое копье напротив двери и вошел <внутрь>. Войдя, он потерпел неудачу и возвратился. А между тем...:

– Кто вырвет это большое копье, за того я выдам Акуанду! – поклялся Джилахстан.

Хотя многие подходили к копью, но никто не смог вырвать его. Когда этот хабар услышал Сосруко, он подошел, помочился <под копье>, расшатал и, вырвав, отдал <его хозяину>.

Шабатныко рассердился, ударил своей шелковой плетью по бокам коня (букв.: *заставил свою шелковую плеть звучать на боку коня*) и уехал. После того, как Шабатныко уехал, Сосруко пристал к старику:

– Отдай за меня Акуанду, – сказал.

– Как я выдам за тебя Акуанду, маленький плutiшка, ты помочился <под копье> и вытащил его, – ответил Джилахстан.

— Ну тогда волей или неволей, а ты мне ее отдашь! — заявил <Сосруко и уехал>.

Сосруко уехал, пустился вслед за Шабатныко и догнал его.

Сосруко и Шабатныко были двоюродными (букв.: *сыновьями двух сестер*). Сосруко....:

— Остановись-ка, — сказав, остановил его. — О Шабатнук, и ты и я происходим от одной женщины (имеется в виду их бабушка по материнской линии — *перев.*), я за тобой поехал, <чтобы сказать, что> я озабочен: Джилахстан отказывается выдать за меня Акуанду, и я прошу тебя быть вместе со мной против него, — сказал он.

— Сосруко, буду вместе с тобой против него, да и без того он мне не по нраву, — ответил нарт Шабатныко, они повернули назад и приехали к селению Джилахстатна.

Джилахстан жил версты на две выше нынешней станицы Рязанской.

— Ты большой, поэтому стань в лощине, а я поменьше, и потому стану на вершине: мы ни их скота на пастьбу не выпустим, ни их людей не выпустим, — сказал Сосруко.

Когда так решили и принялись исполнять, люди явились к Джилахстану и рассказали ему эту новость:

— Скотину не выпускают, людей не выпускают, — сказали.

Джилахстан отправился к Тлепшу и....:

— Сделай мне две стрелы, чтобы они не пролетели мимо того, куда я выстрелю, — сказал, изготовил две стрелы и повернул назад.

Сосруко вышел ему навстречу, испугал коня и тот сбросил с себя седока. Когда он сбросил с себя <седока>, одна из двух стрел переломилась. Старик вернулся домой с одной стрелой. Он спросил Акуанду:

— Выстрелить ли мне в того, что в лощине, или выстрелить мне в того, что на вершине? — сказал.

Хоть Джилахстан и спросил ее, он был такой, что не выстрелил бы в того, на которого укажет Акуанда. Но Акуанда этого не знала, и, так как она больше полюбила Шабатныко....:

— На того, что в лощине, пусть мои болезни падут, стреляй в того, который на вершине! — сказала она, и Джилахстан выстрелил <в того, который стоял в лощине>, и убил Шабатныко.

Хотя Акуанда поняла оплошность, но уже было поздно.

Когда Шабатныко погиб, Сосруко тоже притворился мертвым. И чабаны вышли <на пастбища>, и люди вышли. После этого один молодой пастушок повстречал труп нарта Сосруко, а рядом лежал мертвый его <конь> Тхожий. Увидя это, юноша радостный повернулся назад и..., а так как Джилахстан ушел на нартское санопитие, он явился прямо туда и сообщил ему. Джилахстан приказал:

— Пойдите с буравом, пробуравьте ему голенную кость, достаньте оттуда полный бурав костного мозга, принесите и дайте мне понюхать, — сказал. Отправились и принесли <костного мозгу> полный бурав.

— Его богатырское сердце <еще> бьется, — сказал он.

Там была и Акуанда, и она....:

— Разве пуганный соображает трезво, и его богатырское сердце не бьется, и от него веет только запахом мертвечины, — сказала она.

– Что эта сука-ведьма говорит! – сказал <Джилахстан>, сел на коня и поехал туда. Прибыл он, вытащил меч и наклонился:

– Эй, маленький плутишка, так и будешь здесь лежать! – сказал он, и когда попытался тронуть кончиком меча, Сосруко вскочил, нанес один удар *маитой* по голове, разрубил ему голову и Джилахстан вернулся домой, придерживая рукой голову.

Это и стало для него причиной смерти.

Всё это произошло из-за Акуанды и Шабатныко. Шабатныко был богатырем, и Акуанда была богатыршей. Они любили друг друга, но так и не встретились. Ей суждено было быть супругой Сосруко, и она ему досталась. Ныне живущие люди и сейчас могут видеть, где была стоянка и где стоял дом Джилахстана. Теперь вновь обнаружили, потому что это очевидно.

Архив АРИГИ, Фонд наратского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 309–311. Исп. Саферби Бесиджев: 1884 г.р., а. Джамбечий Адыгей; темиргоевец. Зап. 10.09.1946 г. Е. Бахов. Перевод на русский язык А. Гутова.

Маита / маиса – здесь – меч особой закалки, меч с особыми свойствами.

34. НАРТ ШЭБАТЫНЭКЬО ІЭКОНДЭ-ДАХЭ ДЭЖЬ КЪЫЗЭРЭКЮГЬАГЬЭР

Нарт Шэбатынэкъо янэм чыунэджэ ыпшугъ, хъэпанийтшурэ бгъэжьитшурэ дигъесагъэх.

Ауштэу Шэбатынэкъо лы къэхъугъ. Лы къызэхъум, Йалэджымэ яунэ Йэкуандэ-дахэр ылоу шшэшшэ дэгъу горэ исыгъети, Чэлэхъсэтым ишшашъэу, ащ дэжы къэкшагъ. Ипч пчъэшшэм щычшишъ, ежь шшэшшэ дахэм дэжь унэм ихъагъ. Ау къыдэммыкшонэу къыцыришшы, эз шхъам къызыдэкшыжым, ыгуджэ шшашъэр шшу ылъэгъугъэу щытыти, Чэлэхъсэтым дэгушщэшэн ыгу хэльшэу Шэбатынэкъо къыгъэзэжьи шхъам, Йэкуандэ къыримытынэу Чэлэхъсэтым къыришагъ:

– Хэгъэгу чыжъ уздэшышэр, орыдже къекшонэу щытэп, – шышишъ.

Шэбатынэкъомрэ Чэлэхъсэтымрэ агу зэбгъагъэ. Ащ ыуж ильяс горэ щышагъэу къакшоешъ, ыщэмэ шшоигъоу дэгушщэшагъ.

– Тятэ сыйдимыгъэшшонэу къысишагъ шхъае, сыйгуджэ шшу усэлъэгъу, – ришагъ.

А чыпшэм Йэкуандэм дэжь псэльыхъо къэкшагъэхэмэ къэлапчъэр фашшэу ылъэгъугъ Шэбатынэкъом. Зельэгъум, иши къешэсыжьи, къэлапчъэри къышишти, пэнэпцишэраихэри къыкъути, Шэбатынэкъо къыдэкшыжьигъ.

* * *

Пчэр пчъэIупэм чIэсагъети:

— Пчэр чIэзытхъырэм Iэкуандэ естьт, — ыIуи Чэлэхъсэтым унашъо ышIыгъ.

Саусырыкъорэ Шэбатынэкъорэ зэпхъорэлъфэгъухэу, зэшыпхъуитIумэ къальфыгъеу щытыгъ.

Пчэр зэрэчIисагъэр Саусэрыкъо зэхихыгъэ. Зызэхехым, Саусэрыкъо кIуишъ, егъутхылIи, ыгъессысызэ къычIитхъыгъ.

— Пчэр къычIэстхъыгъ, Iэкуандэ къысэт, — ыIуи, пицы Чэлэхъсэтым риIуагъ.

— Мыгъо цIыкIу, уегъутхылIи пчэр къычIэпхъыгъэ нахь, тэрээзу узекIуагъэп, остытэп, — къыриIуагъ.

Саусэрыкъо, ар шъхъакIо щыхъуешъ, къыдэкIыжыгъ. Шэбатынэкъо зыIуигъякIишь:

— ШъхъакIо къытищышIыгъ, орырэ сэрырэ тызэпхъорэлъфэгъоу, Чэлэхъсэтэр къыздэгъэпий, — риIуагъ. Чэлэхъсэт ыдэжъы кIохишъ, чылэр къауцуахь, былыми цIыфи дамыгъэкIэу хэгъуашъхъэм Iугъольхъагъэх.

Чэлэхъсэты Лъэшигъы дэжьы кIуишъы:

— Сызаорэм сыщымьюхъунэу щитIу сферI, — риIуагъ.

Шэхэр къыфишIыгъэх. Къыритыжъи къежъэжъыгъэу къэкIожъзэ, хэгъуашъхъэм къызынэссыжъым, Чэлэхъсэтым иш Саусэрыкъо ыгъашти, Чэлэхъсэтэр ридзыхи, щитIумэ язы зэпиутыгъ, зы щэр къэнагъ.

Чэлэхъсэтэр Iэкуандэм еупчIыгъ:

— ТIумэ язэу таш сеот? — ыIуи.

— Бжъапэм тетым уемыу, кIэим дэтым еу, — риIуагъ.

Саусэрыкъо нахьи Шэбатынэкъо нахьшIу ылъэгъутигъ Iэкуандэм. Саусэрыкъо нахь цIыкIоу, Шэбатынэкъо нахь инэу щытыгъ. Бжъапэм тетэр Шэбатынэкъоти, кIэим дэтым еу зыкIуагъэр аары.

Чэлэхъсэтым щэмрэ бзэмрэ зэIуилхъишь, бжъапэм тетым зеом, Шэбатынэкъо аш щиукIыгъ.

* * *

Шэбатынэкъо зеукIым, Саусэрыкъо зигъалIи, хэгъуашъхъэм Iугъольхъагъ. Чылэр шъхъартIупщэу хъужьыгъэ, чэмыхэри къыдагъэзыкIыгъ. Мэлахъомэ ашыщ горэм Саусэрыкъо иши, ежьыри лIагъэу хэгъуашъхъэм Iулъэу ылъэгъугъ. Мэлахъор кIожъи Чэлэхъсэтым риIуагъ:

— Саусэрыкъо иши, ежьыри лIагъэу моу Iулъ, — ыIуи.

— Удэ штьукIори, бырыу шъухыри, ылъэдакъэ бырыу щиз къыхэштухыри къэштухыи сежъугъэплъ, — ыIуагъ.

Куагъэх. Бырыуужэм щиз ылъэдакъэ къыхахи, Чэлэхъсэтым ратыгъ. Зыратым, епэмыгъ:

— ТхагъэпцIы цIыкIум ыгу мэжъажъэ, цIыфымэ щэуи джыри, — ыIуи, Чэлэхъсэтым къыIуагъ.

Нарт сэнашъохэри зэхэтэу, Iэкуандэри ахэтэу щытыти:

— Чэлэхъсэтэр щтэрэм зишIэжъэрба сэIo, — ыIуи, Iэкуандэм къыриIуагъ.

— А тхъагъэпциым ышІэрэр сэ щызгъэгъупшэт, — ыIуишь, Чэлэхъсэтым иши уанэ траигъальхи, къэкIуагъ Саусэрыкъо ыдэжьы. Къызэрныэсыгъэм тетэу чатэмджэ еIэбэхи:

— Тхъагъэпциы цыкIу, узыпыльэр шъыд? — зеIом, къызылъэти, шэр къыгъашти, Чэлэхъсэтыр ридзыхыгъ.

Саусэрыкъом майтэ ыIыгъэу щытыти, майтэмджэ къеуи, иштхъэ къызэгуиупкIыгъ. Чэлэхъсэт ыштхъэ къыубытыжьи, иши къешэси, Лъэпшты ыдэжьы ыгъакIохи, Лъэпшъ къаригъэшагъ.

— Сштхъэ зэбгырымызынэу гъучы паIо сфэшI, — ыIуишь, гъучI паIо аригъэшIыгъ.

Гъучы паIор зыщилъи штхъае, ишIуагъэ къэкIуагъэп. Чэлэхъсэтым аджалыщэ тефагъэу щытыти, жъуагъохэр къызыредзэм, ыпсэ хэкIыгъ.

Иэкуандэм:

— Тят, таужы икI осIогъагъэ. О зэпшIэжьыгъэ нахь, зыми къыуишIагъэп, — ыIуагъ. Хъадэри агъэIылъыгъ.

Чэлэхъсэтэр иунагъоджэ Рязанска хэгъуаштхъэм верстэ зытIуджэ пэчыжъэу щысыгъ. ПэIульашью иунэ Iулъыгъэри цыфымэ къалъэгъужыгъ. Ыдж, непэ Ѣегъэжъагъэу, иунэ зыдэштыгъэр уигъэльэгъунэу цыфыхэр ѢыIэх.

КАК НАРТ ШАБАТЫНЭКО ПРИЕЗЖАЛ К АКУАНДЕ КРАСАВИЦЕ

Мать растила нарта Шабатынэко в подземелье, вместе с ним выучила двух собак и двух орлов.

Так Шабатынэко и возмужал. Возмужавши, он приехал к красавице Акуанде, замечательной девушке, которая была дочерью Чалахсёта и жила в доме Аледжей. Он воткнул свое копье у двери, а сам вошел в дом к красавице.

Но когда она отказалась выйти за него, он ушел своим телом, но душой он ее полюбил, поэтому он собирался поговорить и с Чалахсётом; однако и Чалахсёт, не желая выдавать ее за него, заявил:

— Ты живешь в дальнем kraю, и поэтому ты не подходишь, — сказал.

Шабатыныко и Чалахсёт там повздорили. Спустя где-то год после этого, *<Шабатыныко>* снова явился и завел с ней разговор о женитьбе.

— Хоть наш отец и заявил, что не отдаст меня за тебя, сердцем своим я люблю тебя, — сказала она.

Шабатыныко увидел, что для женихов Акуанды там ставят крепостные ворота. Увидав, он сел на своего коня, разломал крепостные ворота, прорвал все колючие ограды и уехал.

* * *

Копье было воткнуто у входной двери, и...

— Кто сможет открыть дверь, за того и отдам Акуанду, — объявил свою волю Чалахсёт.

Сосруко и Шабатынэко были двоюродными, рожденными от двух сестер. Сосруко прослыпал о том, что *<Шабатынэко>* заклинил дверь. Прослышив, он пришел, помочился под *<копье>*, расшатал и выдернул его.

— Я растворил дверь, отдавай Акуанду, сказав, он обратился к птиц Чалахсэту.

— Злосчастненький, ты помочился под него и этим растворил дверь, а не как положено ты поступил, не выдам! — ответил тот.

Сосруко воспринял это за оскорблениe и уехал. Он встретился с Шабатынэко и сказал ему:

— Мы *<оба>* оскорблены. Мы с тобой двоюродные, давай вместе будем враждовать с Чалахсэтом.

Они вместе отправились к Чалахсэту, осадили его селение и устроились у дороги в селение, не выпуская ни животных, ни людей. Чалахсэт отправился к Тлепшу:

— Изготовь мне две стрелы, чтобы они непременно попадали в цель, — попросил он.

Тот ему изготоил стрелы, вручил их ему. Когда Чалахсэт на обратном пути достиг въезда в селение, Сосруко вспугнул его коня, Чалахсэт упал и одну из двух стрел поломал, осталась одна стрела.

Чалахсэт спросил у Акуанды:

— Из *<этих>* двоих в кого мне выстрелить? — сказал.

— В того, что на вершине, не стреляй, выстрели в того, что в лощине, — ответила она.

Акуанда больше любила Шабатынэко, чем Сосруко. Сосруко был меньше ростом, Шабатынэко побольше. На вершине стоял Шабатынэко, поэтому она и сказала, чтобы он стрелял в того, что в лощине.

<Но> Чалахсэт положил стрелу на тетиву и, выстрелив в того, что стоял на вершине, таким образом убил Шабатынэко. Когда он убил Шабатынэко, Сосруко *<тоже>* притворился мертвым и улегся у въезда в селение. Селение стало свободным, и коров выгнали *<на пастбище>*. Кто-то из чабанов увидел у края дороги лежащих мертвыми и Сосруко, и его коня. Чабан вернулся в селение и рассказал Чалахсэту:

— И конь Сосруко и он сам мертвые лежат у дороги, — сказал.

— Отправляйтесь туда, захватите с собой бурав, пробурите его пятку и принесите мне полный бурав *<костного мозга>* посмотреть.

Отправились. Извлекли полную спираль (букв.: *рот бурава*) и вручили Чалахсэту. Когда вручили, он понюхал:

— У *<этого>* плутишки сердце еще горячее, от него еще несет человечьим духом, сказав, произнес Чалахсэт.

<Пришедшие на> нартское санопитие были здесь, Акуанда тоже была, и:

— Когда Чалахсэт дрогнет, теряется ли он, скажу я...

— Я заставлю этого плутишку забыть то, что он знает, — сказав, Чалахсэт велел седлать коня и поехал к Сосруко. Как только подъехал, он наклонился и с мечом в руке:

— *<Эй,>* плутишка, чего ты хочешь? — когда он так сказал, *<Сосруко>* вскочил, испугал коня и сбросил Чалахсэта наземь.

У Сосруко была *маита*, и он ударил майтой и раскроил голову. Чалахсэт схватился за голову, сел на коня и <приехав домой> велел привести Тлепша:

— Чтобы моя голова не рассыпалась, изгото́вь мне железный обруч, — сказал он и велел изготовить железную шапку.

Пусть он и надел железную шапку, но пользы от этого не проявилось. Было так, что его постигла смертельная рана, и когда появились звезды <на небе>, дух покинул его.

Акуанда <сказала>:

— Отец, я тебе говорила — оставь нас в покое. Ты сам себя погубил, но никто ничего тебе не причинил, — сказала. <С тем> и тело его похоронили.

Семьей Чалахсэт жил верстах в двух выше Рязанской. И ворота, стоявшие перед его домом, люди могли видеть. Теперь, прямо сейчас начиная, есть люди, которые могут показать место, где стоял его дом.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 313–315. Исп. Харох Доль: 1874 г.р., а. Шенджий Адыгеи; бжедуг. Зап. 28.05.1940 г. Р. Меркицкий. Перевод на русский язык А. Гутова.

Маита (*маитэ*) — здесь — секира.

35. ПЩЫ БАДИНОКЬУЭ ФЭЗЭХЪУЭКІ-ГУАЩЭР КЪЫЗЭРИШАР

Пщы Бадинокъуэкі э зэджэр зы маҳуэ гуэрым и закъуэ дыдэу ежвауэ Сосрыкъуэ и къуажэм к'уэрт. Сэтэней гуашэ и унэлутыр псыхъэ к'уэрэ пэт, ар ильэгъуаш. Унэлутым псыхъэ зэрык'уэ пэгуныр игъэуври пхъэражэу гуашэм и деж к'уэжащ:

— Алыхъ-алыхъ, жан, мыбы зы шу къохри, абы и сурэтэгъу слъэгъуакъым.

— Бэлыхъир зытихуэн къахыпэ, мы дунейм темыт шур дэнэ къипха? — жиlэри Сэтэней гуашэ щхъэгъубжэр къызэlуихри, щилъагъум...:

— Мафлохъу апщий! — жиlаш пщы Бадинокъуэ.

— Упсэу, къеблагъэ, — жиlаш гуашэм.

— Сэ сылэгъунэлкъым, лыхъухэр здэшылэр къызжеплэм, сык'уэнш.

— Моуэ уехым, зэдебауэ унэжъщ, алащэкі э бжъэ щызэдышрахъэ унагъуэм унэсым, абы щызэхэсш.

Пщы Бадинокъуэр к'уэуэ, Сосрыкъуэ къышлэплъри, пщы Бадинокъуэр къышилъагъум, жиlаш:

— А къак'уэр Тэтэртуp и деж щыслъэгъуаш, ар лышлэжу къэзык'уухь лышщ, ебгэн щыхъэхуш, хъэхуншэ шущ, къедвгъэгъэ-

благъэ, и зэрэн къыдэкІынш, – щыжиІэм, къышІэкІхэри пшы Бадинокъуэр ІэплІэкІэ ирахъехаш.

– Си фадэбжьи къысхуефэ, си къафэ Іыххи схуехъэкІ, – жиІэри унагъуэр зей Беслъэныжым бжъэ къриташ.

– ХъэшІэр фадэкІэ ягъэунэхукъым, сэ сыбгъэунэхунум, банэ гуибгъу къегъашэ, Беслъэныжьу мэхъаджэ жъакІэу зи къуэш зыукІыжауэ къанлыфэжь, – къыжырилаш пшы Бадинокъуэм.

Беслъэныжым игъакІуэри банэ гуибгъу къригъешаш. Пшы Бадинокъуэм и псы вакъитІыр зышитІагъэри, банэ гуибгъур зэхиутэри, епщэри зы къэмьинэу зэбгригъехаш, езыри къакІуэри унэм къышІыхъежаш.

Выбгъуэ къахьри Іэнэри къаузэдаш. Пшы Бадинокъуэр Іэнэм дэлтэйри, къафэри къышелъэжым, пхъэбгъу лъэгурыйдзыг «Зы цыху къэмьинэу гупхъэтІэкІум фышІэзгъэпшынш», – жиІэри дэкІри ежъежаш.

Ар щыблэ макъыу ягугъэу арат; щыблэ уэм, жиІэ псальэт ар.

Пшы Бадинокъуэм ахэр игу иримыхъауэ euэри ежъежаш. «Зы цыху къэмьинэу гупхъэтІэкІум фышІэзгъэпшынш», – жиІэри дэкІри ежъежаш.

Унагъуэр зей Беслъэным ауэ жиІаш:

– Абы къезыгъэгъазэм си пхъуу Акуандэр изот, – жиІэри.

Сосрыкъуэ и Тхъуэжьеим тетІысхъэри, пшы Бадинокъуэм кІэлтыжэри бгъурууващ.

– Тенджызым сызэрытехъэу кхъухь кІуэцІым сызэрышыдгъуэ си псы вакъитІыр узот, нэгъазэ, – жиІэри Сосрыкъуэр ельэГуаш.

– Уи псы вакъитІыр къуентхъкІэ пщаух, сэ сыкъуентхъ лъыхъуэкъым...

– Сэ сышуІэгъэ лъыхъуещ, сыхомыгъэныт, – жиІэри Сосрыкъуэр щельэГум...

– АтІэ, ухэзгъэнынкъым, – жиІэри пшы Бадинокъуэм къигъэзаш.

– ХъэшхъэрыГуэм къигъэзаш, ирекІуэж, сэ абы щхъэкІэ си пхъур естын! – жиІэри Беслъэным и пхъур Сосрыкъуэ иритын идэжакъым.

– АтІэ, Сосрыкъуэ, сэ къэзгъээжынши, къуажэр зэпэбашым ѢІэдгъэкІынш. Сэ гуашэ ФэзэхъуэкІыр къэсшэнш, уэ абы и phуу Акуандэр уэстынци, къуажэми пшыуэ уакъыхуэзгъэнэнш, – жиІэри пшы Бадинокъуэр euэри ежъежаш.

Шу гуп ѢІыгъуу къакІуэри ѢІэкІыу зэтриукІаш. Беслъэныжыр иукІш, къуажэм дэс псори зэтриукІэри Сэтэней къигъэнаш. Гуашэ ФэзэхъуэкІыр езы пшы Бадинокъуэм къызыхуигъянэш, Акуандэри Сосрыкъуэм иритш, Сосрыкъуэри къуажэм унафэнЦу яритри, езы түри благъэу къызэхуэнэжри псэуаш.

КАК ПШИ БАДИНОКО ЖЕНИЛСЯ НА ФАЗАХОЧ-ГУАШЕ

Однажды тот, кого зовут пши Бадиноко, совсем один собрался и поехал в селение <нарта> Сосруко. Служанка Сатаней-гуashi,

идущая за водой, увидела его. Она поставила наземь свои ведра, с которыми шла, и поспешно (букв.: *подобно погоне*) возвратилась к гуаше:

— Аллах-аллах, *жсан*, сверху сюда едет один всадник, подобного ему обликом я не видывала.

— Да падут на тебя муки, непотребная, где ты взяла всадника, какого нет на этом свете? — сказала Сатаней-гуаша, и когда она раскрыла окно...

— *Мафох апший!* — сказал пши Бадиноко.

— *Упсай*, будь гостем! — ответила гуаша.

— Я не женских комнат герой, если скажешь мне, где герои, я туда поехал бы.

— Если вот тут спустишься, достигнешь покосившегося старого дома, где, на меринах *<сидя>*, чаши разносят (настолько велик двор — *перев.*), вот там они и сидят.

Когда Сосруко выглянул и увидел едущего пши Бадиноко, так он сказал:

— Этого, что едет сюда, я видел возле *Татартупа*. Это муж, разъезжающий в поисках пролития крови, он *сuroвости заступник*, он *всадник*, не одалживающий ничего, давайте его призовем к нам, а не то от него мы неприятностей не обернемся, — когда он так сказал, *<нарты>* вышли из дома и на руки приняли его с коня.

— Отведай чашу моего напитка, спляши долю моего танца, — сказав, хозяин того дома, Беслан Могучий подал ему чашу.

— Гостя напитком не испытывают, если хочешь меня испытать, вели привезти девять возов колючек, о Беслан Могучий, жесткобородый, своего брата погубивший кровный преступник, — ответил ему пши Бадиноко.

Беслан Могучий отправил *<людей>* в лес и велел привезти девять возов колючек. Пши Бадиноко надел пару своей *водной обуви* и истоптал девять возов колючек, затем дунул и все до одной развеял по ветру, сам же пошел, вернулся в дом.

Принесли бычий бок и накрыли (букв.: *вооружили, снарядили*) стол.

Пши Бадиноко вспрыгнул на стол, сплясал, и когда он спрыгнул, проломил дощатые половицы. Услышав его шум, молодежь во дворе завела: «*Ела-Ела, Елари цопий*». Это они подумали, что то — звук удара молнии. А когда молния ударяла, эту песню заводили.

Это все не понравилось пши Бадиноко, и он уехал, недовольный. Хозяин дома, Беслан, сказал так:

— Кто сможет его вернуть назад, за того я выдаю свою дочь, — так сказал.

Сосруко вскочил на своего Тхожея, догнал пши Бадиноко и занял место рядом с ним.

— Дарю тебе пару моей водной обуви, в которой я хожу по морю и граблю корабли, только поверни назад, — попросил Сосруко.

— Твою пару водной обуви пусть с тебя снимут, как трофеи, а я не искатель трофеев.

— *<Зато>* я искатель невесты, не дай мне ее упустить, — когда Сосруко так попросил...

— Что-ж, не дам упустить, — сказал пши Бадиноко и повернулся назад.

— Бешеный пес возвращается, пусть уезжает, ради него разве я отдаю свою дочь *<за неугодного>*! — сказал Беслан и отказался выдать свою дочь за Сосруко.

— Тогда, Сосруко, я возвращусь и все это селение мы *заставим пройти под сошкой*. Я женюсь на Фазахоч, а за тебя выдам ее дочь Акунду и оставлю тебя князем этого селения, — сказал так пши Бадиноко взял и уехал.

Вернулся он с компанией всадников и всех *<непокорных>* перебил. Беслана тоже убил, всех в селении побил, только Сатаней не тронул.

Сам пши Бадиноко взял себе в жены княгиню *Фазахоч*, Акунду же отдал Сосруко, оставил его владетелем того селения; и так они вдвоем стали жить породненными.

Рукописный вариант данной записи не сохранился; источник – второй экземпляр машинописного текста из папки, представленной З.П. Кардангушевым; в ней хранились вторые экземпляры утерянного чернового варианта издания нартских сказаний, которое, согласно сообщению самого фольклориста, начали готовить в 60-е гг., но работа была прекращена, а многие подготовленные материалы утеряны. Запись не сопровождена никакими сведениями о времени и месте записи, об исполнителе и собирателе. Текстологический анализ подтверждает, что запись не подверглась литературной обработке: язык и стиль изложения, особенности сюжетостроения свидетельствуют в пользу ее аутентичности.

Перевод на русский язык А. Гутова

В тексте контаминированы сюжет о первом выезде нарта Бадиноко (выезд, встреча с пастухом, затем Сатаней-гуашей, прибытие на хасу и состязания в плясках) и о сватовстве к дочери нартского старейшины (отказ старейшины выполнить данное слово, осада нартами-сотоварищами его крепости или селения, гибель самого героя или же его отступление на второй сюжетный план и женитьба нарта Сосруко).

Жан (*жсан*) – здесь: дорогая, уважаемая.

Мафох-апший (*мафлохъу апший*) – традиционная формула приветствия лица, находящегося вблизи огня (в доме – женщина-держательница огня, т.е. старшая в доме; вне дома – человек, сидящий у разведенного костра).

Татартуп (*Тэтэртуп*) – башня и часовня на правом берегу реки Тerek, место поклонения у восточных адыгов.

Суровости заступник / Всадник, не одолживающий ничего... – перевод фрагмента условный; смысл выражения трудно передается прямому толкованию на ином языке, поскольку

здесь важную роль играет не только семантика, но также и звуковая организация текста (аллитерация, ассонанс, ритмика).

Водная обувь (*псы вакъэ*) – сочетание встречается только в данной записи сказания. Судя по контексту, это обувь, позволяющая свободно ходить по поверхности воды.

«**Ела-Ела...**» – начальное слово ритуальной хороводной песни, исполняемой у пораженного молнией.

«...**заставим пройти под сошкой**» – пройти под сошкой (подставкой для стрельбы из старинного ружья) означает здесь признать власть над собой (воины перед началом боевых действий или решающей битвой проходили под сошкой в знак единения против общего врага; в этом случае ритуал означает принятие присяги).

Фазахоч (*Фэзэхъуэкл*) – буквальное значение слова – *меняющая внешность, облик, цвет*.

36. ПЩЫ БЭРДЫНОКЬУЭ И ХЪЫБАР (Пщи Бэрдынокъуэрэ Малчылхъурэ)

Малыч жаIери зы лыжъ щыIэт. Лыжъ-фызыжъ, бын ямыIэу Малыч жыхуаIэ лыжым хъыдджэбз цыкIу къыхуальхури, Малычылхъу фIашац. Малычылхъум и щхъэ щыльзеныкъуэр дэпым хуэду плтыжъу, дыщэплтъу; <адрей> лъзеныкъуэр уэсым хуэду хужъу, дыщэхуу щытауэ жеIэ хъыбарым, и набди, къинэмьщи.

Бэрдынокъуэ ягъунэгъут ар, пщи Бэрдынокъуэм. Пщи Бэрдынокъуэр зекIуэ кIуац къэту, Малычылхъу цыкIур кIуац абы я дей, пщи Бэрдынокъуэ и фызым дей, и анэм игъакIуэри: «Шыгъу тIэкIу къэхъ кIуэи», – жери. Щыхъэри – лИтI щIест, пщи Бэрдынокъуэ и фызым дей – и дэлхъурэ и анэ дэлхъурэ. ЛИтIым щхъэкIэ хъыдджэбз цыкIур укIытэри, сэлам ярихри, блын джабэм кIэрыувэжри, щыкIэрыувэм, жиIаш пщи Бэрдынокъуэ и фызым:

– Къипхъ, дыпхъэнкIыжынщ! – жиIери.

Ар щыжиIэм щыгъуэ, хъыдджэбз цыкIур псальэри жиIаш:

– ИэфIыр зыгъэдэдьджу дыдджыр зыгъэIэфI тIэкIу, жиIери сыкъигъэкIуац нанэ, – жери.

Ар щыжиIэм щыгъуэ:

– Алыхъ, уэ Iейр лыншу улъхуэнным! – къыжриIаш пщи Бэрдынокъуэ и фызым.

Ар щыжиIэм, хъыдджэбз цыкIур мо цыху щIэсхэм щхъэкIэ укIытэри – сый жиIынт! – къыщIэкIыжри къэкIуэжаш. КъэкIуэжри, мо лИтIыр дэкIыжри, <зэрыдэкIыжыр> зыригъэлтагъури, кIуэри жыриIаш абы, пщи Бэрдынокъуэ и фызым:

– Псыхъэ сыкIуаэ сыкъэкIуэжре пэткIэ, мыбыкIэ шу зыщыплI моуэ псым ныдэхъэжауэ кIуэрти, къэувыIэжауэ, сыкъэсэри: «Нарт пщацэуэ щауэфIкIэ зи цэ ираIуэн, пщи Бэрдынокъуэ и унэр пщыхурэ?» – жиIаш. – «Соцыху, ди гъунэгъущ». – «НтIэ, абы и фызым тхужепIыжынурац, – жиIаш: – Пщи Бэрдынокъуэ дыкъиIуэхуаш, хъэшIэ сигъусу сынекIуэжынуущи, кIыти хэмьлтъу, щIэлтъи имыIыу

фадэ пашцэ схуэпшцауэ сыныретъэхъэллэж, – жери сыкъицуэхуаш, – жылы ар схужеңиж; думыгъэгъэзэж, дыкъыблэклаши», – жари си пщэ къяралъхаш, – жери, хъыдджэбз цыккур куэри, жырилаш абы, пщы Бэрдинокъуэм и фызым. – «Кыти хэмэлтъу, щэлти имылыу фадэ пашцэ схуэпшцауэ сыныретъэхъэллэж, хъэшцэ сигъусу сынэкиуэнущи», – жери къицуэхуам си пщэ къяралхашчи, си пщэ ильтыр бжызойижри щы! – жери.

– Ан-на, кыти хэмэлтъу, щэлти имылыу дунейм тет фадэ зыщ? Псыраши, мо чеижьым изу псы искеңнчи, къирхъэллэжинш, хуейм, – жилаш.

– Сцэркъым сэ, араш къызжилаши бжызойиж. Уигу ирихым щы, – жери хъыдджэбз цыккур къышцэклижааш.

Къышцэклижа... пщы Бэрдинокъуэр къесыжааш. Фызыгр бампю: «Мыр мыхуэду щыжила щыккэр ло? Мыр мыхуэду – кыти хэмэлтъу, щэлти имылыу дунейм тет фадэ зыщ?» – жери. Пщы Бэрдинокъуэр къышцэхъэжри, и фызым <абы> зыриупсаяш:

– Е!, ауан сыкъэпшци! Дэнэ щылэ уи хъэшцэхэр? «Кыти хэмэлтъу, щэлти имылыу фадэ пашцэ пщцауэ сыныретъэхъэллэж», – жылы, къысхуэпшуюр ло? Ахуэду зыщ плъэгъуа уэ? Ауан сыкъышцэпшци! – жери.

– Хэт ар къыбжезылар уэ? – жилаш.

– Малычыпхъу къызжилаш, – жилаш. – «Мыхуэду сыкъицуэхуаш», – жери. – «Си пщэ къяралъхашчи, «Дыкъыблэклаши, думыгъэгъэзэж», – жари, шу зыщыпл моуэ сыкъицкыжу сыхуээр къызжааш», – жиэри, Малычыпхъукъакиуэрикъызжицлижааш, – жилаш.

– Е!, Малычыпхъу аргуэру сэр гуэрыр куэху сыкъиццауэ ара, мыдей сигъэлэхъуэну? Алыджахэ мыдей иригъэлэхъуэклиаш абы! Күэй къашэ мыдэ Малычыпхъу! Уэлэний, сэ ар пэжрэ пщыре зэхэгъэлэйным! – жери, игъакиуэри Малычыпхъур къыригъэшааш.

Къыригъашэри зызехуэзэллэшцааш абы:

– Ныбэ узым ихын, мыбдежым Алыджахэ купхуаш псальмэлэ. Иджы дэр гуэрыр дыбгъэлэхъуэну ара? Сытим щыгъуэ сэ ар щыжылар? Ахуэду зыщ щылэ? Ло ахуэду щыжылэр? – жилаш.

– Ар щызылар сэ къызгуроцуэж, – жилаш. – Ар зыжеслам хъэ къыгурмыцуарэ? – жилаш. – Мыбы сэ сыкъэклиаш, – жилаш, – дянэм сыкъигъакиуэри: «Күэй Бэрдинокъуэр, пщы Бэрдинокъуэ дей Бэрдинокъуэр и фызым, пщы Бэрдинокъуэр и фызым шыгъу тэкли къеңихи къэхь», – жери сыкъигъэклияти, хъэшцит щэсу сыкъирихъэллаш мыбы – езбы и дэлхурэ и анэдэлхурэ. Хъэ щэлэхэм щхъэклиэ сүкъитэри, сэлам ясхри, моуэ сүкъириувэри, «Кыипхъ, дыпхъэнкыжынш!» – щыжиым, «Лэфыр зыгъэдьджу, дыджаар зыгъэлэфтиэли», – жиэри нанэ сүкъигъэклиаш – щыжылэм, «Алыхь, уэ лэйр лыншу улхуэнным!» – жери ар щыжилем, сүкъитэри сүннэлэклижааш, – жилаш. – Айттур дээгъэклыжри, сүкъакиуэри ар жеслаш, – жилаш, – мыбы. Мыбы фадэ пашцэ, кыти хэмэлтъу, щэлти имылыу ишлэфауз щытамэ, сэри лыншэу сылхуэнэр пэжт, – жилаш. – Лыншу лъхуэ щылэ? – жилаш. – Лы имылэу хэт лъхуэр? Лыншу лъхуэ щылэ? Ар <щ>хъэ имышларэ? Ар ишламэ, сэри сылхуэнт. Мис араш ар щыжылар! – жилаш.

– ЕI, мо сабийм къыбжиIар къыбгурымыIуу уэ ар жыпIу! – жиIәш аби, <пши Бэрдынокъуэм> и фызыр иригъэкIыжащ.

Пщи Бэрдынокъуэ и фызыр иригъэкIыжащ. Малычыпхъур къишэнү хуежъащ.

– Хъэуэ, сыйдәкIуэнукъым сә уэ. Сә лIы сиIыщ. ЛIы и фыз трахыркъым. Сә щхъэкIә уи фызи йумыгъэкIыж, уи быни зеиншэу къыумыгъанэ. Уи фызыри уи унэ щЦегъэсүж, къэшәж. Сә уэ сыйдәкIуэнукъым, – жери, <Бэрдынокъуэ> и фызыри къишәжащ.

Къишәжри, пщи Бэрдынокъуэ и фызыр къишәжщ аби, абы иужкыIә Бэрдынокъуэрэ, пщи Бэрдынокъуэрэ, и фызымрэ зәдәпсәуурэ лIәжауэ жиIәращ.

Абдәжым пщи Бэрдынокъуэ и хъыбарым аращ жиIыр. Сә къызэрэзгүрүIуар ахуәдуш.

СКАЗАНИЕ О ПШИ БАРДЫНОКО (Пши Бардыноко и Мальчикх)

Жил-был один старик по имени Малыч. Старик и старуха бездетные. Старику, которого зовут Малычем, родили девочку и назвали Мальчикх. Половина головы Мальчикх, как угли, красная, цвета червонного золота; <другая> половина, как снег, белая, серебристого цвета была, говорится в сказании, и брови, и все остальное.

Они были соседями Бардыноко, пши Бардыноко. Во время, когда пши Бардыноко был в набеге, маленькая Мальчикх пошла к ним домой, к жене Бардыноко, так как ее послала мать: «Пойди принеси немного соли», – сказал. Вошла – двое мужчин сидело у жены Бардыноко – ее брат и дядя по матери. Постеснявшись двух мужчин, девочка поздоровалась и <молча,> стала к стенке... Когда она стала, жена пши Бардыноко сказала:

– Высыпай, подметем потом! (иносказание, означающее, что девочка все равно несмышленая, и ее глупости потом можно исправить – *перев.*) – сказал.

Когда она это сказала, девочка говорит, заговорив:

– «Немного того, что горчит сладкое и подслащивает горькое, принеси», – сказал, меня послала мама, – говорит.

Когда она это сказала:

– Ты, противненъкая, без мужа родишь! – ответила жена пши Бардыноко.

Когда она это сказала, маленькая девочка, смущившись из-за присутствующих чужих людей – что ей оставалось делать! – вышла и вернулась домой. Она вернулась, а те двое мужчин ушли. Убедившись в том, что они вышли, <девочка снова> пошла и сказала ей, жене пши Бардыноко:

– Когда я пошла за водой и возвращалась, в эту сторону тричетыре всадника к реке подъезжали. Они остановились, а я подошла. «Нартская девушка, чье имя хорошим парнем будет отмечено, знаешь ли ты дом пши Бардыноко?» – спросили они. – «Знаю, это наши соседи». – «Тогда его жене вот что ты скажешь от нас, – сказали. – Пши Бардыноко нас прислал с такой вестью: «Я вернусь

с гостями, и поэтому без солода и без гущи, остающейся на дне, приготовь прозрачное вино к моему приезду», — вот это сказал и прислал меня. Скажи и это ей передай; не заставляй нас возвращаться, так как мы и без того изрядно ездили», — сказали они и поручили мне... Девочка пошла и сказала ей, жене князя Бардыноко: «Без солода и без гущи прозрачное вино приготовивши, встреть меня, так как я вернусь с гостями» — сказав, присланные им <гонцы> мне поручили, я выполняю это поручение, так что делай! — говорит.

— Есть ли в этом мире такая, которая умеет приготовить вино и без солода, и без гущи? Вода же это, вон в ту старую бочку воды налью, этим встречу, если хочет, — говорит.

— Я не знаю: это мне сказали, а я тебе передаю. Если тебе не нравится, делай, что нравится, — сказав, девочка вышла.

Она вышла, а тут пиши Бардыноко вернулся. Жена гневается: «Почему он так сказал? Так разве — без солода и гущи — кто-нибудь готовит вино» — говоря. Князь Бардыноко зашел, а жена набросилась на него:

— Как, ты насмехаешься надо мной! Где твои гости? «Без солода и гущи прозрачное вино приготовив, встречай меня», — сказав, почему передал мне это? Ты видел, чтобы кто-то так делал? Почему насмехаешься надо мной? — говорит.

— Кто это тебе сказал? — говорит.

— Мальчикх сказала мне, — говорит. — «Мне так сообщили», — говоря. — «Мне поручили, «мы уже проехали, не заставляй нас возвращаться» — сказав, три-четыре всадника, которых я встретила, возвращаясь с водой, сказали мне», — сообщила она. Мальчикх, пришла и сказала мне, — говорит.

— А, Мальчикх теперь за меня <принялась>, чтобы выселить меня отсюда? Алиджевых она отсюда переселила! Пойди, приведи сюда Мальчикх! Уаллаги, я разберусь, правда это или ложь! — сказал он и послал, чтобы привели Мальчикх.

Когда ее привели, он возмутился:

— Чтобы ты сгинула от болезни живота, ты Алиджевых отсюда прогнала разговорами. Ты и нас хочешь выселить? Когда я такое говорил? — Разве есть делающий такое? Почему ты так сказала? — говорит.

— Почему я это сказала, я сама понимаю, — отвечает Мальчикх. — Почему это не поняла та, которой я это сказала? — говорит. — Я пришла сюда, — говорит, — так как наша мать меня прислала: «Пойди к Бардыноко<вым> и у его жены немного соли возьми и принеси», — сказав, прислала меня. Двух гостей встретила здесь, ее брата и дядю по матери. Смутившись из-за гостей, я поздоровалась с ними, сюда стала <в сторонке>, «высыпь, подметем», — когда она сказала, я ответила: «то, что сладкое горчит, горькое подслащивает», — сказав, наша мать меня прислала». Когда я так сказала... «Да ты, противеньская, без мужчины родишь!» — заявила она на это. Я смущалась и ушла, — говорит. — Подождала, пока эти двое ушли, потом пришла и это сказала ей, — говорит. — Если бы она прозрачное вино без солода и гущи смогла бы приготовить, то было бы правдой и то, что я смогу родить без мужчины, — сказала.

ла. – Без мужчины рожающие есть? – говорит, – Без мужчины кто рожает? Без мужчины рожающие есть? Почему она этого не сделала? Если бы она это сделала, я бы тоже родила. Вот почему я это сказала! – говорит.

– Как, ты говоришь, что не понимаешь того, что тебе этот ребенок сказал! – рассердился Бардыноко и развелся с женой. Решил жениться на Малечипх.

– Нет, я не выйду за тебя. У меня есть муж [нареченный]. Жену у мужа не отнимают. Из-за меня и свою жену не прогоняй, и своих детей сиротами не оставляй. Свою жену держи в своем доме, верни ее. Я за тебя не выйду, – сказала она, и <Бардыноко> свою жену вернул.

Вернул пши Бардыноко, вернул свою жену. Рассказывают, что после этого пши Бардыноко и его жена жили вместе до самой смерти. Вот что говорится в сказании о пши Бардыноко. Я так понял.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 663 – ф/6. Исп. Салих Маиров: 1904 г.р., с. Ст. Черек Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 27.09.1984 г. З. Налоев. Выписка с магнитн. ленты З. Налоева. Перевод на русский язык А. Ципинова.

Текст представляет собой единственную запись сказания о нарте Бадиноко (здесь – Бардыноко) и остроумной девочке Малечипх, которой в эпосе посвящен отдельный небольшой цикл. Иносказательные реплики Малечипх типичны для сказания о ней, но в данном тексте они удачно сочетаются с суровым рыцарским нравом героя и несообразительностью его жены, которая представлена как недостойная столь славного мужа.

37. НАРТ ШЭБАТНЫКЬО КЪЫЗЭРИЩАГЬЭР

Шэбатныкъо шакло кІогъагъэ чыжъ горэм, лэучыцІэр бэу хэ-
тэу. Ау щэпэрышэу кІозэ дышъэчэт горэ цыраум хэтэуылтэгъугъ.

– Мыр слъэгъугъэ сэлоджи цыфмэ ашлошъ хъунэп, шыдэу
гъэшІэгъон! – ылоу еплты шытызэ чэтэр пэблагъэу кылухъагъ.

– Сеони сыукын! – ылуи, щабзэр къызештэм, чэтэр шыпээ
къыкІэлтэдагъ. Еонэу зытрещаем, лъэрыгчэдже ечъэжъагъ. Зечъажъэм – лъежъагъ. Лъежъи, лъышыор чэтым кІэмыхъэ хъуна,
ыубытыным фэдуу клахъэмэ, еїэбыхымэ чэтэр кІэхъуштузызэ,
къуштхъэ лъэпэ горэм рифылли, чэтэр гъуанэм чІэхъажыгъ.

– Непэрэ зымафэм зыужы ситыгъэ дышъэ чэтым рыхуагъэр
сымышІэу згъэзэнэп! – ылуи, чІэхъагъ къуштхъэ лъэпэ гъуанэм.

Щабзэр гъонэлум къылухъи, ехи, кІогозэ лъэгъо горэм
тетэу къуштхъэ чІэгъ мэzym хэхъагъ. Мэзэу зыхэхъагъэм ыгу-
зыту шъоф гъэхъунэ хъурае горэ илэу, аш унэ фыжышко итэу
ыльтэгъугъ.

рым хэсэу щысэу, дыштэчэтэйм Іэ щифэу, «непэ узымыгъэшкагъэу, мырэу узыгъэштыгъэр хэт?» ыIоу еупчIеу, чэтэр джалхэу ихьагъ.

— Сичэт зыгъэмэгупсэфыгъэу непэ къезыфэкIыгъэр орыштын? — ыIуи къеупчIыгъэр шэбатныкъом.

Шэбатныкъо лы пхъашэти, «сэрэп» ыIуагъэп. «Сэры!» зеIом, пшъаштээр тэджи, къамыщ шIуцIэ горэ пылъагъэти, къипихишь, «шыбыз охъу!» ыIуи къеуагъ.

Шэбатныкъо шыбызы хъугъэ.

Ко, унэм итыныя шыр, къикIи гъехъунэм шэхъогъу итыти, ашт ахэхъагъ.

Кым ахэти, гъатхэ хъуи хакIохэр атIупшыгъ. ХэкIопкIэхэкIуапкIэу шыхэр агощтыгъэх а зэманым. Агощхи, шымэ анахь хэкIо бэлахьым ратыгъэ хэкIуапкIэмэ ашыщи хъугъэ, ыIуагъ.

ХакIоу къельяагъэр тхъоу тхыцIэштыгъ, щытхъо тхыцIэтыгъ, ыIуагъ.

ЕтIанэ ильэсэм хъуи лъфагъэ. ШыкIэ къылтфыгъ, шыбызм шыкIэ къылтфы хабзэти. А ильэсэм шыкIэр ыIуи, итIонэрэ ильэсми а хэкIо дэдэм хэкIуапкIэджэ ИэкIафи, елъишь гъэлтыхъожыгъ.

ИтIонэрэ ильэсэм лъфи шыкIэ къылтфыгъ, ыIуагъ. «Хъунэн мыр щыIакIэ, унэм сихъанышь, мы хъабз удым сешъутырыни сүукIын!» ыIуи зехъэм, ыштуутыIу зыфегъазэм, а къамыщ пакор къипихи «хъэджэшьо хъабзы охъу!» ыIуи къеуи, хъэджэшьо хъабзы хъугъэ, ыIуагъ.

Иоф нахь дэи хъугъэ.

— ыIпэууцы схъутыгъ, ыдж шъыд сшкын? — ыIуи тхъаусыхагъэ, ыIуагъ. Шахъомэ хъэхэр ягъусагъэти, шы ныбгъэшту афаукIыгъ, ыIуагъ.

— Лыр сшкынэн! — ыIуи шъхье, лэ хъуи, — зызгъэлIэнэн, мы ашкырэр сшкын, — ыIуи, ыIупшIэ нимыгъэсэу шкэу ыублагъ. Лым хэблахьи дэгъоу, хъэмэ зэрашкырэм фэдэу ышкы хъуи, пшэрэу хъугъэ, ыIуагъ. Пшэрэу хъуи, хъэмэ сагъэлтыхъожьи хъажъуитIу къэслтфыгъ, ыIуагъ.

— Мы хъажъуитIумэ саухэу, хъэми садашкэу хъунэн! — ыIуи, хэгъэгоу къыздикIыгъэм къэкIожьыгъ, ыIуагъ. КъэкIожьи, мэлахъохэр хэгъошхъяIум Iутэу къябгъукIуагъ, ашыщинаIоу.

Кэлэ анахь IушыIоу ахэтэйм: «Мы хъэджаштэр одыIо нахь, хъэджэшьо дах!» ыIуи еджагъ. Хъэри, еджи зэрищалIи, алъмэкъым къырихи хъалыгъу тэкIуи, лый ритыгъ. КIалэм мафэм кIыгъуи ядэжьы ыщагъ. ИпIэлъапэ гъолъыпIэ щыфишиIи чэщым щылтфыгъ.

Дэгъоу ыгъашкэу ыIыгъызэ пшэри хъугъэ. Пшэры хъуи, мэлахъо даIоу, тхъакIумкIахьи, лэучэцIи ылтэгъурэм лъэубэкъу римыгъэдээу къыубытэу хъугъэ. Тыгъужъэри ыубытимэ зэшIуиутэу, пчэнэри нэм къызшильгъурэм ымыгъакIоу хъэр цIэрыIоу, хъэ дэгъоу хъугъэ.

Гъэм ай тетэу кIыгъуи бжыхъэ хъугъэ

— Бжыхъэ пшагъом тыгъужъышко горэ къакIошь симэлыхэр ехы нахь, симэл бэгъот, ыIуи мэлахъор хъэм дэгущыIагъ, риIорэр зэхишIыкIэу ешIэти.

— Джырэ фэдэ бжыхъэ чэщым ященэрэм тыгъужъышкор къакIошь симэлыхэр ешкы, — ыIуагъ. — Сихъэджэшьожь, симэ-

лыхэмэ ахэзымыгъэхъорэ тыгъужъэр амал хэлъимэ лы, – ыIуи къыриIуагь.

Чэты къыбым орзапIэ ыхьи ыгъэIылти, хээр хигъэгъольхъагь. Щылтызыэ, тыгъужъышкор къакIоу ылтэгъугь хэм. Ылтэгъуи, хампIэIоу ежьыри тIысыгъэ, тыгъужъэри ыжэ зэкIэкъыгъэу Iыстыгъэ. «Сыфилтымэ ыжэ сидэфэни сишкын», – ыIуи, егупшицыэу Iыстыгъэ. ЕбгъукIо фэдэу, щыщтэ фэдэу зишIи, къызэигъэзэкIи ыубыти, тыгъужъэр ылIыгь.

Хэджашьор къэкIожи игъолтыпIэ гъолъижи чэцым щылтыгь. Пчэдлжым кIэлэ мэлахъор къэтэджи, мэлыхэр дигъэкIыгъэх чэтим. Хээр ыгу къэмыйжъэу мэлыхэр рифыжы, чэупчъэм нэсыгь кIалэр. «Сихъэ къышысэнэ» ыIуи къыгъази зэкIом, ихьи щылтьэу, тыгъужъыри щылтьэу ылтэгъугь.

– Сыхъэтмафэ сежъагь, сихъэ тыгъужъэр ылIыгь, – ы-уи, кIалэр ишкончыджэ уй, цыфхэр къырищэлIагь. Тыгъужъэр хэм зэрэфэлIыгъэр агъэшIэгъуагь. КIалэр гушIуагьэ «тыгъужъышкор щымыIэжжымэ, симэл бэ хъут!» ыIуи. Хъэри нахь ыгъашIоу, нахьышIу ылтэгъую хъугъэ.

Зы мафэ горэм мэлахъю кIуагьэу шыу куп къыIуки:

– Пшы горэм уихъэ хъафэу къысэт ыIуагь! – аIуи къыраIуагь.
– Мэфиц хъаф шьо шьоIо, тятэ къэтэджыжжынэу ыIуагъэджи цыф естьнэп! – ыIуи ытIупшижжыгъэх.

Клюжыхи, «къытитыгъэп» раIуагь пшым.

– Олахъэ, къыситынм! – ыIуи пшэр губжи, пшэрахь горэ гъусэ къышIи, къэкIуагь.
– СикIалэ, мэфитIу хъафэу уихъэ къысэт, – ыIуагь.
– Сыхъат хъафэу естьнэу цыф щыIэп, – ыIуагь.
– Ау умыIо, къысэт, кIал, – ыIуи шхъяе, «остыхэтэп» зеIом, кIалэм къеуи къыриути, хээр ыщи кIожжыгъэ.

Пшым шьао ыгъоты къэси, къызыхъугъэ апэрэ чэцциым тыгъужъ горэ къакIоти, кIалэр ыхьытыгъ. «Хъэм тыгъужъ еубыты» аIоу зэхихыгъэти, ары зыфищагъэр.

Чэцымунэм ращи, шхъантэр агъэIылти тырагъэгъольхъагь, ыIуагь.

– Пшым шьаоу ыгъотырэр тыгъужъ горэм ехьышь, емыгъахь, – аIуишь кIалэр къахьи ыкIыбыджэ дагъэгъольхъагь.

Къэси, жыыбгъэм фэдэу къильяди, күштэпсэр зэпиути, кIалэр рихи рихъэжъагь. Сэ сыхъяягъэп. Лы горэ къихьи:

– Уихъай регъаф укъэзыщагъэми! – ыIуи бэшымджэ окIаеу къеуагь.

Унэм ихъушъути, хъэхэр, цыфыхэр зыдэччэрэ лъэныкъомдже ежьагь, ыIуагь. А пстэуми ашIокIи, тыгъужъым кIахьи ыубытыгъ, ыIуагь. БылышI ыубыти, кIалэр къычIыригъэдзыгь, ыIуагь. БыгъэлIэндже зыфежъэм:

– СымыгъалI, Шэбатныкъу, зымэфэ ягъэ горэм сыпшхъапэжын, ори угъээзыгь, сэри сыегъээзыгь, – къыриIуагь ыIуагь.

УкIыти, тыгъужъэр ытIупшижжыгь, ыIуагь. КIалэм сыпэсы сышысызыэ, апэрэ шыор къэсыгь. Макъэ ыгъэIуи, цыфхэр нэси, кIалэр къаххыжхи:

– О уи-уиу, кIалэр къышыригъэнагь! – аIуи гушIуагъэх.

А мэфэ зы-тЦущым егугъухэу агъэтхъагь, ыЦуагь. Аш ыуж къинагъэм агъэшкэжыгъэп, оды дэхъуахъыгь, ыЦуагь. (Пщым хъэр сыдэу шЛошЛын! – еIo Тлахыирэ).

Ыгу кЛоди:

– СыкЛони мы хъабз удэу мыр къысэзышЛагъэр себэныни зэЛыстхъын! – ыЦуи ежъагь, ыЦуагь. Гъуанэу зэрэчЛэхъэгъагъэм зыЛохъэм, зы лы къопцЛэ Иепшъабгъо горэ Цутэу ЙукЛагь, ыЦуагь.

– Ыхъы ыдж, Шэбатныкъу, зы мэфэ ягъэ горэм сыпшъхъапэжын зыфэсЛогъагъэр – неп, а узыдежъагъэр сэ сэшЛэ шъхъае, узэрэлЛорэ шЛыкЛэр кЦуакЛэ хъутэпышь, сэ зэрэсЛоу зекЛо, – къыриЦуагь а лы къуашцЛэм.

КъыриЛорэр ешЛэ шъхъае, къэгушцЛэн ылъэкЛырэп. ГушЛуи, ыщэ къыГуигъэпси, ыкЛэ диупцЛи еуцолЛагь, ыЦуагь.

– А пшъашъэ шхъуахъышЛэр зымафэм щаум екЛышь фэдэ мафэ нэс кЛорэп, ар зыщыкЛорэм зытегъафи, ихьи къамыщэр къыпыхи «сызэрэ-Шэбатныкъоу сыгъэхъужь» Лори цапэджэ зэожьи, узэрэщытыгъэу ухъужьыт, – ыЦуагь.

Пшъашъэр унэм зекЛым, ихьи къамыщэр цапэджэ къыпихи, «сызэрэ-Шэбатныкъоу сыгъэхъужь» ыЦуи зызэожьыт, хъужьыгъэ.

Къамыщэр ыЛыгъэу пчъэкъуахэм къотызэ пшъашъэр къихъажьи, къамыщэр пымылтэгъэжыт зэхъум, мэхи джэхашъом тэфагь, ыЦуагь. Иаби пшъашъэр къыгъэтэджи:

– О ужъалым шъхъае, сэ сыжъалымэп. ДэогъуитЛу остыни язырэ сштэн зыфапЛорэм уфит, – ыЦуагь. – Мы къамыщымдже сыуаомэ, осЦуалЛэрэр къызэрэздэхъутэр ошЛэба? – ыЦуагь. – Ар ошЛэмэ, «къохъусэжЛако охъу» Слони, устЦушижынымрэ шъузыдже уктыздэкЛони, хъалэлэу уктыскЛыгъунымрэ яхадэ, – зыреIом, – шъузы сыпфэхъун, къо сымышЛ, – ыЦуи ельзЛуи, зээгъыгъэх.

ИтЛани къырищажьи, къушъхъэ лъэпэ горэм шэц горэ чЛэтЛыкЛыгъэу иЛэу къырищэлЛагь. ЙукЛыбэр Йуихи зехъэм, коу итым фэдэ ныбжьи ымылтэгъугъэу ыгъэшЛэгъуагь, ыЦуагь. А кум кЛэтынэу шлыкъэритЛу итыгь, ыЦуагь.

– Дыштэ-тыжъынэу сиIэри ик'ут, – ыЦуагь пшъашъэм.

ЗэкЛэ ригъэлтагъуи:

– Ыдж тыкЛожьын Пломэ, сэц пае къэнэнэп, – къыриЦуагь.

– ТыкЛожьыт, ау мы гъуанэм нэмыхЛ иЛахэп, мы кортри, шыхэри, мылькори штыдэуущтэу итишыт? – зыреIом:

– Ар Ioфэп, аш тызэрыкЛожьын гъогу иЛ, – ыЦуи, къушъхъэр ыбгъуитЛуджэ Йуигъечьи, гъогу занкЛэ дахэ дэкЛэу дунаем къыхигъэплтагь.

ШитЛоу къылтфыгъэмэ яшЛугъо хъугъэти, зым ежь тэЛыстагь, ыЦуагь, адырэр Иэдэжъэу ышЛи, зэужэ – пшъашъэри, имылтъкуи – къырищажьи къежъэжыгъ. Хъэджэш्यуитЛоу къылтфыгъэри ягъус!

КъакЛохээ ячЛыгу гъунэ къэсыжьыгъэх, ыЦуагь.

Аш зэужэ къыгъэуци, ежь ежкишь Шэбатныкъоу хэгъуашъхъэм Йухъагь. Шэбатныкъоу зыдэсгъэ къоджэ хэгъуашъхъэм къужъае горэ Йутыти, мэлахъо горэ чЛэсэу ЙукЛагь.

– Тэдрэ чылэ уктыдэкЛэр? – ыЦуи еупчЛыгь.

– Саусырыкъо ичылэ сыкъыдэкЛы, – ыЦуагь.

- Адэ лыжъеу дэсымэ шьыд аЙорэ? – зысэйом,
- Шэбатныкъо тимылэжъеу Саусырыкъо тыкъызыфанэм тичылагьо кийодыгъэ, аЙо, – ыПуагъ.
- Ацыгъум, сэ мэлымэ сапэтын, о кИори «Шэбатныкъо къэклижъы» Иори яИу, – ыПуи ыгъэйИуагъ.

Килэр чьээс Саусырыкъо хэгъуашхъэм Йутэу къыпэгъокИ:

- Шьыды уечъэрэ, кил? – зелом,
- Зы лышко горэ къужъаем чээсити, «Шэбатныкъо къэклижъы, Иори яИу» ыПуагъэшь, сэчъэ, – ыПуагъ.
- Кийо, кийо, – ыПуи, Саусырыкъор пэгъочти Шэбатныкъом,
- Шуфэсыжь, Шэбатныкъу, сэуагъэ! – къыриИуагъ.
- Ахад, – зыреюм, шытхъо Іэдэжъэр ыштагъ, зы хъэджашьор ыштагъ. Джы ежь зытесэр ежь къылтъфыгъэ Тхъожъыер ары.

Килэм «Шэбатныкъо къэклижъы» зелом, иунэ цырау жъужъыгъэти, аукъэбзи, нартхэр дэклыгъэх. Цыфэу дэклыгъэм ишы зырыз къаритыгъ.

Иунагъо ращэллэжъи, унагъо Ыстыжъыгъэ.

Хэтхээ:

- ШакИуэ тыдэгъэй, Саусырыкъу, – ыПуи Шэбатныкъо, шэкли гъусэджэ зэгохъягъэх. ШакИо зэдакИохэмэ, хытчумэ ячъери, шитчумэ ячъери зэфэдэ, чыпПэмрагъэйИрэп. Аузэ зы пхъэклихъу горэм къыхэкИыжъыхээ баджэ горэ алъегъугъ. «Хайт!» ыПуи хъэхэр ритПуштыгъ Саусырыкъо.
- ПшПагъэр шьыд, Саусырыкъу, шьофымэ хъэмэ аубытыгъягъэу мэзым хэбгъэхъажыгъ, – ыПуагъ Шэбатныкъо.
- Ар пхэндэжэу умылтъэгъу, Шэбатныкъу, пчэдыхъы тыкъакИомэ, а баджэр тыубытыгъахэ, ау мы шыхэр улэугъэхи зэрагъэпсэф, шыжъымэ такъытейистхъэни тыкъэйИон, – ыПуагъ Саусырыкъо.

Пчэдыхъым Шэбатныкъо шыжъы горэм тейистхъи екИугъ баджэр зыххэхъажыгъэм.

И Тхъожъые тесэу, лъэрэзэу Саусырыкъо Йухъагъ. Щытхээ баджэр къыхэкИыжъы пэтэу алъегъуи, шыуитИор лъежъагъ. Лъежъэхи шъхье, Тхъожъыер чьэр, мыдырэр шыку шыжъыти, Саусырыкъо текИи, мэз къогъум баджэр къуигъэзыхъагъ.

Шэбатныкъо зынэсым, хъэмэ баджэр аубытыгъэу, бэджашьор Саусырыкъо тырихи пэтэу Йухъагъ:

- Тхъэм егъэпсэуи, баджэр шъумыгъэклижъыгъэмэ! – ыПуагъ Шэбатныкъо.
- Шьыд уиИоф хэлъых, баджэр сэры зыубытыгъэр! – ыПуагъ Саусырыкъо.

– Мафэ къэси тызэгъусэ, дгъотырэр тимызэфэдэтымэ, ашыгъум шьыд пae тызэгъусэн, сэ сиши сыйтесыгъэмэ, ячъэ зэфэдэ, о сапэ ухъутгъягъэп, – ыПуи Шэбатныкъо, лыжъитИор зэфэгубжыгъэх.

– Ар пИон пүишъ ары «шыку шыжъымэ такъытегъэистхъ» зыкИэпПуагъэр, къэрар уиИэп, – ыПуагъ Шэбатныкъо.

Зэшыхъагъэхэу, шакИо горэ джау зэрээшыхъагъэхэр зызэхехым, къакИуи бэджашьом теуцуагъ.

– Джы шьузыфэйИуагъэу слъэгъурэмдэж, шьуитИу язи мы бэджашьор естьтэп, – ыПуи нарт шакИор[м – ?], ишконч къышэй бэ-

джашъом теуцуагъ. – ШъуитIу язэу нахь шАгъо къизэхъулIагъэм къерэIуи естьт.

– Бэджашъор зыгъотымэ зышIоигъор Саусырыкъошь, къерэIу, – ыIуагъ Шэбатныкъо.

– Шэбатныкъу, о къяIo, итIанэ сэ къесIон, – ыIуагъ Саусырыкъо.

– Бэджашъом ибылымыгъэп, ау шъузэу къесщагъэм шъэо цЫкIу горэу ыгъотыгъэм джэдигу горэ фахыгъэу пшъапIэдже къисэнэццЫхэти, фэсхын сIогъагъэ нахь, – ыIуи, джы мы къэбарэр къехъулIагъэу бэджашъом къыриIотылIагъ. (Сыхэукъуагъэ нахь мы чЫшIэм – шакIo зыщыдэкIыгъэхэр – ары къэбарыр къызыщезгъэжъэны фэягъэр. Ар зыщымыгъэгъупщэу зэгъэфэжь, сишъау, бэджашъом къыриIотылIэу, ар икъегъэжъэпIэн фae, амырымэ, хъутэп, – еIo къэбарыIуатэу Бэгъушьэ Тахирым).

– Саусырыкъу, къяIo о къюхъулIагъэр, – заIом, –

– Хъэджэшьо дэгъухэр сиIэу шакIo сыдэкIыгъ, – ыIуагъ Саусырыкъо. – ТхъакIумкIахь горэ къыхэзгъэхъуштути, сылъежъагъ. ТхъакIумкIахъэр есфыжъагъэу хъэмэ афыээ, агъэшьи, «ар зыми кIожынэп» сIозэ, гъэпсэфыгъэу лъэкъуиплI ытхыццЭдже къыхэкIи, зызэпыригъази, кIиIэжьи, хъэмэ аIэкIэкIыжъыгъ.

Гум Iошъхъэ зэкъо горэ итыти, ечъалIи, ащ чIэлъэдагъ. Пхъэ горэ къасши гъuanэм сипыджи шъхъай, нэсыгъэп. Пчъэ къыхэзгъэщи, Iуашъхъэм сзыгчIахъэм, жъабгъумджэ цЫиф хъадэ къупшъхъэр етэкъулIагъэу, лъэнныкъомджэ шы къупшъхъэхэр етэкъулIагъэу, азыфагу гъогу псыгъо кIахь икIэу зысэлъэгъум, «мыш тхъакIумкIахъэр рычъагъэштын» сIуи сызежъэм, – зеIом Саусырыкъо...

– ПцIы, пцIы, къэмIу, бэджашъом уиIoф хэлъэп, – ыIуи, шакIoм бэджашъор Шэбатныкъо рити, зэбгырыкIыжъыгъэх.

КАК НАРТ ШАБАТНЫКО ЖЕНИЛСЯ

Однажды нарт Шабатныко отправился на охоту в дальнюю местность, где много было кабанчиков. Едучи с оглядкой, он приметил в кустах одного <необычайного> фазана.

– Если я стану рассказывать, что я видел его, люди не поверят, какой он замечательный! – сказал он, и пока он стоял, любясь, фазан подошел к нему близко.

– Возьму-ка я и подстрелю его! – решил он, и когда подготовил свой лук, фазан подбежал под самые ноги коня. Когда он [Шабатныко] прицелился, чтобы выстрелить, тот юркнул в сторону. Когда тот побежал, Шабатныко пустился следом за ним. Пустился он следом, а разве может так быть, чтобы конный не догнал фазана; но только он наклонится, чтобы наверняка поймать, а фазан повернет в сторону, вот так он гнал его до подножия одной горы. Здесь фазан юркнул в какую-то нору.

– Не вернусь домой, пока не узнаю всего связанного с фазаном, на которого я убил весь нынешний день! – решил он и вошел в ту нору у подножия горы.

Оставил он свой лук у входа, сам спустился вниз и, идя прямо по тропинке, вошел в подгорный лес. На опушке того леса он увидел круглую поляну, посреди которой стоял большой белый дом. Направился он прямо туда и вошел в дом. В доме, куда он вошел, он увидел очень красивую девушку, которая восседала на перинах, поглаживая рукой фазана и приговаривая: «Кто это сегодня гонялся за тобой, не давая тебе спокойно поесть?». Фазан же тяжело дышал.

– Наверно, это ты гонялся сегодня за моим фазаном, не давая передыху? – спросила девушка у Шабатыныко.

Шабатыныко был муж суровый, и он не сказал «Не я». Когда же он сказал: «Я», девушка поднялась, на стене висела одна черная плеть, она сняла ее и со словами: «Стань кобылицей!» стегнула <Шабатыныко>.

Шабатыныко превратился в кобылицу.

Ну разве коню место в доме – он вышел и присоединился к лошадям, которые паслись на лугу. То было зимой, наступила весна, и в табун кобылиц запустили жеребцов. В те времена лошадей разделяли на табуны по количеству жеребцов. Разделили так, и <Шабатыныко> попал в табун лучшего из жеребцов, сказал.

Жеребец, что попал на него, был серый с черной спиной, сказал.

На следующий год <Шабатыныко> ожеребился. Он родил жеребенка, как кобыла обычно рожает жеребенка. В тот год он растил своего жеребенка, затем на следующий год он снова попал в табун того же жеребца, тот опять сошелся с ним, и <он> снова зачал.

Через год он родил <еще одного> жеребенка, сказал. «Такая жизнь не пойдет, отправлюсь-ка я в дом, лягну эту суку-ведьму!» – решил он. Когда он вошел и повернулся к ней задом, <чтобы лягнуть ее, девушка> сняла ту самую короткую плеть и, сказав: «Будь борзой сукой!», стегнула его. <Шабатыныко> стал борзой сукой, сказал.

Дела его стали еще хуже.

– Раньше я хоть траву щипал, а теперь что я буду есть? – Забеспокоился он, сказал.

Табунщики держали при себе собак и забивали для них жеребят- двухлеток, сказал.

– Не стану есть <сырое> мясо, – решил, было, он, но когда стал помирать с голоду, – не стану себя губить, буду есть то, что другие едят, – решил он и начал есть так, чтобы губами не прикасаться к мясу. <Потом> он привык к <сырому> мясу, стал есть, как и все, и нагулял жир, сказал. Нагулял я жиру, попал на собачью свадьбу, и родил двух щенков, сказал.

– Эти два щенка меня высасывают, сам я с собакамиитаюсь, так не пойдет! – решил он и возвратился на родину, откуда он и ушел в свое время, сказал. Возвратился он и боком, побаиваясь, приблизился к чабанам, что расположились в своем kraю.

Тот из парней, что был поумнее, сказал: «Эта борзая просто проголодалась, а так она прекрасная борзая!». Он подозвал <собаку> к себе, достал из сумы немного хлеба и немного мяса и покормил. Парень весь день держал ее возле себя, а вечером повел

к себе домой. Он приготовил место возле своих ног, и <Шабатыныко> переночевал там.

Парень его хорошо содержал и <со временем> откормил. <Шабатыныко> поправился и стал ходить вместе <с хозяином> и на пастьбу, и на охоту. Стал он таким, что не упускал на пядь ни зайца, ни кабанчика. Стал он ловить и расправляться с волками, а диким козам не давал и шагу лишнего ступить, – такой хорошей и знаменитой собакой он стал.

Так прошло лето и настала осень.

– В осенний туман приходит один огромный волк и похищает моих овец, – сказал чабан, – а то бы мои овцы умножились, – сказав так, он заговорил с собакой, зная, что она понимает его слова.

– Вот в такую осеннюю ночь, в первые три ночи, приходит огромный волк и поедает моих овец, – сказал он. – Моя добрая борзая, если есть какая возможность, загуби волка, который не дает умножиться моим овцам, – сказал, попросил он.

Он отнес охапку соломы за овчарню и уложил туда собаку. Лежала собака, и увидела, как приближается огромный волк. Увидела его, сама присела на задние ноги, и волк тоже присел с разинутой пастью. «Если я нападу <открыто>, то прямиком попаду ему в пасть, и он меня съест», – подумала собака. Она притворилась, будто боится его, стала двигаться бочком, затем развернулась, схватила его и загрызла волка.

Борзая вернулась на свое место, улеглась и всю ночь там пролежала. Наутро парень-чабан встал, выпустил овец из овчарни. Позабыв про собаку, он погнал овец и гнал их до самого выхода. «Позову-ка свою собаку», – решил чабан и, когда повернулся назад, он увидел и лежащую собаку и рядом с ней волка.

– Счастье мне привалило, моя собака загрызла волка! – сказав так, парень выстрелил из ружья и созвал людей. Те удивились тому, что собака одолела волка. А парень обрадовался тому, что теперь, когда большого волка нет, его овцы будут множиться. Собаку же он стал еще больше холить и больше любить.

Однажды, когда он вышел пасти овец, ему встретились всадники:

– Один князь просит одолжить ему твою собаку! – сказали они.

– Вы говорите «на три дня», но даже если мой умерший отец пообещает воскреснуть, я и на день никому не смогу дать ее! – ответил он.

Уехали они и сообщили своему князю: «Не дает».

– Олаха, даст! – сказал князь сердито и, взяв с собой одного прислужника, приехал к нему.

– Сын мой, одолжи мне твою собаку на два дня, – попросил он.

– Нет человека, которому я ее на час мог бы одолжить, – ответил тот.

– Не говори так, одолжи, парень, – просил князь, но когда тот не согласился, князь сбил его с ног, взял с собой собаку и возвратился к себе.

Всякий раз, как у князя рождалось дитя, в одну из первых трех ночей приходил волк и похищал его. Князь прослыпал, что эта собака ловит волков, и вот поэтому он пришел за ней.

Ночью собаку ввели в дом, положили для нее подушку и уложили на нее, сказали:

— Дитя, которое рождается у князя, похищает волк, ты же не дай ему этого сделать, — сказали так и уложили ребенка за спиной у собаки.

Явился <в урочный час волк>, ворвался, словно порыв ветра, разорвал ремни люльки, вытащил ребенка и унес. Я же и не пошевелился. Вшел какой-то мужчина и...:

— Пусть наестся твоим дерымом тот, кто тебя привел! — сказал он и больно ударил меня палкой.

Выскочила собака из дома и пустилась туда, куда неслась наперегонки собаки, люди, сказал. Обогнала она их всех, настигла волка и поймала его, сказал. Схватила она волка за больное место и вынудила бросить ребенка, сказал. Когда волк понял, что она его убьет...:

— Не губи меня, Шабатыну́к, в один ненастный день я тебе пригожусь, ты тоже подневольный, и я подневольный, — сказал он, сказал.

Пожалела она и отпустила волка, сказал. Сижу я рядом с младенцем, и вот подъезжает ко мне тот самый всадник. Он дал знак всем, люди прибежали и забрали младенца.

— Ого-го, она спасла ребенка! — обрадовались все.

В эти два-три дня собаку кормили, холили. А после того больше не кормили, и она снова похудела, сказал. (Какое дело князю до собаки! — смеется Тагир. — *Примечание собирателя*).

Всполошилась она:

— Пойду и разорву на куски ту суку-ведьму, которая со мной все это сотворила! — решил <Шабатыны́ко>, сказал.

Возле норы, к которой он подошел, он повстречал какого-то смуглого мужчину с широкими кистями, сказал.

— Ну вот, теперь, Шабатыну́к, тот ненастный день, в который я тебе обещал пригодиться, это сегодня. Хоть я и знаю, куда ты направляешься, но не знаю, чтобы то, как ты хочешь явиться, было бы верным. Поступай так, как я тебе скажу, — сказал тот смуглый мужчина.

Хоть он и понимает, что тот ему говорит, а сам ответить не может. Обрадовался он, оскалился, поджал хвост и стал рядом, сказал.

— Не бывает, чтобы эта девушка-колдунья не выходила из дома. Улучи время, когда она выйдет, войди в дом, сними платье и стегни себя, держа ее в зубах, со словами: «Преврати меня в Шабатыны́ко, каким я был». Тогда ты снова станешь самим собой, — сказал.

Когда девушка вышла из дома, он вошел, зубами снял платье, сказал: «Преврати меня в Шабатыны́ко, каким я был!», и когда он себя стегнул, он вновь стал самим собой.

Став за дверью с плетью в руке, он дождался возвращения девушки; увидев, что плести нет на месте, она потеряла сознание и упала на пол, сказал. Он протянул руку, поднял девушку:

— Пусть ты и жестокая, но я не такой жестокий. Дам тебе волю выбрать из двух, а ты сама назови одно из них, — сказал он. — Ты же знаешь, что с тобой станет то, что я скажу, ударив тебя этой

плетью? – сказал. – А если ты это знаешь, то выбирай: или я скажу «Стань кастрированным кабаном» и отпушу тебя, или обещай выйти за меня замуж и верно жить со мной.

Когда он так ей сказал, она попросила: «Буду тебе женой, только не превращай меня в кабана». На том и порешили.

Затем она повела его и привела к подножию горы, где была вырытая *<под землей>* конюшня. Отомкнула она замок, и когда они вошли внутрь, там стояла повозка, краше которой он в жизни не видел, и он подивился на это, сказал. Там же стояли два вороных коня, чтобы запрячь их в эту повозку.

– Того злата-серебра, что у меня есть, хватит *<нам на всю жизнь>*, – сказала девушка.

Она все ему показала и молвила:

– Теперь, если ты скажешь ехать, то за мной дело не станет.

– Поехали бы, но как мы вывезем в этот лаз и эту повозку, и коней, и добро, если нет другого выхода? – сказал *<Шабатынук>*.

– Это не трудное дело, есть путь, по которому мы можем выбраться, сказала *<девушка>*, раздвинула скалы в две стороны, и открылась красивая дорога, по которой был виден белый свет.

Два коня, что он родил, *<будучи кобылицей>*, были в силе, и на одного из них сел он сам, сказал, другого взял под уздцы и всё, что было, – девушку, ее добро – взял с собою и тронулся в путь. С ними были и те две борзые, *<которых он родил, будучи борзой сукой>*.

Ехали они и прибыли к границе своей земли, сказал.

Шабатыныко остановил всех, а сам поехал вперед и прибыл к самой границе края. У селения, в котором жил Шабатыныко, росло грушевое дерево, и он повстречал там одного чабана.

– Из какого ты селения выходит *<на пастьбу>*? – спросил он.

– Из селения Саусырыко, – ответил тот.

– А что рассказывают старики, живущие там? – когда он так спросил...

– Они говорят, что когда у нас не стало Шабатыныко и мы остались на попечении Саусырыко, селение пришло в упадок, – ответил *<чабан>*.

– Если так, то я останусь возле овец, а ты пойди и оповести, что Шабатыныко возвращается, сказал он и отправил *<чабана в селение>*.

Парень побежал, а навстречу ему попался Саусырыко, стоявший на его пути.

– Что ты так бежишь, парень? – когда он спросил...

– Какой-то огромный мужчина сидит под грушевым деревом, он сказал мне: «Иди и сообщи, что Шабатыныко возвращается». Вот я и бегу.

– Иди, иди, – сказал Саусырыко, а сам пошел навстречу Шабатыныко:

– С возвращением, Шабатынук! – приветствовал он.

– Выбирай, когда сказал *<Шабатынук>*, он выбрал себе серого, что был на поводу, выбрал также одну борзую. Теперь *<так>*: сам он сидит на коне, которого сам же и родил, это Тхожие.

Когда парень сообщил, что возвращается Шабатыныко, подворье его было заросшим, и собрались *<всем селением>*, привели

все в порядок, затем вышли к нему навстречу. Каждому он подал по одной лошади.

Проводили его в свой дом, и он зажил своим хозяйством.

Однажды:

— Поехали на охоту, Саусырук, — сказав, Шабатыныко позвал, и они объединились для охоты. На охоте обе борзые бегают одинаково, оба коня бегают одинаково, ни одна добыча от них не уходит. Однажды, выехав из какого-то лесочка, приметили они одну лисицу. «Хайт!» — сказал Саусырыко и пустил борзых.

— Что ты наделал, Саусырыко, Если бы она ближе вышла на поляну, собаки бы ее поймали, а ты ее упустил, — сказал Шабатыныко.

— Не заблуждайся, Шабатыныко, если мы завтра сюда приедем, лисица будет наша. Только наши лошади приустали, пусть они отдохнут, а мы пересядем на обычных коней, — ответил Саусырыко.

Наутро Шабатыныко сел на какого-то обыкновенного коня и приехал к месту, где скрылась лисица.

Саусырыко *<тоже>* явился — на своем резвящемся Тхожие. Ожидая, они увидели, как лисица выскочила, и пустились за ней. Пустились они, да вот только Тхожие резвый, а этот — обычный коняга, и Саусырыко обогнал его, затем загнал лисицу в ловушку.

Шабатыныко прибыл к месту, когда собаки уже поймали лисицу, и Саусырыко уже снимал с нее шкуру.

— Спасибо, что не упустили лисицу! — сказал Шабатыныко.

— А какое тебе дело до того, лисицу я поймал! — заявил в ответ ему Саусырыко.

— Мы каждый день охотимся вместе, если мы не будем делить добычу поровну, то зачем же тогда быть вместе? Если бы я сидел на своем коне, то — оба коня по ревности равные, — ты бы меня не опередил, — сказал Шабатыныко, и тут два мужа повздорили. — Чтобы вот это сегодня мне сказать, ты и предложил вчера пересесть на обычных коней, нет у тебя чести, — добавил Шабатыныко.

Повздорили они, и их ссору услышал один охотник; он пришел, стал одной ногой на лисью шкуру:

— Теперь, как я понял, я эту лисью шкуру не уступлю ни одному из вас, — заявил он и, направив дуло своего ружья, поставил ногу на лисью шкуру. — С кем из вас случилось более удивительное, пусть тот расскажет, вот ему я отдам ее.

— Больше лисьей шкуры домогается Саусырыко, пусть он и начинает, — предложил Шабатыныко.

— Шабатынук, ты говори, потом я скажу, — сказал Саусырыко.

— Лисья шкура не богатство, но женщина, на которой я женился, обрела мальчика, ему сшили шубу, а на меня надеялись, что я к ней добуду воротник; вот для этого я и хотел заполучить шкуру, — начал Шабатыныко и рассказал возле той лисьей шкуры всё, что с ним произошло. (Тут я ошибся, а так надо было начинать с того, как они отправились на охоту. Ты не забудь, сын мой, это исправить: началом должно быть то, как он рассказывает это возле лисьей шкуры, и — так говорит рассказчик, Тагир Боус. — *Примечание собирателя*).

— Саусырыко, расскажи, что с тобой произошло, — когда так сказали...

— <Однажды> я вышел на охоту с прекрасными борзыми, — начал Саусырыко. — Выгнал я одного зайца и погнал его. Погнал я зайца, гонялся за ним собаки, и они уже утомили его. И когда я решил, что он уже никуда не денется, из его спины выросли четыре свежие ноги, он перекувыркнулся, побежал и ушел от собак.

На поляне стоял одинокий холм, он [заяц] подбежал к нему и скрылся в нем. Я взял какую-то палку, но как ни тыкался, не смог достать зайца. Я расковырял дверь, и когда вошел <в подземелье>, то увидел по одну сторону человеческие кости, по другую сторону лошадиные кости, а посередине длинную дорогу. «По ней, видно, и пробежал заяц», — решил я и направился... — когда Саусырыко так начал...

— Ложь, ложь, не рассказывай дальше, до лисьей шкуры тебе дела нет [лисья шкура не твоя], — сказал охотник, вручил ее Шабатыныку, и на том они разошлись.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7, Т. III, с. 148–155. Исп. Тагир Богус: а. Ассоколай Адыгеи; бжедуг. Сведения о дате рождения исполнителя не указаны. Зап. 03.11.1940 г.. Ю. Тлюстен. Перевод на русский язык А. Гутова.

«...сказал» — употребление данного глагола без выраженного указания на субъект говорения характерно для повествовательного стиля адыгского фольклора. Однако в данном случае оно имеет прямую связь с тем, что рассказчиком истории с метаморфозами (рамочная композиция) должен быть сам герой (см. предыдущий вариант сказания).

«... попал на собачью свадьбу» — перевод смысловой, он не соответствует дословному значению слов в тексте оригинала.

«Выбирай!» — у охотников был строго соблюдавшийся обычай — одаривать частью добычи любого встречного. Помимо того, наездники, имеющие подвластных, были обязаны делиться своей добычей со всеми жителями своего села — поэтому герой одаривал всех, кто вышел к нему навстречу, давая «каждому по одному коню».

38. НАРТ ПЩЫ БЭДЭНОКЬУЭ И ХЪЫБАР

Бэдэнокъуэр фочауэ Йэээт, зэуэм щэмьгуэхъуу щэкІуэрэйт. Зы маҳуэ гуэрым щэкІуэну дэкІауэ, жэш хъуху къикІухъри зыри къимыукІауэ къэкІуэжрэ пэткІэ, зы тхъэкІумэкІыхъ хужь цыкІу къыхэлъэтри, еуэри, тхъэкІумэкІыхъыр джэлаш. «КъэзукІаш», — жиІэри, шым епсыхри, и фочыр уанэ къуапэм фІидзэри фІигъэжыну екІуэлІаш. ЗэрекІуалІэу,

тхъэкІумәкІыхыр щылъэтри, щІэпхъуәри ежъәжащ. Пиңы Бәдәнокъуәри иш тетІысхъәжри, и ужъ иувәри щІэпхъуаш; езыри жәм, тхъэкІумәкІыхыри жәүәрә, жәщ хъури, тхъэкІумәкІыхыр фІәкІуәдышащ. Къигъәзәжри – гъуәгур ицІыхужакъым, зыдигъәзәнур имышІәу губгъуәм къинаш. Ауә щыту зиплыхъри, жыжъәу зы къуажә гуәр къилъагъури, тридзәри абы кІуаш. Къуажәм дыхъәри зыгъәхъәшІән щыхъэкІә күәдрә къикІухыауә, зыщІыпІә дыхъәри джәри, зы лы фейцей, и Іә лъәнныкъуәри пымытыжу къыщІәкІри, фІәхъус къырихри, «Еблагъә, зи хъәшІәгъуә тхуәмыгъуэт», – жиІәри иригъәбләгъащ.

Шхын къыхуиштәри – Пиңы Бәдәнокъуәр шхакъым, гъуәлтьыжри – жеякъым, нәху щыху, мыжайуә хәльшащ. Пиңәд джыжъ гуәрым шхын къыхуаштәри – шхакъым.

Пиңы Бәдәнокъуәр къышІәкІыжыну къәтәдджыжащ. И бысымыр къәтәдҗри, и къамә пылъыр къыпихри, къырихри бжәм и деж уваш, «ДызәримыукІауә ушІәзгъәкІыжынкъым», – жиІәри.

Пиңы Бәдәнокъуәр еупщІаш:

– Сыт къәхъуар, уәспіләр? – жиІәри.

Бысымым:

– КъызжыІә, сый ушІәммышхар, ушІәммыжеяр, ди шхыныр зумыпесу ара? – жиІәри <>...

– АтІә, абы щыхъэкІә сумыукІ, уи къамәри илъхъәж, зыптылъами пылъәж, тЫсыжи бжесІәнш, – жиІәри игъәтІысыжащ. Къыригъажъәри жыриІаш: – Сә сы-Пиңы Бәдәнокъуәш, сыфочауә Іәзәш, сыйзәүәм сыфІәкІкъым. Дыгъуасә жәщ хъуҳукІә губгъуәм ситри, зыри сымылъәгъуауә сыкІуәжрә пәткІә, зы тхъэкІумәкІыхъ хужъ цыкІу къыхәльэтри, сеуәри – джәлаш, фІәзгъәжыну сышекІуалІәм, щылъэтри ежъәжащ. Абы и ужъ сиувәри схууәрә, жәщ хъури, сഫІәкІуәдышащ. «Абы сышеуам, щыхъ сиуәшхъуа?» – жызоИәри, сыйзәгуәпри сышхакъым, сыйжеякъым, – жиІаш.

– Абы щыхъэкІә щыхъ узәгуәпрә? – жиІаш бысымым. – Сә абы нәхърә нәхъ бәлыхъ къысшыщІащи, итІаникІ сошхәри, сожері, – жиІаш. – Дә нарту зәшибл дыхъут, блыри дыщакІуэт. Зәгуәрым зәхәтхаш, зы щыпІә гуәрым хъэкІәкхъуәкІә щыкуәду, ауә цыкІуәну дзыхъ ямышІу, бзаджәнаджә щыкуәдш, жаІәри.

Зәшибләр дызәрыгъәгушхуәри, «ДывгъакІуә», – жытІәри дежъаш, дыкІуәну. ДыкІуәурә, зы къуәшхуә, и лъәнныкъуитІымкІи бгыуә, дыдыхъаш. Абы дыдәту дехыурә, зы иныжъ мәкъу еуәу хәту дырихъәлІаш, и натІәгум нә закъуә ису, шәмәдж иІыгъым и к'ым и к'ыхъагъыр метырих хъууә, и шәмәдҗышхъәм и к'ыхъагъыр метыритху хъууә.

– Шхошаппий! – жытІәри дыбгъәдыхъаш.

– Упсәу аппий, феблагъә, фәри пшыхъәшхъә Гудз фыхъунш, – жиІаш иныжъым. – ФынакІуә пшыпІәмкІи мафІә фицІы, ләгъупыр къаф<щ>ти псы къәфхъ, пыфлъи къәвгъавә, мәлым фыхыхъи, нәхъ пшэрү щы къәвубыди, фІәвгъәжи, хәфлъхъи вгъавә, сәри, жәщ хъум, синекІуәжынши, тшхынш, – жиІаш.

Дебләгъаш. Пхъә къута щыІәтәкъыми, «Пхъә ткъутәнш», – жытІәри – джыдәр къытхуәІәтакъым. «Псы къәтхынш», –

жытIэри – лэгъупыр къытхуэгъехъякъым. «Мэлтыр фIэдгъэжынщи хъэзыр тицIынщ», – жытIэри, мэлтыр къэдубыдыну дыкIуэри, ш[ч]етым и бжэм абырэмывэ Iултти, тхуэгъехъякъым. Ауэрэ, езыр къэссыжащ. Зыри тхузыфIэмыкIауэ щилтагъум, гуфIаш. ДыкIиубыдхэри, мэлтыр зыщIэт чэтим дихьри, мэлтым дыхидзэри абырэмывэр Iуигъэ<у>кIуриежащ.

Еzym мафIэ ищIри, лэгъупыр фIидзэри, фIыуэ къэва иужь-кIэ, къакIуэри, дэ тицIи плIы ихыри, лэгъупым хилхъэри, игъавэри ишхащ. ЗигъэнщIатэкъыми, аргуэру къакIуэри, дэ тицIи тIу гуэрыр ихыри, арикI игъавэри, ишхыри, зигъэукIуриижыри жеящ. Сэ зи закъуэу къэнар сыгузавэу сыцIитурэ, нэхущ нэблэгъяуэ, къэзгупсысащ, зы баш кIыхь супемцIу иныжьым и нэр исщIыну. Башыр згъэхъэзырри, мэлтыр зыщIэтыр иныжьыр зыщIэлъым пытти, щхъэгъубжэмкIэ башыр дэзгъэжыри, и нэм хуэзгъазэри, сышIэуэри и нэр исщIаш. Езыр къышылъэтыри, чэтим къышIыхъэри къиIэбэрэбыхъа щхъэкIэ, зезгъэгъуэтакъым. СыцIимыгъэтим, мэлхэр къиIэбэрэбыхъурэ зырызурэ чэтим щIигъэкIыу щIидзаш. «Мэлтыр иухым сыкъигъуэтынуш», – жысIэри нэхъри сыгузавэу щIэздзаш. Гузэвэгъуэм къыхэкIыу, къэзгупсысащ, ажэ ин гуэр яхэтти, абы и пщэм си Iэр ешшэкIыу, и ныбэгум си лъакъуэр щIэлъу, сыкъышIэкIыу.

А къызэрызгупсыам хуэдэу, ажэм зыкъышIэзгъэхащ. Ибжыныр иухыри сыцIимыгъэтим, жиIаш: «А, бетэмал, ажэм ирезгъэхщ, ажэр быдэу къэсIэбэрэбыхъын хуеящ», – жиIэри.

Иныжьым жиIаш:

– Уи насып къыстекIуаш, мэ, мы дыщэ Iэлъыныри уэ узот, сэ сыхуенжкъым, – жиIэри, и Iэхъуамбэ<м> Iэрыль Iэлъыныр къызыIэрихыри къысхуидзаш.

Къасщэри, си Iэхъуамбэхэм хуэхъутэкъыми, си Iэпщэм фIэслхъаш. ЗэрыфIэслхъэу, вуэ щIидзаш Iэлъыным. Къисхыжын сухуежжэри, сый сымыщIами, къысхуихъякъым. А Iэлъыным и ву макъымкIэ иныжьым сыкъирихуэкI хъуаш. «Сыкъеубыд!» – жысIэри сыкъигъэгузавэ щыхъум, джыдэ щылтээр къасщэри, сеуэри, си Iэпщэр пызупщIыжыри, Iэлъыныри си Iэ пызупщIам дэшIыгъуу абы и дежым къанэри, абыкIэ иныжьым сиIэшIэкIаш.

Нарт Пицы Бэдэнокъуэм жиIаш:

– А иныжьым и щхъэр къыпхуэсхым, пщIыхужын? – жиIэри.
– СцIыхужынт, – жиIаш.

– АтIэ, ар къэсхырэ сыкъэкIуэжым, сый нэхъ табууэ къысхуэпщIэнт? – жыриIаш.

– Си пхъум нэхъ дахэ нартхэм япхъухэм яхэткъыми, ар уэстыннт.

Тридзэри Пицы Бэдэнокъуэр кIуаш. Иныжьир мэкъу еуэу ирихъэлIэри:

– Шхошх апций, бзаджэжь! – жиIэри бгъэдыхъаш.

– Упсэу апций, еблагъэ, уэри пщIыхъэшхъэшхэ ухъуниц. Еблагъэ пицыIэмкIи мафIэ щIы, пщафIэ, мэлхэм яшыщу нэхъ ину, нэхъ пшэру щы укIи гъавэ, сэри пщIыхъэшхэ хъум синэкIуэжынши, дышхэнщ, – жиIаш.

Пицы Бэдэнокъуэр пицыIэм кIуаш, мэлишыри иукIыри игъэвауэ хъэзыр хъуауэ щыту, иныжьир къэкIуэжащ. Хуабжьу

и жагъуэ хъуаш, <хъэшІэр> зэрыпщэфІар, «Къару хэлъш, къыстекІуэнкІэ хъунуш», – жиІери.

– Дыгъашхэ! – жиІери иныжьыр Іэнэм бгъэдэтІысхъаш.

Пцзы Бэдынокъуэм идақъым:

– Уэри пщафІэ-шхэж, сэ супщэфІар уэзгъэшхынукум, – жиІери.

Иныжьри тэджыри, кІуэри, мэл минищым щысхъри, нэхъ уэд дыдэу щы къиубыдри, игъавэри ишхааш. Абы хуэдэурэ, махуэ къэскІэ мэлих яукыу, иныжьым мэл уэдиц ишхыу, Пцзы Бэдынокъуэ мэл пшэриц ишхыурэ, мэл минищыр яухааш.

Итланэ Пцзы Бэдынокъуэ жиІаш:

– ХэтІэ-хэсэ дыгъэджэгу, – жиІери.

Иныжьыр шынапэурэ:

– КъакІуэ, – жиІаш.

Иныжьыр хитІэри – и лъэгуажъэ къэгъэшыпІэм нэскІэ хитІаш. Къыхэпшыжри, Пцзы Бэдынокъуэр хитІэри – и лъэтхъэпэр щыригъэнэфа къудейш. Иныжьыр хитІэри – и бгырыпхыпІэм нигъэсаш. Пцзы Бэдынокъуэр хитІэри – и лъэгуажъэм нигъэсыфа къудейш. Иныжьыр хитІэри – и пщэм нигъэсаш.

– КъеІэт, – жиІери, иныжьыр къеІэри – къыхэкІыжыфакъым.

Пцзы Бэдынокъуэм и шыр хъэзырт, ильэскІэ щытауэ, фІыуэ шхауэ. Уанэр тырилхъэш, шэсыри, фІыуэ игъэджэгүри, и сэшхуэр къырихири, и шым фІыуэ еуэри, иныжьым бгъэдэльадэри, еуэри, и щхъэр пиупщыри Пцзы Бэдынокъуэр щІэпхъуаш. Иныжьым и щхъэ пиупщІар шум и ужь иувэри, кІэлъышІэпхъуэри куэдырэ къырихуэкІауэ, щхъэр къыкІэрыхуужааш. Пцзы Бэдынокъуэм къигъазэри, шым зэргтесу сэшхуэпэкІэ еІэбыхри, иныжьым и щхъэр дырихъейри, шым кІэриххэри, ихыри кІуэжааш, и бысымым и деж. ЗдэкІуэжар гуфІаш, ІэплІэ къыришэкІаш. И фызым еджэри жыриІаш:

– Мы щхъэр хъьни, гъави къысхуэхъыж, – жиІери.

Ихьри, игъавэри, къыхуиххыжыри, къанэ щымыІэу ишхааш.

Ипхъури къыритыри къиутІыпщыжааш нарт Пцзы Бэдэнокъуэр.

СКАЗАНИЕ О НАРТЕ ПШИ БАДАНОКО

Пши Баданоко был искусственным стрелком, не промахивающимся никогда, он любил охотиться. Однажды он выехал на охоту, до вечера ездил и ничего не подстрелил и, увидав на обратном пути одного беленького зайчика, выстрелил в него, и зайчик упал. Подстрелил, решил он, сошел с коня, повесил свое ружье на луку седла и подошел, чтобы зарезать. Как только он подошел, заяц вскочил, убежал и был таков. Пши Бадиноко тоже вскочил на своего коня и понесся за ним. И он бежит, и заяц бежит – так в беготне, свечерело, и заяц исчез. Повернул <Пши Баданоко> назад, но дороги не нашел, так он и остался в чистом поле, не зная, куда повернуть. Стоя на месте, он огляделся и увидел вдали какое-то селение и направился туда. Въехал он в селение и после того, как долго ездил в поисках того, кто бы его приютил, он въехал в чей-то двор. Клик-

нул хозяина, и к нему вышел один невзрачный мужчина с одной рукой, приветствовал его и принял со словами «Будь гостем, кого мы видеть своим гостем отчаялись».

Подали еду, но Пши Баданоко не стал есть, легли спать, но он не заснул – до утра провался, не засыпая. Наутро снова подали еду, но он не стал есть. Пши Баданоко встал, чтобы уйти. Его *бысым* <тоже> встал, снял со стены висевший кинжал, обнажил его и стал у двери, заявив, что не выпустит его, пока они один не убьет другого.

Пши Баданоко спросил:

– Что случилось, что я тебе дурного сделал?

Гость...:

– Скажи мне, почему ты не ел, не спал, неужто ты пренебрег нашим хлебом-солью (букв.: *нашей пищей*)? – так он сказал.

– Ну, из-за этого и меня не убивай, и кинжал свой спрячь и повесь туда, где он висел. Садись, и я тебе все расскажу, – сказал так <Пши Баданоко> и успокоил (букв.: *усадил*) бысыма. – Я – Пши Баданоко, отменный стрелок, не промахивающийся при стрельбе по цели. Вчера я, до вечера пробродив в поле и ничего не заприметив, возвращался домой, когда выскоцил один беленький зайчик; я выстрелил и он упал, а когда я подошел, чтобы зарезать его, он вскочил и был таков. Я погнался за ним, гонялся до вечера, пока не потерял его совсем. Почему я промахнулся, когда выстрелил в него – вот это меня гложет, и поэтому я не ел, не спал, – так он рассказал.

– Что же ты из-за этого так раздражаешься! – сказал бысым. – Со мной случилось более серьезное, но все равно я и ем, и сплю, – заявил он.

...Нас было семеро братьев, и все семеро мы были охотники. Однажды мы прослышали, что в какой-то местности полно дичи (букв.: *зверей*), только люди не решаются туда ходить, потому что там много нечисти.

Семеро братьев, мы раззадорились, сказали «пошли» и отправились, чтобы поехать туда. Ехали мы, и оказались в каком-то большом ущелье, у которого по краям скалы. Спускались мы по нему вниз, и встретились с одним иным, который косил сено: на лбу у него одинокий глаз, ручка его косы длиной в шесть метров, сама коса длиной в пять метров.

– *Шхоих апший!* – сказав, мы подошли к нему.

– Упсо апший, будьте гостями, вы хотя бы *на коротание* *вечера* сгодитесь, – ответил он. Иныж сказал: – Пойдите к стану и разведите огонь, возьмите <медный> котел и принесите воды, поставьте на огонь и вскипятите, пойдите к овцам, поймайте трех пожирнее, зарежьте, положите в <котел> и сварите. Я тоже к вечеру вернусь, и мы это съедим.

Мы пошли в гости. Наколотых дров не было, мы решили на колоть дрова, но не смогли поднять топор. Решили принести воды, но не смогли пошевелить котел. Мы решили зарезать овец и приготовить и отправились ловить овец, но вход в овчарню был завален абра-камнем, мы его с места не смогли сдвинуть. Со временем он и сам возвратился. Увидев, что мы ничего не смогли сделать, он

обрадовался. Он поймал нас всех, отнес в овчарню, побросал нас туда и завалил абра-камнем <вход>.

Сам же он развел огонь, поставил на него котел, и когда <вода> хорошо закипела, потом пришел, отнес четверых из нас, погрузил туда, сварил и съел. Он не наелся, поэтому снова пришел, взял еще двоих, их тоже сварил, съел, повалился и заснул. Я, единственный оставшийся, переживал, переживал и ближе к рассвету придумал: заострить одну длинную палку и выколоть иных глаз. Я подготовил палку, а так как помещение, где были овцы, было смежным с помещением, где спал иных, я просунул палку через окно, примерился в его глаз, ткнул и выколол глаз. Он вскочил, вошел в овчарню, но сколько ни ощупывал, я ему не попался. Когда так он не смог меня найти, он начал ощупывать каждую овцу и выпускать по одной. «Когда овцы закончатся, он поймет меня», – стал я бояться. Страх заставил меня придумать: там был один крупный козел, так вот, обвить руками его шею, под брюхо закрепиться ногами и так выбраться.

Как я придумал, так большой козел меня и вытащил. Когда <иных> закончил перебирать (букв.: *пересчитывать*) и когда он не обнаружил меня, он сказал: «Жаль, я упустил его с козлом, надо было понадежнее ощупать козла». <Потом> иных сказал:

– Ты оказался удачливее меня (букв.: *твоё счастье победило меня*), на, отдаю тебе и это золотое кольцо, мне оно больше не нужно, – сказал так, снял со своего пальца кольцо и бросил мне.

Я поднял его, но так как оно не подходило ни к одному из моих пальцев, я надел его на руку. Как только надел, оно начало звенеть, это кольцо. Хотел я его снять, но что бы я ни делал, снять его я уже не смог. Начал иных гоняться за мной по звуку этого кольца. Когда я уже стал бояться, что он меня вот-вот схватит, там, рядом, лежал топор, я схватил его и отрубил себе руку, и отрубленная рука вместе с кольцом осталась там, и вот так я ушел от иных.

Вот это рассказал ему [нарту Пши Бадиноко] бысым.

Нарт Пши Бадиноко спросил:

– Если я принесу тебе голову того иныха, ты ее узнаешь?

– Узнал бы, – ответил < тот >.

– А если я принесу ее тебе, что самого лучшего ты мне сделаешь? – спросил < Пши Бадиноко >.

– Среди дочерей нартов нет прекраснее моей дочери – ее бы я за тебя выдал.

Собрался Пши Бадиноко и отправился < в путь >. Встретил он иныха косящим сено.

– Шхоих апший, старый мерзавец, – сказал он и приблизился.

– Упсо апший, будь гостем, ты тоже достанешься на ужин.

Проходи к стану, разведи огонь, приготовь еду, зарежь из овец трех побольше и пожирнее и свари, к вечеру и я вернусь, и мы пожинаем, – сказал иных.

Пши Бадиноко отправился к стану, зарезал трех овец и сварил их, все приготовил к возвращению иныха. И очень не понравилось иныху, что < Пши Бадиноко > все сделал: «Силен и может меня одолеть», – подумал он.

— Давай есть, — сказал иныж и сел за стол.
Пши Бадиноко на это не согласился:
— Сам приготовь — сам ешь. Того, что я приготовил, тебе не дам, — сказал он.

Иныж тоже пошел, поймал из трех тысяч своих овец трех самых тощих — потому что он пожадничал — сварил и поел. Вот так, каждый день забивая по шесть овец, — иныж съедал трех худых, а Пши Бадиноко трех жирных, — они покончили с тремя тысячами овец.

Потом Пши Бадиноко предложил:

— Давай поиграем в *хатэ-хасэ*, — так сказал.

Иныж робко молвил:

— Давай...

<Поднял Пши Бадиноко> иныжа и вогнал его в землю по коленные сгибы. Вылез тот и вогнал Пши Бадиноко только по щиколотки. Поднял он иныжа и вогнал его по пояс. Иныж поднял и только по колени смог вогнать Пши Бадиноко. <Пши Бадиноко> вогнал иныжа и по самую шею.

Конь у Пши Бадиноко был наготове, год он застаивался, отъедался. Оседлал его <нарт>, вскочил на него, дал ему порезвиться, обнажил свою саблю, стегнул своего коня, подскочил к иныжу, снес ему голову и понесся Пши Бадиноко прочь. Отрубленная голова иныжа покатилась следом за иныжем и после того, как долго горнялась за ним, она отстала от него. Пши Бадиноко повернулся, на скаку поддел концом сабли голову иныжа, пристегнул к седлу и с тем уехал, вернулся к своему бысыму. Тот, к кому он возвратился, обрадовался этому, обнял его. Позвал бысым свою жену и приказал:

— Отнеси эту голову, свари и принеси мне обратно.

Она отнесла, сварила и принесла, и он всё без остатка съел.

Он выдал свою дочь за нарта Пши Бадиноко и проводил его домой.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. On. 1. П. № 32-д. Пасп. № 12. Исп. Аслангерий Кушхабиев: 1863 г.р., с. Плановское Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 18.03.1949 г. М. Кирилов. Перевод на русский язык А. Гутова.

В основе сказания т. н. полифемовский мотив, популярный в адыгском архаическом эпосе, как и в фольклоре ряда соседних народов. В частности, в нартском эпосе данный мотив выступает сюжетообразующим и в других циклах. Примечательна творческая контаминация его с другим распространенным мотивом — о поисках героям человека, с которым произошло еще более удивительное. Он также представлен как в волшебных и богатырских сказках адыгов, так и в героическом эпосе. Третий мотив — это богатырское состязание героя с великаном-иныжем: вначале соперники испытывают друг друга в еде; затем следует поединок *хатэ-хасэ*, завершающийся победой героя, которому удается избежать

гибели и от головы противника. Наименее выражены, но все же представлены мотивы кровной мести (герой помогает слабому отомстить великому) и героического сватовства, которое выполняет функцию развязки действия.

...чей-то двор – здесь и в других случаях, когда фрагмент выделен в тексте курсивом, перевод условный.

Бысым (*бысым*) – хозяин, принимающий гостя.

Шхоих апши (*Шхоих апший*) – формула приветствия, адресованная сидящему за трапезой или же человеку, который занят работой, связанной с пропитанием.

Унсо апши (*Унсо апший*) – стандартная формула ответа на приветствие.

Хатэ-хасэ (*хэтIэ-хэсэ*) – богатырская забава (поединок), в которой победитель вправе снять голову побежденного.

39. НАРТ ХЪЫЖЬЭ И ХЪЫБАРЫЖЬЫР

Нарт Хъыжьэ и хъыбарыр зэрыштырырац; Хъыжьэ и лэжыгъэу щытащ, еуэрэ, ежъэрэ ильескIэ, ильэс нык'уэкIэ къикIухы – мис ахуэду щытащ. Ар зыфIэкIа нэужь, къекIуэлIэжрэ, къилэжьаамэ къиххрэ къэкIуэжу – мис ахуэду Хъыжьэ ар и псэукIэу щытащ.

Апхуэду екIуэкIыурэ, и фызыр иныжьыпхъут, а иныжьыпхъур лъэшыджешхуэ хъуауз, Хъыжьэр ежъауз къикIухыт. Хъыжьэр къемыкIуэлIэжурэ, иныжьыпхъур лъхуэри щалэ къильхуащ. «Хъыжьэ къуэ къыххуалъхуащ!» – жаIэри цыххэри хуэгуфIаш, цыххэрикI зэхуэсащ. Еуэри, екIуэкIыурэ, Хъыжьэр ильескIэ къетащ, къемыкIуэжу.

Щалэм щхъэкIэ:

- ЦIэ фIэшын хуейш, – жари щыжаIэм...
- Иэу, и адэр щымыIэу дауэ цIэ фIэтишын?! – жари ядакъым.

Нартым я нэхъыжьыр Насрэн ЖъакIэ жыхуаIерати, Насрэн ЖъакIэ:

– И адэр щымыIэу цIэ фIэтиш хъунукъым, – жиIэш аби, цIэншэу щалэ цыкIур къенауэ псэууэ арат.

КъэмымкIуэж хъуащ Хъыжьэр. Щыххумэ, жиIаш, и фызыр иныжьыпхъути:

– Хъыжьэ и шыр уанэгу нэшIу къэкIуэжащ, езым и хъыбар тицэркъым, – жери.

– Иэу, а жыхуэпIэр нэхъыкIэш! – жари, нартхэр зэхуэсри унафэ яшIаш:

– Хъыжьэ хуэдэлI, уэлэний, ауэ кIуэд мыхъун! Фежьи фылъыхъуэ! – жари, Насрэн ЖъакIэм унафэ ишIри, нарт шууишэ зырагъэпэшщ аби, ежъэри ильескIэ лъыххуащ.

Ильесым и хъыбар зыми къыххуамыгъяту нарт шууишэр къекIуэлIэжри:

- Сыт хъыбар? – жари щышIэупшIэм...
- Дунейм и хъыбар щыIэкъым, и кIуэдыпIэр дгъуэтыркъым.

- Ахуэду къанэ хъункъым, — жари унафэ ящIаш.
- ИлъескIэ зыIуплъщ аргуэруи, къемыкIуэж хъуаш.
- Щалэ цыкIум цIэ фIэдывгъещ, цIэншэу щыт хъункъым, — жари...

— И адэр къемыкIуэлIэжу дауэ фIэтшын?! — жари, аргуэру ямыдэу, я шууишщэр зырагъэпэшри лыххуакIуэ ирагъэжьаш.

Я шууишщэр къекIуэлIэжш етIуанэуи, илъескIэ къетауи, ягъуэтакъым, и хъыбари зэхахакъым.

— Дгъуэттыркъым, и хъыбари зэхэтхыркъым, — жари къэкIуэжахэм а хъыбарыр къынцахым...

— АтIэ, мыхуэду щалэ цыкIур цIэншэу игъашIэкIи щыдгъэт хъункъым, цIэ фIещын хуейш, — жалеш аби, унафэ ящIщ нартхэми, Хъыжъе и къуэ Шужье, жари щалэ цыкIум цIэ фIашаш.

Шужьеир псэуурэ бетэмалу нарт лы къехъури кIэн джэгүхэм яхэхъаш, абыхэм ядэджэгуу. Псоми я кIэну хъуари къафIихъ хъуаш. Аурэ, щалэри и ныбжъэгъу цыкIухэм яжыхэуэрэ ириуду, хэт адкIэ щихуэу, хэт мыдкIэ щихуэхэу — ахуэду-щэ, хъэлэч яхилтхъэ хъуаш. И анэм дей къакIуэри хуэтхъэусыхащ цыхухэр:

— Уи къуэр гъэущий, гъэIуш, мыхуэду щумыгъэт, хъэлэч къытхельхъэ, ешхыдэ, — жыриIаш.

— Хъунц, — жери, и анэр инижъипхъут, жыриIаш, зыришалIэри: — Си щалэ, щыгъэт, уи адэр зэран хъуэ щытакъым, уи адэр цыхум сэбэп яхуэхъуу щытащ. Мыхуэду ущымыт, мы цыхухэр умыгъэтхъэусыхэ, уи ныбжъэгъу щалэ цыкIухэм Гисраф яхуумылтхъэ.

АрщхэкIэ Шужьеир мыйяяуу и ныбжъэгъухэм ядэджэгуурэ хъэлэч яхилтхъэ хъуаш. И ныбжъэгъу зыгуэрым удын бэлыхъ иридзати, къеуэну, еzym къыхуещIэнIауэ къару иIэтэкъым, щымыхъум, къыжриIаращ абы:

— Щыгъэт, Шужье, умыпсалъэ, уэ хуэдэкъым псалъэр! Уэ хьейм уи адэр дэнэ щыкIуэдам пшIэркъым, дэ ди адэр дэнэ щыкIуэдами дошIэ. Уэ хуэдэ псалъэ хъунукъым, уэ хуэдэ зэран хъунукъым, — жери и ныбжъэгъу щалэ цыкIу гуэр къещаш.

Шужьеир зыщIэгупсысыри: «Уэлений, пэжым мыйбы къызжиIар! Си адэр лами тшIэркъым, яукIами тшIэркъым, зыдэкIуар дэнэми тшIэркъым. Пэжш мыйбы къызжиIар!» — жери. КъекIуэжри и анэм жыриIаш:

— Дянэ!

— Лло?

— Адэ сиIэу щытакъэ сэ? — жери.

— Щытащ. Уи адэм хуэдэ мый къуажэм дэсакъым, — къыжриIаш. — Хэкум щыщIэрыIуэу щытащ.

— НтIэ, дэнэ кIуа?

— Мыхуэду-мыхуэду зекIуэ ежъэу къикIухъурэ щытащ, зекIуэ ежъати къекIуэлIэжакъым, и шыр уанэту нэшIу къекIуэжауэ щынуунэм щIэтш, согъашхэри, — жиIаш.

— АтIэ, дянэ, алъандэрэ <щ>хъэ къызжумыIарэ сэ ар? Алъандэрэ схузыфIэмыкIамикI, сэ зылI ишIэфынур сцIэну сыххуаш. Гъуэмымэлэ схуэшI, уэлэhэ, си адэр псэум псэуу е лам лIау сэ ар къэзмыгъуэтыхауэ мыйбы сыйкъемыкIуэлIэн! — жери псалъэ быдэ жыриIаш Шужье <и анэм>.

— АтІэ, араш зэрыхъуар, — жери, и анэм нэгъуэш! ищІэтэкъым хъыбар. — АтІэ, си щІалэ, — жиІаш, — уежъенум, гъуэмымлериkI хъэзырш, — жиІаш. — Уи адэм къышІэна шыр пшІэгъулэш, — жиІаш. — ПшІэгъулэм и уанэриkI, псори щыІэш, — жиІаш. — А уи адэм къышІэна шым шэси а уи адэм къышчикІуху щыта щыпІэхэм уихынш, — жиІаш. — Аү а шыр езыр зытет гъуэгум къэпІуантІу къыдэбгъэху нэгъуэш! гъуэгу утемыувэ, — жиІаш. — А шыр зытет гъуэгумкІэ гъакІуэ, — жери и анэм унафэу къыхуишІаращ.

— Хъунш, — жери шым шэспщик Щужьеи, и адэм и лъыхъуакІуэ ежъаш.

Аурэ а гъуэгум тету кІуэуэ шы пшІэгъулэр иутІыпщауэ, а гъуэгум тету щхъэхуу кІуэу: «Мы шыр зытетыр гъуэгу нэпшІ хуэдэш, сынчигъяуу къышІэкІынш», — жери щІалэм ар игу къекІ щхъэкІэ, и анэм унафэ къыхуишІати, гъуэгум тету кІуэрт. А гъуэгур кІуэрэ, куэдрэ кІуа, машІэрэ кІуа, гъуэгу зытетыр нэхъ гъуэгу нэпшІу, мы лъэныкъуэмкІэ кІуэ гъуэгур пкІау — ахуэду къышыхъуаш Шужьеим. «Уэлэний, мы шыр щыуу арам, гъуэгур мырапш», — жери, къиІуантІэш пшІэгъулэри, теуваш ар гъуэгу нэхъыифІш жыхуиІэм езыр. Теувэри кІуэрэ, мэзым хэхъэш гъуэгuri кІуэдышащ. «Ла бетэмал, уэлэний, мы шым ищІэтэм мы гъуэгур! Гъуэгур кІуэдышащ, — жери... — Иджы, абы нэс сымыгъэзэжу моуэ заншІэу кІуэцІырыздынш мы мэзымкІи а гъуэгу и заншІэу сыкІуэцІырыкІыжинчи сытеувэжынш», — жери, хэхъэш абыи — банэу, чыцэу, Гуву укІуэцІырыкІынкІэ Гэмал имыІэу — апхуэду мэз, чыцэ хъуаш. АршхъэкІэ мо ильэс-ильэсит-кІэ шхъеу щыта шым кІуэцІыритхъащ зыщІыпІэкІэ. ХэкІри, гъуэгум теувэжри, **<Шужьеим>** епсыхш, и шым еплтыри, мо пшІэгъулэр банэм къыритхъауэ лъыр дэндейкІи къежэхт. «Уэлэний, лей есхам мы шым», — жери, мылыф сыйт къиштэш, ахэр иІуантІэш-къиІуантІэри шыр игъэкъэбзэжащ, зыпильэшцыхъыжащ Шужьеим. Зыпильэшцыхъыжш аби, шэсыжри, гъуэгум теувэжри, кІуэрэ, я бзэгур къилэлу хъэ самыритІ моуэ япэмкІэ блэжащ, жеІэ. «Уэлэний, мы хыитІым зы гузэвэгъуэ гуэр яІэм. Мэ!» — жиІэ щхъэкІэ, къыхуагъэзакъым хыитІым. «Ярэбий, блэкІауэ пІэрэ хъэмэ къыблэкІыжу пІэрэ?» — жиІаш, фІэкІа зэхуаку имыІыу, хъэ самыритІым я жъэхэм тхъэмпэ жьдэлъу, узд жьдэлъхэу кІэшІу къагъэзэжауэ къыблэжыжырт, жеІэ. «Уэлэний, мы хыитІым зы Гүэху гуэр яІым!» — жери, хыитІым яужым къиувэри къакІуурэ, зы Гуашхъэ цыкІу гуэрым нарт Бэдинокъуэ жыхуайыр телтъ, жеІэ, уІэгъэ хъуауэ. А хыитІым абы и хущхъуэ къахуу къекІуэжауэ арат, жеІэ.

Бгъэдэхъэш Шужьеи:

— ГүэхуфІохъу апший! — жери щыбгъэдыхъэм...

— Упсэу апший! Уи Гүэху фы икІуэ, Хъыжъэ и къуэ Шужьеи! — жиІаш, жеІэ.

«Лау, игъашІэм губгъуэм сыкъихъакъым, мыбы Хъыжъэ сизэрикъуэри, си цІэр зэры-Шужьеири дэнэ къышцишІа?» — жери:

— Сэ игъашІэм губгъуэм сыкъихъакъым, устьэгъуакъым, сыкъэплъагъужакъым, сэ Хъыжъэ сизэрикъуэри, сизэри-Шужьеири дэнэ къышцишІэрэ, — жиІаш — уэ?

— Мы шы узытесымкілә соңлә, — жилаш. — Мис мыр Хъыжъә ишш, — жилаш. — «Хъыжъә и къуә Шужьей жари, Шужьей къежъэнуш», — жилаши, мы шымкілә укъесцілыхуаш, — жилаш.

— Атлә, мыйдай <щ>хъә утес?

— Сыңғытесыраш, мис а чынтыздэм сезауурә уләгъә сыкъехъушаш, — жилаш.

— Атлә, а чынтыздэр сә сызыхуейүэ сымыгъуэтышаши, уәләний, сә пхуэзгъэгъущыным ар! — жилаш Шужьей.

— Хъәүә, Шужьей, умыпашлә! Сә уә укъыздәләпкүйнүн щытмә, мы хыттым къахъа удзхэр, мы си уләгъәр гъектабзи, къытелехъә, — жилаш. — Си уләгъәр абы игъехъужынуш.

— Хъунш, — жери зыкъригъелтәтәхш Шужьей, Бәдинокъуә и уләгъәхәр игъекъебаш, тхъэмпә къахъахәри мыхуәду (Ләгүкілә иупләп) хуәдә и ләхәр зэтреғъяуә Хъәмымрә) игъехуалурә трилхъәурә, Шужьей <Бәдинокъуә и> уләгъәр игъекъижаш. Шужьейкъә-тлә Бәдинокъуә и уләгъәр...

Бәдинокъуәм жилаш:

— Шужьей, уә зыңғыләплә укъиу къыншләкъынци, гъуәгу маҳуз! Сә чынтыздэм я дей сезеүену сыңғызжынуш, — жери.

— Йау, — жилаш, — уә укъәзгъану сә гъуәгу сытеуву сөжъәжын! — жилаш Шужьей. — Ар хъункъым, сәри сынәкъиүнш, — жилаш.

— Нтлә, насыпыфлә ухъу, накъиүә! — жери, зәбгъуруывәри, еуәри, ежъажаш.

— Чынтыздэр мис моращ, мыйдай щопсәу, — жери...

— Атлә, Бәдинокъуә, — жилаш, — уә моуә напльә, сә хуит сыхуәшлі сегъезауә, — жилаш.

— Хъәүә, уә ушталәш, Шужьей, — жилаш. — Накъиүә, түри дыдәхъәнци, сә мыбыкілә къысхуәгъәзар есхъәкъынш, — жилаш Бәдинокъуә, — уә мы лъәнныкъуәмкілә къыпхуәгъәзар епхъәкъынш, — жилаш.

— Захуәш, — жаңари, а зәрыкъиүәм хуәду дәхъәри, чынтыздэр түиүә зәпаудри, Бәдинокъуә къысхуәгъәзари ирихъәкъаш, Шужьей къысхуәгъәзари ирихъәкъаш. Түри зәлтәләсүйжи я щхъә уву цылху къагъәннакъым. Я шы-уанә зәтельу хъуар къызәшләкъуәри, еуәри, яхури ежъажаш.

Итланә:

— Сә си гъуәгу сытеувәжынш, — жери Шужьей къызыжырилым...

— Шужьей, умыпашлә, сә уи адәм сыхуәзауә сизәрыштар, уи адәм и хъыбар тәкъиүәри бжесінш, — жилаш <Бәдинокъуә>.

— Атлә, алъандәрэ <щ>хъә сыңыбгъета, ар къызжумыләу, сә сизылтыхъуәр араш, — жилаш мобы.

— Умыпашлә, — жилаш, — мы чынтыздэм къапытхар лъәнныкъуә едгъәзынш, ди дейкілә декъиүәлләнш түрикіли, тәкъиүә зидгъәспәхунци, итланә бжесінш, — жилаш, — хъыбарыр.

— Накъиүә-тлә!

Еуәри, Бәдинокъуә дейкілә, шыу<ә> къахуар лъәнныкъуә ирагъәзри, Бәдинокъуә дей щебләгъаш Шужьей.

Жәшкілә щыла, жәшиткілә щыла — Шужьейм жилаш:

— Бәдинокъуә, къызжепынүлам къызжелә, хъыбару, — жери.

— Шужьей, умыпашлә, жыслакъә, умыпашлә, — жилаш.

Арти, быяури, етГуанэ жэшри кГуаш, ещанэ жэшри кГуаш.

– Шужьеий, Хъыжъэ и хъыбару сэ бжесынураш, – жиГаш. – Хъыжъэ дэрэ зекГуэ дыздежъат, – жиГаш. – ЗекГуэ дыздежъати, шыбз зыбжанэ къызэштэткъуауэ къэтхурт, – жиГаш. – Къэтхути, сэ сышупэу, Хъыжъэ шуукГэу шыр къэтхуу дыкъэкГуэжырт, – жиГаш. – Дыкъыздэктүэжым, ди гупэмкИэ зы шу цыкГу къакГуэу япэу сэ къисхуэзаш, – жиГаш, – сэ сышуупэти. Къесщ шу цыкГури: «ГъуэгүфГыж апший, Бэдинокъуэ!» – къызжиГаш, жиГаш. – «Упсэу апший! Уи Гуэху фы икГуэ!» – жесГаш, жиГаш, – шу цыкГум. «Хъер Тхъэм пхуишI, Бэдинокъуэ!» – къызжиГаш, жиГаш. – «Тхъэрэзы къышхухъу! Хэдэ!» – жесГаш, жиГаш, – шу цыкГум. «Берчэт бесын!» – жери, зблэкири ежъежаш, – жиГаш. – ШымкИэ сеплъэкГуурэ, зысплъыххурэ, Хъыжъэ дей нэсри: «Ей, гъуэгүфГыж апший, Хъыжъэ!» – жиГаш, жиГаш. – «Упсэу апший! Еблагъэ, щалэфI!» – жиГаш, жиГаш, – Хъыжъэм. «Хъер Тхъэм пхуишI, Хъыжъэ, къэпхуххэри!» – къыжриГаш, жиГаш, – абыникI. «Тхъэрэзы къышхухъу, щалэфI! Хэдэ! – жиГаш, жиГаш. – «Алыхым хъер пхуишI, сэ сыдакГуэкъым», – жери, зигъэдыхъэш ныкъуэри блэкиГаш, – жиГаш. – Зыкъигъазэри, зий дауэ хъуам сымышГэу, къыжъэхэлъадэш Хъыжъэми, и пыГэр щхъэричыри ирихъэжъаш, – жиГаш. – Хъыжъэр еплъэкГыу, плъэмэ – и пыГэр ехь, – жиГаш, – щалэм. «Га, пэжу ихыпэну пГэрэ мыйр?» – жери щыГэштэхъэу зэрыхуэжъэу, зыкъигъазэш щалэми, дыхъэшхуу къыбгъэдэлъадаш, – жиГаш. – Дэхъэшхуу къыбгъэдэлъадэри, моуэ ишГаш аби, Хъыжъэр и пыГэр къышхъэритГэгъэжаш, – жиГаш. – Арати, Хъыжъэри хуэблээрыгъа хуэду хъуа, <щалэр> къауэш аби, шым къытыричщ Хъыжъэри, шыплГэм дигъэтГысхъэш, лъэрыгъэпсыфэм щидэри, ирихъэжъэри ежъэжаш, – жиГаш. – ПцГэгъуалэр занщиу къыштэпхъуэш аби, шым къыхэлъадэри, шым къэсэри къысхуемыгъазу хэцГэфтщ аби, нэкГуэжаш, – жиГаш. – Шыбз къэсхур адежым зэтезгъэувыГэш аби, сыкГэлъыштэпхъуаш, – жиГаш, – а шум. СыкГэлъыштэпхъуэри, найдэ, и шы лъэужъыр схуурэ, мы къурш плъагъум исхуаш, – жиГаш. – Мы къурш япэ узыхуэзэр зыпиущIри, къуаем дэхъэжаш, – жиГаш. – А къуаем и лъэужъыр зесхуурэ, етГуанэ къуршыр зыпиущIаш, – жиГаш. – ЕтГуанэ къуаем дэхъэри, псышхуэ ежэхти, шы лъэужъыр а псым хэхъэжаш, – жиГаш. – Псым сыхэхъэри, адкIэ шы лъэужъ хэту къысхуэгъуэтыхакъым, – жиГаш. – Сыт сцГэнт? СыкъикГыжри, псым зэрыхэхья лъэужжым дей зэмектIэ тесцIаш, – жиГаш. – ДяпэкIэ къигъазэм, лъэужъ къытхехъэм, къэзгъуэтыхниш, жысIэри. ЗэмектIэ тесцIэш аби, сыкъэкГуэжри, си шыри губгъуэм зырызтГурытГу ихъэжаш итти, зыхуэсхусыжри, схури сыкГуэжаш, – жиГаш. – Ар лъэнныкъуэ езгъээш аби, сыкГуэш а псым деи – зэмектIэри хъеятэкъым, – жиГаш, – шы лъэужъри иГыт, – жиГаш. – «Зэ къикГынкэ мыйр мыбыкIэ», – жысIэри пшыГэ ГусцГыхыц абдэи, ильэскIэ сыГусаш, – жиГаш, – псы Гуфэм. А шум и лъэужъ къикГыжжаукиI, езыр дунейм къытхехъаи згъуэтыхакъым, – жиГаш. – Хъыжъэм мис ар и кГуэдыхыГу кГуэдаш, – жери Шужьеий къыжыриГаш.

– ЕI, Бэдинокъуэ-тIэ, – жиГаш, – уэ си адэр уэ бгъэкГуэда пэтрэ, – жиГаш, – сэ согъэлъыххуэри! – жиГаш.

– Шужьеий, – жиГаш, – сэ жысIэм уфГэмыкГыну тхъэ къысхуэпГуэмэ, а уи адэр псэуу дунейм тетым, къэдгъуэтыхниш, – жиГаш.

Сыт ищІэнт – увыри Шужьей тхъэ иІуаш:

– УЭ жыпІэр тІу сымышын, сифІэмыхыкІын! – жери.

Еүещ аби, фІуэ зызэрагъэпэш аби, еуэри, ежъаш. А къурши-тІыр зэпачри, а псы Іуфэм нээри – Бэдинокъуэ зэмектІэ игъеу-вар мыхъеяуэ щытт, шум и лъэужьри иІыт. Шур, псым хэхъэжар, абыкІэ икІыжат.

– Мы псым адкІэ сикІа нэужь, лъэужь къысхуэгъуэтыжа-къым, – жиІаш <Бэдинокъуэ>.

– АтІэ, Бэдинокъуэ, уэ гугъу уехъаш. Сэ мы лъэужьым сыкъыщитебгъуувакІэ, сэ сикІынщ а псыми, сэ ар къэзгъуэтинщ, – жиІаш Шужьейм.

– Хъэуэ, умыпІашІэ! Сэ жысІэм уфІэмыхыкІыну тхъэ къысхуэпІуащи, сэ япэ ситу сикІынщ, – жиІаш, – а псым. ИтІанэ уэри уникІынщ. Сэ мы псым адкІэ лъагъуэ иІыу къысхуэгъуэтакъым. Иджы, тІури дызыххэхъэнщи, щхъэпырыкІыпІэ мы къуршым иІыу щытмэ, къэдгъуэтинщ.

– НакІуэ, – жаІэш аби, Бэдинокъуэр япэ иту, Шужьей яужь иту, еуэри, псым хэхъэри икІаш.

ЗыдикІам лъагъуэ иІытэкъым, нэпкъыурэ, нэпкъыурэ, нэпкъышхуэу фІэкІа. Мо нэпкъышхуэм яшхэр дэмыйтыфу, шы ІумпІэр яыгъыу далъэфурэ, щхъэпрыкІаш. ЩхъэпрыкІри лъагъуэм техъахэш. «ИІы, накІуэ, иджы!» – жари, шым шэсли, еуэри, ежъэжащ. Аузым кІуэрти, аузымкІэ кІуэрэ, хуэзащ зы унэ гуэр абы дэсу. Хуэзэри, Бэдинокъуэрэ Шужьейрэ шууэ щыдхъэм, зы хъыджэбз къыщІэжщ унэми, гуфІэжыуи, къабгъэдэлльадэри, БэдинокъуикІ Шужьеи ІэплІэ къаришэкІаш. Бэдинокъуэ Шужьей дейкІэ зыхуигъазэри:

– Мыбы хъыбар къыщытІэрххэнущ, – жиІаш. – Зыри жумыІэ.

– ФынакІуэ, фынеблагъэ, Бэдинокъуэ! Куэдрэ дызышбгъэплъаш, – къыжыриІаш хъыджэбзым.

ХъэшІещым ишэри щыригъэблэгъаш тІурикІ. Ар иригъэблагъэри, хъыджэбзыр Іэуэлльэуэну къыщІэкІыжри унэм щыкІуэжым, и дэлххур къыдыххэжырт, жиІаш, лъэсу. КъыщІэжщ, хъыджэбзыр пежажъэри:

– Узыпэлльахэр къэкІуаш, иджы, – жери жыриІаш, жиІаш.

– Шужьей, мыбы щыІэш Хъыжъэ и хъыбарыр, – жери Бэдинокъуэ къыжриІаш.

– АтІэ, щыІэм, – жиІаш, – мыбдэй дышумыгъэс, – жиІаш Шужьеи. – Къэдгъэгъуэт.

– Хъэуэ, умыпІашІэ, Шужьеи, – жиІаш. – Еzym къыджаІынщ.

Арати, щІалэр занщІу ныщІэлльадэри, Бэдинокъуи Шужьеи ІэплІэ къаришэкІаш, жиІаш.

– Сыту фІыт, ярыбин, фыкъызэрыкІуар, Бэдинокъуэ, куэдрэ сынышэплъаш! – жери щІалэм ахуэду жиІаш, жиІаш. – Бэдинокъуэ, сэ мыр, мы къэхыныр, къызыххэсхар бжесІынщ, – жиІыри, ахуэду къыригъэжъаш, жиІаш, щІалэм.

Ар къыщыригъэжъам, Шужьеи къызыщІэнаш, жиІаш. КъыщызыщІэнэм, хъыджэбзым и ІэлъэшІыр зытырихи, моуэ ишІш аби, дякум къыдихаш, жиІаш.

Бэдинокъуэ:

— Зыри жумылэ, мы цыхубзым и Іэлъещыр плъэгъуакъэ! — жери Шужьей игъепсэлъажакъым, жилаш.

— Хыlyжэ и къэхыныр къызыхэсхар лей есхину арайм, ауэ Іэмалыншагъэт, сый щхъэкІэ жылім сэ къуэшиц сиіат, си къуэшицри иныжьищым яукІат. Зы анэжъ къысхуенауэ збгъэдэст, хылджэбз закъуэмрэ абыри, си къуэшицым пашцІэкІэ иныжьищым сапыхъэри — зыри схуещакъым, зыдэсшахэри Іисраф дыкъацлаш. Сапэмылъэштыжу сыйкъэнауэ сышытти, «Мыр и къуэшхэм щхъэкІэ гузэвэнүкъым», — жиішаби, еуэшаби, ди анэр яхъаш, — жилаш. — Си анэр яхъауэ абы щылэш, — жилаш, — ягъэпшылІри. Къарууэ сиіту хъуар естри, сапэлъэшакъым, — жилаш. — «Мы дыгъэ къыцІэкІылІэмкІэ Ан-акъкІэ еджэу фызыжъ гуэр щылэшчи, къэхъункъэшІэнэр ешІэ», — жиіту хъыбару зыхэсхи, а Ан-акъкІэ зэджэ фызыжъым дей сыйкІаш, — жилаш, — Іэмал сымыгъуэтыху. «Мыраш, си къуэшицыр иныжьищым яукІаш, си анэр яхъауэ ягъэпшылІ; къарууэ сиіыр изотри сапэлъэштыркъым, абы сиробампІэ», — жылэри Ан-акъкІэ зэджэ фызыжъым сихуэтхъэусыхаш, — жилаш, — сыйкІуэри. Сыцыхуэтхъэусыхэмэ, «Уэ, си щалэ, уапэлъэшынукъым, зыри пхуещІэнукъым. Ауэ Къэбэрдей хэкум щопсэу ХъыжъекІэ еджэу зыгуэр. А Хъыжъэм и фызыр иныжьыпхъущ. Ар, и фызыр, уэндэгъушхуэш. Ар лъхуэуэ щытым, щалэ къилтхунущи, а щалэр лы хъуа нэужъкІэ, къежъэнущ, и адэр къилтыхъуэнүи, мис а Хъыжъэр къэпхыфрэ уубыдыфмэ, абы и къуэр къежъеу щытмэ, нарт Бэдинокъуэ жыхуаіэр игъусэу къекІуэнурэ, уи лъыр абы къыбдашІэжынущ, ахъум уэ уиль зыцІэжыфын щылэкъым», — жери Ан-акъым мис ахуэду къызжаш, — жеіэ. — «Дауэ сцін-тІэ?» — жылэшаби, мис абы седаішаби, ди унэ сыйкъемыкІуэжу, хылджэбзым и закъуэ унэ нәшцым къышцІэнауэ, «Хъыжъэ дэнэ къышыгъуэтыху?» — жылэуэ абы сещэу Къэбэрдей хэкум сыйкинаш, — жилаш. — Сыкъинэри, абы сылтыхъуэу сыйкъекІуэжу, уэ ушуупэу, — жилаш, — Бэдинокъуэ, Хъыжъэ шуукІэу, шыбз зыбжани къэфхуу сыныфхуэзаш, — жилаш. — «ГъуэгүфІ апший!» — жылэри, «Упсэу апший! Уи Іуэху фы икІуэ!» <— къызжефІыжаш>. «Хъер фхухъу къэфхухэри!» — вжеслауэ щыташ. «Тхъэрэзэ къышхухъу, хэдэ!» — къызжешаш. Абы сыйкъикІри, Хъыжъэ дей сыйкъесри, Хъыжъэ згъэблэрыгъри, и шым къытесчиц аби, къэхыныр къызыхэсхараш, — жилаш, — гузэвэгъуэм. Си къуэшицыр яукІат, абы сиробампІэу, ар ди анэм сцигъэгъушауэ гузэвэгъуэ стелъти, Хъыжъэ абы щхъэкІэ къэсхаш, ахъум згъэпшылІыну, згъэлэжъену яужъ ситакъым, лей есхину яужъ ситакъым, — жилаш.

Арати...

— Зэхэпхакъэ, Шужьей? — жери...
— Зэхэсхаш, фынакІуэ, дывгъэшэси дывгъакІуэ-тІэ, — жилаш
Шужьей, — а иныжъхэм дей.

— Умышаш, Шужьей, — жилаш, — иджыри зы хъыбар гуэр зэхэтхынц, — жери Шужьейр игъэбэяуаш Бэдинокъуэ.

Хылджэбзыр щыхъэжауэ шей игъавэрт, лэкъум игъажъэрт. Ти, сэнварыр зым иыгъыу, зым Іэнэр иыгъыу хъэшІэшым къахъри къекІаш, хылджэбзымрэ щалэмрэ. Іэнэр хуагъэуври, Шужьей къэтэджри ува фІэкІ, Іэнэм бгъэдэтийсхъэн идакъым:

— Сэ ешхакІуэ-ефакІуэ сыйкъекІуакъым мыбы, — жери.

Моуэ хуабжь-хуабжьу, Шужьей губжья-губжьяуэ псэлъаш, жеIэ. Псалъэмэ, Бэдинокъуэ мыхуэду жиIаш, жеIэ, а щIалэм жыриIыри:

- Мы щIалэр модрей унэм шэи егъэлъагъу, – жери.
- НакIуэ, щIалэ, – жери, Шужьейр щIишри, адрей унэм щIишэри, унапхэ дыдэм щIэхъаш, жиIаш, Шужьейр.

ЩIишэри – и тас-къубгъаныр лынду Ѣыту, и нэмэзлыкъыр къабзэу, и стIолым шхын щIыгъуэ темыль ѢымыIэу тельу, и унэр къабзэ-лъабзэу – мис ахуэду, езыр, и Ѣыгъыныр къабзу Ѣыгъуу Хъыжъэ абы щIэст, жиIаш.

- Сэлам гъэлейкум! – жери Шужьейм...
- Уэгъэлейкум сэлам, еблагъэ щIалэфI! – къыжыриIаш, жиIаш.

Арати...

- Тыс, мы ирыскъым хэIэбэ, – жиIаш, жиIаш.

Шужьей бгъэдэтIысхъэри шхаш, жиIаш, стIолым тель зыри къытнимынэу. И адэр зэрыаар ищIаш, жиIаш. Арати...

- ЩIалэфI, ушхамэ, гъусэ уиIэ хъунщ уэ, – жери и адэм ахуэду къыжриIаш, жиIаш.

– СиIыщ.

- АтIэ, сэсылIыжъщ, абыкIэ кIуэж, – жери къышIигъэкIыжаш, жиIаш, и къуэр.

АпшIондэхукIи Бэдинокъуэ шей ефащ, жиIаш, лэкъумым едзэкъаш, жиIаш. Шужьей щIыхъэжри:

- НакIуэ, дывгъэкIуэнум, дыщивмыгъэс, – жиIаш, жиIаш.
- Шужьей, умышIашIэ, – жиIаш, жиIаш. – ТIэкIу зыдгъэпсэхунц.

Еүри, жэшиплI-махуиплI хуэдизкIэ абы зыщагъэпсэхуаш, жиIаш, Шужьейрэ Бэдинокъуэрэ абы ѢыхъэшIэу. Бэдинокъуэм жиIаш, жиIаш:

- Уа, щIалэ, иджы, дишхэм уанэ тельхъэ, дыкIуэнщ абы, – жери.

ЩIалэр щIэцIэфтиц псынщIэуи, Бэдинокъуэ ишри Шужьей ишри къигъанэри, еzym я шы лъэпкъэм хуэду шищым уанэ тырильхъаш, жеIэ. КъышIэхъэжщ щIалэри:

- Тесльхъаш уанэр, – жери ѢыжиIэм...
- НакIуэ, – жери, къышIэкIри, Бэдинокъуэ ишми уанэ тельтэкъым, Шужьей ишми уанэ тельтэкъым. Уанэ зытель шищыр езы щIалэм я шы лъэпкът.
- Мир лIо, си шыр дэнэ ѢыIэ? – жиIаш Бэдинокъуэ.
- Уи шыр, – жиIаш, – «Зигъэпсэхунц», – жысIэри..., мы бом щIэтщ. Мы ди шы лъэпкъхэр къуршымкIэ фIыщ, – жиIаш, – къулэбзум хуэду ѢызокIуэ. Ар<т>и, «Бэдинокъуэ ишмиkI, Шужьей ишмиkI зезгъэгъэпсэхунц», – жысIэри дишхэм тесльхъаш уанэр, – жиIаш.

– Уэлэний, а уи шым дызэрышэсу, мы пшIантIэм дызэрыдэкIыу, уи шэцыр къикъутэнци – хыхых! – пшэм хэхъэжыным, – жиIаш, – а си шыр, – Бэдинокъуэ. – Си шыр къышIэшыжи уанэ тельхъэ, – жиIаш. – Шужьей, ууейм тырырель а уи уанэр, – жиIаш.

- Iay! – жери, щIалэм и уанэр къытрилтэфыжри, и шы лъэпкъыр иутIыпшыжри, Бэдинокъуэ и шыр къышIишиц аби, уанэр тырильхъэжаш.

– НакIуэ, иджы! – жари, шэрси, еуэри, ежъэри кIуэурэ, ишац щIалэм. – Мис мыбдежырац иныжъицыр щыпсэур, я унэр, – жери.

– Ара?

– Арап.

– АтIэ, – жиIаш Шужьеим, – фэитIур фыкъысхуэсакъыу моуу къуэгъынапIэ зыфщI, сэ сыкIуэнщ а унэм, – жиIаш. Къигъэгүгъэт. – Ауэ сымэмылъэш хъумэ, Бэдинокъуэ, умыбэлэрыгъ! – къыжыриIаш.

– Хъунщ.

Еуэри, Шужьеи а щIалэм я шы лъэпкъырат зытесри, пIашхъуэм хуэду дэхъаш. Шы фIэдзапIэр пIантIэкум итти, шы фIэдзапIэм фIидзэш шыри, епсыхац. Епсыхри занщIу нэкIуэпакIуу унэм щIэхъаш. ЩIэхъэри, щIалэм и анэм пIэнтIэпсыр къышыхуу пIщафIэу щIэтт, фызыжыр.

– Дауэ ушыт, нанэ? – жери фызыжырм IэплIэ иришэкIаш Шужьеи.

– А щIалэ махуэ хъун мыгъуэ, [щ]хъэ мыгъуэ укъэкIуа? Сэ къистекIуэда мыгъуэр ирикъунт! – жиIаш фызыжырм. – Я къэкIуэжыгъуэ хъуаш, уакъелын мыгъуэкъым, дэкIыж псынщIэ-уи лъэныкъуэ зегъэзыж, – къыжыриIаш.

– А дянэ, ар Iуэхукъым, пIашлам сыгъешх, – жиIаш, жеIэ.

– Ар уэзгъэшхыну сыхуит мыгъуэ, – жиIаш, жеIэ. – Абы яшхын схуэцIыркъым, абы, <шхыныр> уэ пIшхым, ныкъуэ хъум, сэ саукIынуш, – жиIаш.

– Абы щхъэкIэ умыгузавэ уэ, – жиIеш аби, и къамэрэ къырихщ аби, хэпэдджэш мо лэгъупышхуэми, вы кIэбдэз къыхихааш.

Абы лэкъум ищIат, щIакхъуэ ищIат – ари зырилтэфалIэри, вы кIэбдзым зыл къыкIэримыну ишхри къупщхъэр хигъэтIысхъэжааш. Унэм щIыхъэш, адрей унэ лейми – иныжьищым я пIэри щIэтт. Епльри, нэхъ пIэ, нэхъ зэгъэпэща пIэм кIуэш аби, хэгъуэлхъаш Шужьеи. Фызыжыр мэгузавэ. Аурэ, Шужьеи пIэм илъурэ, иныжьицри къыдэхъэжааш. Къыдэхъэжри мо шыр шы фIэдзапIэм фIэдзауэ щалъагъум:

– Уэлэhэ, хъэцIэ къытхуэкIуам, – жиIаш.

Иныжь курытыр къэпсалъэри:

– Уэлэhэ, абы хъэцIэ къэкIуар а уэ пIэнтIэм я шы лъэпкъым мыйр, – жиIаш, жеIэ.

– Уэлэhий, я шы лъэпкъыу щытымикI, мы щIалэ нэхъынщIэм гъуэгу иритыным абы! – жиIаш, жеIэ, нэхъыжыр къэпсалъэри.

Арати, нэхъынщIэр щIэлтэдэжри – Шужьеир щIэлтэ, а пIэ ухуа дыдэм илъу.

– Мырель, мыбы къэкIуа цыкIужьеим ищIар! – жиIаш, жеIэ.

– Сыт ищIар?

– Уэлэhий, нэхъ пIэфI дыдэм гъуэлтаяэ хэлтым! – жиIаш, жеIэ.

А курытыр къэпсалъэри:

– Уэлэhий, абы зыгуэр имымураду ауэ мыгъуэлтэ, – жиIаш, жеIэ.

Арати...

— Мырель мыбы ищар! Алыхыр зыгъэпциаш, кібдзыр ишхри күупицхъэр химыгъэтысхъәжам ләгъупым! — жиаш, жеі.

Курытыр къәпсалтьәри:

— Уәләний, ауэ имышла, абы зы мурад ишаш, — жиаш, жеі.

— Алыхыр зыгъэпциным уи псэр Іуихай, — жиаш, жеі, — мы цыкіужьеим уә! Уәләһә, а щалә нәхъышәм идҗыпсту гъуегу иритыным абы! — жиаш, жеі.

Шужьей къызәфіэттысхъәри:

— Ей, — жиаш, жеі, — күәдрә фымыпсалтьә! Иужыкіә зыгуәр жыфылжынц, фыттыси фылхэт, иттанә ди Іуәху яужь дихъенц, — жиаш, жеі.

— Сыт мыбы жиыр? Уә уи унафәр ди дей къәса дә, дә дышхәнуми дымышхәнумик? — жиаш, жеі, нәхъижыр къәпсалтьәри.

— Хәеү, «Дышхатекъым, ахъумә дышхауә щитам, уқыттекіүенукъым», — жыфынци щхъәусыгъуә фылжынц, — жиаш. — Фылхәм яужь дихъенц, — щыжиым, иныжыицым ләгъупым хәльу хъуари къыхальәфш, <...> хәлъари къыхальәфри яшху түсаш.

Шхәуә щысурә, «Нагъесаш шхэныр», — щыжиым, къәтәджең Шужьей, къыштәкіри, фызыжым и бләр иубыдри къыштишааш. Шым дей къәсыжауә щалә нәхъышәр къәсри:

— Пшіну уи гугъэр сыйт, мы гъуамә цыкіум? — жери къышыжыхәлъадәм, Шужьей моуә ищіц аби, зыкъигъазәри, еуәш а иныжь нәхъышәм и пәми, и пә шыкъыр хикъутыхааш. Лъыпсыр къыхихуаш.

— Е зинәкіә къалъуха цыкіужье, сиукіаш! — жери, и пәм лты къижти, и пәр иубыдышауә щитыхукіә, зыридзш Шужьей шыми, къелбыхш аби, фызыжыр шыпләм дигъэттысхъәри, ирихъәжъәри, еуәри, ежъажаш.

А щалә нәхъышәм и пәхәр тәкіу игъекъәбзәжш аби, и шым уанә тельу щитти, къакіәлъышесш аби, къакіәлъыштәпхъуәри къажәурә къесу щыхуежъэм, фызыжыр иригъәувәхш аби, зыкъигъазәри, еуәри, иныжым и щхъэр пиупшаш Шужьей. «И шыр къезубыдынш», — жиі щхъәкіә, <...> хуәмыхъуу, шыр іәштәкіри лъыр къежәхуу філкіүәжаш.

Иныжь курытыр къәпсалтьәри:

— Жыслатекъә, — жиаш, — абы зы мурад зыриыр. Щаләм и шыр уанәгу нәшіу къидәхъәжаш, — жиаш, — лъыр къежәхуу.

— Уәләний, мы дунейр къутау жыптыным уә! Уи псэр Іуихай мы цыкіужьеим! — жери нәхъижым ар щыжиым, — Кіуәи плъә! — жиыщ аби, курытыр къыштәжри, и шым зыридзри къыкіәштәпхъуаш, жиаш.

Шужьей фызыжыр къиштауә <шым> тригъэттысхъәжауә ихти, іәштәхъэу щыхуежъэм, фызыжь гуэрүр зыригъәувәкіш аби, зыкъигъазәри, еуәри, иныжь курытым и щхъэр пиупшаш, жиаш. И шыр къиубыдынкіә еїәри, <...> хуәмыхъуу іәштәкіыри лъыр къежәхуу кіүәжаш, жиаш. Мо лъыр къежәхуу уанәгу нәшір щыдәләдәжым, нәхъижым къилъагъури:

— Мы Алыхыр зыгъэпциин мы цыкіужьеим шыуә дәкіыр уанәгу нәшіу къидегъәхъәжри! — жери къыштәкіш псынштәуи, шым зыкъыридзри къыкіәлъыштәпхъуаш.

КъыкІэлъыщІэпхъуэри къесу щыхуежъэм, фызыжъыр иригъеввэхри пэуваш Шужъей. Щыпэувым щыгъуэ, жиIаш:

– Пауэр узот, къауэ! – жери Шужъей.

– Къызәпт-үэстыжу сыштын сэ куэдрэ? Укъырезгъэхъэхынц иджыпсту! – жиIаш аби, зыкъыхуигъазэри, къауэри Шужъей уIэгъэ бзаджэ къищIаш. Шым ехуэхаш, мэхри.

МоитIур хъэзыру щытти, къесц аби, Бэдинокъуэр еуэри иныжъ нэхъыжъым и щхъэр пиупшIаш. А щIалэ зышам жыриIаш:

– Мохуэдэ щыпIэм кIуэи, мис мыхуэдэ удз къэхьи псынщIэу къэкIуэж, – жери.

Фызыжъым:

– Хушхъуэ сэ сIыгъщ, тIасэ, – жиIаш, – си жыпым ильу.

– Дэн щыIэ, къащтэ! – жери, къищтэш, къыритщ фызыжъыми, Шужъей и уIэгъэхэм тыралъхъэш, езыми, мэхати, зыкъищIэжри къызыфIуэвэжащ, и уIэгъэри игъэхъужаш.

– НэгъуэщI щыIэ, щIалэ, мыбы? – щыжиIым...

– Айшыраш, нэгъуэщI щыпсэу щыIэкъым, – къыжриIаш ази анэ къахъыж щIалэм.

– НtIэ, дауэ тщIын?

– Уэлэний, тщIэнурам, дыдыхъэжынци, дгъэзэжынци, иныжъищым я алъпищмикI уанэ тельщ хъэзыру, хъэпшыпу яIыу хъуар къызыщIэткуэнц зы къэмынэуи, абы тетлъхъэнци, тхынци дыкIуэжынц, уи анэри тхыжынци дыкIуэжынц, – жиIаш Бэдинокъуэ.

– Захуэш!

Ягъазэш аби, а иныжъищым къэтмацъ зырызи яIэт аби, иныжъищым я шым къэтмацъхэр тыралъхъэш, абы хъугъуэфыгъуэу яIыу лъэпкъыр абы иралъхъэжш, иныжъищым яшхэр Iэдэж къащIщ, я хъэпшыпхэри къахъщ, фызыжъри къахъыжри къэкIуэжащ.

КъэкIуэжри, мо зэш куэд хъу мо унэ хуэкъулеу щытар къулейсэз хъуа хъунтэкъым:

– Алыхъ-алыхъ, си анэри къысхуэфшэжащ, силъ къысхуэфшэжащ, – жиIаш аби, тхъэлъэIушхуэ ишIыжащ щIалэм.

Ар мазэ-мазитIкIэ Бэдинокъуи, ШужьеинкI, ХъыжынкI къахэсү тхъэлъэIум хигъэсаш.

ЩIалэр гупсысэ хъуаш, зи анэр къахъыжа щIалэр: «Иджы, мы Бэдинокъуэ, Шужъей Хъыжъе яшэжрэ кIуэжмэ, дызэмымыблагъэжу дызэфIэкIуэдыжынц, ауэ мы си шыпхъу закъуэр, си хъэтыр къалъагъурэ мы Шужъей ирагъашэтэм, зэблагъэ дыхъунти, игъашIэкIэ дызэблагъэн», – жери. Ар игу къэкIщ щIалэми, Бэдинокъуэ щIишри къельэIуаш:

– Бэдинокъуэ, сэ Iуэхутхъэбзу къысхуэфшIам хуэдиз мыльку дунейм теткъым. Ауэ мы си шыпхъу закъуэр дуней мылькукIэ стынукъым, – жиIаш, жеIэ. – Дуней мыльку и уасэш. Си шыпхъу закъуэр Шужъей и щхъэгъусэу Слебгъэхтэм! ДызыпкIыу мыкIуэжу, зэблагъэ дыхъуауэ щыттэмэ, игъашIэкIэ дызэблагъэу, дызэнубжъэгъуу дыздэпсэунт! Си хъэтыр къэлъагъуи слегъэх, – жиIаш, жеIэ.

– Хъунщ, – къигъэгугъяш Бэдинокъуэм.

Бэдинокъуэм тхъэ къыхуиIуат мобы, «Уэ жыпIэр сщIэным», – жери. «Уэ жыпIэм сифIэмыкIын!» – жери тхъэ къыхуиIуати,

къежьэжын щыхъухэм щыгъуэ, Шужьей щиши аби, къыжырилаш Бэдинокъуэм:

— Мы щалэр щалэ Иейкъым, езыр унагъуэ Иейкъым, хъыдджэбзи цыхубз хъарзынэ гуэрщ. Ауэ занщиу дыдэклыжу дыкгуэж хъунукъым, сэ мы хъыдджэбзыр нысэ сщынуущ, — къыжрилаш, — зыдэсшэнуущ, укъызэмымдашу здэнукъым! — жери.

Шужьей тысири гъаш, жилаш:

— Бэдинокъуэ, сэ фыз лъыхъуэ сежъатэкъым. Сэ лыгъэ щаплэ къескхыны арат си мурадыр. Иджит лыгъэ щызесхъэнур, цыхугъэ щызесхъэну мурад щысцлар. Ари киэштиу къысчурьшкуташ! — жиэш аби, гъаш, жеэш, Шужьей.

Арщхъэклэ Іэмал ийтэкъым: мобы жиыр имышчиену Іэмал имыыту тхъэ хуилуат. Хъыжькигэ игу иль хъунт, «А хъыдджэбзыр нысэ схуэхъуащэрэт!» — жиыуи, Хъыжъэр акъылэгъу къыхуэхъури, хъыдджэбзыр и шыплэм къыдагъэтысхъэш, и дэлтхур ягъусэуи Хъыжъэр къашэжри къекгуэжаш Бэдинокъуи Шужьеинкэ.

— Алыхъ-алыхъ, Хъыжъэ къишэжри къекгуэжаш Шужьей, Бэдинокъуэ игъусэу! Ныси къашам! — жиэш аби, нарту хъуар къызыхуэсц аби, хъэгъуэллыгъуэ хуашлаш. Батэкьютэ-Іам хуагъэшц аби, унэишэри щауэишэри хуашчижи, Хъыжъэ ар и нысэу, и фызри псэууэ къекгуэлэжауэ, мо щалэм и шыпхъур Шужьей и фызу лъэбыдэ унагъуэу къызыхэнэжаш, жиыту араш.

СТАРИННОЕ СКАЗАНИЕ О НАРТЕ ХЫЖЕ

Вот каково сказание о нарте Хыже: занятием Хыжи было то, что он отправлялся в набег на год, полгода — вот так было. После этого он возвращался, доставив с собой то, что за это время успел добить, — вот такова была жизнь Хыжи.

Так продолжалось, а жена его была дочерью великана, в то время как эта дочь великана беременной стала, Хыжа отправился в поход. Пока Хыжа был в отъезде, дочь великана разрешилась и родила сына. «У Хыжи сын родился», — говоря, люди порадовались этому, люди собрались *<и порадовались>*. Так продолжался год, а Хыжа отсутствовал, не возвращаясь.

— Мальчику имя надо дать, — когда сказали *<одни>*...

— В отсутствие отца как имя ему дать? — сказав, отказались *<другие>*.

Старшим у нартов был тот, кого называли Насрэн Бородатый.

— Его отца раз нет, имя давать ему нельзя, — сказал он, и так, без имени оставшись, мальчик жил.

Хыжа все не возвращался. Наконец его жена, что была дочерью великана, объявила:

— Конь Хыжи с пустым седлом вернулся, вестей же о нем не знаем, — сказав.

— Ау, это хуже! — сказали, нарты, собрались и приняли такое решение: — Такой мужчина, как Хыжа, уаллаги, просто так пропасть не должен! Поезжайте и поищите его! — сказав, Насрэн Бородатый скомандовал. Сотню всадников нартов снарядили, выехали и год искали.

В течение года вести о нем никто не нашел и сто всадников нартов домой вернулись.

— Какие новости? — сказав, когда спросили...

— В мире вестей о нем нет, не можем найти место его гибели.

— Так оставлять это нельзя, — сказав, приняли решение.

Год прождали опять, а он не возвращается.

— Мальчику имя давайте дадим, безымянным ему быть нельзя, — сказали...

— Пока его отец не вернулся, как мы его назовем! — сказав, опять возразили, и снова сто всадников снарядили и на поиски отправили.

Сто всадников вернулись второй раз, год отсутствовав, не нашли его и вестей о нем не слышали.

— Не находим *<его>*, вестей о нем не слышим, — сказав, когда вернувшиеся эту новость принесли...

— Тогда вот так, мальчику всю жизнь безымянным быть нельзя, надо имя ему дать, — сказав, приняли решение наорты: — сын Хыжи Шужей, сказав, такое имя мальчику дали.

Шужей рос и быстро стал нартским мужчиной, *<вскоре>* присоединился к играющим в кости и стал играть с ними. Он начал у всех выигрывать альчики. Он расшвыривал своих маленьких сверстников по сторонам, сбивал их с ног, сильно избивал — вот таким он стал. Люди пришли к его матери и пожаловались:

— Наставляй своего сына, поучай его, не позволяй быть таким, он наносит нам большой урон, поругай его, — сказали ей.

— Хорошо, — сказав, его мать, дочь великана, подозвала его к себе и сказала ему: — Сын мой, остыпенись, твой отец не чинил насилия, твой отец приносил пользу людям. Не будь таким, не вынуждай этих людей жаловаться, не вреди своим сверстникам.

Однако Шужей, не одумавшись, продолжал, играя с друзьями, причинять им вред. Когда он однажды сильно избил одного своего сверстника, а у того ударить в ответ сил не доставало; мальчик, в конце концов, сказал ему:

— Хватит, Шужей, не общайся с нами, не такие, как ты, *<с нами>* разговаривают! Ты, сопляк, не ведаешь, где пропал твой отец, мы же знаем, где погибли наши отцы. У таких, как ты, нет права разговаривать с нами, у таких, как ты, нет права перечить нам, — сказав так, один его сверстник, маленький мальчик, упрекнул его.

Шужей призадумался: «Уаллаги, правда то, что он мне сказал. Умер ли мой отец, мы не знаем, убили ли его — не знаем, где он — не знаем. Правду он мне сказал», — решив, он вернулся домой и обратился к своей матери:

— Наша мать!

— Что?

— Разве у меня не было отца? — сказал.

— Был. Такого как твой отец в этом селе не было никого, — ответила она. — По всему краю он был славен.

— Так куда он делся?

— Он имел обыкновение ездить в набеги; вот так однажды отправился в набег и не вернулся. Его конь с пустым седлом вернувшись, стоит в подвале, и я его сдержу, — сказала.

— Так почему же, мать, до сих пор ты не говорила мне этого? Если до сих пор я бы не справился бы с этим, теперь я, могу сделать то, на что способен мужчина. Приготовь мне походную пищу на дорогу: уаллаги, своего отца, если он жив, то живого, если он мертв, то мертвого — пока я не отыщу, сюда не вернусь! — сказал, твердое слово дал Шужей своей матери.

— Ну, вот так это случилось... — сказала его мать, других сведений не знала. — Ну, сын мой, — сказала она, — если отправляешься, походная пища твоя готова, — сказала. — От твоего отца оставшийся конь серый, — сказала. — Серого и седло и все другое сохранилось, — сказала. — Оставшегося от твоего отца коня оседлай, и в места, где бывал твой отец, *<он>* тебя доставит, — сказала. — Но с дороги, по которой идет этот конь, не сворачивай, на другую дорогу не направляйся, — сказала. — По дороге, по которой этот конь идет, пусть идет, — сказав, его мать наказ такой дала ему.

— Хорошо, — сказав, вскочил на коня Шужей и отправился на поиски своего отца.

Так по той дороге едучи, серого коня пустив идти по своей воле, по этой дороге следуя, он вдруг подумал: «Похоже, этот конь идет по неверному пути, похоже, он вводит меня в заблуждение, сбивает с пути». Несмотря на то, что парню это приходило в голову, он ехал по той дороге, как его мать наказывала. Эта дорога тянулась, и долго ли он ехал, мало ли ехал, но дорога, по которой он ехал, неверной дорогой ему показалась. В эту сторону идущая дорога была более наезженная — так стало казаться Шужею. «Уаллаги, верно, что этот конь запутал, а верная дорога — эта», — сказав, он повернул Серого, направил его на дорогу, которую он сам посчитал лучшей. Ступил, ехал-ехал, в лес привела дорога и пропала. «Уаллаги, этот конь знал нужную дорогу! Дорога исчезла, — сказав... — Теперь, до тех мест не возвращаясь, прямо по лесу к той дороге проеду и снова на нее встану», — сказав, въехал в него — заросли колючих растений, кустарники, сквозь которые невозможно проехать — таким непроходимым был этот лес, превратившийся в заросли. Однако этот конь, и год и два, набиравшийся сил смог пробиться в одном месте. Выбрался, стал снова на *<верную>* дорогу. Шужей соскочил, на своего коня посмотрел. С этого Серого, расцарапанного колючками, отовсюду текла кровь. «Уаллаги, я причинил зло этому коню», — сказав, взял он прошлогоднюю траву, перекрутив ее, вычистил коня, тщательно обтер его, вскочил на него, вновь на дорогу ступил, следуя далее — с высунутыми языками две гончие собаки, вперед пробежали, говорит. «Уаллаги, этих двух собак что-то беспокоит. Нате!» — позвал он, но двух собак не смог повернуть назад. «Интересно они пробежали мимо от *<хозяина>* или же возвращались?» — едва успел он так подумать, две гончие собаки с листьями во рту, с травой, быстро вернувшись, пробежали мимо, говорят. «Уаллаги, у этих двух собак какое-то дело есть!» — сказав, вслед за двумя собаками направился и, следуя за ними, на каком-то маленьком холме тот, кого называют нартом Бадиноко, лежал, говорит, раненый. Дело было в том, что эти две собаки возвращались к нему, неся целебное средство.

Шужей подошел к нему:

– Охуф апший (Добрых дел)! – говоря, когда подошел...

– Пребывай в здравии! Твои дела хорошо пусть сложатся, сын Хыжа Шужей! – ответил, говорит.

«Ого, я никогда в жизни в походах не бывал, откуда он узнал, что я сын Хыжа, что имя мое Шужей!» – подумал *<Шужей>* и спросил:

– Я никогда в походах не бывал, *<никогда>* тебя не видел, ты меня не видел, откуда знаешь, что я сын Хыжа, что я Шужей? – спросил он.

– По этому коню, на котором ты сидишь, знаю, – ответил *<Бадиноко>*. – Это конь Хыжи, – сказал. – Говорили: «Появится сын Хыжи Шужей», вот я тебя по этому коню и узнал, – ответил.

– А почему ты здесь сидишь?

– Сижу потому, что, воюя с войском чинтов, я был ранен, – сказал.

– Так это войско чинтов-то, что я ищу и не нахожу. Уаллаги, я его тебе так истреблю... – сказал Шужей.

– Нет, Шужей, не торопись! Если ты хочешь мне помочь, траву, что принесли эти две собаки, положи на мои раны, почистив их перед тем, – сказал. – Мои раны этим залечатся.

– Хорошо, – сказав, спрыгнул Шужей с коня, почистил раны Бадиноко, листья, которые принесли, вот так вот (ладонями сплющивая как будто, хлопает Хамирза), накладывая, Шужей вылечил раны Бадиноко.

Бадиноко сказал:

– Шужей, ты, наверное, куда-то едешь, так что счастливого пути! Я к войску чинтов вернусь воевать с ними, – сказал.

– Как, – сказал, – тебя оставив, я в путь отправлюсь! – сказал Шужей. – Так не пойдет, я тоже поеду, – сказал.

– Тогда, да будешь ты счастлив, поехали! – сказал *<Бадиноко>*, стали они рядом и поехали.

– Войско чинтов – вон оно, здесь располагается, – сказал *<Бадиноко>*...

– Тогда, Бадиноко, – сказал *<Шужей>*, – ты отсюда смотри, а мне разреши с ним повоевать, – сказал.

– Нет, ты молод, Шужей, – возразил *<Бадиноко>*. – Поедем, оба въедем: я займусь теми, кто с этой стороны, – сказал Бадиноко, – а ты – теми, кто с твоей стороны, ими займешься, – сказал.

– Верно, – сказав, прямиком въехали, войско чинтов надвое разделили, тех, кто ближе к Бадиноко, он сразил, к Шужею близких тот сразил. Оба соединились, ни одного с головой на плечах не оставили. Их всех оседланных коней согнали, взяли и угнали.

Затем:

– Я своей дорогой поеду, – сказав, когда Шужей так заявил...

– Шужей, не торопись: Я немного расскажу тебе о том, как встретился с твоим отцом, немного о твоем отце расскажу, – сказал Бадиноко.

– Что же ты до сих пор, заставил меня ждать, не говоря об этом, я этого только и ищу! – сказал тот.

– Не торопись, – сказал *<Бадиноко>*, – тому, что мы забрали у войска чинтов, определим свое место, поедем оба ко мне, немного отдохнем, а потом я тебе все расскажу, – сказал, – все вести.

— Так поехали!

Взяли да и, отогнав пригнанных лошадей, к Бадиноко поехали. К Бадиноко пожаловал в гости Шужей.

Ночь ли пробыл, две ночи ли пробыл, Шужей сказал:

— Бадиноко, расскажи мне то, что ты собирался рассказать, — сказал.

— Шужей, не торопись, сказал же я, не торопись! — ответил <Бадиноко>.

Так и вторая ночь прошла, и третья ночь прошла.

— Шужей, о Хыже вот какую весть я тебе скажу: — сказал. — Мы с Хыжей в набег вместе отправились, — сказал. — В набег вместе отправились, нескольких лошадей, согнав вместе, гнали, — сказал. — Мы их гнали — я в голове, Хыжа в конце, — вот мы возвращались. На обратном пути я первым повстречался с малым всадником, что впереди ехал, — сказал, — так как я был в голове. Подъехал маленький всадник и... «Гогуфыж апший, Бадыноко!» — сказал он мне, — сказал. «Спасибо! Удачи тебе в деле!» — ответил я, — сказал, — маленькому всаднику. «Да благословит бог то, что ты пригоняешь, Бадиноко!» — сказал он мне, сказал. — «Благодарю! Выбирай!» — сказал я ему, маленькому всаднику. «Спасибо!» — сказал, проехал мимо меня, сказал. Глядя в сторону лошади, оглядываясь, доехал до Хыжи. «Эй, гогуфыж апший, Хыжа!» — приветствовал он. «Спасибо! Кеблага, добрый парень!» — сказал Хыжа. «Да благословит бог то, что ты пригоняешь!» — сказал, сказал, он тоже. «Благодарю хороший парень! Выбирай!» — сказал, сказал. «Аллах да приумножит! Я не буду выбирать», — сказал, полуусмехнувшись, проехал, сказал. Обернулся, я не знаю, как это случилось, подъехал тот к Хыже, его папаху сорвал и унес, сказал. Хыжа, оглянувшись, посмотрел — его шапку уносит, сказал, тот парень. «Неужели и вправду он ее унесет?» — сказал, развернулся и пустился вслед за ним, сказал. Пустился вслед за ним, и как только <он> начал догонять <его>, парень развернулся, смеясь, подъехал, сказал. Смеясь, подъехал, вот так сделал и шапку Хыжи вновь надел, сказал. Потом, Хыжа как будто потерял бдительность, парень выбил Хыжу из седла, посадил на холку своего коня, привязал ремнем, которым прикрепляется стремя к седлу, и, забрав его, ускакал, сказал. Серый сразу побежал, вбежал в гущу лошадей и я не смог коня заставить повернуть, он выскочил и вернулся домой, сказал. Лошадей, которых я гнал, я там остановил, поскакал, сказал, — вслед за всадником. Поскакал и, преследуя его по следу коня, загнал на гору, которую ты видишь, сказал. Эту гору, которая первой встречается, он пересек и в овраг ускакал, сказал. Пока я искал этот овраг, он преодолел вторую гору, сказал. Вошел во второй овраг, там большая река текла, следы коня в эту воду вошли, сказал. В воду вошел, но дальше следов коня не нашел, сказал. Что поделаешь? Вернулся, на следах, которые вошли в воду, пометки сделал, сказал. «Впредь если вернется, следы оставшиеся найду», — сказал я. Сделав пометку, я вернулся, своих лошадей, которые по одной, по две разбежались, я согнал, погнал <их> и вернулся <домой>, сказал. Их в сторону отогнав, пошел к той реке, пометка сохранилась, сказал, и следы лошади были, сказал. «Когда-нибудь же выедет

сюда», — сказал я, соорудил шалаш там и год сидел, сказал, у берега реки. Ни следов лошади этого всадника, ни его самого я уже не нашел, сказал. — Вот так пропал Хыжа, — сказав, он рассказал Шужею.

— Эх, Бадиноко, — сказал, — оказывается, это ты моего отца потерял, — сказал, — а меня заставляешь искать его! — сказал.

— Шужей, — сказал <Бадиноко>, — если ты поклянешься, что будешь слушаться меня, если твой отец жив, мы его найдем, — сказал.

Что ему оставалось? Шужей встал и поклялся:

— То, что ты говоришь, выполню беспрекословно! — сказал.

Хорошо подготовившись, они пустились в путь. Проехав две горы, доехали до берега реки. Пометка, которую сделал Бадиноко, стояла без изменений. И следы коня были. Всадник, вошедший в воду, там переправлялся, значит.

— После того, как я пересек эту реку, дальше следов я не смог найти, — сказал Бадиноко.

— Ну, Бадиноко, ты утомился. Раз уж ты меня на этот след навел, я через эту реку переправлюсь, и я его найду, — сказал Шужей.

— Нет, не торопись! Ты поклялся меня слушаться, я первым перейду, — сказал, — эту реку. А потом и ты перейдешь. Я у этой реки дальнейшего пути не смог найти. Теперь мы вдвоем объединимся и, если у этой горы есть переход, то найдем.

— Пойдем, — сказал, Бадиноко впереди, Шужей позади, в воду вошли и перешли <реку>.

Там, куда они вышли, дороги никакой не было, только откосы, откосы да большие откосы. Так как высокий откос их кони не смогли преодолеть, повод лошади, придерживая, вытаскивая их, переправились. Переправились и ступили на тропу. «Ага, теперь вперед!» — сказал, вскочили на коней и поехали. В сторону долины ехали, едучи по долине, повстречали один дом. Повстречали, и когда Бадиноко и Шужей въехали <во двор>, одна девушка выбежала из дома, радуясь, подбежала к ним и обняла и Бадиноко, и Шужея. Бадиноко, повернувшись к Шужею, молвил:

— Здесь мы узнаем новости, — сказал. — Ничего не говори.

— Проходите, будьте гостями, Бадиноко! Долго вы заставили нас себя ждать, — сказала ему девушка.

В хачеш пригласила и повела обоих. Когда разместив их, девушка вышла хлопотать и вернулась в большой дом, ее брат возвращался домой, говорит, пешим. Выбежала девушка ему на встречу:

— Кого ты ждешь, прибыли сейчас, — сказал, сказала, говорит.

— Шужей, здесь есть весть о Хыже — сказал, Бадиноко сказал <ему>.

— Ну тогда, если есть, — сказал, — здесь давай не будем сидеть, — сказал Шужей. — Давай найдем.

— Нет, не торопись, Шужей, — сказал. — Сами скажут.

Итак, парень сразу забежал, Бадиноко и Шужея обнял, сказал.

— Как хорошо, что вы приехали, Бадиноко, давно я вас жду! — сказал, парень так сказал, говорит. — Бадиноко, я это похищение

почему совершил, расскажу тебе, — сказав, так начал, говорит, парень.

Когда *<он>* это начал, Шужей вспыхнул, говорит. Когда он вспыхнул, девушка свой платок сняла, сделала вот так и между ними положила, говорит.

Бадиноко:

— Ничего не говори, разве этой женщины платок не видишь! — сказав, Шужею не дал говорить, говорит.

— Похищение Хыжи я затеял не для того, чтобы навредить ему, а потому, что это было неизбежным, по следующей причине. У меня было три брата; всех троих моих братьев убили иныжи. Одна старая мать осталась со мной и девушка одинокая; из-за своих трех братьев с тремя великанами я связался, но ничего не смог с ними поделать. И тех, кого я взял с собой, они истребили. Так как я не мог сам с ними справиться, так и остался. «Он из-за своих братьев беспокоиться не будет», — сказали *<иныжи>* и похитили нашу мать, — говорит. — Мою мать они похитили, и она там находится, — говорит, — в рабстве. Все свои силы потратил я *<на это>*, но не справился, — говорит. — «В стороне восхода солнца, — говорит, — по имени Анак какая-то старуха живет, и она знает все, что будет», — такие разговоры я слышал и к той старухе, которую зовут Анак, отправился, — говорит, — не видя выхода из положения. «Так и так, троих моих братьев великаны убили, мою мать похитили и держат в рабстве; все свои силы я на это кладу, но ничего поделать не могу, и это меня гнетет», — сказав, я старухе, которую зовут Анак, пожаловался, — говорит. — Когда я ей пожаловался, «Ах, сын мой, ты *<сам их>* не одолеешь, ничего не сможешь поделать. Но в Кабарде живет некто по имени Хыжа. У Хыжи жена — дочь великана. Она, его жена, беременна; если она родит, она родит сына, когда этот парень возмужает, отправится на поиски отца, этого Хыжу если ты сумеешь похитить и удержать. Если его сын отправится в путь, он приедет вместе с нартом Бадыноко, они вместе с тобой отомстят за тебя, и кроме них, за тебя некому отомстить», — сказала. Анак так мне сказала, — говорит. Как же мне быть, подумал я, послушав ее. Домой не возвращаясь, девушку одну оставил в пустом доме... Хыжу где бы мне найти — говоря, охотясь за ним, я остался в Кабарде, — говорит. — Остался, в поисках его, возвращаясь, тебя впереди, — говорит, — Бадыноко, Хыжу в конце, когда вы гнали нескольких лошадей, повстречал вас, — говорит. «В добный путь!» — сказал я. «Спасибо! Удачи тебе в твоем деле!»... «Да будет вам в пользу то, что вы гоните!» — сказал я тогда вам. «Да будет бог довольным тобой, выбирай!» — ты мне сказал. Оттуда я поскакал к Хыже, Хыжу отвлек, с коня сорвал его, вот причина похищения, — говорит, — несчастье. Моих трех братьев убили, это я переживал, но и это забыл из-за матери, я беспокоился, поэтому похитил Хыжу, а не для того, чтобы заставить его работовать, я не собирался нанести ему вред, — говорит.

Таким образом:

— Ты слышал, Шужей? — говорит *<Бадыноко>*...

— Слышал, давайте тогда отправимся, — говорит Шужей, — к этим великанам.

– Не торопись, Шужей, – говорит. – Еще какую-нибудь новость услышим, – сказав, Бадиноко остановил Шужея.

Девушка же, уйдя <в дом>, готовила чай, жарила лакумы. Потом с самоваром в руках один, а другой – со столиком, принеся это в гостиную, пришли девушка и парень поставили ему стол, Шужей встал и только стоял, не захотев сесть за стол:

– Я сюда не есть-пить приехал, – говоря.

Так громко, сердито Шужей говорил, сказал. Когда он так сказал, Бадиноко так сказал, говорит, к тому парню обращаясь:

– Этого парня в другой дом отведи, покажи ему, <как ты содершишь его отца>, – говорит.

– Пойдем, парень, – говорит <юноша>, Шужея вывел, ввел в другой дом, вошел Шужей в самый конец [самую последнюю комнату] дома, говорит.

Ввел <он> его: <там старик сидит>, его қубган блестящий стоит, молитвенный коврик чистый <стоит>, на столе самая разнообразная пища лежит, дом чистый-пречистый – вот так, в чистой одежде Хыжа там жил, говорит.

– Салам алайкум! – приветствует Шужей.

– Алайкум салам, проходи, добрый парень! – отвечал ему <старик>, говорит.

Потом:

– Садись, отведай этой еды, – сказал, говорит.

Шужей сел и поел, говорит, ничего не оставил на столе. Что это его отец, понял он, говорит. И вот:

– Добрый парень, если ты уже поел, у тебя спутник, наверное, есть, – сказав, так его отец ему сказал, говорит.

– Есть.

– Тогда я старик, возвращайся туда, – сказав, сына своего выпроводил, говорит.

За это время Бадиноко попил чаю, говорит, поел лакумов, говорит. Шужей вошел и <сказал>:

– Поехали, если мы собираемся ехать, не будем сидеть, – сказал, говорит.

– Шужей, не торопись, – сказал, говорит. – Немного отдохнем.

Так ночи четыре – дней четыре они там отдохнули, говорит, Шужей и Бадиноко, будучи гостями. Бадиноко сказал, говорит:

– Ну, парень, теперь оседлай наших коней, поедем туда, – сказал.

Парень выскоцил быстро, и коня Бадиноко, и коня Шужея не тронул, а из породы своих лошадей трех оседлал, говорит. Вернулся парень.

– Оседлал коней, – когда сказал...

– Пойдем, – сказав, вышел <Бадиноко>, – конь Бадиноко не был оседлан, конь Шужея не был оседлан. Оседланные три коня были из породы <лошадей> самого парня.

– Это что такое, где мой конь? – сказал Бадиноко.

– Твой конь, говорит, отдохнет, решил я, он стоит в той конюшне. Лошади нашей породы хороши для гор, – говорит, – <легко>, как дикие птицы, передвигаются там. Поэтому я решил, дам

отдохнуть и коню Бадиноко, и коню Шужея и оседлал наших коней, — сказал.

— Уаллаги, как только мы сядем верхом на твоих коней, как только из этого двора выедем, мой конь твою конюшню разнесет — и вмиг скроется в облаках, — сказал Бадиноко. — Выведи моего коня и оседлай, — сказал. Шужей, твоего коня тоже пусть оседлает твоим седлом, — сказал.

— Ну и ну! — сказав, парень снял седла, отпустил своих лошадей, вывел коня Бадиноко и оседлал.

— Теперь поехали! — сказав, вскочили на коней и поехали, *<куда>* их повел парень:

— Вот здесь живут великаны, здесь их жилище, — говорит.

— Да?

— Да.

— Тогда, — говорит Шужей, — вы вдвоем, спрятавшись, глядите в оба за мной, а я пойду в тот дом, — говорит. Он был уверен в себе. — Но, Бадиноко, если не буду справляться, не зевай! — говорит ему.

— Хорошо.

И вот Шужей, он был на коне из породы парня (?), как ласточка, въехал *<во двор>*. Коновязь стояла в середине двора, и он спешился и привязал коня к коновязи. Спешился и пряником вошел в дом. Вошел и увидел — мать парня, вся в поту, стоит, готовит старуха.

— Добрый день, бабушка, — сказав, Шужей обнял старуху.

— Ах, парень, да будь ты счастлив, зачем ты, о горе, сюда приехал? Достаточно было тех, кто из-за меня тут погиб! — сказала старуха. — Приближается время их [иньжей] возвращения, тебе от них не спастись, *<если они тебя увидят>*, быстро выходи и скройся, — сказала она ему.

— Мать наша, это не беда, если ты что-нибудь приготовила, покорми меня, — сказал, говорит.

— Да разве же я смею кормить тебя этим, — сказала, говорит. — Сколько им хватит, я не могу приготовить, а если ты этого поешь и заполовинишь, они меня убьют — сказала.

— Ты за это не переживай, — сказав, *<Шужей>* вынул свой меч, воткнул его в котел и вытащил заднюю ногу быка.

Она уж нажарила лакумы, напекла хлеб — и это все *<он>* придинул к себе, обгладал бедро быка, а кость бросил обратно. Зашел в комнату, в другую комнату — там стояли кровати великанов. Посмотрел Шужей и улегся на более приированную кровать. Старуха переживает. Так, пока Шужей лежал в кровати, вернулись три великаны. Вернулись, и когда увидели привязанного коня....:

— Уаллаги, гость к нам приехал, — сказали.

Средний великан заговорил и:

— Уаллаги, прибывший гость на известной нам породе лошадей, — сказал, говорит.

— Уаллаги, даже если это конь той породы, наш младший брат ему дорогу определит! — сказал, говорит, старший, заговорив.

Так вот, младший вбежал в дом, — Шужей лежал в той самой кровати.

— Ты смотри, что прибывший сюда карлик сделал! — сказал, говорит.

— Что сделал?

— Уаллаги, в самую лучшую кровать лег и лежит! — сказал, говорит.

Средний заговорил и:

— Уаллаги, он туда лег не без какого-либо намерения, не просто так, — сказал, говорит.

Старший заговорил и:

— Уаллаги, наш младший брат ему дорогу определит! — сказал, говорит.

И вот:

— Смотри, что он сделал! Аллахом клянусь, заднюю ногу съел и кость в котел воткнул! — сказал, говорит.

Средний заговорил:

— Уаллаги, он это не так просто сделал, у него есть какое-то намерение, — сказал, говорит.

— Как же он тебя напугал, — сказал, говорит, — этот карлик. Уаллаги, наш младший брат сейчас определит ему дорогу, — сказал, говорит.

Шужей привстал и говорит:

— Эй, — сказал, говорит, — много не болтайте! Потом причину чтобы не искали, сейчас садитесь, поешьте, затем мы займемся нашим делом, — сказал, говорит.

— Что он говорит! Теперь ты, что ли, будешь нам приказывать, есть нам или не есть! — сказал, говорит, старший, заговорив.

— Нет, потом вы можете сказать: «мы не поели, а то бы, если бы поели, ты бы нас не одолел», и сделаете это причиной, — говорит. — Поешьте и начнем, — когда сказал, три великаны все вытащили из котла и сели есть.

Сидели, ели, и когда еда уже заканчивалась, Шужей встал, вышел, взял старуху под руки и вывел. Когда они дошли до коня, младший парень подбежал:

— Что ты собираешься делать, противненький карлик? — говоря, когда он наскоцил, Шужей, сделав вот так, повернулся, ударил младшего великана и расквасил ему нос. Да так, что кровь хлынула.

— Ах ты, карлик незаконнорожденный, он побил меня! — сказал он. Пока, он стоял, держа нос, так как оттуда текла кровь, Шужей наклонился с коня, поднял старуху, посадил ее и ускакал.

Младший брат немного почистил нос, и так как его конь оседланный стоял, сел вслед, поскакал за ними и когда он стал догонять, Шужей старуху опустил <наземь>, развернулся, ударил его и снес голову великана. Хотел поймать его коня, но не успел, конь ускакал, вернулся, обливаясь кровью.

Средний великан заговорил и сказал:

— Я же говорил, что у него есть какая-то цель, <нашего> брата конь вернулся с пустым седлом, обливаясь кровью.

— Уаллаги, по твоим словам, конец света настал! Ну и напугал тебя этот карлик! — говоря, когда старший это сказал, — Пойди, посмотри! — приказал он. Средний выскочил, кинулся к коню и поскакал догонять, говорит.

Шужей ехал, снова посадив старуху на коня, когда же тот стал догонять, он опять опустил старуху наземь, развернулся, ударил, среднему великому голову снес, говорит. Его коня попытался поймать, но не успел, конь увернулся и, обливаясь кровью, ускакал, говорит. Когда обливающийся кровью с пустым седлом вернулся, старший увидел и...:

— Этот карлик всех лошадей с пустым седлом возвращает! — сказав, быстро вышел, кинулся к коню и помчался вслед за ним.

Когда он стал догонять, Шужей спустил старуху и стал против него. Став против него, он сказал:

— Уступаю тебе первый удар, бей!

— Долго мы будем друг другу уступать. Скину тебя сейчас, — сказал, повернулся к нему, ударили и сильно ранил Шужея. Тот упал с коня, потерял сознание. Так как те двое стояли наготове, они быстро подъехали. Бадиноко ударили и снес голову старшему великому. Парню, который его туда повел, сказал:

— Иди в такое-то место, вот такую траву принеси и быстро возвращайся, — говорит.

Старуха:

— Зелье у меня есть, милый, — говорит, — в моем кармане лежит.

— Где оно, давай его! — сказал, взяла старуха и дала ему. Положил *<Бадиноко зелье>* на раны Шужея, а тот сознание потерявший был, пришел в себя и встал, и его раны залечились.

— Другие есть здесь, парень? — когда он сказал...

— Только эти трое, других здесь нет, — ответил парень, чью матерь возвращают.

— Так, что делать будем?

— Уаллаги, вот мы что сделаем, вернемся, войдем, великанов альпы оседланы, соберем все их добро без остатка, положим на них и вернемся, твою мать тоже возвратим и вернемся, — сказал Бадиноко.

— Правильно!

Вернулись, а у трех великанов было по одной переметной суме, на коней трех великанов все это положили, туда положили все, что приглянулось, взяли под уздцы коней трех великанов, их добро привезли и, старуху привезя, вернулись.

Возвратились, так как их *<раньше>* было много братьев, они были состоятельными, *<за это время>* они не обеднели, очевидно...

— Аллах-аллах, и мою мать вы мне вернули и за меня отомстили, — сказав, парень устроил пышное жертвоприношение.

Месяц-два и Бадиноко, и Шужей, и Хыжжа участвовали в этом жертвоприношении.

Парень стал призадумываться, парень, чью мать вернули: «Теперь если Бадиноко и Шужей увезут Хыжу, перестанем быть близкими, потеряем друг друга, но если мою единственную сестру, из уважения ко мне за Шужея выдали бы, мы бы породнились на всю жизнь». Это пришло в голову парню, и он вывел Бадиноко и попросил его:

— Бадиноко, столько вы сделали для меня, — достойного тому богатства на свете нет. Но свою единственную сестру я

за все богатство мира не отдам, – сказал, говорит. – Она стоит всех богатств на свете. Вот бы ты мою единственную сестру женой Шужея смог бы уговорить взять! Чтобы не расставаться, чтоб он не уезжал, если мы породнились, всю жизнь, родственниками, друзьями жили бы! Изуважения, ко мне сделай, чтобы он взял ее в жены, – сказал, говорит.

– Хорошо, – пообещал Бадиноко.

Тот ведь поклялся Бадиноко: «То, что скажешь, сделаю», – говоря. «Тебе перечить не буду!» – говоря, он клялся ему, когда они собирались уезжать. Бадиноко вывел Шужея и сказал ему:

– Этот парень неплохой, и вся семья неплохая, и девушка хорошая женщина. Но сразу уезжать и возвращаться домой нельзя, я эту девушку сватаю, – говорит ему, – возьму ее с собой: я не позволю тебе не слушаться меня! – говорит.

Шужей сел и заплакал, говорит:

– Бадиноко, я выезжал не на поиски жены. Я искал случая, где бы проявить мужество, как раз сейчас я решил проявлять мужество, проявлять человечность. И это ты разрушашь! – сказав, заплакал Шужей, говорит.

Но другого выхода не было: он клялся беспрекословно выполнить все, что тот ему скажет. Наверное, и у Хыжа была мысль: «Вот бы девушка стала мне снохой». Хыжа дал совет ему, и девушку посадили ему на коня вместе с ее братом, Хыжу привезли домой Бадиноко и Шужей.

– О, Аллах, Шужей вместе с Бадиноко вернулись, привезя с собой Хыжу! И невесту привезли! – сказали, все нарты собрались и сыграли ему свадьбу.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 663-ф/31. Исп. Хамурза Жабоев: 1902 г.р., с. Аушигер Кабардино-Балкарии; кабардинец. Звукозап. 10.10.1984 г. З. Налоева. Выписка с магнитн. ленты З. Налоева. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой вариант сказания, которое имеет широкое распространение как среди западных адыгов (бжедугов, темиргоевцев и др.), так и восточных кабардино-черкесов. Данная запись интересна и как свидетельство широкого ареала распространения сюжета, и как фиксация живого устного исполнения.

40. НАРТ ШЭБАРТЫНЫКЪОРЭ ЧЭЧАНЭКЪО ЧЭЧАНРЭ

Чэчанэ дэкъимэ зекъю, ильэсырэ къэтэу ишэнныгъ. Зы шъуз илагъ, аш нэмыхъ иунагъо цыфышъхъ э исыгъэп. Ильэс заулэрэ, ар икъуакъю зекъю къю, бэрэ къэтэу хэтыгъ.

Аш ыужым ишъуз гъумы хъугъэу, къалэ къымыгъотыгъэгоу, Чэчанэ зекъю къуагъэ. Ильэсырэ къизэрэтырэм фэдэу къэтэзэ, шъао къифэхъугъ. Къэкъожымэ алоу, къалэу къифэхъугъэм цэ

фамыусеу, илъесит^Іу фэдиз хъугъэ. Шъузым ыгу к^Іоди, л^Іыр шымы^Іэжкыдже енэгүеу, гумэ^Іеу хъуи, иныбджэгъо хэгъэгум исыхэм макъэ аригъэ^Ігъ. Иныбджэгъухэр къэзэрэугъоигъэх.

— Чэчанэ ч^Іым ынапэ тетымэ, псаоу гъеры хъугъэми, ук^Іыгъэу хъадэу щытыми, зэтмыгъэгъотэу ыужы тик^Іинэп, — а^Іуи, иныбджэгъухэр зэк^Іашасэхи ежагъэх. Зыдыщынэситым гъунэ имы^Іэу лъыхъуагъэх.

Амыгъоты зэхъум:

— Хэты щытыми иныбджэгъо, ихъалэлэу зы нэбгырэ зэк^Іодыл^Іагъэр нахь, нэбгырит^Іумэ тиш^Іэтыгъэ, — а^Іуи, ар тельххап^І э аш^Іи, къагъэзэжни шъузым дэжь къек^Іожьыгъэх.

Шъхашыгу ихыгъэу шъузым ра^Іуагъ:

— Чэчанэ щы^Іэжьэп, щы^Іагъэмэ къэдгъотыжьытыгъэ, ихъэдагъэ ышъхашыгу ихыгъэн фае. Чэчанэ фэдэ л^Іым пыш^Іахынхъэр пыш^Іахыншъы, и^Іоф уухын фае, — а^Іуи тыраубытагъ.

Аш тетэу Чэчанэ ихъадагъэ къя^Іэтыгъ. Хэгъэгум исэу хъэдагъэм къек^Іол^Іэтэр ымыухэу, илъесирэ хъэдагъэм пылтыгъэх. Чэчанэ дэк^Іымэ бывымэу къыхырэр цыфыхэмэ аритэу, ахигъэ^Іуадэу, цыфыхэм^І эп^Іи^Ігъу афэхъоу щытыгъ. Арыти, зэр^Іуагъэу щы^Іэр зэк^Іэ ихъэдагъэ къек^Іол^Іагъэх. Анахь ихъэлэлыхэу, ишъэогъу ильыхъуак^Іотыгъэхэр аш фэдизыдже щысыгъэх. Хъэдагъэр заухым, шъузэр ахахьишь, ахэмэ ари^Іуагъ:

— Сихъэдагъэ непэ зэрэшьхъуагъэу, ыужы шъузэритьгъэу, дахэу еш^Іуагъэр сцыгъупшэнэп. Шъузабэу сыкъэнагъэ шъхьеджэ, хэгъэгум шъукъызихъеджэ, шъукъысэмыуал^Іэу, мы чэлыжым шъукъемыуал^Іэмэ, сырырэзэнэп.

Л^Іэу щысыгъэхэмийрэу къя^Іуагъ:

— Чэчанэ и^Іоф тыухыгъэ шъхьеаджэрэ, к^Іалэм ифэшъуашэр къэнагъ. Къызыхъуагъэмрэ непэ къызыэнсигъэмрэ къазыфагу ц^Іэ фаусыгъэп. Йофышко унагъоми и^Іэ хъугъети, ар аш^Іо^Іофыгъэп. Джы тэ ц^Іэ фэтэжъугъэус. Ятэ тиньбджэгъугъ, тихъэлэлтыгъэшь, зэрэшьмыгъупшэным пайджэрэ Чэчанэкъо Чэчан фэтэусыжьы. Зыщыгъэгъурэм ятэ ыц^Іэ къыхафэу, ежыри тимыджаагъоу, ашыджэрэ тыгу рэхъаты ехъул^Іэнэу а ц^Іэр фэтэусы, — а^Іуи, зэдаштагъэ.

Цэ заусыджэрэ джанэ фаш^Іынэр адигэхэмэ яшэнэгъ. Аш яч^Іап^Іэдже:

— Шыкъонтхъы ек^Іунхэу^Іашэ-шъюшэ пчагъэр къытхэрэ^І, — а^Іуишь, зэфэмыдэдже^Іашэ-шъуашэу щы^Іэм изырыз къагъэ^Іылтыгъ. Зыши а ч^Іап^Іэм к^Іалэм къыщыратыгъ.

К^Іалэм ц^Іэ фамыусыгозэгъо илъесиш ыныбжь хъугъагъэ. Янэ к^Іалэр чылэм химыгъахъэу, димыгъэ^Іеу, ымыгъэхъачэраоу ы^Іыгъыгъ, къэхъумэ зыгорэ зэрэхъутым щыгугъэу щытыгъ. Шэпкъ-л^Іэпкъыхэмрэ изек^Іуак^Іэ-и^Ібак^Іэхэмрэ л^Іы зэрэхэ^Іытымдже гугъап^І къыратэу, шъхагъырытышкоу фэхъоу, лъешэу фэубзэу, ына^Іэ тетэу ып^Іугъ. Аш тетызэ к^Іалэм илъес пш^Іык^Іущ ыныбжьэу хъугъэ.

Аш ыужым, зы мафэ горэм, к^Іалэр къыдэ^Іишь, к^Іэлэ джэгумэ ахэхъагъ. К^Іалэхэр зэрэгъэджэгухэу, ежыри яплъэу зыкупрэ щытыгъ. Яхъуапси, ежыри джэгунэу ахэхъагъ. Адэджэгунэу

фежъагъ, ау адрэхэр зэрэджэгухэрэм фэдэу заахахьэм, джэгум хэтыгозрэ зэЛагъэм ЫЭпкъ-лтэпкъхэр зэхицЛагъэх.

Зы щэм къикЛагъэм фэдэу кЛалэу зыхэхъагъэхэр лъэшэу къыфэгубжыгъэх:

— Уянэ укъигъэтхъагъэшь, зыпшЛэжьырэп... Мыщ фэдизэу кЛуачЛэ уиЛэмэ, улъэшымэ, уятэ зыдыщиЛодыгъэр умышЛэу, зыукЛагъэр умышЛэу узпэсэр штыда? — къыраЛуагъ.

КъызэрэраЛуагъэм лъыпытэу, зы гушаЛэ афимышЛэу, кЛалэм къыгъэзэжьишь, ядэжы къэкЛожьыгъ. Лъэшэу чэфынчъэу, сымаджэм фэдэу, епэзээхэу Йыстыгъэ. Янэ арэу къызельгъум:

— Шыид, си-Чечан, къышчишЛагъэр? Усымаджа? КъыоолЛагъэ щыла? Шыид пае удэклыгъ, аш сенэгуегъагъ, сыпкЛырыплъызэптын слъэжЛына? Зыгорэ къыоолЛагъэу къычЛэжЛын? — къыриЛуагъ.

— Зыпари къисэолЛагъэп, зыпарэми сиЛукЛагъэп, скЛоцЛэкЛу мэузышь, зэнтхъ бэджынэ стырырэ шьоу цЛынэрэ зэхэлтээу спкы спЛоигъоу сыгу къэкЛыгъ, — йЛуагъ кЛалэм.

— Ар Ioфа, си-Чечан, фэсшиЛынба, — йЛуагъ яни. ЗиЛэм бэрэ пигъэтныния — къыфишиЛыгъ. Къыфиҳи ыпашхъэ къызрэгъэуцом, кЛалэр хэмийЛэу Йыстыгъэ.

— Шыида адэ, си-Чечан, узыфэмышкэрэр? — янэ къеупчЛыгъ.

— Тян, орырэ сэрырэ тызэдэмышкэу, мы ныбэ уzym сигъэлЛэтыджи, сихэЛэтэп, — риЛуагъ.

— Орырэ сэрырэ тызэдэшкэгъуа? Непэ шыид маф, угу къэкЛыгъэхери штыида? IoфшиЛеныхэри сиЛэх. Ныбжыи, быдзым узыпкЛыжьыгъэмрэ иджырырэ къазыфагу, зы лагъэ тызэдилагъэп. УИлахь шыхъафэу, уишкэндже сыпфэсакЛыгъ. ХякЛэ зиЛэм зэригъашкэрэм фэдэу узгъэшкагъ, усыгъ. Сыуянэми, адыгэ хабзэм унагъомдже бзылъфыгъэм ИэнатЛэу щыфигъэштшошагъэм, орыдже семыбакъоу успугъ. Джыри шыид пае мыхабзэр тиЛэна? Хяктушыкъухэр зэЛэсхыжытыхэшь, сзыптыльынхэри щыЛэхэшь, сэ укъысэмыйжэу шкэ, — йЛуагъ янэ.

— Йухыжь, укъыздэмымышкэу мы шкынэр сымышкындже тхээ сэIo! — Чечанэ щиЛуагъ а ЧапЛэм.

— А кЛэлэ мыхъу, сихэмийЛэ мыхъутымэ, кLo къыбдэсүблэн, — йЛуи, янэ, щитызэ хэЛбэнэу къызэЛабэм, кЛалэр еИи ыЛашхъэ бэджынэ стырым хиЛугъ.

— Сызыфэбгъэстэрэ шыид, узэЛокЛыгъа? — янэ къекууагъ.

— СызэрэоупчЛырэм шыпкъэу хэлтээр къызсымэЛоджэ, пызгъэзындже тхээ щысэIo!

— Сшэрэ осЛондже мы уашхъор тикъан!

Янэ ыЛашхъэ псынкЛэу къыхихыжьи, къызышылтэти пилтэжЛыкЛыжьыгъ, щхыу цЛынэ къызифэжьыгъ.

— Ашыгъум, тян, сызэрэоупчЛытэр ары: непэ кЛалэу сзызиххъагъэмэ сыкъагъэущыгъ, ыджырэ нэсыдже сыгуи къэкЛыгъэп, сэри сыоупчЛыгъэп, ори къисэпЛуагъэп: «Тятэ хэт?» осЛуагъэп, «Тятэ тэдэ щыла?» осЛуагъэп, ори «Уятэ мыр къехъулЛагъ» пЛоу къысэпЛуагъэп. Ау мы кЛалэхэу мыр къысэзыЛуагъэмэ, дэгъоу къысаЛуагъ, сыкъагъэущыгъ. Тятэ къехъулЛагъэр — аукЛыгъэми, атхъалагъэми хэпшЛыкЛырэр къысэпЛот, адрэ къэнэжырэмдже тятэ папкЛэджэрэ сфыхэшЛахъыштүрэм сэ

сеплъыт. Тхъэу озгъІуагъэм къезгъэубытырэр ащ хәпшІыкІырэр къысәпІонэу ары.

— Е, кІэлэ мыгъу, — ыІуагъ янэ. — Уяти сетхъылІагъэп, ори сыбгъэтхъэнәп. Уятэ дәкІымә ильәсырә къэтәу, ащ къыригъэхъоу къыхәкІэу къэтытыгъэ. ГъэршІэм ситәу гъешІэнэр ащ дәсхыыгъ. О укъэхъоу лы узыхъуджэрә, уятэ ылъ пшІэжыныәу, сәри зызгъэпсәфынәу, а хыисапәр фысиІагъ шъхъае, игъом унәсые! Сә синасып зыхэлъэр, ильәсыбә сә згъешІэтми, мәфә тхъагъо симыІенәу ар синэтІерыІу. Иджы сә уасІорәр: ильәс тІокІы горә ныбжым-дҗә нэбгъэсыгъэмә, уиІофыхэри хъазырәу зэхэозгъешІыкІын, уятэ къонтхъэу къыкІэнныгъэу шы-Іашәу къышфэнагъэхәри остыжын, етПанэ къыпфәшъушәр пшІэн! Ыыф ышъхъашъо исымыгъаплъэу, ыыф къыздимишІэу уятэ ипкІэгъуалә чыунәм чIэтәу сә сIыгъыгъ. Уятэ Іашәу иІагъэу, зэштэгъоу къышцинағъэр, ыыф зэрымыхъат унәм ильәу, непә блә згъеунәфәу, сизихъәдҗә о фәслъекІэу, зэзгъәзекІымә, къышыслъәжъэу фәсІыгъыгъ. Игъом улъыкІэхъагъэпшъ, яфәшъушәу зепхъашъунәп — укІаләу уежъэт. Амал сә фысиІәп, ау ощ нәмыкІэу хәты естьн, Іашәрә шыре къэзгъэнәжымә, хэт папкІэ сә сIыгъын? Ахәр о пфәхъазыр.

— Шъыд тятэ иІагъ, — ыІуагъ Чәчанә.

— ЗекІощитІу уятэ иІагъ, Іешә тІо штэгъу иІагъ. Зә ехыжъэгъор уятэ дәкІодыжыгъ, къэнәжыгъэр о остын. УасІорәм къедІуи, уасІорәр бгъәцакІэу, зэрәсІорәм тетәу гъогум узырыкІоджә, пкІэгъуаләр гъуазә хъут. ПкІэгъуаләм уанә теплъхъэу утейстәу узыдәкІиджә, шкомлакІэм укІемыІ, тетІупшыхъагъэу ар гъакІо. Гъогу зэхәкІ уукІагъәджи, яхэзыбгъу емыщәкІ, ежъ зыдебләрәм ар гъакІо. Гъутхъаным фәнацә хъумә, ежъ-ежырәу къеуцу, — умытхъитхъэу ээ гъелланлә, уанәри щә тегъау, ынәкушхъы кІэлъэкІахь. Чәщуапәу къызызуцуджә, уятэ иуцупІагъэм зынәсүдҗә, къышыуцут. Ащ щепсихи, уиш онә къопә пхәдж шыри, шым ептытери хъазыр, ори гъомылапхъэ шыгъымә, ухәІэт. Аугозәрә укІот. ГъогуитПор зышызехәкІирәм «нахыы благъәшь, мыр реcкІон» пIоу шкомлакІэр умыкъудый. ТетІупшыхъагъэу орекІо. Гъогум урыкІозә, егъэзыгъэ ущыуукІэмә, ушхъашыкІэу уемыжъәжъ, уятэ ар ихбзагъәп, плъәпкъы хъоны къыфәмыхъ, хайнапи умышІэ.

Янә игушаIә зэпигъеуи тIэкІурә плъызыагъэ.

— Къэбгъәзәжынышъ, сә услъәгъужын сIоу сышыгугъыжырәп. Шъыда зыпІоджә, укІелащәу уежъагъәшъы, о пк'къырә-лырә уцугъэп. КIуачІэ уиI, гу уиIемә. Пәлыуанә ухъугъэу пк'къы зэрәмыхъуцугъэм, игъом улъыкІемыхъэу узэрежъагъэм ар къысегъяIо. Алахъэм сыхъатмафә ургегъаж! Мы пкІэгъуаләр зыдәхъатәр хэт щыщыми, уятэ ишъеогъу хъаләләу изекІуапІеу щытыгъ. Уятэ зао ІукІодагъәп, пчъІуи ІукІодагъәп. ЗәкІодылІэгъэн фаер ишъеогъу. НэбгыритІу ащ икІодыкІэ зәдашІэтыгъэмә, лъыхъуакІо ежъагъэмә къагъотытыгъэ. Шъыд иIэкІэкІодакІеми, мы пкІэгъуаләм бысым пфишІырәр ары уятэ кІодыпІеу фәхъугъэр. Арышъ, узынәсүдҗә, епшІэтәр о къепшІэн, епшІэшүүрәри о плъәгъун, — къыриІуагъ янэ.

Къытыригъәпсаҳы, игъомыли зепхъанджә мыхъылтэу ишкындҗәрә федәу, зекІо гъомлапхъэм ишЫкІэ фәIазети, къыфишIи, янә кІаләр къыдитІупшыгъ.

Гъогум къытхъагъэу макІо джы. КІалэм зыдақІорә ышІэрәп, пкІэгъуаләм ехы. Еомә кІозэгъо, чәш зыщыхъурәм шәр къеуцимә, мәйсты, нәфшъагъо охъуфә зегъепсәфы. Аугозә чыжъэу кІуагъэ. Іушъхъэ горәм зыщынәсыным, занкІэу зәпырыпльымә, чылә горә кІэим исәу ылъэгъоу ІукІагъ. Жъабгъумдже зы гъогум кІоу, сәмәгум зы гъогум кІоу ылъэгъугъ. Ау гъогоу пкІэгъуаләр зәрыкІорәм Іушъхъэр къыуахъэу, зәрилъэгъурәм нахъ чыжъэу кІалэм шІошЫигъ. Сәмәгумдже кІорә гъогур нахъ благъэу кІалэм шІошЫигъ. Сәмәгумдже кІорә гъогур благъэу кІаләр еплъи, пкІэгъуаләр жъабгъум техъи шъхъай, къылуантІишъ, сәмәгу гъогум къытхъагъ. ПкІэгъуаләр жъабгъум енәцІеу, а лъэнүкъом къыдиІонтІехымә къымыгъакІоу зыкупрә кІуагъэ. Янә ыІуагъэр ыту къэкІыжы: «ЕІ, спІэрәр!» ыІуи, пкІэгъуаләр къызетІупщым, гъогунчъеджә къыгъэзагъ.

А Іушъхъэу зыготым пәнә шъхъадәхәр, уды панәджә адыгә-хәр заджәрәм фәдәу, ычІэгъыхәр кІэхъоу, ышъхъапәджә зәуалІэу Іужъоу тетыгъ. Аңымә къызахахъэм, пкІэгъуаләр зәхацутихъэу, панәхәр къызәптихъузә, жъабгъу гъогум къытхъажыгъ. КІаләр зыдәплтыхъжы, ипкІэгъуалә лъэр къечъәхәу, панәм къызәхицунтхъагъэу, къызельтәгъум, а чапІэм щепсихыгъ. Шәбые ІапІехәр къышыритхъи, пкІэгъуаләм тельәкІахыгъ.

КІалэм лъешәу ыту хәкІыгъ.

— Тянә къысиІуагъэм сыйэрәдәхыгъем пкІэгъуаләр хәсцутихъагъ. Хъэзаби щесхыгъ, — ыІуишъ, иныбәпхыхәри шигъэланли, ипкІэгъуали жыы къыригъаши, шыІупхъэ тІэкІу а чыпІальэм къышыритыгъ. Ежыри тІэкІу къызыІуилхъагъ. Къәшәсүжы, иашәмә ахәупхъуахъыжы, пкІэгъуаләр ытІупщыгъ.

Гъогум занкІэу рыкІозә, шыу жъонт макъәхәр зәхихыгъәх. КІаләр къэтхъэоягъ. Шъузыщә орәдыІо фәдәхәри къызәхихәу, тхъэусыхә макъәхәри къызәхихәу хъугъә. А күпым ІукІагъ. Иныхәу драгунхәу, шыу тІокІиту зәрәхъакъу-жъокъухәу күм ышә итых. Коу аужы итым шиш кІэшІагъ. Инәу, джадәу зы шао қуплІәм дәс. А шаом нахъи нахъ иныхәу күкІэм нәбгыритІу исыхәу, яшанәу зы бзылъфыгъә ащ айыгъ. Бзылъфыгъәу ащ айыгъым щыШым щыгъын къышымынагъэу, зәхәцутихъагъэу, ышъхъацхәр зәІехъагъэу нәбгыритІумә зәпаіыгъ. Арәу щытәу кІаләр аІукІагъ.

КІаләр къабләкІоти, тІэкІурә къэкІотагъэу, чыыегъә къәушыжыгъем фәдәу, зәкІэм къәлтәтагъ:

— Ыхъы, тянә къысиІуагъэр, апәрәу сыйышыІукІагъэм, бләсәгъәкІы, итІуанә шъыд спІэжына? Тяти хъон къифәсхъэу, тяни ыІуагъэр зысымышІеджә, сә шъыд спІэшъунәу сыйже-жъагъ? — ыІуи, пкІэгъуаләм къыІуІи, кІәпщы оғуу къышырихи, къыгъази къалбәжъагъ.

Къызежъагъәмәрә джырә къазфагу пкІэгъуаләм емыуагъэу а чапІэм къышыхаом, пкІэгъуаләр зәкІоцЫчәу, ыжә зәкІэгъэзыгъэу, мәшІуашәр жәм къыдихәу, хъашхъурәІум фәдәу кІаләр къатефәрзагъ.

— Ыхъы, күп, гъогум мафә шъуежъ апши! — ыІуишъ, күпмә къариІуагъ.

— Тхъеуегъәпсәу, кІал! — къыраІуагъ күм исхәмә. Бзылъфыгъем зи къыІуагъәп.

— Адэ, ыджы шъузэфаеу шъокІожымэ, мы бзыльфыгъэр нэтхъепатхъи, шъыда къехъулІагъэр? Зыгорэм ыштэгъагъэу къешъохъыжымэ, шъузышэ орэд къыфешъоІо, къешъощэу шъукъекІожымы, мы бзыльфыгъэр шъыдэу пщІана? — а чІапІэм къашеупчІыгъ.

— Шъыда о узыхэтэр, уигъогу шъыд пае утекІыра? УимыІофы шъыд пае уахъэрэ? — къираІуагъ дысы хазырэу.

— Ар сэ сиІоф, сызыкІеупчІэн фаем сыкъырихыылІагъешты, аш сэ сыблэкІытэп. УпчІагъуи шъусшІыжырэп, къэзыІотым ыльэныкъо зызгъэээн. Мыщ фэдэу куп зызэрихыылІэджэрэ тхъакъуфагъэ зэратыжырэ хабзэ сІуагъэ шъхье, адыгагъэр къэжъугъотыжытэп, цыфыгъи къышъухэфэжытэп шъо. Ыхъы, ыджы сыштоупчІыжырэп шъо, къаІо мыдэ, о — ыІуагъ Чэчаныкъо Чэчан бзыльфыгъэм зыфигъази. — О сызэрэхаплъэрэмдже, пшІомыигъоу мы купымэ уахъэу ары. Уахъымэ, спхъэрэ спсэрэ згъэІылтыт, умыщиин, умыукІыт, Іофэр зытетэр къысаІу, — ыПуи, бзыльфыгъэм риІуагъ.

— А кІал, Тхъэм шІу къыпфешІ, Алахъэм уеузэнкІ — къыІуагъ бзыльфыгъэм. — УкІал о, уныбжы уапэ къэт. Сэ папкІэджэ заІэкІэммыгъекІуад, мыгъуагъэу сэрджи хъун. Мыщ якІодылІагъэм боу лыхъужь ахэтыгъ, ау амал афэхъугъэп нахь. Разэ сэ сышІытымэ, сапашхъэ зырямыгъэукІахъ, гутъоу сиІэм ори закъыхэммыгъахъу. Узщыщ сэ сымышІэу, шъыдэу хъумэ узгъекІодын, къисфэшигъахэджэ исэгъэкъу.

— УиІоф зытетэр спІагъэмэ, аш нахьыбэ сэ сифэягъэп, — ыІуагъ кІалэм.

ЯтІуанэ купым зафигъээжы, мырэуштэу ариІуагъ:

— ЛъэІор згъэІылтыгъешты, ыджы лыгъэ-лыгъэм тыхэхъагъ. Шъо шъулЫимэ, ар шъущэн, сэ сымышІимэ, шъозгъэшэнэп, — ыПуишъ, апэджэ къеуцугъ.

— Шъуашыщ горэм Іэ пытыба! — ыПуишъы, кум исымэ анахъыжъэу а Іофэр зээгъэфагъэу, а бзыльфыгъэр язгъахъырэм, купым къариІуагъ. Мыщ тызфигъэгужьоу, Іофэу къыддыриІэр къежъугъахомэ хъутыба?

Ар къызареІом, ашыщ горэ шкончыпэр къымыгъазэу, шкончы дахъэр къыфигъязэшь, кІалэм къеуагъ.

— Аш щышъублагъ ыдж! — ыПуишъ, кІалэм ичатэ къырихи, къеуагъэм зи римыІоу, кор ежъэмэ мыкІожынэу, ку зэкІешІагъэу щытым постромкэу пылтыхэр еуи зэпиупкІыгъэх. Аш къышадибли, кІалэр ашПокІалэу пшІэнджеэрэ рамыпсэу, а чыпІалъэм къашыхахъишъ, шуу тлокІитІор щиукІыгъ.

КІалэр пельуан гъэнэфагъэу щытыти, зэогъу къыфыримыкъухэу купэр хъэлэчы зэхишІахъыгъ. Зэоным ар зыфежъэм, пкІэгъуалэр хъашхъурэІоу, шкомылакІэм фэмыубытыжъэу, апэм зыПутигъэ гъэзэуатэр ыту къэкІыгъыгъэм фэдэу, кІалэм хишІахъыгъэм фэдиз пкІэгъуалэми шыбгъэдже зэщиутызэ, хишІахъыгъ плонэу щытыгъ. Укъаплъэмэ зэоным лъэшэу фэгъэпсыгъэу, пыим игохъекІэ-гокІыжыкІэдже кІалэм нахьи нахь гъэсагъэ плонэу пкІэгъуалэр щызекІуагъ. Кум ис нэбгыришцэри а чыпІалъэм къышциукІыгъ. Еїэбэхишъ, бзыльфыгъэр къыздиштагъ, икІакІо къыришкІи, ыкІокІыригъэИыстишъ, кІалэр къежъэжъыгъ.

ПкІэгъулэр гъогум техъажыгъ. Бзыльфыгъэм «Тэ сипхыт?» ыIуагъеп, кІалэм «Тэ усхыт?» ыIуагъеп. Ареу къызынэсихэм, кІалэр чыләм къыIупльагъ. Чыләу къызыдэпльагъэм ыгузэгум щау горәм цЫфхэр Iуизэу, хэгъуашъхэм къесәу цЫфхэр урамым темыфәу тизэу ылъэгъугъ.

Ащ фәдиз цЫфэр зыдэт урамым къафиузэнкIи, пкІэгъулэр ащ къекIугъ. ЗанкIэу гъогум тетэу цЫфымэ къахехъагъ. Щыхъугъэри ымышIэу, кІалэр купмә ахэплъахъэу къакIоцIырекIы. Щыфэр зэрэIужъоу, икIахыгъэджэрә урамым дафэрәп, зы Iэгушко горәм дәмыфәу дэт. Унәми из, щызэблэкIыхэу, лъешэу гумәкIыхэу фыжъыхэри зэрахъэу, щыуанхэри ащ рахылIэу, хъакIеңчым зәкIэ екIухэу щытыгъ.

Шэр кIуишь занкIэу а цЫф гумәкIышкор зыдэт Iэгум дахьи, шышIоум еуцолIагъ. Ащ лъышытэу кІалэр къеIебәхи бзыльфыгъэр зегъеуцум, цЫф ылъэгъундже пцIанэу щытыти, бзыльфыгъэм зиуфишь, купэу ау дәтымә ахэхъушъутишь, унәшком ильэдәжъигъ.

КІалэр ау щепсыхи, иши шышIоум шIуидзишь, исәшкуи ыухъазыри, ишкончи зә еIэжъишь:

– Ыхъы, ыдж сыкъызынәсигъэр тятэ икIодыпI. Мы заулэр зыфызэблэкIэу, мы заулэр зик'улык'ушIэр арын фае, ау зыхъуджэрә сыйэрихъагъэм лъышытэу сеонышты сүукIын, – ыIуишь, кІалэм ыгу къихъагъ.

Адэ цЫфәу дәтыхэмә, бырысырәу зыхэтыхэмдҗэрә, ежымә ашыщ ашIошIэу гу лъамытэу, кІалэр унәм ихъагъ. Унәу зерыхъагъэм джәхашъом инәу, джадәу зыгорә телъ. Джәхашъом тельым сәшко тыкъо имыIэу, мыйIагъэу Iапә зытефән имыIэжъэу ау щытэу ылъэгъугъ. Iаэхәри зәкIэ ышъихъагъы итыхэу, фыжъыхэри щызэIатхъэу, сабыны тхъубәхәри щашIыхэу, анатIи пкIатIэ къехэу купымә къазыхапльэм:

– Ыхъы, ыдж мы сыкъызэрихылIагъэр лы укIыгъах. Мыр сәукIыжъыдҗэрә тятэ папкIеджэрә укIыгъеджә аштэнәп. Ләмә, сиIоф сүухыгъэ, зыхъужъыдҗә сүукIын, – ыIуагъ кІалэм ыгуджә Ау щытэу ыIуи, хэгъэрәйним хәхъажыгъ.

Ащ тетэу ежыри Iутэу, еIазэхәри еIазэу, ежыри а зэрэхгъырәим тетэу ильэсирә уIагъэм екIэпщагъ. Ләу зэIазэхәрәр Чәчанәкъо Чәчаным ышIэтыгъеп. Ау къызәраIуагъэмдҗә – нарт Шэбартынык'у.

ИуIагъэхәр нахышиIу хъуи, ыгуджи нахь псынкIэу къехъуи, бәщ ыIыгъымә, Iагум къикIын ылъэкIэу къызэхъум ыужы, зы мафә фәдиз щышIагъэу, «Унәшком ылъэныкъо зә сыкъәплъэн» ыIуишь, Шэбартынык'ор кIуагъэ. КIуи, унәм зехъэм, ущ фәдиз Iофер къызыфехъулIагъэу, хъәләчы зытехъуахыгъэ шъузэр исәу унәм рилъэгъугъ.

– Шыидәу хъумә укъекIожыгъ, тэди укъикIожыгъа? – ыIуи, ыгъешIагъоу шъузым еупчIыгъ Шэбартынык'ор.

– Ай нахыидҗэрә пшIэрәба? – къыIуагъ шъузым. – Сэр-сэрэу сыкъекIожын слъекIытыгъэмә, зязгъахыныя! О плъекIытыгъагъэмә, шъыд папкIэ сябгъахыгъа? Ай нахыидҗэрә хъугъэм зи хәмышиIыкIэу, хъакIэу уиIәм гу лъымытэу, ильэсым къыдафәу бләбгъекIыгъэ заулэр шъыдәу хъумә пфәшщIагъ?

ХъакІэу уиІэр пиІэрэба? Чэчанэ зытесытыгъэ пиІэгъуалэр мы шэцым ит. Ай кІалэу тесэр къакІуишъ, ушпихэмэ алъэпкъ къымыгъанэу ыухи, хъэ сщитхъын къысщымынагъэу сакъыхыхыжъи, икГакІо къысищэкІишъ, ишкомлакІэ къыкІэмы-Іэу занкІэу сыкъихыхыжъыгъ. А кІалэу сыкъэзыхыхыжъыгъэр, тэди къыпфэрэкІ, Чэчанэ ымыкъомэ, ышІагъэм фэдэ цыиф ышІэн ыльэкІытэп. Ифэшъуашэджэ шІуфэси емыхыгъэу, сэлами емыхыгъэу, ащ фэдиз мэфэл щышІагъэмэ, узауІэм уаукІыгъэмэ, нахьышІугъ. Хъэнапэр тэ къэтхыыгъ. Шъыдэу хъумэ пфэщэІагъ! – къыриІуагъ шъузым.

– Мы къэпІуагъэр шъыдэу шІагъу! Мы унэм сыкъызехъэм, устьэгъун сихьисапэу, мыш о узэрисэр сэ спшІагъэу сыкъакІоу сыкъихъагъэп. Тлъэпкъыдже тэ тимыхабзэу «сишъузы шъыд къехъулІ?» сюу хэты сеупчыни? Сыкъэхъужымэ, сэ сиІофы ыужыпкъэ сихъажынэу, сымыхъужымэ, сиІофы хэспІахын шымыІэжъэу ащ тетэу сышытыгъ. Ідже, сэ къызнэсырэмджэ, хъызымэтэу сэ спылтымрэ цыифэу къыспекІокІырэмэ гъомылап-хъэу къакІэлтыкІорэр, афэшъуашэ къыщымыкІэу, зы щыкІагъи афэмыхъоу, мафэ къесыми ащ тетэу, зэлъышытэу къызэрэкІорэр згъешІагъоу, ар къэзышІырэр зэзгъэлъэгъунэу, тхъеугъэпсэу ащ есІонэу а унашъомдже сыкъэкІуагъэ нахь, о уисми сэ спшІагъэп. Ау ыдже Чэчанэ ишкІэгъуалэ, пиІэжъыгъэр шъыпкъэу, мы шэцыхъым ислэгъотымэ, ар сэrdже гушІогъошку. Ашыгъум къинэу сиІэри стезыжъыгъэу хъун, гутъоу сиІэри сцыгъупшэн, ынэпашъуи Іэ шысфэн, – ыІуишъ, Орзэмэджыкъо Шэбартныкъо шэцым кІуагъэ.

ИшитІуи, ащ ягъусэу, пиІэгъуалэри ащ ящэу, ящыкІагъэ къыфэмымэтэу щэцым итэу зельэгъухэм, къыІуиути ай щыгъыгъ. Шэбартныкъо пиІэгъуалэм зырищэкІишъ, къимыкІыжъэу гъынным фежъагъ. Гъы макъэ къэІу зэхъум хъакІэцым итымэ зэхахыгъэ, хэгъырэхэри къынэсыгъэх.

– Шъыд къэхъуи, Шэбартныкъу, шъыда угу къэзыкъутагъэри, къыпшышІыгъэри шъыды гукъау? – къеупчыгъэх.

– Мы пиІэгъуалэу сэ слъэгъурэр Чэчанэм ишыгъ. Гъэзэуати бэу зыдэсшІагъэу, былымыби зыдэзгъотыгъэу, ныбджэгъоу сэ сиІагъэмэ бэджэ апэ итэу слъэгъоу щытыгъэ Чэчанэ иш мэр. Джы мы шэр зысэлъэгъум, Чэчанэ ихъадэ непэ сыштхъарыхъагъэм фэдэу, сыгухэр къэкъутагъ. Сызыфэгъырэр аары, – къариІуагъ.

Шэбатныкъо ыблыпкъ къаубытишъ, шэцым къыращыжъыгъ, хъакІэцым къащэжъыгъ.

– О фэсапщи, сишъао! – ыІуишъ, Шэбартныкъо хъакІэцым къызехъажым, шІуфэс кІалэм къырихыгъ. – Непэ блэкІыгъэ Іофэу, шхъакІэфагъэу о осымыхыгъэмджэ, шІуфэсэу осІожъытымдже блэкІыгъэ мэфэ пчъагъэм сытемыгъэкІуад. Чэчанэ слъэгъу-жыгъэм фэд, – ыІуишъ, кІалэм ІаплI рищэкІыгъ.

– Бхы, нарт Шэбартныкъу, къебгъэжъагъэшъ, мы къэбарам ик'удже тырыгущэІэн фае. Къэбарэр къызебгъэжъагъэдже ыныкъо къэбгъэнэжъынэу, ятІуанэрэ къегъэжъагъум сыгуджэ сиғэчэфэп. О къебгъэжъагъэшъ, Іофэу щыІэр къыослон. Іджеши сшІопэсаІоу, а Іофым зыфэсІажэу, нахьышІуо узыхъужъэу, игъом лъыкІэзгъахъэу, а къэбарым ыштхъашыгу къыпфисхы сшІопигъуагъэ шхъае, ыдже къэуублэгъахэшъ, моу къедэІу, –

ыIуагъ Чэчанекъо Чэчанэм. – ТIo уцугъоджэ съоупчыт. Сызэрэоупчытэр: тятэ зыщыкIодыгъэмрэ тятэ зэкIодылIагъэмрэ штыпкъеджэ къысэпIонэу унашьо къыбдесэшы. Мы Iофымджэ штыпкъэ къапIоми, ащыджи усыукIынэу сыгуджэ сиунашьо. А Iофым пцIы къепIулIэми, ащыджи усыукIынэу ары. Ар штыда пIомэ, штыпкъэм тетэу къызысэпIуатеджэ, тятэ пIэкIэкIодагъэу а къэбарэр о къэпIот. Ау щытэу къызыспIуатеджэ сэ усыукIыт. ПцIы къызысфэуусыджи, ащыджи усыукIыт. Ар штыда къызыспIоджэ, тятэ хэгъэгуйтIу къызэпичэу ящанэрэм къызехъэм, о уриныбджэгъоу мыш ущысэу, о щэхъу имыкIуапIэу зэрэцьыгъэмджэ, о нэмыхкI кIодыпIэ фэхъугъэп. Тятэ зао Iутэу хэкIодагъэмэ, цыфыбэмэ зэлъашIэтыгъагъэ. Тятэ о пIэкIэкIодагъэшь, а Iофым сыйфэшчэп. Ой нэмыхкIэу ар зышIэрэ дунаим тетыгъэмэ, ыджы нэсифэ къэтшIэтыгъагъэ. А Iофым уеуцуалIэми, ащыджэ усыукIыт. А Iофым пцIы епIуалIэми, усIэкIэкIэу зыми укIотэп, – ыIуагъ.

– Чэчанекъо Чэчан, бэу штыпкъэ къыосIон, – ыIуагъ Шэбартныкъо, – сымысэмэ, сывукIыт, сыхыемэ, о уеплъын. Сихъакъэу къысфэплъэгъурэмджэ сэ спхъэджэ сырыраз. Чэчанэ пае сыкIодытымэ, лыузыгъо сэ фысиIэп. Бэу сыйфэгоЙагъ, бэу ыуж ситыгъ, амал сыйфэхъугъэп нахь. Iофэр зэрэшьтэр, зэрэхъугъэр къыосIонышьы, а къэбарым о къедэIу.

Чэчанэ сихъэлэлэу, Чэчанэ сизекIогъоу, къежъэмэ къысэкIуалIэу, хъункIэ тшIыми тызэгъусэу, пыи тиIэми тызэдеоу, ау щытэу тыхэтыгъ. Ау щыттызэ, Чэчанэ сигъусэу альпым ишылъэпкъэу шыбэ чIапIэ горэм щыIэу тыутIэсхъи, амалы тыфэмыхъоу лъэшэу бэрэ тэ текIугъ. Ау щытэу текIуалIэгозэрэ, ыужыпкъэ уимыхкIхэмэ, итIэсхъапIэ пIэкIэмыхъэ хъуна, ащышэу зэ екIолIэгъум шыхэр тэ къетфыжъагъ. Шыпэм сэ сышыIэу, Чэчанэ шуужым щыIэу къэтфэу тыкъэкIожызэ, шыу горэ сапэджэ къэкишь къысIуакIагъ.

– Фэсыжь апши, Шэбартныкъу! – а чIапIэм къысиIуагъ.

– Ахад, сикIал! – зесэIом,

– Тхъэм шъушхъапэ ешI! – къысиIуи къызблэкIыгъ.

Сэ къызблэкIи, Чэчанэ дэжь къызынэсым, шуужым ар гъэзагъэу къакIоти:

– Ахад, сикIал! – къыриIуагъ аши.

– Тхъэуегъэпсэу, Чэчан! – ыIуишь, ыIапэ къыубытын фэдэу къекIолIагъ. Ау ыIапэ къымыубытэу, къэлаби пайор щихишь, кIэлэ шыор ежъэжьыгъ.

– Шыд мыш сэ къысишIэрэр! – ыIуи, Чэчанэ лъигъазишь, кIэлэ шум лъежъагъ. Сэ сыйкъызэплъэкIи а шум сэри сылъежъагъ. Сэри салъыкIэмыхъэу, Чэчани ащ кIэмыхъэу, кIалэм иш ымытПүпшыпэу къыIуубытагъэу, Чэчанэ кIэхъаным щыгугъэу лъычъээ, Чэчанэ слакIиши, чыжъашэ сферхъугъэх. ШыуитIуми салъыплъэмэ ерагъэу слъэгъоу, аущтэу салъычъээ, кIэлэ шыор къеуцуишь, Чэчанэ зыголъадэм, къеIи си-Чэчанэр онэгум къырипхъотишь ышти, ежъэжьыгъ.

– AI, мыш, къытишIагъэр! Пайор Iофыжья, лIэр тшIуехьы! – сIуи, бгъуитIу кIэпшэу сэри сылъежъагъ. Чэчанэ зыIэкIахъэм, кIалэр шэу зытесыгъэр ошъуапшэм къыхэмышэу, нэрыплъэджи сымылъэгъуным фэдэу, ащ тетэу ежъэжьыгъ. Шы ужым сры-

чъэу, ау нэмыкI сымылтъэгъужызз, хы тIуалэ горэм сыдэхъагь. Шы ужэр ай нэзгъесыгь. Ужэр ащ есфылIишь, сыхэхъаным сыщыщиnэу, сывтыхъомэ сымыгъотэу, икIыпIэ сымылтъэгъоу сыкъыЦунагь.

Ужы закъоу хэхъажыгъэр а чапIэм щызгъэнафи, сиIукIы-мэ сиIухъажьэу, къыхэкIыпIи сымылтъэгъоу, гъомылапхъэу сыгъгъэр а чапIэм щысыухи, шэу сэ сзытесыри щысшкыжыгь.

Амал сиfэмыхъоу гъаблэ сигъалIэу, джэуап симыIэжъэу хъуишь, къэзгъээжы губгъом сиkъихъажьишь, сиuanэ кIыбы-рыхъэу, Алахъэр къысэуагъэу сиkъекIожыгь. Шы кортэу къет-фыжъагъэхэри шъофым итэкъуахыгъэхэу, хэкIопкIэ-хэкIуап-кIэу зэбгырызыгъэхэу сакъыIукIэжъыгь. Зы шы щысыубыти, а чапIэм щысыукIыгь. ТэкIури сиkъышыIи, шылы корти къышызгъэгъугь. Зыш къэсыубытишь, сиkъекIэси, шыл гъомылапхъэри дэсIыгъэу, шым сытесэу сиkъежъэжы сиkъэ-кIожыгь.

Зы мазэрэ зызгъэпсэфи, гъомлапхъэхэри язгъашIи, сиIашэ-джи сиzзупхъужы, етIуанэ Чэchanэ сирильыхъуакIоу сежъагь. А чыпIалъэу, а хым шы ужэр зыщиIухъагъэ чапIэр згъэнэфагъэти, сеkIужыгь. Шы ужэу Iухъагъэр жы хъотым зэрихъэрэ пшахъом ыгъэсэижьыгъагъэ шъхъае, шым ыуж зынэсыгъагъэм мыжъохэр щызгъэIылтыешь, сеkIолIэжкын симорадти, згъэнэфэгъагъэ. КъыхэкIыгъэу е хэхъажыгъэу шы уж иIэмэ зэрэсшIеным папкIэджэрэ згъэнэфагъэти, а чапIэм сеkIужыгь. Зы шы ужи, зы цыф ужи а чыпIалъэм къыхэкIыгъэуи, хэхъажыгъэуи, аперэ мафэм еслэгъулIагъэм инэпэмыкI, есмылтъэгъулIэу ай тетэу хъугъэ.

ЕтIуанэ, сэ къысфыхэмыгъэшими, зы икIыгъо горэ мыш иIэмэ, ыхэми ывштэми езгъотылIэмэ сIуишь, чэц хъумэ сиIыстэу, мафэ хъумэ ыуж ситеу, ау щытэу зы ильэс охъуфэ ыужы ситыгь. Хым си-хахъэу сиzзэпирокIыштугъэп. КъикIыгъэу цыф еслэгъулIагъэп. НэбгыритIоу Чэchanэрэ сэрырэ тызэкIыгъоу зыщэтым, уахътэджэ а кIалэр загъорэ къытихъылIэу къыхэкIыгъагь. Ау ыужышкъэджи, ыпэджи, Чэchanэ зысшIокIодым ыуж, кIалэм сиtеплъэжыгъэп.

А сиkIал, Чэchanэ папкIэджэ сиоукIыджэрэ сиl мыузыжы-нэу сиgоIагь. Къин тесльэгъуагь. Мы къэсIуагъэр, шышикъэу зэ-рэштэтиар арышты, къыосэIо, ыджы къызынэсыгъэмджи, непэрэ лыузыгъоу къысэнэсыгъэми сицигъэгъупшэнэп ар. Ныбджэгъу-гъэу къысфыриIагъэм папкIэджэрэ, шышикъагъэджэ къызэрэсго-тыгъэмджэ, жы къасщэмэ, сигу къыхао. Ащ пае сиkIодыджэрэ сиl мыузынэу сищыт. Ау Чэchanэ ыуж къызэрифэнэу, ощ фэдэ горэ къыкIэнэгъэми сэри сарэуkI, Чэchanи орэкIоды еблэми. Ащ ылъ о пишIэжкын. ПишIошты хъумэ, Чэchanэ къехъулIагъэр, сэ зыщиизбгъодэкIыгъэмрэ ибгъодэкIыкIэ хъугъэмрэ джаары. ПишIошты мыхъурэмэ, къысэншIэн о зыфапIорэм уфит, – ыIуишь, нарт Шэбартнык'о къэбарэр къыхуигь.

– Адэ, Шэбартнык'у, чапIэр сэбгъэлтэгъун плъэкIына? – Чэchanэк'о Чэchanэр еупчIыгь.

– Бэу озгъэлтэгъун, сиkIал. Ау ыдж дэдэм шым сеkIупэу, Iашэ сиgгын слъэкIынэу сищытэп. КIуачIэрэ гъэретырэ тIэкIу къэзгъотыжыIомэ, тежъэн, Алахъэм сыхатмафэ тыргъажь.

Мэзихы фэдизырэ ащ ыужым щысыгъэх. Шэбартныкъо узэу иЦэрэ уЦагъэу тетхэмрэ хъужьишты, ыкЦуачЦэ къихъажы, шым тэйстэн ыльтэкЦы зэхъум, етЦуанэ ауштэу кЦалэм риЦуагь:

— Ыхы, сикЦал, ыджы скЦуачЦи къихъажыгь, сиузхэри схэкЦыжыгъэх, гъомылапхъэ ядгъэухъазырынышь, тежъэн. Тицхэмэ штыд яыгъыкЦагь сюу суюупчЦырэп, зэфэшЦу гъэпсыгъэу о пыгъыгъэхшты, уанэ ательхи ухъазырых. Сэ сиЦашэхэри дагъэ езгъэшьон, ситехъутэи тесльхъан, сиашьни зышыслээн, сикондэгъхэри къэсштэн.

Шымрэ уанэмрэ Чэчаныкъо Чэчанэр афежъагь. Шэбартныкъо ягуашэ гъомылэпхъэ шынэр арти зэсагъэр, зепхъанджэ мыхылтьэу, пшкынджэ федэ хэлтээу, зекЦолПымэ афашиЦэу гъомлапхъэ льэпкъэу щыЦэр афишиЦишь, Галтмэкъымэ къарилхъагь.

Яшыхэмэ уанэ атырилхъагъэти, нэбгыритЦори зэдэшэсныгъэх. Игум зышыдэкЦынхэм, Чэчанэкъо Чэчанэ сэмэгумджэ къэуцугь.

— А сикЦал, — ыЦуагь Шэбартныкъо, — непэ уятэ уричЦапI, тышэсэу тызэдэжъэмэ, сижъабгүуджэ ар щытэу мы къэблачьэм тыдэкЦытагь. Ащ ычЦапI э о уйтэу, ащ тетэу джыри тыдэкЦын.

— Ихьау, Шэбартныкъу, тята дахэ епЦуагъэмэ, нахыжъыгъэ епхыгъэмэ, ар ащ фэвшагь. Непэ сэ сзыздэшьтэр сымышЦэнэр емыкЦу хъун. Къапльэрэм тыкъильэгъоу, ау щытэу тызыдэкЦыджеэр эмыкЦу сэ сыхъун, «шъхъаубат» къысалон. Ари сэ фэшшэтэп, сишЦэни сытекЦытэп, — ыЦуи, Чэчанэкъо Чэчанэм ыдагъэп.

— Ащыгъум, сикЦал, штыд пае тышызэнэкъокъун? Хъунба арау оЮми, — ыЦуишь, Шэбартныкъо жьабгъум щытэу, Чэчаныкъо Чэчанэ исэмэгуджэ щытэу ежъагъэх.

Ежы, кЦохэзэгъо, мэзэ пчъагъа, мэфэ пчъагъа зэрэкЦуагъэхэр — нэсигъэх штыдми, еуишь хы тЦуалэм дэхъагъэх. Гъогужъхэри хэкЦоцагъэхэу, ерагъэу къыхигъэшьжы, Шэбартныкъо шы ужэр зынигъэсигъагъэм рищэлЦэжьыгь.

— Мо еплэ зэ, сикЦал, — ыЦуагь Шэбартныкъо, — мыжъуитЦор мыш ыЧэгъоу, мыдырэ мыжъор ащ ыкЦыЦу зэблэсэйдзи згъэллыгъэх. Лы кЦочаджэ къырихъылЦэдже еЦэу зэшимиыхынэу ащ фэдиз яинагъэу, хэмыхыкЦуакЦэ спЦоигъоджэ зэтесльхъагь. Ыджи, мы плъэгъурэ мыжъошком ичынатЦэу шыу ужэр хэкЦодагь. Етпэсигтэр о къяло ыдж. Ащ ыужым къехъулЦагъэм хэшЦыкI сэ фысиЦэп. Ау сэ, сымыгъотыхэ зэхъум, зэрэшЦошЦыгъэр: мы хым хэфагъэу, ши лИ хэкЦодагъэу сЦуишь, ау щытэу згъэллыжьыгъагъэ.

— Ыхы, Шэбартныкъу, ыджы ащ еспэсирэр къыослон, — ыЦуагь кЦалэм, — тята птезыхыгъэр мы хым къикЦыгъ, ар зытесигъэр шы, зыхыгъэри хъульфыгь — сеонышты сыхэхъат. Сиши сзыэптихэу адырабгъу сэ сзыыхъуджэ, щыЦэхэмэ — къэзгъотын. Унашьоу сэ къыбдэшЦырэр: мы чЦапIэм, гъомылапхъэу о пыгъэр оухыфэдже, ушысигт. Сэ сыкъэтызэ, уигъомылапхъэ зыуухыдже, уиш укЦыри мы чыпЦалъэм щышк. А заулэр оухыфэдже, сыпсаумэ — сыкъэкЦожын. Е тята къэзгъотын, е зыукЦыгъэр сыукЦын. Ылъапсэ сэ къэшЦэн! Зыгорэдже сыкъаукЦыкъомэ, сэ укъысажэу ушысина, гъомылапхъэр зыу-

ухыдже, сэц паеджэ зыбгъалІэ хъутэп, пишхъэ фэшІу о ихважь. Сэ синатІэ итхагъэр къысэхъулІэн.

— КъэпІогъаха, сикІал, а Іофым ешилІэтэр? — ыIуишь, нарт Шэбартныкъо кІалэм къеупчIыгъ.

— КъэсІогъах, — ыIуагъ адрэм.

— Мыщ уеоу узыхахъеджэ, мы чIышІальэм сицысытэп, — ыIуагъ етІанэ нарт Шэбартныкъо.

— Адэ шьыд о пишІэтэр?

— Ай сэ хэсІахытэр, сикІал, мы хым узыхахъеджэ, сэри сицыххэят, уиш ыужы сицыхыркIот. Шэу о узытесым хэр зэпкъигъэут. Шым псэр ау щитэу зикъутэдже, сиш нахь кIочІаджэ шъхай, гъэрет ришилІэт. Ори, сицаплъэмэ укъэслтэгъоу, ухэкIуадэми къэслтэгъунэу уауж ситыт. Къаигъагъеджэ сицпэгъокIырэп, ау сицыхэмэгъэхъанэу зыпIоджэрэ, мы чIапІэм сицыуукIыт, армырымэ сирыразэп, — ыIуи, нарт Шэбартныкъор уцуугъэ.

— Хъун, Шэбартныкъу, — ыIуагъ кІалэм, — улIыгжъ, уузкIэзыжь, гъэрет еумышIылIакъомэ, ухэкIодакъомэ сэло нахь, гъусэдже усмыштэу арэп.

Хэхъаным тыраубытэхи, яныбэпхыхэри агъэпытаагъ, ягъомылапхъэхэри аIатыгъ, якIакIохэри зыкIаупкIагъ. Якъамыщхэр аутIуакIи, яшыпштэ хаохээ, пкIэгъуалэр ыпэ итэу, Шэбартныкъо ыуж итэу, еуишь хым хэпкIагъэх. Хэу ахэр зыхэпкIагъэр, уплъэмэ ыгъунэ плъэгъоу, ау чыжьэу, ишъобгъуагъэ ай фэдизэу щитыгъ.

Еуишь, шьыд фэдиз къин халъэгъуагъэми, хым зэптырыкIыгъэх. ЗыцызэптырыкIыгъэ чIапІэм унэ лъэгу щизы фэдиз, нэпкъым удэкIуаеу ущыуцун плъэкIынэу, чIышIэ тIэкIу иIагъ. А чIапІэм икIэу ыбгъуитIуджэ урекIокIын умылтэкIынэу, къушхъэр хым къыххэхъажъэу, дысыгъэ зэолIагъэхэр.

А чIапІэм зэфэдэ тIэкIу иIэр зэфэдитIу зыцыхъурэм лъэгъо цIыкIу горэ, удэплъыемэ ерагъэу хэплъягъоу, хэкIодэжынджэ ежъагъэу а чIышIальэм рильтэгъулIагъ.

Яшыхэм зарагъэгъэпсэфыгъ, ежыхэри тIэкIу зыптылтэкIахыжыгъэх, якIакIохэри, яшыкIэлххэри афызхи, тыгъэм къырадзыхи, тIэкIу агъэччэпхъыгъэх. ЕтIуанэ яуанэхэр тралхъэжьи, ушьюу удэкIын умылтэкIынэу щитыти, яшыхэр IупIашцэу, ежыхэр лъэсэу къушхъэм дэкIынджэ ежъагъэх. Къушхъэу зыдэкIхэрэ зандэу, дэкIуаехэмэ, къецдохъожыхэу, шитIу аIыгъыхэм къазшыр уц лъапсэу къушхъэ мыжъо лъапсэхэмэ арытэр ашкIынджэ емыщахъэхэу ацэпкъыджэ еIэмэ аубытэу, лъэгонджэмышхъеджэ тIысихээрэ, ИэпIэгъунчъэу къушхъэм дэкIыгъэх.

Къушхъэ кIыIу зэхъум, лъэшэу загъэпсэфыгъ, анэгү жыбыгъэ тIэкIу кIагъэугъ. Шэсүжыхышигъ, къушхъэ кIыIум ущызе-кIон плъэкIынэу щитыти, тIэкIурэ кIуагъэх.

ЧIапIэу зынэсигъэхэм цIыф къызэрынэсырэ пишIэнэу щитыгъ. Къушхъэ мыIэрысэхэр, къужъIарысэхэр итхэу, къалъ-къуль зэхэт зирафорэм фэдэу уц зэхэт дэгъухэри итэу шъоф гъэхъунэ дахэ горэм ихъагъэх.

— Ыхы, нарт Шэбартныкъу, мы чIапIэу тызэрыйтэр, хэты исми, зы цыф горэм ыIэ илъ. Хэти щэрэц еблэми, мыр зыIэ илъэу, мыш къесырэ цыфэр, тэ щыIэми, чыжъэп. Мыш тыкъызыкIыгъэджэ, тишихэмэ замыгъэпсэфэу ащ тетэу тежъэжынэп, — ыIуи, а чышIалъэм Чечанэ къышиIуагъ.

— Хъун, сикIал, — ыIуагъ нарт Шэбартныкъум.

— Ыдже, Шэбартныкъу, непэ сызэрихылIэрэм хъу исими сиукиIыт, бзы исими сиукиIыт. Тятэ икIодышIэ ыдж тыкъесыгъэн фае.

— Ашыгъум, сикIал, уасIорэм моу къедэIу: оным уфэмыйтхъыхъ, умыукиIыпхъэ зыуукиIыдже къынфэгъэхъужыйтэп. УкIыним нэужыпкъэджэ укIэхъажыт, зыуукиIыхэрэм укIэхъажыйтэп. Ар къызэрэпшIэтэр: тадыжы укъызэрэсэу укъысаоу сэ сиуукиIыгъэмэ, Чечанэ ыльапсэ ыдж къычIэдгъэшынэу тэ тызыпылтээр хэты къуиIони? Лъэшэу укIэлэ хъыжъ, угуджэри осты, гукъэошкуи уиI, шъхъакIуи пшIыгъэ, лыгъэми уенекъокъу. Ау ыдж уасIорэр: оным удэмыхъыжъ, уоны зыхъуджэри, узэрэошьутэр сэшIэ. Умыомэ мыхъунэу зыхъуджэ, сэри сиот, ары нахыдже сицкъызыфе-жъагъэр, ай нэмикI Иоф сэри сиIэп. Тызыдэхъатым тынэсэу, дэт-лъагъорэмрэ дэдгъуатэрэмрэ тлъэгъумэ — етишIэфытэр къэтшIэн. Ащ нэсыфэджэ ай зыфэпшIэн фае.

— Хъунба. КъызыфэпIуагъэр шъыпкъэ. Сэ сигу къэзгъэплъэу, апэ дэди тиIагу сицкъызыдэкIым кIалэмэ хъонэу къысфашигъэр непэ къысаIуагъэм фэдэу сигу хэлъ. Ащ рыгъунэрэ джырэрэ азы-фагу къинэу ислэгъуагъэмрэ тятэ къехъулIагъэмрэ яшъхъакIу сицкъызэкIэзгъянэрэр нахъ, сиомыдэIунэу сигу хэлъэп, — къеу-цолIагъ Чечанэкъо Чечанэ.

— Ыхы ыдже, тишихэмэ загъэпсэфыгъ, тэри гъомылапхъэм тыхэIагъ. Тежъэжын ыдж, — ыIуи нарт Шэбартныкъо къызеIом, кIалэм шыхэр къыубыти нэбгыритIори шэсзыжыгъэх.

Ежий кIохээ, къушхъэм ехихи хъазырэу кIотагъэх. Зэплъэхэм, адигэмэ пэнэпшIэ сэрай зыфаIотыгъэм фэдэ къешIэкIыгъэу, унэ закъорэ шэц-хъакIэц зэпштрэ дэтэу, ишшишIуи чыгым фэдэу къыдэшэу ащ тетэу алъэгъугъ.

— Ыхы, Шэбартныкъу, тыкъесыгъ ыдж. Шъыд хъутыми, а Иофым хъукIэу илэр ащ щытшIэныджи хъун, — Чечанэкъо Чечанэ къыIуагъ, ышIуабэ шIэу гумэкIэу.

Еүи, кIохэгозэ, Иэгум дэхъагъэх. Къэлапчъэм зыщынэсынхэм, шъхъэшшокIапхэ шIыгъэу щыкIагъэ имыIэу бзылъфыгъэ горэ, пшIашшэу, къихъушштути, къэлапчъэр къафиIуихыш, лъешэу къафэчэфэу дигъэхъагъэх.

КъапэгъокIыгъэ пшIашшэм, шым къызэрепсихыгъэм тетэу, ИаплIыдже зыкъыридзыным фэдэу, къэIабиш, Чечанэкъом икъамыщ Iихыгъ.

— О фэсапщи, Чечанэкъо Чечан! Тхъэм уегъэпсауи, зэ укъесыгъэмэ, гужыдэкIыгъуи дгъотын, гъэпсэфыгъуи къытэкIун! Тхъэм шIу къыфешI нарт Шэбартныкъуи, ари гъусэ къызэрэпфэхъугъэмдже. Мы чIапIэм укъызэрэкIуагъэр нахъ былым кIасэ тыфэмыенэу тэридже гушIогъошкоу тыфалIэтыгъ, — пшIашшэм къыIуагъ. — Шъуеблагъэх! — ыIуишь, хъакIэшым рищагъэх. Шъхантэ-пIуаблэ къафихъи, хъакIэшым афигъэIылтэгъ.

— Зыжъугъэпсэф, шъушишыгъ, шъулэугъ, гъогу шъукъырыкIуагъ, — къариIуагъ.

Пшъашъэм ыгъазишь, унэу ежь къызэрэрыкIыгъэм кIожыгъэ. Пшъашъэм инэпэмыкI зи Игушком щизекIоу алъэгъурэп, нэбгыритIум ащ раIолIэн ашIэрэп.

— Мыщ шъыдэу щитэу сыкъишIагъ, хэты сцIэриIуагъ? О унахъижъ, уныбжь хэкIотагъ, хэгъэгухэри къэпкIуахыгъэх, мы хымыкIыбы укъэкIуагъэн шхъае, о пцIэ аIоу зэхихыгъэнджи хъун нахыбэ бгъэшIагъэшь, ау сэ шыидым сиригъашIэра? Шыид епIуалIэрэр о ащ, Шэбартныкъу? — ыIуишь, еупчIыгъ кIалэр.

— А сикIал, ащ есIуалIэрэр: къэбар къыхэкIыт. Ай тэ къэтэмышIэрэ Иофэу тызэолIэн къыхэкIыт. Ау зыхъуджэ, умыпсынкI, умыхъижъ, мыхъуным тызыфакIоджэ, Иэпшэлъашшъэм тызыхахъэджэ, сэри зыгорэ сшIэн сыгу хэлъ. УасIорэм къедэIу, Сюрэм ублэмыкI, — ыIуи, джэуап къыритыгъ нарт Шэбартныкъо.

— Хъун, Шэбартныкъу, сымыдIотмэ, ащ фэдиз къин къыздэплъэгъоу гъогу тызэдьырыкIона, сюдэIун, — ыIуагъ кIалэм.

А заулэр зэраIофэ, пшъашъэм Ианэхэри къыухъазырихи, унэм къызщырихиным, къэблачъэм ылъэнныкIоджэрэ пшъашъэр зэплъэм, ыш къэкIожъэу ылъэгъугъ. Ианэхэмэ зи аримыIоу пшъашъэр унэу ежь зерисым къихъуштуишь хъакIэшым къэкIуагъ. Къызэрихъагъэм лъыптиштэу ишхъатехъ зытирихи, Чэчанэкъо Чэчанрэ ежь пшъашъэмрэ азфагу рилъэшьугъ. Чэчанэкъо Чэчанэм зи къыримыIуалIэгоу, нарт Шэбартныкъо къэгущайшь:

— Хъун, пшъашь, хъун уильэгъун дгъэцэкIэн, узыфаер фезгъэшIэн, угуджэ рэхъат зышI, уаим щыIэп, — ыIуишь, пшъашъэм риIуагъ.

Ар къызреIуахэ ужым пшъашъэр къикIыжыгъ. Ащ нэсы ышпи къыдэхъажьыгъ. КIалэу къыдэхъажьыгъэр шэу зытесым пкIэтIэ тхъурбэр тизэу, лъэрэгъынэм иплъэгъуным фэдэу псыгъо хъугъэу, кIалэри гъогу къызэрэрыкIожыгъэр пшIэнэу, улэугъэу къепсихыгъ.

Бшыпхъу къэкIожыгъэм гуахьи гушIоу риIуагъ:

— О сыхъатымафэ тежьи, Чэчанэкъо Чэчанэу тхъэм ынэшIу зыщыфэнэр къытфэсигъ! Иофэу тиIэр ыдж зэгорэу хъунджи къэнэнэп, — риIуагъ.

— Тхъэм уегъэпсэуи, сыйбгъэгушIуи, аарымэ къэбарэу къысэпIуагъэр! Шы ужитIу мы къушхъэ кIыIум зы чыпIалээ горэмдже щыслэгъугъети, сигъэпагъ. СичIыгу гъунэхэри къэскIуахыгъэх, зыфэсхыни сымышIэу лъэшшэу сывэгүигъэутыгъэу сыкъэсэжьыгъагъэ шхъае, сыгу бгъэрэхъатыжыгъэ ашыгъум, — ыIуишь, кIалэр гушIуагъэ.

Бшыпхъу ижъабгъуджэ щитэу, кIалэр сэмэгумдже щитэу хъакIэшым къызэдихъажьыгъэх. Бысымым шIуфэс къарихи, Чэчанэкъо Чэчанэ къекIуалIишь, ыIапэ къуубытыгъ.

— Фэсапщи, Чэчанэкъо Чэчан! Тхъэм уегъэпсэуи, зэ укъытэнэсигъэмэ, — ыIуагъ.

ЕтIуанэ нарт Шэбартныкъо екIуалIишь, ыIапи ыубытыгъ, лъэшшэу ЫаплIи рищэкIыгъ.

— Орзэмэджыкъо Шэбартныкъу, сэ устьэгъумэ ушIэу, о сыкъэмьишIэу а зы ильэсым къыкIоцIы чыпIабэрэ сыоолIагъ. Узысымылъэгъужыгъэри бэ машIэ. Ыджыри устьэгъугъэшь, гузэжъогъо узэртымрэ, къинэу плъэгъугъэмрэ апкIэ Алахъэм ыгъэкIодынэп, — къыриIуагъ.

ЯгушаIи зэблагъэкли, «шьуIыст», — ыIуишь, Шэбартныкъо ыгъэIыстыгъэх.

— Адэ, штыыд афэшиIагъ, мыхэр хякIэх, гъогум къырыкIуагъэх? — ыIуи еупчIыгъ бысым кIалэр ышыпхъу зыфигъазишь.

— АфэшиIэтэри хязыр тиIыгъахэшьы щыт. УкъекIожыы зэхъум, Ганэм ихынрэ о уиктихъажыгъорэ зэтезгъэфэнджэрэ къысфегъекIугъэп. ЯшIуфэс зебгъекIуахэмэ сIуишь, ащ папкIэдже сыйбыяугъэ нахь, — ыIуагъ пшъашьеми.

— Ашыгъум, некIо, Ганэхэр къэтхьын аIуи, — ышыре ышыпхъурэ пытым зэдэкIуагъэх.

Ганэ[r] къахьи, джэхашьом къагъеуцугъ. Шэбартныкъо зырагъэтхъакIыгъ, Чечанэ зырагъэтхъакIынджэ зыфежъэхэм, тIэкIу дэдэ зэшIонагъэ.

— Шьыда зызыфэмьихъакIырэр? — ыIуишь, пшъашьэр кьеупчIыгъ.

— ЗызыфэмьихъакIырэр, Шэбартныкъо сэ сишкэгъоп, сыдэмьшкэн сиунашьо. Сымышкахи сэ спIоигъу, — къыIуагъ Чечанэкъо Чечанэ.

Пшъашьэмрэ ышыре къызеплъиджэрэ, Чечанэкъо Чечанэ ышшохэр къызэокIэу, зэ плътижьыбзэу къызэкIанэу, зэ фыжьыбзэу чъекIэу зэхъум, пшъашьэр къэгущаIишьы, мырэу щытэу къыIуагъ:

— Шэбартныкъу, сильэIу хэсэгъеты: мы кIалэр мы унэшком зэ нээгъэсынэу Iизын къысэота?

— Боу осэты, сипшъашь, — ыIуагъ Шэбартныкъо. ЕтIани Чечанэкъо Чечанэ зыфигъази, — АдакIу, сикIал, мыш зыфаIорэм, — риIуагъ.

— Шьыдэу спIын, садэкIон, имыгъомэ о къэпIонэп, — ыIуи, Чечанэкъо Чечанэ адежьагъ.

Унэшком нагъэси апэрэ пчъэм зыIохъэм, IункIыбзэр Iуахишь, кIалэр ращаагъ. IункIыбзэр къырагъэтыхъыгъ. Аугозэгъо, IункIыбзэр Iуахымэ, къырагъэтыхъызэгъо, унищимэ аращаагъ. ЯплIэнэрэр Iуахишь, «Мыш о ихь», аIуи кIалэр унэм рагъахьи, ежыхэр пчъэм ыкIыбы къэуцугъэх.

Чечанэкъо Чечанэ зэрыхъэгъэ унэм IэшIумэхэр къырихэу, унэр зэгъэфагъэу щытыгъ. ЫжакIэ фыжьыбзэу, пIо шьыгъэм хэсэу, инэмазыкъ щылъэу, икъумгъан ыпаштьхъэ итэу, спкын зыфиIорэ гъомылапхъэр эффэшхъафэу иГанэ тетэу зы лыжьы горэ ай фэдэу зэтегъэпсахыгъэу исэу, Чечанэкъо Чечанэр ихьагъ.

Зэрихъэрэм тетэу Чечанэкъо Чечанэр къэгущаIишь:

— Уимафэ шIу охъу апщи, тхъамэтэ маф! — лыжьым риIуагъ.

— Тхъаугъэпсэу, сикIал! Хэты ушыщыми лы ухъун! «Сэлам алайкум» пIоу уктызэримыхъаагъэмджэ, улIыхэкIэу къычIэкIын, — къыриIуагъ лыжьым.

— Иист, кIал, — ыIуагъ итIуанэ лыжьым.

— СыIыстынэп, тхъамэтэ маф, сыйытыми хъун, сэ сийкIалэ ныIэп, о улIыхжь, — ыIуишь, Чечанэкъо Чечанэм Иыстын ыдагъэп.

— Ыхы, кІалэ, адэ шъыдэу щытэу укъихъагъ, шъыди уикъекІуакІэ хъугъя? Хети ушыщ? Мы сизэрсым псэ пытэу зы нэбгырэ горэ, зы пшъашъэрэ зы кІалэрэ нэпэмыкІ, ышъхъэ уашьо фэгъэзагъэу цыфы къыслыхъагъэп, Іэгуми дэслтэгъуагъэп. Тэджэ укъекІыгъ? — къеупчыгъ лыжъэр.

— Мы унэу узэрсэр цыф кІуапІэуи спІэрэп, лыжъы ЙыстылІами спІэрэп, о къюхъулагъэмрэ къыпщышыгъэмрэ сэ зи ахэсшыкІырэп. Ау сэ сятэ къесІонкІэрэ сышу-кытахырэшь, о пшІэнымэ, къыосІон, тхамэтэ маф: сятэ ыцІэ Чечан, Чечанэ сиринкъу.

Лыжъыр кІалэм къыдэплъишишь, къещхыпцыгъ.

— КІалэ, ашыгъум о мыш ўшы Йыстынэп... О гъусэ уиІени фае. ХъакІэщым екІолІэжь, ар орджэ нахьышу, нахь рэхъатылІэуи фэхъун, — ыуагъ.

— Ашыгъум, Іизын къысэотымэ, уимафэ шу охъу, — ыуишь, кІалэр унэм къикІыжъыгъ.

КъызекІыжъым, унэу къызэрхъажыгъэм кІалэмрэ пшъашъэмрэ итхети, «некІо» ауишь, ГункІыбзэхэр къызэшахымэ, рагъетыжыхэээрэ, кІалэр къырашыжыгъ. ХъакІэщым къашэжьи къызехъажым, нарт Шэбартныкъо кІалэм къеупчыгъ:

— Шъыд къэплъэгъугъ, кІал?

— Къэслтэгъугъэр осІон: сиздашэгъэгъэ унэм еспэсын сэ спІагъэп, зы лыжъ закъо ис. А унэу ар зэрысэр плІэу зэкІоцЫйт, ГункІыбзиплИ егъэтыгъ. Зэшахымэ, саужыдже къагъэпытэжызэ, сирашагъ. Лыжъэу аш исэр инэмазыкъ ыпашхъэ ильэу, икъумгъан кІэлъырытэу, ишкынхэр зэфэшхъафэу, заблэрэм хэлэн фитэу слъэгъугъэ, ыжакІэ осым фэд, ышъомэ уакъырэцы, ай фэдэу тэгъэпсахыгъ, — Чечанэкъо Чечанэ къэбарэр къытотэжъыгъ.

— Уятэ Чечанэр ай нахьышу пыгъыныя? ИлыгъыкІэ тэу щытэу уеплъыгъя? — нарт Шэбартныкъо етІуани кІалэм къеупчыгъ.

— Ай фэдэу сыгъымэ, тятэ ежыри езэгъын, сэри сезэгъын. Зи щыкІагъэ илэу слъэгъугъэп.

— Ашыгъум, сикІал, Тхъэм урихъакІ, уильэгъун бгъэцэ-кІагъэ: а лыжъэр о уят, уинасып къуубытыгъ, — ыуагъ нарт Шэбартныкъо.

КІалэу къызериуагъэм ынэкІушхъэмэ къахихэу лъэшэу гушуагъэ.

— Ар сэ сятэмэ, икъупшхъэрэ ихадэрэ нахь сэ сизылъыхъутыгъэр, ышъхъэдже псаоу къэзгъотыжын слоу ай сышыгугъыгъэп. Ихадэ згъотыми, ыкъупшхъэ згъотими, зэрэтиятэм пае, спІомылІенэу, къайнэт езыхыгъэм ифэшшуашэ слъэгъунэу сиунашьоу тыкъежъэгъагь. Йдж, непэ зэрэслтэгъурэмджэ, къинэу сиІэри стезижыгъэу а Іофэр сэ сэлъэгъу.

Бысым кІалэр къэгущаІишь:

— Нарт Шэбартныкъу, Чечанэкъо Чечан, гущаІэу къезгъэжъэтэм Іофэу къыпкІытымрэ къэбарэу къесІолІэтымрэ къэсІофе мы ІэнитІор щытынэу зыхъуджэрэ, мыхъемелэмджэрэ жъалымагъэу сэлъэгъу. Гъомылапхъэм иІоф ишкыкІагъэ хэжъугъэкІыри, Іофэу щылэр шъоосІот. Къины шъори шъуххъагъ, инэу шъулэугъ, — ыуишь, бысым кІалэм къариуагъ.

— Ипотэгъу ори уифэн, гъомылапхъэм илоф хэдгъэкІыхэмэ, — ыIуи, Шэбартныкъуи диштагъ.

Къумгъан-лэджэнхэр къашти, Чэчанекъо Чэчани зырагъэтхъакIи, Іанэр агъеуцугъ.

Чэчанекъо Чэчанэ а Іанэм пэмIыстэу, Іэнэ шъхвафыджэ а чыпIальэм щышкагъ, Іанехэри рахыжкыгъ.

Іанехэри зырахыжы ыужы, бысым кIалэм Чэчанэ икъахыкIэ хъугъэу къариIуагъэр мары:

— Нарт Шэбартныкъу, ори, Чэчанекъо Чэчан, ыджы непэ сыкъизытегуцыIахыт Іофым сэрыджэ укIытагъохэр къыхэфэт. Шэбартныкъо ыпашхъэ къызэрэшцыIотымджэрэ сэукIытэ шъхье, Іоф уиIэ зыхъуджэрэ оукIытэджэ хэты пфиIотэн? Ащамал фысиIеп. Чэчанекъо Чэчанэ, мы Іофэу сыкъизытегуцыIахытым ежь къинэу хилъэгъуагъэмрэ улэоу аш фыриIэмрэ къагъэпсынкIэу, къэIотэгъу сыримыгъафэу къэмыхъижъэнджэрэ сельIу. Ифэшъуашеджэ Шэбартныкъуи а Іофым шъхъакIуи гукъаui фыриIэр щыгъупшагъ сIоу ар къесIуалIэрэп. Ау ыдж мы лыым илофы сзыфынэсыгъэмрэ спIагъэр зытесIахыыгъэмрэ къыштюсIон, — ыIуишъ, къыригъэжъагъ бысым кIалэм.

— Зэшиблы тыхъоу, мы пшъаштэу ыдж мыш къихъэрэр сэц нахыжъэу, сэ зэкIэмэ санахыкIэу, пшъаштэр тяеу тиунагъоджэ аш фэдизы тыхъутыгъэ. А зэшиблымджэ шырэ уанэрэ зэфэтхынэу тызыхъугъэм щыублагъэу, тыдэкIымэ — хъункIэ тшIэу, пелыуанхэр едгъэпсыхэу, пчъэIу еIэнджи тыбэлахъэу тыххэтыгъ. Афэдэу тыщтызэ, хэгъэгоу тызэрысым щыхъагъу къыфэхъун, къытпешIэн къахэмымкIыжъэу, зэпстэури тэ тIэ ильэу хъугъэ. Аш ыужы:

— Іхъы ыджы, мы хэгъэгоу тызэрысым цыфэу исэр тэ тIэ иль, зэрэтиIу къытфэхъун тIоу ай тяплъэу тыщтызэ, лыгъэ тшIагъэу тэ тлъэгъурэп! — ыIуи, тапэ ит тшинахыжъхэмэ а унаштюр къаIатыгъ.

Хэгъэгу шъхъаф горэм шыбзыхэу, зигъэсэгъоу шы шьитф ахэтэу, къунаными шыбыдыми шы минитIу фэдиз фарэ шы лъяпкъыхэу яIэу зы лыхъужъы куп щыIагъ.

— А купэр къэтымы, фэу а лы купри тымыукиIымэ, ашыгъум шыыд тищиIэжъ, — аIуишъ, тшинахыжъхэр апыхъагъэх. Апыхъашишъ, купэр къялъэшэкIынэу хъуи, якIу къэси зы къаукиIэу, тIу къаукиIызэгъо, шы купым щыщи къафын амылъэкIэу, тшинахыжъэу нэбгырих а купымэ къаукиIыгъ. А инхэу аш къязаохэрэмэ ашыщэу, нэбгырихи хъущтыгъети, нэбгырищыр тшинахыжъымэ аукIыгъ.

ЕтIанэ, сэри зэонэр къисэнэмисэу, санахь кIалэти, сапэгъокIын сымылъэкIынэу ау щытэу сыштызэ, ильэс пчъагъэ зэпичыгъ. Аш ыужы сэри кIуачIэ къэзгъоти, нахь лыгъэхэмэ сянекъокъоу, сэри сзышIошIыжъэу ау щытэу сышэхъум, зэтIо горэм, тшинахыжъхэмэ аль спIажын сIуишъ, сэри аш секIугъ. Зыгорэм ехъышырэу хэгъэгум изгъотагъэр гъусэ спIызэрэ, нэбгырабэ щязгъэукиIыгъ. Амалэ сафэмыхъу хъуи, сыкъизэкIакIуи, тиунэ сыкъиIыстэжкыгъэу ау щытэу сыхэттыгозэ, мы тшишхъоу мыш щысым «къэмыхъэ хъутэп» ыIуи зы бзылъфыгъэ горэм Iапэ фишIи, а бзылъфыгъэу ай зыфиIуагъэр къесщагъ.

Мэзищэ фэдизэр бзылъфыгъэр сиунэ исыгъэу а инэу а батырхэр къысэкІугъэх. Ахэр морэдэу зэгупшигъэхэр ары:

— Теоуи тыукІынэп, ашыгъом зигъэпсэфыжьыт. Гукъау мыш фэхъутэр ишъуз тхынэр ары. Ышыпхъу зытхыдже, ар хэт щыщими зыгорэм ыхыт е дэкІот, згъотыжыгъэп, ыІон, ыужы икІыжьыт. Ишъуз зытхыдже, егъашІэм щыгъупшэтэп. Шъузэр тэ зытхыджеэр шъузыдже тэ тенэцІырэп, тыукІынэуи тыфаеп, дгъэпшэрахъэу тэ тиІэн. КъыГухъэмэ, ыльэгъоу, ар лым фэшэІэнэпшишы, ау щытэу ыгу узэу гъэшІэнэр едгъахъын, — аІуи, шъузэр ахыгъ.

Шъузэр захым ыужы, тэу хъумэ сферэшэлни, гъусэхэр зээгъэгъотэу сякІумэ сязау адэсигублагь. Сигъусэхэр къаукІыхэти, къэзгъазэти сыкъыІукІыжытыгъэ, саукІын аломэ алъэкІытэу, саукІын адэтыгъэп.

— Тшинахыжъмэ алъ уасэу бгъэшІэтэр а гугъум ухэтэу одгъахьыт. О узытыукІиджэрэ зыбгъэпсэфыжьын угу хэль. Ар тэ пфэтшІэхэнэп, — аІоти, саукІын адэтыгъэп. Цыфыбэ езгъекІодылІагъ. «НекІо!» сюмэ, хэт къыздэкІожын нэрилъэгъоу къаукІытэу, хэгъэгум цыф исымыгъотэжьэу сихъуахъыгь.

Сегушшишишы, хэсшІахъын сымышІэу хъуи, «Шыд амал сеусэн?» — сІуи, усэрэжъ зыфалорэм фэдэу зыгорэ тиІэти, сеупчІыгъ:

— Мы Іофымдже штыд амал, штыдэу зысшын, штыд амал къыхэпхыра?

КъысиІуагъэр ары:

— Зи джэуап хэбгъотэнэп, ау зы амал сэ осІони, а Іофэр зыбгъэцакІэджэ уиІоф зыгорэу хъун. ПфэмыгъэцэкІешшумэ, а гугъум ухэтын.

— КъаІо, сиусэрэжъ, — а чыпІалъэм сэ щесІуагъ.

— Хым ыкІыбы о уикІынышъ, — ыІуагъ, — зылЫ щыІешъ, а лІэр къэбгъотыт. А лІэр къэпхыт. А лІэу къэпхытэр Чэчан зыфалорэ лІэр ары. А Чэчанзу къэпхытэм ишъуз гъумы. Чэчанэр пелыуан, ишъузи пелыуан, ыйтЦумэ ахэкІыгъэм Чэчанэкъо Чэчанэр фаусыт. ПелыуанитЦумэ ахэкІыгъэм кІуачІэджэ зи ешшІэн плъэкІытэп, упешІэтэп. Ильэс пшыкІуий зыщыхъуным ар зынэсыдже, аджалыщэ инэпэмыкІ зи фэшІу хъутэп. КІуачІэджэ зи пфемышІэнэу, зэоным фэк'улаау аш тетэу ар къэхъут. Чэчанэр о къызыпхыдже, бэ шэн-макІэ шІэн, а кІалэр ильыхъуакІоу мафэ горэм къежъэт. Дунаер къыкІуахъыгъэми Чэчанэр ымыгъотэу Чэчанэкъо уцуунэп. Чэчанэ о уадэжы щыІэ зыхъуджэрэ, ымыгъотэу зымыуцуджэрэ, ар о къыоолІэт. А чыпІалъэм а кІалэр зыщыбгъотыдже, бгъэуکІытэу о пфеношшутымэ, Іофэу уиІэр зэшІуихыт. Ай нэмыхкИ зи амал а Іофым сэ хэслъагъорэп, — къысиІуагъ усэрэжъы.

— Тхъэ къысауи, усэрэжъ! Ідж ныбэ иль кІалэм сиІоф езгъэжэна! Тау хъумэ сферэшэлни! Аш фэдиз ильэс пчагъэмэ азыфагу сэ сзызгоутынба! ШъхъакІошкоба! КъытщышІыгъэр тхъамыкІагъоба! — усэрэжъы сэ есІуагъ.

— Адэ, кІэлэ бетэмал, сэ штыд фэшІэхэн. О кІочІэгъу уафырик'унэп. Хэгъэгум цыф къиунахъэп. Пфэхъу-пфэмыхъуми а пІалъэм унэсын, — къысиІуагъ усэрэжъы.

— Іхъыыджи, амалсиІэп, ІофуйІэзыхъуджэрэзэрхъуныуужы уимыхъэ хъутэп. Чэчанэ сылтыхъоу хэгъэгум сык'икИ, Чэчанэ ыуж

сыкъихъагь. Нарт Шэбартныкъо ихэгъэгу язекIуапIэу, а нэбгыритIор зэгтусэу а къэбарэр къысаIуагь. ЧыпIэлтьабэри саIукIагь. Ежыхэми гу къыслъамытэу, саIукIэмэ, саблэкIэу а Иофымджэ сэ сяшэу адэсүблагь. СызфыблэкIытыгъэр: нарт Шэбартныкъуи зы пельуан, Чэчанэу сзызыфаер ай нахь бэлахъыжь, нэбгыритIор зы чапIэу сэ сзызыцаIукIэрэм, сяIэнджэ сашыштэу саблэкIытыгъ. Яхазы изакъомэ, зэуи спшомышиIэу къэсхьыт, ау нэбгыритIор къызэдэIэмэ сэ сафыримыкIунэу, сыгуджэрэ сыкъагъаштэу, саблэкIэу сыхэхъяжъю ащ тетэу гъэр спшокIуагь. Ау зыужы уимыкIыхэрэм итIасхъэ утемыфэ хъуна: зы мафэ горэм альп шы лъепкъэу, ибагъэ зи хэспшыкIырэп, шы Iэхъогъу къафэу къэкложыхэу сакъыцаIукIагь. Нарт Шэбартныкъо шыпэм шыIэу, ар ягъуазэу, Чэчанэу мыш исэри шыкIэ къялэу пым ар фэгъэзагъэу ащ тетэу къэкложышиш, апэ зыкъэспшиш: «Шуфсыижь апши!» къесIуагь.

Нарт Шэбартныкъо:

– Ахад, сикIал! – къысиIуагь.

– Тхъэм шьуштхъапэ ешI! – сIуи, нарт Шэбартныкъо сикъебгъукIуагь. Шы ужым сикъызэсэм, Чэчанэм сикъыбгъухышиш, «Фэсыижь апши!» ащи къесIуагь.

– Тхъэуегъэпсэу, сикIал, ахад! – ыIуи, ащи къызысеIом,

– Гъогу мафэх, Тхъэм шьуштхъапэ ешI! – сIуи, ыIапэ сиубытыт фэдэу, сеуи зыбгъуезгъахышиш, ипаIо къыщысиш сикъежъэжьыгъ.

Сэмэркъэу къыфэсэшIы шпошIэу, Чэчанэ къыскIэлъыплъэу зытIэкIурэ щыти, етIуанэ къыслъежъагь. Сэ сиши къыIускъудьеу, Чэчанэ зэрилтээкIэу къеоу сэ къыслъычъэу зэхъум, нарт Шэбартныкъуи къытыригъэзагь.

Чэчанэ шэу зытесэр бурулэу, ежь ишылъепкъыджэрэ нахь пхъашэу шы щымыIэу щытти, ар хъазырэу къыIусцыгъ, етIанэ нарт Шэбартныкъо къыкIэмыхъанэу, чыжъэу зэхъум, зэкIэм къытезгъази, Шэбартныкъо къаплъэмэ, есшIэрэ щыIэмэ къылъэгъунэу, ай нахъэу сыпэмыблагъэу, Чэчанэм сикъыгуа-хышиш, онэгум исхи сежъэжьыгъ.

Шэу сэ сзытесэр естIупшэу сикъызежъэджэрэ бзыор къытемыкIонэу ащ фэдизэу чъэрыгъэти, лым сзызыщеIагъэмэрэ тыкъызыщежъагъэмэрэ азыфагу, нарт Шэбартныкъо къызэрэстеплъагъэм нэмыхIыджэрэ, «моу кIуагъэ» ыIонэу сизэхимышIыкIыжынэу псынкIэу сикъыцаIукIыжыгъ. Шэу сэ сзытесэр чылъэм сизэрэтеуцорэмджэ ыуж къэмынэтэмэ, ай нэмыхI химылъэгъожынэу ащ тетэу сикъэсыжьи, хэу мы штукъызэрыкIыгъэм къазым фэдэу сикъызэпрысыкIыжыгъ.

Ыджы Чэчанэу сэ къэсхьыгъэр зэрэсIыгъэр о плъэгъугъэ. СыззешрхъэкIафэрэм слъэкIытымджэ гъунэ иIэп. Ау мы Чэчанэм къин ылъэгъурэп, ыгуджэ матхъэ сIоу ар есIуалIэрэп. Ар зыкIесымыIуалIэрэр: ИункIыбзиiplым акIоцIэу Чэчанэр сэ сIыгъ. Гъомылапхъэу штыид ышкыгъэджи, тэу хъумэ ар тхъэн. ИункIыбзэр зыкIезгъэтэр: Чэчанэ пельуан ышхъэ, фитэу къэстIупшынджэ, тIасхъэ имыIэу цыф щыIэп, сэ спшхъэджэ сэшыни ары. Лыхъужъыгъэу ежь хэлъымрэ шхъакIоу сэ есшIагъэмэрэ – ыйтIор щыгъупшэншиш, Чэчанэр рэхъатын сIоу зи фетэу естьгъэп.

Ыхы ыджы, Чэчанекъо Чэчан, а Йофым есымыІуалІэрэ, уятэ къин ылъэгъугъэп сІорэп. Джы о шшІэнэм о уфит. «О штыд гукъао уиІеми, тятэ штыд илэжъагь, сэри штыд хъакъ си!» пІоу сиуукІын пІоми, орьдже сиарылъхь. Ау сиизэрепшыгугъугъэр: «Чэчанэ цыфымэ, ай цыф хэкІын, ау зыхъуджэ шхъакІоу сэ сиІэмрэ гухэкІеу къысэхъулІагъэмрэ яІотэжыгъо сиригъэфэн, сиофы гуапэу хэлтээр къысфыхихын, сІуи, ары сиизэрепшыгугъугъэр», – ыІуи, ау щытэу бысым кІалэм къиухыгъ.

Ащ ыужы шшІашьэр къэгущаІишты:

– Ыдж, непэ гушаІеу сиши къежъугъэшІыгъэмрэ Йофэр къызэрежъугъэІотагъэмрэ, итІуанэ ащ ыпкъы къикІеу Чэчанекъо Чэчанэ а Йофым икъуджэрэ шхъакІо зэрэфыриІэм къыхэкІыдже, азыфагу губгъэн къыдэхъанджэ щынагъоу зэрэштэр ары сишхъятахэхъо къызтесхишь, тазыфагу зыфисльэштугъэр. Йофым Іотэгъу фижъугъэфэнэу, тиЙоф зэхэштушІыкІынышь, акъылэу шъо фыштууІэмджэрэ гузэжъогъоу тызэрыйтм шукъыдеплтынэу аары а спІагъэр зытесшІахыгъэр. ИЙофымэ арыкІуагъэри псаоу къежъугъэІуагъ, тхъамыкІагъоу къехъулІагъэхэри икъуджэрэ зэхэштухыгъешь, сэ сиизэрэштуолъэІугъэмджэ сицъэштуумыгъэукІытэжъэу къистефэрэр къысфэштушІагъ. ХэштушІахынным шъо шъуфит, бэрэчэт босын шъосэІо, – ыІуагъ бысым шшІашьэм.

Нарт Шэбартныкъо а чыпІалъэм къэгущаІи, Чэчанекъо Чэчанэм къыриІуагъ:

– О сикІал, непэ Йофэу тызэрихыулІагъэм къин къыхэкІытыми, псынкІеу къытфэхъутыми сымышІэгозэ, мы бзыльфыгъэр къызысэлтэІум штыд къыриІолІэтыми, «шшІоигъор фэтшІэн, удгъэукІытэжъынэп» есІуагъешь, а Йофым зи хэтІуахыыжытэп. ТызэрэпэгъокІытэу, амалы тызэрэфэхъутымрэ чІапІеу зыдэшьІэр тэзгээльэгъунрэ нэмымкІ Йофым гушаІэ хэмэлтэжъэу сэ сэІо.

– Ыхы, Шэбартныкъу, – ыІуагъ Чэчанекъо Чэчанэ, – мы Йофым къин къыхэкІытыми, псынкІагъо къыхэкІытыми унаеу сэ сишхъэрилт. Ар штыд зышПоджэ, тянэ ыныбэ сильэу тибысым кІалэм слъапсэ къызэрифи, икъуджэрэ къысшыгугъэу къин рилтэгъулІагъ. Тятэ къинэу ригъэлэгъугъэмрэ хъазабэу ышщэчигъэмрэ зэхэсмышикІиджэ ау щытэу ар есІуалІэрэп. Ау Йофым сиизереплтырэр, цыфым Йоф иІэ зыхъуджэ, къызыпшыгугъыдже, къини уигъэлтэгъут, къызэрепшыгугъыгъэмджэ феди уфэхъужын фае. Ай нахыбэ къесІуалІэрэп. Сиши уанэ тырильхъэу зыдэшьІэр «мыры» къызысиІоджэ, сежъэнэу сыххазыр, – ыІуагъ Чэчанекъо Чэчанэ.

– Хъау, ащ тет дэдэуи хъунэп. А Йофым о узфежъэдже уизакъоо удгъэкІонэп. Ыджы нэсы тызэгъусагъэу ыдж гум уисынэжъэу, къиохъулІэрэ сымышІеу устГупшыгъутэп, – ыІуагъ нарт Шэбартныкъо. – Мы кІалэр гъусэ къытфэмыхъумэ, чІапІеу зыдэшьІэр тэ къэтшІэнэу хъурэп. Ау зыхъуджэрэ нэбгыришцэри тызэдэмыкІомэ мыхъунэу а Йофым къесІуалІэ.

Чэчанекъо Чэчанэ а Йофым къыриІолІагъэр:

– Мы бысым кІалэм чІапІэр сигъэлэгъуны, а Йофым хэсшІахыырэ щыІэмэ, сизакъоу хэсшІахыынэу, сфершІашъутэр а чыпІалъэм сэ щесІэнэу ары зэдтиунэшъон фаэр.

КъысәхъулІэрэ щыІэмэ къэшьулъэгъунэу, ау нахыбэджэ шъукъысәмыкІолІэнэу, шъыд къысәхъулІагъеджи ІэпэІэгъу тыфэхъун шъо шъумыІонэу, а унашъор къыззыдэшъушЫджэрэ, тызэгъусэу тыкІон. Ау фитыгъуаджэ сэ сизыхъуджэрэ, сыкъаукІыгъеми, сыкъауІагъеми ашыдҗэрэ тыдеІэн, мы Іофым тыриІэпэІэгъун, шъуІоу шъукъызежъеджэрэ, сизээотэу, пыеу сизыпэгъокІытым яспшэтэр шъосшІэндҗэрэ тхъарыПо инэу сэ сэшЫы, – ыІуи, Чэчанекъо Чэчанэм нэбгыритІумэ ариІуагъ. Ашыдҗэрэ унэшъо пытаагъэ адишЫигъ.

– Хъун, зэрэПоу тыхъун. Ау тыкъыбдэкІонэу, къыохъулІэрэ тльэгъунэу ыджай тыкъыкІэлъІу. Ау нэмыхырэ Іофыдҗэ зыфапІорэм тыблэкІынэп, – къаІуагъ нэбгыритІумэ.

– Ашыгъум, тишымэ уанэ ятэжъугъэгъекІу, лъешэу тшІуабэ фашІэ, тибысымы къисиІуагъэм лъешэу шъхъакІо сигъэшЫигъ ХэтшІахышъунэу щыІэр шІехху къысфэнафэу, сэри зыщысыуаштэжъинэу а чыпІалъэм сизэрэнэсытым сыйфэтхъытхъы, – ыІуагъ Чэчанекъо Чэчанэм.

Бысым кІалэр икІи зэфэдэу шиш шэцым къычІищыгъ, зекІо уанэхэри атырилхъагъэх, шышІоуум къырипхыгъэх. Гъомылапхъэр рызэрахъэхэу онэкІэ Іалтымекъихэу яІехэр рихыхишигъ, гъомылапхъэхэр къарилхъагъэх. Ахэри шыхэмэ аипихагъэх.

КІалэр къихъажъишь:

– НекІо ыджы, шъухъазырмэ, – къариІуагъ.

Чэчанекъо Чэчанэм зыкъигъазишь, пчъэм къызеплъым, ипкІэгъуалэ ахэмитэу къылэгъугъ.

– Шъыд сэ сипкІэгъуалэ уанэ зыфытесымылхъагъэр? – ыІуишь, къеупчЫигъ бысым кІалэм.

– Ар зыкІытесымылхъагъэр осІопэн, Чэчанекъо Чэчан. Непэ гъогоу тзытихъатым уипкІэгъуалэ ифэштуашэдҗэрэ гъэрет ришЫылІэтэп. Мы шишээр шы лъэпкъэу ахэр зытесымэ афэд. Ежыхэр зытесы шымэ афэдэ утемысэу узапэгъокІыджэрэ, лые къыуахыт. Хъэлэчы уяхъулІэт. Уиши уанэ зыфытесымылхъагъэр аары нахь, сэ сиошхъуагьоу, а гуцафэр къысфэмышиІ, Іофэу узыПухъатэр унаеу сэ сиІофы. Къинэу ай хэплъэгъотэр зэхэссымышЫыкІыджэ сыкъанэрэп, – ыІуагъ бысым кІалэм.

– Хъун, арэу оІомэ, ашыгъум тыхъазыр, тежъэн, – аІуишь, нэбгыришьэри зэдежъагъэх.

Хэгъуаштхъэм зыщыПухъатхэм пэмычыжъэу мэзы пырышыу горэ иІети, аш дэжы зынэсихэм, нэбгыришьэри къэуцугъэх. Зишьуз ахыгъэ кІалэр а чыпІалъэм къыщыгущаІишь:

– Мы пэнэшцІэ сэрэешко зэшІэкІыгъэу щытэр ары сишьуз зыдэсэр. Инэу зыхыгъэхэр дэсэу уаІукІэнджи хъун, дэмисэу утефэнджи хъун. ДэкІымэ къакІуахъэу, зы тхъамафэмэфэ шшЫыкІутфы горэджэ къагъазэу къеолІэжыхэу яхабз. Ахэр зыщыдэкІырэмрэ къызыщыдэхъажырэмрэ азыфагу етІупшыгъэу сишьузы гъомылапхъэ афегъажъэ. Цу псай аш къаукІы, ео дэкІых, къызагъээжъырэм, ар мыфэбэ-мычъыІэу къызыПумыкІэжыхэджэ, укІыкІаеу шъузэр аукІы. Аш фэдизэу ашыщынэу, егъээзыгъэу аш ехы. Къызыдэхъажыхэджэ а мэфэ шшЫыкІутфым гъомылапхъэу аш ышЫигъэр зэЛыстыгъом

ашхы, зышхахэджэрэ, затІэкІыны гъолъынхэшь къэмующыхэу тхъамафэрэ чьыетых, шыда зыпІоджэ апырикъун цыиф щымыІэжъеу ащ фэдизыджэ рэхъатых. Сэ къысщынінэжъхэрэп, зышыщынэри щыІэп. Ау шыу мыгъо уафишІынджэрэ Алахъэм сельІу. Іофыр зэрэштыр ыджаары, – къыриІуагъ.

– Ашыгъум, сэ сыкІот. Мы чІапІэм шьо шъущыт. А купэр дэсэу сытефэмэ, сямыжжэжъынэу синасыны къыубытыгъ. Дэмысэу сытефэми, къашІостыгъужъеу къэсхыхъжъйтэп. КъекІожыфэх сэ сяжэт. КъисэхъулІэрэ щыІэмэ, шъук'аплъэмэ, къешъульэгъун. Мы чыпІальэм шьо шъущыс, сэ сежъагъ, – йишишь, Чечанэкъо Чечанэ изакъоу къахэкІишь ежъагъ.

Куи, Іэгум зыдахъэм, зыригъэлъэтэхишь, иш шышІоум шІуидзагъ. Унэм факІоу ежъагъеу бзылъфыгъеу ащ исэр къаплты къыльэгъугъ.

– Тхъэ къысауи, мы кІалэри шъыдым къыхыыгъ! ЫмышІэу къяолІагъа, ышІэу къыдэхъагъа? КІэлэ мэлэкІалІэмэ, мы тхъамыкІэм шъыд есІон, сыхІаны сэ сывитэп, сыхАэмэ ашІэжъыт. Шъыдэу зыспІыхэн, – йишишь, бзылъфыгъэм.

ШъхэшшьокІапхэ шЫгъеу, Ыэлджанэхэри дэфыежжыгъеу, зэрилъэкІытымджэрэ машІом кІигъестэу, ау щытэу пщэрхызэгъо, Чечанэкъо Чечанэр кІуишь, унэм ихъагъ.

– Е-о-о-ой, сикІал, шъыд пае укъэкІуагъ? Тэди укъэкІыгъ? Шъыдыми укъихыыгъ? – къыІуагъ шъузым. – ПшІэу укъэкІуагъа? УмышІэу укъэкІуагъа? Мы унэм исыхэр пельуанэу, бэлахъеу, жъалымыхэу зэрэштихэр зэхэпхыгъэба? Шъыд уилъэгъун? УмэлэкІалІэджи зы хъалыжъо тыкъыр фэдиз къыхэсхэу озгъешкынэм сэ сывитэп. Мэфэ пчыагъеу къызэрэтырэм гъомылапхъеу сэ спырэр телъитагъеу ежъымэ ашІэ. Шъыд озгъешкыхэн, – йишишь, бзылъфыгъэр ау щытэу тхъаусыхагъэ.

– Бхъы, спышхъу, сэ сывызыфэкІуагъэр оры. А инэу бэлахыххэр тэдэ щыІэу къысэпІот? Ахэмэ сэ сальэхъу. Синасыны къыубытымэ, ахэри сувкІынышь, ори усхыхъынэу, а унаштюор сэ сиI. Аары сикъэкІуакІэ. СымышІэуи сикъэкІуагъэм, спІэзэгъо сикъэкІуагъэ нахь, – йишишь Чечанэкъо Чечанэ.

– А спышнахыхыкI, спышхъу къысэпІуагъэшь, спыштоджэ сывэбгъэплъыгъ. Ау укъысэдэІунымэ, зыкъямыгъашІэу, зямыгъэлъэгъоу гъазэри дэкІыжь. Зэогъу уафэхъутэп, бэлахъэр атефагъ. Ау зыхъуджэрэ, мы Іэгум удэкІыжымэ, гъогунчъэджэрэ занкІэу кІожь. Мыщ укъезышцэлІагъэм Тхъэм шІу ферэмышI. Мы чыпІальэм къинэу сэ сывыхэтэм нахьи нахьы къини кІысфэхъурэх хэгъэгоу тызэрысым зыгорэм яхышырэу шырэ Гашэрэ зэдэриІэу исэр къыІуишээрэ, цыифы къызэраримыгъэнагъэр ары. Сэц фэдэу зыхъабзыуд зышымыкІодырэ щыІа! Цыифэу къистыригъэкІодагъэр ик'уджэрэ сигукъау, ай нэмыхкI къин симыІэми, узы сферхъуным фэдизэу сцымыгъупшэу непи нычэпи сугу хэкІы. Мы ильэсэи зау къеолІэжъыгъэпти, лъэшэу спІоигъуагъ: «сышыгъупшэжъыгъеу, рэхъаты ээ хъужыгъэмэ, о Тхъэм егъэпсэуи!» Слотыгъ. Йджыри о укъыІуишагъ! Щэ цынэр къыпІучъеу усабый цыкІу, сапашхъэ о ураукІахъыны нахьи сэ саукІымэ сэрыдже нахь псынкI. Ау зыхъуджэрэ, къысэдэІуи, гъазэри кІожь, – йишишь, бзылъфыгъэм къыриІуагъ.

— А сышпхъу, мы къэпІуагъэхэр зэкІэ зэхэсхыгъэ, ау зи зэхасшІэрэ ахэтэп. Ашымэ сэсафырикъушумэ сеплъыт. Ау зашІозгъэбыльшэу мы Іагум сыдекІыжытэп. Ильэссырэ къетыхэми, сяжэу сышысыт. Ащ ягъомылапхъи, сашымышынахэу, сферэхэми, сяжэу сышысыт. Ар сэ зэрэсшкырэм пае, а купэр къызыпшыхъэджэ, ай нэмүкы Іоф адьсиІэми, ащ езгээшІодылІэных.

— СшІэрэп, сышнахыкІ, къихэсхэу сэ остыным сифимытэу тхъэ сагъэІуагъэ. Хэзыхырэ щыІэми, ясмынотэжымэ мыхъунэу сиунашьоу ары мы унэм сывэрисэр. Нэбгырищми зэфэдэджэ яунашьоу, бзыльфыгъэ Іофыджэрэ къысэнэммысныхэу, гъомылапхъэу ашкырэр афэсшЫнэу, а унашьор зэдашЫгъ. А унашьор ау щытэу зыкІашЫгъэр, къысэнэцШыхэу кІалэ сшьо хафэмэ, гъомылапхъэу афэсшЫгтэм щыкІагъэ фэхъунджэ енэгуехэшь ары. Сымысымаджэмэ, къышызгъакІэрэм ифэштуаджэрэ утын къысахынэу ар сэ сихъазабэу аары сывэрэшшытэр. Ау зыхъуджэ, сэ саукІытыми, сэц папкІеджэрэ зябгъэуکын угу хэлтэу о укъэкІуагъэшь, о хэпхын зыфапІорэм уфит нахь, сэ къихэсхэу остын слъекІытэп, — къыриІуагь бзыльфыгъэм.

— Сэ хэсхыт, ыджыри сшкыт. Ыджыри сашышынэрэп. МэлакІэ сымылІахэми, ащ фэдэ ныбэшкохэр къызэрэнэсүжэу щыуаным дэбэнэтхэшь, ар ублапІэу афэсшЫйт, — ыІуишь, Чэчанэкъо Чэчанэ, ицье ІапекІитІор еуи къыдищай, къашыкъэр къышти, лэу ыжъо пэтырэр икъыпэхыжыгъом ІукІагъэу щытыти, еуи къызЭИишІ, кІэпцэр къызыхэшым, еИи къыхилтэшшүгь.

Ианэм тырильхьи, еІыстылІишь, цу кІэпцэу къыхихыгъэмрэ хъалыгъюу ышЫгъэмрэ фэшкытым фэдизджэ щышкагь. Лэр зыпехыхэм, цу кІэпцы къупштхъэшкор шыуанэм хигъэцхъожьыгъ.

— Ащ ало ашІоиггьор арэІу, мыдэ псы тІэкІу сегъашьу, — ыІуишь, кІалэр къызЭкІакІуишь Іыстыжыгъэ.

А мафэр япІуалтэу адьрэхэр къэсжынхэу щытыти, апаплъэу щысызэрэ, инэу, шъэджашьэу, хъашхъурэІум фэдэхэу, шэу зытесыхэмэ ажэ зэкІэгъэзыгъэу къэкІожыхиши, Іэгум къыдэхъажыгъэх.

Чэчанэкъо Чэчанэ иш шышІоІум епхыгъэу алъэгъугь. Залъэгъум:

— Мы шы лъэпкъэр тэшІэжьы, тесэр тшІэрэп нахь. Ыджыри зытхамыкІэ горэ къыгъэделишь къыгъэкІогъэнджэ хъун мый. Зишъуз къэтхъыгъэм ыджыри щымыгъупшагъэу щытымэ, гъэшІэгъоны! — алуагь.

— Шым зи ештумыІу, зэтэжъугъэгъашІэ, — ариІуагь анахыжъым ышынахыкІитІу.

Еуишь унэм ихъажыгъэх. Шъхье, кІалэр мыгумэкІэу ІэпІорэу яІэм анахь зэгъэфагъэм хэсэу щыс, «чорт обэри, шъыд хъутыми!» еІошь.

— Ыхы, цыфы цыкІу, тиІэпІори утес, тишишІоІуи уубытыгъэ, тиуни зэбгъэфэжьэу, упчІэгъу зыми емыхэу, тищинагъуи къыптемыхъэу ущыс, шъыда уихьисапэр? Тигугъу ашІэу зэхэпхыгъэба? Уделэу зэхэумышЫкІа, шъыд узыхэтэр? — ыІуагь иныжъымэ анахыжъым.

Ащ ар къыреIoфэ, нэбгырищымэ анахыкIэр, гъомылапхъэр зыншашырэм кIуишь, гъомылапхъэм къыхэплъагь. Щэламэм зы куп пигъэугъэу, лэпсими зы цу кIэпци хишкикIыгъэу а къэбарэр къафиҳыгъ.

— Мы шъхъаубатэу мы щысым гъэшIэгъоны къытишIагъэр! — ыIуагь.

— Шъыда къытишIагъэр? — ыIуи, анахыжъэр къеупчIыгъ.

— Мый тэ къытишIагъэр! Щэламэу тфагъэжъагъэм зыку-пышко хигъэкIыгъ; цоу тэ тыукIыгъэм ыкIэпци къыхилтэшь-ишь, лэупылтъэр къышигъэкIи, къуштхъэ нэкIэр хилхъажыгъ. Ау бзыльфыгъэу унэм исым сэ сзызщэхъэм:

— Шъыдьдэж сэ сиIoф? — ыIуагь. — Хульфыгъэм себэнныныя, есымыIoу ышкигъэп, шъуикъэбари етIуагь, шъуилIыгъэхэри есIотагь. Сэ сизэрэфимытыми бэу иунашьо фэсшIыгъ, ау сэ къысэмидIоу ежь зэрблэу щышкагъешь, фэжъугъэгъуни, фэшъумыгъэгъуни шъуфит, — къысиIуагь.

— Ара къэбарэр? Шъыда къытфуихысыапэр? О утикIэнэгъоп, утиштхъагырытэп. Тигъомылапхъэ шIыгъэ узэрблэу зэIэ-шиIэнэу, тэ типIошIыгъни зыбгъэпщэу ухэсийнэу, тэ тишишIоуи уишыжъеупхынэу, къытфуихысыапэр шъыда? ТишишIоу лъапсэ уиши цоу къыринагъэр Iэбжыбыдээ дэпхыжын! — ыIуишь, анахыжъэр пхъашэу къытихъупкIагь Чэчанэкъо Чэчанэм.

Ащ фэдизэр къыраIoфэджэ, Чэчанэкъо Чэчанэм нэшиIэ-тхъашIэу зэхишIагъэп, ынитIуи ущэкуагъэп, къызехъажыхъэм афэтэджыгъэп.

— Бхы, инэу батырых! Лэкъо лъэшыхэу шъузыщыгугыжыхэу, шъуипыхэр шъуухыгъэу, шъуигубгъуи шъуиунаеу, дунаери къыштхъуфэнагъэу ащ тетэу шъузэплъижъэу, тэу хъумэ шъукъыздэгущаIэр? — ыIуагь Чэчанэкъо Чэчан. — Шъоц фэдэу губгъэнынчъэхэу, зыныбэ зекIотэхыджэрэ изы хъун зыгъотыжынэу цахь зымышIыхэрэмэ ясшIэтымдже сэ сиIэ жъабгъу. Мый шъукъызэрэкIожытым икъэбар сымышIэу, мы чIапIэм сэ сищысэп, щынагъо зи шъуфисиIэп. ШъуиIoф ешшуIолIэтымрэ, хэштшашIахытымрэджэ шъузэджэнджешыжь. Лъэгъунэу сэ жъудысиIэр, шъо шъумэлэкIалIэшь, шъуасIоджэ гу лъыштхъутэтэп. ШкыншIэщым шъо шъукIори, шъуихъаныбэ къештхъуштхъэри, етIуанэ шъосIотэн.

Нэбгырищэри къыгъэгубжыгъ.

— Шкэгъу-Iогъуи тэ тифэтэп, уильэгъун моу къэIуат!

— Ащ пае сиજкугъэтхъытхъеуи шIэхэу къэслотэп, — ыIуагь Чэчанэкъо Чэчанэ. — Мыдэ зызыжъугъэшкэкIыдже, лъэгъунэу сиIэр а чIыпIалъэм щыштхъосIот. ШъосIот гушиIэм губжыныгъэрэ зэо Ioфырэ къикIыт. Тэ тиэзээоным Ioфэр зыфакIоджэ, «зыдгъэшкэкIыгъэмэ, ащ Iаджи тэ етшIэни!» шъуIоу а гукъанэри дэштхъозгъахыжытэтэп, шъуигъашIэри шъуухыт. Непэрэ мафэр мэфэ мыгъо шъо шъуфэхъут!

Зэшищым агу ифэрэр къэгущаIишь:

— Непэ шъузыдэгущаIэрэм Ioфэу къыжъудыриIэр зэхыштхъуигъэшIыкIыштхъут. Мы зынэгу сэ сикIаплъэрэм хъяры шIагъо къыпымыкIындже сиғуджэ сенэгье, — ыIуагь ай.

— О-о-й, делэшку! — ыIуагъ анахъыжъэр къэгушаIишъ, — бэу укъагъэшынагъ. Шъыдэу шIэхэу уеуцолIагъ!

— Шъоц нахъи синахъ къэрабгъэп, — къышигъодзыжыгъ гуртым, — лIэбланэри, къэрабгъэри къычIэзэрэгъэшыт, мыдэ тIэкIу тэжъугъэшки.

ШкынышIэшым чIэзэрэшэхи, гъомылэпхъэ шIыгъэр зыIулхъэ къамыгъанэу нэбгырищымэ ашкыгъ. ЗатхъакIи къычIыжыхи, мыдьирэ унэм къихъажыгъэх.

— Ыхы, зыжъугъэшкэкIыгъаха? — къариIуагъ купымэ Чечанэкъю Чечанэ.

— ЗыдгъэшкэкIыгъахэми, зытымыгъэшкэкIыгъахэми тыкъычIэкIыжыгъ, лъэгъунэу уиIэр къяIо! — ыIуагъ адрэмэ.

— БIджыри гукъанэ тIэкIу шъуиIэн фае. Цу кIэпцэу сэ хэсхыгъэр жъуугъотыжыгъэмэ, тешъушкахъыжыни спIоши. Лъэгъунэу сиIери ыджы шъосIон. Мы бзыльтфыгъэу мышц исэр спшэжынэу сыкъэкIуагъ. Ар зэрэсшэжытэр мышъэфэу сэ шъосIо. Ар зыщэжынэу хъурэр шъуемызау шъо жъуугъэкIожытэп, ау зыхъуджэрэ зэрэшъумыдэтим шIыкIэу шъо фышъуIэмджэрэ шъукъызэрэспэгъокIын! — ариIуагъ Чечанэкъю Чечанэ.

Иныхэр лъэшэу щхыгъэх.

— Шъыда шъуздэхъашхырэр, непэрэ мафэм шъуигъашIэ зэрэшъуухытэр ара?

— Тэ тыздэхъашхыгъэр, — ыIуагъ анахъыжъым, — укIал, усабый, укъэзгъэделагъэу мы Iофымджэ укъэзгъэкIуагъэм узредэIутгъэр ары.

— Ар шъо шъуиIофэп. Делэри, Iушэри непэ къычIэкIыт!

— КIо, тэ отэтыжы тIоу оттыжынэп, о пшэжжын шомэ, щэжь, бэу оц фэмыдэу лы къекIолIагъ ай, фэшэжжыштугъэн нахъыджэрэ. Ашц паеджэ зэшищэ тыкъэбанэу мы унэм тиуционэп. КIо, мы кIалэм уигъэшшэжымэ щэжь. Зи етIуалIэрэп, — ыIуишь, анахъыжъым анахъыкIэ дэдэм Iапэ фишIыгъ.

— А къэпIуагъэ гущаIэм къикIырэр сэ къэсэшIэ, ау зыхъуджэрэ нахъыбэу къесIолIэжырэрэп, сэ сежъэжжын хъакIэшь, сежъэжжыт. АнахъыкIэр зыдэкIуагъэр ымышиIэу ай нахъыжъэр къылтыдэкIэу а хэгъуашхъэм шъусшиIын, — ыIуишь, кIалэр къэтэджишь, шкынишIэшым къекIуагъ.

— Ыхы, сышпхъу, мы инэу бзаджэмэ гъомылапхъэу афэ-шиIыгъэр икъун, непэрэ мафэм оц папкIэджэрэ ахэмэ сэ лъымрэ екъумрэ зэхэтэу къакIоцIысхыжжыт. Орырэ сэрыре тызэкъош, ау зыхъуджэрэ пытагъэу уасIорэр: сиуаIэу сиыжъэжжыджэ, о зыдэбгъазэрэм ылъэныкъоджэ нахъ кIуачIэ щыIэтышь, гъусагъэ къысфэшиIыт. СиыжэромынэцIырэр: Iашэджэ усфэонэу, пчыджэ усфепыджынэу а унашъор сэ фысиIэп. Ау сиыжэпшыгутгъырэр: сиызуаIэджэрэ, сэ зыдасIорэм илъэныкъоджэрэ Iупещае зымышI, — шъузым риIуагъ.

— Хъун, сышнахъыкI, къэпIуагъэр сэрыджэ дэгъу. Синасыпи къыкубытынэу мыхэмэ сахэкIыжыжтымэ, ай нахъиIу сирылтвайорэр. Ау мыхэр иных, кIочIешкох, пельгуаных. А зэрэпIоу Iофэр мыхъоу, текIоныгъэ къынфыряIэ зыхъуджэ, ори уаукIын, сэри саукIын. Ау сиышциш о умышиIэу сэц пае зябгъэукиIынэу угу хэлтээ узыфежъэджэрэ, аш сищаукIыжыджэрэ, сэри сылы узынэп, — къыриIуагъ шъузым.

А фэдизэр зэраIoфэдже, зэшищымэ анахыкIэу а Ioфым фэгъзагъэр а унэм адитыгъ. Шъэф азыфагу имылтыжъэу ыпашхъэ щалотагь.

— Ыхы ыджы, нэбгыритIo шъузээгъишь, сэ шъукъисщымыштэу шъузэдежъэжъыгъа? — ыIуишь, лъэшэу къадехъашхыгъ а инэр.

— УблапIэ ар тфэхъун, — ыIуи, Чэчанэкъо Чэчанэ итэхъутэй тыримыхэу шконч лъэбымджеэрэ дысэу къытыриубытишь, пэбг фаоу къеуагь.

— АI, цыф цыкIу, штыдэу шхъо къисепшIагъ сымышIахэу! — ыIуи, а инэр къекуугъ. БIпэ лъэр къикIутэу джэхэштъакIэм тырикIагъ. — БIдж о уздэкIожытым папкIедже сищигъын сүупшIэпIэу, лъэр скIечхъэу сиплъыбанэу сиуцонэп, — ыIуишь, унэм ар къинагь. Шъузым ыблыпкъ къыубытишь, Чэчанэкъо Чэчанэ унэм къикIыжъыгъ. Иши къекIолIэжъишь къешэссыжъыгъ. ЕIэбэхи, шъузэр къышти, къежъэжъыгъ.

КъехъулIагъэр адырэ зэшитIумэ амышIэу, анахыкIэр къэгужъуагь.

— Штыда мыш ихьисапэр? Мы кIожьырэм мыр ыщэжъынэу шIопшIымэ, гъэшIэгъоны! Мы кIалэри тэдэ кIуагъэ? — ыIуагъ анахыжъым.

Унэм къыранагъэм ынэкIухэри къытхъакIи, иIашэхэри къызыгуильхьи, иши дэжы къекIуалIи, ышнахыжъитIу ынэгу къафэгъэзагъэу, шым къитеIыстхъагь. Адрэхэр къаплъишь, ашнахыкIэ ынэкIушхъэ шизэу ыпэ хэуплIэкIагъэу, нэкъэ-пакъэу къальэгъугь.

— АI, мыш къытишIагъэр гъэшIэгъон! Мыр ыпэбгы къезышIагъэм мы кIалэр IэкIэкIынэп. ДакIу, кIал, гъусэ фэхъу! — ыIуишь, анахыжъым гурьтым риIуагъ.

— Олахъэ, сымыкIон, апэу сыкъызэгущаIэм, къэсIуагъэм шъурышхыгъ шъо! Ори къыонэсын ар, сэри къисшхъарыкIын! А кIалэу сэ сльэгъугъэм игущаI машIo хэль. Ар къызышыгущэIагъэм жьэу къыIукIыгъэр, ызыныкъо мэшIотхъуабзэу, счыишхъэ къырилтъесагь. Пелыуанэу къэхъупэмэ, ай фэдэ ахэмитэу а шъомдже сэ сеплъыгъ. БIнэгу сзыкIаплъэм, кIалэ къодьеу зэрэшьмытэр а чIапIэм сэ щысшIагъ. Ори уIэкIэкIынэп, сэри къыслынэсын ар, — ыIуи, гурьтым ыдагъэп.

ИтIуанэ, ар ахэмэ зэраIoфэдже, Чэчанэкъо Чэчанэ Iэгум къыдэкIыжъи къежъэжъыгъ. КIожьынэм ар фэягъэмэ, цыфы кIэмыхъэу зыдэкIотым нэсыжъыни, ау хэгъуашхъэм къыIухъажъи, нарт Шэбартныкъорэ ибысым кIалэмрэ къаплъэмэ алъэгъунэу, ыужыдже къэкIырэри къакIомэ къыкIэхъанэу, а ЧIыпIэм щыуцугь.

ЕIэбэхишь, бзылтфыгъэр ыгъэуцуи, иши онэкъопэ пхэнджы ышIыгъ. БIшу къэгъэзагъэу шыор къыздэкIытэм ыльэнныкъ плъэу уцугъэ. А зыпэ пиутыгъэм иIашэдже IэкIо-лъякIу, иши машIo Iуихэу, ежь губжыгъяеу къэсигъ.

— Ыхы, цыф цыкIу, штыда уихьисапэр? КIэлэццыкIумэ арашIэрэр непэ къысепшIагъ. Ау узэремычъэжъэжъыгъэр синаасып къыубытыгъ, псэу уиIэр сэ хэсхыт! — къыIуагъ иным.

— Мыщ о укъэзэрәкІотәр сымышІәу сыщтыгъәп! — ыПуагъ Чәчанәкъо Чәчанә, — сычъәзә укъэссыгъәп, сыщтыәу укъэссыгъ нахъ. Ау зыхъуджә, укъизэрәкІуагъәр зыджи изгъекъурәп. Шъуанахыжъәу Йорыжъорәу а унәм къинагъәм а Йофәр нэзгъәсит. Мыщ ыпәджә къыЛухъагъәу зэогъу къыштүфәхъугъәмә ялляягъәу непә гъәшІэгъон сә шьосшІәт! Шъощ фәдәу жъалымәу, чІәу зәрыкІорәм фәмыйатәу, зи гүкІэгъу зыхэмымлъәу щыт ҆ыфымә сапәгъокІындҗә сыхъазырәу сыщыс сә. Ау зыхъуджә, зэуакІәу о уиІәм ахад, сә къисаIу. ПшІоигъом тетәу сыкъежъэт.

— ЗэуакІәу тәтиІәтәр, — ыПуагъ иным, — узышІолІәу о уцЫифышъ, тикІакІохәр тыубгъун, щә блырыбл дгъэЛылъынышъ, тызәзәт. А купәр зәфидгъәкІымә, тишымә тяшэснышъ, шыбгъәдҗә тызәт, тяхазәу ефәхырәм ришІәтым фит, къанәрәр орәкІожъ. А Йофым ар къесәIуалІә.

— Боу хъун, боу дәгъу!

КІакІохәри зәфаубгъуи, шкончы огъуджә зәкІакІохишъ, зөонәр аублагъ. Чәчанәкъо Чәчанәм зыпә пиутыгъә кІаләм Йизын ритыгъ:

— Зэогъу сә осхыгъахә, убләгъур о уиеу сәшшы!

— КъыюкІу, ашыгъум! — ыПуишъ, Чәчанәкъо Чәчанәм къытыригъәпсахышъ къеугъ адрәр.

Къытыригъәфагъ, шызәбгыриутыгъ ыдҗыри. ЕтІуанә, Чәчанәкъо Чәчанәм тыриубытишъ, иным еуагъ. Чәтүү щыр кІоцЫипшиным фәдәу хиутыгъ иным. Ащ тетәу зәзаохәзә, щә блырыбләр рагъәкІыгъ. Аужыпкъәрә щәр изгъәкІыгъәр Чәчанәкъо Чәчан. Аужыпкъәрә щәу зәреожыгъәм лъәшәу инәр зәридзагъ. Щә блырыбләр заухыдҗәрә яшыхәмә яшэсныжынхәшъ шыбгъәдҗә зәзәонхәу аІогъагъети, шъхъаджы ишы екІужыгъ. Чәчанәкъо Чәчанә, зи темыфагъәм фәдәу, псынкІәу шәссыжыгъә. Адрә инәр ерагъәу дәкІоеjыгъ.

Тпори шәу зытесыхәр аслъаным фәдәхәти, зиши нахъ зыгъәЙорышІәтәу гъэрет езышЫлІәтәр нахъ текІонәу щытыгъ. Чәчанәкъо Чәчанә зәрәшсүсигъәм лъыптыгъ, шкомылакІәм иугъоижыгъо римыгъафәу, адырә иным телъадишишъ, фигъәпси шыбгъәмдҗә еуагъ. Тесыгъа, темысыгъа пІоу зәщиутыгъ. Ичатә къырихи, ай лъыптыгъ тириубытишъ, еуи ыштхъә шПуихыгъ.

Тесыгъәр зәрефәхыгъәм тетәу шым ыгъази, Іәгум дәхъажыгъ. Анахыжъым къылтәэгъугъ шәр зәрәдәхъажыгъәр. Нахы кІаләу къенагъәм едҗагъ:

— КІалә, мы шәу къэкІожыгъәр спІотәрәзәп. Мы кІаләр псаумә, мы шәр къэкІожытыгъәп. Ау зыхъуджә, уиуанә телъхъи, уиашәхәри зыгуалъхы ыужы ихъ.

— Ыхъы, ыдҗы ащ ыужы сәри сихъан, сә саужы ори укъи-хъан, о уаужы къихъажын о бгъотыжынәп. А кІаләу тизылтыкІорәр а къэкІуагъәм ыукІыгъ. А шәу къэкІожыгъәри фәягъәмә, къытІупшыжытыгъәп. Ау зыхъуджәрә, амал сә сиІәп, сежъән, — ыПуишъ, гурытый иашәхәри къызыгуилъхы, ишы къешәси къежъагъ.

— Шъыдәу фәмыйф мы кІуагъәр! КъыукІыгъәми, мо слъәгъугъәр арыба къэзыукІыгъәр. Ай зыкъезыгъәукІыгъәу, ар

зымыукІышъугъэм угу фэмыгъупхъ. Ай сэ сыгу фэгъужьырэп, – ыPuагъ нахъижъым.

– Хъурэр тлъэгъун, – ыPuишъ, гурытэр къыдэкІыгъ. КъакІозэгъо апэу хъадэм къыPuагъ. Ышъхи шПоупкІыгъэу, ыбгъэхэри шэхэмджэрэ пхыутыгъэхэу ащ тетэу зельэгъум, ышъхъагъы иуцуишъ:

– Адэ, штыдэу гъэшІэгъона, уиIашэхэри зэрэпІыгъ, уичати зэрэбголъ... лъэшэу гъакъ ебгъэIогъагъ! Мыщ фэдизэр къызыуешІэм, уапхыгъэу ушысыгъа? Ежъ зэтесэу сэлъэгъу. Ежъ нэмыкІ къьюугъагъа? Ар штыдэу гъэшІэгъона! – ыPuишъ, псаумэ зэрэдэгүүшІэнэу ышнахъыкІэ риPuагъ. Ар зыфыриPuагъэр, «мы кІалэр мыгъо тфэхъун» зеIом, зэрэдэхъашхыгъэр ары нахъиджэрэ, аукІыгъэр ыгу хэмыкІыгъэджэрэ арап.

Еуй, хъадэм блэкІишъ, Чэчанэкъо Чэчанэм дэжьы Iухъагъ.

– БІхы ыджи, спынахъыкІэ къэуукІи, типшэрахъи епхыжъэжыгъэу укІожынэу о ущыт? – ыPuагъ.

Чэчанэкъо Чэчанэм къэгүщайшъ:

– Ащ нахъижъ згъотыми, сүкІынэу сэ сыщыт нахъ, сыкІожын сюгъагъэемэ, хэт къыскІэхъажыныя. Сэ сзышшу, сыштуукІыджэрэ саужыдже шыу къекІеу, сэц паеджэ къышгъущыхъатэп, сэ шьо шъузысыуукІыджэрэ, мы тофэу сзыпылтымджэрэ сыгу рэхъатэу згъэзэни сыкІожыйт. Ащ сэ сыпапльэ нахъ, сечъэжъэжышъуни, – риPuагъ.

– Адэ, ашыгъум, цыфы цыкІу, «спынахъыкІэ мый къехъулIагъэшъы» сюу икъэбар спынахъыжъы фэсхъыжъынэу сылIыкІу сыкъекІуагъэп. Сэ сзыэонышь усыуукІынэу, спынахъыкІэ ылъ спшэжынэу ар сиунашъоу ары сыкъызыфыдэкІыгъэр.

– ИкІахь итшыжынэп ай, сэ сифэхъазыр, хэт къисэзэон сэIошь мы чIапІэм сэ сыщыт. Къэубл! – ыPuагъ Чэчанэкъо Чэчанэм ащ дэжым. – ЗэуакІеу къыфэбгъотырэмджэ о къэуублэнэу Iизын осэты, уянэ къылтьфыгъэр пэмыIапчъэу гольтышІэ сэ фэсшыйт. Шъош фэдэу утэштуагъэмэ яфэштуашэ лъыкІэхъанэу, непэрэ мафэр мэфэ мыгъо шьо шъуфэхъут!

– Ашыгъум, – ыPuагъ иным, – лыузыгъо сиIэу сылIы губжыгъахэу сэ сыкъыдэкІыгъэшъ, тишихэмэ татесэу тисэшкохэмджэрэ тызээзонэу а унаштөр сэ сэшЫ.

– Бэу спшоиггүй! – ыPuагъ Чэчанэкъо Чэчанэм.

Чэчанэкъо Чэчанэм шэси, зэфильдэк'ыкІихишъ, ячатэхэр къырахи, зээсонхэм фежъагъэх. Чэчанэкъо Чэчанэм шэу зытесэр нахъы дэгъути, адре инэр къеоны хъумэ, къылтышІэмыхъэу, мыдрэм зыригъэдьдажьэджэ, ИекІэмыхыкІеу арэу щытэу къупшхъэр къахэзэрэгъэтэк'юу нэбгыритIор щызээзэуагъ. Инэр къеуи, Чэчанэкъо Чэчанэм лъэшэу Iаеу къыуIагъ. ЕтIанэ тыригъази, Чэчанэкъо Чэчанэм телъадишъ, ежъ къызыхъугъэмрэ а чыпIальэмрэ азыфагу зэрэмгыгубжыгъэу а чыпIальэм щыгубжыгъэу кIуачIеу иIэр зыдимышІэжъэу еуишъ, зэфэдитIоу инэр зэпигъээзыгъ. Инэр шэу зытесыгъэр ежъэжки кІожыгъэ. Игум дэмыхъажызэ, анахъижъэу къэнаагъэм шэр онэгу нэкІеу зэрэкІожырэр къылтьэгъугъ.

– Мы огъурцызым зы мыгъуагъэ горэ къысишІэгъэн фае! Мы спынахъыкІитIу къызыфезгъэуукІыгъэр шьыд, сэ сылты-

дэмыгkIэу? Ар сэ сидэкIыгъемэ ыпсэ Iусхыныешь, спынахыкIитIуи къысфэнэжбытгъагъэ, – инэр лъэшэу зэгыижьи, къеуи къыдэкIыгъ.

– Мыр къэсыукIыжыджеэрэ спынахыкIэхэр къэзгъэхъу-жын слъэкIына? Шыдэу Ioфы къысишIагъэр, шыдэу тхъамыкIагъу! – ыIозэ инэр къыдэкIыгъ. КъакIозэ, анахыкIэ дэдэм ихадэ къыIукIагъ.

– Ыхы, спынахыкI! – ыIуагъ, – ПкIэнчъэу узгъэкIоди зы мыгъо тыIукIишь, пхъатэ пэсмыыхызэ. О укъэхъумэ, лы ухъутыгъагъэ, игъом уIузгъэкIагъэп. Ау сэ сифэрэз, хэти ешишIэтымджи, епIотымджи ушыщынагъэп. О уиль сэ спIэжын, ащ сэ сифырик'ун, – ыIуишь, ащ къыблэкIыгъ.

Адырэ ышы гуртым ихадэ къызынэсым:

– Узэнэгуягъэ шышик'эр о къьюхъулIагъ. Сэ укъысщынишь, мыш укъылтыйдэкIыгъ нахь, гурэ кIуачIэрэ къепхылIэу мыш укъекIолIагъэп. Ау ишIуагъэ къышъокIыжынэп нахь, шъи-хадэхэр мыучьыIызэ, ар сэ къыгъуогзгъэфэн. Нэ гъонитIoу ащ иIэр щытэу къебгъукIуагъ. Чэчанэкъо Чэчанэ дэжь къэсыгъ.

– Ыхы, мыгъожь! УцЫфы шхъохьышIэштын о, непэ шIагъэу слъэгъурэмдже. О сэ непэ усIэкIэкIытэп. Ау иджы сэ сиозэоны зыхъуджэрэ, бэу езгъэк'удыитэп. Ioфэу зэдьитIэр сэ къэозгъэIот. ИкIахь итшынзп, заом тыфежьэн, – ыIуи, иным къыIуагъ.

Чэчанэкъо Чэчанэ ай къыриIолIагъэр:

– УкъээрэкIотым сипаплъэу сэ сищытыгъ. Сызэрэожа-гъэр спIуабэ нахь, укъызэрэсэотэр сымышIэу сищытэп. ПшынахыкIитIу уиджэгъуагъэштын о, зы мафэм шъукъэхъу-гъэп шъхье, зы мафэм шъулIэжыйт, – непэ шъуипIальэ. Зэоным узэрэфежьэнэу къолае узэрэхъутым, пшынахыкIэмэ аль зэрэшишIэжытим амалы узэрэфехъутым къыпыгушаIэ нахь, ай нэмыхI ащ ишыкIагъэп.

Инэр къэгушаIишь, зэуакIэу къыIуагъэр ары:

– Сагындахыщэ щэкI сэ къыпфыиздэсщагъ. Аужыпк'эрэ мафэм зепхъажыты щэу узгъэгушIонэу а заулэр къыпфэсхыгъ. Щэ щэкIэр сымухызэ псэ зыIусхыдже, Ioф бдисилэжьэп. УсымыукIэу а щэкIэр зизгъэкIыхэдже, сичатэджеэрэ шIосхыжыйт, – ыIуагъ иным.

– СызыкIэмьупчIэрэр, – ыIуагъ ащ ипэгъокIэу Чэчанэкъо Чэчанэ, – сиуукIын зыхъуджэрэ къысэшишIэтэр ары. Ау сэ осшIэ тэр – ар къыхапIорэп, о шIоиггьор ары нахь. О пшынахыкIитIуи сиуукIыгъэ. Ори усыуукIыйт, синаасып къызиубытыдже. ЗэуапIэм тызэрихъатым зыфэухъазыр.

– Шкончы огъуджэ тызэкIонышь, тызэпэуцут, заор ащ щытыублэт, – ыIуишь, иным ау щытэу къыIуагъ.

– Хъунба, уильэгъун гъэцакIэ, хэпшIахыирэр слъэгъун, – ыIуагъ Чэчанэкъо Чэчани.

НэбгыритIор зэпэIапчъэу зэоным фэуцугъэх. Нарт Шэбарт-нык'юмрэ ябысмымрэ хъугъэ пстэури къялтэгъунэу, лъэшэу руругумэкIыхэу, къылтыйкIотагъэх мэзы Iушъом.

Ябысым кIалэр, а инэу къыдэкIыгъэм, адэр нэбгыритIумэ зэуакIэм хашIыкIырэмрэ кIуачIэу яIэмрэ ялыеу бэу хэлъэу

ешІэти, лъэшэу гумәкІыгъэ. КъыхэмымыкІын яунашьоу Чәchanәкъо Чәchanәм тхъэу ыІуагъэм папкІәджәрә щәңцинәх нахыдҗәрә, къыхекІыныхәшты, зэуапІэм къихъаныхәу агуджә зәгозых ахәри.

Ахәр ау щыт.

Б҃дже мыдырә низбәритІум зәоным даублагъ. Инәу къыдәкІыгъэр Чәchanәкъо Чәchanәм апәу къеуагъ. Заори къыублагъ., Ащ тетызәгъо ѡә щәкІ-щәкІәр ззтыраунәкІагъэ. Чәchanәкъо Чәchanәм ишәмә ашыщәу къытемыфагъә къыхекІыгъ. Щәу айыгъэр аухи, ячатәхәр къирахишь, лъесәу зәфәкІоныхәшты зәонәу ай хәхъагъәх. Чәchanәкъо Чәchanәр, ащ ыпәдҗә къытращәгъэ уІегъэ зауләри, ыужым къытехъуагъәри къехъильтәкІишь, зыдежьягъэр зәфәдитІу ымышІәу мәхыгъэ. Ар зәрәмәхыгъэр ибысым кІаләм къызәрилтәгъугъэм лъыштыту, мәзым къыхехъушутишь, къечъәжъагъ. Шымә ялыети зытесыгъэр, мы инәу къекІуалә пәтүрәр, ари уІагъәу щыгыти, къэмисызәгъо кІаләр къәсишь, еуи инәр ыукІыгъ.

ЗеукІыжым ыуж нарт Шәбартныкъо къәсишь:

– Елыбәт! Мы кІаләр о къаштә, шъузәр сә къәспшәненшь, шІәхәу кІаләр нәтәгъәгъесыжъ, къэмымынәхъәжызызәгъо. Мы чапІэм къышынәхъәжъәу, мы ләр о зәрәуукІыгъэр зишІәджәрә, ыгу хәкІыт, елыбәт! – ыІуишь, кІаләри шъузәри нәбгыритІумә зырызәу къаштишь, къекІожыгъәх.

Къызынәссыжъым бысым шыаштәр елыбәтәу къапәгъо-кІыгъ, кІакІом кІоцІыщахыгъэ кІәлә мәхыгъэм къеIишь, псынкІәу хъакІәщым рихъагъ. Нарт Шәбартныкъо ыІыгъыгъә бзылтъфыгъәри шым ригъәуцошишь, ари шыншІәщым ихъажыгъ. Елыбәтәу шыаштәр адәр үнәм кІуишь:

– Шәхәу псы къеухъазыр, кІаләм уІагъәу тетыхәр стхъакІытыхәшь, – шъузым риІуагъ.

ЗәриІуагъэм тетәу, псынкІәу псәу екІутәри, сабынәу екІутәри къышуҳазыришь, елыбәтәу къыхыгъәх. А кІаләу ябысымырә а шыаштәмрә Іәзә Іофымдҗәрә анахь Іазә умыгъотыжынәу, ащ фәдизәу Іәзагъәх. Уцы дәгъоу яІәхәр къирахылІи, ышыре ышыпхъурә еІыстылІәшишь, дәгъоу атхъакІыгъ. ІеплъәкІәр къашти алъәкІишь, уцы дагъәу екІутәр щафи, зәрәмәхыгъэм тетәу апхи агъәгъолтъагъ.

ЕдәІухәмә, ижъ зәрәхәтәр ашІәу, ау нәпәмымыкІыдҗәрә къэмыхъыеу чәш-мәфищә щылтъагъ. ЯплІэнәрә мафәм зышинынәссынам тІәкІу къәпІәтІәрауи зыкъигъессыгъ. Аугозәрә иакъыл къыгъоти, къәгүщәІагъ:

– Шыда къысәхъулІагъәри, къыссышІыгъәри? Къыса-шъуІу... Аужыпкъәм къыдәкІыжыгъэ шыум икъуджәрә шъобжә зәресшІагъәр спІәтыгъ. Ыужыпкъәм ежыри сә садәжъ къакІоу къысфежъагъ, сәри ежъ дәжъ секІолІәненшь, сеонәу сиунашьоу сежъәгъагъ ау нәбгырищым уІагъәу къысфашигъэм къыхекІы-дҗә лъы бәу скІәкІыгъәу щыгыти, сыгу къәчәрәгъоу, спіхъә къеуназәу, ар къыздасшІәу ащ тетәу сыхъугъ. Ащ ыужы къысәхъулІагъәм зи хәсшІыкІырәп. Сә сизәрәхъугъэм фәдәу ежыри хъугъәу лІагъәмә, спІәрәп, ІукІыжыгъәу кІожыгъэмә спІәрәп, къехъулІагъәр къысашьуІу, – ариІуагъ.

Нарт Шәбартныкъо къәгүщәІишь, къыриІуагъэр ары:

— О узыщебэджыгъэм псынкIэу тибысым кIалэри къежьагь, сэри сыкъежьагь. Шъхаджэрэ титIу язи къэмисэу, инэу узэзаотыгъэр, о уаужым хъэлтэбэкъу заулэ нахь къымыдзэу ебэджыгъ. Ай лъышытэу ащ ыпсэ хэзыгъ. Ар щымыIэжьэу иIoф ау щытэу зыхэкIым, ащ ыужы Ioфэу тиIэр орыти, о уижы хэтыджи тымыгугъэу, улIагъэджи тенэгуеу, тыкъышшхарьахъагь. Сигъусэ кIалэр зэкIэм шшхьашь къытIагь:

— Илтынфэхэмэ ыджыри Ioф ашIэ, — ыIуишь, елыбэтэу икъамэ къырихи укъитхахыгъ. ИкIакIо къыштыриубгъуи укъыкIоцищахьи, псынкIэу шэссыжыгъэ — Мо къыкIаIэри, мэр сэ къисэт. ПсынкIэу нэдгъэссыжьэу, ыпсэ хэтэу тызынэссыжьиджэрэ, Iазэ тылъыхъутэп ащ игъэхъужын, тэ тшIэрэм къуубытыт, — ыIуагь. Ащ лъышытэу сыкъышкIаIишь, укъестыгъ. УкъыIуихи, ар къыIуукIыжыгъ. Сэри сиш сыкъекIэссыжьи, сыкъеIэбэхи, адэ бзылъфыгъэр къасшишь, сыкъежьэжыгъ.

Унэм тыкъызынэссыжьым тибысым шшашьэр къытпэгъокIишь, елыбэтэу утIихишь, хъакIоцым урихыыIагь. Бзылъфыгъэу къэтхыхыжыгъэр, зэрэггэуцохыгъэм тетэу иунэ ихъажыгъ. Шшашьэр псынкIэу лъянэсий:

— Псэу екIутымрэ, сабынэу екIутымрэ къэухъазыр! — ай риIуагь. Елыбэтэу къаухъазырешь, псэр къынагъэси, сабынэри къахьишь, ышырэ ышышхъурэ къыюIыстылIэхишь, уIагъэу птельхэр зэкIэ атхъакIыхи, IэплтэкIэр къаштишь, уальэкIыжыгъ. Уцы дагъэр къышфаишь, уапхишь, уагъэгъольыгъ. Уижь зэрэхэтэр тIэкIу хашIыкIэу, ай нахыдже къэсис уимыIэу чэц-мэфишэ ущылъыгъ. ЯплIэнэрэ мафэм тIэкIу укъэссыгъ. Ащуужы тIэкIу-тIэкIузэгъо ыджы укъызынэссыгъэр о ольэгъу. НахышIуо ухъугь, — ау щытэу къыфиIотэжыгъ нарт Шэбартныкъо.

Чэчанэкъо Чэчанэ къэгущаIи къыIуагь:

— Шъыд къин слъэгъугъэми, шъыд уIагъэ стелльими сырыйраз, иныхэу, жъалымэхэу сашхъагьы къихъагъэхэмэ гущаIэу къысаIуагъэмрэ ясIожьыгъэмрэджэ синаасып атекIуагъэмэ. Ялэпсы жъуагъэ щыщэу сшкыгъэр ашIoфэу, лъэшэу емыкIу спIагъэу къистегущэIэгъагъэх, ау чIыгуджэрэ загъэшкэIыгъ джы.

Ащ тетэу еIазэхэзэ, мэзишэ аIыгъыгъ. Ышыджи, ышышхъуджи ай нахыбэу емыгугъунхэу, алъэкI къэмынэу, бысым шшашьэрэ бысым кIалэмрэ лъэшэу ешхъэкIэфагъэх.

Ащ фэдиз Ioфэр а купмэ зэрахъэу, а кIалэм ихъызымэт а купэр хэтыфэджэрэ, Чэчанэ къакIоу а унэм къихъэу «КIалэр шшыдэу хъура?» ыIоу къэупчIагъэп. Ау нарт Шэбартныкъо Чэчанэ дэжь кIоу, тIэкIурэ къышысэу, къехъулIагъэхэмрэ Ioфымэ къарыкIуагъэмрэ атегущаIэу ащ тетэу щысэу къыхэкIыгъ.

Бгъэшэсымэ, шым екIунэу, Iашэхэр зэрихъан ылъэкIынэу зэхъужым ыужы, Чэчанэкъо Чэчанэ къыIуагь:

— Ыхы ыджы, нарт Шэбартныкъу, тэ гъогу тытет. Ильэс пчтагъэ хъугъэ тянэ иIэгу сыкъызыдэкIыгъэр! Ау зыхъуджэрэ, а тхъамыкIэм Чэчанэ аукIыгъэу сэри сыкIодыжыгъэу шIошIышь, а гугъум хэт. Тятэ ыпашхъэ сэ сисы шхъяе, тянэ иIoф дэи. Ау зыхъуджэрэ, тежъэжын фае. Тигъогу тытегъэхъажь.

— Хъун, сикIал, о нахышIуо укъэхъоу, уИофыхэмэ тIэкIу заузэнкIымэ сIотыгъэ нахь, а Ioфэр сэри сшыгъушагъэп, — ыIуагь нарт Шэбартныкъо.

Нарт Шэбартныкъо бысым к!алэм Йофым ышъхъашыгу фырихыгъ:

— Чэчанэкъо Чэчанэ нахьыш!о хъужьыгъэ, ежъэжыным ылъэныкъо ыгу ыдзыжьыгъ. О узэрэшыгугъытыгъэр фигъэцак!и, уинасып къыубытыгъ, уипыххэри пфиухыгъ, уишъузи къыххыжьыгъ. Ау зыхъуджэрэ, рэзаджэ урымыхъоу тыптиупщыжымэ, тык!ожынэу ары, — ри!уагъ.

— Боу игъу, боу дахэ! — ы!уагъ бысым к!алэм. — Йофэу си!эр сфершъуухыгъ, къинэу стельэри стежъугъэзыгъ, ау зыджэ сюолъэутышь, а зэр сфергъэцак!и, нарт Шэбартныкъу. Сызэрэолъэ!утэр: мы к!алэу уигъусэр былымджи тхъамык!эп, ык!уач!еджи фэмыфэп, «зы шы купы горэ остын, зы ахъчэ куп горэ остын» с!оджэ, с!ихынэп. Непэ къызыфэс!от Йофэри Чэчанэкъо Чэчанэ еп!оны зыхъуджэ, ежьыри т!эки!уук!ытэн, сэрыджи ук!ытэгъо т!эки!уук!ыхафэ, ау ар сэ сымы!омэ, хэты къысфи!он, о ар еосымыгъа!омэ, хэты резгъэ!отэн? Къыс!отэр ары: тлъэпкъдже тыпелыуан. Сшыпхъу нахьыжъи сэц фэдэу пельуан, ежь фэдэу мыпелыуанэ дэпсэун ылъэк!ытэп. Ау зыхъуджэрэ, ш!омы!аеу сшыпхъу шъузыджеэрэ ыщэу зык!ожынджэрэ, блэгъагъэу зэфыти!эр ригтиш!омык!одыжынджэрэ нахь къолаеу сэ сп!ош!ы. О хэп!уахыытэри къа!о.

— Мы Йофэу къызыфэп!уагъэр, — ы!уагъ нарт Шэ-бартныкъо, — Чэчанэкъо Чэчанэ ымыштэмэ мыхъунэу сиуцун, а бзыльфыгъэм нахь дэгъу Чэчанэкъо Чэчанэ къымыгъотынэу сэ къэсүшыхъатын. Иzek!уак!эрэ Йофырэ зэрэштым лъэшэу сибу е!угъэу сищыт. Ежьыри зыгорэ хиш!ык!ын ай, ау зыхъуджэрэ, сэ пфес!он, къыси!орэр ос!ожын.

Шэбартныкъо унэм къихъажьи, Чэчанэкъо Чэчанэу щытыйм ри!уагъ.

— Чэчанэкъо Чэчан, лъэгъун бдыси!эшь, Іизын къысэптымэ, ос!отэт. Лъэгъунэу ос!отым, урыук!ытэнэуи къыхэфэтэр лъэныкъуит!умджи хэдгъэк!ынышь, шъыпкъэджеэрэ тытегущэ!ахыны фае. Къэбарэу сэ ос!отэр сэ спшэгъахэ, ос!ожынэу ары ны!эп. Ау зыхъуджэ, ащ еп!ол!этэр о пш!эн. Уас!орэ пштэнэу сишигъугъы. Іизын къысэптымэ къэс!от.

— Къа!о, Шэбартныкъу, штыд къэп!отыми, о пштагъэр сэри мыштэу сп!ытэп. Сымыштэнэу къыхафэрэ щы!эмэ, шъхъак!о умыш!ынэу шъхъашыгу ихыгъэу тызэдэгушщ!эн. Сштэнэу къыхафэрэри ари ос!отэн, — ы!уишь Чэчанэкъо Чэчанэм ау щытэу къыри!ожыгъ.

Ащ тетэу пштагъэм и!офджеэрэ бысым к!алэм гуша!эу къыри!уагъэр зэк!э ри!отагъ. Ар зыре!уатэм, Чэчанэкъо Чэчанэ лъэшэу ук!ытагъ.

— Мы гуша!эу ыдж къэп!ыгъэр пк!ыхъаджи сибу къэк!ыгъэп. Нэпэмык!ырэ Йоф горэм ук!ытегущщ!эт сп!ош!ыгъэ нахь, а гуша!эу остыгъэр остыныеп. Къэп!огъах, Йофэри сэбгъэштагъэ, спшэгъахэуи сэ ос!уагъэр, мыштэ сп!ыжынэп. Сштэнэу Йофым хэлъэр ос!он, сымыштэтэу хэлъэри ос!онышь, ет!уанэ Йофэр зэрэхъурэм тепльян, — ы!уагъ Чэчанэкъо Чэчанэм. — Тятэ сирильхъуак!оу ильэс пш!ык!уш синыбжъэу тади си!къыдэк!ыгъ. Купэу си!къызыхъек!ыгъэхэмэ шъхъак!оу

сэ сагъашЫгъэмрэ тянэ къинэу ылъэгъугъэмрэ азыфагу «къыздэкІон згъотыгъэ» сэІоджэ, тятэ урилэгъоу ори усигъусу, тятти сигъусеу, шъо шъусишъузыщэу сщэу сыкІожытэп. Ау тятэ нэзгъэсыжъеу, иныбджэгъоу къэнагъэхэмрэ цЫфэу къыфэгушІотхэмрэ яІоф хэзгъэкІэу ар зысыухыдже, егІуанэ сыкъежъенышь, ышІуабэ мышІэрэмэ, сэ сыкъекІолІэжынышь, Іофэу сэжъугъештагъэр ай щызгъэцэкІэжын. Іджау щытэу зымыхъуджэ, дышъэр ынэкІапэджи, тятэ ар игъусеу сщэу сыкІожытэп.

— Хъун, сикІал, ар къызэрэпІотым сыгуджэрэ семынэгуеу сыщтыгъэп, ау уижэдэкІ зэхэсмынхэу, монгтэу мыр хъут, сІоу сэрсэрэу есІо хъутыгъагъэп нахь. Тэрээзу къэпІуагъ, — ыІуагъ нарт Шэбартныкъю.

Ябысым кІалэ ар зреІожым:

— Хъунба, шъыдэу щытми, мыштэ тимышЫгъэу зэ къытэолІэтымэ, нахыбэ сифаеп, — ыІуишь, кІалэм ыштагъ.

— А Іофэр хэкІыгъэмэ, ыджен тызэрежжэжытэм тетэу тиІоф ухъазыр, тишихэр арыми, тигъомылапхъэми тищыкІагъэр ошигэнышь, ухъазырыжь, — нарт Шэбартныкъю бысым кІалэм риІуагъ.

Шэбартныкъю унэм къихъажьишь:

— Іофым пІуалъэу фэпшЫгъэр ипІуалъ, укъызыщеулІэрэм хъазыр. Ау зыхъуджэрэ, тежъэжынэу ары джы Іофэр зыІукІагъэр — ыІуишь, Чэчанэкъю Чэчанэм риІожыгъ.

Шъиды илПэужыгъоми, гъомылапхъэу купымэ якІутэр бысым кІалэм къыухъазырыгъ. Ежь иши лъэпкъы щыщэу шиплІ къыдищыгъ. ЗекІо уанэу яІэхэри атырильхъажьи, ахэр шышІоум къырипхыгъэх. Чэчанэкъю Чэчанэрэ нарт Шэбартныкъорэ шэу зытесыгъэхери, ахэри къыдищыжыгъэх, ахэри шыхэм ахипха гъэх. Унэм къихъажьишь, къыриІуагъ.

— Нарт Шэбартныкъю, Чэчанэкъю Чэчанэ нахьи о унахъыжь, ятэ урилэгъу, ау зыхъуджэрэ, сигушаІэ о нахь къыфэсэгъазэ. Чэчанэкъю Чэчанэ естьджэрэ былым сІихытэп, шъыд фэсшІэнзу сІуагъэджи ыштэтэпышь, а Іофым пае зи хэсІуахыгъырэп. Ау мы шищэу къеспхыгъэр мы хэу тызэрэкІыжытымрэдже лъэмиджым фэдэу, ашь нахь къин ачымыхъоу икІынхэу, ай фэгъэсагъэх. Непэ шъорырэ сэрырэ тызэблагъ. Уиблагъэ пильэгъу пшІоигъю зыхъуджэрэ мэфэ пІуальэ иІэп узэрэкІотым. Мы шы-лъэпкъэу шъо шъузытесыхэр шъо шъуихэгъэгуджэрэ шы дэихэп, ау сэ сиши лъэпкъ ахэр къыкІэхъанхэу щытэпышь, зыпшІомыгъэІаеу а шищымэ шъуякІэсэу шъуарыкІожымэ спІоигъу, ары къызфеспхыгъэхэр. Шъо шъуишихэмэ чэш-мэфиблым акІутэр сэ сиши лъэпкъы зы чэш-мафэдже ыкІут. Ашь фэдизэу гъэрет ахэль, — ыІуагъ.

— Хъунба, сикІал, шырэ Іашэрэ Чэчанэкъю Чэчанэ, ыджен непэ зытетымдже, бэу ищыкІагъ. Тэ лыжъ тыхъугъэ шхъяа, ашь икъежэгъу, ау зыхъуджэрэ, бэу игъоу сэлъэгъу, — ыІуагъ нарт Шэбартныкъю.

— Іджен, шъухъазырэу шъуежжэжытэмэ, Чэчани къисщыжыт, — ыІуишь, бысым кІалэр Чэчанэ дэжь кІуагъэ.

— Чэчан, — ыІуагъ кІалэм, — къин озгъэлъэгъугъэ, укъысэзэшыкІагъ. Шъыд пшкыгъэми, шъыд пшыгъыгъэми утхъа-

гъэп. Ау Йоффэу бдиси^Iагъэр икъуджэрэ Чэчанэ^K ю Чэчанэ сфиғъэцэ^Kагъ. Сэ къинэу си^Iагъэр икъуджэрэ стырихгъ, сипыхэри сфиухыгъ, сишхъак^Iиу стыригъэзыжыгъ. Ау зыхъуджэрэ, непэ ежъэжытхэу, а унашъор я^Iашъ, ори уадежъэжыйт, Алахъэм ш^Iу къынфеш^I, гъогумаф, осэ^Iо. О къоу уи^Iэм шыыд ил^Iэуужыгъорэ Йоф уи^Iэми, ай зэш^Iуихынэу, ил^Iыгъэрэ игъэретырэджэ нахь дэгъуджэ умыхъопсэжынэу ар аш тет, ихъяр ольэгъу! Гъогумаф, осэ^Iо. Рэзаджэ укъысфэмыхъу.

— А сик^Iал, Йоффэу уи^Iэри уухыгъэу, уипыхэми угу атепщэхагъэу зэрэхъугъэр сигуапэ. Чыжъэджэрэ уапэдже уплъэзэгъо, укъысщыгугъэу саужы уитыгъэшъ, укъызэрэсэнэц^Iытыгъэу Йоффэу къыздыу^Iагъэр гъэцэ^Kагъэ хуугъэмэ, сэ къинэу слъэгъугъэмджэ гукъао пфыси^Iэп. А к^Iэлэжъым ыпашхъэ сисигъэджи ай нахын^Iоу симы^Iыгъынэу симы^Iыгъыгъ. Ау зыхъуджэрэ симфэрэз, — ы^Iуагъ Чэчанэ.

— Ашыгъум, о уи^Iофи хъазырышъ, ори уадежъэжын, — ы^Iуашъ, к^Iалэр^Iап^Iохэр зэрылт унэм къак^Iуашъ, танышшо джэдигу Чэчанэ къышилъагъ, дышшэ бэш къыритыгъ. Зы нэгъундже дышшэу къыритишъ, Чэчанэр унэм къырищыжыгъ. Ибысым ышшашшээр Чэчанэ къыпэгъок^Iишъ, лъэгонджэмышхъэдже къэ^Iыстыгъ, ыльэ^Kыны къебэугъ.

— Бэрэчэт босын, тхъэуегъэпсэу! Къини къыддэпльэгъугъ, ыджыри уезэшыгъ, гъогумаф, сыхъатмаф! — къыри^Iуагъ.

Шыхэмэ як^Iол^Iэжъи, шэсүжыгъэх. Ятэ ип^Iэгъуалэу Чэчанэ^K Чэчанэ зытесыгъэр ябысым к^Iалэм къызыггиуубытагъ. Нарт Шэбартныкъо ишэу зытесыгъэр Чэчанэ^K Чэчанэ къызыггиуубытишъ, къеуи къежъэжыгъэх.

Хым къик^Iыжыгъэхэу къэк^Iожызызэгъо, ябысым к^Iалэри къадик^Iыгъэу зыкупрэ къэк^Iуагъэхэу, «гъэзэж» ри^Iуагъ к^Iалэм.

— Тау хъумэ ар ш^Iуфа^Iорэ, мы Йоффэу ыдж непэ тызыхэтымрэ ш^Iо къинэу къыздэшшулъэгъэхээрэ анахь къини ар хъуна! Ау зыхъуджэ, Чэчанэ иунэ егъотыжыфэджэрэ а гуша^Iэр къысэшшумы^Iу, къэзгъээтэп, — ы^Iуашъ, бысым к^Iалэм ыгъэзэн ыдагъэп.

— Хъунба, ай нахыбэрэ ай тытегущ^Iэжынэп, — а^Iуи, еомэ к^Iожыхэзэгъо, нарт Шэбартныкъо ичылэ нэсүжыгъэх. Шэбартныкъо дэжъы дэхъажъыхишъ, ешкэ-ешъомрэ джэгумрэ зэхэтэу ай щаублагъ. Мэзишэ охъуфэджэрэ нарт Шэбартныкъо дигъек^Iыжыгъэхэп.

Мэзищи зэхъум ыужы, заухъазырыжы, купэр ежъэжыгъ. Нарт Шэбартныкъуи адак^Iуи, Чэчанэ^K Чэчанэм ихэгъэгу ихъажыгъэх. Зехъажъхэм, Чэчанэ ип^Iэгъуалэ нэмых^I аш^Iэжын къахэк^Iыгъэп.

Пк^Iэгъуалэр зылъэгъугъэм зэрэш^Iыгъэр, Чэчанэ^K Чэчанэр тесэу зыдэ^Kым алъэгъугъети, Чэчанэ^K Чэчанэ зыч^Iап^I горэм щаук^Iыгъэу е щык^Iодыгъэу, иши зыгорэм И^Iэ^Iфагъэу ары.

Аш тетэу пк^Iэгъуалэр зыш^Iэжыгъэ горэм:

— Чэчанэ ягуаш^Iу къэнэгъэ тхъамык^Iэм макъэ езгъэ^Iун мы шэр зэрахэтэр. Мы купэр блэк^Iытымэ, шэр къырамытыжышшуми, къыдэ^Kынышъ, тхъамык^Iэм, мы шэр зэригъэлъэгъу-

жын! – ыПуишь, ныом дәжы къәбарәр къыхыгъ. – О тян! къәбар гъәшІегъон къыфәсхыгъ, – ыПуагъ.

– Шыыд къысфәпхыгъэр, сикІал, сыйгъэгушІомә гушІуапкІэ остын, – ыПуагъ ныом.

– УзгъэгушІонәу щытәп, тян, тхъамыкІагъо къәбар къыпфәсхыгъэр. СымышІахәу сеолІагъ. Чәчанә ипкІегъуаләү Чәчанәкъо Чәчанә зытесыгъэр ыдҗыдәдәм къәслтэгъүгъ. Саужыдҗәрә бәрә пәмитәу, мы чыләм къыдәмыхъатымә, бләкІытхәшь, пкІегъуаләр зәбгъельәгъужынәу ары сыйфәгуаләу сыйкъызыфәчъагъэр. Чәчанә зыдәкІыгъэр ильәс шыкІуий хъугъэ. Чәчанәкъо Чәчанә ай зылтыдәкІыжыгъэр ильәситфы хъугъэ. Ау зыхъудҗәрә, а нәбгыритІуми уяплтыгъә фәдәу пфәхъоу а пкІегъуаләр зәбгъельәгъужынәм аары сыйкъызыфәкІуагъэр.

– Боу хъяр, сикІал, къысәпІуагъэр, боу дәгъу! Гу лъыптағъэмә, сыоупчытышь, тәрәзәу къысаIу, – ыПуагъ.

– КъаIо, тян!

Шыу пчъагъәу зәрәхъурәр къысаIу, есІолІэтәр сә спІэн, – ыПуагъ.

– Пыжъәу нәбгыритІу, кІаләу нәбгыритІу – нәбгыриплы мәхъух. Мы хәгъәгүм исымылтәгъуагъә шы лъәпкъәу шиплымә нәбгырипләр атесәу Чәчанә ипкІегъуалә яIәдәжъәу къакІох.

– Ашыгъум, сикІал, сипкІегъуали, си-Чәчани, сикІали зәужмә якъәбар къысфәпхыгъ. Ау зыхъудҗәрә, фәрә шыбзәу сишиәмә ахэтим къылтфыгъә фарәр игъесәгъушы, фәсакъызәгъо убыт. ГушІуапкІәдҗәрә ар осәты, – ыПуишь, ныом кІаләм шәр ритыгъ.

А зауләр зәраIофәдҗәрә, адә күпәри къесыжыгъ. Къәбләтъэм къыдәхъажыхи, зәфәдәдҗәрә зырагъэтәкъоишь епсыхыгъәх.

Чәчанәкъо Чәчанәрә адә кІаләу ябысымыгъәмрә яхәгъырәихәу, нахъ хъакІәщы инәу, нәжъ-Іужъыхәр зәкІуалІәхәу, Чәчанә иләгъухәу къыдахъәтыгъәхәр зәрыхъәтыгъә хъакІәщым екІолІагъәх.

ЕтІуанә Чәчанә иныбдҗәгъоу хәгъәгүм исәр, илтьыхъуакІохәу къин дәзылтәгъугъәхәри, шъузым ариIуишь, зәфәдәдҗәрә къекІолІагъәх. Шъхъаджы ик'урмән икукІә ишIагъәхәу, игъомылапхъәу ащ декІутәри игъусәу къекІолІагъәх, джәгор рагъажыи, ешкәхәу, ешъохәу мәзищә зәхәтыгъәх.

Нарт Шәбартныкъуи, кІаләу къекІуагъәри ащ фәдизым-джәрә ахәтыгъ. Шәбартныкъо нәжъ-Іужъыхәу къекІолІагъәхәмә афәгъәзагъәу ахәтыгъ. Нахъы кІаләу къекІолІагъәхәмә зишъуз къахыжыгъә кІаләр хәгъырәеу, яшхъәкІафәу, ик'утым фәдизыдҗәрә ахәтыгъ ари.

Мәзищәр зәхъум, Чәчанәкъо Чәчанә янә, нәжъ-Іужъыхәу Чәчанә иләгъухәу ахәтыхәр къахищи, ариIуагъ:

– Непәрә джәгори, ешкә-ешъори мы чапIәм щысәухы. Цыфәу къырихылыIагъәу, хәуләуагъәмә бәрәчәт босын ясәIошь сഫашъуIотәжъ. ХъэкІитIуи сиI. Нарт Шәбартныкъо Чәчанә иныбдҗәгъоу хәгъәгу шъхъаф къекІы. Ай анахъ кІаләу, ау анахъы чыжъәу къикІәу, ари хъакІәу сиIәхәм итIупщыжыгъуи хъугъәшь, ахәри стIупщыжытых. Ау зыхъудҗә, мы хәгъәгүм щыщәу хъакІәу къекІолІагъәр зәбгырыкІыжынәу, шъхъаджы иунә ихъажынәу, «Тхъә шъуегъәпсәу къыштуеIо!» шъуIуи сഫашъуIу.

Лыжьы қупэр ежьи пчэгум ихьи, джэгуакІор агъеуцуи, кууакІоу ахэтым къэбарэр рајотагъ. КуюакІоми:

— Непэрэ мафэм ешкэ-ешъом иІоф щытэухы, ыдżyы къэнэжъыгъэм нычэпэ шъхъадж ибысым екІолІэжынхэшъ, неущы зережъэжъытым тетэу зэрагъэхъазэрыжъ. «Сихъяры къекІолІагъэу, къин хэзылтэгъуагъэу, хэулэуагъэхэджэ «Бэрэчэт босын!» шъосэло, къышшуиІуагъ Чэчанэ ягуашэ, — аГуишъ, купым араІожыгъ.

— Боу хъяр, боу шІу, хъярыгъо яІеу щэрэІэх, къин ямыІеу къызэхэрэнэжъых! — аГуишъ, купэр шъхъаджы ибысым екІолІэжъыгъэх.

ЯтІонэрэ мафэм ахэр кІожыгъэх, ащ ыужы зы тхъемафэрэ нарт Шэбартныкъорэ адрэ кІалэмрэ щагъэсишъ, «Гъогумаф, сыхъатмаф!» араІуишъ, ахэри рагъэжъэжъыгъэх.

Ащ ыужы зы ильэсэ фэдиз щышІагъэу, Чэчанэкъо Чэчанэ:

— Шалъэу къысфашигъэм секІолІэжъын, — ыГуишъ, зызэтригъэпсахъишъ, шэу къыратыгъагъэм тэйстишъ, зекІон хъумэ гъомылапхъэу зыдиштэттымрэ Іашэу зыдиштэттымрэ зэфэдэджэ зызэтригъэпсахъишъ, ежьагъ.

Еомэ кІоз’, нарт Шэбартныкъо дэжь дэхъагъ.

— Бхы, сишъау, укъэкІуагъа? — ыГуишъ, гушІоу къыпэгъокІыгъ нарт Шэбартныкъо.

— Нарт Шэбартныкъу, сыбгъэукІытагъэмэ, сыпшыукІытэни, ау сэ силажьэп, гушІэу сэбгъэІуагъэм сикъекІолІэжъыгъ, — ыГуагъ Чэчанэкъо Чэчанэ.

— Боу шІу, сикІал! — ыГуагъ, — тІэкІу сыпапльэтыгъ ай, ау зыхъуджэрэ, неущы тежъэн, сэри сыкъыбдэкІон. Тызэгъусэу ти-тІути тыкІонышъ, къызэдэдгъэцэкІэн, — ыГуагъ нарт Шэбартныкъо.

ШкиншІещым къэбар ыгъэІугъ нарт Шэбартныкъо:

— Тежъэн хъумэ гъомылапхъэу тфэбгъэхъазырытыгъэм фэдэу, нэбгыритІум фикъунэу тфэгъэхъазыр, — ыГуишъ, ягуашэ раригъэІуагъ.

— Боу дэгъу, боу игъу, боу сыхъазырын! Чэчанэкъо Чэчанэ а Іофымдже къызэрэгүжъорэр лъэшэу шІоигъуаджэтыгъэшъ, Шэбартныкъо ашыгъум рэхъаты хъун, — ыГуишъ, Шэбартныкъо ягуашэ гушІуагъэ.

Ягъомылапхъи къыгъузыри, пчэдыжы шыту шэсыгъом язекІо уанэхэри тырагигъалхъи, яонэкІо Іалъмэкъыхэри къыгъушъишъ, Шэбартныкъо ягуашэ шыхэр къычІаригъэшыгъэх.

Ежъэхишъ, етІуанэ кІуагъэх. Хыми икІыгъэх, еуи нэсыгъэх. Иэгум, къэблачъэм дэмыхъэхээ, кІалэр къапэгъокІыгъ, лъэшэуи гушІоу. Пшъашъэр нарт Шэбартныкъо зэрэлІыжъимдже щыуукІытишъ, унэм къикІыгъэп. А Іофэр ялъэгъунэу ахэр къызэрэкІуагъэр ышІэти, пшъашъэр къызыфимыкІыгъэр аары.

Чэшищ-мэфищэ щысыгъэх.

Чэшищэ зэхъум:

— Тильэгъун хъазырымэ, тежъэжъыт, — ыГуишъ, нарт Шэбартныкъо бысым кІалэм риІуагъ.

— Боу хъазыр, Шэбартныкъу, сэ шъузэрэслэгъурэр спло-федэ нахь, апэдэдэ зыосэло рыгъуни тэш папкІэджэрэ къэнагъэп, — ыГуагъ бысымыми.

Къежъэжынхэу хъуи, пшъашъэри унэм къырашыгъ. Пшъашъэр нахыжъэу, ишы кІалэр нахыкІети, есэмэркъэузэ, пшъашъэм ыІапэ къыбуытишь къыришыгъ, адрэхэр хазырти, къэшэсыгъэх. КІалэри къэшэси, еІэбэхишь ишыпхъу ежь кІалэм къыштагъ.

— Сэ мыр зэрэшьпхъум пае къэсмыгъанэу, хэгърыягъэ шъуфызесхъат, — ыІуагъ.

— Хъунба, боу дэгъу! — ыІуагъ нарт Шэбартныкъом.

Къежъэхишь, къакІохээгъо, хым къикІыжыгъэх. Къизекыжыхэм, кІалэм а чыпІалъэм къышырагъэгъэзагъ.

— Гъэзэжь, сикІал, — ыІуагъ нарт Шэбартныкъо, — икъун хэгъырэигъэу къытфызепхъагъэр. Тхэ уегъэпсэу! Чэчанэ сэ сирилагь, ау зыхъуджэрэ, пшыпхъу дэжьы укІо пшІоигъюу укъызежъеджэрэ, сэ садэжьы укъыдэхъат, зы чэцьы-мафэ горэм тышызэхэсэу зызыбгъэпсэфыджэ, Чэчанэ дэжьы сэри си-къыбдежьэу тызэдакІоу тшІын. ТыкъызыкІожыиджэрэ, зы-щыбгъэпсэфымэ уежъэжынэу, шъуазыфагумджэрэ бысымэу сэ сышшуюІэт. ШъуитІу яхазы горэм иІэми, сэ слъэкІытымджэрэ шъусизэфэдэнэу ары, — ыІуишь, нарт Шэбартныкъо кІалэм къыригъэгъэзагъ.

Чэчанэкъо Чэчанэ къеІэбэхи, пшъашъэр къыштишь, ежыхэри ежъэжьи кІожыгъэх. Нарт Шэбартныкъо дэжьы нэсигъэх.

Зы мазэрэ нарт Шэбартныкъо дэжьы ригъэсигъ. Тещэры-Пэм къырашыжымэ, фишІэтэр игъусэу, шъузыщэу, игъусапхъэр хэтэу, рищэжъэжьишь, Чэчанэкъо Чэчанэр ядэжьы ышэжыгъ.

Зынэсигъэхэм, джэгоу фашІытам шыыд лІэужыгъоджи хэкІодэтэр нарт Шэбартныкъо ежь иІофэу, мэфиблэ фигъэджэгугъэх.

— Шъузэпэш! — ыджы сэри сикІожын, къыстефэрэм кІэсмыгъэхъапагъэми, шъугу къисэштумыгъабгъ, — ыІуагъ нарт Шэбартныкъо.

— Мы Иофым хэпшІахыгъэр икъуджэрэ тэ тэштэ, — къыри-Іуагъ ныом.

— КъышыкІэрэп хэпшІахыгъэми, ащ фэдиз улэушхъаубатэм тефэтыгъэп. Ау орырэ сэрырэ ныбджэгъугъэу зэфытиІэр икІахыджи умыгъэкІодыжынэу угуджэ уубытгъэшьы, аары зытепшІахырэр. А фэмыфым щымыгъупшэу уифэштуашэ тетэу къыбдэзекІомэ, сыйфэраз, ау узэхимышІыкІымэ, разэ сыхъунэп, — ыІуагъ Чэчанэ.

А чыпІалъэм ишы уанэ къытыральхи, гъомылапхъэр къыфаухъазырыгъэти, нарт Шэбартныкъо къыдэкІи къекІожыгъ.

Чэчанэкъо Чэчанэр шъэошІэу а чылэмджэ зэкІолІэжыгъагъэхэмэ джэгухэр къыфаши, хэгъашъохэри къыфашишь, къышагъэри ращижыгъ, иджэгүи ай щаухи, яунэ къинэжыгъ.

Еомэ, зекІо кІоу, дэкІымэ, ильээсирэ къэтэу, нарт Шэбартныкъо дэжь екІулІэмэ, «Шыыдэу ушыт?» ащи риІоу, зыгорэджэ ишПупш дэжь кІо пшІоигъоу хъуми, нарт Шэбартныкъо дэжь екІулІэу, ай зыщигъэпсэфымэ, ежъэмэ адырэм кІоу, ишПупш къежъэмэ, Шэбартныкъо дэжь къекІулІэу, Шэбартныкъо

къыдежъэмэ, Чэчанэ дэжы къызэдаклохэу, нэплъегъуджэ зээшифэхэджэрэ зэхэсихэу, ешкэу, ешъоу, зэблагъэу, а заулэр къяхъулагъэу а купэр къэнэжьыгъ.

НАРТ ШАБАРТНЫКО И ЧАЧАНЫКО ЧАЧАН

Когда Чачана выезжал, у него в обычай было отправляться в зеко на целый год. Была у него одна жена, и больше в их доме ни души человеческой не было. Много лет он держался своей привычки отправляться в зеко и пребывать там долго.

<Однажды> Чачана отправился в зеко, когда его жена была беременна, но еще не разрешилась. Пока он по обыкновению отсутствовал в течение года, у него родился сын. Рассчитывая дождаться его возвращения, <домашние> прождали до двух лет, не давая мальчику имя. Жена пала духом, подозревая, что мужа нет в живых, и оповестила его друзей со всего края. Друзья дружно собрались.

— Пока мы не узнаем, — ходит ли Чачана <свободно> по лицу земли, жив ли он, но попал в плен, или же погиб и стал трупом, — мы не оставим этого дела, — решили его друзья, повсюду на коней и разъехались.

Они искали, не ведая границ того, что можно достичь [не счинаясь ни с чем].

Когда не удалось найти...

— Какого бы рода-племени они ни были, но всех, кто был его другом, кому он доверял, <если узнаем>, чем один, двое больше знают, как он мог пропасть, — решили они и полагаясь на это, возвратились к его жене.

Они откровенно сказали женщине:

— Чачаны в живых нет, будь он жив, мы бы его нашли. Надо спправить все положенное по его душе. Ты справишь по нему то, что положено такому как Чачана, и на этом дело должно быть кончено.

На том решив, затеяли поминки по Чачане.

Прошел год, а люди, долгом которых было явиться на поминование, все шли. Когда Чачана выезжал <в зеко>, он добычу раздавал людям, на них все тратил, становился подмогой им. Поэтому-то и все, кого известили, пришли на это оплакивание. Те, кто был ему ближе по дружбе и походам, сидели там до конца. Когда <наконец> поминальные дела (букв.: *оплакивание*) завершились, жена пришла к ним и сказала:

— То, как вы достойно провели обряд, как вы постарались, какие красивые слова сказали, я не забуду. Если вы впредь, не счинаясь с тем, что я вдова, оказавшись в этих краях не завернете ко мне в это селение, я не буду довольна.

Мужчины, сидевшие там, заявили так:

— Мы покончили с долгом перед Чачаной, но у нас осталось дело, касающееся мальчика. От его рождения по сей день он живет без имени. Так как в доме появились более важные дела, это никого не озабочило. Теперь давайте мы придумаем ему имя. Его

отец был нашим товарищем, был нам близок, и чтобы его имя не забылось, давайте назовем «Чачана сын Чачаны». <Каждый раз, как мы его будем видеть,> вспомнится его имя, да и самого мы через это полюбим, и душе нашей будет приятно, поэтому даем ему такое имя, – решили они и на том сошлись.

Когда давали имя, у адыгов было в правилах дарить и рубашку. По этой причине решили вместо этого:

– Пусть из нашей добычи ему наберется соответственно ему <по одному> из всех видов оружия-снаряжения.

Сказали так и выложили по одному из всех видов оружия-снаряжения там же подарили мальчику и одного коня.

Пока мальчику дали имя, ему исполнилось три года. Мать держала его, не выпуская к людям, не отпуская со двора, не позволяя ему проявить себя. Она надеялась, что, выросши, он <сам> в чем-то проявит себя. По его виду, по походке и манере делать что-то он обещал стать достойным мужчиной, поэтому мать чутко заботилась о нем, лелеяла его, не спускала с него глаз.

Вот так мальчик достиг возраста тринадцати лет. После этого однажды мальчик вышел <со двора> и пришел к играющим детям. Дети играли между собой, а он смотрел на них, и так было некоторое время. Ему тоже захотелось играть и он вошел к ним <в их круг>. Попытался он играть с ними, но когда он стал делать то же, что и другие, но у тех, кого он хватал в игре, он стал ломать кости.

Мальчики, к которым он пришел, как один рассердились на него:

– Мать тебя перекормила, и ты меры себе не знаешь... Если в тебе столько мощи, если ты такой сильный, чем же ты озабочен, не ведая, где пропал твой отец и кто его убил, – так ему сказали.

Как только так ему сказали, мальчик, ни слова не говоря более, повернулся и пришел домой. Очень опечаленный, подобно больному, он сел, опустивши голову. Мать увидя это...:

– Что, мой Чачан, случилось с тобой? Почему ты вышел со двора? Я это предвидела <что с тобой может что-то произойти>, но разве я смогла бы за тобой непрестанно уследить. Наверно, какая-то <болезнь> в тебя вселилась? – сказала она.

– Ничего в меня не вселилось и ничего я не повстречал, просто внутри у меня немного побаливает, и мне захотелось овсяной баджисны с молодым медом, – ответил мальчик.

– Разве это трудно, мой Чачан, приготовлю-ка! – сказала мать. Долго ли это – приготовила <тут же>. Когда она принесла и поставила <блюдо> перед ним, мальчик сел <к столу, но> не притрагиваясь <к еде>.

– Почему же, мой Чачан, ты не ешь? – спросила мать.

– Мать наша, пока мы с тобой не отведаем вместе, я не притронусь к еде, даже если эта болезнь моего живота погубит меня.

– Разве же мы с тобой ровня, чтобы есть вместе? Что сегодня за день и что ты задумал? У меня и дел много. И с той поры, как ты перестал пить грудное молоко, мы с тобой за один стол не садились и с одной тарелки не ели. Твоя пища была отдельной, и я следила всегда за тобой. Я тебя кормила, как хозяин угождает своего гостя [подбирая самое лучшее и стараясь накормить вдоволь]. Хоть я и мать тебе, но я тебя воспитывала, не преступая правил адыгэ хабзэ

в отношениях между мужчинами и женщинами в семье. Почему же теперь мы должны поступать не по хабзэ? Я разберу посуду, займусь своими делами, а ты ешь, не дожидаешься меня, — сказала ему мать.

— Убирай, я богом клянусь не есть это блюдо, если ты не сядешь есть со мной! — поклялся там Чачана.

— О несчастный парень, если уж совсем нельзя без такого, то я хотя бы почну вместе с тобой, — когда она, стоя, протянула руку к еде, мальчик схватил и окунул ее руку в горячую баджину.

— За что ты меня обжигаешь, ты *<умом>* переменился, что ли? — воскликнула мать.

— Если правду мне не скажешь о том, что спрошу, клянусь богом, обожгу *<твои руки>*!

— Если знаю, то скажу, клянусь этим *Уашхо*, которого я почитаю!

<Мальчик> быстро выхватил руку матери, вскочил и старательно вытер ее, смазал свежей простоквашей:

— Тогда, мать наша, вот о чем я хочу тебя спросить: сегодня мальчики, к которым я вышел, разбудили меня. До сих пор я и сам о том не задумывался, и тебя не спрашивал, и ты мне не рассказывала. «Кто мой отец?» я не говорил, «Где мой отец?» я тебя не спрашивал. Ты тоже не говорила мне «С твоим отцом то-то случилось». Но мальчики, которые мне это сказали, хорошо сказали, разбудили меня. То, что случилось с моим отцом — убили его, задушили его — все, что знаешь, ты расскажешь мне, а что я, оставшийся, смогу сделать ради своего отца, я посмотрю. Я заставил тебя дать клятву, чтобы ты мне рассказала все, что знаешь.

— О несчастный мальчик, — сказала мать, — я и с твоим отцом не успела испытать счастья, и ты меня не очастливишь. Твой отец, если он выезжал, целый год отсутствовал, больше этого отсутствовал. Свою жизнь я прожила как в плену. Когда ты явился на свет, я понадеялась, что ты возмужаешь и отомстишь за своего отца и этим я успокоюсь; хоть я на это надеялась, но до срока не дошло [ты еще не дорос]. Судьба моя, *<видно,>* такая, как бы много лет я не прожила, не ведать мне покоя. Теперь вот что я тебе скажу: если бы ты достиг лет двадцати, я бы тебе поведала о твоих делах [о гибели твоего отца и твоем сыновнем долг перед ним], я бы тебе и снаряжения, оставшиеся от отца — коня, оружие — вручила, потом бы ты сделал то, что тебя достойно! Не показывая ни одному человеку, втайне от всех людей я держала в подземелье для тебя отцовского белого коня. Оружие, что было у твоего отца, полный набор, который остался после него, в комнате, куда ни один человек не заходит, я храню, семикратно испытывая, протирая и поворачивая, для тебя я хранила. Ты еще не достиг зрелости, не сможешь обращаться с ним достойным образом, слишком юным ты выйдешь. У меня нет силы, другому — кому ли я это отдаю; если не для тебя, то для кого мне оружие и коня держать? Всё это готово для тебя.

— Что же было у нашего отца? — спросил Чачана.

— У твоего отца было два походных коня, было два набора оружия. Один набор пропал вместе с твоим отцом, оставшийся я отдаю тебе. Послушай, что я тебе скажу, и если ты будешь сле-

довать тому, что я говорю тебе, если будешь следовать моим словам, белый конь станет тебе поводырем. Когда положишь седло на белого коня, сядешь на него и поедешь, не дергай его за узду, дай ему вольно идти. Если встретишь развилку дороги, *<ты сам>* ни в какую сторону не правь,пусти его туда, куда он сам захочет. Если ему понадобится облегчиться, он сам остановится, ты же не понукай, а *<подпруги>* отпусти, седло трижды приподними, глазницы ему вытри. Когда на ночлег надо остановиться, он остановится там, где обычно останавливался твой отец. Там ты сяди с коня, *<отпусти его>*, косо привязав поводок к седлу; у тебя с собой наготове и то, чем коня покормить, да и сам перекуси тем, что есть. Вот так и будешь ехать. На развилке дорог не дергай поводок, правя в какую-либо сторону, решив, что тот путь короче. Дай волю *<коню>*. Если в пути встретишь трудности, не избегай их, такое было не в обычай твоего отца, на свой род позора не навлекай и дурной славы себе не обрети.

Мать прервала свою речь, немного помолчала.

— Я не надеюсь на то, что ты возвратишься и я тебя увижу. Почему, если спросишь, ты слишком юным выезжаешь, твои кости и плоть еще достаточно не укрепились. Сила в тебе есть, если достанет мужества... Так меня побуждает говорить то, что ты выезжаешь, обладающим богатырской силой, но не окрепшим еще телом. Пусть Аллах направит тебя в добрый час! К кому бы ни завернул этот белый конь, это будет товарищ, добрый спутник твоего отца. Твой отец не пропал в сражении, не пропал на видном месте. Где он мог пропасть, так это у своего товарища. Если бы правду о его исчезновении знали двое (указание на поговорку: что знают двое, то не тайна — *перев.*), его бы нашли те, которые отправились на его поиски. Каким бы образом это ни было, но твой отец пропал там, куда конь приведет тебя гостем. Вот так, когда прибудешь, сам будешь знать, как с ним быть, и что сможешь тоже узнать.

<Так она> его наставила, приготовила ему дорожные припасы — легкие весом и сытные в еде, поскольку была посвящена в то, как готовить походные припасы, — снарядила его и проводила в путь.

Теперь он выехал на дорогу и едет. Юноша не знает, куда направляется, белый конь несет его *<по своей воле>*. Так он едет, когда вечером конь останавливается, располагается и до утра отдыхает. Так он уехал далеко. Достигнув одного кургана, он увидел прямо напротив себя в долине какое-то селение. Увидел он одну дорогу, уходящую вправо, одну дорогу, уходящую влево. Но парню показалось, что дорога въезд кургана, которую выбрал белый конь, более длинная. Парню показалось, будто дорога вправо короче. Посчитал парень дорогу влево более короткой, и хотя белый конь свернул на правую дорогу, он завернул его налево и поехал по левой дороге. Некоторое время двигались так, что белый конь все сматривал направо, но, когда он сворачивал туда, тот его не пускал. *<Затем>* он вспомнил, что ему наказывала мать: «Да что я делаю!» — воскликнул он и когда отпустил белого коня, тот пустился по бездорожью.

Колючий кустарник, росший на том кургане, был, как адиги называют, ведьмин колючий кустарник — внизу с пролазом, а

вверху густо сросшимся. Когда вошли в него, белый конь пошел напрямик, разрывая колючки, и вышел на правую дорогу. Парень оглянулся и, увидев, что его конь весь в крови, колючками изодран, остановился в том месте. Он нарывал горстями шабия и вытер белого коня. Парень сильно опечалился:

— Из-за того, что я ослушался слов матери, я исцарапал белого коня, подверг его страданию, — сказал он и ослабил подпруги, дал ему передохнуть и там же дал немного корму. *<Потом он>* сел на коня, поправил свое снаряжение и пустил белого коня идти свободно.

Едучи прямо по дороге, он услыхал голоса всадников. Парень насторожился. Ему то стало казаться, что это свадебные песни, то казалось, что это сетования. Повстречался он с той компанией. *<А это были>* великаны-драгуны, которые числом около двадцати шумно ехали впереди повозки. Повозка, ехавшая за ними, была запряжена тремя лошадьми. Впереди восседал один юноша-великан. Еще больше того юноши двое едут позади него, а третью, женщину, они поддерживают. Женщина, которую они поддерживают, была обнажена, оборвана, волосы на голове были клоками — вот так ее двое мужчин вели. И так с ними повстречался парень.

Он миновал их, проехал немного и словно пробудившись от сна, вмиг встрепенулсь:

— Ага, первое наставление нашей матери я миновал, а что со вторым делать? Если я и отцу позор принесу, и материнского наставления не выполню, то для чего же я выехал? — сказал он, развернул белого коня, нанес ему один удар плетью и поскакал следом за ними.

С той поры, как они выехали *<со двора>*, он не касался коня плетью, и когда теперь ударили, конь громом загремел, пасть свою раскрыл, и из нее посыпались искры, словно бешеный волк, налетел на них парень.

— Ага, компания *<добрая>*, доброго вам пути! — приветствовал он компанию.

— Спасибо, парень, — ответили с повозки. *<А>* женщина ничего не ответила.

— Если вы возвращаетесь, так, как вам хочется, то почему эта женщина так оборвана, что с ней случилось? Если вы возвращаетете ее похищенную кем-то, почему поете свадебную песню, если вы везете ее как невесту, почему эта женщина такая обнаженная? — спросил он тут.

— Чего ты хочешь, почему сходишь со своей дороги? Что ты лезешь не в свое дело? — ответили ему сидящие в повозке, готовые всплыть.

— Это мое дело, я повстречался с вами и спросил о том, о чем должен был спросить, мимо я не проеду. Я вам не навязываюсь, но кто мне расскажет *<правду>*, на стороне того я и буду. Хоть я и сказал, что в таких случаях люди расходятся по этикету, вы не соблюли *адыгства*. Теперь я к вам не обращаюсь более, а ты скажи мне, — обратился Чачанэко Чачан к женщине. — Как я понимаю, эта компания увозит тебя против твоей воли. Если это так (букв.: *если увозит*), то я положу и свою голову, и свою душу, ты только не

боясь и не стесняясь, скажи как дело есть, — сказав, он обратился к женщине.

— О юноша, пусть Тха сделает тебе добро. Пусть Аллах тебя направит на верную дорогу, — ответила женщина. — Ты юн и твоя жизнь еще впереди тебя. Не губи себя ради меня, это для меня будет тяжело. Среди погибших в этом деле было много героев, только и они ничего не смогли поделать. Если хочешь мне добра, не дай себя погубить на виду у меня, не умножай мои мучения. Я не знаю, какого ты рода, так как же я тебя обреку на погибель, я буду считать, что ты сделал что мог.

— Знать бы, в чем твоя забота, и большего мне не надо, — заявил юноша.

Снова он обратился к компании и так сказал:

— С просьбами я покончил, теперь мы начинаем выяснять, кто мужественнее. Если вы мужчины, вы ее увезете, если я мужчина, то я не дам вам ее увезти, — сказал и стал впереди них.

— Неужто ни у кого из вас нет рук! — воскликнул старший из сидящих в повозке, тот, который всё это дело затеял. — Чтобы нам не задерживаться, выведите-ка у него, что ему от нас надобно?

Как только он это сказал, один из них повернулся не дулом ружья, а прикладом и ударил парня.

— Этим вы начали! — сказал юноша, обнажил меч, ударил и перерубил все постремки, чтобы повозка не могла дальше двигаться. Там он затеял сражение с ними и, пока те полагали, что он слишком юн и нечего его принимать всерьез, он всех сорок всадников там перебил.

Юноша был настоящий богатырь, и, не дав никому опомниться и развернуться, он их разбил. Когда он затеял сражение, белый конь стал таким, словно бешеный волк, перестал слушаться узды, он, словно припомнив былые битвы, совершил чуть ли не столько же сколько сам юноша, грудью сбивая противников с коней. Если посмотреть <со стороны>, то белый конь был обучен воевать, он знал как приблизиться к врагу и как от него отдалиться, и в этом, можно сказать, он превосходил юношу. И тех троих, что сидели в повозке, он перебил там, затем наклонился, поднял женщину, обернулся ее своей буркой, посадил к себе вперед и поехал дальше. Женщина не спросила: «Куда ты меня повезешь?», и юноша ее не спросил: «Куда тебя везти?». В середине селения, которое он еще издали увидел, в одном дворе он заметил множество народу, люди не умелись там и заполнили всю улицу.

Белый конь направился прямо в сторону той улицы, где было столько народу. Прямо, не сходя с пути, он вошел в гущу людей. Юноша, не ведая, что там произошло, едет напрямик. Хотя люди так плотно стоят, но даже в улице не помещаются, а в одном большом дворе еще плотнее стоят. В доме тоже людей полно: снуют, озабоченные чем-то, белые <материи> носят, котлы следом несут, все движутся в хачец.

Конь направился и прямо вошел в тот самый двор, где были встревоженные люди, и стал возле коновязи. Между тем, когда юноша наклонился и поставил женщину наземь, женщина, чтобы

не показать своей наготы, укуталась <в бурку> и, скрываясь от стоящих во дворе, убежала в дом.

Юноша там спешился, пристроил коня к коновязи, приготовил свою саблю, еще раз коснулся ружья и...:

— Ага, теперь я достиг места пропажи моего отца. Все эти люди бегают, все эти люди прислуживают, верно, ему. А раз так, то я сразу же как войду, ударю и убью его, — сказал, так решил юноша.

Пока люди, толпившиеся во дворе, стоявшие там озабоченными, не замечали его, думая, что он один из них, юноша вошел в дом. Внутри, куда он вошел, посреди комнаты лежит кто-то большой, неподвижный. Юноша увидел, что на том, кто лежал, не было живого места (букв.: *палец приложить было некуда*), — все исполосовано саблями. Когда он увидел эту всю компанию — лекари стоят над ним [телом], белые <материи> рвут на лоскуты, взбивают мыльную пену, с их лбов пот течет...

— Так, то, куда я попал, это убитый человек. Оттого, что я его добью, мне это местью за моего отца не зачтется. Если он сам умрет, я буду избавлен от долга мести, если выживет, тогда я его убью, — сказал так юноша про себя. С этим он присоединился к тем, кто сутился.

На том порешив, он в течение года ухаживал за раненым, а лекари лечили того. Муж, которого лечили, был незнаком Чачанэко Чачану. Но, как его называли, это был нарт Шабартныко.

Когда раны его затянулись, и сам он тоже телом окреп настолько, что с палкой мог бы и во двор выходить, где-то через день после такого Шабартныко решил посмотреть, что там в большом доме, и пошел туда. Вошел и видит: жена его, из-за которой все эти бедствия случились, сидит себе в доме.

— Как ты возвратилась и откуда ты вернулась? — удивленно спросил жену Шабартныко.

— Больше ты ничего не знаешь? — отвечала жена. — Если бы я могла сама возвратиться, разве бы позволила себя похитить! Если бы ты мог, разве бы ты позволил меня увезти? Как же ты мог больше года выдержать, не ведая обо всем этом и не замечая того, кто у тебя гостит? Ты не знаешь, кто у тебя в гостях? В этой конюшне стоит белый конь Чачаны. Парень сидевший на нем, явился, перебил всех твоих врагов, забрал меня такую нагую, что <злой> собаке нечего было бы с меня сорвать, обернул меня буркой и, ни разу не дернув за поводок узды, привез меня обратно. Тот юноша, откуда бы он ни явился к тебе, если он не сын Чачаны, то никто другой такого не смог бы совершить, что он совершил. Чем ты столько времени не оказал ему достойного внимания, не приветствовал его как положено, лучше бы ты погиб от тех ранений. Мы опозорились. Как ты это упустил! — сказала ему жена.

— Как удивительно то, что ты рассказала! Я пришел в этот дом, не ведая о том, здесь ли ты. В нарушение обычаев нашего рода кого бы я спросил, что случилось с моей женой? Я рассчитывал, что если поправлюсь, то сам же и приступлю к исполнению своего долга, а если не выживу, то и делать мне будет нечего. Я сюда вошел, не зная о том, что ты здесь, а для того, чтобы по-

видать и поблагодарить того, кто столько времени безупречно содержит всех, которые за мной ухаживают и обо мне беспокоятся, кто принимает их и всем нужным обеспечивает. Но теперь увидеть мне белого коня Чачаны, которого ты узнала, это было бы для меня большой радостью. Тогда это станет для меня тем, что снимет с меня все беды, я забуду обо всех трудностях, поглажу рукой по его лицу, – сказал так Орзамаджыко Шабартныко и направился в конюшню.

Увидев невредимыми своих двух коней и стоящего рядом белого коня, он там не выдержал и разрыдался. Шабартныко обнял белого коня и зарыдал, не в силах остановиться. Раздавшиеся звуки плача услыхали люди в хачеце, ухаживавшие тоже сбежались.

– Что случилось, Шабартнук, что разбило твое сердце, что за беда с тобой случилась? – спросили его.

– Этот белый конь, которого я вижу, был конем Чачаны. Это конь Чачаны, с которым я бывал во многих сражениях, добыл много добра, которого я считал намного ближе всех своих друзей. Теперь, увидев этого коня, я вдруг представил, будто стою над телом самого Чачаны, и сердце мое надорвалось. Вот почему я плачу, – сказал он им.

Шабартнука взяли под плечи, вывели из конюшни и привели в хачец.

– О фасапщи, сын мой! – сказав, Шабартныко приветствовал парня, войдя в хачец. – То, что до сегодня я не оказал тебе должного почтения, этим моим приветствием прими за возмещение. Я будто заново увидал Чачану, – сказал он и обнял парня.

– Ну, нарт Шабартнук, ты *<сам>* начал, и этот разговор нам надо довести до конца. Коли ты завел разговор, половину его оставлять и дожидаться пока вторая половина услышится, я не собираюсь. Ты начал, а я тебе скажу, как дело обстоит. Я посчитал, что еще рановато, поэтому я и сдерживался, но, дождавшись, когда ты достаточно окрепнешь, я хотел этот разговор продолжить, но ты начал его раньше, и теперь послушай сюда, – сказал Чачанэко Чачан. – Дважды я тебя хочу спросить. О чем хочу спросить: о том, где пропал мой отец и с чем его исчезновение связано, – ты должен мне сказать. Если ты правду об этом деле расскажешь, я намерен тебя убить. Если ты не расскажешь правды, тоже я тебя убью. Спросишь, почему, – если ты скажешь правду, то расскажешь, как ты его убил. И если ты так расскажешь, я должен тебя убить. Если же ты солжешь, и тогда я тебя убью. Почему – потому что если мой отец миновал две страны и прибыл в третью, то здесь кроме тебя у него друзей не было, остановиться ему было негде. Если бы мой отец погиб в сражении, об этом узнали бы все люди. Он погиб от твоей руки, и в этом я не сомневаюсь. Если бы в мире кто-то кроме тебя знал об этом, мы бы тоже об этом узнали. Решившись сказать про то правду, – и я тебя убью. Захочешь солгать про то – от меня ты никуда не уйдешь, – сказал.

– Чачанэко Чачан, расскажу тебе много и правдиво, – ответил Шабартныко, – если я повинен, убьешь меня, если я не виноват, сам решишь. Я буду согласен с тем, что ты на меня возложишь. У меня нет возражений, если я погибну во имя Чачаны.

Я много переживал, много этим занимался, да только ничего по-делать не смог. Расскажу тебе всё, как было, а ты эту историю послушай.

С Чачаной мы были близки, Чачана был моим спутником в наездах, когда он выезжал, он приезжал ко мне, когда мы нападали, то нападали вместе, если у нас были противники, мы с ними бились вместе, вот такими мы были. Так мы с Чачаной однажды разведали, что в одной местности есть табун лошадей породы *альп*, но долго мучались, не находя удачного пути к ним. Так, если совсем не отставать, то разве в конце концов не найдешь слабого места, в один из случаев мы все же угнали тех лошадей. Когда мы возвращались – я впереди, Чачана позади табуна – впереди мне повстречался какой-то всадник.

– С возвращением, Шабартнук! – приветствовал он меня там.

– Выбирай, сын мой, – когда я ответил...

– Пусть бог обернет на добро для вас! – сказал он и проскакал мимо.

Когда миновав меня, он доехал до Чачаны, который был позади лошадей...

– Выбирай, сын мой! – ответил он тоже.

– Спасибо, Чачан! – сказал всадник и будто чтобы поздороваться за руку, приблизился к нему. Но за руку он не поздоровался, а потянулся, сорвал <с головы> папаху и был таков.

– Что он со мной вытворяет! – воскликнул Чачана и пустился за ним, пустился вслед за тем парнем всадником. Я оглянулся и тоже пустился вслед за тем всадником. И я его не догнал, и Чачана его не догнал, а парень своего коня чуть сдерживал, не давая воли, чтобы Чачана не потерял надежды догнать его – вот так он увел от меня Чачану слишком далеко, чтобы я мог догнать. Если посмотреть, то обоих всадников я еле различал, и вот тогда парень остановился, а когда Чачана подскакал к нему, он собрался и выхватил моего Чачану из седла, взял и ускакал.

– Ах, что он с нами сотворил! Папаха уже не забота, он мужа уносит! – сказав, я тоже понесся во всю прыть. Как он захватил Чачану, конь под парнем понесся так, что его в небе было еле видно – так, что я его и в подзорную трубу не увидел бы. Скача по следу коня, но больше ничего уже не видя, я въехал в какую-то морскую косу. До того места я гнал след коня. Подогнал я след к тому месту и там остановился – войти в воду боюсь, искать ищу, но не нахожу, а переправы не вижу.

Я отыскал одинокий след, там его пометил, и, то отходя оттуда, то возвращаясь и выхода не находя, я закончил там все свои припасы и съел своего коня, на котором ездил.

Не видя выхода и умирая с голоду, не находя ответа, я вернулся в степь, неся свое седло на спине, и, проклятый Аллахом, возвратился домой. Табун лошадей, который мы увеличили, я застал разделившимся на косяки, которые разбрелись кто куда. Я поймал одну лошадь, забил ее. Немного там отдохнув, я навялил лошадиного мяса, поймал еще одного коня, оседлал его и, везя с собой <сущеное> лошадиное мясо, сидя на том коне, я двинулся назад и возвратился домой.

Передохнув один месяц, велев приготовить мне дорожные припасы, отладив свое оружие *<и снаряжение>*, я вновь отправился на поиски Чачаны. Так как я пометил на морском берегу место, куда вел след коня, я вернулся туда. И хотя ведущий туда след замело песком, поднимаемым ветром, я по камням, *<еще тогда>* оставленным в надежде когда-нибудь вернуться, нашел это место. Я также поставил приметы, по которым можно было определить, если кто-либо войдет здесь в воду или выйдет из нее. Оказалось, что ни лошадиных следов, ни человеческих следов, в том месте уходящих в воду или выходящих из нее, кроме тех, что я в первый день видел, не было.

Затем я решил, если есть какая-либо переправа, которую я *<пока>* не нашел сразу, все же существует, ее надо найти – вверху ли это по течению или внизу. С наступлением ночи отдыхая, а днем принимаясь за дело, – вот так я был этим занят до одного года. Войти в воду и переправиться – я бы не смог. Оттуда чтобы кто-нибудь переходил, я ни одного человека не видал. Когда мы были вдвоем с Чачаной, бывало, тот парень иногда встречался нам. Но ни до этого, ни после я того парня больше не видел.

Эх, сын мой, я исстрадался так, что если ты меня убьешь из-за Чачаны, мое тело уже не почувствует боли. Я перенес мучения, и рассказанное мной настолько правдиво, что по сей день никакая нынешняя боль не сможет заглушить их. Та дружба, которая была между нами, та надежность, с которой он ее поддерживал во мне, иглой впиваются при каждом моем вздохе. Вот поэтому моя плоть не почувствует боли (букв.: *не заболит*) от моей собственной гибели. Но если, как после Чачаны, может явиться кто-нибудь наподобие тебя, то пусть и меня убют, и Чачана пусть погибнет. Ты отомстишь за его кровь. Если ты поверишь, вот таково то, что случилось с Чачаной – и где мы разминулись, и как разминулись. Если не веришь, ты волен поступить со мной так, как захочешь, – сказал Шабартныко и закончил свой рассказ.

– Ну, Шабартнук, сможешь мне показать то место? – спросил его Чачанэко Чачан.

– Легко покажу, сын мой. Только прямо сейчас я не в состоянии подходить к коню, держать оружие. Как наберусь силы и настроения, отправимся в путь. Пусть Аллах направит нас в счастливый час.

Примерно шесть месяцев после этого они еще сидели *<на месте>*. Когда у Шабартныко боли прошли, раны заросли и силы к нему вернулись, потом он сказал юноше:

– Ну вот, сын мой, теперь и силы ко мне вернулись, и болезни мои вышли из меня, велим приготовить дорожные припасы и тронемся. Как содержались наши кони – про то я не спрашиваю, потому что ты их держал в нужной форме: положи на них седла – и ты уж готов! Я свое оружие смажу (букв.: *пропитаю*) маслом, футляры свои закреплю, кольчугу свою надену, вещи свои заберу.

Чачанэко Чачана взялся за коня и седло. Для Шабартныковской гуащи привычным делом было приготовление дорожной провизии, и она приготовила все разновидности провизии для наездников, которые были весом легкими, при приеме сытными, и

уложила это в сумы. Кони были уже оседланы, и оба наездника одновременно сели на коней. Когда выехали со двора, Чачанэко Чачана занял левую сторону.

— О сын мой, — сказал Шабартныко, — сегодня ты замещаешь своего отца. Когда мы вместе садились на коней и выезжали из селения, мы ехали так, чтобы он был справа от меня. Мы выедем так, чтобы ты занимал его место.

— Нет, Шабартнук, ты моему отцу говорил красные слова; если оказывал почести как старшему, это ты ему оказывал. Если я не буду знать свое место, это станет позором. Если всякий, кто смотрит, будет нас видеть, как мы *<мы, держась по-твоему>*, я заслужу попреки, обо мне скажут: «невежа». Этого я не сделаю и занятого места не поменяю, — возразил Чачанэко Чачана.

— Тогда, сын мой, что нам спорить? Пусть же будет так, как ты говоришь, — сказал Шабартныко, и он справа, а Чачанэко Чачана слева — так они тронулись в путь.

Тронулись, — месяцы ли они ехали, дни ли они ехали, — добрались в конце концов, выехали на морскую косу. Старые пути заросли, и с трудом восстановив их, Шабартныко привел к тому месту, куда вел след коня.

— Посмотри сюда, сын мой, — сказал Шабартныко, — вот здесь: два камня снизу, а этот камень сверху и поперек — вот так я в свое время положил их. Я их положил так, что если слабый подойдет, то не сможет поднатужиться и разрушить, — такой величины, надеясь, что они не затеряются, я их положил. Так вот, напротив этого большого камня исчез след всадника. Что мы можем придумать, ты теперь сам скажи. О том, что случилось после, я не ведаю. Но когда я ничего не смог отыскать, я решил, что они упали в море и все — конь, и мужи — утонули; на том я и порешил.

— Хорошо, Шабартныко, теперь я скажу, что я думаю, — сказал юноша. — Тот, кто похитил у тебя моего отца, явился сюда из-за моря, сидел он на коне, и был он мужчина, — возьму и войду *<в море>*. Если мой конь переправит меня, и если я окажусь на том берегу, если они там, я разыщу. Тебе я наказываю: будешь сидеть здесь, пока не закончатся твои дорожные припасы. Если до моего возвращения закончишь свои припасы, забей своего коня и съешь здесь [питаясь этим, жди моего возвращения]. Пока истечет это время, я, если буду жив, возвращусь. Или я разыщу отца, или же убью того, кто его убил. Я разузнаю всю правду! Если вдруг меня убют, ты же не будешь *<вечно>* меня ждать, когда ты закончишь припасы, то незачем будет тебе погибать из-за меня, что ты посчитаешь нужным, то и делай. Мне же достанется то, что мне на роду написано (букв.: *что на лбу моем написано*).

— Ты всё сказал, сын мой, что собираешься сделать? — спросил нарт Шабартныко у юноши.

— *<Всё>* сказал, — ответил тот.

— Когда ты возьмешь и войдешь сюда, я на этом месте сидеть не буду, — заявил тогда нарт Шабартныко.

— А что ты собираешься делать?

— Что я здесь *<смогу>* сделать, сын мой, это вот что: когда ты войдешь в море, я пойду за тобой и буду следовать за твоим конем.

Конь, что под тобой, разбивает море <надвое>. Когда твой конь так разбивает воду, мой конь, хоть он и послабее, но все же сделает усилие. Я буду следовать за тобой так, чтобы ты был у меня на виду, буду видеть, если что с тобой случится. Не указываю тебе, но если скажешь, что не пустишь меня, то ты меня здесь же и убей, по-иному я не согласен, – сказал, на том стоял нарт Шабартныко.

– Хорошо, Шабартнук, – согласился парень, – ты старик, я просто боюсь того, что ты слишком натужишься и погибнешь, а в спутники брать тебя я не отказываюсь.

Решились войти в воду и затянули подпруги, повыше подняли дорожные припасы <чтобы их не замочить>, подобрали полы бурок. *Сдвоили свои камчи* и, тыча ими по шее коня, прыгнули в море – белый конь впереди, Шабартныко позади. Море, в которое они прыгнули, было такое, что если посмотришь, другой берег был виден, но он все же очень далеко расстился – вот таким оно было.

Все же как бы это трудно ни было, но они переправились через море. Там, где они вышли, было гладкое место, величиною как пол одной комнаты. Там гора так подошла к морю, что оттуда ни в одну из сторон невозможно было проехать. <Но> прямо посередине той площадки, если хорошо присмотреться, с трудом они увидели одну тропинку, которая уже начала заастать.

Они дали своим коням передохнуть сами чуть привели себя в порядок, выжали свои бурки и подседельники, повесили их на солнце и чуть подсушили. Затем они оседлали коней и, так как верхом проехать там было невозможно, ведя коней под уздцы, сами же идя пешком, тронулись подниматься в гору. Гора, на которую поднимались, была крутая, <часто> при подъеме соскальзывали, кони не могли отщипнуть травку *казыр уц*, а только цеплялись за нее зубами и приседая на колени; так без посторонней помощи они взобрались на гору.

Когда оказались на вершине горы, они хорошо отдохнули, проветрились. <Потом они> сели на коней и, поскольку там уже можно было передвигаться, немного проехали. В местности, которой они достигли, были видны приметы того, что сюда приходил человек. Они попали на прекрасную равнину, где росли рукой посаженные горные яблони, груши, густая скашивающаяся трава *катль-гутль*.

– Ну, нарт Шабартнук, земля, на которой мы стоим, чья бы она ни была, но ее касаются человеческие руки. Чых бы он ни был, человек, которому это принадлежит и руки которого сюда доходят, он где-то недалеко. Коли уж мы сюда переправились, не двинемся дальше, пока наши кони <хорошо> не отдохнут, – сказал в том месте Чачанэко Чачан.

– Добро, сын мой, – сказал нарт Шабартныко.

– Теперь, Шабартнук, всех, кого я сегодня повстречаю, – мужчина ли тут будет, женщина ли тут будет, – я убью. Надо полагать, мы достигли местности, где пропал мой отец.

– Если так, сын мой, послушай теперь, что я скажу: не торопись убивать, если убьешь того, кого бы не следовало, потом не воскресишь. Убить ты всегда успеешь, но того, кого убьешь, <спро-

сить> не успеешь. Чем прояснить это: если бы ты ударил и убил меня сразу, как только достиг моего дома, то кто бы тебе рассказал о пути, которым мы прошли в поисках следов Чачаны? Ты очень суровый юноша, и сердцем ты храбр, и забота у тебя большая, и обиду большую ты держишь, и мужество тебя подогревает. Но сейчас я тебе говорю, не горячись насчет боя, знаю, что и бить ты сможешь. Если битва неизбежна, то и я буду сражаться, потому я и выехал с тобой, других дел у меня нет. Когда достигнем <дома>, куда нам нужно прибыть, когда увидим и что делать, и что посмотреть, тогда и узнаем, что мы можем сделать. До этого нам нужно сдерживать себя.

— Хорошо же. То, что ты мне сказал, верно. Слова, которыми упрекнули меня, когда я впервые вышел со двора, до сих пор жгут мое сердце, словно я их только что услышал. Дело в том, что с той поры и до сих пор меня распалиют и переживания, испытанные с того времени, и судьба моего отца, но нежелание ослушаться твоего слова, — заявил Чачана.

— Ну, наши кони передохнули, и мы тоже немного притронулись к припасам. Теперь поедем, — когда так сказал нарт Шабартныко, юноша поймал коней, и оба сели и поехали.

Тронувшись, они спустились с горы и проехали некоторое расстояние. Смотрят они и видят — <строение>, окруженное тем, что адыги называют оградой из черной обленихи, а внутри один дом с конюшней и хачещем, с коновязью, которая выделяется, словно дерево.

— Ну вот, Шабартнук, вот теперь мы прибыли. Что бы дальше ни случилось, мы здесь узнаем о том, как и что дальше будет, — сказал Чачанэко Чачана сильно волнуясь.

Так едучи, они вошли во двор. Когда они <еще только что> достигли крепостных ворот, выскоцила одна девушка, с завязанной платком головой, безупречно выглядящая, она открыла им ворота и с большой радостью их приняла. Только они спешились, как эта вышедшая навстречу девушка, словно готовая его обнять, побежала к Чачанэко и взяла у него камчу.

— О добро пожаловать, Чачанэко Чачан! Спасибо, что наконец-то ты прибыл, <теперь> мы и сердечный покой обретем, и отдохновение к нам придет! Пусть бог добром одарит и нарта Шабартныко — за то, что он стал тебе спутником. То, что ты явился в этот край, для нас такая радость, что дороже всякого добра, — сказала девушка. — Добро пожаловать! — сказав, она повела их в хачещ, принесла им подушки-цыновки и разложила:

— Отдохните, вы устали, вы утомились, преодолели <такой тяжелый> путь, — сказала она им.

Девушка повернулась и ушла в дом, из которого она вышла. Кроме той девушки во всем большом дворе никого не увидели, и двое гостей не знали, что по этому случаю сказать.

— Откуда она меня узнала, и кто ей назвал мое имя? Ты старше, много прожил, а потому много местностей изъездил, хотя за этим морем ты и не бывал, быть может она и слышала твое имя от кого-нибудь, но что ей помогло узнать меня? Что ты на это скажешь, Шабартнук? — сказав, спросил юноша.

— О сын мой, вот что я скажу: <это все> чревато событиями. Из этого родится дело, о котором мы еще не ведаем. Поэтому ты не будь скорым, не горячись, если придется применить силу, я тоже надеюсь что-нибудь суметь. Слушай, что я тебе скажу, и не преступай того, что я скажу, — ответил ему наарт Шабартныко.

— Хорошо, Шабартнук, если я не буду слушаться, то разве стоило нам пережить столько и преодолеть весь этот путь, — сказал юноша.

Пока они обо всем этом говорили, девушка приготовила *столы* и когда она хотела их вынести из дома <в хачец>, она посмотрела в сторону полудня и увидела, что возвращается ее брат. Не трогая столы, она вышла из дома и пришла в хачец. Как только она вошла, то сразу же сняла с головы платок и провела им <по полу> между Чачанэко Чачаной и ею самой. Не успел Чачанэко Чачана ничего сказать, а Шабартныко заговорил и сказал:

— Хорошо, девушка, хорошо, мы выполним твоё желание, я обещаю, что он сделает то, что ты хочешь, успокойся, незачем тревожиться, — сказал он.

После того, как он это сказал, девушка вышла. К тому времени и ее брат возвратился. Конь, на котором ехал парень, был весь в потной пене и так истощал, что, кажется, мог бы пройти в отверстие стремени, и сам юноша был такой утомленный, что видно было — он преодолел <долгую> дорогу.

Сестра его подошла к прибывшему и радостно сообщила:

— Счастливый час настал, и к нам приехал Чачанэко Чачана, которого бог да одарит своим добрым вниманием.

— Спасибо тебе, если это та новость, которую ты хочешь мне рассказать, то ты меня обрадовала. Я приметил на этом взгорье двух всадников и это меня обеспокоило. Я объездил все границы моей земли, но не узнал, к чему бы это, но хотя я возвратился сильно встревоженный, ты очень успокоила мое сердце, — сказал, парень обрадовался.

Они вместе вошли в хачец — *сестра — справа, парень — слева*. Бысым приветствовал их, подошел к Чачанэко Чачане и поздоровался за руку:

— Добро пожаловать, Чачанэко Чачан! Спасибо, что наконец-то добрался до нас, — сказал он.

Затем он подошел к наарту Шабартныко, поздоровался с ним за руку и обнял его:

— Шабартныко Орзамаджыко, я тебя видел и понимал, а ты меня не замечал, — вот так в течение года я много раз с тобой встречался. Не так много прошло с той поры, как я тебя перестал встречать. Теперь, когда я снова тебя увидел, пусть Аллах не сделает напрасными все твои беды и переживания, — сказал он.

Обменялись словами и «садитесь», сказав, Шабартныко их усадил.

— Ну, что ты для них приготовила, это ведь гости, они с дороги? — спросил парень-бысым, обращаясь к сестре.

— Приготовленное для них стоит наготове. Когда ты вернулся, я посчитала неудобным сочетать подачу столиков и твоё возвращение. Лучше, если ты их приветствуешь, решила я и поэтому задержалась, — ответила девушка.

— Тогда пойдем, принесем столики, — сказали и брат с сестрой ушли на кухню (букв.: *в пристройку*).

Принесли столики и поставили посреди комнаты. Дали умыться Шабартныку. Когда хотели дать умыться Чачане, чуть-чуть замешкались.

— Почему ты не умываешься? — спросила его девушка.

— Не умываюсь потому, что Шабартныко *мне не партнер по столу*, я решил не садиться с ним за один стол, — ответил Чачанэко Чачана.

Когда девушка и ее брат смотрели на него, Чачанэко Чачана менялся в лице — то он загорался и совсем краснел, то становился совсем белым; видя это, девушка заговорила и сказала так:

— Шабартнук, у меня одна просьба: дай дозволение мне повести этого юношу в большой дом.

— Охотно даю, дочь моя, — сказал Шабартныко. Потом обратившись к Чачанэко Чачане: — пойди, сын мой, куда они говорят, — сказал.

— Что делать, пойду с ними, будь это не к месту, ты бы не велел, — сказал Чачанэко Чачана и пошел с ними.

Они довели его до большого дома и у первой двери открыли замок, ввели юношу и *<следом изнутри>* замкнули. Вот так, открывая дверь и следом замыкая, провели его через три комнаты. Открыли *<дверь в>* четвертую комнату и «Туда ты сам войди!», — сказав, впустили юношу в комнату, а сами остались за дверью.

Комната, в которую вошел Чачанэко Чачана, была полна ароматами, комната была прибрана. С белоснежной бородой, восседающий на прибранной кровати, — а рядом лежал его *намазык*, впереди стоял *кумган*, на столике в многообразии всяческие яства — вот таким застал там Чачанэко Чачана одного старца.

Только войдя, Чачанэко Чачана заговорил:

— Доброго тебе дня, счастливый тхамата! — обратился он к старцу.

— Спасибо, сын мой! Чьих бы ты ни был, будешь *<настоящим>* мужчиной! Если ты не вошел со словами «Салам алейкум!», видно, что ты достойного происхождения, — ответил старец.

— Садись, юноша, — предложил затем старец.

— Нет, тхамата счастливый, я могу и постоять, хотя я и молод, ты же старик, — сказав, Чачанэко Чачана не захотел садиться.

— Ну, парень, в таком случае *<расскажи,>* какими путями ты явился, с чем ты пришел? Чей ты будешь? Здесь, где я нахожусь, кроме одного парень и одной девушки я не видел ни одного человека, никто, у кого голова была бы обращена к небу [ни один человек], ко мне не заявлялся, и во двор не входил. Откуда же ты явился? — спросил старец.

— Я не знаю, — дом, где ты находишься, место ли это, куда ходят люди, не знаю, место ли это, где держат стариков, ничего не ведаю о том, что с тобою произошло. Но я, преступая приличия, назову имя своего отца, если ты можешь его знать, счастливый тхамата: имя моего отца — Чачан, я сын Чачаны.

— Старец посмотрел на него снизу вверх и усмехнулся:

— Юноша, в таком случае ты здесь садиться не будешь... С тобой должен быть спутник. Возвращайся в хачец, так для тебя будет лучше, там тебе больше будет свободы, — сказал <старец>.

— Тогда, если ты мне это позволишь, хорошего тебе дня, — сказал юноша и вышел из комнаты.

Когда он вышел, в комнате, куда он вернулся, были парень и девушка, они сказали «пошли» и, отпирая двери и следом их запирая, вывели юношу из дома. Привели его обратно в хачец, и нарт Шабартныко спросил юношу:

— Что ты видал, юноша?

— Расскажу тебе, что я видел: о доме, куда меня водили, <плохого> сказать не могу, там живет одинокий старец. Дом этот, где он живет, состоит из четырех комнат, и на четыре замка он замыкается. Их отворяли, а за мной следом замыкали, вот так меня ввели. Старик, что там сидит, — его намазлык лежит перед ним, напротив стоит его кумган, <на столе> разнообразные кушанья, что захочет, то он и волен взять, его борода белая, как снег, его вид ухоженный, — вот такое я там увидел, — рассказал Чачанэко Чачана.

— Своего отца, Чачану, ты мог бы содержать лучше? Как тебе показалось его содержание? — спросил затем нарт Шабартныко.

— Если бы я мог так содержать своего отца, то и он был бы доволен, и я был бы доволен. Ни в чем нужды я не увидел.

— В таком случае, сын мой, пусть бог будет к тебе милостив, ты исполнил свое намерение: тот старец — твой отец, ты обрел счастье, — заявил нарт Шабартныко.

От сказанного щеки у юноши загорелись, и он нескованно обрадовался.

— Если это мой отец, то я искал <не более чем> его кости, найти его живым я и не надеялся. Я полагал бы удачей, если бы нашел или его тело, или его кости, чтобы потом воздать должное тому, кто учинил над ним расправу — вот с каким намерением мы выехали. Теперь получается, что задача моя пала с моих плеч.

Парень-бысым заговорил и....

— Нарт Шабартнук, Чачанэко Чачан, я думаю, пока я расскажу свою историю и свои дела, эти два стола не должны стоять накрытыми. Вы сначала отведайте пищи, а потом я расскажу о том деле, которое есть <у меня>. Вы тоже испытали трудности, вы утомились, — сказал им парень.

— Если мы заполовиним еду, ты тоже сможешь рассказать о деле, — сказав, согласился Шабартныко.

Принесли кумганы-полотенца, дали Чачанэко Чачане умыться и поставили столы. Чачанэко Чачана не сел за тот стол и поел отдельно, затем и столы убрали.

Когда столы убрали, парень-бысым вот такое рассказал о похищении Чачаны:

— Нарт Шабартнук, и ты, Чачанэко Чачан, в моем рассказе сегодня попадется и такое, что для меня тоже не очень лестно. Но хотя мне и неприлично такое рассказывать в присутствии Шабартныко (то есть, старшего возрастом), но, когда у тебя есть забота, кто за тебя слово скажет, если ты сам стесняешься! Здесь у меня выхода нет. Я прошу Чачанэко Чачану, чтобы он сдерживал свой

гнев по поводу неприятностей, доставленных ему, пока я не доведу свою речь до конца. Не говорю, что и Шабартныко забыл о переживаниях и обидах по этому поводу. Но теперь я расскажу, что я понял и почему я так поступил, — вот так начал парень-бысым.

— Нас было семеро братьев, и девушка, которая здесь ходит, старше меня, я же младше всех — вот такой семьей мы жили. С той поры, как все семеро братьев выросли и стали выезжать (букв.: *стали соединять коня и седло*), мы выезжали и грабили, убивали великанов (букв.: *богатырей*), да и во владении копьем были мощными. Вот таким образом мы стали в нашем kraе такими, что соперничать с нами было некому, всё оказалось в наших руках. После этого «ага, теперь оттого, что все люди, живущие в этом kraе, в наших руках, как мы скажем, так они и будут <делать>, никакого мужества в этом нет», — сказав так, завели такое наши старшие, направляющие нас. В одном отдаленном kraю жила компания героев, владевших пятьюстами кобылицами возрастом с поры начала выездки, и еще у них двухлетками и прочими было всего до двух тысяч. «Если мы те табуны (в тексте — ту компанию — *перев.*) не пригоним, ту компанию мужей не перебьем, чего стоит наша жизнь!» — сказав, приступили к делу наши старшие братья. Приступили, и та компания оказалась мощнее, и по одному да по двое погибая, не сумев и лошадей пригнать, погибли шестеро наших братьев. Тех великанов, что с ними сражались, было шестеро, и троих наши братья старшие убили.

Я был самый младший, и несколько лет прошло так, что я еще не достиг возраста, когда можно было выезжать на битву. После этого и я обрел силу, и когда стал соперничать с самыми сильными и обрел уверенность в себе, я взялся мстить за своих старших братьев. Я брал себе в спутники всяких, кто в kraю выделялся мужеством, и так многих загубил. Не сумев одолеть <великанов>, я отступил и сел мирно дома; вот эта наша сестра, что здесь сидит, заявила мне: «ты должен жениться», указала на одну женщину, и я женился на той, которую указала мне сестра.

Когда где-то месяца три эта женщина жила в моем доме, напали на меня те самые великаны, те батыры. Они рассчитали так: мы его и не убьем. Потому что тогда он обретет покой; болезненным для него будет, если мы похитим у него жену. Если мы похитим его сестру, то сестру все равно или кто-то должен похитить или же она сама должна за кого-то выйти. Поэтому он ее долго искаль не станет. Если же мы похитим его жену, он этого всю жизнь не забудет. От того, что мы жену уведем, мы ее не как жену хотим держать, и убивать мы ее не хотим, а будем держать ее стряпухой. Пусть он приблизившись, видит ее, это будет для мужа невыносимо, и всю жизнь у него за это будет сердце болеть», — сказали так и увели мою жену.

После того, как уввели мою жену, я не мог этого долго выдержать, стал собирать сообщников, нападать на них и сражаться. Моих спутников убивали, а я вынужден бывал отступить, хотя они [великаны] и могли меня убить, но не хотели убивать меня: «Как плату за кровь наших братьев мы заставим тебя жить в муках. Ты надеешься, что когда мы тебя убьем, ты обретешь покой. Этого

мы тебе не сделаем», — говорили они и не желали меня убивать. Многих людей я там загубил. Кто бы более поехал со мной на призыв «Пошли!», если на глазах люди гибли! Я остался таким, что в краю я уже не могу найти никого, *«кто бы пошел со мной против великанов»*.

Я поразмышлял и, не находя выхода, взял и — а у нас был такой, которого называют усареж, — и я к нему обратился: «К какому способу мне прибегнуть? В этом деле какой способ есть, как мне поступить, что ты мне выберешь?», — спросил я его.

Вот что он мне ответил: «Не найдешь никакого ответа, но подскажу тебе один способ, и если ты это исполнишь, дело твое решится. Не сможешь исполнить — всю жизнь будешь вот так страдать».

«Говори, мой усареж!» — сказал я тогда. «Ты переправишься за море, — сказал он, — есть там один муж, ты этого мужа похитишь. Тот муж, которого ты похитишь, это тот, кого именуют Чачана. У того Чачаны жена тяжелая. Чачана сам богатырь, и жена его тоже богатырша, отпрыска их [этой пары] назовут Чачанэко Чачана. Отпрыска двух богатырских людей одолеть силой никто не сможет, противостоять ему будет невозможно. Когда он достигнет возраста восемнадцати лет, кроме *смертоносной стрелы* его ничто не возьмет. Он вырастет таким, что силой его не одолеешь, в сражении он будет успешным. Раз уж ты похитишь Чачану, рано или поздно, но однажды этот парень отправится на его поиски. Если даже обойдет весь мир, Чачанэко не успокоится, пока не отыщет Чачану. Раз уж Чачана у тебя, и раз уж парень не успокоится, он придет к тебе. Если тогда ты, найдя этого парня, сумеешь его уговорить, чтобы он услужил тебе, он решит твое дело. Кроме этого пути ничего другого я в твоем положении не вижу», — сказал мне усареж.

«Бог меня поразил, усареж! Как я буду дожидаться решения моего дела, пока ныне лежащий в утробе родится и вырастет! Как я это буду терпеть! За这么多 лет я не лопну?! Не слишком ли это большой груз! То, что с нами случилось, не большая ли беда!» — сказал я усарежу.

«Ну что, добрый парень, я могу поделать. Ты сам их не одолеешь, в краю других воинов не осталось. Хочешь-не хочешь, а до того срока дотерпишь», — ответил мне усареж.

Вот, теперь у меня нет другого выхода: когда у тебя беда, приходится позаботиться о том, как ее решить. В поисках Чачаны я покинул свой край и стал выслеживать Чачану. Рассказали мне, что местом его частых разъездов является край нарта Шабартныко, и что они вдвоем ездят вместе. Иногда я их и встречал. Начал я присматриваться к ним, только проезжал мимо них так, чтобы они меня не заметили. Почему я проезжал мимо: нарт Шабартныко — это один богатырь, Чачана, который мне был нужен, еще страшнее его, напасть сразу на двоих я боялся, поэтому и проезжал мимо. Будь кто-либо один из них, я бы без труда его принес, но я, боясь, что не смогу одолеть, если два человека вместе пойдут против, целый год проезжал мимо. Но если не отступаться, то разве бывает так, чтобы однажды ты не попал на слабое место того, за кем крадешься: однажды я повстречался с

ними, когда они гнали лошадей породы альп, только как много их было, я не знаю. Шабартныко ехал впереди, он был ведущим, а Чачана, который здесь сидит, был позади, тыльным, он больше обращен к врагу — вот так они возвращались, и тогда я завернул спереди их и приветствовал: «Доброго возвращения!» Нарт Шабартныко ответил мне:

— Выбирай, сын мой!

— Пусть бог вам это дарует на добро! — ответил я и проскочил мимо Шабартныко. Доехав до конца табуна, я приблизился к Чачане и сказал: «Доброго возвращения!»

Когда он тоже мне предложил: «Выбирай, сын мой!», я ответил:

— Доброго пути, пусть бог вам это дарует на добро!

Затем я подъехал поближе к нему, будто желая попрощаться с ним за руку, сорвал с него шапку и ускакал.

Чачана немного времени смотрел мне вслед, думая, что я шучу, затем пустился следом за мной. Увидев, что я припустил своего коня и что Чачана во весь опор гонится за мной, нарт Шабартныко тоже развернулся.

Конь, что под Чачаной, был чалый, породой он был таков, что против него ни одна лошадь не устояла бы, поэтому я его далеко выманил, и когда он так отдалился от нарта Шабартныко, что тот не мог бы его быстро настигнуть, я развернулся, подъехал к Чачане так, чтобы Шабартныко видел то, что я делаю, но не ближе того, вынес Чачану из седла и был таков.

Конь подо мной, если егопустить свободно, был настолько быстр, что птица не могла бы его опередить, и между тем мигом, когда я вырвал мужа из седла и тем, когда я понесся, Шабартныко мог только видеть, куда я повернул, так быстро я ускакал. А мой конь оставил за собой только след на земле, которой касались его ноги, и больше ничего нельзя было бы видеть, а через море, которое вы одолели, я переплыл словно лебедь.

Теперь ты сам увидел, как я содержжу похищенного мною Чачану, как я стараюсь угодить ему во всем, чем могу, это желание не имеет границ. Но я не могу сказать, что у Чачаны нет никаких переживаний и что он всем доволен. Почему я не могу так сказать — потому что держу его за четырьмя замками. Насчет еды, что только он захочет, он найдет. *<Но>* я его запираю на замки, и это вот почему: Чачана богатырь, поэтому выпустить его на свободу *<я опасаюсь>*. Нет человека без слабостей, и я тоже боюсь. Я не могу поверить, что Чачана при его мужестве и суворости забудет все то, что я ему причинил, и просто так успокоится.

Ну вот, теперь, Чачанэко Чачан, из мною рассказанного *<ты видишь, что>* я не скажу, будто твой отец не претерпел переживаний. И теперь ты волен делать то, что хочешь. Можешь сказать: «Какие бы у тебя бедствия ни были, причем здесь мой отец и почему наказание ложится на меня!», — и убить меня, я в твоих руках. Но я полагаюсь на тебя вот в чем: если Чачана человек, то от него тоже произойдет человек, а значит он поймет мое положение и поможет мне разрешить пережитые мною беды, — вот в этом я на тебя полагаюсь, — сказал так парень и отошел в сторону.

После него заговорила девушка:

— По тому, как вы услышали от моего брата и как вы побудили его рассказать о сути дела, а кроме того, судя по тому, как Чачанэко Чачана, отпрыск <Чачаны>, принял всё очень болезненно, я видела, какая неприязнь возникнет между ними [между моим братом и Чачанэко Чачаной], и поэтому я сняла с себя платок и провела им между нами <по полу>. Я так поступила для того, чтобы вы дали нам время рассказать о своем положении, чтобы вы могли понять нашу заботу, чтобы вы своим сознанием проникнулись нашей бедой и представили себя на нашем месте. Вы сами услышали от него [моего брата], что с ним случилось, и обо всех перенесенных страданиях вы от него услышали, и то, о чем я вас просила, вы сполна исполнили. Что предпринять в этом деле — вы в том вольны сами, я же говорю вам спасибо, — сказала девушка-бысым.

Тогда заговорил нарт Шабартныко и обратился к Чачанэко Чачане:

— О сын мой, не ведая о том, тяжелой ли будет наша задача, легко ли мы справимся, я, еще не зная о том, чего она попросит, когда эта девушка обратилась ко мне, обещал: «Исполним то, что тебе будет по душе, не посрамим тебя», и поэтому мы не можем свое слово переиначить. Я считаю, что здесь уже не нужно ничего иного, кроме как решить, каким образом нам приступить к делу и кто нам укажет место, где <жена парня> находится.

— Тогда, Шабартнук, всё, что будет с этим делом связано — и трудное, и легко решаемое, — это мои заботы. Почему, если спросишь, то потому что с той поры, как я еще был в материнской утробе, наш парень-бысым в надежде на меня претерпевает лишения. Я так говорю не потому, что не чувствую всех невзгод, которые перенес мой отец. Но, как я думаю, если у человека беда и если в этой беде он надеется на тебя, то он и тебе может доставить неприятности, но ты все равно должен оправдать его надежды. Большего я про это не говорю. Если он оседлает мне моего коня и укажет — она вот там-то, я готов отпраиться в путь, — сказал Чачанэко Чачана.

— Нет, прямо вот так не пойдет. Пусть ты к делу приступаешь, но одного тебя мы отпустить не можем. До сих пор мы были вместе, а теперь чтобы ты остался одиноким, а я бы и не знал, что с тобой происходит, так я тебя не отпущу, — сказал нарт Шабартныко. — Если этот юноша не будет нашим спутником, мы не отыщем, где она находится. Поэтому я говорю, что нельзя будет нам троим не быть вместе.

Чачанэко Чачана по этому поводу сказал так:

— Нам нужно уговориться, что этот парень-бысым покажет мне место, а что я один смогу, я сделаю сам, что в моих силах я в том месте проявлю. Что я смогу, вы там увидите, но сами вы близко не подходите, что бы со мной ни случилось, вы мне в помощь не приходите — если вот такое вы поддерживаете, то мы едем вместе. Но если я окажусь в самом тяжелом положении, если меня убьют или изранят, и вы, сказав «мы станем опорой ему, поможем ему», тронетесь с места, я с вами поступлю точно так, как с противниками, с которыми буду сражаться, и в этом я крепкую клят-

ву даю, — сказал Чачанэко Чачана тем двоим. В этом он крепкое слово с них взял.

— Хорошо, сделаем, как ты говоришь. Только просим тебя позволить нам быть рядом с тобой и видеть то, что с тобой происходит, — сказали двое.

— Тогда давайте приладим седла к нашим коням, рассказанное нашим бысымом очень разволновало меня. Я уже тороплюсь достичь того места прояснить то, что надо сделать и испытать себя самого, — сказал Чачанэко Чачана.

Парень-бысым вышел *<во двор>* и вывел из конюшни трех одинаковых коней, положил на них походные седла и привязал их к коновязи. Он достал сумы, в которых позади седла носят дорожные припасы и уложил в них провизию. Всё это он приладил к коням.

Парень вошел в комнату и сказал: «Пошли, если вы готовы».

Чачанэко Чачана повернулся, посмотрел через открытую дверь и не увидел белого коня.

— Почему ты не оседлал моего белого коня? — спросил он парня-бысыма.

— Я тебе прямо скажу, почему я его не оседлал, Чачанэко Чачана. Путь который нам предстоит сегодня одолеть, не под силу будет твоему белому коню. Эти три коня одной породы с теми, на которых ездят они [великаны]. Если выступишь против них не на таких конях, на которых они сами, они тебя победят. Тебя постигнет неудача. Вот поэтому я не оседлал твоего коня, а не потому что я заблуждаюсь, не подозревай меня в этом. Дело, которое ты делаешь, — моя забота, и я не таков, чтобы не понимать твоих переживаний, — заявил парень.

— Хорошо, если ты так говоришь, значит, мы готовы, поехали, — сказали, и все втроем вместе отправились в путь.

Когда они достигли границы страны, там невдалеке был густой непроходимый лес, и добравшись туда, все трое остановились. Парень, у которого похитили жену, тут заговорил:

— Вот за этой большой колючей оградой и находится моя жена. Ты можешь застать великанов, похитивших ее, дома, можешь и не застать. Когда они уезжают, у них в обычае возвращаться через неделю — через дней пятнадцать. Между временем их отъезда и возвращения моя супруга неотрывно готовит для них припасы. Они забивают целого быка, *<затем>* уезжают; если ко времени, когда они вернутся, он не будет приготовлен не очень горячим и неостывшим, они нещадно избивают женщину. Вот в таком страхе и принуждении она живет. Как возвратятся, так все, что она подготовила за все пятнадцать дней, съедают в один присест; после еды они разденутся, улянутся и непробудно спят неделю; почему, если спросишь, потому что людей, которые могли бы их одолеть, нет, и они спокойны. Меня они более не боятся, и других, кого бы они боялись, нет. Но я прошу Аллаха, чтобы он сделал тебя проклятием для них. Вот так обстоит дело, — сказал *<парень>*.

— Раз так, я пойду. Вы оставайтесь на этом месте. Если попаду так, что эта компания будет дома, мне повезло — не придется их дожидаться. Если попаду когда их нет дома, я не стану ее у них похи-

щать. Буду их дожидаться, вы будете смотреть и увидите. Сидите на этом месте, а я пошел, — сказал Чачанэко Чачана, отделился от них и поехал.

Прибыл он, и когда въехал во двор, соскочил с коня и привязал его к коновязи. Когда он повернул в сторону дома, женщина, которая там была, посмотрела и увидела его.

— Бог меня поразил, что принесло сюда еще этого юношу — то ли по незнанию приблудился, то ли зная пришел? Проголодавшемуся юноше, этому бедняге, что я скажу? Притронуться <к приготовленному> я не вольна, если притронусь, они узнают. Как мне быть? — подумала женщина.

Накрытую платком, с закатанными рукавами, изо всех своих сил поддерживающую огонь и вот так готовящую пищу, ее застал в доме войдя туда, Чачанэко Чачана.

— Ой-ей, сын мой, почему ты сюда пришел? И откуда ты явился? И что тебя принесло? — сказала женщина. — Зная ли ты явился? Не ведая ли ты пришел? Не слыхал ли ты, что живущие в этом доме — богатыри-*<великаны>*, очень жестокие? Что у тебя за заботы? Если ты проголодался, я не вольна достать и дать тебе хотя бы кусок, величиною с один вареник. Ту пищу, что я приготовлю, они, подневно вычисляя, знают, чем же мне тебя покормить, — пожаловалась тут женщина.

— Так, сестра моя, я явился за тобой. Скажешь ли мне, где сейчас эти грозные великаны? Я их разыскиваю. Если счастье будет на моей стороне, я и их побью, и тебя заберу — вот такое у меня дело. Это и цель моего появления. Не по неведению я пришел, а зная, куда иду, — сказал Чачанэко Чачана.

— О братец мой младший, ты меня назвал сестрой и позволил мне достойно взглянуть на себя. Но если ты послушаешься меня, повернись и уходи отсюда, пока тебя не приметили и не увидели. Тебя им на один хлопок не хватит, такие они мощные. А потом, выйдя со двора, уезжай, не разбирая дороги. Пусть бог не сделает добра тому, кто тебя сюда направил. Кроме того, что я здесь испытываю, еще больше меня мучает то, что <мой муж> приводит сюда всех достойных мужей края, способных носить оружие, и они здесь гибнут так, что и людей не осталось. Разве же есть такие места, где бы не погибали такие недостойные женщины, как я. Душа моя болит по тем людям, которые из-за меня гибнут, и этого, кроме всего иного, мне достаточно, чтобы день и ночь переживать. В эти последние годы он [муж] не появлялся, и я было обрадовалась тому: «если он позабыл обо мне и успокоился, пусть бог дарует ему жизни» — говорила я. А теперь он и тебя сюда привел! Ты такой ребенок, что сырое молоко еще на губах не обсохло (букв.: *еще с губ твоих сочится*), чем тебя на моих глазах здесь убьют, мне легче самой быть убитой. А коли так, послушайся меня, поверни назад и уходи! — сказав, женщина так попросила.

— О моя сестра, все, что ты мне сказала, я слышал, но ничему из этого я не внял. Я испытаю, смогу ли я их одолеть. Но прятаться и бегать от них с этого двора я не буду. Если они год будут отсутствовать, я все равно их дождусь. И, не страшась их, я из их еды съем столько,

сколько смогу. Пусть у меня к ним и другие дела, но из-за одного того, что они по этому поводу набросятся на тебя, я их истреблю.

— Не знаю, брат мой младший, они заставили меня поклясться, чтобы я своими руками ничего не брала и не давала тебе. И если кто что возьмет, я обязана рассказать об этом — вот при таком условии я живу в этом доме. Все трое согласно решили, что как к женщине никто из них не будет иметь ко мне дела, а я должна готовить им еду и провизию. Так они решили, потому что если вдруг они мною соблазнятся и я рожу ребенка, то им может не хватить еды. Если я не заболею, а вовремя не приготовлю, они меня могут поколотить, вот на таких условиях я живу. Ну а ты явился ради спасения меня, если даже из-за этого я погибну, ты сам волен посмотреть и выбрать тот кусок, который тебе по душе. Но я сама не могу тебе подать, — сказала женщина.

— Я сам выберу, сам и съем. И не боюсь их. Если даже не голоден, то ради того, чтобы эти чревоугодники заглянули в котел, и это будет причиной ссоры с ними, — сказал Чачанэко Чачана, взял и завернул рукава своей черкески, взял половник и мясо, которое как раз было на подходе, он пошуровал и вытащил целиком выглянувшую заднюю ногу.

Положил он это на стол, сел и съел всю бычью ногу вместе с хлебом, который она приготовила — сколько смог, все съел. Очистив от мяса, он большую кость ноги бросил обратно в котел.

— Теперь пусть они скажут что захотят, а ты мне дай воды напиться, — сказав, юноша отодвинулся и сел <поодаль>.

Тот день был сроком возвращения тех, и они сидели, ожидая, в это время с грохотом и криками, подобно бешеным псам, а у их коней пасти развернутые, вот так они возвратились и въехали во двор. Увидели они привязанного у коновязи коня Чачанэко Чачаны. Увидав, сказали: «Эта порода коней нам знакома, незнаком тот, кто на коне. Видно, еще одного несчастного он сподвигнул и прислал к нам. Удивительно, что тот, у кого мы похитили жену, до сих пор не забыл об этом!» — сказали они. «Коню ничего не делайте, давайте сначала все узнаем», — сказал старший двум своим младшим.

Взяли и вошли в дом. Но юноша, нисколько не волнуясь, расселся в самых нарядных покоях и сидит себе, <будто> говоря: «Чорт обери. Что бы ни случилось!»

— Ага, маленький человек, ты и на наших покоях сидишь, и нашу коновязь занял, и дом наш к себе примеряешь, ни у кого ничего не спрашиваешь, и страха перед нами не испытывая сидишь, что у тебя на уме? Не слыхал ли ты рассказов про нас? Ты по глупости не понимаешь что ли, или же чего-то хочешь? — спросил старший из иных.

Пока он все это говорил, младший из братьев вошел туда, где готовят еду, заглянул в приготовленное. Он принес братьям известие о том, что <гость> и лепешки сильно заполовинил, и из варева одну бычью ногу съел.

— Что за удивительное дело натворил нам этот сидящий тут болван! — сказал он.

— Что он натворил? — спросил старший.

— Вот что он натворил нам! Из лепешек, напеченных для нас, он большую долю умял; из мяса забитого нами быка он вытащил заднюю ногу, мясо съел, а голые кости бросил обратно. А когда я рассердился на живущую в доме женщину, она мне заявила: «В чем моя вина? — ответила она. — Разве я могу справиться с мужчиной, без моего предупреждения он это не съел, я и о вас ему рассказала, и о вашем мужестве рассказала, и о том, что я не вольна давать ему пищу я много говорила. Но он, не послушавшись меня, по-своему покушал; простить его или не простить — это ваша воля», — так она мне сказала.

— Таковы новости? <Так> что у тебя за замыслы про нас? Ты нам не напарник, ты не прислуго. Чтобы ты нашу готовую [приготовленную для нас] пищу по своему переиначивал, чтобы ты на наших прибранных постелях нежился подобно князю, чтобы ты к нашей коновязи привязывал своего недостойного коня, что ты к нам такого имеешь? Помет твоего коня, который скопился под нашей коновязью, ты пригоршнями сам со двора вынесешь! — вот так сурово налетел старший <из иных> на Чачанэко Чачану.

Когда ему всё это говорили, Чачнэко Чачана бровью не повел (букв.: *не почувствовал как дрожание век*), глазом не моргнул, <и> когда они вошли, он не встал им навстречу.

— Ну, великаны-богатыри, вы возомнили себя, будто вы высокородные, будто всех своих противников вы извели, будто и равнина ваша собственность, что и мир весь вам достался — вот такими вы себя посчитали и, так считая, со мной разговариваете! — сказал Чачанэко Чачан. — Как поступать с такими, как вы, самоуверенными, озабоченными только тем, как заполнить опустевшее брюхо, у меня рука всегда твердая (букв.: *всегда правая*). Не ведая о том, что вы сюда вернетесь, я тут не сидел, и страха никакого перед вами у меня нет. Посоветуйтесь сами между собой о том, что вам сказать и что вы можете сделать. А дело, которое у меня к вам есть, — вы сейчас голодны и мои слова до вас не дойдут. Пойдите на кухню, набейте свои собачьи утробы, а потом я вам скажу, чего хочу.

Он разозлил всех троих.

— Нам некогда есть-пить (букв.: *есть-говорить / есть-болтать*), говори прямо о своем деле!

— Из-за этого вы меня не заставите торопиться и наспех вы сказать то, что я хочу, — сказал Чачанэко Чачана. — Вот когда вы наедитесь, тогда я и расскажу о своем деле. То, что я скажу, вызовет и гнев, и схватку. Когда дело дойдет до схватки, вы скажете: «Если бы мы наелись, мы бы многое с ним сделали!»; для этого я не дам вам повода, и там же вы окончите свои жизни. Сегодняшний день станет для вас несчастливым!

Средний из троих братьев заговорил:

— Тот, с кем вы сегодня говорите, дал понять о нашем деле. Сердцем своим чувствую, что от человека, в глаза которому я заглянул, многое благ мы не увидим, — сказал он.

— Ой-ёй, большой ты дуралей! — заговорив, сказал старший из них, — сильно же тебя напугали. Как же быстро ты переметнулся!

— Я не трусливее вас, — возразил средний брат. — Кто мужествен, а кто труслив, прояснится, только давайте немного перекусим.

Понеслись трое братьев в кухню и съели всю еду, что была приготовлена, ни кусочка не оставили.

— Ну как, теперь вы насытились? — спросил их Чачанэко Чачана.

— Насытились мы, не насытились, а уже вышли, теперь говори, что у тебя за дело! — сказали те.

— У вас должна быть еще одна причина. Мне представляется, если бы вы получили назад ту бычью заднюю ногу, вы бы и ею закусили. Но я вам расскажу, что у меня за дело. Я явился забрать вот эту женщину, которая живет в вашем доме. Что я ее заберу, я обещаю вам открыто. Того, кто захочет ее увести, вы мирно (букв.: *не сразившись с ним*) не отпустите, а раз так, то по вашему усмотрению выбирайте сами, чем вы будете со мной состязаться! — заявил им Чачанэко Чачана.

Великаны громко рассмеялись.

— Что вы смеетесь, не тому ли, что сегодняшний день будет последним в вашей жизни?

— Мы рассмеялись потому, — ответил старший из них, — что ты так юн, ты ребенок, послушался того, кто тебя обдурил и толкнул на это дело.

— Это не вашего ума дело. Кто умный, а кто дурак — сегодня станет ясно!

— Иди, мы не скажем, что сами отдаем, но, если ты говоришь, что уведешь ее, уводи; много мужей, не таких, как ты, приходило сюда за нею, только никто не смог ее увести. Из-за этого [Из-за такой мелочи] мы все трое братьев не станем выходить против тебя. Давай иди, если вот этот парень тебя пустит, тогда уводи, ничего против не говорим, — сказав, старший из них указал пальцем на самого младшего.

— Я понимаю, что за твоими словами, а коли так, то больше ничего не скажу, я гость ненадолго, поэтому уберусь. Но в том же дворе, *<куда вы меня отправляете,>* я сделаю так, что старший не будет ведать того, куда делся младший, и будет выходить на его поиски, — заявил парень [Чачанэко Чачана], встал и направился в кухню.

— Ну, сестра, хватит, сколько ты стряпала на этих свирепых великанов, сегодня я в отместку за тебя вышибу из них и их кровь и содержимое утробы. Мы с тобой родные (букв.: *братья*), поэтому говорю тебе твердо: когда я тебя схвачу *<и понесу>*, в той стороне, куда ты повернешься [где ты будешь], окажется опаснее, и тогда ты мне поможешь. Я не надеюсь на то, что ты будешь сражаться оружием или будешь колоть копьем, этого я тебе не говорю. Но вот в чем я на тебя надеюсь: когда я тебя подхвачу, не противясь тому, куда я тебя буду передвигать, — сказал он женщине.

— Хорошо, младший брат мой, сказанное тобой мне по душе. Я *<бога>* о большем не прошу, кроме как о том, чтобы уйти от этих *<великанов>*. Но это — великаны, очень сильные, богатыри. Если не получится так, как ты говоришь, если они победят, они и тебя убьют, и меня убьют. Но из-за того, что ты, не зная, откуда я, ради меня решился погибнуть, когда они станут убивать меня, я не почувствую боли, — ответила ему женщина.

Пока это все говорили, младший из троих братьев, которого это касалось, стоял там же, и они говорили, ничего от него не утаивая.

— Ага, теперь вы вдвоем уговорились и двинулись, не страшась меня? — рассмеялся великан.

— Вот это и будет нам причиной, — сказал Чачанэко Чачана и, не доставая ружья из чехла, ружейным прикладом примерился и стукнул его по переносице.

— Ах, маленький человек, как ты коварно поступил со мной неожиданно для меня! — вскричал тот великан. Кровь из его носу хлынула на пол. — Теперь я не стану пачкать свою одежду из-за того, куда ты уйдешь, не стану, обливаясь кровью за тобой гнаться, — сказал он и остался в комнате. А Чачанэко Чачана взял женщину за предплечье и покинул дом, подошел к своему коню и сел верхом. <Затем он> наклонился, поднял женщину и поехал.

Младший из братьев задерживается, а почему — те двое не знают.

— Что это с ним? Удивительно будет, если этот ушедший надеется увезти ее! И куда это делся наш парень? — сказал старший.

Тот, что остался в доме [младший из иных], умылся, облачился в свое снаряжение, подошел к своему коню и, повернувшись лицом в сторону двух старших братьев, сел на коня. Те же глянули и увидели — у их младшего брата во все лицо нос расквашен и лицо разбитое.

— Ого, интересно, что он с нами сделал! От того, который такое сделал с его [нашего брата] переносицей, этот парень [наш брат] <живым> не уйдет. Иди, брат (букв.: *парень*), будь ему подмогой! — сказав, старший велел среднему.

— Оллага, не пойду, вы посмеялись над тем, что я прежде сказал! Он и до тебя доберется, и меня пройдет! У этого парня, как я увидал, слова огнем начинены. Когда он говорил, мне почудилось, что из его раскрытого рта полыхает огненное пламя. Я понял, что и среди богатырей, явившихся на свет, подобного ему нет. Как я взглянул на его лицо, я почувствовал — он не простой паренек. Ни ты от него не уйдешь, и меня он достанет, — сказал средний и не согласился <со своим братом>.

Ну а пока они все это друг другу говорили, Чачанэко Чачана выехал со двора и пустился в путь. Если бы он захотел уехать, он бы мог достичь своей цели так, что никто бы за ним не угнался, но он выехал в окрестность — так, чтобы нарт Шабартныко и парень-бысым могли его видеть, а тот, кто преследует его, мог его настичь, и там остановился.

Он наклонился и поставил женщину наземь, коня пустил, косо привязав поводок к седлу, а сам стал, передом своим повернувшись, чтобы видеть, откуда появится всадник. Тот, которому он расквасил нос, явился, хорошо вооруженный, на коне, огнем пышущем, а сам распаленный гневом.

— Ага, маленький человек, что у тебя на уме? Ты сегодня поступил со мной, как поступают с мальчишками. Но на мое счастье ты не уехал, и я выну душу, которая в тебе есть! — сказал великан.

— Я стоял не потому, что не знал, что ты явишься! — ответил Чачанэко Чачана, — ты меня не бегущего настиг, а прибыл, когда я стоял <в ожидании>. Поэтому я не считаю за доблесть то, что ты прибыл. Я доведу дело и до вашего старшего <брата>, болтающего и сидящего дома. Я сделаю с вами такое, чего не смогли те, которые явились сюда раньше и стали вашими соперниками в поединке. Я здесь сижу, готовый выступить против таких, как вы, жестоких <созданий>, которых земля не держит и которые жалости не имеют. А потому выбирай, какой способ поединка тебе по душе, и скажи мне. Я выйду <против тебя>, настроенный так, как тебе больше по нраву.

— Способ нашего ведения поединка такой, — отвечал великан, — что мы расстелем свои бурки, положим на них по семь зарядов и будем ими драться. Когда с ними покончим, сядем на своих коней и будем биться грудь в грудь, кто из нас упадет, пусть оставшийся поступит с ним как хочет и уходит восвояси. Вот что я на это скажу.

— Очень удачно, очень хорошо.

Расстелили бурки, разойдясь на расстояние выстрела, и начали поединок. Чачанэко Чачана дал свободу парню, которому он расквасил нос:

— Я один удар тебе нанес, теперь начало предоставляю тебе!

— Ну тогда летит к тебе! — сказал тот, прицелился и выстрелил в Чачанэко Чачану.

Он попал и еще насквозь пробил. Потом Чачанэко Чачана прицелился и выстрелил в великана. Он пробил <тело> великана так, что <в отверстие> мог бы пролезть котенок. Вот так сражаясь, они закончили те семь зарядов. Последний выстрел выпустил Чачанэко Чачана. Выпущенный им последний заряд сильно потряс великана. После окончания стрельбы (букв.: *выпуска по семи зарядам*) был уговор сесть на своих коней и состязаться их ударами грудь в грудь, поэтому каждый подошел к своему коню. Чачанэко Чачана легко вспрыгнул на коня, будто в него ничего не попало. Другой, великан, с трудом вскарабкался на своего. Под обоими были <кони> подобные львам, поэтому дело обстояло так, что кто из них больше имеет силы, чтобы подчинить себе своего коня, тот и победит. Как только Чачанэко Чачана сел на коня, не дав тому даже подобрать повод уздечки, налетел на великана, приоровился и ударил его грудью своего коня. Он сшиб <противника> так, что — сидел тот там или не сидел! Тут он достал свой меч, тут же примерился и, ударив, снес голову.

Как только всадник упал, конь повернулся назад и убежал во двор. Старший <из братьев> увидел, как конь вбежал во двор. Оставшегося младшим он кликнул:

— Парень, не по душе мне то, как этот конь возвратился. Будь парень [наш младший брат] жив, этот конь не вернулся бы. Поэтому положи седло на своего коня, облачись в оружие и берись за дело.

— Ага, теперь я тоже за ним пойду, следом за мной пойдешь и ты, а кто за тобой последует, ты уж не найдешь. Того парня [нашего брата], вслед за которым мы идем, убил пришелец. Если бы он хотел, он бы и коня этого не отпустил. Раз так, у меня выхода

нет, я поеду, — сказал средний, облачился в свое снаряжение, сел на коня и выехал.

— Какой слабак этот, что выехал. Пусть и убил <тот пришелец нашего брата>, так всего-то ведь он [вот тот неказистый], которого я видал! Не достоин сочувствия тот, кто не убил его, а позволил ему себя погубить. Такого мне нечего жалеть, — сказал старший.

— Что будет, увидим, — сказав, средний выехал со двора.

Едучи, первым он повстречал труп. И голова у него отрублена, и грудь прострелена — когда так он увидел, он стал в изголовье и сказал:

— Что это за диво: и оружие твое в руках у тебя, и меч твой на боку у тебя, сильно же ты оплощал! Неужто ты связанный сидел, пока над тобой столько совершалось? Сам он, я вижу, в порядке. Может, кто-то кроме него тебя бил? Как это удивительно! — говоря так, он сказал это своему младшему брату, будто разговаривал с живым. А почему он так сделал, это не потому, что ему брата было не жалко, а потому, что когда он сказал, мол, этот парень нам беду принесет, <младший> над ним посмеялся.

Взял он, проехал мимо тела и подъехал к Чачанэко Чачана.

— Значит, ты и нашего брата убил, и нашу стряпуху увозишь — на том ты стоишь? — сказал он.

Чачанэко Чачана заговорил и:

— Я стою, чтобы убить и старших, если найду, а так захотел бы я уехать, то кто бы меня догнал! Чем мне дожидаться, когда следом за одним убитым мною всадником ко мне отправится другой, вам это из-за меня хлопотно не будет; лучше уж когда я покончу с вами со всеми, потом успокоенный вернусь домой. Вот чего я ожидаюсь, а то бы мог и уехать, — ответил он.

— Если так, маленький человек, я сюда прибыл не для того, чтобы своему старшему брату принести весть, мол вот что с нашим моим младшим братом случилось. Я выехал с намерением сражаться, убить тебя и отомстить за кровь нашего младшего брата.

— Что же, не будем тянуть с этим, я готов, стою здесь в ожидании, кто бы со мной сразился. Начинай! — призвал тогда Чачанэко Чачана. — Способ борьбы я тебе позволяю выбирать по своему желанию, я обещаю устроить тебе место не хуже, чем у твоего единогубрного брата. Сегодняшний день станет таким несчастливым, когда таких бесиящихся с жиру, как вы, настигает достойная <кара>.

— Ну тогда, — сказал великан, — я выехал возбужденным, разгневанным, <а поэтому> я решаю, что мы будем сражаться конными на саблях.

— Очень это мне по душе! — сказал Чачанэко Чачана.

Чачанэко Чачана сел верхом, пришпорил коня; обнажили сабли и начали поединок. Конь под Чачанэко Чачаной был резвее, и когда великан собирался ударить, он не мог догнать, но когда этот гнался <чтобы ударить, великан> не мог от него уйти, и так эти двое сражались, переламывая кости. Великан ударил и сильно ранил Чачанэко Чачану. Потом Чачанэко Чачана развернулся, настиг великана и разъяренный так, как не гневался со своего рождения до того самого случая, так ударил, не помня о всей своей силе [не помня сам себя], что рассек великана надвое.

Конь, на котором сидел великан, ускакал и вернулся домой. Еще не успел он войти во двор, как оставшийся старший из великанов увидел, что конь возвращается без седока (букв.: *с пустым седлом*). Сильно он огорчился.

— Как видно, этот злосчастный что-то со мной натворил! Ради чего я послал на гибель двух своих младших братьев, вместо того, чтобы поехать самому? Если бы я поехал, я бы и его душу вынул, и мои братья остались бы живы, — так великан сильно упрекнул себя и взял да выехал.

— Оттого, что я его погублю, смогу ли я воскресить моих братьев! Какую же заботу он мне навязал, какое же это несчастье! — говоря так, великан выехал *<со двора>*. Едучи, он повстречал труп самого младшего. — «Ну, брат мой младший! — сказал, — я тебя ни за что погубил и ни с чем не посчитался. Если бы ты возмужал, стал бы *<достойным>* мужем, да не успел ты дорasti. Но все же я тобой доволен, потому что ты не боялся всякому сказать и сделать то, что ты хотел. За твою кровь я отомщу, я ему покажу», — сказал он так и проехал дальше.

Когда он доехал до трупа другого, среднего брата... «То самое, что ты предвидел, с тобой и случилось. Ты выехал сюда только потому, что убрался меня, но не прибыл сюда, собравшись с силами и настроем. Но пусть вам от этого уже пользы не будет, а его труп рядом с вашими я положу раньше, чем ваши тела окоченеют». — Там у него в глазах потемнело. Между тем он доехал до Чачанэко Чачаны.

— Ага, несчастный! Ты, видимо, человек делающий яды, судя по тому, что я вижу сотворенным тобой сегодня. Ты сегодня от меня не уйдешь. Но теперь наш поединок я не стану оттягивать. Наши с тобой отношения я позволю тебе сказать. *<Но>* тянуть не будем, приступим к поединку! — сказал великан.

— Я стоял, ожидая, что ты явишься. Мне тяжелым показалось то, что я тебя долго ждал, но не стало неожиданным то, что ты приехал. Из-за двух своих младших братьев тебе не надо расстреливаться: пусть вы не в один день родились, но в один день все погибнете, сегодня — ваш срок *<пришел>*. Говори о том, как приступишь к поединку, каким путем тебе удобнее будет мстить за своих младших братьев, а все другое лишнее.

Великан заговорил и вот какой способ он сказал:

— Я тебе привез тридцать стрел для лука. Это тебе последнюю радость я доставляю этими стрелами. *<У меня тоже будет столько же>*. Если я лишу тебя души [убью тебя] раньше, чем я закончу свои тридцать стрел, тогда у меня к тебе и спросу нет. Если же я выпущу все тридцать стрел, а ты будешь живой, я своим мечом сниму твою голову, — сказал великан.

— О чем я не спрашиваю, — отвечал Чачанэко Чачана, — это о том, что ты со мной сделаешь, если победишь меня. Но о том, что я с тобой сделаю, ты не говоришь, потому что тебе по душе другое. Я убил обоих твоих младших братьев. Я и тебя убью, если счастье повернется ко мне. Готовься к тому, чтобы мы вышли к месту поединка.

– На расстояние выстрела отступим друг от друга, станем друг против друга и так начнем поединок, – сказал, великан так предложил.

– Хорошо, приступай к выполнению своего дела, посмотрю, что ты сумеешь, – предложил Чачанэко Чачана.

Двое стали друг против друга, готовые сражаться. А нарт Шабартныко и их бысым вышли на край леса, чтобы видеть всё происходящее, что их сильно беспокоило.

Парень-бысым хорошо знал умение воевать и силу как того, который вышел, так и тех двоих <великанов>, поэтому он сильно волновался; и если бы не клятва, которую дал Чачанэко Чачана не выходить им и не вступать в поединок; не будь так, сердцем они были готовы выйти из укрытия и вступить в битву.

Вот так они там стоят.

А здесь эти двое уже затеяли поединок. Великан, который прибыл, ударил Чачанэко Чачану первым, <этим> он и начал сражение. Таким образом они исчерпали по тридцать стрел. Оказались и такие из стрел у Чачанэко Чачаны, которые не попали в цель. Закончились у них стрелы (букв.: *исчерпали они все стрелы, которые у них были*), и они обнажили свои мечи и стали, пешие, сближаться – начали такой поединок. Полученные раньше и свежие раны ослабили Чачанэко Чачану, и он, не пройдя и половины пути, потерял сознание. Лишь увидев, как он потерял сознание, парень-бысым выскочил из лесу и понесся туда. Конь под ним был необыкновенный, и он подскочил к месту прежде, чем успел дойти великан, тоже израненный, ударил и убил его.

Следом прискакал нарт Шабартныко и...: «Быстро! Подними этого парня, я заберу женщину и давай поскорее доставим парня, пока он не пришел в себя. Если он сейчас очнется и узнает, что это ты убил великана, он опечалится, скорее!» – сказал он, подняли они женщину и парня, один – одно, другой – другое, и возвратились к себе.

По их возвращении девушка-бысым быстро вышла к ним на встречу и завернутого в бурку потерявшего сознание юношу отнесла в хачец. Нарт Шабартныко тоже поставил наземь женщину, которую он вез, и она ушла к себе в кухню. Девушка быстро вбежала в то же помещение и сказала женщине: «Скорее приготовь воды, я буду обмывать раны на теле юноши», – сказала она женщине.

Как она и сказала, женщина быстро подготовила и должное количество воды, и должное количество мыла. А тот парень-бысым и девушка-бысым были по части знахарства такие умелые, что лучше них не сыскать. Брат с сестрой взялись за дело (букв.: *сели возле*) попользовали они его всеми лечебными травами, которые у них были, начисто обмыли, взяли полотенце и вытерли, натерли его маслами из трав, перевязали, пока он еще был без сознания, и уложили.

Он три дня и три ночи лежал так, что, когда они прислушивались, узнавали только, что он дышит, но он не шевелился. Когда наступил четвертый день, он чуть вздрогнул и пошевелился. Со временем он пришел в себя и заговорил:

— Что мне удалось и что случилось? Расскажите мне. Я помнил, что всаднику, выехавшему последним, я нанес ранения. Потом он пошел мне навстречу, я тоже двинулся навстречу ему с намерением подойти и сразить его; но из-за ран, которые нанесли мне все трое, я потерял слишком много крови, поэтому я почувствовал, как сердце у меня забилось часто, голова закружилась. Что после этого случилось, я ничего не помню. Не знаю, случилось ли с ним то же, что и со мной и он умер, или же он ушел и возвратился к себе домой. Расскажите мне, что с ним случилось, — вот так он сказал.

Нарт Шабартныко заговорил, и вот что он сказал:

— Когда ты упал, тут же и наш парень-бысым, выскочил, и я следом выскочил. Но не успел ни один из нас доскакать, как великан, с которым ты сражался, сделав после тебя несколько шагов, упал. Там его и покинула его душа. После того, как его не стало, когда тревога по его поводу ушла, всего важнее был ты, и мы, не надеясь, что ты еще дышишь, думая, что ты умер, подошли к тебе. Парень, что был со мной, положил руку тебе на голову и заявил: «У него жилы еще работают!», а затем быстро достал свой кинжал и очертил тебя. Потом он накрыл тебя своей буркой, обернулся тебе ею, сразу же сел на коня и сказал: «Подними и подай его мне, если только мы донесем его домой живым, мы не будем искать для него лекаря, чтобы его вылечить, хватит и того, что мы знаем», — сказал он. Вот так я поднял тебя и подал ему. Он тебя оттуда вынес и поехал. Я тоже сел на своего коня, наклонился, поднял к себе женщину и двинулся следом.

По нашему прибытию домой, девушка-бысым вышла навстречу, мгновенно взяла тебя и принесла в хачец. Женщина, которую я привез, как только стала на землю, ушла к себе в дом. Девушка быстро прибежала к ней и сказала: «Приготовь воды, сколько нужно и мыла, сколько нужно!» — вот так она сказала. Быстремко все подготовили — и воды принесли, и мыла принесли, потом брат с сестрой сели подле тебя, все твои раны промыли, полотенцем вытерли тебя, травные масла в тебя втерли, перевязали и уложили. Три дня и три ночи ты лежал такой, что чувствовалось, что дыхание в тебе есть, но ты нисколько не шевелился. На четвертый день ты немножко вздрогнул. После этого, понемножку *<прибавляя>* теперь сам видишь, каким ты стал. Тебе стало получше, — вот так рассказал ему нарт Шабартныко.

Чачанэко Чачана заговорил и сказал так:

— Какая бы беда со мной ни приключилась, какие бы раны на мне ни были, я доволен, если моя доля оказалась счастливее, чем доля тех жестоких великанов, которые говорили мне такие грубые слова и которым я так же отвечал. Когда я отведал их бульона и поел варева *<из их котла>*, они попрекнули меня этим, что постыдно; но теперь они достаточно насытились землей.

Вот так ухаживая за ним, держали его три месяца. Ни его брат, ни его сестра не смогли бы лучше, так, не жалея себя (букв.: *не оставляя ничего, что в их силах*), ухаживать, как ухаживали за ним девушка-бысым и парень-бысым.

Пока та компания была всем этим занята, Чачана ни разу не вошел туда и не спросил: «Как у юноши дела?». Но нарт Ша-

бартныко ходил к Чачане, немного сидел возле него, вместе они говорили о том, что им удалось, что из этого дела последовало, вот такое бывало.

Когда он поправился настолько, что если посадить его на коня, было бы впору, да и оружием он мог бы владеть, Чачанэко Чачана заявил:

– Ну, нарт Шабартнук, мы <все же> в пути. Прошли годы с той поры, как я выехал со двора своей матери! И с той поры она, бедная, думает, что Чачана погиб и я пропал, и в таких муках живет. Пусть я и нахожусь возле своего отца, но дела матери плохи. Значит, надо нам отправляться домой. Давай отправимся <далее> по нашей дороге.

– Хорошо, сын мой, я дожидался того, чтобы тебе стало получше и чтобы твои дела немного наладились, а так я об этом не забывал, – ответил нарт Шабартныко.

Нарт Шабартныко раскрыл парню-бысыму суть дела:

– Чачанэко Чачане стало лучше, он настроился на то, чтобы уезжать. Он исполнил то, в чем ты на него полагался, и доставил тебе радость – и с врагами твоими покончил, и жену тебе вернул. А теперь если ты нас без обиды отпустишь, мы бы уехали, – сказал.

– Очень кстати, очень прекрасно, – ответил парень-бысым. – Вы и дело мое решили, и заботу мою с меня сняли, но, нарт Шабартнук, я еще об одном тебя попрошу, и исполни ее мне. О чем попрошу: этот юноша, что с тобой, он и на добро не бедный, и си лой не слабый, если я скажу «один табун лошадей подарю», он у меня не возьмет. Когда ты расскажешь Чачанэко Чачане то, что я тебе сейчас скажу, он и сам засмущается, да и сам я немного смущаюсь, но если я этого не скажу, то кто же скажет, и если тебя не попрошу рассказать, то кто расскажет? Скажу тебе вот что: мы родом богатыри. Моя старшая сестра такой же богатырь, как и я, и с не богатырем, достойным ее, она не сможет жить. И если, уезжая, он не сочтет ее дурной и возьмет мою сестру в жены, я думаю, это укрепит нашу сложившуюся дружбу. Что ты на это скажешь, говори!

– То, что ты мне поведал, – сказал нарт Шабартныко, – я сделаю так, что Чачанэко Чачана не сможет не принять, я засвидетельствую, что лучшей, чем эта девушка, Чачанэко Чачана не найдет. Мне очень по душе стали ее манеры и ее поведение. Сам он тоже должен было что-то заметить такое, а раз уж так, я ему <прямо> все скажу и что он ответит, передам тебе.

Шабартныко вернулся в дом и обратился к Чачанэко Чачане:

– Чачанэко Чачана, есть у меня один разговор к тебе, если позволишь мне, скажу. Смущение, которое может вызвать у тебя мой разговор, оставим оба в стороне, потому что нам нужно поговорить по сути. Разговор, с которым я пришел, я уже сам одобрил, теперь надо сказать тебе. Значит, что ответить, ты сам знаешь. Надеюсь, что ты одобришь то, что я тебе скажу. Если позволишь, то я скажу.

– Говори, Шабартнук, я не отклоню того, что ты одобрил. Если вдруг что и не приму, давай откровенно договоримся, что ты на это не обидишься. А то, что мне будет по душе, я тут же скажу, – сказав так, тут же ответил Чачанэко Чачана.

На том <нарт Шабартныко> рассказал о том, что ему сказал парень-бысым насчет девушки. Когда он это рассказал, Чачанэко Чачана очень сильно смущился.

— Слово, которое ты мне сказал, мне и во сне мне на ум не приходило. Я думал, что ты скажешь о чем-то ином, а не то не дал бы тебе такого слова. Ты мне уже сказал, ты же подвигнул меня принять это, про то я тебе заранее дал [ты с меня взял] слово, и теперь я не отступлюсь. Я тебе расскажу, что я принимаю, расскажу и что не приму, а потом поглядим, как дело будет, — сказал Чачанэко Чачана. — Я выехал <со двора> на поиски своего отца в тринадцатилетнем возрасте. Между теми обидами, которые я терпел от компании <сверстников>, и переживаниями моей матери я не войду со словами «Я нашел такую, которая согласна выйти за меня замуж», чтобы и ты, друг моего отца, был рядом со мной, и сам отец был рядом со мной, чтобы вы составляли мою свадебную процессию, так я не вернусь. Но когда я доставлю отца домой, устрою дела с оставшимися его друзьями и приходящими порадоваться людьми, после того, как я это завершу, тогда я возвращусь и если ничего не случится, я исполню обещание, которое вы с меня взяли. Если не будет так, будь она с золотыми ресницами, я не вернусь домой, привезя отца вместе с ней.

— Хорошо, сын мой, не скажу, будто я не предполагал, что ты так можешь сказать, но я не мог говорить, что вот это вот так, а это — так, пока не услышу слово из твоих уст. Ты правильно сказал, — молвил нарт Шабартныко.

Когда он это передал парню-бысыму....:

— Хорошо, мне большого не надо, только бы он, не отрекаясь от нас, однажды к нам возвратился, — сказав так, согласился парень.

— Раз уж это дело уложено, теперь позаботься о том, как нам отправиться домой; что до наших коней, что до наших дорожных припасов — ты сам знаешь, что нам будет нужно, приготовь <все>, — сказал Шабартныко парню-бысыму.

<Затем> Шабартныко вошел в дом и....:

— То, что ты поставил условием (букв.: *назначил срок*), то и условие, когда бы ты ни возвратился, <будет> готово. А раз так, остается нам только отправиться в обратный путь, — сказав, он сообщил Чачанэко Чачане.

Парень-бысым подготовил им разнообразные дорожные припасы, каковые были достойными для такой компании. Он <также> вывел четырех коней собственной породы, положил на них походные седла и привязал к коновязи. Он вывел и коней, на которых приехали нарт Шабартныко и Чачанэко Чачана и их тоже присоединил к другим коням. <После этого он> вошел в дом и сообщил:

— Нарт Шабартнуц, ты старше Чачанэко Чачаны, ты ровесник его отца, поэтому обращаю мое слово больше к тебе. Если я предложу Чачанэко Чачане добро, он у меня не возьмет, что бы я ему ни предложил, он не согласится с этим, про это я больше ничего не скажу. Но чтобы вам легче одолеть переправу через море, что вам предстоит, они приучены так, будто они идут по мосту. Сегодня [с этого дня] вы и я друзья. Эти кони, на которых вы сидите,

для ваших краев неплохие, но так как они не могут сравниться с конями моей породы, мне было бы приятно, если бы вы не отказались сесть на них и на них поехать домой; поэтому я их и привязал [приготовил вам]. <Расстояние>, которое ваши кони пройдут за семь ночей-семь дней, мой конь одолеет за ночь-день. Вот такой ревностью они обладают, – сказал он.

– Хорошо, сын мой, судя по его состоянию, для Чачанэко Чачаны будет очень кстати иметь <доброго> коня и оружие. Пусть мы уже состарились, для него только пора выезжать, а если так, то думаю, <твой дар> очень ко времени, – заявил нарт Шабартныко.

– Теперь, если вы готовы отправляться, я выведу и Чачану, – сказав, парень-бысым вошел к Чачане.

– Чачан, – обратился к нему парень, – я вынудил тебя переживать, ты у нас мучился. Что бы ты ни ел, во что бы ты ни одевался, но ты не был счастлив. Однако дело, которое было у меня к тебе, успешно выполнил ради меня Чачанэко Чачана. От тех забот, что были у меня, он меня избавил, с врагами моими он покончил, и боль с моей души он снял. Теперь они решили сегодня отправиться домой, ты тоже с ними отправляешься, пусть Аллах тебе дарует добро, счастливой дороги, я тебе говорю. Сын твой таков, что мужеством и благородством ни в чем тебе <другим> завидовать нечего, пусть ты увидишь много его удач! Счастливой дороги, говорю! Не поминай меня лихом (букв.: *не окажись не довольным мною*).

– О сын мой, мне радостно, что ты покончил со своими делами, что ты одержал верх над своими врагами. Ты искал меня, далеко заглядывая вперед и на меня полагаясь, и если твое дело завершилось так, как ты рассчитывал на меня, у меня нет недовольства к тебе. Если бы я был при моем сыне (букв.: *при том пареньке*), он бы меня не смог содержать меня лучше, чем ты. А раз так, я тобою доволен, – ответил Чачана.

– Тогда твое дело тоже завершено, ты тоже едешь с ними, – сказал парень, пошел в ту комнату, где хранились вещи и вынес и надел на Чачану шубу из дубленой кожи, подарил ему золотой посох, подарил золотые очки и <с почетом> вывел Чачану из дома. Девушка-бысым пошла навстречу Чачане, стала перед ним на колени и поцеловала ему ноги.

– Спасибо, да продлит бог твои годы! Ты у нас и помучился, и тосковал, теперь счастливой дороги! – сказала она.

Подошли к коням, сели верхом. Белого отцовского коня, на котором приехал Чачанэко Чачана, поставил рядом с собой парень-бысым, коня, на котором сидел нарт Шабартныко, поставил рядом с собой Чачанэко Чачана, и они тронулись в путь.

Когда они переправились через море и некоторое время еще проехали, с ними был и парень-бысым, парню сказали: «Возвращайся».

– Как вы могли такое сказать, видя сегодняшнее состояние и те невзгоды, которые вы из-за меня претерпели, разве так можно! До тех пор, пока Чачана не окажется в своем доме, этого слова вы мне не говорите, я назад не поверну, – ответил парень и не захотел возвращаться.

— Хорошо, больше об этом не будем говорить, — сказали, и вот, едучи, достигли селения, где жил нарт Шабартныко. Въехали они <во двор> нарта Шабартныко и затеяли там <празновать>, есть-пить, веселиться. Месяца три нарт Шабартныко не отпускал их.

Спустя три месяца компания собралась и отправилась дальше в путь. Нарт Шабартныко тоже поехал с ними, и прибыли они в края Чачанэко Чачаны. Когда они прибыли, никого из них там не могли признать, кроме как белого коня Чачаны.

Те, кто увидел белого коня, помнили, что на нем уезжал Чачанэко Чачана, и теперь только подумали, будто Чачанэко Чачану где-то убили или же он сам погиб, а конь его кому-то <чужому> достался.

Думая так, один из тех, кто помнил белого коня...:

— Пойду-ка к бедной гуаше Чачаны и расскажу ей, что <в компании проезжающих> тот белый конь. Если эта компания и не сможет вернуть ей белого коня, то хотя бы она, бедная, повидает коня, — сказал он и принес эту весть старухе: — О, мать, я тебе принес одну весть, — сказал.

— Что ты мне принес, сын мой? Если радостную весть принес, награжжу, — сказала старуха.

— Не порадовать я весть принес, а о бедствии весть. Я нежданно встретил, я увидел прямо накануне белого коня Чачаны, на котором уехал Чачанэко Чачана. Если прямо следом за мной не въехали в это селение, то они проехали мимо. Я прибежал, чтобы ты хотя бы посмотрела на белого коня. С тех пор, как уехал Чачана, прошло восемнадцать лет, а как следом за ним уехал Чачанэко Чачана, — пять лет. А раз так, ты, увидев белого коня, будто бы их обоих увидишь, вот за этим я и пришел.

— Очень добрая весть, сын мой, очень хорошо то, что ты мне рассказал! Если ты что-то заметил, я буду тебя спрашивать, а ты отвечай, — сказала она.

— Говори, мать!

— Ты расскажи, сколько всадников было, и тогда я буду знать, что говорить, — сказала она.

— Два старика, два молодых, всего четыре человека. Едут они на конях нездешней породы и белого коня Чачаны ведут за повод.

— Если так, сын мой, ты мне принес весть и о моем белом коне, и о моем Чачане, и о сыне. Осторожно поймай чистокровного жеребенка, которого родила чистокровная кобылица, — это подарок тебе за добрую весть, — сказав, женщина подарила коня.

Пока все это говорилось, прибыла и компания. Въехали в ворота и спешились, попрыгав со своих коней.

Чачанэко Чачана и другой парень, который был их бысымом, стали как хозяева и прошли в дальний хачец, тот, который больше и куда заходили прибывающие в гости ровесники Чачаны. Затем женщина оповестила и созвала всех в краю друзей Чачаны, которые переживали и приложили свои силы в его поисках. Каждый явился снаряженным, привез с собой и жертвеннное животное и всё подобающее к нему, затеяли джегу и веселились три месяца. Все это время и нарт Шабартныко, и парень, приехавший с ними, находились вместе со всеми. Шабартныко был среди гостей как

свой <и представлял сторону хозяина>. А среди собравшейся молодежи был своим, принимающим и обслуживающим парень, жену которого выручили <из плена у великанов>.

Когда прошло три месяца, мать Чачанэко Чачана вызвала Чачану из компании его друзей и сказала им:

– Нынешний джегу и застолье на этом я завершаю. Передайте всем людям, которые не сочли за труд прийти и разделить нашу радость. У меня еще два гостя. Нарт Шабартныко друг Чачаны, он приехал из дальней страны. Кто помоложе его, тот приехал из еще более дальнего края, его тоже уже вместе с другими гостями я отпускаю. На этом передайте всем, кто пришел из нашего края, что они свободны и передайте им от меня «Спасибо».

Компания старейших стала у ее порога, поставили рядом джегуако и оповестили глашатая о том, что было сказано. Глашатай...

– Сегодня завершаем застолье, теперь оставшиеся гости на ночь расходятся каждый по своим бысымам, пусть назавтра готовятся к отъезду. Чачановская гуаша сказала вам: «Всем, кто явился разделить мою радость, кто испытывал неудобства, кто устал от пребывания, я говорю «Спасибо!» – вот так было сказано всем собравшимся.

– Очень достойно, очень хорошо, пусть живут в радости, да остаются они <после нашего отъезда> без забот и хлопот! – сказавши, люди разошлись – каждый к своему бысыму.

На следующий день они разъехались, а еще неделю после этого держали у себя нарта Шабартныко и того парня и затем им тоже сказали «Счастливой дороги!» и отправили домой.

Спустя около года после этого, Чачанэко Чачана сказал:

– Я поеду к тому сроку, который мне был дан, – сказав так, он приготовился, сел на дареного коня, запасся должностными припасами, снарядился сполна должным оружием и отправился в дорогу.

Ехал он ехал и прибыл к нарту Шабартныко.

– Ага, сын мой, ты прибыл!? – встретил его радостно нарт Шабартныко.

– Нарт Шабартнук, ты меня засмущал, и я смущаюсь. Но в том моей вины нет, я прибыл, верный слову, которое ты с меня взял, – ответил Чачанэко Чачана.

– Очень хорошо, сын мой! – сказал <тот>, – я тебя чуть заджался, но завтра поедем. Я тоже поеду вместе с тобой. Поедем вдвоем вместе и исполним это дело, – сказал нарт Шабартныко.

<Потом> нарт Шабартныко дал знать на кухню:

– Приготовь нам на двоих дорожных припасов таких, которые ты обычно готовишь, шабартныковская гуаша, – сказав, он велел передать гуаше.

– Очень замечательно, очень хорошо, с радостью приготовлю! Шабартныко беспокоился оттого, что Чачанэко Чачана по этому поводу не едет, теперь он будет доволен, – сказав, свою радость выразила шабартныковская гуаша.

Шабартныковская гуаша им и припасы подготовила, и наутро велела седлать коней походными седлами, и их седельные сумы заполнила, и велела коней вывести.

Затем они выехали и направились <к своей цели>. Переправились через море и прибыли куда надо. Не успели они подъехать к воротам двора, как парень уж вышел к ним навстречу очень обрадованный. Девушка, <за которой приехали,> смущаясь возраста нарта Шабартныко, из дому не вышла. Она знала, по какому делу те приехали, и вот поэтому она не вышла.

Сидели там три ночи и три дня.

Когда настала третья ночь...:

— Если наше дело готово, мы бы отправились домой просто мне было радостно вас видеть, а так и с первого дня за нами задержки не было бы, — отвечал бысым.

Настала пора уезжать, и девушку вывели из дома. Девушка была старше, а ее брат младше, и подщучивая по этому поводу, он взял ее за руку и вывел; те уже были готовы и сели на коней. Парень тоже сел верхом, потом наклонился, поднял сестру к себе на седло.

— Несмотря на то, что она мне сестра, я выполню обязанности сопровождающего, — сказал он.

— Ладно, очень хорошо! — одобрил нарт Шабартныко.

Двинулись и, едучи, миновали море. Когда они переправились, в том месте сказали парню поворачивать назад.

— Возвращайся, сын мой, — сказал нарт Шабартныко, — достаточно того гостеприимства, которое ты нам оказал. Спасибо! Я друг Чачаны, а раз так, если ты захочешь повидать свою сестру и отправишься к ней, сделаем так: ты заедешь ко мне, одну ночь-один день у меня побудешь, отдохнешь, а потом мы вместе отправимся к Чачане. И на обратном пути ты у меня передохнёшь, а потом поедешь домой; вот так я буду между вами бысымом. Между вами не делая различия, я буду считать вас одинаковыми для меня, — сказал так, нарт Шабартныко велел парню возвращаться.

Чачанэко Чачана наклонился <с седла>, поднял девушку, и они тоже двинулись дальше. Доехали они до <селения> нарта Шабартныко.

Один месяц нарт Шабартныко их держал у себя. Потом с подарками, положенными, когда невесту везут из временного места в дом жениха, он со всем положенным сопровождением, свадебным поездом, он привез Чачанэко Чачану с невестой в их дом.

По прибытии нарт Шабартныко взял на себя все расходы по торжествам и на семь дней он устроил джегу.

— Успеха! Теперь я тоже поеду домой, если я и не сумел сделать всё, что мне положено, не осудите меня, — сказал нарт Шабартныко.

— То, что ты в этом деле преуспел, мы с благодарностью принимаем, — заверила его старуха [Чачановская гуаша].

— В том, что ты сделал, нет ничего ущербного, этот парнишка и не заслуживал такого. Просто ты сам взял на себя труд не ронять ни в чем достоинства нашей с тобой дружбы. Если этот недостойный не забудет этого, если должным образом будет поддерживать отношения с тобой, я буду доволен, если же не оценит, то я не буду им доволен, — добавил Чачана.

На том оседлали ему коня, а дорожные припасы были уже заготовлены, и нарт Шабартныко выехал и уехал к себе.

Чачанэко Чачане как молодожену в селении, куда он возвратился, устроили джегу, устроили обряд возвращения жениха домой, невесту (букв.: привезенную им) ввели в дом [устроили обряд ввода невесты в дом жениха], на том завершили джегу, и они остались жить в своем доме.

Вот так, выезжая в зеко и пропадая там по году, заезжая к нарту Шабартныко и приветствуя его, если случалось поехать к шурину, также заезжая и к нарту Шабартныко, там устраивая передышку и затем отправляясь к шурину. А когда и его шурин выезжал, то тоже навещая Шабартныко, а потом вместе приезжая к Чачане, радуясь друг другу, вместе застольничая, поддерживая дружбу, – вот всего этого они достигли и такими остались.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 262–309. Исп. Аюб Хамтоху: 1881 г.р., а. Пчегатлукай Адыгей; бжедуг. Зап. 06–08.01.1934 г. И. Цей. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст – один из самых пространных из всех записей адыгского нартского эпоса. Как характерно для нартских сказаний относительно позднего этапа продуктивной жизни эпоса, оно по форме испытало сильное влияние богатырской сказки и набирающего силы младшего, историко-героического эпоса. Вместе с тем, устойчивая локализация действий в пределах эпического мира нартских сказаний и присутствие нарта Бадиноко / Шабартныко как одного из ключевых персонажей позволяет признать, что данное сказание правомерно относить к стадии завершения эпосотворчества в системе условностей архаического жанра.

Баджина (бэджын) – традиционное адыгское блюдо, разновидность каши.

Адыгэ хабзэ (адыгэ хабз) – свод традиционных правил этикета и других коммуникативных установлений, регламентирующий стандарты общения и основные атрибуты ритуалов, связанных с различными ситуациями жизни традиционного общества.

Уашхо (Уашхъо / Уашхъуэ) – космическое божество в языческом пантеоне адыгов.

«...*Косо привязав поводок к седлу*» – перед тем, как отпустить коня пастись, поводок прочно привязывали к седлу так, что голова коня всегда была бы повернута в одну сторону. При этом он мог свободно щипать траву, но был вынужден ходить по кругу и не имел возможности далеко уйти.

Шабий (шабий) – травянистое растение коротконожка перистая; мягкая трава, которую адыги использовали для подстилки.

Великаны-драгуны – со времен Кавказской войны драгуны воспринимались негативно, что и стало причиной образной ассо-

циации грабителей, мифических существ с этим родом войск императорской армии.

Адыгство (адыгагъэ) – синоним понятий этикетность, приличие, человечность.

Фасапиши – формула приветствия гостя по адыгскому этикету.

Альп (алп) – порода легендарных лошадей, обладающих фантастическими свойствами.

«Выбирай» – у наездников и охотников был обычай делиться добычей с первым встречным, независимо от того, кто он.

«Заял левую сторону» – согласно этикету, младший из двух спутников должен был находиться слева, уступая старшему почетную и престижную правую сторону.

Сдвоить камчу – подобрать лепесток плети к ручке – так, чтобы не ударять плеткой, а просто черенком касаться шеи или боков коня.

Казщир уц (къазщыруц) – трава горец птичий, спорыш, низкорослая трава семейства клеверовых, на крутых горных склонах стелется низко, плотно укореняясь отростками на стебле.

Катль-гутль (къэлъ-гулъ) – донник желтый, донник лекарственный, трава, произрастающая на сенокосах, считается лекарственной и для животных высококалорийной, иногда возделывается искусственно.

Подушки-цыновки – изделия из рогоза, удобные для дневного отдыха; плетения из этого вида растений весьма популярны в традиционной материальной культуре адыгов, они используются и как подстилка на кровати, и как украшение на стене, и как мольельные коврики, и пр.

Столы – как у некоторых других кавказских народов, столы у адыгов были переносные, обычно на трех ножках, на каждом столе приносили очередное блюдо.

Сестра стоя справа, юноша – слева – согласно адыгскому этикету, когда рядом идут мужчина и женщина, слева от мужчины может стоять только жена. Все остальные, независимо от возраста и степени родства, становятся справа, что означает отсутствие и невозможность брачных отношений между ними.

Намазлык (нэмазлыкъ) – мольельный коврик у мусульман.

Кумган (къубгъан) – водолей, сосуд для омовения.

«... не партнер по столу» – согласно обычаяу, за один стол могли садиться только равные по возрасту и социальному статусу.

Если ты не вошел со словами «Салам алейкум!» – имеется в виду, что вошедший соблюдает старые традиции, а не подчинился стандартам новых, мусульманских норм общения.

Усареж (усэрэжъ) – ведун, предсказатель. Часто усарежами оказываются старухи, но по нашему контексту разобрать пол данного персонажа невозможно, так как в адыгских языках категория рода отсутствует.

Смертоносная стрела – судя по контексту это специальное орудие или снаряд, но ни в мифологии, ни в фольклорных текстах адыгов особый предмет с такой заданной функцией не отмечен.

«Чорт обери» – в тексте как сказанное по-русски.

«Маленький человек», «человечек» – прозвание обычных людей в речи великанов иных в нартских сказаниях и сказках адыгов.

«...Повернувшись лицом в сторону двоих старших братьев» – у адыгов было в обычае садиться на коня, повернувшись лицом к дому: если гость, покидая двор, где он был принят, садился на коня, повернув его не головой, а задом к дому, это было знаком того, что он остался недоволен хозяевами.

Оллага – вариант речевой формулы упоминания Аллаха, употребляется для подтверждения истинности высказанного или серьезности намерений.

«Я тебе привез тридцать стрел для лука» – эпизод со стрелами, которые приносит противник для героя, – эпическая универсальность, она более разработана в сказании об Ашамезе: противник отдает герою незакаленные стрелы, а сам выпускает в него закаленные, в результате чего герой ослабевает и становится добычей противника. В настоящем тексте на месте этого стрелы, которые не попадают в цель, однако следствие одно – герой попадает в ловушку.

«Достал свой кинжал и очертил тебя»: «очерчивание контуров упавшего наземь – часто используемое магическое действие, связанное, видимо, с культом железа и призванное предотвратить ухудшение состояние человека, попавшего в состояние, близкое к грани жизни и смерти. При отсутствии холодного оружия могли очертить любым заостренным железным предметом – гвоздем, шилом, шурупом и пр.

«...Награжжу» – как у многих народов, у адыгов до настоящего времени существует обычай одаривать человека, который приносит радостную весть.

Джегу (джэгу) – игрище с застольем, пением, плясками и другими развлечениями.

«Гости на ночь расходятся – каждый по своим бысымам» – в случаях, когда в селении у одной семьи собирались много гостей, для большего удобства их распределяли по соседям. Там содержались их кони, хранились вещи, туда же гости могли приходить на ночь или просто отдохнуть, большее же время проводили на игрищах в доме и во дворе виновников торжества.

41. НАРТ ШЭБАТНЫКЬОРЭ ЧЭЧАНЭРЭ

Бзылъфыгъэр къызэрагъэнэжъыгъэр

Нарт Шэбатныкъорэ Чэчанэрэ зэшъэогъугъех, зэдэшэстыгъех. Зышсыхэдже ильэсипши мыхъоу къыдэхъажьыгъэхэп, къепсыхыжьыгъэхэп. Шэсынхэ зэхъум Чэчанмэ ягуашэгъумэу, зи ымыгъотыгъэу дэклигъагъех.

Ахэр шэси дэклихи зи хэку горэм ихъагъех. Зызэхахым а чылэм екъэрэгъулэнхэу къэхальэм дэлистагъех. Клаклохэр агъэлытъи, аштхъэ къэ горэм тыральхьи ейстыллагъех. Гумэкл макъэ тэкли къэм къычлэуклэу зэхахыгъэ. Къэри гъэйлтыгъаклэ. Къэр

атIэкIынэу агу къихъагь, чIэхъуахъыгъэр зерагъэшIэнэу. Къэр затIэкIым, бзылъфыгъэ къэнэхъыжъыгъэ чIэлъэу къычIэкIыгь. Бзылъфыгъэр зэкум:

— Умышт! — раIуагь адыгэ бзэгуджэ.

— Сымыкуо хъуна, сыпцан, сышъущыщынэжъырэп! — ыIуагь бзылъфыгъэм.

Щыгъын лыеу ашыгъыхэр зыщахи бзылъфыгъэм ратыгъэх. Зыкъызефапэм, бзылъфыгъэм ыблышкъ къаубыти, бэным къыдашыжъыгь.

— Хэтмэ уашыщ, сигуаш? — аIуи зеупчIыхэм, зыщыщэр къариIуагь.

— УкIожыышъуна уизакъоу? — раIуагь.

— ШъунэшIу къычэф, — ыIуагь бзылъфыгъэм, — штьукъызэрыздэулэгъэм нахыбэ хъунэп, тадый штьукъыздынэс!

— Тыкъыбынэсын! — раIуагь. Игум нэсихи, бзылъфыгъэр аужы итэу дэхъажыгъэх.

— Тян, пчъэр Iух! — ыIуишь, бзылъфыгъэп пчъэм еуагь.

— «Тян» къысиIонэу сэ сиIэжъэп, нынэ! — къыIуагь. — Зыпхъу сиIэти, дунаер зихъожыгъэр тхъемафэ хъугъэ.

— Ау умыIо, тян, Iух! Зэ уадый сыкъигъах! — ыIуагь бзылъфыгъэм, янэ ыцIэриIуи.

Пчъэр фыIуихыгь. «Тянэ гуаш!» ыIуи бзылъфыгъэм янэ зыжэхидзагь, хъульфыгъэ штьуашдэджэ зэрэфэпагъэу. Янэ щти мэхыгъэ. А ЧапIэм бырсыры хъугъэунэгьо кIоцIэр. Щыфхэр къырагъэолIагъэх ахэгущэIэнхэу. Ягъунэгъоу екIолIагъэмэ а бзылъфыгъэу лIагъэр къекIожыгъэу алъэгъугь. АгъэшIэгъуагь.

— ШъунэшIу къычэф, — ыIуагь бзылъфыгъэм, сыкъэзыщэжъыгъэ хъакIэхэр мы Игум дэшъумыгъэкIыхэу къежъугъэблэгъэндже.

Нарт Шэбатныкъорэ Чэчанэрэ унэм къырагъэблэгъагъэх. Щыфэу рихыылIагъэхэр хъакIэхэм яупчIыгъэх. Зэрэхъугъэу зэрэолIагъэхэр Шэбатныкъорэ Чэчанэрэ къяIотагь. Щыфымэ ашIошты хъуIотыгъэп. ИтIуанэ ашIошты а чыпIэм щыхъугь, щыфымэ янэрыльэгъоу. ХъакIэхэр къыдамыгъэкIыхэу зытхъемафэ ахъэкIагъэх, чылэр къягугъугь.

— Къинэу къыдэштульэгъугъэмдже тыпфэрэз, тхъаугъэпсэу! — аIуи Шэбатныкъорэ Чэчанэрэ къыдэкIыжъыхи гъогум къытехъажыгъэх.

Чэчанэ икIодыкI

Хы Iушъо горэм къынэсэжыгъэхэу Шэбатныкъорэ Чэчанэрэ къырекIокIыжъыхээ, къызызэпльэкIыхэм аужышкъэдже зы шыу горэ къакIоу алъэгъугь.

КъэуцуIэхи, къызкIагъэхъагь. КъакIэхъагьэр шы къэрэ шIуцабзэ тесэу, цыепхъэ цые щыгъэу, ыбгы щэреч къекIокIынэу псыгъоу щытыгь. Къагохъагьэу къаготэу къадакIо, шыуищэри зэготхэу гъогум къырекIох, хы Iушъом къырекIокIыжъыхи.

Зы нахь пэIо къабзэ зыщыгъэу мыхъужытгъагьэр Чэчан. КъахэIаби, азфагу ит Чэчанэм ипаIо щихыгь. Къыгъэчэрэгъуи, къыздэкIыгъэм ылъэныкъоджэ ежъэжъыгь. Шым зэрэтесэу зигъэлъати, хым хапкIи ежъэжъыгь.

– Шъыдэума, сипа^{ло} ехымэ, сшъхъэ ехыба? – ы^иЧуи Чэчанэ бырулэ къабзэм тесэу лтъежъагь. Чэчани хым лтыхэп^клагъ, к^лахъэрэп. Адрэри мак^{ло}, мыдрэри мак^{ло}.

Шэбатнык^цо хы^иум къы^иунаагь. А шюор адрабгъурэ хы^иушъом нэси дэк^иыгъ. Чэчанэ зытесышым псэр к^иоц^иууцаагъэу бэгыгъешъ, нэпк^цым фыдэк^иырэп.

А пайор зыхырэр къыфэсакъыти, къы^иухыи, Іэльэн^ынк^цоджэ къэ^иаби шэри Чэчани дилтэштүгъэх. Дилтэштуи зыпсэ хэмых^иыгъэ шэр нэпк^цыштхъэм тыригъэгъольхъагь, псэр къыхечъэу. Шэр къэтэджыжы зиутхып^кыгъ. Чэчанэ пайор щызыхыгъэм къыгъэшэс:

– Еблагъ, Чэчан! – ы^иуагъ.

Чэчанэ хяк^иещым ригъэблэгъагь.

Чэшищэ Шэбатнык^цо Чэчанэ ежагъ, хы^иушъом Іутэу. Ышкын ымыгъотыжы хъуи, Шэбатнык^цо гъомлэпхъаджэ хъугъэ.

– Хъунэп, мы лыйм къехъул^иагъэр сымыш^иеу си^иук^иыжынэп, – ы^иЧуи Шэбатнык^цо егушысагь. Шэу зытесым епсыхи, шым ышт^о тырихыгъ. Къэбзэ-льабзэу зэбгырихи, чыг горэ Іутыти, зэдышилтъагь. Непэ фик^иутэр къыгуигъечымэ ыжъозэ, шэр ыухыгъ.

– Хъунэп, ыдж къызынэсыгъэм, сымамэлжыэп, – зэри^иожжыгъэ ежь.

Шэбатнык^цо къежъажы къэ^иожжыгъ. Чэчанэ шъао къыфэхъугъэу Шэбатнык^цо чылэм дэхъажыгъ. Шы рити, шъаом Чэчанек^цо Чэчан ц^иеу фиусыгъ.

Чэчанык^цо Чэчанэ ятэ къызэригъотыжыгъэр

Хэтыхээ, ыды Чэчанэ ягуашэ Шэбатнык^цо еупч^иыгъ лэр зыдэшы^иэмдэжэ.

– Зыгорэ илтэгъунэу к^иуагъэ, ари бэрэ пэмитэу къэ^иожжыт, – ы^иуагъ Шэбатнык^цо.

Чэчанэ псым зырашыгъэр илтэсипш^иы хъугъэ. К^лалэри к^иэлэ Иэхтахъо хъугъэ. Къэ^ио-^иожжхэр зэхихэу, гу алт^ийтэу к^лалэр хъугъэ. «Уятэ Шэбатнык^цо ек^иодыл^иагъ» ра^иомэ, к^лалэм зэхиш^иык^иеу хъугъэ. К^лалэр Шэбатнык^цо дэй к^иомэ, Іупч^иахъэу фежъагь, ятэ и^иоф зэригъаш^иэмэ ш^иоигъэу ыужы ихъагь.

К^лалэм хъазырэу Шэбатнык^цо хигъажъэу фежъагь. Фимыгъэгъухэ зэхъум, Чэчанэ къехъул^иагъэри, ежь шэр зэришкыгъэри, псэури Шэбатнык^цо к^лалэм ри^илотагь.

– Пш^иошь мыхъурэмэ, сыктыбдэ^ионышъ, шым ик^иупшхъэхэр зэхэмизыгъэу озгэлтэгъун, – ы^иуагъ Шэбатнык^цо.

К^лалэм ш^иоштып^кэ хъугъепти, къежъэхи хы^иушъом къэ^иуагъэх. Къызэ^иохэм, шы къупшхъэхэм зи ахэмизыгъэу, зэтусэягъэу к^лалэм ригъэлтэгъугь.

– К^ио, идж сык^иожжын пломэ, о к^иожж, сэ^иофирым рык^иорэм сепллын, ыуж зесфэн! – ы^иуагъ Чэчанек^цо Чэчан. – Ыдже^ири^иофиры ухыгъапэп, сэ^иук^иэзгъотыт сызшыпфаем.

Шэбатнык^цо къэ^иожжыгъ. К^лалэр хы^иушъом къы^иууцаагъ зышилт^иахынэу, щык^ии^иупч^иэнэу. К^лалэр Гашэджи зэтегъэпсахыгъэ, ау лтэс^и. Пш^иижъы горэ хы^и ныджэм къыгрек^иок^иыти:

– Мыщ узэпырык^иымэ унагъо щыса, чылагъо иса? – ы^иЧуи Чэчанек^цо Чэчан еупч^иыгъ.

— УзызэпрыкІыдже мыбащәу унәгъо заулә ис, — ыПуагъ лІыжъым.

— Шъыд иикІыкІэ хъут, шъыд амал къыфәдгъотын? — кІалэм ыПуагъ.

— ОсІон, сишъау, Іофэр зэрәштыр, — лІыжъым къыПуагъ. — Адрабгъу узызэпрыкІыдже хы ныдже иІэп, зэфәдэу куу нахь нәпкъхэр. Зы пкІэгъуалә ящәу шиш ащ къызэпрыкІы, мыш хәгъуалтъхъәшт щечтые. Ашымә ячъыегъум зытебгъафәу, шым ымышІэу утебанәу узытейыстәджә, а шы лъәпкъым щәхъу узэпрыхынәу бгъотытәп. Зыдыдзиет, ыкІыПу узыхъудже, шъыдәу зишІыгъеджи зыІәкІәмыгъәзы.

— Хъун арымә! — ыПуи щәджагъор тегъэфагъәу кІалэр апІыстагъ.

Щәджагъо зыщыхъуным шыхэр къызэпрыкІыгъех хыныдже. ЗагъәукІорәи пшахъом хәгъольхъагъех. Шыхэр зәчьехәм, кІалэр афәсакъәу фежъагъ.

МытІыркІау къунан горә ахәтыти, ащ екІоштагъ, зыІәкІигъэфагъ. Къунанэр шПуигъә, зыдидзыягъ, лъәбжъәуагъ, зызәримышІыгъә шыІэп. Ау кІалэм къытІупшигъәп. Шыхэр зәхәлтәдәжъыхи, кІалэр дырахи псым зэпрыштүтжыгъәх. Чачанә зыхыгъә лым шыхэр иехәу къычІәкІыешт, ащ иІэгу дәлъәдәжъигъәх.

— ХякІәшко ти! — аІуи кІалэр рагъәбләгъагъ. ШкІәхъужъ гъериш горә фаукІынәу агу къихъагъ. Бысымым ышыпхъу дәхәдә горә Іәштим дәхъагъ. Ар зәрәдәхъагъэр кІалэм шъхъаныгъупчъемдже ельәгъу. А бзылъфыгъә дахәр Іаби, шкІәхъужъым ыІәм еИишт, къыубыти, къыІети, чәум къыштъядыридзыгъ. КІалэм ыгъәшІәгъуагъ, шкІәхъужъэр фаукІыгъ. КІалэр зәрәкІәлакІэр, ар хым къызәрикІыгъэр агъәшІагъоу афикъугъ.

КІалэр хякІәштим ис. Бысымым пчъабләр зәІуихи, акІыб дәдәрә унәу Чәчанә зәрысым ихъагъ.

— Чәчан, непә ой нахьи синахь лІәланәдже мы Іофэр спІагъәп, — ыПуагъ, — ТхъэмунәшІукъычегъаф, Чәчан, сыолтъәІунәушыт, къинишко сиІ, Чәчан, кІуачІә сыйфырик'урәп. Мы укъыздәкІыгъә лъәныкъом цыф къәкІыт, ай цыфиковгъәкІот. Джәнчым къызәригъәлтәагъорәмдже, ар уилъәгъундже джәуапы къышфәхъут къысаІо.

Чәчанә къэтәдҗыгъ:

— УкъызәрысәлтәІутэр шъыд, сишъау? — ыПуи.

— Чәчан, Іофәу сиІэр — мы унәм сишъуз рахи иныжъимә ахыгъәу гъочІәгъым чІэсих. Амал сафәхъурәп кәсхыжынәу, — ыПуагъ.

— Шъыд анахь спІэмә пшІоигъор, сикІал? — ыПуагъ Чәчанә.

— УкъыздакІоу, лъәкІэу тиІэмдже теплты спІоигъу къаҳэтхыжыштумә, — ыПуагъ. — Тә зәщищы тәхъу, амал тафәхъурәп.

— Бәу тыкъыбдәкІон, тишІуагъә къәкІонмә, — ыПуагъ Чәчанә.

Зызәрагъафәхи, ежъэхи кІуагъех. Амал афәмыхъухәу къәкІожыгъәх.

ИтІуани кІуагъәх. ИтІуани амал афәхъугъәхәп.

Іофәр зызәхешІыкІым, зыкъаримыгъашІэу адәкІонэр кІалэм ыгу риубытагъ. КІалэм иашәдҗә зиухъазырыгъ. Ежъагъәх. Бысы-

мым ышнахыкІэр Чэчанекъо Чэчанэрэ адрэхэм ауж итхэу кІуагъэх. Еуи Чэчанэмдэхэр дэхьагъэх, иныжъхэр дэсэу къыгІэкІыгъ. Заор рагъэжъагъ. Бзылъфыгъэр зэрысым римыгъахъэхэу – кІуачІэ фырикъугъэхэп. Ахэр къызылкыжыхэм, Чэчанекъо Чэчанэ зиухъазыри Іухъагъ. Бысымым ягуашэ зэрыс унэм ихъагъ, къэбарэу щыІэр къыригъэлонэу. Шыхэр игъусэ кІалэм ыІыгъых.

– Шыи пай гущэ укъакІуи, кІал? – ыІуагъ бзылъфыгъэм, – шыи пай зыдябгъэупкІэтахыирэ, сабий цыкІу. Анахъыжъэр сыхъат горэджэ къэкІожъыт.

Анахъыжъ иныжъэр къыдэхъажыгъ. Арырэ Чэчанэм ыкъо Чэчанэрэ заор рагъэжъагъ.

Чэчанекъо Чэчанэ иныжъым илоф ышлагъ. Ар Чэчанэ ельэгъу шъхьеae кІалэр зыкъор, зыщыщэр ашІэрэп. ИтІуанэ агу ифэрэ иныжъэр къыдэхъажыгъ, зырыз къыдэхъажыгъоу къыдэхъажыгъэхэти.

– Хэты яхъамэ къылъфыгъ тиІэту зыупцІэпІыгъэр? – ыІоу хъуанэу къыдэхъажыгъ.

Чэчанекъо Чэчанэ аш илофи ышлагъ. Ящэнэрэри къыдэхъажыи, аши ай фэдэ къабзэу илоф ыІуагъ. Ари кІалэм ыукІыгъ. ИзэуакІэ зыльэгъурэ Чэчанэм:

– Хэты ихъакІэми, хэты икІалэм, ар къэхъумэ – лы хъун! – ыІуагъ.

Бзылъфыгъэр къыращэжъэжыи къащэжыгъ. Бысымэр Чэчанэ дэй ихъи:

– Чэчан, непэрэ кІалэр пкъонымрэ пшынахыкІэнымрэ язэу тар къэшштэн? – ыІуи еупчІыгъ.

– ЧынахыкІэми хъун, ау скъондэжэ къэсэштэ, – ыІуагъ Чэчанэ.

– Ашыгъум, о пкъо ар. Ош пай, Чэчан, ыгъэгумэкІэу къэкІуагъ, лые отшлагъэмэ, къытэупчІын ыгу хэльэу, – ыІуагъ.

– Губгъэны хъуна, мыукІытэу садый къихъанджэ, – ыІуагъ Чэчанэ.

КІалэм ригъэупчІыгъэх:

– Шэбатныкъо шъыд иллы-лышть?

– Бэу псау, бэу ишлүгъу, – ыІуагъ Чэчанекъо Чэчан.

– Ашыгъум пшъхъэ Іуегъэхыжъ, аш нахъыбэу сюоупчІытэ-пышгъ, сишъэогъу псаумэ, икъут, – ыІуагъ Чэчанэ.

Итуланэ бысымым иунагъо зэхэлти, ашыпхъу а кІалэм къыратынэу рагхъуахыгъ. КІалэм раІуагъ.

– А фэдэ тоф лъэгъун сиІэу сыкъикІыгъэп, – ыІуагъ кІалэм. Ай фэдэ тоф хъуны хъумэ, ыужыпкъэдже тызэдэгушыІэжыин. Непэ сыкъызэфэкІогъэ тятэ чэжъыт, ай фэштхъаф тоф мы чапІэм щысиІэп, – ыІуагъ кІалэм.

Къаухъазырыхишь, кІожыкІэу щыІэмдже къырагъэжъэжыгъэх ятэрэ ыкъорэ.

Біджар икъэщэжыкІэу Чэчанекъо Чэчанэ ятэ къышэжыгъ.

НАРТ ШАБАТНЫКО И ЧАЧАНА

Как женщину спасли

Нарт Шабатныко и Чачана были друзьями, вместе выезжали верхом. Когда они выезжали, они раньше, чем через десять лет не возвращались, не спешивались. Когда им <однажды> настала пора выезжать, случилось, что гуаша Чачаны была беременная, но пока не разрешилась.

Они сели на коней и уехали и приехали в какую-то местность. Засели они в каком-то могильнике, чтобы оттуда следить за селением. Они расстелили свои бурки на одной могиле и расселились вокруг. Из какой-то могилы они услышали слабые просящие призывы. Могила эта была свежей.

Решились они раскопать ту могилу и узнать, в чем тут дело. Раскопали могилу, и оказалось, что в ней находится ожившая женщина. Когда женщина стала кричать...

— Не пугайся! — сказали ей по-адыгски.

— Как мне не кричать, я голая, а вас я уже не боюсь! — ответила женщина.

Сняли с себя лишнюю одежду и отдали женщине. Когда она оделась, взяли ее за плечи и извлекли из могилы.

— Из чьих ты будешь, моя гуаша? — когда ее так спросили, она рассказала им, кто она и откуда.

— Сможешь ли ты добраться домой сама? — спросили ее.

— Пусть выпадет мне ваше доброе отношение, — ответила женщина, — не станет для вас это большей заботой, чем то, что вы уже сделали для меня, пойдите со мной до моего дома!

— Пойдем! — ответили ей.

Дошли до ее двора, и женщина вошла следом за ними.

— Мать наша, отвори дверь! — сказав, женщина постучалась в дверь.

— Милая, у меня больше нет той, которая сказала бы мне «Мать наша» — отвечала <ее мать>. — Была у меня одна дочь, но прошла неделя, как она поменяла свет [этот свет на тот].

— Не говори так, мать наша, отвори! Я вернулась к тебе! — сказала женщина, назвав мать по имени.

Та отворила дверь. «Мать наша, гуаша!» — сказав, женщина бросилась к матери, одетая, как была, в мужскую одежду. Мать ее испугалась и потеряла сознание. Тут в доме начался переполох. Созвали людей, чтобы им рассказать, <как было>. Соседи, собравшиеся, увидели ту умершую женщину возвратившейся и подивились этому.

— Пусть выпадет ваше доброе отношение, — сказала женщина. — Прошу вас не отпустить и принять гостями тех, которые привели меня обратно.

Нарта Шабатныко и Чачану пригласили в дом. Люди, слушавшиеся тут, расспросили гостей. Шабатныко и Чачана рассказали, как было и как они оказались там. Люди в это не поверили. Потом, увидев все в том месте воочью, они убедились, что так оно и было. Гостей не отпускали в течение <целой> недели, все селение ухаживало за ними.

— То зло, которое вы хотели нам причинить, мы забываем. Пусть Бог дарует вам жизнь! — сказав, *<они проводили гостей>*, и Шабатныко с Чачаной вернулись на свою дорогу.

Исчезновение Чачаны

Доехав на обратном пути до берега моря, едучи по этому берегу, Шабатныко и Чачана, оглянувшись, заметили едущего следом за ними одного всадника.

Они остановились и позволили ему их догнать. Догнавший их сидел на черном-черном коне, был одет в груботканую черкеску, а сам был такой тонкостанный, что пальцы рук могли бы обхватить ее. Присоединился он к ним и с ними едет; все вместе, трое всадников, по побережью возвращаются.

На Чачане была лучшая папаха. *<Незнакомец>* потянулся, сорвал папаху с Чачаны, что ехал посередине. Развернулся он туда, откуда приехал, и был таков. Как был на коне, так прыгнул в воду и поплыл.

— Отчего это он мою папаху уносит, мою голову уносит? — сказал, Чачана, сидевший на чистом чалом *<жеребце>*, пустился следом. Чачана тоже следом бросился в воду, но догнать не может. И тот двигается, и этот двигается.

Шабатныко остался на берегу моря. Тот всадник добрался до другого берега и выбрался из воды. Конь под Чачаной нахлебался воды, раздулся, не может выбраться по круче. Тот, что уносил папаху, следил за ним, и он подошел, протянул одну руку и вытащил вместе и коня, и всадника. Поднял он их и коня, который еще не избавился от воды, положил на круче, истекающего водой. Конь поднялся и отряхнулся. Похититель папахи помог Чачане сесть на коня и:

— Еблаг, Чачан! — сказал он.

Пригласил он Чачану в свой хачец.

Три ночи дождался Шабатныко, стоя у берега моря. *<Наконец>* он остался без припасов и стал голодать.

— Так не пойдет, пока я не узнаю, что произошло с этим мужчиной, я отсюда не уйду, — сказавши, так подумал Шабатныко. Он слез со своего коня, *<зарезал его>*, снял с коня шкуру. Аккуратно разделал тушу и развесил на дереве, стоявшем невдалеке. Отрезая и готовя столько, сколько хватит на сегодня, он так покончил с целым конем.

— Не пойдет *<так>*, до сих пор я не нашел никакого выхода, — сказал он сам себе.

Шабатныко ушел оттуда и возвратился домой. Он возвратился, когда у Чачаны родился сын. Он подарил ему коня и дал имя — Чачана сын Чачаны.

Как Чачанэко Чачана, разыскал своего отца

Так, однажды гуаша Чачаны спросила у Шабатныко, где ее муж.

— Поехал кого-то проводить, скоро вернется, — ответил Шабатныко.

Исполнилось десять лет, как Чачану увезли за море. Сын его тоже стал мальчиком сообразительным. Он слышал суды-пере-

суды, стал понимать. Когда ему говорили: «твой отец пропал по вине Шабатныко», – он это понимал. Стал мальчик ходить к Шабатныко и расспрашивать, предпочитая побольше узнать о своем отце.

Начал юноша прямо упрекать Шабатныко. Когда он совсем уже стал не давать проходу, Шабатныко рассказал юноше и о том, что случилось с Чачаной, и то, как он съел своего коня, – все он рассказал.

– Если не веришь, поеду с тобой вместе и покажу еще не рассыпавшиеся кости коня, – сказал Шабатныко.

Юноша не верил, поэтому они поехали и прибыли к берегу моря. Там <Шабатныко> показал парню кости коня, которые были еще целы и лежали кучей.

– Теперь, если хочешь, поезжай домой, а я тут посмотрю, что за дело будет! – сказал Чачанэко Чачана. – Дело еще не кончено, и когда ты будешь нужен, я тебя найду.

Шабатныко возвратился. Парень же остался у берега моря, чтобы осмотреться там, порасспрашивать кого. Он был хорошо снаряжен оружием, но был пешим. По кромке берега шел какой-то старик, и…

– Если переправиться здесь, то <на другой стороне> есть ли семья, есть ли селение? – спросил его Чачанэко Чачана.

– Если переправишься, то там не очень много, но несколько семей живет, – ответил старик.

– А каким образом можно туда переправиться, какой способ мы можем найти? – сказал юноша.

– Расскажу тебе, сын мой, как дело обстоит, сказал старик. – Если окажешься на той стороне, там мели нет, все побережье глубокое. Вместе с одним белым конем оттуда три коня переправляются, здесь они ложатся и спят. Если ты сумеешь улучить время их сна и неприметно броситься и оказаться на коне, то только кони этой породы могут тебя туда перенести. Он будет прыгать, когда ты на нем окажешься, как бы он ни делал, не упускай его.

– Хорошо же, если так! – сказал парень и к обедненному времени притаился в засаде.

Как наступило обедненное время, кони переправились на прибрежье.

Был среди них один двухлеток приметный, его приметил и подстерег <юноша>. Двухлеток поскакал, подпрыгнул, бил копытами, чего только он не делал. Но юноша его не упустил. Кони сгрудились, унесли юношу и переправились на другую сторону. Оказалось, что кони эти принадлежали тому мужу, который похитил Чачану, и вбежали к нему во двор.

– У нас дорогой гость! – сказал, приветили парня. Решили они забить в его честь трехгодовалого бычка. Сестра бысыма, очень красивая девушка, отправилась к скоту. Что она туда вошла, парень видит в окно. Та женщина протянула руку, схватила бычка за хвост, поймала его, подняла и перебросила через плетень. Парень этому удивился, между тем ему зарезали того бычка. <Домашние> удивлялись и тому, что парень такой молодой, и тому, как он сумел переправиться через море.

Парень сидит в хачеце. А бысым отворил дверь и вошел в последнюю комнату, где сидел Чачана.

— Чачан, я это сделал не потому, что я сильнее тебя, — сказал он. — Пусть Бог повелит тебе чтобы ты добром ко мне отнесся, Чачан, я вынужден просить тебя, потому, что у меня большая забота, Чачан, а сил моих не хватает. С той стороны, откуда ты явился, человек должен явиться, он еще человека приведет. Как фасоль предсказывает, это будет тот, который за тебя ответчиком станет.

Чачана встал:

— О чем ты хочешь меня попросить, сын мой? — сказал.

— Чачан, дело у меня такое: из этого дома иныжи похитили мою жену, и живут они в пещере. Я не могу найти средства, чтобы ее вернуть назад, — сказал он.

— Что бы ты хотел, чтобы я сделал, сын мой? — спросил Чачана.

— Хочу, чтобы ты поехал со мной, и чтобы мы испытали свои силы, — сказал. — Нас трое братьев, но мы ничего поделать не можем.

— Охотно поедем, если от нас прок будет! — сказал Чачана.

Приготовились, сами поехали. Ничего не сумев поделать, вернулись.

Второй раз поехали. И во второй раз ничего поделать не смогли.

Когда юноша понял в чем дело, он про себя решил в следующий раз отправиться вместе с ними. Юноша снарядился оружием. Тронулись. Младший брат бысыма и Чачанэко Чачана поехали следом за ними. Взяли спутники Чачаны и въехали во двор, иныжи оказались дома. Началось сражение. Не пускали их туда, где женщина сидит, на это <у нападающих> сил не хватало. Когда они отступились, Чачанэко Чачана приготовился и выступил. Вшел он в дом, где сидела гуаша бысыма, чтобы расспросить ее о хабарах. Коней же держал его юный спутник.

— Почему ты прибыл сюда, юноша? — сказала женщина. — Почему ты под меч жертвой лезешь, такой юный. Старший из них [иныжей] через часок будет здесь.

Старший из иныжей возвратился. Он и Чачанэко Чачана затеяли битву. Чачанэко Чачана расправился с иныжем. Чачана все происходящее сам видит, но кто такой этот юноша, никто не знает. Второй из тех иныжей возвратился, так как они возвращались по одному.

— Чьей собаки выродок попортил наш двор!? — говоря так, ругаясь, вошел он во двор.

Чачанэко Чачана и с ним расправился. Возвратился третий, и с ним получилось точно так, как и с теми. Юноша и его победил. Чачана, который видел, как тот сражается, сказал:

— Чей бы это гость ни был, чей бы сын ни был, но когда он вырастет, он будет мужчиной <достойным>.

Увезли женщину и вернули ее домой. Бысым вошел к Чачане и:

— Чачан, сегодняшнего юношу кем бы ты предпочел иметь — сыном или младшим братом? — сказав, так спросил.

— Хорошо, бы и братом, но сыном иметь лучше, — ответил Чачана.

— Так вот, это твой сын. Он приехал, обеспокоенный твоей судьбой, чтобы расспросить нас, не сделали мы тебе чего дурного, — сказал <бысым>.

— *Неприлично будет, если он, не стесняясь, ко мне запросто войдет*, — сказал Чачана.

<Затем> он велел спросить у юноши:

— Как дела у Шабатныко?

— Хорошо живет, в хорошей силе, — ответил Чачанэко Чачана.

— Тогда уходи с глаз моих, больше ни о чем спрашивать не хочу. Для меня достаточно, что мой товарищ жив, сказал Чачана.

Затем семья бысыма села и решила свою девушку выдать за юношу и юноше об этом сказали.

— Я не по этой заботе выехал <со своего двора>, — ответил юноша.

— Если такие дела заводятся, об этом мы поговорим после. Сегодня же увезем с собой отца, за которым я приехал, а другого дела у меня в этой местности нет, — ответил юноша.

Приготовились и отправили домой отца с сыном так, как это положено.

Вот таким образом Чачанэко Чачана возвратил своего отца домой.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 253–259. Исп. Исмаил Кушу: 1884 г.р., а. Вочепший Адыгей; бжедуг. Зап. 19.05.1959 г. Х. Водождоков. Перевод на русский язык А. Гутова.

«*Неприлично будет...*» — согласно обычаю, сын знатного человека воспитывался в доме аталька (воспитателя) и не смел до поры показываться на глаза родному отцу. Здесь реминисценция этого обычая.

42. НАТ ЩЭБАТЫНЭКЬОРЭ ЧЭЧАН ҮКЬО ЧЭЧАНРЭ

Чэчанэ лыжъы хъугъэу тысыжыгъэу щытыгъ. Зы мафэ горэм Чэчанэ Щэбатынэкъо дэжь рэкIуагъэ.

— НэкIо, Щэбатынэкъу, тыдэгъэкIи зыкъэтплъахын, тикIэлэгъуи тыгу къэдгъэкIыжын, — риIуагъ.

Чэчанэрэ Щэбатынэкъорэ къагъотыгъэ шыгъуи щымыIэу къэкIожыхээ кIалэ горэ къайкуIагъ. А кIалэр къабгъодахыи шIуфэс къарихыгъ.

— Шъублагъ, шъухъакI! — къариIуагъ.

— Тхъэ уегъэун, сикIал, теблэгъэштэп, — аIуи феблэгъагъэхэн. ТэкIурэ аготэу къадэкIуагъ.

Чэчанэ испаIо шъхъарихи, кIалэр ечэжъэжыгъ.

— Мы къысцышыгъэр шъыд гъэшIэгъона? — ыIуи кIалэм ыужь Чэчанэ ихъагъ. Щэбатынэкъуи ахэмэ алъежъагъ. КIалэм

Чэчанэ зыкIигъахы, Чэчанэ щым тырихи риҳъэжъагъ. Щэбатынекъо ахэмэ алтыгъе фежъагъ, ау акIемыхъээ кIалэр псы горэм зэпыкГыжъыгъ.

Щэбатынекъо ащ хэхъандж'э щини, къыгъэзэжы къэкIожъыгъ.

Чэчанэ ищи яунэ къэкIожъыгъ.

Щым изакъоу къызэкIожъым, Чэчанэ ыужь афынэу, къагъотыжъынэу бэрэ лъыхъугъэх.

Чэчанэ дэкIыны зэхъум ащ иштүз кIалэ ышто хэфагъэу щытыгъ. Чэчанэ ежь дэмисэу кIалэ къифэхъугъ, ащ Чэчан ыкъо Чэчан фаусыгъ.

А кIалэр къэхъуи, ильэс пшыкIутф-пшыкIухым зехъэм, ятэ кIэупкIэнэу ыгу къэкIыгъ. КIалэр янэ еупкIыгъ:

– Тян, тятэ штыд икIодыкГ? Магъя, аукIыгъя? – ыIуи.

– Уятэ зэрхъугъэр сшIэрэп, – ыIуагъ янэ. – Уятэ бэрэ цыфы-хэр лъыхъугъэх, ау зи икIодыкПэ къафэгъотыгъэп. Щэбатынекъо дэжь сыкЮ ыIуи дэкГи къыгъэзэжъыгъэп. Ащ ымышIэмэ, сшIэрэп.

– Ашыгъум, тян, гъомылапхъе сфергъэхъазыри Щэбатынекъо дэжь сыкIощт, – ыIуагъ кIалэм.

КIалэм Iащэхэмдж'э зызэригъафи Щэбатынекъо дэжь рэкIуагъэ. Чэцым кIалэм зи ымыIоу ешгъомэ-ещхэхэу щысыгъэх. Пчэдыжъым кIалэр Щэбатынекъо еупкIыгъ:

– Сятэ икIодыкГэ штыд хэпшIыкIыра? – ыIуи.

– Уятэ зэрэкIодыгъэр сэшIэ, ау икIодыкГэ сшIэрэп....

Щэбатынекъо къыригъажы, зэужьэ зэрхъугъэр кIалэм къифилотагъ.

– Адэ, Щэбатынекъу, а псэу зызэпыкГыжъыгъэр пшIэжъына? – кIалэр еупкIыгъ.

– Боу сшIэжъын, нэфагъэ фэсшIыгъагъ. Мыжъоfo Iусльхъэгъагъ, – ыIуагъ Щэбатынекъо. Чэчан ыкъо Чэчанрэ Щэбатынекъорэ загъэхъазыри, а кIыпIэу ыгъэнэфагъэм рэкIуагъэх.

КIыпIэу ыгъэнэфагъэм зынэсихэм, псы хахъэх зэпырыкГыгъэх. Псым зекГыхэхэм, зы унэ горэ шьофым итэу алъагъуи, ащ еIколIагъэх.

Унэм пшъаштэ горэ къикГи къэлапчэр афыIуихи, лИйтIур щагум дищагъ. Пшъаштээр щыуитIумэ гушIозэ къапэгъокГыгъ:

– Тхъэм тигъенэжьи! Шъоры дж'ирэ нэс тызыпапльэш-тыгъэр!

Мыхэр ригъэпсихи унэм рищагъэх, щихэми уцупIэ афишIыгъ.

А шаоу щыухэу зыдэхъагъэр Чэчанэ зыхъыгъэ кIалэм ищаугъ. КIалэр унэм исыгъэп. Ар къэкIожъэу зельэгъум, пшъаштээр пэгъокГи кIалэм риIуагъ:

– Тызажъэу тызыпапльэштыгъэр къэсигъ, – ыIуи.

КIалэр ятэ дэжь ыщэнэу рищэжъагъ. А кIалэм Чэчан ыкъо Чэчанэ зэкIэри къифилотагъ:

– Уятэ сэ мыхъун горэ есшIэ сшIоигъоу къэсхыгъэп. Зи зэужьэмэ анахь дэгъоу сэIыгъы, сизфаештыгъэр оры ныIэр, – ыIуагъ кIалэм.

– Тэ тянэ иныжь зэшишмэ ахыгъэу къэт. Бэрэ къатэтхыжы тшIоигъоу тыпылтыгъ, ау зи ятшIэн тлъэкIыгъэп. О щэхъу ащ

зи зэрыримыш! Эшъущтыр къытайуагъети, уятэ къэсхыгъ. Аш-
укъызэрыйлъык! Ощтыр сп! Эти... – иуагъ калэм.

Чэчанэ зыхыыгъэ к҃алэмрэ Чэчанэ ыкъо Чэчанэмрэ иныжъмэ адэжъ рэкIонхэу загъэхъазырыгъэх. Щэбатынекъуи ахэмэ адэкIонхэу фежъагь.

Щыуищыр иныжъмэ адэжь ежъагъэх. Иныжъ хэгъуашъэм нэсхэу зыфежъэхэм Чэчан ыкъо Чэчан мырэущтэу ыIуагь:

— Сэ мы иныжъмэ адэжь сыклощт. Шъо мы кыспээм шъыдхъугъэджи шъу Гумынг.

Чэчан ыкъо Чэчан иныжъмэ яунэ нэсыгъ. Щагум кІалэр дэхъагъ. ПщэрхъышЭм зы шъуз горэ пщэрхъэу итыгъ. Чэчан ыкъо Чэчан аш къызельтэгъум, лъэшшэу ыгу хэклигъ.

— Шъыд гуш мыш укъэзыхъыгъэр? Мыш удэкЮдэшт. Зыгори псаоу дэкГыжырәп, — ыЦуагъ шъузым.

— Ар Йофэп, тян. Мыдэ тІэкІу сыгъашх.

Шъузым къыГуагъ:

— А сикІал, мыр сэ инүйжъ зәщищмә афәсәшЫ. Аш сэ зыдж'и сыхІэн сыйфитәп. Сышырәп афиқъушт къодый ныІәп.

Шъузым лы такъыр къыхихи къалэм къыритыгъ. Къалэм ашь зи къыфишлагъэп. Ежь 1аби ли лэпси зэдж'э зыбгъэдигъэ-къуати ышхыгъ. Зигъэпсэфынэуи адре унэм рэкъуи гъолти чыягъэ.

Шъузэр икIэрыкIэу пщэрахзыкIо ежъэжьыгъ. Пщэрахзынэр ымыхызэ иныжъхэр къэсыжьыгъэх. Иныжъхэр шъузым тэбэнагъэх:

— Упщэрахыгъэба? — аIуи.

– Сыпщэрахыыгъ, ау зы калэ горэ къихы зэдж’э ышхыжыыгъ.

— Тэ щыI а кIалэр?

— Унэм ихбагъэу иль, мэчье. Иныжъхэр губжыгъэхэу унэу калээр зэрылтым ихбагъэх.

— Тигъомылапхъи пшхэу, тип! Эк! Ори ухэлъэу, тэдэ укъэк! Гыгъ о?

Иныжъ нахъижъим нахъык! Эм зыфигъази ри! Уагъ:

— Мы калэр дээши уищаум укГы.

Дэгүхи, зэаохээ калэм иныжъэр ыукгыгь. Къэмикгожыхэ зэхъум, иныжъ гурытэр етиуани ыгъэкгуагь. Хъугъэр зельэгъум, иныжъым ело:

— Ош нахъ зыхэмүлтъым съынахъ! Э ыук! Гыгъэу сыдэхэнэп!

Нэхгырит юр зээонхэу уцугъэх. Зэзаохээ калэм иныжъэр ынкыгъ. Хүрээр зэужье щэбатынэкъорэ калэу игъусагъэмрэ хэгъуаштхьэм үүтхэу алъэгъутыгъэ.

Быннахык! Итуу якъемык! Оюшыджээ ыгъэгумэк! Гы зэхъум, иныжъ нахыжъэр къальык! Уагъ.

Кызыздэг Ыагъэм щильэгъүгъэр гъашЛэгъоны: ышнахы-
кылтүүи укГыпъяу щиль, калэр ахэмэ ашъяхыт.

— Хъухэнэп ар! Къакло, джыдэдэм тызэбэнышт. Калэм икъярухэр хъазэрэу макГэ хъугъэу щытыгъ.

Бэрэ Чэчан ыкъо Чэчанэрэ иныжъымрэ зэбэныгъэх. Түүми афэшлэж хъатэ шымылэу шигыгъэх, Тори тэфагъэх. Ар зэльэгъум, Чэчан ыкъо Чэчан кялэм къельэлгүй иныжъымик'атэ лапызыгъэу кыгум тэллыгъэти, къылгэлгэхъанэу.

К'атэр К'алэм ІэкІигъэхъагъ. Чечан ыкъо Чечан иныжъым еуи ыукГыгъ. Чечан ыкъо Чечан шшыгъэу, уІэгъэхэри тэльэу штыгъ. К'алэр унэу ятэ зэрыльгъэм к'яхыжъигъ.

Чэчанэ зыхыгъэ кIалэмрэ Щэбатынэкъорэ иныжъмэ яунэ рэкIохи, шъузэри, егъашIи иныжъмэ аугъоигъэ мылькухэри къаши къэкIожыгъэх.

КIалэу зянэ шъхъафит ышIыжыгъэм Чэчанэ ыкъю Чэчанэ къыфишIэштэр ышIагъэп. ЫшIыхъу къыфигъэшгуаши къыритыгъ. Ау Чэчанэ ыкъю Чэчан пшъашъэр шъузэу къыздищэу къэкIожынэу фэягъэп, «Ятэ лъыхъоу дэкI'ыгъэти, шъуз къыщи къэкIожыгъ» язгъэIонэп, ыIуи.

Чэчани, ыкъуи, Щэбатынэкъуи зэгъусэхэу къежъэжыгъэх. КIалэм ахэр Щэбатынэкъю адэжь нэс къыгъэкIотэжыгъэх. Щэбатынэкъю джэгуфо Чэчанэ фишIыгъ. КIалэм ыгъэзэжыи рэкIожыгъэх. Аш ыужым Щэбатынэкъуи ягъусэу Чэчанэ яунэ къэкIожыгъ.

Тхъэмэфэ джэгу фашIыгъ. Аш ыужь бэ тэмышIэу Чэчан ыкъю Чэчан рэкIуи, пшъашъэр къыщагъ. Псаоу тхъэжъэу къызэхэнэжыгъэх.

НАТ ЩАБАТЫНОКО И ЧАЧАНА СЫН ЧАЧАНЫ

Было так, что Чачана состарился и отошел от дел (букв.: ...осел). Однажды он отправился к Щабатыноко.

— Пойдем, Щабатынук, выйдем, осмотримся, молодость нашу вспомним, — сказал он.

Возвращаясь без особо большой добычи, Чачана и Щабатыноко повстречали одного парня. Этот парень приблизился к ним и приветствовал:

— Добро пожаловать, будьте гостями! — сказал он им.

— Спасибо (букв.: *пусть бог дарует тебе благо*), добрый юноша, не станем гостями, сказали они и отказались.

Некоторое время он ехал рядом с ними. <Потом> парень сорвал папаху <с головы> Чачаны и поскакал.

— Что это такое? — воскликнул Чачана и погнался за парнем. Щабатыноко тоже пустился вслед за ними. Парень подпустил Чачану близко к себе, сорвал его <самого> с коня и понес. Щабатыноко гнался за ними, но не успел он догнать, как парень прыгнул в какую-то реку и переправился через нее. Щабатыноко не решился прыгнуть туда, повернул и возвратился.

Конь Чачаны тоже возвратился к себе домой.

Когда конь вернулся один <без седока, домашние> долго искали его следов и его самого.

Ко времени, когда Чачана собрался уезжать, жена его была беременной. <Вот так> в отсутствие Чачаны у него родился сын, и ему дали имя Чачана сын Чачаны. Этот мальчик вырос, и когда достиг лет пятнадцати-шестнадцати, решился он разузнать о своем отце. Парень спросил у своей матери:

— Мать наша, как пропал наш отец? Умер он или его убили? — спросил он.

— Я не знаю, что с твоим отцом случилось, — ответила мать. — Люди долго искали твоего отца, но так и не смогли найти следа его

исчезновения. Он уехал, сказав «Еду к Щабатыноко», и не вернулся. Если он не знает, то я не знаю <ничего>.

— В таком случае, мать наша, приготовь мне дорожные припасы, и я поеду к Щабатыноко, сказал юноша.

Парень снарядился оружием и отправился к Щабатыноко. В ночь юноша ничего не говорил, провел время в еде-питье. Утром он спросил у Щабатыноко:

— Что ты знаешь о пропаже [о том, как пропал] моего отца?

— Знаю, что твой отец пропал, но как пропал — не знаю...

Щабатыноко начал рассказ и поведал парню всё, как это было.

— А не сможешь ли, Щабатынук, припомнить ту реку, через которую он [похититель] переправился?

— Еще как смогу, я там примету оставил. Я положил там большой камень, — ответил Щабатыноко.

Чачана сын Чачаны и Щабатыноко приготовились и приехали к тому месту, которое было помечено.

Достигнув помеченного места, они вошли в реку и переправились через нее. Когда они переправились через реку, они увидели в долине один дом и подъехали к нему. Из дома вышла одна девушка, открыла им двери крепости и ввела двоих мужчин во двор. Девушка встретила всадников радостно:

— Бог нас одарил! Это вас мы до сих пор дожидались!

Она дала им спешиться и повела в дом, коням тоже нашла пристанище.

Тот двор, в который въехали всадники, был двором парня, похитившего Чачану. Самого парня дома не оказалось. Когда девушка увидела его возвращающимся, она вышла ему навстречу и сообщила:

— Те, кого мы ждали и дожидались, прибыли, — сказала она.

Парень, похитивший Чачану, обратился к Щабатыноко:

— Мне думается, этого юношу надо отвести к его отцу.

Он повел юношу к отцу. <По пути> тот парень рассказал всё Чачане сыну Чачаны:

— Я похитил твоего отца не за тем, чтобы сделать ему что-то недостойное. Я его содержу лучше любого другого. Мне нужен был ты, — сказал парень. — Наша мать похищена тремя братьями-иньжами и находится у них. Много раз мы пытались отобрать ее у них, но ничего не смогли поделать. Нам было предсказано, что кроме тебя никому их не одолеть, поэтому я и похитил твоего отца. Потому что я знал, что ты за ним приедешь, — сказал парень.

Парень, похитивший Чачану, и Чачана сын Чачаны приготовились, чтобы отправиться к иньжам. Щабатыноко тоже собрался ехать вместе с ними.

Трое всадников отправились к иньжам. Когда они приблизились к Стране иньжей, Чачана сын Чачаны вот так сказал:

— Я отправлюсь к этим иньжам. А вы, что бы ни случилось, с этого места не сходите.

Чачана сын Чачаны достиг жилища иньжей. Он въехал во двор. В *пицарахыпа* находилась одна женщина, которая стряпала. Увидев Чачану сына Чачаны, она сильно встревожилась:

— Какая беда тебя привела сюда? Ты здесь погибнешь (букв.: пропадешь). Отсюда живым никто не уходит, — сказала женщина.

— Это не беда, мать наша. Ты меня немного покорми.

Женщина ответила:

— О сын мой, я это готовлю для трех братьев-иньжей Я не вольна брать оттуда ничего. То, что я приготовила, еле хватит им.

<Все же> женщина достала кусок мяса и дала его юноше. Парня это нисколько не насытило. Он сам потянулся, придинул к себе и мясо и бульон и <всё> съел. Он отправился в другую комнату, чтобы отдохнуть, разлегся и заснул.

Женщина заново принялась за стряпню. Она еще не успела приготовить, как иньжи возвратились. Они набросились на женщину:

— Ты приготовила? — спросили.

— Я приготовила, но явился какой-то юноша и всё съел.

— Где этот юноша?

— Вшел в дом и там лежит, спит.

Иньжи, разгневанные, вошли в дом, где спал юноша.

— Откуда ты явился такой, чтобы и нашу еду съесть, и на нашей постели спать?

Старший из иньжей обратился к младшему:

— Выведи этого юношу и за двором убей!

Вышли они, стали драться, и юноша убил иньжа. Когда <младший брат> стал задерживаться, <старший> отправил за ним среднего. Увидав то, что случилось, иньж [средний брат иньжей] говорит:

— Чтобы ты, такой <невзрачный>, убил моего младшего брата, я тебе этого не прощу!

Двою стали друг против друга для поединка. Дрались, и юноша <этого> иньжа <тоже> убил. Всё происходящее видят Щабатыноко и его спутник-парень, стоящие поодаль.

Младшие братья долго не возвращаются, поэтому старший из братьев-иньжей встревожился и отправился за ними. То, что он увидел, когда явился, было поразительно: оба его младших брата лежат убитые, а юноша стоит над ними.

— Это совсем не пойдет! Иди сюда, мы сейчас же будем бороться.

Юноша потерял много сил и был несколько ослаблен. Долго боролись Чачана сын Чачаны и иньж. Оба обессилены настолько, что ничего значительного поделать не могли, оба упали без сил. Видя это, Чачана сын Чачаны попросил парня <, похитившего Чачану,> подать ему меч иньжа, выпавший из рук того и лежащий в стороне. Парень подал меч. Чачана сын Чачаны ударил и убил иньжа. Юноша был уставший и весь израненный. Его подняли и принесли в тот дом, где находился его отец.

Парень, похитивший Чачану, и Щабатыноко вошли в жилище иньжей, забрали оттуда женщину, все добро, которое иньжи накопили за свою жизнь, и возвратились домой. Парень, мать которого вызволил Чачана сын Чачаны, не знал, как отблагодарить его. Посчитав <ее> достойной того, он выдал за него свою сестру.

Но Чачана сын Чачаны не захотел возвращаться с невестой: «Проехал на поиски отца, а возвратился, привезя жену, – не хочу, чтобы так обо мне говорили», – заявил он.

Чачана, его сын, Щабатыноко – все вместе поехали назад. Парень их проводил до дома Щабатыноко.

Щабатыноко устроил Чачане большой джегу. А парень возвратился к себе. После этого все вместе с Щабатыноко приехали к Чачане.

<Там> устроили недельный джегу. Немного времени спустя после этого Чачана сын Чачаны поехал и привез девушку. Остались они жить поживать.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 259–262. Исп. Шаофиж Хагур: 1879 г.р., а. Натухай Адыгей; шапсуг. Зап. 21.05.1959 г. в Майкопе Н. Шишева. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой вариант сказания о вызволении героям своего отца из плена у чудовищ великанов-иньжей. Главным героем выступает не центральный персонаж цикла, а сын его товарища по воинским походам, сам же он представлен здесь и в других известных вариантах как помощник героя. Примечательна многоступенчатость активных действий в повествовании: иньжи похищают жертву (женщину) – сын похищенной, в свою очередь, похищает славного наездника (Чачану), у которого должен родиться еще более славный сын (Чачана сын Чачаны), – сын находит пропавшего отца, расправляется с вредителями-иньжами и женится.

...пропал – слово *кIодын / кIуэдын* (букв.: пропасть) вторым своим значением имеет смысл *погибнуть*.

Пщаrahына (*пицэрахыыпIэ*) – помещение (кухня), крытое место или открытое пространство, предназначенное для приготовления пищи.

Джегу (джэгу) – игрища с застольем, музыкой и состязаниями.

43. ПЩЫБЭДЭНОКЬУЭРЭ ЧАУШЫРЭ Я ХЪЫБАР

Нарт Пщыбэдэнокъуэрэ Чаушырэ зэныбжъэгъуфIу, зы къуажэм дэмису, жылэ зэпэжыжьитIым дэсхэу щитащ. Чаушыр щIалэ закъуэу и закъуэ къикIухьу зэрыщтым къыхэкIкIэ, Пщыбэдэнокъуэ ныбжъэгъу ищIауэ дэнэ кIуэми зыдэкIуэ<у> щытт.

Зэгуэрым Чаушы и деж Пщыбэдынокъуэр кIуэри, унэ дэгъуэ, псэуальэ хуригъэшIыри, пхъурылъху дэгъуэ иIэт Бэдэнокъуэми, къыхуишэри, «Фыпсэу», – жиIэри къэкIуэжащ.

Мазэ зыхыбл дэкIауэ, Чаушыр къежьаш, «Пшыбэдэнокъуэ сигу къэкIаши, сыкIуэнши слъагъунщ», – жиIэри. КъыздэкIуам, гъуэгум щырихъэлIаш, зы нысащIэ гъуэгүү иныжьитIым яхь. Чаушым къигъэувыIэри елъэIуаш:

– ДахэкIэ мы бзылхугъэр къэвутIыпщ! – жиIэри.

Ядакъым:

– Дэ зы шу хъэулей къыдихъэлIэрэ «КъэвутIыпщ!» – жиIэкIэ, дыутIыпшыну ахуэдэу къетхъэжъакъым, – жаIэри.

– АтIэ, хъунщ, – жиIэри, и сэшхуэр къырихири, тIурикI иукIыри, нысащIэр зе<й>м яхуишэжыри иритыжааш.

НысащIэр зехэм «афэрим» къыжыраIэри, ирагъэблагъэри, ефэ-ешхэшхуэ къыхуашыри, <Чаушыр> къежъэжааш. КIуэурэ Пшыбэдэнокъуэ и деж нэсыри, быдэу загъэпсэхури, зекIуэ кIуэнхэу загъэхъэзырыри ежъахэш. ЗыдэкIуэнум нэсхэри, шы гуп къырахужъэри шыкIэм Пшыбэдэнокъуэ Ѣыту, шыпэм Чаушыр Ѣыту къахурэ пэт, зы шу, пшIэгъуалэ кIэшI тесу, цей джэху Iэшхээ кIэшI Ѣыгъыу, Чаушым екIуэлIаш, еупщIаш:

– Ухэт? – жиIэри.

– Сынарт Чаушщ, – жыриIаш.

– АтIэ, армэ, хъунущ, – жиIэри, бгъэдэкIыжыри кIуэри Пшыбэдэнокъуэм бгъэдэхъаш. АбиkI еупщIаш:

– Ухэт уэ? – жиIэри.

– Сы-Пшыбэдэнокъуэш, – ѢыжиIэм, пхъуэри, шым тыричыри, и блэгүшIэм Ѣилхъэри, ѢэшIэри ежъэжааш.

Чаушыр зэплъэкIыри Пшыбэдэнокъуэр яхь щилъагъум, и ужь иувэри Ѣэпхъуаш. Шур жэуэрэ хы фIыцЭм и нэси и хэпкIи зэээ хэпкIэри ежъэжааш. Чаушыри псы Iуфэм нэсыри, сый ишЦэнт, хэмыхъэфу къигъэзжыри, шыр къихури къэкIуэжааш.

Чаушыр зыдэкIуэ ѢымыIэу, зекIуи мыкIуэжу, Ѣыхухэми гу къылъатауэ, Пшыбэдэнокъуэ ѢхъэкIэ Ѣыгъуэу зы зэман заулыр Ѣысауэ, шэсыри, Пшыбэдэнокъуэ и фызым и деж кIуэри жыриIаш:

– Сэ сыйэрэпсэужыным сыхуенижкъыми, Пшыбэдэнокъуэ зыраха хым сыхэлтэнши, ситхъэлэнщ, е сыйзырыкIынши Пшыбэдэнокъуэ къэзгъуэтыхынщ, – жиIэри, еуэри, ежъаш.

КIуэурэ хым и Iуфэм нэсыри, хэпкIэри и лъэрыгъым къэмису зэпрысыкIаш. Щыльэм тевэрэ, зиплъыхыри зыри ильэгъяакъым. Ежъэри зыбжанэрэ кIуауэ, жыжъэу плъэри зы унэ закъуэ ильэгъуаш. Абы кIуэри, дыхъэри унэм еблэгъаш. Ирагъэфааш, ирагъэшхааш. «Сый ѢхъэкIэ укъэкIуа?» – жаIэу къемыупщIу махуипщIкI Ѣылааш.

А унэр зейр зы нарт пелуан гуэрт, Пшыбэдэнокъуэ зыхьари арат. Пшыбэдэнокъуэ а пшIантIэм дэт унэхэм ящищым Ѣайгът, ягъашхэу, ягъатхъэу. Пшыбэдэнокъуэм зэхихаш: «Зы Ѣалэ къэкIуауэ зыбжанэ хъуауэ дэтш», – жаIэри. Пшыбэдэнокъуэ ѢэуипщIаш:

– Сый и шыфэ-лIыфэ?

– И шыр алъин, и фэр шы къарэ лъакъуэхуущ, натIэ фэкъущ, зэ бакъуэм тIэу малъэр, къакIуэу усплъам, нэр тепыIэкъым, Ѣэпхъуам, напIэр дэпхъеийуэ къепхъэхыжыхукIэ, плъагъужкъым. Езыр Ѣалэ къуданщ, усплъынкIэ зыщыбгъэнщIкъым,

къоплъам, узыфIегъалIэр, лIэн хуейр абы пыреув, аращ и шыфэлIыфэр, – щыжыраIэм, къицIыхуаш, «Ар Чаушырш», – жиIэри.

– АтIэ, Иэмал иIэу щытым, а щIалэр къысхущIэвгъыхъэ си деж, – жиIэри ельэIуаш.

Щагъыхуаш щIалэр. ТIури зэрыцIыхуужыри ИэплIэ зырашэкIаш.

Чаушым жиIаш:

– СыщIэкIынщи пщIантIэр зери зымери зэтезукIэнщ, – жиIэри.

Пщыбэдэнокъуэм идакъым:

– Сэ мыбы зы мурад гуэркIэ сыкъахъаши, ар зэхэдгъэкIыххэнщ, армырым, мыхуэду сагъэтыншынкъым, сагъэтхъэнтэкъым, – жиIэри.

Чаушыри Пщыбэдэнокъуэри зэдэщIыгъуу унэм къыщIэкIхэри хозяиним и унэмкIэ кIуахэш. Хозяныр ягъэтIысыри, Чаушым къыригъажъэри жиIаш:

– Мы Пщыбэдэнокъу щхъэ къэпхъат, сыйтири хуимурада? – жиIэри.

Хозяиним къыригъажъэри жиIаш:

– Сэ зыбжанэ щIауэ мы щIыпIэм сисщ. Сэ пелуаныгъэкIэ къистекIуэри, машIэу, цIыхукIи сымымащIэу, зыгуэрым дэзэүэн хъуами, дытекIуэфу дыщытурэ, зэгуэрым, сэри сыйтири къакIуэри си фызыр яхъауэ сыйтирихъэлIэжащ. «Къатесхыжынщ», – жысIэм, дээ есшалIэрэ секIуалIэм, дээр къауххуурэ си цIыхур сыйхури сыйтиIысыжиауэ сыйтису, зы жэц гуэрым пщIыху слъэгъуаш: «Мы уи щхъэгъусэр уэ къэпхъыжыфынукъым, ауэ мохуэдэ хэгъогум щыIэш Пщыбэдэнокъуэрэ Чаушырэ жаIэу зэньбжъэгъуитIи, ай тIум, къипхуахыжынщ», – жаIэу. Сынежьэри ильэсицкIэ фи хэгъуэгум ситащ, фызмыгъуэту, фэ щхъэкIэ сыйтихъуэу. Фызмыгъуэтиххэ хъури, сыйкъэкIуэжыну сыйкехъяауэ, шы гуп къахуу щыслъагъум, къэсцIаш: «Мыбы нэскIэ къэкIуауэ шы зыхуфхэр митIурш», – жысIэри. Сывбгъэдыхъэри, сывэуппIыри, шыкIэм щытыр Пщыбэдэнокъуэти, ар къесхъэжъэри къэсхъащ. Уэ абы укъызэрыкIэлъыкIуэнур сщIэти сыйпэплъэу сыйтису арат, – жиIаш.

Пщыбэдэнокъуэ унафэ ищIыри ежъахэш. КIуэм-льеуэрэ зыбжанэрэ кIуахэу, бысымым жиIаш:

– Модэ мо унэ закъуэр аращ си фызыр зыдахъар, – жиIэри.

– АтIэ, фетIур мо мээ кIапэм фыхыхы фыхэт, фыкъыхэмийIуу, сэ «ФыкъыхэкI!» – жысIэхукIэ, – жиIэри Чаушыр ежъаш.

Куэрэ нэсаш, пщIантIэм дыхъэри, пщIантIэр ятIэ ильхъагъашIэу щыти, шыг щигъэджэгурэ хъэлэчу шы лъабжъэкIэ къыриудащ. И шым епсыхыри, пхъэлъятхъуэм фИидзэри, унэлэйм Иугъуэ къырихути, абыкIэ щIыхъащ. Абы зы бзылъхугъэ щIэсти, нэхъ дахэ набдээ зытэльым я нэхъ дахэт. ПщафIэу щIэтт унэлэйм.

Чаушым жиIаш:

– Сыкъэгъашхэ, мэжалIэ солIэр, – жиIэри.

Бзылъхугъэм жиIаш:

– Сыт уэзгъэшхын, мы супщэфыр зэшьщим яхурикъун къудейш, абы щыщ уэстырэ уэзгъэшхым, сэри уэри даукынш, – жиIэри.

Чаушыр Iэбэри, къиштэри зыхуем хуэдизыр ишхащ.

Фызым жиIаш:

– Куэпсэ зэшищыр къэкIуэжхэм, уэри сэри даукынш, гъази кIуэж, – жиIэри.

Чаушым жиIаш:

– Мыхэр дэтхэнэм я унэ? – жиIэри.

Иригъэлтэгъуаш, зэхэхауэ. НэхъыцIэ дыдэм и унэм щыихъэри гъуэлтышIэм гъуэлтаящ. Абы ильу, Куэпсэ зэшищыр къыдыхъэжащ. Я пшIантIэр хъэлэчу къитIыкIауэ, шыри епхауэ щалтагъум, жиIаш: «Мыр хэт, мы ди пшIантIэм къыдыхъэу хъэлэч зыщIар?» – жиIэри. «Ди деж цIыху къыдыхъэ зэрымыхъур имыщIэу, хэт мыбы къыдыхъар?!» – жиIэри, кIуэхэри, унэ лейм щIыхъэхэри бзылтхугъэм еупщIахэш:

– Хэт мыбы къыдыхъар? – жиIэри.

Бзылтхугъэм жиIаш:

– Сэри сцIыхукъым, зы щIалэ къышIыхъэри къызжиIаш, «Сыкъэгъашхэ», – жиIэри. Естын щызмыдэм, езыр Iэбэри, къиштэри, зигъэнцIыхукIэ шхэри, унэм кIуэри гъуэлтаяуэ хэлъщ.

Унэ зыщIэлтыхымкIэ щIыхъэхэри, хуилтывну нэхъыщIитIыр щыхуежжээм, нэхъыжжым жиIаш:

– И Iуэху зытетыр жедгъэЛэнци итIанэ съйт етщIэнумикI етщIэнш, – жиIэри.

Чаушыр къэпсалтэри жиIаш:

– Си Iуэху зытетыр бзылтхугъэ фи дей щIэр схыижыну сыкъэкIуауэ аращ, фыхуем фыдэлтэй! – жиIэри.

Зэшхэр къызэрьщIэшхэри зэрыгъэчэнджэщахэш, иныкъуэм «Еттыжынкъым, димыкуIауэ!» – жиIаш. Нэхъыжж гуэрым жиIаш:

– Ахуэдэу къыдикуу ди деж къэкIуам, зы гугъэ бэлыхъ имыIэу къэкIуакъым, абы фытемыгушхуэ, абы нэхъыре нэхъыифIш, фызыр хэдгъэдэнци, ар нэхъ къиштэрэ – еттыжынш, дэ нэхъ дыкъиштэрэ Чаушым къигъэнэн имыдэм, абы щыгъуэм дезэуэнш, – жиIэри.

ЩIыхъэжхэри Чаушым жыраIаш:

– Бзылтхугъэм деуущIынши, нэкIуэжын нэхъ къиштэм – ууещ, нэхъ къимыштэм – абы щыгъуэ дыдещ, – жиIэри.

Чаушыр абыкIэ аразы хъури, бзылтхугъэм и деж зэрыхуахэш. ЩеупщIым, бзылтхугъэм жиIаш:

– Уэ къыштехэну бэлыхъырщ схуэмыхыр, армырым синэкIуэжынущ, – щыжиIэм, Чаушым жиIаш:

– Абы щхъэкIэ умыгузавэ, накIуэ, – жиIэри, бзылтхугъэр къышIишижыри и уанэгум тыригъэтIысхьящ, езыр кIэссыжыри къежъэжауэ къэкIуэжурэ, мо зэшищыр зэрыгъэгубжыжыри иужж къихъэжахэш.

Чаушыр зэплъэкIыри мохэр къесауэ щилтагъум, шым къепсихыри, бзылтхугъэри къыригъэпсихыри, шыр абы иритыри Iуригъэшащ. Езбы и щIакIуэр идзыри, «Фыкъытеувэ!» – жиIэри езыр щIакIуэ кIапэм теуваш. Куэпсэ зэшищыри нэсхэри, яшхэм епсиххэри, зэшхэм я нэхъыжжыр кIуэри теуваш.

- Къауэ! – жиIаш Қуәпсә.
Чаушым идақым:
– Фи дей сыкъэкIуауэ, фи фыз къэфхьари схынжу, ар хъункъэ, къауэ уэ! – жиIәри.

Қуәпсәр еуэри Чаушым зыхыригъесаш, Чаушыр еуэри иукIаш. Адырей тIури иукIаш. Пшыбәдәнокъуәмрә бысымылымрә къальягъу, ауэ «Фыкъыхәмый», – жиIашци къыхәкI-хәкъым.

Шыри иукIыри, мобыхәми «ФыкъыхәкIыжхә», – яжыриIәри, ахәри къыхәкIыжхәри, «ФынакIуэ», – жиIәри, Қуәпсәхә я деж кIуәхәри, я мылькур къызызшакъуәри, бысым щIаләм и деж кIуәжхәри, быдәу загъепсәхури къежъәжын щыхъум, бысымым и пхъур фыз етIуанәу Чаушым къыритыри, ари къашәри къекIуәжахәш.

СКАЗАНИЕ О ПШИБАДАНОКО И ЧАУШЕ

Нарт Пшибаданоко и Чауш были добрыми друзьями, жили они не в одном селении, а в удаленных друг от друга местностях. Чауш был одинок, и разъезжал он всегда один, поэтому Пшибаданоко и подружился с ним, и они везде ездили вместе.

Однажды Пшибаданоко приехал к Чаушу, отстроил ему добротный дом, добротное подворье; у него была прекрасная племянница, и он выдал ее за Чауша и, сказавши: «живите», сам уехал.

Спустя месяцев шесть-семь, Чауш выехал, сказав: «Я соскучился по Пшибаданоко, поеду повидаю его». Едучи, он повстречал в пути одну плачущую невестку, которую увозили два иныжа. Чауш остановил их и попросил:

– Отпустите эту женщину по-хорошему! – сказал он.

Не согласились <иныжи>:

– Мы не для того ее умыкаем, чтобы отпустить по требованию первого бродячего всадника.

– Ну что же, – сказал Чауш, вытащил свою шашку, убил обоих иныжей, освободил женщину и отвел ее к своим.

Родня невестки поблагодарила его, устроили пир-застолье, а затем он отправился своим путем. Ехал он, прибыл к Пшибаданоко, оба хорошо там отдохнули, затем подготовились к зеко и выехали. Прибыли они туда, куда направлялись, угнали табун лошадей, и когда они гнали табун – Пшибаданоко в хвосте ехал, а Чауш в голове табуна, – повстречался Чаушу один всадник – на белом короткоспинном коне и в светлой черкеске с короткими рукавами.

– Кто ты? – спросил он.

– Я нарт Чауш, – ответил тот.

– Что ж, хорошо, коли так, – сказал всадник, повернул и подъехал к Пшибаданоко. Его тоже он спросил:

– Кто ты?

Когда тот ответил:

– Я Пшибаданоко, – он схватил его, вышиб из седла, уложил его себе под предплечье и, пришпорив <коня>, ускакал.

Чауш оглянулся назад и, увидев, что Пшибаданоко уносят, направился вслед и поскакал. Всадник на скаку прыгнул сходу в Черное море и был таков. Чауш тоже достиг морского берега и, что поделать, не смог прыгнуть в воду, повернул он назад и возвратился, пригнав лошадей.

Чауш *<после этого>* некоторое время сидел, никуда не выезжая, не участвуя в наездах и переживая за Пшибаданоко, что и люди заметили, а затем сел на коня, отправился к жене нарта Пшибаданоко и сказал ей:

— Я не хочу больше жить, а потому прыгну в море, через которое унесли Пшибаданоко: или утону, или переправлюсь и отыщу Пшибаданоко, — так он сказал, взял и поехал.

Ехал он, достиг моря, прыгнул — и переправился, не омочив стремена. Вышел он на твердь, осмотрелся и никого не увидел. Двинулся он в путь и, проехав некоторый путь, глянул в даль и увидел одинокий дом. Направился он туда, въехал *<во двор>* и вошел в дом гостем. Его накормили, напоили. Десять дней его держали, не спрашивая о причине его приезда.

Это был дом одного нартского пелюана, он-то и похитил Пшибаданоко. Держали Пшибаданоко в одном из домов, стоящих во дворе, содержали его в довольстве насчет еды и питья. Прослыпал он, что явился какой-то наездник и некоторое время пребывает в гостях.

— Как он выглядит? — спросил он.

— Конь его альп, масти черный, белоногий и белолобый, на один шаг делает два прыжка, на ход он таков, что глаза не уследят, если он поскакет, в мгновение ока исчезает из виду. Сам *<наездник>* стройный, солько на него ни смотришь, не устаешь любоваться, а сам посмотрит — обмираешь, кто хочет умереть, пусть тот против него выступает, вот он каков, — когда так ему ответили, *<Пшибаданоко>* узнал и молвил: «Это Чауш».

— Ну тогда, если только это можно, пусть он зайдет ко мне, — попросил он.

Пустили парня к нему, и они узнав друг друга, обнялись.

— Выйду и перебью всех, кто в этом дворе хозяин и не хозяин! — воскликнул Чауш.

Пшибаданоко не согласился с этим:

— Меня сюда привезли с какой-то целью, а не то бы за мной так внимательно не ухаживали. Надо сначала с этим разобраться, — сказал он.

Чауш вместе с Пшибаданоко вышли из дома и направились в дом хозяина. Усадили они хозяина и Чауш начал:

— Почему ты похитил этого Пшибадиноко, и какие у тебя намерения?

Хозяин начал и сказал так:

— Я давно живу в этой местности. Мало кто мог потягаться со мной в силе, и немало у нас было людей, если случалось с кем-нибудь воевать, мы могли победить; и вот однажды в мое отсутствие напали трое братьев Копса и похитили мою жену — вот такое я застал по возвращении. Я собирал войско, надеясь отобрать *<свою жену>* у них, но они уничтожали войско, так я исчерпал

своих людей и, не зная что бы поделать, я однажды ночью увидел сон, будто мне говорят: «Свою жену ты сам возвратить не сможешь, но вот в таком-то краю живут два друга, которых зовут Пшибаданоко и Чауш. Вот они вернут ее тебе». Выехал я к вам и три года ездил по вашему краю, разыскивая вас и не находя. Уже не надеясь вас найти и повернувшись назад, я увидел табун лошадей, угоняемых вами, и понял, что только вы двое могли посметь явиться сюда и отсюда угнать лошадей. Подъехал я к вам, расспросил и понял, что если похищена тот, который впереди, мне не даст уйти тот, который позади. Поэтому я похитил Пшибаданоко, который ехал позади.. Я знал, что ты <рано или поздно> приедешь за ним, вот я тебя и дожидался.

Пшибаданоко отдал распоряжение, и они выехали. Ехали скакали, ехали-скакали, когда уже долго ехали, бысым молвил:

— Вон в тот одинокий дом унесли мою жену.

— Если так, вы оба войдите в окраину вон того леса, будьте там, не выходите, пока я не скажу «выходить», — сказал Чауш и двинулся.

Ехал он и прибыл, въехал во двор, а <тот> двор был только что <наново> вымазан глиной, он стал гарцевать на коне и безобразно вытолпал весь двор. Сошел он с коня, привязал его к коновязи и, поскольку из пристройки струился дымок, вошел туда. Там находилась одна женщина — прекраснее нет на белом свете среди тех, у кого есть брови. Она готовила еду.

Чауш сказал <ей>:

— Покорми меня, я голоден.

Женщина ответила:

— Чем же я тебя угощу — вот этого, что я готовлю, едва хватит троим братьям. Если я дам тебе из этого и угощу, они убьют и меня, и тебя.

Чауш потянулся, взял сам и съел, сколько ему хотелось. На это женщина сказала:

— Когда трое братьев Копса вернутся, они убьют и тебя и меня. Лучше развернись и уходи.

Чауш на это сам спросил:

— Какая тут комната чья?

Она показала, поясняя. <Он> вошел в комнату самого младшего и улегся на кровати. Когда он там лежал, въехали в свой двор и братья Копса. Увидев, что так безобразно перепахан их двор и что привязан <чужой> конь, они воскликнули: «Кто это въехал в наш двор и так набезобразничал!» — так они сказали. «Кто это прибыл к нам, не ведая, что к нам приезжать нельзя!?» — так сказали они, вошли в пристройку и спросили женщину:

— Кто сюда приезжал?

Женщина рассказала:

— Я тоже его не знаю, какой-то юноша вошел и сказал мне «покорми». Когда я не согласилась, он сам взял, поел досыта и, уйдя в комнату, там разлегся и лежит.

Вошли в комнату, где он лежит, и когда собирались его пропустить, старший <из братьев> сказал:

— Сначала дадим ему высказаться о своем деле, потом сделаем с ним то, что решим, — так он сказал.

Чауш заговорил и сказал так:

— Дело мое такое: я приехал увезти назад ту женщину, которая у вас находится, хотите — прыгайте [нравится вам или не нравится].

Братья вышли и засовещались, кто-то предложил «не отдадим, пусть хоть убьет нас». Снова старший заговорил:

— Кто так без страха к нам прибыл, тот имеет крепкую надежду на что-то. Не относитесь к нему опрометчиво. Лучше будет, если мы самой женщине предложим выбирать: предпочтет его — отдадим, предпочтет нас, а это будет не по душе Чашу — тогда будем биться.

Вошли они в комнату и сообщили Чашу:

— Спросим у женщины, и если она выберет тебя, будет твоя, не выберет — тогда она наша, — сказали.

Чаш согласился на это, и все гурьбой двинулись к женщине. Когда ее спросили, она ответила так:

— Мне тяжко за то, что выпадет тебе, а так ухожу с тобой.

— Об этом не беспокойся, пошли, — сказал Чаш, вывел ее из дома, усадил в свое седло, сам устроился сзади и когда он так выехал, те трое братьев сами собой распалились и пустились следом за ним.

Чаш оглянулся, и когда увидел, что они приблизились, он слез с коня, опустил наземь женщину, отдал ей повод и велел отвести коня в сторону. Сам же он расстелил бурку и сказав: «Становитесь!» — стал на один край бурки. Братья Копса прибыли, сошли с коней, и старший из них подошел и стал на другой край.

— Бей! — сказал Копса.

Чаш не согласился:

— Как это — я к вам приехал, добытую вами женщину увожу, и я буду первым бить, — нет, ты бей!

Копса ударил и ранил Чаша, Чаш ударил и убил Копсу. Он так же убил и двоих других. Пшибаданоко и мужчина-бысым видят это, но он им велел не выходить, и они не выходят.

Расправился он со всеми троими, кликнул своим: «выходите», и они вышли. «Поехали», — сказал он, и они направились в дом Копса, собрали все их добро, возвратились к юноше-бысыму, хорошо отдохнули, и когда настала пора уезжать, бысым выдал за Чаша свою дочь второй женой, и с этим они уехали.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-е. Пасп. № 4.
Исп. Аслангерий Патук: 1860 г.р., а. Мамхег Адыгей; мамхег-
темиргоевец. Зап. 10.07.1949 г. М. Киримов. Перевод на русский
язык А. Гутова.

Текст представляет собой вариант сказания о нарте Бадино-ко и его походном друге, имя которого варьируется у разных скандинавских авторов. Имя Чаш и клановое наименование Копса встречаются только в данной записи. Остальные компоненты сюжета и типы персонажей характерны для вариантов данного сказания. Основное существенное отличие заключается в области поэтики.

44. НАРТ СОСРЫКЪУЭ, ЕРЫХЪШУ, ЩАБАТЫНЫКЪУЭ СЫМЭ Я ХЪЫБАР

Нарт Щабатыныкъуэклэ зэджэр зы щыпэш щылаш, нарт Сосрыкъуэклэ зэджэр нэгъуэшлэш щылаш. Щыпэхэр лэнэшлу, нартхэр зэрымыщэу, зэрымыщыхуу щыташ.

А зэманным нарт Щабатыныкъуэ и хъыбар Сосрыкъуэ зэхихыу, Сосрыкъуэ и хъыбар Щабатыныкъуэ зэхихыу щыташ. «Нарт Сосрыкъуэклэ зэджэр зээгъэцьыхунц, зээгъэлтагъунц», – жилери нарт Щабатыныкъуэр къежъаш. Нарт Щабатыныкъуэ къаклуэрэ Сосрыкъуэ щыпсэу хэкум къесауэ, лэхъуэм хуэзэри еупшлаш:

– Уэ, бохъу апший, лэхъуэ цыклу, нарт хъыбар къызжылэ, нарт шыхабзэ къызжылэ.

– Сыт мыгъуэр бжеслэн сэ? Махуэм си лэхъуэш, жэшым сыхъэдэ хъурейш.

Ар щыжилэм щыгъуэ, **<Щабатыныкъуэ>** губжьри къеуаш лэхъуэм зэ:

– Хъыбарыр пэжу къызжеплэркъым, – жери.

Нарт Щабатыныкъуэ къежъэжри зы теуэгъуэ иклюуэ, лэхъуэр кэлтэйплэри... «Сыкъуэншаш, сыщуаш, къызэуами, нарт хъыбар бжеслэн хуяяш»:

– Уэ, зи уз клюэдын, къэбгъазэтэм, «Фыз хъыбарш», – жумылэмэ, зы хъыбари бжеслэнт.

– Сэ фыз хъыбари содалууэ, си лэхъуэ цыклу, къызжылэ, – жиляш Щабатыныкъуэ.

– Атлэ, нартхэ я санэхуафэш,

Фадэ фынцэр я күэдш,

Кълан хъыдажбзу дахэр я теуэ-тетхэш,

Гъэлтэхъу пшэрхэри я лэпэшыпсц,

Сэтэней гуашэр щхъухыпсыхыщлэш,

Жыжъэу укъильтагъумэ,

Щхъухыпсыхъ зэхилтхъэнц,

Уигъэклюэнкъым зышлэшлэ.

Сэ ныбжеслэ мы хъыбарыр хъыбар пэжш.

Си лыри тэлклю къысхуэбгъэузаш,

Сыпкэлтэйплэлжри узэрымыхэку шури къесицлаш,

Уи фэм сынеплэри – усфлэбжыыфлэ.

«Мыр мыбы хэзгъэклюэдэнкъым, хъыбар пэж жеслэнш», – жыслэри къозгъэгъэзаш. Сэтэней гуашэр щхъухыпсыхыщлэшхуэш. Сосрыкъуэ утеклюуэ укъидэнукъым. Ущыклюэклэ, укъильтагъунуц. Укъызэрилтагъуу, щхъухыпсыхъри зэхилтхъэнуц. Сыт хуэдиз жилеми, ухуемылагъэ. И унэлутыр къригъэжъэнц: «Нарт Щабатыныкъуэ, зумыусыгъуэджэмэ, си фадэбжъэм къефэ», – къыбжилэнц Сэтэней гуашэр. А и унэлутри дахшц. Ущыхуемыплэклиим, уи япеклэ къэклюэнц. Хъэзыр зыкъицьынчи гъуэгум къытегъуэлхъэнц. Айдэ, гъуэгу махуэ, фылм ухуээ! – жилери нартхэ я деж къиутынщауэ, къоклюуэ.

Сэтэней гуашэр и унэлутыр псыхъэ клюуэ шу закъуэ клюэр ильтагъури, и пэгуныр псым къыдинэри езыр Сэтэней гуашэр деж къэклюэжаш:

– Уэ, Сэтэней гуашэр,

Уэ плъэгъуами ящымыщ,
Сэ слъэгъуами ящымыщ,
Хэтхэ щыщми, сымыщIэ,
Мыбы зы шу бэлыхъ къокIуэ.

– Ар сытгуэ, сытгуэ,
Хъэдэрэт хъун?!

– И пэр пшагъуэ машIэш,
И щыгум къуанщIэр шохуарзэ,
Ибгъухэм самырыр щоджэгу,
И пхэщIми шэтыр щыухуаш.

– ЩIэхыу си пхъэ вакъэр къызэт!

Пхъэ вакъэм хуэму кърокIуэ,
А пхъэ вакъэмкIэ къакIуэ мыхъуу,

– ЩIэхыу си саур бэцмакъыр къызэт! – жеIэри
Сэтэнейр талаймэ къышож,
Шу къакIуэр щилъагъум,
И унэIутым хуегъэзэж:

– А шу къакIуэр
Нарт Щабатыныкъуэш,
Чынхэр зи ныкъуэкъуэгъуш,
Хъэгъуэ хъэкъукъуэгъу башэш,
Емызыр зыхъэхуш,
Хъэхуншэ шущ.

Зи щхъэр дымылъагъуу
Зи гугъум димыкI
Нарт Щабатыныкъуэ къесаш.
Абы и пэ пшагъуэ машIэр
И шы пэшхъын баҳъэрш.
И щхъэщыгум къуанщIуэ итыр
И шы лъэгум къышщIэху
Шы лъэгу вабдзэрш.

И бгъуитIым самыру щыджэгур
И лъэрыгъитIырш.
И пхэщIым шэтыр щыухуар
И шы пхэщI тхъурымбэрш.
ЩIэхыу щхъухь зэхэфльхъэ.
Уэ, куэпэчыгъ, занщIэу кIуэ,
ЕкIуалIи мыпхуэдэу жеIэ:

«Сэтэней гуашэ фIохъус къуихаш,
Си фадэбжы къефэ, зумыусыгъуэджэм», –
ЖеIи къеgeблагъэ, –
ЖиIэу унэм къышщIегъэкI,
УнэIут дахэр къыпргъажъэ.

– Уэ нарт Щабатыныкъуэ зиусхъэн, ди Сэтэней гуашэм
фIохъус къуихыхыжащ. «Зумыусыгъуэджэу си фадэбжьэм къефэ», –
жиIаш.

Нарт Щабатыныкъуэр къемыплъэкI щыхъум, Iэхъуэжь
цЫкIум зэрыжиIам хуэдэу, япэм зыкъригъахуэри хуит
зыкъыхуишIаш. ХуеплъэкIакъым, пу нэлат ирихри блэкIаш.

КъуажэгъумкIэ йох. «Хэт дей сыйдыхъэн?» – жыхуиIэш. Ауэ
псори къышошынэри, зыри къыбгъэдыхъэфыркъым. КъуажжэкIэм

нэблэгъяуэ, унэ хужь кIыхь щытт. Дыхъаш. Щыдыхъэм, Ерыхъшу къышIож. Флохъус зэрахри, иригъэблэгъаш. И шыр шы фIэдзапIэм фIидзаш. Шым зиудэри шы фIэдзапIэр хиудаш.

— Си шым и фIэдзапIэр уэ бгъуэтынкъым, — жиIэри и сагында��ъышэр хитIэш ѩабатыныкъуи, абы и шыр фIидзаш. Шыр еIэри хухечакъым.

Унэм щIашэри — Сосрыкъуэ нартым я пишу жьантIэм дэст. Сосрыкъуэ къышыльэтри фIохъус кърихааш. <Щабатыныкъуэ> и къамышыр фIэдзапIэм щыфIидзэм, фIэдзапIэм ишечакъым. Къамышыр къиIэтыжри, и къамэ Iэпщэм фIидзэри тIысааш езыри. Нартым я пишыр япэ дыдэм тIысааш. Абы къыкIэлтыкIуэу нарт ѩабатыныкъуэ, хъэшIэр, тIысааш. Нарт Сосрыкъуэ мыдэкIэ бгъэдэтиIысхъаш. Ерыхъшу мыдэкIэ тIысыжааш. Ехъу яукIауэ пылтъ, ягъавэу. Зэбгъэдэсу хъыбар жаIеурэ лыр вэхукIэ щысааш. Лыр вэш, хъэзыр хъури, Iэнэм тралхъаш. Iэнэм тралхъэри дахэу хъэшIэм щыбгъэдагъэувэм, Сосрыкъуэ дэлтьэри Iэнэр имыгъэсису, шыпсыр иримыкIуту Iэнэгум къышыфэри къельэжааш. Щабатыныкъуэ къицIыхуаш, ар зэры-Сосрыкъуэр. Шхахэш, ефахэш, затхъэшIыхахэш. Iэнэр Iуахыжаш. Сосрыкъуэ и джатэр кърихи хъэшIэм и пащхъэм дей джатэдзэр къыдэгъэзэяуэ игъэтIылъаш, дэлтьэри, джатэдзэм щызыхитIэри къельэжааш. И джатэр къиштэжри ирилхъэжааш.

— Уэ, Сосрыкъуэ,
Сосрыкъуэ напшIэ,
ЛыпцIэ гъущIынэ,
Жэмыхъуэрылху,
Укъэзыльхуа хъэбзыжым
Пу налат есхри сыкъыблэкIаш.
Лыгъэр апхуэдэукъым,
Лыгъэр мис мышхуэдэуущ зэрагъэлъагъуэр, —

жери, нарт ѩабатыныкъуэ и джатэр кърихи джатэ Iэпщэр егъэзыхауэ, джатэпэр дэгъэзэяуэ щыим хисааш. Джатэпэм дэлтьэри, щызыхитIэри елъэжааш. ЕIэу джатэр къышыхичыжым, щтэхэри Сосрыкъуи, Ерыхъши, нартым я пишыри къышIэжааш. Еуэри лэгъупыр зыфIэлъа лъахъшишыр пиупшIаш. «Абыхэм леи лыгъэ зимыIэ хьеихэм я деж щхъэ сыкъэкIуа?» — жери зыри щимыгъэутижым, къэшэсри къыдэкIыхаш.

Къызэхуэссыжааш щыри, зэупшIыххэри — псоми зымы имышIэу къышIэкIаш.

— Хэт ар зригъэцIыхуми, си пхъуищым языхэзыр изот, — жиIаш нартхэ я пишым.

Сосрыкъуэ щIэхьу и Тхъуэжьеир къышIиши:

— Сэ зээгъэцIыхунц, — жиIэри кIэлтышIэлааш. Япэм къыпикIухыри курмыш хуишIаш. Ижырабгъур иритри езырг сэмэгурабгъумкIэ бгъуруувааш.

— Уэ, ди хъэшIэ, зи уз кIуэдын, синолъэIу, зумыусыгъуэджэм, узышыщ къызжепIэну.

— Ехъей, бжесIэн. Сызышыщыр пишIэну, узышыщыр сцIэну араш сыкъышIэкIуар. АфIэкI Iуэху сиIэкъым. Зэ щтэгъуэ уштами, укъызэрызбгъэдыхъам щхъэкIэ фIышIэ пхузошI, ныбжъэгъу лъыхъуэ сыкъежъаш. Узгъэнаныбжъэгъунц.

Абдейм зэгурыIуери зэньбжъэгъуу зэбгъэдэуващ. Ахэр зэбгъэдэува шхъэкIэ, Сэтэней гуашцкIэ зэджэр тхъэгурымагъуэт. «Си къuem къытекIуенуш, – жери мэгуузавэ, – Иемалу сыйт есшIэн?» – жеIэ.

Зэньбжъэгъуурэ къыздакIухьурэ, нартыпцим къызэригъэгугъа и пхъури къrimыту, Сэтэней гуашэ деж къекIуэлIэжахэш. «Си фадэбжъэм къефэ», – жиIэу блашхъуэжье хэсу абы Ѣыгъуэш къышритар. Нарт Щабатынык'уэ и пашIэр жырт. ПашIитIым ѢIэгүфIыкIри, блашхъуэжьеир пашIэкIэ иукIри, махъсимэр ѢIифыкIри фальэр Сэтэней иритыжащ.

– Абы уэ зыри къыузэrimышIэфынур сцIарт, уи лыгъэр згъэунэхунути, апхуэдэу ѢIэсшIар аращ, – жиIаш Сэтэней.

Иджы, Сосрык'уэрэ Щабатынык'уэрэ, Ерыхъшу ещенэу, нартым я пщым дей макIуэ.

– Къызэт уи пхъур, къызэнтыну жыпIаш, – жриIаш Сосрык'уэ нартхэ я пщым.

– Уэстынщ, пщдэй пщыхъэшхъэ, – жери къигъэкIуэжахэш.

Сосрык'уэ, Щабатынык'уэ, Ерыхъшу сымэ Ѣыри зэгъусэш. Абыхэм ящышынэри, «Мыбы ялъэкIынуш, къытпэлъэшын», – жиIэри нартхэ я пщыр хэшIапIэ лыхъуат. Я хъэпи-шыпи зэшIакъуери, кIуасэри, къуршым жэшцим кIуэри бгъуэнщIагъым ѢIэтIысхыхащ. Я бжэм абрэмывэ IуагъэукIуриежащ.

– ЛыхъуакIуэ сежъэнуш, мыр къээмсыгъуэту хъунук'ым, – жери <Сосрык'уэ> нартхэр зэхуигъесащ. – Си гъусэу хэт къызбгъэдэувэн? – ѢыжиIэм, Щабатынык'уэ зыуэ уващ.

– Нарт щэ гуоугъуэш, иджыри согу! – <Сосрык'уэ> ѢыжиIэм, абы ябгъэдэуващ Ерыхъшу. Аргуэрү Ѣыгуом, бгъэдэувэн игъуэтакъым. ЛыхъуакIуэ ежъаш, а Ѣыр зэгъусэу. БгъуэнщIагъым ѢIесу къагъуэташ нартыпщыр.

– Иджы, мыбы сыйт етщIэн? – жиIаш.

– ЩЭмысыфу къышIихуу уае зытесщIэнщ, – жиIаш Сосрык'уэ. Ерыхъшу жиIаш:

– ЗэIёбыни зэIусэни имыщIэу сымыгъэзагъэу хъумпIэцIэджыбэ зысщIынщи ѢIэсхыхыхынщ.

– Сэ къышIэкIри къышIэзгъэкIынк'ым, Ѣыхъэри ѢIэзгъэхъэнк'ым. Си сагындаакъыр зэIудзауэ сIыгъыу бжэм сыйсыныщ, семызешу, – жиIаш Щабатынык'уэ.

Иусщ мо лы хахуэхэр апхуэдэу. Уае зищIаш Сосрык'уэ. БгъуэнщIагъым ѢIесхэр уаem ѢIесхъэ. ХъумпIэцIэджыбэ зищIаши Ерыхъшу <ахэр> ѢIешхыхъ. Щабатынык'уэ и сагындаакъыр зэIuidзаци Iусщ. БгъуэнщIагъым ѢIесхэр шхын ѢхъэкIэ ѢIолыхъ.

– ДылIами зыдгъэлIэнщ, ауэ жэмыхъуэрылъхум дипхъу еттынк'ым. Лъэпщ и дей кIуэи зыхуэбдзым техуэу, зытехуэр иукIыу, ельэIу, шишIицыну, ар къэхьи къэкIуэж, – <нартхэ я пщым> и фызым жриIаш.

Фызыр удти, ѢIэкIуэсыкIри кIуаш, Лъэпщ дей. Лъэпщ яхуишIаш. ШишIыр къихъу къыздэкIуэжым, нарт Щабатынык'уэ <къ>илъэгъуаш. И сагындаакъымкIэ уэри зыр IашIиудаш. ТIур иIыгъыу <фызыр бгъуэнщIагъым> ѢIэлъэдэжащ.

– Иджы, шитIиш къэпхъар. Мы шитIыр хэт ейуэ дэздзein? Хэт нэхъ бзаджэ? – жери и адэр ѿеупщым, фызым жиIаш:

— ХъумпIэцIэджыбэр бзаджэш, — жери, Ерыхьшу и шэу дра-
дзеяш. Шэм Ерыхьшу зэхуэдитIу зэгуудаш.

— Иджы, нарт Щабатыныкъуэ и шэу дэдвгъэдзей, — жари
драдзеяш, къехуэхыжри имыукIыу лъеяш. Сосрыкъуэ щхъэкIэ
шэ ялакъым.

Мохэри щIэсщ, мо тIури Iутш. Сосрыкъуэ къыIунэри,
Щабатыныкъуэ хуит ишIри къыIугъэкIыжаш:

— Куэдщ уэ къысчуэпщIар, сэси закъуэ сиIутынш, — жери.

— Иджы, мыбы дышIолIыхь, Сосрыкъуи къэхъейркъым,
лIауэ къыщIэкIынщ. Щабатыныкъуэ псэути, мэкиIуэж, Ерыхьшу
дукIаш, — жиIаш фызым.

— Сосрыкъуэ тхъэгъэпщIщ, хъуагъэщагъэ и куэдщ, лIауэ
къыщIэкIынкъым, — <жиIаш нартхэ я пшым>.

<Фызыр> къыщIокIри йопль, Сосрыкъуи зигъэлIауэ щылъщ.
Ерыхьшу и хъэпIацIэхэм щыщ и жъэмкIэ къижъэдопщ.

— Лыжъ делэ! БгъуэнщIагъым дышIэбгъэлIыхьыну? Хъей
иIэкъым, лIац Сосрыкъуэ! — жиIаш фызым.

— Хъэуэ, лIакъым. Лъэпщ дей кIуэи, бру егъэщIи къэхь, —
жери, игъакIуэри къригъэхъаш.

— И лъэгур брукIэ угъуэни, и лъэдий куцIым щыщ къэхьи,
лIарэ мылIарэ къесщIэнщ.

Фызыр къэкIуаш, Сосрыкъуэ дей, и лъэгумкIэ иугъуэнри
и лъэдий куцIым щыщ хуихъаш. Епэмаш <нартхэ я пшыр>
лъэдий куцIым.

— ЛIацъым, къышалъхуа махуэм хуэдэш, — жиIаш лIым.

— УлIыжъ делэш, пшIы уоупс. Абы и лъэгур яугъуэнри —
хъеякъым. Уэ уи лъэгур сыгъэугъуэни еплтыт, уэрэ мыузэрэ, —
жери идацъым.

— АтIэ, къеплть угъуэни, — жери и лъэгур иригъэугъуэнину
хуежъаш.

Шримыгъэугъуэнныфым, «ЛIагъэнщ», — жери, и мыжурэр
къиштэри къэкIуаш, Сосрыкъуэ дей.

— Уей, СосрыкъуашIэ, лIыпщIэ гъущIынэ! Лы хъарзынэри
бгъэунэхъури уэри зыбгъэунэхъужщ. Дэнэ мыгъуэм иджы
укъисхыжын? — жиIаш. И афэр игъэсысащ и мыжурэпэмкIэ.

— «Сосрыкъуэ лIаш», — жыпIэу, Сосрыкъуэ и афэмрэ и тажым-
рэ пхынын укъагъэкIуаш, — жери, къышыльтэтри нартхэм я пшыр
абдейм щитхъэлаш.

ИтIанэ къримыта пхъуищым ещенэри къихьри къэкIуэжаш.

СКАЗАНИЕ О НАРТАХ СОСРУКО, ЕРЫХШУ И ШАБАТНУКО

Тот, кого звали нарт Шабатнуко, жил в одной местности, а
кого звали нарт Сосруко, — в другой. Места эти были пустынные, и
нарты друг друга не знали, никогда не встречались.

В те времена Сосруко слышал хабары о нарте Шабатнуко, а
Шабатнуко слышал хабары о Сосруко. «Познакомлюсь с тем, кого
зовут Сосруко, повидаюсь <с ним>», — решил нарт Шабатнуко и от-

правился <в путь>. Ехал нарт Шабатнуко и, когда достиг края, где живет Сосруко, встретил пастуха и спросил <его>:

— О, бах апший [да умножится твое стадо], пастушок! Расскажи хабар о нартах, об их обычаях поведай!

— Что же я, бедный, тебе расскажу? Днем я <живой> пастух, а ночью — скорчившийся мертвец.

Когда пастух сказал так, разгневался Шабатнуко и ударил его:

— Ты не рассказываешь мне хабар правдиво, — говоря.

Нарт Шабатнуко поехал <далше> и, когда он одолел одно теого [один переход], пастух посмотрел ему вслед... «Я виноват, я неправ, хоть он и ударил <меня>, я должен был рассказать ему хабар о нартах», <— подумал он и сказал>:

— Эй, ты, пусть исчезнут твои болезни, сюда если повертишься, бабскими хабарами если не назовешь, то один хабар я тебе поведаю.

— Расскажи, пастушок, я слушаю и бабские хабары, — сказал Шабатнуко.

— Так вот, у нартов — санопитие,

Черного напитка у них много,

Красивые кан-девушки с ними пляшут,

Жирный валух — соус у них,

Сatanей-гуаша всякие зелья готовит,

Если увидит тебя издалека,

Сделает зелье <и приворожит>,

Никуда не отпустит тебя.

Хабар, что рассказываю тебе я — правдивый хабар.

Ты причинил мне боль,

Но я посмотрел тебе вслед и понял:

Ты — всадник не из нашего края.

Пригляделся к тебе и увидел, что ты — статный <муж>.

«Не дам я ему здесь погибнуть, расскажу правдивый хабар», — подумал я, поэтому вернул тебя. Сatanей-гуаша — большая мастерица готовить ядовитые зелья. Она не позволит тебе победить Сосруко. Когда будешь ехать, она увидит тебя. Как только увидит, начнет составлять ядовитые зелья. Что бы она ни говорила, не заходи к ней в гости. Вышлет она навстречу тебе свою служанку. «Нарт Шабатнуко, если не побрезгуешь, выпей рог моего напитка», — скажет тебе Сatanей-гуаша. Ее служанка тоже красивая. Если не станешь смотреть на нее, то <она> встанет перед тобою. Ляжет на дорогу, соблазняя тебя. А теперь поезжай, счастливого тебе пути, повстречаться тебе с добром! — сказал, <пастух> направил его к нартам, и <он> едет <к ним>.

Служанка Сatanей-гуashi, отправившись за водой, увидела ехавшего одинокого всадника и, бросив у реки ведра, вернулась к Сatanей-гуаше:

— Уа, Сatanей-гуаша,

И не из тех, кого ты видела,

И не из тех, кого я видела,

Из какого он рода — не знаю,

Сюда едет один могучий всадник.

— Какой он, какой,

Помереть бы тебе!

– Впереди него небольшой туман <клубится>,
Над ним грачи кружатся,
По бокам собаки-самыры резвятся,
На крупе его <коня> шатер возвышается.

– Дай скорей мои ходули!

Медленно идет она на ходулях.

На ходулях невозможна быстро идти.

– Подай скорее мои сауровые башмаки! – говорит
Сатаней и выбегает мигом.

Увидев едущего всадника,

Возвращается к своей служанке:

– Этот всадник, что приближается, –

Нарт Шабатнуко,

Чинты чьи соперники,

Много свершающий,

Зло преследующий,

Ничего в долг не берущий всадник –

Прибыл нарт Шабатнуко,

Лица которого мы не видим,

<Но> слухи о котором мы слышим.

Небольшой туман перед ним –

Это пар из ноздрей его коня.

Грачи над его головой –

<Это> комья земли,

Летящие из-под копыт его коня.

Резвящиеся по бокам самыры –

Это два стремени <его коня>,

Раскинутый на крупе <коня> шатер –

Это пена с его коня.

Скорее приготовьте ядовитые зелья,

А ты, опытная блудница, прямо <к нему> иди,

Подойди <к нему> и скажи так:

«Сатаней-гуаша приветствует тебя,

Рог моего напитка испей, не побрезгуй», –

Скажи так и пригласи <его>.

С этими словами <Сатаней> отправляет из дома

Красивую служанку <гостю> навстречу.

– Уа, нарт Шабатнуко, зиусхан,

Наша Сатаней-гуаша приветствует тебя:

«Не побрезгуй, выпей рог моего напитка».

Когда нарт Шабатнуко не оглянулся, тогда, как и говорил пастушок, она перед ним расстелилась, готовая поддаться его воле. Он и не оглянулся – плонул и проехал мимо.

По окраине села едет. «К кому бы заехать?» – раздумывает. Но все боятся его, и никто не решается подойти. Так доехал до конца села, а там стоял длинный белый дом. Въехал <во двор>. Когда въехал <он во двор>, <из дома> выбежал Ерыхшу. Приветствовали друг друга, и <Ерыхшу> пригласил <Шабатнуко в дом>. <Шабатнуко> привязал своего коня к коновязи. Конь дернулся и выворотил коновязь.

— Тебе не найти подходящей коновязи для моего коня, — сказал, Шабатнуко воткнул свою стрелу в землю и к ней привязал коня. Конь дернулся, но не смог вырвать *<стрелу>*.

Ввели *<Шабатнуко>* в дом, а там на почетном месте, *<рядом с предводителем нартов>*, сидел Сосруко.

Сосруко вскочил и приветствовал гостя. Когда *<Шабатнуко>* повесил свою плеть на крюк, крюк не выдержал ее. Поднял он свою плеть, повесил ее на рукоять своего кинжала и сел. На почетном месте сел предводитель нартов. Рядом с ним сел гость — нарт Шабатнуко. Рядом *<с Шабатнуко>* сел нарт Сосруко, а потом — Ерыхшу. Откормленный бык был зарезан и уже варился. *<Нарты>* сидели, рассказывая хабары, пока варилось мясо.

Мясо сварились, приготовили его и на стол положили. Когда положили мясо на стол и, как положено, поставили перед гостем, Сосруко вскочил на стол, станцевал, не пошатнув его и не разлив подливу, и спрыгнул.

Шабатнуко понял, что это и есть Сосруко. Поели, попили, умылись. Убрали стол. Сосруко вынул свой меч, положил его перед гостем лезвием вверх, вскочил, сплясал на острие лезвия и спрыгнул обратно. *<Затем>* поднял свой меч и вложил *<обратно в ножны>*.

— Уа, Сосруко,
Сосруко смуглый,
Муж статный, железноокий,
От пастуха коров рожденный!
На старую блудницу, что родила тебя,
И глядеть я не стал,
Проехал мимо нее.

Мужество не так показывают,

А вот как, — сказал нарт Шабатнуко, вынул свой меч и воткнул его в землю рукоятью, а острием вверх. Вскочил он на кончик меча, сплясал и спрыгнул. Когда *<он>* вытащил меч *<из земли>*, Сосруко, Ерыхшу и предводитель нартов испугались и выбежали. Ударил *<Шабатнуко мечом>* и рассек три цепи, на которых висел котел. «Стоило ли мне приезжать к таким ничтожествам?» — сказал он и, не найдя никого *<достойного>*, сел на коня и уехал.

Собрались те трое, стали спрашивать друг у друга, но оказалось, что никто его не знал.

— Кто познакомится с ним, за того я выдам одну из трех моих дочерей, — сказал предводитель нартов.

Сосруко быстро вывел своего Тхожея:

— Я это сделаю, — сказал он и пустился за *<Шабатнуко>*. Обогнал его *<другой дорогой, встретил>* и поклонился. Уступил ему правую сторону, а сам поехал рядом, слева.

— Уа, наш гость, пусть исчезнут твои болезни, прошу тебя, не сочи недостойным, расскажи мне, откуда ты?

— Конечно, расскажу. Я и приехал для того, чтобы поведать, откуда я, и узнать, откуда ты. Другого дела у меня нет. Хоть ты однажды испугался, но за то, что теперь бесстрашно подъехал ко мне, хвалю тебя. Я отправился искать друга. Станем друзьями.

Решили они так и стали друзьями.

Стали они друзьями... но Сатаней-гуаша была колдуньей. «Он <однажды> победит моего сына, — переживает она. — Какую бы хитрость придумать?»

<Сосруко и Шабатнуко> были друзьями, вместе разъезжали; предводитель нартов не отдал за <Сосруко> свою дочь, как обещал, и вместе так вернулись они к Сатаней-гуаше. «Выпей моего напитка», — сказав, вот тогда она и поднесла Шабатнуко напиток, в который посадила змею.

У нарта Шабатнуко были стальные усы. Улыбнулся он из-под усов, змею убил усами, выпил махсуму и вернул чашу Сатаней.

— Я знала, что змея ничего не сможет тебе сделать, но хотела испытать твое мужество, потому поступила так, — сказала Сатаней.

Теперь Сосруко, Шабатнуко и Ерыхшу — третий с ними — едут к предводителю нартов.

— Ты сказал, что отдашь за меня свою дочь, вот и отдавай, — сказал Сосруко предводителю нартов.

— Отдам завтра вечером, — обещал <он>.

Сосруко, Шабатнуко и Ерыхшу были вместе. Предводитель нартов испугался их. «Им под силу одолеть нас», — сказал он и стал искалечь убежища. Забрали они все свое имущество, ушли ночью в горы и укрылись в пещере. Вход в <пещеру> завалили абра-камнем.

Сосруко собрал нартов и сказал:

— Отправлюсь на поиски <предводителя нартов>, я должен отыскать его. Кто поедет со мной? — когда спросил он, рядом с ним стал Шабатнуко.

— Нарт кличет трижды, и я зову еще раз, — сказал он, и рядом с ними стал Ерыхшу. Когда он позвал <нартов> в третий раз — не нашлось <никого>, кто стал бы рядом <с ним>.

Отправились они втроем на поиски <предводителя>. Нашли предводителя нартов, сидящего в пещере.

— Что теперь делать с ним? — сказали <они>.

— Обернусь над ними морозом, чтобы невозможно было здесь усидеть, — сказал Сосруко.

Ерыхшу сказал:

— Я превращусь во множество муравьев — не дам им покоя, чтобы они не знали, за что взяться, к чему притронуться, заем их <в пещере>.

— А я не выпущу выходящих и не впущу входящих. Буду сидеть у входа со стрелой наготове, — сказал Шабатнуко.

Так и сидят эти храбрецы. Сосруко обернулся морозом; обжигает мороз тех, кто сидит в пещере. Ерыхшу превратился во множество муравьев и заедает <сидящих в пещере>. Шабатнуко со стрелой наготове сидит <у выхода>. Те, что в пещере, с голоду умирают.

— Умрем, но не отдадим нашу дочь за сына пастуха коров. Пойди к Тлепшу, попроси его изготовить три стрелы — в кого бросишь, чтобы попадали, а в кого попадут, чтобы убивали, и принеси их, — сказал <предводитель> своей жене.

Женщина была колдуньей; прокралась она незаметно <мимо богатырей> и пошла к Тлепшу. Тлепш сделал <стрелы>. Когда она возвращалась со стрелами, увидел ее нарт Шабатнуко. Пустил он <свою> стрелу и выбил у нее из рук одну. С двумя другими стрелами она скрылась в пещере.

— Ты принесла две стрелы: в кого пустить эти стрелы? Кто из них страшнее? — когда спросил отец...

— Множество муравьев страшнее всего, — ответила жена, и пустили стрелу именем Ерыхшу. Рассекла стрела Ерыхшу пополам.

— Теперь пустим стрелу именем нарта Шабатнуко, — сказали и пустили *<стрелу>*, но упала она вниз и отскочила — не убила *<Шабатнуко>*. Для Сосруко не осталось стрелы.

И те сидят *<в пещере>*, и эти двое стоят *<у входа>*.

Сосруко отпустил Шабатнуко домой, а сам остался:

— Хватит того, какую услугу ты мне оказал, я один постою, — сказал *<Сосруко>*.

— Мы уже здесь умираем, и Сосруко не шевелится — умер, наверное. Шабатнуко жив, и он уезжает, Ерыхшу мы убили, — сказала жена *<предводителя нартов>*.

— Сосруко очень хитрый и коварный, наверное, он не умер.

Выходит *<жена предводителя нартов>* *<из пещеры>* и смотрит: Сосруко лежит, притворившись мертвым, а один из червей, *<что завелись>* на Ерыхшу, выползает изо рта Сосруко.

— Глупый старик! Ты хочешь, чтобы мы умерли в пещере? Он не шевелится, Сосруко умер, — сказала жена.

— Нет, не умер. Пойди к Тлепшу, пусть он сделает бурав, принеси его, — сказал *<предводитель нартов>*, отправил ее, и она принесла *<бурав>*.

— Просверли-ка буравом ступню и принеси мозг из его голени, тогда я узнаю, жив он или умер.

Подошла жена *<предводителя нартов>* к Сосруко, просверлила ему ступню, достала мозг из голени и доставила *<мужу>*. Понюхал предводитель мозг из голени.

— Не умер он, жив, как в первый день своего появления, — сказал муж.

— Глупый старик, ты лжешь. Я пробуровила ему ступню, а он даже не шевельнулся. Дай пробуровить тебе ступню и увидишь, больно или не больно, — не согласилась *<его жена>*.

— Ладно, попробуй, — сказал *<он>* и разрешил пробуровить себе подошву. Не вытерпев *<боли>*, «Наверное, умер Сосруко», — подумал *<он>*, взял свою мышцу и подошел к Сосруко.

— Уа, Сосруко статный, муж железнокий! Ты погубил настоящего мужа, ты погубил и себя самого. Где, о горе, найду я теперь тебя? — сказал *<предводитель нартов>*. Поддел он его кольчугу кончиком своей мышцы.

— «Сосруко умер», — говоря, тебя прислали добыть его шлем и кольчугу! — сказал, *<Сосруко>* вскочил и задушил предводителя нартов.

Потом взял себе в жены одну из трех его дочерей и вернулся домой.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-о. Пасп. № 6.
Исп. Гузер Хасанов: 1860 г.р., с. Псыгансу Кабардино-Балкарии;
кабардинец. Зап. 26.11.1949 г. З. Кардангушев. Перевод на русский
язык М. Бухурова.

Текст контаминированный: сюжеты о первом выезде нарта Пшибадиноко и испытаниях, о его сватовстве к дочери старого нарта, о богатырском побратимстве с нартом Сосрукко и женитьбе Сосрукко на дочери старого нарта.

...Много свершающий, Зло преследующий, Ничего в долг не берущий всадник – переведено условно, т. к. формула в тексте не поддается семантической реконструкции.

...И глядеть я не стал – в тексте оригинала: *пу нэлам* – букв.: плевок-проклятие. Здесь – не столько проклятие, сколько презрение.

Мыжуря (мыжурэ) – колющее оружие в ранних текстах, позже, с появлением огнестрельного оружия, – штык.

45. БЭДЫНОКЬУЭ БАЖАФЭР СОСРЫКЬУЭ КЬЫЗЭРЫФИХЬАР

Бэдынокъуэрэ Сосрыкъуэрэ щауэгъу зэхуэхъуа иужькІэ, зэдэшцІуэну гъусэ зызыхуашГауэ сыйт щыгъуи зэшцІуэгъухэт. Я шитГу зытесхэри, я хытГу я гъусэхэри зэхуэдэхэт. Мэз бжэну ялъагъури и пІэм ирагъэкІыртэкъым.

«Сосрыкъуэ, щакІуэ дыгъакІуэ», – жиIэри, зы махуэ гуэрым Бэдынокъуэрэ Сосрыкъуэрэ щакІуэ зэдэйдэкІахэш. Мэз лъещІэхум къышцІэкІыжахэу зы бажэ гуэрэ щалъагъум, Сосрыкъуэ «хыйт» жиIэри хъэхэр бажэм ириутГыпщащ. Бэдынокъуэ и хъэри Сосрыкъуэ и хъэм щыгъуу ильхахэш.

<...–?>

– Пщцэр сыйт, Сосрыкъуэ, "Фэхум бажэр къихъэмэ, хъэхэм яубыдынш", – жыхуэпІэу мэzym щхэ щІэбгъэльэдэжа? – жиIаш Бэдынокъуэ.

– Ар пхэнжу умылтьытэ, Бэдынокъуэ, – жиIаш Сосрыкъуэ, – пщддей дыкъакІуэмэ, а бажэр шэч хэммылту къэдубыдынш. Нобэ дишхэр езэшахэш, зедгъэгъэпсэхунш. Дэ нэгъуэщІышхэм дакъытетГысхъэнши дыкъыдэкІынш.

Пщддджыжым Щэбэтыныкъуэ зы шыжь гуэрым шэсри бажэр зыхыхъэжа банэм екІуэлIаш. Сосрыкъуи и Тхъуэжьеим тесу, лъэрэзэу къэсаш. Абдежым щытхэу, бажэр мэз лъашІэхум къыхэжауэ ялъагъури шыуитГыр кІэлъежъяхэш. КІэлъежэжья щхэкІэ, Тхъуэжьеир жэрт, Бэдынокъуэ зытесыр еzym и шырг аратэкъым, нэгъуэщІ шыжь гуэрт. Сосрыкъуэ тежри бажэр мэз къуагъым къуигъэзыхъаш. Хъэхэм бажэр яубыдри, Сосрыкъуи бажафэр трих пэтэрэ, Бэдынокъуэ нэсри бгъэдыхъаш:

– Тхъэм уигъэпсэуи, бажэр бгъэкІуэжакъыми, – жиIаш Бэдынокъуэ.

– ЗыкIи уи Iуэху хэлъкъым, бажэр сэрщ зыбыдар, – къыжыриIаш Сосрыкъуэ.

– Махуэ къэси дызэдошакІуэ, димызэхуэдэнумэ, абы щыгъуэ сыйт папшцІэ дызэгъусэн? Дишхэм я фIагьи зэхуэдэш, ди хъэхэм я фIагьи зэхуэдэш, сэ сиц сыйтесатэмэ, уэ си япэ укъишины-

тәкъым. Ар жыпIэнүти, аращ «НәгъуәшI шыжь гуэрхэмкIә дыкъыдәкIынщ, дишхәм зедгъәтпсәхунщ», – щIыжыпIар. Нарт хабзәкъым <ар>, Сосрыкъуә, – жиIаш Бәдинокъуә.

Нарт лIыхъуитIыр зэхүэгубжъахәш. ЩакIуә гуэр япэмыйжыжъэу щытти, нартитIыр зэрэзәштыхъар щызэхихым, къакIуәри, бажафәм теввәри жиIаш:

– Иджы, фызыхуәкIуаү слъагъумкIә, фә тIум фи язми мы бажафәр естынкъым, нәхъ щагъуә къехъулIаү къэзыIуатәм естынщ, – жиIаш нарт щакIуәм, и шабзәр зэIуидзәри.

– Бажафәр Iәрыхъэмэ зыфIигъуэр Сосрыкъуәци, япә <абы> къыжырыреIә, – жиIаш Бәдинокъуә.

– Бәдинокъуә, уә япә къызжыIәххи, итIанә сә бжесIэнщ, – жиIаш Сосрыкъуә.

– Бажафәм себләу аркъым сә, ауә щауә цIыкIу къалъхуам джәдигу цIыкIу хуашIаү пцампIапхъәкIә къысцыгугъхәм яхуэсхыны къэзгъәгугъяти арш, – жиIәри къыригъәжъаш Бәдинокъуә... – Зы маҳуә гуэрим мәз бжәнүр бәүә хәсу мәз гуэрим щакIуә сыкIуәрт. Ауә шыпәрышәу сыздәкIуәм, дыщә джәд гуэр пабжъэм хәту слъэгъуаш. «Мыр слъэгъуаш», – жысIәкIә, нартхәм я фIещ хъункъым, мыр сыту джәд гъәшIәгъуэн!» – жысIәу сыздәштым, джәдигу нәхъ спәблагъеу къызәкIуәлIаш. «Сеуэнщи сыкIынщ», – жысIәу шабзәр щызәIуздзәм, джәдигу си пащхъә дыдәм къильәдаш. Къезубыдыну сышыкIәльбыIәбәм, лъерикIуәкIә ежъәжри, сәри сыкIәльъежъаш. Сә лIышхуәр джәдым сылъәшIәмыхъәу хъунт – къезубыдыным хуәдәу сышIыхъәрт, сеIәбыхмә, джәдигу сIәшIәльъетыжырт. Апхуәдәу сзыкIәльтиш<ә>урә, къурш лъапә гуэрим есхулIәри, джәдигу къурш лъапә гъуанәм ихъәжаш. «Нобәрей маҳуәм зи ужъ сита дыщә джәдым къырикIуәр сымылтъагъуу згъәзәжынкъым», – жысIәри сәри сыкIәльбыщIыхъаш а къурш лъапә гъуанәм. Си шабзәр гъунә нәIум къыIузнәри сә сехащ. Лъагъуә гуэрим сытету сыкIуәурә, Iуашхъә щагъым мәз щыслъәгъуаш. Мәзу щыслъәгъуам игузэгум фәху хъурей гуэр иIәу, абы унә хужышихуә иту слъэгъуаш. СыкIуәри унәм сышIыхъаш. Пращә дахә дыдә гуэр медәрим хәсу щысти, дыщә джәд щIәльәдәжам Iә дилтъәри еупщIаш:

– Нобә узымыгъашхәу укъезыхуәкIуурә уезыгъәшар хэт? Си джәдигу нобә зымыгъашхәу къезыхуәкIар уэрауә къышIәкIынщ, – жиIәри сыкъышцилтъагъум, къызәупщIаш пращәр.

«Сәркъым», – схужыIакъым. «Сәрш», – щыжысIәм, пращәр тәджри, щIопщ фIыцIә кIагуә гуэр пылъти, къыпихащ. «Шыбз ухъу!» – жиIәри къышызәүәм, шыбз сыхъуаш. КIуә иджы, унәм щIәтынт шыр, унәм сыкъышIәкIри, фәхум шы гуартә итти, сахыхъаш.

Шым сахәтурә гъатхәр къышысым, хакIуәхәр яутIышаш. ХакIуәпщIә-хакIуәпщIәурә шы гуартәр щагуәшым, я нәхъ хакIуә бәлыхъым ирата хакIуәпщIәм сыхэхуаш. СызәрыцIыхури соцIәж, си акъылтри сиIә щыхъәкIә, сышыбзщ. ХакIуәу сзыыхуагъәзар тхъуә тхыф[п]цIәт. Илтәс щырикъум, шым шыщIә къильху хабзети, шыщIә къәслъхуаш. А илтәсым шыщIәр спIаш. ЕтIэнәрей илтәсми а хакIуә дыдәм и хакIуәпщIәм сыхэхуәри етIуанәуи шыщIә къәслъхуаш.

«Хъункъым мыр, унэм сыцЫыхъэнци, мы хъэбз удым сеуэнци сүукЫинц», – жысІери сыщыкІуэм, а къамышы қIагуэр къиштэри, «Хъэджафэ хъэбз ухъу!» – жиІери къызэуаш.

ЗэрыжиIам хуэдэу, хъэджафэ хъэбз сыхъуаш. Си Іуэхур нэхъыкІэ хъуаш. Ипэу[m] удз схъуэкІурт, иджы хъэхэм садэшхэн хъуаш. Шыхъуэм хъэхэр я гъусти, зы ны[э]бгъэф хуаукIаш. «Шылтыр сихынкъым, хъэхэм садэшхэнкъым», – жысІа щхъэкІэ, гъаблэм сигъалІэ хъури... «ЗызгъэлІэнкъым, мы хъэхэм яшхыр сихынц», – жысІери, си Іупэр нээммыгъэсу сыххэ хъуаш. Лы цЫинэм сесэри, хъэхэм зэрашхым хуэдэу дэгъуэу сихы щыхъум, пшэр сыхъуаш. Ауэрэ хъэхэм сахэтурэ, хъэпширитIи къэслъхуаш. ХъэвитIыр спыуэрэ уэд сашIаш.

«Мы хъэвитIми саухыу, хъэми садэшхэу хъункъым», – жысІери хэку сыкъыздиkIам сыкъэкІуэжаш. Мэлыхъуэхэр гъуэгушхъIум Iутхэу, тIэкIуи саңышынэу сакъыбгъэдыхъаш.

«Мы хъэджафэр уэдыIуэш, армыхъумэ хъэджафэ дахэт», – жиІери я нэхь щIалэ Iущу хэтэм сзыришэлIаш. Алътмаkъым къырихри, хъэлыгъу тIэкIуи лы гъэжья тIэкIуи къызитри сигъешхаш. Пыыхъещхъэ щыхъум, щIалэм и пIэ лъапэм гъуэлтыпIэ щысхуицIри, жэшым сыщылъаш.

Мэлыхъуэ щIалэм дэгъуэу сигъашхэу сиIыгъыурэ, пшэр сыхъуаш – фы сыхъужаш. МахуэкІэ мэлыхъуэм сышIыгъуу, мэз бжэну слъагъум лъэбакъуэ езмыгъэкIуу къэзубыду сыхъуаш. Бжэнри нэм къызыщилъагъум изгъэкIыртэкъым, щыслъэгъуа щIыпэм къышызубыдарт. Дыгъужь слъагъуми, сIэнцIэкIыртэкъым – субыдарт. Апхуэдэу мэлыхъуэм сыригъусэурэ, цЭрыIуэ сыхъуаш. Гъэр апхуэдэурэ икIри, бжыхъэри къэсаш.

– Иджырэ хуэдэ бжыхъэ пшагъуэм жэшитIым и ещенэм дыгъужьышхуэ гуэр къокIуэри си мэлхэр ехь, ешх, ар мыхъуватэмэ, си мэлхэр бэгъуэнут. Араш, си хъэ джафэжь, си мэлхэм яхэзымыгъахъуэр. Иэмал иIэмэ, дыгъужьыр схуэтхъэлэ! – жиІери мэлыхъуэ щIалэр къызэлтэIуаш, жиІэр зэрызэхэсщIыкIырг ищIерти.

Чэт щIыбым хъэуазапIэ щысхуицIри сигъэгъуэлъаш. Абдеж сыздэшылъым сыплъэри дыгъужьышхуэр пшагъуэм къыхэкIауэ къякIуэу слъэгъуаш. Къэсри и жъэр ущIауэ хъэмбыIуу къэтIысаш. Сыкъыхуильмэ, и жъэм сижъэдхуэу сиIыхынкІэ сышынэри, сышышынэ хуэдэу си кIэр дэзупIауэ сибгъэдыхъэри, уашхъуэдамашхъуэу зыкъездээкIри дыгъужьым сиIыхъэжэлъаш. И къурмакъейр субыдри стхъэлаш. Си гъуэлтыпIэ сиIыхъэжри жэшым сышылъаш.

Пыцэддэжыжым мэлыхъуэр къышысым, мэлхэри псэууэ, дыгъужьышхуэри лауэ щыльту ильэгъуаш.

«Си насып тебгъакIуи, хъэджафэжь!» – жиІери щIалэр гуфIаш. И шабзэ дридзэйри къуажэр къришэлIаш. Дыгъужьыр хъэм зэритхъэлар зэхуэсахэм ягъэшIэгъуаш.

«Дыгъужь щыщымыIэжкIэ, иджы ди апэкIэ си мэлыйр бэгъуэнц», – жиІери мэлыхъуэ щIалэм сигъэфIаш – мэл пшэр схуицIаш, и деж сиIыхъэжу сышыIэ хъуаш. Апхуэдэурэ, мэлыхъуэ щIалэм и деж сиIыхъэжу сышыIэу, зэгуэрим... «Уи хъэр хъэхуу

ептыну къольтэйу къуажэ тхъэмадэр», – жаіери зи деж сыңылә мәлыхъуэ щаләм къыхуәкіуаш.

«Сә тхъэ соіуә, а си хъэм езым хуәдиз дыщә къызатми, зы маҳуә палъәкіә цыхум езмытын!» – яжриіри иутыпшылашәш.

Кіуәжхәри: «Къыдитакъым», – жыралаш къуажэ тхъэмадәм.

«Тхъэ соіуә, фіәфі-фіәмыйми, къызитыным!» – жиіри, къуажэ тхъэмадэр губжыри, и пшәрыхъ и гъусәу, мәлыхъуэ щаләм и деж къәкіуаш.

– Си щалә, уи хъэр маҳуитікіә хъәхуу къызэт! – жиілаш къуажэ тхъэмадәм.

– Маҳуиті палъә дәнә къәна, маҳуә ныкъуә и палъәкіә естыну цыху щыләкъым.

– Апхуәдәу жумылә, щалә, къызэт! – жиілә щхъәкіә, сыңыримытым, къуажэ тхъэмадэр щаләм къеуәри, къыриудри, сишәри кіуәжаш.

Къуажэ тхъэмадәм щалә игъуэтыху къес, къышалъхуа япәрәй жәш дыдәм дыгъужь къакіуәти щалә цыхкүр ишхырт. «Мопхуәдә мәлыхъуэ щаләм и хъэм дыгъужь къеубыд», – жаілу къуажэ тхъэмадә <м> зәхихати, арат сыңғашар.

Жәшым унәм сыңғашәри, щхъәнтә ягъетілътиры сытрагъәгъуәлъхаш.

«Къуажэ тхъэмадәм къуәуә игъуэттыр дыгъужь гуәрим ехъ, иумыгъәхъ», – жаіри, щалә цыхкүр къахыри си щыбагъ къыдалъхаш.

Дыгъужыр къесри, жыбыгъәм хуәдәу, унәм къыңғельәдаш. Гущәпсыр зәпиудри, щаләр ипхъуатәри ирихъәжъаш. Сыхъеякъым. Лыжъ гуәр къыңғыхъәри... «Уи бзаджәр ишх укъәзышам!» – башкіә уәкілейуә къызәуаш.

Унәм сыкъыңғельәжри цыхухәр, хъәхәр зыдәжә лъэнүкъуәмкіә сәжәжъаш. А псоми сатежри сылжәурә, дыгъужым сыңғыхъәри субыдаш. И къурмақъейм зыңғельәзәри щаләр къыхыфіезгъәдзаш. Счәтхъәну сыңыхуежъәм...

– Сумытхъәлә, Бәдынокъуә, зы маҳуә ягъуә гуәрим сыкъыпшхъәпәжынщ, уәри удәхуәхаш, сәри сыдәхуәхаш, – жиіри къызәлтәГуаш.

Сигъәукійтәри, дыгъужыр сутыпшылаш. Щалә къезгъәлам сыбгъәдәсу сыңысу, къәпхъәрахәм япә ит шур къесаш. Къесри, и шабзәр дыридзейри къуажәр къызәхуигъәсащ. «Сыту гъәштәгъуән, сыту гъәштәгъуән, щаләр къыригъәгъәннаш», – жаіри гуфлашәш. А маҳуә зытпүшым сағъетхъаш. Абы иужылә сағъәшхәжакъым, уәд сыдәхуәхаш. Кіуә, къуажэ тхъэмадәм хъэр сыткіә къыфіәуәхунт – зыкі сыкъильтытәжакъым.

Шын щхъәкіә гугъуехъ къыңыслысым, сигурә си щхъәре зәбгъәжри, губжыыгъә къыстехъәри, зыжесіләжаш:

– Сыкіуәнци мы хъәбз уд мыр къызәзыштар стхъәләнщ.

Сежъаш. Къурш лъапә гъуанәу сызәрыхъәгъам сыңылұхъәм, зы лы къуапціә әпшәгъуә гуәр Іуту сытпушлаш.

– Ихъ, Бәдынокъуә, «Зы маҳуә ягъуә гуәрим сыкъыпшхъәпәжынщ», – жыхуәлар иджы нобәр арш. А уздәкіуәр сә соңғә, аршхъәкіә узәрыкіуә щыкіәр кіуәкіә пхуәхъуну шыткъым. Сә зәрыжысіләм хуәдәу зекіуә! – къызжилаш а лы къуапціәм.

Сыкъэпсэлъэн слъэмымыкIа щхъэкIэ, къызжиIар зэхэсцIыкI-ри си гуфIаш. Си дзэр къыIузгъэпсри, си кIэр дэзупшIэри сеувэлIаш.

— А пщащэ щхъухъышIэр махуэ къэс ежьэу, дэкIыу Ѣыткъым. Ар ѢыдэкI махуэр бэрэжье махуэш. А махуэм зыхуэгъази унэм Ѣыхъэ, Ѣопшыр къыпыхи: «Сызэры-Бэдынокъуэ сыхъуж!» — жыIи, дзапэкIэ убыди зэуэж, — къызжиIаш.

А махуэ палъэ къызжиIам зыкъухуэзгъазэри сиIуаш. Пщащэр унэм зэрикIыу, сицIыхъэри Ѣопшыр къыпыхсащ. Си дзапэ дэзгъанэри: «Сызэры-Бэдынокъуэ сиIгъехъу!» — жыIэри сиIзэуэжащ. Сыхъужащ. «Уэху-уэху!» — жыIэри тыншу сиIбэуэжащ.

ЩIопшыр сиIгъыу бжэкъуагъым сиIкъуэту, пщащэр къыцIыхъэжащ. ЩIопшыр пымылтыжу Ѣилъагъум, мэхри жэхафэм техуащ. СиIэбэри пщащэр къэзгъэтэджыжащ:

— Уэ узалым щхъэкIэ, сэ сиIзалымкъым, IуэхугъуитI пхуэзгъэувиныщи, яхэдэ: мы ѢопшыимкIэ соуэмэ, птесIуэр къызэрыпшыцIынур пшIэжмэ, «Кхъуэхъу сэкIа ухъу!» — жыIэу узутIыпшыжрэ фызу укъыздэкIуэу хъэлэлу укъысцIыгъунрэ — язу узыхуейр къыххэ! — жыIаш.

— Фыз сиIпхуэхъунц, — жиIэри къызэльэIуаш. — Сэ жын хужь паштыхым сиIрихъущ, жыным сирапаштыхыщ, ди адэр лIэри, сэ паштыхыгъуэр къысхуэнаш.

ИтIанэ сиIришажъэри, къурш лъапэм зы шэц гуэр ѢэтIыкIауэ, сиIришэлIаш. Бжэр Iутхыу дыщыцIыхъэм, гу Ѣэтым хуэди, а гум ѢашIэ хакIуэ къаритI Ѣэтым хуэди си ныбжым сиIмылтэгъуаэ гъэшIэгъуэнт. ЗгъэшIэгъуаш.

— Дыщэ-дыхыну сиIэри ирикъунц, «Иджы дыкIуэжынц», — жыIэмэ, сэр щхъэкIэ къэнэнкъым, — жиIаш, и мыльку-фIыгъуэхэр псори зэкIэлъыкIуэу къызигъэльэгъуа иужь.

— ДыкIуэжынт, ауэ мы зы бжэ закъуэм и нэмьшI ѢэтIыжыпIэ иIэкъым. Мы гури, мы шыхэри, мы фIыгъуэ куэдри дауэ мыбы Ѣэтшын? — жыIэри сеупшIаш.

— Ар Iуэхукъым, абы дызэрыдэкIыжын гъуэгу иIэш, — жиIэри, къуршхэр лъэнныкъуитIу зэIуигъэкIри, гъуэгу заншIэ дахэ дэкIыу ишIри дуней нэхум дыхигъэплъаш.

НыбгъэфитI къэслъхуаэ Ѣытгъяар я ѢыпIэ иувати, зым сэ сиIкъэшэсш, адрейр Iэдэжу къызыбгъурызубыдэш, хъэ джафитI къэслъхугъари си гъусэу, зэужь пщащэри и мылькури къесшажъэри сиIкъежъэжащ.

ДыкъакIуэурэ дунейми дыкъытехъэжащ. Апхуэдэурэ дыкъакIуэурэ ди Ѣы гъунэм дыкъыщысм, зэужь псори къэзгъэувиIэри, сэ ди хэкум сиIкъихъэжащ. Арыххэти, ди къуажэ гъуэгу ѢхъэIум Iут кхъужье жыгыжым и Ѣагъым мэлыхъуэ гуэр Ѣэсу сиIушIаш.

— Дэнэ къуажэ укъикIа? — жыIэри сеупшIаш.

— Сосрыкъуэ и къуажэ сиIкъикIаш, — къызжиIаш.

— АтIэ, нэхъыжу дэсхэм сиIт къапсэлърэ, сиIт яIуатэрэ? — жыIэри сеупшIаш аргуэрү.

— «Бэдынокъуэ димыIэжу Сосрыкъуэ дыкъыщыхуэнакIэ, ди къуажэгъэр къуэтлъхъэжащ», — жаIэ, — къызжиIаш мэлыхъуэм.

— Абы Ѣыгъуэм, сэ мэлым сиIпэртынц, уэ кIуэжи: «Бэдынокъуэ къокIуэж», — жаIэ, — жыIэри згъэкIуэжащ.

Щалэр кІуэжрэ пэт, Сосрыкъуэ гъуэгу щхъэІум къышыхуэзэри: «Сыт зэхэпха, сыт плъэгъуаэ шцІэрэ жыпІену, щІалэ?» – къеушцІаш.

– Зы лыхъу гуэр кхъужьеижъ щІагъым къышцІыхъэри: ««Бэдьинокъуэ къокІуэж», – жыІи Іуатэ», – къызжиІэри сыкъигъэкІуэжа, – жиІаш щІалэм.

Щалэр нэсныжри нартхэм щахуїуатэм, си щІапІэр пабжъэу зэшцІэжати, еувалІэхэри ягъэктэбзащ, зэлтыІуахащ. Нартхэр къыспежъэри си унэ сырашэлІэжри, унагъуэу сыйцызыжащ. Нарт^{<у>} къыспежъам я шы зырыз естащ. Япэу си деж къесу къыспежъар Сосрыкъуэш.

«Фioxъусыж, Бэдьинокъуэ!» – жиІэу Сосрыкъуэ къышцыым, «Яхэдэ, Сосрыкъуэ», – цыжысІэм, шытхъуэ Іэдэжыр хихащ, зы хэ джафэри естащ. Иджыри мы Сосрыкъуэ зытес Тхъуэжьеир сэ къэслъхуаэ щыта, шыпІэ иувэу къыз^{<э>}дэсшагъитІым языр арш. Мы хэ джафэри сэ къэслъхугъа хытІым язырш. Щауэ цыкІу зыхуэзгъэта фызи жын хужь паштыхым и пхъур арш, – жиІэри Бэдьинокъуэ и таурыхъыр иухащ.

– Сосрыкъуэ, иджы уэ къышыІэ, – жиІаш бажафэм тет щакІуэм.

– Хэ джафэ дэгъуэхэр си гъусэу щакІуэ сыкІуат, – жиІэри къышцІидзащ Сосрыкъуэ. – ТхъэкІумэкІыхъ гуэр къыхэсхури сыкІэлъежъащ. ТхъэкІумэкІыхъыр хъэхэм ирахужъэри ягъэпщащ. «Ар зыщцыпІи кІуэжынкъым», – жысІэу сышыту, гъэпсэхуаэ лъакъуипІ и тхыщцемкІэ къыпхыкІыкІри, зыкъызэридээкІри щІэпхъуэжащ, хъэхэми яхуэмыбуыду ялэшцІэкІаш. Фэхум Іуащхъэ закъуэ гуэр итти, ежалІэри щІэлъэдэжащ. Пхъэ гуэр къасштэри гъуанэм сипыджа щхъэкІэ, ^{<сы>}нэсакъым.

Бжэ иІэу къэзгъуэтри Іуащхъэ щІагъым сышцІыхъащ. ИжырабгъумкІэ хъэдэ къупшхъэ куэд етхъулІауэ, я зэхуакумкІэ гъуэгу псыгъуэ к'ыхъ дэкІыу слъэгъуащ. «МыбыкІэ тхъэкІумэкІыхъыр ирикІуауэ къышцІэкІынш», – жысІэу сышыкІэлъежъэм...

– ПцЫщ, пцЫщ, Сосрыкъуэ, жумыІэ абы фІэкІа. Бажафэм уи Іуэху хэлъкъым, – жиІэри, нарт щакІуэм бажафэр къиштэри Бэдьинокъуэ иритащ.

Арыххэти, Бэдьинокъуэ Сосрыкъуэм бажафэр къыфІихъащ.

КАК БАДИНОКО В СПОРЕ ОТОБРАЛ У СОСРУКО ЛИСЬЮ ШКУРУ

После того, как Бадиноко и Сосруко стали *шаогами*, они стали вместе охотиться, всегда охотились только вместе. И кони, на которых они сидели, и собаки, которые были с ними, – все они были равными *<во всем>*. И косули, которых они заприметят, с места, где их увидели, не могли сойти.

Однажды по призыву Сосруко они выехали вдвоем на охоту. Когда, миновав светлый беззарослевый лес, они приметили одну лисицу, Сосруко произнес: «хит!», и выпустил на лисицу двух собак. Собаки Бадиноко тоже понеслись вместе с собаками Сосруко. *<...–?>*

— Что ты делаешь, Сосруко, почему ты дал лисице убежать в лес, зная, что собаки на открытом месте смогут ее поймать? — воскликнул <возмущенно> Бадиноко.

— Не считай, что это вопреки, Бадиноко, — ответил Сосруко, — как мы завтра приедем, мы эту лисицу наверняка поймаем. Сегодня эти наши кони притомились, дадим им отдохнуть. Завтра пересядем на других коней и приедем снова сюда.

Наутро Шабатыныко (*так в тексте — перев.*) сел на другого невзрачного коня и приехал к колючим зарослям, в которые вчера убежала лисица.

Сосруко тоже явился — на своем Тхожее, гарцуя.

Стоя там, всадники увидели, как лисица выскочила из светлого беззарослевого леса, и пустились следом за ней. Пустились-то они пустились, но Тхожей был быстрый, А Бадиноко сидел не на своем коне, а на каком-то другом, невзрачном. Сосруко обогнал его и загнал лисицу в ловушку. <Борзы> собаки поймали лисицу, и Бадиноко подъехал, когда Сосруко уже снимал лисью шкуру.

— Дай Бог тебе жизни, ты не позволил лисе убежать, — сказал Бадиноко.

— Никакого тебе дела до этого нет, лисицу добыл я, — ответил ему Сосруко.

— Мы каждый день охотимся вместе, и если добытое нами не будем делить поровну, тогда зачем нам вместе ездить? Кони наши по силе равны, собаки наши по силе равны: сидел бы я на своем коне, ты бы меня не опередил. Чтобы сказать это, что ты сказал <сейчас>, ты вчера предложил: «приедем на других конях, нашим же дадим отдохнуть». Не по-нартски это, Сосруко, — упрекнул Бадиноко.

Нартские герои тут распалились друг против друга. Неподалеку был один нартский охотник, и он, услышав, как два нарта бранятся, подошел и наступил ногой на лисью шкуру:

— Как я вижу ваши отношения, я ни одному из вас <просто так> не отдам эту лисью шкуру. А отдам я ее тому, кто расскажет о более удивительном, что с ним произошло, — сказал так нартский охотник и подготовил свой лук со стрелой.

— Получить лисью шкуру больше желает Сосруко, пусть он и начинает, — предложил Бадиноко.

— Бадиноко, лучше сперва ты расскажи, а потом я тебе расскажу, — сказал Сосруко.

— Не потому, что мне нужна лисья шкура, но я обещал, что я раздобуду добрый воротник к шубке, которую сшили новорожденному мальчику, и в этом на меня надеются, — начал свой рассказ Бадиноко. — Однажды я ехал на охоту в сторону леса, где было полно косуль. Но когда я шел, ведя коня на поводу, я приметил в кустарнике чудную золотистую курицу. «Если я расскажу, что такое видел, нарты мне не поверят, какая это чудесная курица!» — пока я так думал, она подошла ко мне ближе.

«Возьму и пристрелю ее», — когда я с этой мыслью положил стрелу на лук, курица подбежала прямо ко мне. Когда я потянулся, чтобы ее поймать, она побежала от меня по земле, и я двинулся за ней. Я, здоровый мужчина, разве не должен был ее догнать, я ее

настигал так, что можно бы и поймать ее, но стоило мне нагнуться, как она упархивала от меня. Вот так ведя меня за собой, *<она бежала>*; я гнал ее до **какого-то подножья горы**, и она *<там>* юркнула в лаз у подножья горы. «Не поверну домой, пока не узнаю всего, что стоит за этой золотой курицей, за которой я гонялся сегодня весь день», – решил я и спустился следом за ней в тот проход. Оставил свой лук возле входа и спустился вниз. Идя по какой-то тропе, я увидел под курганом лес. На опушке того леса, я увидел круглую поляну, а посередине ее – большой белый дом. Направился я туда и вошел в дом. Там сидела прекрасная девушка, посреди обрезков золотой ткани, она погладила вбежавшую к ней золотую курочку и спросила ее:

– Кто это за тобой весь день гонялся и не дал тебе поесть? Не ты ли это тот, кто сегодня гонялся за моей курочкой, не давая ей поесть спокойно? – спросила она увидев меня.

Я не посмел сказать «Не я». Когда я сказал, что это я, девушка встала, сняла висевшую на стене черную короткую плетку. «Будь кобылицей!» – когда она так сказавши, ударила меня, я превратился в кобылицу. Ну вот, должна ли лошадь находиться в комнате? Я вышел из дома и присоединился к табуну, который пасся на лугу.

Так, я находился с лошадьми до весны, и с ее наступлением в табуны пустили жеребцов. Когда табун стали делить на косяки во главе с одним жеребцом каждый, я попал в косяк лучшего из жеребцов. Я сознаю, что я человек, но в то же время я кобылица. Жеребец, к которому я попал, был масти серой с темной спиной. Как водится, через год лошадь должна ожеребиться, и у меня родился жеребенок. Год я выкармливал жеребенка. На следующий год я снова попал в косяк того же жеребца, и у меня родился второй жеребенок.

«Так дело не пойдет, пойду я в этот дом и убью суку-ведьму», – решил я и направился к дому. Она же взяла ту самую плетку и стегнула меня, сказав: «Будь борзой сукой!».

Как она сказала, так я и стал борзой сукой. Дела мои стали еще хуже. Раньше я щипал траву, а теперь надо было есть вместе с собаками. Собаки сопровождали табунщиков, и *<однажды>* им забили одного годовалого жеребенка. «Не стану я есть конину, не стану есть вместе с собаками», – решил, было, я. Однако голод стал одолевать, и я подумал: «не умрую себя голодом, буду есть, что собаки едят». И начал я есть, но так, чтобы не замарать губы. Я привык к сырому мясу, и когда начал есть так же, как другие собаки, я поправился. Так, находясь в среде собак, я ощенился двумя щенками. Пока я их вскармливал, я снова исхудал.

«Так не пойдет, чтобы эти щенки меня доконали, да чтобы я с собаками питался», – решил я и возвратился в тот край, из которого я *<в свое время>* уехал. На обочине дороги я встретил там чабанов и с опаской приблизился к ним.

«Эта борзая слишком исхудала, а так она прекрасная борзая», – сказал один наиболее сметливый парень и подозвал меня к себе. Он достал из котомки немного хлеба и немного жареного

мяса и покормил меня. Вечером парень устроил мне место у своих ног, и я там переночевал.

Молодой чабан хорошо меня кормил, хорошо содержал, и я набрал тело, стал хорошей собакой. Днем я был рядом с чабаном, а стоило мне увидеть косулю, я ее ловил, не дав ей и шагу ступить. И козы не могли покинуть места, где я их увидел — я их ловил прямо на том месте. И волки не могли уйти от меня, я их тоже ловил. Так, находясь у того чабана, я стал известным.

Вот так прошло лето, и наступила осень. <И однажды мой хозяин сказал мне:>

— Вот в такой осенний туман, через две ночи на третью приходит сюда один огромный волк и уносит моих овец, поедает их. Не будь этого, мои овцы бы умножились. Вот кто, моя добрая борзая, не дает умножиться моей отаре. Если только можешь, придуши мне этого волка! — попросил меня молодой чабан, зная, что я понимаю человеческую речь.

Он принес соломы и постелил ее мне за оградой кошары. Лежа там, я присмотрелся и увидел, как огромный волк вышел из тумана и направляется сюда. Подошел он и, разинув пасть, присел на задние лапы. Я побоялся, что выступив открыто, я попаду ему в пасть, и он меня сожрет. Поэтому я притворился, что я его боюсь, поджал хвост и робко стал рядом, а затем неожиданно развернулся и набросился на него. Я ухватил его за глотку и придушил. Улегся я на свою лежанку и всю ночь там пролежал. Наутро, когда чабан пришел, он увидел, что и овцы его целы, и волк лежит мертвый.

«Ты, добрая борзая, осчастливила меня!» — воскликнул он, радостный. Пустил он свою стрелу вверх и собрал все село. Собравшиеся подивились тому, что собака одолела <такого огромного> волка. «Раз уж того волка больше нет, мои овцы умножатся», — решил молодой чабан и в награду зарезал мне жирного барана, стал с тех пор еще лучше ко мне относиться. Так я благоденствовал у того молодого чабана, но однажды приходят к нему и говорят: «Тхамада нашего села просит у тебя одолжить на время твою собаку».

— Я клянусь, что если даже мне дадут столько золота, сколько эта собака, [...] золота велечиной с эту собаку] я ее и на день не отдам никому, — сказал он, так и проводил их.

Возвратились они и передали тхамаде села: «Не дал», — сказали.

«Богом клянусь, нравится это ему или не нравится, а отдаст!» — сказал тхамада села, рассердился и в сопровождении своего подручного приехал к молодому чабану.

— Сын мой, одолжи мне твою собаку на два дня! — попросил он молодого чабана.

— Не то что на два дня, нет человека, которому я бы отдал ее сроком на полдня.

— Не говори так, парень, отдай, — хотя так просил <тхамада села>, но видя, что тот не отдаст, он ударил парня, сбил его с ног, забрал меня и ушел.

Всякий раз, как у тхамады села рождался ребенок, в первую же ночь после его рождения являлся волк и съедал младенца. Вот

тогда и прослыпал тхамада села: «Собака такого-то может ловить волков». Вот поэтому он и забрал меня к себе.

На ночь меня ввели в дом, положили подушку и позволили мне улечься на ней.

— Всех мальчиков, которые рождаются у тхамады села, похищает какой-то волк, не дай ему этого сделать, — сказали мне, привнесли младенца и положили позади меня.

Явился волк, словно ветер в комнату ворвался. Разорвал он лямки на колыбели, схватил младенца и унес. Я с места не сдвинулся. Вошел какой-то старик и, сказав: «Кто тебя сюда привел, тот пусть съест твоего помета», —狠狠地 ударил меня палкой. Я выскоцил из дома и понесся в ту сторону, куда бежали люди и собаки. Обогнав их всех, я несся за волком, пока не настиг его. Я вцепился ему в горло и заставил бросить младенца. Когда я решил растерзать его...: «Не души меня, Бадиноко, в трудный день я тебе пригожусь, ведь и ты в трудном положении, я тоже в трудном положении», — сказав, попросил меня он.

Смутил он меня, и я отпустил волка. Первый всадник из преследующих подскакал, когда я сидел спокойно возле спасенного младенца. Подскакал он, пустил стрелу вверх и созвал все село.

— Какое чудо, какое чудо, он принудил *<волка>* бросить младенца! — говорили радостно все.

В эти два-три дня меня кормили до отвала. Ну а после меня уже не так кормили, и я *<со временем>* исхудал.

Когда голод стал меня одолевать, я пал духом, разобрало меня зло, и я сам себе сказал: «Отправлюсь я к той суке-ведьме, которая со мной такое сотворила, и задушу ее». Отправился я *<в дорогу>*. Когда я подошел к лазу у подножья горы, я встретил там какого-то смуглого мужчину с *желтым* [широким-?] запястьем.

— Ага, Бадиноко, тот день, про который я говорил «в трудный день», это нынче, сегодня. Я знаю, куда ты направляешься, но как ты идешь — это не то, что надо. Поступи так, как я тебе скажу! — сказал мне этот смуглый мужчина. Заговорить я не мог, но сказанное им я понял и тому обрадовался. Я оскалился и стал с ним рядом, поджавши хвост.

— Та девушка-кудесница не каждый день выходит и ходит по свету. Она выходит из дома только по средам. Вот на тот день ты попади, проберись в дом, сними *<со стены>* плетку, возьми ее зубами и хлестни себя со словами: «Оберни меня в того Бадиноко, каков я и есть!» — вот так он сказал.

Я выбрал время, чтобы попасть на тот день, который мне был назван, и отправился туда. Как только девушка ушла из дома, я проник в дом и снял плетку. Я закрепил ее в зубах и, сказав: «Сделай меня тем Бадиноко, каков я и есть!», стегнул себя. И я обернулся [принял свой прежний облик]. «Ох-ох», — сказал, я свободно вздохнул.

Девушка вернулась в дом, когда я с плеткой в руке стоял за дверью. Увидев, что плетки нет на месте, она потеряла сознание и упала посреди комнаты. Я поднял ее, поставил на ноги.

— Хотя ты и жестокая, я не такой жестокий. Я тебе назову два выхода, и ты выбери сама: если ты веришь в то, что могу сделать с

тобой, ударив этой плетью, назови, что лучше – стегнуть мне тебя со словами «будь ты выхолощенным кабаном», или выйти за меня замуж с условием, что будешь мне предана, – так я ей сказал.

– Стану тебе женой, – попросила она. – Я была дочерью царя белых джиннов, я царица джиннов. Отец умер, и царствование досталось мне.

Затем она вывела меня и привела к вырытой под горой какой-то конюшне. Когда мы, открыв дверь, вошли внутрь, я увидел там такую удивительную повозку и такую пару черных упряженных ко-ней, каких не видывал. Я подивился этому.

– Золота и серебра, что у меня есть, нам хватит. Теперь если ты захочешь, чтобы мы отправились к тебе, за мной дело не станет, – сказала она после того, как показала мне все свои богатства и драгоценности.

– Отправились бы, – сказал я, – но здесь нет другого выхода, кроме этой единственной двери. Как мы выведем и вывезем эту повозку, эту пару лошадей, все это множество добра? – спросил я.

– Это несложно. Есть путь, по которому мы можем выйти, – ответила она и, раздвинув скалы в две стороны, проложила прямой прекрасный путь и позволила нам увидеть белый свет.

– Два жеребенка, которых я в свое время родил, достигли зрелости, и я сел на одного из них, другого взял на повод рядом с собой, двух борзых, что я когда-то родил, я тоже прихватил и тронулся, забрав всё.

Двигаясь, мы выбрались на свет. Двигаясь далее, когда мы подъехали к границам нашей земли, я всех остановил там, а сам въехал в пределы края. Так, повстречал я какого-то чабана, сидящего под старым грушевым деревом на обочине дороги в наше село.

– Из какого ты села? – спросил я его.

– Я из села Сосруко, – ответил он.

– А о чём толкуют старейшины вашего села, о чём рассказывают? – снова спросил я у него.

– «Раз уж у нас нет больше Бадиноко и раз мы остались под рукой у Сосруко, то мы уже не селом» – вот так говорят, – ответил мне чабан.

– Ну тогда я присмотрю пока за овцами, а ты отправляйся домой и сообщи, что Бадиноко возвращается, сказал я и отправил его <в село>.

Едучи в село, парень повстречал по дороге Сосруко, и тот его спросил: «Что ты слыхал, что ты видел и знаешь, парень, чтобы рассказать?»

– Некий муж доблестный вошел под тень старой груши и велел мне сообщить, что Бадиноко возвращается, – ответил парень.

Парень добрался до села, и когда он рассказал нартам <новость>, – мой двор зарос бурьяном, – они принялись дружно и очистили всё, прибрали. Нарты вышли навстречу мне, отвели в мой дом и оставили жить семейной жизнью. Нартам, что вышли меня встречать, я подарил по одному коню. Первым мне вышел навстречу и встретил меня Сосруко.

Когда он прибыл с приветствием «Фохусыж, Бадиноко!», и когда я предложил ему: «Выбирай, Сосруко», он выбрал <коня>,

бывшего у меня на поводу; я отдал ему и одну борзую. Тхожей, на котором и теперь сидит Сосруко, это один из тех двух жеребят, которых я когда-то родил, которые выросли и я привел сюда. И вот эта борзая тоже одна из тех двух собак, которых я родил. И жена, с которой я обрел младенца, это та дочь царя белых джиннов, – сказал Бадиноко и закончил свою историю.

– Сосруко, теперь ты рассказывай, – предложил охотник, поставивший ногу на лисью шкуру.

– Я отправился на охоту, имея с собой хороших борзых, – начал Сосруко. – Выгнал я одного зайца и пустился следом. Собаки загоняли зайца так, что он выдохся. «Теперь он никуда не денется», – решил, было, я, но у него из спины выросли четыре свежие ноги, он перевернулся и понесся дальше. Собаки не смогли его догнать, так он и убежал от них. Посреди луга стоял один курган, он туда подбежал и скрылся. Я достал какую-то палку, потыкался в норе, но достать не смог. Отыскал дверь и вошел под курган. Справа грудой лежали во множестве кости, <...?> между ними, я увидел, проходила узкая длинная тропа. «Видимо, по ней и пробежал заяц», – подумал я, и когда пустился следом...

– Неправда, неправда, Сосруко, не рассказывай дальше, лисья шкура не твоя, – сказал нартский охотник, поднял лисью шкуру и вручил ее Бадиноко. Вот так Бадиноко выиграл у Сосруко лисью шкуру.

Запись не числится в рукописном фонде ИГИ КБНЦ РАН. Имеется лишь второй экземпляр машинописной версии, не сопровожденный паспортными сведениями. Судя по стилю изложения и некоторым характерным особенностям (отдельные характерные слова и обороты), запись произведена в Адыгее не позднее, чем в 50-х гг. XX в. (именно тогда было наибольшее число экспедиций в Адыгею и Карачаево-Черкесию из Кабарды). Видимо, одно и то же исполнение записывали два собирателя – кабардинец, владеющий лишь разговорным адыгейским, и адыгеец (известный писатель и фольклорист-собиратель Юсуф Тлюстен). Ниже дается текст, весьма близкий к данному в деталях, что дает основания относить обе записи к одному и тому же исполнителю. Тексты даются для сравнения точности записи. Мы не располагаем сведениями о временной дистанции между двумя записями. Но при целом ряде весьма близких текстуальных схождениях налицо и различия. Так, например, в записи Ю. Тлюстена естественная композиция разрушена, о чем вспоминает сам сказитель в тексте записи. В ней также отсутствует упоминание о демонической природе невесты. Есть и ряд других различий, которые не воздействуют на общий ход повествования.

Судя по всему, данный текст относится к числу тех, которые, согласно сведениям З.П. Кардангушева, предназначались для несостоявшегося издания, а впоследствии были отправлены для напечатания в Майкоп и Москву, но и там по какой-то причине не попали в сборники. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст характеризуется близостью к жанру сказки, что очевидно по характеру персонажей и авантюрном характере сюжета, построенного на метаморфозах сугубо сказочного характера, а также ведущей функции волшебства (в частности – девушки-колдуньи, дочери белых духов, и ее волшебной плети), а также композиционным приемом словесного состязания (наиболее популярный вариант такого состязания встречается в бытовой сказке, где победителем объявляется тот, кто более складно соврет. Вместе с тем, в сказании налицо как некоторые формальные признаки эпоса (имена героев, отнесение описываемых событий к условному эпическому миру нартиады, употребление в тексте самого слова «нарт»), так и сюжетные связи с системой мифоэпических представлений. Это, например, своего рода этиологические мотивы, объясняющие происхождение богатырских коней самого Бадиноко и Сосруко и борзых собак, которые упоминаются в главном пшинатле о Бадиноко и других сказаниях посвященного ему цикла. Заслуживает особого внимания мотив девушки-колдуньи, повинной в многих злоключениях героя. Примечательно, что она впоследствии становится верной супругой героя. Данное обстоятельство можно объяснить только с учетом логики мифологического мышления, адаптированного эпосом. Как мы полагаем, в данном случае мы имеем дело с одной из конкретных форм выражения мотива демонической одержимости невесты, которая утрачивает злое начало только после того, как жених побеждает и покоряет ее. В этой связи неслучайно упоминание о том, что девушка является дочерью повелителя белых джиннов. Видимо, само слово «джинн», пришедшее из арабского языка, здесь инновация, за которой резонно предполагать местное демоническое существо.

Шаог, шаоги (*щауэгъу, щауэгъухэр*) – друг, друзья, принявшие на себя обязательства в верности друг другу.

Тхамада села (*къуажэ тхъэмадэ*) – владелец села или же предводитель, которому подчинено село, независимо от социального статуса его населения.

«Желтым [широким] запястьем» – перевод фразы условный, она не имеет важного значения для повествования, но варианты данного сочетания устойчиво сохраняются в поэтических текстах пшинатлей как один из постоянных эпитетов, употребляемых или в отношении нарта Бадиноко, или в формуле-характеристике нарта Тотреша (пшинатль о поединке нарта Сосруко и Тотреша).

Фохусыж (*Флохъусыж*) – традиционная форма приветствия человека, возвратившегося домой.

<...?> – здесь, как мы полагаем, налицо лакуна, она же отмечается и в последующей записи данного сказания.

46. БЭДЫНОКЬУЭРЭ СОСРЫКЬУЭРЭ

Бэдйнокъуэрэ Сосрыкъуэрэ щауэгъу зэхуэхъуа иужькІэ, зэдэшэкІуэну гъусэ зызэхуашІауэ сый щыгъуи зэшэкІуэгъухэт. Я шитІу зытесхэри, я хитІу ягъусэхэри зэхуэдэхэт. Мэз бжэну яльягъухэри и пІэм ирагъэкІыртэкъым.

— Сосрыкъуэ, щакІуэ дыгъакІуэ, — жиІери, зы махуэ гуэрым Бэдйнокъуэрэ Сосрыкъуэрэ щакІуэ зэдьидэкІаш. Мэз лъэшІэхум къыхэкІыжахэу зы бажэ гуэр щальягъум, Сосрыкъуэ «Хайт!» — жиІери хъэхэр бажэм ириутІыпщащ. Бэдйнокъуэ и хъэхэри Сосрыкъуэ и хъэхэм щыгъуу ильяш. Сосрыкъуэ и хъэхэр сэмэгурабгъумкІэ къышыту, Бэдйнокъуэ и хъэхэр ижыурабгъумкІэ къышыту бажапцІэр къахури, нартитІым я шабзэ зэуадзэри зэуэ бажэм зэдеуаш.

Сосрыкъуэ и шабзэр бажэм и нэ сэмэгу лъэныкъуэм техуаш. Бэдйнокъуэ и шабзэр бажэм и нэ ижъ лъэныкъуэм техуаш. Арти, бажэр дэнэ кІуэжынт?! Бажэр нартитІым зэуэ къызэдраудащ. Тури зэуэ бажэр зыдэшылтым нэсри бажэр зэпаубыдащ, и плІэ лъакъуитІыр Сосрыкъуэ иубыдащ, и пхэ лъакъуитІыр Бэдйнокъуэ иубыдащ.

— Бажэр сысейш! — жиІаш Сосрыкъуэ.

— Хъэуэ, сысейш! — жиІери идакъым Бэдйнокъуэ.

— Си шабзэр мис, бажэм и нэ сэмэгум техуаш. Бажэр сысеин хуейш, — жиІери дауэу щидзаш Сосрыкъуэ.

— Сэ си шабзэри мис, и нэ ижьим щИэхуаш. Сэраш бажэр зейр, — жиІаш Бэдйнокъуэ.

Арти, Сосрыкъуэмрэ Бэдйнокъуэмрэ бажафэр зэпаубыдри зэхуильяш.

Сосрыкъуэрэ Бэдйнокъуэрэ щызэхуильям, Мэзытхъэ жыгынхъэм тести, къаплъэри мо нартитІыр щилъагъум, къабгъэдыхъаш.

— Пшэрхь апций, щакІуэлІхэ! — жиІаш Мэзытхъэ.

— Уи пшэрхьыр тхубагъуэ! — жиІаш нартитІым.

— Сложь фызыщынхъэжар? — жиІери Мэзытхъэр еупщиаш Сосрыкъуэрэ Бэдйнокъуэрэ.

— Мы бажафэр тхузэрэмыгъэгуэшу арш, — жиІаш Сосрыкъуэ. — Бажэр къэзыукІар сэраш, Бэдйнокъуи еzym къиукІауэ жеі, — жиІаш Сосрыкъуэ.

Мэзытхъэ бажэр и пашхъэм ирильхъэри:

— Бажафэм и унафэр сэ спшынщ, бажафэр зэрыфщІынур къызжэфИи, зыхуэфащами естынщ, — жиІаш Мэзытхъэм.

— Захуэш! — жиІаш нартитІым. АтІэ, сый ящІэжынт?! Мэзытхъэ уперыуэ хъунутэкъым.

— Сыт уэ, Сосрыкъуэ, мы бажафэр зэрыпшІынур? — жиІери еупщиаш Мэзытхъэр Сосрыкъуэм.

— Сэ ар зэрыспшІынур мыраш: Сэ сиІэт зы нарт пщащэ гуэр, щІасэу. А си щІасэм Іеджэрэ сыкІэлтыкІуэти, сыкІуэхункІэ, зыгуэр хуэзмыхъу идэртэкъым. Ауэ зэгуэрым зекІуэ сыкъикІижу, къызэхъулІай щымыІэу, сыйдыхъаш си щІасэ гуашэм деж.

— Сложь ар, Сосрыкъуэ, къысхуумыхъІауэ укъысхуэкІуаи? Сэ уэ укъысхуеймэ, Сэтэней и тен джэдигум тель бажафэ

фынцIэм хуэдэ пщампIапхъэ къысчуэгъуэт. Ар къысчуумыгъуэтая э укъыскIэлтъымыкIуэ, – жиIери къызэшаш.

Сыт сцIэжынт?! Сежащ бажэ фынцIафэ лъыхъуэ. Куэдри сыщэкIуаи, Тэн губгъуи зыщысплъыхъаи, ТеманыкIэми сыщызекIуаи, Индыл Iуфэхэри къэзущыхъаи. Сытми, сыт сымынцIэми, бажэ фынцIэ згъуэтакъым. Ауэрэ сыкъакIуэурэ зы бажащхъуэ банэм къыхэжауэ щыслъагъум, «Бажэ фынцIери бажащхъуэри бажэш, зэхуэдэш», – жысIери, сеуэри къэзукIаш. Бажащхъуэр сыгъыу си щIасэм деж сыкIуэжри бажафэр щестым...

– Сэ бажафэ фынцIэш жыхуэсIар, Сэтэней и джэдигум и пщампIэм телъым хуэдэш, уэ бажащхъуафэш къысчуэпхъяр, – жиIери, си щIасэр къэгубжри, жэз къамышыр къиштэри, «Хъэжь ухъу!» – жиIери, къызэуэри, хъэжь сыхъуаш.

А си щIасэм сэ сыкъиужэгъуауэ нэгъуещI нарт щаум ехъуэпсати, арат хъэ сыщIицIар. Сыт сцIэжынт? Сыхъэжьти пщIантIэм сыкъыдэнаш. Сопльэри сольагъу: си щIасэ гуашэм деж Къанж и къуэ Щауей, Хъымыщыж, Имыс, Уэзырмэс сымэ щопсыхри нэху щагъеш. Бэдйнок'уи мызэ-мытIэу щыслъэгъуаш, а гуашэм деж щепсыхыу.

Ахэр щыслъагъум, схуэшчынт?! Си щхъэр къесхъэжьэри щIасэ гуашэм и пщIантIэм сыкъыдэкIаш. Дунейр къэзджэдыхъурэ, губгъуэм зы мэлыхъуэ пщIэ сыхуэээри сытехъащ. Мэлыхъуэхэм гущIэгъу къысчуашIри сагъэшхащ. Мэлхэр жылэм къышыдахуэжым, сэри зы мэлыхъуэ гуэрым игъусэу жылэм сыйдыхъащ.

А сэ сзыши мэлыхъуэм и фызыр сымаджэ лъэримыхът. Дунейм абы ирамыхъэлIа хушхъуэгъуэ щIэтэкъым. ИтIаникI ар хъужыртэкъым. А жылэм дэст КъуийцIыкIуи, ари къэкIуащ, мэлыхъуэм деж къызэплтыну. КъуийцIыкIу мэлыхъуэм жыриIаш, жэшцIэрэ и фыз сымаджэм деж сыкъыщIанэну. Арати, КъуийцIыкIу зэрыжиIам хуэдэу, жэшым фыз сымаджэр зыщIэль пэшым сыщIаубыдащ. ГъуэлъыпIэ щIагъым сыщIэгъуэлъхъауэ сыщIэльу, жэшыбгым зы удыжь цIыкIу гуэр уэнжакъымкIэ къихъэри фыз сымаджэм и лъыр къыщIифыкIыу хуежъащ. Ар сэ сигу техуэнт?! СыкъыщIэльщ гъуэлъыпIэ щIагъими, удыр дзапэкIэ субыдащ.

– СыутIыпщыж, Сосрык'уэ, сэри сэбэп сыпхуэхъужынщ, – жиIери къызэлтэIуаш удыжь цIыкIур.

– Хъэуэ, узутIыпщынукъым, мы сымаджэр умыгъэхъужауэ! – жесIаш удым.

Ар щыжысIэм, удым фальэр къиштэри фыз сымаджэм лъыуэ къыщIифыкIауэ щытар къырикIутыжащ. Фальэм лъыр из хъуа нэужь, удым жиIаш:

– Пщэдей мы лъымкIэ вгъэпскI фыз сымаджэр.

Апхуэдэу къыщызжиIэм, удыр сутIыпщыжащ.

Пщэдджыжьым мэлыхъуэр унэм къызэрыщIыхъэу, фальэм сыбгъэдэлъадэри, си лъапэр лъым хэсщIэри фыз сымаджэм щысчуаш. Лъым ар щилъагъум, гу лъитэри и фыз сымаджэр а лъымкIэ игъэпскIаш. ЛъымкIэ фызыр зэригъэпскIыу, къызэфIэувэжаш, лажъэ лъэпк' имыIэуи хъужаш.

Мэлыхъуэм ар игъэхъыбарынтэкъэ?! Жылэм жыгуи щIэуи дэсир къызэхуэсаш, сэ къызэплтыну. Ар сигу темыхуэу жылэм сидэжри си щIасэ гуашэм и къуажэм сидэлтэдэжащ. Си щIасэ гуашэм и пшIантIэм сызэрыдэлъадэу, сыплъэри – шы фIэдзапIэм Хъымыш, Уэзырмэс, Нэрэн, Жынду ЖыакIэ сымэ яшхэр бгъэдэйт. Езыхэр си щIасэ гуашэм и унэм щIэсу хъуэхъухэр яIету Ѣефэхэрт.

– Еуей, тхъэмьшкIэ, Сосрыкъуэ дыкъишЦеркъым, армыхъумэ зэгуэудынт, – жаIэу абыхэм я псальэ макъыр щызэхэсхым, сизэгуэпшэри, слъэкIыр арати, бжэшхъэIум сытету сыбэнаш. АтIэ, сыхъети, нэгъуэцI зыри слъэкIыртэкъым. Сыщыбанэм, си щIасэ гуашэм си банэ макъымкIэ сыкъишЦэри, нартхэм гурышхъуэ яримыгъэшIын щхъэкIэ къышЦэкIри, «Адаакъэ ухъу!» – къызжиIери жээ щIопшымкIэ къызэуаш. Жээ щIопшыр къызэрыслъIусу, адаакъэ сыхъуаш.

– Мыхэр си щIасэ гуашэм деж Ѣефэр, сэ сыадакъэу..! – жысIэри си щхъэ мыгъуагъэ хуэсхъыжауэ бжыхъым сидэлтэйри адаакъэу сиIуэу щIэдздаш. Бжыхъым сидэлтэяуэ сищыIуэм, сыплъэри, а си щIасэ гуашэм я гъунэгъу фызым ху щIигъэпшү слъагъури абы сыбгъэдэлъеташ. А фызым щIигъэпш хур къесшыпыну сищыхуежъэм, фызыр къэпсалтэри къызжиIаш:

– Умыгузавэ, Сосрыкъуэ, иджы зы жэш закъуэ адаакъэу ехъэкIыф. Сэ си псэр пытмэ, а уи щIасэм къыуиха лейр хуэзгъэгъункъым, – жиIэри.

А фызыр мэлыхъуэм и унэм щызубыда удырат. А жэшым удыр си щIасэ гуашэм и унэм уэнжакъымкIэ ихъэри жээ щIопшыр къидыгъуаш. Джэдэшым накIуэри, жээ щIопшымкIэ къызэуэри, аргуэр Сосрыкъуэ сыхъужаш.

– Мы уэ къысхуэпшIар игъащЦэкIэ сигу ихункъым, – щыжысIэм...

– Уэ къысхуэпшIар пхуэсщЦэжаш. Сыщыбубыда жэшым сибутишшыжати, жээ щIопшыр уи щIасэм къифIэздыгъуаши, мэ иджы, сиут ухуейми ешIэ уи щIасэ гуашэм, – жиIэри жээ щIопшыр къысIешЦилхъаш.

Жээ щIопшыр къызэрысIэрыхъэу, си щIасэ гуашэм и унэм сищЦыхъэри сиплъэмэ – си щIасэ гуашэр Арыкъшу и гупэ хэлтэй мэжей.

– Шыд фыхъу! – жысIэри жээ щIопшымкIэ сеуаш, жейуэ хэлтэхэм.

Арати си щIасэ гуашэр шыдыбз хъуаш, Арыкъшу шыдыхъу хъуаш. Иджы махуэ къэс а тIур зэпшЦызощIэри совэ, мэш къырызошэ, хъэхуу хэт хуейми изот.

Иджы, Мэзытхъэ, а бэлыхъ къомыр си щIасэ гуашэм къышЦыстрилхъар мыпхуэдэ бажафэ фIыцIэщи, мыр си пшэм едзэкIауз сидэхъэжынурэ си щIасэ гуашэу шытга шыдым езгъэлъагъунут, езгъэхъуэпсэнут. «Сосрыкъуэ бажафэ фIыцIи къегъуэтыф, щыхуейм деж», – жысIэну арат мы бажафэр зэрысщЦынур, – жиIэри Сосрыкъуэ псысэр иухаш.

Сосрыкъуэ щиухым, Мэзытхъэ Бэдынокъуэ еупшIаш:

– Уэ сиут зэрыпшЦынур мы бажафэр? – жиIэри.

– Ди жылэм си гъунэгъуэ щопсэу зы фыз тхъэмьшкIэ гуэр. Абы иIэш щIалиш. Ахэр цыкIу-цыкIухэш, зеиншэхэш. Нартхэм

къыхуахы! Амэ, абы иропсэухэр. Сэ мы бажафэр абыхэм яхуэсхүү щымахуэ пылэ зырыз яхуезгъэштыну арат си мурадыр, – жи! Аш Бэдынокъуэ.

– Уэ жып! Эр, Сосрыкъуэ, зы къэмьинэу псысэц. Пэжыр жызы-Иам бажафэр лъос. Мэ, Бэдынокъуэ, бажафэр уэращ зыхуэфащэр. Нарт сабий зеиншэхэм пылэ яхуегъэш!, – жи! Эри Мэзытхъэм бажа-фэр Бэдынокъуэ къыриташ.

БАДИНОКО И СОСРУКО

После того, как Бадиноко и Сосруко стали *шаогами*, они сде-лались и товарищами по охоте, всегда вместе выезжали на охоту. И кони, на которых они ездили, и собаки, которые ходили с ними, были во всем равными друг другу. И косулям, которых они заме-чали, не давали с места сойти.

– Сосруко, пошли на охоту! – сказал, однажды Бадиноко вме-сте с Сосруко выехали охотиться. Когда они, миновав один редкий лесочек, заметили лису, Сосруко сказал: «Хайт!» и напустил со-бак на нее. Собаки Бадиноко тоже рванулись вместе с собаками Сосруко. Собаки Сосруко бегут слева, собаки Бадиноко – справа, так гнали они чернобурую лису, и оба нарта одновременно натя-нули свои луки и одновременно выстрелили.

Стрела Сосруко попала в левый глаз, стрела Бадиноко попа-ла в правый глаз. Ну куда было деться лисе! Два нарта поразили ее одновременно. Оба подбежали одновременно к месту, где лежит лиса и вместе ее подняли: Сосруко ухватился за ее передние лапы, Бадиноко ухватился за ее задние лапы.

– Лиса моя! – заявил Сосруко.

– Нет, моя! – сказал, возразил Бадиноко.

– Вот моя стрела, она попала в левый глаз лисы. Она должна быть моей, – заспорил Сосруко.

– Моя стрела тоже вот она, попала в правый глаз. Лиса при-надлежит мне, – заявил Бадиноко.

Вот так Сосруко и Бадиноко заспорили из-за лисы и повздори-ли. Когда Сосруко и Бадиноко повздорили, *Мазытха* сидел на вер-хушке дерева; он глянул и, увидев тех двух Нартов, подошел к ним:

– *Пшарых аший*, мужи-охотники! – приветствовал он их.

– Да умноожается для нас твои *пшарыхи*! – ответили нарты.

– Что это вы скоритесь? – спросил *Мазытха* у Сосруко и Бадиноко.

– Не можем поделить эту лисью шкуру, – ответил Сосруко. – Лису подстрелил я, а Бадиноко тоже настаивает, что это он ее убил, – так пояснил Сосруко.

Мазытха положил лису перед собой и...:

– Как быть с лисьей шкурой – я сам решу. <Только> скажите мне, на что вам она нужна, и я вручу ее тому, кто больше достоин, – решил *Мазытха*.

– Согласны, – сказали оба нарта. А что они могли поделать – возражать *Мазытхе* было нельзя.

— Сосруко, что ты хочешь делать с этой лисьей шкурой? — спросил Мазытха у Сосруко.

— Я с ней хочу сделать вот что ... У меня была <когда-то> одна нартская девушка-влюблённая. Много раз я посещал эту свою влюблённую, и каждый раз она требовала с меня какого-нибудь подарка. Но однажды я заехал к ней по пути из зеко, где мне ничего не удалось добыть.

— Что это ты, Сосруко, явился ко мне с пустыми руками (букв.: *ничего не принеся*)? Если я тебе нужна, то добудь мне такую же чернобурку, какая на меховой щубе у Сатаней. Пока этого не достанешь, ко мне и не появляйся! — так она мне сказала.

Что мне оставалось делать? Отправился я на поиски шкуры чернобурой лисы. Много же я охотился — по степям Тэна искал, по Тамани ходил, по берегу Индыла рыскал. Но как бы я ни старался, чернобурую лису я так и не нашел. Однажды, когда я приметил одну серую лису, я решил: «Что серая, что черная — все равно обе они лисицы». Взял я и подстрелил ее. Прибыл я с серой лисой в руках к своей возлюбленной и протянул ей лисью шкуру.

— Я же сказала, шкуру чернобурой лисы, такую, как ворот на щубе у Сатаней, а ты мне принес шкуру серой лисы, — сказав так, моя возлюбленная рассердилась, достала бронзовую плеть и, сказав: «Стань собакой!», ударила меня — и я превратился в собаку.

Это она превратила меня в собаку потому, что я ей надоел, и она увлеклась другими нартскими парнями. Что я мог поделать — я был собакой, и потому остался жить <у нее> во дворе. Гляжу я и вижу: к моей возлюбленной гуаше заезжают Канжа сын Шауей, Хымыш Могучий, Имыс, Озырмес. Они спешиваются здесь, проводят ночи. Не раз я видел и Бадиноко, спешивающимся у этой гуаши.

Мог я стерпеть, видя это? Унес я ноги со двора своей возлюбленной гуаши. Бродя по свету, я пришел на одну кошару в степи. Чабаны пожалели и покормили меня. А когда пришла пора гнать овец в селение, я прибрался к одному чабану и с ним пришел в село.

У того чабана, что взял меня с собой, жена тяжело болела. На свете не осталось средства, которого бы не испробовали, чтобы ее вылечить. Но все равно она не поправлялась. В том селении жил Куйцук (букв.: *Маленький Плешивец*), и он явился посмотреть меня. Тот Куйцук подсказал чабану, чтобы меня на ночь оставляли у больной женщины. Итак, как сказал Куйцук, меня на ночь заперли в комнате, где лежала больная. Залез я под кровать и в полночь вижу, как по дымоходу спускается одна маленькая уд — ведьма и принимается высасывать кровь у больной женщины. Мог я это стерпеть? Я выскоцил из-под кровати, поймал пастью эту уд.

— Отпусти меня, Сосруко, я тоже тебе помогу, — попросила маленькая уд.

— Не отпущу, пока не излечишь эту больную! — возразил я.

Когда я так сказал, уд взяла чашу и вылила [отрыгнула] в нее всю высосанную из больной женщины кровь. Когда чаша наполнилась, уд сказала:

— Завтра обмойте женщину этой кровью.

Когда она так сказала, я ее отпустил.

Как только утром чабан вошел в комнату, я подбежал к чаше, обмакнул свою лапу в кровь и стал мазать больную. Мужчина, увидев это, догадался, что делать, и обмыл свою жену той кровью. Как только он закончил ее обмывать, женщина встала, здоровая, как ни в чем не бывало.

Разве чабан не рассказал бы об этом! В селении и стар и млад собирались посмотреть на меня. Я не выдержал этого и убежал из <того> селения, явился в селение, где жила моя возлюбленная гуаша.

Бежал я во двор моей возлюбленной гуаши и вижу – у коновязи стоят лошади Хымыша, Озырмеса, Насырена, Жинду-Жаке. Сами же они сидели в доме моей возлюбленной гуаши и пировали, произнося хохи.

– Ай, бедный Сосруко, он не ведает о нас, а не то бы лопнул с досады, – <смеются они>.

Когда я услышал такие их слова, я так рассердился, что сделал единственное, что был в силах сделать: стал на пороге и громко залаял. Ведь я был собакой и поэтому больше ничего не мог поделать. Когда я залаял, моя возлюбленная гуаша узнала меня по голосу и, пока наяты чего-либо не заподозрили, вышла, «Стань петухом!» – сказала и стегнула меня бронзовой плетью. Только бронзовая плеть коснулась меня, я превратился в петуха.

– Вот дела – они тут пируют у моей возлюбленной гуаши, а я петух! – возмутился я, взлетел на плетень и начал громко кукарекать.

Когда я кукарекал, взлетевши на плетень, я глянул в соседний двор и увидел, что там женщина провеивает просо. Я спрыгнул к ней. Как только я принял клевать просо, провеиваемое той женщиной, она тут же заговорила со мной и вот что сказала:

– Не беспокойся, Сосруко, потерпи всего одну ночь в образе петуха. Если только душа моя будет в моей плоти, я не прощу твоей возлюбленной того, что она с тобой сделала.

Та женщина – это та самая уд, которую я поймал в доме чабана <и отпустил>. Ночью она пролезла по дымоходу в дом моей возлюбленной гуаши и похитила бронзовую плеть. Пришла она в курятник и стегнула меня той бронзовой плетью – и я вновь стал <прежним> Сосруко.

– Услугу, что ты мне оказала, я в жизни не забуду, – когда я так сказал...

– Я оказала тебе то же, что и ты мне. В ту ночь, когда ты меня поймал, ты отпустил меня, и вот теперь я для тебя похитила бронзовую плеть. На, бери и делай с возлюбленной гуашей все, что хочешь, – сказав так, она вложила мне в руку бронзовую плеть.

Как только бронзовая плеть оказалась у меня в руках, я вошел в дом к своей возлюбленной гуаше и – что я вижу: моя возлюбленная гуаша спит в объятиях Арыкшу!

– Станьте ослами! – сказал я и стегнул спящих. Итак, моя возлюбленная гуаша стала ослицей, Арыкшу стал ослом. Теперь я каждый день запрягаю их и на них пашу, вывозжу урожай, отдаю внаем всем, кто ни попросит.

Бот, Мазытха, какие муки моя возлюбленная гуаша навлекла на меня из-за вот такой чернобурой лисьей шкуры. И теперь

я хотел бы войти в свой двор с этой шкурой на плечах, чтобы моя бывшая возлюбленная гуаша, а ныне ослица, увидела это. Хотел я этим сказать: когда надо, Сосруко может и шкуру чернобурой лисы добыть. Вот для чего мне она нужна, – закончил свою сказку Сосруко.

Когда Сосруко кончил <говорить>, Мазытха спросил у Бадиноко:

– А тебе на что эта лисья шкура? – сказал.

– В нашем селении, посодейству со мной, живет одна бедная женщина. У нее трое сыновей. Мал мала меньше, сироты <без отца>. Пробавляются они тем, что им принесут нарты. Я хотел подарить им эту лисью шкуру, чтобы на зиму каждому из них сшили по одной шапке, – ответил Бадиноко.

– Сосруко, все, что ты рассказал, это сказка. Лисья шкура достается тому, кто сказал правду. Возьми, Бадиноко, лисью шкуру твоя по праву. Закажи шапки для нарских мальчиков-сирот, – сказал Мазытха и отдал лисью шкуру Бадиноко.

Архив АРИГИ, Фонд нарского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 195–199. В комментариях к изданию сведения о месте, времени записи и других данных не указаны. Данна пометка: «Оригинал хранится в архиве КБНИИ (ныне – ИГИ КБНЦ РАН). Однако в рукописном архиве ИГИ КБНЦ РАН данную запись обнаружить не удалось. Наши наблюдения позволяют признать, что текст близок к аутентичному, и сомнений в его подлинности нет, несмотря на отсутствие паспортных данных. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой вариант распространенного сказания о споре между двумя нарскими богатырями из-за охотничьей добычи. В отличие от большинства других вариантов, здесь метаморфозы происходят не с главным героем, а с его соперником. Тем не менее, победа присуждается нарту Бадиноко – благодаря акценту на правдивость повествования и элемент сочувствия немощным. Примечательно участие языческого персонажа Мазытхи в роли судьи, разрешающего спор, касающийся именно его прерогативы охотничьей добычи.

Шаоги, шаог (*щауэгъухэр, щауэгъу*) – друзья, скрепившие свои отношения словесной формулой или ритуалом.

Мазытха (*Мэзытхъэ, Пицымэзытхъэ*) – языческий персонаж, покровитель лесов и охоты в адыгской мифологической системе.

Пшарых апший (*Пшэрых апшый*) – традиционная формула, которой принято приветствовать охотников. Здесь слово *пшэрых* употребляется в значении *добыча, охотничий трофей*.

Зеко (*зекIуэ*) – поход, род занятий богатырей, которые разъезжали в поисках добычи.

Да умножится твой пшарых (*Уи пиэрыхыр убагъуэ*) – традиционная формула ответа на приветствие, мотивированная тем, что Мазытха ведал всеми благами леса, и дичь была также под его покровительством.

Үд (*уд*) – ведьма.

47. ПЩЫ БАДИНОКЪУЭ И КІУЭДЫЖЫКІАР

Пщы Бадинокъуэ Чылъахъстэн ипхъу Ахуандэ-гуашә лъыхъуну къэкІуаш. Къэсри, шым епсыхри, бжэІупәм бжыр хисэри унэм щыхъаш.

Чылъахъстэн жиІаш:

– ПсыкІи сыйкІи имыгъәпсыфу мы бжыр къыхэзычыфым Ахуандэ-гуашә естынуш, – жери.

Зыми къыхичын хулъэкІакъым.

Сосрыкъуэ къыдыхъаш. Сосрыкъуэ Іуэхур зытетыр жраІаш. Сосрыкъуэ машІэ-машІэу игъесыс ишІурә щІэгъутхъэри къыхичааш. ИтІанә Чылъахъстэнным Сосрыкъуэ бжыр къызәрыхичар жраІаш.

– Къыхичыфынүтәкъым хъэм къильхуам, ауэ щІэгъутхъэри къыхича хъунш, – жиІаш Чылъахъстэн.

Пщы Бадинокъуэ Ахуандэ дәгушыІэри шым шэсыжыну къышІэкІыжааш. Бжы хисам къышыбгъэдыхъәжым, пщы Бадинокъуэ къишІаш, Сосрыкъуэ щІэгъутхъэу къызәрыхичар. Бадинокъуэ губжъаш.

Губжъаэ шэсри дәкІыжааш. Абы и ужым Сосрыкъуэ ихъаш. ЩІэхъаш.

– Сыт укъышІэгубжъар, нарт пщы Бадинокъуэ? Уэ уи щхъэкІуэр сәри си щхъэкІуещ, зәшыпхъуитІым дыкъяльхуаш, дгъэзэнци къуажә Іэхъуи, бжэнныхъуи, зыри дәдгъэкІынкъым, – Сосрыкъуэ къышыжриІэм, түми ягъэзәжааш.

Сосрыкъуэ жеІэ:

– Уэ унәхъ инщи, лъэгум дәувә, сә сынәхъ цыкІущи, бжъәпәм ситеувәнш.

Апхуәдәу ящІаш.

Іэхъуи, бжэнныхъуи, ІуэхущІи къуажәм зыри дагъэкІыркъым. Чылъахъстэнныр дәкІри Лъәпш дей кІуаш.

– Зыхуәпшийм техуәу, зытехуар мыхъужыну сагындақъышитІ схуәшІ! – жриІаш Чылъахъстэн Лъәпшым.

Лъәпшым шабзитІ хуишІри, Чылъахъстэнныр къэкІуэжааш.

КъыздәкІуәжам хылагъәкІэ Сосрыкъуэ къипежъаш. Сосрыкъуэ гъуэгу напшІэм Чылъахъстэн имылтагъуну зы хъырц гуәрим къыкъуэтІысхъэри, Чылъахъстэнныр шым тесу абы къышысым, Сосрыкъуэ къыхәжри шыр къигъәшташ, шым зышІидзри, Чылъахъстэнным зы шабзэр икъуташ. Къэна зы шәр къихъри къэкІуэжааш.

Чылъахъстэнныр къэсыйжи, зы шабзэт иІыгъыжри, Ахуандэ-гуашәм еупшІаш:

– Бжъәпәм тетым сеуэн хъэмәрә къуәм дәтым сеуэн? – жери.

Чылъахъстэным и гум ирилъхъаш, Ахуандэ еуэ жыхуїэм емыуэну. Ахуандэ ар къицлати, «Бжъэпэм тетым еуэ», – щыжиїэм, Чылъахъстэн къуэм дэтым еуэри пшы Бадинокъуэ иуклаш.

Сосрыкъуэ и закъуэт къэнари, итланикI къуажэр лэжъакIуэ дэкIын шынэрт.

Зы мэлыхъуэжь къахэжаныкIри дэклати, Сосрыкъуэ лауэ щылту илъэгъуаш. КъэкIуэжри Чылъахъстэным къыжрилаш, Сосрыкъуэ лауэ зэрышылтыр.

Чылъахъстэным:

– Лякъым, – жери и фIещ хъуакъым. – Мыйдэ пхъуантэм дэлт бург къафщти, и лъэдийр фугъуэни, и куцым сепэмынци къесщэнц, – жери.

КIуэри, лъэдийр яугъуэнри куцыр къыхуахъаш.

Ахуандэ дахэ Чылъахъстэн дей щЭст. Къышахым, Чылъахъстэн епэмаш.

– Ай, хъэмэ къильхуа, и лыхъугу мэжъэражъэри щылтыш! – жилаш.

Абы щыгъуэ Ахуандэ къельзIуаш;

– Сэ къызэти зэ сегъэпэмьт, – жери.

Иритри иригъэпэмаш.

– Мыбы и куцым хъэдэмэ шоу, мыр псэужкъым, – жери Ахуандэ Чылъахъстэным жираш.

Чылъахъстэн тIэкIу Iэнкун хъури:

– ФыкIуи псэурэ мыпсэурэ феплъыт! – жери игъэкIуаш.

ЗдэкIуам Сосрыкъуэ щылэжтэкъым: и Тхъуэжьеим шэри ежъэжат.

Сосрыкъуэ фIэкIа Ахуандэ зыми дэкIуэнутэкъым, арщхъэкIэ Сосрыкъуэ абы и ужь къимыхъэжу нархэм яукIыжаш, цыхухэм яукIын яхулъэмькIыжу.

ГИБЕЛЬ ПШИ БАДИНОКО

Пши Бадиноко приехал к дочери Чилахстана Ахуанда-гуаше свататься. Прибыл <он>, спешился с коня и, воткнув <свое> копье в землю у входа, вошел в дом.

Чилахстан сказал:

– Я отдаам Ахуанда-гуашу за того, кто вырвет это копье, не увлажнняя <землю> ни водой и ни чем другим.

Никто не смог вырвать <копье>.

<В это время> въехал <во двор> Сосруко. <Нарты> рассказали Сосруко в чем дело. Сосруко, медленно раскачивая <копье>, помочился <под ним> и вырвал. После этого <нарты> сообщили Чилахстану, что Сосруко вырвал копье <пши Бадиноко>.

– Не смог бы он, собачье отродье, вытащить <копье>, но, наверное, помочился <под ним> и выдернул, – сказал Чилахстан.

Пши Бадиноко поговорил с Ахуандой и вышел <из дома>, чтобы сесть на коня <и уехать>. Когда подошел к копью, которое <он> воткнул <в землю>, пши Бадиноко понял, что Сосруко помочился <под ним> и вырвал. Разгневался Бадиноко. <Он>, разгне-

вавшись, сел *<на коня>* и выехал *<со двора>*. За ним вслед поехал Сосруко. Догнал *<его>*.

— Зачем гневаешься, нарт пши Бадиноко? Твое несчастье должно быть несчастьем и для меня, *<нас>* родили две сестры, вернемся *<к Чилахстану>* и не выпустим *<из селения>* ни сельских пастухов, ни козопасов — никого, — когда *<так>* сказал Сосруко, оба возвратились *<к Чилахстану>*.

Сосруко говорит:

— Ты выше меня *<ростом>*, поэтому располагайся в лощине, а я ниже тебя, поэтому стану на вершине.

Так и сделали. Не выпускают *<они>* из селения ни пастухов, ни козопасов, ни слуг — никого.

Чилахстан поехал к Тлепшу.

— Сделай мне две стрелы — в кого целишься, чтобы попадали, а в кого попадут, чтобы убивали! — сказал Чилахстан Тлепшу.

Когда *<Чилахстан>* возвращался, Сосруко поехал ему на встречу, чтобы *<погубить его>* хитростью. Сосруко спрятался за каким-то кустом у обочины дороги, чтобы его не заметил Чилахстан, и, когда Чилахстан доехал до этого места, Сосруко выскоцил из-за куста и испугал коня *<Чилахстана>*. Конь шарахнулся, и Чилахстан сломал одну стрелу. Вернулся *<он>* с одной оставшейся стрелой.

Вернулся Чилахстан, у него осталась только одна стрела, поэтому спросил Ахуанда-гуашу:

— В кого из них стрелять — в того, кто стоит на вершине или в того, кто в лощине?

Чилахстан решил не пускать стрелу в того, на кого укажет Ахуанда. Ахуанда знала об этом и, «Стреляй в того, кто находится на вершине», — когда она так сказала, Чилахстан пустил стрелу в того, кто был в лощине, и убил пши Бадиноко.

Остался Сосруко один. Но жители *<селения>* еще боялись выйти в поле работать. Но какой-то старый чабан отличился, поднялся *<на вершину>* и увидел там мертвого Сосруко. Вернулся *<он>* и сообщил Чилахстану, что *<на горе>* лежит мертвый Сосруко.

— Не умер он, — не поверил Чилахстан. — Достаньте из сундука бурав и просверлите ему голень, я понюхаю мозг *<из голени>* и узнаю, *<жив он или умер>*, — сказал *<он>*.

Подошли *<к Сосруко>*, просверлили *<ему>* голень, *<достали>* мозг и доставили *<Чилахстану>*.

Красавица Ахуанда сидела *<в комнате>* Чилахстана. Когда *<те>* доставили *<мозг>*, Чилахстан понюхал:

— Эх, собачье отродье, лежит он, и его геройское сердце пылает! — сказал *<он>*.

Тогда Ахуанда попросила:

— Дай мне один раз понюхать.

<Чилахстан> отдал, и она понюхала.

— Его мозг уже отдает мертвечиной, он умер, — сказала Ахуанда Чилахстану.

Чилахстан задумался.

— Идите и проверьте, умер ли он или нет, — сказал *<он>* и отправил *<к нему нартов>*.

Прибыли они, но там не оказалось Сосруко: сел он на своего Тхожея и уехал. Ахуанда хотела выйти только за Сосруко, но Сосруко не стал вновь свататься к ней. <Обычные> люди не смогли <его> одолеть, и нарты убили <его>.

*Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-е. Пасп. № 14.
Исп. Едыдж Семен: 1873 г.р., а. Пчегатлукай Адыгей; бжедуг.
Зап. в 1949 г. А. Алибеков. Перевод на русский язык М. Бухурова.*

Текст представляет собой вариант распространенного сказания о богатырском сватовстве и гибели нарта Бадиноко, и женитбе нарта Сосруко на дочери нартского старейшины. В данном варианте, однако, нарт Бадиноко погибает, не успев жениться. Текст отнесен нами к циклу нарта Бадиноко, несмотря на то, что варианты данного сюжета публикуются в цикле сказаний о нарте Сосруко. Достаточным основанием для этого явилось то, что имя героя настоящего цикла вынесено собирателем и исполнителем в название, а в самом повествовании роли двух богатырей примерно равнозначны. Отдельного сюжета о кончине нарта Бадиноко / Шабатныко в адыгском эпосе не зафиксировано. Однако почти во всех версиях, в которых присутствует данный мотив, гибель героя связана прямо или же косвенно с именем нарта Сосруко, часто – с его кознями.

48. НАРТ ШЭБАТНЫКЬО ИКЮДЫКІ

<Шэбатныкъо> нарт япшъашъэ ыхъи Чынты зэркъожъыгъэм пае, Саусэрыкъо губж фишIи, Йошъхъэ палъэ ритыгъ. Арыти, къякIуалIи, Шэбатныкъо зигъечэрээу тетзэрэ, къолэжъымэ «къуагъ» алозэрэ, хьишъэ быузэрэ, иши одыджынхэр пышлагъэхэу Саусэрыкъо къылохъэ. Шэбатныкъо иш ащ къагъашти, Шэбатныкъор рихъэжъэжъыгъ. КонкъыкIэ зефызым, шы цэгэ нэльшицыр хикIыкIыгъ; къызежэдайм, шы жэпкъэр къыхитхъыгъ.

Саусэрыкъор екIуалIи ышъхъэ пиҳыгъ. Ышъхъэ пиҳи янэ дый ыхъыгъ. Янэ зыфехым, Шэбатныкъо ышъхъэ ышлэжъыгъ.

– А иман зыкIоцымылъ, мы къэпхыыгъэр тэ тикIали, о уипхъорэлъфэгъу! – ыIуагъ.

Чырэ лэнистэшхо къышти, пчъэмкIэ къызылъедзым, пчъэ пхъобгъум пхырыкIи, чыгум щэрэчищэу хэхъагъ.

ГИБЕЛЬ НАРТА ШАБАТНЫКО

Сосруко рассердился на <нарта Шабатныко> за то, что тот похитил девушку из нартов и увез ее в Чиртию, и назначил ему поединок (букв.: *встречу на кургане*). Ну и явился он, нарт Шабатны-

ко, подъезжает к нему Сосруко; <над ним> вороны кричат «куаг!», свора (букв.: *сотня*) собак воет, конь его колокольчиками обвешен. Они вспугнули коня Шабатныко, и он понес <нарта> Шабатныко. Как он [Шабатныко] сдавил коня своими бедрами, он сломал ему три ребра, как дернул за узду, выворотил челюсть коня.

Сосруко подъехал и снес ему голову. Снес он голову и доставил ее к своей матери. Когда он принес это матери, она узнала голову Шабатныко.

— Ах ты, не носящий в себе веры, Это же ты принес <голову> парня нашего <племени>, он твой двоюродный! — сказала она.

Она взяла большие стальные ножницы и, когда бросила их ему вслед в сторону двери, они пронзили дощатую дверь и вошли в замлю на три пласта.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 315. Исп. Пщимаф Оситлов: 1887 г.р., а. Урупский (Шхащефиж) Успенского р-на Краснодарского края; абадзех. Зап. 20.12.1959 г. Н. Набокова. Перевод на русский язык А. Гутова.

Сюжет совпадает в основных деталях с сюжетом пшинатля о бое нарта Сосруко с Тотрешем: назначение поединка (встреча на кургане), колдовские приемы, используемые нартом Сосруко (неожиданное появление, волшебные колокольчики), испуг коня противника и легкая расправа с ним нарта Сосруко, доставление головы противника своей матери и узнавание ею своего племянника, гнев матери (метание ножниц). Вместе с тем, исходная мотивировка оригинальна — похищение нартом Шабатныко девушки из нартского племени. Повествование лаконично до того, что не тяготеет к художественному повествованию, а сводится к изложению самой сути события. Однако при этом сюжет излагается достаточно последовательно.

49. НАРТ ШЭБАТНЫКЬО ИКЮДЫКІ

Шэбатныкъо нарт хасэм к'уишъ ятэ къызегъэнэжъым, ильэс заулэрэ хэтыгъ.

Илланэ «Іэкуандэ дэжь псэлъыхъо сыкъот!» ылуи, къышэн ыгу хэлтээ к'уагъэ. Шэбатныкъо лышко хъугъагъэ, пельуанышко хъугъагъэ.

Шэбатныкъом пчышко ылыгъыгъ.

Іалэджы яунэ къэк'уагъ, Іэкуандэ дэжьы. Пшъашъэр зипшъашъагъэр Чэлэхъстэн ары. Шэбатныкъо къэсишъ, Іалэдж ящау щепсыхыгъ. Пчэр унэм рихъагъэп, иныти, пчъэупэм ч'исагъ. Унэм зехъэм, зыгорэм ибзекуалтэ зылехым, ыльэк'ап'э ыгъэк'эзэзыгъ, ынэбзыцхэр ыгъэуп'элагъ, ичати пкъэужъием

ыІатыгъэп. Чэлэхъстэнэу пшъашъэм ятэр къаплти къылъэгъугъ пчэр зэрчІесагъэр.

Нарт шъэуабэ епсэлтыыхъотыгъэ Іэкуандэ дахэм. Ахэмэ къариІуагъ Чэлэхъстэнэм:

– Шъуашыщэу Шэбатныкъо ипч чІэзычырэм Іэкуандэ есэты, – къариІуагъ.

Елагъэх зэужэри, чАчын агу хэлъэу, зыми фычІэчыгъэп. Афэгъэхъяягъэп.

Саусырыкъо къидэхъагъ. Нарт шъаомэ раІуагъ къэбар Саусырыкъо.

– Шэбатныкъо ипч чІэзычырэм Іэкуандэ ритынэу Чэлэхъстэны ыІуагъ, тэ теплъыгъ шъхъае, къытфычІэчырэм, – аІуагъ.

Саусырыкъо пчым кІэлъырыуци, амышПахэу кІэлъырыгъутхъагъ. ІГъэсиси къычІичыгъ пчыр.

– Саусырыкъо пчэр къычІичыгъ, – ыПуи Чэлэхъстэнэм раІуагъ.

– А тхъагъэпцI удым ар къычІичын ылъэкІытыгъэп, ылъапсэ чІэгъутхьи къычІичыгъэ нахь! – ыПуи, къышПагъ. Пшъашъэр ритыгъэп.

Ашыгъум Шэбатныкъор унэм исыгъ Іэкуандэ епсэлтыхъоу.

Шэбатныкъо къежъэжыгъ. Пчым къекПолІэжыгъ. Пчым къызІэм, зэрелагъэхэр ышПагъ, ылъапсэ зэрчІэгъутхъагъэхэр [ышПагъ].

– Сэ Чырты сыкъикІыгъ, – Нарты хъакІэджэ сыкъэкІуагъ, шъукъысэрыдгэгоу! Шъузэрэхъурэр шъулъэгъун, пый зэрышъуиІэр зэжъугъашІэ, – ыПуи, Шэбатныкъо шэсүжий дэкІыжыгъ.

Саусырыкъу зыфаIорэ тхъагъэпцI цыкІор хъор-шэрыти, Шэбатныкъом лъежъагъ. КІэхъагъ Шэбатныкъом Саусырыкъор.

– Орырэ сэрырэ зыны тыкъилтфыгъ, Шэбатныкъу, о уишхъакІо сишхъакІо сэри, – ыІуагъ, – ау зыхъуджэ, палъэ етымыгъэтэу тягъэпий мыхэмэ, – ыІуагъ.

– Шъыд япшикІэу тяпшинэу пIорэ, Саусырыкъу? – ыПуи Шэбатныкъор еупчыгъ.

– ЯмэшакІуи къыдэдгъэкІытэп, яжъонакІуи къыдэдгъэкІытэп, ябылым хъуакІо дгъэкІотэп, – ыІуагъ Саусырыкъо.

Къагъэзжыгъ. Къагъэзжы, къакІохи яхэгъуашхъэ Дэджуу бжъапэ къызэсихэм:

– Сэ синахь цыкІушь – бжъапэм сытетыг, о унахь инышь – кІэим иуцу, – ыІуагъ Саусырыкъо.

Саусырыкъо бжъапэм теуцуагъ, Шэбатныкъор кІэм иуцуагъ.

ЯжъонакІуи дагъэкІыгъэп, ямэшакІуи дагъэкІыгъэп, ябылыми дагъэкІыгъэп. Чэц-мэфищэ ауштэу акъудыгъ.

Іэкуандэ ятэу Чэлэхъстэнэр дэкИи, адыдже ашигэджэ ыуахьи, Лъэвшь дэжь кІуагъэ. Лъэвшьни риІуагъ:

– Лъэвшь, сзызорэм щымыохъоу тэфэнэу, зытефэрэр мыхъужынэу щитIу сфершI, – риІуагъ.

ЩитIор къыфишІыгъ. ЩитIор къышти къежъэжыгъ Чэлэхъстэнэр. КъэкІожыи пэтэ гъогум Саусырыкъор щыпэгъокІыгъ. Гъогум 1ут мыстхъэ къогъум къогъольхъагъ Саусырыкъо. Гъогум къырыкІозэ Чэлэхъстэнэр мыстхъэм къэсыгъ.

— Хъэйт! — ыIуи, Саусырыкъо шэр ыгъащти, Чэлэхъстэнэр риригъэдзыыхыгъ. Сагындақъышэу Iэджэ ыIыгъэр къанишь, исагындақъэ дэлъышэр зэпиутыгъ.

— ТхъагъэпцI удыжъ, сеогъеукIыри! — ыIуагъ Чэлэхъстэним.

Саусырыкъо зигъэбыльыжыгъ. Чэлэхъстэн къэшэсыжьи, ядэжьи къэкIожьыгъ.

— Тэ укIогъагъ, тят? — ыIуагъ ишишъашьэ.

— Лъэпшь дэжь сыкIогъагъ, — ыIуагъ, — сишишъашь. Мы чылэр дэзымыгъэкIыжыре тхъагъэпцIитIумэ сяон сыгу хэлъэу, Лъэпшьи щитIу къезгъэшIыгъагъ, ау Саусырыкъо сиши къыгъащти, сиригъэдзыхи, яхээрышэр зэпиутыгъ. Зышэу къысфэнагъэмджэ сзыаорэр сиукIыт. КIэим дэтим еу пIомэ, сеот, бжъапэм тетым еу пIомэ, сеот, тIумэ язэу узблэрэм сеот.

Иэкуандэ «еу» зыфиIорэм емьонэу ары иморадыгъэр Чэлэхъстэним.

— КIэим дэтим уемыу, бжъапэм тетым еу, — ыIуагъ Иэкуандэ.

КIэм дэтэр Шэбатныкъу, бжъапэм тетэр Саусырыкъу.

Иэкуандэ ышIэпштыгъ «еу» зыфиIорэм ятэ зэрэмыотэр. Ары шъхье, Шэбатныкъом фэгумэкIыти, къэгуай, къыIуагъэр къыIэкIэIуагъ.

Чэлэхъстэнэр кIэим дэтим еуи, Шэбатныкъор арыти, ыукIыгъ.

Чылэмэ ариIуагъ:

— Шэбатныкъо сиукIыгъэ, Саусырыкъо хъэтэжьэп.

Чылэри губгъэм ихъажьыгъ.

Саусырыкъо хъадэу бгым тельэу, Тхъожьыер шъхъашытэу альэгъугъ.

Чэлэхъстэним дэжь къакIохи къыраIуагъ:

— Саусырыкъо хъадэ хъуугъэ, — аIуи.

КъызыраIом:

— А тхъагъэпцIым сеуагъэп, шъыдэуштэу укIыгъэ хъун, ар тэрэзыхэп, — ыIуагъ. — Ашыгъум, Иэкуандэ, удэ пхъуатэм сибырыу къыдэх, — бырыу горэ къыдаригъэхыгъ. — Мы бырыор шъухыри, Саусырыкъо ылъэдакъэ хэжъугъай, ылъэтх куцIы щышэ мы бырыужэм диз къэшъухь, лагъэмэ — ар сэ къычIэзгъэкIыт, — ыIуи ыгъэкIуагъях.

Кохи, Саусырыкъо ылъэдакъэ хагъай, ылъэтх куцI щышэ бырыужэм диз къахьыгъ. Къахьи Чэлэхъстэнэм ратыгъ. Зыратым, куцIым епэмыгъ:

— Мэна мо тхъагъэпцIыр! ИлIыхъугу мэжъажь щылъ, зигъэллагъэу щылъ, — ыIуагъ.

Шэбатныкъо щымыIэжы зэхъум, Иэкуандэр тIэкIу Саусырыкъо лыдже енэцIыжьыгъ.

— Тят, а куцIэр къысэти, сэри сегъэплъ, — ыIуагъ Иэкуандэ.

Бырыужэм зэрэдэлтэу ритыгъ. Епэмыгъ Иэкуандэ куцIым.

— Хъуна, тят, мыр? — ыIуагъ. — ИлIыхъугу жъэжъэна, хъадэмэ щэу мыш, — ыIуагъ ишишъашьэм, ыукIындже енэгүии, ежь енэцIыти.

— ШъукIори шъукIяплъ, — ыIуи Чэлэхъстэнэм ыгъэкIуагъех.

ЗегъакIохэм, Саусырыкъор Тхъожьыем ешэси, ыукIыжьыгъэу къычIэкIыгъ.

КъакIожьыхи, «Путыжьэп» къыраIуагъ.

— А тхъагъэпц! цык!ор зэрэмыл!агъэр сэ сп!агъэба! — ыуагъ Чэлэхъстэнэм.

Джарэу ынныбжь к!акоу Шабатныкъо к!одыгъэ.

Шабатныкъорэ Саусырыкъорэ зэшыпхъуит!умэ къальфыгъ. Туми Сэтэнай ац!

ГИБЕЛЬ НАРТА ШАБАТНЫКО

После того, как нарт Шабатныко ездил на нартскую хасу и избавил отца от гибели, он еще несколько лет оставался там.

Затем он решил: «Поеду-ка я свататься к Акуанде!», — сказал он так и поехал, рассчитывая жениться на ней (букв.: *привезти ее*). <К тому времени> Шабатныко возмужал, вырос и стал большим, стал большим силачом.

Шабатныко держал большое копье.

Явился он в дом Аледжей, к Акуанде. Девушка была дочерью Чалахстана. Шабатныко прибыл и спешился во дворе Аледжей. Копье было большое, и он не стал заносить его в дом, а воткнул возле двери. Когда он вошел в дом, кто-то принял у него колчан с луком, и у того ноги подкосились, глаза заморгали; меча его тоже опорный столб не смог выдержать. Чалахстэн, отец девушки, выглянул и увидел, что копье воткнуто в землю.

Много нартских юношей сваталось к Акуанде-красавице. Чалахстэн сказал им:

— Кто из вас вырвет копье Шабатныко, тому я отдам Акуанду, — так он обещал.

Многие пробовали, надеясь вырвать, никто не смог этого сделать. Даже расшатать не смогли.

Приехал Сосруко. Нартские юноши сообщили Сосруко <суть того, что они делают>:

— Чалахстэн обещал отдать Акуанду тому, кто вырвет из земли копье <нарта> Шабатныко; хоть мы и пробовали, но никто не может вырвать его, рассказали они.

Сосруко подошел к копью вплотную, незаметно для других помочился под него, расшатал и вытащил копье.

— Сосруко вырвал копье из земли! — сообщили Чалахстэну.

— Этому плутишке-ведьмаку не под силу вырвать это, просто он помочился под копье и вытащил, — догадался он. И не отдал девушку.

В это время Шабатныко находился в доме и сватался к Акуанде.

Шабатныко собрался уезжать. Он подошел к своему копью. Дернув копье, он понял, что к нему подходили, понял и то, что под него мочились.

— Я из Чиртии приехал, нартским гостем явился, а вы надо мной шутите! Увидите сами, что с вами случится; помните, что у вас есть противник, — заявил Шабатныко и выехал со двора.

Тот плутишка, которого звали Сосруко, был хитрецом, и он пустился вслед за Шабатныко. Догнал Сосруко <нарта> Шабатныко:

— Ты и я произошли от одной женщины (букв.: *старухи*), твоя обида и моя обида, — сказал, — а раз так, давай, не откладывая, станем с ними враждовать, — сказал.

— Каким видом вражды будем враждовать, говоришь, Сосруко? — спросил Шабатныко.

— Ни их сборщиков урожая (букв.: *выходящих на просяное поле*) не выпустим, ни их пахарей не выпустим, ни их скот на пастбище не пустим, — предложил Сосруко.

Повернули назад. Повернули назад, и когда доехали на их земле до горы Даджы...

— Я меньше ростом, поэтому стану на горе, ты покрупнее — стань в лощине, — предложил Сосруко.

Сосруко стал на горе, Шабатныко спустился в лощину.

Ни их пахарей не выпускают, ни сборщиков проса не выпускают, ни скотину не выпускают. Три ночи-три дня так держали.

Чалахстэн, отец Акуанды, выбрался, прокрался сверху и пришел к Тлепшу. Он заявил Тлепшу:

— Тлепш, сделай мне две стрелы, чтобы в кого я выстрелию они попали, в кого попадут, чтобы тот не выжил.

Изготовил тот ему две такие стрелы. Забрал Чалахстэн те две стрелы и направился домой. На обратном пути Сосруко вышел к нему навстречу. Он подстерег его, спрятавшись в засаде у дороги. Чалахстэн, едучи, достиг места засады.

— Хайт! — крикнув, Сосруко вспугнул его коня и тот сбросил Чалахстэна наземь. Стрела, что он держал в руке, осталась, а та, что была на тетиве, поломалась.

— Ах, плут-ведьмак недобрый, чуть меня не погубил, — сказал Чалахстэн.

Сосруко исчез. Чалахстэн взобрался на коня и возвратился домой.

— Ты куда ходил, отец? — спросила дочь.

— К Тлепшу ходил, — ответил, — дочь моя. Собираясь празить этих двоих плутов, которые не выпускают все селение, я попросил Тлепшу изготовить мне две стрелы, но Сосруко вспугнул моего коня, я с него упал, и одна стрела переломилась. В кого я выпущу оставшуюся стрелу, того убью. Если скажешь «Выстрели в стоящего в лощине», выстрелю, скажешь — в стоящего на вершине, в кого ты скажешь, в того и выстрелю.

Чалахстэн задумал, что не будет стрелять в того, на кого укажет Акуанда. Однако она больше питала слабость к Шабатныко, и она не смогла этого скрыть.

Чалахстэн выстрелил в того, который стоял в лощине, а это был Шабатныко, и он его убил.

Селению он объявил:

— Шабатныко я убил, теперь Сосруко не опасен.

Народ вышел на равнину.

Увидели, что Сосруко лежит мертвый на горе, а его Тхожей стоит над ним. Пришли к Чалахстэну и рассказали ему —

— Сосруко трупом стал, — сказали.

Когда так ему сказали...

— Я в этого плута не стрелял, отчего ему быть убитым, это не то, — сказал. — В таком случае, Акуанда, достань из сундука мой бурав. — Велел он достать бурав. — Пойдите с этим буравом, проникните через пятку Сосруко и достаньте костного мозга полный шаг этого бурава. Если он умер, я это выясню, сказал и с этим отправил людей.

Отправились, вонзили в пятку Сосруко и полный шаг костного мозга достали. Принесли это и вручили Чалахстэну. Когда вручили, Чалахстан понюхал мозги:

— Да разве умрет этот плут! Его геройское сердце стучит, сам он притворившийся лежит, — сказал.

Когда не стало Шабатныко, Акуанда понадеялась на Сосруко как мужа.

— Отец, дай-ка и мне посмотреть эти мозги, — попросила она.

Он передал ей это прямо в шаге бурава. Понюхала Акуанда мозги...

— Что за дело, отец? Как может его геройское сердце стучать, от него только запахом мертвчины несет, — сказала девушка, полагая, что он убьет (?), сама на него надеялась (фраза не очень разборчива — *перев.*).

— Пойдите-ка и посмотрите, — велев, Чалахстэн отправил людей.

А там, куда он их отправил, оказалось, что Сосруко сел на своего Тхожея и уехал. Возвратились посланные и сообщили: «Его уже там нет».

— Разве я не знал, что он не умер! — сказал Чалахстэн.

Вот так в юном возрасте погиб Шабатныко.

Сосруко и Шабатныко сыновья двух сестер. Обеих имя было Сатанай.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 316–319. Исп. Едидж Семен: 1866 г.р., а. Чегатлукай Адыгей; бжедуг. Зап. 23.10.1940 г. Ю. Тлюстен. Перевод на русский язык А. Гутова.

50. ЩЭБАТЫНЫКЬО ИЛЛАКІ

Щэбатыныкъо лІэу зэхъум, зыпIугъэм еупкыигъ къызыз-дэкIырэмрэ ылтъепкъымрэ, ятэ-янэхэмдж’э. Къэзыгъоти зыпIужъыгъэм къыриIуагъ псым къыхъэу къызэригъотыгъэр. Пхътэу зыдэлъэу къыгъотыгъэр натымэ яIашIагъэу зэрэштыгъэри риIуагъ.

— Адэ, сэ натымэ адэжбы сыкIожыни, сэ слъепкъ къэзгъотыжынэу сыкIощти, щы сыфай, ящэ-шъуашщэрэ сафай, — риIуагъ зыпIужъыгъэм. ЗыпIужъыгъэр къолайти, зэужъэри иIагъ.

— Къахэх сищымэ узыфае щэр, сиIещэ-шъуашщэмэ узыфаер къахэх, — риIуагъ зыпIужъыгъэм.

ЗыпIужыгъэм щыхэр зырызэу къыубытыгохэу нат Щэбатыныкъо ѢыкIемэ къатэIагъ.

Зы хакIо нахь къыхэмымкIэу адэрэхэр зэужъэмэ акIэ къаIэгъо зэгъу пхэкIэ зэхигъэтIысхъагъэх. ХэкIожъэри IапыкIи ежъэжыгъэшти, къыригъэгъази, бгым кIифи, ежъыри бжъакъом къыдэкIуай къыготIысхъажыгъ. ХакIом анахь готIысхъэгъагъэхэп. Къыридзыхымэ фаеу къыкIэчи къычахыгъ, дэчэягъ, зыдидзыягъ, ау къыфемыдзыхэу уцужыгъэ.

Щэбатыныкъо къепсыхыжы, уанэу тырилтхъагъэр пытэу ыгъэпытагъ. Иещэ-штуашэхэмджэ зыкыфапи, зыпIужыгъэм ыIапэ къыубытыжы, къыдэкIыжыгъ.

Тен псыхъо гъунэ Iутэу зыущогъурэ къэкIуагъ.

Тены къэкIи, Псыжъы къэкIуагъ. Псыжъы гъунэ Iутэу къакIого зэгъу, натымэ яхэгъэгъу къызэсым, натымэ ешхэ-ешшю яIэу зэхэсихэти, натымэ якIэлэ горэ щаум дэтэу къылтэгъуи, ихъажы ариIуагъ. Натымэ Саусэрыкъоти ятхъэмэтэу зэдэIухэу яIагъэр, раIуи, къагъалты, Щэбатыныкъо къакIоу зельэгъум, емыплъышью ынэ зэтрипкъожы, Iанэм зытыригъэкIагъ, ынэхэр ыупIыцIыгъэу.

— КъысаштьуIуи шыур зыхэтыр? — къеIо шъхъакIэ, Саусэрыкъо къафеплъырэп. Зи расшIэн замылтэкIым, Лъэпшты ыдэжы агъакIуи, Iадэ къырагъахы, Iадэмджэ Саусэрыкъо ынапIэ зэтыратххи къагъэплъагъ.

— Ашъуу, къэкIуагъэр шIу фэшIыджэ къэкIуагъэп. Натымэ хъалачэр къахилтхъашт. ШъуипаIо шъхъарыхыгъэу лъэкоджэмымшъхъэджэ шъуфэтIыси, къышъозэгъымэ, шъуинасып. Къышъомызэгъымэ — шъуунэхъугъ.

— Къышъозэгъымэ, къыжъугъахъэ, жъугъэтIыси, санэ блэхэсэу ежъугъашъуи, шъуинасыпымэ, ащ ыукIышт, — ыIуи, Саусэрыкъо къикIи, щэси, ежъэжыгъ.

Нат Щэбатыныкъо къызэсым, натыхэр пэгъокIыхи лъэкоджэмымшъхъэджэ рэтIысихи, япаIохэр ашъхъарыхыгъэу «Къытфеблагъ!» раIуагъ.

Нат Щэбатыныкъо къепсыхи, натымэ къахэхъагъ. Натымэ ясэнабжъэ Щэбатыныкъо къыIакIагъэуцуагъ. Нат Щэбатыныкъо къамыщымджэ блашхъо къыхидзи, икъамыщыкIэджэ ыукIыгъ, сэнабжъэр ришъуи аритыжыгъ.

Саусэрыкъо къикIуахызы э Щэбатыныкъо зериукIыштэ амалэр къыгъотыгъ. Натымэ яхэгъэгу къихъажы, натымэ яIэхъожь игъунэгъуо зыкышигъали зыкыригъэгъотыгъ. Саусэрыкъо уIэгъэ Iаеу, иуIагъэми хъацIэ-ПацIэхэр къариуэлтэу, ежъ шъумэр къыпирихэу щылтэу Iэхъожъым зельэгъум, къэкIожы Щэбатыныкъо риIуагъ:

— Ар лагъэми мылIагъэми къэспIэн. Бырыу шъухыи, ыльэдакъи шъуугъони, ыльэпштэ куцIы щыщэ къысфэштхъ, — ыIуагъ.

Натымэ бырыу ахы Саусэрыкъо ылъэдакъэ аубырыуи, ыльэпштэ куцIы щыщэ къыфахыгъ. Щэбатыныкъо Саусэрыкъо ылъэпштэ куцIэ епэмыгъ:

— Псэу! ЗигъэлIэгъэ нэпцI! — ыIуагъ.

— Тэущтэу псэона? ХъацIэ-ПацIэхэр уIагъэмэ къадэкIых, шъумэ пэу, — аIуи, Щэбатыныко ышIошь агъэхъугъ. Щэбатыныкъу ахэтэу нартыхэр кIуагъэх Саусэрыкъо ихъадэ еплъинхэу.

Саусэрыкъо хъазэрэу щылъыти, Щэбатыныкъо зыбгъодахъэм, Саусэрыкъо къызэштхъылъети, к'атэмдж'э к'ьеуи, Щэбатыныкъо ыштхъэ эзфэдито къызэгуупкыи к'итхъужьыгъ. Натымэ Щэбатыныкъо ыштхъэ зэгоутыгъэ Лъэпшь ыдажы ахъи, Лъэпшь гъоплъэ идэжьын фишыи ыдыжьыгъ. Щэбатыныкъо хъужы ыпэрэм фэдэу Саусэрыкъо хэгъэгум къыримыгъахъэу ыублэжьыгъ.

Саусэрыкъо фабэуи чыIэуи къышын ылъэкIынэу щытгъ. Саусэрыкъо зэ фабэ къышымэ, нат Щэбатыныкъо ыштхъэ гъуаплъэр къэплъымэ, ыштхъэ куцIэр къыгъажьоу, зэ чыIэ уае къышымэ, гъуаплъэр къэучыIемэ, штхъэ куцIэр ыгъэцыхъэу гугъу-мыгъудж'э ыгъэллагъ. Нат Щэбатыныкъо лагъэ нахъ мышIеми, натымэ Саусэрыкъо къызыхагъахъэжьындж'э фэмыехэу аукIынэу раупхъещэжьагъ.

Нат Саусэрыкъо къаубытыни зэраукIыщтым иунашьо ракхуахъэу зэхэтийсхъягъэх.

Унэшьоши ахэмьтэу, ежыхэмэ язакъоу, зэмидэIужыхэу, нат Саусэрыкъуи къыкIуахъыго зэгъу натымэ яхъокIожьызыкъыIуигъакIи, натымэ якъэбарыдж'э къеупкIыгъ.

– Натыхэр зэIукIагъэхэу мэфэ заулэ хъугъэу зэхэсих, ау якъэбар зими ышIэрэп, – ыIуагъ хъокIожьым.

– Адэ, ныпчыхъэ узыкIожьыдж'э акIэдэIуи, унашьоу ашIыгъэр къысфахъыщнэущы, – ыIуи, чэмахъожьыр къытIуипыжьыгъ.

ЯтIонэрэ мафэм хъокIожьым зыкъыIуигъакIи къеупкIыгъ:

– Натымэ уиунашьо ашIырэр, ау унэшьоши ахэтыхъэпи, зэдэIужыххэрэп, – ыIуагъ хъокIожьым.

– Ашыгъум, натыхэр зэрэзIукIагъэхэм ипчагъэ къысфэзгъашIэй, нэущ къысэIожь, – ыIуи, Саусэрыкъо IукIыжьыгъ.

ХъокIожьэр пчыхъаштхъэм къыдэхъажьи, натыхэр зэрэзIукIагъэхэм ипчагъэ зэригъешIагъэ. Пчэдыхъым зыдэкIым, Саусэрыкъо зыIуигъакIи, ылъытэгъэ пчагъэр риIуагъ. Саусэрыкъо натыхэр зэрэхъурэ пчагъэр къызешIэм, хъокIожьэр зыIэпигъяIи, натымэ япчагъэ фэдиз куахъо ышIи, апэхэр папцIэхэу, джашьоу, чантэу палъыкIыжьыгъ.

– Ыдж, узыкIожьырэм, мы кохъо котэр зыдахьи, натыхэр зэрыс унэм ипчэкъохъурэ ичэтыкухэмэр сфа克ъогъеуцох, ори ахахьи мыш фэдэ къэбар ахахь. Сыдж'эр, Iадэр, уатэр – ахэмэ ашыщэу тары апэу къежьагъэр Iуй, ор-орэу яIу, – къыриIуи Саусэрыкъо IукIыжьыгъ.

Натыхэр зызIукIэхэдж'э зэнэктоктуныхэу Iашэ къихъэрэм къыIамыхэу унэм ралхъяштгъэп, зызэрэгъэгубжыхэрэм зэрэмыукIыжьыным фэшIыдж'э, натыхэм яхъокIожьы пчыхъэм куахъохэр къыздихьи натыхэр зэрыс унэм ичэтыкухэм акIигъэуцохи, ежыри ахэтIысхъажьыгъ. Зы уцугъо горэ ахэсыгъэу, хъокIожьым къыIуагъ:

– Сэ, натыхэр, зыгорэмьидж'э сышъоупкIыщ. Непэрэ зымафэм хаштюм ситеу сегуушысагъ штхъае, зи къысфэшIагъэп, ышIэрэм къысерэIу. Сыдж'эр, Iадэр, уатэр – апэу тэрары къежьагъэр? – ыIуи.

Зы наты горэм «сыдж'эр ары» къыIуагъ.

– Адэ, а сыдж'эр Iадэ имыIэу штыдыдж'э ыубытыщтыгъэ? – ыIуагъ адэрэм.

– К'атэр имыIэу сыдж'эри, Iадэри штыдыдж'э ышIыгъя? – къыIуагъ ящэнэрэ натым.

Зэнэкъокъухэго зэгъу зэшчихъажыгъэх. Зээоныхэм Йофэр зынэсым, хъокложъэр къыкІыжбы къекложыгъ. Аш къыхыгъэ куахъохэр къашти, натыхэр зэзаомэ зэхэутфэжыхэго зэгъу, зэрэукыжыгъэх. Натымэ анахьыбэ а заом хэкІодагъ. Саусэрыкъо шъхъафит хъуи къыдэхъажыгъ. Ау едэунэу ыгъотыжыгъэр натымэ анахь макІэр ары. Ахэри зи зымыльэкІырэ тІэклур ары. Джаущтэу хъокложъэр къыапылагъ.

ГИБЕЛЬ ШАБАТЫНЫКО

Когда Шабатыныко возмужал, он спросил своего воспитателя о том, откуда он, какого он роду-племени, кто его родители. Тот, кто его нашел и воспитал, рассказал о том, что нашел его, когда его несла река. Также он рассказал, что сундук, в котором он был найден, изделие натов.

— Тогда я вернусь к натам, и так как я поеду искать свой род, мне нужен конь, оружие-снаряжение нужно, — сказал он своему воспитателю. Воспитатель его был богатый человек, и у него всё <это> было.

— Выбирай из моих лошадей нужного тебе коня, из моего оружия-снаряжения то, что тебе нужно, — предложил воспитатель.

Воспитатель ловил всех лошадей по одному, и нат Шабатыныко дергал каждую за хвост. За исключением одного жеребца все остальные при этом приседали <до земли>. А могучий жеребец вырвался и убежал, поэтому <Шабатыныко> развернул его, загнал в теснину, сам поднялся на верхотуру и оседлал его. Кроме него никто не сумел оседлать жеребца. Желая сбросить его с себя, конь выбежал и побегал, поскакал вверх, попрыгал [становился на дыбы], но не сумев его сбросить, остановился [тихомирился].

Шабатыныко спрыгнул и еще больше укрепил седло, положенное на коня, облачился в оружие-снаряжение, попрощался за руку с воспитателем и уехал.

Он ехал один переход по берегу в пойме Тена. Свернул от Тена и повернулся к Псыжу. Когда он, едучи по берегу Псыжа, достиг края натов, у натов было застолье, и они сидели; один парень из натов, находившийся во дворе, увидел его, вошел в дом и сообщил о том <натам>. У натов <к тому времени> тхаматой, которого все слушались, был Сосруко, и когда ему рассказали и он посмотрел; увидав, что едет Шабатыныко, он не в силах видеть, закрыл глаза и оперся на стол, с закрытыми глазами.

— Скажите, кто этот всадник! — хотя так говорили, Сосруко не смотрит (букв.: *не могут заставить, чтобы посмотрел*). Когда не смогли ничего с ним поделать, отправили <человека> к Тлепшу, попросили у него клещи и клещами разъяли веки у Сосруко.

— Тот всадник, который прибыл, он не на добро прибыл. Он принесет беду натам. Сняв свои шапки, на коленях встретьте его, и если он с вами примирится, — ваше счастье. Не примирится, тогда вам несдобровать. Если примирится, пригласите его в дом, усадите его и поднесите сано со змеей, и если счастье будет на вашей стороне, она его убьет, — сказал Сосруко, вышел и уехал.

Когда нат Шабатыныко явился, наты вышли ему навстречу, стояли на колени и со снятыми шапками сказали ему: «Добро пожаловать к нам!».

Нат Шабатыныко спешился и вошел в среду натов. Наты вручили ему свою чашу сано. Нат Шабатыныко плеткой выбросил ядовитую змею, рукоятью плети убил ее, выпил чашу сано и вернулся ее <натам>.

Сосруко, разъезжая, придумал (букв.: *нашел*) способ, которым можно убить Шабатыныко. Он вернулся в край натов, неподалеку от старого натского пастуха притворился мертвым и попался на глаза ему [пастуху]. Увидев, что Сосруко лежит сильно израненный, а из ран еще черви сыпятся, сам же источает трупный запах, <пастух> возвратился в селение и сказал Шабатыныко.

— Я узнаю, умер он или не умер: принесите бурав, продырявьте его пятку и принесите мне мозг из его голени, — велел <Шабатыныко>.

Наты взяли бурав, продырявили пятку Сосруко и принесли мозг из его голени. Шабатыныко понюхал мозг из голени нарта Сосруко:

— Он жив! Притворился мертвым! — сказал.

— Как он может быть живым? Из его ран черви вылезают, сам запах мертвечины источает, — сказали наты и заверили в том Шабатыныко. Наты вместе с Шабатыныко направились посмотреть на труп Сосруко.

Сосруко лежал наготове, и когда Шабатыныко приблизился к нему, он вскочил, раскроил мечом надвое голову Шабатыныко и убежал. Наты отнесли Шабатыныко к Тлепшу, и Тлепш изготовил ему бронзовую заплату и наложил ее на голову Шабатыныко. Шабатыныко выздоровел и стал, как и прежде, препятствоватьозвращению Сосруко в край.

Сосруко обладал способностью наводить жару и холод. Когда он наводил тепло, бронзовая голова у Шабатыныко нагревалась, мозги расплывались, а то он наводил холодную стужу, бронза остывала и мозги застывали — вот так в муках он его умертвил. Хоть нат Шабатыныко и умер, наты не захотели его [ната Сосруко] принимать в свою среду, а решили его убить.

Сели они, чтобы решить, каким образом им поймать Сосруко и как его убить. Среди них не было одного, которого бы все слушались, они были сами по себе, не слушались друг друга <и поэтому не могли прийти к согласию>; а Сосруко разъезжал и однажды он вышел на натского доброго пастуха и расспросил его о том, что у натов нового.

— Наты несколько дней как сидят и совещаются, но никто не знает, что они решают, — ответил старый пастух.

— Тогда, как ты сегодня возвратишься, подслушай их, расскажи мне о том, что они там решили, — сказал Сосруко и отпустил пастуха.

На следующий день он вышел навстречу и спросил...

— Наты решают дело о тебе, но так как среди них нет предводителя, они друг другу не подчиняются, — ответил старый пастух.

— Если так, то узнай число натов на встрече и завтра сообщи мне, — сказал Сосруко и уехал.

Старый пастух вечером вернулся в селение и узнал число натов на встрече. Когда наутро он вышел <на пастбище>, он встре-

тился с Сосруко и сообщил ему установленное им число. Когда Сосруко узнал число натов, он с помощью старого пастуха изготовил такое же число вил, заострил их кончики, отшлифовал и до остроты заточил.

— Теперь, когда вернешься в селение, эту охапку вил отнеси и расставь по задверьям и по углам помещения, где собираются наты, потом сам войди к ним и спроси вот что: «Наковальня, клещи, молот — что из этих трех появилось раньше?» — вот так скажи от себя, — сказал так Сосруко и уехал.

Когда наты собирались, чтобы спорить, их не впускали в дом, пока не заберут у них оружие — чтобы в случае, когда они распальятся, не поубивали друг друга. Старый пастух натов вечером принес охапку вил и разложил их по задверьям и укромным местам, затем и сам усился между ними. Посидев некоторое время, старый пастух сказал:

— Я хочу у вас, натов, об одном деле спросить. Сегодня весь день я на пастище об этом размышлял, но так ничего и не решил; кто знает, пусть скажет мне. Наковальня, клещи, молот — из них что появилось первым? — спросил.

— Это наковальня, — сказал один из натов.

— А как за эту наковальню брались, если не было клещей? — возразил другой нат.

— Без молота как могли изготовить и наковальню, и клещи? — сказал третий нат.

Заспорили, и в один час переругались. Когда дело дошло до драки, старый пастух вышел и ушел домой. <А наты> похватали принесенные им вилы и, все более раззадориваясь, дошли до того, что поубивали друг друга.

В той драке погибло большинство натов. Сосруко стал волен и вернулся в селение. Но чтобы править ими, он уже нашел малое число натов. Да и те были из таких, кто мало чего мог совершить. Вот так старый пастух ему помог.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 319–322. Исп. Али Ачегу: 1876 г.р., а. Псибе Туапсинского р-на Краснодарского края; шапсуг. Зап. 13.09.1949 г. З. Кардангушев. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет контаминацию сюжета о сватовстве к дочери своеенравного нартского старейшины, отказывавшегося выдать дочь за нарта Сосруко или Бадиноко / Шабатыныко с сюжетом о кознях нарта Сосруко против данного героя или всего общества. В других версиях сюжета о сватовстве повествуется, что ранение в голову наносится не Бадиноко / Шабатыныко, а отцу невесты, герой же погибает от стрелы, изготовленной Тлешшем. Оригинален мотив неразрешимого вопроса о первичности одного из трех называемых предметов, встречающийся в адыгском эпосе только в данном варианте.

ЕтIуанэ Iыихъэ
ШАУЕЙ

Часть вторая
ШАУЕЙ

1. ДЭБЭЧ, ДЭБЭЧ И КЬУЭ КЬУАГУЭ, КЬУАГУЭ И КЬУЭ КЬЭРЭШҮҮЕЙ СЫМЭ ЯХЬИБАР

Нартхэм я гъукIэжь Дэбэч къуэ пшыкIуй иIаш. Зэш пшыкIуйим я нэхтыжыр Къуагуэт. Зэш пшыкIуйири зэуэ къыздэхъуахэш. Зэшхэм фыз къашэн хуей щыхъум, тЫсри тхээ зэхуаIуахэш:

— Дэ псори зы адэ-анэм дыкъалхуаш, зы адэ-анэм къильхуаI ээшыпхъу пшыкIуй къэдгъуэту къэдмышауэ нэгъуэшI къэдмышэн, — жиIаш.

Зэкъуэшхэм я шы-уанэ тралхъэри ежъахэш. КъакIухъаш абыхэм куэдрэ, къухъэПи къуэкIыПи къагъэнакъым, я шы лъабжээ здынамыхуса, ауэ ээшыпхъу пшыкIуй ягъуэтакъым.

Псоми я гугъэр хахыжауэ къыздэкIуэжым, къагъуэташ ээшыпхъу пшыкIубл хъууэ, ешыкIуиянэр щIалэу.

— Дэ нэгъуэшI дгъуэтинукъым, ээшыпхъу пшыкIублыр къэдывгъашэ, — жиIаш зым.

— Къэтшэнт, ауэ хэт фызыншэу къэнэнур, мыхэр пшыкIублиш зэрыхъур? — жиIаш адрейм.

— Пхъэидзэ тЩынщи, зи пхъэ къикIым къишэурэ къэтшэнщ, — жиIаш ещанэм.

— Хъэуэ, — жиIаш нэхъышIэ дыдэм, — ээшыпхъу пшыкIублым ешыкIуиянэр щIалэш, нэхъыжыри араш. Къатшэм къызэрьтшэнүри нэхъыжь-нэхъышIэкIэш. НэхъышIэ дыдэр щIалэу щытам, насып зимыIэр сэрати, зыри жысIэнтэкъым. Сэ синэхъышIэш. НэхъышIэу къалхъуар сысейщи, зымы естьнукъым, — жери.

— Араш, сэ насып сиIамэ, ээшыпхъухэм я нэхъыжыр хтыдэбзынт. Сэраш фызыншэу къэнэн хуейр, фэ къафшэ. Фэ фи насып зыхэлтээр мыхэрэш, — жиIаш нэхъыжь Къуагуэ.

Зэш пшыкIублым ээшыпхъу пшыкIублыр къашэри, нэхъыжь дыдэ ешыкIуиянэр фызыншэу къенаш. Фызыншэу къенар Къуагуэти, зигъэгусэри къуршым кIуэжаш. Зэкъуэшхэр тхъэрэ шхэуэ мэпсэу, Къуагуэ и закъуэ къыдэмыхъэжу къуршым щопсэу.

Апхуэдэу зэрыхъуар Къуагуэ и дэгызэ Сэтэней къыицишIэм, хъэблэм щIалэ цЫкIуу дэсыр къызэхуишэсри яжриIаш;

— ФыкIуи, Къуагуэ зыщIэс бгъуэнщIагъыр къэвгъуэти ауан фшIы, — жери иутIыпщахэш.

ЩIалэ цЫкIухэр къуршым кIуэри Къуагуэ и тЫсыпIэр къагъуэташ. Абы и гъунэгъууи кIэн щыдджэгууи хуежъаш. Зык'юмрэ джэгуга нэужь, зым жиIаш:

— Хэт хъэрэмыйгъэ ишхми, Къуагуэ и махуэр къыхукIуэ, Къуагуэ хуэдэу насыпнышэу къеунэ, — жери.

Ар Къуагуэ зэрызэхихар ару, игукIэ жиIаш: «Сэ си гугъэр гугъэкъым. Мыхэр «ин жыIэ цЫкIу Iуатш». Цыкхухэм Iуэхуфэу къахуэнар сэраш», — жиIери къекIуэжаш. И адэм и шым хыхъэри къунан шы джэмыйдэ цЫкIу къиубыдаш. Шыдджэмыйдэ цЫкIу фIицыхааш.

— Сэ фыз схуэхъун къэзгъуэту къэзмышауэ къекIуалIэ сиIэкъым, — жыхуиIэу, и Шыдджэмыйдэ цЫкIур зэшIикъузэри и лъакъуэр щIым нэсу ежъаш.

Күэдрэ къикIухъаш Къуагуэ, и шы лъабжъэр куэдми нихусаш. Езэшаш, ауэ игъуэтыркъым. ИкIэм-икIэжым псы икIыгъуэм щыIухъэм, хуэзаш зы иныжь фыз, зигъэпскIыу дэту, и быдзитIыр и щыбагъымкIэ щхъэдэдзыхъягуэ. Къуагуэ иныжь фызым имылъагъуу и щыбагъымкIэ бгъэдыхъэри и быдзым щIэфащ. Иныжь фызыр къеплъэкIри жиIаш:

– Хээфиз ухъу, си нитIу уэ узмылтъэгъуар, зэ дзэкъэгъуэкIэ сэту фIыт уэ щынэ хуэдэ укъысIурышIытIеу усшхыну, – жиIэри.

– Ей дянэ, уи нэри фIыкIэ уиуIэ, сэ сумышхми, шшхын бгъуэтынц. Сэри сыгъуэтурлыкIуэш, Iуэхушхуэ сиIэу къызокIухъ, – жиIаш Къуагуэ.

– Сыт Iуэху, си щIалэ, къышIэпкIухъыр? КъызжыIэ, уэ си ныбэ укъикIа хуэдэ ухъуаш, слъэкIынум, пхуэсщIэнц, – жиIаш иныжь фызым.

– Фыз сыхуейш, – жиIаш Къуагуэ.

– АтIэ, сэ си пхъур уэстынц. Нэхъ дахэ уафэмрэ щIылтъэмрэ я кум дэткъым, теплъай щыIэкъым, ауэ япэ щыкIэ къэпшэну тхъэ къысхуэIуэ, – жиIаш иныжь фызым.

Къуагуэ тхъэ иIуаш, абы и пхъур къишэну.

– Ауэ зы лэгъуп цыкIу сиIэщи, абы лыкIэ из къысхуэпциын хуейш, – жиIаш, – ар сыйтылми содэ.

– Хъунц, – жиIэри Къуагуэ иныжь фызым и ужь иту кIуаш. Унэм щынэсым...

– Моращ къозгъэшэнур! – жери къригъэльтъэгъуаш, щхъэгъубжэмкIэ къыдэплъу зы Iей дыдэ гуэр, нэхъ Iей псэущхъэми яхэмиту. Ауэ Къуагуэ тхъэ иIуат, къимышэу хъужыннуткъым.

Иныжь фызыр унэм щыхъэжри «лэгъуп цыкIу» жыхуиIар къышцищIихым, Къуагуэ гузэващ, апхуэдизкIэ лэгъупшихуэти: «Мыбы из лы дэнэ къисхыну?» – жиIэри.

Къуагуэ щэ щыхъэгъуэ мэзым щыхъэурэ, мэзым псэущхъэу щIэтыр къышцихуурэ, иукIыурэ ерагъкIэ лэгъупым из ищIаш. Лэгъупым из зэрыхъуу, иныжь фызми и пхъур къритри Къуагуэр къиутIышыжащ.

Къуагуи, адрей и къуэшхэм яхуэдти, унагъуэу тIысыжащ.

Къуагуэ и фызыр илтъэс къесыхукIэ малъхуэ, къильхур къызэрилтъхуар ару ешхыж. Апхуэдэу щыхъум, Къуагуэ и дэгызэ Сэтэней деж кIуэри и фызым и щытыкIэр жриIаш.

– Хъунц, – жиIаш Сэтэней, – уи фызым и лъхуэгъуэ зэрыхъуу, и хъыбар сыйгащIи, сэ синэкIуэнц.

Аурэ екIуэкIыурэ, Къуагуэ и фызым и лъхуэгъуэ зэрыхъуу, Сэтэней хъыбар иригъэшIаш. Сэтэнейм зы хъэшишыр цыкIу Къуагуэ къригъэгъуэтри, и IэлъэшI кIапэмкIэ щIэуфауэ къихъри Къуагуэ и фызым деж къэкIуаш. Иныжь фызри лъхуэну къытөлтэдэу щыист.

– Уэ гугъу уемыхъу узэрылтъхуэн бжесIэнц, – жиIаш Сэтэней. – ДэкIуей уэнжакъышхъэми, уэнжакъ кIуэцIым укъильхуухым, тынш хъунуш, – жиIэри иныжь фызыр уэнжакъышхъэм дригъэкIуяещ. Езы Сэтэней уэнжакъ лъабжъэм щIэувэжаш, сабийр къиубыдыну. Сабийр уэнжакъ кIуэцIым къышцихуэм, Сэтэней и бохуцей куэцIым къригъэхуаш. Хъэшишыр сабийр и пIэкIэ жъэгукум къыдинэри езым сабийр Иыгъуу къышIэпхъуэжаш.

Иныжь фызыр къежэхыжри хъэпшырым епхъуаш, ишхыну, икИи едзэкъаш. Зэrimейр къызэрищIэу, кIэлъышIэпхъуаш, арщхъекIэ Сэтэнейр игъуэтыжакъым.

Сэтэней сабийр ихьри къуршым кIуэжащ. Мыл гушэ ящIри, абы ильу сабийр ипIаш. А щIалэми Къэрэшыуей цIэуэ фIищащ.

Къэрэшыуей ин щыхъуу щыхуежьам щыгъуэ, къуршым къыдишу игъебанэурэ, дишэжым игъашхэурэ, пелуан ищIаш. И анэ къэзыльхуам къарукIэ текIуэн хъухункIэ, Сэтэнейм Къэрэшыуейр къуршым щигъашхэу щиIыгъаш. Къэрэшыуей пелуан хъуа нэужь, Сэтэнейм Къэрэшыуей и анэм деж къыхуишэжащ.

Иныжь фызыр плъэри Сэтэнейрэ Къэрэшыуейрэ къэкIуэжу щилъагъум, щIепхъуаш, и къуэр ишхыжын мурад иIэу. Къэрэшыуей и анэр къиубыдри, иутхыныпщIри къарууншэ ищIаш. Зэrimышхыфынур и фIэщ щыхъум, иныжь фызым зыри жиIэжакъым.

Сэтэней Къэрэшыуейр и адэм иритыжри езыр кIуэжащ. Къэрэшыуей и адэм и деж щыIэу зыхихащ, и адэ къуэш Уэзырмэс шыгъажэ зэриIэр. Ядэм и Шыджэмыйдэжьыр щIыгунэм зэрыщIэтыр Къэрэшыуей къызэрищIэу, абрэмывэр къыIуигъэукIуриикIри къищIишащ. И уанэр трилъхъэш, зэщIикъузэри шыгъажэм кIуэну ежъаш.

Уэзырмэс и шыгъажэм кIуэурэ псы икIыгъуэ закъуэ Iухъэри, и Шыджэмыйдэжьыр къеувыIаш. Еуэри – хъуакъым, ебгри – хъуакъым.

Шыджэмыйдэжьым и джабитIыр лты защIэ хъухукIэ щриудым, Шыджэмыйдэжьыр къэпсэльаш:

- Сыт сыщIэбуkIыр? – жиIэри.
- Хыхьи, никIи сыноуэнкъым, – жиIаш Къэрэшыуей.
- ДыздэкIуэр къызжеIи, сикIынщ, – жиIаш Шыджэмыйдэжьым.
- Сэ сыздэкIуэр сиш жесIэну мурад сиIэкъым, – жиIаш Къэрэшыуей.

– КъызжумыIэм, сикIуэнукъым, – жиIаш Шыджэмыйдэжьым.
– УкIуэнщ, – жиIэри аргуэрю иукIаш Къэрэшыуей Шыджэмыйдэжьыр.

АрщхъекIэ Шыджэмыйдэжьыр псым хыхъакъым. Щымыхъум, Къэрэшыуей жиIаш:

- Шыгъажэ Уэзырмэс иIэу абы докIуэ, – жери.
- Ар сощIэри аращ сэри сыщIэмыкIуэр, – жиIаш Шыджэмыйдэжьым. – Шыгъажэм дыбгъакIуэу абыхэм я шым сакъытебгъэжынумэ, нэгъази Дэбэч и деж дыгъакIуэ. Дэбэч гъущI шыныбэпхыр эгъэшI. Армырмэ сэ сикъышыжэкIэ, сылъэтэнуш. Си шыныбэпхыр зэпьгчым, жым укърихъэхынщ. Дэбэч пхуишI шыныбэпхыр Сэтэней и гъутхъэпсымкIэ псыхыыжауэ щытын хуейш, ахъумэ ари зэпьзудынкIи хъунущ.

Къэрэшыуей къигъазэри Дэбэч и кIыщым Iухъаш.

- МафIохъу апший, Дэбэч дадэ! – жиIаш Къэрэшыуей. – ЩымыIэуэ пIэрэ сзыгъэлIыщIэн?
- Шэдьбожъапщэ ухъунум, сэ лIыщIэу укъэсщэнщ, – къыжриIэжащ Дэбэчи.

— Сегъэплъыт, шэдьбжъапцэ сыхъунум, — жиIэри, Къэрэшы-уей шэдьбжым епщэу щIидзэри Дэбэч и гъущIхэр жым иригъэхъаш.

— Куэдщ, куэдщ, абфIэкIа уемыпцэ, узыхуей псори пхуэсщIынщ, — жиIаш Дэбэч дадэжь.

— КъысхуэпщIэнум, гъущI защIэу шыныбэпх схуэщI, Сэтэней и гъутхъэпсымкIэ псыхъыжауэ. Шыгъажэм сыкГуэнуш, — жиIаш Къэрэшыуей.

— Пщэдэй уи шыныбэпхыр хээзыр хъунуш, — жиIэри къиутГыпщыжащ.

А махуэм Дэбэч ищIаш, гъущI защIэу шыныбэпхищ. Сэтэней деж кIуэри, тасибгъу зэтригъэувэри абы Сэтэней иригъэгъутхъаш. Тасийм пхырыкIыу ебгъуанэм къинамкIэ Дэбэч шыныбэпхищыр ипсыхъыжащ.

ЕтIуанэ махуэм Къэрэшыуей кIий-гуоуэ нэсаш, Дэбэч и кIыщым. Дэбэч щтэри сыдж щIагъым щIепщхъаш. Къэрэшы-уей Дэбэч щимыгъуэтым, къэгубжьри, и джатэмкIэ сыджым еуэри сыдж къуапэр пиупщIаш. Дэбэч и тхъэкГумэри дигъэкГуаш. Дэбэч сыдж щIагъым къыщIэкIыжри къритащ шыныбэпхыр.

— Мис, зи уз кIуэдын, уи гъущI шыныбэпхыр, жыхуэпIам хуэ-дэ дыдэу сщIаш, — жиIэри.

Къэрэшыуей шыныбэпхищыр Шыджэмыйдэжым щIикъузэри, нафIэр къыГурихыу Уэзырмэс деж нэсаш.

Уэзырмэс и шыгъажэр ГукГуэ ирихъэлIаш.

— СакIэлтьыгъакIуэ сэри сыкъэжэнущи, — жиIэри ельэГуаш Уэзырмэсым.

АрщхъэкIэ Уэзырмэсым идакъым:

— Ахэр дыгъуасэ ГукГаш, махуищкIэ къэжэнущи, пщэдэй къэ-сыжынущ, — жиIэри. — Уэ дашщэц абыхэм уашыщIыхъэнур? Уэ унэмисурэ ахэр къэсыжынущ, — жиIэри.

Щымыхъум, Уэзырмэсым и ныбжъэгъухэри иригъэльэГури, Къэрэшыуейр хуит ящIаш, якIэлтьыкIуэну.

Къэрэшыуей хуит зэрыхъуу, и Шыджэмыйдэжым ельэдэкъя-уэри, лъатэри ежъэжащ. Шыгъажэм кIуахэр махуэрэ ныкъуэрэ жауэ, якIэцIыхъаш, здэжэнум ахэр нэмысу, езыр ящхъэшыкIри япэ нэсаш. Мыдрейхэр нэсихукIэ, гъуэлъри жеяш. Шыгъажэхэр нэсу къыщаIуэнтIэжым, къахэувэри къыщIэпхъуэжащ.

МыдэкIэ Уэзырмэсир маплъэ.

— Си Шыкъуэлэнныжъыр япэ иту къожэ, — жиIэурэ, Къэрэшы-уей къэсыжыащ.

Игъазэри, Уэзырмэсым и Шыкъуэлэнныжъым тесыр ири-дзыхри, Шыкъуэлэнныжъыр и шыплIэм къыдилхъэри къихы-жащ.

Пщыхъэшхъэр хъури, Уэзырмэсым санэхуафэр ину къызэГуихаш. ХъэцIэхэм яшхэр ирапххэри езыхэр псори санэхуа-фэм щIыхъахэш. Къэрэшыуей и Шыджэмыйдэжымыр абыхэм яхэту ирипхри езыри санэхуафэм щIыхъаш.

Нартхэр ефэу зэхэсу, Уэзырмэс и фызыр къыщIыхъэри жиIаш:

— ХъэцIэм и шым адрей шыхэр ешх, — жиIэри.

Уэзырмэс къыщIэкIри, еплъри — Шыджэмыйдэжым шыхэр зэхишхыхъат, лъыр къаижэхыу. Къиубыду нэгъуэшщIыпIэ деж

ирипхыну хуежъати, Шыджэмымыдэжым зыбгъэдигъэхъакъым. КъышЦыхъэжри Къэрэшыуейм ельЭуаш:

— Уи шыр нэгъуэшЦыпIэ деж щепх, — жиIэри.

Къэрэшыуей къышЦэкIри, и шыр нэгъуэшЦыпIэ деж щрипхри щЦыхъэжащ.

Шыгъажэм саугъэту ящЦауэ хъуар Къэрэшыуей и пащхэм къральхъящ.

— Сыхуейкъым сэ зыри, сэ саугъэт щхъэкIэ сыкъэкIуакъым. Ахэр си цЦэкIэ фызхэм яхуэвгуэш. Сэ сыкъышЦэжар зэкъуэш пыцыкIуйм дишхэр згъэунэхуну арат, — жиIэри, Къэрэшыуей къэшэсри къыдэшЦыжащ.

СКАЗАНИЕ О ДАБЕЧЕ, СЫНЕ ДАБЕЧА КУАГО, СЫНЕ КУАГО КАРАШАУЕЕ

У старого нартского кузнеца Дабеча было восемнадцать сыновей. Старшим из восемнадцати братьев был Куаго. Все восемнадцать братьев выросли вместе. Когда пришла пора братьям жениться, сели они и поклялись:

— Все мы родились от одних отца-матери, и пока не найдем восемнадцать сестер, рожденных от одних отца-матери, на других мы не женимся, — так сказав.

Братья оседлали своих коней и поехали. Долго они странствовали, не оставили ни в закатной стороне, ни в восходной стороне места, которого бы не достигли копыта их коней, но восемнадцати сестер не нашли.

Уже разуверившись в своих надеждах, на обратном пути они встретили семнадцать сестер, а восемнадцатым был у них брат.

— Мы не найдем другого, давайте женимся на семнадцати сестрах, — предложил один из братьев.

— Мы бы женились, но кто тогда останется неженатым, их все-го семнадцать? — сказал другой.

— Бросим жребий, и кому выпадет, тот и будет жениться, — предложил третий.

— Нет, возразил самый младший, — восемнадцатый у семнадцати сестер — это юноша, он и есть из них старший. Если жениться, то мы женимся по старшинству. Если бы юноша был между ними младшим, несчастливым был бы я, и я бы ничего не возразил. Я младший, и поэтому родившаяся младшей моя, и я ее никому не отдам, — заявил он.

— Это верно, будь счастье на моей стороне, старшая между сестрами была бы девушкой. Оставаться неженатым суждено мне, так что вы женитесь. Это ваша судьба, — согласился Куаго, который был старшим <из восемнадцати братьев>.

Семнадцать братьев женились на семнадцати сестрах, а восемнадцатый, самый старший, остался неженатым. Неженатым остался Куаго, и он, обидевшись, ушел в горы. Братья припеваючи живут, Куаго же, не возвращаясь домой, в горах живет.

Когда Сатаней, кормилица Куаго, узнала как это случилось, она созвала мльчишек из всей округи и наказала им:

— Отправляйтесь, найдите пещеру, в которой скрывается Куаго, и посмейтесь над ним, — сказала так и напустила их на него.

Мальчишки отправились в горы и разыскали, где скрывается Куаго. Затеяли они неподалеку от него игру в альчики. После того, как некоторое время поиграли, один из них воскликнул:

— Кто захочет жульничать, пусть того постигнет участь Куаго, пусть останется таким несчастливым, как Куаго, — так сказал.

Как услышал это Куаго, про себя подумал: «Мои думы не думы (т.е. я сильно заблуждаюсь — *перев.*). Эти дети — о чем взрослые тихо говорят, о том малые громко рассуждают, как говорится. Я остался притчей во языщех», — так он сказал и вернулся домой. Отправился он в табун своего отца, выбрал жеребчика-трехлетку бурой масти и дал ему кличку Шыджамыда (букв.: *Конь Бурый*).

— Пока я не найду себе жену и пока не женюсь, нет мнеозвращения, — сказав нечто такое, он оседлал своего маленького Шыджамыду, затянул подпруги и, доставая ногами до земли, отправился в путь.

Долго странствовал Куаго, многих мест достигли копыта его коня. Утомился он, но не находит <того, что ищет>. В конце концов, <однажды> приближаясь к броду, он повстречал некую иныжевскую женщину, которая купалась в реке, груди же ее были переброшены через плечи. Куаго незаметно подкрался сзади к женщине и приложился к ее грудям. Она оглянулась и воскликнула:

— Да ослепнут мои глаза, что не увидели тебя, какой ты был бы вкусный на один прикус, подобно мясу ягненка, я бы тебя проглотила, — так она сказала.

— Э-э, мать наша, пусть твои глаза тебе останутся на радость, без меня ты найдешь, чем прокормиться. Я тоже путник, хожу большой заботой гонимый, — ответил Куаго.

— По какому же делу ты ходишь? Скажи мне, ты теперь для меня равен вышедшему из моей утробы, если я в силах, то помогу тебе, сказала иныжевская женщина.

— Нужна мне жена, — ответил Куаго.

— Тогда я выдам за тебя мою дочь. Прекраснее ее нет между небом и землей, и нет <мужчины>, который бы ее видел. Но сначала поклянись, что женишься на ней, — сказала иныжевская женщина.

Куаго поклялся, что женится на ее дочери.

— Но есть у меня один казанок, и ты его должен наполнить мясом, — сказала она, — неважно, каким мясом.

— Хорошо, — согласился Куаго и пошел следом за иныжевской женщиной. Когда дошли до дома...:

— Вон та, которую я выдаю за тебя! — сказав, показала она выглядывающую из окна какую-то уродину, уродливее которой даже среди животных было бы не сыскать. Но Куаго дал клятву, и не жениться теперь было уже нельзя.

Иныжевская женщина вошла в дом, и когда она вынесла оттуда то, что она назвала «маленький казанок», Куаго остолбенел от того, какой это был большой казан: «Где я найду столько мяса, чтобы наполнить его!» — в отчаянии подумал он.

Трижды ходил Куаго в лес, выгонял оттуда зверье, чтобы отстрелить, и наконец с большим трудом сумел наполнить тот казан. Как только казан наполнился, женщина отдала Куаго свою дочь и отпустила его. И вот, Куаго, как и другие его братья, зажил своей семьей.

Каждый год жена Куаго рожает, и как только родит, тут же поедает своего ребенка. Когда так стало, Куаго отправился к своей воспитательнице Сатаней и поведал ей о нравах своей жены.

— Хорошо, — сказала Сатаней, — как настанет срок родов у твоей жены, дай мне знать, и я приду.

Так шло время, и когда подошел срок родов у жены Куаго, он известил Сатаней. Сатаней велела Куаго отыскать одного щенка, завернула его в конец своего платка и, принеся его, пришла к жене Куаго. Иныжевская женщина тоже сидела, готовясь разродиться.

— Я тебе подскажу, как родить без большого труда, — сказала Сатаней. — Поднимись на верхушку очажной трубы, и если родишь внутрь трубы, все пройдет легко, — сказала она так и заставила иныжевскую женщину залезть на очажную трубу. Сама же Сатаней стала под дымоходом, чтобы поймать младенца. Когда младенец упал в дымоход, Сатаней подставила свой подол, и он туда упал. Она оставила посреди очага щенка вместо младенца, а сама с младенцем убежала. Иныжевская женщина бегом спустилась сверху и схватила щенка, чтобы съесть его, и укусила. Как только поняла, что это не ее <младенец>, она пустилась в погоню, но уже не нашла Сатаней.

Сатаней же ушла и унесла младенца в горы. Изготовили ледянную люльку и в нем вырастили ребенка. И назвала она малыша Карапашеем.

Когда Карапашеев стал крепнуть, она стала выводить его из расщелин и пускать бороться, а потом уводить назад и подкреплять едой, пока не сделала из него пелюана. Сатаней держала его в горах и подкрепляла едой, пока он не набрался достаточных сил, чтобы одолеть родную мать. Когда Карапашеев превратился в пелюана, Сатаней привела его к матери.

Иныжевская женщина посмотрела и, завидев возвращающихся Сатаней и Карапашея, побежала навстречу, намереваясь сожрать своего сына. Карапашеев схватил свою мать, встряхнул ее и лишил сил. Поняв, что она не сможет его съесть, иныжевская женщина более ничего не сказала.

Сатаней вручила Карапашея его отцу, а сама ушла восвояси. Будучи у своего отца, Карапашеев прослыпал, что его дядя Озырмес устраивает скачки. Как только он узнал, что отцовский Шыдджамыдэж содержится в подземелье, он отодвинул абра-камень и вывел коня. Положил он на него седло, подтянул подпруги и отправился на скачки. По пути на скачки Озырмеса Шыдджамыдэж, дойдя до единственного брода через реку, остановился. <Карапашеев> ударил его — ни с места, стал ругать его — ни с места. Когда он разбил бока Шыдджамыдэжа до крови, конь заговорил:

— Что ты меня бьешь? — сказал.

— Войди в воду, переправься, и я тебя не стану бить, — сказал Карапашеев.

— Скажи, куда мы едем, и тогда я переправлюсь, — заявил Шыджамыдеж.

— У меня нет желания говорить своему коню, куда я направляюсь, — возразил Карапашаей.

— Не скажешь — не пойду! — сказал Шыджамыдеж.

— Пойдешь! — сказал Карапашаей и еще пуще стал бить Шыджамыдежа.

Но Шыджамыдеж не пошел в воду. Когда у него ничего не получилось, Карапашаей сообщил:

— У Озырмеса скачки, вот туда мы едем, — так сказал.

— Я это знаю, потому и не иду, — сказал на это Шыджамыдеж. — Если ты хочешь, чтобы мы попали на скачки и я бы там опередил их коней, поверни назад, к Дабечу. Закажи Дабечу железные подпружи. Потому что я в бегах полечу, а если при этом подпружи лопнут, тебя унесет ветром. Подпружи, что изготовит Дабеч, должны быть закалены в моче Сатаней, а не то я и их могу разорвать.

Карапашаей повернулся назад и приехал к кузнице Дабечу.

— Мафох апший [доброго огня], дед Дабеч! — сказал Карапашаей. — Нет ли кого, кто бы меня взял в работники?

— Если сможешь справиться с мехами, я возьму тебя в работники, — ответил ему Дабеч.

— Давай-ка посмотрим, смогу ли я справиться с мехами, — сказал Карапашаей, взялся раздувать меха и от поднятого им ветра даже железные вещи Дабечу унесло.

— Довольно, довольно, больше не дуй, все, что тебе нужно, я изготовлю! — сказал могучий дед Дабеч.

— Если сделаешь, то сделай мне подпружи — целиком из железа, закаленные в моче Сатаней. Я поеду на скачки, — сказал Карапашаей.

— Завтра твои подпружи будут готовы, — пообещал Дабеч и проводил его.

В тот день Дабеч изготовил три железные подпружи. Отправился он к Сатаней, составил один над другим девять тазов, и Сатаней помочилась в них. В том, что просочилось сквозь восемь тазов и осталось в девятом, Дабеч закалил три подпружи.

На следующий день Карапашаей, громко крича, явился в кузницу Дабечу, Дабеч же с перепугу залез под наковальню. Рассердившись на то, что он не может найти Дабечу, Карапашаей ударил <мечом> по наковальню и отсек его часть, а вместе с нею прихватил и кончик уха Дабечу. Тогда Дабеч вылез из-под наковальни и вручил подпружи...

— Вот, да исчезнут твои болезни, тебе твои подпружи, — сказал.

Карапашаей приладил три подпружи Шыджамыдежу и, извергая огонь, прибыл к Озырмесу. Попал он, когда всадники Озырмеса уже пустились в дорогу.

— Позволь мне последовать за ними, я тоже хочу бежать, — попросил он Озырмеса.

Но Озырмес не согласился:

— Они уехали еще вчера, бежать им три дня, и завтра они уже будут здесь, — возразил он. — А когда ты их догонишь? Ты не успеешь добраться туда, как они уже будут здесь, — так он сказал.

Когда ничего не получилось, <Карашауей> попросил друзей Озырмеса быть за него ходатаями, и ему все же позволили ехать вдогонку. Как только Карашауей получил добро, Карашауей пришпорил своего Шыджамыдежа и полетел. Он догнал тех, кто ускакал раньше, когда они проскакали полтора дня, те еще не достигли цели, когда он их обошел и добрался туда первым. Пока эти туда доехали, он прилег и спал. Когда наездники разворачивались в обратный путь, он стал с ними рядом и вместе с ними поскакал.

А тут Озырмес смотрит:

— Мой Шыколаныж (букв.: *Коңы пегий могуучий*) впереди скакет, — говорил он, а первым прискакал Карашауей. <Затем> он развернулся, сбросил с коня того, кто сидел на Шыколаныже Озырмеса, самого Шыколаныжа положил на холку своего коня и принес.

Свечерело, и Озырмес открыл большое санопитие. Гости привязали своих коней а сами все вошли на санопитие. И Карашауей привязал своего Шыджемыдежа вместе с другими, а сам вошел на санопитие.

Когда наорты сидели пировали, вошла жена Озырмеса и сказала:

— Конь гостя кусает других коней, — сказала.

Озырмес вышел, посмотрел — Шыджамыдеж перекусал всех других коней так, что с них кровь ручьем текла. Хотел он поймать его и привязать в другом месте, но тот не подпустил его к себе. Вернулся он в дом и попросил Карашауея:

— Привяжи своего коня в другом месте, — сказал.

Карашауей вышел, привязал своего коня в другом месте и возвратился.

Все подарки, которые подготовили для скачек, выложили перед Карашауеем.

— Мне ничего не надо, не за подарками я прибыл сюда. Раздайте их женщинам от моего имени. Я скакал для того, чтобы испытать коней восемнадцати братьев, — сказал так Карашауей, сел на коня и уехал.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-н. Пасп. № 3. Исп. Жамурза Дзыгулов: 1862 г.р., с. Жемтала Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 12.04.1949 г. З. Кардангушев. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой контаминацию сюжетов сказаний о рождении героя, его богатырском детстве и первом подвиге. Из всех записей сказаний о рождении Шауея и о времени его детства настоящий вариант является одним из наиболее полных по содержанию и совершенных в художественном отношении.

2. НАРТ КЪАНДЖ ІАЛЫГУДЖЭ-ГУАЩЭ КЪЫЗЭРИЩАГЬЭР

Нарт Къандж ылъэпкъыджэ Инымыкъохэм ашыщыгъ. ЗекІоныри шэкІоныри зикІесэ лы пхъашэхэм ашыщыгъ.

Зы мафэ горэм: «КъыспәкІафэрэ щыІэмэ къэсхын», – ыIуи Къушъхъэплъ тIуакІэ дэхьагь. КъыІекІахыи щымыIэу, лэучәцI гори инэпльэгтү къимыфэу, ау ищэрэ ибзэрэ зэIудзагъэу бэрэ а чыпІэм щышкІуагь. Аузэ, гу льимытэу, зы чыцI цыкІу нахыи ишбэзапэ къымыхыгъэу, чәц хъугъэ. «Чэл гори сшын, мы пчэн цыкІури згъэжъэн, тIекІу сзызIуупхъуахыжымэ, чәщыпэ чыые мыш щисхын», – ыIуи гъочІэгть Iупэ горэм дэжь къышыуцугъ. ГъочІэгтыжъ шIункІым чIэхъанэу рикугъэп.

ЕгъашІэм зекІоу, шакІоу хэтызэ есагъэм сыйд ригъэIони, дэжъиеку дэчъяеу чы клахь IаплI къыриупкIи, Iэужь-лъэужти, хиIу-къыхIужьи чэлтыр ыгъяли енэб пкIаштээр къыттырихъожыгъ. Чэлтыр шыкІэ иIэу ыгъэуцугъ: ыIу фэIэтыгъашьоу, машIо IупшIахымэ, фэбамэр чэлтыр къыгЧэхъанэу. Сыйд фэдэу мафэрэ фабэми, чәщырэ къушъхъэр къэучтыIышь, ар хэти ешІэ, фэбагъэр гум икIасэу мэхъу.

МашIор зэгуригъяIуи, пчэн цыкІор зэIихыгъ. Зэрэпсау ышыуи, пхъэ цэцэшхом пиIуи ыгъажъэу тIысыгъэ. Мэфэрэнэм ыльэ тетэу шэкІуагъэти, фэбамэри къызеум, нарт Къандж къэблэрэгти шхъхаукуагъэ, чыые пырхыи аужыпкъэм ео хъугъэ.

Арэущтэу мо шэкІолIэр щысызэ, къыкІештагь: зыгроэм лэу ыгъажъэрэ ык'удыгъэ фэдэу гуцафэ ышIыгъ. Зиплъахь-зыкъиплъыхыжыи шхъхае, зи ылъэгъугъэп. «Сытхъауягъэу къыгЧэкIын!» – ыгуджэ зэриIожьи, ащ ыуж икIыжыгъ. Ил жъэгъахэмэ еплтыгъ, ау ащ игъю кIэмыхъэгъяIоу щытыти, тIекІу зэригъэзэкIи, сакъэу тIысыжыгъэ. Сыдигъоджи шакІохэр сакъых, арэущтэу ахэр шэкІон Iофым ышIыгъэх!

Арэущтэу, чыыери теужыгъэу, лым лъыплъэу машIом пэсзыэ, мо гъочІэгъым зы шIуцIагъэ горэ къыгЧэкIоштэу гуцафэ ышIыгъ.

«Iхъы, сытхъауегъэгъэн фаеп», – ыIуагь. ШуцIагъэр нэфынэм къызеблэгъым, цыф сурэт иIэу къыгЧэкIыгъ. «Сэц фэдэ шакІоштын», – ыIоу ау фэсакъэу щысызэ, мо цыфэр машIом къекIуашьи, лым къылтыIэбагь.

Блъэгъурэр ыгъэшIагъоу, хъурэм тIекІуи нарт Къандж фыIущхыпцIыкIыгъ. КъэIэбагъэм лыр зыIэкIэригъэхи, ежь ишбэзэ иIагъоти, еIи шхъариidзи къыубытыгъ. Ау къыубытыгъэр ежь нахыи бэджэ нахь зэрэлтэшэр къыригъашIэу лъэбэкъу заулэ зидишагъэу, щабзэри къызышхъарихыжьи, мытхъытхь дэдэу, ыкIуачIэджэ зэрээзыщыгутыжырэр къыбгурыйон фэдэу, цэцэшхуу рихыжыгъэри къифищэй къыритыжьи, ежь гъочІэгъыжъым чIэхъажыгъ.

МашIори упэбжъагъэу, мэшIо быбэу щытыгъэпти, мо чIэхъажыгъэр тэрэзэу ылъэгъун ылъэкIыгъэп, ау мэлышъо джэнэ убгъу, Iэгъуапэ пымытэу, зэрэшыгъым, хъульфыгъэ нэгу зэrimыIэм гу лъитагь...

«Хэтына мыр?» – ыIуи, къехъулIагъэр шIогъэшIэгъонэу, ау рипэсни ымышIэу, зэриIони щымыIэу заулэрэ щытыгъ. ЕтIанэ имашIо зэкIигъэуIужьи тIысыжыгъэ.

«Мыр – цIыфы, ау гу бзаджэ зиIэ цIыфэп. Фэягъэмэ, мыжъоджэ къао нэмIиIэми сиукIын ылъэкIыщтагъэ, ау сиукIыгъэп... Мыр зэкIон фае, арымырмэ ятIонэрэ къэкIогъум гъусэ къышIын ылъэкIытагъэ... Мыр лъеш, ау бзыльфыгъэн фае, – ынэгүи ежь иIэбакIи шъебагъэ горэ ахэлъ... Ау зыхъуджэ, мыр благъэ сымышIэу мы чIапIэм сиIукиIыжынэп».

А пстэумэ ягушицы нарт Къандж хэтызэ нэфи къэштыгъ.

«Мы гъочIэгъым сицIахъэу згъэштэуIунэп», – ыIуи, ичэл зэригъэфэжьи, ижъоку машIо яжъэм къышищахьи, иIальмэкъи, иджанэ гори чэлым къыIуни, илы гъэжъагьи, зэрэхIэгъэ шIагъо щымыIэу, ишьо Iанэ къытырини, адэ мафэрэ зеришIы хабзэу, ежь шакIо псыхъо тIуакIэм дэхъагь.

Мо нычэпэрэ хъакIэр къылъэплъэу гуцафэ ышIи, ИэмэкIэлъэмакъэхэр ыгъэIузэ IукIыгъ. Тыгъэр къэплъыфэ къети, къышушэкIугъэхэри къыздихыхи къэкIожыгъ.

Нарт Къандж ичэлти къызыIохъажым, гуфаплъэу ыплъахыгъ: лым ызыныкъо пхъэ цэцэшхом пыхыгъ, иIальмэкъ зэрэпылъагь, иджанэ пылъэгъэжъэп.

«Ихьы, орырэ сэрырэ, тихъакIэ, Ioф зэдьтиIэ хъугъэ!» – ыIуи, ыгуджэ лъыр гушIуагь.

ПэкIу ышхи иIэшэ хъап-щыпымэ яупхъужьи, чэцI горэ зэIихи ыштыгъ. Тыгъэ нэстырэ екIыфэ адырэ къышушэкIугъэхэри зэIихыхи, ыукубзыгъэх, шьо горэм кIоцIищахъыжъхи, псыхъом рихыхи, псым чIиутыгъэ мыжъобгъу Iанэ горэм, чъыIэтагъэм щигъэIылъыгъ. МашIор зэкIигъэуIужьи, пхъэ гъугъэ IаплI зытIуи къыритэкъулIи, лыри Iагъоу къыгъэIылъи нарт Къандж шакIоу къушъхэ мэзым чIэхъажыгъ.

Чыжъэ мыкIоу, укъаплъэмэ чэлти пашъхъэм щыхъурэр къэплъэгъунэу, чыыгэе чыыг лъагэ горэм дэкIуай ышъхъагьи иIыстагь.

Арэуштэу заулэрэ щысыгъэу, чэлти пашъхъэм цIыфы горэ къыIухъагь. Зыгорэхэр ешIашть, мэхъэкIо-бгъуакIошть Iут. Пхъэ зэпыкI макъи къэIугъ, машIоми иIугъо къыххэхъуагь.

«Хъунэп, мыр зэзгъэшIэн!» – ыIуи, нарт Къандж чыыгышъхъэм къехи, мэкIэ-макIэу чэлым къекIоштэжыгъ.

ЦIыфым шъхъац кIахь тельтыгъ, ыбгъэхэмдже зэрэбзылъфыгъэр нафэ къыфэхъугъ. Лыр пхъэ цэцэшхом пыIугъэу ыгъажъэштэгъэ. ЦIыф IашIагъэ горэ щыгъыгъэп, лъапцIэ, IашIхъэ пымытэу шьо джэнэ быхъум ыпкъи ылъэгуанджи егъэбылъых.

«Мы мэзылI горэм, цIыф Iэл горэм ыпхъун фае, – ыIуагь нартым. – Ау сидэу нэпкъ-пэпкъ дах... Амал зэриIэджэ мыр благъэ къызфэшIын!»

Нарт Къандж чэлым екIоштэжьи, чэл къогъум къокIи мо бзыльфыгъэм гоIыстагь. Зэ къызщылъэтинэу зыкъыпхъотэнэу фежьи шъхъае ытэмэкъупшъхэ зытыригъяуи ыгъэхъяягъэп, – ежь нартэри зэрэмыкIочIаджэр, кIуачIэкIэ къызэрэтемыкIоштэр туригъэIогъэн фае.

– Щыс, щыс! – риIуагь. Iасэу дэзекIоу, ыIэлджани шъа-бэу ыIыгъэу ыплIэIуи, ыблыпкъи Iэ ашифагь. ЕупчIыгъ-

къеупчылжыгъ, ау адырэм зи къырилуагъэп. «Мыш гущэлак! Эымыш! Энк! мэхъу!» – ыгуджэ ылуагъ нартым.

Пчыхъэ нэс шшъаштээ Иэлым дыщысыгъ. «Лы», «псы», «Лист», «шхэ» зыфэлоным фэдэу гущылэ заулэ рилуагъ. Нарт Къандж шшъаштээр ыгу рихъыгъ. Ежь лы зикъэмымшэу щытыти, биньдажэ ехъопсагъ. Пчыхъэ зэхъум, шшъаштээр тэджи, нэшлуджэ лым къеплли Гуклыжыгъ. Къандж ыуж ихъагъэп.

Ичэл къеупхъужьи, илыхэри чэлым къычилхьи, ихъап-щып заули къылуини, нарт Къандж къежи ядэж къэлжыгъ. Шшъаштээм блэгъагъэ дишлынэу, зэрэфэгумэлжырэр зэхъигъэш! Энышь ыгу къышэфынэу, арэущтэу ыгу къыпэблагъэ ыгъэхъунэу тыриубытагъ.

Унэм къызэссыжым щыгъыни-техъони зэралоу ищык! Эгъэн шлошлырэхэр клаак! ом клоц! Игъэчэрази, пэстапхьи, шьоуи, хахьушык'у тэлк! уи, шхъамажи илальмэж эзпедэзжэриуугъуай, а пстэуор ишыбгы рилхьи, къеуи къыдэлжыгъ. Чэшыгу хязыр хъугъэу ичэл къэссыжыгъ. Зэрэщтыгъэ къабзэу ишшып! Экъылук! эжжыгъ. Арыти, иши фэл-фашилэхэр хигъэхэр, иклаак! чэлым члиубгьи гъолтыгъэ. Шшъигъэти чъяягъэ.

Бэрэ чъяегъэн фае: машлор зэгурлыжыгъэу, шшъаштээ Иэлым лы ыгъэжъэнэу пхъэ таркъомэ апильягъэу, ежь ынапэ Іэ къышифэу къэущыгъ. Нарт Къандж гушлуагъэ. Къэтэджи псыхъом дахьи зитхъак! лыгъ, зильэлжыгъ. Зэдэшхагъэх.

Аузэ мо нэбгыритлор зэнлуюасэ хъугъэ. Шшъаштээ Иэлым зыригъэфэпагъ, ылорэр гурылоу, зыфаер ригъэш! эн ылъэлж! хъугъэ. Аузэ бэллаэрэ зэдэпсэугъэх, щыгъынми клаак! оми нэлуюасэ афишлыгъ. Гъомлапхъэр аухы зыхъуджэ, нартэр ядэжь шыоу къэлжыгъити, ящык! лагъэхэр чэлшшып! эм къынигъэссыщтыгъэх. Аш фэдэу къызылук! лыдже, шшъаштээр къыдэжъэу, къыдэлжуатэу үублагъ, къызэрэтерэри шлуабэу, папльэу хъугъэ.

Арэущтэу мо шшъаштээм ыгу къызещэфым, нарт Къанджы ыгъэрэзи, ядэжьи къышагъ.

Яунэ къышэжы зэхъум, цыфхэр нысэм къыпэгъок! лыгъэхэти, аш ахэт кэлэц! лык! горэ зечаль! эм, тхъам еш!, цыфмэ ахэтээз эмысагъэу мэзым хэсигъэ бзылтьфыгъэ Иэлым къызэрэщыхъугъэр, мо кэлэц! лык! лор къыубыти къызэхиц! лыц! къыч! идзыгъ.

Ар зылтьэгъугъэхэм лъэшэу ашлойгъуаджэ хъугъэ. Ызыныкъомэ: «нэбгырые мыр!» алуагъ, ызыныкъомэ: «гук! эгъу хэлъэп, Иэллыгуджэ!» алуагъ. Арыти, ауштэу а цэхэр нарт Къандж ягуашэ къытенагъ, ызыныкъомэ «Нэбгырые» раю, адырэмэ «Иэллыгуджэ-гуаш» раю.

Джаущтэу нарт Къанджы Иэллыгуджэ-гуашэ къышагъэу къялотэжьи.

КАК НАРТ КАНДЖ ЖЕНИЛСЯ НА АЛЕГУДЖЕ-ГУАЩЕ

Нарт Кандж происходил из рода Инымов. Был одним из тех суровых наездников, кто любил ездить в походы и выезжать на охоту.

Однажды у него возникла мысль: «Поеду-ка я <на охоту>, <может, что-нибудь> да попадется!», – и с такими намерениями

ушел в междуречье Кушхапля. Так ничего и не добыв, так и не напав на след ни одной дичи, но с натянутой на готовый лук тетивой, он долго бродил в том месте. Незаметно для него стало темно, так и не выстрелив ни в кого, кроме одного козленка.

«Построю-ка я <небольшой> шалаш, зажарю этого козленка, немного утолю свой голод и вздремну (отдохну) я здесь», – решил он, и остановился <недалеко> от входа в какую-то пещеру. Но войти в темную пещеру он не решился.

Всю жизнь в седле, охотник, он по привычке <быстро> принес с собой срубленную охапку длинных ореховых шестов, а так как был сноровист, еще быстрее построил себе шалаш и накрыл его папоротниковыми листьями. Построил он шалаш таким образом: вход в него был несколько высоковат, чтобы в случае, если придется зажечь костер, жар от него доносился до шалаша. Как бы тепло ни было днем, ночью в горах становится прохладно. Это все знают, <потому> и тепло <от огня> становится особенно приятным.

Как только костер был зажжен, он разделал козленка. Засолив его целиком, он насадил его на большой кол (вертел) и стал жарить. Как только тепло от огня коснулось уставшего от дневного хождения нарта Канджа, его стало клонить ко сну, а вскоре он задремал, при этом даже стал немного храпеть.

Но <древавший> охотник как-то вдруг вспомнился: ему почутилось, что дичь, которую он жарил, кто-то съел. Он осмотрелся по сторонам, но никого не увидел. «Наверное, мне показалось!» – подумал он про себя и забыл об этом. Он проверил мясо, но так как оно было еще немного недожарено, легонько повернув его, вновь сел на свое место с некоторой осторожностью. Охотники всегда настороже, их этому сама охотничья жизнь учит!

Вскоре и сон ушел от него, сидя у огня и присматривая за мясом, он почувствовал, что из пещеры выползает что-то темное.

«Ы-хи, стало быть, мне не чудилось ничего!» – сказал он. Как только это темное приблизилось к огню, стало ясно, что у него облик человеческого существа. – «Наверное, такой же охотник, как и я!» – говорил он себе, хоть и сидел настороже, пока это существо не приблизилось к костру и не притронулось к мясу.

Удивляясь тому, что видит, нарт Кандж немного улыбнулся происходящему. Протянувши свои руки <к огню> взял <вертел> с мясом, а так как он держал с собой стрелу, сорвал ею с подброшенного вверх <вертала мясо>.

Но охотник, чтобы показать, что он намного сильнее <нарта Канджа>, сделал несколько шагов вперед, отпустил стрелу, и, как бы неспешно, показывая, что он рассчитывает на свои силы, протянул назад <нарту> большой вертел и вернулся назад к себе в пещеру.

Оттого, что костер немног потух, и огонь в нем совсем не пыпал, <нарт Кандж> не смог толком разглядеть уходящего <в пещеру>, но заметил, что на нем была овчиная шуба без рукавов, и что взгляд у него был немужским.

«Кто он такой?» – спрашивал он себя, удивляясь увиденному, но так и ответа не нашел, и кого-то, с кем мог бы поделиться, не имел. После этого он поправил свой костер и сел на свое место.

«Кто бы он ни был – он человек, но, видно, не жестокий человек. Если бы захотел, убил бы, пусть даже одним броском камня, но не убил... Он, видно, живет один, иначе во время второго прихода пришел бы с кем-нибудь другим.... Он силен, но, чувствую, женщина, – и на лице, и в манерах есть что-то мягкое... Я не уйду отсюда пока не познакомлюсь с ним!»

Пока нарт Кандж находился в раздумьях обо всем этом, рассвело.

«Не буду тревожить его, заходя в эту пещеру», – подумал <Кандж>, стал приводить в порядок шалаш, разгреб огонь в костре, но оставил у шалаша свою <охотничью> сумку, что-то из одежды, жареное мясо, к чему так и не притронулся он, и ушел, как обычно он это делал, на охоту в междуречье. Решив, что ночной гость следит за ним, <Кандж> ушел на охоту, устраивая шумные движения.

Он отсутствовал до поры, пока солнце не стало припекать, и вскоре вернулся с добытой дичью. Вернувшись к своему шалашу, нарт Кандж внимательно осмотрелся: часть мяса была снята с большого деревянного вертела, сумка висела на своем месте, а одежды уже не было.

«Ы-хи, теперь между тобой и мной, гость ты наш, есть дело!» – сказал мужчина и обрадовался в глубине души.

Немного поев и приведя в порядок свои вещи, он разделал одну дичь и стал солить. До заката солнца он разделал всю добычу, промыл, завернул в шкуру, и, спустившись к реке, положил на дно под одним большим камнем, охлаждаемым водой. <Вернувшись>, нарт Кандж вновь разжег костер, подбросил туда две-три охапки сухого хвороста, положил рядом <немного> мяса и ушел на охоту в дикий лес.

Не отходя далеко, чтобы можно было видеть то, что происходит у шалаша, он взобрался на верхушку большого дубового дерева и устроился там.

Присидев так некоторое время, <он увидел, что> к шалашу подошел какой-то человек. Что-то делает, что-то выискивает. Постышался хруст дерева, <вскоре> увеличился и дым от огня.

«Нет, так нельзя, <пойду> и разузнаю что к чему!» – решил нарт Кандж, спустился с дерева и потихоньку стал подкрадываться к шалашу.

У человека <этого> были длинные волосы, что <это существо> – женщина, стало ясно по грудям. Она жарила мясо на большом деревянном вертеле. На ней не было никакой одежды, обуви, только широкая рубаха без рукавов прикрывала тело и колени.

«Наверное, она дочь какого-то мазытля, какого-то дикого человека, – сказал нарт. – Но как же красива она из себя... Нужно во что бы то ни было познакомиться с ней поближе!»

Нарт Кандж незаметно подкрадся, вышел из-за шалаша и присел рядом с той женщиной. Хотя она попыталась было вскочить, он схватил ее за плечи и не позволил сдвинуться с места; тем самым, наверное, нарт дал ей понять, что он далеко не простак, что она его не одолеет.

– Сиди, сиди! – сказал <нарт Кандж>. Будучи обходительным с ней, придерживая ее мягко за предплечья, он ласково про-

шелся рукой по ее плечу. Стал расспрашивать ее так и сяк, но она не проронила ни одного слова. «Верно, она и разговаривать не умеет!» – подумал нарт.

До вечера он просидел вместе с дикаркой. Научил ее <нарт Кандж> нескольким <простым> словам вроде «мясо», «вода», «садись», «поешь». А так как он был неженатым мужчиной, у него возникло желание взять ее в жены. Как только стемнело, девушка встала, посмотрела на мужчину добрыми глазами, и ушла. Кандж не пошел вслед за ней.

Приведя в порядок свой шалаш, он внес все мясо внутрь, и, оставив кое-что из своих вещей, отправился к себе домой. Он твердо про себя решил, что познакомится с девушкой поближе, даст ей почувствовать, что она ему небезразлична и овладеет ее душой.

Возвратившись, он собрал одежду, покрывало, все, что казалось будет полезным и завернул их в бурку. А в дорожную сумку он собрал немного пшена для пасты, меда, кухонную утварь и гребень, поместил их кое-как на спину своего коня, сел сам и выехал. Ровно в полночь он был уже у шалаша. К своей стоянке он вернулся так же, как и ушел. Поухаживав за своим конем, он разостлал в шалаше свою бурку и прилег. А так как был уставшим, заснул.

Наверное, долго спал: к тому времени огонь разгорался вовсю, и дикарка жарила на костре мясо, а он проснулся оттого, что она ласкала его лицо. Нарт Кандж был нескованно рад. Встал, пошел к реке, умылся, вытерся. Поели вместе.

Вскоре эти двое стали близки. <Нарт Кандж> одел дикарку, сумел сделать так, что она стала понимать его, делать, что он хочет. Так они прожили довольно долго, он приручил ее к одежде и бурке. Как только у них заканчивалась провизия, нарт скакал к себе домой и привозил с собой к их стоянке все необходимое. Теперь, когда он уезжал, девушка стала его провожать, и то время, что он отсутствовал, начинало казаться ей долгим, стала дожидаться его.

Как только он пленил душу девушки, уговорив, нарт Кандж привез ее к себе.

Когда <нарт Кандж> приводил ее к себе в дом, люди вышли навстречу невесте. Но когда к ней подбежал один из ребятишек, Бог его знает, как это показалось той дикой женщине, что всю жизнь жившей в лесу вдали от людей, поймала того ребенка, разорвала на части и отбросила от себя.

Те, кто видел это, были сильно потрясены. Одни сказали: «Да это же дикарь!» Другие сказали: «В ней нет жалости, необузданная она и бессердечная!» Так это прозвище осталось за ней: одни называют ее «Набгырые», другие зовут ее «Алегудже-гуаше».

Вот такую историю рассказывают о том, как нарт Кандж женился на Алегудже-гуаше.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. V. С. 13–17. Исп. Махамод Хапай: 1887 г.р., а. Хатукай Адыгей; хатукай. Зап. 18.10.1952 г. А. Гадагатль. Перевод на русский язык М. Табишиева.

Текст представляет собой оригинальную версию женитьбы отца нарта Шауя. Характерно, что во всех версиях рождения нарта Шауя мать его представлена с демоническими чертами (чаще всего она великанша) и диким норовом (здесь она побивает мальчишку, в других версиях убивает или пожирает собственных новорожденных младенцев). В представленном тексте выражено проявляется охотничий мотив – встреча героя с диким «лесным человеком». Но если в мифологических сказаниях герой-охотник убивает чудовище и вызволяет плененную им женщину (мотив Георгия, который побеждает дракона), то здесь само дикое существо оказывается девушкой, которую герой вводит в человеческую среду.

3. КЪАНЖЭ И КЪУЭ ЩАУЕЙ НЭРЫБГЕЙМ И КЪУЭ ЗАКЬУЭ

Зы къуажэ гуэрым зы нэрыбгей гуэр дэст. Абы, лъхуэрти, къильхуар итхъэлэжырт. А къуажэм зы бынжэпыупщи гуэр дэсти, «Сэ пызывгъэупши абы и бынжэр», – жилащ. Фызыр лъхуэри щалэ цыкIу къильхуаш. Бынжэпыупшиым хъэ шыр цыкIу здихьат.

Фызым:

– Мыдэ къызэфти сэ алъандэрэ гугъу сезыгъэхъар сывгъэтхъэлэ, – жилащ.

– Мэ, мыращ къэплъхуар, – жиIери бынжэпыупшиым хъэ шырьр фызым иритащ.

Фызым хъэ шырыр къицтэри итхъэлэжащ. Бынжэпыупшиым щалэ цыкIур я деж къихьри къэкIуэжащ. Щалэ цыкIур тэкиIу тыкъыр хъуа нэужь, шхын ишхыф хъуа нэужь, «Мыр зи къуэм сыйкъельынкъым», – жиIери, яшыч, псы дэмыхъэну, иригъэшIри, щалэ цыкIум ишхын IэфIыкIэ дилъхъэри, псым ихьри хидзащ.

Яшычыр псым ирихъэхьурэ зы щыпIэ гуэрым нэсауэ, зы фыз гуэр жьышцIэу псым дэсти, яшычыр псым къихьу щилъагъум, и кIэр дырихъейри яшычыр псым къыхихащ. Яшычыр икъутэри, щалэ цыкIу къыдэкIаш. «Алыхъ-алыхъ, мыр сыйту сыунэхъу, уи гуэныхьи уи бэлыхьи къыстехуэу», – жиIери фызым Iейуэ и жагъуэ хъуаш. АрщхъэкIэ щалэ цыкIур хыфIимыдзэу я деж къицхъащ. А фызым лыникI быникI иIэтэкъым. И лыр зы хъаныжь гуэрү щытати, лат. Зыкъомрэ щалэ цыкIур ипIа нэужым, лы хъуаш. Щалэ цыкIур и анэм еупшиаш:

– Си адэм сыйту зыри къышцЭмынарэт – Iэщэ, шы; лыфIу щытауэ жыбоIэ, – жилащ.

– Хъеуэ, си къуэ, уи адэм къышцЭнааш шыи Iэщэ-фащи, – жилащ и анэм.

– НтIэ, дэнэ щыIэ? – жиIери щIэупшиаш щалэ цыкIур.

– Модэ бом щIэтщ, <щIыхъэпIэм> амбырэ мывэ IугъэкIурияуэ, алъпыжьыр къалъ-кулъкIэ машхэри. Уи адэм мо жээ щIопшыр къицтэри, амбырэ мывэр къыIухырти шыр къышцIишырт, – жилащ и анэм.

Щалэм жээ щопцыр къиштэри, кIуэри амбырэ мывэр къыIуигъэукIуриицIаш. Шыр къышIиши, фIыуэ иIуетри, уанэ тырильхъэри шэсаш. Щалэм и анэм: «Еуэт, си щалэ», – жиIаш. Щалэр шым еуэри, шыр щыщIэцIэфтым, шыпхэмкIэ къышыхужац. «Алыхь, умыхъуа, си щалэ, иджыри», – жиIэри щалэр зыкъомрэ нэхъ къару къезытын шхынкIэ игъэшхац. Абы иужькIэ аргуэрү игъэшэсри, щалэр шым щеуэу шыр щыщIэцIэфтым, лъэныкъуабэ хъуаш. «Алыхь, умыхъуа иджыри, си щалэ», – жиIаш. Аргуэрү щалэр нэхъ къару къезытын шхынкIэ игъэшхац. Ещенэу щалэр шым тыригъэтIысхъэри: «Еуэт, си щалэ», – жиIаш. Щалэр еуац шым, пщIантIэм дэлтири, къызэхижыхь-нызэхижыхьри къидхэжэжац. Епсыхри, шым уанэр тырихыжри, фIыуэ илтээщIри щIиубыдэжац. Пщэдджыжым нэху къекIри, фызым щалэм жыриIаш:

– Иджы, си щалэ, сэ алъандэрэ успIаш, иджы лIы ухъуаш, уи лъэпкъыр къэбгъуэтыхым нэхъыфIщ, лIы ухъуаш, ныбжьэгъу бубыдми, зекIуэ укIуеми хъунущ, – жиIаш.

– Сыт а жыпIэр, нанэ, уэрещ сэ сыйзейр, – жиIаш щалэм.

– Хъэуэ, сэркъым. Сэ мыбы хуэдэуш укIуизэрызгъуэтар, – жиIаш. – Мэ мы хъыданри, мыбы уэ укIуэцIыльаш. Мы хъыданыр зейм урейщи, къэгъуэтыхж. ПхуэсщIари Тхъэм хъэлэл пхуицI, – жыриIаш.

Щалэр шым къэшэсри къежьэжац. Зыкъомрэ къэкIуа нэужь, шыуитI къыхуэзац. ШыуитIым еупщIаш:

– ЕмыкIу сыкъевмыщI, Уэзырмэрэ Уэзырмэджрэ жыхуаIэр фэра? – жиIэри.

– Сыт абыхэм абы хуэдэу занщIэу уашIыщIэупщIэр? ФыкIэ уашIэупщIэрэ хъэмрэ IеикIэ уашIэупщIэрэ? – жаIаш, щалэр абыхэм занщIэу щацIэупщIэм, «Зы лIыгъэ гуэр хэлъщ, мыр гушхуа гуэрш», – жаIэри.

Къанжэ и къуэ Щауейми:

– Хъэуэ, сэ фIыкIещ сазэрыщIэупщIэр. Аhэр лIыфIу, лIыгъэ зэрахъэу зэхэсхати, арш. КхъыIэ сыйзивгъэгъусэ, фепсыхмэ, фи шы IумпIэ сыбуыдынщ, – жиIэри яльэIуаш.

– Алыхь-алыхь, узидгъэгъусэн, Уэзырмэрэ Уэзырмэджрэ жыхуаIэри дэрш, – жаIаш.

Къанжэ и къуэ Щауейри я гъусэу къежьэжац. Уэзырмэрэ Уэзырмэджрэ зекIуэ щыIауэ я деж кIуэжырт. Я къуажэм къызэрсыжари Къанжэ и къуэ Щауейми щабзыщIаш, «Абы и лIыгъэр зэдгъэцIэнщ», – жаIэри. Уэзырмэрэ Уэзырмэджрэ Къанжэ и къуэ Щауейм жыраIаш:

– Дэри мы къуажэм дыдэхъэнци гъуэмымлэ тIэкIу къыдэтхынщ, уэ мыбы дежым епсыхи тIэкIу зыгъэпсэху, – жаIэри.

Къанжэ и къуэ Щауейр епсыхаш. Щымахуэти, и шыр и Iэм фIидзэри, щIакIуэм зыкIуэцIишихьри зигъэкIурияш. Уэзырмэрэ Уэзырмэджрэ я унэт, къыздэкIуэжар я анэ дежти, ефац, ешхаш, загъэпсэхужаш.

А Уэзырмэсыр зыщIэгуауэр лIэрт, Уэзырмэджыр тхээ зэрельэIуар къыхуицIэрти, Уэзырмэджыр тхээ ельэIуаш:

– Ялыхь, уэсри уэшхри зэшIэту къегъэшхи, ар, жыы къегъапши, къызэцIэгъэштыхъэж! – жиIэри.

А сыхъету уэсри уэшхри зэштэту къешхащ, ар щигъэтыхи, жъапшэ къэхъуаш, «Цыху губъуэм итыр псеуу къелынкыым», – жаIэу. Пшэдджыжьым Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ къежъяжащ, гъуэмымлэу зы блэгъу гъур гъэжъарэ зы махъсымэ фэндрэ, щтарэ мылыр къыхэлъэльу, яЛыгъыу. «Мы щалэр псеуу мы борэним къеламэ, сэ сыштэгуэунц, абы къелу щытмэ, ар дэ лыгъэкIэ къиттекIуаш», – жаIаш. Къэсри, щалэр щыльт. «Уэй!» – жиIэри <Уэзырмэсыр> щэгуэуаш, къэушакъым. ЕтIуанэу щэгуэуаш, арщхъэкIэ къэушакъым. НтIанэ бгъэдыхъэри, и щакIуэ кIапэр къиубыдри нэхъ ину щэгуэуаш. Щалэр къышылъеташ:

– Мыр сыйт, «Уэзырмэс зыщэгууэр малIэ», – зэрыжайар уи фIэш хъуа? – жиIэри.

– Хъэуэ-хъэуэ, «Мы щыIэ бзаджэм зыгуэр ириштIа?» – жысIэри арт, укъышымытэджым, – жиIаш Уэзырмэсым.

– Хъэуэ, зыри къысщыщIакъым, уэлэхъи, икIи сыштэентIатэм, – жиIэри, къэтэджри зызэпильэштIыхъаш. Уэсир щильта-гъум, – Iэу, уэс тIэкIуи къесати, – жиIаш.

Уэзырмэсрэ Уэзырмэджри:

– Уэлэхъи, дыздэкIуари мыбымым щIагъуэт, – жаIэри блэгъу гъурымрэ махъсымэ фэндымрэ къыраташ.

Блэгъури IэдакъэкIэ зэхигъящащэри, лыр къыкIэрихри иш-хаш, махъсымэ фэндри игъэштIейри ирифащ, мыллыр къызэрыхэлъэльу. «Уэлэхъи, сыххъам», – жиIэри, и шы-уанэ зэштIикъузэри, къе-жъяжахэш. Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ я хэштIапIэм и деж къесахэш.

Къанжэ и къуэ Щауейр пшыIэм къытыранэри зэкъуэшитIыр зекIуэ текIаш. Къанжэ и къуэм пшыIэр зэлтъIухаш, бланэ, кIуэри, къиукIаш, ар хилтъхъэри игъэващ. Уэзырмэсрэ Уэзыр-мэджрэ къэсыжащ. Къанжэ и къуэм пшыIэр абы хуэдизу фIыуэ зэлтъIухати, зэкъуэшитIым ямыщIыхуужу блэкIырти, Къанжэ и къуэр егуэуаш:

– Дэнэ фыкIуэрэ? – жиIэри.

– ДыкъэпщIыхуужым деплъинути арат, – жаIэри къытхъэ-жаш.

ФIыуэ игъэшхащ, игъэтхъаш. Аурэ зыкъомрэ тесауэ, зы ма-хуэ гуэрым Къанжэ и къуэр елъэIуаш зэкъуэшитIым:

– КхыIэ, сэри тIэкIу сыйевгъэкI, си лыгъэ севгъэплъыж, – жиIэри.

– Хъэуэ, сыйт уи закъуэ пшIэнур? Мыдэ дышхэм, тIэкIу зыд-гъэпсэхум, дызэгъусэу дежъэнц, – жаIэри ядакъым.

Къанжэ и къуэми:

– Хъэуэ, фэ зывгъэпсэхуху, сыйвэсэжынц, сывгъакIуэ, – жиIаш.

– КIуэ, нтIэ, – жаIэри хуит ящIаш.

Къанжэ и къуэр, мэзыр гъунэгъути, хэлтэдаш. Мэzym здыхэ-жым, Къанжэ и къуэм зыгуэр къегуэуаш:

– А уи шым и лъэгум къыштэху ятIэр къапштэми, уштогъуэж, къомыштэми, уштогъуэж, – жиIэри.

Къанжэ и къуэр зы лъэныкъуэкIэ еIэбэкIри ятIих, адрей лъэныкъуэмкIи ятIих къиштэри и жыпым ирилтъхъаш.

Къанжэ и къуэм шы къуэлэннигъу зы щыIэм щыIэу и хъи-бар зэхихат, абы кIуэрт. А шибгъум иужь Уэзырмэсрэ Уэзырмэ-

джрэ итт, аршхъэкІэ къехъулІартекъым. Къанжэ и къуэр шыхэр псым къыздыыхъэм и деж кІуаш. Шыхэр псым къыздыхъаш, Къанжэ и къуэр жыгым къуэтІысхъаш, аркъэныр иІыгъыу. Шы къуэлэнибгъур къыдэхъаш, зы хакІуэ цыкІу, лъакъуищ щІэту <я гъусэу>. Къанжэ и къuem аркъэныр идзри, шы лъакъуищым фІэхуаш. Шы лъакъуищым и уанэр тырилхъэри, и алтыжыр шыхэм яхиутПыпщхъэри къырихужъаш. Аурэ мэzym къесыжри, абы къегуэуар игу къекІыжри и жыпым иІэбаш. И жыпитІым иІэбери – ятІеу ирилъхъар дыщэт. «Алыхь-алыхь, сыту нэхъыбэІуэ къэзмыштарэт», – жиІери щІегъуэжащ. ПицІэм къесыжаш, Къанжэ и къуэ Щауейр. Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ шы къуэлэнибгъур щалъагъум, я щхъэфэцым зырисэри, я пыІэр къышхъэрыхуаш, аршхъэкІэ ар я жагъуэ зэрыхъуари зыкъырагъещІакъым. Къанжэ и къuem:

– Къесхуа щІагъуи щыІэтекъым, – жиІери <пицІэм> къитехъэжащ.

– Сыт жыпІэр? Хъарзынэу къепхуаш, – жаІаш зэкъуэшитІми.

– Иджы, къесхуар дыгууэшынц, – жиІери шийр плІырыплІу зэкъуэшитІым яриташ, дыщэри зэхуэдэу игуэшаш. Абы иужькІэ, – Иджы, сэси лъэпкъ къэзгъуэтыжынц, – жиІери къежъэжащ.

Къанжэ и къuem зыкъом къикІужауз, Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ жаІаш: «Мы щІалэр щхъэ зэдмыгъэцІыхуарэ, ди анэм мы шыр дэ къызэрыдмыхуар къицІэнц, сыт щхъэкІэ жыпІэмэ – шы лъакъуищир зэрыхэмьтымкІэ. «Мыбы къыдитащ», – жытІэми, «НтІэ, щхъэ къевмыгъэблэгъарэ, хэт зыщыщир?» – жиІынц, – жаІаш. – НтІэ, абы «Еблагъэ» жетІекІэ къытхуэувыІэжынкъым, ауэ «Дэ шыпхъу закъуэ диІэти, мыр малъхъэ тицІынц», – жытІэнц, – жаІаш.

КъыщІэцІывэри къыкІэльысащ. Къанжэ и къuem:

– Сыт фызыхуейр? – жиІаш.

– Дызыхуейр арш. Дэ шыпхъуу закъуэ диІэш, малъхъэ утшІыну арш, фыз уимыІэмэ, – жаІаш Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ.

– Алыхь-алыхь, куэду сыарэзыщ. Уэлэхьи, фызи симыІэ, – жиІаш.

Къанжэ и къуэр я гъусэу зэкъуэшитІыр къекІуэжащ. Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ я анэр, шы къуэлэнибгъур щилтагъум, лъэхъстэн вакъэр лэжъэхукІэ, къэфащ. И къуитІыр къыщІэхъэжри жыраІаш, шыхэр езыхэм къызэрамыхуар, аршхъэкІэ:

– Хэт къихуами, Іуэхукъым, шыр фэ фиІэм арш, – жиІаш, – ауэ Іэмал иІэм, шы лъакъуищир зыІэрыгъэхъэ, – жиІаш.

– Хъунц, – жаІаш, – абы ди шыпхъур еттыну къэдгъэгугъаш.

Къанжэ и къuem зэкъуэшитІым я шыпхъур щыратым, шы лъакъуищир уасэу яриташ, «Си анэ къызита шыр фэстыфыну къыщІэцІынкъым», – жиІери.

Къанжэ и къuem хъиджэбзыр къыдихри, къыдэкІыжри зыкъом къикІужауз, зы щІыпІэ деж зигъэпсэхуну къэувыІаш. Абы дежым щхъэукуяти, пицІыхъэпІэ хуэдэу ильэгъуаш: «Къанжэ и къуэ Щауей, Нэрыгбэйм и къуэ закъуэ, сыту уэ уделэ, уэ уи пицІэнтІэпст, уэ уи гуашІэдэкт а шы лъакъуищир, щхъэ зыІэшІэбгъэкІа, абы яІыгъыу уи насыпи уи лыгъи ятекІуэнкъым», – жиІеу. Къанжэ и къуэр къышылъэтри, и фызым зы уывыІэпІэ иритри щІэхыу къигъэзэжащ.

- Мыр сыт, щхъэ къэбгъэзэжа? – Ѣзыжайэм,
- Мыбы хуэдэу зыщып! э сокбуэри, си алъпышым сихыркъым, Ѣзхыгу шы лъакъуищым уанэ схутефлъхъэ, – жилаш.

Уанэр тыралтъхъэри къыраташ. Пицантайэм къыдэжри губгъуэм къызэрихъэу, шым и джабитыимки дзажэналъэ Ѣзыщ хикъутыхъри яхшишэжаш. Зэкъуэшитым я анэу Сэтэней ар Ѣшильгъум, шы зэрымыхъужынур къиццэри, Уэзырмэсым шыр Ѣшишэжауэ къышыгүэжым, «Шы лъакъуищым и лъакъуэр и <...>», – жиэри, жыр лэнистэкиэ къеуэри и лъэдакъэхуэр зэпиупшаш.

Къанжэ и къуэр лъыхъуэурэ къуажэр къигъуэтыжаш. «Мы хъыданыр зейм сырэйщ», – жиэурэ бынжэпыупшым и деж нэсаш. Бынжэпыупшым хъыданыр къиццыхужри жырилаш: «Узейр сэркъым, мыраш узейр, ауэ сэ укъезгъэлауэ Ѣыташ», – жиэри.

Щилэм фызыр зыщып! э Ѣигъэбэяури и анэм деж куаш. И анэр хъэфиз хъуауэ, илтири лауэ, и пицантайэр шыпсанэ зэццэжашауэ Ѣытт.

- Нанэ, бжэр нылух, – жилаш.
- А къурмэн сзыыхуэхъун, сэ нанэ зызыгэн сиэ? – жилаш.
- Сэ суригэш, нылух, – жиэри гуригъэхаш. – Сэ мыбы хуэдэу сыкъелат, сомытхъэлэу, – жиэри жырилаш.

И фызри къишэжш, и пицантайери зэлтэйгүихыри и анэм бгъэдэсу тхъэуэ-шхэуэ <къэнэжаш>.

ШАУЕЙ, СЫН КАНЖА, ЕДИНСТВЕННЫЙ СЫН НАРИБГЕИ

В одном селении жила Наригея (букв.: Злюка). Она рожала, и <всякий раз> душила своих новорожденных. В этом селении жила одна бабка-повитуха. «Позвольте мне обрезать пуповину новорожденного <у этой женщины>», – сказала она. Женщина родила мальчика. Бабка-повитуха пришла к ней со щенком. Женщина сказала:

- Дайте, я задушу того, кто меня так мучил.
- Возьми, вот кого ты родила, – сказала бабка-повитуха и отдала щенка женщине.

Женщина взяла и задушила <щенка>. Бабка-повитуха взяла мальчика и принесла его домой. После того как мальчик немногого окреп и научился есть, бабка-повитуха, опасаясь, что мать ребенка не простит ее, приготовила ящик, в который не просачивалась бы вода, положила туда различные сладости для мальчика, <посадив туда мальчика>, отнесла и бросила в реку. Река несла ящик, и <ящик> достиг какой-то местности, где на берегу сидела и стирала какая-то женщина, которая, увидев плывущий по реке ящик, подняв подол платья, <вошла в реку> и достала ящик. <Она> разбила этот ящик, и оттуда вышел мальчик.

«Аллах-аллах, горе мне, падут на меня и грехи и беды твои», – сказала женщина, сильно огорчившись. Но все-таки она взяла мальчика и принесла его домой. У этой женщины не было ни мужа, ни детей. Муж ее, который был ханом, умер.

Она воспитывала мальчика много лет, пока он не повзрослел. Мальчик спросил у <приемной> матери:

— Почему мне ничего не досталось от отца: оружия, коня? Ты же говорила, что он был смелый муж.

— Нет, сын мой, твой отец оставил <после себя> и коня и оружие, — сказала <приемная> мать.

— Тогда где они? — спросил мальчик.

— Его могучий альп, питаясь *калькулем*, стоит в той конюшне, вход в который перегорожен абра-камнем. Твой отец брал ту плеть, убирал <ею> абра-камень и выводил коня.

Юноша взял плеть, пошел и отодвинул абра-камень. Вывел коня, хорошо погладил, накинул седло и сел на него. Мать юноши сказала: «Ударь-ка, сын мой». Юноша ударил <плетью> коня, и, когда тот рванулся с места, он соскользнул назад и упал. «Аллах, ты еще не созрел, сын мой», — сказала <мать> и еще долгое время кормила его пищей, которая должна была придать ему сил. После этого она опять посадила его на коня. И когда юноша ударил коня, и тот рванулся, он накренился на бок. «Аллах, ты еще не готов, сын мой», — сказала <приемная> мать. И еще она продолжила кормить его. В третий раз посадив юношу на коня: «Давай, мой сын», — сказала женщина. Юноша ударил коня, выскочил со двора, проскакал туда-сюда и вернулся во двор. Спешился, снял с коня седло, хорошо протер его и засел обратно в конюшню. На следующее утро женщина сказала юноше:

— Сын мой, я растила тебя все это время, теперь ты стал мужчиной, будет лучше, если ты найдешь свой род. Ты стал мужчиной, теперь можешь обрести друзей и отправиться в поход.

— Что ты такое говоришь, нана? Я твой сын, — сказал юноша.

— Нет, ты не мой сын, я нашла тебя так..., — сказала, — возьми этот лоскут ткани, ты был укутан в него, ты принадлежишь тому, кому принадлежит этот лоскут ткани, найди его [этого человека]. То, что я сделала для тебя, прими на здоровье, — сказала она ему.

Юноша сел на коня и отправился в путь. Пройдя долгий путь, он встретил двух всадников. Он спросил у всадников:

— Не примите за наглость, не вас ли зовут Озырмес и Озырмеж?

— Зачем так прямо спрашиваешь про них, с добрыми или плохими намерениями интересуешься? — сказали они, подумав, что юноша храбр и смел после того, как парень спросил прямо.

Сын Канжа Шауей сказал:

— Нет, я с добрыми намерениями спрашиваю, я слышал, что они храбрые мужи, поэтому и спрашиваю про них, возьмите меня с собой. Я буду придерживать вам поводья, когда вы будете сходить со своих коней, — попросил.

— Аллах-аллах, возьмем, конечно, и это нас зовут Озырмес и Озырмеж, — ответили они.

Они продолжили путь вместе с сыном Канжа Шауеем. Путь Озырмеса и Озырмежа лежал домой, после похода. Задумав испытать, насколько храбр Шауей, они скрыли от него то, что прибыли в свое селение.

Озырмес и Озырмеж сказали сыну Канжа Шауею:

– Мы зайдем в это селение пополнить запасы еды, а ты пока спешься здесь и отдохни немножко, – говоря.

Сын Канжа Шауей спешился. Была зима, *<Шауей>* привязал *<поворд>* своего коня к руке, завернулся в бурку и прилег. Дом, в который вернулись Озырмес и Озырмеж, был их дом, где жила их мать. Они поели, попили и отдохнули.

Того, на кого кричал Озырмес, постигала смерть, а Озырмеж получал все то, о чем просил у Тха. Озырмеж попросил у Тха:

– О, Аллах, пусть начнется дождь со снегом, пусть подует такой ветер, от которого все замерзнет!

В этот миг пошел дождь со снегом, после этого подул холодный ветер, так сильно, что говорили: «Человек в поле не выживет». Утром Озырмес и Озырмеж собрались обратно, взяв с собой сушеную жареную *<баранью>* лопатку и бурдюк с ледяной махсымой. «Если этот юноша выжил после этого бурана, я закричу на него, если он и после этого выживет, то он превзошел нас в мужестве», – *<так решил Озырмес>*. Приехали они, а там лежал юноша. «Уий!» – сказал *<Озырмес>*, крича на юношу, тот не проснулся, второй раз крикнул, но тот опять не проснулся, тогда подошел ближе, взял за конец бурки и крикнул еще сильнее. Юноша вскочил.

– Ты что, действительно поверил в то, что люди умирают от крика Озырмеса? – так сказал Шауей.

– Нет, нет. Я просто подумал, не случилось ли с тобой чего-нибудь после такого сурового холода, так как ты не вставал, – сказал Озырмес.

– Нет, со мной ничего не случилось. Уаллаги, даже вспотел немного, – сказав, встал и обтер себя. Потом, увидев снег, сказал: – Оу, я смотрю, и снег выпал.

Озырмес и Озырмеж сказали:

– Уаллаги, бысым, к которому мы пошли, негостеприимный был, – и отдали *<сему>* сушеную лопатку и бурдюк с махсымой.

Раздробив кулаком лопатку, *<Шауей>* отделил мясо и съел, потом, опрокинув бурдюк, выпил всю махсыму вместе со льдом. «Уаллаги, это было роскошно», – сказав, оседлал коня, и они пустились в путь. Дошли до того места, где жили Озырмес и Озырмеж. Оставив сына Канжа Шауея у пастушьего стана, братья отправились в поход. Сын Канжа прибрался в пастушьем стане, приволок с охоты лося и сварил его. *<К этому времени>* Озырмес и Озырмеж вернулись. Сын Канжа так хорошо прибрался в пастушьем стане, что братья, было, проехали мимо, не узнав стана, и сын Канжа окликнул их:

– Куда направляешься?!

– Хотели проверить, узнаешь ли ты нас, – сказав, они вернулись *<в стан>*, *<и Шауей>* хорошо накормил их.

В один день сын Канжа попросил у братьев:

– Пожалуйста, дайте и мне отправиться в поход, проверить свою силу.

– Нет, что ты один будешь делать? Вот сейчас поедим, отдохнем и все вместе отправимся, – сказав, не разрешили они.

Тогда сын Канжа сказал:

— Нет, вы отдыхайте, *<я>* скоро вернусь, пустите *<меня>*.

— Тогда иди, — разрешили *<братья>*.

Неподалеку был лес, и сын Канжа въехал туда. Когда он скакал через лес, его кто-то окликнул:

— Если подберешь с собой грязь, которую выбивает твой конь, то пожалеешь, если не подберешь, тоже пожалеешь.

Сын Канжа нагнулся в одну сторону, взял шесть комков грязи, нагнулся в другую сторону и опять взял шесть комков грязи.

Сын Канжа слышал весть о том, что где-то находятся девять пегих лошадей, и направился туда. Озырмес и Озырмеж несколько раз пытались пригнать этих лошадей, но им это никак не удавалось.

Сын Канжа направился к месту, куда лошади приходили на водопой. Лошади спустились к реке. Сын Канжа притаился за деревом, приготовив аркан. Девять пегих лошадей, среди которых был маленький трехногий жеребец, подошли к реке. Сын Канжа бросил аркан и схватил за шею трехногого жеребца. Положив свое седло на него, запустив своего могучего альпа к лошадям, погнал их. Так доехал он до леса и, вспомнив того, кто окликнул его, засунул руку в карман. В обоих карманах вместо грязи оказалось золото. «Аллах-аллах, почему я не взял больше», — сказал, пожалел он. Вернулся в стан. При виде сына Канжа Шауя с девятью пегими лошадьми, у Озырмеса и Озырмежа волосы так на дыбы встали, что аж папахи с их голов свалились. Несмотря на это, они не подали виду, что это обидело их. Сын Канжа со словами: «Моя добыча не так уж и велика», — вернулся в стан.

— Что ты говоришь, твоя добыча довольно хороша, — сказали братья.

— Теперь разделим добычу, — сказал *<Шаумай>* и отдал каждому из братьев по четыре лошади. Золото он тоже разделил поровну. После этого он сказал: — Теперь я пойду и найду свой род, — и отправился в путь.

После того, как сын Канжа проделал долгий путь, Озырмес и Озырмеж сказали: «Почему мы не узнали, кто этот юноша. Наша мать догадается, что этих лошадей пригнали не мы, так как среди них нет трехногого жеребца. Если мы скажем, что кто-то пригнал нам их, то она спросит, почему мы не пригласили его в дом, откуда он родом, — поговорили братья. — Если мы пригласим его сейчас, он все равно не остановится, но у нас есть единственная сестра, и мы предложим ему взять ее в жены». Братья пустились в погоню и настигли Шауя. Сын Канжа спросил:

— Чего вы хотите?

— Вот чего мы хотим: у нас есть единственная сестра, возьми ее в жены, если у тебя нет жены, — ответили Озырмес и Озырмеж.

— Аллах-аллах, я, конечно, согласен. Уаллаги, и жены у меня нет, — ответил сын Канжа.

Вместе с сыном Канжа братья вернулись домой. Мать Озырмеса и Озырмежа, увидев пегих лошадей, танцевала *<от радости>*, пока не износилась сафьяновая обувь. Сыновья зашли и рассказали, что это не они пригнали лошадей, но мать ответила:

– Неважно, кто их пригнал, главное, что они ваши. Но вы должны заполучить и трехногого жеребца, чего бы это ни стоило.

– Хорошо, – сказали *<братья>*, – только мы обещали выдать за него нашу сестру.

После того, как братья выдали свою сестру замуж за сына Канжа, тот в качестве платы за невесту отдал им трехногого жеребца, со словами: «Я не могу отдать вам коня, которого подарила мне мать».

Сын Канжа уехал, взяв с собой девушку, и, преодолев долгий путь, остановился в каком-то месте, чтобы отдохнуть. Он прилег там и во сне ему привидилось: «Сын Канжа Шауей, единственный сын Нарибгеи, какой же ты глупый! Ты своим потом и трудом пригнал этого трехногого жеребца, зачем же ты его отдал, пока они владеют им, ты не в силах их одолеть». Сын Канжа вскочил, нашел для жены укромное место и быстро вернулся обратно.

– Зачем это ты вернулся?

Когда так спросили *<братья>*, тот ответил:

– Я отправляюсь в дальний путь, и мой альп не в силах его преодолеть, быстрее оседлайте мне трехногого жеребца.

Оседлав, они дали ему коня. Как только он выскочил со двора на поле, с обоих боков сломал коню по три ребра и возвратил жеребца братьям. Мать братьев, Сатаней, увидев это, поняла, что конь уже ни на что не пригоден, и когда Озырмес возвращался, поставив коня в конюшню, Сатаней со словами: *<...>*, – ударила ножницами и перерезала сухожилия на пяте *<Шауея>*.

Сын Канжа нашел свое селение. Со словами: «Я сын того, кому принадлежит эта ткань», – дошел до бабки-повитухи. Бабка-повитуха узнала ткань и сказала: «Ты не мой сын, а сын *<Нарибгеи>*, но я когда-то спасла тебя от нее». Юноша, найдя для своей жены укромное место, отправился к своей матери. Его мать *<к тому времени>* ослепла, потеряя мужа, а ее двор весь зарос крапивой.

– Нана, открой дверь, – сказал *<Шауей>*.

– О, тот, кому я благодарна, разве есть у меня тот, кто бы называл меня «Нана», – сказала она.

– Я есть у тебя, – сказал *<Шауей>*, и она открыла дверь. – Я таким образом остался жив... – *<начал он>* и рассказал ей все. Потом привез свою жену, привел в порядок двор, остались они жить у матери и жили счастливо и в довольствии.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-н. Пасп. № 7. Сведения о собирателе и исполнителе отсутствуют. В «паспорте» к тексту имеется пометка: «Иуан Пакъэ и Іэрыйтхым ещъщ» – «Похоже на письмо рукой Паки Иуан». В числе известных собирателей данное имя не встречалось; возможно, он увлекался собиранием фольклора, но сведения о нем до нас не дошли (адыгское фамильное имя Иуан имеет в русской транскрипции в разных населенных пунктах три варианта – Иванов, Юанов или Ионов). Перевод на русский язык М. Бухурова.

Текст представляет собой контаминацию нескольких сюжетов, связываемых обычно с образом нарта Шауея: рождение от матери, которая убивала своих новорожденных детей, спасение при помощи подмены, воспитание «на чужбине», богатырское испытание, устроенное встречными братьями-нартами, наезднические подвиги и женитьба.

Калькуль – разновидность травы, которая, по мнению сказителей, обладает чудесными свойствами. Научное название – *донник лекарственный*.

4. КЪАНЖ И КЪУЭ ШАУЕЙ И ХЪЫБАР (Шауей и къэхъукІэр, Шауейрэ и хъэшІэмрэ)

Зэш пшыкІуй хъурт Къанж <съими>, «Зы анэ къильхуауэ зэшпхъу пшыкІуй къэдмыгъяутауэ фыз къэдмышэн», – жари унафэ ящІа. Унафэ ящІыри, еуэри, ежъа пшыкІуйри. Ежъэри зэшпхъу пшыкІубл хъууэ къагъяутащ зы гуп. «Уэлэхи, пшыкІуй дымыгъяутын <пшыкІубл> фІэкІ», – жари... «ДаутІэ зэрытшІынур?» – щыжайэм щыгъуэ, «Нэхъыжь-нэхъышІэкІэ къышІэддзэнци къэтшэнци», – жари, унафэ ящІыри, Къанж нэхъыжьт, модреһэрикІ ешшыкІуяянэр, иджы, нэхъыжын хуейти, Къанж къанэри, нэхъышІэ пшыкІублым къаша, зэшпхъу пшыкІублыр. Къанжыр къэна. Къанжыр къанэри, еуэри, ежъэжа, «Тхъэр зыгъэпцІа, сэ мы хэкум сисым!» – жери. КъикІухура, къижыхъурэ къуршым итурэ, цыхуһэм ауан ящІ хъуа. Зыгуерым зыгуэр жиIам, «Мы сэ жысІэр мыпэжым, Къанж хуэду Алыхым сыкъигъанэ!» – жайлэу-щэ нартым ахуэду жайлэхъуа.

Арати, еуэри, «Мыр Іооху мыхъуну, сыйдыхъэжынным», – жери къежъэжауэ къэкІуэжу, гъущІ гъугум тет шыпалыр и мас-тэу, Іуданэ фІэшІауэ дыжэу зы нарт цыхубз ин гуэр ирихъэлІа. ИрихъэлІэри, цыхубзым дей дэмыхъу мыхъу хъури, дыхъашт Къанж. Дыхъэри, Къанж и хъыбарыр ишІэрт а цыхубзыми, пхтуу ишит абы, цыхубз а дэми, «Си пхъур уэстынш», – жиIа, Къанжым къижыреIэ. КъижыриIыри <...> къиша. Къишари нэхъ Iеижш, иг'и, ари <...> зы нарт цыхубз мыхъумышІэ гуэрт. «Уэлэхи, сыйкІуэжынным, иг'ы», – жери, мурад ешІыри цыхубзыр щыгъуу къокІуэж Къанжыр.

Арати къыздэкІуэжым, ««Къанж хэкум къихъэжащ», – жыфІи...», – яжреIэри, бжэнхыхъуэ гуэр ирихъэлІати, <къуажэм> дигъэлъадэри, <жылэр> докІ, докІри мо цыхубзыр зэралъагъум хуэду, я щыб къагъазэри къыдыхъэжащ къуажэр. Къыдыхъэжыри, Къанжыми яжриIынтэк'э <Іуэхур зыгутыр>, яжриIэри.., <...> цыхубзыр и фызурэ, <фызыр> малъхуэ, лъхуэхункІэ уэнжакъым докІуейри <абы щолъхуэ>, мафІэр ин ешІыри, уэнжакъымкІэ <сабий> къехуэхар мафІэм ес. Арати, Сэтэней дей кІуа Къанжыр, «Мыращ си Іоохур зэрыштыр», – жери.

Арати, Сэтэней дей кІуэри, «Хъыбар къэзыгъашІэ <абы и лъхуэгъуэр къышыскІэ>», – жери, <...> къригъашІэш, лъхуэуэ щы-

сүи къакIуэш Сэтэнеи, <фызыр> лъхуэри, <къильхуар> нафIэм къыхэхуэри, <...> Сэтэней щыхъэри, <сабийр мафIэм> къыхахыри, Сэтэней къыхихыри ипIа. Фызым фIэкI, а къэзылъхуам <хищIыкIыркъым>. Мобы ихыри <...> ипIа. Сэтэней ипIурэ, балигъ хъури, къыжыриIа:

– Иджы, уи янэр мыпхуэдэущ зэрыштыр, къарукГэ къыптекIуэм, тхэ солуэ, уиукIыннымкIэ, – Щауейм къыжыреIэ Сэтэнейм. – УтекIуэм...

Арати къокIуэж Щауейри, а Къанж и фыз а Iейр езы Къанж [Щауей] зыкъыридзыри, текIуаш щауейр. ТекIуэри, <...> фызыри къанэри, посурэ, Щауей лы хъуа, Къанж и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэ фIаша:

Щауейр, еуэри, зекIуэ кIуауэ, шу гуп щыгъуу, ирихъэлIа <зы шу>. ИрихъэлIэри, ирихъэлIа иужькIэ, шу гупыр ауэ къигъанэри, «Сэ моуэ сыхоушыкI», – жери хэушыкIц мори, ирихъэлIа зыгуэрым [шум]. ЩырихъэлIэм щыгъуэ, къыжыриIа:

– Сэ мыпхуэдэм сокIуэри, мы къуажэм ущышу жоIэ уэри, Къанж и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэм сыхуейш. Зы ильэскIэ сигъехъэшIэну <хузэфIэкIынумэ>, сокIуэ.

Хъунщ, ди къуажэш ар, жесIынщ, – жери <Щауей> Къанж дей къекIуэжри жыриIа: – Мыпхуэдэ сирхъэлIаши, къокIуэ. Дауэ зэрысщIынур? Махуэ къесыхункГэ и шым авосу зы центнеррэ зы мэкъу Iэтэрэ ишхынущ, еzym махуэ къэс зы гъэльхъу ишхынущ, – ауэду къыжыриIати, ядэ Къанжым щыжыриIэм щыгъуэ, Къанж жиIа:

– Дэ дийр духыхункГэ едгъэшхынщ, дийр духа нэужькIэ, ныбжъэгъу-жэрэгтү <...>, къегъэблагъэ, – жери, иригъэблэгъа.

Иригъэблагъэри, шхэурэ, игъашхэурэ шырикI езырикI, «НакIуэ, си шым хуэдэ <къэдгъуэтинщ>», – жери <хъэшIэм>, мобы и шыр алъпти, алъпыжьиkI иIыт Къанжи, и шыри шыбз пишIэм тетти: «Уэлэхи, мыбы [Щауей] шы хуэхъун хэмьт», – <хъэшIэм> жиIыурэ, <Щауей хъэшIэр> алъпыжьым дей ишэри, «Мис мыр хъунщ», – <хъэшIэм> жиIэри, <...> адрей [хъэшIэм] и шым да-гъашхэ арикI. Ильэс ирикъуным щIагъуэ имыIыжу, абы [хъэшIэм] и шым къыринэ хъуа, Щауей и шым зыри къыримыну иих хъуа.

– НакIуэ, иджы, дежъэнущ, – жари, еуэри, шэри ежъэжа тIурикI.

Ежъэжри, зы псышхуэ гуэрэм дыхъэри, а и гъусэр и гъусэуи, абы жиIа:

– Иг'ы, сэ сыйжеинущ, – жиIа, – мазэкIэ. Уэ умыбэлэрыгъуу мазэкIэ мэкъу еуи, – жиIа, – мыдей Iэтэ щыщIыж, – жери къэгъуэлъаш а и гъусэр, къекIуар.

Гъуэлъыри жейурэ, жейурэ, жейурэ, Щауен мэкъу еуэм, <Iэтэ ищIыжурэ>, псы Iуфэм, тенджыз Iуфэм <...> ахуэду ищIурэ, <хъэшIэм> и жеинир зэфIэкIыху, мазэр ирикъущ, къэушыри, морикI ищIауэ, морикI ищIауэ къэушыри жыриIа:

– Иджы, сэ мы псым сикIынущ. Мы псым сикIа иужькIэ, мыпхуэдэ гупым сахыхъэнущи, жэшым мо <Iэтэм> мафIэ едзи, мы псым тхъурымбэ, лы тхъурымбэ, тету къихъу щытым, лъэримыхъ сыхъуаши, лы ищIэн Тхъэм уигъашIэ, Щауей. Араш си Iуохур, – жери, псым икIри, еуэри, ежъэжа мор.

Псым икГри, ежъэжыри, зыхыхъа гупыр и бийт мобыи, къытекIуэ щыхъум щыгъуэ, гузэвэгъуэр къылъысауэ, къурш зэхуакум дахуауэ, <Щаей мафIэ щИдзэш> мэкъуми, лтьир псы щыIум тету, тхъурымбэ хъуауэ къихъу Щаейм ельагъу. И шым шэсщ аби, икГщ псыми, и цЭр ишIэртэкъыми, «Си хъэшIэ!» – жери кИия Щаейр. «Си хъэшIэ!» – жери кИийуэ щыщIидзэм щыгъуэ, зыкъригъэшIаш модрейм. КъуршилIым мыуеду зэгуэуэзэгухъу щытти, щызэгухъэм, увш мыпхуэдэуи, IэдакъэкIэ жъэхэуэш Щаеи, къуршилI зэгухъэр зэгуимыгъыхъэу къигъэузыIэри мор къыдишыжа.

Къыдишыжыри, яхуэшIэри яшIэри, къирахури къежъэжащ я шыр.

Къирахури къежъэжыри, иныжът, иджы, ахэр <зейри>, зы къэмыну псорикIи къахуурэ къэкIуэжурэ, <хъэшIэм Щаей> жырила:

– Иг'ы, Къанж и къуэ Щаей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэ, – жиIа, – уэ шыпэм кIуэ, – жиIа, – сэ шыкIэм сыкIуэнущ. Иг'ы, «Шыр <зыхуу> хъэмэ къилъхуар хэт?» – щыжIашIэ, «Къанж и къуэ Щаей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэм еху», – жысIынщ, – жиIаш, – сэ. Уи декIэ нэкIуэнущ, сэ си гутгу къимышIуи, уи дей нэмису, сэ кIэ естьнщ, – жиIаш, – абы.

Арати, къыбгъэдыхъэш <инижъыр> хакIуэм тесуи, щхьибл фIэтую....

– Хъэмэ къилъхуам си шыр зыхур хэт? – щыжIэм...

– Къанж и къуэ Щаейм, Нэрыбгейм и къуэ закъуэм еху, – жиIа.

– Къанж и къуэ Щаейм, Нэрыбгейм и къуэ закъуэм и фтыр яжъэм хэлъщ, – жиIаш <инижъым>, – иджырикI, иджы дэ къытщIиздаура, сабийуэ? – жери... – Уэлэхи-тIэ, уэ сыпхуэмей, Къанж и къуэ Щаей шыр зыхум дей сыкIуэным, – жери абы щиIуантIэм, еуэри иукIа <...>.

Шыр къыхуэна, шы <инижъыр> къызэрихъар. ИтIанэ <инижъ> зи чэзур къэкIуа нэужъкIэ, ахуэду хъуа, ахуэду яшIа аргуэру. ИтIанэ жырила:

– Иг'ы, икГэ дыдэраш къакIуэнур мыбыи, нэхъ Iейри, уэ шыкГэм къанэ, – жиIа <хъэшIэм>, – сэ шыпэм сыкIуэнщ, – жиIа. – «Мыр зыхур хэт, мы шыр?» – жиIа нэужъкIэ, (и цЭр хъэ спыгъупшэжа, иг'ы, абы?)... сэ си дей нэкIуа нэужъкIэ, сэ абы увыIапIэ къестынщ, – жери, унафэ яшIщ аби, а зэрыжиIам уэду къэсщ мори [инижъри], абы декIэ щиIуантIэм, къеуэри абы къиукIа.

КъиукIыри, къэкIуэжурэ къэсыйжнэш щызэхуэзами:

– Къанж и къуэ Щаей, мохуэдэ щыпIэм щопсо мыр, абы я шыпхъу закъуэраш уэ фыз пхуэхъунур, – жери, – мобыкIэ щыIэр ситу пэрэ? – жери, игъаплъэри и гъусэр кIуэдыхъа, Къанж и къуэ Щаей къэна.

Къанэри, шыр къихури къэкIуэжа. Арати, еуэри, ар здэшыIэр къыхуэмыгъуэт хъури, Сэтэней дей кIуаш Щаей.

– Мыраш, мыраш... – жери Сэтэнейм ар жреIэ.

– Мы къуршиблыр зэпбыупшIа нэужъкIэ, мыпхуэдэу цыыхубзыр къарэгъулу иIыщ, мыпхуэдиз цыыхухъур къарэгъулу иIыщ, <УакъкIэ> зэджэ бгъэжъыми а хэкурикI дыгъэ къышемыпсу жъауэ ешIыф, езыр мыпхуэдэ щыпIэм дей щысщ, дыгъэ

къышЦэкЦыпЦэмкЦэ, – жери, – упэлъэшынуми, сцЦэркъым, упэлъэшынуми, аращ, – жери къыжрила.

Къыжрилыри, абы кЦуэри къигъуэтащ ар, Сэтэней и унафэм тэухуауэ. Къигъуэтыри, кърихъэжъэри, къеуэри, къежъэжа. Кърихъэжъэри, къеуэри, къежъэжыри зы тэлай къикЦуа иужькЦэ:

– Зыдгъэпсэхунщ, – жери зыщЦыпЦэ дей иригъэпсыхщ цЦыхубзыри, Щауэри щхъэукъуэри, а УакъкЦэ зэджэ бгъэр къуршишхъэм итти, къеуэри цЦыхубзыр ихьщ аби, ихьри, еуэри, ежъэжа.

Мыдрей къэнари къэтэджыри, – <...> [щыЦэкъым].

– Уэлэни, зылызгъэхъэтэм, – жери <...> къуршишхъэм ихъэри, еуэри бгъэр иукЦа, цЦыхубзыр къихьри къэкЦуэжа Къанж и къуэ Щауэйр.

Иг'ы, Бэдынокъуэ, Хъыжъэ зекЦуэ къикЦыжу, Щауэй я гъусу Хъыжъэрэ Бэдынокъуэрэ къыздэкЦуэжым, зы шу къыкъуэкЦаш аби, Хъыжъэ иштэц аби, ихьри, еуэри, ежъэжа, шу гъусэм. Мор [Бэдынокъуэ] кЦуэфынутэльми, дамыгъэ тырищЦаш <...> тэнг'зыым <здыхыхъэжам деж>. Дамыгъэ тырищЦэри, зы земан дэкЦыри, абы кЦуэн хуэй хъуя. Абы дей кЦуэн хуэй хъури, Бэдынокъуэ абы деи, зейри ицЦыхутэжъэм. Дамыгъэ тырищЦар къигъуэтыжщ аби, еуэри, <Бэдынокъуэ> хэпкЦэри, зэпрыкЦри ежъэжа. Ежъэжщ аби, зэпрыкЦри, къэшЦыхъауэ хъурейуэ, къигъуэтщ ари, ишэри иригъэлъэгъуа.

– Мыращ, мыращ, мыра...

– НтЦэ, сэси анэр мыпхуэдэ иныжъиблым яхъауэ мыпхуэдэу ильэс хъуауэ сапэмыльтэшцу, ауэ Къанж и къуэ Щауэй, Нэрыбгейм и къуэ закъуэм къызэрихъыжыфынур сцЦэрт, мыр къызэрихъыжыфынур. Аращ сэ мыр къышЦэсхъар, мы шур, Хъыжъэ, къышЦэсхъар, – жери...

– НакЦуэ-тЦэ, – жари, еуэри, кЦуэри, иныжъиблыр зекЦуэ кЦуауэ, <и анэр> мобы щЦэсу ирихъэлЦа.

– Хэ укъэкЦуа мыбы?

– Уэлэни, мырам... Алыхъыр согъэпцI, сымытЦысын!

– Хъэуэ, умыгузавэ, уэлэхэ, ар щымылЭм... – жери...

Арати, еуэри, къежъэжа янэр <кърашэжъэжри>, <...> къежъэжхэри, мыуэ щыхъум щыгъуэ, <иныжъхэр> къыкЦэлтышЦэпхъуэри, къыкЦэлтышЦэпхъуар иукЦаш Бэдынокъуэм. Модрейр, Хъыжъэ, лъэримыхъ хъуати, улэгъэ телъти, хъуайым.

– Дауэ хъуа? – жери зыкъищЦэжа нэужькЦэ Бэдынокъуэ щеушщЦым...

– Зыри къэдгъэнакъым, дукЦаш, – жиЦаш Бэдынокъуэ.

Арати, я пхъур <Щауэй> къратри, Хъыжъэ къашэжри къэкЦуэжа псорикI. Аращ.

СКАЗАНИЕ О ШАУЕЕ, СЫНЕ КАНЖА (Рождение Шауя, Шауэй и его гость)

Канжева семья состояла из восемнадцати братьев, и они решили: «Пока не найдем восемнадцать сестер, рожденных одной матерью, не будем жениться». Решили они так и, взяли, отправи-

лись все восемнадцать <на поиски>. Отправились они и разыскали семнадцать сестер одной семьей. «Уаллаги, мы восемнадцать не найдем, <а нашли вот семнадцать>», – сказали они. «Ну а как тут поступить?» – когда так сказали... «Начнем по старшинству – по младшинству и женимся», – решили так; поскольку Канж был самый старший, а у тех [сестер] старшей должна была оказаться восемнадцатая, Канж остался ни с чем, а младшие семнадцать женились на семнадцати сестрах. Канж остался один. Остался Канж один, взял и уехал: «Богом клянусь, что не буду жить в этом kraю!» – сказал. Ездил он ездил, скитался среди гор, и люди стали над ним посмеиваться. Кто-то что-то говорил и при этом добавлял: «Если сказанное мною неправда, пусть Аллах оставит меня таким, как Канж». Вот так наорты стали говорить.

Так вот, однажды... «Это не дело, лучше я возвращусь», – сказал Канж, и, возвращаясь домой, встретил одну нартскую женщину, которая шпалу на железной дороге <и рельс> как иголку с нитью держала и шила. Встретил он, получилось так, что не зайти к ней в дом он не мог, и поэтому пошел в гости Канжу. Пошел он, а женщина знала о заботах Канжа, и у нее была дочь..., и она ему предлагает: «Выдам я за тебя мою дочь». <Канж> побоялся и со страху женился. Женился он, а она еще безобразнее <своей матери>, такая недостойная нартская женщина она была. «Уаллаги, теперь поеду домой», – решает он, и возвращается Канж вместе с женщиной.

<...>

Итак, там, куда он возвращается, «Пойдите и сообщите, что Канж возвратился в свой край...», – поручает он встречным пастухам коз... отправляет он их бегом <в селение>, и народ выходит <навстречу>. Выходит, и как только завидели ту женщину, спиной повернулся и вернулся домой весь народ. Вернулись, ну а <разве> Канж им не сказал бы в чем дело, он им рассказал... И женщина, жена его, рожает, а каждый раз, когда рожать, она, разведя в очаге большой огонь, взбирается на трубу, и <младенец>, попавший в огонь, сгорает. Поэтому Канж отправился к Сатане, чтобы рассказать, – так и так дело обстоит. Вот так он пошел к Сатане, и она сказала: «Извести меня, <когда настанет срок>», – сказала она... Он известил ее, и Сатанея явилась... <Женщина разродилась>, <ребенок> упал в огонь... А Сатанея вошла в дом, вытащила ребенка из огня, принесла к себе и вырастила его. Женщина, та, что родила, и не знает о том, думает, что тот сгорел в огне. Растила его Сатанея, и когда он возмужал, она ему сказала:

– Теперь дело такое, мать твоя такова, что если она осилит тебя, то, вот бог, она тебя убьет, – так Сатанея наставляет Шауея. – А если ты победишь...

Итак возвращается Шауей в родной дом, и та жена Канжа, та скверная женщина, набросилась на Канжу (видимо, здесь оговорка: *на Шауея* – перев.) и победила Шауея (еще одна оговорка: победил *Шауей*, будь иначе – мать убила бы его – перев.). Победил, и женщина осталась в живых, так, живя вместе, Шауей достиг зрелости, и стали его называть Канжу сын Шауей, единственный сын Нарыбгей.

Однажды Шауей в зеко повстречал вместе с компанией наездников <одного всадника>. Повстречал он и, покидая компанию, говорит: «Я немного рысью проедусь». Проехался он рысью, и когда встретился с тем всадником, тот ему говорит:

– Я еду туда-то, ты же говоришь, что из этого селения, а мне нужен Канжа сын Шауей, единственный сын Нарыбгей. Еду к нему... гостить один год.

– Хорошо, он из нашего селения, я ему передам, – сказал <Шауей>, возвратился к Канжу и сообщил ему: – Вот такого-то я повстречал, он едет к нам. Как мне быть? Каждый день его конь будет съедать по центнеру овса и стогу сена, сам он будет съедать по одному валуху, – так тот ему сказал, и когда Шауей сообщил это своему отцу Канжу, Канж дал такой ответ:

– Пока не закончится то, что у нас есть, будем содержать, а как закончится то, что у нас есть, скажем друзьям-приятелям... принимай, – сказал так и велел принимать гостя.

Принял <Шауей гостя>... и вот едят они, угождают и коня, и его самого... «Пошли, <поищем> коня тебе...», – сказал <гость>, а у него самого конь был альп, и у Канжа был один старый альп... Выехали они, прибыли на стан табунщиков, что пасли кобылиц. «Уаллаги, тут для нас лошадей нет», – так говоря, когда они шли, довел Шауей его до старого альпа и ... «Вот этот подойдет», – сказал гость. И стали они кормить его с тем, другим, конем. Когда до срока в год оставалось немного, конь гостя стал оставлять недоделенное, Шауея же конь стал доедать, ничего не оставляя.

– Давай, теперь поедем, – решили, оседлали коней и поехали оба.

Отправились они, доехали до одной большой реки, Шауей вместе со спутником, и тот сказал:

– Теперь я буду спать, – сказал, – месяц. Ты же, не отвлекаясь на другое, в течение месяца коси сено и, – сказал, – вот здесь поставь стог, – сказал так и улегся этот его спутник, что с ним был.

Улегся он, и спит, спит, спит, а Шауей тоже косит, косит... у берега воды, у берега моря <стог складывая>, вот так закончилось время сна, да и этот и то сделал, и это сделал... Проснулся тот и сказал:

– Теперь я переправлюсь через эту реку. Когда я через эту реку переправлюсь, я попаду к таким-то, а поэтому ночью ты этот... <стог> подожги: если по воде будет плыть пена, кровавая пена, тогда дела мои плохи, и тогда, Шауей, пусть бог поможет тебе совершить то, что положено совершить мужчине. Вот каково мое дело, – сказал, переправился через реку и скрылся.

Переправился он через реку и скрылся, а те, к кому он попал, были врагами его, и когда они стали его одолевать, когда беда нахлынула над ним и он сорвался и упал между скал, <к этому времени Шауей> поджег сено и увидел, как по воде несет кровь, ставшую пеной над водой. Сел он на своего коня, переправился через реку и, так как он не знал имени того, стал его звать: «Мой гость!». Как он начал кричать «Мой гость!», тот дал о себе знать. Две скалы вот так сходились-расходились, и когда они начали сходиться, стал он вот так, ладонями толкнул Шауей, четыре скалы, что сходились,

остановил и гостя своего вызволил. Вывел он его, затем они сделали <врагам вреда> столько, сколько могли, угнали их лошадей и переправились обратно через реку.

Перегнали они лошадей..., уехали оттуда, а те, все они [враги] это были иныжи..., и когда гнали лошадей, <гость> сказал:

— А теперь, Канжа сын Шауей, единственный сын Нарыбгей, — так он сказал, — ты поезжай вперед, а я поеду подгонять лошадей. Танерь, когда скажут: «Кто это за собачье отродье, что угоняет наших лошадей?», я отвечу: «Это Канжа сын Шауей, единственный сын Нарыбгей», — так он сказал. — Они направятся в твою сторону, но я не дам им доехать до тебя и всех перебью, — сказал гость.

Итак, подъезжает к нему <иньж> на жеребце, сам с семью головами:

— Кто это за собачье отродье, что угоняет моих лошадей? — когда он так спросил...

— Это — Канжа сын Шауей, единственный сын Нарыбгей угоняет, — ответил <погонщик>.

— У Канжа сына Шауея, единственного сына Нарыбгей еще срамное место в золе вывалило, — возразил <иньж>. — Что же, он ребенком с нас начал, что ли? — Уаллаги, в таком случае ты мне не нужен. Я пойду к Канжа сыну Шауею, который угоняет лошадей, — сказал он, но когда поворачивал туда, этот ударил и убил его...

Конь же остался, тот конь, который его принес. Затем прибыл следующий <иньж>, и с ним случилось то же самое, с ним поступили точно так же. Затем <гость> сказал <Шауею>:

— Теперь приедет сюда самый худший из всех, самый плохой. Поэтому ты останься погонять, — сказал, — я же пойду впереди табуна, — сказал. — Когда спросит: «Кто это угоняет лошадей?», — (почему я забыл его имя! — реплика исполнителя)... — так он сказал. — Когда он поедет в мою сторону, я ему найду пристанище, — сказав, так решили они, и, как сказано, так он и прибыл, а когда тот поворачивался, ударил его <Шауей> и убил.

Убил он его, и уже на обратном пути, когда доехали до места, где они встретились...:

— Канжа сын Шауей, <вот такие-то> живут в такой-то местности, и только их единственная сестра станет тебе достойной женой, — сказал <гость>. — А что это там такое? — спросил он, заставил Шауея оглянуться и сам исчез; Канжа сын Шауей остался <ни с чем>.

Остался он, и возвратился домой, пригнав лошадей. Вот так, стал он искать и не мог найти, где она [эта девушка] живет, и поэтому отправился Шауей <за советом> к Сатаней:

— Так и так, — говорит и Сатаней<-гуаше> об этом рассказывает.

— Как пересечешь эти семь гор, вот так, [столько-то] женщин караульных там есть, столько-то мужчин караульных есть, и могу-чий орел по имени <Уак> может весь тот край закрыть от солнца, сама же она в таком-то месте обосновалась, ближе к выходу, — сказала <Сатаней>. — Не знаю одолеешь ли, не одолеешь ли, так тому и быть, — так она ему сказала.

Сказала она так, и он отправился туда и разыскал ее, по указаниям Сатаней. Разыскал похитил ее и пустился обратно. Похитил он, взял и пустился обратно, и когда проехал прилично...:

– Отдохнем – решил и в одном месте опустил женщину на земль, а сам Шаумей чуть задремал, а тот орел по имени Уак сидел на вершине горы, взял он да и унес женщину, унес и был таков.

А этот, который ни с чем остается, спохватился – *<а женщины нету* сказано по-русски – *перев.*).

– Уаллаги, *<сам>* было испортил *<дело>*, – сказал, поднялся на вершину, ударили и убил орла. Женщину же, привезя к себе, возвратился домой Канжа сын Шаумей.

А тут *<однажды>*, когда Бадиноко, Хыжя и с ними Шаумей возвращались с зеко, откуда-то появился один наездник, схватил Хыжу, унес его и ускакал тот наездник. Тот [Бадиноко–?] не мог преследовать, и поэтому сделал мету... на море. Сделал мету, а некоторое время спустя ему довелось туда отправиться. Довелось ему туда отправиться, но Бадиноко ни места, ни владельца (?) не знал... Разыскал он сделанную мету, прыгнул *<в воду>* переправился и поехал дальше. Поехал он дальше, и вокруг огороженное *<место>* разыскал, повел туда и показал ему (судя по смыслу, повел и показал тот всадник, который и похитил Хыжу – *перев.*):

– Вот, так и так и так... мою мать вот тут семь иныжей похитили, и я вот так целый год не могу их осилить. Но только Канжа сын Шаумей способен ее возвратить, вот почему я и похитил этого всадника, Хыжу, – объяснил им *<наездник>*.

– Ну что же, поехали, – сказали они, взяли и поехали, ... и оказалось, что семеро иныжей ушли в зеко... *<а она>* там сидит, – такое они застали.

– Почему ты прибыл сюда?

– Уаллаги, дело такое, и я не стану садиться.

<...>

– Да нет, не переживай, уаллаги, если их и нет...

Итак, взяли они и тронулись в обратный путь (*мать, иныжей мать...* – слова, не проясняемые повествованием – *перев.*). Отправились они, и когда так дело стало, *<иныжи>* пустились в преследование, а преследователей Бадиноко перебил. А Хыжя ослабший был, и он не смог *<воевать>*.

– Как было? – когда спросил он, очнувшись, у Бадиноко...

– Никого мы не оставили, всех перебили, – ответил Бадиноко.

Итак, выдали свою дочь за *<Шаумея>* и все возвратились домой. Вот и всё.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 690-ф/10. Исп. Карагумзра Шоров: 1902 г.р., с. Урух Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. в 1985 г. З. Налоев. Выписка с магнитн. ленты М. Бухурова. Перевод на русский язык А. Гутова.

Сюжет со своими основными мотивами встречается в сказании из цикла о нарте Бадиноко / Шабатыныко. Запись с магнит-

ной ленты публикуется как образец бытования эпоса в период угасания эпической традиции как таковой. Характерно, что изложение сбивчиво, не все фрагменты повествования логически связаны между собой, что может быть результатом утраты исполнителем соответствующих навыков вследствие забвения. Это может быть показателем того, что в обществе упал интерес к эпосу как жанру, поэтому сказание исполняется весьма редко. Нельзя исключать и особенностей памяти исполнителя, который находится в преклонном возрасте. Контаминация фрагментов налицо, причем она порою не мотивирована логикой основной линии повествования.

5. НАРТ ЩАУЕЙ И ХЪЫБАР (Щауейрэ и хъэцІэмрэ)

Нартнэ яшыщ щылаш, Щауей жари – Щауей, Нэрыйгейм и къуэ закъуэ, жари щылаш. А нарт Щауей нартнэр зекІуэ ириша-жъэрт, жаІэ, абы. ЩыришажъэкІэ, нартнэм унафэ яхуишІт, жи:

– Фэ зыщыпІэ фыкІуауэ фежъэмэ, «Шу гуп сыхуэзаш», – жыфІэу зевмыт, – жиІыт, жеІэ. – Абы къиаткГэ: «Мор шу за-къуэш» – жыфІэу, фытегушхуэу зевмыпшыт, – жиІыт, жеІэ. Ар нартнэм яжриІэрт, жеІэ, щежъэкІэ, ежъэгьюэ къэсыхукІэ.

Арати, ар я унафэу зэхэтурэ, нарт шууищэ гъусэ ищІщ Щауей, ежъаш, жеІэ. Ежъэри, нарт шууищэри, езыр япэ иту, шу тПуритІу зэбгъурыту кІуэрэ, зы шу цыкІу аткГэ къакІуэу къахуэзаш. Шу цыкІур къэсри:

– ГъуэгүфІыж апший! – къажрилаш.

– Уи Іуюху фы ирикІуэ, щалэфІ! – жилаш Щауейм.

Арати, шу цыкІур блэкГри, еуэри, ежъэжа. Аурэ нартнэр кІуэрэ зы псыхъуэ гуэрым дыхъэри, Щауейм жилаш, жеІэ:

– Мо девгъэпсыхи дишнэм жыы Іуредгъэхъэнщ, дэри тІэкІу зытплъихъинщ, – жилаш, жеІэ.

– Захуэш, – жари, епсыхри затхъэшлаш, шынэри псы ирагъэ-фащ. – Къетылауэ пІэрэ? – жари, <...> [зыкъапшытэжри] – шуний къэтт, жеІэ.

– Уэлэхъи, мы шу цыкІум яужь ихъам мынээр, дауэ хъуа-уэ щытми. Мо фыщыт, сэ сыкъэкІуэжыхукГэ, сэ анэр къэзгъуэты-жынищ, – жиІыщ Щауей, и шым шэсщ аби, игъэзэжаш, жеІэ.

Аурэ ежэхыурэ, кІуэрэ, шууйирикГ щхъэж и шым трипхэжа-уэ шу цыкІум я пэм иригъэувауэ ихут, жеІэ. Нэсри:

– ГъуэгүфІыж апший, щалэфІ! – жери еупищаш, жи.

– Уи Іуэху фы ирикІуэ!

– Ярэби, мы шухэр си цыхуш, – жери Щауейм апхуэдэу жилаш, жеІэ.

Еуэш-еуэш <шу цыкІур> и шыми, шууйим я шыри къыри-гъэгъээжыри:

– Мэ, уи цыхум, – жери къыритыжри, еуэри, ежъэжаш, жеІэ.

Шууйир яшнэм къытритІэтыкГыжыри:

– Вжеслатэкъэ: ««Шу закъуэш», – жыфІэу зевмыпшыт, «Шу гупш», – жыфІэу зевмыт», – вжеслати. А шу закъуэм зы лыгъэ гуэр имылэу ауэ къежъакъым ар. Абы зыгуэр евмышлаш ахуэду

фишЛакъым, фхуэфащэр къывищЛаш, – яжриЛаш. – Ар вгъэбэяуһэ, – яжриЛаш. – ФынакIуэ, – жери къурихужъежаш шуһэр.

Еуэри, Щауейм игу къэкIаращ: «Ярэби, «Мы шууийр сыйш», – жысIа фIэкI зыри жызмыIауэ, фIэкI хэмэлтүү, мы цIыхуйир къызитыжащ мы шум, дэнэ къуажэми тщIэркъым, хэт ящыщыми тщIэркъым, хъэ зээзымыгъэцIыхуарэ», – жери.

– Иг'ы, – жиЛаш, шууийм яжыриЛаш, – адрейхэр мохуэдэ шыпIэм щыIэши, абы фынэкIуэж, сэ сыйфIэцIыхъэжынщ, ныщхъэбэ. Ныщхъэбэ сыйфIэцIымыхъэжу щ[ы]тым, нытIанэ пшэдэе синэкIуэнукъыми, фыздежьам фыкIуэ, сэ итIанэ синэкIуэжынущ, – къажыриЛаш шууийм.

– Захуещ, – жари шууийр, еуэри, ежъежаш, модрейм къигъэзжш аби, шу цIыкIум къыIэцIыхъэжыри:

– ГъуэгүфIыж апший! ЕтIанэ сэламыр узох, – жыриЛаш.

– Упсо апший, уи Iуоху фIы ирикIуэ! – жиЛаш.

– Ярэбин, – жиЛаш Щауейм, – мы шууийм зыгуэр къуамышЛауэ щытамэ, лей гуэр къуамыхам, апхуэдэу пшIынтэкъым, ауэ хуэфащэу епшЛауэ къыпIЭкIынщ, ауэ лей гуэр къуахауэ щытымикГ, «Мыри си цIыхум щыщши», – жысIа фIэкIа жызмыIау, фIэкI хэмэлтүү къызэптыжащ. Уэ ахуэдиз фIы къысхуэпшЛаш. «Е уи цIэр сымышIауэ, е уи унэцIэр сымышIау, е дэнэ къуажэми сымышIау, хъэ сыкIуэу сеуэу сежъэжа?!” – жысIэри синоупшIыну къэзгъэзжаш, – жиЛаш.

– Сызик'уажэри бжесIынкъым, – жиЛаш, – си унэцIэри бжесIынкъым, си цIэри бжесIынкъым, – жиЛаш. – Ауэ «УздэкIуэр дэнэ?» – жыпIэмэ, Къанжэ и къуэ Щауей дей сокIуэ, – жиЛаш. – УнэкIуэнумэ, уздэсшэнщ, – къажыриЛаш шу цIыкIум.

– Иэу, Къанжэ и къуэ Щауейр ди къуажэш, ди хъэблэш, уэй, синэкIуэнным, – жиЛаш. Езым дейт здэкIуэр, дэнэ кIуэнт-тIэ? – СынэкIуэнщ, – жиЛаш.

– НакIуэ-тIэ, – жери, еуэри, хъэцIэмрэ Щауеймрэ зэбгъурууувари ежъежаш.

КIуэрэ Щауей и къуажэм нэсыри епсыхаш хъэшIэр.

– НтIэ, хъэ уепсыха? – жери Щауейр щеупшIым...

– СыцIепсыхаращ, Къанжэ и къуэ Щауей сигъэхъэшIэнрэ симыгъэхъэшIэнрэ кIуэй хъыбар егъяцIи къысхуэшIэ, – жиIа. – СимыгъэхъэшIэну щтым, сыкIуэнукъым, – жиЛаш, – сигъэхъэшIэфынум, сыкIуэнущ, – жиЛаш.

– Иэу, Щауейм уэ хуэдэ куэд егъэхъэшIэ, уигъэхъэшIэфынщ, накIуэ, – жиЛаш Щауейм.

– Хъэуэ, сыкIуэ хъунукъым, сэ ахуэдукъым сыйэрхъэшIэнур.

– НтIэ?

– ИлъэскIэ сыхъэшIэнущ. Илъэсым и кIуэцIкГэ жэшкъэскIэ сэ зы хъэшIэныш сыхуейш, – жиЛаш, – сэ къыздэшхэну зылI сыхуейщи, а зылIми зы хъэшIэныш хуейш, – жиЛаш. – Абы къиаткIэ, си шым мэкъу Иэтэ ишхынущ, – жиЛаш, – а си шым шхэгъу гуэр иIэн хуейш, абыи мэкъу Иэтэ яшхынущи, суткГэ къэсихункГэ хъэшIэнышитIрэ мэкъу ИэтитIрэ, мэкъу ИэтитIыр шитIым яшхыу, дэй тIум хъэшIэнышитIыр тшхыуэ илъэскIэ ахуэду дигъэхъэшIэфынумэ, синэкIуэнущ, димыгъэхъэшIэфынумэ, синэкIуэнукъым, – жиЛаш. – Мис ар кIуэй Щауей жеIэ, – жиЛаш.

Щауейр абы игъэгупсысац: «Уэлэни, мыр <...> [Пуэхушхүэм]», – жери, игъэгупсысэри:

- Хъунщ, – жери, еуэри, к'юэжаш ядэ Къанжэ дей.
- Мыр ло, щалэ, хъэ къэбгъэзэжа, уздэк'юэм унэмису? – жери ядэр к'ьеупшыла.
- Йоуху сыхэхуат, ди адэ, – жилаш.
- Сыт?

Мыхуэдэ зыгуэрым сыхуэзати, «Щауей дей сок'юэ, сыхъэшцэну», – жери щыжиш, к'эзгъэзэжаш, – жилаш. – «Иг'ы, Щауей дей к'юэи хъыбар схуегъашц», – жишиши, к'эзгъэзэжаш, – жилаш. – Ильэск'э хъэшцэнуш хъэшцэр, хъэшцэнышитирэ мэкъу Иэтитирэ хуейш, – жилаш, – сутк'э къэс.

Къанжэри абы иригъэплтыыхаш.

- Иг'ы, дауэ тщиыну-тиэ, ди адэ, – жилаш.
- Щауей, – жилаш, – мы нарт к'уажэм дэск'ым, – жилаш, – мэл гуартэрэ, шыбз гуартэрэ былым гуартэрэ зыдумыхуа унагъуэ. Дэ тхузэф Иек'ыхук'э, дгъэшхэнщ, – жилаш, – тхузэф Иэмых Г'ижым, нартнэр к'ыдэлэпшык'унщ, – жилаш ядэм. – «Щауей зы хъэшцэхуэгъэшцак'ым», – жайту, уэлэни, бгъэк'юэж мыхъуну, къаш, – жилаш.

Еуэш аби, Щауей к'юэжыри, Щауейр езырат абы...

- Нак'юэ, неблагъэ, уигъэхъэшцэнуш Щауей, – жиша.
- Атиэ, япэ к'ыщ'э, демыблагъэ к'ыщ'э, си шым шхэгъу к'эгъуэтин хуейш, – жилаш.
- Сызытесыр хъунук'э? – щыжиш...
- Хъунук'ым, – жилаш.
- Антиэ, – жилаш, Щауей к'эпсалтьэри, – шыбз сиэхэнчи, нак'юи хэплъэ, – жилаш.
- Нак'юэ, – жери ишэри, пшцэгъуалэ гуп иэтти хэплъэри:
- Уэлэни, си шым и шхэгъу хъун хэмьт, – жилаш, жеиэ. Щауей шыбзу ишту хъуам к'ыхигъуэтак'ым а хъэшцэм и шым шхэгъу хуэхъун шы.

– Уэлэни-тиэ, нэгъуэшцимыиэ – жилаш, жеиэ, – сэ. Нак'юэ, адэ к'уажэм зыгуэр к'ышыдгъуэтинщ, – жери, хъэшцэмэр Щауеймэрэ к'ежэжки к'уажэм к'эсихжае, шхъэл псы Гуфэм дей хъуак'юэу щытт, жеиэ, Щауей Г'эмидэжък'э ег'эу г'эмидэжь гуэр ишти. Плъэш хъэшцэри, ар ильягъури:

- Уэлэни, мис мор си шым шхэгъу хуэхъунутэм, – жилаш, жеиэ.
- Атиэ, уэлэни, ар си шым, – жилаш, жеиэ.
- Нтиэ, ар си шым шхэгъу хуэхъунуш.
- Ей, Г'эмидэжь, мыдэ к'як'юэ! – жери, и шыр зыришал'эри ишэжаш Г'эмидэжъыр.

Щауей и Г'эмидэжъым к'уашхээм хуэду лы темылтъижу ахуэду фэкъыре зишт, жи. И щыфэм лыр имыхуэжу ахуэду лей хъуауэ пшэрэу ахуэду зишт, жайэ. Уэлбанэ зык'ишифт, уае зык'ишифт, жайэрт, абы, а Щауей и Г'эмидэжъым.

Г'эмидэжърик'и ишэжри, еуэри, хъэшцэнышити яук'аш. «Сэ сыйдэшхэнщ», – жери, шит'ым мэкъу Иэтитиэр иратц аби, хъэшцэныш зэрызри яшхац, шит'ими мэкъу Иэтэ зэрызри яшхац. Сутк'э к'эсихунк'э ахуэду яшх. Нартнэр к'ыдоилэпшык'у, мэкъу к'ыххуашэурэ, хъэшцэныш к'ыххуашэурэ. Щауей и мылт'кур иу-

хащ. ИлъескІэ щыІыну жызыІам ильес ныкъуэ ирикъуа къудей-уэ, хъэшІэм и шым мэкъу Іэтэ хуэмыхыж хъуаш, Щауей иш Г'эмыйдэжым мэкъу Іэтэр хуримыкъуж хъуаш. ХъэшІэм хъэшІэныш имыхыжыф хъуаш, Щауей хъэшІэнышыр хуримыкъуж хъуаш, ильес ныкъуэ фІэкГ' мыхъуауэ. ХъэшІэм:

– «ИлъескГ'э сыхъэшІэнш», – жысІа щхъекГ', сыщыІэ хъужынукъым, си Іуюхур зэфІэкГ'аш, – жиІаш, – сыкГуэжынуш. «УныздэкГуэнш», – жыпІэмэ, накІуэ, – жиІаш.

– Іэу, уэләни, хъэшІэр уи закъуэ узмыгъекГуэжын, синекГуэнш, – жиІаш.

– НтІэ, хъунш, – жаІэри, еуэри, хъэшІэмрэ Щауеймрэ я шым уанэ тыралъхъэри, еуэри, йожъэ.

Нобэ мазэ мэхъу, <...> хъэшІэмрэ Щауеймрэ емып-сыхыу макІуэ. Клуаш, «Нобэ мазэ ирокъу», – щыжайэм, зы псыхъуэ гуэрым бгъуэшІагъышхуэ гуэр иІыу абы нэсыри, епсыхш хъэшІэри, ЩауенкГ' епсыхыри, **<хъэшІэм>** бгъуэшІагъым шэмэдж къышІихаш, гуахъуэ къышІихаш, сыг'-уадэ къышІихаш, лъеп-сылтэ къышІихаш, лэпІанкГ'э къышІихаш.

– Щауей!

– Лоу?

– Иг'ы, сэ сыгъуэлтынурэ, – жиІаш, – мазэкГ'э сыжеинуш, сыкъэмымушу, – жиІаш хъэшІэм. – Уэ мор уи шэмэг'ш, мор уи гуахъуэш, мор уи сыг'-уадэш, мор уи лэпІанкГ'эш, мор уи лъэпсылъэш, абы къиаткГ'э, мор лэгъупышхуэш. Еуи, – жиІаш, – мы мэкъум хыхъэ аби, мэкъу еуэ, – жиІаш, – мазэкГ'э. Мэкъу пыпхъуищ щы, – жиІаш. – Мэкъу пыпхъуищым мэкъущІэшу къышІэльэльу хъуар мо лэгъупым иплъхъурэ къэбгъавурэ, бдзамцІэм хуэду зэхэгъавэ, бдзамцІэ [бдзатхъэ] щы, – жиІаш, – бдзатхъэ. Мазэ иримыкъуу щытымикГ', аһэр хъэзыр хъуа нэујжкГ'э, **<сыкъэгъеш>**.

НтІэ, а унафэр къыхуищІш хъэшІэми, **<езыр>** гъуэлъыри жеящ. Мо Щауейм шэмэджыр игъэжанш, мэкъум хыхъэш аби, еуаш мэкъу. Іэнэ хъуар зэтырилъхъэжыри мэкъу пыпхъуищ ишІа. Пыпхъуищым мэкъущІэшу къышІэщещауэ хъуар лэгъупым ирилъхъурэ игъэвэжа. Баш хэпІуам къыхухэмымыжу бдзатхъэ ишІа, мазэ иримыкъум, махуэ пшыкГутху нэхъыбэ мыхъуауэ. ХъэшІэм еджэри къигъеушыри:

– Хъэзыр хъуаш, – щыжиІымэ, **<хъэшІэр>** къэтэджш аби, еуэш аби, и шыр къишэжыри, сакъ-сакъуу **<пыпхъуэхэр>** хузэтывиритъхъат, псыхъуэм дей. Лэгъупым иль бдзатхъэри абдэй яшэри, и шыр пшахъуэм хигъеукГурием, бдзатхъэм хигъеукГуриежурэ мэкъу пыпхъуищым мэкъущІэшу къышІэкГ'ар и шым тырилъхъаш хъэшІэм. Пшахъуэмрэ бдзатхъэмрэ тырилъхъэри и шым уанэ тырилъхъэжш аби....:

– Щауей!

– Лоу?

– Иг'ы, сэ мы псым сикГынуш. СикГрэ жэш хъумэ, зы мэкъу пыпхъуэм мафІэ щІэдзи, мы псым тхъурымбэ хужьурэ къехыу щтымэ, умыгузавэ, сэр щхъа, – жиІа. – Ауэ тхъурымбэр плъижыу къехыу щтым, итІанэ сэ, уэләни, Иныжъыкъуэ сыйдэхуам. Уэ пшІэнүїам Тхъэм уигъашІэ итІанэ, – жиІаш, – умышІэнум, гъуогуу махуэ, кІуэж, – жиІаш хъэшІэм.

— Хъунц, сыхъетыф! Тхъэм ухуишэ! — <Щауейм> жери, хъэшцэр и шым шэсри, еуэри, ежъежаш, псым икГаш.

Жэш хъущ аби, <Щауей> мэкъу пышхъуэм мафIэ щИдзэри хэплъэц псыми — тхъурымбэр хужьурэ къехт. «Хъэшцэм зэран иIэкъым», — жери гъуэлтыжаш Щауей. ЕтГуанэ жэшцыр къесыри, мэкъу пышхъуэ етГуанэм мафIэ щИдза. Псым хэплъэри, «Ярэби, хужьу пЭрэ, хъэмэрэ плътыжуу пЭрэ?» — жиГуурэ къыхуэмьшцЭу нэху ща, Щауейм. Ещанэ жэшцыр къесц аби, мэкъу ещанэ пышхъуэм щИдзэри, хэплъэц псыми, лтыпсу къехт, жеIэ. «Уэлэни, ди хъэшцэр Иныжыкъуэ дэхуам, — жери, — уэхъэхье, Г'эмыйдэжь!» — жери еджащ, жеIэ.

— Плоу къэхъуар? — жери...

— Къэхъуаращ, ди хъэшцэр Иныжыкъуэ дэхуаш, — жиГаш.

— Щауей, а хъэшцэм дэ дыдэмьшцЭпкъуу зэрымыхъунур зэрыслъагъуу сцГаш, — жиГаш и шым. — ПсынцЭу уанэр къыстельхъэ, — жери, уанэр тырилхъэц аби, шэсир а псым, и лъакъуэр псыф мыхъуу, икГаш, жиГаш, Г'эмыйдэжьир. Хьайдэ, мыйбыкГэ къуршыщхъэм ильцащ, жиГаш, къуаем дэлцащ, жиГаш, къежыхх, жиГаш, уае зыкъещI, жиГаш, уэфI зыкъещцИж, жиГаш, Г'эмыйдэжьим. Ахуэду къижыхъура, зы къуршыщхъэ гуэрым иувэш аби, абы щыдаГуэри, Іэуэлъяуэшхуэ щыцэт, жиГаш. Еуэри, абы дэлъэш Щауei, хъэшцэр япхауэ щылтъ, жиГаш, фIагъэжынү. Нэсц Щауei, иныжку къеувэлГауэ зэхэту хъуам я щхъэр пиупцГаш, жиГаш.

— Дауэ ущыт, хъэшцэр? — жери...

— Щауей, сыту фIыт укъызэрысар, — жери къыщыгуфIыкГаш, жиГаш, хъэшцэр. — Сыпсоц, — жиГаш, жиГаш.

Хъэшцэр къитIэтэжщ, и шым игъэшэссыжыри...

— Иг'ы, накГуэ, Щауей, мыр <...> зэший хъурти, зэшиблыр мыйбдей щыбуцГаш, — жиГаш, — иг'ы, еянэр къэнауэ унэм щыцЭш, — жиГаш. — Иг'ы, мы зэшибл<ым> шыбз куэд яIэш жиГаш, мис абы я шыбзыр тхунци дыкГуэжынш, — жиГаш.

— НакГуэ.

Еуэш аби, шыбзым кIуэш хъэшцЭмрэ Щауеймри, кГэрэхъуэр къырахым, ягъяуэм <ягъяуэурэ> шыр къыз<э>хуахус, кГэрэхъуэр ягъяуэм, шы къызхуахусурэ, хакГуэр яхэту-щэ къырахужья.

ХакГуэр яхэту къырахужьеш аби, псым къэсир, шыр псым яхухэмыххэу зэрызехъэу щадзэри, шыбз къомыр псым къыхихуа. ХакГуэр Щауей декГэ къежэкГым, еуэурэ иригъэгъазэу, хъэшцэм декГэ къакГуэмэ, хъэшцэр къеуэурэ къыригъэгъазэу къаху хъуаш. АрцхъэкГэ зыригъэгъуялтъэкГщ аби, хъэшцэм декГэ хэццэфтри, макГуэ-мэлъей, еуэри, ежъежаш хакГуэр.

Псым къикГыри — хакГуэр хэткъым.

— Уэлэни, хэбгъэкГам, — жиГаш Щауейм, — дауэ хъуми, — илъэгъуа пэтми.

— Щауей, — жиГаш, — мис иг'ыщ, — жиГаш, — лыгъэ щГашдэ дышихуар. А зэшиблым я къарум хуэдиз иIыш, — жиГаш, — а зым. Ауэ, хъэдер зэйр кхъаблэпэш, жыхуаIеращи, сэ мобдей машэ сцГынци абы ситГысхъэнш, — жиГаш, — уэ мы шым пэрыту щыт, — жиГаш, — къысхуэсакъ, — жиГаш, — къыстекГуэ хъумэ, къысхуэсакъ, — жиГаш.

— Хъунц.

Арати, хъэшлэм машдэ къитлри иттысхьац. Абы исурэ, хаклуэр япэм иту, езыр шыгэгьюалэ къэшлым тесу, щхыбл филту зы иныжье гуэр къаклуэрт, жи. А иныжьым и шым и пэбдзиплым къырихуа мафлэм гъуэгу напшлитлир илыгъуэу мис ахуэду къаклуэт, же. Ти, хъэшлэр къикГыри, хаклуэр къэсщ аби, блэцлэфтыри, шыблэцлэфтым, иныжьыр къэсщ аби:

– Мыр ллоу, мы гъуамэ цыклур, шыр зыхум щынчу пэрэ? – жери къепсэльяц, жилаш, иныжьыр.

– Зыхур сэраш, – жырилаш хъэшлэм.

– Атэ, шыбгъэкГэ дызэдэджэгун? – жери <иныжьым> щыжилым...

– <Абы шыгъуэм зиш нэхъ> бланэр теклуэнш, – жилаш хъэшлэм.

– Атэ, Иепшэклэ дыбэнэн? – <иныжьым> щыжилэм...

– Мышэ дыхуакъым, дыбанэу, – жилаш <хъэшлэм>.

– Атэ, хэтлэхэсэ дызэдэджэгун? – <иныжьым> щыжилэм шыгъуэ...

– Хэтлэхэсэраш лыгъэр, – жилаш хъэшлэм.

– Атэ, къаклуэ, пауэр узот, – жери иныжьыми, хъэшлэр къаклуещ аби, иныжьыр илэтири, хисэри лъэгуажьэхэм къэсу хихуаш щлым. Иныжьыр къыхэпшыжри елэц хъэшлэми, и лъэгуажьэхэм къыфлэклыу хихуаш хъэшлэр. Хъэшлэр къыхэпшыжри иныжье гуэрээр щлым хихуаш, и лъэгуажьэхэм къыфлэклыу. Иныжьыр къыхэпшыжш аби, еуэри, хъэшлэ гуэрээр и блэгушлэхэм нэсиху щлым хихуаш.

Щауейр къыхуэсакъыу щытти, къыбгъэдыхъэри:

– Ей!

– Ллоу?

– Абы сиргигъусэц, сэри зэ къызэплэ, – жырила.

– Сыноплэ-укъызэплэхъыжу сышытыну, – жилаш, – узлурислэфынш, – жилаш, – уэ гъуамэ цыклур.

– Къаклуэтлэ, – жилаш, – пауэр узот, – жилаш Щауейм.

Къаклуещ иныжьыри, елэри Щауейри и лъэгуажьэхэм филхуу хихуаш. Щауейр къыхэпшыжри и ф...пэнэр щлым хэүэх хихуаш иныжьыр. Иныжье гуэрээр къыхэпшыжри и бгырыхы-пэнэм къэсу Щауей хихуаш. Щауейр къыхэпшыжри иныжьыр къилэтш аби, и иллээр мыпхуэдэу шияуэ мыбы къэсихуягэ хихуаш иныжьыр.

– Къе. – жери, къе. – хъуакъым иныжьыр, – къэтэг', – жери иныжьым и блэр гуитхъа. – Къауэтлэ, – жилаш, – пауэр узот, – щыжилэм...

– СыткГэ синэуэн, си блэр пытыжкъым, – жилаш.

– Атэ, уи хъарзынэр здэшылэ хъуар къызжелэ, уи щхэр уэ узэрэфлэфынхуэду пызупшынш, – жилаш.

Иныжьым я щхэр зэрызу пызупшынм иукйт, тло уеум, къэхъужырт, жалэ.

– Зэрызурэ пызупшынш, – жилаш, – уи хъарзынэр здэшылэ къызжелэм, – щыжилэм...

– Си хъарзынэр, шыуэ си. – мис мыдей къэт[ф]хуауз итш, – жилаш. – Къуэшил си. – фукГаш, – жилаш. – Нэггъуэшл хъарзынэ си. – къым сэ, – жила.

— НtIэ, хъунщ, — жиIэри, еуэри иныжым и щхъэр бзуущхъэу пиупЩаш ѩауей.

КъеIэри щхъэр зэрызыххыу... (адекIэ зэхэшЩыкIыгъуэ-къым — Б.M.)

— Йхъы, си Iуохур хъуаш, — жиIаш хъэшЦэм. — Сэ сыкIуэжынуш.

— АтIэ, мис мы шы къэдлэжкар ди зэхуэдитIу гуэш аби, уэри укIуэжынщ, сэри сыкIуэжынщ, <шыр> тхунщи, — жиIаш ѩауейм.

— Хъэуэ, — жиIаш, — сэ мыльку лъыхъуэ сыкъежякъым, — жиIаш хъэшЦэм. — Сэ къуэших сиIыти, си къуэшихыр мы иныжъhэм яукГаш, — жиIаш. — Силь сцIэжынусыкъежьват, сизакъуэсапэльэш-тэкъыми, уэ Алтыхым укъызитащ. Сэ мыльку сыхуейкъым, мыль-кур ууейщ, — къыжриIаш.

— Хъэуэ, узгъэкIуэнIым, зэхуэдитIу дугуэшынщ.

Еуэри, а иныжым, щаукIам щыгъуэ, лъы къышЦэжам щыщ сулыкъуищ и жыпым иригъыува а щалэми, зыр еzym ири-фамэ, Ттур, зы анэрэ зы шыпхъурэ ИЭти, абы хуихыну арат. СулыкъуитIыр къырихри иригъэлъэгъуаш.

— Сэ зым сефащ, мис мыр си анэ хуэсхынуш, сэ аращ си Йыхъэнур, — жери <...> — ѩауей, зыкъызумыгъэцIыхуами, у-Щауейуэ къышЦэкГынт уэ, — жриIаш.

— Уэлэхи, си-Щауейм.

Арати...

— УкъыстекIуаш, — жери ЙихынIауэ имыдэу щежъэжым хъэшЦэр...

— Уи цIэр къызжеIэ, — жиIаш, — уи унэцIэр къызжеIэ.

— Си унэцIэр бжесIынкъым, — жиIаш, — си цIэр ЩхъэцфIы-цIэш, — жиIаш.

Щыхубзт ар. И щхъэцыр къышЦихри — мо щхъэц фIыцIэр-щэ вындым хуэду фIыцIэу цIууэ ахуэдэт, цIыхубзт.

Щауейм абы зырипщытыжыну щыхуежъэм, ЩхъэцфIыцIэр щIэпхъуэри, ежъэжыри, Щауей кГэлъыжэу щыхуежъэм, и щхъэ-цыр моуэ ишЦщ аби, и гупэмкГэ къыридзэри — нур имыдзы-жу мазэхэ хъуаш. Аргуэру зыкъомрэ жа нэужь, и щхъэцыр мы-хуэду ишЦымэ — къидзыжам нур хидзэу хъуаш. Абы кГэлъыжурэ зэрыхуэзу, аргуэру и гупэмкГэ къыридзыхыурэ, ЩхъэцфIыцIэ ИЭцIэкГаш Щауейм. Сыт ишЦэнт, къэкIуэжыри, шыбзыри къызэшЦикъуэш аби, иныжым и шы-уанэ зэтелъри тельу къиху-ри къэкIуэжа.

Щауей зекIуэ кIуэм яхэмыхъэжу, Щауей цIыхуhэм яхэмыхъэжу, щыгъуэ щыгъын щитIэгъяуэ, ахуэду уэрэмым къыдэнауэ хъуа. И анэри и адэрикГ епсалльу — жэуап къаримыту.

Еуэри Сэтэней-гуашэ дей кIуэш аби, хуэтхъэусыхащ Къанжэ. Къанжэ и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэ, жайурат, Ща-уей щхъэкIэ.

Къанжэ кIуэш аби, Сэтэней-Гуашэ хуэтхъэусыхащ:

— Щалэр мыхуэду цIыхум яхэмыхъэжу къэнаш, къышыщIар дымышЦэу, къышыщIар къыджиIэркъым.

Сэтэней-гуашэ нартнэм къэхъун-къэшЩын яжриIэу мис ахуэ-ду щытащ, жайэ.

Щауейр къыригъашэри еупЩаш:

— А си щалә, къыпшыңтар сыйт, мыхуәду ущәхъуар сыйт? Нартһәр бғәгуләзу щыташ, дуней псор уә бғәгуләзу щыташ. Иг'ы, умыпсәльәжу шы <умышәсыжу>, щыгъуә щыгъын щыптигъяуә хъә укъәна?

— Си янәу Сэтәней-гуашә! — жилаш. — Сә къысщыңам хуәдә зыпшыңа щыләкъым, — жилаш. — Мыхуәду-мыхуәду сыхъуаш, мыхуәдә цыыхубзыр къесхуәк'ыурә сәләк'әшә, — жилаш. — Солтыхъуәри щыпсо щыпшәр згъуэтыхъиркъым, абы и бампәм сехь, — жилаш.

— А-а уей-уей, си щалә! — жилаш. — Ар здәшыңә щыпшәм къуләбзу щылъатәркъым, — жилаш, — ар уә къышхуәгъуэтинк'ә ләмал иләкъым, ар уигу хъә иплъхъа, — жери Сэтәней-гуашәм къыжырилар араш.

— Ўәләни, сыпсәужыну сыхуәмей, — жилаш, — ар здәшыңәр къесшыңам, фәк'ә сыхуейтәкъым.

— Атә, — жилаш, — мы щыпшәмк'ә ук'уенш, мы дыгъә къышшыләк'ыпшәмк'ә, къуршибләр зәпыпчынуш, — жилаш, — абы. Къуршибләр зәпыпчы нәүжък'ә, зы ауз гуәрым удыхъәнурә, мис а аузым дәспә, — жилаш, — ар. Ихъуреягъыр тенджызш, — жилаш, — абы. Абы к'уәф щыләкъым, — жилаш.

— Къуләбзу к'уәуә щтим, сык'уенш, — жилаш.

— Нтә, ук'уену щтим, щыпсор мыхуәдә щыпшәраш, — жери...

Зызригъәпәшшә Щауейми, ежъаш Щхъәцфыңшә и лыхъуак'уә.

Нойдә к'уәм, къуршибләр зәпичым, нойдә къуршибләр зәпичурә, Сэтәней-гуашә жыхуиңа щыпшәм къышцик'уҳурә аузым дыхъәри, лъагъуә иләтәкъым, жеңә, лъагъуә. Къуршт, бгыт, мывәт. Гәмидәжъыр Ыумпашәу и Ыыгъыу къыришәк'ыурә, абы дишаш. Зыдишам, нәсыри — псыт, ухыхъәнуи ухәк'ынүи ләмал имыңәу, к'уә зәхуакур.

— Дауә тщынын иг'ы? — жери Гәмидәжъым щек'әнг'әшым...

— Мо къамылым щың, — жилаш, — пхыритә зәк'уәцшыпхи си джабитәм къытепхә, — жилаш шым. — Итланә уә къәшәс, сә сышшәмитысык'ыу сик'ынш, — жилаш.

Щауей зригъәпәшшәнәк'ә къамыл пхыритә?! Зык'уәцшитә хәш аби, Гәмидәжъым и джабитәм к'әрипхәри, езыр тетйыс-хъәжәш аби, кхъуафәжъейм хуәду ик'аш, щәмитысык'ыу. Щәмитысык'ыу ик'аш аби, нәсыри заншәу дыхъаш.

Дыхъәри, хъыдҗәбзыр къышшәжаш:

— Гугъу уезгъәхъаш, Щауей, — жери.

— Ўәләни, гугъу сехъами содәм, ук'ыншызгъуэтак'ә, — жери...

Янәр псот хъыдҗәбзым. Дәлъхуих илати, дәлъхуихри а инйижъәм яук'иауә янәм бгъәдәсу и закъуә къәнауә щытурат.

— Уә уи ләмитысык'ыу сә сизәримык'ынур къәсшәт, — жилаш, — ауә гугъу уезгъәхъаш, ахъум, — жери.

Сыйт ишшәнт, араш, здәшыңәр къишиләти, зәләзәфызу айт'ур къыззәхуәна. Еуәри, абы щыпсоуурә къәк'уәжын хъуаш Щауей. Къәк'уәжын хуей хъущ аби, хъыдҗәбзри къиштәш, фызыжъыри къиштәш аби, еуәри, Щауей къәк'уәжаш. Щхъәцфыңшә къиша.

«Алыхъ-алыхъ, Щауей фыз къишири къәк'уәжаш», — жаңәш аби, нартһәр зәхуәсш аби, хъәгъуәлйыгъуә хуашшаш, унешәшшауәишәжәш аби, Щауейми Щхъәцфыңшәр къыхуэнәжашауә псауат, жаңә.

СКАЗАНИЕ О НАРТЕ ШАУЕЕ (Шауей и его гость)

Среди нартов был один по имени Шауей, звали его Шауей, единственный сын Нарыбгей <жестокой>. Этот нарт Шауей, говорят, водил нартов в зеко, и он ими предводительствовал, говорит.

— Когда вы где-либо повстречаете всадников, не отступайтесь из-за того, что их целая компания, — говорил он, говорит. А еще он говорил: — Решив, что это всадник одинокий, не связывайтесь с ним необдуманно, — так он их наставлял, говорит. Вот что он говорил нартам каждый раз перед дорогой, когда они отправлялись в зеко.

Вот так, следуя этим словам, они жили, и однажды взял Шауей с собой сотню всадников и отправился в путь, говорят. Отправились они, едут сто всадников, впереди он сам, а остальные по двое рядом, и навстречу им с той стороны один малый всадник едет. Приблизился малый всадник и ...

— Гогуж апший (Доброй дороги)! — приветствовал их.

— Упсо апший (Пусть добром станет твоё дело), добрый наездник! — ответил Шауей.

Так всадник малый проехал мимо и был таков. Едучи дальше, нарты оказались в одном ущелье, и Шауей сказал тут:

— Давайте-ка здесь спешимся, дадим нашим коням надышаться вольно, да и сами немного поосмотримся, — так сказал, говорит.

— Добро, — сказали, спешились, освежились, дали коням напиться. — Не отстал ли кто? — сказав, проверили, и оказалось, что восьмерых всадников недостает, говорит.

— Уаллаги, как бы оно ни было, они увязались за тем малым всадником. Подождите здесь, пока я не вернусь, а я их разыщу, — сказал Шауей, сел на своего коня и повернулся назад, говорит.

Скачет он так, едет, и видит: <тот малый всадник> всех восьмерых связал, повязал каждого на коня и погоняет, говорит. Догнал Шауей и ...

— Доброго пути, добрый юноша! — приветствовал он, говорит.

— Пусть добром станет твоё дело!

— Яраби, эти всадники — мои люди, — сказав, так начал Шауей, говорит.

Стегнул-стегнул всадник малый своего коня, повернулся коней всех восьмерых всадников:

— Если твои, то забирай! — сказал и уехал, говорит.

Развязал он всех восьмерых и ...

— Я же вам говорил опрометчиво не связываться с всадником только потому, что он одинок, и не пугаться того, что всадников окажется целая компания. Этот одинокий всадник один, не надеясь на свои силы, в путь не отправился. Если он поступил с вами так, значит, вы что-то против него сделали, поэтому вы заслужили то, как он с вами обошелся, — так он сказал, — такие дела прекратите, — сказал он и погнал их назад.

Бот пришло на ум Шауею такое: «Я ему только сказал, что эти всадники мои, и он тут же всех восьмерых мне вернулся. А мы не

знаем, из какого селения этот всадник, чьих он будет, почему же я не узнал это!»

— Теперь, — сказал он, сказал тем восьмерым, — остальные находятся в таком-то месте, поезжайте туда, а я вас догоню этим вечером. Если вечером вас не догоню, то не вернусь и назавтра, так что поезжайте без меня, куда направились. А я возвращусь позднее, — так он сказал восьми всадникам.

— Добро, — сказали восемь всадников и уехали, а тот повернул назад и догнал всадника малого...

— Доброго пути, еще раз приветствую тебя, — сказал.

— Да живешь ты долго, пусть добром станет твое дело, — ответил тот.

— Яраби, — сказал он, — если бы эти восемь всадников не сделали тебе чего дурного, если бы не причинили тебе вреда, ты бы с ними так не поступил. Но наверное ты по заслугам им отплатил. Но как только я сказал, что эти восьмеро из моих людей, ты тут же, не говоря ни слова, вернул их мне. Ты оказал мне такую услугу. Я возвратился, подумав: как же я так уехал, не разузнав ни твоего имени, ни твоего рода, ни твоего селения.

— Ни того, из какого я селения, не скажу, ни того, чей я родом, не скажу, ни своего имени не скажу, — ответил. — Но если спросишь, куда я направляюсь, то я еду к сыну Канжа Шауею, — ответил. — Если хочешь, возьму с собой, — сказал всадник малый.

— Ну! Сын Канжа Шауей одного с нами селения, одного околотка, оллаги, поеду с тобой, — ответил Шауей. К нему же тот и направлялся, куда ему было деться? — Поеду с тобой, — сказал он.

— Что же, поехали, — сказал тот, и Шауей вместе с гостем стали рядом и двинулись в путь.

Ехали, и когда достигли селения Шауея, гость спешился.

— Что же ты спешился? — когда Шауей так спросил...

— Спешился я вот почему: отправься, извести Канжа сына Шауея и узнай, примет ли он меня гостем или не примет, — сказал он. — Если он не сможет меня принять, я не поеду дальше, если сможет — поеду, — сказал.

— О, Шауей принимает многих таких, как ты, сможет и тебя принять, поехали, — настаивал Шауей.

— Нет, нельзя, я не таким гостем должен буду быть.

— Ну?

— Я буду гостить год. В течение года на каждую ночь мне нужно подавать одного гостевого ныша (барана), — сказал, — со мной за стол должен садиться один сотоварищ, и ему тоже нужно подать одного гостевого ныша, — сказал. — Кроме этого, мой конь будет съедать по стогу сена <каждую ночь>, с моим конем тоже надо поставить одного коня, который будет съедать по стогу сена. Значит, если он готов принять меня на условиях, что каждые сутки будет уходить по два гостевых ныша и по два стога сена — два стога сена наши кони будут съедать, два гостевых ныша мы вдвоем будем съедать, — если он готов нас содержать в течение года, я поеду, если не сможет — не поеду, — так он сказал. — Поезжай и вот это ему передай, — сказал.

Шауяя это повергло в раздумья. «Оллаги, это крупный», — подумал он. Подумал, сказал «Хорошо» и отправился к своему отцу Канжу.

— Что это ты, парень, с полдороги возвратился? — спросил отец.

— Дело случилось, отец, — ответил он.

— Что?

— Так и так, повстречал я такого-то, который сказал, мол, направляюсь к Шауею в гости, и я повернул назад, — ответил он. — А теперь он попросил, мол, езжай к Шауею и извести его, сказал он, и я вернулся, сказал. — Год он будет гостить, на каждые сутки ему нужны два гостевых ныша и два стога сена, — так сказал.

Это заставило и Канжа опустить взгляд.

— Как теперь решашь сделать, отец? — спросил Шауей.

— Шауей, — ответил отец, — в этом нартском селении нет двора, в который ты бы не пригнал отару овец, табун лошадей, стадо скота. Сколько нам будет под силу, мы будем содержать, — сказал, — когда станет не по силам, наорты нам помогут, — сказал отец. — Отказать, чтобы потом говорили, мол, Шауей не сумел содержать одного гостя, — такого не должно быть, зови его, — сказал.

Взял Шауей, повернулся назад, так как сам он и был Шауеем...

— Пошли, Шауей примет тебя, — сказал.

— В таком случае сначала, прежде, чем мы войдем в гости, надо подыскать моему коню напарника по корму, — сказал гость.

— А мой конь не подойдет?

Не подойдет, — сказал тот.

<...>

— Ну тогда, — сказал Шауей, — у меня есть табуны кобылиц, поехали, посмотришь, — сказал.

— Поехали, — сказал тот. Прибыли, а у Шауея был табун белых лошадей; посмотрел гость и сказал:

— Оллаги, здесь нет такого, который стал бы равным моему коню в еде, — сказал, говорит.

Среди всех кобылиц Шауея он не нашел никого, кто был достоин стать рядом с конем гостя в стойле.

— Уаллаги, у меня больше ничего нет, — сказал, говорит. — Поехали, поищем что-нибудь в селении. — Поехали Гость и Шауей, и уже возле селения пасся у канала для мельницы один конь бурой масти, которого Шауей называл Гемыдеж (Старый Бурко). Глянул Гость, увидел его и сказал, говорит:

— Уаллаги, вот тот бы мог составить компанию моему коню, — сказал, говорит, гость.

— Ну, уаллаги, это мой конь, — сказал, говорит, Шауей.

— Так вот, он может составить компанию моему коню.

— Эй, Гемыдеж, иди-ка сюда, — позвал Шауей, подвел к себе своего коня и привел домой.

Шауеевский Гемыдеж мог притвориться таким доходягой, что кожа да кости, говорят. Мог сделаться таким, что плоть его в шкуре не умещалась, говорят. Он мог превратиться в ненастье, мог превратиться в мороз тот шауеевский Гемыдеж.

Привел он домой Гемыдежа, а тем временем забили два гостевых ныша, «Я сяду с тобой за стол», – сказал Шаумей; лошадям по одному стогу сена дали; сами по одному гостевому нышу съели, и кони их по стогу сена съели. Каждые сутки так едят. Нарты им помогают, привозят сено, привозят гостевых нышей. Шаумей исчерпал свое добро. Гость обещал быть целый год, но прошло всего полгода, а его конь уже не может съесть свой стог сена, а шаумеевскому коню Гемыдежу одного стога стало не хватать; Гостю стало невмочь съесть одного гостевого ныша, а Шаумею стало одного гостевого ныша мало. И это всего за полгода. Гость сказал:

– Хоть я и сказал, что буду гостить целый год, больше мне задерживаться нельзя, дело мое решилось, – сказал он, – я уезжаю. Если хочешь поехать со мной, поехали, – сказал.

– Ну конечно, я гостя не отпущу одного, поеду с тобой, – заявил Шаумей.

– Что ж, добро, – сказали, собрались; и Гость вместе с Шаумеем оседлали своих коней и взяли да поехали. «Сегодня месяц как ...» Гость и Шаумей едут, не сходя с коней, ехали они <...> и, когда можно было сказать: «Сегодня исполняется месяц», – достигли они пещеры в долине одной реки, Гость сошел с коня, Шаумей тоже сошел со своего коня. Гость извлек из пещеры косу, извлек вилы, извлек молоток с отбойником для отбивки косы, извлек корытце с камнем для заточки косы, извлек лопатку для правки косы.

– Шаумей!

– Что?

– Сейчас я улягусь, и месяц буду спать беспробудно, – сказал Гость. – А тебе – вот это коса, это – вилы, это – молоток с отбойником, это – лопатка для правки косы, это – корытце, а кроме того это тебе большой казан. Возьми, – сказал, – начни косить и коси весь месяц. Заготовь три скирды сена, – сказал. – Всю труху, что получится от трех скирд сена, засыпай в казан, вари, пока не получится вязкая, как свинец, масса, сделай массу как свинец, – сказал. – Приготовь вязкий деготь. Если и не будет полного месяца, после того, как все это будет готово, <разбуди меня>.

Ну отдал Гость такие распоряжения, лег и заснул. А этот Шаумей навострил косу принялся за косьбу и начал косить. Все высущенное собирая вовремя, он заготовил три скирды сена. Всю труху с трех скирд он засыпал в казан и сварил. Так густо заварил, что палкой ткнешь – не проткнешь, и это он сделал меньше, чем за месяц, дней за пятнадцать сделал. Окликнул он Гостя, разбудил его:

– Все готово, – когда он так сказал, Гость поднялся, поймал своего коня, – а Шаумей аккуратно сложил деготь в одном месте у реки, – повели коня туда и сначала валяли его в песке, затем в дегте, и так делал Гость, пока все варево из трех скирд сена слоями не налипло на коне. Покрыл он песком и дегтем своего коня, положил седло и....:

– Шаумей!

– Что?

– Теперь я переправлюсь через эту реку. Я переправлюсь, а как стемнеет, ты подожги одну скирду и смотри в воду: если по воде будет идти белая пена, ты за меня будь спокоен, – сказал. –

Но если пена пойдет красная, тогда я попался в Иныжевское ущелье. Что ты тогда сможешь — пусть Бог тебе будет в помощь, — сказал. — А не станешь ничего делать — счастливой дороги, езжай домой, — сказал Гость.

— Хорошо, в добрый час тебе, — сказал Шаумей.

Гость сел на своего коня и поехал, переправился через реку. Наступил вечер, и Шаумей поджег скирду, посмотрел в воду, — по ней неслась белая пена. «С Гостем ничего не случилось», — решил он и улегся. Наступила вторая ночь, и он поджег вторую скирду. Посмотрелся он в воду: «Яраби, белая ли пена или красная?» — так и не разобравшись, провел Шаумей ночь до рассвета. Наступила третья ночь, и когда он поджег третью скирду и посмотрел в воду, пена на ней плыла кровавая, говорит. «Уаллаги, наш Гость попал в Иныжевское ущелье [в беду] — решил он, — Охахай, Гемыдеж! — кликнул он, говорит.

— Что случилось? — сказал...

— Случилось то, что наш Гость угодил в Иныжевское ущелье, — ответил Шаумей.

— Шаумей, — сказал конь, — я с первого взгляда понял, что этому гостю без нашей помощи не обойтись. Скорее оседлай меня, — сказал он.

Осадлал он коня, сел верхом, и Гемыдеж перенес всадника через реку, не омочив ног, говорит. Айда, туда на гору поскакал, говорит, сюда в теснину поскакал, говорит. «Сойди», — сказал Гемыдеж, то он стужу наводит, говорит, то тепло наводит, говорит. Так он скакал, пока не взбежал на вершину одной горы, оттуда прислушался и услышал большой шум-гам, говорит. Понесся туда Шаумей, и видит: Гость связанный лежит, готовый к тому, что его прирежут. Подскочил Шаумей и мигом отсек головы всем сгрудившимся иныжам.

— Как себя чувствуешь, Гость? — спросил...

— Как ты вовремя, Шаумей! — обрадовался, говорит, Гость. — Я жив, — сказал, говорит.

Развязал он Гостя и посадил на коня...

— Теперь, Шаумей, поехали. Их было восемь братьев, семерых ты убил здесь. Восьмой остался в доме, — сказал. — Теперь, у этих братьев было много кобылиц, мы этих кобылиц угоним и уедем, — сказал.

— Поехали!

Взяли они, отправились к табунам Гость и Шаумей, достают они пистолеты, выстрелами сгоняют лошадей, стреляют и сгоняют лошадей, — так собрали сотню и вместе с жеребцом погнали вон.

Погнали их вместе с жеребцом, прибыли к реке, а он не хочет в воду идти, стал носиться туда-сюда; уже всех кобылиц в воду загнали... А жеребец то в сторону Шаума поскакает, а тот его завернет, то в сторону Гостя поскакает, и тот его завернет. Только он извернулся в сторону гостя, ускользнул — и только его и видели, ускакал.

Через реку переправились, — а жеребца нет!

— Уаллаги, это ты упустил, — заявил Шаумей, — как бы оно ни было, хотя на виду все было...

– Шауей, – говорит, – вот теперь, – говорит, – мы попали в серьезную переделку. В нем одном, – говорит, – столько силы, сколько было во всех семерых братьях. Но, как говорится, чей мертвец, тому и нести первым кхабле (носилки для усопших), я выкопаю вон там яму и там устроюсь, – сказал. – Ты же будь впереди табуна, – сказал, – но меня из виду не выпускай, – сказал. – Смотри, как бы он меня не одолел, – сказал.

– Хорошо.

Вот так, Гость вырыл яму и там разместился. Сидит он там, а едет вот кто: впереди тот жеребец, за ним на коротком белом коне – один иныхож о семи головах несется, говорит. Пламя, пышущее из ноздрей того коня, обе стороны дороги опаляет – вот как он едет, говорит. Ну, Гость выходит из своей ямы..., жеребец проносится мимо, как он пронесся, прискакал иныхож и...

– Что это за вонючка такая, может, из тех, кто угоняет лошадей? – заговорил, говорит, иныхож.

– Это я угоняю, – заявил Гость.

– Так что же, будем конями грудь в грудь состязаться? – когда иныхож так сказал...

– Победит тот, у кого конь сильнее, – ответил Гость.

– Ну тогда будем бороться руками? – когда так сказал иныхож...

– Мы не медведи, чтобы бороться, – ответил тот.

– Может тогда в хета-хеса посостязаемся, – когда так сказал...

– В хета-хеса и есть мужество, – заявил Гость.

– Ну тогда уступаю тебе первый удар, – сказал иныхож, и Гость подошел, поднял иныхожа, вогнал его в землю по колена.

Иныхож вылез, схватил Гостя и вогнал его в землю выше колен. Гость вылез, вновь поднял иныхожа и вогнал его в землю выше колен. Снова иныхож вылез и вновь вогнал Гостя до подмышек.

Шауей внимательно следил за всем, и он подошел:

– Эй!

– Что?

– Я тоже с ним, помотри-ка [померяйся силой] и со мной один раз.

– Что мне на тебя смотреть, тебе на меня смотреть, – ответил, – я тебя проглочу, – сказал, – такого вонючку.

– Ну тогда давай, – сказал Шауей, – уступаю тебе первый удар.

Подошел иныхож, схватил Шауея и вогнал его <в землю> выше колен. Шауей вылез и вогнал иныхожа так, что у того кончик (мужская плоть) доставал до земли. Снова иныхож вылез и вогнал Шауея по пояс. Вылез Шауей, поднял иныхожа и вогнал его, вот так, – только руки вытянутыми остались, – до сих пор вогнал его.

– Потужься, – сказал он, <инахож> потужился, но ничего не получилось. – Вставай! – сказал Шауей и, <дернув,> оторвал иныхожу руки. – Ну тогда бей, даю тебе право удара! – когда он так сказал...

– Чем же я ударю, рук у меня нет, – ответил <инахож>.

– Ну тогда скажи мне, где все твоё добро, и я тебе отсеку голову так, как ты сам пожелаешь, – сказал <Шауей>.

А у иныхожей если головы отсекать по одному удару, они погибали, но если два удара затрачивать, они оживали, – так говорят.

— Буду отсекать <головы> по одной, — сказал, — если <не> скажешь мне, где твое добро, — когда он так сказал...

— Все мое добро — это лошади, и всех их вы пригнали вот сюда, — ответил <иных>. — Было у меня семь братьев, вы их убили, — ответил. — Больше у меня никакого добра нет, — ответил.

— Ну хорошо, — сказал Шаум и отсек головы иных, как воробышные.

Взял он и все головы по одной... (Далее неразборчиво — *перев.*).

— Ага, мое дело решилось, — сказал Гость. — Я поеду домой.

— В таком случае, — заявил Шаум, — вот лошади, которых мы добыли, разделишь их поровну между нами, затем и ты поедешь к себе, и я поеду к себе, <и лошадей> угоним.

— Нет, — сказал Гость, — я не за добычей отправился в путь, — сказал. — Было у меня шестеро братьев, и всех шестерых эти иных убили, — сказал. — Я отправился мстить за кровь, но в одиночку мне было не справиться, вот тебя мне Аллах и послал. Мне добра не нужно, добро — твое, — заявил он ему.

— Нет, так я тебя не отпущу, поделим поровну.

Взял тот юноша и наполнил три бурдюка кровью того убитого иных, положил себе в карманы: один он выпил сам, а два — у него были мать и сестра, — он хотел им отнести... — принес и показал <Шауму>.

— Один я выпил сам, вот это я несу моей матери, — это и есть моя доля добычи, — сказал так, свою долю <забрал>... — Хоть ты и не назвал мне своего имени, ты и есть Шаум, — сказал.

— Да, я Шаум...

Вот так... «ты оказался выше», — сказал <Шаум>. И когда Гость уезжал, не желая ничего брать...

— Назови свое имя, — сказал <Шаум>, — назови свою фамилию.

— Фамилии своей я не назову, — ответил, — а имя мое — Шахацфица (Черные волосы), — ответил.

Это была женщина! Выпростала она свои волосы: волосы ее были черные, как ворон, и переливались, — вот такая она была женщина. Шаум решил броситься к ней, но Шахацфица увернулась и убежала; когда Шаум стал ее преследовать, она сделала волосы свои вот так, опустила их вперед, и свет перестал струиться, настала безлунная ночь. Пробежав некоторое расстояние, она снова сделала волосы вот так, перекинула их, и стало светло. Преследуя ее, <он бежал>, и когда он догонял, она перебрасывала волосы вперед себя, — вот так Шахацфица и ушла от Шаума. Что было делать, возвратился он назад, согнал кобылиц, прибавил к ним еще и иныхевского коня под седлом и вернулся домой, пригнав их всех к себе.

<С той поры> Шаум перестал ездить в зеко со всеми, Шаум перестал показываться на людях, он надел траурные одежды и так ходил по улице. Его мать и его отец заговаривали с ним, но он ответа не давал.

Взял Канжа, отправился к Сатаней-гуаше и пожаловался ей. Его полное же имя было — Шаум, сын Канжа, единственный сын Нарыбгей.

Вот Канжа отправился к Сатаней-гуаше и пожаловался, мол, вот таким стал наш сын, с людьми не общается, что с ним случилось – не знаем, что случилось – он нам не говорит.

А Сатаней-гуаша, говорят, предсказывала народам будущее. Попросила она привести к себе Шауя и спросила его:

– Сын мой, что с тобой случилось, почему ты стал таким? Ты же был грозой всех народов, грозой всего мира. А теперь почему это ты облачился в траурные одежды и пребываешь в таком состоянии?

– Мать моя Сатаней-гуаша, – ответил он, – нет другого, с кем бы случилось такое, как со мной, – отвечает. – Вот то-то и то-то со мной случилось, вот такую-то женщину я, преследуя, упустил, – сказал. – Я ее ищу, но где она живет, разыскать не могу. Вот эта печаль меня и мучает, – сказал.

– Ай- яй, сын мой, – сказала <Сатаней-гуаша>, – туда, где она живет, птицы не долетают, – сказала, – разыскать ее ты не сумеешь, и чего ты взял это на ум, – вот что сказала ему Сатаней-гуаша.

– Уаллаги, жить больше не хочу, – сказал он, – мне бы только узнать, где она находится, и больше бы мне ничего не надо.

– Ну, тогда, – сказала, – вот в ту сторону поедешь, откуда солнце встает, пересечешь семь гор, – сказала, – там. Как пересечешь семь гор, въедешь в одно ущелье, и в том ущелье она и живет, – сказала. – Нет человека, который может туда добратьсяся, – сказала.

– Если птица туда долетает, я тоже доберусь, – сказал он.

– Так вот, если поедешь, то там она и находится, – сказала <Сатаней-гуаша>, и...

Приготовился Шауей и отправился на поиски Шхацфицы.

Гойда, едет он, горы преодолевает, гойда, горы преодолевает, – так он, едучи по местам, которые ему подсказала Сатаней-гуаша, достиг ущелья, а там, говорит, тропы нет, тропы. <Одни> горы, обрывы, камни. Держа Гемыдежа под уздцы, он его ввел туда. Там, куда он ввел его, была река – ни войти в нее, ни выйти из нее, только пропасти по сторонам.

– Как теперь быть? – когда он так спросил Гемыдежа...

– Вон того камыша, – ответил, – две вязанки свяжи и по бокам моим привяжи, – сказал конь. – Затем садись на меня, и я переправлюсь, не уходя на дно, – сказал.

Разве бы Шауей не сумел приготовить две вязанки камыша: он их связал, привязал по бокам Гемыдежа, сам сел сверху и, как на лодке, переправились они, не пойдя ко дну. Не идя ко дну, переправился он, достиг цели и прямиком въехал <во двор>.

Въехал, и девушка тут же выбежала навстречу:

– Я доставила тебе много труда, Шауей, – так говоря.

– Уаллаги, если и труд, я принимаю, раз уж тебя разыскал, – говоря...

Мать девушки была жива. Было у нее еще шесть братьев, но всех шестерых те иныжи истребили, и девушка жила одиноко, вместе с матерью.

– Я сразу же поняла, что от тебя мне не уйти, сказала она, – только трудностей я тебе доставила, – так говоря...

Что было делать, вот так он нашел, где она живет, и они стали мужем и женой. Жили они там, и пристало Шауею возвратить-

ся домой. Пристало, и взял Шауей с собой и девушку, взял с собой и старушку, взял да и вернулся домой. Привез себе жену, Шхацфицу.

«Аллах-аллах, Шауей вернулся и жену привез!» – так говоря, нарты собирались, устроили свадьбу, устроили унаишу и шаопишиж, – вот так Шхацфица досталась Шауею, и они так жили, говорят.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 663-ф/29, 30. Исп. Хамурза Жабоев: 1900 г.р., с. Аушигер Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 08.10.1984 г. З. Налоев. Выписка с магнит. ленты М. Бухурова. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой запись сказания о нарте Шауее и его госте, с которым он отправляется в поход, помогает победить великанов-инижен, а впоследствии, узнав, что его гость – это девушка, сватается к ней, преодолевая для этого трудные испытания. Далее сюжет контаминирован с другим сюжетом шауеевского цикла – о борьбе с орлом-похитителем.

6. НАРТ КЪЭРЭШЫУЕЙ БГЬЭЖЬ АН-АКЬ ИУКЫУ ЩХЪЭЦЫФІЭ ДАХЭР КЪЫЗЭРИШАМ И ХЪЫБАР

Нарт^hэ Къэрэшыуей лы хъууэ шэса нэужь, нарт шу хахуэ хъуаш. Япэ нарт шу къимыувэу ежващ. Къэрэшыуей шэсу ежья нэужь, зы нарти шэсыртэкъым, Къэрэшыуей щышынэрти. Нарт^hэр дэнэ къэна, Къэрэшыуей мэзым хъэк^Iэкхъуэ^Iэ щызэригъак^Iуэртэкъым, уафэм къуалэбзурэ бгъэрэ щызэригъэлъатэртэкъым. Апхуэдурэ Къэрэшыуей къик^Iухъаш, зэман зыбжан^Iэ. Бгъэжь Ан-акъ^I э зэджэр апхуэдэ дыдэу уафэм щыхахуэт. Уафэм иту хъуар къышышынэрт. Бгъэжь Ан-акъ лъэтауэ уафэм зыри щылъэтэжыртэкъым. Бгъэжь Ан-акъ щылъэм зыри щызэригъак^Iуэртэкъым. Къеухыурэ нарт шу зек^Iуэхэр иук^Iырт. И лъэбжянэм^Iэ и пщэм зыхиук^Iэрт, и пэ жаным^Iэ и нэр къыриу^Iк^Iырт. И дамэ лъэщхэм^Iэ еу<э>урэ иук^Iырт. Нарт^hэр куэдрэ ещащ, бгъэжь Ан-акъыр къаук^Iыну, ауэ къахуэу^Iакъым. Зы лъагап^Iэшхуэ гуэрым жыг тетти, абы абгъуэ трищыхауэ бгъэжь Ан-акъыр абы щыпсэурт. Къиубыдхэр абы ихьурэ, щишихыурэ, къупщхъэхэр къыридзыжурэ, бгым и лъабжъэм щ^Iэз хъуват. Бгыуэ зытесыр лъагэт, и джабэри и щхъэри псори мылти, зыри дэк^Iыфыртэкъым.

Зы маҳуз гуэрым Къэрэшыуей и шы джэмыйдэ щык^Iум тесу къэк^Iуэжу, бгъэжь Ан-акъыр къапльэри къильэгъуаш.

– Хэт сэ къысщымышынэу, зызигъешхыну мыбы къэк^Iуэфар, – жи^Iэри, къельэтэхри Къэрэшыуейм къеуэну къышытльятэм, Къэрэшыуей джатэ къещыр къырихи езауэу щидзаш. Бгъэжь

Ан-акъ Къэрэшыуейр къыхуэмьштэу куэдрэ зээуахэц. Бгъэжь Ан-акъым и дамэр уІэгъэу кІуэжащ. Къэрэшыуей къигъэзэжри и адэм и фыз Сэтэней дей кІуэри ильэгъяуа гъэшІэгъуэныр хуиГуэтэжащ.

— Ар хъэри-кхъуэри, нарти зыпэмыйлъэц бгъэжь Ан-акъщ, — жиГаш Сэтэней, — абы псори ешх, насып уиГаш, абы уимышхууукъыщиГэшІэкІакІэ.

Къэрэшыуей мурад ишГаш а бгъэжыр иукІыну. Бгъэжь Ан-акъи Къэрэшыуейр ишхын мурад иІэу зигъэхъужу абгъум ист. Къэрэшыуейм ильэгъуанһэр Сэтэнейм жыриГауэ щышэсъижым, Сэтэнейм жиГаш:

— И земан хъуаш, зыгуэр къепшэну, зи закъу<э>у дунейр зыхъа щыГэкъым, — жери. АппІэндэхукІэ Къэрэшыуейм игу къекІатэкъым фыз къэшэн. Сэтэнейм ар къышыжыриГэм, Къэрэшыуейр къэшэнныгу хъуауэ къыдэкІыжащ. Къэрэшыуейм и шы джэмыйдэ цЫкІур зэшІикъузэри ежъаш, къишэн мурад иІэу фыз лъыхъэ.

Дыгъэ къухъэпІэми дыгъэ къышІэкІыпІэми и шы лъабжъэ зытемыува Къэрэшыуейм къигъэнакъым. МазиблкІэ шы уанэ зетемыхуу къикІухъаш. Щымыхъум, и щхъэр фІэлэлу къигъэзэжащ Сэтэней дей.

— Бгъуэтыркъэ? — жиГаш Сэтэней.

— Сэ фыз схуэхъун згъуэтыркъым, — жиГаш Къэрэшыуей.

— Умыгъэтими, щыГаш, ауэ зи закъуэш щыГэр. Ари здэшыГэр дыгъэ къышІэкІыпІэмкІаш. И цІэри ЩхъэцыфІаш. И нэкІум нур къырихым мазэм хуэд<э>у жэш кІыфІыр къеgeгъэнэхур. И щхъэц фыцІэр и напэм къиГуипхъум, махуэр жэшым хуэду кІыфІ ешІыр, ауэ ар уэ къэпшэфынрэ къуумышэфынрэ сщІэркъым. Үэ иджыри ушГалэш. Абы укІуэфыни-умыкІуэфыни, — жиГаш Сэтэней.

Къэрэшыуей губжьри, зыри жимыГэу къышІэкІри, и шы джэмыйдэ цЫкІум шэри щэ зэкІэлтыкІуэу еуаш. Ежъаш, Къэрэшыуейр дыгъэ къышІэкІыпІэ лъэнныкъуэмкІэ кІуэну, ЩхъэцыфІэ и лъыхъуакІуэ. Къэрэшыуейр мазицкІэ гъуогу тетауэ, ЩхъэцыфІэ здэшыГэ щыпІэм нэблагъэу хуежъаш. Къэрэшыуейр щЛэупцІурэ кІуэрти, Иехъуэ-шыхъуэхэм щеупцІым, жиГаш:

— Укъесаш ЩхъэцыфІэ и щапІэм, ауэ укъыкІэлтымыкІуэгъашэрэт. Абы машГэ текГуэдакъым. Уэри уикІуэдэнущ абы и кІэм, — жари, — ЩхъэцыфІэ зыпцІэс унэм и хъуреягъир псыпцІаш, хыхъэри хэкІыри щымыГэу, абы иджыри къэс дыхъэфа щымыГэу. Езы и псэлъыхъухэр псыпцІэм зэрыхъхъэу, и щхъэц фыцІэр къыредзыхри, дунейр кІыфІ ешІри и псэлъыхъухэр псыпцІэм хегъэкІуадэ. ПсыпцІэм уекІуэлІэхукІи, ухыхъэхукІи, нуру и напэм къырихым гъуогур къыпхуигъэнэхуурэ уигъэкІуэнущ. ПсыпцІэм узэрыхъхъэу, и щхъэцыр къигъэзэнурэ псыпцІэм ухигъэкІуэдэнущ. Абы хыхъар зэпырыкІакъым икІи къыхэкІыжащ. УмыкІуи нэхъыфІаш, — жари къельэГаш Иехъуэ-шыхъуэхэр.

АрщхъэкІэ Къэрэшыуейм къэгъазэ иІэтэкъым. Иехъуэ-шыхъуэхэм я дей щышхэш, щыжайш, и шы джэмыйдэ цЫкІум зыщыригъэгъэпсэхури шэсъижаш, Иехъуэ-шыхъуэхэм я Иэр иубыдыш-

ри ежъэжащ. Къэрэшыуейр махуэ гъуогукІэ ЩхъэцыфІэ и унэм и гъунэгъу шыхъум, дунейр нуре блэуэрэ кІуаш. Махуэ ныкъуэ гъуогу илэжу, псыпцІэм хуэзаш. Хъурейуэ къикІухьри – хыхъэпІэ илэтийм.

– Дауэ тщиыну? – жиіери Къэрэшыуей и шы джэмыйдэ цЫкІум еупцІаш.

– Дыхыхъэнци дисыкІынц, ауэ япэ щЫкІэ къамыл пхыритІ щЫни си джабэ зэрызым къыкІэрыпхэ, – жиіаш шы джэмыйдэ цЫкІум.

Къэрэшыуей къамыл пхыритІ ищІри шы джэмыйдэ цЫкІум и джабитІым кІэрипхащ. Шэсри, псыпцІэм хэпкІэри исыкІыу щИдзащ. ПсыпцІэм и бгым нэсауэ, ЩхъэцыфІэ къильтагъури, и щхъэцыр къигъазэри дунейр кІыфІ ищІаш. Нэм къышцІэлэбэр имылтагъуу Къэрэшыуей махуишрэ жэшицкІэ псыпцІэм еныкъуэкъуауэ Іофэм нэсли техъаш. Къамыл пхырхэри хыфІадзэжри, пшцІантІэм дыхъэри, и шым уанэ трихри иутЫпщащ. Езыг хъэшцІэм щыхъэри гъуэлтаящ.

ПсыпцІэм къикІыфу пшцІантІэм къыдыхъэфым ЩхъэцыфІэр дэкІуэну арати, «Си лЫыр къэкІуаш», – жиіери Иэнэр ину иухуаш. Жэшибл-махуиблкІэ къышхъэшымыкІыу Къэрэшыуейм щхъэштыгащ. Къэрэшыуей жэшибл-махуиблкІэ жея нэужь, къэушри ЩхъэцыфІэм и гупэмкІэ нуре нэхуу, и щЫбагъ и щхъэцыр здэшыцІэмкІэ жэшым хуеду кІыфІу къышхъэштытт. Къэрэшыуей къэтэджри ешхащ, ефащ. МазэкІэ зигъэпсэхури, ЩхъэцыфІэр и шыплІэ дэсу, къамыл пхыритІыр <шым> къыкІэрипхэри къикІыжащ псыпцІэм. Къамыл пхыритІыр хыфІадзэжри къе-жъэжахэц. МыдкІэ бгъэжь Ан-акъ къишцІаш, Къэрэшыуей ЩхъэцыфІэр къихъину зэрыкІуари, гъуогур ихъумэу уэгум къиуващ. ЩхъэцыфІи и гупэмкІэ нуре, махуэу, и щЫбагъымкІэ кІыфІрэ жэшу къихъу къэкІуэжу бгъэжь Ан-акъым къильтэгъуаш. Бгъэжь Ан-акъыр кІыфІ лъэнныкъуэмкІэ къыхэту къышхъэштыту, Къэрэшыуейм ар имышцІэу, къэкІуаш жэш куэдрэ махуэ куэдкІэ. ИкІэм, зигъэпсэхун хуей хъури, Къэрэшыуейм и щЛакІуэр иубгъури ЩхъэцыфІэ тригъэтІысхъащ. И шы джэмыйдэ цЫкІум уанэр трихри иутЫпщащ, игъэхъуэкІуэну. Къэрэшыуей зиплтыхъу и хъуреягъкІи зыри щимылтагъум, шынагъуэ имыІэу тІысащ, зигъэпсэхуну. Жэш куэдрэ махуэ куэдкІэ мыжея ЩхъэцыфІэ щЛакІуэм зэрытетІысхъэу, Іурихри жеяш. Къэрэшыуей и нысащІэ ЩхъэцыфІэ бгъэдэсурэ, Идакъэ гъумылтэ зыргъэуауэ Іурихри щхъэукуяаш. Бгъэжь Ан-акъ зыхуеиххэр арати, къе-ухри ЩхъэцыфІэр дрихьеяш, уэгум, и агъуэ бгышхъэм итэм ихъри кІуэжащ. Къэрэшыуей къыизэштури и ЩхъэцыфІэр игъуэтыхажа-къым. И шы джэмыйдэ цЫкІум уанэ трилтхъэжш, зэшцІикъузэжри ежъэжащ, и ЩхъэцыфІэм и лъыхъуакІуэ. Лъыхъуаш Къэрэшыуей и ЩхъэцыфІэм куэдрэ. КъухъэпІи къуэкІыпІи и шы лъабжъэр зытемыува къигъэнакъым, ауэ игъуэтакъым. И ЩхъэцыфІэр къи-гъуэтыхыным и гугъэр хихыжри къигъэзэжащ, Сэтэней гуашэ дей. Къэрэшыуей езэшашауэ и щхъэр фІэлэлу, нэшхъеийуэ, и шы джэмыйдэ цЫкІури тхъэкІумэ лалэ хъуауэ къышцыкІуэжым, Сэтэней гуашэ зигъэкІэрахъуэу куэбжэпэм щыту къырихъэлІэжащ. Сэтэней ищІэрт къэхъуну-къэшцІенур.

— Уи ЩхъэцыфІэр бгъэжь Ан-акъ ихъаш, — жиІаш Сэтэней. Ар Къэрэшыуей щызэхихым, игъэкІэрэхъуат бгъэжь Ан-акъыр игу къэкІыжри абы кІуэну, ауэ Сэтэней идакъым: — Абы уэ узэрыпэлъэшын щыІекъым, Дэбэч деж укІуэу Іашэ-фащэ йумыгъэшІауэ, — жиІери, — Дэбэч афэ джанэрэ афэ гъуэншэджрэ гъущІ защІэу ебгъэшІынщи, гъущІ пыІи ебгъэшІынщи, бгъэжь Ан-акъ и пэр пхымыкІыфын хуэдэуи. Уишми афэ джанэ хуебгъэшІынщи, атІанэ укІуэнщ, ахъумэ... — жиІери.

Къэрэшыуей Дэбэч дей кІуэри гъущІ защІэу афэ джанэрэ, афэ гъуэншэджрэ гъущІ пыІэрэ иригъэшІаш. И шы джэмыйдэ цыкІуми афэ джанэ хуригъэшІри бгъэжь Ан-акъ дей ежъаш. Бгъэжь Ан-акъ ЩхъэцыфІэ ихъумэу тест. ЩхъэцыфІи Къэрэшыуей зыкъригъэлъэгъуну, Къэрэшыуей здэшыла лъэныкъуэмкІэ зэ и напэр къигъазэerti къигъэнэхурт, зэ и щхъэц фыцІэр къигъазэerti кыфІ ишцЫарт. Къэрэшыуей ар ильягъури, кыфІ къышцищІым зыхуигъазэри и гъуэнэгъуу бгъэдыхъаш. И шы джэмыйдэ цыкІур къуэ кІуэцІым дишэри дигъэуващ. Езыр бгы щхъэшыгум дэкІри, жейнэпцІзицІритегъуэлъхъаш. ЩхъэцыфІэм нур къышцищІыжым, бгъэжь Ан-акъ къильтэгъуаш, бгышхъэм жейуэ телтыр. Бгъэжь Ан-акъ къеухри Къэрэшыуейр дрихъеаш. ЩхъэцыфІэм Къэрэшыуейр къицІыхужри гъаш, ла игугъэу, арщхъэкІэ жейнэпцІзицІауэ арат. Бгъэжь Ан-акъ Къэрэшыуейр ишхыну хуежъэри — езэгъакъым. Дэнэ дей емыІами, и пэр хиукІэфакъым. Къэрэшыуей зимыгъэхъеуэ бгъэжь Ан-акъ ешу къыкІерыхужыху, зригъэдзэкъяаш. Бгъэжь Ан-акъ зэрешу, Къэрэшыуейиджатэркърипхъуэтири езауэу щИидзаш. Мылъэтэжыфыну япэ щыкІэ и дамитІыр къыпиупшІаш, атІанэ езыр иукІыпаш. Къэрэшыуей бгъэжь Ан-акъ и дамитІыр зытргъэувэри, и ЩхъэцыфІэр къицтэри къельэтэхъяаш. И шы джэмыйдэ цыкІум къэшэссыжри и анэшхуэ Сэтэней деж къигъэзэжащ, и ЩхъэцыфІэм нур къышхъэзшиху къихъри. Апхуэдэу Къэрэшыуей ЩхъэцыфІэр къишэгъяаш.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК НАРТ КАРАШАУЕЙ УБИЛ МОГУЧЕГО ОРЛА АН-АКА И ЖЕНИЛСЯ НА КРАСАВИЦЕ ШХАЦИФЕ

Когда нарт Каравауей возмужал и стал способным сесть *<на коня>*, из него вышел смелый нартский витязь. *<Он стал таким, что>*, ни один нартский всадник не мог превзойти его *<мужеством>*. Пока Каравауей разъезжал верхом *<на коне>*, никто из нартов не осмеливался сесть *<на коня>*, так как боялись Каравауея. *<Его боялись>* не только нарты, даже зверям Каравауей не позволял ходить по лесу, а птицам *<да и самим>* орлам — летать в небе. Так Каравауей разъезжал некоторое время.

Таким же смелым, только на небе, был могучий орел Ан-ак. Все, кто в небе, боялись его. Когда летал орел Ан-ак, ни одна *<птица>* не могла появиться в небе. Могучий орел Ан-ак никому не позволял ходить и по земле. *<Он>* нападал на нартских всадни-

ков и убивал их. Он вонзал свои когти в их шеи, а острым клювом выкlevывал глаза. Своими сильными крыльями он забивал <нартов> до смерти. Нарты долгое время охотились за Ан-аком, чтобы убить его, но им это не удалось. На одной из высоких вершин росло дерево, и на нем орел Ан-ак свил себе гнездо и жил там. Пойманную добычу он относил туда и съедал, а кости сбрасывал вниз, и они заполнили все подножие горы. Гора, на которой обосновался <орел>, была высока, а склоны и вершина были покрыты льдом, поэтому никто не мог взобраться на нее.

В один день Карапашауей, сидя на своем маленьком гнедом коне, возвращался <с похода>, и орел Ан-ак посмотрел и увидел его.

— Кто, не боясь меня, осмелился прийти прямо ко мне на съедение? — воскликнул <Ан-ак>, и когда он налетел на Карапашауея, думая его убить, Карапашауей обнажил свой короткий меч и вступил в поединок <с ним>. Орлу Ан-ак никак не удавалось поднять Карапашауея, и они долго боролись.

Ан-ак вернулся <в свое гнездо> с раненым крылом. А Карапашауей вернулся к жене своего отца, Сатаней <-гуаше>, и поведал ей о том удивительном, что он видел.

— Это орел Ан-ак, которого не в силах победить ни один зверь и ни один нарт, — сказала Сатаней, — он всех съедает, твое счастье, что ты смог уйти от него живым.

Карапашауей задумал убить этого орла. И сам Ан-ак с намерением съесть Карапашауея, залечивал рану, сидя у себя в гнезде.

После того, как Карапашауей поведал все Сатаней <-гуаше> и сел на коня, Сатаней сказала:

— Настало время жениться тебе на ком-нибудь. Нет человека, который бы прожил жизнь в одиночку.

До этого разговора Карапашауей ни разу не задумывался о женитьбе. И после слов Сатаней <-гуаши> Карапашауей уехал <со двора> с желанием найти себе невесту. Карапашауей подтянул ремни своего маленького гнедого коня и отправился на поиски невесты. И там, где солнце садилось, и там, где оно вставало, не было места, где бы не оставил свой след конь Карапашауея. Семь месяцев не сходя с коня, он пребывал в поисках, но не смог найти <невесту> и вернулся к Сатаней с поникшей головой.

— Не можешь найти? — спросила Сатаней.

— Не могу найти себе достойную жену, — ответил Карапашауей.

— Хоть ты и не можешь найти, все же есть такая, но всего одна. И живет она в тех краях, где восходит солнце. Зовут ее Шхацифа (букв.: Густоволосая). Сияние, исходящее от ее лица, словно месяц, озаряет темную ночь. Если она закроет своими черными волосами лицо, день, словно ночь, делается темным. Но я не знаю, сможешь ли ты на ней жениться или не сможешь. Ты еще юн. Сможешь ли ты добраться туда или нет? — сказала Сатаней.

Карапашауей разгневался и, ничего не говоря, вышел, сел на своего маленького гнедого коня и ударил его три раза плетью. Отправился Карапашауей туда, откуда восходит солнце, в поисках Шхацифы. Проведя три месяца в пути, он стал приближаться к тем местам, где жила Шхацифа. Карапашауей ехал, расспрашивал всех по пути, и, когда он <однажды> спросил у встречных пастухов, те ответили:

— Ты уже прибыл к местам владения Шхацифы, но лучше бы ты не приехал. Немало *<людей>* погибло из-за нее, и ты тоже, увязавшись за ней, погибнешь, — сказали *<они>*. — Дом, в котором живет Шхацифа, окружен трясиной, в которую никто не может войти и из которой никто не может выйти. До сих пор ни один человек не смог туда добраться. Как только ее женихи входят в трясину, она [Шхацифа] сбрасывает вперед свои черные волосы, и день делается темным, как ночь, так она губит своих женихов в трясине. Пока ты не войдешь в трясину, она будет озарять тебе путь сиянием своего лица. Но, как только ты войдешь в трясину, она тут же повернется своими черными волосами и погубит тебя в трясине. Ни один из тех, кто вошел в эту трясину, не смог переправиться через нее или вернуться обратно. Лучше не ходи *<туда>*, — попросили пастухи.

Но у Карапашауя не было пути назад. Он поел, спал у пастухов, дал отдохнуть своему маленькому гнедому коню, сел на него, попрощался с пастухами и пустился в путь. Когда он был на расстоянии в один день езды от дома Шхацифы, вокруг было светло. Когда оставалось полдня пути, он доехал до трясины, обошел ее по кругу, но переправы не было.

— Что будем делать? — спросил он у своего маленького гнедого коня.

— Зайдем и переплытем, но сначала приготовь два снопа из камышей и привяжи их по обоим моим бокам, — сказал конь.

Карапашаей подготовил два снопа из камышей и привязал по обоим бокам своего маленького гнедого коня, сел на него, прыгнул в трясину и стал переправляться через нее. Когда он достиг середины, Шхацифа увидела его, повернулась к нему черными волосами, и вокруг стало темно. В такой темноте, что хоть глаза выколи, Карапашаей провел три дня и три ночи, борясь с трясиной, и, наконец, достиг берега. Он выбросил снопы и вошел во двор, снял седло с коня и отпустил его. Сам зашел в хачеч и прилег.

Условием было, что Шхацифа выйдет замуж *<только>* за того, кто сможет перейти трясину и выбраться *<из нее>* во двор, и поэтому со словами «Мой будущий муж пришел» она накрыла богатый стол. Семь дней и семь ночей без устали она стояла над *<спящим>* Карапашаеем. После того, как Карапашаей проспал семь дней и семь ночей, он проснулся и увидел стоящую над ним Шхацифу, у которой лицо излучало свет, а все, что было со стороны волос за спиной, было покрыто мраком. Карапашаей поднялся, поел, попил. Он отдохнул месяц, посадил Шхацифу на коня, привязал два снопа по бокам коня, и они переправились через трясину. Потом выбросили два снопа и отправились дальше в путь.

Ну а тут орел Ан-ак узнал, что Карапашаей отправился за Шхацифой, и стал парить в небе над дорогой, дожидаясь их. Орел Ан-ак увидел, как Карапашаей вез Шхацифу, которая лицом озаряла все перед собой, а черными волосами погружала во мрак все, что было за ее спиной. Много дней и много ночей Карапашаей был в пути, не зная, что Ан-ак преследует их, находясь *<за ними>* во мраке. Потом, решив отдохнуть, Карапашаей расстелил свою бурку и посадил на нее Шхацифу. Сняв со своего маленького гнедого

коня седло, он отпустил его пастьись. Когда Каравауей огляделвшись вокруг, никого не увидел, он присел отдохнуть, не испытывая причин для тревоги. Шхацифа, которая не спала много дней и много ночей, уснула, как только опустилась на бурку. Каравауей сидел рядом со своей невестой Шхацифой, потом прилег на бок, подперев голову рукой, и задремал. Вот этого и ждал Ан-ак: он устремился вниз, поднял Шхацифу в небо и унес ее в свое гнездо, которое находилось на вершине горы.

Каравауей проснулся – и не увидел Шхацифу. Оседлал он своего маленького гнедого коня, подтянул *<подпруги>* и отправился на поиски Шхацифы. Долго он искал Шхацифу. И там, где солнце восходит, и там, где оно заходит, везде оставил свой след его конь, но так и не нашел *<Каравауей ее>*. Потеряв надежду найти Шхацифу, он вернулся к Сатаней-гуаше. Когда Каравауей уставший, угрюмый, с опущенной головой, и маленький гнедой конь его с опущенными *<от усталости>* ушами вернулись *<к Сатаней>*, они встретили Сатаней-гуашу, вертящуюся у ворот.

Сатаней умела предугадывать будущее:

– Твою Шхацифу унес орел Ан-ак, – сказала она.

Когда Каравауей услышал это, он вспомнил орла Ан-ака и развернулся, решив тотчас отправиться к нему, но Сатаней не позволила.

– Ты не сможешь одолеть его, пока не пойдешь к Дабечу, и пока он не изготовит тебе доспехи, – сказала *<она>*. – Дабеч сделает тебе из чистого железа кольчугу-рубаху, кольчугу-штаны и железный шлем, так, чтобы клюв Ан-ака не смог пробить их. Он сделает кольчугу и для твоего коня, тогда и отправишься, иначе... – сказала *<Сатаней>*.

Каравауей отправился к Дабечу, и тот сделал ему кольчугу-рубаху, кольчугу-штаны, железный шлем. Для маленького гнедого коня он тоже сделал кольчугу, и *<Каравауей>* отправился к орлу Ан-ак. Орел Ан-ак сидел, охраняя Шхацифу. Шхацифа, пытаясь показаться Каравауею, поворачивалась в ту сторону, откуда он ехал, то лицом, излучая свет, то спиной, погружая своими черными волосами все во мрак. Каравауей, увидев это, подождав, когда все покроется мраком, подошел поближе.

Своего маленького гнедого коня он завел в овраг и оставил там. Сам, взобравшись на вершину горы, лег там, притворившись спящим. Когда Шхацифа осветила все вокруг, орел Ан-ак увидел спящего на вершине горы. Бросившись вниз, орел Ан-ак поднял Каравауея. Шхацифа узнала Каравауея и заплакала, подумав, что он мертв, но тот просто притворялся спящим. Орел Ан-ак попытался съесть Каравауея, но не смог. Где бы он ни пытался клюнуть, он никуда не смог вонзить свой клюв. Каравауей лежал неподвижно, позволяя Ан-аку клевать себя, до тех пор, пока тот не устал и не оставил его. Как только орел Ан-ак устал, Каравауей выхватил свой меч и начал сражаться с ним.

Сначала он отрубил ему крылья, чтобы тот не улетел, потом *<и совсем>* убил его. Каравауей, надев на себя крылья Ан-ака, взял с собой Шхацифу и слетел *<вместе с нею>* вниз. Сев на маленького гнедого коня, вместе с Шхацифой, которая излучала свет, он вернулся к своей бабушке Сатаней. Так Каравауей женился на Шхацифе.

*Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-н. Пасп. № 9.
Исп. Жамурза Дзыгулов: 1862 г.р., с. Жемтала Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 18.04.1949 г. З. Кардангушев. Перевод на русский язык М. Бухурова.*

Данное сказание примечательно тем, что главным поводом выезда героя представлен мотив поисков невесты. В других версиях сватовства и женитьбы нарта Шауя данный мотив является «вторичным». Выезд на поиски невесты и связанные с этим эпизоды более характерны для сказания о женитьбе отца этого героя. Женщина, обладающая волшебными волосами, которые могут превращать ночь в день, а день – в ночь, устойчиво связывается с циклом о Шауе, и в этом данное сказание сближается со сказанием о госте нарта Шауя. В тексте есть одна неточность, характерная для устного повествования: Сатаней-гуаша называется то «женой отца» (т.е., неродной матерью) героя, то бабушкой героя. Примечательно, что герой совершает свой подвиг в одиночку, а не вместе с компанией нартских богатырей, как часто встречается в других вариантах мотива борьбы с орлом-похитителем.

7. ШУ ЛЬАГЬУЭ. КЪЭРЭШЫУЕЙ И ЛЬАГЬУЭ

<...>, мы Шу лъагъуэкІэ <зэджэр>, дунейр щыбзыгъэ дыдэу щыщытым дей, уафэм-щэ мо пшэ плащІэ тІэкІу пхышауэ-щэ къонэ, пшэ плащІэ, мо мыуэду дыкъуакъуэу-щэ, мо мыуэду дыкъуакъуэу мэхъури, мыбыкІэ, а нэхъ кІэшІ лъэнныкъуэмкІэ-щэ <Къэрэшыуей> здэкІуам, «Дыщыуаш», – жери, къегъэзэжри мыдрей шу лъагъуэм теувэжу ирикІуэу араш. Шу лъагъуэр. Ар КъэрэшыуейкІэ еджэу араш. Мис ахуэду пшэм иту къикІухъаш. Къущхъэһэм Къэрэшыуей жаә абы щхъя. Араш.

ПУТЬ ВСАДНИКА. ПУТЬ КАРАШУУЕЯ

<...>, «Путь всадника» – <так говорят>, когда небо ясное, и на нем виднеется тонкий продольный слой облака, конец которого образует развилину. Туда, где ветви облака короче, отправился <Карашууей>, <а потом> вернулся: «Мы ошиблись», – сказал, пошел по другому пути. Поэтому и говорят «Путь всадника». Это путь Карашууея. Так он ходил по облаку. Балкарцы называют его Карашуай. Все.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, материалы фольклорной экспедиции 1984 г. Исп. Тлостанбек Бадзев: 1900 г.р., с. Аушигер Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 12.10.1984 г. А. Гутов. Выписка с магнит. ленты М. Бухурова. Публикуется только фрагмент записи. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Запись произведена на весьма некачественную магнитофонную пленку, поэтому из записанного более обширного текста удалось сохранить и расшифровать только небольшой фрагмент.

Информация примечательна тем, что она представляет собой единственное указание связи данного героя с космологическими представлениями носителей эпоса. Путь всадника – это адыгское название Млечного пути, соседние народы называют его по-своему, отлично от адыгского, поэтому можно полагать, что, скорее всего, данное поверье должно считаться адыгским. Упоминание о балкарцах в сообщении неслучайно: мать информанта – балкарка, и вполне возможно, что он когда-то слышал сказания о нарте Караваше не только от своих соплеменников, но и от родственников по материнской линии.

8. СОСРЫКЪУЭ, НАСРЭН, КЪАНЖЭ И КЪУЭ ЩАУЕЙ НЭРЫБГЕЙМ И КЪУЭ ЗАКЪУЭ СЫМЭ Я ХЪЫБАР

Нарт Насрэнрэ Сосрыкъуэрэ зэшт, зы анэ къильхуауэ. А тЦуми я анэр Сэтэней гуашт.

А тЦур зэдежъаш, санэхуафэ кІуэну. Гъуэгум зыдэкІуэм, гъуэгу зэхэхъэм и дей Къанжэ и къуэ Щауейр къакІуэу щызэхуэзаш. Къанжэ и къуэ Щауейр шу фейцейт, мо санэхуафэ кІуэ зэшитІым я щхъэм хуагъэфэшакъым, бэлэбанэр ягъусэну, ауэ шур яцЫхуртэкъыми зыри жырамыІэу кІуэхэрт.

ЗыдэкІуэм зэшитІыр гупсысэурэ мыр къагупсысаш: «Иджы, гъуэгу зэхэкІ дынэсымэ, жетІэнщ: «Дэ ІуэхукІэ докІуэри маҳуий хуэдизкІэ дыкъетынущ, удигъусэн уфІэфІымэ, къыдэжъэ, укъыдэмыжъеми, гъуэгу маҳуэ»».

Гъуэгу зэхэкІым нэсри ар жыраIаш Къанжэ и къуэ Щауейм.

– Іэу, маҳуийр қуэд хъурэ, ар Палъэ кІыхъкъым, сынывэжъэнщ, – жери Къанжэ и къуэ Щауейр епсыхааш, мо тЦур санэхуафэм кІуаш, санэхубжъэ къефэну.

Сосрыкъуэм: «Мы шу фейцейм дыхуейкъым, жэций-махуий уей зесцІекІынщи, дыкъэкІуэжыху, ар лІэнш», – жери уей зэришІекІаш.

Къанжэ и къуэ Щауейм шы щIагъ щIэдзыр и дзажэ щIэдзу, уанэр и Пашхъэгъыу, щIакІуэр зытырипІэри щылтьаш, и алъпыжъым фIалъэкІэ ефІэлтъауэрэ, уэсыр тыриудрэ ар ихъуэкІуу щытааш.

Мо Сосрыкъуэрэ Насрэнрэ жэций-махуийкІэ санэхуафэм щефэри къагъэзэжауэ къыздэкІуэжым, Къанжэ и къуэ Щауейр къыз-дагъэнам дей къэссыжахэш. Еплъыри, и шыжъырикІ кІэрыутІыпшу щыхъуакІуэм, езыри щIакІуэр тепIауэ щыщылтым, «Мыр лІаш, псэужкъым», – жари бгъэдыхъаш. «Уей!» – жари щеджэм, «Үит!» – жери Къанжэ и къуэр, щIакІуэр псыншІэу зытыридзыри, къы-щылтьеташ. И уанэжыр къиштэш, и шым тырипІэри, къэшэсри: «Нартэ Сосрыкъуэ, зызумыгъэцЫхуами, сэ усцЫхуаш, уэ бзаджэм уи уей-псейм сэ сихъынтэкъым, накІуэ», – жери, шувищым къагъэзэжааш. КъакІуэурэ, зы гъуэгу зэхэкІ гуэрым къэсри, Къанжэ и къуэ Щауей Сосрыкъуэрэ Насрэнрэ яжыриIаш:

— Сэ сышу закъуэу, сыпсэлтэгъуншэу жээций-махуйикІэ сывэжъаш, фэ тіу фохъу, фызэшмэ, фызэпсалъ хъунуш, сэ къэзгъээжынщ, фэ къызэфта Пальэм нэс-нэмысми, зытхъемахуекІэ фыкъызэжъэ, — жери.

— Алыхъ-алыхъ, дыножъэнщ, — жари зэшигІыр епсыхаш, я шыр ялъахъэри яутІыщащ.

Къанжэ икъуэ Щаурей тэнджыз Іуфэ гуэрим Іухъэри, альпитІ зэкІерищІэри, къишэри, махуих фіэкІ къэмьту къэсыжаш. ЗэшигІыр зэплъыжри: «Алыхъ-алыхъ, мыр дэ ди гугъам хуэдэлІкъым, демыжъами, зэйдгъэхъат, зыгуэркІэ дыхуэгъэупсэ», — щыжайэм, Сосрыкъуэм жилащ, Насрэн пхъу дэгъуэ илэти, Къанжэ и къуэм ар иратыну.

(Насрэним и пхъум и цІэр сцІэркъым)

Күүхэуре гъуэгү зэхэкІым нэсащ. Къанжэ и къуэ Щаурей Нэрыбгей и къуэ закъуэр къепсалъэри къажырилащ:

— Сэ сызэривэжъам хуэдизрэ фыкъызэжъэжаш, тугъу фыкъыздехъаш, зывмусыгъуэджэмэ, сэ нобэ къэсша альпитІым языр фызот.

— Дэ пхуэтщІа щыгІкъым, дэри дигу итлъхъаш, зыгуэркІэ дыпхуэупсэнүү, зумысэгъуэджэмэ, благъэ утшІынуш, Насрэн и пхъур уэттынуш, Пальэ къыдэптым дей некІуалІэ, — къышыжырајэм...

— НтІэ, уасэу алтып етІыуанэри фызот, — жери Къанжэ и къуэм альпитІыри къаритри, зэбгырыгІыжащ.

Зы мазэ дигъгІщ, зызэригъэпэшри Къанжэ и къуэ Щаурей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэр, нарт Насрэнэ Сосрыкъуэрэ я дей къэгІуаш. ЗдэгІуам Насрэнри Сосрыкъуэри щымыгІэу пшЦантІэм дэхъаш.

ПшЦантІэм дэсыр езыр зыхуекІуа хъыджэбз закъуэрати, шу къыдэхъар щилъагъум, къышІэгІри: «Еблагъэ, хъэшІэшьым», — къышырилащ.

Блэгъаш. Къанжэ и къуэм, пасэрэй пшынэжь шэтжьейм илтти, къиштэри мыр къыригъэгІаш:

— Насрэнры имысымикІ, Сосрыкъуэр сыту щымыгІэрэт, — жери пшынэмкІэ хъыджэбзым епсэлъаш. Пхъэ пшынэр щигъэтІылтыжым, хъыджэбзым къиштэри къыригъэгІаш:

— КъэгІуэжынуш, умыгІашІэ,

Пшэдэй я палъэш,

ПашІэрэ пшыгІарэ я Іуэху фыкъым, — жери къыригъэгІаш.

Хъыджэбзым и анэр щыгІэтэгІым, гъунэгъумкІэ екІуэгІати, къишэжыну хъыджэбзыр щІэгІаш. Къанжэ и къуэ Щаурей хъыджэбз щІэгІам кІэлтъиплъыри, пшынэр къиштэри мыр къыригъэгІаш:

— Сыту гэлтээпкъ зэкІэлтъыгІуэ илэти,

Ауэ щІакъуэ машІэш, щІакъуэ нэпшІщ.

(ИпэгІэ зэпылтыр, пшы хэмэлтүү, пхъэ пшынэмкІэ зэпсалту щытащ) Къанжэ и къуэ Щаурей пшынэм къыригъэгІар хъыджэбзым зэхихаш, икІи къыгурыйгащ.

И анэм дей щІыхъэри хъыджэбзыр зэплъыжащ, куэдрэ лъыхъуащ, «ИгъащІэм щІакъуэ сэ къысхужызыгІа дунейм теткъым, мыр дауэ?» — жери зыкъиплъыхъаш. ИкІэм и вакъэр щихри еплъымэ, зы вакъэ лъэнэхъуэм лъэгурыйдзитІыр илтти. ЛъэгурыйдзитІыр зэрызу и вакъэм иридзыри, и анэр къишэжри къэгІуэжащ.

Хъыджэбзыр къыштэхъэжри, пхъэ шынэжьыр къищтэри мыр къыригъэлаш:

— Сэ щакъуэ къысхужызыла дунейм теткъым, си лъэгурыйдзитыр зым илъти, щакъуэу сыкъыштэпльэгъуар араш, — жери, шынэр игъэттылъри хъыджэбзыр къыштэхъэлаш.

Къанжэ и къуэ Шауейм шынэр къищтэри мыр къыригъэлаш:

— Сэ абы фиэка бдэгъуа щыэтэкъым, укъесшташ, — жери шынэр игъэттылъяш.

Нарт Насрэнэ Сосрыкъуэрэ пыыхъэцхъэм къэсыжри: «Ди благъэр укъэка?» — жари къышыгуфылахэш, Насрэним и пхъур къыратри Къанжэ Шауей Нэрыбгейм и къуэ закъуэр къаутылышыяш.

СКАЗАНИЕ О СОСРУКО, НАСЫРАНЕ, ШАУЕЕ СЫНЕ КАНЖА, ЕДИНСТВЕННОМ СЫНЕ НАРЫБГЕИ

Нарт Насыран и Сосруко были братья, рожденные одной матерью. Их мать была Сатаней-гуаша.

<Однажды> они отправились на санопитие. В пути, на развилке дорог, они встретили Шауея, сына Канжа, ехавшего им навстречу. Шауей, сын Канжа выглядел убогим, поэтому братья посчитали ниже своего достоинства брата такого невзрачного всадника с собой на санопитие, но они не знали, кто он такой и ехали, ничего не говоря ему. По дороге братья думали, <как бы им избавиться от нежеланного спутника> и придумали следующее: «Теперь, когда мы доберемся до развилки дорог, скажем ему так: «Мы едем по делам, и нас не будет около восьми дней, если ты хочешь продолжить путь с нами, то подожди, а если нет, то счастливого пути»».

Доехали они до развилки и сказали это Шауею, сыну Канжа.

— Разве восемь дней это много?! Это не так уж и много, я подожду, — сказал Шауей, сын Канжа и спешился, а те двое отправились на санопитие отведать чашу санэ.

Сосруко сказал так: «Этот убогий всадник нам не нужен, я наведу на него холод на восемь дней и восемь ночей, и он умрет к нашему приезду», — и навел холод.

Шауей, сын Канжа положил потник под ребра, седло — под голову, а сам завернулся в бурку — так и лежал, его же могучий альп разрывал снег копытами и щипал сухую траву. Сосруко и Насырен пробыв на санопитии восемь дней и восемь ночей, вернувшись к тому месту, где оставили Шауея, сына Канжа. Посмотрели и, увидев, что конь его свободно пасется, а сам он лежит, накрытый буркой, решили: «Он мертв» — и подошли.

— Уей! — когда позвали <братья...>

— Уит! — ответил Шауей, сын Канжа и вскочил, сбросив бурку.

Взял <он> свое старое седло и накинул на своего коня. «Нарт Сосруко, хоть ты и не представился, но я узнал тебя, ты коварен, но твои холода мне не навредили. Поехали», — сказал <Шауей>, и все три всадника продолжили путь. Ехали они и, достигнув развилки, Шауей, сын Канжа обратился к Сосруко и Насырену:

— Я один без собеседника ждал вас восемь дней и ночей, а вас двое, если заскучаете, можете поговорить друг с другом, я вернусь быстрее срока, в течение которого вы отсутствовали, ждите неделю.

— Аллах-аллах, подождем, — сказали так и спешились братья. Спутали лошадям ноги и отпустили их <пастись>.

Сын Канжа Шауей поехал к берегу моря, поймал двух <коней->альпов, привязал их друг к другу и вернулся, пригнав их, пробыв в пути шесть дней. Увидев это, братья переглянулись: «Аллах-аллах, это не такой муж, каким мы себе его представляли, мы бы сильно просчитались, если бы не стали его дожидаться; давай как-нибудь задобрим его», — решили они, и Сосруко предложил отдать Шауею дочь Насырену. (Имя дочки Насырена мне неизвестно — исполнитель).

Ехали и достигли развилки дорог. Шауей, сын Канжа, единственный сын Нарибгеи заговорил:

— Вы ждали меня столько, сколько и я вас, вы разделили мои тяготы, и если позволите, то я отдаю вам одного из пригнанных мной альпов.

— Мы ничем особым тебе не помогли, мы тоже решили как-то отблагодарить тебя. Если позволишь, хотим сродниться с тобой, выдав за тебя дочь Насырена. Назначь время, когда ты приедешь, — когда так сказали <братья>...

— Тогда, в качестве платы за невесту, я отдаю вам и второго альпа, — сказал сын Канжа, отдал альпов, и они разъехались.

Подождав месяц, Шауей, сын Канжа, единственный сын Нарибгеи собрался и отправился к наартам Насырену и Сосруко. Когда он прибыл и въехал во двор, Насырена и Сосруко дома не оказалось. Во дворе была только та самая девушка, <свататься> к которой приехал Шауей. Увидев всадника, она вышла и привгласила его в дом: «Еблага в хачеш», — говоря. Он зашел. На топчане лежала старинная пшина, сын Канжа взял и сыграл следующее:

— Пускай Насырена нет дома, но жалко, что Сосруко тоже нет, — сказал он с помощью пшины девушке.

Когда Шауей положил пхапшину, девушка взяла ее и сыграла:

— Они вернутся, не торопись,

На завтра назначен срок <их возвращения>,

— Дела плохи у торопящегося и замерзающего <...>.

Матери девушки <тоже> не было дома. Она пошла к соседям, и дочь отправилась за ней. Сын Канжа Шауей проследил за тем, как девушка вышла, взял пшину и сыграл:

— Как красиво сложена эта девушка,

Но чуть прихрамывает, будто понарошку.

(В старину влюбленные действительно общались пхапшиной — *M. Мазанов*).

Девушка услышала, что сыграл Шауей, и поняла его. Она зашла к матери и посмотрела на себя, долго оглядывала себя: «Как так, ведь никто никогда не называл меня хромой». Потом сняла обувь и увидела, — в одной из них находились две стельки. Она разложила стельки по одной в обувь, взяла с собой мать и вернулась. Девушка зашла, взяла пхапшину и сыграла:

— На свете нет того, кто бы называл меня хромой. Обе стельки мои находились в одной обуви, поэтому я показалась тебе хромой, — положила она пшину и вышла.

Сын Канжа Шауей взял пшину и сыграл:

— Это единственное, что плохого я в тебе увидел. Я беру тебя <в жены>, — сказал и положил пшину.

Нарты Насырен и Сосруко вернулись вечером: «Пришел, наш <будущий> зять (букв.: *свойственник*)» — сказали и обрадовались ему. Отдали дочь Насырена и отпустили восвояси Шауя, сына Канжа, единственного сына Нарибгей.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. On. 1. П. № 32-н. Пасп. № 8. Исп. Мудар Мазанов: 1884 г.р., с. Нартан Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 31.03.1950 г. А. Алибеков. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Текст представляет собой контаминацию оригинальных сюжетов о встрече богатырей и своеобразном испытании героя на этикетность (ожидаться спутников в течение длительного времени) и на твердость духа (испытание холодом), о наезднических достоинствах (добывание коней, обладающих фантастическими достоинствами, и щедрость при расставании с ними), о сватовстве героя к незнакомой девушке. Испытания героя, по всей вероятности, восходят к разряду инициальных, которые превратились в испытания будущего жениха, а еще позднее — в испытания героя на этикетность, мужество и тонкое обращение с девушкой. Первое встречается в циклах о героях исторического эпоса (сказания о Жабаги Казаноко: см.: «Сказания о Жабаги Казаноко». — Нальчик: Эль-фа, 2000. — С. 91–92 и др.) и, по всей вероятности, данный мотив вошел в нартский эпос на довольно поздней стадии, соответствующей позднему средневековью. Этим же временем можно датировать и вхождение в эпос мотива невербального диалога жениха и невесты: упоминания о «говорящих» музыкальных инструментах, которые могли без слов донести мысли героя до слушателя, характерны для лирических песен и сопровождающих их преданий.

9. ЩАУЕЙ, СОСРЫКЬУЭ, НАСРЭН ЖЬАКІЭ СЫМЭ Я ХЪЫБАР

Сосрыкъуэ нартнэм я санэхуефэр къильыхъуэну ежвац. Къуэм-лъейуэрэ, нэсу хуежьяуэ, здэшылэр ицъыхутэкъыми, щалэ цъыкъухэм щеупщым, къыжыралац: «Модэ модейщ», — жайлэри. Пщыдадэри я пашэу нарт унагъуэм санэхуефэ щашыу, Пщыдадэри яхэсу, здэшылэр къышыжыралем, абы зригъашэри Сосрыкъуэр къуаш. Дыхъэри, къышталъагъум, Пщыдадэр къыпежъэри:

«Зи хъэшІэгъуэ тхуэмьгъуэту къэдгъуэта нарт Сосрыкъуэ, еблагъе!» – жиІери сэлам кърихааш. Сосрыкъуэр епсыхи щІыхъаш. Блащхъуэжьеир хэсу фадэбжъэр къраташ. Пынгадэри къопльри Ѣытщ. Сосрыкъуэр фадэбжъэм ефэри фалъэр Пынгадэм и Ѣхъэм ѢхъэриГубаш.

АбыкІэ Ѣымыхъум, зэдэджэгуу Ѣадзаш. Езы гупым ящищ дэлъейри Іэнэм къыщыфааш. Ар къызэрехыжу, Сосрыкъуэр дэлъейри, шыпсыльэ ГупшакІэм къыщыфэри шыпсыр иримыкІуту, Іэнэри имыгъеуфэрэкІыу къехыжааш.

– Блащхъуэжьеим и хыбарыр иужъкІэ фшІэнщ, – жиІери, Сосрыкъуэр дэкІри хыхъэжааш.

Пынгадэр гузэвашэри къыкІэлъыдэкІаш, «Мы Іуэхум и кІэр дауэ хъуну пІэрэ?» – жиІери, *<ар>* зригъэшІэну.

Сосрыкъуэрэ Насрэн ЖъакІэрэ нарт санэхуефэ ѢыІеу хъыбар кърагъашІауэ кІуэт. Гъуэгу напшІэ ижырабгъур яыгъыу кІуэрт. Гъуэгум, зы тэлайрэ кІуауэ, зы шу Ѣэхъаш. Шум и ѢакІуэр гъущыфэт, и уанэр яыгът, и шыр уэдт. «Мы хъэм хуэдэр дэ тшІыгъуу накІуэм, ди напэр къытрихакъэ», – жиІаш Сосрыкъуэ. Аурэ здэкІуэм Сосрыкъуэм къигупшысаш: «Сэ мыбы зы кІуэдыпІэ къыхуэзгъуэтынщ», – жиІери. Зы Іашхъэпальэ гуэр ишІри, абы Ѣынэсэм, Сосрыкъуэм жиІаш: «Насрэн ЖъакІэ, ауэ къэувыІэ, мыбы унафэ хуэтшІынщ», – жиІери. Махуэр уейт, борэнт.

Шур зыбгъэдашэри жраІаш:

– Дэ моуэ зы ѢыпІэ гуэрим дынэснынущ, нартнэм къыдашгъэджауэ. Абы махуий хуэдизкІэ дыкъэтынущи, мы Іашхъэм ущыснынщ, дэ дыкъэссыжыху», – жаІери.

– Гъуэгу махуэ, фыкъэкІуэжыху, сыцсынынщ, – жиІери къэнаш.

Зыкъом якІа нэужь: «Абыи ар кІуэдыжыпІэ хуэхъунщ», – жиІаш Сосрыкъуэ.

ЗдэкІуэм нэсхэри нарт хабзэкІэ ирагъэблэгъаш.

– Армыраи хабзэр! – жаІери къыщыгуфІыкІахэш, здынэсар.

Санэхуефэр зэфІэкІаш. Шэсүжыбжъэр къахъри Сосрыкъуэ къраташ.

– Сэ къызэфтами, Насрэн ЖъакІэ нэхъыжыгъуэр яыгъщ, – жиІери игъэхъуэхъуэну фадэбжъэр *<Насрэн ЖъакІэ>* ириташ. Хъуахъуэш, ефэхэри:

– Иджы, дежъэжынщ, Сосрыкъуэ, – жиІаш *<Насрэн ЖъакІэ>*.

– Дылгъэхъунщ, къэдгъэнам дыхуэпІэшІэнщ, – жаІери, къеуэри, къыхыхъэжааш. Къэлъэхъущ, къеушри Іашхъэм къэсүжахэш.

– Сыт ухуэдэ, дауэ нэху укъекІа, угъуэмыладжэкъэ? – жаІери еушиГаш.

– Сэ ирыскъыкІэ синьыбаблэкъым, лыгъэ Ѣэнным нэхъ сипылъщ, – жиІаш.

– НакІуэ, атІэ, нэшэс, гъуэгуанэ тшІэлъщ, – жаІаш. КъыПушэсүкІри къежъэжааш.

КІуэм-лъейм, кІуэм-лъейуэрэ зыбжанэрэ кІуахэ нэужь, я гъусэ Іашхъэм тесам къигъэувыІэри яжриГаш:

– Насрэн ЖъакІэ, сэ къызэфта пальэм хуэдиз фэстынкъым, ауэ жэшитІ-махуитІ мыбдэж фыщымысыну амал иІэкъым, – жиІери унафэ яхуишІаш. – Хъэм яшхыжын Шыпэхуужь, накІуэ иджы, – жиІери, ежъаш.

Тенджыз тЫуашЦэм дыхъэри, къарекъуэлэн къыхишири жэшитПрэ зы мацуэрэ дэкIау етIуанэ мацуэм къэсыжащ.

— Сэ си щысыныгъэм шцIэ хуэвмыщиами, накIуэ, иджы дывгъэкIуэж, — жиIери, къежжэхахэш. — Насрэн ЖъакIэ, уэ улЫижьщ, дауэ IэнэшЦу удэзгъэхъэжын. Мыр си шы пшэрыхьши, зомусыгъуэджэу сIых, — жиIери къарекъуэлэныр иритащ. СосрыкъуашЦэм ар щызэхихым, хуабжыу гуапэ щыхъуаш: «Псалъэ хъуэрри къыдидзри шы пшэрыдзэнри къыдитш», — жиIери.

— Насрэн ЖъакIэ, емыкIу щымытым еупщЦыт, щуIэгъэ иIэрэ имыIэрэ, абы и тэмэмыр къысхуэшЦэт, — жиIаш Сосрыкъуэ.

Ар щыжиIэм:

— Гъуэгуанэр жыжъэш, емыкIу къысхуомыщиым, хъыбаркIэ синоупщЦынут, — жиIаш Насрэн ЖъакIэ.

Абы къарихъэлIа шур Къанжокъуэм и къуэкIэ Щаейт.

— ЖыIэ, упщЦэ емыкIу иIэкъым, жыхуаIэр арш, — жиIаш. И мурадыр къышцишЦэм, — УкъисцишЦэупщЦэм, сышхъэгъусэншэш, — жиIаш.

— АтIэ, си шыпхъур зупэсрэ пшэнум, уэстынт, — жиIаш Сосрыкъуэ.

— Алыхъ-алыхъ, куэду дэгъуэш. АтIэ, дызэблагъэш, — жиIаш Къанжокъуэм.

— Ди гуапэш, удиблэгъэну.

— АтIэ, абы щыгъуэм алъп етIуанэр уасэу узот.

— Дарэзыщ, къыдоштэ уи малъхъагъэр, си шыпхъур пшэну сфиIдахэш.

Арати, Насрэн ЖъакIэр щыхъэтш. Алъпыр и уасэти, къаритш, Iэ зэрыубыдыр къыхалхъэш, «Гъуэгуанэ тщЦэльщи, дежъэжынш», — жаIери хъеящ.

ЗыбжанэкIэ кIуэри гъуэгу зэхэкIым нэсаш.

— ДызэшЦэупщЦэнщи дызэбгъэдэкIынш, — жиIаш Насрэн ЖъакIэм. — Малъхъэ <...> утщIаш, уэ узыщыщыр къыджыIэ.

— Сэ сзызыщыщыр Къанжокъуэш, Нэрыбгейм сирикъуэш, сирикъуэ закъуэш, къызэрызэджэр Щаейш.

— АтIэ, араш, Къанжокъуэ, фызышэмкIэ мэрэм мацуэр зэхудипIалъэш, — жиIери Сосрыкъуэ унафэ ищIаш.

* * *

«СосэрыкъуашЦэр лЫшЦэ гъушЦынэш, ем хуагъэIушри фIым хуаущыер... сыкъагъэпщЦами, сщЦэркъыми сежъэнш», — жиIери <Щаей> мурад ищIаш. Абы хэту къыдошэссыкIри Сосэрыкъуэ и деж ныIуохъэ. Шыпэхужым епсыхри шэшыбжэр зэIуихш, Шыпэхужыр нышЦишэш, бжэ Iух макъыр зэхихри алъпыжыр къеплтэкIш, Шыпэхужым къыхуилтш, <Щаей> жээ къамышыр къыдихри алъпыжым неуаш. «Уэ Шыпэхужым уришэрыхьш, щхъэ укъыхуилтэр?» — жиIери зыхузэшЦишаш. Къамышыр тIуашЦэ къысхуашЦри хъыджэбзым имышЦэу <унэм> нышЦыхъэш.

— Алыхъ-алыхъ, ухъэшЦэ лъапIэ дыдэш, къеблагъэ, — жиIаш хъыджэбзым.

— Сыкъеблэгъяш. СосэрыкъуашЦэу лЫшЦэ гъушЦынэу ем хуагъэIушри фIым хуаущийр дэнэ щыIэ? — жиIери еупщЦаш.

— УзыщIэупицIэр махуиц лъандэрэ щыIэкъым, — къыжриIаш хъыдджэбзым.

— Сэри сольягъу ар зэрыщIэмысыр, атIэ унэм исыр дэнэ щыIэ? — жиIэри щIэупицIаш, и анэм щхъэкIэ.

— Гъунэгъур къеджэри щIишаш, сэ сыкIуэнци къыпхуезджэжынц, — жиIаш.

Цыхубзыр щтыIэштаблэу гъуэльтыплэ щIагъым щIоIэбэри вакъитI къышIех. Арыххэти, хъыдджэбзым и щIыбагь къегъазэри ныщIокI. Къанжокъум и къуэр нэбгъузкIэ ноплъэкI, «Цыхуб щIэкIар хуэшIакъуэ нэпцIщ», — хужеIэ. Арати, пшыналъэжыр къышех, дэусэным ныщIедзэ:

— Нарт Сосэрыкъуэ,

Уи унэр нэпцIщ,

Уи анэр здэшыIэр сэ сымыщIэ,

Махуэ Палъэ къызэптри

ПцIы бупсауэ къышIэкIщ,

Уи шыпхъу щIэкIар

Уи щIакъуэ нэпцIщ,

Сосэрыкъуэ сымыгъепцIаш, — жиIэу щIисурэ хъыдджэбзым и анэр къокIуэжри ныщIохъэ, зыщIыхъэжа унэм ахтырзэманыр щIэсщ.

— Си хъыбар умыщIэнкIэ хъунщ, си анэ, сэ сымыщIэкIуар уи пхъур арщ, — жеIэр. — Күэд дэмыкIыу зегъэхуапэ. Нобэ си махуэ Палъэш, си Гуэху гъээшца хъуауэ сыдэкIыжыну арщ.

Арати, и анэр къысхуогъ, хъыдджэбзым гъуэгыу зехуапэ. Хъыдджэбзым и Iэпэр иубыдри къышIишщ, шэшыбжэм къишэри игъэувщ, Шыпэхужым къэшэсщ, хъыдджэбзыр къиштэри, къыдэкIри къежъэжащ.

Күэд дэмыкIыу Сосэрыкъуэр къэсыжащ. И анэр гъуэгыу къышIэжри:

— Уи шыпхъур уиIэжкъым, — жиIаш.

— Умыгъ, ди анэ, щуIэгъэр зем ихыыжащ.

— Ар сый на, ар жыхуэпIэр? Мир мэл жъагъэ хъуа?

— Хъэуэ, си анэ, ар сэ ауэ естакъым абы. Абы алъп щхъэ дыкъуакъуэр и уасэш. Езыр хэтхэ яшыц жыпIэм, си анэ, нарт лъэпкъкъым, сэ зэрысцIыхумкIэ, и лъэпкъыр Къанжокъуэш, еzym зэрэджэр Щауейш, Нэрыбгейм и къуэ закъуэш. Си анэ, куэдрэ укIэлтьымыгъ, лъэдакъэ махуэ Тхъэм къыпхуущыригъанэ, дэ зэблагытIым фIы тхуэхъун Тхъэм ишI уи пхъур! — жиIэри, псори абдеж щаухаш.

СКАЗАНИЕ О ШАУЕЕ, СОСРУКО И НАСЫРЕН-ЖАКЕ

Сосруко отправился на поиски нартского санопития. Ехал-скакал, сам он не знал той местности, и, когда спросил у мальчишек, те ему указали: «Вон там». Узнав, где устроили в нартском семействе санопитие во главе с нартом Пшидадой, он попросил отвести его туда и поехал. Въехал он <во двор>, и, когда его увидели, <сам> Пшидада двинулся ему навстречу и приветствовал:

«Сосруко, чьего появления гостем мы тщетно искали и вдруг обрели, будь гостем!».

Сосруко спешился и вошел <в дом>. Подали ему чашу с хмельным напитком, где сидела серая <ядовитая> змейка¹. А Пшидада стоит и смотрит на него. Сосруко выпил хмельной напиток, а чашу нахлобучил на голову самого Пшидады.

Когда таким способом ничего не получилось [не смогли нарты одолеть Сосруко], затеяли игры. Один из компаний вспрыгнул на стол и сплясал на нем. Только он спустился, Сосруко вспрыгнул и сплясал на краешке чашки для подливы – и подливы не пролил, и стол не опрокинул².

– Насчет серой змейки еще услышите! – сказал он, покинул их и уехал восьсяи.

Пшидада так перепугался, что вышел вслед за ним, чтобы удостовериться в том, чем это может кончиться.

<Однажды> Сосруко и Насырен-Жаке ехали, извещенные о санопитии. Ехали они по правой кромке дороги. После некоторого времени в пути они догнали какого-то всадника. Бурка на нем была цвета <ржавого> железа, седло его скрипело, конь его был тощий. «Если этот, собакой рожденный, будет нашим спутником, стыда не оберешься ведь», – сказал Сосруко. Едучи, в дороге, Сосруко подумал: «Поишу-ка я ему какую-нибудь погибель». Он приметил один курган, и когда его достигли, он сказал: «Насырен-Жаке, погоди-ка, сейчас решим что-то на его счет».

А день был морозный, ветреный. Подозвали они всадника к себе и сказали ему:

– Мы тут поедем в одно место, куда нас нарты позвали. Там мы дней на восемь задержимся, а ты будешь сидеть на кургане, пока мы не вернемся, – так ему сказали.

– Доброго пути, буду сидеть, пока вы не вернетесь, – ответив так, он там и остался.

Когда проехали приличное расстояние, Сосруко сказал:

– Вот, это место и станет для него гибельным³.

Прибыли они туда, куда ехали, там их встретили, как полагается.

– Вот это нам по душе! – порадовались им те, к кому они прибыли.

Закончилось санопитие. Принесли на прощание стременной кубок и вручили его Сосруко.

– Хоть вы и вручили его мне, старшинство принадлежит Насырен-Жаке, – сказал Сосруко и передал кубок Насырен-Жаке.

Сказал тот хох, выпили...

– Теперь мы поедем, Сосруко, – предложил Насырен-Жаке.

– Поторопимся навстречу тому, кого мы оставили, – решили они и с тем двинулись в путь.

Ехали они иноходью, ехали рысью, доехали до того кургана.

– Как ты, как ночевал, не проголодался ли? – спрашивали они.

– Насчет еды я не очень, больше увлекаюсь подвигами, – ответил тот.

– Ну что же, тогда тронулись, нам предстоит путь, – сказали они. Оседлали лошадей и поехали.

Ехали-скакали, ехали-скакали. И когда немало проехали, тот спутник, что оставался на кургане, остановил их и сказал:

– Насырен-Жаке, я вам не назначу такого долгого срока, как вы мне, но обязательно нужно, чтобы вы просидели здесь два дня и две ночи, – так он распорядился. – Трогай теперь вперед, Беломордый могучий, чтоб тебя волки съели! – сказал он так и поехал.

Отправился он *<за добычей>* на морской остров, вывел оттуда *<альпов>* каракуланов, а на следующий день успел возвратиться.

– Хоть вы и не удостоили чести мое ожидание, теперь поехали домой, сказал он, и так они тронулись в обратный путь. – Насырен-Жаке, ты старейшина, как мы позволим тебе возвратиться домой с пустыми руками! Эта добыча досталась при посредстве моего коня, не побрезгуй этим и возьми мой подарок, – сказал он и отдал ему каракулана.

Услышав это, Сосруко Смуглый очень обрадовался и одобрительно сказал про себя: «И слово упрека нам бросил, и конем добытым одарил».

– Насырен-Жаке, если это прилично, спроси-ка его, разузнай, есть ли у него супруга, – попросил он.

Когда тот сказал это, Насырен-Жаке спросил *<у спутника>*:

– Путь наш долгий, если не посчитаешь неприличным, хотел бы я спросить тебя о кое-каких хабарах.

Тот всадник, встреченный в пути, был Шаум, сын Канжоко.

– Говори, как говорится, в вопрошании нет неприличия, – ответил он. А когда узнал о намерении того, добавил: – Если про это спрашиваешь, то я не имею супруги.

– В таком случае, если посчитаешь ее достойной себя, я бы выдал за тебя свою сестру, – предложил Сосруко.

– Аллах-аллах, очень хорошо. Тогда мы породнимся! – воскликнул Канжоко.

– Мы рады иметь тебя родственником.

– В таком случае в качестве платы я отдаю второго альпа.

– Мы согласны, берем тебя в зятья, выдать за тебя мою сестру считаю прекрасным.

Итак, Насырен-Жаке *<оказался>* в свидетелях. Платой стал альп, и Шаум отдал его. Затем ударили по рукам и, сказав, «Дорога предстоит дальняя», двинулись в обратный путь.

Добрый путь проехали и достигли развилки дорог.

– *<Теперь>* расспросим друг друга и разъедемся, – сказал Насырен-Жаке. – Мы тебя взяли в приемные зятья, теперь скажи нам, откуда и чей ты будешь?

– Я из рода Канжоко, сын *<свирепой>* Нарыбгей, единственный ее сын, зовут меня Шаумом.

– Ну что ж, Канжоко, насчет дня увоза невесты наш с вами день – пятница, – так решил Сосруко.

* * *

– Сосруко Смуглый, муж черный, железноокий, он злу научен и добру наставлен, может быть, они меня и обманули, а поэтому отправлюсь-ка *<туда>*, – решил Шаум.

С этим он садится на коня и едет к Сосруко. Слез он со своего Беломордого могучего, открыл дверь конюшни, завел его туда. Услышав звук открываемой двери, альп могучий оглянулся и грозно двинулся на Беломордого. Шаумей достал бронзовую плеть и ударил ею альпа могучего: «Ты добыча Беломордого могучего, что же ты ему грозишься!», — прикрикнул он. *<Потом>* он сложил плетку вдвое и тайком, незаметно для девушки, вошел в дом.

— Аллах-аллах, ты по-настоящему дорогой гость, добро пожаловать, — приветствовала его девушка.

— Я уж вошел. А где же Сосруко Смуглый, муж черный железноокий, злу наученный и добру наставлений? — сказав, так спросил вошедший.

— Того, о ком ты спрашиваешь, три дня как нет дома, — ответила она.

— Я и так вижу, что его нет дома, ну а где та, что дома сидит? — спросил он, намекая на мать.

— Соседи позвали к себе, сейчас схожу за ней, — сказала *<девушка>*.

Женщина робко шарит под кроватью и достает пару обуви. Затем она поворачивается к гостю спиной и выходит. Канжоков сын краем глаза следит за ней: «Женщина, что вышла, чуть прихрамывает»,⁴ — говорит ей вслед. С этим он снимает *<игральный>* инструмент и начинает сочинять:

Нарт Сосруко,
Дом твой пуст,
Где мать твоя, мне неизвестно,
Ты мне срок назначил,
И, оказалось, соврал,
Сестра твоя, что вышла,
Чуть прихрамывает,
А сам Сосруко привирает, —

вот так, напевая, он сидел, а тем временем мать девушкиозвращается и входит, а в доме, куда она вернулась, интересный человек сидит.

— Мать, ты можешь обо мне и не знать, я приехал за твоей дочерью, говорит он. — Пусть она, долго не задерживаясь, наряжается. Сегодня — день, назначенный мне, и я должен уехать с исполненным долгом.

Тут мать плачет, девушка, плача, наряжается. Взял он девушку за руку, вывел из дома, подвел к двери конюшни и там поставил, затем на своего Беломордого могучего сел, поднял девушку, выехал — и был таков.

Немного времени спустя возвратился Сосруко. Мать в слезах выбежала навстречу:

— У тебя больше нет сестры, — сказала она.

— Не плачь, мать, женщина досталась тому, кому она принадлежит.

— Что это ты говоришь, что, она дарственная овечка, что ли?

— Нет, мать моя, я ее неспроста за него выдал, ей цена тот альп с раздвоенной головой. А спросишь, мать моя, чей он сам, он не из нартского племени; как я понял, он из рода Канжоко,

зовут его Шауеем, это единственный сын <свирапой> Нарыбгей. Мать моя, не плачь много по ней, пусть богу будет угодно, чтобы она оставила тебе здесь счастливую пяту [добрый след], пусть твоя дочь станет залогом доброго породнения двух наших сторон, – сказал он так, и на том все закончилось.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-н. Пасп. № 5. Исп. Хажбара Казиев: 1881 г.р., с. Плановское Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 20.03.1949 г. Х. Шогенов. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой контаминацию двух сюжетов, из которых первый относится к циклу нарта Сосруко, второй – к циклу Шауея. Достойно внимания, что в целом смешение двух сюжетов носит органический характер, чему способствует сквозной образ нарта Сосруко и связь с таким характерным явлением, как нартская хаса с санопитием.

1. Конкретная форма реализации мотива испытания героя; часто встречается в вариантах сказания о первом появлении героя (Сосруко, Бадиноко / Шабатыныко на хасе нартов).

2. Мотив более типичен для вариантов пшинатля о первом появлении нарта Бадиноко на хасе нартов.

3. Мотив оставления героя на морозе (иногда «забывания» о нем) характерен в адыгском фольклоре для циклов преданий историко-героического плана. Здесь он используется как прием испытания.

4. В некоторых вариантах рассказывается, что девушка от волнения забыла один подследник, что наблюдательный герой не преминул подметить и отразить в своих куплетах.

10. НАРТ ШЬЭУАЕ ИКІЭЛЭГЪУМ КЬЕХЪУЛІЭГЪЭ КЪЭБАР

Нартхэм зы кіэлэ чан горэ Шъэуай ыщІэу яIагъ. Мо кІалэр тэ кІощтми, сыд ышІещтми изакъоу зэшІуиххэу, изакъоу шакІо кІоу, ыкІуачІэкІэ зыщыгугыжъэу хъугъэ, иштыхъуи дэхэкІаеу Нартые ышІугъ. Ар зышІоигъуи зышІоигъуаджи нартхэм къахэкІыгъ. Арыти:

- Нарт Шъэуае илІыгъэ зэдгъэшІэн фae, – аIуагъ.
- Нарт Ерыщэкъо-хафэ къахэкІи:
- Мы Іофым сэ сыфэжъугъаз, – ыIуагъ.
- Сыдэуштэу илІыгъэ зэбгъэшІештэ? – аIуи еупчІыгъэх.
- Іууж сихъанышь зыдакІорэм сыдэкІощт, ышІехэрэр зэзгъэлъэгъущтых, – ыIуагъ Ерыщэкъо-хафэ.
- Хъау, арэуштэу уизакъоу ыуж уихъэ хъуштэп, – аIуагъ нартмэ. – Укъильэгъумэ, ыуж зэрэзепфэрэм пае, пыигъэ къыуиплъы-

нышь, лажъэ къыуихыщт. Зэрэкупэу тылтыплъэшт. Нафэу ыуж титышт нахь, шъэфэу ыуж тихъаштэп. Зы нэплъэгъукІэ пэчыжъэу тылтыкІощт.

Ерыщэкъо-хафэ ащ зи къыхиIухъагъэп, ау игопэ шІэгъуагъэп.

— Ay, Ерыщэкъо-хаф, — ыIуагъ куп тхъэмэтэм, — о ыдэжь уехъэ-уекІышь. Шъэуае зIугъакІи тиунашь лъыгъэIэссыжь. Шу зышIэрэм шIу фагъэшъуашэ. Ау зыщыткІэ изытет тшIэмэ, етпэ-сыщтри тшIэн.

Нартхэм яIо-заIоу щытыгъэти Ерыщэкъо-хафэ ащи зи къыхиIухъагъэп. Ежьи нарт Шъэуае дэжь кIуи унашьоу щыIэр риIуагъ.

— Тижъымэ аIуагъэм сэ зи къесIолIэжьырэп. Ахэмэ игъокІэ зэдаштагъэр сэрыкІи игъу, — ыIуагъ нарт Шъэуае. — Пчэдыжьы, бгъэшхъо огъум дэжь, тиIэгу сыдэкІы. Лабэ Iут къамылым сыготэу мокІэ сыкІощт, — ыIуи IапэкІэ къыригъэлъэгъугь.

ЗэриIуагъэм тетэу нарт Шъэуае иIэгу къыдэкІи, мытхъытхъы-хэу къамыл рекIолIым гуиубыти ежагъ. Мыдирэ нарт шыу купыри лъыдэкІыгь, плъэмэ алъэгъоу кIэкIэу ыуж аубыгъгь. Арэуштэу бэрэ-бэрэ кIуагъэх. Игъэпсэфыгъо къемэкIэкIэу икIо къебэкIэу, ащ тетэу нарт Шъэуае макIо, мыдирэ шыу купыри лъэкIо. Аузэ купым зиши пшъыгъэхэр къахэкІыгь.

Тхъэмэфэ зы-tIу кIуагъэхэу, къамыл Iушьо горэм нарт Шъэуае нэссыгь. Ащ дэжь къамылым пхырыкIыкIыгъэу, шы лъэ-уужышхо гори иIэу ылъэгъугъэти, иши епсыхи, шы лъэуужыр къамыщыкIымкІэ зешым, ащ къамыщыкIыр иуцуагъ.

Ахэмэ апылтыфэ нэс, нарт шыу купыри къынэссыгь.

— Хэта джы мы къамылым хахъэу мы ужыр зи ужышыр къы-зэригъэлъэгъоу къыхэкIыжьыщтыр? — ыIуи джащтэу яупчIыгь.

Купыр зэплъи-къызэплъижыгъэ нахь, зыми зи къыIуагъэм. ЕтIани къафигъязи къяупчIыгь:

— Джаш изакъоу хахъау а шы иныр къызэригъэлъэгъоу къыхэкIыжьырэр лъым ыкIоцI лъы ит, — ыIуагъ.

— Ашыгъум сэ сыхэхъашт, ау джы мы чIыпIэм шъуимыкIэу къэсэгъэзэжьыфэ шъукъысэжэшт. Непэ мэфэ щэкI хъугъэ зыщыцьуIоным къэзгъэзэжьыщт. Мэфэ щэкIым зехъукIэ, шъукъызэрэкIуагъэр шъушIэжьыщтмэ, жъугъази шъукIожь. Ащ нэс мы къамылым пшыпIэхэр хэштүшIыхьи шъухэс, ащ шьо шъушхын ик'ун хэжъугъотэшт. ХъяркIэ! — ыIуи Шъэуае иш ешэси, еуи къамылым хэхъагъ.

Еомэ зыригъэхъэу, шы ужым итэу кIозэ, чэшищэ мэфи-щэ кIуагъэу зэплъэм, къамылым ыгузэгу упкIагъэу, ащ зы унэ къэлэчэукIэ къэшIыхъагъэу ылъэгъугь. «Тхъам симыукIи, мы унэр къамыл гузэгум зыкIитыр сыда? Хэта ащ исри?!» — ыIуи нарт Шъэуае инэу ыгъэшIэгъуагъ. Еуи къэлэчэум нэси щагум дахьи шыр шышIоум рипхыгь. ХъакIэщым ежыри ихъагъ, тIэкIурэ щы-сыгъэу нэрэ Iапэрэ Пэпихэу нахь дахэ дунаим къытэмыхъуагъэу пшъашъэ горэ къихъагъ, къихьи:

— Фэсапщ! — ыIуи Шъэуае ыIапэ къыубыти, зэкIакIуи уцу-жыгъэ.

— Сыда адэ мыр? О уиунэ къамыл гузэгум хэтэу, о уизакъоу уисэу сыд ар зытехъухъарэр? — ыIуи еупчIыгь.

— Бой къюсІон, — ыIуи пшъаштэм къыригъэжъагъ: — Сэ ильэсипшI нахь сыныбжыгъэп мы унэу сзыэрсыр сята сфишIи, сыкъици сзыригъэтIысхъагъэр. Ар ауштэу зыкIишIыгъэр сята иш уж ымыгъэшынэу къыхахъарэм, хэти щэрэц, сиритыщт. Ары сипIэлтагъэр. Арышъ, о укъыхэхъагъ джы сята иши уж ымыгъэшынэу. Джы къыусIорэм тетэу узекIощт, — ыIуагъ пшъаштэм, — къамыл гъунэм къышебгъажы садыжь укъэсифэ къэпкIугъэм фэдиз джыри укIощт. Унэшхо горэм уIукIешт. Уинасыпмэ, сята имысэу уIукIэн, сянэ а унэм исышъ, занкIэу сянэ дэжь уихъашт. ЕтIанэ узэрэзекIощтыр эзкIэ сянэ къыуиIощт. Джаш къызэриIоу зекIо. Джы сыкIон шомэ гъогумаф! — ыIуи гъогу гъомыли къыритыгъ.

Нарт Шъэуае къэшэси къежъагъ, къеомэ-къакIозэ чэщищэ-мэфишэ къэкIуагъэу ящэнэрэ мафэм унэшхо горэ къамыл гъунэм Iутэу къынэсигъ. ЗанкIэу щагум дахьи, иш шышиоум рипхи мо пшъаштэм янэ зэрысым занкIэу ихъагъ. Ныор къыфэтэджи ыгъэтIысигъ, тIэкIу ыгъэшхагъ. ЕтIанэ ныом къыригъэжъагъ:

— А укъэзгъэкIуагъэр сэ спхъу. Джа зыр ары бынэуи тхэкIыгъэр. Мо пшъаштэм ышхъя къэштэгъуи римыгъафэу лIыжъым ышци ридзагъэу ис а унэм. Бышхыни щыгъыни щигъакIэрэп, ау джащтэу изакъоу ис. Аш фэшI сэ сыгу лъыр пэзы, кIо джы ежьми ыIотэжъын, тэри зыдгъэпсэфыжъын. Арышъ, джы узэрэзекIощтым къедэIу. Мары лIыжъым икъэкIожыгъу, аши узильэгъукIэ укъишиIещт, унэм къызихъажькIэ шьузэдэшхэшт. Ар ежьим ишэн. ЕтIанэ шьузышхэрэ ужым къыуиIощт: «НекIо, тихъакIэ, тIэкIу зыкъэтплъыхъашт», — ыIонышь урищэжъэшт. ЕтIанэ былымэу иIэр къуигъэлъэгъущт. «Ахад», — ыIонышь къыуиIощт, ау уахэмыд. Зыпари къыIымых. «Сыда адэ ар зытепшIыхъарэр? Мощ нэсэ укъикIыгъэубылымумыфэуукIожыщта?» — ыIонышь уригъэзышт. Ау о аштэу еIу: «Уиши нэмыхI зыми сифаап». Джары епIощтыр. ЕтIанэ зэкIэри къыуигъэплъыхъахэу тIэкIу зызыжъугъэпсэфыкIэ: «Джы некIо, тыкIожыщт», — ыIонышь къыуиIощт. Ар къыуиIоу шьукъызежъажькIэ, ыуж зыкъигъани уиш къамыц щэ огъу къехи къыбгъодэлъяди аштэу еупчI укъачьэ тетзэ: «Шыубадзэ ыкъо Темэншыу, упэ пакъэ зышигъэр сыда?» — Iуи. Уинасыпмэ, уиубытынэп! УзиубыткIэ, псасоу уIэкIэкIыжыщтэп. Джаштэу къепIоу къызкIэпхъукIэ: «Къэуцу зэ спэ пакъэ зышигъэр осIощт», — ыIоу къызыпкIэлъыджэкIэ, о къэуцу, ау пари зимыIокIэ занкIэу садыжь къэкIожь.

Мо ныом гүңциIэр къыухыгъэ къодыуеу унэу зэрысхэр къэгырзыгъ.

— Мыр сыда? — ыIуи нарт Шъэуае ныом еупчIыгъ.

— Темэншыу къэсийжъигъ, — ыIуагъ.

Ар къыIогъэ къодыуеу тхъам ынае щыфагъэу нахь ин шы къемыхъугъэу джарэу тесыри шьэджаштэу нарт лIыжтыр къидэхъажыгъ. Иш шышиоум зырепхым, щыдыр махъушэм гобгъеуцомэ сид фэдэна, хъакIэм иш джааш фэдагъ! ЕтIанэ лIыжъыр унэм къихъажы хъакIэм шIуфэс къырихыгъ, мыдрами фэтэджи, иджэуап рихъижъигъ. ТIэкIурэ гүңциIэхэу щысигъэхэу, ныом Iанэ къыхыгъ. Мэлтыр зэрэпсаоу гъэжъуагъэу, пастэу аш дэхъужыщтыри игъусэу Iанэм тель. Бахъсимэ кIэдэ цыкIуи къыхьи къыгъэууци, ныор адэр унэм Чэхъажыгъ.

— Джы тәкілу тыгъашх, — Темәншыу ыңуи, шхәншыр рагъэжъагъ. Шъәуае фәшхыштыр ышхи пәкіңжыгъ, адәм къупшъхә-лъашхъэмә ягъузә къыгъәнә шағын щымыңәу мәлүр ышхыгъ. Ащ бахъсымә бжъә зыт-ңу тырикіңжыкъ.

Тәкілурә щысыгъәхәу етіланә лыжъым къыңуагъ: «Некіо, тихъакіә, тәкілу зыкъәтпілъыхъан», — ыңуи. Арти нәбгыритур шәсүхи къыдәкіңжыгъ. Шъофым ихъагъәхәу клохәзә мәл ғахъогъушом ңүкіңжыгъ. Арти, мо лыжъ шъеджашъэр онәгүм зандау къиуцуишъ ыңеджадәхәр ыукъудый (къәзыңуатәрәм къегъәлъагъ) мощтәу ыши:

— Джы мы мәләу плъәгъурәр зәкіәри сәры зыер. Арышъ, узыфаем фәдиз пыфи фы, — къыриңуагъ.

Мыддырәм зи ыңуагъәп.

Етіланни джащ фәдиз хъоу чәмхәр къыригъәлъегъугъ. Ахәми ablækіыхи шымә адәжъ нәсигъәх. Нәм къылъегъурәр — шы. Джарәу шыбәре былымыбәре иңагъ. Етіланә мо літіумә тәкілу зызағъәпсәфим:

— Некіо, тихъакіә, джы тыгъәкіожъ, — ыңуи къежъәжыгъәх.

Къаклохәзә мо нарт лыжъым гу лыримыгъатәу, ежъ Шъәуае ыуж зыкъыригъани иш къамыщ щә оғыу рихи, лыжъым бғодәлъади аштәу еупчіңжыгъ:

— Шыубадәз ықъо Темәншыу, сыда упә пакъә зышыңжыгъэр? — ыңуи.

— АІ анасын, сыкъәуукі! — ыңуагъ. Ардәдәм исәшхо къызгуихи нарт Шъәуае къызлъедзым, лыым темыфәу, шым тефи, ықіәпщ къыгуиупкіңжыгъ.

Етіланә лыжъыр кіелъыджағъ:

— Къәуцу спә пакъә зышыңжыгъэр ослошт, — ыңуи.

Арти, нарт Шъәуае къәуцу лыжъыр зыкіңжәхъажыгъ. Шым ыко лъыр къечъәхәу лыжъым зельегъум, уц дәгъу ыңыгъти шифи, шыр ыгъәхъужыгъ.

Зәготхәу шыуитур къәкіожыхәзә, лыжъым хъәбарыр къыригъәжъагъ:

— Сыкіаләу апә къесщағъэм зы чәшү нахъ сидимысыгъәу иныжъ зәшиштыр къакіу сиңүз ахыгъ. А иныжъ зәшиштыри моу мычыжъәу щысых. Арти, шүзәу ахыгъэр къатесхыжынәу цыфәу бә есщәліңагъэр. Зәкіәри къауқі сә зи къисамыңоу сыкъагъәкіожыгъ. Сә сизакъоу нәбгырә зырызәу згъотхәмә сапырикъущт, ау ар ежъхәми аштәшъ зырызәу зысагъәгъотырәп. Аузә цыфәу язгъәкіодыліңагъэр бә. Ары хъу къәсми, нәпс гуаор къыкіәзә джары спә пызыхыгъэр. Джы ныюу унәм исыр ятіонәре шүз, адә сиңүшә шүз джыри иныжъимә аңыгъ. Арышъ, нычәпә зыдгъәпсәфын, пчәдышъ иныжъимә адәжъ тыкіощт.

Унәм икъәссыжыгъом къәбарыри къыухыгъ. Чәшүм дәгъоу загъәпсәфи, пчәдышъимә ежъәхи иныжъимә адәжъ кіңуагъәх. Джай нәмиспагъәхәу куандә горәм дәжъ къыщыуцухи, лыжъым нарт Шъәуае аштәу къыриңуагъ:

— Сә моу сиңүштырт, о кіо. Қуи иныжъимә адәжъ: «Шъулымә шұукъыдәкі!» — ыңуи, етіланә о къәкіожъ. Ау, сид фәдизкіи үкъыздемыл, ахәр зырызәу къызыңохәкіә, сә сапырикъущт.

Ар къызыре^Лом нарт Шъэуае ежы иныжъмэ адэжь к^Луагъэ. Къэблачъэм зы^Луахъэм, иныжъ зэшишымэ чэм горэ аук^Лыгъэу зэ^Лахы пэтэу ылтъэгъу^Г. Ет^Ланэ нарт Шъэуае иныжъмэ яджагь:

— Тыгъужъ нэк^Лыгъэу чэмым шъутебэнагъэу ышъо тештьотхы. Непэ шъуихъадэгъу къызэрэссыгъэр шъумыш^Лэрэм фэд! Арэу шъул^Лы дэгъумэ моу шъук^Лыдэк!

Ар ы^Луи ежь л^Лыжъым дэжь къэк^Ложыгъ. Къэк^Ложы куандэм зыхигъэбылтыхъагь. Адрэ иныжъмэ анахыжъым аштэу ы^Луагъ: «А л^Лыжъ делэм джыри зыгорэ къыгъэдели къыгъэк^Луагъ. Модэ к^Луи ышъхъа къахъ», — ы^Луи анахык^Лэм ри^Луагъ. Анахык^Лэр къэшэси къыдэк^Лыгъ. Къак^Лозэ Темэншыу зыхэт куандэм къызэсым, мыдрэр арти зыфаер, къыхэк^Ли нэбгырит^Лумэ зызэраусэии зэзахээ иныжъыр ы^Лук^Лыгъ. Ет^Ланэ л^Лыжъым иныжъыр куандэм хилташьуи къэк^Лощтым ежэу Йыстыгъэ. Аузэ адрэ к^Лэльзык^Лорэр нахык^Лэм къылтъежъагь: «Тхъам симыук^Ли, сидэу мыр бэрэ къэтра?» — ы^Луи. Ари а куандэм къызэсым, л^Лыжъыр къыхэк^Ли, еуи ыпсэ хигъэзыгъ, ишы тырипхыхъажьи ыут^Лупшыжъыгъ, адрэ анахыжъыр къызэрэк^Лонэу. Иныжъмэ анахыжъыр къаплъи ышнахык^Лэ гурытыр шым тельэу къызелтэгъум, ишыпэбзыджынит^Л маш^Лоу къарихырэмэ уцхэр алыгъозэ къежъагь. Ет^Ланэ л^Лыжъым аштэу къы^Луагъ:

— Джы къак^Лорэр ары узш^Ломык^Лыщтыр. Мы иныжъит^Лоу сиук^Лыгъэмэ к^Луач^Лэу ахэлтыр джы мы къак^Лорэм изак^Лоу хэль. Арышь, о укъэмыхъий, сэ сизак^Лоу сезэошт.

Дунайр ыгъахъээзэ къызэсым мо л^Лыжъыр къыш^Лэжьи:

— АI, сыхэу^Луи, уинасып къыстек^Луагъ! Зырызэу тыуубытыгъ джы, — ы^Луагъ.

Зээзоныр рагъажьи, сэшхок^Лэ зэзахээзэ л^Лыжъыри хъазырэу къыгъэпшгыгъ. Иныжъыми п^Лант^Лэр зэрик^Лыхъэу, к^Лэрау хъугъэ. Нарт Шъэуае зэк^Лэри елтэгъу. Аузэ ет^Ланэ иныжъым Темэншыу къыриути, исэшхо зышъхъащхъэм, Шъэуае а дэдэм куандэм къыхэлтэти иныжъым къеуи къызэхигъэфагь.

Л^Лыжъыр къэтэджыжъыгъ. «Джы слыи сп^Лэжьыгъэ», — ы^Луи. Иныжъмэ ящагу к^Лохи кур къызэк^Лаш^Ли, ишъузэу иныжъмэ агъэпшэрыхъау алыгъыгъэр кум къырагъэт^Лысхьи, къеохи л^Лыжъым дэжь къэк^Ложыгъэх.

Къызэк^Ложхэм, адрэ ныори гуш^Луагъэ:

— Дэгъоу Дэнэф-гуаш^Ле янэ къэштүщэжъыгъ, тызэфэк^Лэш^Лыгъоу тызэдэпшэрыхъаазэ тшын! — ы^Луагъ.

Еуи Шыубадэ ык^Лоу Темэншыу тхъамэфэ ешхэ-ешъо ыш^Лыгъ. Ет^Ланэ л^Лыжъым аштэу нарт Шъэуае къыри^Луагъ:

— Б^Л-хыы, джы спхъу Дэнэф-гуаш^Ле осэты, усимиахъуль, ускъу. Сык^Лэк^Ложын пломэ уфит, сэ жьы сыхъугъ, сиши осэтыжьы.

Ежым къыфэфынц былымыр къырити, ахэри къырифыжьи штъашъэм дэжь къек^Луал^Ли, ари ишыпл^Лэ къыдигъэт^Лысхьи къежъэжъыгъэх.

— Непэ мазэ хъугъэ! — а^Лозэ, нарт Шъэуае къамылым къыхэк^Лижьи мыдрэ нарт плтэк^Ло купмэ адэжь къэсэжьыгъ. Еуи купри къыздырищэжъэжьи къежъэжъыгъэх. Къеомэ къак^Лохээ яхэгъуашхъэ къызэссыжхъэм мэз чапэм былымхэр рифыл^Лагъэх.

Къэбаргъэу горэ чылэм ыгъэкъуагъ: шы фаер, чэм фаер къыдэрэкI, – ыIуи. Чылэм дэсир цыкъуи, ини, хъульфыгъи, бзыльфыгъи къыдээрэхыгъ. Цыфэу къыдэкъыгъэ пэпчь шы зырыз, чэм тIуритIу, мэлэу тфырытф аритыгъ. Мыдрэ купэу игъусагъэми дэгъоу былымкIи мылтыгукIи дэгъоу яти, шъхъадж иунэ екъужыгъ. Лыжъым ыпхъу дахэу Дэнэф-гуашэр нарт Шъэуаеигъусэу унагъо ышIэнэу ригъэжъагъ.

Ар нарт Шъэуае икъэлэгъум къехъулIэгъагъэу къялотэжъы.

Аш фэдэу лыгъэу хэлтыр нартхэм загъэунэфым къинэужы, хасэр зэхэтIысхан хъумэ, зы лы фэдэу Къанджэк'о Шъэуае къеджэхэу, куп хахъэмэ лыхъужьыбжъэр къырапэсэу хъугъэ.

КАБАР О ТОМ, ЧТО ПРИКЛЮЧИЛОСЬ С НАРТОМ ШАУАЕМ В МОЛОДОСТИ

Был среди нартов один смелый юноша по имени Щауай. Куда бы он ни ходил, что бы он ни делал, он научился делать один: ходил на охоту один, рассчитывал только на свои силы, – и слава (молва) о нем разошлась по всей Нартии. Были среди нартов такие, кого это радовало, были и такие, кому это не нравилось. Тогда сказали нарты:

– Мы должны испытать нарта Щауая на храбрость!

Вышел тогда суровый нарт Ерышыко и предложил:

– Предоставьте это дело мне!

– Каким образом ты испытаешь его на храбрость? – спросили его <нарты>.

– Буду ходить за ним по пятам всюду, куда бы он ни пошел, буду высматривать все, что он будет делать, – ответил суровый нарт Ерышыко.

– Нет, один ты не сумеешь ходить за ним, – сказали нарты. – Увидит, догадается, что ты ходишь за ним по пятам, сочтет тебя врагом, несдобривать тебе потом. Будем ходить за ним вместе. Ходить мы будем за ним открыто, втайне от него не будем <этого делать>. Смотреть будем, не упуская его из поля зрения.

Суровый Ерышыко ничего не сказал, но ему стало неприятно.

– Но, суровый Ерышыко, – сказал тхамата <нартов>, – ты больше общаешься с ним. Встреться с Щауаем и передай ему наше решение. Тому, кто делает добро, добром отвечают. А раз так, если мы его будем знать лучше, будем знать и то, как с ним вести (держать) себя.

Пока нарты говорили, суровый Ерышыко и тут не проронил ни одного слова. Сам же он отправился к нарту Щауаю и передал ему принятное <нартами> решение.

– Я не смею что-либо добавить к тому, что сказали старшие. То, что они сочли нужным, нужно и мне, – сказал нарт Щауай. – К утру, когда только орел соберется взлететь, я выйду с нашего двора. Поеду вдоль камышовых зарослей, <что растут> у Лабы, – и показал их руками.

Как и было сказано нартом Щауаем, он вышел со своего двора, неспешно направился к камышовым зарослям и взял <свой>

путь. Эти нарты тоже пошли вслед за ним, держа за ним поле видимости. Так они долго-долго шли. Мало отыхая, скака много, нарт Щауай едет своей дорогой, и эти нарты не отстают от него. Но вскоре у некоторых нартов лошади стали отставать.

Спустя одну-две недели, нарт Щауай достиг какого-то предела камышовых зарослей. И тут он увидел огромный конский след, что исчезал в камышах. Он *<быстро>* спешился, измерил конский след своим кнутовищем, и он оказался ему впору.

Пока он присматривал все это, нартский отряд вскоре настиг его.

— Кто теперь войдет в эти камышовые заросли и разузнает о коне, кому принадлежит этот след и вернется назад? — спросил их *<Щауай>*.

В отряде все посмотрели друг на друга, но никто ничего не сказал. Тогда *<Щауай>* снова обратился к ним и сказал:

— Тот, кто войдет туда, увидит того коня и вернется, тот настоящий мужчина.

— В таком случае, я войду туда. Но вы, пока я не вернусь, должны будете ожидать меня на этом месте. Ровно на тридцатый день *<моего отсутствия>* я вернусь. Если по прошествии тридцать дней *<я не вернусь>*, возвращайтесь обратно, если только вспомните дорогу назад. Но до тех пор сделайте в этих камышах место стоянки и ожидайте меня, там вы найдете достаточно еды. До встречи! — с тем сел Щауай *<на своего коня>* и скрылся в зарослях.

Долго ли ходил, но идя по конскому следу три ночи и три дня, он присмотрелся и увидел скошенную *<поляну>* в камышах, и дом, огороженный каменным забором. «Да накажет меня Бог, почему этот дом стоит посреди камышовых зарослей? И кто в нем живет?» — сказал Щауай и очень удивился. Дойдя до каменного забора, он вошел во двор и привязал своего коня к коновязи. Сам вошел в хачец, куда, прождав совсем немного, вошла какая-то девушка неописуемой красоты.

— Фэапщ! — приветствовала она его за руки, и, сделав шаг назад, стала *<перед ним>*.

— Что это значит? Как это получилось так, что твой дом стоит одиноко посреди камышовых зарослей, а ты живешь в нем одна? — спросил *<Щауай>* ее.

— Охотно расскажу, — ответила девушка, и начала *<свой рассказ>*. — Мне было всего десять лет, когда дом, в котором я *<сейчас>* живу, построил для меня мой отец. Сделано это было потому, что он решил отдать меня тому, кто, не побоявшись следа коня моего отца, придет сюда, независимо от того, кем он будет. Теперь ты дальше будешь поступать так, как я скажу, — сказала девушка, — начиная с *<этого>* конца камышовых зарослей, ты проедешь дальше столько же, сколь и прошел, едучи сюда. *<На пути>* тебе встретится большой дом. Если повезет, не застанешь моего отца дома, но там находится моя мать, к ней ты прямо и войдешь. Как тебе дальше поступать, скажет мать. Сделай так, как она тебе скажет. А теперь, если думаешь пойти дальше, счастливого пути тебе! — приготовив гомылу, с тем и проводила она его.

Нарт Щауай сел на коня и поехал дальше. Долго ли шел, пройдя дорогу в три ночи и три дня, на третий день он увидел одинокий большой дом, что стоял у камышовых зарослей. <Щауай> сразу зашел во двор, привязал своего коня к коновязи и вошел в ту половину дома, где сидела мать девушки. Старая женщина встретила его, пригласила сесть, и немного накормила. Потом женщина сказала:

— Та, что послала тебя ко мне, моя дочь. Она единственный наш ребенок. Не успела она посмотреть толком на этот мир, как старик заточил ее в том доме. И еды и одежды у нее вдоволь, но она живет так одна. Болит за нее мое сердце, но теперь она обязательно заживет хорошо, и мы успокоимся. А теперь послушай как тебе нужно дальше поступить. Настает час, когда должен вернуться старик, увидев тебя, он поймет, кто ты такой. Зайдя в дом, вы сядете вместе за стол. После того как покупаете, он скажет: «Пошли, гость наш, осмотримся немного», и выведет тебя. Потом покажет тебе всю скотину. «Выбирай!» — скажет он тебе, но ты ничего не выбирай. Ничего не бери у него. «Тогда, что ты намерен делать? Придя в такую даль, ты уйдешь назад, не угнав никакой скотины?» — скажет он, и начнет настаивать. Но ты скажи ему: «Кроме твоего коня мне ничего не надо!» Только это и скажешь. После того как вы осмотритесь и <присядете> отдохнуть, он скажет: «Теперь пошли, вернемся в дом».

Собираясь в обратную дорогу, ты отстань от него немного, ударь кнутом своего коня трижды, подскочи к нему и спроси его на скаку: «Теманшу сын Шубадза, кто это тебя тупоносым сделал?» Если повезет, он не схватит тебя. Если схватит, живым не уйдешь от него. Как только ты ускользнешь от него, он прокричит тебе вслед: «Стой, я скажу тебе, кто сделал меня тупоносым!» Ты остановишься, но если он ничего не скажет, возвращайся сразу ко мне.

Не успела она закончить свои слова, как дом, в котором они находились, стал трястись.

— Что это? — спросил старуху нарт Щауай.

— Теманшу вернулся! — ответила она.

Как только она произнесла эти слова, если только не разгневался на него Бог, на огромном коне, какого свет не видывал, возвратился такой же могучий нарт-старик. Привязал он своего коня к коновязи. Как будет выглядеть ишак, если его поставишь рядом с верблюдом, так и выглядел конь гостя! Старик вошел в дом и поприветствовал гостя, тот тоже встал и ответил на приветствие. Они посидели немного, разговаривая, когда вошла старуха и внесла ана. На нем лежала сваренная целиком баранина и паста, достойная ее. Внесла она бочонок бахсымы и поставила рядом, а сама старуха ушла в другую комнату.

— Теперь давай немного поедим, — сказал Теманшу и начал есть. Щауай съел столько, сколько смог, а другой, обгладав рожки с ножками, съел всю баранину. К нему он добавил два-три рога бахсымы и снова сел.

Посидев немного, старик предложил: «Пошли, гость ты наш, осмотримся немного!» С тем они оседлали коней и выехали. Прогуливаясь по полю, они встретили огромные отары овец. И тут

могучий старец, привстав с седла, раскинул руки (сказитель показывает руками) и сказал:

– Все эти отары, что ты видишь, принадлежат мне. Бери, сколько хочешь, и погоняй!

<Щауай> ничего не ответил.

Затем он показал <Щауаю> большие стада коров. Прошли и мимо них. Достигли табунов лошадей. Куда ни посмотришь – всюду лошади. Вот такими богатствами он обладал. Отдохнув немножко, старик сказал <Щауаю>:

– Пошли, гость, вернемся в дом.

Незаметно для нарта-старика Щауай чуть отстал, и, ударив трижды своего коня кнутом, подскакал к старику и спросил:

– Теманшу сын Шубадза, что за случай оставил тебя тупоносым?

– Анасын, убил же ты меня! – сказал <в сердцах старик>. Выхватив шашку, бросил в нарта Щауая, но не попал в него, задел ляжку коня и ранил его.

Затем старик окликнул его:

– Стой, я скажу тебе, кто сделал меня тупоносым.

Щауай остановился и подождал, пока старик его не достигнет. Старик, увидев ляжку коня в крови, взял лекарство, что было при нем, и излечил коня.

Возвращаясь вместе назад, старик начал свой хабар:

– В молодости, когда я не проводил больше одной ночи со своей первой женой, напали на нас трое братьев-иных и унесли ее. Эти трое братьев-иных живут тут недалеко. С намерением отобрать у них свою жену, я повел против них много людей. Перебив всех, меня отпустили, ничего не объяснив. Я сумею их одолеть по одному, но они это знают, потому и не попадаются порознь. Так от их руки погибло множество людей. Не в состоянии сдерживать горестные слезы каждый раз, мой нос <...?>. Та женщина, что сидит в доме, моя вторая жена, та, другая, <о которой я говорил>, моя первая жена, до сих пор она находится в плену у иньх. Отдохнем сегодня ночью, а завтра утром пойдем к иньхам.

К приходу домой <старик> закончил свой хабар. Отдохнув хоршенько ночью, собрались утром и поехали к иньхам. Не доходя до их <жилища>, они остановились у какого-то куста, и старик сказал нарту Щауаю:

– Я буду ждать тебя здесь, а ты иди. Иди и скажи иньхам: «Если вы мужчины – выйдете!», – а сам возвращайся. Но, если они выйдут по одному, ни в коем случае не смей помогать мне, я одолею их.

Выслушав эти слова, нарт Щауай пошел к иньхам. Подойдя к воротам, <Щауай> увидел как трое братьев-иных раздевались только что зарезанную корову. Позвал тогда нарта Щауай иньх:

– Подобно голодному волку вы срываете с него кожу. Как будто не чувствуете, что сегодня вы умрете! Если вы такие храбрые мужчины выходите сюда!

Сказав это, сам вернулся к старику. Вернулся и спрятался в кустах. А старший из иных сказал: «Видимо, тот глупый старик кого-то опять надоумил и направил к нам. Пойди-ка, принеси его

голову!» – и послал младшего. Младший сел на коня и вышел. *<Иныж>*, доехав до куста, где они сидели, а те только этого и ждали, выскочили и в драке убили иныжа. Затащил старик иныжа за кусты и стал ждать следующего. Немного погодя, средний вышел на поиски младшего: «Да не убьет нас Бог, как долго же он отсутствует?» И он только успел дойти до куста, как выскочил старик и убил его. Бросил его на седло коня и отпустил обратно. Старший из иныжей, увидев лежащего на седле среднего брата, вышел *<со двора>* с сыплющимися из ноздрей искрами, от которых травы воспламенялись. Тогда старик сказал:

– Тот, который сейчас идет, очень силен. Силы тех двоих, что я сейчас убил, есть в нем одном. Но ты не двигайся, я один буду бороться с ним.

Иныж прибыл в страшном гневе, узнав старика, сказал:

– А, ошибся я, ты победил меня! По одному одолел ты нас!

Начали биться, бились шашками, и вскоре старик стал давать признаки усталости. Иныж, весь в поту, стал биться сильнее. Нарт Щауай все видит. Вскоре иныж повалил с ног Теманшу, только занес он над ним шашку, как выскочил из-за куста Щауай и убил иныжа.

Старик снова встал. «Теперь я отомстил!» – только и сказал он. Войдя во двор иныжей, они запрягли арбу, посадили туда его жену, что иныжи держали у себя как кухарку, и возвратились домой к старику.

Старуха, встретив радостно вернувшихся мужчин, сказала:

– Как хорошо, что вы вернули мать Danaф-гуаши, теперь вместе будем готовить еду!

Теманшу сын Шубадза устроил пир на целую неделю. Сказал потом старику нарту Щауаю:

– Ы-хи, теперь отдаю тебе *<в жены>* Danaф-гуашу, теперь ты мне зять, стал сыном. Ты волен поступить так, как хочешь, я уже состарился, и коня своего отдаю тебе.

Отдав ему столько скотины, сколько мог угнать, *<Щауай>* прибыл к девушке, посадил ее на круп коня и возвратился назад.

– Сегодня ровно месяц *<с тех пор как он уехал>*! – говорили уже, когда Щауай вышел из камышовых зарослей и вернулся к ожидающим его нартам. Собрались они в обратный путь. Вскоре *<нарты>* приблизились к родным землям. *<Щауай>* погнал всю скотину к лесу.

Послали вестника в аул: пускай выходят те, кому нужен конь, нужна корова! И стар и млад, и мужчины и женщины понеслись из аула. Каждому *<Щауай>* отдал по одной лошади, по две коровы и по пять овец. И всех нартов, что были с ним в походе, он одарил щедро и отпустил по домам. А дочь старика – красавицу Danaф-гуашу – он повел к себе в дом, чтобы зажить с ней семьей.

Вот что рассказывают о нарте Щауае, и о том, что приключилось с ним в молодости.

Нарты, испытав таким образом его на храбрость, стали звать на Хасу Щауая сына Канджа, и каждый раз, когда он посещал компанию, ему подавали кубок храбреца.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. V. С. 59–65. Исп. Харун Курыжев: 1919 г.р., а. Хачемзий Адыгей; чемгуй. Зап. 10.10.1968 г. Р. Унарокова. Перевод на русский язык М. Табишиева.

Текст представляет собой вариант сказания о сватовстве и женитьбе нарта Шауя. Стиль повествования и многие другие его особенности типологически сближают цикл о данном герое с богатырской сказкой.

11. НАТ ШЬЭУАЕ ШЫКЪЭФЫЖЬ ЗЭРАДЭКИОГЬАГЬЭР

Нат Быщэжъый, нат Орзэмэс, нат Лыхъур алоу гьогу тэхъанхэу ежъэнхэу агу къэкIи, нат Сэджъэмыкъо Шьэуай нэмыкIырэ кIыпIэ горэм, кIо хэгъегу штьхъаф горэм щыIэти, макъэ къырагъэIи, къылъяIопицыгъ: «ЗекIо тежъэцти, къежъ», – аIи Iошъхъэ пIуалъэ къыфашигъэти, Iошъхъэ пIуалъэм екIугъ нат Сэджъэмыкъо Шьэуаер.

Шьэуаер Iуашъхъэм къекIолIагъэу тэлъызэ, чэшым къесыгъ. Шьэуае кIэкIо кIэгъым кIэгъуалъхи, зэрэчыягъэм тэтэу осым кIигъесыягъ. Щыпэфыжъ – щы пельуаныгъифом ышъхъэрэ ытхысIэрэ осым къыхэпс къодьеу, арэу лъэшэу къесыгъ.

Нат Быщэжъый, нат Орзэмэс, нат Лыхъур алоу Iуашъхъэм къызэсихэм, Щыпэфыжъым ытхысIэ къыхэпсы къодьеу, Iуашъхъэм тэтэу алъэгъугъ. Залъэгъум, щым тэс Саджъэмыкъо Шьэуаер осым кIигъесэгъяпэу хисап ашIыгъ. Арыти, (епль аш агу къэкIыгъэми!) Шьэуае ишыпэфыжъ къатыгъунэу зэхальхъагъэ. (ЛыкIо зыфаши, къашэгъэ гъусэм етыгъожыштых! – еIо къэзыIотэжъыре АкIэгъу Ибрахимэм).

Нат Быщэжъый сlyкIоу, псыкIьэу, кIошъакIёми фэкъолаеу Ѣытыти, щэр къыIуищынэу ар агъэкIуагъ.

Быщэжъые осышъхъэшьо кIыIум тэтэу Ѣыпэфыжъым екIошъагъ. Щым дэжь зыIохъэм, Ѣыпэфыжъым къышши, къэпэшхъагъ. Щыр къызэпашхъэм, Сэджъэмыкъо Шьэуай къэущыгъ.

Шьэуай, осы кIэгъым къыкIэтэджыникIи, кIакIоу техъуагъэр къызеутхыпкIым, нат Быщэжъые кIиухъумагъ.

Нат Шьэуае къэщэси, адэ къеджъэрэ Ѣыухъэу, джьюа Iошъхъэ лъапсэм пэмычыжъэу къежъехэрэмэ адэжь, къылъэгъухи, къэкIуагъ. Къахыхъагъ:

– Ярэби, – къираIуагъ, – нат Быщэжъые уадэжьы къэтIофытэгъагъ, тыкъызэрэсигъэр къыуиIонэу, ау къыгъээжьыгъэп, къехъулIагъэр тшIэрэп нахъ. (Ыгъэштагъэхи: «Уиши къедгъэтыгъунэу дгъэкIуагъэ» аIорэп, «къэтIофтагъ» аIо нахъ, – еIо къэзыIожъырэм).

– Ар сшIэгъахэп, ашыгъум ар чыжъэу ѢыIэп, – ыIи, нат Саджъэмыкъо Шьэуае псыкIьэу къыгъээжьи, Щыпэфыжъым

ыбгъэгуджъэ осэр зэИифызэ Йуашхъэм къекІолІэжьи, джъа ежь Шъэуае зыдэшылтыгъэ кІышІэм, кІакІор зеутхыпкІым осIатэу щызэттириухъумагъэм екІуалІи, еІи, щым зэрэtesэу еІэбэхи, мо Шъэуаер осы кІэгъым кІэлаби, нат Быщэжъые ижь макІэ хъугъэу къыкІилтэштүжьи, игъусэмэ адэжь къыххыгъыгъ.

ЕтІуанэ, аш нэужьым зэдэшсэхи, иныжъимэ адэжь кІуагъэх. Нат ящи отэрэу иныжь зэшиблымэ афыгъагъери къаты-рахыгъи, къафыгъыгъ. Иныжъимэ яхэкІошху щыбз Іехъогъум ахэтІушхъагъэу ахэтыгъери къыдафыгъ. Щэу къафыгъыгъэхэр загошчжым, Саджъэмымкъо Йахыджъэ къайхыгъэр иныжъы яхкІо зак'ю ныІэп.

Аш фэдэу гъэхъагъэ яІэу, иныжъхэмэ атакІохи, къизагъээжым ыужь кІо зэбгырыкІынхэ фаеу рэхъугъэх.

Саджъэмымкъо Шъэуаер лы лъещ-лъихъужьти, ар нат Орзэмэсы благъэ ышЫы шІоигъоу, иппашъэ ритынэу риІуагъ. Пшъашъэр пшъашъэ дэхэ пшъашъэ дэгъути, Шъэуае фэмычэф дэдэ нахь мышІэми, куп щытэу пшъашъэр зыфагъэштуашэм, «сыфаеп» фэІуагъэп.

– Шъыдыгъо укъэкІона? – ыІуи Орзэмэс къызеупкІым...

– Тхъаумафэр, е блыпэр, е щэмбэтэр, е бэрэскэжьиер, бэрэс-кэфор е мэфэкур, е гъубджэр. А мэфиблымэ ашыщ горэм тэфэу сыкъэкІон, – риІуагъэ нахь, мыш фэдэ мафэр ыІоу тэубытагъэу пшылъэ фишЫыгъэп.

Пшъашъэр къыратынэу къызыраIом, аш, ипэгъокІэу иныжь яхакІоу Йахыджъэ къыкІагъэр, нат Орзэмэсы рити, ытІушчы-жыгъ.

Ежь нат Шъэуай, Щыпэфыгъым тэсэу рэкІожьыгъэ.

Нат Орзэмэс къызэкІожым, хъэбарэу щыІэр ыпхъу риІуагъ, Сэджъэмымкъо Шъэуай къызыкІощт мафэр ашІэрэпти, зыгорэджэ амышІэу къыдахъэмэ, емыкІу къамыхынным фэш, хэтыми къыдахъэрэд дэгъоу ахъэкІэнэу, егугъунхэу нат Орзэмэсы афигъэпытагъ.

Къыдахъэрэр, ежхэр зэжжэрэ Саджъэмымкъор арэу ашІошЫизэрэ, лъещэу егугъухээ мэфиблыри блэкІи, етІуани ма-фэмэ къыкІагъэзахъыгъыгъ, Къыдахъэрэм ешІушІэхээз эзэшхи, нахь къагъэлэлагъ: хъатэу апымылтыгъыхээ, мафэ горэм, тхъау-мафэм, щыу горэ къыдахьи, щышІоу лъапсэм щэр рипхыгъ. Ежь щым тесэр шьое-циьеу фэпагъэу, кІо тэплъаджъэу зишЫи, пшъашъэм дэжь ихъагь.

– Тян, пшэстэкІэ Йанэрэ къупшхъэ-лъапшхъэрэ къэнэ-жыгъэмэ мы тхъамыкІэм къетыри, егъещх, – ыІуагъ пшъашъэм.

ПшэстэкІэ Йанэрэ къупшхъэ-лъапшхъэрэ къызыфехым, зыгорэ кІимыгъэзэу, къупшхъэ-лъапшхъэмэ ямыгъоу, зэтэри-гъэпхъапхъэу ыщхи, Йанэрэ зэкІигъэкІожьыгъэ.

Дэпкъым пылтэгъэ щыкІэпщынэр нат Саджъэмымкъо Шъэуае къыпхи, дахэу орэд къыригъяIоу зэхъум, пшъашъэм янэ ыпхъу къеджьи къыриІуагь:

– Мы щыкІэпщынэм къыригъяIорэр оцІа, сипшъашь?

– СшІэрэп, орэд къеІо, – ыІуагъ пшъашъэм.

– Орэд къодыиеп:

Сэ сыпІэстэкІэ Йэнэшхэп,

Сыкъупшхъэ-лъэшхъэшхэп,

Ау Йэнэ хэмьІэ сиІэп,

ШъуимыІэмэ шъуилажьэп, – ело.

Мы лэр арын фае тызыпаптъэрэр, – ело ныом.

Къызэрашлагъэр зешім Шъэуае къэтеджьи, къикілыжыгъ. Шыпэфыжъым дәжь зылохъэжым, Нат Саджъэмымкъор губжыгъэти, «Щышлою узэпхыгъэр къыхэч», – ылуи, Шыпэфыжъым зыхаом, къикілырыуи, щкомлаклоу щышлою лъапсәм зэрепхыгъэмдже натмә ящышлоу пытәу егъашім афәмыгъәхъыу хәтыгъэр къыхичыгъ.

– Щышлоуэр натмә Іуарэхыжь, – ылуи Шъэуае, шаум дидзи, къәщесыжыгъә къодыеу, Орзэмес къыдәхъажыгъ.

Фебләгъәжынәу земыдәм:

– Аңыгъум, нат Саджъэмымкъо Шъэуай, хаклоу къитәптыгъэм тытетісіхъан тлъекірыепи, тфәгъәлас, – ылуи Орзэмес нат Шъэуае къельәгу.

– Ар шъуфәсшін, – ылуи Саджъэмымкъор щәщым Іухы, сәхибл зытетәр Іуигъечи, иныжъы яхакло зиукілыжъзә ешәси дәкілыгъ. Дунаер къызәхъуи, сұғи хъәйуани хәмыхағъәу, хъекіекъуакі хәмыхағъәу, хәхъани амылтәкілынәу темәнүжъ горә натмә яләти, иныжъы яхакло зытесәр аш хигъәзыхъи, пхырықі къипхырыкілыжыгъ. Копкъышхъэмә адифызи, иныжъы яхакло ыңғәнәлтъищ зәпикі, щәр аритыжыгъ.

А щым нахь дәгъу нат Саджъэмымкъо Шъэуае Іәкіхъәгъэн, ау пшъаштъэм пае натымә аритыгъахәти, къайхыжынәу, кіелъәгужынәу зәрипесыжыгъәп.

Пшъаштъэр щытыми, щәр нахь ильраплоу ары зәрәштыгъэр. Ау щәр ымыгъөтүшкүнәу зәхъум, натымә амышхъапәнәу ыші, аритыжыгъ.

– Шъыдәу щыт, щы хъущта? – ылуи къызеупкілыхәм:

– Шъорыдҗәэ льеу ңәнәлтъищ хәлтүти, ишәр хәсхыгъ, къенагъэр натхәмдҗәэ икъущт. Щы шъо шъуфәхъун, ау сәспікіодыгъ, – къарилуи пшъаштъэр ыщи, рәкіложыгъә.

КАК НАТ ЩАУАЙ ПОЕХАЛ ВОЗВРАЩАТЬ ПОХИЩЕННЫХ ЛОШАДЕЙ

Задумали как-то нат Быщажый, нат Орзамес и нат Тлиху идти в поход, а так как нат Саджамко Щауай находился в дальних краях, разъезжал по чужим землям, известили и его, сообщили: «Мы собираемся в поход, поезжай с нами!» и назначили ему встречу у <одного> кургана. Нат Саджамко Щауай явился к сроку.

Щауай, прибыв к кургану, улегся на нем, <ожидая натов>; ночью пошел <снег>. Щауай улегся под бурку и заснул, <вскоре> его вовсю замело снегом. Щипафижа – богатырского коня – тоже покрыл снег, только видны были его голова и спина, так много выпало его.

Прибывшие к кургану нат Быщажый, нат Орзамес и нат Тлиху смогли увидеть Щипафижа, занесенного снегом по голову и спину. Увидев его, они решили, что Саджамко Щауая полностью накрыл снег. Тогда (смотря, до чего они додумались!) они решили

увести Щипафижа Щауая. (Решили обокрасть того, кого позвали <в путь-дорогу!> — замечает сказитель Ачегу Ибрагим).

Так как нат Быщажый отличался небольшим ростом, был более ловким, мог подкрасться незаметно, послали его увести коня.

Быщажый, ползая по поверхности снега, подполз к Щипафижу. Как только он подобрался, Щипафиж, почуяв его, заржал. От ржания коня проснулся и Саджамко Щауай.

Щауай, приподнимаясь из-под снега, встряхнул накинутую на себя бурку, отчего ната Быщажыя полностью занесло снегом.

Щауай, увидев тех, кто ожидал его у подножья кургана, сел на коня и направился к ним. Подошел.

— Яраби, — сказали ему <наты>, — мы направили к тебе ната Быщажыя, чтобы он сообщил о нашем прибытии, но он до сих пор не вернулся, так и не знаем, что с ним случилось. (Те, испугавшись его, не смогли признаться, что хотели увести его коня, говорят, что направили его известить <об их прибытии>, — говорит сказитель).

— Я этого не знал, в таком случае, он не может находиться далеко, — сказал нат Саджамко Щауай, и, развернувшись в обратную сторону, стал добираться до кургана, разгребая снег грудью Щипафижа. Добравшись до того места, где лежал сам Щауай, он подошел к снежной горке, что образовалась от встряхивания бурки, и, не слезая с коня, сунул руку под снег, вытащил еле дышащего ната Быщажыя и привез его с собой к спутникам.

После этого, все сели на своих коней и отправились к иныжам. Они отобрали у семерых братьев-иныжей весь табун лошадей, что были похищены у натов, и погнали назад. Погнали они и породистого жеребца иныжей, что находился в табуне кобылиц. Когда они делили меж собой пригнанных лошадей, Саджамко взял себе только одного жеребца иныжей.

После возвращения из удачного <похода>, одолев иныжей, пришло время расходиться натам.

Так как Саджамко Щауай был храбрым и отважным мужчиной, а нат Орзамес хотел завязать с ним более тесные связи, тот и решил выдать за него замуж свою dochь. Девушка слыла красавицей, и хотя Щауай не совсем был рад этому, в присутствии людей он счел неприличным отказываться и не смог сказать «нет, не хочу».

— Когда придешь к нам? — спросил его Орзамес.

— В воскресенье, или в понедельник, или в субботу, или в среду, в пятницу или в четверг, а может и во вторник. Приеду в один из этих семи дней, — только и ответил он, конкретного срока так и не назначил ему.

На предложение руки девушки, он, в свою очередь, отдал нату Орзамесу жеребца иныжей, который достался ему в качестве трофея, и отпустил его. Сам нат Щауай поехал <домой> на своем Щипафигже.

Вернувшись, нат Орзамес рассказал дочери хабар о Саджамко Щауае. А так как никто не знал в какой день он придет, нат Орзамес строго-настрого наказал, чтобы все были наготове к его неожиданному появлению, и, чтобы не опозориться, приказал быть внимательными ко всем гостям, быть обходительными с ними.

Кто бы не приходил <к ним в дом>, в надежде, что он есть ожидаемый Саджамко, принимался с большим почетом, и так прошли все семь дней, начались дни второй <недели>. Однажды, к уставшим обходиться <со всеми гостями> полюбовно, и несколько ослабившим бдительность, заехал какой-то всадник и привязал своего коня к коновязи. Сам всадник, одетый в лохмотья, ну притворился он неприглядным, вошел к девушке.

— Тян, если остались крошки от пасты и рожки да ножки, принеси этому бедняку и накорми его, — сказала девушка.

Как только принесли ему немного пасты и рожки с ножками, он не отказываясь, не гладя рожки с ножками, кое-как дотрагиваясь до них, поел и отодвинул от себя стол.

Сняв висевшую на стене шичепщину, Саджамко Щауай стал издавать из него красивую музыку. Мать девушки позвала свою дочь и сказала ей:

— Ты знаешь, что эта за музыка?

— Нет, <просто> играет музыка, — ответила девушка.

— Не просто играет. Она говорит:

Я не из тех, кому подают крошки от пасты,

Не из тех, кто гладят рожки да ножки,

Но и не из тех, кто не притрагивается к <поданному> столу,

Если <нечем> накормить, вины вашей нет!

— Видимо, его мы и ожидаем! — заметила старая женщина.

Щауай, догадавшись, что его узнали, встал и вышел.

Подойдя к Щипафижу, рассерженный нат Саджамко ударил коня и приказал: «Вырви коновязь, к которому ты привязан!» Щипафиж дернул свои удила, что были привязаны к древней коновязи натов, и вырвал его из земли, ту самую коновязь, что не могли даже пошевелить.

— Пускай <этую> коновязь сами наты убирают! — сказал Щауай и бросил ее во двор. Не успел он сесть на коня, как вернулся Орзамес.

Он пригласил его <в дом>. <Щауай> отказался от приглашения.

— В таком случае, нарат Саджамко Щауай, укроти коня, что ты нам дал, а то никак не можем сесть на него, — попросил Орзамес ната Щауая.

— <Согласен>, я сделаю это! — сказал Саджамко. Он подошел к конюшне, отворил все семь засовов, и, оседлав разбушевавшегося жеребца иных жеребец, ускакал.

<На земле> натов было одно болото, куда со дня сотворения мира ни одна земная тварь, ни одно животное не появлялось, вот туда и погнал <Щауай> жеребца иных жеребцов, заставил пересечь его вдоль и поперек. Сжав бедра, <Щауай> сломал три ребра у жеребца иных жеребцов и вернул его <хозяину>.

Нату Саджамко Щауаю попадались кони и получше, но так как он его отдал ради девушки, не захотел он вернуть его себе обратно, посчитав это поступком недостойным себя.

Какая бы ни была девушка, но конь был для него дороже. Но когда получилось так, что <Щауай> теряет коня <навсегда>, он

сделал так, что он стал бесполезным для натов и вернул его им <без трех ребер>.

— Ну как, выйдет из него конь? — спросили его.

— У него было три ребра, лишние для вас, я их удалил, а то, что осталось — хватит натам. Вам он послужит, но для меня потерян, — ответил <Щаай>, взял девушку и уехал.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. V. С. 86–89. Исп. Ибрагим Ачегу: 1875 г.р., а. Панахес Адыгей; шапсуг. Зап. в а. Афипсин 14.07.1949 г. Ю. Тлюстен. Перевод на русский язык М. Табищева.

Основные мотивы данного текста типичны для цикла сказаний о нарте Шауе. Таковы испытание холодом, сватовство, добывание богатырского коня. Основное отличие в конкретной форме воплощения мотива. Так, при объективации мотива испытания использована гиперболизация: герой настолько занесен снегом, что его вовсе не видно, но когда он стряхивает снег со своей бурки, то как бы ненароком заносит одного из нартов вместе с конем. Этот прием использован и при описании пребывания героя в доме невесты. Примечательно пренебрежительное отношение нартов к герою и его ответное вызывающее поведение после того, как обнаруживается его превосходство над ними.

12. НАРТ КЪЭРЭШЫУЕЙ ФЫЗ КЪЫЗЭРИШАМ И ХЪЫБАР

Къэрэшыуей гупышхуэ зэришарт. Ежъэну и гупыр зэхүишэсихукли, яжырилэрт:

— Шу закъуэ фыхуэзэкли, «И закъуэш», — жыфлэу фытемыгушихуэ, шу гупышхуэ фахуэзэкли, «Куэд мэхъу», — жыфлэуи фашымышынэ, — жицэрти.

Арати, зэгуэрым Къэрэшыуейр а хабзэм тету и шу гупыр и гъусэу ежъаш. Ар машцэрэ къиа, куэдрэ къиа, зы шу закъуэ яльэгъуаш. Шу закъуэр Къэрэшыуей и гупым щальагъум, шууипшц хүэдиз хъууэ яужь зыкърагъэнаш, шу закъуэр яхъунцлэн мурад ялэу.

Къэрэшыуей и гупыр и гъусэу шу закъуэм флэхъус ирахри, зэблэклахэш. Куэд ямыкъиа, Къэрэшыуей и гупри зэхэпсыхаш.

Шууипшц зыкъыкъэрызыгъэхуам я деж шу закъуэр зэрынэсу, яубыдаш, яхъунцлэну.

— Фи гугъу сцлышкъым, си гугъу къэвмышц. Сыныволъэи, си гъуэгу сривгъакъи, — жери лъэиащ шу закъуэр.

— Жицэр сыйт? — жицэри и шы Гумплэр шаубыдым, зацэцлиудри яхэлъэшчихъу Ѣидзаш. Шууипшцыр зырызыххэу зэтриудри, шыми трипхэжри, япэ иригъэувэжри илихужъаш, здэклуэм здихуну.

Къэрэшыуей и гупыр шышэсыжым, зэплъижхэри – шууипшI къэтт.

– ЗыштышIЭкIэ шыдгъэкIуэдаши, сэ къэзгъуэтыхынш, къэзмыгъэзэжым, фэри нэвгъэзэжи фынэкIуэж! – жиIэри, унафэ яхуишIри Къэрэшыуей къиIуэнтIэжащ. Күэд къимыкIуу, шу закъум шууипшIыр къихуу къыкIэшыхааш.

– ГъуэгуфIыжь апщий! – жиIаш Къэрэшыуей.

– Упсэу апщий! – къыжриIэжащ шу закъуэм.

– Ярыби, мыхъэр си гъусэш, дауэ хъуа? – жери еупшIаш.

– СахъуншIэну хуежъати, къайхъулIакъым, – жиIаш шу закъуэм.

– Мы зэм яхуэгъэгъу, къызэтыж, иужькIэ сэ апхуэдэ абыхэм езгъэшIэжынкъым, – жиIаш Къэрэшыуей.

– Уи хъетыркIэ хуит сцIыжынш, ахъумэ тхъэ сIуат сыздэкIуем здэсхуну, – жиIэш шу закъуеми, къритыжааш.

Къэрэшыуей шууипшIыр къитIэтэжри къиутIыпшыжааш, унэм къэкIуэжынхэу. Езыр шу закъуэм зыкъыбгъэдигъянэри еупшIаш, здэкIуэмкIэ.

– Къэрэшыуей и къуажэм сокIуэри, умыщхъэхым, ныздэкIуэ, – жиIаш шу закъуэм.

– Ар пхуэзмышIэм, сыйт пхуэсшIэн, – жиIэри Къэрэшыуей шу закъуэр къришэжъааш.

Къуажэм и гъунэгъу зэрыхъуу шум жиIаш:

– КIуэ, Къэрэшыуей деж дыхыи еупшI, зы ильэскIэ сигъэхъэшIэфынрэ симыгъэхъэшIэфынрэ. Ильэсым и кIуэцIкIэ жэш къэсихукIэ си шым зы мэкъу Iэтэрэ зы нартыху пуртэ ишхын хуейш. Сэ жэш къэсихукIэ зы мэлрэ абы хуэфэшэн пластиэрэ сихын хуейш. Апхуэдэу сигъэхъэшIэфынумэ, себлэгъэнуш. СимыгъэхъэшIэфынумэ, себлэгъэнукъыми, схуеупшI, – жери шу закъуэм Къэрэшыуейр къыдигъыхъэжааш.

Къэрэшыуей зыри жимыIэу къыдыхъэжри и адэжь Къуагуэ ечэндджэшщааш:

– Мыращ, зы хъэшIэ къысчуэкIуашчи, жиIэр, схуэгъэхъэшIэн, хъэмэрэ емыкIу къэсхыну пIэрэ? – жиIэри.

Къуагуэ гупсысэри жиIаш:

– Къегъэблагъэ, уэ мы къуажэм мэл Iэхъушэрэ, шыбз хакIуашшIэрэ былымрэ зумыта дэскъым. Дэ дийэр тхуримыкъум, абыхэм къуатыжынш зыгуэр, – жери.

Къэрэшыуей дэжри и хъэшIэр къригъэблэгъааш. ХъэшIэр хъэшIэшымкIэ игъэкIуаш. Езыри и дежкIэ щIыхъэжри, нэгъуэшI щыгъынкIэ зихуапэри хъэшIэм и деж щIыхъааш.

– Си хъэшIэр еблагъэ! – жиIэри.

ХъэшIэми къыхуэмышIыхужу къегияш:

– ХъэшIэ узэриIэр щыпшIЭкIэ, нелъандэрэ щхъэ укъышIэмыхъэрэ? – жиIэри.

– Къысчуэгъэгъу, нэхъыжь хъэшIэ сиIати, абыкIэ сыщыIаш, – жиIаш Къэрэшыуей.

– Иджы, Къэрэшыуей, сэ сзыыхуейр уошIэ уэ, – жиIаш хъэшIэм.

– СоцIэ, – жиIаш Къэрэшыуей.

– АтIэ, зэманыр дымыгъэкIуэдын папшIэ, нобэ щыпшIэдзауэ си шым жыхуэслар етын хуейш. Сэри жыхуэслар згъуэтын хуейш.

Си шым езым хуэдэ шхэгъу иІэн хуейш, сэри шхэгъу сиІэн хуейш, – жиІаш хъэшІэм.

– Сэ уэ шхэгъу сыпхуэхъунц, уи шым шхэгъу хуэхъуни ухуейм, накІуэ, къахэтхынц сишхэм, – жиІери, Къэрэшыуей и хъэшІэр игъэшэсри дэкІаш.

Шы гъубажэ кІехухэм яхыхъэри, яхигъаплъэри – шы хъун яхигъуэтакъым. ПиЦэгъуалэ гупым яхишэри, абыи яхигъуэтакъым. Шы къарэ гупым яхишэри, аргуэрим яхигъуэтакъым. Къагъэзжауэ къышыкІуэжым, Шыджэмидэжыр и закъуэу хъуакІуэу джабэм кІэртыу щалъагъум, хъэшІэм жиІаш:

– Мис мор хъунущ шы, си шым ар иІэн хуейш, шхэгъуу, жиІэ и уасэр ети къещэху ар, – жери.

– Арсишц, уи шым шхэгъу хуэхъунумэ, содэ, – жиІери, Шыдже-мыдэжыр къишэжри бгъэдигъеваш хъэшІэм и шым.

Мэкъу Іэтэ зырыэрэ нартыху пут зырыэрэ ябгъэдильхъаш. Езыри, хъэшІэм зы мэл хуиукІщ, езыми зы мэл иукІри, хъэшІэм дэшхэу бгъэдэгІысхъэжааш.

Мазих щрикъум, Шыджэмидэжым и Іыхъэр ишхыу хуе-жъаш. Къэрэшыуей и Іыхъэр ишх хъуаш. ХъэшІэми, хъэшІэм ишми зы жэщи иратам щыщ зыри зэй къелатэкъым. Мазих нэужьым Шыджэмидэжым мэкъу Іэтэмрэ нартыху путымрэ хуримыкъу хъуаш. Къэрэшыуей мэлэр зы жэшым хуримыкъу хъуаш.

Апхуэдурэ Къэрэшыуей и хъэшІэмрэ и шымрэ игъэшхааш. Ильэс щрикъум, шэсахэш. МазэкІэ я шыхэр зыхуэфІ ящІахэш, дэкІ-къыдыхъэжурэ.

– Иджы, дежъэнц, Къэрэшыуей, – жиІаш хъэшІэм.

– Дежъэнц, – жиІещ Къэрэшыуей, зыщІакъузэри дэкІахэш.

МазэкІэ кІуа нэужьым, тенджыз тІуашІэм дыхъахэш. ЗыщІыпІэ увыІэпІэ ящІри щепсыхахэш. ХъэшІэр бгъээнщЛагъ гуэ-рым щЫхъэри зы шэмэдж, зы гуахъуэ кІыхъ, зы гуахъуэ кІэшІ, уадэ, сыйдж, пхъэ сэмпар, зы лэгъупыжъ къышІихааш.

– Иджы, Къэрэшыуей, сэ мазэкІэ сымыжайуэ хъунукъым. Уэ бэлэрыгъ уимыІэу мэкъу еуэ. Мазэм и кІуэцІкІэ мэкъу пып-хъуиц ину гъэув. Сыкъэтэджыным мэхуиц иІэу щІэдзи мы лэгъупыжъымкІэ махуицкІэ мэкъущІещ зэхэгъавэ. МэкъущІещыр бдзантхъэу зэхэва нэужь, сэ сыкъэгъеваш, – жиІери хъэшІэр гъуэлъаш.

Къэрэшыуей мазэм и кІуэцІкІэ, дэплъеям, и пыІэр щхъэ-рыхуу, мэкъу пыпхъуиц игъэуваш. Къэтэджыным мэхуиц иІэжу лэгъупыжъыр фІидзэри мэкъущІещ зэхигъэваш. А мазэм и кІуэцІкІэ хъэшІэм зимыгъазэу жеящ. МэкъущІещыр хъэзыр щыхъум, бдзантхъэм хуэдэу зэпыш щыхъум, хъэшІэр къигъэушаш.

– Хъэзыр? – жиІери къызэфІэгІысхъаш хъэшІэр.

– Псори хъэзырш, – жиІаш Къэрэшыуей.

ХъэшІэм и шыр къиубыдри бдзантхъэ хъуа мэкъу щІещыр щихуэм, иутІыпщыжрэ шыжъым пшахъуэм зыхигъэуکІурьеурэ, пшахъуэр къыкІэрыпщІурэ, апхуэдэурэ лэгъупым илъу хъуар иухыхуу, щихуаш. Үанэ трилъхъэш, зэшІикъузэри жиІаш:

– Иджы, сэ мы псым сикІынущ. Пищыхъэшхъэ кІифІ зэ-рыхъуу, зы пыпхъуэм мафІэ едз. Жэш ныкъуэ щыхъум и деж, етІуанэми едз. Жэшыбг фІэкІа нэужь, псым хэплъи, тхъурым-

бэ хужь къищІмэ, сыкъокІуэж, тхъурымбэ хужь къимышІмэ, сыкъекІуэжыркъыми, укъысшымыгугъуу кІуэж. Ауэ тхъурымбэ хужь къищІмэ, аркъэнныр къащти псы Іуфэм хъэзыру щыт. Япэ къикІ хакІуэр аркъэнымкІэ убыди, сэ сыкъесыхукІэ, Ыгъ, – жиІэри псым хэпкІэри зэпрысыкІаш.

КлыфІ зэрыхъуар ару, Къэрэшыуей зы пыпхъуэм мафІэ иридзащ. Жэшыбг зэрыхъуу, етІуанэми иридзащ. Псым еплъри, тхъурымбэ хужь къищІырти, ешанэ пыпхъуэми мафІэ иридзри, Шыджэмыйдэжым шэсри, аркъэнныр игъэхъэзырри псы Іуфэм Іуващ.

Псом япэ иту зы хакІуэ къарэ, и пэ бзийм мафІэр кърихуу, къижаш. Къэрэшыуей хакІуэр ирихужъещ, бгъурыльадэри аркъэнымкІэ къиубыдащ. Шыхэр хакІуэм и ужь иту кърихури хъэшІэр къикІыжащ.

– ХакІуэр бубыда? – жиІаш, къызэрикІыжу.

– Сыгъщ, – жиІаш Къэрэшыуей.

– УмутІыпшу накІуэ, – жиІэри, хъэшІэм шыр къызэшІиугъуаери, къежъэжахэш.

АршхъэкІэ Къэрэшыуейм хакІуэ къарэр ИэшІэцІэфтри щІэпхъуэжащ. ХъэшІэр хакІуэм кІельшишІэпхъуэри и кІэр кІэ дакъэм деж щыхуэзэу, и тхъекІумитІыр пиупшіри иутІыпшыжащ. Куэд дэмүкІыу, хакІуэ къарэм зы иныжь тесу къигъэзэжащ, иныжыр хъуанэ-Цанэу.

– Куэдрэ умыхъуанэ-умыцІанэу дызэгъэзау! Япэ уэгъуэр узотри къауэ! – жиІаш хъэшІэм.

Иныжьым и сагъындакъыр зэІуидзэри къэуащ. ХъэшІэр дэлтэйри сагъындакъышэр и бэкъу зэхуакумкІэ дигъекІаш. ХъэшІэм и сагъындакъыр зэІуидзэри иныжьым и натІэгум зыхригъэупшІаш. Иныжьыр зэрхуэхыу, хакІуэ къарэр аргуэрү щІэпхъуэжащ. Куэд дэмүкІыу, хакІуэ къарэр къэсихаш, аргуэрү нэгъуэшІ зы иныжь тесу, ари нэхъ Иеижу шхыдэу.

– Фыз нэхъеий умышхыдэу къауэ! – жиІаш хъэшІэм.

Иныжьыр къышыуэм, хъэшІэр дэлтэйри и бэкъу зэхуакумкІэ дигъекІаш. Езым и сагъындакъыр зэІуидзэри, иныжьым и натІэгум зыхригъэупшІэри ириудыхаш.

ХакІуэ къарэжьыр ешанэрэйуя яІэшІэкІри кІуэжащ.

– Иджы, зы закъуэ щыІэжш, абы и хабзэр хэтІэ-хэсэ джэгуну араши, абы сыкъельым, дыкІуэжынш, – жиІаш хъэшІэм.

Абы хэту къэсаш пшІэгъуалэ тесу Иныжьыр, мафІэ бзийр къыІурихыу, дэпшр зэуэ-зэуэу къыІурихыу:

– Дэ ди шыр яхун я гугъэу къакІуэрэ щыта нарт зэшиблыр дукІаш. Шыпхъу закъуэ яІэщи, къэкІуэфынукъым. Ядэ-янэр жы хъуащ, гъуэгыури нэф хъуащ. Къэрэшыуей жыхуаІэу зи гугъу зэхэтхыр уэрмырауэ пІэрэ? – жиІээрэ.

– Къэрэшыуейр сэракъым, Къэрэшыуей ухуейми, ари си гъусэш. Куэд жумыІэу, дызэгъэзау! – жиІаш хъэшІэм.

– Сэ си зэуэкІэр хэтІэ-хэсэщи, япэ щыІкІэ дишхэр зэдгъэзэуэнш, атІанэ хэтІэ-хэсэ дыздэджэгунш, – жиІаш иныжьым.

Я шитІыр зэраутІыпшири зэрагъэшхащ. Иныжьым и пшІэгъуалэр къепхъуэхукІэ, пшахъуэр къыгуичу, хъэшІэм и шыр епхъуэхукІэ, пшІэгъуалэм и лыр къыгуичурэ пшІэгъуалэр ишхащ.

— КъакIуэ иджы уэ дэрэ хэтIэхэс дыздэджэгунщ, — жиIэш иныжьми, зэрыбуыдахэш.

Иныжьыр къэIэбэри хъэшIэр щыым къыхутеIэтыкIакъым. ХъэшIэр Iэбэри, иныжьыр къиштэри и лъэгуажьэм нэс щыим хитIаш. Иныжьыр къэIэбэри, хъэшIэр къиштэри и лъэтхъэпэм къэс щыим хитIаш. ХъэшIэм иныжьыр къиштэри и бгырышхыпIэм нэс хитIаш. Иныжьым хъэшIэр и лъэгуажьэм нэс хитIаш. Ещанэ Iэбэгъуэм хъэшIэр Iэбэри иныжьыр и блэгушIэм нэс хитIаш.

— Къащтэ уи хъэдзэсэр, — жиIаш хъэшIэм.

Къэрэшыуей и хъэдзэсэр хъэшIэм ириташ. ХъэшIэм иныжьыр фIигъэжри IэммыцIибл иныжьылту ирифащ.

— Иджы, бийуэ дилэр дыухаш. НакIуэ, — жери, шыр къызэшIагъэхъаери къежъэхажэш.

Къышжэжъэжым, сулык'ум изу иныжьылтым щыщи къыз-драхъэжъащ. ХъэшIэм я къуажэм и гъунэгъуу къэсыжри шы-хэр къуажэбгъум къышанахэш. Езыхэр унэм къыдыхъэжри, и адэ-анэр гъуэгтыурэ я нэхэр нэф хтуати, сулык'ур абы яритри, лъыр я нэхэм зэрыщахуэу, хъужахэш. ХъэшIэшым Къэрэшыуей щигъэгъуэлъри езыр и унэмкIэ кIуэжащ. Къуажэр псори къы-зэхүесати, Къэрэшыуей щэхуу къэтэджри кIуаш, еплъэкIуену. Щыхухъу щыгъыныр зыщихри цыыхубз щыгъынкIэ зихуэпэжа-уэ, и дэлтхуиблым я лъыр Къэрэшыуей и фIигъэжIэ зэрицIэжар яжриIэу щхъэгъубжэмкIэ дэплъри щильзагъум, зыри жимыIэу Къэрэшыуей къэкIуэжри гъуэлтыжащ. Пцэдджыжым бысымыр къышIыхъэри къеупщIаш Къэрэшыуейм:

— Дауэ нэху укъекIа? — жиIэри.

— Зызмыгъазэу нэху згъэшаш, — жиIаш Къэрэшыуей, ильэ-гъуахэм щхъэкIэ зыри жимыIэу.

— АтIэ, уемызэшу, умышынэу зыгъэпсэху. Уи деж сизэрышыIам хуэдизрэ си деж ушыIэм, атIанэ усшэжынщ, — жиIэу щыщIэкIыжым, Къэрэшыуей Iэбэри, бысымым и пыIэр къышхъэ-рихри и щхъэцышхуэр къышIигъэхуаш. И щхъэцыкIэр иуыдри щIопшымкIэeuэн иригъэжъащ. «Уашхъуэ мыващхъуэ кIанэ, уэ улIмэ, сэ сифызщ!» — жиIэхукIэ иукаш.

Хъыдджэбзыр щЭкIыжри, цыыхубз щыгъынкIэ зихуапэри щхъэнтэм тетIысхъэжаш.

Къэрэшыуей хъыдджэбзыр фызышшхуэу, и къуажэр и ужь иту, къишэри къэкIуэжащ.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК НАРТ КАРАШАУЕЙ ЖЕНИЛСЯ

Караشاуей предводительствовал большой компанией. И каж-дый раз, как он собирал свою компанию, он твердил:

— Если повстречаетесь с одиноким наездником, не покушай-тесь на него, полагаясь, что он одинокий, но и большую компанию наездников встретив, не пугайтесь того, что их много, — так он на-ставлял.

Вот однажды卡拉шауей, верный этому правилу, отправился в путь вместе со своей компанией. Мало ли они ехали, долго ли ехали, увидели они одинокого наездника. Когда люди卡拉шауей

увидели одинокого наездника, около десятка всадников отстали от компании, намереваясь пограбить одинокого наездника.

Карашауей же и его спутники обменялись приветствиями с одиноким наездником и разминулись с ним. Немного проехав, компания Карашауея спешилась <отдохнуть>.

А десять отставших наездников, как только одинокий наездник поравнялся с ними, окружили его, чтобы ограбить.

— Я вас не трогаю, не трогайте и вы меня. Пожалуйста, позвольте мне ехать своим путем, — попросил одинокий наездник.

— Что он там болтает! — сказали те, и когда они схватили его коня под уздцы, он вырвался и начал сам на них наступать. Десятерых наездников он по одному сбил с коней, связал их [привязал каждого к своему коню], поставил впереди себя и погнал, чтобы пригнать туда, куда сам ехал.

А когда компания Карашауея садилась на коней, они поглядели друг на друга — и десятерых наездников недостает.

— Где-то мы их потеряли, и я их отыщу, а если не вернусь, то вы тоже поворачивайте и возвращайтесь! — распорядился Карашауей и повернулся коня.

Немного проехав, он настиг одинокого наездника, который гнал впереди себя десятерых наездников.

— Гогуж апший (Доброго пути)! — приветствовал Карашауей.

— Упсо апший (Доброй жизни тебе)! — отвечал одинокий наездник.

— Яраби, это мои спутники, как дело было? — спросил <Карашауей>.

— Они попытались меня ограбить, но у них не получилось, — ответил одинокий наездник.

— На этот раз прости их, верни мне, впоследствии я им не позволю такого делать, — попросил Карашауей.

— Ради тебя я освобожу их, хотя я и поклялся, было, пригнать их туда, куда я направляюсь, — сказал одинокий наездник и отдал их ему. Карашауей развязал десятерых наездников и отпустил, чтобы они возвратились домой. Сам же он остался рядом с одиноким наездником и спросил, куда он направляется.

— Еду я в селение Карашауея, и если тебе не в тягость, поезжай со мной, — попросил одинокий наездник.

— Если я хотя бы на это не гожусь, то на что я тебе пригожусь, — сказал Карашауей и повел одинокого наездника.

Когда они приблизились к селению, всадник сказал:

— Поезжай к Карашауею и спроси его, сможет ли он содержать меня один год или нет. В течение года мой конь должен каждую ночь съедать по стогу сена и пуду кукурузы. Я должен съедать каждую ночь одного барана и соответственное количество пасты. Если он может меня так содержать, я пойду в гости. Если не может содержать, не пойду, и поэтому ты отправляйся к нему и спроси, — сказал так одинокий наездник и отправил Карашауея в селение. Карашауей, ничего не говоря, вернулся домой и посоветовался со своим старым отцом Куаго:

— Вот что говорит некий гость, приехавший ко мне, смогу ли я его содержать как гостя или опозорюсь, может быть? — сказал он.

Куаго подумал и сказал:

— Приглашай, в этом селении нет такого, кому бы ты не пригнал отару ли овец, табун ли кобылиц стадо ли скота. Если того, что у нас есть, не хватит, они чем-нибудь да поделятся, — сказал.

Карашауей побежал и пригласил своего гостя. Гостя он направил в кунацкую, сам же зашел к себе, переоделся в другое плащье и вошел к гостю...

— Гость мой, добро пожаловать! — говоря.

Гость не опознал его и упрекнул:

— Зная, что у тебя есть гость, что же ты с тех пор не заходил? — сказал.

— Прости меня, у меня были старшие гости, и я с ними задержался, — ответил Карашауей.

— Ну вот, Карашауей, ты знаешь мои условия, — начал гость.

— Знаю, — ответил Карашауей.

— Тогда, чтобы не терять время зря, надо с сегодняшнего дня давать моему коню то, что я сказал, да и мне нужен сотрапезник, — заявил гость.

— Я стану твоим сотрапезником, а если и твоему коню нужен будет напарник, то поехали, выберем из моих лошадей, — сказал Карашауей, посадил гостя на коня, и они выехали <с двора>.

Приехали они в <табун> серых белохвостых лошадей, показал их <Карашауей гостю>, но достойного не нашлось. В <табун> белых коней привел <гостя>, но и среди них не нашлось достойного. В <табун> черных лошадей он привел <гостя>, и там тоже он не нашел. На обратном пути увидели они Шиджемыдежа, одиноко пасущегося на склоне, и гость сказал:

— Вон тот будет достойным конем, он должен стоять рядом с моим конем, заплати любую цену и купи его, — сказал.

— Это мой конь, и если он будет достоин кормиться вместе с твоим конем, я согласен, — сказал, <Карашауей> привел домой своего Шиджамыдежа и поставил его рядом с конем гостя.

Он положил им по стогу сена и по пуду кукурузы. Сам же он зарезал одного барана для гостя и одного барана для себя и уселся <за трапезу>.

К шести месяцам конь Шиджамыдеж стал съедать всю свою долю, и Карашауей тоже стал съедать свою долю. Так же и гость и его конь не оставляли ничего из того, что им на ночь давалось. После шести месяцев Шиджамыдежу стало мало одного стога сена и одного пуда кукурузы, и Карашауею одного барана на ночь стало мало. Вот так содержал Карашауей своего гостя и его коня.

Когда исполнился год, они стали садиться на коней. Месяц они приводили своих коней в нужную форму, выезжая в поле, возвращаясь домой.

— Теперь <пора>, Карашауей, поедем, — сказал гость.

— Поедем, — согласился Карашауей, и они приготовились и выехали.

После того, как ехали они месяц, въехали они на полуостров морской. Нашли место для стана и спешились. Гость вошел в какую-то пещеру и достал оттуда одну косу, одни длинные вилы,

одни короткие вилы, молоток, отбойник для косы, деревянную лопатку для правки косы, один старый, большой казан.

— Теперь, Караваей, я должен буду спать месяц. Ты, не переставая, коси сено. В течение месяца поставь три большие скирды сена. За три дня до моего пробуждения поставь этот большой казан на огонь и три дня разваривай труху из-под сена. Когда труха сварится до густоты, разбуди меня, — сказал так гость, лег и заснул.

За месяц Караваей поставил три такие скирды, что посмотришь на их вершины — и папаха с головы падает. За три дня до пробуждения *<гостя>* он поставил на огонь большой казан и заварил труху от сена. Весь этот месяц гость спал, не поворачиваясь *<с одного боку на другой>*. Когда варево из трухи было готово, когда оно стало густым, как клей, он разбудил гостя.

— Готово? — сел гость.

— Все готово, — ответил Караваей.

Гость поймал своего коня и — то он обмазывает его kleem из сенной трухи, то отпустит, и могучий конь вываливается в песке, и песок налипал на него, — вот так он намазывал до тех пор, пока не исчерпалось все, что было в казане. Оседлал он коня, подтянул подпруги и сказал:

— Теперь я переправлюсь через это море. Вечером, как только станет темно, подожги одну скирду. В полночь подожги вторую. Когда будет заполночь, посмотрись в воду, и если покажется белая пена, то я возвращаюсь, если не будет белой пены, значит я не возвращаюсь, и ты, более не полагаясь на меня, езжай домой. Но если пена будет белой, возьми аркан в руки и стой у берега наготове. Поймай арканом впереди плывущего жеребца и удерживай его, пока я не подоспею, — сказал так, прыгнул в воду и поплыл.

Как только стемнело, Караваей поджег одну скирду. Как наступила полночь, зажег вторую. Всмотрелся в воду, и там белая пена образовывалась, тогда он поджег и третью скирду, затем сел на своего коня Джамыджа, подготовил аркан и стал у берега.

Впереди всех выскоцил один черный жеребец, из ноздрей которого полыхало пламя. Караваей погнался за жеребцом, поравнялся с ним и поймал его арканом. Гость выгнал других лошадей следом за жеребцом и вышел из воды.

— Жеребца поймал? — спросил он, как только вышел.

— Держу, — ответил Караваей.

— Не отпуская его, поехали, — сказал гость, согнал лошадей в кучу, и они тронулись в обратную дорогу. Но черный жеребец выскользнул из рук Караваея и ускакал. Гость погнался за жеребцом, отрубил ему хвост прямо у основания, отсек уши и отпустил.

Немного времени спустя черный жеребец вернулся, неся на себе одного иных, и иных скверносоловил последними словами.

— Много не скверносоловь, а давай драться. Уступаю тебе первый удар, бей! — сказал гость.

Иных наладил свой лук и выстрелил. Гость подскочил и пропустил стрелу из лука у себя между ног. Гость наладил свой лук и вонзил *<стрелу>* в лоб иных. Как только иных упал, чер-

ный жеребец снова ускакал. Немного времени спустя черный жеребец вернулся с еще одним иныжем на себе, и тот ругался еще хлеще.

— Не ругайся, подобно бабе, а бей! — сказал гость.

Когда иныж выстрелил, гость подскочил и пропустил стрелу между своих ног. Сам же он наладил свой лук, вонзил иныжу стрелу в лоб и свалил его.

Черный жеребец в третий раз ускользнул от них и убежал.

— Теперь остался один единственный, в его обычай игра в хатэхасэ. Если я останусь жив после него, то поедем домой, — сказал гость.

Между тем явился и иныж — на белом коне, из ноздрей пламя пышет, искры изо рта хлопьями сыплются.

— Семерых братьев-нартов, которые приезжали угнать наших лошадей, мы перебили. Есть у них единственная сестра, но она не сможет приехать. Их отец-мать уже старые, от слез они ослепли, не ты ли тот, кого называют Караваей и о котором мы слышим? — так говоря...

— Я не Караваей, но если тебе нужен Караваей, он тоже со мной. Много не говори, а давай драться, — сказал гость.

— Мой обычай драться — хатэ-хасэ, поэтому сначала пустим наших коней друг с другом драться, потом и сами позабавимся, — сказал иныж.

Стравили своих коней и дали им грызть друг друга. Иныжевский белый конь каждый раз как кусает, отрывает песок, гостя конь каждый раз как кусает, отрывает мясо белого коня, так он загрыз белого коня.

— Ну давай, теперь мы с тобой поиграем в хатэ-хасэ, — сказал иныж, и они схватились.

Иныж потянулся — и не смог оторвать гостя от земли. Гость потянулся — и вогнал иныжа в землю по колена. Иныж потянулся и — вогнал гостя в землю по щиколотку. Гость поднял иныжа и вогнал в землю по пояс. Иныж гостя вогнал в землю по колена. На третий раз гость вогнал иныжа до подмышек.

— Давай твою хадзасу! — сказал гость.

Караваей подал свою хадзасу гостю. Гость зарезал иныжа и выпил семь пригоршней его крови.

— Теперь мы покончили со всеми врагами, которые у нас есть. Поехали, — сказал он, тронули с места они всех коней и поехали.

Когда они уезжали, они захватили с собой полный бурдюк иныжевской крови. Доехали они до оконицы селения гостя и остались лошадей на краю селения. Сами они проехали домой, а дома мать и отец гостя ослепли от плача, он подал им бурдюк, и как только они помазали глаза кровью, тут же прозрели. Гость уложил Караваея в хачеше, а сам ушел к себе домой. Все селение собралось там, и Караваей тайком поднялся и отправился подсмотреть. Заглянул он в окно и увидел, как *<гость>*, сняв себя мужское платье и одевшись в женское, рассказывает о том, как благодаря Караваею она отомстила за семерых своих братьев; ничего не говоря, Караваей возвратился к себе и лег спать. Наутро бысым, войдя, спросил Караваея:

— Как ночевал? — так сказал.

– Не повернувшись с боку на бок, проспал до утра, – ответил Каравауей, не напоминая о том, что он видел.

– Ну, тогда спокойно, ни о чем не беспокоясь, отдохай. Когда погостишь у меня столько, сколько я у тебя, тогда я тебя провожу домой, – когда так сказав, тот выходил, Каравауей потянулся, сорвал с головы бысмы шапку, и обнажил густые *<девичьи>* волосы. Схватил он *<девушку>* за косы, начал хлестать ее плетью, и хлестал, пока она не сказала: «Уашхо-серым камнем клянусь, что если ты муж, то я жена».

Девушка вышла, переоделась в женское платье и уселась на подушки. Каравауей привез ее большим свадебным поездом, в сопровождении всего селения, и возвратился к себе.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-н. Пасп. № 3. Исп. Жамурза Дзыгулов: 1862 г.р., с. Жемтала Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 12.04.1949 г. З. Кардангушев. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой один из наиболее полных вариантов версии о женитьбе героя, называемой сказителями «Сказание о госте нарта Шауея».

13. КІАНЩІЭ И КЪУЭ ЩАУЕЙ И ХЪЫБАР

Кланщіэ и къуэ Щауей нартхэм яшышу щытащ. Хъеләкіэ якуйыжыну Насрэнрэ Сосрыкъуэрэ яужь итт. Зы щыпіэ гуэрым ешхэ-ефэ щыіэу, Кланщіэ и къуэ Щауейр Сосрыкъуэрэ Насрэнрэ здырашэжъену мурад яшлащ. Ефакіуэ здәкіуэхэм зы щыпіэ гуэрым нэсахэу: «Мыбы деж къышынэ уэ, дә зыдмыгъэгувәү къэд-гъэзэжынц, зыдгъэгувәнкъым», – жаіхәри, а щыпіэм Кланщіэ и къуэ Щауей къыштанәри езыхәр ежъахәш.

Кланщіэ и къуэ Щауей шым уанэр трихащ, щіакіуэр зыришәкіри гъуэлъащ. Зәрыгъуэлъу, дунейр уей-псеi хъуаш, Сосрыкъуэ и уаети. Зәрыуаем хуәдәу, махуэ-махуитI къэтауә, Сосрыкъуэрэ Насрэнрэ къагъэзәжащ. Лажъә имыіэу, и шыжьми жущән гъур тіэкіу ифыщу щыту, Кланщіэ и къуэ Щауейм зекіуэліхәри къырихъэліхәри.

– Дәнә фыңылахә? – жиірү мобыхэм щеупшыым, жәуапу къыраташ:

– Нарт Цырхъужъей ишхәр къэтхуну дыкіуати, дезәгъакъым, – жаіхәри жәуапу ар къыратыжащ.

– Атіэ, сә сыкіуэнш абы, – жиірү Кланщіэ и къуэ Щауейм шым уанэр трильхъәри ежъащ. Здәкіуэнур нарт Цырхъужъей и дежт. Здәкіуэнум нәсри, и Шыпәху Іушәжым шхуәмылакіэр тридзәри нартхә яшхәр здыпіэт боубжәмкіэ иутыпщащ. Шыпәхұжым боубжәр икъутащ.

Сосрыкъуэрэ Насрокъуэрэ суткIитI зэману трагъэкIуадэмэ, КланцIэ и къуэ Щауей сыхъетищIэ фIэкIа пымыту шыхэр къышIихури къежъяжащ. Зэман куэд дэмыкIыу, мо тIур къыз-дигъэнам и деж щысу къырихъэлIяжащ.

— Дауэ хъуа? — жаIэу Сосрыкъуэрэ Насрокъуэрэ къыщеуп-щIым, жэуапу яритыжащ:

— СыхъетищIэ иужь ситащ, абы хуэдиз зэман тезмыгъэ-кIуэдэн хуейуи сыхъэулеящ, — жиIэри жэуапу къаритащ.

Іүэхугъуэ зяужь ихъар зэфIэкIати, къежъэжхэри къэкIуэжахэш.

ПсорикI здэшIыгъуу къыздэкIуэжым, Сосрыкъуэрэ Насро-къуэрэ зэчэнджэшаш:

— Сыт и гъэкIуэдыкIэ хъуну мы КланцIэ и къуэ Щауейм? — жаIэхэри. — ХыилэкIэ мыхъумэ, лыгъэкIэ зырикI тхуещIэну къышIэкIынкъым мыбы, — жаIэри Iэмал лъыхъуэхэу здыхуежъя-хэш.

Ар псорикI къызыхэкIар КланцIэ и къуэ Щауей лыгъэкIэ абыхэм ефIакIуэт, шыщхъэмыйгъазэт, зытриубыдам фIигъэкIыр-тэкъым, и зекIуэгъухэми бэлыхъу ятелът.

КланцIэ и къуэ Щауей лыгъэ ин зэрыхэлтыр къегъэлья-гъуэ нарт Хъэтыкъуей ипхъу Дыгулыпхъу и хэдэнгъэм. Дыгу-лыпхъулыхъкуэдуиIэтазэманным. Псэлтыыхъуукъыхущтхэт Сос-рыкъуэ, Хъымыщ и къуэ Батрэз, КланцIэ и къуэ Щауей, Чылъахъст-тэнышхуэ, Нэгурлыкъуэ лыхъу сымэ.

Дыгулыпхъу нарт хъыджэбз хахуэр абыхэм хэдэрт, икIи къы-хихаэ щытарики Ашамокъуэ щIалэрщ. КъышIыхихаэ щытар ар адрейхэм нэхърэ нэхъ лыгъэ хэлъу артэкъым, атIэ укIыгъэ мыхъуу нэхъ къызытенэнкIэ хъунути араш, лы пхъашэ гупу дзы зыфIишахэм нэхърэ Ашэмокъуэм и щэбагъым къыкъуэнэным щы-гугъытри араш.

Лы пхъашэ гупым Дыгулыпхъу щыхэдэм, КланцIэ и къуэ Щауей дзыуэ къыхуигъуэтыфау щытар мыраш:

Уи шы пэхужь мыгъуэр хуэIушэш,
Шыбз къуэлэн щицри уи зэ <къэ>хугъуэш,
КланцIэ и къуэ Щауейри ди псэлтыыхъущ,
Бэрэ сэ укъыслыхъуми, уи анэ ябгэр уиIэу,
СыбдэмыйкIуэн, — жиIэри.

Ар апхуэдэу зэрыштым къегъэльягъуэр, КланцIэ и къуэ Щауей хахуэр зэрыштыар. Дыгулыпхъу лыхъужь псомикI усэ яхуиусау щытщ, а усэр мы къэкIуэнхэрщ:

Афэ гъуэншэджибл мыгъуэри зэтырельхъэ,
Нартхэ я къялэ бжиблым зауэ ныщещI,
Хъымыщ и къуэ Батэрэзыр ди псэлтыыхъущ,
Бэрэ сэ укъыслыхъуми, сыбдэкIуэнукъым.

Е, уи шы пэхужь мыгъуэр Iушэш,
Шыбз къуэлэн щицри уэ уи зэ хугъуэш,
КланцIэ и къуэ Щауейри ди псэлтыыхъущ,
Бэрэ сэ укъыслыхъуми,
Уи анэ ябгэр уиIэу, сэ сыбдэмыйкIуэн.

Сэүэ пкIэрышцIа мыгъуэри бжьиз ирокъу,
Куэпкъыр къытырегъэжри – и зэ Гулъхъэгъуэш,
Чылахъстэнышхуэри ди псэлъыхъуш,
Бэрэ сэ укъыслъыхъумикI,
Зи щхъэр гъушцIынэкIэ ядыжам сыбдэмыйкIуэн.

Хьишэмрэ уишэмрэ хегъэпазэ,
Язхэ я пишцIэгъуалэри къакIешцIош.
Нэгурыкъуэ лыыхъур ди псэлъыхъуш,
Бэрэ сэ укъыслъыхъуми, сыбдэкIуэнкъым,
Уи анэшым я пишцIэгъуалэр къэбдыгъумэ,
Ара лыгъэ хъур?

Е, уи Тхъуэжьеир бзуупшцIафэш,
Уи афэ псыгъуэ мыгъуэри щIым нос,
Нартхэ СосрыкъуапцIэ мыгъуэр ди псэлъыхъуш,
Бэрэ сэ укъыслъыхъуми, сыбдэкIуэнкъым,
Уэ щIыху укъильхуакъым – нывэм укъыхэкIашци.

А шы узытес мыгъуэр нэсэ-пасэш,
Езыр щIалэ ес щхъэкIэ, Иэнцэ хуэфцIщ,
Ашэмокъуэ щIалэр ди псэлъыхъуш,
УкъыслъымыхъумикI, синыбдэкIуэнущ.

Уэ уи джэмыйдитIыр къышцIэпшцIэрэ
УнэIутыпхъуу укъысхуэкIуамэ,
Сэ уэ укъээмышэну тхъэ пхузоЙуэ,
Уэ нартхэ лы бланэ къибинэжакъым,
А къомыр бийуэ къасштэу, уэ сыту укъасшэрэт.

Уи теджэлэйр дыщэ мыIуш,
Джатэр пкIэрыIуа щхъэкIэ улIыгъэншэш,
«СыбдокIуэ», – жысIами, сыбдэкIуэжкъым.
Мис абы хуэдэ щIыкIэм тету КланцIэ и къуэ Щауей лыгъэ
зыхэль зекIуэлIу щытащ, щтапцIэ лъэпкъ мыкIуэжу, жэрыгъэ
зекIуэу къэгъуэгурыйкIуаш.

СКАЗАНИЕ О СЫНЕ КЯНЧА ШАУЕЕ

Сын Кянча Шауей был из нартов. Насырен и Сосруко хотели погубить его хитростью. Решили Сосруко и Насырен взять с собой сына Кянча Шауя на одно пиршество. Когда по пути на пиршество они достигли какой-то местности, они сказали ему: «Ты оставайся здесь, а мы скоро вернемся, надолго не задержимся», – сказали так, оставили на том месте сына Кянча Шауя, а сами уехали.

Сын Кянча Шауей расседлал коня, обернулся буркой и прилег. Как только он прилег, наступило ненастье, и это было ненастье от Сосруко. В такое ненастье Сосруко и Насырен отсутствовали день-другой и <только потом> вернулись. <По своем возвраще-

ний> уезжавшие застали Кянчева сына Шауя невредимым, а его коня могучего – щиплющим жухлую траву.

– Где вы были?

Когда он так их спросил, те ответили:

– Ездили мы угнать лошадей нарта Цырхужея, но не смогли подступиться, – вот так они ему ответили.

– Тогда я туда поеду, – сказав так, Кянчев сын Шауей оседлал коня и отправился <в путь>. Ехать он должен был к Нарту Цырхужею, и, прибыв туда, он забросил поводок на своего кривого Шыпоха могучего (букв.: *Коня беломордого*) и пустил его в сторону конюшни. Шыпух могучий разломал двери конюшни.

Если Сосруко и Насыроко [Насырен] <впустую> потратили на это двое суток, Кянчев сын Шауей всего за три часа вывел лошадей и уехал. Спустя немного времени, он застал тех двоих на том месте, где их оставил.

– Как дела?

Когда Сосруко и Насыроко так спросили, он им ответил:

– Три часа я провозился, понарасну много времени впустую потратил, – вот такой ответ он им дал.

Дело было сделано, и они повернули назад и направились домой.

На обратном пути, когда они ехали вместе, Сосруко и Насыроко стали советоваться друг с другом:

– Как бы нам погубить этого Кянчева сына Шауя? Видно, мы только хитростью что-то сумеем, а богатырством ничего поделать с ним не сможем, – решили они и стали искать <каких-либо> способов.

Всему этому причиной то, что Кянчев сын Шауей превосходил их всех богатырством, он был шишхамыгаза (букв.: *не поворачивающий коня назад*), если он что задумал, то не отступался, поэтому был в тягость (бельмом на глазу – *перев.*) у своих соратников.

Каким могуществом обладал Кянчев сын Шауей, видно и по выбору <девушки> Дугулипх, дочери нарта Хатукая. В те времена Дугулипх имела много женихов. В числе соискателей ее руки были Сосруко, Хымыша сын Батраз, Кянча сын Шауей, Килахстан Большой, Нэгурыко Мужественный.

Дугулипх, достойная нартская девица, выбирала из их числа, и было так, что она предпочла юного Ашамоко. И выбрала она его не потому, что в нем было больше мужества, чем в других, а потому, что она надеялась – со своей мягкостью он более других, суровых и наделенных прозвищами, имеет возможность остаться в живых.

А когда Дыгулипх выбирала между суровыми мужами, вот прозвища, которые она нашла для Кянчева сына Шауя:

Твой конь беломордый могучий чуть перекошен,
Триста пегих кобылиц ты в один наезд пригоняешь,
Кянча сын Шауей тоже – нашей руки соискатель,
Сколько бы ты ни сватался, пока есть у тебя мать суровая,
За тебя не выйду, – так сказала и ...

Вот оттуда и понятно, каким мужественным был Кянча сын Шауей. А Дыгулиш оба всех героях сочиняла <куплеты>; и они вот такие:

Семь кольчужных штанов разом надевает,
У семи ворот нартской крепости битву затевает, –
Хымыша сын Батраз – нашей руки соискатель,
Сколько бы ты ни сватался, я за тебя не выйду.

Эй, твой конь беломордый могучий чуть перекошен,
Триста пегих кобылиц ты в один наезд пригоняешь,
Кянча сын Шауей – нашей руки соискатель,
Сколько бы ты ко мне ни сватался,
Пока есть у тебя твоя суровая мать, за тебя я не выйду.

Сабля, что привешена к тебе, длиной в пядь,
Ляжку отрежет – это ему на один прикус,
Чилахстан Большой – тоже нашей руки соискатель,
Сколько бы ты ни сватался,
За тебя, которому голову железными клепками латали, не
выйду.

Сотню собак и сотню орлов он поражает,
Язовский белый конь его добычей остается.
Нагуруко Мужественный – нашей руки соискатель,
Сколько бы ты ни сватался, я за тебя не пойду, -
Если уведешь белого коня у материнской родни,
Разве же в этом заключается мужество?

Эй, твой Тхожей мастью похож на дрозда,
Твоя кольчуга тонкая достает до земли,
Нартский Сосрукко смуглый – нашей руки соискатель,
Сколько бы ты ни сватался, не выйду,
Потому что ты не человеком рожден, а из камня вышел.

О, конь, на котором сидишь, тонкий и юный,
Сам же юноша тонкий, оружием ловко владеющий.
Ашамоко юный моей руки соискатель,
Если ты и не посватаешься, я за тебя пойду.

Если ты своих пегих быков запряжешь
И с ними в служанки ко мне пойдешь,
Клянусь тебе, и тогда я тебя не возьму:
Ты в kraю нартов доблестных мужей не оставила
 <чтобы не сочинить про них куплеты>,
Как бы я женился на тебе, пойдя против них всех!
Твой тегелей с фальшивым золотом,
Хоть и болтается на тебе меч, но ты не мужественный,
Хоть я и сказала, что иду за тебя, я не пойду.

Вот таким неизменно был Кянча сын Шауей, мужественным и любящим зеко был, никогда <ни от кого> не прятался, а всегда был в разъездах <не боялся опасностей>.

*Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-н. Пасп. № 1.
Исп. Хабаша Гоов: 1836 г.р., с. Ст. Крепость (Баксан) Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. в 1950 г. С. Штымов. Перевод на русский язык А. Гутова.*

Текст представляет собой контаминацию сказания об испытаниях нарта Шауя и смеховых «куплетов», относимых к имени нартской девушки Лашин. Как и в некоторых других случаях, правомерно видеть одним из вероятных источников зарождения сюжета инициальные испытания юноши. Мотив идеального наездника, более характерный для позднего эпоса (похищение лошадей, которых не смогли угнать именитые богатыри), разработан поверхностно. Далее же изложение непоследовательно, что, по-видимому связано с преклонным возрастом исполнителя.

14. НАРТ ТІОТІРЭШРЭ ЩАУЕЙРЭ ЗЭРЫЗЭХУЭЗАР

Къанж и къуэ Шауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэр зыри къы-
пэмыльэшыжу лы хъуат. Абы и Джэмымдэжым и куэр къудейм
нартхэм я зыши щыихъэнутэкъым, и пэ гъуанитыым къуриху нафы
бзийм гъуэгу набдзэхэр илыгъуэрт, езыр цыхум хуэдэу псалъэрт,
Iушт. Езы Шауей нафыеми щыиэми щышынэртэкъым, лыгъэкъэ
къыпэлъэшыни щыэтэкъым, бэлэбанэжку хуэпауэ, цыхуфэ къы-
рамыплту къикIухырт, щыжейкIи и шыжым къемыпсыхуу
жейрт, здэкIуэм.

Абы хуэдэу къикIухыурэ, Шауей Албэч и къуэ Тютирэш хуэзаш.
Мо фэншэ бэлэбанэжым, зишыри нэхъ Iеижым, щырихъэлIэм,
Тютирэш ауан ищIу и шыр Шауей ирихулIаш. Албэч и къуэ
Тютирэш ицыхуртэкъым Къанж и къуэ Шауейр, и хъыбари зэхих-
хатэкъым. Неуэш-къеуэри Тютирэш ебгъэрэкIуаш Шауей, чэнэгу-
нэ иригъэшIыну шыбгъэкъэ зыришыташ, неIаш-къеIаш, Шауей
шым здытесым епхъуэри, къытыричиын и мураду, ауэ къыхуэгъэ-
хъеякъым. Тютирэш ахуэдэу щебгъэрэкIуэм, Джэмымдэжым не-
бэ-къебэ зишIаш, хуэмыхуфэ дыдэ зытыригъяуэри. Тютирэш зэпы-
мычу ебгъэрэкIуэ пэтми, адэкIэ IукIуэта фыкIа, Шауей Джэмымдэ-
жыми зыкъомрэ зыри жаIакъым. ИтIанэ, Тютирэшым щимыгъэ-
тыжыххэ щыхъум, Шауей къэпсалъэри жиIаш:

— Си гугъу къомыщIу сыутIыпш, сэ гъуэгу сытетш, си щхъэ
Iуэху тэкIуи сиIэш, сомыгъэгуэ. Сэ уи гугъу сщыркъым, си гугъу
къомыщI, — жиIэри.

Арщхъэкъэ Тютирэш щигъэтыртэкъым, шы зытесым къыты-
ричиын и мураду Шауей къепщэфыIэрт итIани. Шауей аргуэрү
елъэIуаш Тютирэш:

— КхъыIэ, си гугъу къомыщI, уи гугъу сщыркъым, кхъыIэ
сывутIыпш! — жиIэурэ, ауэ Тютирэш нэхъри тегушхуауэ адэкIи
мыдэкIи игъакIуэртэкъым, Шауей жиIахэр зэхихыххэртэкъым.

— АтІә, уә пхуәдә щықІахъәм яхуәфащәр мыраш, — жиІәшт аби, зә Іәбәгъуәу Іәбәри ТІотІрәшыр шы зытесым къытыричащ Щауей икІи и лъэрыйтыпсыфәм щИдзыри, къеуәри, къежъәжащ, ТІотІрәш и шыжъри Іәдәж ищІри.

Апхуәдәу зыкъомрә ихъа наужжым, Щауей и лъакъуәр иІэтри ТІотІрәшыр упІәшІауэ къыщІидзыжащ, икІи гъуәгум къытыринәри езыр ежъәжащ.

Цыыхуфә темытыжу, пхъэмбгъум хуәдәу пІашІә хъуауэ ТІотІрәш къыщылъетыжри Щауей кІәлтыщІепхъуаш.

— Къысхуәгъәгъу, хуабжъу синолъІур, къысхуәбгъәгъу, зи мычәзу уәсщІаш, лей уәсхаш! — жиІаш ТІотІрәш, Щауей кІәшЦыхъәри. — Сә хуабжъу си гуапәт уи цІә, узыщыщыр къызжепІәм, благъә усщынут, зомусыгъуәджәм.

— Сә сзыщыщым уә хүиІоху щыІәкъым, узутЦыпщыжамә, кІуәж, күәд къомыбжу! — къыжыриІаш Щауей абы кІәшІу.

АрщхъәкІә ТІотІрәш аргуәру Щауей кІәлтыщІепхъуәри ельзІауш:

— Уә сә лей уәсхаш, уәсха пәтми, къызумышІәІәуэ сыкъәбутишыжаш, зы лы захуә, лыфІ гуәру уә ущту къыщІәкІынщ, ныбжъәгъу, благъә усхуәхъумә, сഫІәфІщ, зомусыгъуәджәу дызәрыгъәцЦыху, зи мыхъуми синәхъыжыщ, хуабжъу синолъІу, — жиІәри.

Абы хуәдәу ТІотІрәш щылтьаІуәм, Щауей къәувыІәри:

— Къанж и къуә Щауей, Нәрыбгейм и къуә закъуәкІә зәджәр сәраш. Уә ухәт?

— Сәри Албәч и къуә ТІотІрәш жыхуаІәр арщ. Неблагъә си деж, зәхъәзәхуәу Бедыхуә псыгъуәкІә еджәу зыпхъу сиІәши, зомусыгъуәджәм, фызу уәстынщ, икІи абыкІә уәрә дәрә благъә дызәхъуәхъунщ, ик'укІә си гуапәш унеблагъәу си шыгъу-пІастә шшымә, — жиІаш ТІотІрәш.

— Хъунщ, фызызыщІәж, жыхуаІәр арщ, синәкІуэнщ уи деж, — къигъәгугъаш Щауей ТІотІрәшыр.

— Дашщәш унәкІуәфын, сыйтым щыгъуә сыппәплъәну? — жиІәу ТІотІрәш къыщеупшІым...

— «СынәкІуэнщ», — щыжысІакІә, сыйтым щыгъуә синакІуәми, синәкІуэнщ, — жиІәри абы фІәкІа жәуап къыримыту Щауей, еуәри, ежъәжащ.

ТІотІрәш абы аргуәру кІәлтыкІияш:

— Ди унәр здәшыІәр мо лъәныкъуәмкІәш, — жиІәу иригъәлъагъуу здәкІуэн хуей щыпІәр.

Пшыхъәшхъә хуегъәзәкІ хъуауэ Албәч и къуә ТІотІрәшыр, и фәр шәхум хуәдәу фагъуәу, езыр цыыху сурәтим имытыжу зәхәупІәшІауэ и унәм нәсыжащ. Ахуәдәу щыдыхъәжым, ар зы бәлыхъ гуәрим зәрыхуәзар къищІәри Сәтәней къеупшІаш:

— Мыр сыйт, сыйту Іузә ухъуа, сыйт къышщыуцІ, сыйтым ухуәзә, мыбы хуәдәу хәт узәхъзыупІәшІар, уи фәр пызыхуар? Уә зы мыгъуә гуәрим ухуәза хъунщ, къызжелІ псыншІәу! — жиІәри.

— Узижәгъуәнныр сэ сзызыхуәзам биигъәкІә хуәзә, къарукІә пәув. Абы уә Іуэху хүиІәкъым, ущІемыуупшІәххи нәхъыифІщ, ауә умыбәлләрыйгъуу фадәрә ерыскъырә гъәхъәзыр, хъәшІәшцыр зәлтыГух, Бедыхуә-дахәми зөгъәгъәшІәрашІә, псори хъәзыру щыгъэт, — жиІаш ТІотІрәш, ткІийуэ.

А маҳуэм шыңғылдауэ Сәтәней фадәрә ерыскырыр лъекі къимыгъанәу ишілаш, икіи, ахәр хъәзыр шылхым, Тіотірәш аргуәру жилаш:

— Идҗы, мы ди пішілантіем къыдыыхыи, бләкіи къомыгъанәу къебгъәблагъыурә гъәхъәшілә, я хуәшхым хуәдиз егъәшх, ирафығым хуәдиз фадәу ирегъәф. Ар хәту шытми, фейцейми, факъырәми къомыгъанәу, абы шхъәкілә нәмыйпль йомыту къыштіләштәурә гъәхъәшілә. Мыбы зыгуәр къәкіләнүнүш, хуабжыу бәләбанәш, фейцейш, езыр хәтми къыбжиләнүкъым. Абы ди Бедыхуә-дахәр естынуш.

Абы дежым шыңғылдауэ Сәтәней Тіотірәш жиілар игъәзаштілә бләкіи къыдыыхыи къимыгъанәу къыригъәблагъәурә иригъәшхаш, иригъәфаш куәдрә, ауэ Къанж и къуә Щауейр къәкіләкъым, Сәтәнейри ахуәдәурә езәшри тәсілдәрә, Тіотірәши зекілә ежъауэ, Щауей нәсаш. Пішілантіем дәлтәдәри и Джәмыйдәжыр шы філәзаптіем філәзәри езыр: «Іуәху філәхъу, аптий!» — жиіләри хъәштіләшшым мықіләуэ занштіләу унәм шылхаш. Ауэ Сәтәней «къеблагый», «тәсілдәрә» къыжырилакъым, Щауей зәрыфейцей іейм шхъәкілә. Я шылбагъ къахуәгъәзауэ Сәтәнейкі, Бедыхуә-дахәрикі къемытәджеу зәрышсым хуәдәу шысахәш, Бедыхуә-дахәм зыгуәр хидыкілу гъүәлтүштіем исти, и шхъәр къиләтүххакъым, мо бәләбанәжым шхъәкілә. Ахуәдәу зыри къышемыгугъум, Щауей къэтеджылжри, блын джабәм Тіотірәш и пхъә пшынә філәлтүрә къыфілхри еуәу шылдаш, мыбы хуәдәу къыригъәкілу:

— Албәч и къуә Тіотірәш ябгә,
Бгым хуәдәр уи унәм шыләсу фыз
Пішілауи слъагъуркъым.

Ар шызәхихым, Сәтәней фыз Іущ бзаджәти, занштіләу зәхищтылаш, ар зәры-Щауейр, Тіотірәш къәкіләнү жыхуиша шылаләр зәрыарап, икіи къышылтәетри фадә, ерыскыны къытыригъәуваш, ипхъу Бедыхуә-дахәм еїшашәри: «Мыр уи адәм узырита шылаләр арш, шыләхыу шыләкілә зызәгъәпәш», — жырилаш. Бедыхуә-псыгъуәр гъүәлтүштіем къехыу шыләкіләм, шаштіләуи папыштіләр шитіләгъати, тәкілә хуәштілакъуә хъуаш, абы Щауей гулъитәри мыбы хуәдәу Тіотірәш и пшынәм къыригъәкілаш:

— Зәхъәзәхуәу Бедыхуә-псыгъуәр,
Сә тығъе къысхауштар,
Зыхуенныңкуәм хуәдзикілә хуәштілакъуәш,
Лъапәкіләрхъыу жәмыхъуәрылтхуаш,
Зыгуәри філәу жиілат,
Си закъуә дыдәу севмыгъафәу,
Ефәгъу гуәр сиілами, си жагъуэтәкъым.

Бедыхуә-дахәр тәкілә хуәштілакъуә шыләхъуар шаштіләу шитіләгъати папышхәм язым лъәгурыйдә лей илтүт арат, абы хуәдизкілә хуәштілакъуә адрей лъакъуә лъәнныңкуәмкілә хъуауә арат. Ар Сәтәней къигурыләрі Бедыхуә шәхүү жырилаш, икіи лъәгурыйдә лейр ирахылжри шылакъуә шыттылжакъым. Лъәгурыйдә лейр ирахылжу аргуәру Бедыхуә-псыгъуәр къышыләкіләм, еплъыри аргуәру Щауей и пшынәм къыригъәкілаш:

Мы унәр дахәт, гъүәзәдҗәт,
Ауэ уәнжакъыр тәкілә хуәншәш, — жиіләу.

Ар щызэхихым, Сэтэней мыбы хуэдэ жэуап иритащ:
— Уэнжакъыр къуаншэми,
Иугъуэр захуэу йокI.

Щауей ар щыжилар Бедыхуэ и нэ лъеныкъуэр тIэкIу машIэу хуэназэ щыкIэти арт. Абы жиIам къикIыр «Бедыхуэ дахэт, ауэ и нэр тIэкIу назэш» — жиIэу **<арати>**, Сэтэней ахуэдэ жэуап иритыжаш.

Ахуэдэу щысурэ, нартхэм ящыш къышымыкIуэжым, Щауей ежъэжыну мурад ищIащ.

— Щауэр плащIэу къохуэх,
Сэ сыщехуэх щыспIэм
Куэдрэ сыщыс си хабзэкъым.
Сэ ТютIрэш щыщымыПэкIэ,
Сосрыкъуи щыщымыПэкIэ,
Зэхъээхуэу Бедыхуэ-псыгъуэр
Дэсхуу сежъэжынуи
Си щхъэм сэ теслъхэнкъым,
Къэзгъээжынци ди Гуэху длэжынц.
ИтIани махуэш, зэгуэрым
Фи нартхэр къэсыжым, яжефIэж:
«Губгъуэм дыщызэрихъэлIэм,
Зэрытхуэфащэу фIохъус зэтхынц,
ДызэрыцIыхууи дыщытынц.

Абы хуэдэу жиIери, зы бжэ фIэкIа яхуемыфэу, щысыни имидэу и Джэмыдэжым ешсыжри, еуэри, ежъэжащ. Нартхэр къэсыжу яужь иува щхъэкIи, ягъуэтыжакъым. ТютIрэши Сэтэней абы дежым я гутгъэр хахыжащ, Къанж и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэр малъхъэу яIеным.

КАК ПОВСТРЕЧАЛИСЬ НАРТ ТОТРЕШ И ШАУЕЙ

Шауей, сын Канжа и единственный сын Нарыбгей, так возмужал, что никто его не мог одолеть. Когда его конь Джамыдеж, Джамыда Могучий шел всего лишь иноходью, ни один конь нартов не мог за ним угнаться, а пламя, пышущее из его ноздрей, опаляло края дороги; сам же он был умен и умел говорить, как человек. Ну а Шауей не боялся ни огня, ни мороза, и не было никого, кто мог бы превзойти его в мужестве; **<но при этом>** он разъезжал одетый, как оборванец, выглядел так, что его за человека не считали; и спал он на ходу, не слезая со своего коня.

Вот так разъезжая, Шауей **<однажды>** повстречал Тотреша, сына Альбекова. Встретив этого невзрачного оборванца, у которого и конь выглядел еще хуже, Тотреш в издевку направил своего коня грудью на Шауея. Тотреш, сын Альбеков, не был знаком с Шауеем, сыном Канжа и не слыхал о нем. Толкнул-подтолкнул он Шауея, ударил его грудью своего коня, надеясь смять его, схватил того руками, силясь оторвать и выбить из седла, однако не смог даже пошевелить. Когда Тотреш так делал, Джамыдеж притворился совсем беспомощным и стал будто покачиваться. Сколько Тотреш ни напирал, Шауей и Джамыдеж долго ничего не гово-

рили [не предпринимали]. Затем, видя, что Тотреш уж совсем не унимается, Шауей заговорил:

— Не трогай меня, отпусти, я в дороге, у меня кое-какие свои дела, не задерживай меня. Я тебя не трогаю, и ты не трогай меня.

Однако Тотреш не унимался, а всё теребил его, намереваясь выбить из седла. И даже тогда Шауей еще раз попросил Тотреша:

— Пожалуйста, не трогай меня, я тебя не трогаю, пожалуйста, отпусти! — вот так говоря, *<он просил>*, но Тотреш еще больше напирал, не давая Шауею пути ни туда, ни сюда, не слыша его слов.

— Ну, тогда такие зарвавшиеся, как ты, вот чего достойны, — сказал Шауей, одним движением он схватил Тотреша, стащил его с коня, приладил под стремянный ремень и двинулся дальше, прихватив за уздцы и тотрешева коня.

Долго он его так нес, наконец приподнял Шауей свою ногу, и Тотреш упал, расплющенный; оставил Шауей его на дороге, а сам двинулся дальше. На человека не похожий, расплющенный, как плоская доска, Тотреш вскочил и побежал следом за Шауеем:

— Прости меня, очень тебя прошу простить, я сделал тебе недостойное, провинился перед тобой! — сказал Тотреш, догнав Шауея. — Мне было бы приятно, если бы ты назвал, кто ты и какого ты роду-племени, я бы хотел породниться с тобой, если ты не побрезгую этим.

— Какого я роду-племени тебе дела нет, если я тебя освободил, уходи, много не болтай! — ответил ему Шауей кратко.

Однако Тотреш снова побежал вслед за Шауеем и попросил:

— Я с тобой поступил несправедливо. Хоть я и поступил несправедливо, ты меня отпустил, не сделав мне ничего дурного, а значит, ты, наверное, справедливый и добрый человек. Поэтому я хотел бы подружиться, породниться с тобой. Не пренебрегай, давай познакомимся, я прошу тебя очень, хотя бы ради того, что я старше.

Когда Тотреш стал так просить, Шауей остановился:

— Я тот, кого зовут Шауеем, сыном Канжа, единственным сыном Нарыбгей. А ты кто?

— А я тот, кого зовут Тотреш, Альбеков сын. Добро пожаловать ко мне: есть у меня одна дочь по имени Бедух, к которой сваты, со-перничая друг с другом, приходят. Если ты не побрезгуюшь *<родством>*, то выдам ее за тебя замуж и этим мы породнимся с тобой. Мне будет очень приятно, если ты станешь моим гостем и отведешь у меня хлеб-соль (букв.: соль-пасту), — ответил Тотреш.

— Хорошо, как говорится, кто творит добро, тот и спрашивать может, — согласился с ним Шауей.

Когда Тотреш спросил его:

— Когда ты сможешь приехать, когда тебя ожидать?...

— Сказал «приеду», значит, когда бы ни было приеду. — Не дав другого ответа, Шауей взял и уехал.

Тотреш снова кликнул ему вслед: «Наш дом вон в той стороне», — сказал он, указывая, в какую сторону ему ехать.

Под вечер добрался домой Тотреш, Альбеков сын, весь бледный, обличьем на *<обычного>* человека не похожий, сплющенный.

Когда он таким возвратился, Сатаней тут же поняла, что с ним произошло что-то нешуточное, и она спросила его:

– Что это, почему ты стал таким плоским, кто это тебя так сплющил и кто такую бледность на тебя нагнал? Никак ты по-встречался с какой-то бедой, расскажи-ка мне поскорее!

– Пусть твой ненавистник повстречается во вражде с тем, кого я встретил, пусть он с ним в силе потягается. Тебе до этого дела нет, лучше уж совсем не спрашивай об этом. Но, не откладывая, заготовь <побольше> питья и еды, приберись в хачеше, вели Бедух-красавице принарядиться, держи все наготове, – распорядился Тотреш строго.

С того дня Сатаней, не жалея сил, готовила питье и еду, и когда все это было готово, Тотреш сказал еще:

– Теперь не пропускай мимо никого, ни тех, кто в наш двор заходит, ни тех, кто мимо проезжает – приглашай всех и угощай: сколько могут съесть, столько еды давай, сколько могут выпить, столько напитков давай. Кто бы ни был – оборванец ли, нищий ли, не презирай никого, приглашай и угощай. Сюда должен явиться один человек, так он <с виду> очень жалкий оборванец, невзрачный, и он тебе сам не скажет, кто он. Вот за него-то я выдам нашу Бедух-красавицу.

С той поры Сатаней, выполняя наказ Тотреша, долгое время приглашала и угощала щедро всех проходящих и приезжающих, но Шауей, сын Канжа так и не приезжал. Со временем, когда Сатаней уже приуستала и уже сложила руки, а Тотреш был в разъездах, явился и Шауей. Он въехал во двор, привязал своего Джамыду Могучего к коновязи, а сам, сказав: «Уохфох аши!» – вошел прямо не в кунацкую, а в жилой дом. Только вот, Сатаней не сказала ему ни «заходи», ни «садись», так как он был очень уж жалким оборванцем. И Сатаней, и Бедух-красавица сидели к нему спиной и <даже> не повернулись, а как сидели, так и продолжали сидеть, занятые тем, что Бедух-красавица сидела на кровати и что-то вышивала. Она даже головы не подняла из-за этого жалкого оборванца.

Когда вот так никто его вниманием не удостоил, Шауей поднялся, снял *пхапшину* Тотреша, высевшую на стене, и стал на ней играть, выражая такое содержание:

Сын Альбека Тотреш свирепый,
Подобно скале, чтобы в твоем доме сидела,
Такую жену у тебя я не вижу.

Услышав это, Сатаней, женщина до ушлости умная, сразу поняла, что это и есть Шауей, что это тот самый наездник, о будущем явлении которого говорил Тотреш. Тут же она вскочила и принесла питье и еду, а своей дочери Бедух-красавице шепнула: «Это тот парень, за которого твой отец тебя выдает, скорее выйди и принарядись». Когда Бедух-тонкостанная слезала с <высокой> кровати и выходила из комнаты, она надевала свои *папышы* второпях и чуть захромала. Это приметил Шауей и вот так наиграл на своей пшине:

Бедух-тонкостанная, из-за которой <женихи> соперничают,
И которую мне подарили,

Прихрамывает настолько, насколько недостает,
Она в чарыхи (обувь простонародья) обута, пастухом рождена...
Говорили, что кто-то у вас есть,
Чтобы мне не пить в одиночестве,
Недурно бы мне иметь сотрапезника...

Почему Бедух-красавица захромала – это потому, что в одном из пары папышей оказались две стельки – ровно настолько она и прихрамывала на другую ногу. Сатаней это смекнула, тихо шепнула Бедух-*<красавице>*. И когда Бедух-тонкостанная убрала стельку и вошла в комнату, Шаум посмотрел на нее и наиграл на своей пишине:

Этот дом был красив и замечателен,
Да только труба у него чуть скошена.
Услышав это, Сатаней дала такой ответ:
Пусть труба чуть и скошена,
Да дым из нее прямо поднимается.

Шаум так спел потому, что у Бедух один глаз был чуточку скошенный. Это означало: «Бедух прекрасна, только глаза чуть раскосые». Вот на это и давала свой ответ Сатаней.

Так они сидели, но так как никто из нартов не возвращался, Шаум решил уезжать.

Жених спешит с коня спрыгнуть,
Там, где я спрыгиваю,
Я не привык долго задерживаться,
Раз уж Тотреша нет дома,
И Сосруко нет дома,
Бедух-тонкостанную, из-за которой соперничают,
Увезти и уехать восвояси
Я не могу признать достойным,
Как возвращусь, тогда и дело наше решим.
И то, что потом будет, это тоже день, и если когда-то
Ваши нарты вернутся, сообщите им:
«Если в поле *<чистом>* повстречаемся,
По достоинству будем приветствовать друг друга,
Знаться друг с другом будем».

Сказал он так и, не выпив больше одного бокала, не согласившись долго сидеть, сел на своего Джамыдежа, взял да уехал. Нарты вернулись, помчались за ним вслед, но найти его не смогли. И Тотреш, и Сатаней здесь распростились с надеждой, что Шаум, сын Канжа, единственный сын Нарыбгей, когда-нибудь станет их зятем.

Печатается по: Н7. Т. V. С. 101–105. Литературно обработанный вариант был опубликован в издании «Нартхэр. Къэбэрдэй эпос» (Нарты. Кабардинский эпос). Налишык, 1951. Н. 502–506. Оригинал текста утерян, поэтому «паспортные» данные установить не удалось. Текст сохранился благодаря тому, что в канун подготовки Н7 из архива ИГИ КБНЦ РАН (тогда – КБНИИ) мно-

гие материалы были переданы в Майкоп, в сектор фольклора и литературы Адыгейского НИИ для публикации в данном издании.
Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст – один из наиболее полных и в художественном отношении совершенных вариантов сказания о сватовстве нарта Шауя. Оригинальна контаминация сюжетов о встрече в открытом поле с незнакомым богатырем (здесь это Тотреш, который впоследствии предлагает герою стать его зятем) и о сватовстве с детально разработанным эпизодом игры на пхапшине; также необычно то, что герой уезжает, оставляя нареченную невесту в неведении.

Уохфох апиши! (*ІуэххуфІохъу апиши!*) – букв.: «Да будет твое дело добрым!» – традиционная формула приветствия человека, занятого каким-либо делом.

Пхапшина (*пхъэ пишынэ*) – смычковый музыкальный инструмент, непременный атрибут хачеша, кунацкой.

Папышы (*пэпыш*) – легкая домашняя обувь женщин аристократического происхождения, у которой не было носок; разновидность современных босоножек.

15. ЩАУЕЙ ЩАКІУЭ ТХЪЭМАДЭ ЗЭРЫХЪУАР

Кхъуэ Лъакъуэ ХужыжъкІэ еджэу зы кхъуэпІашэ ин, икъукІэ лъэшү, нарт хэкум щхъэрьутІышу итт.

Кхъуэ Лъакъуэ Хужыжъыр къаукІыу яшхыну нарт щакІуэ гуп, Шужьея я тхъэмадэу, мурад ящІри ещакІуэу хуежъац. Нартхэр кхъуэпІашэжъым куэдрэ ещэкІуаэ, псыпцІэ къамылым къышаувыхъри еуэу щыщІадзэм, кхъуэ Лъакъуэ Хужыжъыр губжъщ, фийри, зигъэкІэрахъуэри, щакІуэхэр лъэнык'уитІу зэкІэшІихури, я кумкІэ яфІыдэжри ежъэжац, яхуэмьукІыу.

Нартхэр кхъуэ Лъакъуэ Хужыжъым и ужь къиувэри, къыкІэлтыуэм, къахум, къыкІэлтыуэм, къахуурэ, дыгъэ къышІэкІыгъуэм Ибгъу къышырахужъар, пшэдджыжъ уэсэпсыр темыкІыу, Щхъэгуашэ къирахулІаш. КхъуэпІашэжъым ТІопкІэ къуэладжэр жъэдитхъури псыми яфІикІаш. Нартхэр кІэшІу кхъуэм и ужь иту, кІэлтыуэу, кІэлтыуэхукІи, техуэу, техуэ щхъекІэ, яхуэмьукІыурэ Щхъэгуашэ кІэлтикІхэри, ЩхъэгуашапцэкІэ дырагъэзяуэ, нартхэм яшхэр увыІери, кхъуэ Лъакъуэ Хужыжъыр яІэшІэкІаш.

Абы адэкІэ яшхэм ямыхыыжу, абдежым щызэхэпсыхэхэри тысыгъэ щашІаш. АтІанэ щакІуэ тхъэмадэу Шужьеим Къанжэ и къуэ Щауей ириджэри: «Уи Джэмыйдэжъым шэси кхъуэ Лъакъуэ Хужыжъыр тІэшІумыгъэкІыу кІэшІыхы къытхуэуки! Сэ лыжь сыхъури, си нэр набгъэ хъуащи араш, ахъумэ сэ ар зэрысІэшІэкІын щыІэтэкъым», – жиІери унафэ къыхуишІаш.

Джэмыйдэжъыр нэхъ мыувыІэу къызэтенат, Къанжэ и къуэ Щауейри лы хъункІэ нэхъ зыщыгугъти, кхъуэпІашэжъым щыхъэнкІэ абы нэхъ хуагъэфэшат.

Къанжэ и къуэ Щауей и шы Джэмыйдэжым къэшэсри кхъуэ Лъакъуэ Хужыкъым и ужь иуваш. Лъэужым тету кIуэуэрэ, Щхъэ-гуашэ къызэптырыкIыжри, Мейкъуапэ жъэгъукIэ къыдэкIри УлэкIэ иунэтIаш, лъэужым. Улэ лъэужыр къэсри, Улэ зыщиЦуантIэм деж кхъуэПашэжыр мэзым къышигъуэташ, зигъэпсэхуу къуэм дэлть.

Щауейр хуэкIуэ щилъагъум, кхъуэри къэтэджри къы-пежъаш, къепэщIеуэну. Щауей къэмискIэу кхъуэр гъуэнэгъу зыхицIри, и шабзэмкIэ и натIэгум ихуэу еуэри абдежым щиукIаш. И натIэм техуа шабзэшэр и натIэми и пщэми пхыкIри и ныбэгумкIэ щыпхыкIыжу зэфIэту щыим триIулIаш.

Щауей кхъуэПашэм и лъакъуиплIыр зэрипхыри, и шым кIэрыпхауэ къырихъэжъэри Мейкъуапэ жъэгъу деж бгым къыше-хыжым, Хъэджэуэ бжъэпэ Пагуэ и къуэ Нарт Щауэ зиплъыху тетти, къаплъэри джабэм къехыж шур къилъэгъуаш.

Пагуэ и къуэ Нарт Щауэ пщIэгъуалэм тесу, хъэджафитIыр и гъусэу къежэхри, зы напIэ дэхьеигъуэм Щауейм къышIыхъэри и сэмэгуррабгъумкIэ къыбгъурувуаш, Щауейр нэхъыжти, ижыраб-гъур къыритри.

Пагуэ и къуэ Нарт Щауэ зыбгъуруува Щауейм елъытауэ бад-зэ цыкIу хуэдэт. И пщIэгъуалэри Джэмыйдэжым елъытауэ бадзэ цыкIу хуэдэт.

ШуитIыр зэрыкIуэ гъуэгур мывальэт. Пагуэ и къуэ Нарт Щауэ зытес пщIэгъуалэр мывэм щытеувэкIэ, мафIэ хъуаскIэр и шы лъэгум къышIихыу, Щауей зытес Джэмыйдэжым апхуэдизкIэ хъэльэти, теувэхукIэ, и лъэгуажъэ къэгъэщIеипIэм нэс мыва-льэм пхыхуурэ зэгъуэсэу кIуэхэрт. Шы Джэмыйдэжым апхуэдизкIэ инти, и тхъэкIумэм ИэфракIэ пщыкIуз и кIыхъагът.

Ауэрэ Щхъэгуашэ щынэсым, Джэмыйдэжым псы ефэну къэувыIаш.

Псыр къыздижымкIэ Щауей зытес шы Джэмыйдэжым къы-щытт, псыр зыдэжэмкIэ Пагуэ и къуэ Нарт Щауэ и пщIэгъуалэр къышытт. ШитIыр псы ефэну къышыхэувыIэм, шы Джэмыйдэжым апхуэдизкIэ <псы> хуэлIати, псыкIэмкIэ къежэхари псыщхъэмкIэ дырищеижу ефэурэ, зигъэнцIыхуукIэ, пщIэгъуалэм ирифыну зы псы ткIуэпс блигъэжакъым.

Пагуэ и къуэ Нарт Щауэми ар игъэшIагъуэу еплъырт. Шы Джэмыйдэжым щырикъум, пщIэгъуалэри хуит хъури псым ефааш.

АтIанэ Щауейр нэбгъузкIэ къыхуеплъэкIаш Пагуэ и къуэ Нарт Щауэм.

– А си щалэ! Хэт ушыщ, хэти лАкъуэу уиIэ? – жиIэри Ща-уейр къеупщIаш Пагуэ и къуэ Нарт Щауэм.

– Пагуэ и къуэ Нарт Щауэр сэраш. Си анэжь закъуэм нэмыщи-зыри сиIэкъым, – къыриташ жэуап.

– АтIэ, укIуэжым, «Нарт гуэрим и шым кхъуэшхуэ кIэрыпхауэ ихуу сиIущIат», – жепIэнущ уи анэ. «Ар хэтыт?» – жиIэре къоупщIмэ, Къанжэ и къуэ Щауейр сэраш, уигу игъэль. Мы кхъуэ Лъакъуэ Хужыкъым нышэдигэ Ибгъу къышетхужъэри Щхъэ-гуашапщэ къэтхусауз, нарт щакIуэхэм дишхэр увыIэри, абдеж тIысыгъэ щытиIауз, си гъусэхэр къышызожъэ. Сэ мы си Джэмый-дэжым нэхъ лъэрыхуу къызэтенати, сиIущыкIэлъыкIуауз, кхъуэ-

жыыр къаахуэзукIауэ яхузохыыж. «Сыт къыуита?» – жиIэрэ уи анэ къоупщIмэ, «Мыр къызитащ», – жиIи уи анэ егъэшх, – жиIэри, Щауей хъэджэсэр къырихри, зэIэбэкIри, кхъуэ блантхъэр зэрызэфIэту къышIиупщIыкIри хъэджэсэпэм фIэлтьу къыхуишияш.

Пагуэ и къуэ Нарт Щауэр Iэбэу къышыIихым, шыри лыри псым хигъэтIысхьяш, яхуэмыIыгъыу.

– А си щIалэ, уи къару пэлтэещынукъым, – жиIэри, Iэбэри хъэджэсэпэмкIэ къыдрихьеижаш.

Псым щызэптырыкIым, адрыщIымкIэ жыгей ин къышытти, къыришэхри, жыг щхъэкIэр фIиухъуэнщIыкIри кхъуэ блантхъэр абы пиIуаш. ИутIыштыжри, жыгей иныр къызэрешхаяуэ къэнаш.

– МащIэ-мащIэурэ зэрыпхуэхъкIэ пхыуэрэ пхуэгъэIэпхуэнщ. Ильэс зыхыблкIи уи анэ фэрэ фырик'унщ, фшхыну, – къыжыриIэри, езы Щауей кхъуэ Лъакъуэ Хужыжыыр ихьри нартхэм я деж кIуэжаш.

Щауей кхъуэ Лъакъуэ Хужыжыыр ихьу нартхэм щахыхъэжым, щакIуэ тхъэмадэ Шужьеир къехъуэхъуаш:

– Тхъэм уигъэпсэу, кхъуэ Лъакъуэ Хужыжыыр тIэшIэбгъэкIакъым. Мыр уэ къышыбукIыфакIэ, ди япекIэ уэ щакIуэ тхъэмадэ ухъунущ. Сэ си нэр набгъэ хъуащи, щэкIуэнным си Iуэху хэльтыжкъым. ЩэкIуэннымкIэ си тхъэмадагъэр хабзэкIэ уэ сIэшIэпхашы, щакIуэ тхъэмадэ махуэ ухъу! – къыжыриIаш.

Нарт щакIуэ гупым кхъуэ Лъакъуэ Хужыжыыр яхьри кIуэжахэш.

Къанжэ и къуэ Щауей а нарт гупым щакIуэ тхъэмадэ яхуэхъуаш.

Пагуэ и къуэ Нарт Щауэми кхъуэ блантхъэ зэфIэтыр машIэмашIэурэ къигъэIэпхъуэри и анэм иригъэшхаш, ильэс зыхыблкIи ирикъуаш.

КАК ШАУЕЙ СТАЛ ТХАМАДОЙ ОХОТНИКОВ

В краю нартов обретался один огромный дикий кабан по прозвищу Белоногий Могучий.

Компания нартских охотников с тхамадой Шужеем решилась добыть и съесть этого Белоногого Могучего кабана и стала на него охотиться. Нарты, долго охотились за огромным кабаном, и когда они <однажды> окружили его в камышах на болоте и стали в него стрелять, Белоногий Могучий рассвирепел, засвистел, развернулся, разделил охотников надвое и проскочил между ними, оставшись неуязвимым.

Нарты пустились вслед за Белоногим Могучим, стреляя вслед ему и преследуя, стреляя и преследуя; так, они его, которого начали преследовать на восходе солнца у <местности> Ибгу (букв.: *Сбоку*), ко времени, когда утренняя роса еще не сошла, подогнали к <реке> Шхагуаше. Могучий кабан прорыл лощину Топче (букв.: *В два прыжка*) и ушел от них через реку. Нарты по пятам преследовали кабана, стреляли в него, стрелы их попадали в него, но хоть и попадали, а убить его они не могли. Так они вслед за ним переправились через Шхагуашу, и когда они направились в сто-

рону верховий Шхагуаши, тут кони их утомились, и кабан Белоногий Могучий от них ушел.

Так как лошади уже дальше не могли нести их, наорты спешились и на том месте расположились <привалом>. Тогда тхамада охоты Шужей подозвал к себе Шауя, сына Канжи, и приказал ему:

— Садись на своего Джамыдежа и, не дав уйти Белоногому Могучему кабану, догони и убей его! Я уже старик и глаза у меня слабые стали, а не то ни за что бы ему от меня было не уйти.

Случилось так, что Джамыдеж меньше других утомился, да и сам Канжа сын Шауя был из тех, на кого больше могли положиться, вот поэтому выбор и пал на него, чтобы он настиг кабана могучего.

Шауя, сын Канжи сел на своего коня Джамыдежа и пустился по следу кабана Белоногого Могучего. Едучи по следу, он вновь пересек Шхагуашу, вышел по подножию Майкопской кручи и направился в сторону Ули. Шел след до Ули и там, где Уля круто поворачивает, <Канжа сын Шауя> обнаружил могучего кабана отдыхающим в балке.

Увидев едущего в его сторону Шауя, кабан тоже встал и двинулся ему навстречу, грозя поразить клыками. Шауя, не дрогнув, дал ему приблизиться и, выстрелив из своего лука прямо в лоб, там его и убил. Стрела, угодившая ему [кабану] в лоб, пронзила и лоб, и шею, вышла через брюхо и пригвоздила кабана к земле стоя.

Шауя связал все четыре ноги кабана и понес, <взвалив> на своего коня и пристегнув его; когда он спускался по склону Майкопской кручи, его увидел Нарт Шао, сын Паго, который стоял на вершине Хаджауж и осматривал окрестности.

Нарт Шао, Сын Паго, сидящий на белом коне и сопровождаемый двумя своими борзыми, в мгновение ока догнал Шауя и занял место с левой стороны, уступив ему правую сторону, так как Шауя был старше, чем он. В сравнении с Шауеем, рядом с которым он стал, Нарт Шао, сын Паго, был подобен маленькой мухе. И его белый конь по сравнению с Джамыдежем тоже был подобен маленькой мухе.

Дорога, по которой ехали всадники, была каменистой. Ехали они так: из-под копыт белого коня Нарта Шао, сына Паго, искры разлетались, а Джамыдеж, на котором ехал Шауя, был такой тяжелый, что с каждым шагом ноги его проваливались в камни по самые коленные суставы. Конь Джамыдеж был такой величины, что ухо его было длиною в одиннадцать локтей.

Когда так они доехали до Шхагуаши, Джамыдеж остановился попить воды. Джамыдеж, на котором ехал Шауя, стоял выше по течению реки, белый конь нарта Шао, сына Паго, стоял ниже по течению. Когда так два коня стали рядом, чтобы попить воды, Джамыдеж такая одолела жажды, что он всосал в себя и ту воду, что ушла вниз по течению, и пока он не напился, белому коню не досталось ни капли.

Нарт Шао, сын Паго, дивился, глядя на это. Когда конь Джамыдеж напился, досталось и белому коню, и он тоже попил. Тогда Шауя краем глаза посмотрел на Нарта Шао, сына Паго.

— Сынок, чей ты будешь? Кто тебе роднёй приходится? — спросил он Нарт Шао, сына Паго.

— Нарт Шао, сын Паго — это я. И кроме одной матери у меня никого нет, — дал он ответ.

— Так, когда ты возвратишься, ты расскажешь матери: «Я встретил одного нарта, который нес привязанного на коне большого кабана». Когда же она спросит: «А кто это был?» <зной, что> Шауей, сын Канжи, — это я, запомни это. Этого кабана, Белоногого Могучего, мы сегодня утром погнали от Ибгу и гнали до верховьев Шхагуаши, там нартских охотников кони притомились, и там расположившиеся нарты меня дожидаются. Мой Джамыдеж оказался менее уставшим, поэтому я продолжил преследовать и убил кабана могучего и вот несу его <нартам>. Если мать спросит у тебя: «Что же он тебе дал?» ответь ей: «Вот это он дал» и угости этим мать, — сказал Шауей, <с этими словами он> достал свою хаджасу, повернулся и, отрезав целую переднюю ногу вместе с лопаткой, протянул ее на кончике хаджасы.

Когда Нарт Шао, сын Паго, потянулся и взял это, <ноги у его коня подкосились, и> конь вместе с седоком сели в воду, не будучи в силах удержать ношу.

— О, сынок, ты этого не осилишь, — сказал Шауей, протянул кончик хаджасы и вытащил их из трясины.

Когда они переправились через реку, а на той стороне рос большой дуб, Шауей пригнул его верхушку, отстряг ее и насадил на нее кабанью лопатку. Отпустил он, и огромный дуб так и остался наклоненным.

— Будешь понемногу носить <домой>, беря по столько, сколько осилишь, так <понемногу> все и перетаскаешь. Этого вам с матерью лет на шесть-семь хватит, — сказал Шауей и сам уехал к нартам, неся кабана Белоногого Могучего.

Когда Шауей возвратился к нартам и принес им кабана Белоногого Могучего, тхамада охоты Шужей сказал ему хох:

— Пусть Бог дарует тебе жизнь [спасибо тебе], ты не дал нам упустить кабана Белоногого Могучего. Раз ты сумел его убить, наперед из тебя выйдет тхамада охотников. А у меня глаза слабые стали, и отныне мне в охотничье промысле проку нет. Предводительство на охоте ты забрал у меня согласно обычаю, и да будешь ты удачливым тхамадой охотников! — так ему сказал.

Компания нартских охотников забрала кабана Белоногого Могучего и возвратилась домой. Вот так Канжа сын Шауей стал у этой компании тхамадой охотников.

А Нарт Шао, сын Паго, помаленьку перетаскал кабанью лопатку с ногой и угощал <этим мясом> свою мать. Лет на шесть-семь этого им хватило.

Печатается по: Н7. Т. V. С. 98–101. Исп. Амирхан Хавпачев: 1882 г.р., с. Кахун Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 15.06.1949 г. З. Кардангуашев. Перевод на русский язык А. Гутова.

Данное сказание известно в единственном варианте, в то же время сам мотив исполинского роста животных или персонажей весьма типичен для адыгского нартского эпоса. По представлениям носителей традиционного «эпического сознания», богатыри-нарты были по сравнению с обычными людьми такими же гигантами, как великаны-иньжи в сравнении с ними самими. Соответственным представлен и окружающий их мир, с деревьями, животными, строениями.

Герой отдает солидную часть своей добычи, следуя обычаю, строго соблюдавшемуся у охотников: у адыгов было непреложным правилом, чтобы охотник делился с любым, кого он повстречает по пути домой с охоты.

ГУЭДЗЭНХЭР

ПРИЛОЖЕНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ СКАЗИТЕЛЕЙ

- Акушев Асланчери (*Акъушын Асланчэрий*) – I: 17.
Ачегу Али (*АкIэгъу Алый*) – I: 50.
Ачегу Ибрагим (*АкIэгъу Ибрахым*) – II: 11.
Бадзев Тлостанбек (*Бадзэ Лъостэнбэч*) – II: 7.
Бевов Хамид (*Бэв Хъэмид*) – I: 9.
Беретарь Хабидат (*Бэрэтэрэ Хъабидэт*) – I: 29.
Бесиджев Саферби (*Бэсыйдж Сэфэрбый*) – I: 33.
Бжихако (*Бжыхъакъо*) (более точных сведений не обозначено) – I: 31.
Бжунаев Мухамед (*Бжыунай Мухъэмэд*) – I: 5.
Богус Тагир (*Бэгъушъэ Тлахьир*) – I: 30, 37.
Гоов Хабаша (*Гъую Хъэбашэ*) – II: 13.
Дзыгулов Жамурза (*Зыгул Жэмырзэ*) – II: 1, 6, 12.
Харох Доль (*Хъарэхъу Дол*) – I: 34.
Ехутл Адамей (*ЕхъулI Иэдэмей*) – I: 32.
Жабоев Хамурза (*Жабо Хъэмырзэ*) – I: 39; II: 5.
Казиев Хажбара (*Къазий Хъэжбарэ*) – II: 9.
Карданов Хажисмель (*Къардэн Хъэжсымел*) – I: 4, 14.
Куваев Зафес (*КIуай Зэфэс*) – I: 13.
Куваев Исмаил (*КIуай Исмахъил*) – I: 2, 18.
Курыжев Харун (*Курыжъо Хъарун*) – II: 10.
Кушу Исмаил (*Кушъу Исмахъил*) – I: 20, 41.
Кушу Муслимет (*Кушъу Мусльимэт*) – I: 6.
Кушхабиев Аслангерий (*Къущъэбий Аслыэнджэрий*) – I: 27, 38.
Мазанов Мудар (*Мэзан Мудар*) – II: 8.
Маиров Салих (*Мер Сэлихъ*) – I: 22, 36.
Мугу Нух (*Мыгу Нухъ*) – I: 19.
Патук Аслангерий (*ПатIэкъу Аслыэнджэрий*) – I: 43.
Начоев Камаца (*Нэчио КIэмацэ*) – I: № 1.
Огурлов Заубэч (*Огъурл Заубэч*) – I: 15.
Оситлов Пщимаф (*ОсылI Пицимаф*) – I: 28, 48.
Пщидаток Мадин (*Пицидатэкъо Мадин*) – I: 3.
Пщидаток Сагид (*Пицидатэкъо Сахъид*) – I: 11.
Сеинов Хачим (*Сеин Хъэчим*) – I: 23.
Семен Едидж (*Сэмэн Едыдж*) – I: 8, 47, 49.
Тарашев Багиль (*ТIэрэш Бахъил*) – I: 26.
Утижев Ильяс (*ЦутIыж Ильяс*) – I: 21.
Хавпачев Амирхан (*ХъэхъупашI Амырхан*) – II: 15.
Хагур Шаофиж (*Хъагъур Шъэофыжы*) – I: 42.
Хажоков Адам (*Хъажъеукъо Адэм*) – I: 12.
Хамтоху Аюб (*Хъамтэхъу Аюб*) – I: 40.
Хамуков Миша (*Хъэмикъуэ Мышиэ*) – I: 24.
Хапай Махамод (*Хъэнэе Мыхъамод*) – II: 2.
Хасанов Гузер (*Хъэсанэ Гъузер*) – I: 44.
Хахо Мустафа (*Хъахъо Мостаф*) – I: 16.
Хашханок Махамод (*Хъашъхъанэкъо Мыхъамод*) – I: 7.
Хутыз Тутуруг (*ХъутIыжъ Тыгъурыгъу*) – I: 19.
Чужев Мурат (*Цуҗсэ Морат*) – I: 25.
Шоров Карамурза (*Шорэ Къарэмырзэ*) – II: 4.
Нет данных – I: 10, 35, 45, 46; II: 3, 14.

УКАЗАТЕЛЬ СОБИРАТЕЛЕЙ

- Абитов М. (*АбытIэ Мухъэб*) – I: 12.
Алибеков А. (*Албэч Iэуес*) – I: 9, 47; II: 8.
Атажукин К. (*ХъэтIохъуцокъуэ Къазий*) – I: 10.
Аутлева С. (*Аулъэ Сарет*) – I: 17.
Ашинов А. (*Іашынэ Абубэчыр*) – I: 15.
Ашхамаф Д. (*Іашхъэмэфэ Дауд*) – I: 13.
Багов Н. (*Багъ Нурбий*) – I: 29.
Бахов Е. (*Бахъукъо Ерэджыб*) – I: 33.
Бичоев А. (*БицIо Аслъэн*) – I: 1, 5, 14.
Водождокова Х. (*Одэжьдэкъо Хъаджемэт*) – I: 20, 41.
Гадагатль А. (*ХъэдэгъэлIэ Аскэр*) – II: 2.
Гутов А. (*Гъут Iэдэм*) – II: 7.
Дахужева Л. (*Дэхъуҗъ Л.*) – I: 28.
Джамурзаев С. (*Жамырзей Сүфян*) – I: 21.
Дюмезиль Ж. (*Дюмезиль Жорж*) – I: 31.
Кардангушев З. (*КъардэнгъуцI Зырамыку*) – I: 4, 44, 50; II: 1, 6, 12, 15.
Керашева З. (*КIэрэцэ Зэйнаб*) – I: 7.
Киримов М. (*Чэрим Мухъэз*) – I: 27, 32, 38, 43.
Меркицкий Р. (*Меркицэ Рэшид*) – I: 34.
Набокова Н. (*Набэкъо Н.*) – I: 48.
Налоев З. (*Нало Заур*) – I: 22, 23, 24, 26, 36, 39; II: 4, 5.
Пшидаток М. (*Пшидатэкъо Мадин*) – I: 3.
Схаляхо А. (*Шхъэлэхъо Абубэчыр*) – I: 11.
Схаляхо III. (*Шхъалэхъо Щамсэт*) – I: 6.
Тлюстен Ю. (*Лъэустэн Юсыф*) – I: 8, 30, 37, 49; II: 11.
Унарокова Р. (*Унэрэкъо Рай*) – II: 10.
Хуажев М. (*Хъуажъ Мыжъамод*) – I: 2.
Хут Ш. (*Хъут Щамсудин*) – I: 19.
Цей И. (*Цэй Ибрахъим*) – I: 18, 40.
Шишева Н. (*Шыщэ Н.*) – I: 42.
Шогенов Х. (*Шоджсан Хъэзеш*) – II: 9.
Штымов С. (*Штым Сэрэбий*) – II: 13.
Щеуджэн Я. (*Щэуджсан Яхья*) – I: 16.

Нет данных – I: 25, 35, 45, 46; II: 3, 14.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ ТЕКСТОВ

- Ассоколай (*Аскъэлае*) – I: 30, 37.
Аушигер (*Аушыиджэр / Дыгъуужыкъуей*) – I: 39; II: 5, 7.
Афипсип (*Афыпсын*) – II: 11.
Бесленей (*Беслъэней / Тхъэстыкъуей*) – I: 4, 5, 14.
Вочепший (*Очэпщий*) – I: 3, 6, 7, 11, 20, 41.
Дейское (*Дейскэ / Мэртэзей*) – I: 9.
Джамбечий (*Джамбэчье*) – I: 33.
Джиджихабль (*Джэджэхъаблэ*) – I: 19.
Егерухай (*Еджэркъуае*) – I: 17, 25.

Жемтала (*Жэмтхъэлэ*) – II: 1, 6, 12.
Кахун (*Къэхдун*) – II: 15.
Кошехабль (*Күэшхъэблэ*) – I: 12.
Кфар-Кама (Израиль) – I: 16.
Майкоп (*Мыекъуап*) – I: 42.
Малка (*Малкэ / Ашэбей-Хъэжыхъэблэ*) – I: 1.
Мамхег (*Мамхыгъ*) – I: 43.
Нартан (*Нартан / Къэлышибийхъэблэ*) – I: 23, 24; II: 8.
Нечерезий (*Нэчэрэзые*) – I: 29.
Париж (Франция) – I: 31.
Плановское (*Плановскэ / Ботэшней*) – I: 27, 38; II: 9.
Понежукай (*Пэнэжсыкъуае*) – I: 32.
Псибе (*Псыбэ*) – I: 50.
Псыгансу (*Псыгуэнсу / Жанхъуэтхъэблэ*) – I: 26, 44.
Пчегатлукай (*Пчыхъэллыкъуай*) – I: 8, 40, 47, 49.
Старая Крепость (Баксан) (*Бахъсэн*) – II: 13.
Старый Урух (*Старэ Урыху / Хъэтуюй*) – I: 21.
Старый Черек (*Старэ Шэрэдж / Дохъушыкъуей*) – I: 22, 36.
Урупский (Шхащефиж) (*Шъхъащэфыжь*) – I: 15, 28, 48.
Урух (*Урыху / Къуэгъулъыкъуей*) – II: 4.
Хакуринохабль (*Хъакурынэхъаблэ*) – I: 2, 13, 18.
Хатукай (*Хъатикъуае*) – II: 2.
Хачемзий (*ХъакІэмъизье*) – II: 10.
Шенджий (*Щынджые*) – I: 34.

Нет данных – I: 10, 35, 45, 46; II: 3, 14.

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВОДИМЫХ СЛОВ

Альп (*алъп / алп*) – порода легендарных лошадей, обладающих фантастическими свойствами.

Ay (*Iэу*) – междометие со значением удивления.

Ахират (*ахърэм*) – потусторонний мир.

Ахратуко (*ахърэтыкъуэ / ахърэтыкъу / ахърэтыкъо*) – букв.: *ахърэм* – загробный мир, *-къо* – сын – приемный сын, который был призван в загробном мире стать заступником за мужчину, не породившего своего сына.

Баджина (*бэджынэ / бэджын*) – традиционное адыгское блюдо, разновидность каши.

Бысым (*бысым*) – хозяин, принимающий гостя.

Гомыла (*гъюэмымэлэ / гъомымыл / гъомымэлэ*) – съестные припасы, собираемые на дорогу или на любой случай временного отсутствия дома.

Гуаша (*гуашэ / гуашц*) – 1) покровительница, богиня; 2) княгиня; 3) старшая женщина в доме; 4) чучело, кукла.

Джегу (*джэгү*) – игрище с застольем, пением, плясками, состязаниями и другими развлечениями.

Джин-Джин (*Джын-Джын*) – значение слова однозначно не объясняется. Возможно, это мифический топоним, обозначающий некую местность, почитаемую как сакральная.

Джирщ (*Джырщ*) – эпический топоним.

Еблага / еблаг (*еблагъэ, къеблагъэ / еблагъ, къеблагъ*) – букв.: будь близким / будь гостем – традиционная этикетная формула приглашения гостя в дом.

«Еле» (*«Елэ»*) – ритуальная песня, исполняемая хороводом вокруг пораженного молнией или у места, куда угодил удар молнии.

Зеко (*зекIуэ / зекIo*) – поход, наезд, путешествие.

Зиусхан (*зиусхъэн / зиусхъан*) – букв.: господин. Во многих текстах используется в исходном значении слова: Зи уз схъин – Чьи болезни я на себя возьму.

Казицир уц (*къазиширудз / къазицируц*) – низкорослая трава семейства клеверовых: «горец птичий», «спорыш».

Катль-гутль (*къалъкбулъ / къэлъ-гулъ*) – трава, произрастающая на сенокосах: «донник желтый», «донник лекарственный». Считается лекарственной и для животных высококалорийной.

Кумган (*къубгъан*) – водолей, сосуд для омовения.

Лагуна (*лэгтунэ / лэгтун*) – 1) комната новобрачных; 2) женская половина дома.

Мазытха (*Мэзытхъэ (Пицымэзытхъэ) / Мэзытхъ*) – языческий персонаж, покровитель лесов и охоты в адыгской мифологической системе.

Маиса / маита (*маисэ / маис / маитэ*) – меч особой закалки, с особыми свойствами; секира.

Маржэ / мардж (*маржэ / мардж*) – междометие со значением призыва.

Мыжура (*мыжурэ*) – колющее оружие в ранних текстах, позже, с появлением огнестрельного оружия, – штык.

Намазлык (*нэмэзлыкъ / нэмазлыкъ*) – молельный коврик у мусульман.

Ныш / ныш (*ныш / ныш / нышы*) – жертвенное животное в честь гостя.

Папыш (*папыш*) – нарядная обувь знатных дам, по стилю напоминающая босоножки.

Пхаваки / пхацуаки (*пхъэ вакъэ / пхъэцуакъэ*) – подчеркнуто высокая деревянная обувь, подобие древнегреческих котурн, ношение их было прерогативой знатных особ.

Пхапшина (*пхъэ пишынэ / пхъэпишын*) – смычковый музыкальный инструмент, род скрипки со специально приделанной ножкой, что делает инструмент более звучным.

Пшарых (*пишрыхъ / пицэрыхъ*) – 1) оруженосец при рыцаре-наезднике; 2) меткий охотник; 3) дичь; 4) повар.

Псыж / Пшиза (*Псыжэ / Пшизэ*) – адыгское название реки Кубань.

Пшина / пшина / (пишынэ / пицинэ) – общее собирательное название группы музыкальных инструментов, включая гармошку, а также струнные смычковые и щипковые хордофоны.

Пщаражыпа (*пицэрыхъпанIэ*) – кухня.

Пщищана (*Пщищанэ*) – видимо, один из притоков Кубани.

Самыр (*самыр*) – порода охотничьих собак, борзая.

Сано (*санэ*) – хмельной напиток, приготавливаемый и выдержи-

ваемый длительное время в большом сосуде. При созревании он обра- зует несколько слоев, каждый из которых имеет свое название – «свет- лое сано», «красное сано», «темное сано» и пр. Первые три считаются престижными, причем из них самое почитаемое – это «светлое сано».

Талай (*тэлай*) – мера времени, соответствует словосочетанию «не- которое время».

Татартуп (*Тэтэртуп*) – башня и часовня на правом берегу реки Терек, место поклонения у восточных адыгов.

Тен (*Тэн / Тенэ*) – адыгское название реки Дон.

Теого (*теуэгъуз / теогъо*) – мера длины, равная одному переходу, то есть расстоянию между двумя привалами всадника в пути.

Тха (*Тхъэ*) – 1) букв.: *бог*: общее нарицательное имя бога, а также одно из собственных имен верховного божества в адыгской мифологии; 2) мера длины.

Уашхо (*Уашхъуэ / Уашхъо*) – космическое божество в языческом пан- теоне адыгов.

Уд (*уд / уды*) – колдун, колдунья, ведьма.

Усарежс (*Уэрсэрыжь / Уэррэжъ*) – ведун, предсказатель.

Фазахоч (*ФэзэхъуэкI*) – букв.: *меняющая внешность, облик, цвет*.

Хабар (*хъыбар / къэбар*) – известия, вести, предания.

Хагирей (*хэгъэрэй / хэгъырэй*) – принимающий гостя, хозяин.

Хантхупс (*хъэнтхъупс / хъантхъупс*) – суп, похлебка.

Хатэ-хасэ (*хэтIэ-хэсэ / хэч-хас*) – богатырская забава (поединок), при которой соперники поочередно поднимают друг друга и вгоняют в землю.

Хачеш (*хъэшIэш / хвакIэш*) – комната или отдельный дом для гостей.

Хеу (*Хъыу*) – название речушки, которая впадает в р. Черек. Чаще всего упоминается в цикле об Андемиркане.

Хомух / фамыф (*хуэмыху / фэмыф*) – ленивый, нерасторопный, не-ловкий, несообразительный.

Хох (*хъуэхъу / хъохъу*) – благопожелание, один из популярных жанров адыгского фольклора.

Хуабашыпс (*хуабицIыпс*) – архаизм, *похлебка*, специально приго- тавливаемая для тех, у кого случился перелом реберных костей.

Хуара / фара (*хуарэ / фарэ*) – лошадь чистокровной породы.

Чинтия / Чиртия (*Чынт / Чырты*) – эпическая страна племени чинт / чирт, которое в адыгской версии нартского эпоса чаще пред- ставлено как враждебное племени нартов.

Шабий (*шабий*) – травянистое растение «коротконожка перистая»; мягкая трава, которую адыги использовали для подстилки.

Шаог (*щауэгъу*) – друг, друзья, принявшие на себя обязательства в верности друг другу.

Шишхамыгаза (*шишхъэмымыгъазэ*) – букв.: «не поворачивающий коня назад» – лихой, храбрый.

Яраби (*ярэби*) – междометие со значением удивления (сомнения).

НОТЭ ГҮЭДЗЭНХЭР

НОТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

НАРТ БЭДЫНОКЬУЭ (ШЭБАТАНЫКЬО) И ПШЫНАЛЬЭХЭР
ПЕСНИ О НАРТЕ БАДИНОКО (ШАБАТАНЫКО)

**БЭДЫНОКЬУЭ НАРТ 20. БАДИНОКО ПРИЕЗЖАЕТ
ХАСЭМ КЬОКИУЭ НА ХАСУ НАРТОВ**

КАВАРДИНСКАЯ ВЕРСИЯ

$\text{♩} = 120$ Кзыхээзы_бээм (Запевала)

I

1. Уэ_уи, уэ_ум, уэ_уи, уэ_уи, нарт_ хэ ди Бэ_ды_но_ къуэ...
Ежью (Все)

2. Нарт_ хэ ди лы и_ къу_ гъэ...
3. Чын_тыр зи ныкъуэлкъуэ_ гъуи...
4. Хъэр_хуэ_рэгъу и ба_ щэ...
5. И зы пкъыгъуари пкъыгъуи_щэ!

Уэ_ри_ре, уэ_ри_ре, уа_ ри_ре!
Уэ_ри_ре, уэ_ри_ре, уа_ ри_ре!
Уэ_ри_ре, уэ_ри_ре, уа_ ри_ре!
Уэ_ри_ре, уэ_ри_ре, уа_ ри_ре!

6. Уэ_уи, уэ_уи, уэ_уи, уэ_уи, и зе_ кіузн(ы)ри къышо_ хъэ.
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!

7. Иш_ми уа_ нэ т(ы)рель_ хъэ...
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!

8. Шы_ ны_ бэлх(ы)ри щелкъу_ зэ...
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!

9. Зэ_щле_ къу_зэ_ ри но_ шэс_ къэ.
 III
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!

10. Уэ_уи, уэ_уи, уэ_уи, уэ_уи, нарт_ хэ ди Бэ_ды_но_ къу...
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!

11. Нарт_ хэ ди лы_и_ къу_ гъэ...
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!

12. Лы_хур ныдо_шэ_ сык(ы) - ри.
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!

13. Шы пэ_бзийм къ(ы).ри_ ху - мэ...
 У_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!

14. Гъэгу на_пщэр е_ лы - гъэ.
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!

15. Хъэ са_ мыр кла_ гуи_ т1(ы).ри ...
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!

16. И бгъи_тым що_джэ_ гу_ мэ.
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!

17. И бгъэ гъэ_ са_ гъи_ т1(ы).ри ...
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!

18. И щхъэм що_ фэ_ ра - зэ _ мэ.
 IV
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!

19. Уэ_үи, уэ_үи, уэ_үи, уэ_үи,
 нарт_ хэ ди Бэ_ды_ но - къэ!
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!

20. И да - мэ лъэ - ны_къуэ - ми...
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа - ри_ре!

21. Дыгъэш_хуэр къы - що_ псы - мэ,
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа - ри_ре!

22. И да - мэ лъэ - ны_къуэ - ми...
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа - ри_ре!

23. Уэ - сы_шхуэр къы_ що - с(ы).мэ.
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа - ри_ре!

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ (XXXIV-ая) ТИРАДА

385. Уэ_уи, уэ_уи, уэ_уи, уэ_уи, нарт - хэ ди Бэ_ды_но - къуэ...
 Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа - ри_ре!

386. Нарт - хэди лы и_къу - гъэ... Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ри_ра!

387. Нарт - хэ гъуалзэу къахо_ нэ! Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ри_ра!

**ШЭБАТЫНЫКЬЮ НАРТ 21. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКИО НА ХАСУ НАРТОВ**
ФРАГМЕНТ: ОН ЗАЕЗЖАЕТ К КРАСАВИЦЕ КОНДАЙ
БЖЕДУГСКАЯ ВЕРСИЯ

I

J = 80
Кзыхэзыдзэрэм (Запевала) *[3]*

1. Нарт Шэ - ба - ты - ны - къя (уой - рэ
Жъыу (Все)

уо)... 2. Нарт тэу лы и - къу - гъа...
и-

3. Хъэз гъу - фэ - гъу бэ - ши...
и!

4. Хъа - фы - ны - чъэ шы - уа (уо)...
и!

5. (Уо) шыу - мэ у - ря - гъуа - за!
и!

6. (Уо) гъуа - зэ къы - ры - дэ - кы (а)!
и!

II

7. (А) Пиши_ зэ_ и_ и- кы_ гъо_ хэ_ ри (yo)...
и!
И-

8. (Уой- ра) шы- чэ- пэп- сэу фэ- мы_ хъуи (yo).
и!
И-

9. (Уой- ра) псы- хъо- цы- клы клы- лу- хэр...
и!
И-

10. (Уой- ра) шып- хэ- кыим зы- ре- дзэу (yo).
и!
И-

11. (Уой- ра) и- лъэ- ры- гъы- цы- кло- ри...
и!
И-

12. (А- рэ- да, ра) кы- шы- зэ- бле- хъу (yo).
и!
И- [и!]

**ШЭБАТЫНЫКЬО НАРТ 22. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКИО НА ХАСУ НАРТОВ**

ФРАГМЕНТ: ОН ЗАЕЗЖАЕТ К КРАСАВИЦЕ АГУАНДЕ

БЖЕДУГСКАЯ ВЕРСИЯ

Кзыхэзыдзэрэм (Залевала)

J=60-80

1. Нар_ ты Шэ_ ба_ ты_ ны_ къу...
Жызыу (Все)
удары в ладоши

2. Шэ_ ба_ ты_ ны_ къо_ пышы_ ри...
Уо_ рэ, Уо_ рэ_ да!

3. Пышы_ мэ_ я_ лы_ я_ гъэ_ ри...
Уо_ рэ, Уо_ рэ_ да!

Хъа_ гъу_ шъу_ гъу_ бэ_ шэ_ ри...
Уо_ рэ, Уо_ рэ_ да!

3. Яб_ гэр_ и_ шы_ хъэ_ фы_ ри...
Уо_ рэ, Уо_ рэ_ да!

**ЩЭБАТЫНЫКЬО НАРТ 23. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКИО НА ХАСУ НАРТОВ**

**ФРАГМЕНТ: ОН ВСТРЕЧАЕТ В ПУТИ САТАНАЙ,
И ОНА ПРИГЛАШАЕТ ЕГО К СЕБЕ**

ШАПСУГСКАЯ ВЕРСИЯ

J=102 Кзылхээзыдээрэм (Запевала)

1. Нартэ о Щэба тыны къуай...
Жэыу (Все)

2. Нартэо лы и къу гъэшь о...

3. Хъа гъу фэгъу хэри зи бэ шла...

4. Ебга шэхэри зи хъа фы!

5. (Уэ уи) мэ къу фэри зи пчышь хъа...

6. (Уэ уи) я лы е хэр зи ла ща...

II

7.(Уэ - уи) тхъа - щэ_рып - хэр зи_ гъу - са!
ую! Ри - ра - рэш,

8.(Уэ - уи) и - мы - гъу.сэ_хэ_ри е - хъул - са.
ую! Ри - ра - рэш,

9.(Уэ - уи) лы хъол - са - гъо - уи мэ - зе - кло...
ую! Ри - ра - рэш,

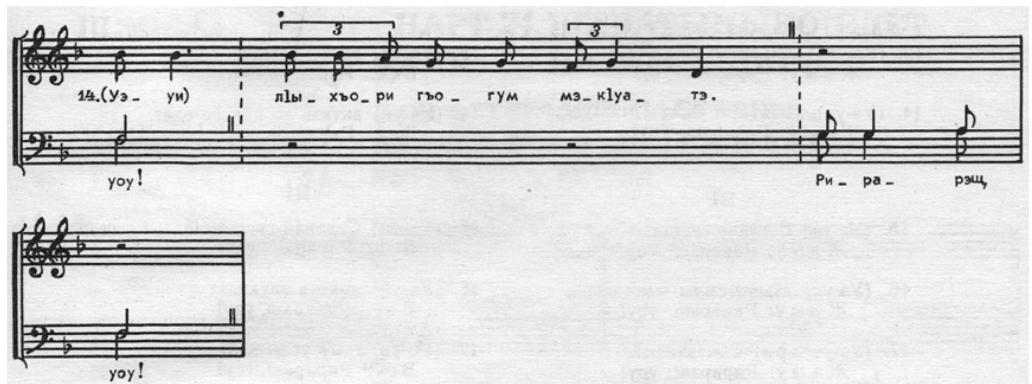
10.(Уэ - уи) нарт - мэй а - пэ - зе - кло - жьа.
ую! Ри - ра - рэш,

11.(Уэ - уи) шыб - гэ - мэ те - гъэ - кы - кый.
ую! Ри - ра - рэш,

12.(Уэ - уи) кы - чы - сы - чы ма - кы - хэр...
ую! Ри - ра - рэш,

13.(Уэ - уи) лы - хъу - мэ хи - гъэ - ly - кэ - о...
ую! Ри - ра - рэш,

с 5403 в

**ШЭБАТЫНЫКЬО НАРТ 24. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКИО НА ХАСУ НАРТОВ**

**ФРАГМЕНТ: ОН ВСТРЕЧАЕТ ПАСТУШКУ,
КОТОРАЯ НАПРАВЛЯЕТ ЕГО К ДОМУ АЛЕДЖЕВЫХ**

БЖЕДУГСКАЯ ВЕРСИЯ

$\text{J}=80-86$

Кэыхэзыдзэрэм (Залевала)

I

Жэыу (Все)
Ай рэ- ра,
1. (Er) Шэ- ба- ты- ны- къо,
Шэ- ба- ты- ны- къо- пща...
Ай рэ- ра!
Ай рэ- ра!

Примечание. Во время звукозаписи певцы начали чередовать партию запевалы и партию хора («жэыу») в традиционной форме только начиная со второй мелодии, а при исполнении первой мелодии они еще не спелись и путались в чередовании обеих названных вокальных партий:

1. (Er) Шэ- ба- ты- ны- къо
(ай рэ- да)...
Шэ- ба- ты- ны- къо- пща...
Ай рэ- ра,
Ай рэ- ра!

В связи с этим в 3, 4 и 5-й тактах публикуемой выше аналитической нотации внесены необходимые корректировки в квадратных скобках.

2. Пши - мэ у - ря - гъяз о.
Ай рэ - ра!

Гъуа - аэ къы - ры - дэ - къы.
Ай рэ - ра!

3. Те - нэ и - и - къы - гъо - хэ - ри...
Ай рэ - ра!

Шы - чэ - пэпс фэ - мы - хъуа.
Ай рэ - ра!

4. Лъэ - ры - гъы - нэ - пси - тъу - хэр...
Ай рэ - ра!

(Ра) къы - щы - ээ - бле - дзы.
Ай рэ - ра!

**ШЭБАТЫНЫКЬО НАРТ 25. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЕМ МАКЮ НА ХАСУ НАРТОВ
ФРАГМЕНТ: ОН ВСТРЕЧАЕТ ПАСТУХОВ**

БЖЕДУГСКАЯ ВЕРСИЯ

$\text{♩} = 72$

Къылхэзыдзэрэм (Запевала)

I

1. Нарт Шэ - ба - ты - ны - къо - ба...
Жыгу (Все) Уа - ри - ра!

2. Ер зи - нэ - къо - къо - гъу - ба...
Уа - ри - ра!

3. Хъе - гъуз - шыу - гъу - бэ - шы - ба...
Уа - ри - ра!

4. Шу зы - па - мы - шы - жы - рэ!
Уа - ри - ра!

$\text{♩} = 80$

15-19 МЕЛОСТРОФЫ II-ой ТИРАДЫ

15. Дул - ду - лым къы - ре - хы - ба.
Уа, уа - ри - pay, pay!

16. И хъэ - са - мы - ри - т्यу - ри...
Уа, уа - ри - рэу, рэу!

17. Бгъуи - тъум щэ - чэ - рэ - зы - ба...
 Уа, уа - ри - рэу, рэу!

18.(A) бгъаш - хъо лэ - си - тъу - ри...
 Уа, уа - ри - рэу, рэу!

19. юшъ - хъа - гъым щэ - фар - ээ - ба!
 Уа, уа - ри - рэу, рэу!

ПЩЫ БЭДЭНОКЬУЭ НАРТ 26. ПШИ БАДИНОКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКИУЭ НА ХАСУ НАРТОВ
ФРАГМЕНТ: ОН ВСТРЕЧАЕТ ПАСТУХОВ

ЧЕРКЕССКАЯ ВЕРСИЯ

$\text{♩} = 100$

Къыкъаззыдзэм (Запевала)

Къыкъаззыдзэм (Запевала)

Ежъу (Все)

Ей - ра!

Уо - ра - ра - ра!

Уо - ро!

1. (Уэ) пщы Бэ - дэ - но - къуэ (щэу)...

Ей - ей!

Нарт - хэ 1э - хъуэ - шы - хъуэр - къэ...

Ей - ей!

Нарт - хэ я вы - хъуэ - жь(ы) - ри...

Ей - ей!

(Рэ) бгы - щхъэ - ми къи - тыр - къэ.

Ей - ей!

Примечание. Обе партии — запевалы и хора («ежъу») — пел один исполнитель.

з. (Уэ) пиши Бэ_ дэ_ но_ къуэ_ ри...

Бгы лъаб_жъэм щы_ зо_ къуэр_ къэ...

Нарт_ хэ Бэ_ дэ_ но_ къуэр_ къэ!

Ей_ ей_ ей!

**ЩЭБАТЫНЫКЬО НАРТ 27. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКИО НА ХАСУ НАРТОВ**

ФРАГМЕНТ: ОН ВСТРЕЧАЕТ ПАСТУХОВ

ШАПСУГСКАЯ ВЕРСИЯ

$\text{♩} = 88$

I

1. (Уо - рэ - да - рэ) нарт Щэ - ба - ты - ны - къо - ра...

(Уо - рэ - да - рэ) нар - тэу лы и - къу - гъэ - ри...

(Уо - рэ - да - рэ) хъа_ гъу - шъу - гъу бэ - ши_ я...

(Уо - рэ - да - рэ) а хъа - фы - чэ - ри шыу - ба!

2. (Уо - рэ - да - рэ) щы_ уш - хом зе - ў - зэн - къы - ри...

(Уо - рэ - да - рэ) щы_ пхэ - кым зы - ре - ты - я...

3. (Уо - рэ - да - рэ) Те - нэ къы - ри - гъуа - зэ - ри...

(Уо - рэ - да - рэ) Пши - зэ къы - ри - да - хъэ - ри...

4. (Уо - рэ - да - рэ) нарт - мэ я чэ - ма - хъо - ми...

(Уо - рэ - да - рэ) зы - къы - ы - ре - гъа - кэ - ри.

**ЩЭБАТЫНЫКЬЮ НАРТ 28. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКИО НА ХАСУ НАРТОВ**

ФРАГМЕНТ: ОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ
ШАПСУГСКАЯ ВЕРСИЯ

J = 72
Кзыхэзыдээрэм (Запевала)

Жэмыг (Все)

Шичапшина

Уой - ра, ай,

ай!

Уо - ри - рап - рэ,

уй!

Уо, уой,

1. (Уо - рэ - дэ - уо) нар - ты Щэ - ба - ты - ны - къю - уи (уо - уи) ...

ай!

Уо - уи,

(Уэ_ рэ_ дау_ рэ) Щэ_ ба_ ты_ ны_ къо_ пщэ_ уи (yo_ ui)...
 ай! уо_ ui,

(Уа_ рай_ да_ рэ) пшы гу_ щэу хъа_ гъу_ шъу_ гъу_ уи (yo_ ui)...
 ай! уо_ ui,

(Уэ_ рэ_ дау_ рэ) хъа_ гъу_ шъу_ гъу_ бэ_ шлэ_ уи (yo_ ui)...
 ай! уо_ ui,

(Уэ_ рэ_ дэ_ рэ) яб_ гэ_ шлэр зи_ хъа_ фы_ я (yo_ ui)...
 ай! уо_ ui,

(Уа_ рай_ да_ рэ) хъа_ фын_ чэ_ ри_ щэ_ уи_ я (yo_ ui)!
 ай! уо_ ui, ай!

**ШЭБАТЫНЫКЬО НАРТ 29. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКИО НА ХАСУ НАРТОВ
ФРАГМЕНТ: ОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ**

БЖЕДУГСКАЯ ВЕРСИЯ

I

Кзылхаззыдзэрэм (Залевала)

Жээу (Все)
Ей - ра!

Я - уэ - рэй - дэ, уой - рэ уоу, уоу!
А - е - я!

Уоу - ра!
Я - уэ - рэй - дэ, уой - рэ уоу, уоу!

II

1. Нар - ты Шэ - ба - ты - ны - къо, хъа - гъо - шъу - гъо бэнш...
Я - уэ - рэй - дэ, уоу, уоу, уоу!
А - е - я!

2. Е - мы - бъу - кло шы - у - мэ, а хъа - фын - чъэ шыу...
Я - уо - ри - дэ, уоу, уоу, уоу!
Уоу, Уоу!

3. Гъуа - ээ укъы - ры - дэ - къы - мэ, Тэ - нэ шы - ре - уахъ.
 Я - уо - ри - дэ, уоу, уоу, уоу! Ей - ей!

II

4. Пиць - ээ гу - щэ и - и - къы - гъо - хэр... шы - лъа_ла - гъо фэ - мыхъу.
 И - и, и - и, и - е - е! А - я - я!

5. Е - зы - гу - жы нэ - къы - мэ... (а) зы - къы - ре - гъахъ.
 Я - уо - рей - дэ, уоу, уоу, уоу! Ай - ра, ра!

Я - уэ - рей - дэ, уоу, уоу, уоу!

**ЩЭБАТЫНЫКЪУЭ НАРТ 30. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКИУЭ НА ХАСУ НАРТОВ**
ФРАГМЕНТ: ОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ
КАБАРДИНСКАЯ ВЕРСИЯ

J=84
Къытхэзыдзэм (Залевала)

I

Уей, Жъыту (Все)

уей, уей, уей, уей, уей!

Уэ_ рай_ дэ, рай_ дэ, уа_ ре_ да!

Уа_ ре_ да!

1. Нарт Щэ_ ба _ ты - ны - къуэ - ри, уа - ре - да...

Уа_ ре_ да!

2. Чын - тэр ны - къуэ - къуэ - гъу - тэ - къэ, уа - ре - да...

Уа_ ре_ да!

3. Хъэ - гъу - фы - гъуз бэнц - ти, уа - ре - да...

Уа_ ре_ да!

4. Яб - гэн щы - хъэху - ти, уа - ре - да...

Уа_ ре_ да!

5. Хъэ - хун - чэ шу - ти, уа - ре - да!

Уа_ ре_ да!

II

8.-{Уэ) хъэ - мэ къиль - хуа - ти, уа - ре - да...

уа - ре - да!

7. Шы тхъуэ - жыр щэфш - къэ, уа - ре - да!

уа - ре - да!

8. Уа - нэ къыс - ху - тэф - лъхъэ - тэ - къэ, уа - ре - да!

уа - ре - да!

III

9. Шы тхъуэ - жыр щла - ш(ы) - ри, уа - ре - да...

уа - ре - да!

10. Уа - нэ ху - т(ы) - ра - лъхъэ - тэ - къэ, уа - ре - да!

уа - ре - да!

11. Нар - ты - шхуз шу - ти, уа - ре - да...

уа - ре - да!

12. А - ри мэ - шэ - с(ы) - ри, уа - ре - да!

уа - ре - да!

**ЩЭБАТЫНЫКЪО ЯТЭ А. ШАБАТЫНЫКО ПЫТАЕТСЯ
ЗЫУКЫГЪЭМ ЫЦІЭ УЗНАТЬ ИМЯ
КЬЫШІНЭУ ҮУЖ ИТ УБИЙЦЫ ОТЦА**

ШАПСУГСКАЯ ВЕРСИЯ

=96 Кзыхэзыдзэрэм (Залевала)

I

1. (Уэ... рэ... дэ... рэ) нарт Щэ... ба... ты... ны... къо... я...
Жээыу (Все)

2. (Уэ... рэ... дэ... рэ) нарт лы... и... къу... гъэ... я...

3. (Уэ... рэ... дэ... рэ) лы... и... къу... гъэ... ба... шэ... я...

4. (Уэ... рэ... дэ... рэ) е... бга... шэр эн... хэ... фы... я!

Уа... рэ, уэ... рэ-дэ!

Уа... рэ, уэ... рэ-дэ!

Уа... рэ, уэ... рэ-дэ!

Уа... рэ, уэ... рэ-дэ!

**ШЭБАТЫНЫКЬО НАРТ Б. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКИО НА ХАСУ НАРТОВ**
БЖЕДУГСКАЯ ВЕРСИЯ

$\text{♩} = 80$

I

1. (A) нарт Шэ_ ба_ ты_ ны_ къо_ я (уо)...

(Ай, ай) нар_ т(ы)мэ я яъэ_ къо_ гъуд (а)...

2. (A) хъа_ гъу_ фэ_ гъу_ бэ_ шла (а)...

(Ай) яб_ гэ_ хэр эн_ шы_ хъа_ фа (а)...

(А) ар_ хъа_ фы_ чъэ_ шы_ уа (а)...

**ШЭБАТЫНЫКЬО НАРТ В. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКИО НА ХАСУ НАРТОВ**
ФРАГМЕНТ: ОН ВСТРЕЧАЕТ ПАСТУХА
АВАДЗЕХСКАЯ ВЕРСИЯ

J=72

I

1. (Уэ - рэ - дэ, уэ - рэ - дэ) нар - ты Шэ - бат - ны_къо - уи...

(Уэ - рэ - дэ, уэ - рэ - дэ) ер зи - на - къо - къо - гъо - уи...

(Уэ - рэ - дэ, уэ - рэ - дэ) хъэ - гъу - фы - гъу - бэ - шы - ри...

2. (А - ра - дэ) хъа - фы - ны - чъэ шы - о - уи...

(А - ра - дэ) Тэ - нэ зэп - рэ - кло - шы - шы.

(А - ра - дэ) нар - тым я - лэ - хъо - жы - ми...

-(А - ра - дэ) бэхъу - ап - щэу! - къы - ре - ло - зы.

II

3. (А - ра - дэ) зы - шъхъэ ты - мы - лъэ - гъо - уи...

(А - ра - дэ) зи - гу - гъум ти - гъа - лъэ - уи...

(А - ра - дэ) се - блэ - гъэ - нэу зы - пю - кэ...

(А - ра - дэ) ти - мэ - лэ - уи пщэ - ры - хэр...

(А - ра - дэ) уи - хъа - кэ ны - шэ - уи...

ПСАЛЬЦХЭХЭР СОДЕРЖАНИЕ

Былхурэ М.Ф., Гут И.М. Бэдынокъуэрэ Щауейрэ ехъэлла хъыбархэмэрэ шыналъехэмэрэ	7
А.М. Гутов, М.Ф. Бухуров. Нартские сказания о Бадиноко и Шауе в фольклоре адыгов	17

Япэ Йыхъэ Бэдынокъу (Пшибадинокъу, Шабатыныкъо)

Часть первая Бадиноко (Пшибадиноко, Шабатыныко)

1. Бэдынокъуэ къызэралъхуар	28
Рождение Бадиноко	31
2. Шэбатныкъо икъэхъуГэр	35
Рождение Шабатныко	37
3. Нарт Шэбатныкъо икІэлэгъор	39
Юность нарта Шабатныко	45
4. Бэдинокъуэ зэрагъэжайуэ щыта гүшэ уэрэд	52
Колыбельная, которой укачивали Бадиноко	53
5. Бэдынокъуэ чынтым зэрэзэуар	55
Как Бадиноко сражался с чинтами	56
6. Нарт Шэбатныкъо икъэхъуКI	59
Рождение нарта Шабатыныко	62
7. Нарт Шэбатныкъо икъэхъуКI. Орзэмэдж къызэригъэнэжьыгъэр ..	67
Рождение нарта Шабатыныко. Как он спас Орзамеджа	70
8. Нарт Шэбатныкъо икъэхъуКI. Ятэ къызэригъэнэжьыгъэр	74
Рождение нарта Шабатныко. Как он оставил отца в живых	77
9. Нарт Пши Бадинокъуэ и япэ ежъэ	81
Первый выезд нарта Пши Бадиноко	83
10. <Пшибадинокъо>	87
<Пшибадиноко>	102
11. Нарт Шэбатныкъо ипшиналь	110
Пшинатль о нарте Шабатныко	113
12. Щэбатыныкъуэ и уэрэд	117
Песнь о Шабатыноко	121
13. Шэбатыныкъо ипшиналь	125
Пшинатль о Шабатыныко	132
14. Нарт Пши Бэдэнокъуэ	139
Нарт Пши-Баданоко	141
15. Нарт Шэбатыныкъо ипшиналь	143
Пшинатль о нарте Шабатыныко	145
16. Нат Шэбатыныкъу	147
Нат Шабатынук	149
17. Нарт Шэбатыныкъо иорэд	151
Песнь о нарте Шабатынук	153
18. Нарт Шэбатыныкъу	155
Нарт Шабатынук	157

19. Нарт Шэбатныкъо Іалэдж яунэжъ къызэрэкІуагъэр	161
Как Шабатныко приезжал в старый дом Аледжей	162
20. Шэбатныкъо Нарты къээрэкІуагъэмрэ Саусырыкъо къызэрэригъэшагъэмрэ	163
Как Шабатныко приезжал в Нартию и как он женил <нарта> Саусырыко	166
21. Нарт Сосрыкъуэрэ Пщы Бадинокъуэрэ зэрызэнныкъуэкъуам и хъыбар	169
Сказание о том, как спорили нарт Сосруко и Пши-Бадиноко	171
22. Бэрдынокъуэ и хъыбар (Жыы хъуар бгым щыдзын хабзэр зэригъэкІуэдар)	174
Сказание о Бардыноко (Как был упразднен обычай сбрасывания старцев со скалы)	178
23. Бэдын и къуэ Бэдынокъуэ и хъыбарыжъ (И адэр ЖыыукI хасэм къызэрэришижамрэ бгым щыдзын хабзэр зэригъэкІуэдамрэ)	183
Старинное сказание о Бадыноко, сыне Бадына (Как он спас отца от Хасы убienia стариков и как отменил обычай сбрасывания стариков со скалы)	186
24. Бэдынрэ Бэдын и къуэмрэ я хъыбар	190
Сказание о Бадыне и сыне Бадына	192
25. Нарт Шэбатныкъо ишыналъ	195
Пциннатль о нарте Шабатныко	196
26. Нарт Пщы Бэдинокъуэ и хъыбар (Хасэм зэрыкІуамрэ Лъэпиц и пхъур къызэрэрашамрэ)	198
Хабар о нарте Пши Бадиноко (Как он на хасу ездил и как у Тлепша дочь отбирала)	201
27. Нарт Пщы Бэдэнокъуэ и хъыбар (Псэлъыху зэрыкІуамрэ нарт Сосрыкъуэр зэрыIэицIэкІуэдамрэ) ...	204
Хабар о нарте Пши Баданоко (Сватовство Баданоко и гибель нарта Сосруко от его руки)	207
28. Шэбатныкъонартымэашыпхъукъызэрищагъэр.....	210
Как Шабатныко женился на сестре нартов	212
29. Шэбатныкъо Іэкуандэ дэжъ къызэрэкІуагъэр	214
Как Шабатныко к Акуанде приехал	219
30. Нарт Шэбатныкъо къызэрищагъэр	224
Как женился нарт Шабатныко	226
31. Шэбатныкъо Куандэ къызэрищагъэр	227
Как Шабатныко женился на Куанде	228
32. Нарт Пщыбэдынокъуэ Агуандэ лъыхъуну зэрыкІуар	229
Как нарт Пшибадиноко ездил свататься к Агуанде	231
33. Шэбатныкъо Іэкуандэ дэжъ псэлъыхъо зэрыкІогъагъэр	232
Как Шабатныко ездил свататься к Акуанде	234
34. Нарт Шэбатныкъо Іэкондэ-дахэ дэжъ къызэрэкІогъагъэр	236
Как нарт Шабатныко приезжал к Акуанде красавице	238
35. Пщыбадинокъуэ ФэзэхъуэкI-гуашэр къызэришар	240
Как Пши Бадиноко женился на Фазахоч-гуаше	241
36. Пщы Бэрдынокъуэ и хъыбар (Пщи Бэрдынокъуэрэ Малчыпхъурэ)	244
Сказание о Пши Бардыноко (Пши Барданоко и Мальчилик)	246

37. Нарт Шэбатныкъо къызэрищагъэр	248
Как нарт Шабатыныко женился	253
38. Нарт Пызы Бэдэнокъуэ и хъыбар	259
Сказание о нарте Пши Баданоко	262
39. Нарт Хъыжъэ и хъыбарыжъыр	266
Старинное сказание о нарте Хыже	277
40. Нарт Шэбартыныкъорэ Чэчанэкъо Чэчанрэ	288
Нарт Шабартныко и Чачаныко Чачан	325
41. Нарт Шэбатныкъорэ Чэчанэрэ	364
Нарт Шабатныко и Чачана	369
42. Нат Щэбатынэкъорэ Чэчаныыкъо Чэчанрэ	373
Нат Щабатыноко и Чачана сын Чачаны	376
43. Пызы Бэдэнокъуэрэ Чаушырэ я хъыбар	379
Сказание о Пшибаданоко и Чаусе	383
44. Нарт Сосрыкъуэ, Ерыхъшу, Щабатыныкъуэ сымэ я хъыбар	387
Сказание о нартах Сосруко, Ерыхьшу и Шабатнуко	391
45. Бэдэнокъуэ бажафэр Сосрыкъуэ къызэрыфИхъар	397
Как Бадиноко в споре отобрал у Сосруко лисью шкуру	403
46. Бэдэнокъуэрэ Сосрыкъуэрэ	410
Баданоко и Сосруко	413
47. Пызы Бадинокъуэ и къуэдыжыкIар	417
Гибель Пши Бадиноко	418
48. Нарт Шэбатныкъо икIодыкI	420
Гибель нарта Шабатныко	420
49. Нарт Шэбатныкъо икIодыкI	421
Гибель нарта Шабатныко	424
50. Щэбатыныкъо илПакI	426
Гибель Шабатыныко	429

ЕтIуанэ Йыхъэ Щауей

Часть вторая Щауей

1. Дэбэч, Дэбэч и къуэ Къуагуэ, Къуагуэ и къуэ Къэрэштуей сымэ я хъыбар	433
Сказание о Дабече, сыне Дабеча Куаго, сыне Куаго Карапашуе ..	437
2. Нарт КъанджIалыгуджэ-гуашэ къызэрищагъэр	442
Как нарт Кандж женился на Алегудже-гуаше	444
3. Къанжэ и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэ	448
Щауей, сын Канжа, единственный сын Нарибгей	452
4. Къанж и къуэ Щауей и хъыбар (Щауей и къэхбукиэр, Щауейрэ и хъэцIэмрэ)	457
Сказание о Щауее, сыне Канжа (Рождение Щауя, Щауей и его гость)	460
5. Нарт Щауей и хъыбар (Щауейрэ и хъэцIэмрэ)	465
Сказание о нарте Щауее (Щауей и его гость)	473
6. Нарт Къэрэштуей бгъэжь Ан-акъ иукIыу ЩхъэцыфIэ дахэр къызэришам и хъыбар	481

Сказание о том, как нарт Каравауей убил могучего орла Ан-ака и женился на красавице Шхацифе	484
7. Шу лъагъуэ. Къэрэшыуей и лъагъуэ	488
Путь всадника. Путь Каравауея	488
8. Сосрыкъуэ, Насрэн, Къанжэ и къуэ Щауей, Нэрыйгейм и къуэ закъуэ сымэ я хъыбар	489
Сказание о Сосруко, Насыране, Шауее сыне Канжа, единственном сыне Нарыбгеи	491
9. Щауей, Сосрыкъуэ, Насрэн ЖъакІэ сымэ я хъыбар	493
Сказание о Шауее, Сосруко и Насырен-Жаке	496
10. Нарт Шъэуае икІэлэгъум къехъулІэгъэ къэбар	500
Кабар о том, что приключилось с нартом Шауаем в молодости	505
11. Нат Шъэуае шыкъэфыжь зэрэдэкІогъагъэр	510
Как нат Щауай поехал возвращать похищенных лошадей	512
12. Нарт Къэрэшыуей фыз къызэришам и хъыбар	515
Сказание о том, как нарт Каравауей женился	519
13. КланцІэ и къуэ Щауей и хъыбар	524
Сказание о сыне Кянча Шауее	526
14. Нарт ТлотІрэшрэ Щауейрэ зэрызэхуэзар	529
Как повстречались нарт Тотреш и Шауей	532
15. Щауей щакІуэ тхъэмадэ зэрыхъуар	536
Как Шауей стал тхамадой охотников	538
Гуэдзэнхэр	542
Приложения	542
Указатель сказителей	543
Указатель собирателей	544
Указатель мест записи текстов	544
Словарь непереводимых слов	545
Нотэ гуэдзэнхэр	548
Нотные приложения	548

Научное издание

АНТОЛОГИЧЕСКИЙ СВОД АДЫГСКОГО ФОЛЬКЛОРА

НАРТЫ. АДЫГСКИЙ ЭПОС

Том 3

БАДИНОКО. ШАУЕЙ

На адыгском и русском языках

Научные редакторы:

Бухуров М.Ф., Гутов А.М. (главный редактор), Табишиев М.А.

Составление, перевод, комментарии тома:

*Бухуров М.Ф., Гутов А.М. (руководитель группы),
Налоев З.М., Табишиев М.А., Ципинов А.А.*

Компьютерная верстка Гоновой А.Х.
Техническое редактирование Гоновой А.Х.

Подписано к размещению 1.09.2020 г.
Формат 70x108 1/16. Гарнитура Century Schoolbook
Усл. печ. л. 51. Заказ № 258.

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 424697
E-mail: kbigi@mail.ru
Подготовлено к размещению Редакционно-издательским отделом ИГИ КБНЦ РАН